Встрѣча в. к. Павла Петровича съ Фридрихомъ II въ Берлинѣ въ 1776 году.

Съ гравюры того времени Бергера.

Дозв. ценз. спб., 25 сентября 1886 г. Типографія А. С. Суворина.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ XXVI

1886

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

1886

СОДЕРЖАНІЕ ДВАДЦАТЬ ШЕСТАГО ТОМА.

(ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ).

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ:

ТАЙНОВИДЕЦЪ.

(Разсказъ изъ русскаго быта XVIII столѣтія [1]).

ВЪ ПОДМОСКОВНОМЪ селѣ-имѣніи маіора Дубровскаго, у воротъ одного крестьянскаго двора, на скамьѣ, сидѣло нѣсколько деревенскихъ бабъ. День былъ воскресный, ясный, лѣтній. Время было между выходомъ народа изъ церкви отъ обѣдни и крестьянскимъ обѣдомъ. По случаю воскреснаго дня, бабы одѣты были попраздничному, т. е. ихъ нарядъ отличался отъ будничнаго бо̀льшею пестротою. Бабы, ради препровожденія времени, лузали подсолнечныя сѣмечки и болтали между собою о своихъ семейныхъ дѣлахъ. Одна изъ сидѣвшихъ у воротъ бабъ, лѣтъ за тридцать съ виду, недурная собою, но сильно заѣзженная работою, какъ выражаются крестьяне, передавала товаркамъ разсказъ о приключеніи, бывшемъ у нея въ семьѣ.

— Было то,—говорила она,—въ тотъ годъ, какъ умеръ покойный государь Петръ Алексѣевичъ и у насъ въ церки сорокоустъ правили; такъ въ этотъ годъ, дѣло было уже осенью, недѣли за двѣ, а можетъ быть, и за три до Дмитревой субботы. Хозяинъ мой молотилъ на гумнѣ, сынишка нашъ старшій, Максимка, гдѣ-то

---

[1]) Этотъ разсказъ найденъ при разборѣ рукописей Н. И. Костомарова и обязательно сообщенъ редакціи его вдовой, которой приносимъ нашу искреннюю благодарность за то, что она даетъ намъ случай еще разъ, совершенно неожиданно, украсить «Историческій Вѣстникъ» статьей и именемъ нашего незабвеннаго историка. Тэма разсказа «Тайновидецъ» не вымышлена, а заимствована изъ подлиннаго дѣла Тайной Канцеляріи, выписки изъ котораго находятся при черновой рукописи Н. И. Ред.

на дворѣ бѣгалъ, я же въ избѣ качала маленькую Стешку въ колыбелькѣ, а меньшой нашъ сынишка Петрушка, трехъ годовъ по четвертому годочку, тутъ же около меня вертѣлся. Слышу я вдругъ, около двери кто-то возится, какъ будто такой, чтò не умѣетъ двери отворить; я крикнула: кто тамъ? А изъ-за двери послышалось: «Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ!» Я говорю: аминь! Тутъ дверь отворяется, входитъ въ избу человѣкъ, одѣтъ въ черномъ, сказать бы, монахъ и не монахъ, не очень старъ, не очень молодъ, на плечахъ у него большая котомка, а другая на груди поменьше — сумка; вошелъ, снялъ шапку, помолился Богу, глядя къ образамъ, да прямо идетъ къ Петрушкѣ: погладилъ его по головкѣ, вынулъ изъ сумки мѣдный крестъ съ распятіемъ, перекрестилъ имъ ребенка и говоритъ: «Возьми это, малецъ, молись предъ нимъ утромъ и вечеромъ, и ночью, не лѣнись, вставай и молись. Благослови тебя, Боже! Тутъ судьба твоя, знай!» Потомъ обернулся онъ ко мнѣ и поглядѣлъ на меня жалостно, жалостно и говоритъ: «Тебѣ, молодушка, недолго маяться на этомъ свѣтѣ! Но ты не скорби, слыша это. Житіе сіе на землѣ скорбь единая. Есть иное житіе, получше здѣшняго. Какъ умрешь, такъ сама тогда увидишь, а теперь чтò тебѣ говорить объ этомъ, хоть говори, хоть не говори, — все равно не поймешь! А потому не поймешь, что ни языкомъ разсказать, ни мыслію смекнуть того, чтò съ человѣкомъ станется послѣ его смерти. И дѣтки твои — вонъ тотъ мальчишка подростокъ, чтò тамъ на дворѣ ходитъ, и эта, чтò въ колыбели лежитъ, пойдутъ туда же еще прежде тебя: всѣхъ троихъ васъ Господь приберетъ. Останется одинъ вотъ этотъ малецъ; крестъ ему въ житіи дается большой: такъ Богъ судилъ! Тяжело ему будетъ нести крестъ этотъ, да за то награда ему будетъ отъ Бога паче васъ!» Гляжу я на него, а меня ажно страхъ беретъ! Чтò оно, думаю, такое? Слушаю его рѣчь, а сама вся дрожу, какъ въ лихорадкѣ. Только, наконецъ, я перемогла себя и говорю: «Садитесь, почтенные, гости будете, я вотъ позову моего хозяина». А онъ мнѣ въ отвѣтъ: «Не надобно, я уже все сдѣлалъ, за чѣмъ приходилъ. Прощайте». Да съ этимъ словомъ шасть къ дверямъ. Я кричу: «Да куда же вы, подождите, хозяинъ придетъ: отъ насъ милостыню на церковь примите по нашему достатку». Онъ какъ будто не слышитъ — и за двери. Я бросилась за нимъ, отворила двери, а тутъ хозяинъ мой идетъ въ избу, ворочается съ гумна. Я спрашиваю: «Видалъ ты монаха, или чтò онъ такое, Богъ его знаетъ, входилъ сюда?» — «Никакого монаха и никого не видалъ», — отвѣчаетъ мой Михайло. «Я, — говоритъ, — сейчасъ съ гумна: коли бъ онъ былъ у насъ въ избѣ, то я бы съ нимъ не могъ разминуться». Оно и точно. Гумно-то у насъ вонъ гдѣ, за дворомъ, противъ воротъ. Туда надобно со двора черезъ эти самыя ворота идти. Чудно, право! Я разсказала мужу, чтò говорилъ этотъ прихожій невѣдомый

человѣкъ и какъ Петрушѣ крестъ далъ. Мой Михайло почесалъ себѣ затылокъ, вошелъ въ избу, перекрестился и говоритъ: «Что-то чудотворное! Ей-ей, святъ мужъ, видно, тебѣ являлся. Вишь ты, не вѣсть куда и подѣлся! Такъ ты говоришь, онъ сказалъ, что тебѣ недолго на свѣтѣ жить?»—«Да, и мнѣ, говорю, и Максимкѣ, и дѣвочкѣ нашей—всѣхъ скоро Господь приберетъ къ себѣ. А Петрунькѣ обѣщаетъ жить подолѣе, только несчастливо!» — «Счастья-то намъ куда ждать,—говоритъ тогда Михайло.—Не по нашему званію и состоянію счастье дается на свѣтѣ. Въ трудахъ живи да въ печаляхъ. Ѣшь хлѣбъ ржаной да еще иногда съ мякиной, да слезами его смачивай! Одна всѣмъ дорога! Какъ помремъ, тамъ ужъ не будетъ ни печали, ни труда. Лежи въ сырой землѣ до страшнаго суда, ничто тебя не потревожитъ! Ну, только этотъ невѣдомый человѣкъ приходилъ по волѣ Божіей!» — А Петрунька крестомъ играетъ, показываетъ его тятѣ! Малое дитя! Крестъ блеститъ, а ему весело и забавно. Любуется, не разумѣетъ, противъ чего оно есть. У креста мѣдное ушко. Отецъ взялъ у меня снурочекъ да зацѣпилъ за ушко и надѣлъ Петрунькѣ на шею. «Ну, носи крестъ,—говоритъ,—коли Богу угодно было послать его тебѣ». Вотъ ужо тому четыре года будетъ о Дмитріевѣ съ той поры, какъ это сталось. Петрунька все передъ нимъ Богу молится. Не то что утромъ вставши и вечеромъ спать ложась,—часто и ночью проснется, сниметъ съ шеи крестъ, поставитъ передъ собой и поклоны кладетъ. А намедни говоритъ отцу: «Тятя, ты меня отдай учиться грамотѣ, я хочу читать умѣть такъ, какъ дьячокъ въ церкви читаетъ». А въ церковь ужъ какъ охочъ ходить: какъ только заслышитъ звонъ, сейчасъ бѣжитъ. А вотъ передъ сырною недѣлей, вставши ночью, все молился, молился, да, видно, ужъ изнемогъ и заснулъ, а проснувшись, говоритъ: «Я во снѣ видалъ своего ангела-хранителя, такой свѣтлый, свѣтлый, и показываетъ мнѣ три гроба рядышкомъ, какъ бы висятъ ни на чемъ не повѣшенные; въ одномъ гробѣ Степанидка сестра лежитъ, въ другомъ—братъ Максимка, въ третьемъ гробѣ—мама. И свѣчи передъ ними стоятъ, передъ каждымъ гробомъ по три свѣчи». Богъ его знаетъ, что̀ оно такое есть. Только вотъ что чудно. Не дождались мы и свѣтлаго праздника, чтобъ разговѣться, а на страшной недѣлѣ въ среду Степанидка померла. Недолго болѣла, а померла. Ну, что̀ вы на это скажете? Мужикъ, что̀ входилъ къ намъ въ избу и не вѣсть гдѣ дѣлся, говорилъ, что намъ троимъ помирать, а Петрунька во снѣ три гроба видалъ съ нашими тѣлами, и вотъ же Степанидка отошла къ Богу.

— Да вы-то еще, слава Богу, всѣ пока живы.

— Держитъ Богъ по грѣхамъ!—сказала Ирина (такъ звали бабу-разсказчицу).—Во всемъ Божія воля. Не хотѣлось бы умирать, еще не стара, а какъ угодно Богу будетъ; что̀ подѣлаешь: хоть

не радъ, да будь готовъ. Послѣ праздника нашъ Петрунька благимъ матомъ кричитъ: «Отдавай, тятя, учиться».—«Да ты еще малъ!»—говоритъ отецъ.—«Нѣтъ,—кричитъ Петрунька,—отдавайте, пока всѣ живы, а то вы скоро помрете, а я дуракомъ останусь». Мой Михайло поговорилъ съ дьячкомъ; мы и послали Петруньку къ дьячку учиться. За цѣлковый рубль на годъ сторговались. И что жъ? Полгода еще не прошло, а Петрунька ужъ бойко читаетъ. Да какъ любитъ читать! Не то что у дьячка съ другими дѣтьми, что̀ у него учатся, читаетъ,—еще и домой придетъ, книжку съ собой принесетъ, да все читаетъ. Иные ребята его возроста играть охочи, а онъ все читаетъ, да такъ вотъ слеза у него на книжку и падаетъ!

Такъ разсказывала Ирина Вичина, Михайлова жена, про своего Петруньку. Осенью, въ началѣ сентября въ семьѣ, ихъ произошло несчастное приключеніе. Сынокъ Максимка погналъ гусей на рѣчку, да какъ-то упалъ въ воду и утонулъ. Вытащили его изъ воды, дали знать земской полиціи. Ярыжки признали, что малый утонулъ самъ, не утопленъ, и похоронили Максимку. Горько убивались за нимъ отецъ и мать. Ирина говорила: «Вотъ и другой поспѣлъ: какъ предрекъ чудный мужиченокъ, такъ и сталось! Взялъ Богъ Степанидку, взялъ и Максимку. Теперь за мной чередъ остался»!

— Пусть во всемъ будетъ воля Господня,—сказалъ со вздохомъ Михайло.

Остались родители съ однимъ Петрунькой. Онъ все продолжаетъ учиться у дьячка. Часословъ прошелъ и псалтирь читаетъ, уже и надъ мертвымъ читаетъ вмѣсто дьячка, своего наставника. Досталъ Петрунька Новый Завѣтъ, принялся читать его преусердно, многаго не пойметъ, толкуетъ ему дьячокъ, сколько стаетъ умѣнья и знанія. Очень полюбилась Петрунькѣ книга эта. Приходитъ съ нею домой и говоритъ родителямъ: «Вотъ книга, такъ книга! Это всѣмъ книгамъ книга! Самого Господа Іисуса Христа дѣла и рѣчи тутъ выписаны. Здѣсь и про Максимку, и про Степанидку есть. Видите, вонъ къ Господу Іисусу Христу привели дѣтей; тутъ стоявшіе около Господа не хотѣли ихъ допускать къ Нему, а Господь говоритъ, чтобъ дѣтей къ Нему допустили, потому что дѣтямъ положено царствіе Божіе. Такъ видите ли, Максимкѣ и Степанидкѣ хорошо теперь, они у Бога въ Его царствіи. И про себя я здѣсь нашелъ: «Иже, говорится, кто хощетъ по мнѣ ити, да отвергнется себе и возьметъ крестъ свой и по мнѣ грядетъ»! А мнѣ вотъ и посланъ крестъ. Тотъ мужичокъ, что̀ приходилъ къ намъ и далъ мнѣ крестъ,—то мой ангелъ-хранитель въ видѣ мужичка являлся. У насъ у всѣхъ есть свой ангелъ-хранитель, оттого и канонъ ангелу-хранителю написанъ». И начнетъ Петрунька читать изъ Новаго Завѣта, а самъ плачетъ; и родители, слушаючи сынка,

тоже себѣ заплачутъ: хоть и мало что понимаютъ, за то чувствуютъ.

Прошелъ еще цѣлый годъ. Петрунька научился совсѣмъ читать не только церковную печать, но и гражданскую, и пишетъ бойко. Не по лѣтамъ смышленъ. Читаетъ священное писаніе, иное у дьячка, а то и у священника спроситъ, а иное самъ толкуетъ.

Но тутъ вдругъ захворала Ирина. Проболѣла она съ мѣсяцъ и Богу душу отдала. Чтò за недугъ ее положилъ во гробъ, объ этомъ никто не доискивался, потому что врача не было: деревенскаго простонародія врачи тогда не лѣчили. Остался Михайло Вичинъ вдовцемъ съ однимъ сынишкою Петрунькою. Остался и Петрунька сиротою безъ матери. Обоимъ было тяжело, но не отецъ утѣшалъ сына, а сынъ отца. «Маму,—говорилъ онъ,—Богъ къ себѣ взялъ. Ей тамъ у Бога будетъ хорошо, лучше, чѣмъ здѣсь».

— А ты съ Богомъ разговаривалъ, что ли, что знаешь, что ей тамъ хорошо?—спрашивалъ отецъ.

— А какъ же?—сказалъ Петрунька:—въ Евангеліи Божія рѣчь. Блажени, говорится, нищіе духомъ, блажени кроткіе, блажени плачущіе, а мама была бѣдная, кроткая, ничего никому дурнаго не дѣлала, все терпѣла, только плакала.

Еще прошло нѣсколько времени. Петрунькѣ уже десять лѣтъ исполнилось. Тутъ отецъ его Михайло заболѣлъ. Бабы-ворожейки говорили, что животъ себѣ надорвалъ непосильною работою. Промаялся Михайло мѣсяца четыре и умеръ, оставивъ Петруньку круглымъ сиротою.

Помѣщикъ, обыкновенно проживавшій въ Москвѣ, пріѣхалъ временно въ свое имѣніе и, узнавъ, что крестьянинъ его Михайло Вичинъ умеръ, а сынишка его одинъ остался, приказалъ взять его во дворъ. Когда ему донесли, что мальчикъ выучился хорошо грамотѣ, баринъ позвалъ его къ себѣ, проэкзаменовалъ, погладилъ по головкѣ и приказалъ быть при поварѣ на кухнѣ.

Сирота живетъ подъ началомъ повара Аверкія. Онъ на побѣгушкахъ, носитъ дрова, воду, печь затапливаетъ, присматривается къ изготовленію кушаньевъ, чтобъ со временемъ самому стать поваромъ. Между тѣмъ, Петрунька почти каждую ночь встаетъ и молится передъ своимъ мѣднымъ распятіемъ; какъ только улучитъ свободное время, читаетъ Новый Завѣтъ и всегда при этомъ плачетъ. Сначала дворня издѣвалась надъ нимъ, говорила, что онъ такъ зачитается и съ ума спятитъ, но мало-по-малу Петрунька самъ сталъ оказывать вліяніе на тѣхъ, кто рѣшался слушать его. Онъ не только вслухъ читалъ священное писаніе, но и толковалъ прочитанное, и такъ утѣшительно для своихъ слушателей, что нѣкоторые вслѣдъ за чтецомъ и сами плакали. Онъ—блаженненькой,—говорили про него. Между тѣмъ онъ выросталъ; наступалъ ему уже шестнадцатый годъ. Онъ былъ очень красивый молодецъ:

прекрасные, темнорусые вьющіеся въ кудри волосы, чорные огненные глаза, правильныя черты лица. Женская дворня стала съ нимъ заигрывать, хоть и смѣялась надъ нимъ. Но онъ отъ всякихъ игръ отбивался и руками, и ногами. «Вамъ бы,—говорилъ онъ имъ,—все только бы игры да смѣхи, да забавы, а о томъ не помыслите, чтò послѣ смерти будетъ! А вѣдь рано ли, поздно, а прійдетъ время, когда Богъ потребуетъ къ себѣ»!

— Вишь ты, какой монахъ проявился! Молодёхонекъ еще, зеленъ больно!—говорили, смѣясь, дѣвки.—Къ покаянію зоветъ! Будетъ еще время покаяться, а пока молоды, тутъ-то пожить и повеселиться надоть.

— Будетъ время!—говорилъ имъ Петрунька:—хорошо, коли будетъ время! Развѣ можетъ знать кто нибудь изъ насъ, когда позоветъ его Господь! Не однихъ старыхъ онъ зоветъ на тотъ свѣтъ; вы на то не уповайте, что еще молоды: и молодыхъ беретъ къ себѣ Господь. Прійдетъ часъ пришествія Его невѣдомо когда. Прійдетъ Онъ нежданно. Вдругъ прійдетъ, когда вы не ждете, не чаете и встрѣчать его неготовы, какъ тѣ дѣвы, чтò ждали жениха, а масла въ лампады не купили: пришелъ женихъ въ полунощи и заперся съ тѣми мудрыми дѣвами, у которыхъ было масло и не погасли лампады, а тѣ, чтò масло пошли покупать, приходятъ, стучатся, а имъ уже нѣтъ входа. И съ вами того бы не сталось. Прійдетъ Господь, заберетъ къ себѣ тѣхъ, у кого есть свѣтъ, а у васъ свѣтильники погасли, вы сидите во тьмѣ, и двери не отворятся для васъ.

Слушая такія рѣчи, однѣ дѣвки смѣялись и острили насчетъ дѣвъ со свѣтильниками, но другія вздыхали и послѣ говорили: «Божественное говоритъ; таковъ ему Богъ таланъ далъ».

Былъ у помѣщика во дворѣ садовникъ, пришлый человѣкъ, родомъ курченинъ, но поступилъ къ Дубровскому назадъ тому лѣтъ десять и все у него жилъ. Былъ онъ съ виду степенный, почтенный мужикъ, грамотѣй и на виду зѣло благочестивъ. Помѣщикъ полюбилъ его и назначилъ быть старостою при церкви. Узнавъ, что Петрунька все читаетъ Новый Завѣтъ, этотъ грамотѣй, по имени Акинѳій, по прозвищу Сычовъ, сблизился съ нимъ и сталъ его спрашивать:

— Ты, молодецъ, весь Новый Завѣтъ читаешь?

— Весь,—отвѣчалъ Петрунька.

— И Апокалипсисъ читалъ?

— Читалъ.

— И понимаешь все въ Апокалипсисѣ?

— Нѣтъ, не понимаю.

— Ну, такъ ты многаго, многаго не знаешь и не смыслишь. Апокалипсисъ, сирѣчь откровеніе, зане тамъ открыто грядущее: что впередъ станется на этомъ свѣтѣ, все тамъ означено, самимъ

Господомъ открыто любимѣйшему ученику Господню, Іоанну Богослову, на островѣ Патмосѣ. Оттого и зовется откровеніе. Только не всякій можетъ уразумѣть то, что тамъ сказано, а только тотъ, кто станетъ того достоинъ. Написано: не мечите бисера передъ свиньями, да не попрутъ его ногами. Отъ этого и откровеніе это написано такъ, что его не уразумѣетъ такой, чтò, какъ свинья, можетъ его ногами потоптать, а только тотъ, кто достигнетъ такой чести молитвою и постомъ. Вотъ въ главѣ XIII говорится: «Видѣхъ изъ моря звѣря исходяща, имуща главъ седмь и роговъ десять и на розѣхъ его вѣнецъ десять, а на главахъ его имена хулна». Какъ думаешь, молодецъ, что сіе означаетъ?

Петрунька отвѣчалъ:—Не знаю.

— Ну, а вотъ опять въ XIV главѣ: «Паде, паде Вавилонъ градъ великій, зане отъ вина ярости любодѣянія своего напои вся языки». А въ XVII главѣ: «Покажу ти судъ любодѣйцы великія, сѣдящія на водахъ многихъ, съ нею же любодѣяша цари земстіи и оупишася живущіи на земли отъ вина любодѣянія ея, и видѣхъ жену, сѣдящу на звѣри червленѣмъ, исполненѣмъ именъ хулныхъ, иже имѣяше главъ седмь и роговъ десять. И жена бѣ облечена въ порфѵру и червленицу, и позлащена златомъ и каменемъ драгимъ и бисеромъ, имущи чашу злату въ руцѣ своей, полну мерзости и скверны любодѣянія ея. И на челѣ ея написано имя: тайна Вавилонъ великій, мати любодѣйцамъ и мерзостемъ земскимъ». Ну, это что, какъ думаешь, молодецъ?

— Не знаю,—отвѣчалъ Петрунька.

— То-то не знаешь! А оно здѣсь противъ чего-то написано, противъ такого, что когда-то произойдти должно. Не понимаешь?

— Не понимаю.

— Мало жъ тебѣ открылъ твой ангелъ-хранитель, чтò къ тебѣ являлся. А тутъ отъ великія мудрости слово написано апостоломъ Христовымъ, который, по Божію промыслу и по данной ему отъ Бога благодати, провидѣлъ то, что будетъ черезъ многія тысячи лѣтъ, да написалъ такъ, что простоумные люди по Божію писанію слухомъ услышатъ, а не уразумѣютъ, и очима увидятъ, и не узрятъ, а дастся разумѣть сіи словеса только тѣмъ, кто сдѣлается того достоинъ. Коли желаешь, я тебѣ объясню, только съ такимъ договоромъ: никому о томъ, что отъ меня услышишь, не говорить, а то тутъ дѣло такое, что если проболтаешься, то и самъ пропадешь и меня въ пучину потянешь. Вотъ слушай: что про звѣря, изъ моря исходяща, тутъ написано, такъ это царь Петръ, чтò не такъ давно умеръ, чтò море паче всего любилъ и корабли для морскаго плаванія созидалъ: оттого-то онъ звѣрь, изъ моря исходящъ. А семь роговъ на головѣ у звѣря, такъ это—семь царей, чтò передъ Петромъ царствовали: первый былъ Иванъ Васильевичъ, чтò Грознымъ прозванъ, мучитель лютъ былъ, второй—Ѳедоръ

Ивановичъ, сынъ его, третій —Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ, четвертый — Василій Ивановичъ Шуйскій, что разстригу Гришку уничтожилъ, пятый—Михайло Ѳедоровичъ Романовъ, шестой—Алексѣй Михайловичъ, седьмой — Ѳедоръ Алексѣевичъ. А десять вѣнцовъ на головахъ звѣря—то десять царей, что послѣ Петра должны воцариться. Послѣ десятаго уповательно антихристъ будетъ, а затѣмъ пріидетъ Господь Іисусъ Христосъ судить живыхъ и мертвыхъ. А Вавилонъ градъ, любодѣица, сѣдящая на водахъ, такъ это — Питербурхъ городъ, что на водѣ построенъ, а любодѣица съ чашею златою, исполненною мерзостей—это... это»... при этомъ Сычовъ сталъ говорить шопотомъ: — «это, — смотри никому ни гугу, — это — государыня Анна Ивановна! А купцы земстіи, что отъ силы пищи ея разбогатѣша, какъ сказано въ XVIII главѣ того же Апокалипсиса, — то показуетъ объ откупщикахъ компанейцахъ, что она, государыня, указала отдать имъ на откупъ кружалы и прочее, отъ чего они разбогатѣли.

Петрунька слушалъ со вниманіемъ; разсказъ возбуждалъ его любопытство, но онъ самъ не зналъ, вѣрить или не вѣрить тому, что ему сообщали, и молчалъ въ недоумѣніи. Сычовъ прервалъ молчаніе и говорилъ:

— Я тебѣ, молодецъ, нагуторилъ такого, что и самъ теперь въ страхѣ; если бъ лихой человѣкъ это услыхалъ да закричалъ: «слово и дѣло»!.. А знаешь ли ты, что это за страсть такая — «слово и дѣло»? Это такое, что если на кого закричатъ «слово и дѣло», тотчасъ того схватятъ и повезутъ въ Тайную, а въ той Тайной творится надъ людьми такое, что отъ одного слуха о томъ волосы на головѣ поднимутся и по всему тѣлу словно кошки скресть начнутъ!

Слышанное отъ Сычова гвоздемъ застряло въ головѣ у Петруньки, и думаетъ онъ: кабы ангелъ-хранитель снова явился хоть бы во снѣ, да сказалъ: правда ли тому, что наговорилъ мнѣ человѣкъ этотъ объ Апокалипсисѣ! Нѣсколько сутокъ онъ молился, чтобъ ему Богъ послалъ этого ангела-хранителя открыть — вѣрить ли ему, или не вѣрить слышанному толкованію. Но время проходило: ангелъ-хранитель не являлся ни на яву, ни во снѣ. Петрунька повѣдалъ про свое желаніе Сычову.

Грамотѣй говорилъ: — Если бъ ты могъ всю ночь провести въ церкви одинъ на молитвѣ, то, можетъ быть, тамъ увидалъ бы ты ангела-хринителя.

— Будто?

— Да. Только это страшное дѣло. Люди говорятъ, легче на кладбище ночью пойдти, чѣмъ въ церковь одному ночью. И точно. Діаволъ яко левъ рыщетъ, искій кого поглотити, наипаче творитъ пакости людямъ, когда они предаются молитвѣ. Если бъ ты могъ зайдти въ ночное время одинъ въ церковь, діаволъ не преминулъ бы отвращать тебя отъ молитвы страхами мечтательными, но аще бы

ты превозмогъ діавольское искушеніе, то узрѣлъ бы великое откровеніе. Былъ такой случай: нѣкій мужъ восхотѣ въ церкви всю нощь пребыти, молитву творя, — и великія страстованія быша ему, обаче той вся превозможе и даже до разсвѣта помолися, тогда узрѣ небеса отверзта и ангелы Божіи, восходяще и сходяще съ небеси...

— Ахъ, какъ мнѣ...

— А ты бъ не побоялся?

— Съ Божіею помощію чего бояться? Вѣдь ты говорилъ, что діавольскія устрашенія — одни мечтанія, а въ храмѣ Божьемъ — святыня! Она сильнѣе козней діавольскихъ. Я не страшусь; я вѣрую въ силу святости дома Господня, въ немъ же приносится безкровная жертва и въ немъ же хранится тѣло и кровь Господа нашего. Какъ бы только въ церковь ночью зайдти! Священнику развѣ сказать и его попросить, чтобъ дозволилъ остаться на ночь въ церкви?

— Не моги этого дѣлать. Не позволитъ, да еще безумнымъ почтетъ. А то еще хуже, разболтаетъ смѣха ради, а народъ глупый тебя за колдуна сочтетъ. Да и попъ нашъ не черезчуръ уменъ!

— А не сдѣлать ли такъ: будетъ скоро андреево стояніе, вечеромъ люди въ церкви будутъ. Я пойду въ церковь, а какъ люди послѣ служенія станутъ выходить, я останусь въ церкви. Вы меня рано тамъ запрете, а утромъ рано отопрете и выпустите.

— Эка! что выдумалъ! — сказалъ Сычовъ. — А какъ кто прежде меня тамъ тебя завидитъ, да поймаютъ тебя, и будутъ спрашивать: кто научилъ тебя, — ты на меня покажешь!

— Нѣтъ, дядюшка, не покажу, великъ Богъ, не покажу... Не скажу никому, что ты про это извѣстенъ былъ.

— То-то не скажешь! Присягни на образѣ, что не скажешь никому, что я тебя на это научилъ; хоть бы тебя мукамъ предали, ты не покажешь, что я зналъ про то, что ты въ церкви одинъ ночью оставался.

— Изволь, дядюшка, присягну на этомъ крестѣ, что̀ мнѣ далъ ангелъ-хранитель, являвшись въ человѣческомъ видѣ.

Насталъ вечеръ среды пятой недѣли Великаго поста. Зазвонили къ стоянію. Петрунька ушолъ съ господскаго двора въ церковь. Когда продолжительное богослуженіе окончилось, онъ запрятался въ притворѣ за столбъ и молился, показывая видъ, будто не замѣчаетъ, что народъ уже расходится. Стало выходить западными дверьми за народомъ духовенство. Староста Сычовъ шелъ за клиромъ и видѣлъ прятавшагося Петрушку, но показывалъ видъ, будто ничего не видитъ. Проводивъ духовенство, онъ заперъ западныя двери и воротился въ средину церкви, подошелъ къ стольцу, гдѣ обыкновенно продавались свѣчи, отперъ ящикъ съ церковною казною, вынулъ оттуда деньги и ушелъ въ сѣверную дверь, заперши ее за собою снаружи.

По утру Сычовъ раньше всѣхъ отперъ церковь и тотчасъ пошелъ въ алтарь, чтобъ дать время молодцу выйдти изъ храма. Петрунька только-что вышелъ въ отпертую старостою сѣверную дверь, какъ вдругъ церковный сторожъ, вышедшій изъ сторожки вслѣдъ за тѣмъ, какъ увидалъ идущаго въ церковь старосту, схватилъ его и потащилъ въ сторожку, находившуюся отдѣльнымъ строеніемъ близь церкви.

— Ты какъ это зашелъ въ церковь раньше, чѣмъ церковь была отперта? Ты цѣлую ночь оставался въ церкви?—допрашивалъ Петруньку сторожъ.

Петрунька сознался.

Сторожу стало неловко. Онъ чувствовалъ, что окажется виновнымъ: зачѣмъ не усмотрѣлъ его въ тотъ часъ, какъ народъ выходилъ изъ церкви по окончаніи стоянія. Онъ сталъ допрашивать: зачѣмъ онъ тайкомъ оставался всю ночь въ церкви? Петрунька откровенно объявилъ, что ему хотѣлось молитвою упросить Господа Бога, чтобъ ему явился ангелъ-хранитель, но не заикнулся о томъ, что его научилъ кто нибудь сдѣлать это. Сторожъ вылупилъ на него глаза и уже готовъ былъ счесть его безумнымъ, какъ вдругъ внутри церкви послышался переполохъ, и стòрожа, вмѣстѣ съ пойманнымъ, позвали туда.

Священникъ, діаконъ, дьячокъ и староста столпились около ящика, гдѣ хранилась церковная казна, и открыли, что она была ограблена. Сторожъ притащилъ Петруньку. Его тотчасъ обыскали и ничего не нашли. — «Онъ, вѣрно, передалъ кому-то въ окно», — сказалъ священникъ; дьяконъ и дьячокъ повторили то же. Сычовъ стоялъ поодоль и молчалъ, какъ будто воды въ ротъ набралъ. Петрунька поглядывалъ на него и замѣтилъ въ чертахъ его лица такое выраженіе, какъ будто хотѣлъ онъ ему сказать: — «Молчи, не проболтайся. Ты вѣдь на своемъ крестѣ поклялся, что не скажешь про меня. Я тебя, видишь, не трогаю, не трогай же и меня!»

Повели Петруньку во дворъ. Помѣщика въ имѣніи не было. Управлявшій приказчикъ велѣлъ его везти въ Сыскной Приказъ. Священникъ съ своей стороны донесъ по благочинію.

Привезли Петруньку въ Сыскной Приказъ, недавно учрежденный въ Москвѣ императрицею Анною Ивановною для уголовныхъ дѣлъ. Подвергли его допросу.

— Зачѣмъ ты ночью забрался одинъ въ церковь?

— Хотѣлъ ангела-хранителя увидѣть.

— Какого такого ангела-хранителя?

Петрунька разсказалъ, какъ ему въ дѣтствѣ явился мужикъ неизвѣстный и далъ мѣдный крестъ съ распятіемъ. Петрунька увѣрялъ, что то былъ его ангелъ-хранитель.

— Кто же научилъ тебя, что, забравшись въ церковь ночью, ты увидишь тамъ этого ангела?

Петрунька сказалъ, что слыхалъ отъ покойнаго отца, и приписалъ ему слышанный отъ Сычова разсказъ о человѣкѣ, пробывшемъ ночь въ церкви и видѣвшемъ чудныя видѣнія.

— И ты увидалъ ангела-хранителя въ церкви?

— Увидалъ. Онъ свѣтлый такой; лицо его увидалъ, свѣтлое, а остальнаго тѣлеснаго образа не видалъ.

— Что жъ онъ тебѣ говорилъ?

— Онъ показалъ мнѣ на серебряный гробъ, висѣвшій на воздухѣ, ни на чемъ не привѣшенный. Мнѣ прежде было такое же видѣніе только во снѣ; я видалъ три гроба: въ одномъ была моя сестра, въ другомъ—братъ, въ третьемъ—моя мать, и всѣ трое послѣ того померли.

— А въ серебряномъ гробу кого жъ ты видѣлъ лежащимъ?

— Гробъ тотъ былъ закрытъ. Я спросилъ ангела, что̀ на него указалъ, а онъ отвѣтилъ мнѣ тихонько: «Тамъ важная особа».

Судьи переглянулись между собою.—Онъ полуумный!—сказалъ одинъ.—Нѣтъ, блажитъ!—отвѣчалъ другой и, обратясь къ подсудимому, спрашивалъ:

— Отчего именно такъ случилось, что въ ту самую ночь, когда ты въ церкви съ своимъ ангеломъ-хранителемъ свиданіе учредилъ, обворована была церковная казна?..

— Этого я не знаю.

— Это твое дѣло. Ты передавалъ краденыя деньги кому-то въ окно.

Петрунька говорилъ, что не знаетъ, въ какомъ мѣстѣ хранилась церковная казна. Его посадили въ тюрьму, подвергли допросу съ пристрастіемъ, потомъ чрезъ нѣкоторое время опять позвали и вздернули на дыбу. Дали ему десять ударовъ. Петрунька послѣ пытки сказалъ, что наканунѣ во снѣ являлся ему ангелъ-хранитель и сказалъ, что его будутъ пытать. Затѣмъ онъ твердилъ, что не знаетъ мѣста храненія церковной казны, не кралъ и не передавалъ въ окно денегъ, да и передать ихъ невозможно, потому что окна очень высоко отъ пола, внутри лѣстницы нѣтъ, а на наружной сторонѣ передъ окнами сдѣлана рѣшетка очень мелкая и на далекомъ разстояніи отъ стеколъ, такъ что нѣтъ возможности просунуть руки для передачи денегъ.

Произведено было дознаніе на мѣстѣ. Оказалось устройство оконъ именно такое, какъ сообщалъ Петрунька.

Тогда принялись за сторожа, держали его съ мѣсяцъ въ кандалахъ, водили въ застѣнокъ, но не пытали, потому что на него никто не изъявлялъ подозрѣнія, и отпустили. Допрашивали священника, дьякона и дьячка, ничего отъ нихъ не добились и также отпустили. Старосты Сычова даже не звали въ Сыскной Приказъ, потому что помѣщикъ маіоръ Дубровскій написалъ, что ручается за него, какъ за самаго честнаго человѣка.

Продержавъ бѣднаго Петруньку цѣлый годъ въ тюрьмѣ, Сыскной Приказъ призналъ его полуумнымъ. Никакихъ уликъ къ обвиненію его въ похищеніи церковной казны не было, и потому рѣшили оставить его въ подозрѣніи и отдать его помѣщику, обязавъ его учредить надъ нимъ какъ надъ малоумнымъ надзоръ. Если жъ бы открылось, что Петръ Вичинъ прикосновененъ къ этому дѣлу, то представить его въ Сыскной Приказъ.

Помѣщикъ, получивъ свѣдѣніе о такомъ приговорѣ, сказалъ: «На какой чортъ навалю я на себя эту обузу? Чего ради обяжусь я смотрѣть за этимъ полуумнымъ? Дуракъ-то онъ дуракъ, а можетъ быть, и съ плутинкой. Укралъ ли онъ церковную казну, или кто другой ее укралъ, — чортъ ихъ разберетъ! Я его во всякомъ случаѣ держать у себя не хочу. Что нибудь дуракъ набѣдокуритъ, а помѣщикъ отвѣчай за него: скажутъ, зачѣмъ не смотрѣлъ за нимъ. Лучше въ пору воспользоваться дарованнымъ шляхетству правомъ и сбросить съ себя эту тягость. Пусть его сошлютъ въ Сибирь на поселеніе».

Помѣщикъ имѣлъ право безъ суда и слѣдствія сослать своего крѣпостнаго въ Сибирь. Такъ сталось съ Петрунькою. Его отвезли въ Москву, а оттуда отправили въ Сибирь.

Дубровскій былъ прозорливѣе судей Сыскнаго Приказа. Онъ замѣтилъ, что Вичинъ въ своемъ показаніи говорилъ о видѣнномъ имъ въ церкви серебряномъ гробѣ на воздухѣ, а ангелъ-хранитель сказалъ ему, что тамъ лежитъ какая-то важная особа.

Въ Сыскномъ Приказѣ не стали допрашиваться, что̀ это за важная особа, считая всѣ его видѣнія бредомъ полуумнаго. «А что̀, — думалъ маіоръ, — какъ довѣдаются въ Тайной, да станутъ подлинно доискиваться, о какой такой важной особѣ идетъ рѣчь? Лучше уйдти подальше отъ этого. Ну, ихъ!»

И Дубровскій не ошибся въ своихъ опасеніяхъ. Сыскной Приказъ обязанъ былъ по истеченіи года доставлять въ Тайную Контору вѣдомость о бывшихъ уголовныхъ дѣлахъ. Когда въ концѣ года послана была такая вѣдомость, Семенъ Андреевичъ Салтыковъ, начальствовавшій Тайною Конторою, обратилъ вниманіе на дѣло крестьянина Петра Вичина, обвинявшагося въ церковной татьбѣ, и сдѣлалъ Сыскному Приказу выговоръ за то, что Вичинъ остался не спрошеннымъ, о какой именно важной особѣ онъ разумѣніе имѣлъ.

Петруша находился уже въ Омскѣ и въ качествѣ чернорабочаго переходилъ отъ одного обывателя къ другому. Сперва жилъ онъ у крестьянина Горохова, потомъ у крестьянина Круглова. Его привезли въ Москву и доставили въ Тайную Контору, гдѣ подвергли допросу.

— Объяви откровенно: какую важную особу въ серебряномъ гробѣ назвали тебѣ подлинно, когда было тебѣ видѣнье въ церкви ночью?

— Ангелъ-хранитель, — отвѣчалъ Петруша: — сказалъ только, что тамъ лежитъ важная особа, а кто подлинно, того не сказалъ.

— Лжешь. Ты будто и не спросилъ у ангела, что̀ это за особа! Не можетъ быть того. А являлся тебѣ снова тотъ же ангелъ?

— Онъ точно являлся мнѣ дважды въ тонкомъ снѣ — одинъ разъ, когда я жилъ у крестьянина Горохова, другой разъ — у крестьянина Круглова. Оба раза говорилъ: «Повезутъ тебя въ Москву, и будетъ тебѣ напрасное кровопролитіе. Пытать тебя станутъ!»

— И твой ангелъ говорилъ правду, коли будешь упрямиться и не скажешь того, что у тебя спрашиваютъ. Что жъ ты думаешь, мы не понимаемъ, кого ты разумѣешь, назвавъ «важная особа»? Это не иной кто, какъ великая государыня Анна Ивановна. Вѣдь такъ? Ну, и говори прямо!

— Ангелъ не назвалъ мнѣ важной особы.

— Ну, а когда являлся тебѣ дважды ангелъ въ Омскѣ, не спрашивалъ ты его объ этомъ и не сказалъ онъ тебѣ чего на счетъ ея императорскаго величества?

— Нѣтъ, не говорилъ.

— А больше тебѣ тотъ ангелъ не являлся?

— Прошлою ночью явился во снѣ, послѣ того, какъ меня сюда привезли.

— И что жъ онъ показалъ тебѣ?

— Самъ, твое сіятельство, изволишь увидѣть въ свое время.

Семенъ Андреевичъ затопалъ ногами, закричалъ, грозилъ страшными муками.

Петруша произнесъ: — Поступай, твое сіятельство, какъ угодно по царскимъ указамъ. Я за правду готовъ терпѣть.

Его повели въ застѣнокъ. На пути глазѣла толпа. Петруша закричалъ: — Народъ Божій! Послушайте! За ея императорское величество стражду напрасно!

Въ застѣнкѣ его подняли на дыбу, дали ему нѣсколько ударовъ, потомъ сняли и спрашивали:

— Откровенно сознайся, что̀ ты видѣлъ и слышалъ въ послѣднюю ночь, когда являлся тебѣ во снѣ ангелъ-хранитель? Зачѣмъ ты кричалъ въ народъ, что за ея величество терпишь?

— Мнѣ, — отвѣчалъ Петруша: — ангелъ-хранитель сказалъ подлинно, что меня въ этотъ день станутъ пытать, а кричалъ я въ народъ затѣмъ, что вы меня допрашиваете, чаючи за мною худаго противъ государыни, а я не знаю!

Его опять подняли на дыбу. Онъ закричалъ: — Спустите, все скажу, что̀ велите!

Его спустили и сказали: — Тебѣ непремѣнно твой ангелъ-хранитель, указавъ въ церкви на серебряный гробъ съ важною особою,

назвалъ эту особу. Онъ назвалъ великую государыню Анну Ивановну? Такъ или нѣтъ?

— Нѣтъ, — произнесъ ослабѣвшимъ голосомъ Петруша.

— Говори, а то закатаемъ, огнемъ будемъ жечь! Вѣдь такъ? Ты слышалъ тогда это отъ ангела-хранителя? Такъ? Сознавайся!

Петруша, изнемогшій отъ мученій дыбы, машинально произнесъ:—Такъ! Въ виду повторенія страшныхъ мукъ, перенесенныхъ имъ, онъ готовъ былъ сказать все, чего отъ него домогались, лишь бы его опять не терзали.

Чтобъ не дать ему въ другой разъ кричàть передъ толпою народа, ему положили въ ротъ кляпъ и въ такомъ видѣ вывели изъ застѣнка въ тюрьму.

Семенъ Андреевичъ Салтыковъ, управляя Московскою Тайною Конторою, находился въ зависимости отъ А. И. Ушакова, правителя Верховной Тайной Канцеляріи, и, пославши ему экстрактъ изъ дѣла о Петрѣ Вичинѣ, испрашивалъ разрѣшенія, какъ съ нимъ поступать далѣе. Дѣло это показалось Андрею Ивановичу на столько важнымъ, что онъ сдѣлалъ по поводу этого докладъ кабинету министровъ, состоявшему изъ графа Остермана и князя Алексѣя Черкасскаго. И тамъ, въ этой верховной сферѣ власти, дѣло это показалось дѣломъ первой важности. Рѣшили: «Петра Вичина еще накрѣпко пытать и спрашивать: съ какого умыслу о томъ злодѣйствѣ онъ показываетъ и кто съ нимъ въ томъ сообщники имѣются, и къ показанію о такомъ злодѣйствѣ въ какомъ числѣ совѣтъ у него съ кѣмъ былъ, и другимъ кому именно о томъ злодѣйство онъ разглашалъ, и въ какомъ намѣреніи? И если со оныхъ розысковъ онъ о вышесказанномъ истины не объявитъ, то его водить по спицамъ пристойное число, смотря по состоянію его, и спрашивать о вышеозначенномъ накрѣпко, и оные тому Вичину розыски чинить не скоро, дабы отъ скорыхъ розысковъ не могъ онъ умереть и при оныхъ разыскивать; и при вожденіи по спицамъ присутствіе имѣть генералу и кавалеру оберъ-гофмаршалу (графу Семену Андреевичу Салтыкову). А когда Вичина будутъ водить въ застѣнокъ и изъ застѣнка, то, чтобъ онъ не могъ злодѣйски кричать, класть ему въ ротъ кляпъ. И о томъ, что̀ онъ послѣ покажетъ, донести въ Тайную Канцелярію».

Получивъ такое предписаніе, Семенъ Андреевичъ Салтыковъ велѣлъ вести Вичина въ застѣнокъ указаннымъ порядкомъ. Его подняли на дыбу. Онъ кричалъ, но ничего новаго не сказалъ. Тогда, давъ ему отдохнуть нѣсколько дней, привели его снова въ застѣнокъ, гдѣ приготовлено было ему иного рода угощеніе. Разостлана была на помостъ полсть и въ нее вбиты остріемъ къ верху мелкія спицы. Приставъ подвелъ его, приказалъ разуть и крикнулъ: «Шагай! впередъ! погуляй-ка!.. Ну, что сталъ? Али не хочешь идти! Ну, такъ объяви, что̀ у тебя спрашиваютъ, и не пойдешь болѣе».

Петруша не могъ произнести ничего: во рту у него былъ кляпъ. Онъ только моргалъ и показывалъ движеніемъ головы, что не можетъ ничего сказать. Руки у него были связаны назадъ.

Поняли его движеніе и вынули кляпъ.

— Богомъ Всемогущимъ клянусь!—говорилъ бѣднякъ:—ничего больше сказать не имѣю. Все уже сказалъ!

— Нѣтъ не все! требуютъ, чтобъ объявилъ искренно: съ какого умыслу злодѣйство показываешь и кто къ показанію о такомъ злодѣйствѣ у тебя сообщники были? Все открой!

— Никакого злодѣйства я не умышлялъ ни противъ кого и сообщниковъ у меня не было. Являлся мнѣ ангелъ-хранитель многажды и показывалъ то, что я говорилъ, а ни на какое злодѣйство не подговаривалъ.

— Ну, шагай впередъ!—закричалъ приставъ. При этомъ Петруша получилъ ударъ по спинѣ кнутомъ. Онъ ступилъ на спицы... Кровь потекла съ подошевъ. Онъ попятился назадъ. Его снова подстегнули. Страшно вскрикивая, Петруша двигался; кровь струилась, и такъ водили его взадъ и впередъ по полсти минутъ двадцать, наконецъ, остановили и спросили: «Скажешь теперь все?»

— Ничего болѣе не скажу, не знаю ничего!

Тутъ прибѣжалъ Семенъ Андреевичъ. «Ну, что? говоритъ что нибудь новое»?

— Ничего не говоритъ,—былъ отвѣтъ.

— Такъ ведите его еще по спицамъ!

— Все скажу!—закричалъ Петруша.

— Ну, что тебѣ сказалъ ангелъ-хранитель про великую государыню?

— Являлси мнѣ во снѣ ангелъ-хранитель и сказалъ: «Будешь ты на Москвѣ пытанъ немѣрными пытками и станешь сказывать, что государынѣ Аннѣ Ивановнѣ на землѣ житья и бытья отъ Васильева вечера два года будетъ». А выговоря то, ангелъ сталъ невидимъ.

— А ты вѣришь, что такъ подлинно станется?

— Вѣрю, что такъ станется, ибо то явленіе отъ Бога, потому что я часто по ночамъ молился, и отъ рожденія своего жены не имѣлъ и не имѣю, потому мнѣ и видѣнія посылаются отъ Бога.

Но этимъ не удовольствовались. Стали, всетаки, допрашивать: кто былъ съ нимъ соучастникъ. Петруша, измученный, обезсиленный, не могъ ни говорить, ни держаться на ногахъ; опустя голову, онъ только стоналъ отъ боли, которая теперь стала еще нестерпимѣе, такъ какъ спицы кололи его подошвы по израненнымъ прежде мѣстамъ. Онъ не открывалъ глазъ, словно сонный. Такъ прошло еще нѣсколько ужасныхъ минутъ. Его подняли на руки и вынесли изъ застѣнка.

Послали объ этомъ донесеніе Андрею Ивановичу Ушакову, а

тотъ снесся опять съ кабинетомъ министровъ и сообщилъ въ Тайную Контору такое рѣшеніе: «Имѣя въ виду, что Вичинъ во время вожденія по спицамъ ничего не говорилъ и глазами не глядѣлъ, и изъ того видно, что его злодѣйственное, непристойное показаніе злобственно, а посему, когда Вичину отъ пытокъ и отъ вожденія по спицамъ будетъ посвободнѣе, то розыскивать до тѣхъ мѣстъ, пока отъ него можетъ открыться истина».

Когда, по этому рѣшенію, Петрушу опять повели въ застѣнокъ, онъ въ виду новыхъ пытокъ объявилъ Семену Андреевичу, что никакихъ видѣній, ни ангеловъ-хранителей, ни гробовъ не видалъ онъ ни на яву, ни во снѣ, а все это выдумалъ въ надеждѣ, что этому повѣрятъ. Вичина не стали подвергать пыткамъ вновь, но сообщили о послѣднемъ показаніи его А. И. Ушакову, который опять доложилъ въ кабинетъ министровъ, а потомъ сообщилъ въ Московскую Тайную Контору такое рѣшеніе: «Кабинетъ министровъ приговорилъ на основаніи морскаго устава первой книги, первой главы, втораго пункта и указа 30 января 1727 года: Вичина казнить смертію отсѣченіемъ головы, а къ смертной казни вести его, положа ему въ ротъ кляпъ».

Когда Петрушѣ прочитали приговоръ, онъ выслушалъ его равнодушно и просилъ только похоронить его съ крестомъ, подареннымъ ему ангеломъ-хранителемъ, являвшимся въ видѣ мужика.

Петруша умеръ, не видавъ Сычова, виновника его погибели. Не даромъ онъ далъ ему клятву на своемъ таинственномъ крестѣ. Но самъ Сычовъ другимъ путемъ попалъ въ бѣду и приведенъ былъ въ Тайную. Онъ раздавалъ въ Москвѣ милостину какимъ-то колодникамъ и сказалъ имъ что-то неосторожно. Они его и предали. У него нашли тетрадку, въ которой были написаны такія предсказанія: «Въ 1731 году, во всемъ мірѣ велика молва будетъ и луна солнечная спoновати будетъ; въ 1733 году, Константинополь сринутися имать отъ непріятельскихъ рукъ; въ 1734 году, Іисуса Христа весь міръ признаетъ; въ 1735 и 1736 году, четвертая часть свѣта погибнетъ; въ 1737 году, лжехристосъ имѣетъ прійдти на землю; въ 1738 и 1739 году, Іисусъ Христосъ придетъ судити живымъ и мертвымъ».

Въ Тайной Конторѣ Сычова огнемъ жгли и пытали; повторили тѣ же операціи нѣсколько разъ. Сычовъ ничего не говорилъ и терпѣлъ мученія, закрывши глаза. 1 іюля 1735 года, онъ, послѣ жестокихъ мученій, умеръ въ тюрьмѣ.

Н. И. Костомаровъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НАПРАВЛЕНІЯ ВЪ ЕКАТЕРИНИНСКУЮ ЭПОХУ.

II.

МИСТИЧЕСКО-НРАВОУЧИТЕЛЬНОЕ [1].

ГЛАВА ВТОРАЯ.

1.

Херасковъ и его журналъ „Полезное Увеселеніе".

ИСТИЧЕСКО-нравоучительное направленіе выразилось, какъ мы видѣли, въ литературѣ Екатерининской эпохи цѣлымъ рядомъ масонскихъ сочиненій; русскіе мистики-масоны переводили множество вольно-каменьщическихъ книгъ и сами сочиняли масонскія произведенія. Если бы, однако, дѣло ограничилось этимъ, мистическо-нравоучительное направленіе не имѣло бы значенія въ нашей литературѣ или значеніе его было бы слишкомъ неважно. Но направленіе это сказалось и въ сочиненіяхъ другаго рода, не спеціально орденскихъ, оно захватывало въ свое теченіе выдающихся писателей, и это придаетъ ему особый интересъ, выдвигаетъ его на такое же мѣсто въ нашей литературной жизни, какое занимало противоположное ему по духу и содержанію скептическо-матеріалистическое направленіе.

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXV, стр. 435.

Въ настоящее время можно указать, по крайней мѣрѣ, на одного выдающагося писателя Екатерининскихъ временъ, который посвятилъ свой талантъ и всю свою литературную дѣятельность на служеніе духу нравоученія и мистицизма. Писатель этотъ, теперь почти забытый, но въ свое время знаменитый и славный,— Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ, авторъ двухъ героическихъ поэмъ—«Россіада» и «Владиміръ», которыми нѣкогда гордились наши прадѣды и дѣды. Писатель этотъ былъ однимъ изъ выдающихся нашихъ масоновъ.

Литературная дѣятельность Хераскова, если приложить къ ней безотносительную мѣрку, конечно, не выдерживаетъ критики; «творенія» превыспренняго пѣвца «Россіады» не представляютъ для насъ безусловнаго интереса: Херасковъ не обладалъ такимъ сильнымъ талантомъ, какъ, напримѣръ, Фонвизинъ, котораго «Недоросль» и даже «Бригадиръ» нѣкоторыми сторонами своими остались безсмертными, какъ Державинъ, нѣкоторыя оды котораго, или, точнѣе сказать, нѣкоторыя строфы нѣкоторыхъ одъ котораго сохранили и до нашего времени свой поэтическій смыслъ, свою художественную красоту и значительность. Но въ историческомъ смыслѣ Херасковъ очень важенъ, какъ крупный и несомнѣнно даровитый дѣятель своей эпохи; не даромъ онъ пользовался славой не только въ своемъ поколѣніи, но и въ поколѣніяхъ дальнѣйшихъ: глава слѣдующаго за Екатерининской эпохой періода литературы, первый по времени замѣчательный русскій критикъ и начинатель нашей литературной критики—Карамзинъ почти благоговѣйно относился къ Хераскову и его сочиненіямъ, къ его поэзіи, въ безусловномъ достоинствѣ которой онъ даже не сомнѣвался.

Не задаваясь цѣлью изслѣдовать всю дѣятельность автора «Россіады» и «Владиміра», остановимся на нѣкоторыхъ его характерныхъ произведеніяхъ и посмотримъ, какъ выразилось въ нихъ то мистическо-нравоучительное направленіе, которое боролось въ нашей жизни и литературѣ Екатерининскихъ временъ съ направленіемъ, тоже пришедшимъ изчужи, но отличавшимся совсѣмъ инымъ духомъ и характеромъ,—съ направленіемъ скептическо-матеріалистическимъ.

Херасковъ — писатель плодовитый и чрезвычайно разнообразный: онъ писалъ журнальныя статьи, былъ поэтъ, или, точнѣе, стихотворецъ, сочинялъ романы, драматическія произведенія, но вѣнцомъ его творчества современники признавали двѣ обширныхъ эпопеи въ стихахъ—«Россіада» и «Владиміръ».

Съ января 1760 по іюнь 1762 года Херасковъ издавалъ журналъ «Полезное Увеселеніе», въ первые два года въ видѣ еженедѣльныхъ тетрадокъ, въ послѣднее полугодіе ежемѣсячными книжками. Кромѣ самого издателя и его жены, въ «Полезномъ Увеселеніи» принимали участіе различные писатели того времени и,

главнымъ образомъ, студенты Московскаго университета, гдѣ тогда Херасковъ былъ ассессоромъ конференціи (впослѣдствіи онъ былъ «кураторомъ» университета); подъ различными статьями журнала мы встрѣчаемъ подписи: Дениса и Павла Фонвизиныхъ, Василія Приклонскаго, Николая Поповскаго, Андрея Нартова, Ипполита Богдановича, Василія Санковскаго, Алексѣя Ржевскаго, Якова Булгакова, Дмитрія Аничкова и другихъ.

«Полезное Увеселеніе» переполнено нравоучительными сочиненіями. Въ этомъ сказалось масонство Хераскова. Извѣстно, что вольно-каменьщическій орденъ требовалъ отъ братьевъ масоновъ слѣдованія добродѣтели и проповѣданія ея. Но извѣстно также, что масонская проповѣдь добродѣтели была отвлеченной, и потому зачастую безплодной и безполезной. Орденъ не понималъ и не чувствовалъ, что любовь къ добру родственна съ гнѣвомъ и негодованіемъ на зло. Масонство зачастую учило, что не нужно бороться со зломъ; отсюда его отрицаніе сатиры, возвышеннаго и благороднаго смѣха. Боязнь судить человѣка, хотя бы и порочнаго, переходила, вслѣдствіе такой односторонности масонскихъ воззрѣній, въ снисходительное отношеніе къ порочному, а затѣмъ и къ самому пороку; благородная въ своей основѣ идея, что человѣкъ долженъ прежде всего смотрѣть на себя: нѣтъ ли въ его собственной душѣ зла, — переходила незамѣтно въ эгоистическую заботу только о себѣ, о своей личности, и освобождала эту личность отъ всякихъ попеченій и тревогъ за другихъ,—пусть они живутъ какъ хотятъ, только бы я былъ спасенъ: одна изъ тончайшихъ уловокъ себялюбія и гордости. И вотъ все это мы и встрѣчаемъ въ «Полезномъ Увеселеніи»; мораль журнала — мораль отвлеченная и холодная: недостатокъ гнѣва приводитъ къ недостатку любви.

Приведемъ изъ «Полезнаго Увеселенія» примѣры масонскаго отреченія отъ борьбы со зломъ. — Въ 1-мъ № втораго года журнала (1761) помѣщено, между прочимъ, стихотворное письмо Нарышкина къ А. Р. (Ржевскому).

Коль слабъ нашъ, Р..., умъ!

восклицаетъ авторъ, —

въ порокахъ утопая,
Винимъ другихъ дѣла, себя не понимая.
Не лучше ли свои пороки примѣчать
И добродѣтелью ихъ тщиться исправлять?

. . . .

Увидя въ комъ порокъ, смѣемся и ругаемъ:
Не добродѣтель тѣмъ, мы зло лишь размножаемъ.
Когда бы истинно другъ друга всякъ любилъ,
И то бъ за первую на свѣтѣ должность чтилъ:
Увидѣвъ бы въ другомъ порокъ, онъ не смѣялся,
Но убѣгать того порока самъ старался...

Мысль—обоюдоострая: человѣколюбіе и смиреніе въ ней перепутываются съ эгоизмомъ и заботою только о себѣ. Для насъ теперь, послѣ поэзіи Гоголя, соединившей въ себѣ такъ ясно и просто смѣхъ и негодованіе съ любовью къ человѣку и тоской по идеалѣ, все это понятно; но предки наши, подъ вліяніемъ мистическихъ идей, путались въ подобныхъ вопросахъ. Дальше въ стихотвореніи Нарышкинъ еще болѣе путается, еще болѣе отступаетъ отъ нравственной истины: онъ начинаетъ бояться осуждать не только порочнаго человѣка, но и самый порокъ:

Но что я дѣлаю?—

восклицаетъ онъ,—

пороки осуждаю,
А самъ тѣмъ болѣе я въ оныхъ утопаю.
О слабость, бѣдное участіе людей!

и онъ ищетъ утѣшенія и отрады въ чувствѣ дружбы:

Будь исправителемъ пороковъ днесь моихъ!—

обращается онъ къ другу.

Въ отвѣтномъ письмѣ Ржевскаго къ А. Н. (Нарышкину) идея о терпимости ко злу развивается еще далѣе и логически приводитъ автора къ примиренію съ житейской пошлостью, съ человѣческими пороками, которые уже называются имъ не «пороками», а болѣе мягкимъ именемъ—«слабостями».—Ржевскій находитъ, что свѣтъ вовсе не такъ худъ, какъ думаютъ суровые обличители этихъ «слабостей». Ошибаются тѣ, кто зовутъ его раемъ и всѣмъ въ немъ довольны; но точно также находятся въ заблужденіи и не видящіе въ немъ блаженства, считающіе его жилищемъ несчастій. Непросвѣщеніе (по мнѣнію Ржевскаго, видимо понимающаго просвѣщеніе въ масонскомъ смыслѣ слова) есть причина ошибочности обоихъ взглядовъ, или, какъ онъ энергически выражается, «развратныхъ мнѣній».

Потщимся мы сего, Н...., избѣжать,
Потщимся инако, мой другъ, мы разсуждать,—

поучаетъ онъ: свѣтъ съ его пороками вовсе не такъ худъ и съ нимъ легко примириться:

Довольно въ свѣтѣ семъ утѣхъ для человѣка,
Для нашей бренности, для временнаго вѣка.
. . . .
Хоть слабостямъ и всѣ утѣхи тѣ причастны;
Но мы и рождены всѣ слабости подвластны.

Далѣе еще яснѣе:

Мы смертны: слабости нельзя намъ не питать;
Лишь мѣры въ слабостяхъ мы должны наблюдать,—

т. е. нечего человѣку бороться съ порокомъ: пороки, или «слабости», свойственны нашей природѣ; надо только заботиться, чтобы они не вышли изъ границъ, а были умѣренны,—и въ такомъ случаѣ они перестаютъ быть зломъ, и даже ведутъ человѣка къ счастью, тоже, конечно, умѣренному,—къ «утѣхамъ» земной жизни, утѣхамъ дѣйствительнымъ, реальнымъ, а не фантастическимъ, о которыхъ «развратно» и безумно мечтаютъ тѣ люди, которые «въ небесахъ блаженствъ жилище чаютъ».

Истинный редакторъ своего изданія, Херасковъ хорошо понималъ, что̀ помѣщалъ въ немъ: онъ самъ былъ согласенъ съ мнѣніями своихъ сотрудниковъ, мнѣніями, подобными приведеннымъ. Въ напечатанномъ въ томъ же 1-мъ № «Полезнаго Увеселенія» на 1761 годъ «Письмѣ М. Х.» онъ говоритъ, что ошибался, думая прежде, будто полезно и нужно обличать пороки.

«Намѣреніе, которое мы имѣли при изданіи (пишетъ онъ про свой журналъ)... ..клонилося къ защищенію добродѣтелей, къ обличенію пороковъ и увеселенію общества. Все сіе имѣло ли свое дѣйствіе, сумнѣваюсь. Вижу я безпристрастными глазами и съ внутреннимъ сожалѣніемъ, что порокъ обличенъ мало... Или сила сочиненій развратныя сердца слаба поразить была, или вредныя страсти такъ отвердѣли, что ихъ ничто поколебать не можетъ»...

Въ этихъ словахъ еще нѣтъ отреченій отъ сатиры, отъ смѣха и негодованія: неуспѣхъ «обличенія пороковъ» Херасковъ, повидимому, готовъ объяснять или слабостью сатиры своего журнала, или закоренѣлостью людскихъ страстей. Но далѣе онъ переходитъ уже на иную почву, начинаетъ разсуждать въ иномъ духѣ:

«Сіе бы привело въ отчаяніе (пишетъ онъ), если бы размышленіе не подало нѣкоего удовольствія и ободренія духу»,

и поясняетъ, что «размышленіе» привело его къ сознанію необходимости отказаться отъ сатиры и заняться лишь прославленіемъ добродѣтели: пускай пороки гибнутъ сами собой, пусть ихъ поразитъ собственная злоба, а намъ нужно прославлять добродѣтель.— Справедливость требуетъ, однако, замѣтить, что здѣсь Херасковъ не дошелъ до тѣхъ крайностей, какія мы видѣли у его сотрудниковъ—Ржевскаго и Нарышкина, т. е. до откровеннаго примиренія и дружества съ порокомъ.

Замѣчательно, что мистическій журналъ «Полезное Увеселеніе» въ своихъ отношеніяхъ къ сатирѣ и злу совершенно сошелся съ вольтеріанскимъ журналомъ «Всякая Всячина»: оба изданія рекомендуютъ терпимость къ порокамъ, оба называютъ ихъ мягко «слабостями», оба проповѣдуютъ примиреніе съ пошлостью и мысль, что при такихъ условіяхъ можно очень и очень счастливо, или, точнѣе, весело прожить въ этомъ мірѣ, гдѣ «слабости», при надлежащей умѣренности, обращаются даже въ нѣчто пріятное и полезное; оба изданія, наконецъ, прикрываютъ все это, болѣе или менѣе безсознательно, требованіемъ прославленія добродѣтели. От-

влеченный идеализмъ масонства сошелся съ практическимъ матеріализмомъ вольтеріанства.

Но замѣчательно также, что оба изданія не выдержали строго своей идеи о ненадобности сатиры, о ея вредѣ: въ обоихъ журналахъ встрѣчается сатира, и иногда довольно мѣткая, преимущественно на подьячихъ. Мы видѣли это во «Всякой Всячинѣ». «Полезное Увеселеніе» точно такъ же, какъ и журналъ императрицы Екатерины, не выдержало, въ этомъ смыслѣ, своего направленія. Подьячіе осмѣяны въ немъ, напримѣръ, въ статьѣ «Правосудіе» (въ 3 № 1761 г.), въ статьѣ «Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ» (въ № 15). Въ этомъ послѣднемъ, сочиненномъ нѣкіимъ Приклонскимъ, Миносъ ведетъ бесѣду съ сошедшимъ въ область Аида подьячимъ о томъ, чѣмъ онъ занимался, живя на землѣ.

«Моя должность на томъ свѣтѣ была (объясняетъ подьячій)... писать крючки, брать акциденцію, и протчее тому подобное дѣлать».

Если, однако, въ журналѣ Хераскова нашли себѣ выраженіе ложныя стороны отвлеченнаго масонскаго идеализма, то въ немъ сказалось и то, что было истиннаго въ мистическо-нравоучительномъ направленіи. Это, во-первыхъ, осужденіе вражды народовъ, войны, завоевательныхъ стремленій; во-вторыхъ—возвышенная мысль, что счастіе человѣка состоитъ въ спокойствіи совѣсти.—Отрицательное отношеніе къ войнѣ мы встрѣчаемъ, напримѣръ, въ «Рѣчи Скиѳскаго посла», помѣщенной въ 5 № журнала за 1761 годъ. А заканчивается этотъ годъ одой Хераскова «На человѣколюбіе», гдѣ читаемъ такіе прекрасные стихи:

Щастье ль видишь въ полномъ цвѣтѣ,—
Сердце онымъ не круши:
Щастья нѣтъ инова въ свѣтѣ,
Какъ спокойствіе души.

2.

Комедіи «Безбожникъ» и «Ненавистникъ».

Нравоученіе и мистицизмъ, проникающіе журналъ Хераскова, мы находимъ и въ его драматическихъ произведеніяхъ, напр., въ напечатанныхъ въ X т. «Россійскаго Ѳеатра» комедіяхъ «Безбожникъ» и «Ненавистникъ. Въ обѣихъ пьесахъ проводится нравственная идея, карается зло.

Первая изъ этихъ комедій представлена была въ первый разъ въ Москвѣ въ 1761 году, вторая — въ Петербургѣ въ 1779 году.— Какъ драматическія произведенія, съ художественной точки зрѣнія, обѣ комедіи чрезвычайно слабы, даже, можно сказать, нелѣпы: сколько нибудь живыхъ лицъ, сколько нибудь удачнаго очерка

характеровъ въ нихъ нѣтъ, герои ихъ — невѣроятные злодѣи, носящіе къ тому же невозможныя имена: Змѣядъ, Руфинъ и т. п.

Главное лице комедіи «Безбожникъ» — Руфинъ — отъявленный негодяй: онъ губитъ своего брата посредствомъ подложнаго политическаго письма, губитъ невѣсту, друга. Но въ концѣ пьесы онъ получаетъ достойное возмездіе: злодѣянія его неожиданно открываются, и онъ проваливается сквозь землю, отъ удара карающаго грома, въ ту самую минуту, когда злобно и самонадѣянно грозилъ погубить всѣхъ своихъ враговъ.

Замѣчательно, что самъ Руфинъ сознаетъ испорченность своей натуры, сознаетъ и причины этой испорченности: онъ обвиняетъ отца за то, что тотъ не далъ ему правильнаго воспитанія; онъ говоритъ, обращаясь къ отцу:

Когда бъ ты молодость мою сперва берегъ,
И не испортилъ духъ мой въ дѣтствѣ ядомъ нѣгъ,
Когда бъ воздерживалъ мою опасну волю:
Не могъ бы я терпѣть безчестной смерти долю.

Онъ хочетъ даже убить отца за свое дурное воспитаніе, приведшее къ развращенію и гибели. — По ходу и направленію пьесы видно, что самъ Херасковъ въ этомъ отношеніи согласенъ съ своимъ героемъ, т. е. причину его нравственнаго паденія видитъ въ дурномъ воспитаніи. Но интересно, что пострадавшимъ за зло, наказаннымъ за него является только Руфинъ, нравственная кара не постигаетъ его отца, котораго и герой пьесы, и самъ авторъ считаютъ, однако, главнымъ виновникомъ зла. Здѣсь мы видимъ намекъ на нѣкоторую путаницу въ нравственныхъ воззрѣніяхъ Хераскова, или выражаемаго имъ мистическо-нравоучительнаго направленія.

Шаткость нравственныхъ воззрѣній яснѣе выступаетъ въ другой комедіи — «Ненавистникъ». Герой ея, носящій фантастическое имя Змѣядъ, тоже отъявленный злодѣй, какъ Руфинъ въ комедіи «Безбожникъ», и его также въ концѣ пьесы постигаетъ достойная кара, хотя и не сверхъестественная: правительство лишаетъ его чиновъ и предписываетъ ему безвыѣздно, до смерти, жить въ деревнѣ; тогда онъ самъ сознаетъ справедливость наложеннаго на него наказанія и говоритъ:

Цѣлую руку, мнѣ погибель подписавшу,
И сердцу моему раскаянье подавшу.
Казнитесь мною вы, и возлюбите честь,
Когда подобные мнѣ люди въ свѣтѣ есть.

Все это и такое внезапное самосознаніе и самообвиненіе Змѣяда, и такое неожиданное сомнѣніе его: есть ли въ свѣтѣ подобные ему злодѣи, все это чрезвычайно наивно въ пьесѣ. Но еще болѣе наивна проводимая въ ней авторомъ идея, будто противъ

обмана можно дѣйствовать обманомъ, противъ зла можно бороться зломъ же. Здѣсь очень опредѣленно обнаруживается передъ нами путаница въ нравственныхъ воззрѣніяхъ представителя мистическо-нравоучительнаго направленія, та самая путаница, которую мы видѣли и въ журналѣ «Полезное Увеселеніе».—Герой комедіи Змѣядъ хочетъ, по своимъ разсчетамъ, жениться на хорошей молодой дѣвушкѣ Пріятѣ, дочери Здоруста. Любящій Пріяту, идеальный молодой человѣкъ Милатъ, желая разрушить козни Змѣяда, вкрадывается путемъ обмана въ его довѣріе, входитъ въ его домъ подъ именемъ Стовида и притворно беретъ на себя должность его шпіона; онъ говоритъ:

Теперь я покажусь Змѣяду крайне дружнымъ,
Покорнымъ, ласковымъ, привѣтливымъ, услужнымъ.
Для гордыхъ сладостенъ и нуженъ сей приманъ,
И должно выводить обманами обманъ.

Очевидно, что подобнымъ разсужденіямъ и намѣреніямъ своего идеальнаго героя симпатизируетъ самъ авторъ пьесы.

Но, отдаваясь во власть духу масонскаго, мистическо-нравоучительнаго направленія, увлекаясь имъ до крайности, Херасковъ остается, однако, русскимъ человѣкомъ, — и въ его пьесахъ мы вдругъ, неожиданно встрѣчаемся съ проявленіемъ народнаго начала. Это начало совершенно не вяжется съ общимъ содержаніемъ и строемъ мистическо-нравоучительныхъ произведеній. Но самъ авторъ этого не замѣчаетъ, потому что народность его непосредственная, инстинктивная, и сознаніе его даже совсѣмъ не на ея сторонѣ. — Въ комедіи «Ненавистникъ» мы видимъ непосредственно-народный взглядъ на семью и на отношенія дѣтей къ родителямъ; что этотъ взглядъ, высказываемый нѣкоторыми лицами пьесы, принадлежитъ и самому автору, ясно изъ того обстоятельства, что народное представленіе и изображеніе семьи онъ соединяетъ съ довольно остроумнымъ и живымъ осмѣяніемъ модныхъ французскихъ нравовъ. Отецъ Пріяты Здорустъ говоритъ Змѣяду (за котораго по наивности своей хотѣлъ было выдать дочку):

О, дочка у меня воспитана нарочно
Какъ будто бы для для васъ, умно и безпорочно;
Не станетъ мыкаться съ двора на дворъ она,
Кроить и въ пяльцахъ шить она пріучена.
Мы съ матерью ея какъ ласточки сидѣли,
Другъ съ другомъ обнявшись, да все въ окно глядѣли,
Такъ можно перенять ей что нибудь у насъ!..
Да, правда, нониче дѣвицы-то у васъ
Гораздо сдѣлались, я слышу, поумнѣе, —.
Выходятъ замужъ съ тѣмъ, чтобъ только жить вольнѣе,
И будто разлучать женитьба насъ должна;
Мужъ въ сторону пойдетъ и въ сторону жена;

Не видитъ по году супругъ свою супругу,
Лытаютъ да и въ вѣкъ не встрѣтятся другъ другу;
А дочка у меня не такъ пріучена, —
Что мужъ глава женѣ, всегда твердитъ она.

Съ неподдѣльнымъ юморомъ изображаетъ Херасковъ модные нравы на французскій ладъ въ притворныхъ и хитрыхъ наставленіяхъ Стовида Змѣяду, какъ пріобрѣсти расположеніе Пріяты. Путая своего мнимаго друга, Стовидъ учитъ его:

Старайся ты внушать,
Дабы понятія Пріятины смѣшать,
Что дѣтская любовь всего на свѣтѣ ниже,
Любовь къ родителямъ, любовь къ ея роднымъ,
Что это подлостью считается въ Парижѣ,
Что это свойственно мѣщанкамъ лишь однимъ;
Что власть похитили тогда отцы надъ нами,
Когда мы связаны бывали пеленами.
Что мы не родились для рабскихъ имъ услугъ;
Что мать помощница и что отецъ намъ другъ;
Что дочери должны отцамъ предпочитаться
Затѣмъ, что дѣлаютъ не рѣдко щастье имъ;
И такъ, родители должны имъ поклоняться.
(Дѣйств. 2, явл. 1-е).

Продолжая свою роль, обманывая и путая Змѣяда, Стовидъ въ 3-мъ дѣйствіи пьесы разсказываетъ ему мнимую сцену съ Пріятой, увѣряя, будто бы предложенныя имъ наставленія подѣйствовали на дѣвушку. Эта сцена тоже отличается истиннымъ юморомъ.

Забредила она Парижемъ при началѣ
И молвила отцу: ахъ, батюшка, подалѣ!
Не знаются съ дѣтьми во Франціи отцы,
Тамъ руки цѣловать даютъ одни купцы,
И плюнула въ него, какъ будто не нарошно;
Взбѣсился нашъ отецъ, а дочкѣ стало тошно,
И чтобъ разстроенный желудокъ подкрѣпить,
Спросила у меня стаканъ воды испить.

Присутствіе въ душѣ Хераскова народныхъ началъ сказывается еще въ одной чертѣ пьесы «Ненавистникъ»: это сочувственный взглядъ автора на простой народъ; Херасковъ подсмѣивается надъ высокомѣрнымъ презрѣніемъ къ простымъ людямъ, надъ мыслью нѣкоторыхъ своихъ героевъ, что думать и учиться есть право только знатныхъ людей.

Въ 8 явл. I-го дѣйствія пьесы Змѣядъ говоритъ Здорусту:

Прилично ль подлости писаніе умѣть,
И дѣлать цѣлый свѣтъ ученымъ и понятнымъ!
Разсудками сіять пристойно не безвнатнымъ.

Наивный Здорустъ соглашается съ его мнѣніемъ:

Вотъ такъ-то грамотѣ ребята у меня
Учились у дьячка; да стали день отъ дня
Вести себя въ селѣ и жить при домѣ гаже;
Сперва они ко лжи, потомъ привыкли къ кражѣ.
Такъ это ради слугъ живой примѣръ у насъ,
Чтобъ имъ не толковать, что ижица, что азъ.

«Конечно»,—подтверждаетъ Змѣидъ,—
просвѣщать не всякаго годится.

3.

Эпопеи Хераскова.

«Россіада».

Обратимся теперь къ главнымъ произведеніямъ Хераскова, къ двумъ его эпопеямъ—«Россіада» и «Владиміръ». Это—ложно-классическія поэмы, послѣднія по времени изъ цѣлаго ряда такихъ сочиненій, появившихся въ разныхъ европейскихъ литературахъ въ подражаніе Иліадѣ.—Предки наши гордились, что только у грековъ да у насъ по двѣ «эпическихъ поэмы», между тѣмъ какъ у другихъ народовъ по одной. Время показало, что наши «Россіада» и «Владиміръ», какъ героическія поэмы, гораздо слабѣе всѣхъ другихъ. Но для насъ теперь онѣ интересны по инымъ причинамъ,— не какъ поэтическое изображеніе героизма русскаго народа, а какъ выраженіе мистическо-нравоучительнаго направленія въ литературѣ Екатерининской эпохи. На эту сторону произведеній современники Хераскова и ближайшее потомство не обращали вниманія, они не видѣли ея; а въ ней-то и все дѣло.

«Россіада» повѣствуетъ о взятіи Казани царемъ Іоанномъ Грознымъ. Это событіе Херасковъ счелъ величайшимъ, или однимъ изъ величайшихъ въ нашей исторіи, счелъ его достойнымъ служить содержаніемъ эпопеи, подобно тому, какъ Троянская война послужила содержаніемъ Иліады. — На эту грубую историческую ошибку поэта было уже не разъ указано въ нашей литературѣ. Подобныя ошибки очевидны и въ частностяхъ поэмы; онѣ объясняются, съ одной стороны, слабостью исторической науки у насъ во времена Хераскова, съ другой стороны—наивностью поэта, или, лучше сказать, того литературнаго направленія, котораго онъ былъ представителемъ. За исторической истиной Херасковъ и не гонялся, относясь къ ней довольно свободно и, по-нашему, странно. Въ «Историческомъ предисловіи» къ «Россіадѣ» онъ говоритъ слѣдующее:

«Повѣствовательное сіе твореніе расположилъ я на истиннѣ, сколько могъ сыскать печатныхъ и письменныхъ извѣстій, къ моему намѣренію принадлежащихъ; присовокупилъ къ тому небольшіе анекдоты, доставленные мнѣ изъ Казани бывшимъ Начальникомъ Университетскихъ Гимназій въ 1770 году. Но да памятуютъ мои Читатели, что какъ въ эпической Поэмѣ вѣрности историче-

М. М. Херасковъ.

Съ гравированнаго портрета Майра.

ской, такъ въ дѣеписаніяхъ Поэмы искать не должно. Многое отметалъ я, переносилъ изъ одного времени въ другое, изобрѣталъ, украшалъ, творилъ и созидалъ». (Твор. Хераскова, т. I, стр. XIII).

Эти «украшеніе» и «созиданіе» состоятъ, главнымъ образомъ, въ идеализированіи личности героя произведенія—Іоанна Грознаго. Въ «Историческомъ предисловіи», нѣсколько ранѣе приведеннаго мѣста, послѣ упоминанія о томъ, что Іоаннъ III свергъ иго татарское, встрѣчаемъ мы такого рода историческія соображенія о тог-

дашнемъ состояніи Россіи и о значеніи царствованія и дѣятельности царя Іоанна IV: при Іоаннѣ III (говоритъ Херасковъ):

«царство Казанское... еще не было разрушено; Новогородцы еще не вовсе укрощены были; сосѣдственныя державы должнаго уваженія къ Россіи не ощутили. Сія великая перемѣна, въ какую сіе государство перешло изъ слабости въ силу, изъ уничиженія въ славу, изъ порабощенія въ господство, — сія важная и крутая перемѣна произошла при внукѣ Царскомъ Іоаннѣ Васильевичѣ Второмъ, который есть Герой сея Поэмы... Иностранные писатели, сложившіе нелѣпыя басни о его суровости, при всемъ томъ по многимъ знаменитымъ его дѣламъ великимъ мужемъ нарицаютъ. Самъ Петръ Великій за честь поставлялъ въ мудрыхъ предпріятіяхъ сему государю послѣдовать. Исторія затмѣваетъ сіяніе его славы нѣкоторыми ужасными повѣствованіями, до пылкаго нрава его относящимися: вѣрить ли толь не свойственнымъ великому духу повѣствованіямъ, оставляю историкамъ на размышленіе». (Стр. X и XI).

Впрочемъ, оговаривается поэтъ, самъ, быть можетъ, замѣчая свою идеализацію героя поэмы,

«впрочемъ, безмѣрныя Царскія строгости, по которымъ онъ Грознымъ проименованъ, ни до намѣренія моего, ни до времени, содержащаго въ себѣ цѣлый кругъ моего сочиненія, вовсе не касаются». (Стр. XI).

Такъ добродушно и наивно отнесясь къ Іоанну Грозному, Херасковъ идетъ въ этомъ направленіи и далѣе: онъ идеализируетъ и опричниковъ, кромѣшниковъ царя Ивана (перенося ихъ, притомъ, изъ позднѣйшей эпохи въ болѣе раннюю): онъ называетъ ихъ «цвѣтомъ Іоаннова войска».

«Россіада», согласно съ масонскими воззрѣніями своего автора, есть поэма поучительная и назидательная; и такою Херасковъ хотѣлъ ее сдѣлать совершенно сознательно: онъ хотѣлъ соединить воедино героизмъ и нравоученіе. Высказанный имъ въ предисловіи взглядъ на «эпическія поэмы» свидѣтельствуетъ, что онъ требовалъ отъ этого рода сочиненій поучительности. Съ такой точки зрѣнія онъ довольно наивно судитъ «Освобожденный Іерусалимъ» Торквато Тассо; онъ говоритъ:

«Армида въ Тассовомъ «Іерусалимѣ», прекрасная волшебница Армида есть душа сей неоцѣненной поэмы; ея хитрости, коварства, ея островъ, ея нѣжности, ея самая свирѣпость по отбытіи Ренода восхитительны, — но не суть назидательны». (Стр. XV).

За то же отсутствіе назидательности осуждаетъ нашъ авторъ и «Генріаду» Вольтера. Но замѣчательно, что въ его приговорѣ надъ этой послѣдней выказалось все могущество вліянія Вольтера на современниковъ: мистикъ и масонъ не можетъ въ концѣ концовъ осудить произведеніе генія XVIII вѣка и самъ увлекается имъ. Вотъ слова Хераскова о французской «эпической поэмѣ»:

«Вольтеръ начинаетъ свою Генріаду убіеніемъ Генриха III и оканчиваетъ обращеніемъ Генриха IV изъ одной религіи въ другую, — но прекрасные стихи его все дѣлаютъ обворожительнымъ».

Нравоучительная идея проходитъ черезъ всю «Россіаду». Общій смыслъ поэмы, выраженный въ короткихъ словахъ, тотъ, что добродѣтель и правая вѣра торжествуютъ надъ зломъ и заблужденіями. Въ частностяхъ своего произведенія Херасковъ постоянно съ любовью останавливается на примѣрахъ добродѣтели, прославляетъ нравственно-доблестныя дѣла. Такъ, въ 1-й и 2-й пѣсняхъ поэмы онъ подробно разсказываетъ о душевномъ перерожденіи Іоанна подъ вліяніемъ Адашева и чудесныхъ явленій; въ 6-й пѣсни возвеличиваетъ вѣрность мужу супруги хана Исканора и изображаетъ мрачными красками мученія совѣсти ренегата Сафгира; въ 11-й пѣсни рисуетъ, какъ великіе примѣры, достойные подражанія, готовность князя Палецкаго предпочесть казнь отреченію отъ Христа, и милосердіе Іоанна, пожалѣвшаго казнить татарскихъ плѣнниковъ.

Смѣшивая задачи поэта и проповѣдника, Херасковъ подрываетъ, конечно, этимъ самъ поэтическое достоинство своего сочиненія: вмѣсто картинъ, образовъ, лирическаго выраженія чувствъ онъ даетъ читателю нравоучительныя разсужденія и аллегорическіе разсказы въ стихахъ; притомъ разсужденія и разсказы эти по большей части многословны и холодны, а стихи тяжелы и неуклюжи. Но, однако, есть въ поэмѣ мѣста, гдѣ слышится жизнь и воодушевленіе, и эти мѣста не лишены положительныхъ достоинствъ. Такъ, напримѣръ, въ 7-й пѣсни Херасковъ устами Адашева съ истиннымъ сердечнымъ негодованіемъ говоритъ о льстецахъ, окружающихъ престолъ. Адашевъ обращается къ царю съ такою рѣчью:

Смотри, о Государь! на подданныхъ твоихъ:
Ты, можетъ быть, считалъ въ довольствѣ полномъ ихъ;
Льстецы, которые престолъ твой окружали,
Ихъ въ райскомъ житіи тебѣ изображали.
Когда бы ты чужимъ повѣрилъ словесамъ,
На скорби не взглянулъ, на ихъ печали самъ,
Ты, ставъ бы уловленъ сѣтьми совѣтовъ вредныхъ,
Льстецовъ бы наградилъ, а сихъ бы презрѣлъ бѣдныхъ».

И нѣсколько далѣе:

«Когда бы, Государь, вельможамъ ты повѣрилъ,
И самъ бы скорби ихъ пучины не измѣрилъ:
Чрезъ годъ бы здѣшній край на вѣки запустѣлъ,
И поздно бъ ихъ спасать, хотя бы ты хотѣлъ;
Стонали бъ камни здѣсь, земля бы трепетала,
А лесть бы и тогда тебѣ хвалы сплетала!
Когда бы въ праздности ты былъ сихъ бѣдъ творцемъ,
Тебя бы нарекли ласкатели отцомъ».

То, что было возвышенно и прекрасно въ идеяхъ мистическо-нравоучительнаго направленія и что мы уже видѣли въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ Хераскова, — отрицательное отношеніе къ

войнѣ и кровопролитію и признаніе суетою земнаго величія и богатства,—мы встрѣчаемъ и въ «Россіадѣ». Вотъ, напримѣръ, какими (конечно, нѣсколько тяжелыми), но несомнѣнно возвышенными и одушевленными стихами изображается въ поэмѣ битва:

«Катятся тамъ главы, ліются крови рѣки,
И человѣчество забыли человѣки!
Что было бъ варварствомъ въ другія времена,
То въ полѣ сдѣлала достоинствомъ война.
Отрубленна рука, кровавый мечъ держаща,
Ни страшная глава, въ крови своей лежаща,
Ни умирающихъ прискорбный сердцу стонъ,
Не могутъ изъ сердецъ изгнать свирѣпства вонъ.
За что бы не хотѣлъ герой принять короны,
То дѣлаетъ теперь для царства обороны».
(Твор. Хераскова, ч. I, стр. 217).

Также прекрасно и возвышенно высказываетъ Херасковъ, въ началѣ 1-й пѣсни и въ пѣсни 7-й, мысль о духовномъ равенствѣ людей, о тщетѣ земнаго блеска, о суетности земной жизни:

«Какимъ превратностямъ подверженъ здѣшній свѣтъ!
Въ немъ блага твердаго, въ немъ вѣрной славы нѣтъ.
Великіе моря, лѣса и грады скрылись,
И царства многія въ пустыни претворились;
Гремѣлъ побѣдами, владѣлъ вселенной Римъ,
Но слава Римская исчезла яко дымъ.
И небо никому блаженства не вручало,
Котораго бъ лучей ничто не помрачало.
Не можетъ счастія не меркнуть красота,—
И въ солнцѣ и въ лунѣ есть темныя мѣста!»
(Пѣснь 7-ая).

Въ началѣ 1-й пѣсни поэмы Херасковъ, слѣдуя правиламъ ложно-классической теоріи поэзіи, говоритъ о содержаніи своего произведенія, и при этомъ довольно своеобразно обращается съ возваніемъ къ «вѣчности»:

«Отверзи, вѣчность! мнѣ селеній тѣхъ врата,
Гдѣ вся отвержена земная суета,
Гдѣ души праведныхъ награду обрѣтаютъ,
Гдѣ славу, гдѣ вѣнцы тщетою почитаютъ,
Передъ усыпаннымъ звѣздами алтаремъ
Гдѣ рядомъ предстоятъ послѣдній рабъ съ царемъ,
Гдѣ бѣдный нищету, несчастный скорбь забудетъ,
Гдѣ каждый человѣкъ другому равенъ будетъ.
Откройся, вѣчность, мнѣ, да лирою моей
Вниманье привлеку народовъ и царей!»

Нѣсколько далѣе въ той же 1-й пѣсни тѣнь князя Александра Тверскаго «вѣщаетъ» царю Іоанну такого рода нравственную истину:

«Ты властенъ все творить, тебѣ вѣщаетъ лесть;
Ты — рабъ отечества, вѣщаютъ долгъ и честь».
(Пѣснь I, стр. 8).

Подобныя приведеннымъ возвышенныя мысли, будучи выраженіемъ, главнымъ образомъ, нравственной стороны того литературнаго и жизненнаго направленія, которому служилъ Херасковъ, отчасти вытекали и изъ мистическихъ вѣрованій этого направленія. Мистицизмъ — явленіе обоюдоострое: порой приводитъ онъ къ идеямъ и представленіямъ мрачнымъ, грубымъ или наивно-смѣшнымъ, порой подымаетъ человѣка на духовную высоту.

Мистическое, чудесное, подобно тому какъ и нравоученіе, проходитъ черезъ все содержаніе «Россіады». Царю Іоанну являются въ видѣніяхъ князь Александръ Тверской, св. Софія; какой-то таинственный старецъ даритъ Іоанну чудесный щитъ, долженствующій направлять царя къ добру и потускнѣть отъ его порока. На помощь русскимъ войскамъ сходятъ съ неба св. братья князья Борисъ и Глѣбъ. Царица казанская Сумбека совершаетъ чары. И вотъ здѣсь, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, выступаетъ передъ нами отрицательная сторона мистицизма Хераскова: съ такимъ одушевленіемъ повѣствуетъ поэтъ о чарахъ Сумбеки, такъ серьёзно противополагаетъ онъ имъ дѣйствіе Божіей благодати и силы, что читатель недоумѣваетъ: не вѣритъ волшебству и чародѣйству самъ авторъ поэмы, или наивно вѣритъ ему? Почти такое же недоумѣніе возбуждаютъ и на каждомъ шагу встрѣчающіяся въ поэмѣ олицетворенія отвлеченныхъ нравственныхъ понятій: трудно сказать, поэтическіе ли тропы и фигуры передъ нами, или искреннія вѣрованія автора? Олицетворенія эти по большей части неизящны и даже грубы. Вотъ, напримѣръ, какими чертами нарисовано «Безбожіе»:

«Есть бездна темная, куда не входитъ свѣтъ,
Тамъ, всѣхъ источникъ золъ, Безбожіе живетъ;
Оно геэнскими окружено струями,
Піетъ кипящій ядъ, питается зміями;
Простерли по его нахмуренну челу
Развратны помыслы печали, горесть, мглу;
Отъ вѣчной зависти лице его желтѣетъ;
Съ отравою сосудъ въ рукѣ оно имѣетъ;
Устами алчными коснется кто сему,
Противно въ мірѣ все покажется тому;
Безбожіе войны въ семъ мірѣ производитъ,
Рукой писателей неблагодушныхъ водитъ
И, ядомъ напоивъ ихъ каменны сердца,
Велитъ имъ отрыгать хулы противъ Творца».
(Ч. I, стр. 130).

Вотъ черты, указывающія, что «Россіада» по духу и содержанію своему есть поэма мистическо-нравоучительная.

Но, отдавшись, какъ истинный масонъ, всей душой такому направленію, Херасковъ и въ первой эпической поэмѣ своей всетаки остается русскимъ человѣкомъ и патріотомъ. Любовь къ родной землѣ проникаетъ все произведеніе, выражаясь не только наивностями (въ родѣ того, что поэтъ заставляетъ убитыхъ татаръ лежать лицемъ внизъ, между тѣмъ какъ всѣ убитые русскіе лежатъ вверхъ лицемъ), но и серьёзно, и порой горячо. Херасковъ имѣлъ право сказать про свою поэму въ предисловіи къ ней:

«Читатель! ежели, проходя всѣ сіи бѣдства нашего отечества, сердце твое кровію не обливается, духъ твой не возмутится и, наконецъ, въ сладостный восторгъ не придетъ, — не читай мою Россіаду — она не для тебя — писана она для людей, умѣющихъ чувствовать, любить свою отчизну и дивиться знаменитымъ подвигамъ своихъ предковъ, безопасность и спокойство своему потомству доставившихъ». (Т. I, стр. XVIII).

4.

„Владиміръ".

Другая эпопея — «Владиміръ» — написана Херасковымъ въ 1785 году, т. е. шестью годами позже «Россіады». Въ этотъ промежутокъ времени Херасковъ еще дальше ушелъ въ духѣ своего направленія. Содержаніе для «Владиміра» выбралъ онъ болѣе удачно, чѣмъ для первой поэмы: крещеніе князя Владиміра и русскаго народа есть дѣйствительно величайшее историческое событіе и потому совершенно подходитъ къ одному изъ главнѣйшихъ требованій теоріи «эпической поэмы». Но, сочиняя «Владиміра», поэтъ уже мало думалъ о героическомъ и не заботился объ его изображеніи; у него были совсѣмъ другія цѣли. «Владиміръ» есть поэма совершенно мистическая и аллегорическо-нравоучительная. Самъ авторъ въ предисловіи къ своему творенію выдѣляетъ его изъ ряда эпопей; онъ говоритъ:

«Ежели кто будетъ имѣть охоту прочесть моего Владиміра, тому совѣтую, наипаче юношеству, читать оную не какъ обыкновенное эпическое твореніе, гдѣ, по большей части, битвы, рыцарскія подвиги и чудесности воспѣваются; но читать какъ странствованіе внимательнаго человѣка путемъ истины, на которомъ срѣтается онъ съ мірскими соблазнами, подвергается многимъ искушеніямъ, впадаетъ во мраки сомнѣнія, борется со врожденными страстями своими, наконецъ преодолѣваетъ самъ себя, находитъ стезю правды и, достигнувъ просвѣщенія, возрождается». (Творенія Хераскова, т. II, стр. II).

Поэтъ самъ довольно точно опредѣляетъ въ томъ же предисловіи общій смыслъ поэмы; онъ говоритъ, что старался въ ней разъяснить «сокровенныя чувствованія души, съ самой собою борющейся». — Въ концѣ предисловія онъ указываетъ на то, что, сла-

гая свое твореніе, онъ пользовался и соотвѣтственными поставленной цѣли источниками:

«Многія духовныя книги въ моемъ сочиненіи мнѣ руководствовали, многое отъ бесѣдованія съ цѣломудренными людьми я заимствовалъ, многое собственнымъ познавъ опытомъ».

Содержаніе поэмы «Владиміръ» въ краткихъ чертахъ таково: варягъ-христіанинъ убѣждаетъ князя Владиміра креститься. Жрецы, въ отмщеніе за это, убиваютъ варяга и его сына; изъ служителей язычества особенно выдаются своей ревностью чародѣй Зломіръ и верховный жрецъ Пламидъ. Между тѣмъ, въ душу Владиміра уже запало сѣмя духовной истины. Но жрецамъ помогаютъ сами боги: они собираются на совѣщаніе въ храмѣ сластолюбивой Лады, и здѣсь, по предложенію Перуна, рѣшаютъ дѣйствовать на Владиміра соблазнами любви. Они достигаютъ того, что Владиміръ, дѣйствительно, влюбляется въ красавицу Версону, у которой уже есть женихъ, христіанинъ какъ и она, Законестъ. Но, хотя страсть овладѣла было душой князя, добро, однако, восторжествовало въ ней: Владиміръ самъ способствуетъ браку Законеста и Версоны и отпускаетъ ихъ на свободу — жить, гдѣ они хотятъ. Счастливые супруги поселяются въ блаженной райской мѣстности на берегу Днѣпра, живутъ здѣсь вполнѣ духовной жизнью, и тѣла ихъ преображаются, просвѣтляются, дѣлаются сіяющими и прозрачными, какъ у Адама и Евы до грѣхопаденія.— Владиміру приходитъ однажды мысль посѣтить Законеста и Версону. Старецъ Идолемъ даетъ ему таинственный свѣтильникъ, который долженъ на пути предохранять князя отъ разныхъ соблазновъ, предотвращать эти соблазны, и Владиміръ пускается въ дорогу. Въ это самое время къ Кіеву приближается Киръ, «пастырь вѣрныхъ душъ», который идетъ къ князю Владиміру, чтобы просвѣтить его христіанскою вѣрой. Язычники направляютъ тогда всѣ свои силы противъ Кира, и Зломіру удается обмануть его и запереть въ пещеру. Но самъ апостолъ Андрей освобождаетъ его и приводитъ затѣмъ къ Законесту и Версонѣ. Между тѣмъ, Владиміръ на пути своемъ встрѣчается съ соблазнами: его пытаются увлечь три женщины—олицетворенія любостяжанія, гордости и плотоугодія; на него идетъ еще одно «чудовище», которому поэтъ даетъ имя — «умственность здѣшня міра»; но, руководимый и спасаемый своимъ чудеснымъ свѣтильникомъ, Владиміръ побѣждаетъ враговъ, достигаетъ цѣли своего путешествія и встрѣчается съ Киромъ. Киръ разсказываетъ ему объ адѣ. Владиміръ задумывается, но еще колеблется принять христіанство: онъ говоритъ Киру, что народу тяжело будетъ разстаться съ вѣрой предковъ, и проситъ проповѣдника подождать «малое время». —По возвращеніи Владиміра въ Кіевъ изъ странствованія военачальникъ Рогдай требуетъ, чтобы князь предпринялъ походъ на Херсонесъ; онъ

говоритъ, что греки хитры, что они грабятъ суда и пловцовъ россійскихъ, что они, «нарушивъ договоръ, Россіянъ въ плѣнъ берутъ». Владиміръ соглашается съ Рогдаемъ, идетъ въ походъ, осаждаетъ городъ Херсонесъ, и вмѣстѣ съ этимъ сватается за сестру императоровъ византійскихъ — Анну. Греческая царевна согласна выйдти за Владиміра, но условіемъ брака ставитъ принятіе русскимъ княземъ христіанства. Тогда Владиміръ рѣшается, наконецъ, креститься. И вотъ настаетъ послѣднее испытаніе: Киръ приказываетъ князю идти въ полночь въ христіанскій храмъ, куда будетъ указывать ему путь звѣзда; онъ говоритъ:

«Гряди единъ въ нощи, гряди къ святому храму,
Звѣзда къ нему тебѣ явитъ дорогу пряму;
Но глазъ не обращай къ мірскимъ вещамъ назадъ:
Готовитъ новые тебѣ соблазны адъ».

(Ч. II, стр. 274).

Въ самомъ дѣлѣ, чародѣй Зломіръ входитъ въ соглашеніе съ Рогдаемъ, и они хотятъ помѣшать Владиміру найти истину. Имъ удается, принявъ видъ отшельниковъ, завлечь князя въ языческій храмъ, и тамъ они начинаютъ учить его, что онъ долженъ имъ повиноваться. Владиміръ, думавшій первоначально, что попалъ туда, куда посылалъ его Киръ, сознаетъ свою ошибку и не поддается соблазну. Побѣдивъ на дальнѣйшемъ пути еще рядъ искушеній, онъ наконецъ приходитъ въ просто устроенную, безъ всякой роскоши, христіанскую церковь. Лазурная завѣса скрываетъ отъ глазъ князя златой престолъ этого храма. Владиміра беретъ любопытство, и онъ отдергиваетъ завѣсу; въ тотъ же моментъ онъ теряетъ зрѣніе. Тогда настала минута полнаго его обращенія: князь приноситъ Богу искреннее раскаяніе въ грѣхахъ, зоветъ къ себѣ Кира. Крещеніе исцѣляетъ Владиміра, возвращаетъ ему зрѣніе. Затѣмъ повѣствованіемъ о бракѣ князя съ царевной Анной заканчивается поэма.

Херасковъ попытался нарисовать въ своемъ произведеніи характеръ князя Владиміра. Попытку эту нельзя назвать, съ художественной точки зрѣнія, удачной. Но интересно посмотрѣть, какія черты отмѣтилъ авторъ въ героѣ поэмы.—Главные недостатки Владиміра-язычника—славолюбіе и женолюбіе; онъ

«То громъ войны любилъ, то женски красоты».

Но и тогда уже высокая душа его чувствовала ложь подобныхъ увлеченій; онъ говоритъ въ началѣ поэмы, раскаяваясь въ своихъ грѣхахъ:

«Князь ли я? Не князь я — подлый рабъ!
На тронѣ силенъ я, но въ духѣ малъ и слабъ;
Мнѣ ль властвовать людьми!.. собою не умѣю!
. . . .

Владѣтелемъ земнымъ я славлюся вотще;
Я только бѣдный есмь невольникъ подлой страсти;
Полночный Государь у слабыхъ женъ во власти!»
(Т. II, стр. 39).

Владиміръ отличается здравымъ практическимъ смысломъ и разумной осторожностью. На предложеніе варяга-христіанина принять «Христовъ законъ», онъ отвѣчаетъ:

«О старче! я есмь Царь, но есмь и человѣкъ;
Мнѣ трудно во плоти безгрѣшнымъ учиниться;
Но праведнымъ хощу закономъ просвѣтиться;
Достигнуть зрѣлости не можетъ вдругъ никто:
Потребны опыты и время мнѣ на то».
(Т. II, стр. 6).

По отношенію къ подданнымъ Владиміръ—князь добрый, кроткій и любящій. Вопросъ о принятіи истинной вѣры для него не личный только вопросъ, но дѣло народное; поэтъ говоритъ про него:

«Отъ подданныхъ любимъ, онъ подданныхъ любилъ;
Въ болѣзненномъ тогда страданьѣ возопилъ:
Тотъ подданныхъ врагомъ и недругомъ явится,
Кто можетъ ихъ спасти, но ихъ спасать не тщится!»
(Т. II, стр. 27).

Мистицизмъ и нравоученіе тѣсно и неразрывно сливаются въ поэмѣ «Владиміръ».—Когда мистицизмъ есть проявленіе истинной вѣры, тогда онъ, дѣйствительно, можетъ служить основаніемъ нравственности, правды; тогда онъ не противорѣчитъ и разуму. Иное совсѣмъ дѣло, когда мистицизмъ есть выраженіе вѣрованій ложныхъ и фанатическихъ. И вотъ въ этомъ послѣднемъ видѣ онъ и является, въ большинствѣ случаевъ, во второй эпопеѣ Хераскова. Мы видѣли въ «Россіадѣ» странное олицетвореніе поэтомъ отвлеченныхъ понятій въ грубыхъ и непривлекательныхъ образахъ. Странность такихъ олицетвореній еще ярче бросается въ глаза во «Владимірѣ». Вотъ, напримѣръ, какой образъ далъ Херасковъ ненависти:

«Тамъ ненависть, людей, ни Бога не любя,
Терзаетъ грудь свою и ѣстъ сама себя;
Но паки внутренна ко скорбямъ въ ней родится
И паки пищею свирѣпства становится».
(2 пѣснь, стр. 17).

Особенно замѣчательно и любопытно, въ ряду подобныхъ олицетвореній, отношеніе автора «Владиміра» къ дѣятельности ума человѣческаго, къ духу любознательности и пытливости. Какъ ревностный масонъ, Херасковъ отрицательно смотритъ на эту сторону духовной жизни человѣка. Особенно ненавистенъ ему скептицизмъ; сомнѣніе считаетъ онъ порожденіемъ дьявола, грубѣйшей частью

мнѣній врага человѣческаго рода. Въ 10-й пѣсни поэмы мы встрѣчаемъ стихи:

«О! кто чудовище такое породилъ?
Кто ввилъ его въ сердца и въ мысляхъ расплодилъ?
То видя злость свою врагъ Божій истощенну
И на главу его всю ярость обращенну,
Изъ мнѣніевъ своихъ грубѣйшу часть извлекъ,
Одушевилъ ее, сомнѣніемъ нарекъ;
И мрака въ пеленахъ едва она явилась,
О бытіи своемъ во свѣтѣ усомнилась.
Взирая на него, сего грѣха отецъ
Въ сомнѣніе пришелъ, что онъ ея творецъ;
Сомнѣнью тѣсенъ адъ, изъ бездны адской вскорѣ
На землю потекло и разлилось какъ море».
(Стр. 138).

И не только сомнѣніе, поэту ненавистна вообще «умственность» человѣческая. Вотъ ея образъ въ поэмѣ:

«Чудовище огонь и дымъ изъ устъ метало;
Коснувшись облаковъ главой своей, оно
Изъ тварей въ мірѣ всѣхъ казалось сложено;
Стихіи бурныя въ немъ зрѣлися смѣшенны,
То живы видѣлись, то жизни вдругъ лишенны;
То будто чистый день сіяли красотой,
То нощи пасмурной мрачились густотой;
На немъ и рубища, на немъ была порфира,
Кто былъ то?—умственность была то здѣшня міра».
(6 пѣснь, стр. 80).

Ужаснымъ представляется Хераскову духъ «пытливости» человѣческаго разума; поэтъ высказываетъ такое убѣжденіе:

«Что тайнъ Божественныхъ завѣсой покровенно,
Въ то смертнымъ проникать грѣшно и дерзновенно».
(18 пѣснь, стр. 291).

Когда князь Владиміръ въ поэмѣ входитъ въ храмъ, гдѣ душа его должна просвѣтиться и очиститься, его начинаетъ одолѣвать страшное искушеніе:

«Въ немъ духъ пытливости разсудокъ возжигаетъ.
Представилъ сладкимъ онъ Адамовъ мрачный грѣхъ,
Естественнѣй другихъ, но пагубнѣйшій всѣхъ».
(18 пѣснь, стр. 290).

Идя по ложной дорогѣ, мистицизмъ эпопеи «Владиміръ» граничитъ съ фантастическими бреднями. Мы встрѣчаемъ въ поэмѣ масонскія вѣрованія, вѣрованія въ разложеніе (а слѣдовательно и приготовленіе) золота и серебра, въ алхимію, астрологію, магію. Старецъ Идолемъ ведетъ князя Владиміра въ идеальную страну, и князь видитъ тамъ удивительныя вещи и явленія:

«Тамъ солнечны лучи, во златѣ заключенны,
Блистаютъ, изъ цѣпей тѣлесныхъ извлеченны;
Освобожденная душа сребра видна,
Блистающая такъ, какъ свѣтлая луна;
Металлы, получивъ изъ плѣна ихъ свободу,
Изображаютъ тамъ одну кристальну воду;
Всѣ вещи видимы душевныхъ для очей
Во первобытности существенно своей».

(7 пѣснь, стр. 93).

Описывая языческіе обряды и осуждая ихъ, авторъ «Владиміра» высказываетъ мысль, что

«Не сокровенную, священную магію,
Но черную ввели язычники въ Россію»,

(Стр. 125).

т. е. онъ признаетъ существованіе и могучее дѣйствіе масонской магіи. Онъ признаетъ и вліяніе звѣздъ на дѣла человѣческія, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ начало 6-й пѣсни поэмы:

«Воздушной въ глубинѣ неизмѣримой бездны,
Гдѣ силу естества питаютъ круги звѣздны,
И перстомъ Божіимъ посѣянное въ нихъ
На шаръ земный течетъ росой вліянье ихъ»...

и т. д.

Подобныя мѣста эпопеи напоминаютъ намъ масонскія книги въ родѣ «Химической псалтыри»,—книги, въ которыхъ орденское ученіе выразилось въ нелѣпыхъ крайностяхъ своихъ странныхъ вѣрованій.

Эти вѣрованія масоновъ, какъ мы знаемъ, граничатъ съ грубымъ матеріализмомъ. И дѣйствительно, въ эпопеѣ «Владиміръ» мы встрѣчаемъ (хотя и не часто) матеріализмъ не только въ масонскихъ формахъ, но и въ иномъ видѣ. Таково, напримѣръ, то мѣсто произведенія, гдѣ разсказывается, какъ юнаго князя Всеволода соблазняли пиры и красавицы. Только таинственное зеркало, которымъ обладалъ Всеволодъ, спасло его отъ искушеній: личную нравственную силу и доблесть человѣка Херасковъ считаетъ ничтожными передъ могуществомъ земнаго соблазна; онъ говоритъ:

«Опустимъ завѣсу для нашихъ скромныхъ глазъ,
Да прелесть здѣшнихъ мѣстъ не соблазняетъ насъ;
Мы добры съ твердыми, съ строптивыми слабѣемъ,
Притомъ и зеркала стальнаго не имѣемъ.
Когда бъ и Всеволодъ зерцала не имѣлъ,
Давно бы къ Нимфамъ онъ въ бесѣду полетѣлъ».

(12 пѣс., стр. 172).

Нравственная слабость масонства, его боязнь борьбы со зломъ и нежеланіе этой борьбы сказались здѣсь въ ревностномъ послѣдователѣ вольнаго каменьщичества Херасковѣ.

Но, не смотря на все это, не смотря на то, что эпопея «Владиміръ» далеко ушла въ духѣ ложной стороны мистическо-нравоучительнаго направленія, въ ней выразились, однако, и тѣ свѣтлыя идеи направленія, которыя мы видѣли, напримѣръ, въ «Россіадѣ».—Авторъ «Владиміра» тоже высказываетъ порою, и притомъ съ истиннымъ одушевленіемъ, мысль о тщетѣ и суетности земныхъ благъ, всего земнаго и временнаго. Въ 14-й пѣсни описывается, какъ ночь, наступившая послѣ сраженія, скрыла подъ своимъ покровомъ и побѣдителей, и побѣжденныхъ, затмила славныя и неславныя дѣла; это наводитъ поэта на размышленіе о непрочности земнаго человѣческаго счастія; онъ говоритъ:

«Такъ міра при концѣ дѣянія людей
Лишатся всѣхъ торжествъ и пышности своей;
Все будетъ въ вѣчности разрушенно, смѣшенно;
Лишь сердце чистое не будетъ погашенно».

(Стр. 198).

Въ другомъ мѣстѣ поэмы, въ пѣсни 17-й, мы встрѣчаемъ возвышенную мысль:

«Почувствуй всякъ теперь, кто златомъ ослѣпленъ,
Коль бѣдный прахъ оно, какой при нуждѣ тлѣнъ».

(Стр. 261).

Суету и тлѣнъ видитъ Херасковъ и въ завоевательныхъ мечтахъ и стремленіяхъ героевъ. Юный сынъ Владиміра Всеволодъ нашелъ въ таинственной долинѣ камни съ надписями именъ знаменитыхъ воителей; между прочими прочелъ онъ и имя Александра Македонскаго. Великій герой Греціи вызвалъ изъ души поэта такіе стихи:

«Александръ, вселенной побѣдитель,
Спокойства своего и ближняго рушитель;
Ему казалася вселенная тѣсна,
Но скрыла прахъ его земли пядень одна».

(13-я пѣснь, стр. 183).

Непорочность и чистота сердца,—вотъ, по мнѣнію Хераскова, единственныя вѣрныя блага на землѣ. Для человѣка съ непорочнымъ сердцемъ пустыня обращается въ вертоградъ, темница и даже самый адъ—въ спокойствіе.

Земное величіе—тоже суета. «Пастырь вѣрныхъ душъ» Киръ говоритъ князю Владиміру:

«Душевной гордостью, о князь! прельщенъ не буди;
Предъ Божіимъ судомъ равны, равны всѣ люди:
Вельможа, рабъ и царь сіяютъ въ Богѣ тамъ;
Не по величеству, Онъ судитъ по дѣламъ».

(Стр. 114).

«Едину всѣмъ отверзъ Господь къ Себѣ дорогу,
Пастухъ и царь идутъ чрезъ тѣсны двери къ Богу.
. . . .
Люби, люби людей, терпи, храни смиренье,
Душа твоя и плоть получатъ озаренье».

(Стр. 117).

Если въ «Россіадѣ» замѣтна наивность историческихъ взглядовъ Хераскова, то эта наивность, конечно, должна была проявиться, и еще ярче, и во «Владимірѣ», поэмѣ аллегорическаго характера и совершенно мистической. Мы это и видимъ. Такъ, напримѣръ, Херасковъ, совершенно убѣжденъ въ существованіи въ древней Руси организованнаго сословія жрецовъ; жрецы эти представляются ему чрезвычайно могущественными и притомъ обманщиками, лицемѣрно поддерживающими въ народѣ вѣру въ идоловъ. А самое язычество называетъ онъ суевѣріемъ. Поэтъ говоритъ про «Россіянъ»:

«Толика ихъ была велика слѣпота,
Что вѣра въ идоловъ казалась имъ свята;
Жрецы мечту сію питали лицемѣрствомъ,
Народъ поддерживалъ постыднымъ суевѣрствомъ».

(Пѣснь 4-я, стр. 42).

И боговъ у нашихъ предковъ Херасковъ зналъ больше, чѣмъ ихъ было въ дѣйствительности; въ поэмѣ упоминаются: Хорсъ, Семирглъ, Купало, Зничъ, Лада, Дажбо, Чернобогъ и другіе.

Въ признаніи жрецовъ сознательными обманщиками мистикъ Херасковъ сошелся съ разсудочными воззрѣніями вольтеріанцевъ. Интересно, что онъ сошелся съ вольтеріанцами и во взглядѣ на народъ и отношеніе къ нему царской власти. Народъ въ поэмѣ «Владиміръ» названъ «унылымъ рабомъ закоренѣлыхъ мнѣній»; народъ—это стадо, царь—его стражъ; царь—вѣтвистое древо, народъ—его тѣнь.

Оканчивая разсмотрѣніе поэмы «Владиміръ», мы должны обратить вниманіе еще на одну, очень важную черту въ ней.

Не смотря на всю отвлеченность, на чрезвычайное отдаленіе отъ жизни своей второй эпопеи, Херасковъ, однако, и въ ней не могъ не проявить присутствія въ своей душѣ народныхъ началъ, хотя это проявленіе и не такъ ярко, какъ въ «Россіадѣ». Оно сказалось, во-первыхъ, въ любви поэта къ родному народу; такъ, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ поэмы онъ высказываетъ увѣренность, что каждый русскій человѣкъ готовъ жизнью постоять за родину:

«Полночны жители такого свойства суть,
Что къ бранямъ завсегда у нихъ готова грудь;
Оставя въ полѣ плугъ, изъ самыхъ нѣдръ покоя
Преображается оратель во героя».

(Стр. 149).

Конечно, въ этихъ стихахъ Херасковъ довольно наивно изображаетъ русскихъ народомъ воинственнымъ; но въ нихъ несомнѣнно слышится вѣра въ родной народъ.

Другою народной чертой, проявившейся въ эпопеѣ, надо считать здравый смыслъ, трезвый умъ, сказавшійся въ осужденіи поэтомъ фанатизма, — осужденіи, которое можетъ показаться даже страннымъ послѣ всѣхъ тѣхъ мистическихъ бредней и фантастическихъ вѣрованій, которыми переполнена поэма.

Вотъ какъ разсказываетъ Херасковъ о фанатизмѣ (образъ котораго видѣлъ Владиміръ въ храмѣ) и о томъ, какъ князь отрекся съ негодованіемъ отъ служенія этому фанатизму. Негодованію Владиміра, очевидно, сочувствуетъ самъ поэтъ:

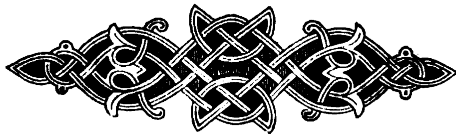
«Свирѣпый фанатизмъ въ десной рукѣ держалъ
Багровой кровію дымящійся кинжалъ;
Перуны грозные у ногъ его лежали,
Передъ лицемъ его поклонники дрожали;
Но взоромъ иногда онъ смертныхъ обольщалъ,
И вдругъ, нахмуривъ взоръ, клевретамъ такъ вѣщалъ:
Глаголамъ кто моимъ не внемлетъ и не вѣритъ,
Отринутъ будетъ мной и весь мой гнѣвъ измѣритъ...
. . . .
Владиміру гласятъ: отсель не исходи!
Къ стопамъ небеснаго могущества пади.
Владиміръ въ духѣ твердъ, Владиміръ не слабѣетъ,
И преклонить колѣнъ стремленья не имѣетъ;
Не благочестіе, разврáты въ мракѣ зритъ.
«Не преклоню колѣнъ»! — отважно говоритъ.
«Христовъ законъ людей не тяготитъ, не мучитъ,
Онъ ближняго любить, не ненавидѣть учитъ;
Отколѣ взяли вы преданья таковы?
Мессія весь любовь, не милосерды вы».
(18-я пѣснь, стр. 282 и 283).

Таковъ Херасковъ въ главныхъ своихъ произведеніяхъ. Масонъ, сильно увлекшійся орденскимъ ученіемъ, онъ былъ въ своей литературной дѣятельности несомнѣннымъ, яркимъ и полнымъ представителемъ мистическо-нравоучительнаго направленія, пришедшаго къ намъ съ Запада вмѣстѣ съ масонствомъ. Онъ увлекся всѣми существенными идеями и положеніями этого направленія, истинными и ложными, добрыми и злыми. Мы видѣли въ его сочиненіяхъ, съ одной стороны, ложный мистицизмъ, порой доходящій до грубыхъ мечтаній и вѣрованій крайняго масонства, отвлеченное нравоученіе, холодное и сухое, чуждающееся жизни, борьбы, гнѣва и негодованія, нравоученіе, впадающее въ проповѣдь эгоизма подъ видомъ боязни осудить ближняго; съ другой стороны, передъ нами

высказывались въ его «твореніяхъ» и возвышенныя мысли о тщетѣ и суетности земнаго блеска, величія, славы, могущества и богатства, мысли о лжи завоевательныхъ стремленій и о духовномъ равенствѣ всѣхъ людей, знатныхъ и незнатныхъ, богатыхъ и бѣдныхъ...

Подобно своимъ литературнымъ товарищамъ, писателямъ современникамъ, увлекавшимся инымъ направленіемъ умственной жизни, служившимъ скептическо-матеріалистическимъ идеямъ, Херасковъ доходилъ до крайности въ своемъ увлеченіи иноземными вліяніями и вѣяніями, въ своемъ примѣненіи этихъ вѣяній къ русской литературѣ и жизни. Но, подобно тому, какъ и тѣ писатели, увлекаясь чужимъ и искренно переживая его, Херасковъ оставался, однако, человѣкомъ русскимъ, не терялъ вполнѣ почвы подъ ногами: мы видѣли, въ самыхъ даже отвлеченныхъ и далекихъ отъ русской дѣйствительности, произведеніяхъ его и теплую любовь къ родной землѣ, и выраженіе народныхъ началъ, безсознательно жившихъ въ его душѣ. Отъ этого выходили въ его сочиненіяхъ противорѣчія; но Екатерининская эпоха еще не была временемъ гармоническаго сліянія въ нашей литературѣ чужихъ, пришлыхъ стихій духовной жизни съ нашими родными. Этому препятствовала, конечно, и самая страстность, съ какой усвоивали себѣ и переживали въ своей душѣ чужія начала наши писатели. Но въ этомъ не было, однако, ошибки: чтобы усвоить доброе и полезное изъ чужой жизни, надо искренно и горячо пережить самую эту чужую жизнь; и если, переживая ее, мы не перестаемъ быть въ то же время самими собою, то въ концѣ концовъ чужое очистится въ насъ отъ того, что было въ немъ ложнаго, и сольется съ нашимъ роднымъ, помогши и ему освободиться отъ примѣси неправды. — Херасковъ увлекался до крайности пришлыми началами, какъ и другіе наши писатели... Но есть небезъосновательное мнѣніе, что и въ самой крайности увлеченій русскихъ людей сказывается одно изъ оригинальныхъ и самобытныхъ свойствъ нашей народности.

А. Незеленовъ.



ВОСПОМИНАНІЯ СТАРАГО ЛИТЕРАТОРА.

ЪЪ ИЗВѢСТНЫЕ годы, когда обыкновенно подводятся уже итоги прожитому, долгъ каждаго общественнаго дѣятеля позаботиться о томъ, чтобы сохранить для будущаго все то, что случилось въ его жизни, имѣющаго значеніе или интересъ для общества или литературы.

Достигнувъ такихъ лѣтъ и я, въ свою очередь, не желаю унести съ собою тотъ житейскій скарбъ, который можетъ принести пользу будущимъ дѣятелямъ при разработкѣ исторіи нашей литературы за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ (съ 1837 по 1887), въ которыя я былъ очевидцемъ многаго, зналъ и слышалъ о многомъ, самъ дѣйствовалъ на этой аренѣ и испыталъ многое... Словомъ, я рѣшился подѣлиться съ обществомъ моими воспоминаніями о прожитомъ, озаглавивъ ихъ: «Воспоминанія стараго литератора», гдѣ въ видѣ отдѣльныхъ статей, подъ отдѣльными заголовками, будутъ появляться мои разсказы о прошломъ въ области русской литературы и прежнихъ ея дѣятеляхъ, изъ которыхъ лишь немногіе еще живы.

Къ такому рѣшенію привели меня, имѣвшія успѣхъ, судя по слышаннымъ мною отзывамъ, мои воспоминанія о Сенковскомъ, Ушинскомъ, Дружининѣ, В. Д. Яковлевѣ, Дудышкинѣ, Монферранѣ и Зинаидѣ Р..... (Е. А. Ганъ).

Первый появляющійся здѣсь очеркъ изъ моихъ воспоминаній я назвалъ: «Встрѣчи и знакомства».

Считаю нужнымъ замѣтить здѣсь кстати, что перомъ моимъ будетъ руководить одно доброжелательство и правда, и обо всемъ будетъ говориться—sine ira et studio....

I.

ВСТРѢЧИ И ЗНАКОМСТВА.

Перейдя въ маѣ 1840 года на третій курсъ въ Петербургскомъ университетѣ, я ѣздилъ за границу и, пробывъ тамъ пять мѣсяцевъ, въ концѣ октября, возвратился въ Петербургъ и сталъ посѣщать лекціи.

Въ первыхъ числахъ декабря, во время антракта между лекціями, субъ-инспекторы Вакаръ и Грессеръ, подозвавъ меня, къ величайшему моему изумленію, спросили: не желаю ли я опять ѣхать за границу.

— Я недавно возвратился,—отвѣтилъ я:—а вы меня опять туда гоните.

— Нѣтъ, мы не шутимъ,—замѣтилъ Грессеръ:—вотъ въ чемъ дѣло: нашъ посланникъ въ Берлинѣ, баронъ Мейендорфъ, чрезъ своего брата, который находится теперь здѣсь, барона Егора Мейендорфа, извѣстнаго своею поѣздкою въ Бухару, обратился къ университетскому начальству съ просьбой—рекомендовать ему хорошаго студента, который могъ бы приготовить двухъ его сыновей въ Пажескій корпусъ и выучилъ бы ихъ порусски; конечно, студентъ долженъ хорошо знать и нѣмецкій языкъ, чтобъ могъ объясняться съ своими учениками.

— Какъ же я брошу университетъ и уѣду за границу? Эдакъ я испорчу всю свою карьеру...

— Вы можете посѣщать Берлинскій университетъ,—замѣтилъ Вакаръ.

— Это правда. Что жъ, я подумаю и завтра дамъ вамъ отвѣтъ.

— Мы думали, кого бы изъ нашихъ студентовъ можно было рекомендовать барону Мейендорфу, но близко мы никого не знаемъ и остановились на васъ. Вы уже были за границей, вы человѣкъ бывалый—вотъ почему мы къ вамъ обращаемся. Такъ завтра мы ждемъ отъ васъ положительнаго отвѣта,—сказалъ Грессеръ.

На другой день, прійдя въ университетъ, я объявилъ Вакару и Грессеру, что, обдумавъ хорошенько, я согласенъ отправиться къ нашему посланнику, въ Берлинъ. Тогда Вакаръ передалъ мнѣ адресъ барона Е. К. Мейендорфа, жившаго временно въ домѣ Чаплина на углу Малой Морской и Невскаго проспекта, и письмо, которое я долженъ былъ передать барону.

— Пожалуйста, отправьтесь къ барону сейчасъ же,—прибавилъ Вакаръ.—Вы теперь застанете его дома; переговорите съ нимъ, а потомъ сообщите намъ, что̀ у васъ сдѣлается.

Отправившись по данному адресу, я засталъ дома барона Мейендорфа, и прежде чѣмъ приведу его разговоръ со мною, скажу нѣсколько словъ о его личности.

Баронъ Егоръ Казиміровичъ Мейендорфъ былъ человѣкъ лѣтъ подъ пятьдесятъ, съ благородными, рыцарскими чертами лица, правильнаго германскаго типа, но какъ будто застывшими, до того лицо его было спокойно. Въ его немного рыжеватыхъ волосахъ проглядывала уже сѣдина. Онъ былъ болѣе чѣмъ средняго роста, стройный, но плохо слышалъ и постоянно прибѣгалъ къ рожку... Порусски онъ говорилъ безукоризненно и былъ отлично и многосторонне образованъ.

Мы объяснились. Онъ сообщилъ мнѣ, что̀ нужно его брату и условія, на которыхъ требовался молодой человѣкъ изъ университета. Я, въ свою очередь, сообщилъ ему свое curriculum vitae, потомъ о моей поѣздкѣ за границу, изъ которой я только-что вернулся. Когда онъ спросилъ меня: знаю ли я понѣмецки на столько, чтобы могъ объясняться съ будущими учениками и понимать ихъ, я отвѣчалъ, что знаю языки: нѣмецкій, французскій и итальянскій, и говорю на нихъ. Тогда баронъ началъ говорить со мною понѣмецки и въ заключеніе прибавилъ:

— Я нахожу, что вы вполнѣ отвѣчаете требованіямъ моего брата, и надѣюсь, что онъ будетъ вами доволенъ. Вы же будете имѣть возможность прожить три-четыре года за границей, при хорошей обстановкѣ. Посѣщая Берлинскій университетъ, вы ничего не потеряете, оставляя здѣшній. Положимъ, что и здѣсь есть уже хорошіе профессора, но въ Берлинѣ—однѣ знаменитости, и вы, какъ юристъ, можете слушать лекціи Савиньи, Дирксена, Шталя и другихъ. Итакъ, дѣло у насъ съ вами покончено. Заявите объ этомъ вашему инспектору, Фицтуму, и поблагодарите его отъ меня за хорошую рекомендацію. Получивъ увольнительное свидѣтельство изъ университета и заграничный паспортъ, пожалуйте ко мнѣ и получите на дорогу сто червонныхъ (300 руб.). Думаю, этого будетъ для васъ достаточно?.. А теперь у меня есть къ вамъ просьба: я имѣю въ сенатѣ дѣло и долженъ представить туда одну бумагу съ русскимъ переводомъ. Вотъ она—не велика, и, такъ какъ вы хорошо знаете нѣмецкій языкъ, пожалуйста, переведите ее какъ можно точнѣе, ближе къ подлиннику и доставьте завтра въ это же время. Тутъ немного труда.

Взявъ бумагу, я раскланялся и поспѣшилъ въ университетъ, гдѣ передалъ своимъ субъ-инспекторамъ все, какъ было, потомъ отправился съ Вакаромъ на верхъ къ инспектору Фицтуму, которому опять надо было повторить все съизнова. Онъ улыбнулся и сказалъ:—«Я очень радъ, что дѣло состряпалось; но покажите мнѣ бумагу, которую вамъ далъ баронъ».

Я вынулъ ее изъ боковаго кармана и подалъ; Фицтумъ пробѣжалъ всю страницу, потомъ замѣтилъ:

— Какая-то тарабарщина... хотя я и нѣмецъ, но мало понимаю, въ чемъ дѣло... что-то юридическое; а такъ какъ — вы юристъ, вамъ и книги въ руки. — Затѣмъ онъ отдалъ мнѣ бумагу, прибавивъ: — Ступайте домой и садитесь за переводъ...

Пріѣхавъ домой, я принялся читать бумагу: прочелъ разъ, прочелъ другой — ничего не понимаю. Слова все нѣмецкія, значеніе каждаго слова знаю, за исключеніемъ мѣстныхъ юридическихъ терминовъ, но смысла, въ чемъ суть, не могу доискаться. Ай да баронъ! настрочилъ бумажку!.. Пропало, думаю себѣ, мое мѣсто! Не быть мнѣ въ Берлинѣ, не слушать лекцій Савиньи... Что мнѣ дѣлать? Словаря Павловскаго у меня нѣтъ, тѣ, что̀ подъ рукой, — дрянь-дрянью. Хоть плачь... Знакомыхъ ученыхъ нѣмцевъ у меня нѣтъ; къ профессору Шнейдеру отправиться — неловко, да онъ и не согласится заняться со мною этимъ актомъ... Но попробую: что̀ выйдетъ, то и будетъ.

Я присѣлъ къ столу и принялся переводить. Работа оказалась каторжная! Бумага небольшая, — всего полъ-писанаго листа. Я просидѣлъ за нею до шести часовъ вечера, не обѣдалъ даже и, наконецъ, перевелъ ее, какъ умѣлъ и смогъ. Прочелъ свой переводъ, но иностранныя слова, которыхъ не оказалось въ лексиконахъ, такъ и смотрятъ на меня съ ироническою улыбкою и будто говорятъ: что, братъ, не разгадать тебѣ, что̀ мы такое! Тутъ я вспомнилъ, что у меня есть знакомый, отлично знающій нѣмецкій языкъ нѣкто Михаилъ Март. Лепка, моравецъ, бывшій профессоръ естественнаго права въ Ришельевскомъ лицеѣ. Лепка очень любилъ меня, и мы были съ нимъ друзьями еще въ Кіевѣ. Я отправился къ нему.

Пробѣжавъ подлинникъ, старый профессоръ объявилъ мнѣ категорически, что не понимаетъ, въ чемъ тутъ дѣло, хотя двѣнадцать лѣтъ провелъ въ Вѣнскомъ университетѣ и прослушалъ четыре факультета на нѣмецкомъ языкѣ. Я сталъ читать ему свой переводъ, и мы начали исправлять его... Наконецъ, Лепка вышелъ изъ себя и вскрикнулъ: «Эти провинціальныя юридическія слова, чортъ знаетъ, что они означаютъ! Это все мѣстное». Провозились мы съ нимъ до десяти часовъ; поправки вышли незначительныя, а эти проклятые термины торчали въ моемъ переводѣ, точно обгорѣлыя трубы на пепелищѣ...

Вернувшись домой, я сѣлъ за переписку начисто своего злополучнаго перевода, переписалъ его, по крайней мѣрѣ, три раза, и въ два часа ночи бросилъ все и легъ спать. На другой день, вставъ въ 8 часовъ, я опять перечиталъ свое произведеніе, сдѣлалъ нѣсколько новыхъ поправокъ и снова переписалъ его. Въ 11-ть часовъ я былъ уже у барона Мейендорфа, передалъ ему подлинникъ

и переводъ и ждалъ рѣшенія своей участи. Баронъ раскрылъ бумагу, сталъ читать и по временамъ улыбался. Дочитавъ до конца, онъ сказалъ: «Очень хорошо, только вамъ неизвѣстны оставленные вами нѣмецкіе юридическіе термины. Они мѣстные. Я къ каждому изъ нихъ сдѣлаю примѣчаніе, въ которомъ объясню его, а перевести ихъ на русскій языкъ невозможно». И тутъ же для назиданія молодаго юриста, по своей особенной любезности, сталъ мнѣ объяснять эти термины, что̀ продолжалось битый часъ. Послѣ всего, баронъ Мейендорфъ еще разъ поблагодарилъ меня за трудъ и сказалъ, что теперь ждетъ меня съ заграничнымъ паспортомъ.

19-го декабря 1840 года, я явился къ барону Мейендорфу съ паспортомъ, получилъ отъ него обѣщанные мнѣ на дорогу сто червонныхъ и на другой же день отправился за границу къ его брату.

II.

Первое впечатлѣніе, произведенное на меня нашимъ посланникомъ барономъ П. К. Мейендорфомъ, было не совсѣмъ благопріятное. Онъ показался мнѣ сухимъ и сосредоточеннымъ; баронесса — австрійская аристократка, урожденная графиня Буоль-Шауэнштейнъ, была дама не видная, не выдающаяся, но держала себя гордо и серьёзно. Впослѣдствіи оказалось, что баронъ былъ хорошій и добрый человѣкъ, но часто страдавшій мигренью, и тогда ему было ни до чего... Любимымъ его предметомъ была минералогія; возился онъ постоянно съ профессорами Берлинскаго университета и тогдашними знаменитостями. Гумбольдъ, Ранке и друг. бывали у него очень часто. Барона Мейендорфа уважали, но онъ держался нѣсколько уединенно. Когда баронъ замѣтилъ во мнѣ наклонность къ литературнымъ занятіямъ, то сталъ внимательнѣе, откровеннѣе, и я часто былъ имъ очень доволенъ, въ особенности, когда онъ не страдалъ своею мигренью.

П. К. былъ мягкаго характера, человѣкъ образованный, воспитанный, очень хорошо зналъ языки: русскій, нѣмецкій, французскій и испанскій, такъ какъ началъ свою дипломатическую службу при нашемъ посольствѣ въ Мадридѣ. Какъ дипломатъ, баронъ Мейендорфъ не былъ Талейраномъ, потому что не умѣлъ хитрить, да это не было и въ его правилахъ. Ему не надо было ни выслуживаться, ни продавать себя, такъ или иначе; при томъ же, положеніе его было довольно щекотливое и трудное: съ одной стороны онъ былъ германско-рыцарскаго происхожденія, а съ другой — женатъ на австрійкѣ, притомъ на такой, отецъ которой, а потомъ и братъ были австрійцами до костей. Поэтому дипломатическое призваніе барона Мейендорфа было держаться политики примирительной, миролюбивой, какая подобаетъ съ сосѣдями, которые свя-

заны между собою узами, заставляющими ихъ nolens-volens жить постоянно въ мирѣ и добромъ согласіи...

Баронъ Мейендорфъ былъ вполнѣ на своемъ мѣстѣ, какъ порядочный, спокойный и благоразумный посредникъ между тремя сосѣдями. Тутъ не требовалось отъ него высокой дипломатической ловкости, да она и не могла имѣть здѣсь мѣста, когда русскій дворъ находился въ такомъ близкомъ родствѣ съ прусскимъ. Впослѣдствіи, когда у насъ дѣло дошло до войны съ Франціею и Англіею, т. е. до Крымской войны, императоръ Николай назначилъ барона Мейендорфа на постъ русскаго посла въ Вѣну, безъ сомнѣнія, разсчитывая на то, что онъ былъ женатъ на родной сестрѣ австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, и мы можемъ положиться на Австрію, но наше правительство скоро убѣдилось, что на эти отношенія не слѣдовало разсчитывать. Австрія хитрила, первый ея министръ оказался самымъ неуступчивымъ австрійцемъ, и положеніе барона Мейендорфа въ Вѣнѣ было до того невыносимо, что боялись за его умственныя способности, при постоянныхъ его столкновеніяхъ со свояком — графомъ Буолемъ Шауэнштейномъ. Безъ сомнѣнія, по особенной просьбѣ, онъ былъ отозванъ и назначенъ начальникомъ императорскаго кабинета... и онъ до послѣдней минуты выдержалъ свой характеръ человѣка честнаго, неинтригана, не оставивъ по своей памяти никакого упрека, который бы ему можно было сдѣлать.

Баронъ Мейендорфъ былъ ко мнѣ хорошо расположенъ, имѣлъ полное довѣріе, охотно дѣлалъ для меня все, съ чѣмъ бы я къ нему ни обратился; онъ понималъ меня и мое положеніе, часто бесѣдовалъ со мною по душѣ, и я не могъ не уважать его вполнѣ и не быть ему преданнымъ. Я бы долго не разстался съ нимъ, если бы не одно обстоятельство, случившееся тогда, когда его не было въ Берлинѣ и онъ находился на водахъ. Впослѣдствіи, когда баронъ Мейендорфъ былъ уже въ Петербургѣ, онъ всегда доказывалъ мнѣ свое расположеніе.

Баронесса Мейендорфъ была дама высоко благородная, добрая, религіозная и благотворительная; но при всемъ томъ она была австрійка настойчивая и нѣсколько своенравная: что разъ сказано, что разъ сдѣлано, то должно быть свято, хотя бы это было невѣрно, неосновательно и несправедливо. Это отличительное свойство австрійскихъ магнатовъ, а она была магнатка par excellence...

Баронесса была сдержаннѣе барона; сердечности, благосклонности въ ней не было никакой, она ко всему ее окружавшему относилась съ полнымъ равнодушіемъ. Но, разъ сдѣлавшись женою русскаго дипломата, она въ то же время считала себя русской и дѣйствовала въ такомъ духѣ, хотя и была ревностной католичкой. Баронесса баловала своихъ дѣтей, изъ-за чего мы потомъ и разстались, но эти дѣти были — Александръ Мейендорфъ, павшій въ

битвѣ при Альмѣ, Рудольфъ, не стѣснявшійся, за честь отца, вызвать на дуэль русскаго посла при французскомъ дворѣ, и Эрнестъ самый младшій изъ сыновей, проходящій теперь службу по министерству иностранныхъ дѣлъ.

Сыновья барона Мейендорфа должны были, по матери, быть католиками; таковы были брачныя условія, на которыхъ только и можно было вступить въ бракъ съ графинею Буоль.

Изъ Петербургскаго университета требовался студентъ русскій, на мѣсто Н. И. Черняева, служившаго при посольствѣ и занимавшагося съ дѣтьми посланника, и начальство рекомендовало меня. Баронъ Е. К. Мейендорфъ не справлялся о моемъ вѣроисповѣданіи, въ Берлинѣ тоже не справлялись; я, по старой привычкѣ, по воскресеньямъ, бывалъ въ нашей посольской церкви, гдѣ собирались всѣ русскіе, жившіе въ Берлинѣ. Но, когда узнали, что я католикъ, баронесса очень тому обрадовалась, и моя независимость кончилась: я долженъ былъ черезъ воскресенье ходить съ дѣтьми въ католическую церковь св. Ядвиги.

Баронъ Мейендорфъ имѣлъ возможность познакомиться съ моимъ образомъ мыслей еще раньше, вовсе не справляясь о моемъ вѣроисповѣданіи. Теперь, когда баронесса съ удовольствіемъ отрапортовала ему, что я католикъ и что она очень рада этому обстоятельству, баронъ пригласилъ меня къ себѣ въ кабинетъ и сказалъ:

— Я сейчасъ только узналъ, что вы католикъ; баронесса очень обрадовалась, что наши дѣти теперь будутъ въ хорошихъ рукахъ, поэтому я съ своей стороны прошу васъ о томъ, чтобы сыновья мои были такими католиками, какъ и вы—sapienti sat,—закончилъ онъ.

Я старался убѣдить его на дѣлѣ, что, кромѣ чисто религіознаго чувства, дѣти русскаго посла будутъ вполнѣ застрахованы отъ католитическаго фанатизма.

По смерти мужа, баронесса Мейендорфъ, живя въ Петербургѣ, предалась вполнѣ дѣлу благотворительности. Это была святая женщина. Потерявъ своего первенца Александра, она переселилась въ Штутгардъ, гдѣ и провела послѣдніе дни.

Жизнь въ Берлинѣ была мнѣ вполнѣ по душѣ. Я посѣщалъ университетъ, добросовѣстно занимался съ сыновьями барона Мейендорфа, былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ гувернерами его дѣтей, французомъ Мерсье и филологомъ-нѣмцемъ, фаворитомъ барона, Мейеромъ, впослѣдствіи воспитывавшимъ графовъ Бобринскихъ.

Кромѣ посольскаго дома и дома перваго секретаря посольства И. П. Озерова, женатаго на графинѣ Шлипенбахъ, бывшей первой красавицей въ Берлинѣ, я нигдѣ не бывалъ, товарищей не имѣлъ, знакомствъ не заводилъ. Досуги свои я посвящалъ, какъ читатель увидитъ ниже, компиляціямъ изъ нашего «Свода Законовъ», а впо-

слѣдствіи, когда дѣло пошло удачно, я не имѣлъ ни одной свободной минуты.

Довольно часто меня отвлекали отъ дѣла порученія барона. Всѣ русскіе, пріѣзжавшіе въ Берлинъ и почему либо представлявшіеся барону, послѣ аудіенціи, были поручаемы мнѣ. Я долженъ былъ знакомить ихъ съ Берлиномъ и снабжать свѣдѣніями, которыя имъ были нужны. Иногда на меня возлагалось составленіе разныхъ докладовъ и справокъ, просмотръ книгъ, которыя авторы желали посвятить нашему государю, и т. п.

Такъ текла моя жизнь, пока не наступало каникулярное время, когда посланникъ обыкновенно уѣзжалъ на воды развлечься или со всѣмъ семействомъ, или одинъ. Я старался уклоняться отъ сопутствія и, оставаясь дома, усердно предавался на свободѣ своимъ любимымъ занятіямъ. Я не зналъ вообще, ни лѣтомъ, ни зимой, ни гуляній, ни театровъ, ни другихъ развлеченій.

Баронессѣ не нравились мои занятія ни ученыя, ни литературныя, не потому, чтобъ отъ этого страдали ея дѣти, и я недобросовѣстно исполнялъ взятыя на себя обязанности относительно ихъ. Нѣтъ! но она предпочла бы видѣть во мнѣ только гувернера, Hoffmeister'а, какъ она меня называла передъ служащимъ людомъ, когда посылала за мною,—учителя, но не человѣка, занимавшагося литературою и наукою. Однажды, не помню по какому поводу, она, говоря со мною, выразилась:—«Je ne voudrais jamais avoir un domestique qui me ferait des odes». Этихъ словъ было довольно для пылкаго молодаго студента, чтобы понять, какъ на него смотрѣли, но это уже было въ крови баронессы.

III.

Поселившись въ Берлинѣ въ домѣ нашего посольства, я вскорѣ сталъ посѣщать лекціи въ тамошнемъ университетѣ по юридическому факультету. Но, такъ какъ въ то время нѣмецкая интеллигенція не очень расположена была къ Россіи, то у меня часто происходили со студентами столкновенія, и окончательное слово нѣмцевъ было, что Россія, всетаки, еще страна варварская, что у нея нѣтъ никакихъ законовъ, и на мой отвѣтъ, что у насъ законы есть и что нашъ кодексъ состоитъ изъ пятнадцати обширныхъ томовъ, нѣмцы обыкновенно усмѣхались и приводили слова Монтескье: «la multiplicité des lois marque la corruption des moeurs», прибавляя, что и самый нашъ «Сводъ Законовъ» доказываетъ неопровержимо, что Россія еще страна варварская, если, для удержанія русскихъ людей въ предѣлахъ нравственности, законодатель принужденъ былъ прибѣгать къ столькимъ мѣрамъ, чтобы оградить закономъ каждое законное проявленіе гражданской жизни. То-ли дѣло у французовъ, гдѣ каждый гражданинъ носитъ въ сво-

емъ карманѣ небольшую книженку, озаглавленную «Code de Napoléon», заключающую въ себѣ всѣ законы, которые обязанъ знать каждый французъ, и при всякомъ случаѣ имѣетъ возможность справиться о томъ, чего не знаетъ. А пятнадцати томовъ въ карманъ уложить нельзя, да и носить ихъ въ мѣшкѣ за спиною весьма затруднительно... «У насъ, въ Пруссіи, тоже немного законовъ,— прибавляли они,—и наше уложеніе весьма несложно».

Что мнѣ было отвѣчать на это? Я сталъ помышлять, нельзя ли и намъ сдѣлать что нибудь въ родѣ «Code de Napoléon»; купилъ эту книгу, близко съ ней ознакомился и, будучи юристомъ, вполнѣ усвоилъ себѣ систему и цѣль наполеоновскаго свода, понялъ всю его практичность, прямоту рѣшеній и, наконецъ, пришелъ къ тому, что и у насъ, дѣйствительно, можно бы сдѣлать точно то же, если извлечь изъ нашего «Свода Законовъ» только то, что̀ слѣдуетъ знать каждому русскому человѣку, какъ гражданину, оставляя въ сторонѣ административныя мѣропріятія, полицейскія постановленія и разныя спеціальности, ограничившись при составленіи такой книжки однимъ гражданскимъ и уголовнымъ правомъ.

Порѣшивъ такимъ образомъ, я составилъ себѣ планъ «Карманной книжки русскихъ законовъ» и, не откладывая въ долгій ящикъ, принялся за работу.

Отправившись въ канцелярію нашего посольства, я обратился къ И. П. Озерову и просилъ его выдать мнѣ имѣвшійся въ канцеляріи «Сводъ Законовъ Россійской Имперіи». Не смотря на аккуратное посѣщеніе мною лекцій Савиньи, Дирксена, Шталя, Габлера и другихъ профессоровъ Берлинскаго университета, не смотря на занятія съ сыновьями барона Мейендорфа и съ сыномъ Озерова, не смотря на обязанность черезъ день гулять въ Тиргартенѣ по два часа съ моими учениками, я находилъ время заниматься со всѣмъ усердіемъ составленіемъ «Книжки русскихъ законовъ». Я посвятилъ этой работѣ всѣ мои досуги и употребилъ на нее полтора года, отказываясь отъ всѣхъ развлеченій и удовольствій, хотя мнѣ было тогда всего двадцать два года.

Не смотря на всѣ лишенія, я мысленно радовался, что скоро восторжествую, фактически доказавъ нѣмцамъ, что въ Россіи возможенъ «Code de Napoléon». Въ это время я успѣлъ ознакомить съ моимъ трудомъ знаменитаго Савиньи, очень имъ интересовавшагося и постоянно меня разспрашивавшаго о разныхъ нашихъ законахъ. Профессоръ Шталь чрезвычайно мнѣ сочувствовалъ въ этомъ; всякій разъ, послѣ лекцій, онъ обращался ко мнѣ, разспрашивая о ходѣ работы, рекомендовалъ мнѣ заняться переводомъ этого труда на нѣмецкій языкъ, обѣщалъ прочесть его, обработать и найдти издателя. Все это ободряло меня и придавало мнѣ силы.

Въ это же время разнесся слухъ, что сербское правительство намѣрено составить сводъ своихъ законовъ, руководясь при этомъ

Наполеоновскимъ кодексомъ. Тогда у меня явилась новая мысль: прежде всего издать свой трудъ въ Лейпцигѣ на русскомъ языкѣ, какъ можно скорѣе, и послать экземпляръ его сербскому князю Милошу, а потомъ уже перевести его на французскій языкъ, какъ наиболѣе доступный для всей Европы. Таковы были мои планы, но имъ не суждено было осуществиться. Работа моя подходила къ концу, какъ вдругъ, въ одно прекрасное утро, ко мнѣ на верхъ является Озеровъ съ толстой книжищей въ рукахъ. Это былъ десятый томъ нашего «Свода Законовъ» (гражданскіе законы), переведенный на французскій языкъ и только-что вышедшій въ Парижѣ. Всѣ мои мечты и планы разсыпались въ прахъ. Мнѣ оставалось употребить на окончаніе своего труда еще одинъ мѣсяцъ, затѣмъ переплести его и положить въ шкафъ, чтò я и сдѣлалъ.

Возвратившись въ слѣдующемъ году въ Петербургъ, я вздумалъ было попытать счастья, не позволятъ ли мнѣ издать мой трудъ «Карманная книжка русскихъ законовъ, необходимыхъ знать каждому русскому». Я обратился къ книгопродавцамъ; они охотно брались напечатать книгу на весьма выгодныхъ для меня условіяхъ, но сомнѣвались, разрѣшитъ ли это Второе Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи. Мнѣ посовѣтовали обратиться къ старшему чиновнику Отдѣленія дѣйствительному статскому совѣтнику Малевскому. Я былъ у него и объяснилъ ему все; онъ обѣщалъ передать мою рукопись Балугьянскому, а меня пригласилъ явиться спустя недѣлю. Въ назначенный срокъ, Малевскій мнѣ передалъ, что рукопись моя не можетъ быть одобрена къ печати. «Мы придерживаемся,—прибавилъ онъ,—правила извѣстнаго арабскаго полководца Омара: если въ книгѣ есть то, чтò и въ Коранѣ, книга не нужна и запрещается, потому что все это есть; если въ ней есть то, чего нѣтъ въ Коранѣ, значитъ она вредна и ее слѣдуетъ истребить»... Послѣ этого мнѣ оставалось только просить Малевскаго о возвращеніи моей рукописи. Онъ назначилъ зайдти спустя недѣлю, обѣщая взять рукопись отъ Балугьянскаго. Но, когда я явился, мнѣ объявили, что не могутъ отыскать моей рукописи: на дому ли она у Балугьянскаго, или въ шкафахъ Втораго Отдѣленія, и просили навѣдаться черезъ недѣлю. Занятія не позволяли мнѣ явиться раньше, какъ спустя двѣ недѣли. Явившись къ Малевскому, я узналъ, что надняхъ Балугьянскій умеръ, и «теперь,—сказали мнѣ,—не время отыскивать мою рукопись, а пожалуйте черезъ шесть недѣль, тогда, разбирая его бумаги, отыщемъ и вашу рукопись». Я опять явился въ назначенный срокъ и узналъ, что моя рукопись не отыскалась. Такъ пропалъ трудъ мой, надъ которымъ я прокорпѣлъ столько времени безъ всякой пользы.

Но возвращаюсь въ Берлинъ. Постоянные споры съ нѣмецкими студентами на счетъ нашего внутренняго устройства не разъ

приводили меня въ бѣшенство. Нѣмцы, между прочимъ, утверждали, что въ Россіи будто бы иностранцы не ограждены никакими законами. Я рѣшился воспользоваться первымъ свободнымъ временемъ и, работая надъ «Книжкой русскихъ законовъ», въ то же время дѣлалъ извлеченіе изъ «Свода Законовъ», какими именно законами пользуются въ Россіи иностранцы. На это были употреблены мною три лѣтнихъ мѣсяца, и книжка была готова; оставалось привести извлеченныя статьи въ извѣстную систему и потомъ перевести на иностранный языкъ. Я избралъ французскій и переводъ мой шелъ уже къ концу. Случайно я сообщилъ объ этомъ банкиру нашей миссіи, Изидору Филиппи, который, неожиданно для меня, предложилъ мнѣ уступить ему мой трудъ за 500 талеровъ, съ тѣмъ, что онъ издастъ его не на французскомъ, а на нѣмецкомъ языкѣ, съ цѣлью сдѣлать его доступнымъ преимущественно для нѣмцевъ, изъ которыхъ многіе хотѣли бы отправиться въ Россію, но не знаютъ, какими законами пользуются тамъ иностранцы. Филиппи желалъ издать мой трудъ подъ своею фамиліею, намѣреваясь самъ перевести его, при моемъ содѣйствіи, на нѣмецкій языкъ. Я согласился, не придавая моей работѣ особеннаго значенія.

Втеченіе августа 1841 года семь печатныхъ листовъ были переведены вполнѣ согласно съ русскимъ текстомъ. Книжка вышла подъ заглавіемъ: «Die russische Gesetze Ausländer betreffend», въ предисловіи къ которой говорилось, что Филиппи поручилъ составить собраніе этихъ законовъ молодому русскому юристу, А. Старчевскому, исполнившему его порученіе вполнѣ добросовѣстно, за чтò онъ считаетъ долгомъ публично принести ему свою благодарность. Книжка эта, за отсутствіемъ барона Мейендорфа, была представлена въ министерсво иностранныхъ дѣлъ И. П. Озеровымъ съ просьбой къ Л. Л. Голенищеву-Кутузову похлопотать о поднесеніи ея государю императору, чтò и было сдѣлано, и И. Филиппи получилъ за нее золотую медаль съ надписью «За полезное» для ношенія на шеѣ на анненской лентѣ. Когда награда была получена въ Берлинѣ, Филиппи чуть съума не сошелъ отъ радости, задалъ намъ, т. е. И. П. Озерову и мнѣ, вечеръ съ ужиномъ, на который были приглашены первые берлинскіе нѣмецкіе артисты и артистки, такъ какъ Филиппи постоянно вращался въ этомъ мірѣ. Затѣмъ, когда о книгѣ явились похвальные отзывы въ газетахъ, я получилъ отъ Филиппи еще 300 талеровъ.

IV.

Посѣщая королевскую публичную библіотеку, я, случайно, просматривая каталогъ отдѣленія славянской исторіи вообще, наткнулся на заглавіе рукописи: — «Galérie des hommes célèbres, de

Krasicki». Меня заинтересовала эта галлерея, и я пожелалъ ее видѣть.

Мнѣ вынесли фоліантъ въ 1¼ арш. длины и такой же ширины и въ четыре дюйма толщины; такихъ фоліантовъ было тридцать шесть. По собраннымъ мною въ библіотекѣ справкамъ, выяснилось слѣдующее.

Знаменитый польскій баснописецъ, архіепископъ гнѣзненскій, графъ Игнатій Красицкій, занимавшійся науками и литературой, задался идеею составить себѣ коллекцію портретовъ знаменитыхъ славянъ. Для этого онъ не жалѣлъ ни средствъ, ни книгъ, въ которыхъ попадались портреты, собиралъ гравюры, акватинты, литографіи, въ какомъ бы видѣ и родѣ, какой бы величины они ни были. Многіе портреты, писанные масляными красками и находившіеся въ монастыряхъ, соборахъ и церквахъ славянскихъ земель, были, по его порученію, копируемы тушью, живописцами тѣхъ мѣстъ, гдѣ эти портреты находились. Потомъ идея эта расширилась и къ галлереѣ портретовъ прибавились собственноручныя письма (автографы) разныхъ славянъ. Затѣмъ, вслѣдствіе внѣшнихъ вліяній, галлерея стала пополняться портретами лицъ и другихъ націй, и, такимъ образомъ, почтенный архіепископъ собралъ до 40,000 портретовъ знаменитыхъ людей, но въ основаніи этой коллекціи положено было собраніе славянскихъ знаменитостей.

Красицкій умеръ въ Берлинѣ въ тридцатыхъ годахъ. Собранные имъ портреты остались въ связкахъ. Наслѣдники Красицкаго предложили русскому посланнику въ Берлинѣ, графу Рибопьеру, пріобрѣсти эту коллекцію для императоской петербургской публичной библіотеки, но графъ Рибопьеръ не обратилъ должнаго вниманія на это предложеніе, и когда библіотека и рукописи Красицкаго пошли въ продажу съ публичнаго торга, то прусское правительство купило связки, заключавшія въ себѣ коллекцію портретовъ знаменитыхъ людей, заплативъ за нее 30,000 талеровъ, тогда какъ русскому посланнику отдавали эту коллекцію за 12,000 р. сер.

Послѣ пріобрѣтенія этой коллекціи королевскою публичною библіотекою, главный библіотекарь, Спикеръ, рѣшилъ сдѣлать 36 большихъ папокъ-тетрадей, изъ картонной бумаги, на листахъ которыхъ прикрѣплены портреты и автографы по алфавиту. Такимъ-то образомъ и составилась «Galérie de Krasicki».

Но, не смотря на заботливость библіотечнаго начальства о сохранности этой дорогой коллекціи, нашлись цѣпкія руки, которымъ удалось сорвать нѣкоторые автографы знаменитыхъ лицъ...

Просмотрѣвъ изъ любопытства всю эту коллекцію, я пришелъ къ мысли извлечь изъ нея портреты самыхъ знаменитыхъ славянъ и издать ихъ съ біографіями, написанными на французскомъ языкѣ, ради всеобщей доступности. Я хотѣлъ ограничиться только

360 портретами. Объяснившись предварительно съ библіотечнымъ начальствомъ, я приступилъ къ дѣлу, такъ какъ мнѣ разрѣшено было копировать портреты, только не чрезъ прозрачную бумагу. Дѣло пошло быстро, но составленіе біографій нѣсколько затянулось, потому что многія біографій древнѣйшихъ дѣятелей были написаны полатыни, а потому приходилось переводить ихъ на французскій языкъ и порядочно возиться съ ними. Къ моему отъѣзду изъ Берлина, въ августѣ 1842 года, я успѣлъ приготовить къ печати и передалъ первый томъ моего труда, заключавшій въ себѣ ровно половину всего сочиненія, книгопродавцу Беру, предоставивъ ему право на изданіе, но что сдѣлалось съ моимъ трудомъ, — мнѣ неизвѣстно. Уѣзжая изъ Берлина на непродолжительное время въ Россію, я оставилъ всѣ мои бумаги и картины у Исидора Филиппи, въ надеждѣ скоро возвратиться, но мнѣ совершенно неизвѣстно, куда дѣвались послѣ его смерти мои рукописи и собранныя мною рѣдкія книги и автографы.

V.

Не смотря на то, что я былъ очень занятъ одновременно составленіемъ: «Карманной книги русскихъ законовъ», компиляціею: «Какими законами пользуются иностранцы въ Россіи» и «Славянскою галлереею», неожиданный случай натолкнулъ меня на новое предпріятіе.

Лѣтомъ 1841 года, И. П. Озеровъ зашелъ ко мнѣ на верхъ, съ ключами отъ кладовой канцеляріи посольства и съ слѣдующею просьбою.

Въ Веймарѣ, при нашей великой княгинѣ Маріи Павловнѣ, состоялъ священникомъ, кажется, отецъ Яновскій, втеченіе почти сорока лѣтъ.

Священникъ этотъ былъ вдовъ; послѣ его смерти все, что слѣдовало по закону продать изъ оставшагося послѣ него имущества, было продано, а банковые билеты, кажется, на 40,000 р. с. и библіотека покойнаго, состоявшая изъ книгъ, купленныхъ имъ въ Германіи, были отправлены въ Берлинъ въ русское посольство. Эта-то библіотека хранилась въ кладовой посольской канцеляріи и занимала цѣлую комнату. Сдѣланъ былъ вызовъ наслѣдниковъ этого священника въ Россіи, но прошло два или три года, и никто не являлся. Наконецъ, нашелся законный наслѣдникъ о. Яновскаго и сообщилъ въ нашу миссію въ Берлинѣ, что въ лѣтніе мѣсяцы 1841 года онъ явится за полученіемъ наслѣдства.

Въ кладовой посольства находились и другія вещи, которыя почему либо должны были храниться до востребованія. Такъ, напримѣръ, когда находившійся при посольствѣ сынъ министра иностранныхъ дѣлъ графъ Дмитрій Нессельроде переведенъ былъ изъ русскаго посольства въ Берлинѣ въ какое-то другое наше

посольство, то оставшіяся послѣ его отъѣзда разныя книги были тоже сложены въ эту же кладовую.

Когда въ миссіи получено было заявленіе отыскавшагося наслѣдника о. Яновскаго, И. П. Озеровъ явился ко мнѣ, такъ какъ на лѣтнее время всѣ изъ посольства разъѣхались, и просилъ меня сходить въ кладовую, осмотрѣть все и отдѣлить чужія вещи и книги отъ библіотеки покойнаго Яновскаго. Я пригласилъ г. Шарля, состоявшаго при посольской канцеляріи для разныхъ порученій, и мы отправились въ кладовую, обширную свѣтлую комнату. Всѣ вещи лежали здѣсь отдѣльными кучками; подойдя къ кипѣ книгъ графа Нессельроде, я полюбопытствовалъ узнать, чтò въ ней заключается, и между французскими романами и другими книгами увидалъ толстую старинную книгу in-folio, въ деревянномъ дикаго цвѣта переплетѣ. Открывъ ее, я увидѣлъ, что это описаніе путешествія въ Московію Герберштейна.

Профессоръ Калмыковъ, читая лекціи энциклопедіи права въ Петербургскомъ университетѣ, обращалъ наше вниманіе на это замѣчательное и важное для исторіи сочиненіе Герберштейна. Вспомнивъ это обстоятельство, я съ согласія И. П. Озерова взялъ книгу къ себѣ на верхъ, желая ближе ознакомиться съ этимъ замѣчательнымъ историческимъ изданіемъ.

Разсматривая записки Герберштейна, я сильно ими увлекся, и мнѣ пришла мысль, что хорошо было бы собрать все, чтò иностранцы писали о Россіи и издать это отдѣльнымъ сборникомъ.

Но чтò писали о Россіи иностранцы и кто именно,—былъ первый вопросъ, который я себѣ задалъ. Нелегко было, однако, отвѣтить на это, тѣмъ болѣе, не имѣя подъ руками необходимыхъ источниковъ. Пришлось отправиться въ королевскую публичную библіотеку и собрать справки. Тамъ я нашелъ «Scriptores rerum Moscovitarum» — собраніе сочиненій иностранныхъ писателей о Россіи. Фоліантъ этотъ, довольно толстый, вышелъ въ 1600 году, ровно 240 лѣтъ назадъ. На первый разъ и этого было довольно. Я выработалъ планъ сборника сказаній иностранцевъ о Россіи, но вопросъ, на какія средства исполнить это изданіе, обдалъ меня холодомъ; однако, я скоро оправился. Гонораръ, получаемый мною у барона Мейендорфа, былъ около 200 руб. сер. въ мѣсяцъ, наборъ и бумагу нѣмцы повѣрятъ въ кредитъ. Кромѣ того, баронъ Мейендорфъ разрѣшитъ своему банкиру Мендельсону выдать мнѣ нѣсколько денегъ впередъ, въ чемъ я не сомнѣвался. Я рѣшилъ, что могу сейчасъ же приняться за дѣло и сдать оригиналъ въ типографію, такъ какъ въ то время въ Пруссіи цензора все читали въ корректурныхъ листахъ, а не въ рукописи.

Оставалось добыть книгу изъ королевской публичной библіотеки, но и за этимъ дѣло не стало: у меня была записка русскаго посланника, въ которой онъ просилъ начальство библіотеки вы-

давать мнѣ всѣ книги на домъ, съ удостовѣреніемъ, что за цѣлость и сохранность ихъ отвѣчаетъ русское посольство. На другой день по этой запискѣ я получилъ «Scriptores rerum moscovitarum», и работа моя закипѣла.

Послѣ многихъ безсонныхъ ночей и разныхъ хлопотъ первый томъ: «Historiae Ruthenicae scriptores exteri, saeculi XVI», наконецъ, вышелъ. Я поднесъ этотъ первый мой трудъ барону Мейендорфу. Онъ пригласилъ къ себѣ А. Гумбольдта и Ранке, которые тутъ же разсмотрѣли книгу, одобрили мою мысль и пожелали видѣть меня. Я явился. Гумбольдтъ, который встрѣчался со мной нѣсколько разъ у барона Мейендорфа, поздравилъ меня съ хорошимъ началомъ и замѣтилъ только, что я напрасно не приложилъ къ своему изданію карты Россіи, находящейся при комментаріяхъ Герберштейна. Я отвѣтилъ ему, что карта эта ничтожна, такъ какъ, кромѣ проведенныхъ рѣчекъ, на ней значится не болѣе десяти городовъ, да и тѣ поставлены невѣрно... Гумбольдтъ согласился, подалъ мнѣ руку и еще разъ поздравилъ меня съ хорошимъ началомъ. Ранке безусловно одобрилъ изданіе и обѣщалъ мнѣ свое содѣйствіе для дальнѣйшихъ томовъ и тутъ же указалъ на неизданную еще реляцію о Россіи, находящуюся въ венеціанскихъ архивахъ, копію съ которой онъ и прислалъ мнѣ для втораго тома.

VI.

Послѣ такого отзыва о моемъ трудѣ Гумбольдта и Ранке, баронъ Мейендорфъ написалъ обо мнѣ къ министру народнаго просвѣщенія графу С. С. Уварову и отправилъ къ нему мое изданіе, посвященное его имени. Спустя мѣсяцъ съ небольшимъ, четырехлѣтній сынъ барона Мейендорфа, Эрнестъ, пришелъ ко мнѣ на верхъ и принесъ лайковый мѣшечекъ съ червонцами, сказавъ: «Voila l'empereur vous a envoyé cela; venez chez papa, il vous donnera encore quelque chose». Легко себѣ представить радость молодаго человѣка, которому за первый трудъ пришлось получить такую щедрую награду... Я побѣжалъ благодарить барона Мейендорфа за его содѣйствіе. Онъ тоже былъ этому радъ и передалъ мнѣ слѣдующее письмо къ нему С. С. Уварова:

«Monsieur le Baron,

«Je n'ai pas manqué de mettre sous les yeux de l'Empereur le 1-er volume de la publication historique de m-r Starczewsky, et Sa Majesté Impérial, en agréant avec satisfaction ce livre, a daigné accorder gracieusement à l'editeur 100 ducats, pour lui fournir les moyens de faire paraître le second volume.

«En consequence j'ai l'honneur de transmettre á Votre Excellence une traite de 276 écus 11 gros, monnaie de Prusse, en la priant de faire remettre cette somme à m-r Starczewsky.

«En même temps je crois devoir Vous communiquer, Monsieur le Baron, que j'avais fait examiner ce volume par la commission archéologique; et c'est par suite de son rapport et conformément à son opinion, que je Vous prie de vouloir bien inviter m-r Starczewsky, à puiser, s'il est possible dans des sources inconnues jusqu'à ce jour, en admettant dans son second volume des ouvrages inedits. Il est à desirer qu' en reimprimant les auteurs rares et épuisés, il choisisse les meilleurs éditions, et les collationne avec soin, en citant les varients les plus importantes. On ne saurait de même passer sous silence que les errata du 1-er volume font regretter que l'on n'ait pas apporté une plus grande attention à la lecture des épreuves, et je ne doute pas que le zéle et l'amour pour les études historiques qui ont inspiré à m-r Starczewsky l'idée de son entreprise littéraire ne lui aient dèjà suggéré ces moyens de donner à son livre tout le degré de pérfection, dont il est susceptible.

«Je termine en priant Votre Excellence, de vouloir bien de ma part remercier le jeune auteur de sa dédicace, et lui exprimer, combien il m'a été agréable de retrouver en lui un éléve de l'Université de St-Petérsbourg.

«Agreez, Monsieur le Baron, l'assurance de ma consideration trés distinguée.

«Ouvaroff».

«St.-Petérsbourg, le 29 décembre 1841.»

Вскорѣ я приступилъ къ изданію втораго тома, въ который вошло вдвое больше историческаго матеріала, чѣмъ напечатано въ первомъ томѣ. Второй томъ былъ тоже отправленъ въ Петербургъ къ С. С. Уварову, и я удостоился за него высочайшаго благоволенія.

Первый томъ произвелъ въ Берлинѣ хорошее впечатлѣніе; о немъ говорили и писали.

Спустя нѣкоторое время послѣ выхода перваго тома моего сборника, ко мнѣ явился атташэ турецкаго посольства съ предложеніемъ отъ посланника: не угодно ли мнѣ заняться подобнымъ же изданіемъ «Scriptores rerum turcicarum», съ тѣмъ, чтобы въ этотъ сборникъ вошло все, что̀ было писано въ Европѣ со времени появленія въ ней турокъ, или со взятія Константинополя, до XVIII вѣка. Турецкое посольство предлагало мнѣ 3,000 талеровъ въ годъ жалованья и принимало изданіе сказаній иностранцевъ о туркахъ на свой счетъ, хотя бы оно состояло изъ десяти томовъ.

Я сообщилъ объ этомъ предложеніи барону Мейендорфу и желалъ знать его мнѣніе. Онъ посовѣтовалъ мнѣ отказаться, находя это дѣло неподходящимъ, и замѣтилъ: «Какъ еще на это посмотритъ наше правительство, тѣмъ болѣе, что по происхожденію вы—полякъ. Пожалуй, скажутъ, что вы рады служить и нашимъ, и вашимъ». Такой аргументъ показался мнѣ достаточно вѣскимъ, и я отвѣтилъ на предложеніе турецкаго посланника уклончиво, ссылаясь на то, что у меня мало времени и для изданія своего сборника. Тѣмъ это дѣло и кончилось.

Въ это время, т. е. зимою 1841 года, въ Берлинъ пріѣхалъ Н. И. Гречъ, возвращаясь изъ Парижа, гдѣ земляки устроили ему пренепріятную исторію. Онъ былъ у барона Мейендорфа, который принялъ его съ особеннымъ вниманіемъ, какъ ветерана литературы,

мало того, онъ послалъ за мною и, когда я явился, сказалъ:— «Здѣсь, проѣздомъ, Гречъ, онъ остановился въ Hôtel de Russie, побывайте у него и сдѣлайте ему приличный Kratzfuss». Я никогда не видалъ Греча, и мнѣ интересно было встрѣтиться съ нимъ. Я отправился къ нему и, войдя въ занимаемый имъ номеръ, обратился къ Гречу порусски, назвалъ свою фамилію и сказалъ, что прежде всего считаю нужнымъ поблагодарить его за грамматику, по которой я выучился русскому языку.—«Первый человѣкъ,—вскричалъ Гречъ:—который осмѣлился поблагодарить меня за мою грамматику... до сихъ поръ за нее меня только ругали!» Когда зашла рѣчь о томъ, что я дѣлаю въ Берлинѣ, Гречъ замѣтилъ:

— Однако, у васъ тутъ много друзей, и хотя я только теперь васъ вижу, но и баронъ Мейендорфъ, и Ив. Петр. Озеровъ, узнавъ, что я хорошъ съ княземъ Ширинскимъ-Шихматовымъ, бывшимъ моимъ ученикомъ въ Морскомъ корпусѣ, просили меня похлопотать у него, чтобы за какія-то латинскія книги, изданныя вами здѣсь, сдѣлали васъ корреспондентомъ археографической коммиссіи. Я охотно это сдѣлаю, и напередъ могу васъ увѣрить, что ваше желаніе будетъ исполнено—князь все для меня сдѣлаетъ...

Потомъ онъ заговорилъ объ университетѣ, о Маргейнекѣ, извѣстномъ проповѣдникѣ, который тогда былъ въ модѣ, и въ заключеніе взялъ съ меня слово, что, по возвращеніи въ Петербургъ, я буду у него, и онъ охотно впуститъ меня въ свой пчельникъ... На томъ мы и разстались.

Въ началѣ января слѣдующаго года, Ив. Петр. Озеровъ получилъ отъ Греча слѣдующее письмо, которое и передалъ мнѣ:

«С.-Петербургъ, 10 (22) января 1842 г.

«Почтеннѣйшій Иванъ Петровичъ! Долгомъ почитаю увѣдомить васъ, что я сдѣлалъ въ пользу г. Старчевскаго все, что̀ могъ: князь Шихматовъ обѣщалъ опредѣлить его корреспондентомъ при археографической экспедиціи, а С. С. Уваровъ представилъ его книгу государю. О послѣдствіяхъ увѣдомлю васъ, лишь только узнаю самъ. Вы можете судить о недружескихъ моихъ отношеніяхъ съ Уваровымъ по тому обстоятельству, что я не избранъ имъ въ новообразованную Россійскую академію. Честь была бы не большая, потому что тамъ скотъ на скотѣ, но все же это показало бы, что онъ ко мнѣ благоволитъ. По сей причинѣ и не могу дѣйствовать на него, какъ бы желалось.

«Это письмо вручитъ вамъ геніальный итальянскій импровизаторъ и поэтъ Джустиніани, который дивилъ Италію, дивилъ насъ и удивитъ васъ своимъ чудеснымъ даромъ. Будьте къ нему ласковы и поговорите о немъ барону Мейендорфу и еще кому нибудь.

«Супругѣ вашей свидѣтельствую искреннее свое высокопочтеніе, а васъ прижимаю къ своему сердцу, въ которомъ никогда не погаснутъ чувства искренняго къ вамъ уваженія и нелицемѣрной любви.

«Вашъ всепокорнѣйшій

«Н. Гречъ».

Лѣтомъ 1842 года, второй томъ моего изданія: «Historiae Ruthenicae scriptores exteri, saeculi XVI», былъ уже готовъ къ выпуску; въ русскомъ посольствѣ тогда никого не было, такъ какъ всѣ разъѣхались на воды.

Однажды, я сидѣлъ, углубившись въ свою работу, какъ вдругъ ко мнѣ входитъ высокій, полный, пожилой мужчина.

— Я—Ал. Ив. Тургеневъ,—говоритъ онъ.—Проѣзжая чрезъ Берлинъ въ Россію, я пожелалъ повидать васъ и познакомиться съ вами, какъ съ моимъ соперникомъ. Я получилъ въ Парижѣ первый томъ вашего изданія: «Historiae Ruthenicae». Я тоже предпринялъ два года назадъ подобное изданіе, первый томъ котораго вышелъ въ свѣтъ подъ заглавіемъ: «Historiae Russiae monumenta», въ Петербургѣ, въ 1841 году. Знаете ли вы объ этомъ изданіи и видѣли ли вы его?

Я отвѣтилъ, что не имѣю о немъ никакого понятія.

Тургеневъ пробылъ въ Берлинѣ четыре дня, и во все это время я былъ его постояннымъ собесѣдникомъ. Считаю нелишнимъ познакомить читателей съ этою крупною и замѣчательною личностью.

Въ царствованіе Александра I, именно въ самомъ концѣ его, всѣ духовныя дѣла находились въ рукахъ князя А. Н. Голицына, который былъ начальникомъ главнаго управленія духовныхъ дѣлъ. Человѣкъ этотъ былъ въ свое время важнымъ государственнымъ сановникомъ. Правою его рукою былъ Алекс. Ив. Тургеневъ, братъ извѣстнаго эмигранта-декабриста, поселившагося въ Парижѣ и проведшаго тамъ всю свою жизнь.

Когда князь Голицынъ сошелъ со сцены, и А. И. Тургеневъ оставилъ службу. Императоръ Николай уважалъ старика князя Голицына и, вѣроятно, по его ходатайству, Тургеневъ получилъ особенное порученіе императора собрать изъ заграничныхъ архивовъ все, относящееся до исторіи Россіи, съ тѣмъ, что все, имъ собранное, будетъ издано нашею археографическою коммиссіею.

Тургеневъ былъ человѣкъ высоко образованный, опытный государственный дѣятель, съ твердымъ характеромъ и съ политическимъ направленіемъ. Такихъ людей въ царствованіе Николая было немного. Ему дали почетное порученіе и снабдили рекомендаціями къ разнымъ европейскимъ дворамъ. Тургеневъ принялся за дѣло горячо, съ тактомъ и умѣньемъ, и началъ съ Римской куріи. Въ Римѣ извѣстный ватиканскій библіотекарь, Марино-Марини, открылъ ему ватиканскій архивъ, что̀ именно намъ и было нужно. Вскорѣ находки Тургенева были изданы въ одномъ томѣ, за что̀ онъ получилъ чинъ тайнаго совѣтника. Въ Европѣ заговорили объ этомъ изданіи, а когда явился мой первый томъ, изданія наши смѣшали и мнѣ приписали цѣль, которой у меня вовсе не было, и надѣлили наградами, о которыхъ мнѣ никогда и не снилось.

По выходѣ перваго тома сборника Тургенева, онъ направился въ Кенигсбергскій архивъ, желая поискать тамъ реляцій бранденбургскихъ посланниковъ, бывшихъ въ Россіи. По справкамъ оказалось, что въ Кенигсбергскомъ архивѣ было пять реляцій, но тогдашній начальникъ архива, Чшоке, не рѣшался показать ихъ Тургеневу, такъ какъ бранденбургскіе посланники не совсѣмъ благовидно отзывались о Московіи; тогда Тургеневъ, возвратившись въ Петербургъ, хлопоталъ о конфиденціальномъ письмѣ императора Николая къ королю прусскому Вильгельму III, чтобы Тургеневу было разрѣшено снять копіи съ этихъ реляцій, которыя, такъ какъ объ нихъ шли толки, Чшоке нашелъ нужнымъ переслать въ Берлинъ для храненія въ тайномъ королевскомъ архивѣ.

Заручившись императорскимъ письмомъ, Тургеневъ пріѣхалъ въ Берлинъ въ то самое время, когда скончался Вильгельмъ III и когда было не до реляцій. Тургеневъ отправился далѣе, въ Парижъ, гдѣ обыкновенно останавливался и проживалъ у своего брата эмигранта. Императоръ Николай зналъ объ этомъ, но ему былъ также извѣстенъ и образъ мыслей А. И. Тургенева. Когда же Тургеневъ издалъ свои изысканія и былъ награжденъ, противъ него пошли интриги, вооружили и государя, увѣряя, что онъ раздѣляетъ образъ мыслей своего брата Николая. Интрига велась на столько ловко, что Тургеневу была прислана въ Парижъ отставка, и теперь онъ спѣшилъ въ Россію съ цѣлью очистить себя передъ государемъ въ взведенной на него клеветѣ.

VII.

Проѣзжая чрезъ Берлинъ и узнавъ въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, ктѣ я и гдѣ нахожусь, А. И. зашелъ въ посольство, познакомился со мною, и какъ человѣкъ бывалый, изъ перваго же разговора убѣдился, что онъ можетъ быть вполнѣ откровененъ со студентомъ, полюбившимъ русскую исторію и находящимся въ такомъ домѣ.

Онъ сообщилъ мнѣ, что ѣхалъ въ Петербургъ оправдываться; но надежды его были слабы, въ виду твердости характера императора Николая, котораго нелегко было переубѣдить.

— Я занимался отыскиваніемъ повсюду иностранныхъ источниковъ русской исторіи,—сказалъ Тургеневъ:—имѣя для этого всѣ средства: съ одной стороны, вслѣдствіе писемъ его величества къ многимъ европейскимъ государямъ, а съ другой—золотой ключъ отпиралъ мнѣ всѣ архивы. Я собралъ массу указаній, гдѣ и что находится и теперь все это должно пропасть безъ пользы...

— Зачѣмъ же вы отчаяваетесь,—замѣтилъ я:—у васъ есть связи. Прибывъ въ Петербургъ, вы найдете людей, которые помогутъ вамъ высвободиться изъ опалы.

— Вы молоды и не знаете, что̀ значитъ разъ попасть въ эту несчастную колею, и какія усилія нужны, чтобы оправиться... Я хорошъ съ Жуковскимъ, съ Вяземскимъ, мало ли съ кѣмъ, но вѣдь я не могу на нихъ разсчитывать. Единственная моя надежда на князя Голицына, живущаго въ Москвѣ, котораго государь уважаетъ и, можетъ быть, послушаетъ; но хорошо, если государь будетъ въ Москвѣ, а если не будетъ? Во всякомъ случаѣ, я считаю своимъ долгомъ распорядиться любимымъ мною предметомъ и теперь, когда я принужденъ оставить мои поиски и занятія, хочу сдѣлать васъ моимъ единственнымъ наслѣдникомъ по этой части, въ увѣренности, что не ошибусь въ васъ. По изданному вами тому, я вижу, что вы не хуже меня можете служить этому дѣлу, потому что вы хорошо знаете латинскій языкъ, который и я зналъ, но теперь все это уже забылъ. Собирайте же и дѣлайте все, пока можно, пока не прошла охота...

Не надѣясь на свои силы, я сначала отказывался отъ предложенія Тургенева, но потомъ уступилъ его убѣжденіямъ и просилъ дать мнѣ возможность списать имѣющіяся у него указанія, гдѣ и что̀ находится по части русской исторіи.

— Съ удовольствіемъ, батенька,—отвѣтилъ А. И.:—я везу съ собою цѣлый чемоданъ источниковъ русской исторіи, гдѣ они находятся, но я послѣзавтра хотѣлъ бы уѣхать, поэтому еще сегодня я пришлю вамъ этотъ чемоданъ, а вотъ вамъ и ключъ отъ него. Поторопитесь списать, что̀ успѣете и что̀ васъ больше всего заинтересуетъ. Я очень досадую, что мнѣ не удалось воспользоваться и списать рукописи, присланныя сюда изъ Кенигсбергскаго архива — все это о Россіи и должно быть очень интересно. Я имѣю письмо государя къ покойному королю Фридриху-Вильгельму III, но что теперь сдѣлаешь съ этимъ письмомъ? Король умеръ, я въ опалѣ и получилъ отставку. Пропало все дѣло, изъ-за котораго было поднято столько хлопотъ.

— Я думаю, — возразилъ я: — что мы можемъ поправить это дѣло и воспользоваться еще письмомъ государя къ Фридриху-Вильгельму III. Письмо это съ вами, или въ Парижѣ?

— Оно у меня здѣсь. Я берегу его, какъ зѣницу ока, потому что, пожалуй, его могутъ потребовать отъ меня обратно.

— Въ такомъ случаѣ мы можемъ вотъ что̀ сдѣлать. Вы мнѣ дадите довѣренность, что, передавъ мнѣ лежавшія на васъ занятія, передаете и письмо императора Николая къ покойному королю для передачи наслѣднику его, нынѣ царствующему королю Фридриху-Вильгельму IV.

— Что же вы съ нимъ сдѣлаете?

— Я отправлюсь съ письмомъ государя къ министру внутреннихъ дѣлъ Эйхгорну и попрошу его передать это письмо королю;

вмѣстѣ съ тѣмъ передамъ министру и довѣренность, по которой вы передаете мнѣ право воспользоваться рѣшеніемъ короля.

— Хитро придумано; но я болѣе чѣмъ увѣренъ, что изъ этого ничего не выйдетъ; однако, завтра къ десяти часамъ я доставлю вамъ то и другое. Затѣмъ прощайте, мнѣ надо еще побывать у Неандера, Риттера и другихъ моихъ здѣшнихъ знакомыхъ.

Нетерпѣливо ожидалъ я присылки чемодана съ списками и каталогами и поспѣшилъ пригласить въ помощь себѣ для списываній рукописей трехъ знакомыхъ мнѣ студентовъ Берлинскаго университета.

Въ семь часовъ доставили мнѣ на верхъ чемоданъ отъ Тургенева. Я выдалъ посланному росписку въ полученіи, тотчасъ же открылъ чемоданъ и, къ моему восторгу, а вмѣстѣ и ужасу, нашелъ его туго набитымъ разными бумагами, относившимися къ русской исторіи. Глаза мои разбѣжались, но прежде надо было разобраться въ этомъ хаосѣ. Тутъ были каталоги, списки, выписки, брошюры, отвѣтныя письма изъ разныхъ мѣстъ и писанное, и печатное на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Вслѣдъ затѣмъ явились студенты, и мы горячо принялись за дѣло.

На другой день рано утромъ Тургеневъ доставилъ мнѣ письмо государя и довѣренность. Я отправился на квартиру министра внутреннихъ дѣлъ узнать, когда онъ принимаетъ; мнѣ сказали, что онъ принимаетъ разъ въ недѣлю, по пятницамъ, но, такъ какъ я принадлежалъ, хотя и косвенно, къ русскому посольству, то ему доложили обо мнѣ тотчасъ же, и онъ не замедлилъ выйдти въ пріемную.

Это былъ человѣкъ средняго росту, худощавый, невзрачный, одѣтый въ черный фракъ, сидѣвшій на немъ какъ-то неловко. А между тѣмъ этотъ невзрачный человѣкъ былъ Эйхгорнъ, знаменитый историкъ, написавшій исторію Германіи, и котораго знала не только вся Германія, но и Европа.

Хотя я хорошо владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ, но предпочелъ объясняться съ нимъ пофранцузски; оказалось, что я поставилъ министра въ затруднительное положеніе, онъ говорилъ медленно, вспоминалъ слова и заикался.

Когда я сообщилъ ему суть дѣла и вручилъ письмо императора Николая, съ просьбой передать его королю, а также и довѣренность Тургенева, уполномочивающую меня вступить во всѣ права его по этому письму, Эйхгорнъ, освѣдомившись, кто я и гдѣ я нахожусь, сказалъ: «Eh pien temain ché dois t'ètre chez le roi, et aprés temain fenez et fous aurez la réponse». Мы раскланялись, и я полетѣлъ домой, потому что тамъ ожидалъ меня Тургеневъ и слѣдилъ за тѣмъ, какъ писцы работаютъ надъ его бумагами.

Тургеневъ выслушалъ меня со вниманіемъ и замѣтилъ: — А, можетъ быть, изъ вашей выдумки что либо и выйдетъ, посмотримъ! Я не уѣду изъ Берлина, пока вы не получите отвѣта.

Онъ подалъ мнѣ руку и ушелъ.

VIII.

Въ назначенный Эйхгорномъ день я явился къ нему и получилъ слѣдующій отвѣтъ:

— Я вчера докладывалъ его величеству, и король съ удовольствіемъ согласился на вашу просьбу. Вчера же собраны были мною справки: рукописи, о которыхъ идетъ рѣчь, находятся уже въ тайномъ королевскомъ архивѣ, во дворцѣ, я сейчасъ дамъ вамъ письмо, которое вы передадите въ архивѣ, и васъ допустятъ къ занятіямъ. Я очень радъ, что хоть чѣмъ нибудь могу быть вамъ полезенъ, зная самъ по себѣ, какъ пріятно увидѣть нетронутый еще матеріалъ. Желаю вамъ полнаго успѣха...

Отъ Эйхгорна я отправился прямо къ Тургеневу, сообщилъ ему полученный мною отвѣтъ и показалъ письмо. Старикъ очень обрадовался и сказалъ:

— Отправляйтесь же въ архивъ, устройтесь тамъ, а потомъ и меня представьте властямъ: я тоже хочу хоть взглянуть на рукописи, изъ-за которыхъ мнѣ пришлось столько хлопотать и два раза утруждать государя.

Входя къ Тургеневу, я засталъ его за огромнѣйшею книгою, въ полный листъ, въ которой онъ торопливо писалъ...

— Что это вы пишете? — полюбопытствовалъ я.

— Это, милый человѣкъ, мой дневникъ, который я веду ежедневно утромъ и вечеромъ. — И тутъ же, перекинувъ нѣсколько страницъ, онъ сталъ читать разсказъ о знакомствѣ его со мною и своихъ предположеніяхъ относительно меня. Я поблагодарилъ его за вниманіе и отзывъ и сказалъ, что буду стараться, чтобы вы не ошиблись на мой счетъ.

Прямо отъ Тургенева я отправился въ тайный королевскій архивъ, представилъ письмо, которое было передано кому слѣдуетъ и geheimer Rath Кенне [1]), служившій въ архивѣ, высокій, полный, добродушный человѣкъ, вынесъ мнѣ пять фоліантовъ, о которыхъ столько хлопотали, и спросилъ меня, какъ я хочу ими распорядиться? Я сказалъ, что здѣсь есть нѣсколько русскихъ, и мы постараемся списать эти рукописи какъ можно скорѣе. Онъ объявилъ мнѣ, что мы можемъ являться въ архивъ ежедневно въ 9 часовъ и работать до четырехъ. Кенне фамилія моя была уже извѣстна, и онъ отнесся ко мнѣ весьма любезно и внимательно.

На другой день я явился въ архивъ съ цѣлой толпой земляковъ, то были: А. И. Тургеневъ и нѣсколько кандидатовъ Московскаго университета, пріѣхавшихъ въ Берлинъ для дальнѣйшаго усовершенствованія въ избранныхъ ими наукахъ: Поповъ, Пановъ,

---

[1]) Отецъ нашего барона Кенне.

Ефремовъ и еще двое, которыхъ именъ теперь не припомню. Тургеневъ бросился разсматривать старые пожелтѣвшіе отъ времени фоліанты; онъ хорошо зналъ нѣмецкій языкъ и сталъ пробѣгать ихъ. Пока онъ просматривалъ одну рукопись, я роздалъ прочія моимъ товарищамъ. Они посмотрѣли, попробовали разобрать нѣкоторыя слова и тутъ же заявили мнѣ о своемъ отказѣ—и отретировались. Мы остались съ Тургеневымъ одни и на первый разъ ограничились только разсмотрѣніемъ рукописей. Послѣ этого, когда мы собирались уходить, А. И., обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— Вотъ какъ бываетъ на свѣтѣ: «овый трудивыйся, а овый въ трудъ взойде», такъ случилось и со мною,—прибавилъ онъ:—хлопоталъ, добивался, а жатва попала въ ваши руки.

Ал. Ив. объявилъ мнѣ, что уѣзжаетъ послѣзавтра и надѣется, что его чемоданъ будетъ сегодня готовъ. Я отвѣтилъ, что завтра пришлю его, и простился со старикомъ.

Возвратившись домой, я нашелъ, что мои студенты сдѣлали свое дѣло; мнѣ осталось только провѣрить: все ли списано и не пропущенъ ли какой нибудь документъ. Матеріаловъ явилась груда.

Всѣ эти хлопоты обошлись мнѣ всего въ двадцать талеровъ, но такая сумма была для меня тогда незначительна. На другой день мой посланный сдалъ чемоданъ Тургеневу и принесъ отвѣтъ, что онъ самъ зайдетъ въ посольство.

Дѣйствительно, въ 2 часа, А. И. взобрался ко мнѣ на верхъ, постучалъ предварительно въ двери и, услышавъ: herein, вошелъ. Это былъ послѣдній день пребыванія его въ Берлинѣ, и мы наговорились съ нимъ вдоволь.

Между прочимъ, онъ спросилъ меня: какъ именно намѣренъ я распорядиться тѣмъ матеріаломъ, который списанъ у него?

— Я и самъ еще теперь не знаю,—отвѣтилъ я:—что̀ изъ него сдѣлаю, но это драгоцѣнныя вещи, и я ими воспользуюсь не въ ущербъ вамъ, не могу же я умолчать, что это—ваше добро.

Странное дѣло, пословица не даромъ говоритъ: что̀ легко пришло, такъ же легко и уйдетъ. Этими драгоцѣнными матеріалами мнѣ не удалось воспользоваться. Они пропали и для меня, и для литературы русской исторіи, но объ этомъ я скажу въ своемъ мѣстѣ.

А. И. обѣщалъ по пріѣздѣ въ Петербургъ подготовить мнѣ почву, когда я возвращусь туда, но это ему не удалось. Припоминаю, что, когда зашла рѣчь о Тургеневыхъ вообще, А. И. разсказалъ кстати, что Тургеневы, какъ и Карамзины—татарскаго происхожденія... и въ ихъ гербѣ есть девизъ: «И безъ страха обличиху». Этотъ девизъ данъ имъ уже Романовыми, такъ какъ предокъ ихъ, Тургеневъ, когда въ Москву прибылъ Дмитрій Самозванецъ, подошелъ къ нему и сказалъ: «Ты не царь, ты Гришка Отрепьевъ—я тебя знаю», и тутъ же былъ смятъ народомъ.

У всѣхъ стариковъ есть слабость давать молодымъ людямъ безчисленныя порученія и коммиссіи. Этой слабостью страдалъ и Тургеневъ. Прощаясь со мной, онъ сказалъ: «одолженіе за одолженіе», и съ этими словами вынулъ изъ боковаго кармана нижеслѣдующую записку, которую просилъ исполнить какъ можно скорѣе и аккуратнѣе, такъ какъ нѣкоторыя порученія имѣли для него немаловажное значеніе. Вотъ эта записка:

НА ПАМЯТЬ.

«Какъ скоро получится для меня на почтѣ или въ канцеляріи посланника большой пакетъ изъ Лейпцига, съ книгою: «Historiae Russicae monumenta», то, распечатавъ оный, письмо доставить ко мнѣ съ другими приложеніями, напримѣръ, Le Sêmeur и съ нѣмецкою критикою книги; акты (т. е. его книгу His Rus. Mon.) отдать въ переплетъ и велѣть переплести точно также, какъ первый экземпляръ, для чего прилагается $2^1/_2$ th. Какъ скоро переплетъ сдѣланъ будетъ, отнести книгу съ письмомъ на имя короля шведскаго повѣренному въ дѣлахъ его, для отправленія письма и книги въ Штокгольмъ, сказавъ ему, что я тотъ самый, который былъ у него и коему онъ обѣщалъ отправить пакетъ къ королю. На всякой случай дать ему и мой адресъ, у сего прилагаемый, и сказать, что въ Петербургѣ на почтѣ меня знаютъ, какъ и тамошній шведскій министръ.

«Увѣдомить меня, что̀ скажетъ шведскій повѣренный въ дѣлахъ и когда отправитъ пакетъ?

«Сообщать мнѣ мало-по-малу выписки изъ здѣшняго архива или черезъ Петербургъ, или прямо въ Москву, черезъ почтъ-директора его превосходительство Александра Яковлевича Булгакова. Также и писать ко мнѣ.

«Хлопотать объ отправленіи пакетовъ въ Парижъ, съ оставленными книгами, по данному адресу: à m-r Tourguéneff, à Paris—pour remettre dans son logement, № 14, rue Neuve du Luxembourg.

«Справиться раза два или три на почтѣ о книгахъ изъ Россіи и Франціи на мое имя и отправить ихъ ко мнѣ или по почтѣ, или съ вѣрными и скорыми попутчиками, или съ курьеромъ.

«А. Тургеневъ».

«Берлинъ, 7-го августа 1842 года».

Это были порученія на бумагѣ, а затѣмъ слѣдовали разныя порученія и коммиссіи на словахъ...; но за его любезность и историческіе матеріалы, которыми онъ охотно подѣлился со мною, я готовъ былъ сдѣлать для него все на свѣтѣ.

Въ тотъ же день я получилъ еще другую записку А. И., въ которой онъ писалъ:

«Я перемѣнилъ планъ и ѣду сегодня въ 6-мъ часу вечера на Тильзитъ. Въ Кенигсбергѣ увижу Фохта и архивъ. Что сказать ему?

«Прошу завтра отправиться на почту, распечатать большіе пакеты и письма прислать ко мнѣ завтра же, на имя почтъ-директора прусскаго Нерпста, коего увижу. Онъ любилъ меня и перешлетъ всюду или отдастъ. Потомъ пишите въ Москву, гдѣ скорѣе буду. Отъ 2 до 5 часа буду дома. Развѣ отлучусь на почту. Но подождите меня.

«Отъ Неандера [1]) будетъ книжка въ Москву.

«Я дамъ вамъ записочку о книгѣ, которую представите министру Эйхгорну, и книгу, которую онъ дастъ, перешлите прежде другихъ въ Парижъ, по данному адрессу.

«Напомните Монтессю [2]) о другомъ пакетѣ въ Парижъ. Пересылайте другіе вѣрнѣе.

«Скажите дипломатамъ вашимъ, что заходилъ проститься. Другой Тургеневъ пріѣхалъ. Будетъ у меня послѣ обѣда. Уѣхалъ ли Мейендорфъ»?

Я зашелъ къ Тургеневу проститься въ пять часовъ и засталъ у него нѣсколькихъ русскихъ: Ивана Сергѣевича Тургенева, тогда еще молодаго, только-что начинающаго автора. Я просилъ А. И. отрекомендовать меня, проѣздомъ черезъ Кенигсбергъ, извѣстному Фохту, что̀ онъ и исполнилъ.

Спустя десять дней, я получилъ отъ Тургенева слѣдующее письмо:

«Тильзитъ. 1842. Августъ 1 (13), утро.

«Я пріѣхалъ сюда ночью. Вчера въ Кенигсбергѣ былъ въ архивѣ; Фохтъ, въ отлучкѣ, но Вагнеръ, помощникъ его, показалъ мнѣ все, и я удостовѣрился, что точно удержанныя 5 связокъ тѣ, кои намъ даны теперь. Здѣсь нашелъ я сокровища, кои уже зналъ, но одно не знаемое списалъ: три записки руки Карамзина на нѣмецкомъ, въ коихъ онъ объясняетъ содержаніе трехъ рукописей. Генигъ подарилъ ихъ туда, какъ драгоцѣнность. Взгляните на нихъ. Вагнеръ, у коего я купилъ книгу его: «Описаніе Кенигсберга», васъ приметъ хорошо; но книги не покупайте: не стоитъ того. Вамъ все покажутъ: спросите шкатулку въ шкапу съ рукописями о Россіи. 7 часовъ утра.

«Черезъ часъ ѣду, по свиданіи съ Нернстомъ, у коего спрошу о письмахъ изъ Берлина.

«Пишите ко мнѣ. Отошлите все скорѣе, что̀ ко мнѣ и въ Парижѣ будетъ, и есть уже. Увѣдомьте о Лейпцигской посылкѣ. Пишите туда поскорѣе.

«Поблагодарите себя и милыхъ и добрыхъ соотчичей за оказанное рѣдкое привѣтствіе. Они меня порадовали и какъ русскаго. Я привыкъ огорчаться съ дипломатами, но всегда какъ Несторъ, лѣта древняя (т. е. мои молодыя) помянухъ, оживаю съ студентами, въ коихъ и къ себѣ нахожу болѣе симпатіи.

«Простите, пишите, и справьтесь у Монтессю: отправилъ ли пакетъ?

«Весь вашъ

«Тургеневъ.

«Почтъ-директоръ ничего не получалъ и сегодня не получитъ изъ Берлина, а если что̀ будетъ, то завтра. Я ѣду не на Псковъ, а на Вильну и Смоленскъ— 45 милями ближе.

«Оставивъ Берлинъ, я отправился въ Россію чрезъ Таурогенъ и въ Тильзитѣ не былъ».

Въ августѣ 1842 года, я тоже оставилъ Берлинъ, проживъ въ немъ двадцать мѣсяцевъ.

---

[1]) Извѣстнаго чудака и знаменитаго духовнаго писателя, котораго книга: «Leben Iesus», пользуется европейскою извѣстностью и до сихъ поръ; написана она была въ противоположность Страусу.

[2]) Секретарь французскаго посольства въ Берлинѣ, въ началѣ сороковыхъ годовъ.

Тяжело мнѣ было разставаться съ городомъ, въ которомъ я видѣлъ и испыталъ одно только хорошее; мнѣ нравилась такая жизнь въ трудѣ и занятіяхъ, въ кругу людей интеллигентныхъ, въ домѣ русскаго посланника, гдѣ я пользовался полнымъ вниманіемъ. И вдругъ все это я долженъ былъ бросить и ѣхать восвояси, не зная, что̀ меня ожидаетъ, что̀ со мной будетъ... Сборы мои были недолги, я взялъ съ собою лишь нужнѣйшія бумаги и то, что̀ переписалъ изъ бумагъ А. И. Тургенева.

Въ тайномъ королевскомъ архивѣ самъ я не могъ заниматься списываніемъ реляцій бранденбургскихъ посланниковъ, бывшихъ въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ; мнѣ оставалось только посадить на мѣсто себя моего знакомаго студента Левенталя, который отлично писалъ и также отлично разбиралъ старый готическій почеркъ. Къ моему отъѣзду была списана одна пачка № 1, которую я и захватилъ съ собою; остальныя же четыре такъ и остались на произволъ судьбы...

Наступилъ день отъѣзда, и я въ дилижансѣ отправился въ Таурогенъ. Къ счастью, въ этомъ дилижансѣ въ Россію возвращались люди, съ которыми не только пріятно, но и полезно можно было провести время. Тутъ были лекторъ французскаго языка въ Дерптскомъ университетѣ Пезе-дэ-Корваль съ женой и дочерью, молодой миленькой француженкой, профессоръ Московскаго университета Крюковъ и профессоръ Горскій, затѣмъ кашубскій пасторъ (славянинъ) и я. Пезе-дэ-Корваль возвращался изъ Парижа, а Крюковъ и Горскій изъ Италіи. Два дня и двѣ ночи мы провели въ безконечныхъ разговорахъ, до того интересныхъ, что я забылъ и о Берлинѣ, и о своей исторіи.

Крюковъ сдѣлалъ какія-то открытія въ Римѣ, въ Ватиканской библіотекѣ, по части филологіи; Пезе-дэ-Корваль разсказалъ чудеса о парижской жизни. Въ Таурогенѣ мы сѣли въ нашъ русскій дилижансъ, послѣ того какъ насъ осмотрѣли таможенные чиновники и благосклонно отнеслись къ моимъ бумагамъ и немногимъ книгамъ, и порядочно напугали нашихъ дамъ, находя, что они черезчуръ уже полны, но дѣло обошлось благополучно, благодаря миловидности и молодости француженки, дочери лектора, которую не рѣшились безпокоить...

IX.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, я отыскалъ С. С. Дудышкина, моего товарища по университету, больнаго, недавно окончившаго университетъ. Я поселился пока у Дудышкина и у него познакомился съ И. А. Гончаровымъ, служившимъ тогда переводчикомъ въ департаментѣ внѣшней торговли.

Ив. Ал. Гончаровъ былъ тогда человѣкъ молодой, кругленькій, лѣнивый и мѣсто занималъ нетяжелое; тогда еще ничего не писалъ, частенько заходилъ къ намъ, отправляясь на службу, и разсказывалъ разные забавные анекдоты изъ своей московской жизни, потомъ изъ петербургской.

Мнѣ предстояло прежде всего побывать въ министерствѣ народнаго просвѣщенія и поблагодарить С. С. Уварова за его вниманіе и за то, что онъ выхлопоталъ мнѣ у государя средства на изданіе втораго тома. Но Уваровъ былъ въ провинціи и осматривалъ училища. Такъ какъ археографическая коммиссія избрала меня своимъ членомъ-корреспондентомъ, то приходилось побывать и у ея предсѣдателя, кн. П. А. Ширинскаго-Шихматова, который былъ, въ то же время товарищемъ министра народнаго просвѣщенія и въ отсутствіе Уварова заступалъ его мѣсто.

Но прежде, чѣмъ явиться къ кн. Ширинскому, мнѣ совѣтовали побывать у главнаго редактора археографической коммиссіи, Як. Ив. Бередникова. Я пошелъ къ нему и былъ имъ очень радушно принятъ. Узнавъ, что я совсѣмъ оставилъ Берлинъ, онъ желалъ знать, что̀ я намѣренъ дѣлать; я передалъ ему о моемъ желаніи снова отправиться за границу, если министерство народнаго просвѣщенія дастъ мнѣ средства осмотрѣть архивы и библіотеки великаго княжества Познанскаго и Галиціи и поискать тамъ матеріаловъ для русской исторіи.

Як. Ив. былъ невзрачный старикъ, средняго роста, плѣшивъ и косоглазый, человѣкъ простой, изъ купеческаго сословія, кажется, Тверской геберніи, но человѣкъ благородный, добрый, благонамѣренный, и готовый сдѣлать добро, если это было возможно. Ему обязана археографическая коммиссія многимъ. Онъ былъ археологъ-самоучка, но вмѣстѣ съ Павломъ Строевымъ они вынесли на своихъ плечахъ археографическую экспедицію, указали что̀ хранится въ русскихъ монастырскихъ архивахъ и церковныхъ ризницахъ. Его можно было заслушаться, когда онъ разсказывалъ о томъ, какъ они странствовали по внутреннимъ нашимъ губерніямъ и съ какими страшными затрудненіями и лишеніями сопряжены были ихъ поѣздки, особенно зимою.

Бередниковъ одинъ только зналъ толкъ въ старыхъ грамотахъ и лѣтописяхъ, отлично читалъ ихъ и былъ мастеръ своего дѣла. Помощникомъ у него былъ Коркуновъ, бывшій адъюнктъ Московскаго университета, но Коркуновъ былъ слабый помощникъ. Узнавъ мои намѣренія, Я. И. передалъ о нихъ князю Шихматову, у котораго онъ пользовался полнымъ довѣріемъ, и сдѣлалъ меня членомъ-корреспондентомъ археографической коммиссіи. Онъ посовѣтовалъ мнѣ побывать въ министерствѣ, поблагодарить князя Шихматова и передать ему о моемъ желаніи.

Я явился въ концѣ августа въ министерство съ двумя томами

моего изданія, поднесъ ихъ князю Шихматову и поблагодарилъ его за избраніе меня членомъ-корреспондентомъ археографической коммиссіи. Князь Ширинскій-Шихматовъ отлично меня принялъ и сказалъ, что уже знаетъ о моихъ намѣреніяхъ отъ Бередникова, что мнѣ охотно дадутъ 3,000 р. с. въ годъ съ тѣмъ, чтобы я занялся осмотромъ и собраніемъ матеріаловъ, касающихся русской исторіи въ прежнихъ польскихъ областяхъ; долго со мною разговаривалъ, велѣлъ подать записку съ проектомъ, и что остается только подождать министра, который скоро воротится изъ своей поѣздки по Россіи и меня отправятъ за границу еще въ этомъ году.

Мои дѣла приняли такимъ образомъ отличное направленіе. Не желая терять времени, я занялся приведеніемъ въ порядокъ выписокъ, сдѣланныхъ изъ бумагъ А. И. Тургенева въ Берлинѣ и рѣшилъ составить каталогъ иностранныхъ источниковъ русской исторіи, по вѣкамъ и по народамъ. Вышелъ фоліантъ довольно почтенныхъ размѣровъ: въ 600 страницъ, на которыхъ съ обѣихъ сторонъ были наклеены названія матеріаловъ и указанія, гдѣ они находятся, также печатныхъ книгъ, вышедшихъ за границей о Россіи, начиная съ XVII столѣтія, въ XVIII столѣтіи и до 1840 года. Этотъ каталогъ остался у Андрея Николаевича Карамзина, когда я занимался съ нимъ русской исторіей, и долженъ находиться въ библіотекѣ П. П. Демидова князя Санъ-Донато, такъ какъ А. Н. Карамзинъ былъ женатъ на его матери Аврорѣ Карловнѣ, рожденной Шернваль, бывшей въ первомъ бракѣ съ отцомъ Демидова.

X.

Въ началѣ сентября, возвратился наконецъ изъ своей поѣздки по Россіи С. С. Уваровъ. Князь Ширинскій-Шихматовъ, отдавая ему отчетъ о своемъ управленіи за время его отсутствія, сообщилъ ему обо мнѣ и моихъ планахъ. Уваровъ выразилъ желаніе меня видѣть и назначилъ день, въ который я долженъ былъ явиться.

Считаю нелишнимъ замѣтить, что я былъ уже раньше извѣстенъ Уварову. Въ 1837 году, я жилъ у члена совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ тайнаго совѣтника Александра Яковлевича Жмакина, старшаго сына котораго, Павла, приготовлялъ въ Пажескій корпусъ; здѣсь я имѣлъ случай нѣсколько разъ видѣть Уварова, былъ ему представленъ хозяйкой дома, какъ его студентъ и наставникъ ея сына. С. С. очень мило, ласково и внимательно обошелся со мною, разспрашивалъ меня о разныхъ разностяхъ и просилъ держать себя свободно, не стѣсняться въ его присутствіи, замѣтивъ, что въ обществѣ онъ не министръ, а С. С. Уваровъ, и только. Онъ не былъ тогда еще графомъ и вообще держалъ себя очень просто, скромно, что называется, безъ чиновъ.

Въ наружности его не было ничего представительнаго; онъ былъ нѣсколько ниже средняго роста, худощавъ, лицо имѣлъ пріятное, носилъ золотые очки, и когда ходилъ, то постоянно скользилъ правою ногою, какъ будто испытывая, тверда ли почва подъ его ногами. Играя въ карты, онъ казался спокойнымъ, равнодушнымъ и едва внимательнымъ; никакихъ аристократическихъ замашекъ, никакой импозантности, если можно такъ выразиться, у него не было. Такимъ я видѣлъ Уварова въ обществѣ.

Теперь, спустя пять лѣтъ, я представлялся С. С., какъ своему министру, какъ студентъ третьяго курса, не окончившій еще университета, но посвятившій уже Уварову свое первое изданіе: «Сказанія иностранцевъ о Россіи», на латинскомъ языкѣ.

Я явился къ нему въ 11 часовъ утра. Уваровъ занималъ въ то время помѣщеніе, въ которомъ теперь находится наше географическое Общество. Изъ первой большой и длинной залы, съ окнами, выходящими на площадь у Чернышева моста и украшенной отличными портретами нашихъ ученыхъ и литературныхъ знаменитостей, дежурный чиновникъ ввелъ меня въ кабинетъ. Съ кушетки, обтянутой темно-зеленымъ трипомъ, всталъ Уваровъ съ книгой въ рукахъ, въ великолѣпномъ восточномъ маловзорчатомъ шлафрокѣ, и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ ко мнѣ. Я поклонился, назвалъ себя и представилъ ему второй томъ моего историческаго изданія. Онъ принялъ книгу, протянулъ мнѣ руку и сказалъ: «Благодарю васъ за посвященіе; мнѣ очень было пріятно узнать, что у меня есть порядочные и трудолюбивые студенты, тѣмъ болѣе изъ петербургскихъ».

Я пробормоталъ въ отвѣтъ, что онъ слишкомъ снисходительно смотритъ на мой первый трудъ.

Теперь, при великолѣпной аристократической обстановкѣ, С. С. показался мнѣ совсѣмъ другимъ лицомъ, чѣмъ въ своемъ синенькомъ вицмундирѣ въ домѣ Жмакина.

Это былъ настоящій министръ, меценатъ, аристократъ, писатель, ученый... Много значитъ отличная обстановка, гдѣ вкусъ и тактъ видѣнъ въ каждой незначительной вещи, даже въ разбросанныхъ бумагахъ, книгахъ, древнихъ рукописяхъ и характеристическихъ древностяхъ. Это не то, что у заграничныхъ министровъ, которые живутъ гораздо хуже нашихъ директоровъ департаментовъ.

Послѣ сказаннаго мнѣ комплимента Уваровъ продолжалъ:

— Князь (т. е. Ширинскій-Шихматовъ) передалъ мнѣ о вашемъ желаніи и планахъ; но я не могу отпустить васъ опять за границу, вы мнѣ здѣсь нужны... Можно себѣ представить, какъ пріятно было слышать такія слова министра молодому студенту!..

— Для здѣшней римско-католической академіи мнѣ нуженъ преподаватель русской исторіи, а такъ какъ этотъ предметъ составляетъ вашу спеціальность, а мнѣ туда хотѣлось бы дать человѣка, ко-

торый бы читалъ будущимъ католическимъ ксендзамъ русскую исторію честно и правдиво, какъ вамъ ее читалъ Устряловъ,—вы очень подходящее лицо для этого мѣста: тѣмъ болѣе, что вы польскаго происхожденія и католикъ, и ваши слушатели имѣли бы къ вамъ болѣе довѣрія и вполнѣ вѣрили бы вашимъ словамъ, чѣмъ русскому человѣку, къ которому, нечего скрывать, тамъ еще питаютъ предубѣжденіе...

Уваровъ остановился.

На его слова я отвѣчалъ:—Ваше высокопревосходительство! мнѣ лестно слышать о томъ назначеніи, которое вамъ угодно дать мнѣ; но я еще студентъ третьяго курса и намѣренъ въ будущемъ году держать экзаменъ на кандидата, но я честно исполнилъ бы ваше желаніе и постарался бы оправдать вашъ выборъ.

— Что вы только студентъ третьяго курса, не болѣе — это не ваша забота, я знаю, какъ сдѣлать.

Я поклонился и замолчалъ.

Затѣмъ начался разговоръ о Берлинскомъ университетѣ, о русскихъ кандидатахъ, о нѣмецкихъ профессорахъ и о славянской каѳедрѣ, которую тогда занималъ Цыбульскій. Отсюда возникъ слѣдующій вопросъ Уварова:

— Читали вы лекціи Мицкевича?

— Нѣтъ, ваше высокопревосходительство, не читалъ... Я былъ занятъ частью посѣщеніемъ университетскихъ лекцій, частью съ сыновьями барона Мейендорфа, а все остальное время посвящалъ изданію памятниковъ...

— Я хотѣлъ знать, что вы думаете объ этихъ лекціяхъ?

Было замѣтно, что Уварову не понравился мой отвѣтъ. Такъ какъ лекціи, читанныя Мицкевичемъ въ Парижѣ о славянствѣ и призваніи славянъ, были въ Россіи запрещены, то онъ думалъ, что за границей я, вѣроятно, читалъ ихъ, но не хотѣлъ въ томъ сознаться передъ нимъ, какъ своимъ министромъ, и это ему не понравилось; но если бъ я и дѣйствительно прочелъ эти лекціи, то не смѣлъ бы этого сказать, такъ какъ это чтеніе было воспрещено, при томъ же, я могъ подумать, что какъ бы благодушно вопросъ ни былъ предложенъ, но онъ былъ сдѣланъ съ цѣлью испытать меня, какъ я отношусь къ постановленіямъ власти...

Въ эту минуту, когда я отвѣчалъ С. С. на его вопросъ о лекціяхъ Мицкевича, вошелъ чиновникъ и доложилъ о пріѣздѣ статсъ-секретаря Танѣева. Моя аудіенція кончилась; министръ поклонился, и я ушелъ. Это былъ послѣдній разъ, что я видѣлъ Уварова.

Два мѣсяца я не получалъ никакого извѣщенія и наконецъ узналъ, что преподавателемъ русской исторіи въ римско-католической академіи назначенъ бывшій мой профессоръ Мих. Сем. Куторга. Конечно, М. С. былъ уже извѣстенъ какъ профессоръ всеобщей исторіи въ Петербургскомъ университетѣ, онъ не считался

особеннымъ знатокомъ русской исторіи, но я ни въ какомъ случаѣ не могъ идти съ нимъ въ сравненіе, какъ студентъ третьяго курса, хотя и занимавшійся уже изданіемъ матеріаловъ для русской исторіи. Но министръ имѣлъ же какіе нибудь виды и основаніе, заявивъ мнѣ желаніе свое, чтобы я занялъ въ римско-католической академіи мѣсто преподавателя русской исторіи... Безъ сомнѣнія, соображенія и комбинаціи министра уступили убѣжденіямъ Н. Г. Устрялова, профессора русской исторіи, который былъ у Уварова свой человѣкъ; а Мих. Сем. Куторга былъ зять Устрялова, женатый на его родной сестрѣ... Спустя два года, когда я былъ уже кандидатомъ правъ и ближе сошелся съ Устряловымъ, онъ самъ предлагалъ мнѣ готовиться въ кандидаты на его мѣсто. Я замѣтилъ ему, что это невозможно, потому что я юристъ и могу держать экзаменъ только на магистра правъ, но не филологіи, такъ какъ я не знаю греческаго языка, никогда имъ не занимался и ни въ какомъ случаѣ не могу держать экзаменъ изъ него.

Устряловъ отвѣтилъ мнѣ, что это уже не мое дѣло, и это обстоятельство можно устранить... Но я отказался, не желая окольными путями получить степень магистра филологіи и такимъ образомъ сдѣлаться приватъ-доцентомъ у Н. Г. Устрялова.

Не получивъ обѣщаннаго мнѣ мѣста и лишенный возможности уѣхать за границу для осмотра старинныхъ польскихъ архивовъ и извѣстныхъ библіотекъ частныхъ лицъ въ великомъ княжествѣ Познанскомъ и въ Галиціи, я занимался, изъ любви къ искусству, у князя П. А. Вяземскаго, разборомъ его библіотеки, рукописей, переписки и собираніемъ его стихотвореній, разсѣянныхъ по всѣмъ нашимъ періодическимъ изданіямъ конца двадцатыхъ, тридцатыхъ и начала сороковыхъ годовъ, которыя онъ собирался издать.

Князь жалѣлъ меня, но мы не могли придумать, куда обратиться и чего добиваться. Наконецъ, изъ Варшавы пріѣхали двѣ молодыя дамочки: дочь князя Вяземскаго, бывшая за П. А. Валуевымъ, и княгиня Урусова, рожденная Уварова, бывшія въ большой дружбѣ. Дочь князя остановилась у отца, и княгиня Урусова навѣщала ее ежедневно. Князь воспользовался этимъ случаемъ и просилъ княгиню похлопотать за меня у отца, чтобы мнѣ дали мѣсто въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Разставаясь съ дочерью, С. С. обыкновенно спрашивалъ: не нужно ли что для нея сдѣлать?

Княгиня Урусова передала ему, о чемъ ее просилъ князь Вяземскій. Уваровъ взялъ первую попавшуюся ему бумагу и написалъ на ней: «Князь! (т. е. Ширинскій-Шихматовъ) дайте, пожалуйста, мѣсто кандидату СП. университета Старчевскому, вашему protégé; объ немъ хлопочетъ князь П. А. Вяземскій и графъ Віельгорскій. Вашъ Уваровъ».

Я вовсе не зналъ о томъ, что дѣлалось у меня за спиной. Прійдя на другой день къ князю Вяземскому, я получилъ вышеприведен-

ную записочку, съ которой долженъ былъ тотчасъ же отправиться въ департаментъ народнаго просвѣщенія и передать ее князю Шихматову. Князь спросилъ меня: какое мѣсто я желалъ бы получить? Я указалъ на Румянцевскій музей, гдѣ служилъ мой товарищъ по университету Апполонъ Николаевичъ Майковъ, и откуда вышелъ Востоковъ. Шихматовъ не согласился... такъ какъ уроженцы западныхъ губерній не имѣли права занимать мѣста въ столицѣ, не прослуживъ сперва въ провинціи трехъ лѣтъ; но министръ хорошо зналъ, о комъ писалъ, и по этому поводу у меня съ княземъ вышелъ весьма непріятный разговоръ. На его замѣчаніе я отвѣчалъ очень рѣзко; князь даже обидѣлся моимъ отвѣтомъ, и, разумѣется, мое опредѣленіе не состоялось.

Спустя три года, когда я уже редактировалъ «Спр. Энц. Словарь», котораго вышли тогда семь томовъ, ко мнѣ явился министерскій курьеръ и передалъ, что князь Ширинскій-Шихматовъ покорнѣйше проситъ пожаловать къ нему въ 10 часовъ утра. Я явился въ назначенное время, и меня ввели въ его кабинетъ. Князь былъ въ шлафрокѣ, подошелъ ко мнѣ, подалъ руку и сказалъ: «Извините, что я васъ побезпокоилъ: я счелъ долгомъ повидать васъ, поблагодарить за посылаемый мнѣ вами «Спр. Энц. Словарь» и сказать, что это изданіе дѣлаетъ вамъ честь, особенно какъ вы вездѣ относились къ монархической власти и православной церкви. Теперь время скверное,—это было осенью 1848 года,—люди сами не знаютъ, чего хотятъ, и забыли о Богѣ. Прощайте!» Онъ подалъ мнѣ руку, и мы разстались.

XI.

Возвращаюсь къ Тургеневу.

Государь, будучи въ Москвѣ, навѣстилъ князя Голицына, узналъ всю правду объ А. И. Тургеневѣ, простилъ его и поручилъ ему продолжать свои занятія за границей.

Въ это время я получилъ отъ А. И. Тургенева слѣдующее письмо:

«Москва, 1842 года, сентября 5 ч.

«Я получилъ ваше письмо третьяго дня тремя часами позже, нежели бы надлежало, ибо передъ тѣмъ князь А. Н. Голицынъ докладывалъ по моей запискѣ государю, и я получилъ позволеніе довершить начатое дѣло въ Берлинѣ и послѣ представить бумаги государю. Если бы я имѣлъ ваше письмо тремя часами прежде, я бы сдѣлалъ изъ него выписку для прочтенія государю. Рвусь съ досады! Да нечего дѣлать! Прошу васъ устроить такъ, чтобы списки были дописаны и чѣмъ полнѣе, тѣмъ лучше; и такъ какъ я все сіе дѣлаю на свой счетъ, то я бы не желалъ, чтобы это стоило дорого. Нельзя ли доставить мнѣ скорѣе то, что уже переписано, а я бы постарался выхлопотать, чтобы все списанное позволено было напечатать въ вашемъ любопытномъ «Сборникѣ». Между

тѣмъ посылаю вамъ требуемую довѣренность, если она недостаточна, то поправьте и пришлите сюда, а я перепишу и вамъ немедленно доставлю. О Строевѣ я не упоминалъ, ибо я ему никакой довѣренности не давалъ.

«Благодарю васъ за исполненіе моихъ порученій и убѣдительнѣйше прошу снова похлопотать и написать въ Берлинъ, чтобы: 1) по возвращеніи Неандера взяли отъ него пакетъ съ книгою; 2) чтобы Филиппи понавѣдался еще разъ о книгѣ, отдалъ ее для переплета Моснеру и потомъ отнесъ къ шведскому chargé d'affaires. Пожалуйста, напишите о семъ, если у васъ есть знакомые въ Берлинѣ: туда опредѣленъ князь Оболенскій, къ миссіи; справьтесь о немъ въ Петербургѣ. Онъ теперь еще здѣсь, и поручите ему мое дѣло: онъ все исполнитъ, но я не знаю еще, когда онъ поѣдетъ?

«Понавѣдайтесь, когда отпечатается моя книга, побывайте у К. С. Сербиновича[1]): онъ все знаетъ о моихъ дѣлахъ.

«Всѣ книги, въ 1841 году, изъ археографической коммиссіи ко мнѣ посланныя, не дошли до меня, кромѣ журналовъ, кои вы видѣли въ Берлинѣ. Я писалъ о семъ и къ г. Сербиновичу, и къ Прянишникову, но по сію пору ничего не отыскано. Не похлопочете ли вы объ отысканіи оныхъ? Очень бы меня одолжили. Если Ѳ. И. Прянишниковъ отослалъ ихъ въ канцелярію графа Нессельрода, то надобно тамъ справиться у г. Кудрявцева. Постарайтесь отыскать затерянные квартанты[2]). Ихъ много.

«Ожидаю отъ васъ скораго отзыва. Если бы вы хотя днемъ прежде написали ко мнѣ (такъ какъ я просилъ васъ), то мое дѣло о берлинскихъ рукописяхъ было бы въ шляпѣ и для меня безъ хлопотъ и убытковъ, а теперь!... Но не упрекаю, а только предостерегаю для будущаго. Весь вашъ А. Тургеневъ».

По полученіи этого письма я могъ только сказать себѣ: finita la comedia; послѣдовала полнѣйшая неудача, какъ это нетрудно увидѣть изъ слѣдующаго письма А. И. Тургенева:

«Москва, 1842 года, 8-е октября.

«Болѣе нежели мѣсяцъ предъ симъ я отвѣчалъ вамъ немедленно на письмо ваше отъ 30-го августа, но не знаю, получили ли вы оное. Я рѣшился вторично увѣдомить васъ о полученіи письма и просить васъ поскорѣе отвѣчать мнѣ на тѣ запросы, какъ я, помнится, сдѣлалъ вамъ въ первомъ письмѣ. Встрѣтясь здѣсь съ Уваровымъ, я говорилъ ему о васъ. Желалъ бы знать, надѣетесь ли вы быть съ выгодою употребленнымъ по желанію и по способностямъ вашимъ?

«Я получилъ извѣстіе, что въ Парижѣ ничего не получали еще ни изъ числа пакетовъ, мною въ нашей (т. е. берлинской) миссіи оставленныхъ, ни тѣхъ, кои отосланы къ французскому секретарю Montessu, для отправленія съ курьеромъ въ Парижъ.

«Нельзя ли написать къ Фегезаку и попросить его о постепенномъ отправленіи пакетовъ, а я буду просить барона д'Андрэ написать о другихъ къ Монтессю. Хотя въ нихъ ничего нѣтъ, кромѣ книгъ, но жаль, если пропадутъ.

«Не получили ли извѣстія о первомъ томѣ актовъ моихъ, который отдали мы изъ Лейпцига для отправленія въ Стокгольмъ?

---

[1]) Редактора «Ж. М. Нар. Пр.».

[2]) Такъ называются книги въ четвертую долю листа.

«Я ожидаю увѣдомленія вашего о переписанныхъ въ Берлинѣ рукописяхъ, и желалъ бы взглянуть на тѣ, которыя успѣли переписать при васъ; съ вами ли онѣ? Потрудитесь переслать ихъ ко мнѣ, хоть на время. Если въ почтамтѣ не примутъ пакета, то перешлите чрезъ К. С. Сербиновича. Есть ли надежда, что и остальное перепишется? Прежде, нежели рукописи сіи не будутъ представлены государю, издавать ихъ нельзя, ибо о нихъ состоялось уже высочайшее повелѣніе, но я надѣюсь испросить вамъ позволеніе напечатать ихъ.

«Уваровъ сказывалъ мнѣ также, что второй томъ моихъ актовъ уже отпечатался. Скоро ли выйдетъ? Нельзя ли справиться у К. С. Сербиновича и о томъ, пришлетъ ли онъ мнѣ письмо Матвія, краковскаго епископа, къ св. Бернарду (см. стр. XI предисловія къ моимъ актамъ), не допечатанное въ первомъ томѣ моего «Собранія», о присылкѣ коего я неоднократно просилъ его. Не потрудитесь ли вы in extenso и исправно переписать его. Вотъ еще просьба къ вамъ, или, лучше сказать, запросъ: у почтдиректора Ѳ. И. Прянишникова остались шесть тюковъ книгъ, по высочайшему повелѣнію, археографическою коммиссіею мнѣ выданныхъ. Два тюка, сверхъ сихъ шести, я уже получилъ здѣсь, но о шести просилъ я Ѳ. И. Прянишникова пріостановиться присылкою въ Москву, ибо онѣ, большею частью, должны быть отправлены въ чужіе края. Я получилъ записку отъ К. С. Сербиновича о всѣхъ книгахъ, ко мнѣ прошлаго года отправленныхъ, кои, вѣроятно, содержатся въ 8-ми тюкахъ вышеупомянутыхъ, изъ коихъ шесть еще въ Петербургѣ.

«Изъ прилагаемаго у сего реэстра увидите, что̀ я получилъ здѣсь и что̀ должно находиться еще въ Петербургѣ, въ шести оставшихся у г. почтдиректора Ѳ. И. Прянишникова, и что̀ еще не дослано ко мнѣ археографическою коммиссіею. Можете ли принять на себя трудъ разсмотрѣть сіи тюки, и справиться въ археографической коммиссіи о томъ, что̀ и почему не дослано, и отложить для меня и отправить сюда по одному экземпляру всего непосланнаго, остальные же оставить для храненія, а послѣ и для отправленія (мною или вами, или кѣмъ другимъ) въ чужіе края? Буду ожидать на сіе предварительнаго вашего увѣдомленія и, смотря по тому, доставлю вамъ письмо къ Ѳ. И. Прянишникову для выдачи вамъ 6-ти тюковъ, въ Петербургѣ оставшихся. Я полагаю, что̀ въ археографической коммиссіи вы можете и безъ моего полномочія сдѣлать нужныя справки. Переговорите о семъ и съ К. С. Сербиновичемъ. Ожидаю скораго отвѣта. Весь вашъ А. Тургеневъ. Адресъ мой попрежнему, на имя московскаго почтдиректора Ал. Як. Булгакова».

При письмѣ Тургенева была приложена вторичная для меня довѣренность, точно смѣха ради, когда государь поручилъ ему самому довершить это дѣло.

По прочтеніи этого письма Тургенева и неумѣстной довѣренности, не получивъ и обѣщаннаго мѣста въ римско-католической академіи, я вспомнилъ латинскую избитую, но вѣчно вѣрную пословицу: «Res humanae caducae sunt», что̀ значитъ въ вольномъ переводѣ—«все не прочно въ этомъ непрочномъ мірѣ», и, не теряя духа, сталъ помышлять, что̀ мнѣ дѣлать.

Такъ какъ о поѣздкѣ за границу нечего было и думать, то оставалось приняться за приготовленіе къ экзамену, чтобы покончить съ университетомъ. Я уѣхалъ изъ Петербурга въ 1840 году, находясь въ третьемъ курсѣ, поэтому теперь надо было держать

выпускной экзаменъ изъ двухъ курсовъ вдругъ—изъ 3-го и 4-го, и писать диссертацію на степень кандидата. Но срокъ выпускнаго экзамена былъ только въ маѣ и іюнѣ 1843 года, слѣдовательно нужно было дожидаться его.

Въ это время я получилъ отъ П. И. Севастьянова, извѣстнаго впослѣдствіи нашего туриста-археолога, которому мы обязаны изслѣдованіемъ аѳонскихъ древностей и съ которымъ я путешествовалъ за границей въ 1840 году, приглашеніе повидаться съ нимъ. Вотъ въ чемъ оказалось дѣло. П. И. былъ знакомъ съ Бенардаки и часто бывалъ у него. Разъ Бенардаки спросилъ его, не можетъ ли онъ указать на человѣка, который взялся бы за воспитаніе его сына и посвятилъ бы этому дѣлу девять лѣтъ: сначала отправился бы съ нимъ на три года, въ Дерптъ, а потомъ на шесть лѣтъ въ Швейцарію. П. И. рекомендовалъ ему меня и сообщилъ мнѣ объ этомъ. Но я готовился тогда къ экзамену и потому не желалъ развлекаться чѣмъ либо другимъ; притомъ мнѣ не хотѣлось связывать себя такимъ длинносрочнымъ условіемъ и превратиться въ педагога, къ чему я не чувствовалъ особаго призванія.

Не смотря на это, П. И. просилъ меня побывать у Бенардаки для того, чтобы тотъ убѣдился, что П. И. дѣйствительно велъ со мною переговоры. Желая сдѣлать ему угодное, я отправился къ Бенардаки. Хотя откупа были тогда въ полномъ блескѣ и дѣла Бенардаки шли отлично, но онъ не игралъ еще такой роли, какъ впослѣдствіи, когда пріобрѣлъ домъ графа Браницкаго (нынѣ князя Юсупова) на Невскомъ проспектѣ, и поселился въ немъ.

Тогда Бенардаки жилъ въ домѣ Кушелева-Безбородко, на углу Гагаринской и набережной. Обстановка его обличала въ немъ человѣка, имѣющаго деньги, но не имѣющаго вкуса. Самъ онъ мнѣ не понравился. Разговоры наши были повтореніемъ переданнаго мнѣ П. И. Севастьяновымъ. Наконецъ, онъ захотѣлъ произвести мнѣ испытаніе во французскомъ діалектѣ. Онъ удалился на минуту и вошелъ съ очень молоденькой и очень милой дочкой, одѣтой въ бѣлое кисейное платье и съ прекрасными манерами. Она обратилась ко мнѣ съ рѣчью на французскомъ языкѣ, на которомъ очень хорошо изъяснялась. Впослѣдствіи она вышла замужъ за графа Бенкендорфа, тоже очень милаго молодаго человѣка.

Разставшись съ Бенардаки, я пріѣхалъ къ Петру Ивановичу и разсказалъ ему о нашемъ свиданіи. На другой день Севастьяновъ нарочно былъ на вечерѣ у Бенардаки, чтобы узнать, какое впечатлѣніе произвелъ я на него. Бенардаки отвѣчалъ:—«Старчевскій понравился намъ, и дочь сказала, что онъ хорошо говоритъ пофранцузски, но не картавитъ, какъ настоящіе французы». Это выраженіе намъ съ Севастьяновымъ приходилось очень часто повторять и смѣяться надъ моимъ недостаткомъ.

XII.

Въ это же время гофмаршалъ Шуваловъ получилъ письмо отъ своего брата, жившаго въ Парижѣ, въ которомъ тотъ просилъ его отыскать молодаго человѣка, который бы занялся съ его сыномъ русскимъ языкомъ. Не помню теперь, кто указалъ графу Шувалову на меня, и онъ вошелъ со мною въ переговоры. Я не прочь былъ принять это мѣсто, потому что зналъ юношу, съ которымъ мнѣ предстояло заниматься. Когда я былъ въ Берлинѣ, графъ Шуваловъ проѣздомъ изъ-за границы былъ у барона Мейендорфа съ своимъ сыномъ, который провелъ весь вечеръ у меня на верху съ моими учениками; онъ мнѣ очень понравился, былъ хорошо воспитанъ, скроменъ; страннымъ показалось мнѣ только, что мальчикъ двѣнадцати-тринадцати лѣтъ былъ одѣтъ какъ взрослый молодой человѣкъ въ черномъ фракѣ.

Я былъ у гофмаршала, жившаго тогда въ собственномъ домѣ, на углу Прачешнаго переулка и набережной Мойки, у Цѣпнаго почтамтскаго моста (нынѣ домъ Бутурлина). Графъ подробно говорилъ со мною объ условіяхъ, о занятіяхъ и о моемъ пребываніи въ Берлинѣ. Онъ немедленно написалъ своему брату въ Парижъ, но дѣло не состоялось, кажется, потому, что графъ собирался совсѣмъ возвратиться въ Россію.

Между тѣмъ, по рекомендаціи князя П. А. Вяземскаго, я получилъ занятія въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», гдѣ и работалъ четыре года, съ начала 1843 до 1847 года. К. С. Сербиновичъ познакомилъ меня съ Карамзиными, и я занимался съ Андреемъ Николаевичемъ весь сорокъ третій годъ славянскими языками: польскимъ, чешскимъ и сербскимъ. Объ этомъ времени я всегда буду вспоминать какъ о лучшемъ въ моей молодости.

Когда у меня начались переговоры съ графомъ Шуваловымъ, я писалъ объ этомъ А. И. Тургеневу и получилъ отъ него слѣдующій отвѣтъ:

«Москва, 1843 года, января 11-го.

«Я получилъ, наконецъ, письмо ваше отъ 2-го января и спѣшу принести вамъ искреннѣйшую благодарность за обстоятельное увѣдомленіе обо всемъ, до васъ касающемся, такъ какъ и по моимъ порученіямъ. Весьма сожалѣю, что вамъ не удалось достигнуть цѣли вашихъ желаній, но если опредѣленіе ваше, въ Парижѣ, при графѣ Шуваловѣ состоится, то не должно много жалѣть о другихъ неудачахъ: тамъ найдете вы болѣе чѣмъ гдѣ либо занятій, т. е. неизвѣстныхъ рукописей о Россіи и Польшѣ: я укажу вамъ на многія въ самой королевской библіотекѣ, еще нигдѣ не напечатанныя. Увѣдомьте меня о послѣдствіи для васъ теперешнихъ сношеній съ графомъ Шуваловымъ въ Па-

рижѣ, смотря по тому я буду заготовлять книги, какія бы туда послать желалъ изъ находящихся въ С.-Петербургѣ на сохраненіи у К. С. Сербиновича. Между тѣмъ посылаю на сихъ дняхъ первый томъ моихъ актовъ въ Берлинъ съ княземъ Гагаринымъ, который попрошу его отдать тому, кому вы поручили переплесть его, т. е., кажется, Филиппи, или снестись съ г. Елагинымъ для отправленія въ Швецію, чрезъ шведскаго повѣреннаго въ дѣлахъ. Такъ ли? Если вы полагаете сдѣлать иначе, то напишите поскорѣе, дабы я могъ написать въ Берлинъ къ князю Гагарину. Все это на случай неполученія экземпляра, отданнаго Линднеру въ Лейпцигѣ. Я еще не успѣлъ прочесть присланныхъ вами тетрадей, за глазною слабостью, но тѣ, коимъ поручалъ я прочитать, говорятъ, что бумаги не очень интересны. Увѣдомьте, извѣстно ли вамъ содержаніе оныхъ? Въ чемъ оно? И какъ составить заглавія симъ бумагамъ? Я долженъ переплесть ихъ и послать немедленно въ Петербургъ для представленія государю, не ожидая продолженія списковъ, коими обѣщали заняться русскіе въ Берлинѣ. Не медлите отвѣтомъ на сей пунктъ.

«Съ княземъ Оболенскимъ (архивистъ) переговорю о васъ и увѣдомлю васъ немедленно и искренно, но не теряйте изъ вида Парижа. Здѣшнимъ архивомъ и послѣ можно заняться; что узнаю и обсужу, — все сообщу вамъ.

«Вяземскій, конечно, лучшій изъ людей по сердцу и по уму. Держитесь его; но онъ не по вашей части.

«Если Линднеръ доставитъ, наконецъ, книгу, то можно оставить ее въ посольствѣ на мое имя, и я назначу, куда отправить или кому отдать ее.

«Съ истиннымъ почтеніемъ навсегда пребываю вашимъ покорнѣйшимъ слугою. А. Тургеневъ».

Это было послѣднее письмо, полученное мною отъ Тургенева.

Когда я зашелъ къ князю Вяземскому въ половинѣ января, онъ показалъ мнѣ письмо Тургенева, писанное къ нему одновременно съ полученнымъ мною и сказалъ: — «Вотъ вамъ письмо Тургенева, гдѣ онъ говоритъ о васъ; можете его оставить у себя на память». Я поблагодарилъ князя и сберегъ это письмо; въ немъ есть много интереснаго и для другихъ, и потому привожу его вполнѣ:

«11-го генваря, 1843 г. Москва.

«Все еще не могу переслать копіи моихъ писемъ — et pour cause: она не сдѣлана! Мнѣ прислали шесть страницъ переписанныхъ, обѣщая другія скоро и продержавъ свѣрку тобою пересланныхъ около 4-хъ мѣсяцевъ, а я и сердиться не смѣю, хотя очень, очень досадно. Теперь не знаю, къ кому и обратиться, ибо слова въ прилагаемой запискѣ: «il faut que je les rélise», — пустое: ничего не переписано, иначе бы прислали. Самому переписывать ни силъ, ни глазъ не достанетъ. Другой копіистъ переписалъ тетрадь, но въ ней, бо́льшею частью, лекціи Мицкевича, коихъ не напечатаете, а Ампера не переведенныя, кои худо переведете, да и трудъ великъ. Но для своего оправданія перешли ихъ, по пересмотрѣ, сегодня или послѣзавтра. Вымаранное карандашемъ никакъ не печатайте. Впрочемъ, я не знаю, не было ли уже извлеченія изъ сихъ писемъ въ «Современникѣ».

«Благодарю тебя за Старчевскаго: онъ о тебѣ пишетъ, какъ я о тебѣ думаю и чувствую. Я бы желалъ, чтобы дѣло съ графомъ Шуваловымъ уладилось. Въ Парижѣ я бы открылъ ему болѣе источниковъ русской исторіи, не-

жели гдѣ либо, особливо по сношеніямъ съ Польшей. Библіотека королевская очень богата, хотя многое уже и напечатано. Я буду хлопотать и у здѣшняго архивиста кн. Оболенскаго, но на него плохая надежда: онъ самъ компиляторъ, да что-то мнѣ и не по сердцу, хотя и очень былъ ласковъ. Другіе Оболенскіе съ нимъ не знаются. Жалованье архивское малое, а своего Оболенскій не дастъ, вѣроятно. Въ Парижѣ же Старчевскій можетъ и образованіе свое кончить, и трудиться, и жить съ пользою для себя и для другихъ. Я писалъ къ нему сегодня письмо на его имя. Князь Гагаринъ ѣдетъ на этой недѣлѣ въ Берлинъ: пишу и посылаю съ нимъ въ Парижъ многое. Онъ Москвой пресытился и хочетъ перевести духъ на европейскомъ воздухѣ, хотя и здѣшнимъ дышалъ довольно пріятно—въ салонахъ!

«Старуха княгиня Щербатова мать Сверб. очень больна, хотя и не опасно, но милыя дочери не отходятъ отъ нея; все отъ хлопотъ, о коихъ узнаешь послѣ. Вчера, какъ и каждый вечеръ, засидѣлся и заужинался на вечеринкѣ. Графиня Саліасъ-Турнемиръ (Сухо-Кобылина) собрала весь блестящій міръ; я любезничалъ съ незнакомыми почти до двухъ утра! Въ четвергъ балъ у княгини Луизы Голицыной, если дитя выздоровѣетъ. Всѣ дни взяты и не въ одномъ салонѣ: у меня à la lettre—на недѣлѣ семь пятницъ! Порученія твои къ двумъ милымъ кузинамъ исполнилъ. Но графъ Зубовъ въ свѣтъ не показывается, только на пятницахъ Свербеевыхъ улыбнется, какъ солнышко весною.

«Что же ты не присылаешь мнѣ своего фонъ-Визина? Хоть въ листахъ? Да пошли его и къ Мицкевичу, и къ брату; у 1-го четыре первые листа. Я все въ страшномъ безпокойствѣ за Клару: она мученица, да мы страшимся и послѣдствій ихъ развязки.

«Какіе славные стихи Павлова написала къ мужу, хотя сама и отказывается отъ адреса. Пришлю, какъ скоро перепишу. И у нихъ завтра начинаются вторники; а онъ очень комично, жалко, участвуетъ, хотя и полуоффиціально отъ князя О. В. Голицына, разсматривая, за что берутъ и держатъ въ полиціи и въ тюрмахъ, и донося К. Гол—у.

«Вотъ что̀ пишутъ изъ Парижа: «Вчера слышалъ отъ Louis Blanc, что Верье хочетъ сдѣлаться попомъ! Louis Blanc (авторъ «Исторіи X дней») хотѣлъ узнать: правда ли, и пошелъ къ Верье, стараясь въ его отвѣтахъ на различные вопросы узнать, есть ли что справедливое въ слухѣ, но ничего не узналъ. Только одна фраза Верье могла дать подозрѣніе. Видя, что ничто не идетъ такъ, какъ бы ему хотѣлось, онъ изъявлялъ нѣкоторое отчаяніе и сказалъ: «Après tout il n'y a rien à faire qu'a s'enfermer dans un cloître! Вчера я провелъ вечеръ у генерала П. и видѣлъ тамъ Lamenais. Сожалѣлъ, что онъ игралъ въ шашки, не принималъ участія въ разговорѣ о предметахъ философіи и богословія; но, напротивъ, подъ конецъ говорилъ о такъ называемыхъ политическихъ предметахъ, то есть разсказывалъ анекдоты о Louis Филиппѣ и т. д. пустые комеражи! Il est tout à fait prêtre, замѣтилъ Маміани [1]), по уходѣ Lamenais. И подлинно больно видѣть этотъ великій талантъ, обращенный на столь мелкіе предметы! Между анекдотами Lamenais упоминалъ, что Louis-Philippe, говоря о Канерѣ, сказалъ: que c'est la plus ville canaille, qu'il faut la gorger non d'écus,

---

[1]) Маміани одинъ изъ умнѣйшихъ италіанскихъ (изъ Болоніи) pcrosrits въ Парижѣ, писатель-философъ и оригинальный; но съ предразсудками римскими стрѣсъ съ себя и не одни предразсудки; онъ и по философской части хорошій судья Ламене.

mais de gros sals et de liards!»; что герцогъ Немурскій весьма простъ и всегда trés embarassé quand il doit se montrer en public; qu'il en a des attaques de nerfs qui pourraient dégenerer en épilepsie; что онъ во враждѣ съ герцогиней Орлеанской! «Вотъ какими дрязгами занимается первый писатель Франціи!» Мнѣ пишутъ кое-что о книгѣ «France et Russie».

«На лекціи Мицкевичъ, между прочимъ, говорилъ, что при восшествіи на престолъ Іосифа II было разсуждаемо въ совѣтѣ австрійскомъ, какимъ императоръ Іосифъ себя объявить долженъ: германскимъ или славянскимъ? Рѣшено, чтобы продолжать быть германскимъ. Я слышалъ только, что при Іосифѣ II разсуждаемо было о выгодахъ для Австріи принять какую нибудь славянскую политику. Въ «Revue des deux mondes» — любопытныя статьи о Черной Горѣ. Можетъ быть, со временемъ Сербія и другія славянскія племена будутъ играть роль въ исторіи! «Elles sont civilisables». Сею только надеждою здѣшніе славянофилы были бы не очень довольны, ибо они находятъ и теперь уже въ славянщинѣ всѣ элементы цивилизаціи и будущаго возрожденія такъ называемой ими Западной Европы.

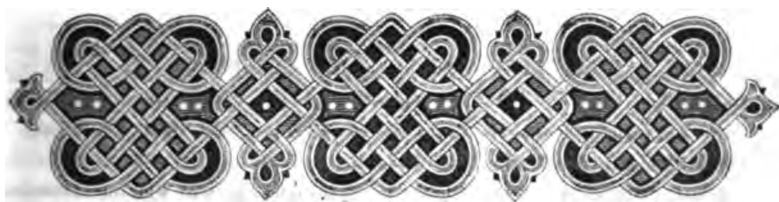
«2 часа послѣдніе. Сейчасъ скончалась княгиня Щербатова. Я видѣлъ сына. Свербеева можетъ плакать. Елагина не плачетъ».

XIII.

Получивъ отъ меня выписки изъ королевскаго прусскаго тайнаго архива, Тургеневъ представилъ ихъ, не помню теперь чрезъ кого, государю, получилъ за это табакерку, осыпанную бриліантами, какъ мнѣ передавалъ князь Вяземскій, и отправился за границу чрезъ Петербургъ. Будучи у князя, онъ сказалъ ему, что непремѣнно желалъ меня видѣть и подѣлиться со мною царскою наградою, но будто бы не могъ отъискать меня. Тутъ уже моя очередь сказать: «овый трудившийся, а овый въ трудъ взойде». Но вѣрно ужъ мнѣ суждено было во всемъ потерпѣть fiasco... У князя Вяземскаго былъ мой адресъ. Чиновникъ Костіевскій, состоявшій при князѣ для разъѣздовъ, зналъ, гдѣ я жилъ, и бывалъ у меня отъ князя нѣсколько разъ. Тургеневъ тоже добивался моего адреса изъ Москвы и получилъ его, и, всетаки, меня не нашли...

Послѣ этого я не получалъ болѣе отъ А. И. никакихъ писемъ, самъ не писалъ къ нему, и наши отношенія такимъ образомъ кончились.

А. Старчевскій.



БЫТЪ САПЕРОВЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ НАЗАДЪ.

I.

ВЪ АВГУСТОВСКОЙ книжкѣ «Историческаго Вѣстника» прошлаго года была помѣщена моя статья, подъ заглавіемъ: «Бытъ саперовъ 50 лѣтъ назадъ». Настоящая статья служитъ дополненіемъ къ той статьѣ.

50 и 25 лѣтъ берутся, конечно, приблизительно, къ каждому періоду можетъ быть прибавляемо и отнимаемо 5—8 лѣтъ.

И 50, и 25 лѣтъ назадъ я служилъ въ саперахъ: 50 лѣтъ назадъ въ младшихъ офицерскихъ чинахъ, а 25 лѣтъ назадъ былъ генераломъ и командовалъ саперной бригадой.

Впродолженіе всей своей службы я не только вникалъ во все, что касалось жизни, быта и службы саперовъ, но и многое заносилъ въ свои записки, озаглавленныя «Мои воспоминанія».

Всматриваясь теперь безпристрастно въ бытъ и положеніе саперовъ 50 и 25 лѣтъ назадъ, невольно поражаешься различіемъ этихъ двухъ періодовъ.

50 лѣтъ назадъ наши саперы, руководимые императоромъ Николаемъ, шли быстро впередъ, инженерная наука у насъ процвѣтала, саперы любили свое дѣло; все, что печаталось по инженерной части у насъ и за границей, читалось съ жадностью; все прочитанное обсуживалось въ частныхъ офицерскихъ кружкахъ; всякою новостью, всякимъ открытіемъ и изобрѣтеніемъ по инже-

нерной части всѣ интересовались. Наши саперы стояли безусловно выше саперовъ въ западныхъ государствахъ; прусскіе минеры учились у насъ. Саперы наши гордились тѣмъ, что они саперы; молодые офицеры, попавъ въ саперы, ни о чемъ другомъ не мечтали, какъ только составить себѣ карьеру въ саперномъ мірѣ. Переходы въ другой родъ службы были рѣдки; прощаясь съ отходящимъ изъ саперовъ офицеромъ, товарищи сожалѣли о немъ, какъ рискующемъ промѣнять хорошее настоящее на невѣрное будущее. Императоръ Николай всегда съ особымъ удовольствіемъ вспоминалъ о подвигахъ своихъ саперовъ и на Кавказѣ, и во всѣхъ войнахъ, веденныхъ въ его царствованіе, а въ послѣдніе дни жизни своей, Николай I истинно восхищался подвигами саперовъ подъ Севастополемъ. Подъ Севастополемъ саперы, со знаменитымъ графомъ Тотлебеномъ, достигли апогея своей славы: вся армія, вся Россія, отдавали должную дань благодарности и уваженія нашимъ саперамъ.

И вдругъ, по заключеніи Парижскаго мира, съ начала 60-хъ годовъ, настала реакція. Саперы охладѣли къ своей службѣ, стали апатично относиться къ ней; почти перестали интересоваться перемѣнами, совершавшимися тогда въ инженерномъ корпусѣ; внѣшнія перемѣны, повидимому, ихъ болѣе интересовали, чѣмъ то, что дѣлалось въ служебной ихъ сферѣ; перестали или почти перестали заниматься инженерною частью; если нѣкоторые офицеры и читали кое-что, то не по душевному влеченію къ инженерному дѣлу, а по необходимости. Лучшіе офицеры только и заботились о томъ, какъ бы скорѣе уйдти изъ саперовъ, переходили, куда только могли, къ частнымъ занятіямъ, на желѣзныя дороги, въ кадетскіе корпуса, въ лѣсничіе, въ армію, даже въ становые пристава.

Причины такой перемѣны въ настроеніи саперовъ были и общія, или внѣшнія, и частныя, или внутреннія. Къ общимъ причинамъ относятся слѣдующія обстоятельства.

Послѣ каждой войны, войска, участвовавшія въ боевыхъ дѣлахъ, неохотно возвращаются къ обыденнымъ мирнымъ занятіямъ. Для саперовъ это было особенно тяжело; въ крымскую войну, всѣ саперы, даже самые молодые офицеры, играли видную роль, они привыкли имѣть кое-какое значеніе и вниманіе къ себѣ, и вдругъ пришлось обратиться какъ бы въ ничто и присутствовать на одиночномъ ученьѣ. Къ тому же, тотчасъ по заключеніи Парижскаго мира, вышелъ новый воинскій уставъ. Хотя новый уставъ былъ гораздо короче и проще Николаевскаго устава, но его, всетаки, надобно было изучить, и всѣ саперы, старые и молодые, тяготились тѣмъ, что послѣ военныхъ подвиговъ должны изучать военную азбуку—рекрутскую школу, а служба требовала этого.

Саперы безмолвно горевали, что всѣ труды, всѣ подвиги ихъ въ минувшую войну не увѣнчались желаннымъ успѣхомъ. Парижскій миръ далеко не удовлетворялъ ихъ. Неохотно говорилось, не-

охотно вспоминалось о частныхъ отдѣльныхъ случаяхъ и эпизодахъ, имѣвшихъ большой успѣхъ, когда въ общемъ все пропало.

Послѣ крымской войны, по приведеніи войскъ на мирное положеніе, скоро началось формированіе въ арміи новыхъ частей; число дивизій въ русской арміи почти удвоилось, чрезъ это производство въ пѣхотѣ на ваканціи ускорилось, а въ инженерномъ корпусѣ не формировалось никакихъ новыхъ частей; саперные офицеры, привыкшіе во время войны получать частыя повышенія и отличія, вдругъ засѣли въ безконечную мирную колею. Сравнивая тогдашнюю службу саперныхъ офицеровъ со сверстниками ихъ по производству въ первый офицерскій чинъ въ арміи, оказывалось, что товарищи саперныхъ штабсъ-капитановъ въ арміи были маіорами, а саперные штабсъ-капитаны не могли и приблизительно разсчитать, чрезъ сколько лѣтъ имъ достанется производство въ капитаны.

Саперы искони привыкли къ тому, что никакое постороннее начальство до нихъ не могло касаться; они подчинялись исключительно одному генералъ-инспектору по инженерной части, а съ учрежденіемъ военныхъ округовъ, они подпали подъ команду армейскаго начальства. Теперь это, конечно, обошлось, но въ первое время было крайне непріятно; не знали, какъ отнесется армейское начальство къ саперамъ, можетъ быть, оно пренебрежетъ спеціальностью саперной службы и поставитъ саперовъ на одну линію съ пѣхотой.

Въ крымскую войну всѣ саперныя части были въ дѣлѣ, всѣ офицеры получали усиленное содержаніе, и, по заключеніи мира, перейдти на ординарный окладъ было нелегко. Къ тому же по нѣкоторымъ вѣдомствамъ въ то время были увеличены оклады содержанія; окладъ становаго пристава былъ доведенъ до 900 рублей въ годъ, и этотъ окладъ былъ приманкою для офицера, получавшаго въ годъ 350 рублей.

Начавшіяся реформы въ имперіи прежде всего отразились на финансахъ. Съ перемѣнами по опекунскимъ учрежденіямъ, съ упраздненіемъ приказовъ общественнаго призрѣнія, на капиталы, хранившіеся въ государственномъ банкѣ, вмѣсто 5%, назначено было выдавать только по 3%, кажется, даже по 2%. Капиталы вынимались на частныя предпріятія, появилось множество компаній и товариществъ на акціяхъ и паяхъ, гдѣ служащимъ назначалось огромное содержаніе и эти компаніи сдѣлались приманкою для саперныхъ офицеровъ. Главнѣйшею приманкою была начавшаяся тогда постройка желѣзныхъ дорогъ, гдѣ и третьестепеннымъ дѣятелямъ давали содержаніе свыше 2.000 рублей въ годъ.

О внутреннихъ или частныхъ причинахъ, повліявшихъ на положеніе саперныхъ офицеровъ, многое выяснится изъ дальнѣйшаго разсказа.

II.

Въ 1856 году, послѣдовали важныя перемѣны въ управленіи инженернымъ корпусомъ. Инспекторъ инженернаго корпуса генералъ Денъ и его начальникъ штаба, генералъ Политковскій, были смѣнены. Молодой генералъ-инспекторъ по инженерной части, великій князь Николай Николаевичъ Старшій, вступилъ въ управленіе инженернымъ корпусомъ; начальникомъ штаба къ нему былъ назначенъ полковникъ, вскорѣ произведенный въ генералы, Константинъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ. Ласки и привѣтливость великаго князя, доступность къ нему, видимое желаніе его ознакомиться со всѣмъ, что касалось инженерной части,—очаровывали инженерный корпусъ. Начальникъ штаба вторилъ великому князю: Кауфманъ былъ необыкновенно внимателенъ ко всѣмъ лицамъ, обращавшимся къ нему, и всегда держалъ себя съ большимъ тактомъ. Казалось, что для инженернаго корпуса наступилъ золотой вѣкъ. Но это продолжалось недолго.

По заключеніи Парижскаго мира, Тотлебенъ долго лѣчился отъ полученной раны въ Россіи и за границей. Въ 1859 году, онъ возвратился въ Петербургъ и въ октябрѣ того года получилъ видный постъ въ инженерномъ вѣдомствѣ—директора инженернаго департамента. Въ біографическомъ очеркѣ Тотлебена, на стр. 540 [1]), по поводу этого назначенія сказано, что Тотлебенъ сталъ управлять департаментомъ на новыхъ болѣе раціональныхъ началахъ. Въ сущности эти раціональныя начала заключались въ мелочныхъ, безпрерывныхъ его пререканіяхъ съ Кауфманомъ.

Тогда я былъ полковникомъ, командиромъ учебно-сапернаго баталіона, квартировавшаго сперва въ Царскомъ Селѣ, а потомъ въ Ораніенбаумѣ, и вскорѣ сокращенномъ на половину, т. е. обращенномъ въ полубаталіонъ. Я часто видѣлся съ Кауфманомъ, онъ не разъ говорилъ мнѣ, что положеніе его невыносимо, что онъ вынужденъ былъ просить великаго князя, чтобы его высочество помогъ ему выйдти изъ настоящаго положенія, что онъ готовъ подчиниться Тотлебену, но не можетъ допустить, чтобы Тотлебенъ постоянно вмѣшивался въ его дѣла, какъ начальника штаба. И это говорилось не мнѣ одному, а многимъ. Дошло дѣло до того, что Кауфманъ, выслушивая представляющихся ему офицеровъ, особенно пріѣзжихъ изъ провинцій, не давалъ положительныхъ отвѣтовъ, а предупреждалъ, что переговоритъ съ Э. И. Тотлебеномъ, и по инженерному корпусу пошла молва, что сила-то вся въ Тотлебенѣ.

---

[1]) Ссылки дѣлаются на страницы біографическаго очерка, напечатаннаго въ «Инженерномъ Журналѣ» 1884 и 1885 годовъ.

Обойду 5-ти лѣтній періодъ командованія мною учебнымъ саперным полубаталіономъ; этотъ полубаталіонъ состоялъ на особыхъ правахъ: въ немъ служба, жизнь и положеніе саперовъ ничего не имѣли общаго со всѣми остальными саперными частями, и перейду къ обстоятельствамъ, сопровождавшимъ назначеніе меня командиромъ саперной бригады.

Кауфманъ, въ бесѣдахъ со мной, въ 1858 и 1859 годахъ, нерѣдко говорилъ, что неутѣшительныя вѣсти получаются изъ 1-й или варшавской саперной бригады и особенно изъ 2-й кіевской самой большой тогда бригады. Вечеромъ, 19-го октября 1859 года, въ день осенняго парада, я зашелъ къ Кауфману; онъ, видимо, обрадовался и говоритъ, что подѣлится со мной большимъ секретомъ, но чтобы я его не выдавалъ до поры, до времени. Кауфманъ говорилъ: «Вы скоро будете произведены въ генералы съ назначеніемъ командиромъ 2-й саперной бригады; свыше это уже рѣшено и даже сегодня, во время парада, когда вы проходили съ полубаталіономъ, государь, восхищаясь прекраснымъ состояніемъ вашего полубаталіона, сказалъ великому князю, указывая на васъ: — Пора ему въ генералы». Далѣе Кауфманъ сказалъ: «Дѣло стало только за пріисканіемъ вамъ преемника, еще ни на комъ не остановились, а жаль будетъ, если послѣ васъ учебный саперный полубаталіонъ упадетъ. Ну, скажите, — спрашиваетъ Кауфманъ: — кого бы вы указали себѣ въ преемники?» Я указалъ на капитана л.-гв. саперкаго баталіона Орловскаго, нынѣшняго начальника 1-й саперной бригады. «Это, — отвѣчалъ Кауфманъ, — не приходило намъ въ голову, мы все перебирали штабъ-офицеровъ, подумаемъ, подумаемъ».

30-го декабря, въ Ораніенбаумѣ, получилъ записку отъ Кауфмана: «Къ новому году вы вѣрно будете въ Петербургѣ; пожалуйста, наканунѣ, 31-го числа, вечеромъ въ 7 или 8 часовъ, зайдите ко мнѣ на минутку». И Кауфманъ сказалъ, что вѣсти изъ 2-й саперной бригады, особенно изъ 5-го сапернаго баталіона — Волькенштейна и резервнаго сапернаго полубаталіона — Ползикова, такъ не хороши, что великій князь теперь же посылаетъ меня въ Кіевъ, произвести внезапные и самые подробные инспекторскіе смотры этимъ двумъ частямъ и желаетъ, чтобы я выѣхалъ отсюда не позже 2-го января. Я отвѣчалъ, что мнѣ все равно, когда выѣхать — 2-го ли числа, или хоть сію минуту, но на 6-е января уже назначенъ большой крещенскій парадъ, и мнѣ самому хотѣлось бы представить полубаталіонъ, можетъ быть, въ послѣдній разъ. Кауфманъ призналъ возможнымъ отложить мой выѣздъ до утра 7-го числа, но 6-го числа, по случаю сильнаго мороза, парадъ былъ отложенъ на 7-е число; 7-го числа морозъ былъ еще сильнѣе, и парадъ былъ вовсе отмѣненъ.

8-го января 1860 года, я уѣхалъ въ Кіевъ и 28-го января возвратился въ Петербургъ. Кауфманъ встрѣтилъ меня опять но-

востью, что съ экономическою цѣлію рѣшено совершенно упразднить всѣ учебные карабинерные полки и учебный саперный полубаталіонъ. «Признаться вамъ,—говорилъ Кауфманъ:—мы, т. е. великій князь и онъ, Кауфманъ, пришли къ тому убѣжденію, что, пожалуй, упраздненіе учебнаго саперкаго полубаталіона дѣлается къ лучшему, тѣмъ болѣе, что намъ удалось выговорить, чтобы половина экономіи отъ упраздненія учебнаго полубаталіона обращена была на усиленіе средствъ спеціальнаго образованія въ остальныхъ саперныхъ частяхъ. И теперь,—прибавилъ Кауфманъ,—вамъ (т. е. мнѣ) предстоятъ двѣ экстренныя задачи: составьте подробный документальный разсчетъ, во что̀ обходится нынѣшнее годовое содержаніе учебнаго полубаталіона, и составьте положеніе о спеціальномъ образованіи инженерныхъ войскъ, принявъ во вниманіе пособіе отъ казны въ размѣрѣ полугодовой стоимости учебнаго полубаталіона».

Интересна тогдашняя стоимость содержанія учебнаго саперкаго полубаталіона:

Денежное содержаніе 17-ти офицерскихъ чиновъ, въ томъ числѣ и командира, т. е. жалованье, столовыя, квартирныя деньги и фуражныя на адъютанта	9,269 р. 75¼ к.
Денежное содержаніе 630 нижнихъ чиновъ .	3,418 » 95 »
Приварочныя деньги и провіантъ на нижнихъ чиновъ	18,117 » 33½ »
Мундирная одежда нижнихъ чиновъ, бѣлье, обувь	9,288 » 04 »
Оружіе, амуниція и шанцовый инструментъ .	1,101 » 08½ »
Учебныя пособія и содержаніе понтоннаго парка	2,095 » 57 »
Содержаніе обоза, подъемныхъ лошадей, музыкантскаго инструмента, канцеляріи и мастерскихъ.	1,233 » 90 »
Казармы, отопленіе и освѣщеніе ихъ . . .	7,320 » 90 »
Ремонтъ казармъ, отданный въ распоряженіе командира полубаталіона	1,000 » — »
Итого . . .	52,845 р. 53¼ к.

Если эту сумму раздѣлить на 630, по числу нижнихъ чиновъ, то содержаніе одного учебнаго солдата обходилось въ годъ около 84 рублей, а содержаніе учебнаго солдата тогда считалось роскошнымъ, при обильныхъ средствахъ для образованія его и при дѣйствительно роскошномъ казарменномъ помѣщеніи. Кромѣ широкаго расположенія нижнихъ чиновъ для жилья, у насъ было 10 огромныхъ залъ, или классныхъ комнатъ, свой манежъ, своя церковь. Полубаталіону отданы были тѣ казармы, гдѣ прежде расположенъ былъ весь лейбъ-гвардіи Волынскій полкъ.

По поводу составленія новаго положенія о спеціальномъ образованіи инженерныхъ войскъ, я нѣсколько разъ совѣщался съ Кауфманомъ, и два раза совѣщанія происходили у великаго князя; Тотлебена при этомъ вовсе не было, все дѣлалъ Кауфманъ, помимо Тотлебена, да Тотлебена, сколько помнится, тогда и не было въ Петербургѣ, а въ біографическомъ его очеркѣ, на стр. 614, все это приписано ему.

На такъ называвшемся майскомъ парадѣ, 20 апрѣля 1860 года, я въ послѣдній разъ представлялъ свой полубаталіонъ; государь простился съ нимъ и вскорѣ послѣдовалъ приказъ о его расформированіи. Къ концу мая расформированіе кончилось, и я былъ готовъ къ отъѣзду. Въ началѣ іюня, великій князь письменно спросилъ военнаго министра Сухозанета, когда послѣдуетъ приказъ о моемъ производствѣ и назначеніи, на сдѣланное уже представленіе. Сухозанетъ отвѣчалъ, что приказъ состоится не ранѣе 30 августа, на основаніи особаго высочайшаго повелѣнія, чтобы подобныя представленія подносились только два раза въ году, къ 17 апрѣля и къ 30 августа. Великій князь вновь просилъ Сухозанета испросить высочайшее повелѣніе о скорѣйшемъ производствѣ меня и назначеніи, объясняя при этомъ, что бывшій командиръ бригады, генералъ-маіоръ Кехли, уволенъ отъ службы по болѣзни, бригада вся въ лагерномъ сборѣ безъ начальника, а командировать туда полковника Кренке, какъ временно командующаго бригадой, неудобно, потому что тамъ 4 полковника старше его въ чинѣ. Сухозанетъ отвѣчалъ, что онъ совершенно согласенъ съ мнѣніемъ его высочества, но, всетаки, не считаетъ себя въ правѣ войдти со всеподданнѣйшимъ докладомъ ранѣе 30 августа.

20 іюля, въ Петергофѣ, у принца Ольденбургскаго былъ балъ, на которомъ были государь и великій князь, были Сухозанетъ и Кауфманъ. На балу государь сказалъ великому князю, что полученъ секретный доносъ о томъ, что командующій 2 саперною бригадой командиръ 1 конно-піонернаго дивизіона полковникъ Крыловъ собираетъ офицеровъ, подъ предлогомъ совѣщанія по производству практическихъ работъ, а въ сущности офицеры трактуютъ о современныхъ дѣйствіяхъ правительства. Великій князь отвѣчалъ, что не допускаетъ мысли, чтобы на этихъ совѣщаніяхъ говорилось что нибудь предосудительное, но во всякомъ случаѣ вредно оставлять цѣлую бригаду такъ долго безъ начальника, что онъ не разъ просилъ военнаго министра о скорѣйшемъ производствѣ Кренке съ назначеніемъ командиромъ бригады, но военный министръ отложилъ это до 30 августа. Государь приказалъ Сухозанету внести въ приказъ о моемъ производствѣ и назначеніи, и 22 іюля 1860 года состоялся этотъ приказъ.

10 дней продолжались неизбѣжныя представленія и прощальные визиты; при послѣднемъ представленіи великому князю, я до-

кладывалъ, что прежде всего полагаю искоренить въ бригадѣ злоупотребленія по веденію ротнаго хозяйства и лучшимъ средствомъ для того признаю ввести тамъ тотъ же порядокъ въ ротномъ хозяйствѣ, который принятъ здѣсь, въ гвардіи. Его высочество отвѣчалъ: «Непремѣнно вводи и вводи».

2 августа, я со всѣмъ семействомъ выѣхалъ изъ Ораніенбаума и 10 августа вступилъ въ командованіе бригадой.

III.

2 саперная бригада тогда состояла изъ 9-ти частей: три саперные баталіона—4, 5 и 6-ой; резервный саперный полубаталіонъ; три понтонные парка—4, 5 и 6-ой; 1-ый конно-піонерный дивизіонъ и 2-ой полевой инженерный паркъ, а потомъ въ составъ бригады подошелъ изъ Бендеръ еще осадный инженерный паркъ. О состояніи бригады я давно зналъ по наслышкѣ отъ пріѣзжавшихъ оттуда офицеровъ, а въ январѣ мѣсяцѣ, инспектируя 5-ый саперный баталіонъ и резервный саперный полубаталіонъ, хорошо ознакомился съ этими частями и по нимъ могъ судить о цѣлой бригадѣ; но, всетаки, бригада, когда впервые представилась мнѣ, какъ своему начальнику, произвела на меня тяжелое, удручающее впечатлѣніе.

По пріѣздѣ въ Кіевъ я не назначалъ отдѣльнаго пріема командировъ частей и всѣхъ офицеровъ, а прямо приказалъ всей бригадѣ выстроиться на плацу передъ своимъ лагеремъ, причемъ офицерамъ быть въ полной парадной формѣ, а нижнимъ чинамъ въ новыхъ мундирахъ, въ фуражкахъ, безъ ружей и безъ амуниціи. Всѣхъ командировъ я давно зналъ, многіе изъ нихъ были моими товарищами по службѣ, былъ знакомъ и со многими офицерами и многихъ зналъ по фамиліямъ, по наслышкѣ; тамъ было много прекрасныхъ офицеровъ, но они прозябали въ общей массѣ. Нижніе чины представились въ ужасномъ видѣ, половина была не брита, что̀ тогда считалось криминаломъ; мундиры были сшиты отвратительно и, большею частью, были коротки; фуражки безобразныя, разнокалиберныя, нахлобученныя у одного на затылокъ, у другаго на лобъ, у одного на правое, у другаго на лѣвое ухо; равненіемъ, стойкою, взглядомъ, нижніе чины представляли иррегулярную толпу. Хуже всѣхъ представился 4 саперный баталіонъ полковника Макарова, а въ баталіонѣ слабѣйшею ротою была 1-я саперная капитана Поцейки,—части, составлявшія правый флангъ бригады. Я зналъ, что переводы людей не только изъ одного баталіона въ другой, но изъ одной роты въ другую того же баталіона, очень непріятны и для начальниковъ, и для солдатъ, но долженъ былъ тутъ же подобрать 1-я роту 4-го са试нага баталіона изъ цѣлаго

того баталіона и частію изъ другихъ баталіоновъ и потомъ не разъ лично училъ эту роту. Послѣ перваго наружнаго осмотра, распустивъ бригаду и направляясь домой, я шелъ пѣшкомъ къ своему извозчику; всѣ командиры частей сопровождали меня до извозчика, путь лежалъ мимо поля, гдѣ производились практическія саперныя работы; я кстати предложилъ пройдти по окраинамъ работъ. Въ тотъ годъ общихъ бригадныхъ работъ не было, работы производились побаталіонно и поротно, и что же?—командиры частей не знали своихъ участковъ работъ.

Первый смотръ бригады назначенъ былъ въ часъ дня, на другой день осмотръ лагеря и всѣхъ помѣщеній для солдатъ назначенъ былъ съ 6-ти часовъ утра. Эта новость крайне озадачила и всѣхъ командировъ, и всѣхъ вообще офицеровъ, они и во время лагеря привыкли спать до 9-ти, до 10-ти часовъ утра. Командиры частей жили вельможами на своихъ дачахъ, вблизи лагеря, выѣзжали въ городъ въ каретахъ, шестернями, съ форейторами; въ лагерь являлись не ранѣе 11-го часа утра, а потому и всѣ офицеры спокойно опочивали до этого времени. Осмотръ втораго дня начался также съ праваго фланга, съ лагеря 4 сапернаго баталіона. Бригада расположена была лагеремъ въ одну линію, почти въ перпендикулярномъ направленіи къ теченію Днѣпра, правымъ флангомъ къ берегу рѣки. И что же оказалось? На правомъ флангѣ, у самаго Днѣпра, были расположены отхожія мѣста цѣлой бригады, тутъ же брали и воду, и на рукахъ или на плечахъ солдатъ вода разносилась по всему лагерю, причемъ на лѣвый флангъ лагеря приходилось носить воду почти на версту. Самыя отхожія мѣста были въ такомъ ужасномъ видѣ, что туда просто невозможно было ходить, и потому по вечерамъ и ночью все совершалось вокругъ жилыхъ бараковъ, и въ лагерѣ постоянно была вонь. На отхожія мѣста никто и не заглядывалъ, ротные командиры даже не знали мѣстъ своихъ ротъ. Я приказалъ ту же минуту устроить новыя отхожія мѣста въ тылу лагеря каждой части, по образцу, одобренному императоромъ Николаемъ для лагеря петербургской саперной бригады [1]); старыя отхожія мѣста засыпать, на мѣстахъ ихъ по

[1]) Въ 1848 году, императоръ Николай замѣтилъ вонь отъ отхожихъ мѣстъ въ Красносельскомъ лагерѣ и приказалъ справиться, какъ устроены отхожія мѣста въ прусскихъ лагеряхъ; тамъ никогда не слышно было вони. Свѣдѣнія о прусскихъ отхожихъ мѣстахъ съ чертежемъ получены было въ августѣ, когда оканчивался Красносельскій лагерь, а какъ саперный лагерь тянулся мѣсяцемъ долѣе, то государь приказалъ полученное свѣдѣніе изъ Пруссіи передать въ саперный лагерь и обѣщалъ самъ посмотрѣть. 8 сентября 1848 года, при осмотрѣ государемъ практическихъ саперныхъ работъ, лейбъ-гвардіи сапернаго баталіона полковникъ Ковалевскій докладывалъ государю о прусскихъ отхожихъ мѣстахъ слѣдующее: на каждую роту, въ тылу лагеря отводится отдѣльный участокъ; на каждомъ участкѣ, на каждую недѣлю, отрывается длинный, узкій и не глубокій ровикъ, черезъ него перекидывается нѣсколько дощечекъ, на которыя

берегу Днѣпра устроить садъ, и тутъ же рѣшилъ строить водопроводъ отъ Днѣпра вдоль всего лагеря, съ кранами для каждой роты. Солдатскую пищу далеко нельзя было похвалить, и съ перваго же раза обнаружился большой безпорядокъ, такъ въ одномъ и томъ же баталіонѣ, въ одной ротѣ на 210 человѣкъ выводилось въ расходъ на день 3 пуда мяса, по 1 р. 40 к. пудъ, а въ другой ротѣ на 190 человѣкъ $3^{1}/_{2}$ пуда, по 1 р. 60 к. за пудъ, мясо же всею бригадой бралось у одного поставщика. Въ одной ротѣ одного и того же баталіона, къ обѣду приготовлялись щи и каша, и въ другой — только щи, безъ каши; въ одной ротѣ все лѣто приготовлялся квасъ, а въ другой квасу вовсе не было. Все это тотчасъ же приведено было въ строгій порядокъ и однообразіе. Въ лагерѣ было 12 медиковъ и не наряжался дежурный медикъ по лагерю; въ тотъ же день была учреждена эта должность; на дежурнаго медика, кромѣ общихъ обязанностей дежурнаго, возложено было наблюденіе за качествомъ приготовляемой пищи и всѣхъ съѣстныхъ припасовъ, и долженъ отдать полную справедливость тогдашнимъ медикамъ, во все время командованія мною бригадой, они добросовѣстно исполняли эту обязанность и постоянно доводили до моего свѣдѣнія о неудовлетворительной пищѣ или припасахъ. На бригадной гауптвахтѣ содержалось подъ арестомъ много нижнихъ чиновъ, подсудимыхъ и состоявшихъ подъ слѣдствіемъ; не говоря уже о томъ, какъ ужасно они содержались, мнѣ никто не могъ дать отвѣта, ни командиры частей, ни аудиторы, завѣдовавшіе тогда судными и слѣдственными дѣлами, за что именно арестованы нижніе чины и съ котораго времени. Дежурный по бригадѣ капитанъ, въ то же время и дежурный по карауламъ, не зналъ числа арестантовъ.

становятся люди для исполненія нужды; черезъ недѣлю ровикъ засыпается отрытою изъ него землей и возлѣ него отрывается новый ровикъ, такъ продолжается во все лагерное время. У насъ, — продолжалъ Коваленскій, — сперва ровики отрывались по прусскимъ размѣрамъ, соразмѣряя длину ровиковъ съ числомъ людей, но наши ровики наполнялись не въ недѣлю, какъ у пруссаковъ, а въ $4^{1}/_{2}$ — 5 дней, такъ что мы принуждены были увеличить глубину и ширину своихъ ровиковъ. По прусской запискѣ всѣ дневныя изверженія одного солдата вѣсятъ около 3 фунтовъ, а дневное изверженіе нашего солдата, по опытамъ, произведеннымъ во всѣхъ трехъ саперныхъ баталіонахъ, вѣситъ около $4^{1}/_{2}$ фунтовъ. Императоръ, цесаревичъ Александръ Николаевичъ и великій князь Михаилъ Павловичъ много смѣялись; государь сказалъ: «Ну, такъ будемъ держаться русскихъ порцій», а великій князь Михаилъ Павловичъ замѣтилъ, что разность въ порціяхъ нашихъ и прусскихъ, можетъ быть, и не такъ велика: у насъ производились наблюденія въ концѣ августа, когда жара спала и люди были на полуотдыхѣ, а въ Пруссіи, можетъ быть, дѣлали наблюденія въ сильные жары, въ дни усиленныхъ ученій, тогда испарина и потъ могли составить эту разность. Понятно, что, привыкши къ такому вниманію и государя, и великихъ князей ко всему, что касается солдата, я былъ пораженъ совершенною безпечностью частныхъ, ближайшихъ начальниковъ.

Не буду говорить о подробностяхъ первыхъ смотровъ въ послѣдующіе дни, объ инспекторскихъ смотрахъ, о строевыхъ ученьяхъ, о подробномъ осмотрѣ произведенныхъ практическихъ работъ, объ экзаменахъ школъ, объ отдѣльномъ осмотрѣ унтеръ-офицеровъ и проч.—боюсь утомить читателя, да и воспоминанія о томъ неутѣшительны. Скажу только, что чрезъ 6 лѣтъ, въ августѣ 1866 года, вступивъ въ командованіе 26-ю пѣхотною дивизіей, первые смотры полковъ той дивизіи я невольно сравнивалъ съ первыми смотрами 2 саперной бригады и находилъ, что дивизія, по наружному виду, по фронтовому образованію и по отправленію внутренней службы, была несравненно въ лучшемъ состояніи, чѣмъ была саперная бригада въ 1860 году, не смотря на то, что 26-я дивизія была сформирована только въ 1863 году изъ четырехъ резервныхъ баталіоновъ, изъ которыхъ каждый обращенъ въ полкъ, добавленіемъ отпускныхъ нижнихъ чиновъ и что дивизія почти на половину была наполнена сбродомъ непозволительныхъ офицеровъ. Въ нравственномъ же отношеніи саперная бригада 1860 года была, понятно, далеко выше дивизіи 1866 года. Приведу одно сравненіе. Всѣмъ извѣстно, что 25 лѣтъ назадъ въ арміи нашей пьянство между офицерами было еще очень развито, но въ саперной бригадѣ, въ 1860 году, я засталъ на 122 всего числа офицеровъ двухъ горькихъ пьяницъ и 4-хъ такихъ, которые при удобномъ случаѣ напивалась до безобразія, а въ дивизіи, въ 1866 году, на 199 офицеровъ, я засталъ горькихъ пьяницъ, такихъ, которыхъ необходимо было удалить изъ службы 35, и почти столько же напивавшихся при случаѣ.

Съ командирами саперныхъ частей и со всѣми офицерами на службѣ я держалъ себя серьёзно, ни къ кому не обращался по имени и отечеству, а къ фамиліи прибавлялъ чинъ, внѣ же службы обращался со всѣми очень просто, какъ товарищъ, изучивъ имена всѣхъ. Командиры частей, особенно въ первое время, какъ-то странно держали себя относительно меня, каждый изъ нихъ желалъ говорить со мной наединѣ, и это доходило до комизма. Всякій день я былъ въ лагерѣ два раза, утромъ и вечеромъ, при уходѣ моемъ изъ лагеря, командиры частей обыкновенно окружали меня, и какъ только я откланяюсь, одинъ изъ нихъ дѣлаетъ шагъ впередъ ко мнѣ, и если замѣтитъ, что и другой направляется ко мнѣ, то первый ретировался, а оставшіеся на мѣстѣ подсмѣивались надъ неудачей перваго. Въ разговорѣ наединѣ съ командирами частей я интересовался деталями домашней жизни и внутренняго управленія, и они, умалчивая о своихъ дѣйствіяхъ, подробно передавали мнѣ о томъ, что дѣлалось въ другихъ частяхъ, въ особенности командиры 4 и 5 баталіоновъ, полковники Макаровъ и Волькенштейнъ, не щадили никого и хуже всѣхъ относились Макаровъ о Волькенштейнѣ, а Волькенштейнъ о Макаровѣ, хотя, повиди-

мому, жили между собой хорошо, дружелюбно, только командиръ 1-го конно-піонернаго дивизіона полковникъ Крыловъ (впослѣдствіи генералъ-лейтенантъ, начальникъ кавалерійской дивизіи и подъ Плевной 1877 года командовалъ всей кавалеріей) составлялъ исключеніе: онъ если и касался личностей другихъ командировъ, то не въ служебномъ отношеніи, а разсказывалъ забавные случаи изъ частной ихъ жизни. Въ такомъ же родѣ начинали со мной бесѣду и ротные командиры, при каждой случайной съ ними встрѣчѣ, а эти встрѣчи были очень часты. Вмѣсто того, чтобы на вопросъ мой разсказать о своемъ житьѣ, они распространялись о жизни и дѣйствіяхъ другихъ ротныхъ командировъ; я постоянно останавливалъ разсказчика и говорилъ, что о жизни другихъ знаю, но меня интересуетъ собственно его жизнь, его дневныя занятія лѣтомъ и зимой, кругъ знакомыхъ и проч. На запросы мои, что̀ читаютъ, многіе давали такіе отвѣты, которые явно показывали, что ровно ничего не читалось. Молодежь была искреннѣе, она прямо высказывалась, что жизнь ея была безцвѣтная, безцѣльная.

Ротные командиры были очень недовольны нововведеніями по ротному хозяйству, они громко говорили, что расшатываютъ дисциплину, что ротный командиръ въ ротѣ сдѣлается безгласнымъ, умалчивая о томъ, что они лишились дохода отъ солдатскаго котла на 300 рублей въ годъ и болѣе. Были между ротными командирами и такіе, которые составляли отрадное исключеніе, такъ Подымовъ (нынѣ генералъ-лейтенантъ, начальникъ инженеровъ на Кавказѣ), Чистяковъ, Вощининъ, Тихенко. Командиры отдѣльныхъ частей, въ бесѣдахъ со мной по этому предмету, увѣряли меня, что они не только сочувствуютъ мнѣ, но сами всегда стремились къ тому же, только не находили поддержки въ предмѣстникѣ моемъ, — я могъ вѣрить одному командиру сапернаго баталіона полковнику Шванебаху (нынѣ генералъ-лейтенантъ), у котораго въ баталіонѣ были поименованные четыре капитана. Молодые офицеры непритворно восхищались новыми порядками по продовольствію солдатъ, за которыхъ они всегда горячо стояли.

Первый лагерь при мнѣ продолжался съ 10-го августа по 15-е сентября, бригада разошлась на кантониръ-квартиры въ ближайшіе уѣзды отъ города Кіева губерній: Кіевской, Черниговской и Полтавской. Въ эти пять недѣль я ознакомился съ бригадой, прочно установилъ порядокъ въ ротномъ хозяйствѣ, установилъ правильное отправленіе лагерной службы; согласно новаго положенія о спеціальномъ образованіи инженерныхъ войскъ, назначилъ всѣ школы и, кромѣ смотровъ, произвелъ два бригадныя ученья, вызывая бригаду по тревогѣ (что̀ было совершенно новостью и неожиданностью), въ первый разъ послѣ полудня, а во второй разъ утромъ на разсвѣтѣ. Эти дѣйствія мои дали поводъ къ большимъ толкамъ обо мнѣ.

Въ концѣ августа пріѣзжалъ въ Кіевъ Тотлебенъ, тогда директоръ инженернаго департамента; для него генералъ-губернаторъ князь Васильчиковъ, 31-го августа, дѣлалъ обѣдъ на своей дачѣ; къ обѣду, въ числѣ 20 избранныхъ лицъ, былъ приглашенъ и я. Тотлебенъ, какъ почетный гость, сидѣлъ возлѣ хозяйки, княгини Васильчиковой; всѣ сидѣвшіе за столомъ видимо ловили взглядъ хозяйки, но она впродолженіе всего обѣда занята была исключительно однимъ Тотлебеномъ. Послѣ обѣда всѣ скоро разъѣхались, я ѣхалъ съ Тотлебеномъ, и дорогой онъ сказалъ мнѣ, что предметомъ его разговора съ хозяйкой былъ я, что княгиня передавала ему о неслыханныхъ перемѣнахъ и новостяхъ, вводимыхъ мною въ бригадѣ, и о такихъ продѣлкахъ съ моей стороны, которыя могутъ возбудить общій ропотъ и неудовольствіе всей бригады. Тотлебенъ, какъ говорилъ мнѣ, старался убѣдить княгиню, что все слышанное ею сущій вздоръ, и спросилъ, кто изъ саперныхъ офицеровъ бываютъ у нея, она отвѣчала, что только двое, Волькенштейнъ и Шванебахъ, но послѣдній очень рѣдко, а первый частенько. Далѣе, говорилъ Тотлебенъ, что и у него было нѣсколько саперныхъ офицеровъ съ такими претензіями на меня, которыя прямо показывали, что претендовавшіе не имѣли понятія о службѣ; я не спрашивалъ, кто именно былъ у него, и самъ не разузнавалъ, хотя легко могъ бы узнать.

Коснувшись Тотлебена и княгини Васильчиковой, необходимо нѣсколько остановиться на этихъ особахъ.

По пріѣздѣ Тотлебена въ Кіевъ, я, представляясь ему, спросилъ, когда онъ прикажетъ представить ему всѣхъ офицеровъ. Тотлебенъ отвѣчалъ: «Зачѣмъ, мнѣ некогда, да я вѣдь только директоръ департамента, до саперовъ вовсе не касаюсь, ужъ если вы хотите представить мнѣ офицеровъ, то только командировъ частей и тѣхъ, которые были въ послѣдней кампаніи». Этихъ офицеровъ оказалось около половины бригады; пріемъ ихъ былъ очень сухъ, холоденъ, Тотлебенъ никого не обласкалъ, не вспоминалъ, при какихъ обстоятельствахъ онъ сходился съ офицерами во время войны, только говорилъ о себѣ протяжно, монотонно, что онъ очень занятъ, что у него и теперь бездна дѣла, а предстоитъ еще болѣе занятій, что онъ ищетъ себѣ надежныхъ помощниковъ, но ихъ не легко найдти, и знаменитаго севастопольскаго минера, капитана 4-го сапернаго баталіона Мельникова, Тотлебенъ какъ бы не замѣтилъ, просто обошелъ. Когда кончился пріемъ, командиры частей доложили мнѣ, что нѣкоторые офицеры просятъ позволенія представиться Тотлебену, по личнымъ своимъ частнымъ дѣламъ. Я спросилъ Тотлебена, угодно ли будетъ принять этихъ офицеровъ, не указывая по имени кого, да я и самъ не зналъ, кто желалъ аудіенціи, Тотлебенъ отвѣчалъ: «Ахъ ужъ эти просьбы, мнѣ, право, некогда, пожалуйста, скажите, чтобы какъ можно менѣе отвлекали

меня отъ дѣлъ». По отъѣздѣ Тотлебена, командиры частей говорили мнѣ, что вынести пріемъ Тотлебена то же, что перенести тяжелую пытку. И офицеры въ разговорѣ со мной намекали, что Тотлебенъ вѣрно еще не совершенно оправился отъ полученной раны, что онъ очень озабоченъ, даже Мельникова не замѣтилъ. Было очевидно, что пріемъ Тотлебена сильно подѣйствовалъ на всѣхъ офицеровъ.

Умная, бойкая, высокообразованная княгиня Екатерина Алексѣевна Васильчикова, урожденная княжна Щербатова, какъ бы предназначена была для той роли, какую играла она въ Кіевѣ; почтенный мужъ ея, генералъ-губернаторъ, явно сознавалъ нравственное ея превосходство надъ собой. Первое свѣдѣніе о княгинѣ Васильчиковой я получилъ отъ великой княгини Александры Петровны; при прощальномъ моемъ представленіи передъ отъѣздомъ въ Кіевъ, ея высочество просила кланяться княгинѣ Васильчиковой и сказала: «Это премилая дама, многіе не раздѣляютъ моего мнѣнія, но я увѣрена, что вы, узнавъ ее покороче, скажете, что я справедлива, и дочь ея Софи (впослѣдствіи графиня Строганова) также премилое созданіе». Другихъ дѣтей Васильчиковыхъ великая княгиня тогда не знала. Въ Кіевѣ, при первыхъ моихъ визитахъ мѣстнымъ жителямъ, разговоръ во всѣхъ семействахъ начинался съ княгини Васильчиковой, прежде всего спрашивали меня, познакомился ли я съ нею. На первыхъ порахъ я сдѣлалъ до 35 визитовъ городскимъ жителямъ и своимъ командирамъ частей и семейнымъ офицерамъ, и только въ двухъ домахъ, у Бурмана, начальника инженеровъ Кіевскаго округа, и Цебрикова, кіевскаго коменданта, безусловно хвалили княгиню Васильчикову: m-me Бурманъ почитала ее до обожанія; m-me Вольская, жена тогдашняго директора кадетскаго корпуса, отзывалась двусмысленно, во всѣхъ же остальныхъ семействахъ и кавалеры, и дамы отзывались о Васильчиковой, какъ о гордой женщинѣ, занятой своимъ богатствомъ и положеніемъ; говорили, что она до того надменно принимаетъ у себя въ домѣ не только мужчинъ, но и дамъ, что если ѣздятъ къ ней, то потому только, что она генералъ-губернаторша, и, конечно, разсказывалось много забавныхъ эпизодовъ изъ текущей кіевской жизни, гдѣ главную роль играла княгиня Васильчикова. 31-го августа, впервые представляясь княгинѣ Васильчиковой, я смотрѣлъ на нее, какъ на особу, которую какъ бы давно и хорошо зналъ.

Въ первый годъ пребыванія въ Кіевѣ я съ женой поддерживали визитное знакомство съ Васильчиковыми, со втораго года началось сближеніе нашихъ семействъ, особенно съ того времени, когда княгиня Васильчикова осталась въ Кіевѣ вдовой; на третьемъ году семейства наши до того сблизились (ея и мои дѣти учились вмѣстѣ), что мы видѣлись почти всякій день, въ самомъ ограни-

ченномъ кругу знакомыхъ. Бесѣда съ княгиней Васильчиковой никогда не отравлялась грязною стороною человѣческой природы, въ княгинѣ не было ни малѣйшаго желанія красоваться или блистать своимъ образованіемъ и знаніемъ свѣта, напротивъ, въ ней болѣе проявлялась пытливость, желаніе подробно, глубоко узнать мнѣніе другаго лица о данномъ предметѣ.

Вечеромъ 10-го ноября 1863 года, наканунѣ моихъ именинъ, семейство Васильчиковыхъ и мое и еще два семейства собрались у Волькенштейна, который былъ уже генераломъ и состоялъ при генералъ-губернаторѣ Анненковѣ. Васильчикова уѣзжала на 1/2 часа подъ предлогомъ навѣстить больную, а потомъ оказалось, что она ѣздила къ намъ на квартиру и собственноручно повѣсила надъ моею кроватью образъ святаго Виктора и сама зажгла предъ нимъ лампадку. Въ этотъ вечеръ, Васильчикова, подсѣвъ ко мнѣ, безъ всякихъ предисловій, говоритъ, что на ея совѣсти давно лежитъ тяжкій грѣхъ передо мной, что она давно хотѣла высказаться и долѣе откладывать уже не можетъ. «Въ первое время вашего пріѣзда въ Кіевъ,—говорила Васильчикова,—ваши сослуживцы, изъ мелочнаго оскорбленнаго самолюбія за ваше производство въ генералы, сильно интриговали противъ васъ и клеветали на васъ, особенно почтенный хозяинъ настоящаго общества и еще одинъ, котораго хорошо не помню, оттого и не называю. Признаюсь,—говорила Васильчикова,—я увлеклась этими разсказами и, боясь какого либо крупнаго скандала въ бригадѣ, уговорила мужа довести о томъ до свѣдѣнія Петербурга, но благодарю Бога, я давно успокоилась тѣмъ, что для васъ это не имѣло никакихъ дурныхъ послѣдствій,—скажите, знали ли вы что нибудь изъ всего этого»?—«На вашу откровенность,—сказалъ я,—буду отвѣчать такою же откровенностью. Въ первый день нашего знакомства, разговоръ вашъ обо мнѣ съ Тотлебеномъ, во время обѣда, въ тотъ же день былъ переданъ мнѣ; еще до выѣзда моего изъ Ораніенбаума, Кауфманъ, бывшій нашъ начальникъ штаба, передалъ мнѣ, что, по частнымъ извѣстіямъ изъ Кіева, тамъ уже готовятся встрѣтить меня интригами; при прощальномъ моемъ представленіи, бывшій военный министръ Сухозанетъ, сказалъ, что, вѣроятно, противъ меня будутъ интриговать старые саперы, и прибавилъ, чтобы я дѣйствовалъ смѣлѣе, что я всегда найду въ немъ сильную поддержку; сами интриганы тотчасъ же выдали себя, Волькенштейнъ, довольный тѣмъ, что вы повѣрили его навѣтамъ на меня и выразили рѣшимость дѣйствовать на меня черезъ Петербургъ, подѣлился своимъ успѣхомъ съ полковникомъ Макаровымъ, командиромъ 4 сапернаго баталіона, а тотъ, досадовавшій на Волькенштейна за то, что мои дѣти скорѣе сблизились съ дѣтьми Волькенштейна, чѣмъ съ его дѣтьми, передалъ мнѣ, какъ Волькенштейнъ интригуетъ противъ меня. Не знаю, кому и что писалъ обо мнѣ покойный князь, вашъ супругъ, но

въ бытность мою въ Петербургѣ Кауфманъ передалъ, что обо мнѣ былъ полученъ странный отзывъ князя Васильчикова, но мы, говорилъ Кауфманъ, справившись изъ-подъ руки, узнали, что князь писалъ по словамъ своей супруги, а ей наговорили ваши первые недоброжелатели, которые теперь сдѣлались вашими покорными слугами, даже почитателями. Наконецъ, прибавилъ я, при представленіяхъ моихъ, въ пріѣздъ изъ Кіева въ Петербургъ, военный министръ и самъ государь, съ улыбками, какъ мнѣ казалось, спрашивали меня: «Ну, что, поладилъ ли я съ княгинею Васильчиковой?»

IV.

Необходимо сказать еще нѣсколько словъ о тогдашнемъ внутреннемъ состояніи 2 саперной бригады. По частнымъ же свѣдѣніямъ и 1 саперная бригада, или варшавская, и кавказскіе саперные баталіоны немногимъ отличались отъ 2 саперной бригады; только петербургская саперная бригада, называвшаяся тогда сводною, не могла быть подводима подъ общій уровень. И необходимо сдѣлать оговорку: разсказывая о жизни бригады, я долженъ буду говорить и о своихъ дѣйствіяхъ, это будетъ неизбѣжностью, потому что невозможно отдѣлить отъ бригады ея командира.

Командиры частей сами облѣнились и до того привыкли къ настоящему положенію дѣлъ, что для нихъ все казалось натуральнымъ, естественнымъ; они, напримѣръ, не обращали вниманія на то, что офицеры ходили изъ лагеря въ городъ безъ оружія, въ сюртукахъ на распашку, а во время дождя подъ большими зонтиками; что хотя утреннія ученья начинались и очень поздно, но офицеры, всетаки, запаздывали на общія ученья и вовсе не являлись на ротныя ученья; что офицеры и своимъ командирамъ не отдавали чести по уставу; что солдаты ходили изъ лагеря въ городъ въ рваныхъ, старыхъ шинелишкахъ, въ грязныхъ сапогахъ и возвращались въ лагерь пьяными, едва держась на ногахъ; что солдаты и своимъ офицерамъ не дѣлали фронта. На практическія саперныя работы никто не обращалъ вниманія, отчеты о работахъ сочинялись; и командиры частей, и офицеры сознавались мнѣ, что въ первое время по заключеніи Парижскаго мира, послѣ военныхъ работъ, и для офицеровъ, и для солдатъ практическія работы казались перекидываніемъ земли изъ пустаго въ порожнее; такъ это и оставалось до моего пріѣзда. Вообще найденный мною саперный лагерь не походилъ на учебный лагерь, онъ уподоблялся военному стану на боевой позиціи. Можно было предвидѣть, что первыя самыя обыкновенныя требованія по службѣ покажутся чѣмъ-то неслыханнымъ, что будетъ ропотъ, но я не обращалъ на это вниманія и шелъ по пути, указанному самому себѣ. Младшіе офицеры ско-

рѣе старшихъ поняли меня, они стали подтрунивать надъ старшими, что ихъ барство кончилось; они громко говорили, что хотя имъ и частенько достается, но ужъ и никому нѣтъ пощады и никто по совѣсти не можетъ сказать, чтобы сдѣланное кому нибудь замѣчаніе не было заслужено. Это мнѣ передавали посторонніе люди, частные жители Кіева. Дѣйствительно, я и командирамъ частей не пропускалъ ни малѣйшаго отступленія отъ порядка службы, даже въ мелочахъ, напоминалъ имъ, если они, обращаясь ко мнѣ по службѣ, вмѣсто приложенія руки къ козырьку, едва приподнимутъ ее; при неправильномъ салютованіи саблей, просилъ повторить салютованіе нѣсколько разъ, пока сабля не будетъ правильно повертываема; останавливалъ ихъ, если они вблизи меня дѣлали замѣчанія своимъ подчиненнымъ; пріѣхавъ неожиданно на ротныя ученья и заставъ на плацу полковниковъ Макарова и Жукова безъ оружія и въ разстегнутыхъ сюртукахъ, сдѣлалъ имъ замѣчаніе при всемъ строѣ; явившагося передъ фронтомъ въ неприличномъ видѣ командира 4 понтоннаго парка подполковника Коханова просто удалилъ отъ фронта, поручивъ командованіе паркомъ капитану. Эти и много другихъ примѣровъ подѣйствовали и на офицеровъ, и на нижнихъ чиновъ.

Не полныхъ четыре года я командовалъ бригадой; не буду перечислять послѣдовательно, что дѣлалось въ каждомъ году, да и занятія изъ года въ годъ шли въ одинаковомъ порядкѣ, съ неизбѣжными отступленіями при какихъ либо особыхъ обстоятельствахъ, какъ, напримѣръ, усмиреніе польскаго мятежа въ 1863 году. Установить правильное фронтовое образованіе, поднять дисциплину и пріучить къ порядку службы было несравненно легче, чѣмъ поднять заброшенную саперную часть и потому-то на спеціальное образованіе саперовъ было обращено наибольшее вниманіе.

Бригада на 4 мѣсяца собиралась въ лагерь подъ Кіевъ и 8 мѣсяцевъ располагалась на широкихъ квартирахъ. Изъ этихъ 8 мѣсяцевъ, 7 мѣсяцевъ посвящались исключительно обученію нижнихъ чиновъ грамотѣ и въ теоретическихъ школахъ, да и по расположенію на широкихъ квартирахъ фронтовымъ ученьемъ неудобно было заниматься; на восьмой мѣсяцъ, съ 15-го апрѣля по 15-е мая, всѣ саперныя части собирались на тѣсныя квартиры для фронтовыхъ ученій. По новому тогда положенію 1860 года, въ каждомъ саперномъ баталіонѣ должны были обучаться въ школахъ: по 40 человѣкъ въ каждой ротной школѣ—это низшія школы; по 40 человѣкъ въ младшемъ и по 40 человѣкъ въ старшемъ классѣ баталіонной школы—среднія школы, всего въ баталіонѣ 240 человѣкъ, и была еще высшая бригадная школа, въ которую поступало до 12 человѣкъ отъ каждаго баталіона. Именные списки всѣмъ школамъ хранились у меня, никакихъ перемѣнъ въ составѣ школъ безъ моего разрѣшенія не допускалось. Два раза въ году произво-

дились поголовные экзамены всѣмъ школамъ, по спискамъ; полугодовые экзамены производились съ половины декабря до половины января, а годовые начинались съ 15-го мая, по вступленіи бригады въ лагерь и тянулись мѣсяцъ и болѣе. Для полугодовыхъ экзаменовъ я каждую зиму объѣзжалъ всѣ саперныя части и всѣ роты въ ихъ квартирномъ расположеніи; въ спискахъ отмѣчались познанія каждаго солдата по каждому предмету обученія и на годовомъ экзаменѣ, по тѣмъ же спискамъ, обнаруживался успѣхъ каждаго.

Болѣе всего слѣдовало извлекать пользы изъ четырехъ-мѣсячнаго лагернаго сбора бригады. Чтобы не потерять ни одного дня и самому быть болѣе послѣдовательнымъ, я, на каждый мѣсяцъ впередъ, давалъ росписаніе дневныхъ занятій для цѣлой бригады. Изъ 17½ недѣль лагернаго времени, первыя двѣ и послѣднія двѣ недѣли назначались для строевыхъ ученій и для инспекторскихъ смотровъ; затѣмъ 13½ недѣль назначались для занятія сапернымъ дѣломъ. Въ эти 13½ недѣль, въ каждую субботу утромъ производилось или строевое ученье, или стрѣльба въ цѣль, или малый саперный маневръ; съ полудня же каждой субботы давался отдыхъ людямъ—это считалось баннымъ временемъ.

Изъ 13½ недѣль, 10½ недѣль назначались для частныхъ работъ и 3 недѣли для общихъ работъ въ видѣ примѣрной атаки и обороны крѣпости.

10½ недѣль частныхъ работъ. Эти работы имѣли цѣлію одиночное, основательное обученіе саперовъ заготовленію матеріаловъ, производству сапныхъ, траншейныхъ, батарейныхъ, минныхъ и мостовыхъ работъ, постройкѣ полевыхъ и временныхъ укрѣпленій, съ производствомъ разнаго рода одеждъ крутостей. Понтонеры и конно-піонеры (до ихъ упраздненія) не занимались минными работами, и участки ихъ въ надземныхъ работахъ были менѣе, чѣмъ назначаемые для саперныхъ ротъ. Частнымъ надземнымъ работамъ по возможности давалось такое расположеніе, чтобы работы эти могли быть связаны съ предположенными общими работами по атакѣ и оборонѣ крѣпости. Работы, назначенныя для каждой роты, дѣлились на части, по числу наличныхъ офицеровъ въ ротѣ; каждый офицеръ занимался самостоятельно, подъ личною своею отвѣтственностью, и долженъ былъ вести дневной журналъ работъ. Эти журналы представлялись мнѣ по вечерамъ въ каждую пятницу, въ субботу они разсматривались и замѣчанія на нихъ по воскресеньямъ объявлялись въ приказѣ по бригадѣ[1]). Часто, даже,—говоря правду,—почти постоянно присутствуя на работахъ и переходя отъ

[1]) Съ первыхъ дней командованія мною бригадой, была учреждена литографія при бригадномъ штабѣ; приказы по бригадѣ литографировались и разсылались во всѣ части и во всѣ роты, аккуратно каждый день, къ 8 часамъ вечера. Этимъ завѣдовалъ бригадный адъютантъ, поручикъ Григоровскій, впослѣдствіи полковникъ, къ сожалѣнію, давно умершій.

одной работы къ другой, я могъ хорошо ознакомиться съ офицерами (экзамены школъ также помогали этому знакомству), я рекомендовалъ имъ для прочтенія болѣе интересныя статьи въ журналахъ инженерномъ, артиллерійскомъ и путей сообщенія и въ сборникахъ военномъ и морскомъ, а чрезъ нѣкоторое время спрашивалъ мнѣніе объ указанной статьѣ. Кромѣ занятій на работахъ, офицерамъ поручалось производить глазомѣрную съемку окрестностей, или съемку буссолью, причемъ требовалась не столько чистота, какъ вѣрность плана, ситуація допускалась въ карандашѣ. Понтонеры занимались своею спеціальностью также по росписанію, къ нимъ присоединялись по очереди и саперныя роты для упражненія въ наводкѣ понтонныхъ мостовъ или для устроенія пристаней и первыхъ мостовыхъ устоевъ. Сперва при понтонныхъ паркахъ, а потомъ сформирована была бригадная плавательная команда, въ которой учители, какъ бы кадровые, были постоянными втеченіе всего лѣта, а ученики мѣнялись, и много образовалось ловкихъ пловцовъ. Обученіе саперовъ и минеровъ шло систематически, въ ротахъ велись именные списки, всегда выносимые на работы; по этимъ спискамъ всѣ строевые нижніе чины дѣлились на три разряда саперовъ и минеровъ: къ 1-му разряду относились такіе, которые могли быть хозяевами дѣла; ко 2-му разряду причислялись надежные исполнители указанной работы; всѣ остальные составляли 3-й разрядъ. По этимъ спискамъ, на самой работѣ я повѣрялъ познанія саперовъ и минеровъ первыхъ двухъ разрядовъ; то же дѣлалось съ понтонерами и плотниками. Всѣ унтеръ-офицеры, всѣ ученики бригадной школы и лучшіе ученики старшихъ классовъ баталіонныхъ школъ упражнялись въ разбивкѣ и трасировкѣ разнаго рода укрѣпленій, сперва подъ руководствомъ офицеровъ, а потомъ безъ помощи офицера, и требовалось, чтобы они не только понимали чертежъ, но и сами могли бы составить его.

Въ эти 10½ недѣль, роты въ полномъ составѣ выходили и по росписанію занятій, и по особому приказанію, для заготовленія траншейныхъ, минныхъ, мостовыхъ и проч. матеріаловъ; для постройки полевыхъ укрѣпленій и разныхъ мостовъ; для наводки понтонныхъ мостовъ безъ содѣйствія понтонеровъ и для работъ на особомъ учебномъ полигонѣ, въ 6-ти верстахъ отъ лагеря. Тамъ построены были не длинные, но въ полную профиль, участки крѣпостнаго вала, разныхъ осадныхъ батарей, участки траншей и сапъ, и все это подвергалось дѣйствительнымъ выстрѣламъ изъ артиллерійскихъ орудій; сдѣланныя поврежденія въ насыпяхъ исправлялись саперами днемъ и преимущественно ночью. На саперные маневры баталіоны выходили изъ лагеря въ полномъ составѣ, всегда по особому приказанію; ротныя кухни слѣдовали за баталіономъ; командиру баталіона, въ секретномъ конвертѣ, назначались часъ выступленія изъ лагеря, цѣль занятія и укрѣпленія указанныхъ селеній

или пунктовъ и прилагались планы мѣстности, впередъ составленные офицерами. Баталіонъ выступалъ изъ лагеря со всѣми военными предосторожностями, и если при немъ не было пѣхотной части [1]), то одна саперная рота, по очереди, выставлялась на аванпосты. Къ баталіону наряжалась часть конно-піонеровъ для разъѣздовъ, или, спѣшившись, она принимала участіе въ работахъ, или посылалась впередъ и появлялась въ видѣ непріятельской передовой цѣпи. Конно-піонеры въ частной практикѣ много занимались постройкою мостовъ и наводкою понтоннаго моста.

И вся бригада по тревогѣ вызывалась на саперные маневры, тогда совмѣстно съ пѣхотою и полевою артиллеріею совершались наступательная или отступательная переправа черезъ Днѣпръ; при наступательной переправѣ на понтонныхъ паромахъ перевозили и высаживали пѣхоту, артиллерію и часть саперовъ на полтавскій берегъ Днѣпра; саперы и понтонеры быстро строили два моста черезъ Днѣпръ, и возводилось множество батарей и укрѣпленій; при отступательной переправѣ понтонный мостъ быстро разводился, а плотовой мостъ взрывался; предмостное укрѣпленіе усиливалось фугасами простыми и камнеметными, и фугасы взрывались. Или въ двухстороннемъ маневрѣ строили и атаковали полевыя укрѣпленія, причемъ саперы съ одной стороны усиливали укрѣпленія искусственными преградами, а съ другой стороны, саперы преодолѣвали эти преграды. Кіевское военное начальство частенько присутствовало на саперныхъ маневрахъ. При всѣхъ маневрахъ засѣянныя поля считались непроходимыми препятствіями; на пахатныхъ поляхъ и на лугахъ укрѣпленія профилировались, насыпи возводились только на пустошахъ, и тутъ по окончаніи маневра насыпи срывались и мѣстность выравнивалась, такъ что не было никакихъ претензій со стороны землевладѣльцевъ и за временное пользованіе ихъ землей ничего не платили.

3 недѣли общихъ работъ. Работы эти, въ видѣ атаки и обороны крѣпости, производились непрерывно днемъ и ночью; саперы дѣлились на 4 смѣны, каждая смѣна работала по 8 часовъ сряду, чтобы ни одной смѣнѣ не пришлось быть постоянно ночью. Перемирія или отдыхи объявлялись съ полудня субботы до утра понедѣльника и въ ненастную погоду. Главныя работы и дѣйствія проис-

[1]) О ежегодномъ нарядѣ нѣсколькихъ орудій осадной и крѣпостной артиллеріи для совмѣстной практики съ саперами, я, при сильномъ содѣйствіи Кауфмана, заручился разрѣшеніемъ артиллерійскаго вѣдомства, при самомъ назначеніи меня командиромъ бригады, еще до отъѣзда въ Кіевъ. О нарядѣ пѣхоты и полевой артиллеріи на саперные маневры охотно изъявило согласіе кіевское военное начальство; командующіе войсками округа, сперва князь Васильчиковъ, а потомъ генералъ-адъютантъ Анненковъ, приказали пѣхотѣ и артиллеріи, располагавшимся лагеремъ въ 1½ верстѣ отъ сапернаго лагеря, чтобы принимали у себя тревогу изъ сапернаго лагеря и чтобы при устроенной тревогѣ не выходили на маневры только тѣ баталіоны, которые въ тотъ день должны были вступить въ караулъ. Въ мое время въ пѣхотномъ лагерѣ располагалось не болѣе одной бригады пѣхоты и двухъ батарей артиллеріи.

ходили съ вечера, когда стемнѣетъ, съ 9 до 12 часовъ ночи. На эти 3 часа вся бригада выходила на работы и распредѣлялась на двѣ стороны между атакующимъ и обороняющимся; пѣхота и полевая артиллерія также призывались на эти часы; пѣхота со стороны атакующаго назначалась въ передовыя траншеи и въ боевые резервы, а со стороны обороняющагося располагалась на банкетахъ и ходила на вылазки; полевая артиллерія дѣлилась на обѣ стороны. Приглашаемые на эти опыты кадеты старшихъ классовъ кіевскаго кадетскаго корпуса тоже дѣлились на двѣ стороны и присоединялись къ передовой цѣпи и къ колоннамъ, назначаемымъ на вылазки, и къ резервамъ, охраняющимъ траншеи; лучшіе ученики по рекомендаціи корпуснаго начальства назначались ординарцами ко мнѣ и къ завѣдовавшимъ атакою и обороною. Саперы, разъ назначенные на сторону атаки или обороны, такъ и оставались на все время опытовъ, а пѣхота, полевая артиллерія и кадеты мѣнялись съ одной стороны на другую. Для практики саперовъ и артиллеристовъ, ночью, осадныя орудія перевозились по траншеямъ съ одной батареи на другую, а крѣпостныя орудія переставлялись съ одного мѣста на другое. Эти маневры, соединенные съ оживленной пальбой артиллерійской и ружейной, съ перваго же дня заинтересовали и саперовъ, и пѣхоту съ артиллеріей и кадетами, и городскихъ жителей; кіевскіе жители тысячами собирались въ саперный лагерь, надобно было учредить особый надзоръ за экипажами, чтобы въ темнотѣ не было какихъ нибудь столкновеній. Въ угоду кіевской интеллигенціи во время маневровъ игралъ хоръ саперной музыки, тогда единственный въ городѣ. Въ эти часы я внимательно слѣдилъ, чтобы саперики мои, подъ шумокъ, ради успѣха работъ, не дѣлали непозволительныхъ скачковъ впередъ, убѣждалъ всѣхъ и каждаго, что въ мирное время слѣдуетъ вести дѣло въ строгой последовательности, чтобы вполнѣ изучить постепенные переходы отъ одного положенія къ другому, и кто хорошо ихъ изучитъ, тотъ только можетъ позволить себѣ въ военное время дѣлать отступленія отъ установленныхъ правилъ, и случалось, особенно въ первое время, что многія изъ ночныхъ работъ признавались недѣйствительными и засыпались.

Чтобы дѣло мѣшать съ бездѣльемъ, по всегдашнему моему правилу, основанному на изрѣченіи одного арабскаго мудреца, въ лагерѣ было устроено танцовальное зало, и каждую среду были танцы, безъ угощенія, а музыка была своя; танцы ничего не стоили ни городскимъ жителямъ, ни саперамъ, они начинались съ 8-го часа вечера и оканчивались не позже 12-ти часовъ ночи. Сначала на эти танцы собиралось 5—10 семействъ, а потомъ съѣздъ увеличивался, и танцы болѣе и болѣе оживлялись.

Въ 1861 году, былъ установленъ бригадный праздникъ, 27-го іюля, въ день рожденія и тезоименитства великаго князя Николая

Николаевича Старшаго. При мнѣ праздникъ справлялся три раза. На возвышеніи, почти передъ срединою лагеря, раскидывался походный церковный наметъ, убирался зеленью и цвѣтами и вокругъ него выстроивалась вся бригада. Всѣ три года къ молебну пріѣзжалъ генералъ-губернаторъ и вся кіевская знать, всѣ съ женами и семействами, и всѣ три года молебенъ совершалъ почтенный митрополитъ Арсеній, онъ очень благоволилъ ко мнѣ и, зная мои стремленія и всѣ мои дѣйствія, придавалъ молебну возможную торжественность, пріѣзжалъ съ однимъ или двумя архіереями, съ двумя или тремя архимандритами, со многими дьяконами, съ большимъ хоромъ своихъ пѣвчихъ и со своимъ знаменитымъ протодьякономъ, огромнымъ, здоровеннымъ мужчиной, обладавшимъ такимъ голосомъ, что, какъ говорили кіевляне, онъ могъ заглушить самый большой колоколъ Кіево-Печерской лавры. Послѣ молебна, вмѣсто акта, я громко читалъ приказъ по бригадѣ, въ которомъ объявлялся годовой результатъ образованія нижнихъ чиновъ, и оказавшимъ наибольшіе успѣхи раздавались подарки. Подарки раскладывались на большомъ столѣ, и митрополитъ собственноручно раздавалъ ихъ и благословлялъ каждаго получателя. Саперы съ благоговѣніемъ цѣловали руку архипастыря и видимо были счастливы не столько самимъ подаркомъ, какъ тѣмъ, что получали его изъ рукъ митрополита. Послѣ этого всѣ духовные и свѣтскіе особы, кавалеры и дамы, приглашались къ большому завтраку.

На молебнѣ 27-го іюля 1862 года былъ забавный случай. Когда протодьяконъ провозглашалъ многолѣтіе государю, послѣдовалъ залпъ отъ взрыва восьми булевыхъ колодцевъ, а взрывъ одного колодца раздается громче и сильнѣе залпа изъ 10—12 орудій. Взрывъ былъ такъ силенъ, что въ церкви слышно было сотрясеніе земли, и протодьяконъ такъ испугался, что голосъ его прервался на многолѣтіи, и самъ онъ присѣлъ на землю. Митрополитъ, всегда серьезный и строгій на службѣ, не выдержалъ и съ крестомъ въ рукахъ улыбнулся, а за нимъ засмѣялся и весь духовный синклитъ, и дѣйствительно положеніе присѣвшаго на землю великана было комично.

Приведу выписку изъ послѣдняго акта, или изъ приказа по бригадѣ 27-го іюля 1863 года.

Въ бригадѣ состояло:

Кончившихъ высшій курсъ въ бригадной школѣ	43
Кончившихъ курсъ въ баталіонныхъ школахъ, или обученныхъ грамотѣ, краткой русской грамматикѣ, Закону Божію, ариѳметикѣ, геометріи и фортификаціи	463
Умѣвшихъ читать, писать по диктовкѣ и знавшихъ начальныя основанія ариѳметики.	1,216
Начинающихъ читать и писать.	436
Итого .	2,159

А по положенію о специальномъ образованіи инженерныхъ войскъ 1860 года, въ бригадѣ должно было обучаться въ школахъ 1,120 чел., слѣдовательно въ 3 года обратился въ школахъ двойной комплектъ учениковъ, и еще черезъ 3 года вся бригада была бы поголовно грамотна.

По другимъ отраслямъ сапернаго знанія состояло:

Плотниковъ, въ среднемъ выводѣ, по 48 въ ротѣ . .	811
Саперъ 1 и 2 разрядовъ, по 151 въ ротѣ	2,118
Минеровъ 1 и 2 разрядовъ, по 88 въ ротѣ . . .	1,232
Понтонеровъ 1 и 2 разрядовъ, по 146 въ ротѣ . .	439

По тому же положенію 1860 года, отчетъ о произведенныхъ практическихъ работахъ долженъ былъ представляться въ инженерный штабъ къ 1-му ноября, и всѣ три года отъ 2-й саперной бригады отчетъ представлялся аккуратно къ назначенному времени.

V.

Въ началѣ октября 1861 года, я пріѣзжалъ на нѣсколько дней въ Петербургъ и только разъ видѣлся съ К. П. Кауфманомъ, онъ уже былъ назначенъ директоромъ канцеляріи военнаго министерства, но еще управлялъ инженернымъ штабомъ до ожидаемаго въ скоромъ времени возвращенія Тотлебена въ Петербургъ. Бесѣда съ Кауфманомъ была продолжительная, задушевная и какъ бы прощальная съ нимъ, какъ съ начальникомъ инженернаго штаба. Изъ множества разсказовъ съ той и другой стороны, приведу три разговора, касавшіеся инженерной части:

1) Кауфманъ спрашивалъ меня, помню ли я его проектъ постройки Керченской крѣпости, особенно центральнаго укрѣпленія съ сухопутной стороны,—я отвѣчалъ, что помню такъ хорошо, какъ будто чертежъ лежитъ передо мной.—«Ну,—говоритъ Кауфманъ,—это укрѣпленіе теперь называется «фортъ Тотлебенъ». Объясненіе. Въ 1857, а, можетъ быть, въ 1858 году, когда Тотлебенъ былъ за границей, Кауфманъ былъ командированъ для составленія проекта постройки Керченской крѣпости съ полномочіемъ приступить къ важнѣйшимъ работамъ, не ожидая утвержденія цѣлаго проекта. Кауфманъ особенно былъ доволенъ удачнымъ примѣненіемъ къ мѣстности центральнаго укрѣпленія съ сухопутной стороны и приказалъ начать постройку его, исключая двухъ усиленій съ фланговъ, на что̀ онъ хотѣлъ предварительно испросить разрѣшеніе. Когда возвратился Тотлебенъ, Кауфманъ передалъ ему чертежи и сказалъ, что, по его мнѣнію, при центральномъ укрѣпленіи необходимо возвести двѣ проектированныя имъ постройки. Тотлебенъ до-

ложилъ государю, что если будутъ возведены проектированныя постройки, то крѣпость Керчь будетъ совершенно благонадежна. Государь, понятно, разрѣшилъ эти постройки и тутъ же приказалъ, чтобы центральное укрѣпленіе называлось «фортъ Тотлебенъ», а Тотлебенъ, по разсѣянности, не напомнилъ государю, что все это созданіе Кауфмана. Составитель біографическаго очерка Тотлебена, вѣроятно, не зналъ этого обстоятельства, когда говорилъ о фортѣ Тотлебенъ, на стран. 595 и 602.

2) Я спрашивалъ Кауфмана, не зналъ ли онъ, почему великій князь по заключеніи Парижскаго мира, при воспоминаніи моемъ о Выборгѣ, всегда съ улыбкою уклонялся отъ разговора о Выборгѣ. «Какъ же,—отвѣчалъ Кауфманъ,—хорошо зналъ, я думалъ, что я вамъ уже говорилъ объ этомъ, дѣло было при мнѣ. Тотлебенъ жестоко критиковалъ работу вашу по загражденію одного пролива, гдѣ вы устроили загражденіе простою наброскою камней. Теперь,—говорилъ Кауфманъ,—не помню точныхъ словъ Тотлебена, но что-то въ родѣ того, что вашу работу онъ назвалъ допотопной фортификаціей». Объясненіе. Въ 1855 году, я завѣдовалъ обороною Выборга, подъ главнымъ наблюденіемъ великаго князя Николая Николаевича; мы не имѣли возможности защищать всѣ три морскіе пути, ведущіе къ Выборгу, и потому еще зимой на 1855 годъ, лѣвый или Ніемильскій, и правый, или Пильскій, проливы были заграждены ряжевыми ящиками съ каменьями. Въ лѣвомъ неглубокомъ проливѣ, со слабымъ теченіемъ, загражденіе держалось хорошо; въ правомъ же глубокомъ Пильскомъ проливѣ, при сильномъ низовомъ теченіи (въ шхерахъ во многихъ проливахъ низовое теченіе быстрѣе верховаго), къ веснѣ 1855 года, все загражденіе было смыто. Тогда пробовали вновь устроить загражденіе изъ солидныхъ ряжевыхъ ящиковъ съ каменьями, но и они были опрокинуты; опускали выданныя намъ старыя канонерскія лодки, наполнивъ ихъ каменьями и прорубивъ въ нихъ днища, но и эти лодки были опрокинуты теченіемъ; загружали проливъ большими турами или корзинами съ каменьями, большими водяными фашинами, бревенчатыми треугольными трубами, набитыми каменьями,—все было срываемо и сносимо теченіемъ, и какъ ничего болѣе не оставалось дѣлать, то попробовали загружать проливъ открытой наброской камней до натуральнаго ихъ отвала, и это увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. А примѣненіе такой допотопной фортификаціи къ защитѣ Кронштадта въ 1863 году, когда вновь готовились къ войнѣ съ Англіей и Франціей, ставится въ заслугу Тотлебену. На страницѣ 590 біографическаго очерка сказано: «На 100 саженей впереди морскихъ батарей № 7 и 8 устроено новое загражденіе частью каменной наброской, а частью судами; сплошное же загражденіе каменной наброской до финскаго берега, протяженіемъ до $6^1/_2$ верстъ, предполагалось устроить втеченіе зимы».

3) Я спросилъ, на чемъ остановилось дѣло съ бригадными школами. Кауфманъ отвѣчалъ: «Записка ваша вполнѣ одобрена великимъ княземъ, и Тотлебенъ читалъ ее, и также вполнѣ раздѣлилъ вашъ взглядъ; записку вашу я передамъ Тотлебену съ другими нужными бумагами, и дѣлу объ упраздненіи бригадныхъ школъ данъ будетъ быстрый ходъ». Объясненіе. Въ 1860 году, Кауфманъ писалъ мнѣ, что поступило предложеніе объ упраздненіи бригадныхъ школъ, не сказавъ отъ кого, что великій князь и онъ, Кауфманъ, ничего не имѣютъ противъ этого, и что великій князь поручилъ ему спросить мое мнѣніе по сему предмету. Мнѣніе свое въ видѣ записки объ упраздненіи бригадныхъ школъ (копія записки у меня сохранилась) я представилъ въ началѣ 1861 года, и черезъ 23 года бригадныя школы были упразднены.

25 ноября 1861 года, состоялся приказъ о назначеніи Тотлебена управляющимъ штабомъ генералъ-инспектора по инженерной части, съ оставленіемъ директоромъ инженернаго департамента. Это въ сущности то же, что назначеніе товарищемъ генералъ-инспектора, только тогда этотъ титулъ еще не былъ введенъ. Вскорѣ по полученіи этого приказа я совершалъ зимній объѣздъ бригады для производства полугодовыхъ экзаменовъ. Бригада, какъ было сказано, располагалась хотя и вокругъ Кіева, но въ трехъ губерніяхъ; впродолженіе всей зимы офицеры одной саперной части не имѣли сношенія съ офицерами другой части и слѣдовательно для бесѣдъ со мной не могли сговариваться, но долженъ сказать святую правду, что всѣ командиры частей, всѣ ротные командиры и много, много молодыхъ офицеровъ, обучавшихъ въ школахъ, непритворно горевали, что Константинъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ оставилъ инженерный корпусъ. Соболѣзнованіе офицеровъ въ разныхъ словахъ и въ разныхъ оборотахъ рѣчи выражало тотъ смыслъ, что въ лицѣ Кауфмана инженерный корпусъ лишился надежнаго, благодушнаго ходатая передъ великимъ княземъ.

Въ тотъ же объѣздъ бригады я убѣдился, что всѣ офицеры были очень довольны практическими саперными занятіями 1861 года и всѣ интересовались тѣмъ, что будетъ сказано въ приказѣ по инженерному корпусу о нашихъ работахъ. Приказъ этотъ выходилъ раннею весной, чтобы во всѣхъ саперныхъ частяхъ былъ полученъ до составленія подробныхъ соображеній о предстоящихъ практическихъ занятіяхъ въ текущемъ году. И 50 лѣтъ назадъ приказомъ этимъ очень дорожили, въ немъ разбирались сравнительно практическія работы, произведенныя во всѣхъ саперныхъ частяхъ, хвалили и одобряли однихъ, указывали неправильныя уклоненія другихъ и проч. Но тогдашнія наши ожиданія не сбылись, вступленіе Тотлебена въ управленіе инженернымъ штабомъ ознаменовалось тѣмъ, что въ 1862 году этого приказа вовсе не было, его не было и въ 1863 году, онъ вышелъ 30 апрѣля 1864

года и полученъ въ Кіевѣ уже по сдачѣ мною бригады и по отъѣздѣ въ Петербургъ.

Въ послѣдніе два года моего командованія бригадой, интриги въ бригадѣ прекратились, мы жили друзьями, и понятно, что при прощаніи со мной всѣ офицеры говорили со мной съ полною откровенностью, съ полнымъ довѣріемъ, относились какъ къ старшему своему товарищу. При отъѣздѣ моемъ бригада еще не была собрана въ лагерь, общій прощальный съѣздъ офицеровъ и затѣваемый обѣдъ я отклонилъ; пріѣзжали офицеры частно, по одному, по два, по три, и тутъ выяснилось, что офицеры и тогда хорошо понимали, что Тотлебенъ не умѣетъ вести дѣло образованія саперовъ въ мирное время.

Въ Петербургѣ приказъ только подписанъ 30 апрѣля, а напечатанъ и разосланъ въ части въ маѣ, его привезъ мнѣ помощникъ Тотлебена генералъ-маіоръ Рудольфъ Антоновичъ Зейме (недавно умершій). Въ приказѣ разбирались практическія занятія саперовъ только за 1861 и 1862 годы. Прочитавъ его, я сказалъ Зейме: «Неужели вы думаете, что кому нибудь будетъ интересно читать въ 1864 году замѣчанія на работы 1861 года, вѣдь тѣ работы уже забыты, вѣдь послѣ того производились работы и въ 1862, и въ 1863 годахъ, и какъ странно въ этомъ приказѣ читать замѣчаніе бывшему командиру 1 кавказскаго савернаго баталіона за опозданіе представленія отчета, когда сами составители приказа опоздали на 3 года». Зейме отвѣчалъ, что онъ предвидѣлъ мои замѣчанія, ѣхалъ съ тѣмъ, чтобы выслушать ихъ и увѣрить меня, что лично онъ неповиненъ, что нѣсколько разъ докладывалъ Тотлебену, что нельзя откладывать этого приказа, что приказъ этотъ обратился въ законъ для инженернаго корпуса, «но,—говорилъ Зейме,—вы знаете Эдуарда Ивановича, онъ не признаетъ никакихъ законовъ, считаетъ себя превыше всѣхъ законовъ, и когда одинъ разъ оборветъ, то въ другой разъ, съ тѣмъ же докладомъ, къ нему не легко явиться». Приказъ о разсмотрѣніи работъ за 1863 годъ объявленъ 10 мая 1865 года. Это факты, противъ которыхъ нѣтъ возраженій, а между тѣмъ въ біографическомъ очеркѣ Тотлебена, на стр. 616, говорится: «Вообще генералъ-адъютантъ Тотлебенъ неусыпно слѣдилъ затѣмъ, чтобы практическія занятія саперныхъ бригадъ получали должное раціональное направленіе и производились въ большихъ размѣрахъ».

Далѣе, на той же страницѣ, говорится:

«Онъ, т. е. Тотлебенъ, обратилъ также особенное вниманіе на совокупныя занятія саперовъ съ артиллеріею, съ цѣлію сближенія этихъ спеціальныхъ родовъ оружія и разъясненія нѣкоторыхъ общихъ для нихъ вопросовъ атаки и обороны; начиная съ 1865 года, эта идея, получавшая постепенно все болѣе и болѣе развитія, впервые осуществлена была въ 1 саперной бригадѣ въ лагерѣ подъ Варшавой».

А мы видѣли, что въ кіевской бригадѣ эти совмѣстные опыты саперовъ съ артиллеріею, по старанію Кауфмана, начались съ 1861 года и даже съ участіемъ пѣхоты въ этихъ опытахъ. Въ сводной же саперной бригадѣ, подъ Петергофомъ, по желанію императора Николая, совмѣстныя практическія занятія саперовъ съ артиллеріею начались съ 1851 года [1]), когда Тотлебенъ былъ капитаномъ и адъютантомъ генералъ-адъютанта Шильдера.

Еще фактъ. Въ 1859 и 1860 годахъ, во всѣхъ саперныхъ частяхъ тихая сапа велась тремя способами: по старому нашему наставленію для саперныхъ баталіоновъ, изданія 1831 года, по новому французскому способу и по новому прусскому способу. Въ началѣ 1861 года, еще предписано было вести сапу и по способу г. Снарскаго, нашего офицера 1 саперной бригады. Но какъ при одиночномъ обученіи людей невозможно было требовать, чтобы они знали производство сапы по всѣмъ четыремъ способамъ, то я, извлекши все полезное изъ всѣхъ четырехъ способовъ, составилъ среднюю, или нормальную сапу. Описаніе ея налитографировалъ въ большомъ числѣ экземпляровъ, ввелъ у себя въ бригадѣ и, въ началѣ мая 1862 года, представилъ Тотлебену нѣсколько экземпляровъ этого описанія, оговоря въ рапортѣ, что, не ожидая одобренія этой сапы, ввожу ее въ бригадѣ, какъ единственный исходъ изъ тогдашняго требованія, чтобы саперы были ознакомлены со всѣми четырьмя способами веденія сапы. Для такого великаго знатока сапернаго дѣла, какимъ былъ Тотлебенъ, много было и одного часа времени, чтобы просмотрѣть описаніе нормальной сапы на двухъ литографированныхъ листкахъ писарской руки и оцѣнить сапу, но я два года не получалъ отвѣта. Саперы мои въ 1862 году дѣлали изумительные успѣхи въ изученіи нормальной сапы, а я и многіе офицеры побаивались, чтобы трудъ нашъ не пропалъ, если нормальная сапа не будетъ утверждена; въ 1863 году, опасенія наши еще болѣе увеличились. Полное одобреніе и утвержденіе Тотлебеномъ нормальной сапы послѣдовало въ февралѣ 1864 года, когда въ высшихъ сферахъ уже рѣшено было мое новое назначеніе по службѣ.

[1]) Мѣстность для этихъ опытовъ указана была самимъ императоромъ Николаемъ; чиновникъ петергофскаго дворцоваго правленія, отводившій саперамъ ту мѣстность, ошибся и отвелъ часть пустошей, поросшихъ мелкимъ, рѣдкимъ кустарникомъ и принадлежавшихъ ораніенбаумскимъ крестьянамъ великой княгини Елены Павловны. Крестьяне жаловались великой княгинѣ; она поручила своему главноуправляющему, старому генералу Криднеру, съѣздить въ саперный лагерь и постараться удовлетворить претензіи крестьянъ. Вошли въ соглашеніе съ крестьянами, и они помирились за плату 3 руб. въ годъ.

VI.

Долженъ сказать еще объ одномъ грустномъ фактѣ—о преслѣдованіи Тотлебеномъ капитана Мельникова.

Извѣстно, что 4-го сапернаго баталіона капитанъ Мельниковъ, подъ Севастополемъ, былъ главнымъ дѣятелемъ въ минной войнѣ; онъ не только работалъ и дѣйствовалъ въ минахъ, но и жилъ тамъ; всѣ самыя трудныя и опасныя работы проходили черезъ его руки; онъ не былъ иниціаторомъ, но былъ незамѣнимымъ исполнителемъ, а главное, онъ не желалъ выставляться, а желалъ работать и ужъ дѣйствительно работалъ. Успѣхи Мельникова въ минахъ были извѣстны не только всему севастопольскому гарнизону и всей Россіи, но и всей Европѣ, которая называла его севастопольскимъ оберъ-кротомъ, но Тотлебенъ и въ Севастополѣ обращался съ Мельниковымъ всегда сухо, холодно. Саперы, участники севастопольской обороны, разсказывали, что Мельнинковъ могъ бы возвратиться изъ Севастополя генераломъ, или, по крайней мѣрѣ, полковникомъ, но Тотлебенъ не давалъ ему хода, а какъ при каждомъ удачномъ минномъ взрывѣ весь Севастополь прославлялъ Мельникова, то Тотлебенъ уже не могъ обходить его наградами, и Мельниковъ въ Севастополѣ получилъ Георгія и Владиміра четвертыхъ степеней, Станислава и Анны 2-й степени съ коронами, съ предшествовавшими степенями этихъ двухъ орденовъ, а къ производству въ слѣдующій чинъ Мельниковъ не былъ представляемъ. Саперная молва гласила, что Тотлебенъ завидовалъ славѣ Мельникова, что Тотлебенъ ни съ кѣмъ не хотѣлъ подѣлиться и частицею своей славы.

Какъ бы то ни было, но въ 1862 году, вскорѣ по вступленіи бригады въ лагерь, Мельниковъ явился ко мнѣ въ парадной формѣ и взволнованнымъ голосомъ говорилъ, что съ разрѣшенія командира баталіона осмѣлился безпокоить меня по поводу письма, полученнаго имъ отъ дежурнаго штабъ-офицера инженернаго штаба, полковника Гештовта, и вручилъ мнѣ письмо. Прочитавъ письмо Гештовта и видя смущеніе Мельникова, я просилъ его успокоиться и положиться на меня, а самъ тотчасъ Тотлебену написалъ собственноручное письмо, слѣдующаго содержанія:

«М. г. Эдуардъ Ивановичъ.

«4-го сапернаго баталіона капитанъ Мельниковъ, съ разрѣшенія командира баталіона, передалъ мнѣ собственноручное письмо къ нему Гештовта, въ которомъ Гештовтъ, по приказанію вашего превосходительства, объявляетъ Мельникову, что ему закрыть дальнѣйшій ходъ по службѣ въ инженерномъ корпусѣ, а если онъ пожелаетъ, съ производствомъ въ подполковники, быть переведен-

нымъ въ армію, то ваше превосходительство изволите выхлопотать назначеніе его командиромъ пѣхотнаго резервнаго баталіона.

«Какъ бригадный командиръ, которому государемъ императоромъ дано право ходатайствовать за своихъ подчиненныхъ, докладываю вашему превосходительству, что капитанъ Мельниковъ, хотя и не геніальный человѣкъ, но, тѣмъ не менѣе, отличнѣйшій офицеръ, тихій, кроткій, усердный по службѣ, хорошо знаетъ фронтъ, а саперное дѣло знаетъ на столько, что я не могу указать, кто изъ нынѣшнихъ командировъ отдѣльныхъ частей знаетъ саперное дѣло лучше Мельникова. Заслуги же Мельникова подъ Севастополемъ вамъ ближе всего извѣстны, онъ пріобрѣлъ европейскую извѣстность, имъ гордятся всѣ наши саперы.

«Имѣю честь всепокорнѣйше просить ваше превосходительство не только не удалять Мельникова въ армію, но, съ производствомъ въ подполковники, назначить командиромъ отдѣльной части въ инженерномъ корпусѣ, помимо старшихъ подполковниковъ; это никого не огорчитъ, напротивъ, относительно Мельникова, эта мѣра будетъ признана болѣе чѣмъ справедливою.

«Въ заключеніе положительно докладываю вашему превосходительству, что если настоящая моя просьба не будетъ уважена, то я оффиціально войду со всеподданнѣйшимъ прошеніемъ по сему предмету.

«Примите и проч. В. Кренке».

Въ отвѣтъ получилъ телеграмму: «Капитанъ Мельниковъ съ производствомъ въ подполковники будетъ назначенъ командиромъ отдѣльной части на первую вакансію въ инженерномъ корпусѣ.

«Тотлебенъ».

И въ 1863 году Мельниковъ былъ назначенъ командиромъ 5-го понтоннаго парка у меня въ бригадѣ.

Этотъ эпизодъ съ Мельниковымъ сильно подѣйствовалъ на бригаду и сообщился въ другія бригады.

Въ біографическомъ очеркѣ Тотлебена, на стр. 391 и 392, относительно Мельникова, сказано:

«Устройство втораго яруса контръ-минъ стоило Тотлебену немало трудовъ. Завѣдовавшій минными работами передъ 4-мъ бастіономъ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ полковника Тотлебена, 4-го сапернаго баталіона штабсъ-капитанъ Мельниковъ, находилъ устройство втораго яруса излишнимъ, и потому замедлилъ исполнить данное ему главнымъ рукодителемъ обороны приказаніе, работы въ колодцахъ не подвигались впередъ. Тогда дѣло дошло наконецъ до непріятнаго служебнаго объясненія, и затѣмъ уже второй ярусъ контръ-минъ безпрепятственно развивался. Нельзя не замѣтить здѣсь, что впослѣдствіи, когда зависть противъ служеб-

ныхъ успѣховъ Тотлебена подняла голову, противники и недоброжелатели его пытались создать изъ капитана Мельникова, прозваннаго севастопольскимъ кротомъ, нѣчто въ родѣ антагониста Тотлебена, настоящаго виновника нашего миннаго торжества. Оказалось, что Тотлебенъ чуть ли не присвоилъ себѣ чужія лавры!!! Но эта попытка создать изъ невсегда умѣлаго исполнителя нѣчто въ родѣ руководителя севастопольскаго миннаго дѣла не выдерживаетъ критики и должна быть отнесена къ печальнымъ явленіямъ преднамѣреннаго искаженія исторической правды».

На эти строки замѣчу, что кто бы ни увѣрялъ, нельзя повѣрить, чтобы Мельниковъ не исполнилъ приказанія Тотлебена; Мельниковъ не такихъ свойствъ, чтобы могъ ослушаться начальника; если бы Мельниковъ самъ сознавался, что онъ ослушался Тотлебена, то хорошо знающіе Мельникова не повѣрили бы и его собственнымъ словамъ. Дѣло объясняется проще, какъ передавали ближайшіе свидѣтели. Мельниковъ сказалъ свое мнѣніе, несогласное съ мнѣніемъ Тотлебена, а Тотлебенъ, всегда раздражительный, при сильномъ тогда возбужденіи нервовъ, вспылилъ, наговорилъ дерзостей Мельникову и тѣмъ оскорбилъ и Мельникова, и всѣхъ саперовъ, ближайшихъ его сотрудниковъ, т. е. дѣйствительныхъ тружениковъ, а не тѣхъ, которые были постоянными спутниками Тотлебена и составляли какъ бы свиту его.

Нѣсколько выше, на стр. 390 біографическаго очерка, при объясненіи, что Тотлебенъ изъ опасенія, чтобы французы не подвели своихъ минъ ниже нашихъ контръ-минъ, хотѣлъ предупредить ихъ и, опустившись колодцами, открыть второй ярусъ контръ-минъ на возможной глубинѣ—говорится: «Тотлебенъ припомнилъ въ это время изъ сочиненія Циммера, что при осадѣ Швейдница, въ 1762 году, пруссаки только тогда достигли цѣли, когда рѣшились пройдти ниже контръ-минной системы, подъ воронкою, занятою австрійцами».

Тотлебенъ, въ бесѣдахъ со мной въ С.-Стефано и въ Адріанополѣ, въ 1878 году, не скрывалъ, что онъ ссылался на Швейдницъ, но признавался, что лучшій урокъ въ минной войнѣ онъ пріобрѣлъ въ 1842 году подъ Петербургомъ, у деревни Тентелевой, когда Малафѣевъ, командиръ Гренадерскаго copернаго баталіона, атаковалъ трубную систему генералъ-адъютанта Шильдера. Тотлебенъ, тогда поручикъ, былъ главнымъ помощникомъ Шильдера, а Малафѣевъ атаковалъ двумя ярусами минъ и взрывомъ изъ нижняго яруса разрушилъ трубную систему [1]). Тотлебенъ увѣрялъ меня, что онъ всегда съ особымъ уваженіемъ вспоминаетъ Якова Ивановича Малафѣева, и неразрывно съ нимъ опыты 1842 года навсегда врѣ-

[1]) Краткое свѣдѣніе объ этихъ опытахъ сообщено въ августовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» 1885 года, въ статьѣ: «Бытъ саперовъ 50 лѣтъ назадъ».

запись въ его памяти. Жаль, что въ біографическомъ очеркѣ вовсе не упоминается о такомъ крупномъ опытѣ въ жизни Тотлебена; о 1842 годѣ, на стр. 13, говорится только, что Тотлебенъ получилъ орденъ св. Станислава 3-й степени.

VII.

Не желаю умалять великіе подвиги и славу Тотлебена, да и не могу этого сдѣлать, если бы и хотѣлъ. Боевыя заслуги Тотлебена такъ громки и такъ еще свѣжи въ памяти всѣхъ современниковъ, что посягательство на умаленіе ихъ было бы безуміемъ. Тотлебенъ великъ, какъ воинъ-саперъ, какъ боевой военный инженеръ. На этомъ поприщѣ онъ прославилъ и себя, и родъ оружія, и армію, гдѣ служилъ, а слѣдовательно и всю Россію. Біографія такого великаго дѣятеля была бы поучительна и въ высшей степени интересна, если бы въ ней Тотлебенъ не представлялся въ то же время и великимъ администраторомъ, и человѣкомъ, чуть ли не съ колыбели предназначеннымъ для великихъ дѣлъ. Тотлебенъ дѣйствительно занималъ выдающіеся посты въ государствѣ, но какъ администраторъ никогда не стоялъ на высотѣ своего призванія. Ребенкомъ и юношей я Тотлебена не зналъ, лично познакомился съ нимъ въ 1842 году, когда и онъ, и я были поручиками, ближе сошелся съ нимъ на службѣ въ гвардейскихъ инженерахъ, куда Тотлебенъ поступилъ въ 1852 году капитаномъ, а я состоялъ въ гвардейскихъ инженерахъ съ 1850 года и былъ подполковникомъ.

Этому періоду службы Тотлебена посвящена 3-я глава біографическаго очерка. Остановлюсь на ней, какъ на изложеніи того времени службы Тотлебена, которое мнѣ ближе всего извѣстно; я уже часто ссылался на біографическій очеркъ, но ссылался въ тѣхъ только случаяхъ, которые мнѣ близко и хорошо были извѣстны, такъ буду поступать и въ настоящемъ разборѣ 3-й главы очерка.

Въ этой главѣ обыденная жизнь и обыкновенная служба Тотлебена представлены какими-то высшими стремленіями и побужденіями, какъ будто Тотлебенъ предчувствовалъ свое высокое предназначеніе и готовился къ чему-то великому, необычайному. Глубокоуважаемый авторъ очерка, Николай Карловичъ Шильдеръ, очевидно, хотѣлъ возблагодарить Тотлебена за тѣ 16 лѣтъ, которыя провелъ при немъ. Въ благодарности своей Н. К. такъ благородно увлекся, что забылъ, или пренебрегъ тѣмъ, что Тотлебенъ съ своей стороны оставался далеко не столь благодарнымъ отцу его, хотя въ дѣйствительности Тотлебенъ для сына Шильдера сдѣлалъ гораздо менѣе, чѣмъ отецъ Шильдеръ сдѣлалъ для него самого. По смерти генералъ-адъютанта Шильдера, Тотлебенъ, при всякомъ удобномъ и даже неудобномъ случаѣ, всегда отзывался о старикѣ Шильдерѣ съ невыгодной стороны; сынъ Шильдеръ зналъ

объ этомъ, вотъ доказательство. Въ 1878 году, въ Адріанополѣ, за обѣдомъ у главнокомандующаго Тотлебена, я сидѣлъ возлѣ него, а Н. К. Шильдеръ сидѣлъ поодаль; разговоръ зашелъ о старикѣ Шильдерѣ; Тотлебенъ, зная, что все прошлое мнѣ хорошо извѣстно, говорилъ сдержанно, Н. К. слышалъ произносимую его фамилію, но не зналъ, о чемъ шла рѣчь. Послѣ обѣда Н. К. говорилъ мнѣ, что разговоръ во время обѣда шелъ объ отцѣ его, и прибавилъ: «И вѣрно Тотлебенъ бранилъ его, онъ не можетъ спокойно, безъ брани, говорить объ отцѣ моемъ».

Чтобы вѣрнѣе очертить ту роль Тотлебена, какую онъ игралъ въ званіи гвардейскаго инженера, скажу нѣсколько словъ о тогдашней служебной сферѣ, среди которой вращался Тотлебенъ. Инспекторомъ инженернаго корпуса былъ старикъ Ив. Ив. Денъ, начальникомъ штаба при немъ былъ всесильный Влад. Гавр. Политковскій, отъ Политковскаго тогда безусловно зависѣла участь каждаго генерала, каждаго офицера, служащаго въ инженерномъ корпусѣ. Начальникомъ инженеровъ гвардейскихъ и гренадерскаго корпусовъ былъ почтенный старикъ, генералъ-лейтенантъ Андрей Андр. фонъ-Цурмиленъ, при немъ штабъ состоялъ изъ одного старшаго адъютанта и четырехъ гвардейскихъ инженеровъ; старшимъ адъютантомъ былъ гвардіи капитанъ Александръ Ив. Ахшарумовъ, а гвардейскими инженерами были: штабъ-офицеръ — я и оберъ-офицеры: капитаны Фирсовъ и Тотлебенъ, и штабсъ-капитанъ баронъ Корфъ; подъ начальствомъ Цурмилена состояли: гвардейскій, гренадерскій и учебный саперные баталіоны и л.-гв. конно-піонерный дивизіонъ. Ахшарумовъ въ маленькомъ цурмиленскомъ мірѣ игралъ ту же роль, что Политковскій въ цѣломъ инженерномъ корпусѣ. Подчиненіе Цурмилена гвардейскому начальству было косвенное, всѣ назначенія и награды шли черезъ инженерный штабъ. Скоро обнаружилось, что на старика Дена имѣлъ огромное вліяніе старшій сынъ его Влад. Ив. Денъ, тогда штабсъ-капитанъ и баталіонный адъютантъ гвардейскаго сапернаго баталіона, а потому и самъ Политковскій и, конечно, Ахшарумовъ увивались около Вл. Дена. Всѣ льнувшіе къ Вл. Дену составляли тогда деновскій кружокъ, Тотлебену очень хотѣлось втереться въ этотъ кружокъ, ему хотѣлось быть переведеннымъ въ гвардейскій саперный баталіонъ, но Политковскій объ этомъ не хотѣлъ и слышать, Политковскій не могъ допустить, чтобы кто нибудь сѣлъ на шею Вл. Дену.

Въ біографическомъ очеркѣ говорится, что Тотлебенъ въ 1852 и 1853 годахъ руководилъ саперными работами и опытами въ Петергофскомъ лагерѣ, у деревни Сашиной. Этого не было, деновскій кружокъ не могъ допустить этого. Извѣстно было, что старикъ Денъ не долюбливалъ старика Шильдера, и что эти два тогдашніе великіе наши инженеры не сходились въ мнѣніяхъ своихъ по инженерному дѣлу, а Тотлебенъ считался сторонникомъ шильдеровскихъ

идей. Если Тотлебенъ въ то время начиналъ говорить что нибудь противъ Шильдера, то надъ нимъ подсмѣивались, принимая его слова за желаніе угодить деновскому кружку. Тотлебенъ, по чину капитана, имѣлъ особый участокъ на работахъ, какъ и многіе другіе офицеры.

Въ біографическомъ очеркѣ, на стр. 86 и 87, говорится: «Императоръ Николай, какъ бывшій генералъ-инспекторъ и творецъ самостоятельнаго развитія русскаго инженернаго корпуса, нерѣдко посѣщалъ лагерь своихъ саперовъ и по обыкновенію съ живѣйшимъ вниманіемъ слѣдилъ за ходомъ ихъ занятій. Капитанъ Тотлебенъ имѣлъ при этомъ неоднократно счастье объяснять ходъ проектированныхъ имъ работъ государю, и удостоивался каждый разъ милостиваго отзыва вѣнценоснаго покровителя отечественнаго инженернаго искусства. Во время этихъ посѣщеній, лѣтомъ 1853 года, императоръ указалъ однажды, какимъ образомъ нужно продолжать занятіе атакованнаго наружнаго укрѣпленія крѣпостнаго фронта. Нисколько не смущаясь, капитанъ Тотлебенъ откровенно высказалъ государю, почему указываемый государемъ способъ дѣйствій не приведетъ къ желанной цѣли, и объяснялъ, какимъ образомъ онъ намѣренъ рѣшить предстоящій вопросъ. Окружавшія ихъ начальствующія лица въ трепетномъ недоумѣніи внимали этому смѣлому разговору молодаго капитана съ государемъ, но императоръ Николай милостиво выслушалъ объясненіе Эд. Ив. и вполнѣ одобрилъ представленные имъ доводы и предположенный образъ дѣйствій».

Ничего подобнаго не было и не могло быть, потому что, во-первыхъ, деновскій кружокъ зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы никто, внѣ его кружка, не выставлялся государю и подтягивалъ старика Цурмилена, чтобы и тотъ наблюдалъ за этимъ; во-вторыхъ, государь тогда ни съ кѣмъ не входилъ въ личныя объясненія, а, осмотрѣвъ работы на мѣстѣ и по плану, самъ, обратясь ко всѣмъ намъ, произнесъ замѣчательныя слова: «Мнѣ кажется, что вы ужъ слишкомъ увлеклись нѣмецкою школою, слишкомъ большое значеніе придаете кирпичнымъ редюитамъ»; въ-третьихъ, если бы Тотлебенъ входилъ въ личныя объясненія съ государемъ, то Николай I, обладавшій необъятною памятью, не забылъ бы его, но вотъ фактъ, свидѣтелями котораго осталось еще много живыхъ людей: въ 1854 году, въ томъ же саперномъ лагерѣ совершалась торжественная панихида по убитомъ на Дунаѣ генералъ-адъютантѣ Шильдерѣ; на панихидѣ присутствовалъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ, по окончаніи службы, цесаревичъ обратился къ окружавшимъ его сапернымъ офицерамъ съ слѣдующими словами: «А нашъ Тотлебенъ отличается на Дунаѣ, о немъ получаются самые утѣшительные отзывы; странно, что я его вовсе не помню, да и государь (т. е. Николай I) вовсе не знаетъ его».

Въ біографическомъ очеркѣ ставится въ особую заслугу Тотлебену, что онъ въ мирное время, въ 1852 и 1853 годахъ, теоретическими занятіями подготовлялъ себя къ предстоящему боевому поприщу, что онъ перечиталъ въ это время осаду Швейдница 1762 года, осады испанскихъ крѣпостей во время войнъ первой имперіи на Пиренейскомъ полуостровѣ, осаду Данцига въ 1813 году и проч. Эти занятія, конечно, полезныя, но вѣдь этимъ тогда занимался не одинъ Тотлебенъ, а многіе, многіе, если не по охотѣ, то по необходимости.

Осаду Швейдница 1762 года рекомендовалъ для прочтенія Политковскій, этого ужъ было достаточно, чтобы нашлись десятки охотниковъ прочитать ее, но и Политковскій рекомендовалъ осаду Швейдница не по собственному усмотрѣнію, а по намеку императора Николая, вотъ по какому случаю. Въ «Русскомъ Инвалидѣ» за 1853 г., № 264, была помѣщена интересная статейка слѣдующаго содержанія. Неудачная осада Ольмюца въ Семилѣтнюю войну, 1758 года, была одною изъ важнѣйшихъ причинъ, заставившею Фридриха Великаго оставить Моравію и отступить въ Богемію [1]). Недовольный Фридрихъ II писалъ начальнику осаднаго корпуса, фельдмаршалу Кейту: «Неугодно ли вамъ объявить гг. инженерамъ, что, вмѣсто всѣхъ почестей и наградъ, я готовлю имъ ослиный колпакъ, хотя бы для того мнѣ пришлось пожертвовать ушами моего лучшаго мула». Императоръ Николай, прочитавъ эти послѣднія строки, хохоталъ отъ души и при этомъ сказалъ: «Сколько мнѣ помнится, въ ту войну, и осада Швейдница велась что-то въ родѣ Ольмюцкой осады». Эти слова императора и дали ходъ осадѣ Швейдница.

Осадъ испанскихъ крѣпостей и осады Данцига 1813 года нельзя было не читать; въ то время всѣ интересовались этими осадами; нельзя было показаться въ инженерномъ обществѣ, не прочитавъ этихъ осадъ; особенно наши академисты, и преподаватели, и обучающіеся, интересовались осадою Данцига, гдѣ лично пришли въ боевое столкновеніе два знаменитые фортификаціонные классика Бусмаръ и Шасслу.

Въ 3-й главѣ очерка самое видное мѣсто занимаетъ разсказъ о составленныхъ Тотлебеномъ двухъ проектахъ атаки крѣпостныхъ фронтовъ, капонирнаго и бастіоннаго. Эти проекты выставлены, какъ что-то особенно замѣчательное, какъ самостоятельный, добровольный трудъ Тотлебена, единственно изъ его любви къ инженер-

---

[1]) Ольмюцъ былъ обложенъ 6-го мая, первая параллель заложена 28-го мая и только 31-го мая, на 25-й день послѣ обложенія, открытъ огонь съ осадныхъ батарей. Къ 24-му іюня атакующій былъ въ 120-ти шагахъ отъ гребня гласиса, а 1-го іюля осада снята. Главная ошибка инженеръ-полковника Бальби, управлявшаго осадными работами, заключалась въ томъ, что траншеи были заложены слишкомъ далеко отъ крѣпости, слишкомъ робко.

ной науки, а на самомъ дѣлѣ это была простая служебная обязанность по званію гвардейскаго инженера.

Обыкновенно осенью составлялся проектъ практическихъ саперныхъ работъ на слѣдующій годъ. Осенью 1852 года, Цурмиленъ, или, вѣрнѣе, Ахшарумовъ съ деновскимъ кружкомъ, въ виду того, что государь чаще и чаще сталъ посѣщать практическія саперныя работы и глубже вникать въ нихъ, рѣшили составить къ 1853 году какой нибудь грандіозный проектъ атаки крѣпости, и поручено было Тотлебену и мнѣ составить проектъ атаки капонирнаго и бастіоннаго фронтовъ, но съ тѣмъ, чтобы мы не совѣщались одинъ съ другимъ, а составляли бы каждый отдѣльно по своему личному взгляду. Недѣль черезъ шесть проектъ атаки бастіоннаго фронта былъ отмѣненъ, оставленъ одинъ проектъ на капонирный фронтъ, на томъ основаніи, что капонирные фронты Новогеоргіевской крѣпости тогда считались верхомъ совершенства нашего инженернаго искусства и гордостью главнаго строителя ихъ старика Дена.

Тотлебенъ началъ работу съ бастіоннаго фронта, а я прямо съ капонирнаго, оттого Тотлебеномъ были составлены два проекта, а мною одинъ, но тотлебенскій проектъ атаки бастіоннаго фронта никуда не представлялся.

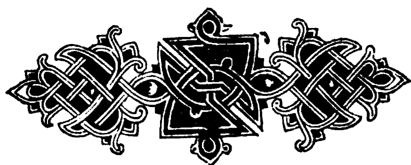
Тотлебенъ придалъ огромное значеніе кирпичнымъ редюитамъ и капонирамъ и составилъ сложнѣйшій проектъ атаки капонирнаго фронта; онъ, вмѣсто существовавшаго тогда способа приближенія къ гласису тремя параллелями, подходилъ медленно пятью параллелями, со множествомъ батарей и второстепенныхъ подступовъ. По пояснительной запискѣ, въ угоду Дену, Тотлебенъ придалъ такое значеніе капонирному фронту, какого до того времени не имѣлъ ни одинъ крѣпостной фронтъ.

Я же, напротивъ, въ пояснительной запискѣ къ своему проекту сказалъ, что, при современномъ состояніи артиллеріи, кирпичные редюиты и капониры не могутъ быть страшны; уже и мы имѣемъ превосходныя, длинныя, пудовыя, бомбическія пушки, изъ которыхъ можно дѣйствовать и на столько прямыми выстрѣлами, и почти навѣсными выстрѣлами, и что недавніе опыты во Франціи, въ Бапомѣ (1847 года), явно доказали, что кирпичныя стѣнки, съ лежащими на нихъ кирпичными сводами, хотя и прикрытыя спереди земляными насыпями, легко разрушаются издали, не только прямыми, но и косыми выстрѣлами. А потому въ настоящее время можно отважиться вести на капонирный фронтъ ускоренную артиллерійскую атаку Мея, подобно тому, какъ французы атаковали испанскія крѣпости на Пиренейскомъ полуостровѣ, и сообразно съ этимъ представилъ проектъ ускоренной атаки.

Оба проекта, и Тотлебена, и мой, весною 1853 года, были представлены Цурмилену, тамъ они разсматривались деновскимъ кружкомъ, и Цурмиленъ представилъ ихъ инспектору Дену, съ оговор-

кою, что съ своей стороны отдаетъ предпочтеніе проекту Тотлебена (хотя наединѣ говорилъ мнѣ, что ему мой проектъ болѣе нравится). Старикъ Денъ долго держалъ у себя оба проекта, ясно сознавая, что тотлебенскимъ проектомъ хотѣли польстить ему, но подъ вліяніемъ Политковскаго представилъ на утвержденіе государя проектъ Тотлебена. Государь утвердилъ проектъ Тотлебена, а Денъ позвалъ къ себѣ и Тотлебена, и меня, и мы долго ожидали выхода Дена, покуда шелъ докладъ Политковскаго. Денъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ: «Не вашъ проектъ утвержденъ государемъ, но я, всетаки, очень благодаренъ вамъ за добросовѣстный трудъ», а Тотлебену ни слова не сказалъ, только кивнулъ головой и при этомъ Денъ сказалъ намъ, что государь не разсматривалъ подробно проекта атаки, а лѣтомъ хотѣлъ на мѣстѣ работъ ознакомиться съ нимъ. Когда же государь, лѣтомъ, на работахъ, замѣтилъ, что ужъ слишкомъ большое значеніе придано кирпичнымъ редюитамъ, то проектъ атаки подвергся общей критикѣ, даже и со стороны деновскаго кружка.

В. Кренке.



СВѢТЛЫЯ МИНУТЫ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА.

1796—1801.

ДЕРЖАВИНЪ, привѣтствуя воцареніе Александра I, сравнилъ въ своей торжественной одѣ царствованіе его родителя съ суровою зимою, которую смѣнила благодатная весна, наступившая вмѣстѣ съ новымъ XIX вѣкомъ:

«Вѣкъ новый! Царь младый, прекрасный
Пришелъ днесь къ намъ весны стезей!
Мои предвѣстья велегласны
Уже сбылись, сбылись судьбой.
Умолкъ ревъ Норда сиповатый,
Закрылся грозный, страшный взглядъ;
Зефиры вспорхнули крылаты,
На воздухъ вѣютъ ароматъ»...

Это крайне двусмысленное сравненіе навлекло на поэта, какъ извѣстно, неудовольствіе вдовствующей императрицы Маріи Ѳеодоровны: въ «сиповатомъ голосѣ» Норда, въ «грозномъ, страшномъ взглядѣ» государыня угадала дерзкій намекъ на личность ея покойнаго супруга. Оправданію Державина много помогли самые невинные, метеорологическіе доводы; онъ прямо сослался на наступленіе весны, которое совпало съ восшествіемъ на родительскій престолъ императора Александра Павловича. Хотя это оправданіе и не выдерживало строгой критики, но, на радостяхъ, поэтическая вольность Державина осталась безъ дальнѣйшихъ непріятныхъ для него послѣдствій... А радость воцаренію Александра I была

великая: петербургскіе жители, поздравляя другъ друга, лобызались, какъ въ свѣтлый праздникъ; вечеромъ, 12-го марта 1801 года, по улицамъ зажгли иллюминацію. За годъ съ небольшимъ, 1-го января 1800 года, по ошибкѣ праздновали наступленіе «новаго вѣка», что̀ вызвало со стороны покойнаго императора Павла оффиціальное замѣчаніе, что XVIII вѣкъ заканчивается 1800-мъ, а XIX вѣкъ начинается 1801 годомъ. Теперь же и Петербургъ, и вся Россія праздновали «новый вѣкъ» двумя мѣсяцами позже и готовы были считать наступленіе новаго года не съ января, а съ 12-го марта. Такимъ образомъ покойный Павелъ I былъ какъ бы олицетвореніемъ всего стараго, отжившаго, послѣднимъ представителемъ XVIII вѣка, а его юный преемникъ—новаго, XIX-го; въ покойномъ отцѣ, и безъ сравненія Державина въ его одѣ, всѣ видѣли суровую зиму; въ сынѣ—весну, подательницу всѣхъ благъ, щедротъ и милостей. Сравненіе тѣмъ болѣе справедливое, что и самое воцареніе Павла, въ параллель воцаренію Александра I, послѣдовало въ ноябрѣ, и первые же дни его были ознаменованы мрачнымъ торжествомъ погребенія матери и отца, останки котораго были перенесены изъ Александро-Невской лавры въ Петропавловскій соборъ; на первой медали, вычеканенной по случаю этого событія при Павлѣ I, изображены были гробницы его родителей... Истинно зимнимъ, мертвеннымъ холодомъ повѣяло отъ новаго царствованія; дѣйствительно лютый морозъ дохнулъ на розы и лавры золотаго вѣка Екатерины; суровые «гатчинцы» смѣнили избалованныхъ, изнѣженныхъ гвардейцевъ, разодѣтыхъ въ шелки, бархаты, съ собольими муфтами, въ которыя господа офицеры прятали свои бѣлыя, выхоленныя ручки; бархатъ смѣнился грубымъ сукномъ, тоненькія шпаги—тяжелыми палашами, лакированные башмачки съ красными каблуками—ботфортами съ бряцающими шпорами. Померкли яркіе огни въ окнахъ Эрмитажа; собранія въ стѣнахъ дворца были замѣнены вахтпарадами на Марсовомъ полѣ... Все женственное, нѣжное исчезло, уступивъ свое мѣсто воинственному, грубому, суровому; вахмистры, фельдфебеля, капралы оттѣснили раздушенныхъ петиметровъ и селадоновъ. Но, съ точки зрѣнія безпристрастнаго историка, можно ли назвать кратковременное царствованіе Павла бѣдственнымъ для Россіи? Конечно, нѣтъ. Павелъ, при всѣхъ особенностяхъ, пожалуй, странностяхъ личнаго своего характера, былъ точно такою же «исторической необходимостью», какъ зима есть необходимость климатическая. Какъ, по законамъ природы, между осенью и весною—зима, такъ между царствованіями Екатерины и ея внука, по логической послѣдовательности должно было имѣть мѣсто царствованіе ея сына, эпоха переходная Россіи изнѣжившейся, обабившейся къ Россіи воинственной, мужественной. Громкою ли бранью, толчками ли, ударами ли фухтеля, но Павелъ разбудилъ и отрезвилъ Россію, а Суворовскіе походы подготовили и солдатъ, и полковод-

цевъ къ великой борьбѣ съ Наполеономъ. Борьба съ «сыномъ судебъ» едва ли была бы подъ силу Зубовымъ и Римскимъ-Корсаковымъ. Гатчинецъ Аракчеевъ далъ возможность нашей артиллеріи тягаться съ французскою, что̀, конечно, было бы немыслимо при генералъ-фельдцейхмейстерѣ Зубовѣ,—вѣдь боевыя пушки не стрѣлы Амура.

Потомство должно быть признательно Павлу I не за то, что онъ создалъ, но именно за то, что онъ уничтожилъ. Эта безпощадная ломка установленій предъидущаго царствованія, отмѣна многихъ прежнихъ узаконеній и замѣна ихъ новыми, многочисленныя преобразованія по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія навлекли на Павла I ропотъ во всѣхъ сословіяхъ и въ обоихъ поколѣніяхъ какъ старомъ, такъ и новомъ. Исполнители его повелѣній, имѣвшіе цѣлію прямую пользу его подданныхъ, умышленно придавали имъ видъ мѣръ стѣснительныхъ, совершенно произвольныхъ и вмѣсто той любви народной, о которой Павелъ мечталъ съ самыхъ отроческихъ лѣтъ, возбуждали въ народѣ лишь боязнь, недовѣріе, а подчасъ и неуваженіе къ самому представителю верховной власти. Остужая русское сердце въ его любви къ царю, тѣ же люди съумѣли разжечь въ сердцѣ царя чувства недовѣрчивости и подозрительности къ народу. «Изверги,—говоритъ о нихъ Коцебу,—злоупотребляя довѣріемъ къ нимъ монарха, сердце котораго было склонно къ кротости и добротѣ, всюду показывали ему призраки, вовсе не существовавшіе и даже въ которые они не вѣрили сами и ввели начало владычества ужаса». Молву о добрыхъ и великодушныхъ дѣяніяхъ государя заглушали анекдотами, нерѣдко и вымышленными, о странностяхъ и эксцентрическихъ выходкахъ. Злорѣчію отечественному вторила иностранная печать памфлетами, пасквилями, каррикатурами, и такимъ образомъ о личности императора Павла, человѣка, въ сущности, добраго, сердечнаго, слагались самыя превратныя и враждебныя понятія. Д. Ѳ. Кобеко, въ своей прекрасной монографіи «Цесаревичъ Павелъ Петровичъ», первый изъ нашихъ отечественныхъ писателей съумѣлъ отрѣшиться отъ общепринятаго мнѣнія, отнесясь къ Павлу I съ должною справедливостью и безпристрастіемъ. Точка зрѣнія, которую потомство должно прилагать къ нему, чисто психическая. Причины превращенія характера добраго, уступчиваго, способнаго на подвиги рыцарскаго благородства, въ характеръ крутой, озлобленный, упорный, до самозабвенія заносчивый, скрываются въ воспитаніи Павла, въ отношеніяхъ къ нему его родительницы, въ печальной обстановкѣ его семейнаго и общественнаго быта. Укажемъ на нихъ въ главныхъ чертахъ.

Павелъ-младенецъ до семи лѣтъ (1754—1761) возросталъ на попеченіи нянюшекъ, мамушекъ, сказочницъ, ханжей-богомолокъ и прочихъ приживалокъ собственныхъ аппартаментовъ императ-

рицы Елисаветы Петровны. Какъ она сама, такъ и воспитательницы ея двоюроднаго внука, холили, лелѣяли, нѣжили младенца, чѣмъ неумышленно содѣйствовали развитію нервности и чисто женской впечатлительности въ этомъ добромъ, кроткомъ, миломъ существѣ. Послѣ переворота 28-го іюня 1762 года, Павелъ изъ нѣжныхъ женскихъ рукъ перешелъ въ сухія, жесткія руки графа Н. И. Панина, давшаго въ воспитатели великому князю Семена Порошина, человѣка добраго, сердечно преданнаго своему питомцу, но совершенно неопытнаго въ дѣлѣ педагогіи, а еще того менѣе воспитанія наслѣдника престола. Порошинъ, какъ видимъ изъ его «Записокъ», та же няня баловница, въ офицерскомъ мундирѣ, кадетъ выпускнаго класса, подружившійся съ воспитанникомъ неранжированной роты. И можно ли требовать разумныхъ, педагогическихъ пріемовъ отъ Порошина, когда самъ графъ Никита Ивановичъ Панинъ такъ неосмотрительно относился къ дѣлу воспинія цесаревича! За столомъ, при своемъ питомцѣ, онъ ведетъ разговоры, не всегда приличные даже при взрослыхъ юношахъ. Не потому ли, что ребенокъ ихъ не понимаетъ? Но въ каждомъ ребенкѣ есть зародышъ вредной любознательности, допытывающейся до того, что знать ему еще слишкомъ рано. Отрока-цесаревича часто водятъ въ театръ на представленія французскихъ комедій, оперетокъ и балетовъ. Репертуаръ этихъ піесъ, по большей части, во вкусѣ того времени: всѣ онѣ вертятся на любовныхъ интригахъ, почти въ каждой изъ нихъ и одураченные опекуны, и мужья-рогоносцы. Эти піесы не могутъ не вліять на пылкое воображеніе ребенка и безъ того восторженнаго, впечатлительнаго. Его чистый, невинный взглядъ съ любовію останавливается на фрейлинѣ Вѣрѣ Чеглоковой, и эта 18-тилѣтняя красавица явно кокетничаетъ съ отрокомъ-цесаревичемъ, а добродушный Порошинъ бесѣдуетъ съ нимъ о его «предметѣ», съ нимъ заодно сочиняетъ нѣжныя посланія, амурные стишки и при этомъ наивно восклицаетъ: «Вотъ какова натура! кажется, никто не училъ этому!» («Записки», 1765 года 21-го октября).

Проходятъ годы. Павелъ-юноша неразлученъ съ своимъ менторомъ-графомъ Н. И. Панинымъ. Многое невѣдомое отроку о событіяхъ недавнихъ, въ особенности о государственномъ переворотѣ 28-го іюня 1762 года, является юношѣ въ истинномъ свѣтѣ, и видитъ онъ, что главные пособники воцаренію его матери взысканы ея милостями и щедротами, что они, пользуясь неограниченною ея благосклонностью, относятся лично къ нему съ какою-то покровительственною ласкою, какъ къ ребенку, но отнюдь не съ уваженіемъ, подобающимъ наслѣднику престола. Одни только братья Панины съ ихъ малочисленною партіею[1]) радѣютъ о его наслѣдствен-

[1]) Къ ней принадлежали: вице-канцлеръ князь Голицынъ, фельдмаршалъ

ныхъ правахъ и видятъ, или хотятъ видѣть въ немъ, по достиженіи имъ совершеннолѣтія, преемника Екатерины. Павлу небезъизвѣстно и условіе его матери съ братьями Паниными уступить ему императорскую корону, прекративъ свое регентство. Но это условіе, подобно договору императрицы Анны Іоанновны съ верховниками, уничтожается, и цесаревича не только лишаютъ надежды вступить на родительскій престолъ при жизни матери, но, въ силу политическихъ соображеній, лишаютъ даже отцовскаго наслѣдія въ Голштиніи: трактатомъ 21-го мая 1773 года Шлезвигъ и Голштинія были уступлены Даніи. Великій князь Павелъ Петровичъ пріобрѣлъ взамѣнъ того графства Ольденбургъ и Дельменгорстъ, а черезъ два мѣсяца принужденъ былъ уступить ихъ коадъютору Любскому, Фридриху-Августу, представителю младшей линіи Голштинскаго дома. Комбинаціи эти воздвигали еще бо́льшую преграду между матерью и сыномъ, и въ концѣ іюля 1773 года положеніе дѣлъ было такое, что каждый находившійся въ милости императрицы обязанъ былъ быть противникомъ наслѣдника престола. Нерасположеніе послѣдняго къ матери, по словамъ англійскаго посланника Гуннинга, «достигло размѣровъ, могущихъ имѣть важныя послѣдствія въ случаѣ, если бъ онъ былъ окруженъ людьми предпріимчивыми и энергическими» [1]).

Сальдернъ, гольштейнъ-готторпскій тайный совѣтникъ, бывшій посланникъ въ Варшавѣ, и французскій посланникъ въ Константинополѣ стали интриговать въ пользу Павла Петровича, имѣя въ виду возведеніе его на престолъ. Примѣръ Шетарди, происками своими способствовавшаго воцаренію Елисаветы Петровны, придавалъ смѣлости хитрымъ дипломатамъ. Сальдернъ составилъ даже планъ о призваніи Павла Петровича къ соучастію въ управленіи государствомъ. Тогда Екатерина, желая ослабить вліяніе Паниныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ парализовать дѣйствія партіи, работавшей въ пользу цесаревича, рѣшила, что бракосочетаніе цесаревича—надежнѣйшее къ тому средство. Вмѣсто вѣнца императорскаго или короны герцогской, на великаго князя возложили вѣнецъ брачный. Выборъ государыни, при содѣйствіи Ассебурга, бывшаго датскаго посланника при нашемъ дворѣ, палъ на принцессу Августу-Вильгельмину Гессенъ-Дармштадтскую, въ святомъ миропомазаніи нареченную Наталіею Алексѣевною. Бракосочетаніе съ нею цесаревича послѣдовало 29-го сентября 1773 года. По непостижимой волѣ судьбы, въ послѣдній день брачныхъ пиршествъ, 14-го октября [2]),

---

князь Голицынъ, адмиралъ Мордвиновъ, генералъ Пассекъ и камеръ-юнкеръ Васильчиковъ (Н. Дубровинъ: Пугачевъ и его сообщники, Спб., 1884 г., т. II, стр. 57).

[1]) Н. Дубровинъ, томъ II, стр. 58.

[2]) А не въ самый день бракосочетанія, т. е. 29-го сентября, какъ показываетъ Державинъ въ своихъ «Запискахъ». Мы придерживаемся поправки г. Дубровина. (Томъ II, стр. 53, прим. 3).

получено было въ Петербургѣ первое извѣстіе о пугачевщинѣ. Тѣнь Петра III, дерзкій самозванецъ, орудіе хитрой интриги личныхъ враговъ Екатерины, иностранныхъ дипломатовъ и, что почти несомнѣнно, лицъ близкихъ къ престолу, возмутилъ юго-восточныя окраины Россіи напоминаніемъ о тѣхъ благодѣяніяхъ, которыми было ознаменовано кратковременное царствованіе покойнаго императора. Религіозная свобода раскольниковъ, облегченіе участи крѣпостныхъ, или, сказать вѣрнѣе, ихъ освобожденіе, были главными пружинами, которыми самозванецъ успѣшно двигалъ народными массами при содѣйствіи тайныхъ своихъ пособниковъ. Имя цесаревича, произносимое самозванцемъ съ уваженіемъ, сочувствіемъ и любовью, было также успѣшнымъ орудіемъ въ рукахъ Пугачева. Какъ частое упоминаніе этого имени, такъ равно и голштинскія знамена въ рядахъ мятежниковъ, возбуждая тревожныя опасенія Екатерины II, набрасывали въ ея глазахъ тѣнь на доброжелателей ея сына, и прежде всѣхъ другихъ на братьевъ Паниныхъ.

Имя Павла Петровича, какъ призывный кличъ бунтовщиковъ, раздавалось уже не впервые: имъ разжегъ въ 1771 году пламя мятежа Беніовскій, между ссыльными въ Большерѣцкомъ острогѣ, въ Камчаткѣ. Одновременно, въ чумномъ бунтѣ, въ Москвѣ, было компрометировано имя цесаревича, и виновникомъ этихъ ужасовъ и неистовствъ государыня подозрѣвала графа Петра Ивановича Панина [1]). При первой вспышкѣ пугачевщины она поручила московскому главнокомандующему, князю М. Н. Волконскому, имѣть за графомъ Петромъ Ивановичемъ тайный надзоръ. Самое его участіе въ усмиреніи пугачевщины еще не вполнѣ примирило съ нимъ императрицу Екатерину.

Болѣе или менѣе притворную любовь къ цесаревичу и его супругѣ Пугачевъ проявлялъ постоянно какъ въ бесѣдахъ и попойкахъ со своими приближенными, такъ и всенародно. Высказывая программу своихъ дѣйствій, предрекая имъ полный успѣхъ, онъ говорилъ, что «царствовать не желаетъ и хлопочетъ только въ пользу Павла Петровича» [2]). Въ такъ называемомъ «дворцѣ» самозванца, въ Бердской слободѣ, на стѣнѣ парадной горницы помѣщенъ былъ портретъ цесаревича, взятый въ имѣніи Тимашева и привезенный въ Берду атаманомъ Овчинниковымъ [3]). Къ этому портрету самозванецъ обращался постоянно при питіи «здравицъ». Въ парадныхъ случаяхъ къ столу приглашались члены военной коллегіи и нѣкоторые изъ яицкихъ казаковъ. Первый тостъ Пуга-

---

[1]) Эту гнусную клевету на честнѣйшаго слугу царскаго въ 1784 году повторила Наталья Пассекова Шешковскому (см. «Осьмнадцатый вѣкъ», кн. I, Москва, 1868, стр. 81).

[2]) Н. Дубровинъ, ч. II, стр. 143.

[3]) Тамъ же, стр. 133.

чевъ всегда провозглашалъ за свое здоровье, а затѣмъ обращался къ висѣвшему на стѣнѣ портрету и пилъ за здоровье цесаревича.

— Здравствуй, всероссійскій наслѣдникъ Павелъ Петровичъ!— произносилъ самозванецъ и при этомъ всегда высказывалъ опасеніе за будущую судьбу цесаревича.

— Жаль мнѣ Павла Петровича, — говорилъ онъ: — какъ бы де его окаянные злодѣи не извели [1]).

Въ самомъ началѣ мятежа, когда самозванецъ еще съ немногими приверженцами, послѣ ночлега у казака Коновалова, отправился на берегъ Усихи, гдѣ расположился станомъ, онъ объявилъ себя за обѣдомъ императоромъ Петромъ Ѳедоровичемъ.

— Здравствуй я, надежа государь!—провозгласилъ Пугачевъ, поднимая чарку.

Всѣ выпили за здоровье государя, и хотѣли пить за здоровье императрицы.

— Нѣтъ! — закричалъ Пугачевъ: — за здоровье ея не пейте, а извольте кушать за здоровье Павла Петровича!

Казаки исполнили приказаніе, и Пугачевъ, поднявъ чарку, провозгласилъ:—Здравствуй, наслѣдникъ и государь Павелъ Петровичъ! Охъ, жаль мнѣ Павла Петровича,—прибавилъ онъ, утирая какъ бы навернувшіяся на глазахъ слезы.

Казаки смотрѣли на самозванца съ умиленіемъ и вѣрили въ искренность его родительскихъ чувствъ [2]).

Въ крѣпостцахъ и городахъ, сдававшихся Пугачеву, малодушное, трепетавшее передъ нимъ духовенство на ектеніяхъ возглашало, по его повелѣнію, имя наслѣдника цесаревича Павла Петровича и супруги его Наталіи Алексѣевны. Пріѣзжавшихъ къ нему изъ Петербурга переметчиковъ, привозившихъ къ нему подарки, яко бы отъ цесаревича, онъ разспрашивалъ съ участіемъ о немъ и о его супругѣ, выражалъ желаніе быть встрѣченнымъ ими [3]). Въ свою очередь, и эти самозванные посланцы высказывали ему, что великій князь цесаревичъ благоволитъ ему, готовъ даже оказать свое содѣйствіе [4]). Во всѣхъ этихъ случаяхъ именемъ Павла Петровича, конечно, безъ его вѣдома злоупотребляли точно такъ же, какъ и самъ Пугачевъ—именемъ его родителя, Петра III, но, тѣмъ не менѣе, эти мнимыя сношенія самозванца съ цесаревичемъ много содѣйствовали волненію умовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и успѣхамъ Пугачева. Именемъ цесаревича морочили его агенты главныхъ двигателей мятежа, и онъ самъ морочилъ дикую, необузданную чернь.

Совершенно чуждый дѣламъ внутренней политики, цесаревичъ, во все время Пугачевщины, отъ самаго ея начала до утушенія,

---

[1]) Н. Дубровинъ, стр. 143.
[2]) Тамъ же, т. I, стр. 223—224.
[3]) Тамъ же, т. II, стр. 149; томъ III, стр. 66, 115—116, 121.
[4]) Тамъ же, т. II, стр. 86—87, 149, 150.

мирно наслаждался тихими удовольствіями супружеской жизни. Великая княгиня Наталья Алексѣевна [1]), женщина миловидная, не смотря на свой жестокій физическій недостатокъ, скрытый отъ императрицы Екатерины при самомъ сватовствѣ [2]), съумѣла съ первыхъ же мѣсяцевъ супружества снискать самую нѣжную, безграничную привязанность цесаревича. Личность ея, донынѣ не выяснена въ нашей отечественной исторіи того времени. Преданія о ней крайне противорѣчивы. По словамъ однихъ, это была хитрая интригантка, постоянно обманывавшая своего добраго, довѣрчиваго мужа; по словамъ другихъ—существо кроткое, любящее, заботившееся неусыпно о его благополучіи. Первое впечатлѣніе, произведенное невѣстою цесаревича на императрицу Екатерину, было въ ея пользу, но впослѣдствіи отношенія державной свекрови къ ея невѣсткѣ измѣнились къ худшему. Не пускаясь въ догадки, клонящіяся къ невыгодѣ памяти первой супруги цесаревича Павла Петровича, остановимся на сказаніяхъ въ ея пользу. Она любила своего супруга. Она поняла безотрадность его положенія при дворѣ его родительницы, отношенія къ нему сильныхъ вельможъ, его отчужденность, и рѣшилась образовать при ихъ маломъ дворѣ кругъ приверженцевъ цесаревича изъ людей молодыхъ, бывшихъ его сверстниковъ. Супругъ невольно подчинился ея вліянію, и оно имѣло благотворное дѣйствіе на его характеръ. Наталья Алексѣевна пріохотила его къ чтенію классиковъ французскихъ и нѣмецкихъ, преимущественно по части исторіи. Эти чтенія сопровождались выписками особенно замѣчательныхъ мѣстъ, по выбору цесаревны или цесаревича [3]). Идеаломъ монарха Павелъ признавалъ французскаго короля Генриха IV, а достойнѣйшимъ его сподвижникомъ—Сюлли. Посвящая утренніе часы чтенію, молодая чета проводила вечера въ кругу приближенныхъ, искренно имъ преданныхъ. Эти собранія до нѣкоторой степени возбудили опасенія въ императрицѣ Екатеринѣ, такъ какъ зложелатели цесаревича съумѣли выставить ихъ въ видѣ сборищъ заговорщиковъ, умышляющихъ произвести государственный переворотъ въ его пользу. Ничего подобнаго не было; цесаревна имѣла въ виду единственно подготовить Павлу хотя бы и для далекаго будущаго добрыхъ и надежныхъ сотрудниковъ. Невозмутимо и счастливо протекала жизнь цесаревича; но супружеское его счастіе было непродолжительно: 15-го апрѣля 1776 года Наталья Алексѣевна скончалась вслѣдствіе неблагополучныхъ ро-

[1]) Родилась въ Дармштадтѣ 14-го іюня 1755 года; миропомазана и нарѣчена Натальею Алексѣевною 15-го августа 1773 года, скончалась въ Петербургѣ 15-го апрѣля 1776 года.

[2]) Искривленіе позвоночнаго столба—причина несчастныхъ родовъ и смерти цесаревны.

[3]) Въ библіотекѣ дворца города Павловска сохранились цѣлыя тетради этихъ выписокъ, дѣланныхъ цесаревичемъ Павломъ и его супругою.

довъ, къ совершенному отчаянію цесаревича. Въ ея лицѣ онъ лишился и нѣжно любимой жены, и добраго, заботливаго, единственнаго своего друга. Первую пору вдовства цесаревичъ возбуждалъ опасенія за свое здоровье и самую жизнь; скорбь его была тѣмъ сильнѣе, что за границею разнеслись нелѣпые слухи, будто бы цесаревна была отравлена по повелѣнію державной свекрови. Павелъ не могъ вѣрить этой гнусной клеветѣ, но, тѣмъ не менѣе, кончина жены цесаревича много содѣйствовала окончательному охлажденію между нимъ и Екатериною. Приближенные государыни, желая изцѣлить ея сына отъ безутѣшной его тоски по усопшей цесаревнѣ, прибѣгнули къ самому отвратительному средству, достойному временъ Борджіи или Катерины Медичи. Наталья Алексѣевна живая была для клеветы недосягаема; но мертвые безотвѣтны, и хотя «срама не имутъ», но весьма часто бываютъ жертвами злословія. Заботливые приспѣшники императрицы шепнули юному вдовцу, оплакивавшему свою утрату, что покойная, повидимому, столь нѣжно его любившая и радѣвшая о его счастіи, была ему не вѣрна, удостоивая своей неограниченной благосклонностью молодаго графа Андрея Кирилловича Разумовскаго. Въ подтвержденіе этой лукавой выдумки цесаревичу показаны были какія-то письма руки покойной, или, правильнѣе, искусно поддѣланныя подъ ея руку. Этимъ средствомъ цесаревичъ, повѣрившій клеветѣ на мертвую, былъ дѣйствительно исцѣленъ отъ скорби по ней, но съ тѣмъ вмѣстѣ разочарованный въ своей первой любви, до глубины сердца уязвленный вѣроломствомъ друга, онъ осушилъ свои слезы и недавнія чувства любви и нѣжности замѣнилъ чувствами ненависти, недовѣрчивости, ожесточенія. Непрошенные цѣлители больнаго сердца своими ядовитыми средствами испугались этого перехода изъ одной крайности въ другую и поспѣшили вторичнымъ бракосочетаніемъ цесаревича съ принцессою Виртембергскою Доротеею-Софіею-Августою-Луизою, во святомъ миропомазаніи, великою княгинею Маріею Өеодоровною. Торжество бракосочетанія послѣдовало 26-го сентября 1776 года, черезъ пять съ небольшимъ мѣсяцевъ послѣ кончины Натальи Алексѣевны.

На этотъ разъ въ нѣдрахъ своей семьи цесаревичъ дѣйствительно обрѣлъ спокойствіе и возможное счастіе, но за то внѣ домашняго своего круга это былъ истинный страдалецъ, терпѣливый и безотвѣтный. Изъ наслѣдниковъ престола онъ былъ превращенъ въ какіе-то удѣльные князья, получивъ въ обладаніе жалкій городокъ Гатчину и нѣсколько чухонскихъ деревушекъ—будущій Павловскъ. Дали ему на потѣху горсть солдатъ съ дозволеніемъ обмундировывать и учить ихъ на какой угодно ладъ; на содержаніе его двора ассигнованы были самыя скромныя суммы, въ то самое время, когда могущественный Потемкинъ безотчетно расходовалъ милліоны на свои капризы и прихоти. Обхожденіе какъ этого сына

счастія, такъ и другихъ временщиковъ, съ наслѣдникомъ престола отличалось высокомѣріемъ, чванствомъ, чуть не грубостью. Всѣ запасы материнской своей нѣжности, въ которой Екатерина отказывала своему сыну, она перенесла на его дѣтей, своихъ внуковъ. Но въ воспитаніи ихъ Павелъ не былъ властенъ; оно шло по предначертаніямъ его августѣйшей родительницы. Покоряясь своему жребію, цесаревичъ Павелъ Петровичъ самые цвѣтущіе годы своей жизни до послѣдней капли осушалъ чашу обидъ, униженій, оскорбленій, борясь съ враждебными обстоятельствами, даже съ нуждой вопіющей и всего менѣе согласной съ его общественнымъ положеніемъ. Сколько непріятностей, напримѣръ, пришлось перенести ему и его супругѣ при постройкѣ ими Павловскаго дворца! Какъ смиренно просили они императрицу Екатерину о помощи, и какъ безжалостно сурово отказывала она имъ, допуская сына и невѣстку до займовъ у частныхъ лицъ... И двадцать лѣтъ подобной жизни не могли не ожесточить характера Павла, не могли не довести всей его нервной системы до крайней степени раздраженія, перешедшаго мало-по-малу въ недугъ хроническій и неизлѣчимый.

Желая чѣмъ нибудь заявить объ искреннемъ своемъ желаніи служить отечеству, цесаревичъ, во время шведской кампаніи 1788 года, съ величайшимъ трудомъ испросилъ у своей родительницы дозволеніе принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Препоручивъ Павла Петровича попеченіямъ фельдмаршала графа Валентина Платоновича Мусина-Пушкина, императрица, вмѣстѣ съ тѣмъ, возложила на него тяжелую обязанность держать цесаревича вдали отъ сраженій и боеваго огня. Лишенный такимъ образомъ возможности выказать если не свои воинскія дарованія, то хотя бы личную храбрость, цесаревичъ возвратился изъ похода ни съ чѣмъ.

Въ письмахъ Ростопчина, въ запискахъ Державина и многихъ другихъ современниковъ послѣднихъ лѣтъ царствованія Екатерины Великой можно было бы отыскать массу анекдотическихъ разсказовъ, могущихъ дать понятіе о томъ унизительномъ обхожденіи, которому цесаревичъ Павелъ Петровичъ подвергался и въ частной своей жизни, и въ общественной, при большомъ дворѣ. Императрица Екатерина часто забавлялась, заставляя младшаго своего внука, великаго князя Константина Павловича, копировать голосъ и манеры своего родителя. Слѣдующій эпизодъ приводимъ подлинными словами графа Ѳ. В. Ростопчина. «На обѣдѣ въ Зимнемъ дворцѣ, на которомъ былъ цесаревичъ Павелъ Петровичъ съ семействомъ, зашелъ общій оживленный разговоръ, въ которомъ наслѣдникъ престола не принималъ никакого участія; Екатерина II, желая пріобщить его къ бесѣдѣ, спросила великаго князя: съ чьимъ мнѣніемъ онъ согласенъ по вопросу, составлявшему предметъ разговора?

— «Съ мнѣніемъ графа Платона Александровича (Зубова), — любезно сказалъ цесаревичъ.

— «Развѣ я сказалъ какую нибудь глупость?—нагло откликнулся Зубовъ».

При сватовствѣ шведскаго короля Густава IV за старшую дочь цесаревича, великую княжну Александру Павловну,—сватовствѣ, окончившемся такъ неудачно, чтобы не сказать, позорно, для русской царственной семьи, Павелъ Петровичъ былъ отдаленъ на самый послѣдній планъ, какъ бы лишенный родительскихъ правъ. Дѣло обходится безъ всякихъ съ нимъ совѣщаній; ему лишь не возбраняется душевно страдать за бѣдную жертву странной причуды престарѣлой Екатерины...

Затѣмъ, послѣднія горькія капли переполняютъ чашу. Екатерина испускаетъ послѣдній вздохъ; бумаги ея опечатываются, и между ними оказывается духовная, въ которой, помимо своего отца, великій князь Александръ Павловичъ назначается наслѣдникомъ престола. Но документъ преданъ уничтоженію, и 6 ноября 1796 года русскій народъ привѣтствуетъ воцареніе императора Павла I.

Орловы, Зубовы и прочіе магнаты предъидущаго царствованія принижаются, стушевываются, трепещутъ, ждутъ справедливой кары отъ новаго императора. Для Алексѣя Орлова она ограничивается назначеніемъ его участвовать въ погребальной процессіи останковъ Петра III и Екатерины II. Платона Зубова императоръ Павелъ Петровичъ подавляетъ своимъ великодушіемъ. Приводимъ подлинный разсказъ Кутлубицкаго.

«По смерти императрицы Екатерины, Зубовъ оставался во дворцѣ попрежнему. Между тѣмъ Павелъ приказалъ купить на Морской улицѣ домъ и отдѣлать его какъ дворецъ, только не велѣлъ ставить императорскаго герба. Когда домъ былъ готовъ, убранъ и снабженъ всѣмъ столовымъ серебромъ, столовымъ золотымъ приборомъ на нѣсколько персонъ, экипажами, лошадьми, тогда наканунѣ рожденія Зубова, государь послалъ къ нему Кутлубицкаго сказать, что онъ даритъ ему этотъ домъ ко дню его рожденія и завтра съ императрицею будетъ у него пить чай. Зубовъ поблагодарилъ и переѣхалъ со дворца въ подаренный ему домъ.

«На слѣдующій день императоръ съ Маріею Өеодоровною, въ сопровожденіи Капцевича и Кутлубицкаго (на запяткахъ), послѣ обѣда отправился къ Зубову, который встрѣтилъ ихъ на лѣстницѣ и упалъ къ ногамъ ихъ. Государь и государыня подняли его и пошли съ нимъ подъ руки по лѣстницѣ, причемъ Павелъ сказалъ ему: «Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ». Въ гостиной подали шампанскаго; государь сказалъ князю: «Сколько здѣсь капель, столько желаю тебѣ всего добраго», и, обращаясь къ государынѣ, сказалъ: «Выпей все, до капли». И выпивши самъ разбилъ бокалъ, причемъ опять Зубовъ падалъ къ ногамъ его и былъ поднятъ съ повтореніемъ: «Я тебѣ сказалъ, кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ». Потомъ подали самоваръ. Государь сказалъ Маріи

Өеодоровнѣ: «Разлей чай, у него вѣдь нѣтъ хозяйки». По чашкѣ чаю подано было также Капцевичу и Кутлубицкому, стоявшимъ въ другой комнатѣ, но видѣвшимъ и слышавшимъ все въ открытую дверь. Они выпили и, по обыкновенію тогдашняго времени, опрокинули на блюдца чашки, выражая этимъ, что они пить болѣе не желаютъ. Государь, замѣтивъ это, сказалъ: «Вѣдь вы дома, вѣроятно, пьете по двѣ чашки и не хотите безпокоить государыню; она нальетъ вамъ и по другой». Послѣ чаю государь и государыня уѣхали, сопровождаемые Зубовымъ по лѣстницѣ: считаясь больнымъ, онъ былъ въ сюртукѣ. Скоро потомъ князь Зубовъ уѣхалъ за границу».

Въ числѣ многихъ десятковъ узниковъ, втеченіе двухъ первыхъ мѣсяцевъ царствованія Павла, освобожденныхъ по его повелѣнію изъ тюремъ и крѣпостныхъ казематовъ, находились — А. Н. Радищевъ, жертва старческой подозрительности покойной Екатерины, и уроженецъ Симбирской губерніи Прохоръ Матвѣевъ, безвинно осужденный за воровство. Этотъ человѣкъ былъ лично извѣстенъ императору еще въ бытность Павла великимъ княземъ. Однажды сопровождаемый Кутлубицкимъ Павелъ ѣхалъ верхомъ по Мѣщанской улицѣ, и на встрѣчу ему попалась партія арестантовъ. Онъ приказалъ Кутлубицкому подать имъ милостыню, и тогда одинъ изъ нихъ, именно Прохоръ Матвѣевъ, обращаясь къ Павлу, сказалъ: «Помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ». Великій князь приказалъ записать имя и фамилію произнесшаго эти слова, а записку класть постоянно себѣ въ карманъ, гдѣ она и долежала до дня воцаренія Павла, и арестантъ получилъ полное прощеніе.

Освобожденіе Өаддея Косцюшки, содержавшагося военноплѣннымъ въ Петербургѣ съ 1794 года, можно также назвать подвигомъ великодушія Павла. Передаемъ о томъ разсказъ, слышанный нами много лѣтъ тому назадъ отъ одного поляка, современника самого событія.

Взятый въ плѣнъ въ сраженіи при Мацеевичахъ, Косцюшко былъ привезенъ въ Петербургъ и подъ строгимъ присмотромъ помѣщенъ въ нижнемъ этажѣ Мраморнаго дворца. Дни свои онъ проводилъ за чтеніемъ историческихъ книгъ и сочиненій по части военныхъ наукъ и такъ провелъ два тяжелые года. Въ первые же дни своего воцаренія императоръ Павелъ посѣтилъ узника внезапно и засталъ его за картою «рѣки временъ». Косцюшко, восемью годами старше императора, имѣлъ съ нимъ нѣкоторое сходство въ лицѣ, и вотъ, быть можетъ, одна изъ причинъ сердечнаго сочувствія, съ которымъ государь и узникъ при ихъ свиданіи отнеслись другъ къ другу. Подавъ ему руку, государь кротко произнесъ:

— Генералъ, вы свободны!

Косцюшко почтителельно облобызалъ руку своего освободителя, а императоръ продолжалъ:

— Такому храброму воину неприлично быть безъ шпаги: возьмите мою. (Онъ вынулъ ее изъ портупеи и подалъ глубоко тронутому Косцюшкѣ).

— Награди васъ Господь Богъ, ваше величество,—произнесъ тотъ, преклоняясь предъ Павломъ:—и Его призываю въ свидѣтели, что пожалованной мнѣ шпаги русскаго царя я никогда не обнажу противъ русскихъ!

И до гроба признательный Павлу, Косцюшко пребывалъ вѣренъ своему слову. Наполеонъ I, агитируя Польшу въ 1812 году, дорого далъ бы за появленіе Косцюшки во главѣ польскихъ легіоновъ, ополчившихся вмѣстѣ съ французами противъ Россіи; но какъ въ этомъ движеніи, такъ и въ послѣдующихъ судьбахъ своей отчизны Косцюшко не принималъ никакого участія.

Мѣсяца за два до коронаціи Павла (5-го апрѣля 1797 года) директору придворной пѣвческой капеллы, Бортнянскому, повелѣно было написать и дать разучить концертъ на слова 95 псалма «Воспойте Господеви пѣснь нову»... для исполненія при торжествѣ миропомазанія въ Успенскомъ соборѣ. Трудна была задача, которую можно назвать искусомъ вдохновенія нашего даровитаго композитора. Ему пришлось, ѣдучи въ Москву въ дорожномъ рыдванѣ, по страшной, весенней распутицѣ, прибирать мелодію на небольшихъ «клавикордахъ» въ пять актовъ, помѣщенныхъ въ экипажѣ, записывать каждый аккордъ, такъ сказать, на лету. При всемъ томъ Бортнянскій, ко дню прибытія своего въ Москву, скомпановалъ концертъ, и придворные пѣвчіе превосходно его разучили въ самое короткое время. Наступилъ торжественный день коронованія, пышный церемоніалъ, масса духовенства, великолѣпные наряды первѣйшихъ чиновъ двора—все придавало этому празднеству должное величіе, много говорившее религіознымъ чувствамъ русскаго сердца и главнѣйшему изъ нихъ—чувству врожденной любви къ царю и его семейству. Весело гудѣли колокола московскихъ соборовъ, когда императоръ Павелъ приблизился къ преддверію собора Успенскаго и вступилъ подъ его своды. Тогда-то хоръ пѣвчихъ привѣтствовалъ концертомъ Бортнянскаго, и слова псалма (ст. 13): «яко грядетъ, яко грядетъ суботи земли»... совпали съ приближеніемъ императора къ царскому мѣсту. Павелъ пріостановился; на глазахъ его навернулись слезы, и онъ, вопреки церемоніалу, по которому долженъ былъ быть размѣренъ каждый его шагъ, обратясь къ хорамъ, громко произнесъ: «еще»! Концертъ повторили.

На слѣдующій день императоръ, призвавъ гофмаршала, назначилъ Бортнянскому щедрое вознагражденіе, чинъ и орденъ, а всѣхъ придворныхъ пѣвчихъ какого бы то ни было возраста приказалъ произвести въ оберъ-офицерскіе чины.

— Ваше величество,—отвѣчалъ тотъ въ изумленіи: — этого не слыхано...

— Точно такъ же, какъ и то, что они пѣли!—прервалъ Павелъ.

— Но, законъ...

— Здѣсь вашъ законъ! — крикнулъ государь, ударивъ себя въ грудь [1]).

Такимъ образомъ эта первая гроза новаго царствованія сопровождалась дождемъ милостей.

Сердце Павла при его воцареніи переполнено было любовью къ народу, состраданіемъ къ страждущимъ и самою искреннею готовностью къ благотвореніямъ, но, по вѣрному замѣчанію Коцебу, «Павелъ желалъ добра и правды, ошибаясь въ средствахъ дѣлать одно и знать другую; расточалъ до безконечности благодѣянія, но изъ нихъ выходили ядовитыя растенія, хотя и блестѣвшія на видъ, но удушливыя испаренія которыхъ мертвили и уничтожали»...

Въ первый же годъ царствованія, желая приблизить къ себѣ непосредственно всѣхъ имѣвшихъ нужду въ его помощи, защитѣ, или покровительствѣ, Павелъ приказалъ поставить у Зимняго дворца ящикъ, въ которой просители могли безпрепятственно опускать прошенія и письма на высочайшее имя. Между таковыми начали появляться пасквили, карикатуры, эпиграммы, и ящикъ былъ снятъ, а государь раскаялся въ желаніи благотворить неблагодарнымъ и недостойнымъ, тѣмъ не менѣе доступъ просителей къ императору, хотя и другимъ путемъ, прерванъ не былъ, и отвѣтъ на прошенія Павелъ I подавалъ чрезъ «Вѣдомости». Такимъ образомъ за 60 слишкомъ лѣтъ до проявленія у насъ гласности, онъ, первый изъ русскихъ государей, сознаЛъ ея пользу.

Многія изъ его рѣшеній втеченіе первыхъ двухъ лѣтъ его царствованія носили на себѣ отпечатокъ справедливости, проницательности и рѣдкаго великодушія. Эти высокія чувства проявлялись въ Павлѣ I каждый разъ, когда онъ повиновался побужденіямъ своего добраго, благороднаго сердца, онъ же былъ неузнаваемъ, когда, по нашему народному выраженію, дѣйствовалъ «въ сердцахъ». Изъ приказовъ, повелѣній и резолюцій Павла, данныхъ имъ въ мрачныя минуты болѣзненнаго раздраженія и извѣстныхъ читающей публикѣ, можно бы составить огромную коллекцію; но о таковыхъ мы и не упомянемъ, такъ какъ предметъ нашъ «свѣтлыя минуты» и добрыя дѣла императора Павла.

Нѣсколько новыхъ, донынѣ нигдѣ не напечатанныхъ, документовъ даютъ намъ возможность сдѣлать значительный вкладъ въ собраніе матеріаловъ для будущаго біографа императора Павла I.

Начнемъ съ сентября 1797 года.

---

[1]) Весь разсказъ отъ слова до слова былъ записанъ покойнымъ П. А. Каратыгинымъ со словъ А. Ѳ. Львова. П. К.

I.

Прошеніе генерала отъ инфантеріи Левашева (помѣта: № 4,996, сентября 28-го, 1797).

Всемилостивѣйшій государь!

Милости вашего императорскаго величества, на всѣхъ обильно изливаемыя, ободряютъ каждаго изъ насъ, твоихъ, государь, вѣрноподданныхъ, прибѣгать ко благости твоей. Мнѣ же, въ особенности, благоволеніемъ монаршимъ осчастливленному и щедротами твоими, всемилостивѣйшій государь, обогащенному, остается желать и просить единаго. Имѣю я шестеро дѣтей, коимъ по мѣрѣ силъ моихъ старался я дать приличное дворянамъ воспитаніе. Изъ нихъ трое, мужескаго пола: Василій, Василій и Константинъ, къ службѣ вашему императорскому величеству мною пріуготовленныхъ. (А женскаго: Марья, Александра и Анна). Кому въ одиночествѣ моемъ могу я желать оставить по себѣ достояніе мое, какъ не тѣмъ, коимъ со дня рожденія ихъ я пріобыкъ желать блага и пещись о доставленіи имъ онаго? Упадаю къ священнымъ стопамъ вашего императорскаго величества, молю! Довершите, всемилостивѣйшій государь, мое благополучіе, повелите имѣть имъ мое имя, дабы они могли, по приличію даннаго имъ отъ меня воспитанія, пользоваться наслѣдствомъ имѣнія, которое вы, всемилостивѣйшій государь, пожаловать мнѣ благоволили.

Вашего императорскаго величества вѣрноподданный

Василій Левашовъ,
генералъ отъ инфантеріи.

27-го сентября 1797 года.
Петербургъ.

Отвѣтъ Императора.

Господинъ генералъ отъ инфантеріи Левашовъ. Получивъ прошеніе ваше, я готовъ тѣмъ охотнѣе удовлетворить оному, что обстоятельства, вами прописываемыя, мнѣ совершенно извѣстны, но желалъ бы, чтобъ вы сами, для отвращенія могущихъ встрѣтиться препятствій, облегчили рѣшеніе сего дѣла предварительнымъ и приватнымъ соглашеніемъ съ фамиліею своею; послѣ чего не останется мнѣ болѣе, какъ дать повелѣніе, на общемъ вашемъ согласіи основанное. Между тѣмъ будьте увѣрены о всегдашнемъ моемъ къ вамъ благоволеніи, съ которымъ пребываю.

Павелъ.

Въ Гатчинѣ,
сентября 29-го 1797 года.

Проситель Василій Ивановичъ Левашовъ, въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и въ званіи оберъ-егермейстера, скончался въ 1803, родился же въ 1740 году. По словамъ Гельбига (стр. 437 и 439), онъ приходился дядею Александру Петровичу Ермолову. Старшій сынъ его, Василій, генералъ отъ кавалеріи, кавалеръ св. Андрея Первозваннаго и съ 1-го іюля 1833 года графъ, родился 10-го октября 1783 года, скончался 23-го сентября 1848 года. Младшій, Константинъ, скончался въ 1812 году отъ раны, полученной въ одномъ изъ сраженій Отечественной войны. Изъ дочерей, Марія скончалась въ дѣвицахъ; Александра—въ супружествѣ за тайнымъ совѣтникомъ С. Н. Озеровымъ; Анна—за Н. Ѳ. Матюнинымъ.

II.

Прошеніе адъютанта Вуича.

Всемилостивѣйшій государь!

По упраздненіи таврическаго конно-егерскаго полка, гдѣ я служилъ, по всемилостивѣйшему вашего императорскаго величества указу, объявилъ я желаніе продолжать вашему императорскому величеству службу во Шевича гусарскомъ полку, куда господиномъ генералъ-маіоромъ Булавскимъ отправленъ и, 27 іюля прибывъ, нахожусь въ дѣйствительномъ исполненіи службы, состоя причисленнымъ.

Нынѣ же, партикулярно узнавъ, что я опредѣленъ въ кирасирскій вашего императорскаго величества полкъ, тѣмъ счастливѣйшимъ почитаю себя, что въ лицѣ премилосердаго своего монарха могъ бы оказывать вѣрноподданническое свое усердіе; но, будучи крайне бѣднымъ человѣкомъ и издержавшись здѣсь на обмундированіе, не въ состояніи доѣхать до полку. Почему дерзаю вашего императорскаго величества всеподданнѣйше просить о всемилостивѣйшемъ снисхожденіи, чтобы я прежде отъ невѣдѣнія о причисленіи меня въ кирасирскій вашего императорскаго величества полкъ, а нынѣ по крайнимъ недостаткамъ за неявку, не понесъ справедливаго монаршаго гнѣва и не былъ бы лишенъ счастія быть въ службѣ вашего императорскаго величества, которую до конца жизни моей съ вѣрноподданнѣйшимъ усердіемъ продолжать буду.

Всемилостивѣйшій государь,
вашего императорскаго величества
вѣрноподданнѣйшій адъютантъ Вуичъ.

Сентября 18-го дня
1797 года.
Тула.

(Помѣта о полученіи: № 4,997. Сентября 28-го д. 1797).

Резолюція императора по журналу о докладѣ: «Оставить въ прежнемъ гусарскомъ Шевича полку и на обмундированіе послать ему 100 руб.» — «О первомъ (Левашовѣ) дана записка генералъ-адъютанту Ростопчину сентября 28, а о послѣднемъ написано къ г. Донаурову и писано сентября 30, 1797 года».

III.

№ 85. Фергеръ Кригсъ-Рехтъ держанъ при Кабардинскомъ мушкатерскомъ полку.

Онаго полку поручикъ Грековъ сужденъ былъ по всевысочайшему вашего императорскаго величества повелѣнію, а по представленію бывшаго въ помянутомъ полку отставленнаго отъ службы шефа генералъ-маіора царевича Грузинскаго Маріана, по слѣдствію же найдено: царевичъ, за обѣдомъ, у себя, спрашивалъ Грекова, почему онъ говорилъ генералу-маіору Корсакову (который тоже по высочайшей вашего императорскаго величества конфирмаціи генваря 12-го числа сего года отъ службы отставленъ), якобы онъ, царевичъ, подговаривалъ дворовыхъ его, Корсакова, дѣвокъ въ Грузію; а о чемъ де ему сказывалъ Астраханскаго драгунскаго полку подпоручикъ Арсеньевъ. Грековъ съ симъ Арсеньевымъ пошли объясниться съ Корсаковымъ. По показанію свидѣтелей, разговоръ ихъ былъ слѣдующій: Грековъ спрашивалъ у Корсакова необыкновеннымъ голосомъ, когда онъ ему о вышеписанномъ подговорѣ его дѣвокъ пересказывалъ? Корсаковъ отвѣчалъ: «Вы мнѣ не сказывали, а говорили женѣ моей». Грековъ на то отозвалѣя: «Я женѣ твоей такъ сказывалъ, какъ тебѣ». Послѣ сего Корсаковъ высылалъ его, Грекова, вонъ, а онъ требовалъ должныхъ ему Корсаковымъ денегъ. По принесенной же отъ Корсакова царевичу жалобѣ, онъ, Грековъ, былъ арестованъ и, отдавъ шпагу, сказалъ, что оной уже безъ воли вашего императорскаго величества не приметъ. О чемъ отъ означеннаго царевича и учинено вашему императорскому величеству всеподданнѣйшее донесеніе.

Въ службѣ онъ, Грековъ, 783-го, поручикомъ 791-го, всемилостивѣйше пожалованъ въ капитаны — 797, маія 10-го, но по нахожденію его подъ судомъ чинъ ему не объявленъ; изъ дворянъ, 27 лѣтъ. При штурмѣ и взятіи лежащей при Черномъ морѣ турецкой крѣпости Анапы въ дѣйствительномъ сраженіи находился, гдѣ и получилъ въ лѣвую ногу контузію; въ 795 году, за побои рядоваго роты его и взятье насильно ночью у канонира жены, за первое былъ арестованъ на двое сутки, а за послѣднее содержанъ на гауптвахтѣ двѣ недѣли.

Коммиссія военнаго суда по вышеописаннымъ причинамъ находитъ его, Грекова, виновнымъ; но какъ по жалобѣ объявлен-

наго генерала-маіора Корсакова въ то же время сдѣланъ ему арестъ и онъ, Корсаковъ, нашелъ себя еще и тогда удовлетвореннымъ, зная обо всемъ томъ, какъ и о объявленіи ему, Грекову, всемилостивѣйше пожалованнаго капитанскаго чина, предоставила на благоразсмотрѣніе вышней власти.

Генералъ-аудиторъ находитъ подсудимаго Грекова за грубый его противъ Корсакова отзывъ довольно уже наказаннымъ и, поелику впрочемъ никакого по сему дѣлу его преступленія не видно, полагаетъ изъ-подъ ареста его освободить и, объявя ему всемилостивѣйше пожалованный ему чинъ, оставить попрежнему на службѣ. Впрочемъ всеподданнѣйше предастъ въ высочайшее вашего императорскаго величества благоволеніе.

Подписалъ: генералъ-аудиторъ князь Иванъ Шаховской. Маія 10-го дня 1798 года.

Резолюція императора: «Какъ дѣло все состоитъ въ сплетняхъ, то и не у мѣста мнѣ входить въ оное. Дѣло уничтожить, а ему попрежнему служить. Въ Нижнемъ Новгородѣ, маія 20-го дня 1798 года.

IV.

Поручикъ Глуховскаго кирасирскаго полка Уманецъ сужденъ былъ за ослушаніе команды и за неповиновеніе по службѣ начальнику того полка шефу генералъ-маіору Михельсону.

Судомъ, по силѣ законовъ положено: ему, Уманцу, предъ онымъ судомъ просить, стоя на колѣняхъ, прощенія; обличить написанныя имъ въ прошеніи на высочайшее имя слова ложными; потомъ, посадить его на полгода въ заключеніе и лишить за то время жалованья и прочая, а за лживые поступки снять съ его дворянское достоинство.

Генералъ-аудиторъ князь Шаховской, съ приговоромъ суда, кромѣ лишенія дворянства, во всемъ согласенъ.

Собственноручная резолюція императора: «Пусть проситъ у шефа прощенія при офицерахъ, а вины свои продолженіемъ службы заслуживаетъ. Іюня 17-го, 1798 года».

V.

Лейбъ-гусарскаго полка корнетъ Милютиновъ назвалъ того же полка поручика Эмануэля безъ всякой причины «доносчикомъ». Эмануэль потребовалъ у Милютинова удовлетворенія и вызвалъ драться на сабляхъ, или, чтобъ предъ корпусомъ офицеровъ просить извиненія.

Милютиновъ ни того, ни другаго сдѣлать не согласился, а говорилъ, чтобъ онъ просилъ на него по командѣ. Эмануэль, не вы-

терпя этого отзыва, ударилъ Милютинова по щекѣ, за чтò и былъ преданъ военному суду.

Судъ рѣшилъ: Эмануэля выключить изъ службы и впредь, какъ негоднаго, не принимать, и корнета Милютинова, подавшаго поводъ къ ссорѣ, какъ нерадиваго офицера, выключить же изъ службы.

Высочайшая резолюція: «Корнета Милютинова, который будучи причиною всего дѣла, подалъ случай поручику Эмануэлю въ горячности своей забыться, выключить изъ службы, а Эмануэлю зачесть въ штрафъ, что былъ онъ подъ арестомъ и, изъ-подъ онаго освободя, оставить въ службѣ попрежнему. Павелъ. Въ Павловскѣ, іюня 27 дня 1798 года».

VI.

Капитанъ лейтенантъ Лобысевичъ судился за то, что, будучи отправленъ изъ черноморскаго адмиралтейскаго правленія въ адмиралтействъ-коллегію съ рапортомъ для опредѣленія въ балтійскій флотъ, доѣхавъ до Москвы, по неимѣнію денегъ, не заплатилъ за провозъ извозчику 60 рублей и прожилъ тамъ въ трактирѣ болѣе трехъ недѣль; наконецъ получилъ отъ какого-то благодѣтеля 50 рублей, но не заплатилъ ни извозчику, ни въ трактиръ, а проигралъ деньги въ карты.

Адмиралтейская коллегія приговорила Лобысевича: лишивъ чиновъ, написать въ рядовые и посадить на два года въ крѣпость, а потомъ выкинуть изъ службы.

28 іюля 1798 года, императоръ собственноручно написалъ на докладѣ: «Выкинуть изъ службы».

VII.

Азовскаго мушкатерскаго полка унтеръ-офицеръ Овсянниковъ оказался виновнымъ въ слѣдующемъ: въ 1789 году, онъ посланъ былъ изъ Воронежской кригсъ-цаль-мейстерской коммиссіи въ его полкъ съ конвертомъ; на дорогѣ потерялъ конвертъ и, отъ страха наказанія за это, бѣжалъ и не являлся долго въ полкъ.

Графъ Салтыковъ и генералъ-аудиторъ полагали: вмѣнивъ ему въ наказаніе долговременное содержаніе подъ карауломъ и написавъ его на вѣчно въ рядовые, отослать къ опредѣленію въ дальніе сибирской дивизіи полки.

28 іюля 1798 года, высочайшая резолюція: «Овсянникова и дѣло оставить».

VIII.

Подпоручикъ Полоцкаго мушкатерскаго полка Риттеръ 1-й, обремененный долгами, которыхъ уплатить не былъ въ состояніи, и «убитый горемъ по случаю невѣрности жены своей», вышелъ въ поле, зарядилъ пистолетъ пулею и хотѣлъ прострѣлить себѣ грудь, но прострѣлилъ себѣ только лѣвое плечо.

Обвиненный въ предпринятіи лишить себя жизни, былъ подвергнутъ военному суду, которымъ рѣшено было: вмѣнить ему въ наказаніе понесенный арестъ и при послѣдующемъ къ производству представленіи обойдти его онымъ.

Высочайшая резолюція: «Сіе дѣло оставить».

IX.

Маіоръ Шолинъ былъ сужденъ кригсратомъ за высѣченіе розгами хозяина квартиры, на которой онъ стоялъ постоемъ, могилевскаго мѣщанина еврея Мовши Іерухимовича за сдѣланныя предъ Шолинымъ неучтивства и ругательства.

Высочайшая резолюція: «Шолинъ правъ».

X.

По высочайшему повелѣнію Апшеронскаго мушкатерскаго полка полковникъ Жуковъ сужденъ былъ якобы за дурное его поведеніе и за неповиновеніе начальству, чего по дѣлу не открылось, и воинскій судъ его оправдалъ, а генералъ-маіора и того полка шефа Толя за несправедливое на него, Жукова, донесеніе и за неаттестованіе его къ повышенію, также и брестскаго городничаго Пирха за употребленіе въ собственныя услуги казенныхъ людей и за хожденіе по городу во фракѣ и круглой шляпѣ, приговорилъ къ лишенію чиновъ.

Генералъ-аудиторъ князь Шаховской о полковникѣ Жуковѣ съ приговоромъ суда согласенъ; касательно же генералъ-маіора Толя и городничаго Пирха всеподданнѣйше предаетъ на высочайшее благоволеніе.

Высочайшая резолюція: «Генералъ-маіоръ фонъ Толь за непростительныя похлѣбства и утайку въ развратныхъ поступкахъ городничаго Пирха изъ службы исключается.

«Полковникъ Жуковъ ни въ чемъ не виновенъ, у котораго городничему при разводѣ просить прощеніе на колѣняхъ». Іюля 28, 1798 года.

XI.

По высочайшему повелѣнію сужденъ былъ кавказскаго гренадерскаго полка прапорщикъ Кишкинъ (который впродолженіе

надъ нимъ суда всемилостивѣйше пожалованъ въ подпоручики) за причиненіе нижнимъ чинамъ побой, въ бытность его съ ротою въ Грузіи, отъ чего они бѣгали, и за пьянство.

По сентенціи приговорено: онаго Кишкина казнить смертію — повѣсить.

Генералъ-лейтенантъ графъ Морковъ полагаетъ разжаловать его въ рядовые и отдать во внутренніе гарнизоны до исправленія, съ симъ согласенъ и генералъ-аудиторъ. Высочайшая резолюція: «Арестовать на два мѣсяца. Гатчина, августа 19, 1798 года».

XII.

По высочайшему повелѣнію Астраханскаго драгунскаго полка подпоручикъ Михайловскій сужденъ былъ: 1) за то, что, слыша по окончаніи развода приказаніе шефа, генерала отъ кавалеріи Апраксина, чтобъ всѣ офицеры шли въ его квартиру для слушанія военнаго устава, къ нему не пришелъ и ложно отозвался, якобы отпущенъ былъ капитаномъ Депрерадовичемъ въ эскадронъ; 2) что ложно рапортовался больнымъ и 3) за выдуманную не по формѣ одежду.

При судѣ Михайловскій показалъ, что шефъ говорилъ только: «пожалуйте, господа, въ мою квартиру», а зачѣмъ, того не было извѣстно; въ эскадронъ точно былъ отпущенъ капитаномъ Депрерадовичемъ; платья противнаго формѣ не носилъ, а только когда шефомъ приказано было офицерамъ носить фуражныя шапки, то онъ, для отличія отъ солдатъ, привязалъ къ своей бантикъ и султанъ, съ которою однажды только былъ у шефа.

Капитанъ Депрерадовичъ показалъ, что онъ никогда его, Михайловскаго, не отпускалъ, а лѣкарь, что онъ больнымъ не былъ и притворялся.

Коммиссія военнаго суда приговорила: Михайловскаго, лишивъ чиновъ и дворянства, сослать въ вѣчную каторгу.

Генералъ отъ кавалеріи Михельсонъ полагаетъ: лиша чиновъ, выкинуть изъ службы.

Генералъ-аудиторъ съ генераломъ Михельсономъ согласенъ.

Высочайшая резолюція: «Виннымъ не нахожу; а у Апраксина взять отвѣтъ, какъ смѣлъ на офицерахъ шапки заводить. Сентября 18, 1798 года, Гатчина».

XIII.

Рядовой Васильевъ, въ Омскѣ, донесъ на комендантовъ Семипалатинской крѣпости, что они пользовались казеннымъ интересомъ и употребляли казенныхъ людей въ партикулярныя работы.

Доносъ по слѣдствію оказался несправедливымъ, и открылся виновнымъ самъ доноситель.

Военный судъ полагалъ рядоваго Васильева за преступленія его высѣчь кнутомъ и заклеймя сослать въ каторжную работу.

Высочайшая резолюція: «4 ноября 1798 года. Дѣло оставить, а его опредѣлить попрежнему, не принимая впредь никакихъ отъ него доносовъ».

Причины гнѣва императора Павла на великаго Суворова были вполнѣ уважительныя и законныя. Шутки, чудачества, остроты и прибаутки фельдмаршала, невинныя, или, по крайней мѣрѣ, безвредныя при Екатеринѣ II, сдѣлались желчны и язвительны при ея преемникѣ. Иронія и подшучиванія надъ государемъ полководца, бывшаго кумиромъ русской арміи, подрывали уваженіе, благоговѣніе солдата къ царской особѣ. Когда въ первую пору воцаренія Павла послѣдовали коренныя преобразованія по войскамъ и перемѣна въ обмундированіи по прусскому образцу, Суворовъ отозвался шуточкою: «Пудра—не порохъ, букли—не пушки, коса—не тесакъ; я—не нѣмецъ, а коренной русакъ». Прибаутка обратилась въ солдатскую пословицу и едва ли могла быть пріятна строгому формалисту императору Павлу. Письмо Суворова къ государю, «что онъ скучаетъ своимъ бездѣйствіемъ», вызвало его увольненіе отъ службы (6-го февраля 1797 года). Мелодраматическая сцена прощанія Суворова съ войсками была, съ его стороны, демонстраціею, которая могла возбудить ропотъ и жалобы во всей арміи. И тутъ подрывъ уваженія солдата къ верховной власти, конечно, возбудилъ негодованіе императора. Удалясь въ Москву, а потомъ, по высочайшему повелѣнію, въ сельцо Кончанское (Новгородской губерніи, Боровичскаго уѣзда), Суворовъ продолжалъ «чудесить» и досаждать государю странными эксцентричными своими выходками. Издѣвался надъ приставниками, наблюдавшими за нимъ по высочайшему повелѣнію, но смиренно просилъ сжалиться надъ нимъ [1]). Въ особенности онъ тяготился надзоромъ коллежскаго совѣтника Николева, усердіе котораго въ должности соглядатая дѣйствительно заходило слишкомъ далеко. Императоръ сжалился надъ изгнанникомъ и приказалъ приставнику имѣть надзоръ за Суворовымъ «непримѣтнымъ образомъ». Тѣмъ не менѣе престарѣлый герой день ото дня становился раздражительнѣе и строптивѣе; почти ежедневно билъ свою прислугу; сердился на Николева, если тотъ въ разговорѣ не титуловалъ его «ваше сіятельство». Чего онъ искалъ, чего домогался, чѣмъ могла быть удовлетворена его гордость? Ждалъ онъ, вѣроятно, чтобы первое слово примиренія и ласки произнесено было

---

[1]) См. «Историческій Вѣстникъ», октябрь, 1884 г., «Суворовъ въ ссылкѣ», стр. 157, 158.

самимъ императоромъ. Но подобное желаніе трудно совмѣстить съ тѣмъ уваженіемъ къ верховной власти, которое Суворовъ всегда высказывалъ... И этому желанію Суворова помогло усложненіе тогдашнихъ политическихъ обстоятельствъ. Принявъ рѣшеніе заключить союзы съ Англіею, Австріею и Италіею противъ республики Французской, императоръ Павелъ, предавъ забвенію неудовольствія свои на Суворова, вызвалъ его въ Петербургъ, чрезъ флигель-адъютанта князя Горчакова (14-го февраля 1798 года). Ссылаясь на старость и нездоровье, Суворовъ сначала отказался; потомъ, уступая настояніямъ посланнаго, отправился на долгихъ, испытывая, такъ сказать, терпѣніе государя. По прибытіи въ Петербургъ, принятый Павломъ въ его кабинетѣ, герой бесѣдовалъ съ императоромъ болѣе часу; но вмѣсто разговора о событіяхъ настоящаго времени, говорилъ ему только о своихъ былыхъ заслугахъ, напоминая объ Измаилѣ, о Прагѣ, объ Очаковѣ. На разводѣ, назначенномъ именно для Суворова, онъ оказывалъ явное невниманіе и уѣхалъ домой, не дождавшись конца. Онъ провелъ въ Петербургѣ около трехъ недѣль, но только юродствовалъ попрежнему и въ службу не просился; наконецъ, ссылаясь на нездоровье, выразилъ желаніе опять ѣхать въ деревню на отдыхъ, и государь съ видимымъ неудовольствіемъ отпустилъ его [1]). Здѣсь, въ своемъ Кончанскомъ, Суворовъ опять принялся за прежнее, видимо, желая выставить себя жертвою несправедливости.

Мало-по-малу сердце государя смягчилось... къ опальному явился курьеръ съ рескриптомъ отъ императора. Суворовъ былъ тогда въ банѣ, куда велѣлъ прійдти посланному. На пакетѣ было написано большими буквами: «Генералъ-фельдмаршалу графу Суворову-Рымникскому».—«Это не ко мнѣ,—сказалъ старый герой, прочитавъ надпись: — фельдмаршалъ при войскѣ, я—въ деревнѣ». Изумленный курьеръ тщетно увѣрялъ его, что присланъ къ нему, а не къ другому; Суворовъ рѣшительно отказался отъ рескрипта, и нарочный, пропотѣвъ довольно долго въ банѣ, отправился обратно въ Петербургъ, съ чѣмъ пріѣхалъ. Государь не обнаружилъ досады своей, но съ того времени надзоръ за изгнанникомъ усиленъ [2]). Послѣ тщетныхъ ожиданій вторичнаго посланія отъ государя, Суворовъ опять написалъ къ нему прошеніе, на этотъ разъ о разрѣшеніи ему удалиться въ Нилову пустынь. «Я намѣренъ,—писалъ онъ,—окончить тамъ краткіе дни въ служеніи Богу. Неумышленности прости, милосердый государь!» Герой намѣревался, очевидно, разжалобить этимъ императора, ожидая, быть можетъ, что Павелъ опять пришлетъ къ нему гонца съ рескриптомъ; но государь не

---

[1]) «Суворовъ въ ссылкѣ», стр. 160—161.

[2]) Побѣды князя Италійскаго, Москва, 1810, VI, стр. 149—150; сочиненіе Фукса, Спб., 1827, стр. 88.

давалъ никакого отвѣта. Наконецъ, сама судьба помогла знаменитому полководцу изъ глуши его Боровицкаго помѣстья снова появиться на театрѣ войны для окончанія блестящаго своего поприща. Умоляя императора Павла о помощи въ войнѣ съ французами, австрійскій императоръ просилъ его ввѣрить начальство надъ союзными войсками Суворову. Предавая забвенію все прошедшее, Павелъ собственноручно написалъ ему:

«Теперь намъ не время разсчитываться: виноватаго Богъ проститъ. Римскій императоръ требуетъ васъ въ начальники своей арміи и вручаетъ вамъ судьбу Австріи и Италіи. Мое дѣло на сіе согласиться, а ваше—спасти ихъ. Поспѣшите пріѣздомъ сюда и не отнимайте у славы вашей время, у меня удовольствіе васъ видѣть».

Біографы Суворова пишутъ, что онъ, получивъ этотъ рескриптъ, облобызалъ его и прижалъ къ своимъ ранамъ, поспѣшилъ въ Петербургъ и 18-го февраля 1799 года палъ къ стопамъ императора, воскликнувъ: «Господи, спаси царя!» «Тебѣ спасать царей!»—отвѣчалъ ему Павелъ, возлагая на него орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго. Слова историческія съ обѣихъ сторонъ и встрѣча, отстраняющая со стороны Суворова всякую попытку на какую нибудь шутоватую выходку, въ данномъ случаѣ совершенно неумѣстную. Но герой былъ вѣренъ себѣ самому и черезъ нѣсколько дней дозволилъ себѣ странную шутку, поставившую императора Павла въ крайне неловкое положеніе. Государь назначилъ парадъ именно въ честь Суворова. Послѣдній, пріѣхавъ на Марсово поле, на которомъ въ полномъ сборѣ были войска и находился государь со свитою, вышелъ изъ экипажа, подошелъ къ императору и упалъ передъ нимъ на колѣна. Императоръ, силясь поднять его, осыпалъ героя самыми ласковыми привѣтствіями, на которыя тотъ отвѣчалъ понѣмецки, отвѣшивая земные поклоны.... И на каждую фразу императора Суворовъ, не вставая съ колѣнъ, бормоталъ нѣмецкія фразы, чѣмъ, наконецъ, почти разсердилъ государя. Что онъ хотѣлъ этимъ выразить, имѣли ли эти колѣнопреклоненія и нѣмецкія фразы какой либо таинственный смыслъ, или не имѣли никакого,—рѣшить мудрено; но, во всякомъ случаѣ, эта сцена была неумѣстна!

Безсмертны были подвиги Суворова въ Италіи и Швейцаріи; вся Европа удивлялась имъ; императоръ Павелъ награждалъ ихъ по достоинству, при каждой наградѣ проявляя вмѣстѣ съ чувствами справедливости истинно царственное великодушіе, доброту и истинно родительскую нѣжность. Ими проникнуты всѣ рескрипты Павла къ Суворову за время итальянской кампаніи. Приводимъ нѣкоторые изъ нихъ, на выдержку.

Императоръ повелѣлъ, 24-го августа 1799 года, гвардіи и всѣмъ россійскимъ войскамъ, даже и въ присутствіи своемъ, отдавать князю Италійскому, графу Суворову-Рымникскому всѣ воинскія почести, подобно отдаваемымъ особѣ его императорскаго величества,

и, извѣщая объ этомъ Суворова, императоръ писалъ ему: «Не знаю, что пріятнѣе: вамъ ли побѣждать, или мнѣ награждать за побѣды? Но мы оба исполняемъ должное: я—какъ государь, а вы—какъ первый полководецъ въ Европѣ».

Возводя Суворова 29-го октября того же 1799 года въ достоинство генералиссимуса, послѣ его знаменитыхъ подвиговъ на вершинахъ Альпійскихъ, Павелъ писалъ ему: «Побѣждая повсюду и во всю жизнь вашу враговъ отечества, не доставало вамъ еще одного рода славы: преодолѣть самую природу, но вы и надъ нею одержали нынѣ верхъ»...

Наконецъ, въ бытность Суворова въ Прагѣ, на его обратномъ пути въ Россію, онъ получилъ отъ Павла слѣдующее собственноручное письмо:

«Князь! Поздравляю васъ съ новымъ годомъ и, желая его вамъ благополучна, зову васъ къ себѣ. Не мнѣ тебя, герой, награждать: ты выше мѣръ моихъ; но мнѣ чувствовать сіе и цѣнить въ сердцѣ, отдавая тебѣ должное».

Достаточно ли вознаградилъ Павелъ I великаго полководца за его подвиги и за тѣ недоразумѣнія, которыя возникли между ними два года тому назадъ? Но больной, престарѣлый Суворовъ не оцѣнилъ по достоинству милостей государя: въ Петербургѣ, находясь уже на смертномъ одрѣ, онъ осмѣивалъ присланнаго къ нему отъ императора графа Кутайсова, любимца Павла; эти предсмертныя шутки лишили гробъ Суворова прощальной горсти земли, которую, безъ сомнѣнія, бросилъ бы на него со слезами императоръ Павелъ... но онъ ограничился лишь поклономъ гробу Суворова, который, не провожая до могилы, напутствовалъ древнимъ изрѣченіемъ: sic transit gloria mundi (такъ проходитъ слава міра сего).

Послѣдній годъ жизни императора Павла былъ тяжелымъ, мучительнымъ, какъ для него самого, такъ и для окружающихъ: нервное его разстройство, мрачность настроенія духа, подозрительность, достигли крайней степени. Съ каждымъ днемъ рѣже и рѣже становились проблески веселости, добродушія и врожденнаго Павлу I мягкосердечія. Самыя его отношенія къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ замѣтно измѣнились и въ самомъ его обхожденіи съ нею оказывались то пріязненными и дружелюбными, то холодными, исполненными недовѣрчивости. Таковы же они были и къ обоимъ старшимъ сыновьямъ; а между тѣмъ ласковость и нѣжность государя къ дочерямъ и младшимъ дѣтямъ усилились, и дѣтскія ихъ комнаты онъ посѣщалъ чаще прежняго. Царедворцы, высшіе военные чины и гражданскіе сановники, за немногими исключеніями, видя быстрыя, внезапныя смѣны милостей на гнѣвъ, находились въ непрерывномъ страхѣ за свои карьеры. Мрачныхъ, безотрадныхъ воспоминаній объ этомъ скорбномъ годѣ очень много; утѣшительныхъ нѣтъ.

Въ декабрѣ 1800 года, по высочайшему повелѣнію, чрезъ Д. Н. Неплюева переданному с.-петербургскому генералъ-губернатору, графу фонъ-деръ-Палену, собраны были свѣдѣнія о частныхъ пансіонахъ, содержимыхъ иностранцами въ С.-Петербургѣ. Вѣдомость о нихъ любопытна, какъ свидѣтельство о состояніи народнаго образованія въ тѣ времена, равно и о тѣхъ частяхъ государственной администраціи, отъ которыхъ при отсутствіи правильно организованнаго министерства народнаго просвѣщенія, зависѣло разрѣшеніе открывать частныя училища лицамъ, нерѣдко не имѣвшимъ никакой подготовки для высокаго званія педагоговъ. Приводимъ эту вѣдомость въ подлинникѣ.

ВѢДОМОСТЬ

О НАХОДЯЩИХСЯ ЗДѢСЬ ВЪ ГОРОДѢ ПАНСІОНАХЪ.

Имена содержателей пансіоновъ.	Когда позволенія даны и за чьимъ подписаніемъ.
ВЪ ЧАСТЯХЪ.	
Въ 1-й.	
Вдова римская подданная Денегеръ.	Имѣетъ 4-хъ дѣвицъ, но дозволенія нѣтъ.
Иностранка вдова Сусанна Блюмеръ.	Письменнаго позволенія не имѣетъ, а словесно, по позволенію президента Рѣзваго, содержитъ.
Саксонскій уроженецъ Августъ Вицманъ.	1792 года іюля 12. По дозволенію бывшаго приказа общественнаго призрѣнія.
Во 2-й.	
Надворный совѣтникъ Иванъ Гендриксъ. Коллежскій секретарь Иванъ Шмитъ. Учитель Георгъ Рибель Іоганъ фонъ Фогель, профессоръ Зегельбахъ, Иванъ Кипримъ, Францаіо Папинье, Карлъ Лійкъ и профессорская жена вдова Софья Слунеръ.	На нѣмецкомъ Кирочномъ дворѣ въ главной школѣ учителями; дѣтей же имѣютъ на содержаніи по просьбамъ родителей ихъ. Привиллегіи жъ не имѣютъ.
Швейцарскій уроженецъ Петръ Вириде.	1795, октября 15 } Отъ бывшаго приказа общественнаго призрѣнія.
Французенка Маргарита Варвара Франціосъ (Françoise) Стеммеръ.	1794, марта 24 }
Саксонской націи Іоганъ Стельцеръ.	1798, іюня 20 }
Саксонской націи Іоганъ Крестьянъ Дуншъ.	По позволенію городскаго правленія камеральнаго департамента за подписаніемъ директора школъ Рѣзваго 1799 года, сентября 22.
Нѣмецкой націи Иванъ Лейтловъ.	1800 года, іюня 14. Городскаго правленія отъ камеральскаго департамента.
Голландскій уроженецъ Давидъ Сайрарданъ.	1795 года, февраля 20. По позволенію бывшаго приказа общественнаго призрѣнія.

Имена содержателей пансіоновъ.	Когда позволенія даны и за чьимъ подписаніемъ.
Капитанская дочь дѣвица Крестина Хельма.	Свидѣтельство имѣетъ не на пансіонъ, а на школу отъ камеральнаго департамента.
Умершаго часоваго мастера Минсподъ жена вдова Анна Минсподъ.	На произведеніе школы свидѣтельство камеральнаго департамента.
Курляндской націи Өедора Бертлинга.	Пансіонъ.
Въ 3-й.	
Здѣшняя купецкая дочь Елисавета Цизмеръ.	1786 года, по привиллегіи бывшаго приказа общественнаго призрѣнія.
Прусскій уроженецъ Карлъ Мейерингъ.	По позволенію камеральнаго департамента.
Маіорша вдова Марья Ричартъ.	По позволенію отъ бывшаго приказа общественнаго призрѣнія.
Придворный танцоръ Петръ Колонбусъ (Колумбусъ).	Привиллегіи никакой не имѣетъ.
Аббе, Николай, содержатель.	Привиллегіи не имѣетъ.
Коллежская асессорша Марөа Дмитріева.	По дозволенію камеральнаго департамента.
Въ Васильевской.	
Саксонскій уроженецъ Христіанъ Аменде.	По данной привиллегіи 1794 года отъ бывшаго губернатора Рылѣева.
Города Шлезвига уроженецъ Ефимъ Мейеръ.	1792 года, по позволенію губернатора Коновницына.
Умершаго конеулента Ивана Списи жена Наталья Иванова.	О привиллегіи подали прошеніе въ камеральный департаментъ.
9-го класса Сгакино.	
Учительница Өедора Фринкенъ.	Позволеніе отъ бывшаго губернатора Коновницына.
Агличанка Анна Демеръ.	Свидѣтельство камеральнаго департамента сего года іюня 2-го дня.
Катерина Краббе.	По привиллегіи бывшаго губернатора Коновницына.

Подписалъ: графъ фонъ-деръ-Паленъ.

№ 961.
Декабря 13 дня,
1800 года.

По разсказамъ современниковъ, перешедшимъ и въ народныя преданія, страдальческая жизнь императора Павла обиловала тѣми странными, загадочными явленіями, которыя до ихъ разгадки наукою мы называемъ «сверхъестественными». Баронесса Оберкирхъ передаетъ въ своихъ «Запискахъ» подлинный разсказъ великаго князя Павла о явленіи ему призрака Петра Великаго. Извѣстію о кончинѣ Екатерины II, полученному цесаревичемъ во время его поѣздки въ Ропшу, предшествовалъ сонъ, видѣнный имъ наканунѣ: «какая-то таинственная сила поднимала его высоко на воздухъ». Мысль о наименованіи новаго дворца «Михайловскимъ» была подана императору, какъ гласитъ преданіе, какимъ-то неизвѣстнымъ, явившимся къ нему старцемъ. Число буквъ надписи на фронтонѣ:

«Дому твоему подобаетъ святыня Господня въ долготу дней», соотвѣтствовала, какъ оказалось по событію, числу лѣтъ, прожитыхъ Павломъ I. Бродячій монахъ Авель, предсказывавшій кончину императрицы Екатерины II и нѣкоторыя другія событія въ Россіи (за что содержался и въ Петропавловской крѣпости, и Шлюссельбургѣ), обратилъ на себя вниманіе императора Павла. «Захотѣли говорить съ нимъ,—разсказываетъ Лубяновскій въ своихъ «Воспоминаніяхъ»,—спрашивали его о многомъ, изъ любопытства и о себѣ. При разсказѣ императора объ этомъ разговорѣ Аннѣ Петровнѣ Лопухиной, съ трепетомъ она зарыдала, испуганная и разстроенная».

Императоръ имѣлъ обыкновеніе въ зимнюю и весеннюю пору прогуливаться верхомъ по аллеямъ Лѣтняго сада; но въ началѣ 1801 года, онъ замѣнилъ Лѣтній садъ обширнымъ дворомъ Михайловскаго замка, который называли «третьимъ лѣтнимъ садомъ». «Во время одной изъ этихъ прогулокъ (разсказываетъ Н. А. Саблуковъ), за четыре, или пять дней до смерти императора (въ это время была оттепель), Павелъ вдругъ остановилъ свою лошадь и, обернувшись къ оберъ-шталмейстеру Муханову, ѣхавшему рядомъ съ императрицею, сказалъ взволнованнымъ голосомъ: «Я почувствовалъ, что задыхаюсь, и не могъ вздохнуть... мнѣ показалось, что я умираю». Мухановъ отвѣтилъ ему: «Государь, это, вѣроятно, дѣйствіе оттепели». Императоръ ничего не сказалъ, покачалъ головой; лицо его сдѣлалось очень задумчивымъ, и онъ не вымолвилъ болѣе ни одного слова, пока не вернулся въ замокъ. Этотъ случай былъ разсказанъ мнѣ въ тотъ же вечеръ Мухановымъ, который сказалъ мнѣ также, что онъ обѣдалъ при дворѣ и что императоръ имѣлъ видъ болѣе пасмурный, чѣмъ обыкновенно, и говорилъ менѣе»[1]).

10 марта, «государь ужиналъ въ половинѣ девятаго. Въ этотъ день въ кабинетѣ поставили три новыхъ зеркала. Государь ходилъ и шутилъ съ ужинавшими. «Какія мнѣ зеркала повѣсили! Куда ни посмотрю, все у меня лицо кривое, все на боку».—«C'est en attendant, vôtre Majésté?» («это покуда», «на время», «въ ожиданіи»)— отвѣчалъ Юсуповъ. За ужиномъ великій князь Александръ чихнулъ. Павелъ всталъ и сказалъ: «Que Dieu vous benisse, monsigneur!» («Да благословитъ васъ Богъ, ваше высочество»). Ужинъ, какъ обыкновенно, кончился въ половинѣ десятаго. Заведено было, что всѣ выходили въ другую комнату и прощались съ государемъ, который въ 10 часовъ бывалъ уже въ постели. Въ этотъ вечеръ онъ также вышелъ въ другую комнату, но ни съ кѣмъ не простился, и сказалъ только: «Чему быть, того не миновать!» [2]).

---

[1]) Изъ «Записокъ» Н. А. Саблукова, «Русскій Архивъ», 1869 г., № XI, стр. 1,932.

[2]) Разсказы князя С. М. Голицына, «Русскій Архивъ», 1869 г., № 4, стр. 633 — 634.

Въ ночь съ 10-го на 11-е марта, государь видѣлъ себя во снѣ лежащимъ подъ парчевымъ покровомъ, о чемъ по пробужденіи самъ разсказывалъ своей супругѣ. Утромъ, по высочайшему повелѣнію, П. Х. Обольяниновъ, въ дворцовой церкви приводилъ къ присягѣ великихъ князей Александра и Константина Павловичей, и вслѣдъ затѣмъ имъ обоимъ былъ объявленъ домашній арестъ [1]).

11 марта, въ часъ дня, слѣдовательно часовъ за двѣнадцать до его кончины,—говоритъ Коцебу въ своихъ «Запискахъ»,—«я видѣлъ императора Павла и говорилъ съ нимъ въ послѣдній разъ; онъ возвращался съ прогулки верхомъ съ графомъ Кутайсовымъ и былъ, повидимому, въ очень хорошемъ расположеніи духа. Встрѣтилъ я его на большой лѣстницѣ около самой статуи Клеопатры. Онъ, по обыкновенію, остановился и на этотъ разъ заговорилъ о статуѣ, стоявшей передъ нами. Онъ назвалъ ее прекрасною копіею, разсмотрѣлъ разные виды мрамора, входившіе въ составъ пьедестала, спросилъ у меня ихъ названія; переходя затѣмъ къ исторіи этой египетской царицы, онъ восхищался ея геройской смертію и улыбнулся, какъ мнѣ казалось, одобрительно, когда я замѣтилъ, что она бы себя не умертвила, если бы Августъ не пренебрегъ ея прелестями. Наконецъ, онъ спросилъ меня, подвинулось ли мое описаніе [2])? Я отвѣтилъ ему, что оно приближается къ концу, и онъ оставилъ меня, сказавъ мнѣ милостиво: «Напередъ радуюсь удовольствію его видѣть». Я слѣдилъ за нимъ глазами, пока онъ подымался по лѣстницѣ. Дошедши до верху, онъ обернулся ко мнѣ, оставшемуся внизу, и ни я, и ни онъ не подозрѣвали, что мы видѣлись въ послѣдній разъ. Со времени этого разговора эта статуя Клопатры сдѣлалась для меня знаменательною, и не разъ по смерти императора я съ умиленіемъ останавливался на этомъ мѣстѣ» [3]).

Между часомъ и пятью часами по полудни, государь посѣтилъ одинъ изъ институтовъ и возвратился домой въ наилучшемъ расположеніи духа; обратясь къ своей супругѣ, онъ сказалъ:

— Мой ангелъ, я привезъ бездѣлку, которая доставитъ вамъ удовольствіе.

— Какъ и все, что вы дѣлаете,—отвѣтила императрица.

Тогда государь досталъ изъ кармана чулки, связанные и вышитые воспитанницами института, управляемаго и покровительствуемаго императрицею [4]). Отъ нея онъ прошелъ на половину малолѣтнихъ своихъ дѣтей: великихъ князей Николая и Михаила и великой княгини Анны. Снявъ портупею, онъ прилегъ на ра-

---

[1]) «Записки» Саблукова, «Русскій Архивъ», стр. 1,936.

[2]) Описаніе Михайловскаго замка, которое Коцебу составлялъ, по порученію Павла.

[3]) «Русскій Архивъ», 1870 г., №№ 4 и 5, стр. 997—998.

[4]) Коцебу: «Достопамятный годъ моей жизни».

зостланный на полу коверъ съ набросанными на немъ подушками, игралъ, шутилъ съ дѣтьми, нѣжно цѣловалъ ихъ... Потомъ, приподнявшись, приставилъ столъ къ переднему углу комнаты и, вставъ на него, снялъ со стѣны небольшой образокъ; потомъ грустнымъ голосомъ произнесъ: «Аннушку»! Малютку подвели къ нему, онъ поцѣловалъ ее, перекрестилъ и надѣлъ на нее образокъ; послѣ того, задумчивый, вышелъ изъ дѣтской комнаты.

Въ три четверти десятаго часа вечера, Н. А. Саблуковъ чрезъ присланнаго фельдъегеря былъ позванъ въ Михайловскій замокъ, въ которомъ внутренній караулъ во дворцѣ занимали конногвардейцы подъ командою корнета Андреевскаго. Саблуковъ немедленно отправился во дворецъ и узналъ отъ Андреевскаго, что все обстоитъ благополучно.

«Въ шестнадцать минутъ одиннадцатаго,—разсказываетъ Саблуковъ [1]),—часовой крикнулъ: «къ ружью»!», и караулъ вышелъ и выстроился. Императоръ вышелъ въ башмакахъ и чулкахъ, ибо онъ шелъ съ ужина. Ему предшествовала любимая его собачка «Шпицъ», слѣдовалъ за нимъ Уваровъ, дежурный флигель-адъютантъ. Собачка подбѣжала ко мнѣ и стала ласкаться, хотя прежде того никогда меня не видала. Я отстранилъ ее шляпою, но она опять кинулась ко мнѣ съ ласками, и императоръ ударилъ ее шляпою, послѣ чего Шпицъ сѣлъ позади Павла на заднія лапки, не переставая пристально глядѣть на меня.

«Затѣмъ императоръ подошелъ ко мнѣ (я стоялъ шагахъ въ двухъ отъ караула) и сказалъ пофранцузски:

— «Вы—якобинцы.

«Нѣсколько оскорбленный этимъ, я отвѣтилъ: Да, государь!

«Онъ возразилъ: Не вы, а полкъ!

«На это я возразилъ: Пусть я таковъ, но на счетъ полка вы ошибаетесь [2]).

«Онъ отвѣтилъ порусски: А я лучше знаю: сводить караулъ!..

«Я скомандовалъ: «направо кругомъ, маршъ»! а корнетъ Андреевскій вывелъ караулъ и отправился съ нимъ домой. Собачка Шпицъ не шевелилась, но все время во всѣ глаза смотрѣла на меня. Затѣмъ императоръ заговорилъ порусски и сказалъ, что мы—якобинцы. Я противорѣчилъ ему и отвергъ истину этого обвиненія.

«Онъ возразилъ, какъ прежде, что онъ лучше знаетъ, и что онъ велѣлъ выслать полкъ изъ города и расквартировать его по деревнямъ, причемъ сказалъ мнѣ весьма милостиво: «Вашъ эскадронъ будетъ помѣщенъ въ Царскомъ Селѣ, два бригадъ-маіора бу-

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1869 г., № XI, стр. 1,937—1,939.

[2]) Vous-êtes des jacobins.—Oui, Sire.—Pas vous, mais le régiment.—Passe encore pour moi, mais vous vous trompez pour le régiment.

дуть сопровождать полкъ до седьмой версты; распорядитесь, чтобы онъ былъ готовъ утромъ въ четыре часа въ полномъ походномъ порядкѣ, въ дорожной амуниціи и съ поклажею». Затѣмъ, обращаясь къ двумъ унтеръ-лакеямъ, одѣтымъ въ гусарскую форму, но не вооруженнымъ, онъ сказалъ: «Вы же два займете этотъ постъ», указывая на дверь. Уваровъ все это время дѣлалъ гримасы и усмѣхался, а вѣрный Шпицъ, бѣдняжка, все время серьёзно смотрѣлъ на меня. Хотѣлось бы мнѣ знать, что̀ потомъ сталось съ бѣдною собакою? Императоръ затѣмъ поклонился мнѣ особенно милостиво и ушелъ въ свой кабинетъ»...

Во второмъ часу ночи императора Павла не стало.

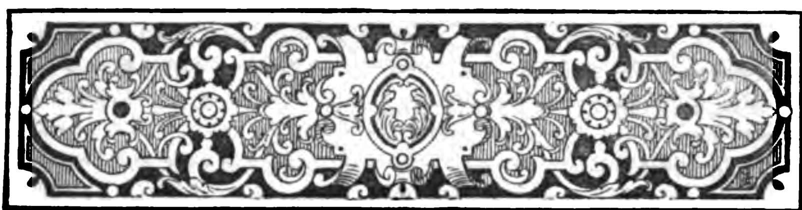
Ни одинъ изъ русскихъ поэтовъ того времени не почтилъ его памяти надгробною одою; по Петербургу распространились лишь французскіе стихи неизвѣстнаго автора (быть можетъ, кого либо изъ эмигрантовъ, облагодѣтельствованныхъ покойнымъ). Въ нихъ самая искренняя и правдивая оцѣнка характера Павла I.

«Его знали слишкомъ мало, онъ же никого не зналъ. Дѣятельный, всегда торопливый, кипучій, повелительный, любезный, обворожительный даже безъ вѣнца, онъ желалъ править одинъ, все видѣть, все дѣлать къ лучшему; создалъ много неблагодарныхъ и умеръ несчастнымъ» [1]).

Въ резиденціяхъ Павла Петровича въ бытность его цесаревичемъ, именно въ Гатчинѣ и въ Павловскѣ, воздвигнуты монументы; въ послѣднемъ же находится храмъ-кенотафъ, посвященный памяти царя-страдальца его супругою.

П. Каратыгинъ.

[1]) «On le connut trop peu, lui ne connut personne,
Actif, toujours pressé, bouillant, imperieux,
Aimable, séduisant, même sans la couronne,
Voulant gouverner seul, tout voir, tout faire mieux,
Il fit beaucoup d'ingrats et mourut malheureux»!



СОЛДАТЪ ВЪ РАЮ.

(Народный анекдотъ).

НАРОДНЫЕ анекдоты объ историческихъ лицахъ, какъ мнѣ кажется, помимо общаго интереса, имѣютъ и историческое значеніе. Въ «побаскахъ» и «былинкахъ» народъ высказываетъ свои воззрѣнія на то или другое, сохранившееся въ народной памяти, историческое лицо. Ужъ и то важно знать, какія историческія лица сохранились въ народной памяти, тогда какъ другія совершенно забыты народомъ, какъ будто и не бывало ихъ. Слѣдовательно, знать, кого помнитъ народъ, не можетъ быть безразлично для историка. Ему, кромѣ этого, необходимо знать и то, какъ помнитъ народъ данное историческое лицо, что къ нему пріурочиваетъ и какой стороной своего характера или своей дѣятельности запечатлѣлось оно въ народной памяти. Историкъ, разсказавъ о томъ или другомъ историческомъ лицѣ на основаніи документальныхъ данныхъ и сообщеній современниковъ изъ культурнаго слоя, долженъ сказать и о томъ, что̀ оставило по себѣ это историческое лицо въ народной памяти, что̀ говоритъ о немъ народъ въ своихъ преданіяхъ, хотя бы преданія эти были облечены въ чисто легендарную, сказочную форму. Темныя народныя массы имѣютъ неоспоримую чуткость относительно оцѣнки лицъ и событій.

Предлагаемый вниманію читателей «Историческаго Вѣстника», народный анекдотъ характеризуетъ то настроеніе духа, съ какимъ народъ встрѣтилъ воцареніе Александра I, а вмѣстѣ съ тѣмъ, кос-

венно даетъ понятіе и о томъ, какъ чувствовалъ себя народъ въ предшествовавшія царствованія. Радовался этому воцаренію народъ, радовался, по словамъ анекдота-преданія, такъ, «какъ будто послѣ столѣтняго запрета Пасху праздновать разрѣшили», а это что нибудь да значитъ. Въ радости за настоящее отражается взглядъ на прошедшее.

Характеризуетъ этотъ анекдотъ и личность Александра Павловича, какъ понималъ этого государя современный ему народъ, и что сохранилось о немъ, путемъ устныхъ преданій, въ памяти ближайшаго потомства. Объ этомъ государѣ, судя по пѣснямъ, сложеннымъ о немъ самимъ народомъ, и по устнымъ преданіямъ, принявшимъ легендарную форму, сохранилась память, какъ о человѣкѣ замѣчательно кроткомъ, ненавидящемъ всякое кровопролитіе, благоволившемъ къ простонародью, съ которымъ онъ не упускалъ случая входить въ непосредственныя сношенія. Такъ, есть анекдотъ (на сколько помню, напечатанный) о томъ, какъ Александръ Павловичъ, возвращаясь съ прогулки за городомъ, не объявивъ, кто онъ, попросилъ мужика довезти его до Петербурга, сѣлъ въ телѣгу и на вопросы: «Офицеръ ты, что ли?» отвѣчалъ: «Подымай выше».—«Полковникъ?» — «Подымай выше». — «Генералъ?» — «Подымай выше». — «Неужто царь?» — «Вотъ то-то оно и есть!» [1]) Кротость его, религіозность, отвращеніе отъ кровопролитія, но въ то же время и твердость духа, народъ характеризовалъ слѣдующей легендой, ходившей подъ названіемъ: «Сонъ царя Александра Павловича» [2]).

«Въ Москвѣ, послѣ того, какъ въ двѣнадцатомъ году былъ объявленъ манифестъ о войнѣ съ Бонапартомъ, Александръ Павловичъ, въ печальномъ настроеніи духа, легъ спать. Отъ печальныхъ мыслей долго не спалось ему. Однако, усталость взяла свое, и къ утру онъ уснулъ. Уснулъ и видитъ во снѣ, что явился ему Сергій Радонежскій.

— «Ты войну объявилъ Бонапарту?—спрашиваетъ святитель.

— «Да, объявилъ.

— «Ну, такъ пойдемъ, я покажу тебѣ, какая это война будетъ.

«Взялъ святитель Александра Павловича за руку и полетѣлъ съ нимъ по воздуху къ Смоленску. Что ни деревня на пути, то пожарище, что ни городъ, то развалины, что ни рѣчка, то вода въ ней красная отъ крови. А на поляхъ тѣла валяются и надъ ними стервятники и вороны вьются.

— «Вотъ сколько крови будетъ!—сказалъ святитель, указавъ на кровавыя рѣки.

---

[1]) Почти дословно такой же анекдотъ существуетъ и у нѣмцевъ о Фридрихѣ Великомъ.

[2]) Записано въ 1864 году въ селѣ Новосергіевскомъ, Бузулукскаго уѣзда, Самарской губерніи.

«А Александръ Павловичъ ему:

— «Если эдакія страсти будутъ, то замиренья стану просить. Всѣ мои богатства отдамъ, а замиренье у Бонапарта куплю.

«Воротились, перелетѣли на другую сторону Москвы и полетѣли вдоль Волги. Изъ береговъ выступила Волга, и вода въ ней чистая, какъ слёзка.

— «Это народъ наплачетъ столько слезъ, что и Волга не вмѣститъ! — сказалъ святитель.

«А Александръ Павловичъ ему:

— «Если будетъ такъ, то себя продамъ, а замиренье у Бонапарта куплю.

«Опять воротились въ Москву. Летятъ мимо церквей: не молебны въ нихъ слышатся, а пѣсни иноязычныя, пьянственныя и лошадиное ржанье. Въ Кремль прилетѣли, надъ Успенскимъ соборомъ остановились, а въ немъ еще пуще иноязычныя пьянственныя пѣсни слышатся, еще больше лошадей ржетъ. Лошади, вмѣсто попонъ, ризами священнослужительскими одѣты; посреди храма костеръ, а въ немъ не дрова горятъ, но иконы, тесаками расколотыя; въ церковной утвари всякія непотребства чинятъ.

— «Не бывать замиренью! — воскликнулъ Александръ Павловичъ. — Коли изъ этихъ мѣстъ Бонапартъ меня вытѣснитъ, такъ въ Сибирь уйду, въ мужичью сермягу одѣнусь, по поясъ бороду отрощу, черствымъ хлѣбомъ буду питаться, а съ Бонапартомъ буду воевать до тѣхъ поръ, пока не сломлю его.

— «Будь надъ тобой Божье благословенье! — сказалъ святитель и сдѣлался невидимъ».

Анекдотовъ и преданій объ Александрѣ Павловичѣ и до сихъ поръ много сохранилось въ народѣ; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ происхожденіе, позаимствованное изъ преданій о другихъ государяхъ, даже иностранныхъ, и принорowлены къ тому государю, который слыветъ въ народной памяти подъ именемъ «добраго». Смерть этого государя тоже произвела на народъ весьма сильное впечатлѣніе, что̀ доказывается извѣстной народной пѣсней, не вышедшей изъ употребленія и до сихъ поръ (по крайней мѣрѣ, въ Бугульминскомъ уѣздѣ, Самарской губерніи, приходилось мнѣ ее слышать на этихъ годахъ):

«Какъ поѣхалъ царь Лександра
Свою армію смотрѣть,
Обѣщался царь Лександра
Къ Рождеству домой прибыть».

Далѣе въ этой пѣснѣ разсказывается, какъ онъ внезапно скончался въ Таганрогѣ, и какъ съ извѣстіемъ о его кончинѣ прискакалъ гонецъ въ Петербургъ. Однимъ словомъ, народъ отмѣтилъ въ своей памяти и то, какъ вступилъ Александръ I на престолъ, и то, какъ онъ съ Бонапартомъ воевалъ, и какъ царствовалъ, и какъ умеръ.

На сколько грознымъ, богатырски мощнымъ живетъ въ народной памяти Петръ Великій, побѣдившій шведа и основавшій «славный городъ Петербургъ», на столько кроткимъ, но стойкимъ въ дѣлѣ огражденія государства отъ вторженія иноземцевъ помнится народу и Александръ I, при которомъ, сожженная французами, возродилась изъ пепла Москва и который «самого Бонапарта побѣдилъ». Двѣнадцатый годъ народъ называетъ «раззореннымъ годомъ». Памятенъ этотъ годъ народу и потому, какой «раззоръ» былъ тогда, внесенный въ Россію «двунадесятью языкъ», и потому, какъ проявилась народная мощь, сломившая страшнаго врага, отплатившая за раззореніе Москвы взятіемъ Парижа. Врѣзался этотъ годъ въ народную память неизгладимо, и народная фантазія, мѣшая были съ небылицами, создала своего рода эпопею какъ объ «раззоренномъ годѣ», такъ о царствованіи и личности Александра Павловича.

Повторяю, разсказовъ объ этомъ государѣ и до сихъ поръ еще немало сохранилось въ народѣ, какъ немало ходитъ разсказовъ о Николаѣ Павловичѣ и о Александрѣ Николаевичѣ. Остается пожалѣть, что на собираніе этихъ разсказовъ до сихъ поръ не было обращено должнаго вниманія, хотя они, помимо интереса, вообще представляемаго творчествомъ народной фантазіи, не лишены и историческаго значенія. Кое-что по этой части и появлялось въ печати, но это—капля изъ цѣлаго моря народныхъ сказаній.

Въ ряду народныхъ разсказовъ, ставшихъ достояніемъ печати, имѣетъ, какъ мнѣ кажется, общій и историческій интересъ и предлагаемый мною народный анекдотъ о времени коронаціи Александра Павловича.

Анекдотъ этотъ лѣтъ тридцать тому назадъ былъ еще очень распространеннымъ народнымъ анекдотомъ. Мнѣ его приходилось слышать нѣсколько разъ, въ различныхъ губерніяхъ, а именно: въ Самарской, Уфимской и Казанской. Разсказчиками были преимущественно старые солдаты, участвовавшіе въ войнѣ двѣнадцатаго года. Сущность разсказа всегда оставалась неизмѣнной, но въ подробностяхъ были варіанты, происхожденіе которыхъ, прежде всего, нужно отнести къ личнымъ особенностямъ каждаго разсказчика, къ большему или меньшему умѣнью разсказывать, къ большей или меньшей способности запоминать слышанное, чтобы потомъ разсказывать другимъ. Кромѣ сущности, у всѣхъ слышанныхъ мною разсказчиковъ, оставался неизмѣннымъ и самый тонъ анекдота, всегда юмористическій.

Въ первый разъ я услыхалъ этотъ анекдотъ въ концѣ 50-хъ годовъ, въ городѣ Бугульмѣ, Самарской губ., отъ отставнаго солдата съ медалью за взятіе Парижа, стараго-престараго и сѣдаго какъ лунь, по фамиліи—Пчеловъ. Онъ былъ единственнымъ брадобрѣемъ и стригачемъ въ городѣ, исполняя эти операціи въ до-

махъ своихъ кліентовъ. Разсказчикомъ онъ былъ не изъ завидныхъ, но за то разсказывалъ этотъ анекдотъ, какъ несомнѣнную быль. Когда я спросилъ его: «Да правда ли это?»—онъ убѣжденно сказалъ: «Еще бы! Во всей арміи не только солдаты, но и офицеры объ этомъ говорили».

Записанъ мною этотъ анекдотъ со словъ отличнаго разсказчика, повара, бывшаго крѣпостнымъ и отпущеннаго на волю до освобожденія крестьянъ. Звали его «Орелъ». Это не фамилія ему была, а приватное прозвище, данное ему за то, что онъ про всякаго человѣка, котораго желалъ похвалить, говорилъ: «аррелъ»! Это былъ съ очень интеллигентной наружностью, гладко выбритый, дородный и крупнаго роста старикъ. Лицо у него было замѣчательно умное, съ нѣсколько насмѣшливымъ выраженіемъ. По внѣшности онъ походилъ на упитаннаго, добродушнаго нѣмца. Крѣпко придерживался чарочки. Съ своимъ бариномъ (кто у него былъ баринъ,—теперь не вспомню) исколесилъ онъ всю Европу. Неграмотенъ былъ абсолютно, но имѣлъ громадную память и неподражаемо хорошо декламировалъ стихи. Жуковскаго онъ, должно быть, зналъ наизусть всего. Любимой его поэмой былъ «Громобой». Онъ ее такъ мастерски «говорилъ» (нельзя же про неграмотнаго человѣка сказать: читалъ), что у насъ, у юныхъ тогда слушателей, духъ захватывало и волосы становились дыбомъ. Въ такой прекрасной декламаціи я ни отъ кого не слыхалъ этой поэмы, какъ отъ «Орла».

Вотъ онъ-то мнѣ, въ 1861 или 1862 году, въ Бугульмѣ же, и разсказалъ, уже прежде того нѣсколько разъ слышанный мною, народный анекдотъ: «Солдатъ въ раю», да такъ разсказалъ, что я пришелъ въ восторгъ и немедленно набросалъ разсказъ на бумагѣ. Того неподражаемаго юмора, съ какимъ разсказывалъ «Орелъ», мнѣ—сознаюсь—и въ слабой степени не удалось передать. Я спросилъ «Орла»: «Гдѣ и отъ кого ты это слышалъ»? Онъ мнѣ отвѣтилъ: «Это старинный разсказъ, а слышалъ я его въ разныхъ мѣстахъ».

Самая веселая коронація на Руси была коронація Александра Павловича. Разпьянствовалась тогда Москва такъ, что въ цѣлый мѣсяцъ отрезвиться не могла. Радость въ народѣ была неописанная. Шло такое ликованіе, какъ будто послѣ столѣтняго запрета вдругъ Пасху праздновать разрѣшили. Прямо можно сказать, что прежде того въ Москвѣ никогда не было такого веселья. И веселье это происходило въ народѣ столь благородно, что, по случаю отсутствія безпорядковъ, полиціи и патрульнымъ ничего инаго дѣлать не оставалось, какъ подбирать съ улицъ людей, съ ногъ сшибленныхъ «Ивашкой Хмѣльницкимъ». А такихъ-то, пострадавшихъ отъ «Ивашки Хмѣльницкаго», было несчетное количество. Ими улицы были усѣяны, какъ въ урожайный годъ хоро-

шая бахча огурцами. Государь это зналъ и отдалъ строжайшее приказаніе, чтобы пьянымъ не дѣлали никакого другаго безпокойства, кромѣ уборки съ средины улицъ туда, гдѣ безопасно отъ проѣзжающихъ. А впрочемъ, и само полицейское начальство видѣло, что забирать въ кутузки валявшихся пьяныхъ—немыслимо: для нихъ не только кутузокъ при полицейскихъ частяхъ, но и всѣхъ солдатскихъ въ Москвѣ казармъ не хватило бы.

И войскамъ дана была свобода веселиться. Только по очереди: одинъ полкъ пусть будетъ сегодня пьянымъ, а другой долженъ патрульную службу отправлять, т. е. подбирать пьяныхъ. Но если говорить правду, то частенько было видать, что и патрульные не очень твердо на ногахъ стояли. Въ другое время имъ за это, разумѣется, не миновать бы бѣды, но тутъ только смѣялись всѣ да шутки шутили. Ѣдетъ какое нибудь начальство, даже и изъ большихъ, и видитъ, что цѣлый патруль копошится надъ однимъ пьянымъ и, будучи самъ только чуточку трезвѣе, ничего съ нимъ подѣлать не можетъ, а только носами въ землю тычется; посмѣется этому начальство въ полное свое удовольствіе и велитъ кучеру ѣхать дальше. Вотъ какіе были тогда денёчки! У самыхъ сердитыхъ людей и то всякій гнѣвъ пропадалъ...

Какъ слыхать было въ народѣ, у государя во дворцѣ тоже шло большое веселье. Прежде веселились съ церемоніями, а потомъ какъ Богъ на душу положитъ. Ужъ извѣстное дѣло: коль народъ веселъ и счастливъ, такъ царь—вдвое того.

Веселился въ эту пору народъ кто во что гораздъ, и всего искалъ такого, что посмѣшнѣе. Пробрался народный смѣхъ и подъ царскую кровлю: такой-то звонкій хохотъ стоитъ во дворцѣ, что всѣ, только и знай, что за животики хватаются. Видятъ изъ дворца, что солдатъ идетъ, какъ стелька пьяный, а все бравымъ быть старается и силится сдѣлать фронтъ,—во дворцѣ хохотъ; видятъ, что мужиченко какой нибудь, совсѣмъ плюгавенькій, пьянымъ манеромъ шагнетъ шага три стремительно впередъ, потомъ, почти на столько же, попятится назадъ, остановится и раскачивается на всѣ четыре стороны, а у самого рожа удовольствіемъ, какъ масломъ, смазана,—во дворцѣ хохотъ. А ежели при этомъ да кто нибудь изъ придворныхъ сморозитъ что нибудь, то хохотъ, какъ громъ, перекатывается изъ одного покоя въ другой и доходитъ до самой кухни, гдѣ и заканчиваютъ его судомойки съ поварятами. Истинно можно сказать, что въ коронацію Александра Павловича даже у покойниковъ счастливая улыбка съ лицъ не сходила. Оно и немудрено: въ тѣ дни бо́льшая часть умершихъ была съ полугаромъ въ желудкѣ...

Въ самый разгаръ народнаго веселья, этакъ на 4-й или 5-й де́нь послѣ коронаціи, вечеромъ, когда зажгли иллюминацію, государю вздумалось прокатиться по городу и показать своимъ го-

стямъ, иностраннымъ королямъ и принцамъ, свой народъ, когда тотъ бываетъ, что называется, нараспашку. Какъ только усѣлись въ экипажи, государь своему кучеру приказалъ: «Вози по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ народу больше»! Поѣхали. Ѣдутъ шагомъ, чтобы — кой грѣхъ — не причинить кому нибудь увѣчья: ужъ очень пьяныхъ-то много, не считая подвыпившихъ. Такими пьяными, которые съ ногъ свалились, чуть не сплошь всѣ тротуары устланы, а такихъ, которые пошатываются да ногами кренделя рисуютъ, и сосчитать нельзя. Пожалуй, можно сказать, что въ этотъ вечеръ вся Москва нетвердо стояла на ногахъ. Иной разъ, когда народъ бываетъ поголовно пьянъ, смотрѣть на него и не брезгливому тошно; а тутъ какъ-то, отъ всеобщей радости, такъ все хорошо наладилось, что только одно смѣшное видится да веселость разбираетъ. Смѣшно и государю съ его гостями, иностранными королями и принцами. Ѣздятъ себѣ по Бѣлокаменной, глядятъ на все свѣтлымъ окомъ и посмѣиваются въ полное свое удовольствіе. Коли гдѣ народъ узнавалъ государя, принимался кричать: ура! Но, сказать по правдѣ, съ пьяныхъ-то глазъ его не вездѣ узнавали, а потому крикомъ этимъ неособенно много безпокоили. Государь былъ тому очень радъ, потому что на этотъ разъ у него и намѣреніе было такое, чтобы въ народѣ его замѣчали какъ можно меньше. Да ужъ за первые четыре дня и народъ-то совсѣмъ охрипъ, выкрикивая это ура! безъ всякаго къ себѣ милосердія.

Поворотилъ государевъ кучеръ въ проулокъ, чтобы проѣхать съ одной улицы на другую, а въ проулкѣ-то этомъ, почитай-что во всю ширину его, растянулся пьяный солдатъ и спитъ себѣ преспокойно да похрапываетъ. Окрикнули, но его и пушкой не добудишься. Пришлось остановиться поневолѣ. Взглянули на этого солдата государь, иностранные короли и принцы, да такъ и разразились самымъ веселымъ смѣхомъ. Такая у солдата непринужденность въ фигурѣ и такъ-то онъ свободно да удобно раскинулся въ проулкѣ, что лучше и выдумать нельзя. Важный баринъ на пуховикѣ, да и на поди! Руки наотмашь, ноги врозь, а небритымъ рыломъ кверху, словно звѣзды считаетъ. И на лицѣ у него такое удовольствіе прописано, словно онъ, шельмецъ, райскіе сны видитъ. Притомъ же и лицо-то у него не изъ простецкихъ, а такое, шута гороховаго, на которое безъ смѣху едва ли можно смотрѣть и тогда, когда онъ даже въ трезвомъ видѣ. Съ этакими лицами завзятые балагурщики бываютъ. Во всемъ прочемъ видать, что старый служака, въ котораго солдатская муштровка въѣдалась лѣтъ двадцать.

Смѣются государь, иностранные короли и принцы, а государевъ кучеръ и говоритъ: «Это, ваше величество, не кто иной, какъ ротный Надорви-животикъ». — «А это что такое значитъ?» — «Это, значитъ, такой солдатъ, съ которымъ ротѣ никогда не бы-

ваетъ скучно». Государь подумалъ съ минутку времени и распорядился, чтобы этого «Надорви-животика» доставили немедленно во дворецъ, и чтобы доставили бережно, безъ всякой обиды, а не такъ, какъ подъ арестъ берутъ. Потомъ государь пошепталъ что-то одному изъ приближенныхъ, который, по своему веселому нраву, былъ тоже, въ нѣкоторомъ родѣ, «надорви-животикъ»; тотъ улыбнулся и выскочилъ изъ экипажа, чтобы исполнять государево приказаніе. Стали было иностранные короли и принцы спрашивать государя, что такое съ солдатомъ будетъ, но государь сказалъ: «Это покамѣстъ секретъ», и велѣлъ кучеру ѣхать во дворецъ.

Когда государь во дворецъ возвратился, солдатъ ужъ былъ туда доставленъ. Его, соннаго, переодѣли въ хорошее бѣлье и положили на постель въ такой комнатѣ, въ которой было множество цвѣтущихъ деревьевъ, птицъ поющихъ, рыбъ, плавающихъ въ стеклянныхъ водоемахъ съ фонтанами. Стѣны этой комнаты были зеркальныя и притомъ такого устройства, что сквозь нихъ можно видѣть все изъ сосѣднихъ комнатъ, а изъ нея туда—ничего. Положили здѣсь солдатика и стали ждать, когда онъ проснется.

Проснулся онъ ужъ поздно утромъ, въ то самое время, когда государь, иностранные короли и принцы чай кушали. А чай-то на этотъ разъ приказалъ государь подать въ комнатѣ рядомъ съ той, гдѣ былъ солдатъ. Вотъ онъ проснулся, поворочался съ боку на бокъ, похрюкалъ съ просонковъ-то и открылъ глаза. Открылъ, да сейчасъ же и захлопнулъ ихъ, словно чего-то испугался. Съ минуту повременилъ и опять взглянулъ, но сейчасъ же опять и зажмурился. Пошевелилъ рукой: дескать, въ чувствіи ли я? Ничего: рука слушается, значитъ въ чувствіи. Ногами пошевелить попробовалъ—слушаются; ущипнулъ себѣ носъ—больно, какъ живому. А между тѣмъ слышится ему нѣчто такое, что онъ только въ сказкахъ слыхивалъ: райскія птички щебечутъ, фонтанчики журчатъ и тихая-тихая наигрываетъ музыка, словно убаюкиваетъ. Вдохнулъ въ себя носомъ воздуху—пахнетъ совсѣмъ непривычно, т. е. не казармой и не кабакомъ, а точь-вточь какъ отъ офицерской свадьбы, когда она въ церковь ѣдетъ. Все это на служиваго такъ подѣйствовало, что онъ совсѣмъ струсилъ, и еще разъ открыть глаза, видимо, боится. Однако же, по времени, превозмогъ себя, открылъ, да такъ и замеръ въ удивленіи. Теперь ежели бы и закрыть хотѣлъ, такъ не смогъ бы: они, глаза-то, у него чуть-чуть изъ своихъ мѣстъ не повыскакали. Глядѣлъ—глядѣлъ и простоналъ:

— Господи! гдѣ это я?

А ему нѣжнымъ голосомъ отвѣтъ неизвѣстно откуда слышится:

— Въ раю, служивый.

Солдатъ совсѣмъ оторопѣлъ и даже на цѣлую минуту дышать перестадъ. Лежитъ и не шелохнется. Только густо нафабренными усами шевелитъ непроизвольно, какъ таракнъ перепуганный.

А тихая музыка все наигрываетъ, птички щебечутъ, рыбки въ водоемахъ плещутся, фонтанчики журчатъ. Переждалъ солдатъ довольно времени и опять простоналъ:

— Владычица и чудотворцы, что это со мною?

Въ отвѣтъ ему опять тотъ же нѣжный голосъ:

— Съ тобою, служба, Господня милость: перемѣна земной твоей жизни на райскую. Ты теперь, служба, у Господа-Бога въ раю находишься.

Солдатъ прослезился. Отеръ слезинки кулакомъ и говоритъ:

— Такъ, значитъ, того я... къ примѣру сказать, скончался?

— Въ полной мѣрѣ, господинъ служивый. Преставился. Одного жаль: не совсѣмъ такъ ты преставился, какъ христіанину подобаетъ. На счетъ этого грѣшокъ за тобою числится.

— Помню! Все помню! Радость у насъ, братецъ ты мой, на землѣ-то ужъ очень обширная была, ну, я и хватилъ два-три стакашка лишнихъ... И, всетаки, въ раю, ты говоришь?

— Въ раю, служивый, въ раю. Только на сокращенномъ положеніи: такъ какъ жизнь свою ты кончилъ хмѣльнымъ манеромъ, то быть тебѣ десять тысячъ лѣтъ вотъ въ этомъ самомъ упокоѣ подъ арестомъ.

— Такъ. И подѣломъ мнѣ: чаркой я зашибался шибко. Ну, а потомъ что?

— Потомъ получишь прощеніе и будешь пользоваться всѣми райскими обителями, имъ же нѣсть числа.

— О, Господи, Господи!—промолвилъ солдатъ умиленно и задумался. О чемъ думалъ,—неизвѣстно, а только видать было, что опять слеза его прошибаетъ. Еще было видать, что похмѣлье его очень мучаетъ, такъ что онъ то и дѣло сталъ похватываться за голову и страдальчески морщить лицо. Думалъ—думалъ и молвилъ какъ бы про себя:

— Такъ ли, сякъ ли, а, всетаки, въ раю. За что ко мнѣ, грѣшному, милость Господня?

— За вѣрную службу царю и отечеству,—слышится въ отвѣтъ ему.—Еще то ли бы было, служивый, если бы ты кончину свою инымъ манеромъ принялъ, и попалъ сюда не черезъ кабацкія, а черезъ церковныя двери! Вѣдь если бы ты мужикомъ былъ, а не солдатомъ, то за такую кончину и вовсе не сдобровать бы тебѣ! Молился ты плохо, но служилъ хорошо,—вотъ это-то и зачислено тебѣ здѣсь во оставленіе грѣха твоего.

— О, Господи, Господи! Праведенъ Ты воистину,—молвилъ солдатъ со вздохомъ:—на землѣ солдату такъ плохо, что и въ раю-то онъ, бѣдный, нескоро отдышется! Лишнюю чарку водки, дѣйствительно, нельзя ставить солдату въ тяжкій грѣхъ. Ломаютъ ломаютъ солдата-то! Трещатъ у него, бѣднаго, и скулы, и зубы,

отъ служебныхъ строгостей, такъ по неволѣ всласть будетъ, если потрещитъ немного и голова съ похмѣлья.

— Это, служивый, вѣрно.

— Еще бы не вѣрно! Но... вотъ въ чемъ скверность: хоть и въ раю я, а съ земнаго похмѣлья голова у меня трещать не перестаетъ. До тошнóты, чтобы ей пусто было, трещитъ! Вотъ какъ трещитъ: дай ты мнѣ волю, такъ я, чтобы опохмѣлиться, смѣнялъ бы эту райскую обитель на самый скверный кабачишко!..

— Согрѣшаешь, служба.

— Да-а! Хорошо тебѣ говорить! Ты, видно, пьянымъ-то никогда не бывалъ, а потому и похмѣльной боли не знаешь!

— Не знаю. Хоть бы и хотѣлъ узнать, такъ не могу.

— Почему такъ?

— Потому что образъ человѣческій ношу, а тѣла не имѣю.

— Да ты кто такой?

— Твой ангелъ-хранитель.

Солдатъ былъ такъ пораженъ этимъ, что приподнялся на локти и не зналъ, что съ собою дѣлать. Очевидно было, что онъ размышлялъ: его теперешнее начальство этотъ ангелъ-хранитель, или нѣтъ? А тотъ продолжаетъ:

— Да, я твой ангелъ-хранитель, служба, и ты можешь звать меня къ себѣ, когда угодно.

— И видѣть могу тебя?

— Сколько хочешь.

— Такъ покажись, сдѣлай милость. Нечистую силу съ перепоя мнѣ часто приходилось видѣть, а ангеловъ — никогда. Покажись, Христа-ради! Но только вотъ что впередъ скажи: начальство ты мнѣ, или не начальство?

— Пожалуй, и начальство, но такое же, какъ, примѣрно сказать, фельдшеръ въ лазаретѣ.

— Ну, это, значитъ, не Богъ вѣсть какая птица. Покажись!

Распахнулась неслышно невидимая дверь, и ангелъ явился. Онъ былъ, какъ и слѣдуетъ быть ангелу: съ крыльями, въ бѣломъ одѣяніи, красивый лицомъ, безусый и безбородый.

Появился ангелъ и сдѣлалъ фронтъ не хуже муштрованнаго кадета.

Полюбовался солдатъ ангеломъ и воскликнулъ:

— Чудеса! Ей-Богу, право, чудеса! Какъ на картинкѣ!.. Вотъ одного только въ толкъ не возьму: про рай на землѣ поютъ, что въ немъ «нѣсть болѣзни, ни воздыханія», а между тѣмъ голова у меня трещитъ, хоть обручи на нее набивай. И во рту такъ пакостно, что хорошимъ словомъ даже выразить нельзя. До тошноты пакостно, чтобы черти меня побрали!

— Прибавь, служивый: Господи прости! прибавь, пожалуйста, — взмолился ангелъ-хранитель, выразивъ лицомъ ужасъ.

— А что?

— Какъ, что? Ты вѣдь кого помянулъ?

— Знаю — кого. Помянулъ, такъ помянулъ. Плевать!

— Ахъ, служба, служба! Въ раю, братецъ ты мой, такъ не говорятъ.

— Еще и не этакъ заговоришь, какъ голова-то лопнуть хочетъ! Рай, рай, а съ души отъ земнаго похмѣлья тянетъ такъ, что вотъ только чистоту здѣшнюю нарушить стыдно, а то бы...

— А ты, всетаки, оговорись, служивый! пожалуйста, оговорись! Ну, что тебѣ стоитъ сказать: Господи, прости?

— Не хочу!.. Тошнитъ!.. Вотъ рыгнулъ я: слышишь, чѣмъ пахнетъ?

— Да я ужъ лучше опохмѣлю тебя рюмочкой, только исполни мою просьбу: оговорись!

Солдатъ встрепенулся. Быстро сѣлъ онъ на койкѣ и уставилъ на ангела глаза такъ, словно впился ими въ него.

— Ой-ли? — спросилъ онъ недовѣрчиво.

— Вѣрно. Ангелы зря говорить не могутъ.

Тутъ сдѣлалъ солдатъ лицо такое скорбное, какое только могъ, и началъ молить:

— Сдѣлай такую милость, ангелъ-хранитель! Только рюмочку, ангелъ-хранитель! Хоть малюсенькую! Хоть съ наперсточекъ, да поскорѣй только! Вѣрь — не вѣрь, а другая мнѣ смерть приходитъ!..

— Ну, а на счетъ оговорки-то какъ?

— Да сколько хошь! Да съ моимъ великимъ удовольствіемъ! Вотъ тебѣ разъ: Господи прости! Вотъ тебѣ два: Господи прости! вотъ тебѣ три...

Ангелъ скрылся. Солдатъ, все съ тѣмъ же скорбнымъ выраженіемъ на лицѣ, такъ и замеръ въ ожиданіи. Кабы не шевелилъ своими нафабренными усами, такъ и на живаго не походилъ бы, а на окаменѣвшаго. Но вотъ невидимая дверь опять неслышно отворилась, — глядь, а передъ солдатомъ стоитъ ангелъ-хранитель съ серебрянымъ подносомъ въ рукахъ, и на подносѣ — крошечная рюмочка съ водкой.

— А-ахъ ты, благодѣтель мой! — заговорилъ солдатъ, протягивая къ рюмкѣ обѣ руки: — руки-то, руки-то какъ дрожатъ, чтобъ имъ пусто было! И на землѣ немного разъ случалось мнѣ такъ мучиться съ перепоя, хотя приходилось пивать до того, что водой отливали.

Выпивъ, онъ, по обыкновенію хорошихъ водкохлёбовъ, крякнулъ, посмаковалъ звучно и, какъ знатокъ, замѣтилъ:

— Водка воистину райская. Прямо можно сказать, на землѣ и послѣ царскихъ смотровъ такой не даютъ. Да!..

Черезъ минуту ангелъ спросилъ его:

— Ну, что, служивый, какъ теперь?

— Да какъ тебѣ сказать? Ужъ очень порція-то скаредная. Что пилъ, что нѣтъ — все единственно. И думаю я теперь, братецъ ты мой... знаешь объ чемъ?

— Объ чемъ?

— Думаю и разсуждаю я такъ: коли нашлась въ раю одна маленькая рюмочка водки, такъ можетъ найдтись и другая, которая и пошире, и повыше будетъ.

— Найдтись-то когда не найдется, да только...

— Въ чемъ дѣло?

— Причина нужна.

— Причина, ты говоришь? За причиной ходить недалеко: чертыхнусь опять, — вотъ тебѣ и причина! У меня, братъ, за этимъ дѣло не станетъ. Ежели на счетъ нехорошихъ словъ, такъ едва ли во всей арміи другой такой отыщется, каковъ я. Съ этой стороны ты меня и не трогай лучше!..

Ангелъ скрылся ненадолго и воротился опять съ серебрянымъ подносомъ въ рукахъ, на которомъ стояла рюмка покрупнѣе первой.

— Ну, вотъ, спасибо! — промолвилъ солдатъ, выпивъ водку однимъ глоткомъ. — Вотъ теперь хорошо! Полегчало! Кабы еще теперь на закуску чего нибудь подходящаго — огурчика солененькаго, если бы капустки кисленькой, такъ оно и того, воистину райское блаженство вкусилъ бы.

— Этого въ раю не полагается: здѣсь все только такое, отъ чего нѣтъ противнаго запаха.

— На чей скусъ. Ежели на мой, такъ лучше соленой капусты только сельдь астраханскій пахнетъ.

— Не спорю. Но здѣсь на все свои порядки.

— Порядки порядкамъ — рознь. Ваши не изъ ахтительныхъ, на счетъ этого. Даже и очень не изъ ахтительныхъ. Вотъ порядокъ: коли гдѣ водка есть, тамъ солененькое съ кисленькимъ и на закуску должно быть. На землѣ эта статья устроена не въ примѣръ лучше... Кстати, если ужъ о землѣ рѣчь зашла: не знаешь ли ты, голубчикъ-ангелъ, что тамъ теперь дѣлается?

— Да все то же покамѣстъ.

— Пьютъ?

— То пьютъ, то опохмѣляются.

— Резонтъ. Ну, а нашъ-то полкъ... караулы держитъ сегодня, въ патруляхъ ходитъ, или на праздничномъ положеніи?

— Сказать по правдѣ, такъ сегодня весь твой полкъ лыка не вяжетъ. Пьянъ, какъ стелька, если не хуже того.

— Ой ли? Ахъ, чтобъ... пусто ему было! — оживился солдатъ. — А я-то что? Развѣ я въ своемъ полѣ обсѣвокъ? Ужъ какъ-никакъ, ангелъ-хранитель, а третью поднеси. Ужъ это ты, братъ, сдѣлай милость. Мнѣ обидно. Я, братъ, своему государю тоже слуга былъ. Я, можетъ, за него, за государя моего, и пострадалъ, попавши въ

это мѣсто. Ужъ ты, братъ, того... не огорчай меня! Тѣ-то двѣ рюмочки я съ похмѣлья пилъ, а третью—за государя императора хочу.

— Ладно. Что съ тобой дѣлать!—сказалъ ангелъ и пошелъ за водкой. А солдатъ вслѣдъ ему:

— Да ты ужъ теперь не рюмочку, а стаканчикъ! Да и стаканчикъ-то чтобы не вовсе маленькій былъ, а какъ слѣдуетъ!

— Ладно, ладно...

Остался солдатъ одинъ, лежитъ и улыбается, а самъ все на то мѣсто посматриваетъ, гдѣ появляется ангелъ: ждетъ. Потомъ позѣвнулъ въ полное свое удовольствіе, перекрестилъ себѣ ротъ и вымолвилъ:—На счетъ водки въ раю хорошо: трехпробная! А все жъ не во время шутъ меня дернулъ окачуриться. Надо бы сдѣлать такъ: покончить коронацію до самаго послѣдняго ея дня, а потомъ и ноги протянуть. Безъ разсчету сдѣлалъ!..

Воротился ангелъ, и на подносѣ у него былъ очень и очень изрядный стаканчикъ: пожалуй, и шкаликомъ не наполнишь. Глаза у солдата заблестѣли и по лицу разлилась счастливая улыбка. Всталъ онъ съ койки, взялъ водку и хотѣлъ сдѣлать фронтъ и что-то провозгласить; глядь, а на немъ только бѣлье одно. Осматриваетъ себя растерянно и не знаетъ, что дѣлать. Вздохнулъ и сказалъ:

— Господу Богу извѣстно, за чье здоровье пью; но, не будучи въ амуниціи, имени государя моего упоминать не смѣю. Посторонись, душа: фельдфебель шествуетъ!

Выпилъ и снова легъ на койку. Только ужъ спокойно лежать не могъ, потому что водка свое дѣло сдѣлала и приободрила его, и язычекъ ему еще больше развязала. Разсмѣялся и говоритъ:

— Кабы знали на землѣ, что въ раю водка есть, то отъ охотниковъ попасть сюда не отбился бы. А то твердятъ: рай, рай, а что за штука—рай, никто доподлинно не знаетъ. Вѣдь и глупъ же народъ, не догадается: потому онъ и рай, что въ немъ водка есть! Если нѣтъ здѣсь солененькаго да кисленькаго на закуску, такъ это еще не большая бѣда: можно пріучить себя собственнымъ своимъ языкомъ закусывать. Что касается меня, такъ я и на землѣ не разъ пивалъ безъ всякихъ закусокъ. Это только новобранцамъ да прапорщикамъ страшно, а старымъ служакамъ—плевое дѣло. Не такъ ли, голубчикъ-ангелъ?

— Не знаю, служба, не испытывалъ.

— Жалѣю тебя и совѣтую, если можешь, испытать. А теперь, другъ сердечный, вотъ что я тебѣ скажу. За здоровье государя императора я долженъ выпить безпремѣнно. Что не въ амуниціи я, это—дѣло здѣшняго начальства. У васъ здѣсь другой амуниціи, кромѣ больничной, нѣтъ, ну, и не надо: въ ваши распорядки я вмѣшиваться не стану. И вы въ мои не мѣшайтесь: хочу пить государево здоровье, ну, и давай водки!

— А если не дамъ?

— Не смѣешь. Ты давно ко мнѣ приставленъ?

— Съ самого твоего рожденія.

— Такъ, значитъ, долженъ знать меня хорошо. А если знаешь меня хорошо, то и не доводи до грѣха. Тѣмъ паче, когда дѣло касается государя...

Ангелъ ушелъ, а солдатъ, въ одѣяніи легче больничнаго, принялся ходить по комнатѣ и разглядывать ея убранство и украшенія. Осмотрѣлъ и рѣшилъ:—Хорошо-то—хорошо, да на кой мнѣ лядъ все это, прости Господи! Это—офицерская фатера, а не солдатская. Всѣ эти чижи въ клѣткахъ не стоютъ жаренаго цыпленка, а изъ молявокъ въ водоемахъ даже и больничной ухи не сваришь. Тутъ хмѣльному человѣку бѣда: куда ни покачнулся, безпремѣнно наткнешься на что нибудь и осколковъ надѣлаешь. А такъ какъ въ раю водка имѣется, да еще даровая, то хмѣльнымъ-то я, нужно полагать, буду частенько...

Въ этотъ разъ ангелъ принесъ еще бо́льшій стаканчикъ водки. Солдатъ, какъ завзятый фронтовикъ, вытянулся въ струнку, поднялъ руку съ водкою вверхъ и рявкнулъ:

— За здравіе государя императора Александра Павловича, ура! ура! ура!

Осушивъ стаканчикъ до послѣдней капельки и отеревъ усы кулакомъ, онъ сказалъ ангелу:

— Что, братъ, вздрогнулъ? Ничего! Коли и Богъ услышитъ, такъ не осудитъ: отъ чистаго сердца это я.

— Такъ-то такъ, служивый, да дѣло въ томъ, что въ раю тишина полагается.

— Тишина тамъ, гдѣ водка и солдаты есть? Хоть ты и ангелъ, а не повѣрю! Либо ваша райская водка не пьяна, либо до сихъ поръ къ вамъ сюда одни только новобранцы попадали. Старый солдатъ свое дѣло знаетъ: скомандуютъ «смиррно-о»!—онъ замретъ и не дышетъ, а ежели «вольно» скомандовали и отпустили въ казарму, такъ тутъ старому солдату никакимъ клиномъ глотку-то не закупоришь. Настоящій солдатъ... т. е. взаправскій... ты знаешь, что такое значитъ взаправскій солдатъ? Вотъ оно что такое: скомандуй начальство,—онъ и рай вашъ приступомъ возьметъ. Какъ пить дастъ!.. Далеко, скажешь? высоко, скажешь? Не бѣда! Турецкія крѣпости тоже не въ лывинкахъ стоятъ, а брали. Лишь бы генералъ былъ на манеръ Суворова, да плантъ вашему раю имѣлъ и дорогу сюда зналъ. Крикнетъ: впередъ! а мы: ур-ра-а! и... въ раю. Ужъ это, братъ, вѣрно. Ужъ это, братъ... Да что тутъ съ тобой толковать: давай еще водки!..

— Ужъ очень часто, служивый. Повременить бы слѣдовало.

— Не хочу! Въ азартъ вошелъ! Ты огорчилъ меня: солдатское званіе оскорбилъ!

Еще былъ принесенъ солдату стаканчикъ. Выпилъ онъ и спья-

нился окончательно. Понесъ такую ахинею, что у бѣднаго ангела уши стали вянуть. Сталъ приставать къ ангелу, знаетъ ли онъ маршировку. «Смирно»! «во фрунтъ»! командовалъ онъ ему и вертѣлъ его за плечи такъ, что у ангела только крылышки хлопали. Потомъ вдругъ крикнулъ:

— Ангелъ, водки! Да не стаканъ на подносѣ, а прямо ставь на столъ полштофа!..

Все это такъ разсмѣшило государя, королей и иностранныхъ принцевъ, что хохотали они до слёзъ. Но солдатъ ничего не слыхалъ. Онъ даже не слыхалъ и того, что ему ангелъ говорилъ, а только повторялъ свое приказаніе:

— Водки, ангелъ! Полштофа и соленый огурецъ на закуску! Хоть ты на землю слетай, а чтобы огурецъ былъ безпремѣнно!..

Напоили солдата опять до безчувствія, переодѣли во все то, въ чемъ онъ былъ поднятъ на улицѣ, и отправили въ казарму. Спалъ онъ тамъ безпросыпно цѣлыя сутки; проснулся и, не открывая глазъ, зоветъ жалобнымъ голосомъ:

— Ангелъ Господній! А, ангелъ Господній! Ты здѣсь, что ли? Опохмѣли меня, Христа-ради...

Но въ отвѣтъ ему послышался дружный хохотъ солдатъ-товарищей. Взглянулъ онъ и видитъ—передъ нимъ не ангелъ, а фельдфебель стоитъ, да такой-то грозный, какимъ бываетъ послѣ того, когда ему въ понедѣльникъ опохмѣлиться нечѣмъ, или послѣ того, какъ за что нибудь ротный проберетъ и «душу вымотаетъ». Стоитъ фельдфебель передъ солдатомъ и въ одну руку поплёвываетъ, а другую къ шиворотку протягиваетъ...

— Это какъ же такъ, братцы?—говоритъ солдатъ въ недоумѣніи.

— А что?

— Да я... какъ будто бы... въ раю недавно былъ?

— Ишь, вѣдь, до какихъ видѣньевъ доглохтился! —сказалъ фельдфебель, а солдаты, сколько ихъ было въ казармѣ, такъ и покатились со смѣху. Говорятъ: «Споконъ вѣковъ было такъ, что солдатъ допивался до всякихъ чортиковъ, а тутъ — на, поди! — до того допился, что рай привидѣлся!.. Чудеса»!..

В. Ключниковъ.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ ВЪ БЕРЛИНѢ ВЪ 1776 ГОДУ.

ПРИНЦЪ Генрихъ прусскій, братъ короля Фридрихъ II, пріѣхалъ въ Петербургъ, для переговоровъ относительно польскаго вопроса, въ тяжелыя для Екатерины II и великаго князя минуты: великая княгиня Наталья Алексѣевна, супруга Павла Петровича, сестра кронпринцессы прусской, скончалась, нѣсколько дней послѣ его прибытія, въ родахъ, 15-го апрѣля 1776 года. Въ первый разъ принцъ Генрихъ посѣтилъ русскій дворъ въ 1770 году, до перваго раздѣла Польши, и очень понравился Екатеринѣ, такъ что онъ пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ въ столицѣ и съумѣлъ снискать своимъ умомъ и ловкостью вести дѣла полное довѣріе императрицы. Понятно, что преждевременная неожиданная смерть великой княгини крайне озаботила Екатерину. Но, съ свойственною ей рѣшимостью, она недолго медлила и обратилась уже на другой день послѣ смерти Натальи Алексѣевны къ принцу Генриху съ просьбою быть посредникомъ при второмъ бракѣ Павла Петровича съ принцессою виртембергскою Софіею-Доротеею. Уже въ 1768 году, бывшій датскій посланникъ при русскомъ дворѣ Ассебургъ, которому было поручено при отъѣздѣ изъ Россіи пріискать великому князю невѣсту, остановился на принцессѣ Софіи-Доротеѣ. Но, такъ какъ ей тогда было девять лѣтъ, то выборъ палъ на Вильгельмину, дочь ландграфа гессенъ-дармштадтскаго, впослѣдствіи Наталью Алексѣевну. Послѣ ея смерти Екатерина обратила снова свое вниманіе на Софію-Доротею, и при этомъ новомъ выборѣ невѣсты принцъ Генрихъ и Фридрихъ II оказали большія услуги императрицѣ. Генрихъ написалъ немедленно своей племянницѣ,

принцессѣ виртембергской, чтобы она прибыла съ дочерьми въ Берлинъ, куда долженъ былъ пріѣхать и великій князь. Фридрихъ II, съ своей стороны, извѣщалъ также ее о смерти великой княгини и просилъ для Павла Петровича руки ея дочери Софіи-Доротеи, выставляя ей большія выгоды, которыя будутъ послѣдствіемъ брака съ наслѣдникомъ русскаго престола. Но одно обстоятельство препятствовало браку. Софія-Доротея уже была обручена съ принцомъ Людвигомъ гессенъ-дармштадтскомъ. Принцъ въ то время находился въ Берлинѣ, и Фридрихъ II успѣлъ склонить его отказаться отъ руки Софіи-Доротеи, обѣщая ему именемъ Екатерины пенсію въ 10,000 рублей въ годъ. Когда это затрудненіе было устранено, осталось другое, именно переходъ въ православіе, но и это скоро устроилось, такъ какъ принцесса не была еще конфирмована; принцесса виртембергская съ семействомъ выѣхала изъ Монбеліяра, получивъ отъ Фридриха 10,000 талеровъ изъ 40,000 рублей, назначенныхъ Екатериною на поѣздку принцессы въ Берлинъ, куда послѣдняя и прибыла 1-го іюля 1776 года.

Какъ только было получено извѣстіе изъ Берлина о согласіи виртембергскаго дома, великій князь 13-го іюня выѣхалъ изъ Царскаго Села. Свиту его составляли: графъ Румянцевъ, призванный уже въ концѣ апрѣля изъ Малороссіи, генералъ-аншефъ И. Салтыковъ, камергеръ Нарышкинъ, камеръ-юнкеръ князь Куракинъ, секретарь Николаи и хирургъ Бекъ. Такъ какъ переговоры о свадьбѣ велись втайнѣ, Павелъ Петровичъ разсказывалъ, что онъ поѣдетъ въ Ригу, а принцъ Генрихъ, который долженъ былъ сопровождать его до Берлина, отправился только на другой день 14-го іюня, послѣ отъѣзда великаго князя, въ путь.

Въ Ригѣ, куда Павелъ Петровичъ прибылъ только 20-го іюня, а принцъ Генрихъ 21-го іюня, они остановились на два дня. Здѣсь посѣщалъ княжескихъ особъ послѣдній герцогъ курляндскій Петръ Биронъ и приготовилъ имъ торжественную встрѣчу въ Митавѣ. Принцъ Генрихъ оставилъ Митаву раньше, чтобы на прусской границѣ встрѣтить великаго князя. Въ Полангенѣ ожидалъ послѣдняго генералъ фонъ-Лентулусъ, назначенный состоять при немъ во время всего путешествія. Начиная съ Мемеля до самаго Берлина, во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, повторялось то же самое зрѣлище: тріумфальныя ворота, трубящіе почтальоны, почетные караулы, представители отъ дворянства и городовъ, молодыя дѣвушки съ цвѣтами, парадные спектакли, концерты, прогулки по водѣ, илюминаціи и пр. Въ особенности отличились въ этомъ отношеніи Кенигсбергъ, Данцигъ, Эльбингъ, Шведтъ, гдѣ путешественники провели два дня у послѣдняго маркграфа шведскаго Фридриха-Генриха. Неудивительно поэтому, что только 10-го іюля былъ достигнутъ Бернау, послѣдняя станція до Берлина. Между тѣмъ, въ Берлинѣ въ этотъ день собрались уже въ пять часовъ

утра мясничьи цехи, какъ городская кавалерія, общество гильдіи стрѣлковъ и купечество въ своихъ парадныхъ формахъ, чтобы отправиться навстрѣчу высокому гостю. Около 11 часовъ встрѣтили они карету и просили позволеніе у великаго князя его сопровождать въ Вейсензе, въ полмили отъ Берлина, гдѣ, по распоряженію короля, сервированъ былъ обѣдъ. Послѣ обѣда начался торжественный въѣздъ въ столицу. Шествіе открывали почтальоны, игравшіе въ рожки, потомъ шли городская кавалерія, стрѣлки, купцы, королевскіе шталмейстеры, почетные караулы и ѣхали парадныя кареты. Передъ первой тріумфальной аркою представился магистратъ города, и ожидали шестьдесятъ молодыхъ дѣвушекъ, изъ которыхъ одна передала великому князю стихотвореніе; такимъ же образомъ стояли у второй арки тридцать дѣвицъ, одѣтыхъ садовницами, которыя сыпали цвѣты; у третьей арки, на мосту черезъ Шпре, съ надписью «И рѣка радуется», тридцать дѣвицъ изъ французской колоніи, переодѣтыхъ пастушками, представили французское стихотвореніе. На всѣхъ трехъ аркахъ, на ратушѣ, на башнѣ церквей, играла музыка; громъ пушекъ, звонъ колоколовъ, восторженные крики массы народа сопровождали въѣздъ до самаго королевскаго замка. Во дворцѣ встрѣтили великаго князя король, королевы, весь королевскій домъ и виртембергскіе гости. День кончился большимъ ужиномъ у королевы. На другой день, въ понедѣльникъ, былъ большой пріемъ у великаго князя, на которомъ присутствовали всѣ знатныя лица Берлина. Послѣ обѣда у короля, Павелъ Петровичъ отправился съ визитомъ ко всѣмъ членамъ королевскаго семейства, потомъ поѣхалъ, въ сопровожденіи прикомандированныхъ къ нему прусскихъ генераловъ, черезъ улицы города, вездѣ восторженно встрѣчаемый массою народа. Вечеромъ посѣщалъ онъ французскій театръ; ужинъ былъ у королевы. Во вторникъ, 12-го іюля, принцъ Генрихъ, какъ уполномоченный императрицы, просилъ у короля руки принцессы виртембергской для великаго князя. Самъ Павелъ Петровичъ передалъ королю собственноручное письмо Екатерины. Такія же письма были, по полученіи согласія, переданы и Софіи-Доротеѣ и ея родителямъ, причемъ отцу, принцу Фридриху, былъ врученъ орденъ св. Андрея, украшенный брилліантами, а матери и невѣстѣ орденъ св. Екатерины. Помолвка была праздновала блестящимъ пріемомъ у Павла Петровича, обѣдомъ у короля и баломъ и ужиномъ у королевы. Въ слѣдующій день, утромъ, великій князь сдѣлалъ визитъ своей невѣстѣ; послѣ обѣда было, въ присутствіи высокихъ гостей, чрезвычайное засѣданіе въ королевской академіи наукъ. Непремѣнный секретарь ея произнесъ торжественную рѣчь, въ которой, между прочимъ, онъ восхвалялъ графа Румянцева, сравнивая его съ Ахиллесомъ и Энеемъ. Вечеромъ приносили невѣстѣ поздравленія, послѣ чего былъ парадный спектакль. Особен-

ный прологъ, сочиненный по приказанію короля, былъ спѣтъ знаменитой, въ свое время, пѣвицею Мара. Въ четвергъ, 14-го іюля, братъ короля, Фердинандъ, угощалъ гостей большимъ завтракомъ въ раскинутыхъ великолѣпныхъ шелковыхъ палаткахъ въ громадномъ паркѣ, такъ называемомъ зоологическомъ саду. Послѣ обѣда Павелъ Петровичъ и принцъ Генрихъ осматривали извѣстный королевскій фарфоровый заводъ и другія достопримѣчательности; вечеромъ весь дворъ собрался въ оперномъ домѣ на маскарадъ. На другой день былъ большой обѣдъ въ Шарлоттенбургѣ, послѣ чего всѣ отправились въ любимую резиденцію короля, въ Потсдамъ и Сансуси. Какъ въ Берлинѣ, такъ и здѣсь были устроены тріумфальныя арки, встрѣчали гостей стрѣлки и цехи, молодыя дѣвицы представили великому князю и невѣстѣ стихотворенія, играла музыка, гремѣли пушки при торжественномъ въѣздѣ. Въ Сансуси остановились въ такъ называемомъ новомъ дворцѣ. Этотъ дворецъ былъ построенъ Фридрихомъ во время Семилѣтней войны; крышу вѣнчаетъ королевская корона, поддерживаемая тремя женскими фигурами. Смыслъ этихъ фигуръ, какъ разсказываютъ, тотъ, что коалиція противъ Пруссіи Елисаветы Петровны, Маріи-Терезіи и маркизы Помпадуръ — les trois cotillons — служила основаніемъ величія молодаго королевства. Три дня провели гости внѣ Берлина; въ понедѣльникъ былъ большой парадъ и манёвры; во вторникъ, 19-го іюля, они были опять въ столицѣ, гдѣ вечеромъ состоялся концертъ у принца Генриха. Въ слѣдующіе дни — новыя удовольствія: сельскій праздникъ въ загородномъ замкѣ принца Фердинанда, фейерверки и иллюминаціи, посѣщеніе кадетскаго корпуса и военной академіи, вечеръ въ Монбижу и проч. Въ субботу, 23-го іюля, Павелъ Петровичъ простился послѣ обѣда съ членами королевскаго семейства и былъ вечеромъ на маскарадѣ въ оперномъ домѣ. Въ воскресенье былъ у великаго князя прощальный пріемъ, обѣдъ, концертъ и ужинъ у королевы, послѣ чего королевскіе принцы и виртембергскіе гости отправились въ Рейнсбергъ, замокъ, въ которомъ жилъ Фридрихъ II до восшествія на престолъ, принадлежавшій теперь принцу Генриху, чтобы тамъ встрѣчать Павла Петровича на возвратномъ пути въ Россію. Въ понедѣльникъ, 27-го іюля, послѣ двухнедѣльнаго пребыванія, выѣхалъ великій князь изъ Берлина, сопровождаемый такимъ же кортежомъ, какъ и при въѣздѣ. Въ Рейнсбергѣ гости провели два дня; этимъ кончился рядъ празднествъ; 9-го августа Павелъ Петровичъ былъ уже въ Ригѣ.

Восторгъ, съ которымъ принимали жители Берлина великаго князя, былъ естественнымъ: съ одной стороны, они хотѣли чтить въ сынѣ великую мать, союзницу своего короля; съ другой стороны, такія оффиціальныя торжества были для нихъ новостью. Извѣстно, какъ бережливъ былъ отецъ Фридриха, Фридрихъ-Виль-

гельмъ I, извѣстно, что и король не уступалъ своему отцу въ бережливости, и что онъ всегда избѣгалъ празднествъ. Тьебо, членъ Берлинской академіи, разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что, когда оберъ-шталмейстеръ, по приказанію короля, представилъ ему смѣту, въ 10,000 талеровъ, расходамъ на поправки вызолоченныхъ фаэтоновъ и другихъ парадныхъ каретъ и упряжи Фридриха I, онъ отвѣчалъ ему: «Я знаю, что ваше превосходительство щедры и великолѣпны, но я держусь только экономіею и не на столько счастливъ, чтобы быть въ состояніи слѣдовать вашему блестящему примѣру». И, дѣйствительно, онъ назначилъ для поправокъ только 6,000 талеровъ. Такимъ же образомъ, король нашелъ, что счеты расходамъ на путешествіе великаго князя, представленные ему генераломъ Лентулусомъ, преувеличены, и принялъ генерала весьма сухо, такъ что тотъ, нѣсколько времени спустя, возвратился въ Швейцарію, въ свое отечество.

Если этотъ разсказъ Тьебо правдоподобенъ, то отзывъ его о Павлѣ Петровичѣ менѣе заслуживаетъ вѣры. Онъ разсказываетъ, что Павлу даны были два чемодана, полныхъ сокровищами, на подарки, но тотъ отвезъ ихъ назадъ такими же полными. Но, какъ кажется, не потому, что онъ самъ не хотѣлъ дѣлать подарки, а потому, что онъ стоялъ подъ вліяніемъ фельдмаршала Румянцева и Салтыкова, которые оба считались скупыми и которые, кромѣ того, очень хорошо поняли, что угодили матери, не допуская сына пріобрѣсти себѣ приверженцевъ въ свѣтѣ. Такой же неправдоподобный отзывъ мы находимъ у него и о Румянцевѣ. На манёврѣ въ Потсдамѣ, Фридрихъ, въ честь Румянцева, только-что покрывшагося лаврами въ турецкой войнѣ, повторилъ Кагульскую битву. Здѣсь Румянцевъ, восхищаясь славнымъ исполненіемъ военнаго зрѣлища, будто бы обратился къ одному изъ прусскихъ генераловъ со словами: «Эти манёвры великолѣпны, но мнѣ кажется, что они подражаютъ какой нибудь славной битвѣ въ древности; скажите мнѣ, прошу васъ, не это ли одна изъ битвъ Александра, Ганнибала или Цесаря?». Можно ли допускать, что Румянцевъ не узналъ въ манёврахъ сраженія, планъ котораго онъ самъ составлялъ и такъ счастливо привелъ въ исполненіе.

Что касается до самого великаго князя, то Тьебо говоритъ, что всѣ были поражены его манерою кланяться. Вообще, говоритъ онъ, кланяются высокопоставленные люди, только очень мало, если они отвѣчаютъ на поклонъ другихъ; они предоставляютъ намъ сгибать все тѣло, но, по крайней мѣрѣ, они немного наклоняютъ голову; великій же князь дѣлалъ совершенно противоположное: онъ смотрѣлъ только на тѣхъ, которые дѣлали ему поклонъ, и еще выше поднималъ голову, которой онъ вовсе не склонялъ. Онъ, такимъ образомъ, позволялъ себѣ только вторую часть поклона, который, слѣдовательно, походилъ у него на какое-то повелѣніе. Онъ гово-

рилъ очень немного, и нельзя привести ни одного слова, имъ сказаннаго.

Фридрихъ отзывается въ своихъ сочиненіяхъ о Павлѣ, что онъ показался гордымъ, высокомѣрнымъ и рѣзкимъ, что̀ заставило людей, знающихъ Россію, опасаться, что ему трудно будетъ удержаться на престолѣ, на которомъ онъ долженъ будетъ царствовать надъ народомъ твердымъ и жестокимъ, избалованнымъ мягкимъ управленіемъ нѣсколькихъ императрицъ.

Пруссія произвела на Павла Петровича самое пріятное впечатлѣніе: торжества и праздники, которые его сопровождали съ русской границы до Берлина, радостный пріемъ, изысканная вѣжливость и почести, оказанныя ему королемъ, королевскимъ семействомъ и народонаселеніемъ, оставили въ немъ самое лучшее воспоминаніе о своемъ путешествіи, тѣмъ болѣе, что далеко онъ не привыкъ быть предметомъ общаго вниманія.

Приложенная къ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника» гравюра, изображающая моментъ, когда Павелъ съ Румянцевымъ былъ представленъ королю принцемъ Генрихомъ, воспроизведена съ рѣдкой гравюры, находящейся въ извѣстной, по своему богатству, коллекціи П. Я. Дашкова, который весьма обязательно позволилъ намъ фотографировать ее. Подлинная гравюра сдѣлана по акватинтѣ Вейча, который въ концѣ прошлаго столѣтія былъ прусскимъ придворнымъ живописцемъ.

ФРАНЦУЗЫ ВЪ РОССІИ[1].

ЕДАВНО изданная въ Парижѣ книга Л. Пэнгò, профессора новѣйшей исторіи въ Безансонскомъ университетѣ, представляетъ собою одно изъ тѣхъ литературныхъ явленій, которыя довольно ясно опредѣляютъ характеръ современныхъ отношеній Франціи къ Россіи. Совершенно изолированное положеніе Франціи въ политическомъ мірѣ Европы, необходимость искать себѣ такого союза, который бы могъ служить твердою опорою противъ грознаго, поглощающаго могущества Пруссіи—вотъ что главнымъ образомъ втеченіе послѣдняго десятилѣтія заставляетъ французовъ обращать взоры въ сторону Россіи, побуждаетъ ихъ не только внимательно слѣдить за политикой Россіи, но и вникать въ самую суть русской жизни, изучать и настоящее положеніе Россіи и даже ея историческое прошлое. Труды Рэмбо, де-Вогюэ и другихъ изслѣдователей, прежде всего обратившихся къ изученію Россіи, а съ другой стороны, масса переводовъ съ русскаго на французскій языкъ, доставившая французамъ возможность непосредственнаго знакомства съ лучшими произведеніями русской литературы,—все это, вмѣстѣ взятое, вызвало во Франціи «моду на Россію и русскихъ», а эта мода, въ свою очередь, вызываетъ теперь и вызоветъ еще, конечно, впослѣдствіи цѣлый рядъ журнальныхъ статей и популярныхъ сочиненій, облегчающихъ французамъ знакомство съ Россіею.

[1]) Статья составлена на основаніи сочиненія Леонса Пэнгò: «Les Français en Russie et les Russes en France», Парижъ, 1886.

Въ ряду подобныхъ популярныхъ сочиненій о Россіи, не послѣднее мѣсто занимаетъ книга Л. Пэнгѐ: «Французы въ Россіи и русскіе во Франціи». Составленная на основаніи историческихъ данныхъ, собранныхъ довольно старательно, книга Пэнгѐ является любопытнымъ обзоромъ взаимныхъ сношеній между Франціей и Россіей, втеченіе послѣднихъ трехъ вѣковъ. Излагая исторію сношеній, Л. Пэнгѐ, конечно, переходитъ иногда и къ обзору тѣхъ воздѣйствій, тѣхъ вліяній, которыя вызывались частыми и продолжительными сношеніями двухъ народностей, и при этомъ, весьма естественно, держитъ сторону своихъ соотечественниковъ, то приписывая имъ такое значеніе, какого они никогда не имѣли въ Россіи, то оправдывая ихъ отъ справедливыхъ нареканій, вызванныхъ ихъ дѣятельностью, то обвиняя русскихъ писателей и русскихъ государственныхъ людей въ пристрастномъ отношеніи къ французамъ. Само собою разумѣется, что, съ этой стороны, къ книгѣ Л. Пэнгѐ слѣдуетъ относиться съ надлежащею осторожностью и не придавать слишкомъ большаго значенія ни его похваламъ, ни его порицаніямъ. Вообще говоря, для насъ, русскихъ, важна вовсе не критическая сторона книги Л. Пэнгѐ (очень слабая), а сторона фактическая, любопытная и поучительная во многихъ отношеніяхъ. Съ этою-то стороною книги мы и думаемъ ознакомить нашихъ читателей, въ видѣ бѣглаго обзора, не вдаваясь въ подробности и мелочи, способныя болѣе интересовать француза, нежели русскаго, и останавливаясь только на такихъ фактахъ и на такихъ біографіяхъ, которыя дѣйствительно заслуживаютъ вниманія и памяти потомства. Само собою разумѣется, что мы вовсе не коснемся второй половины книги Л. Пэнгѐ, т. е. ни слова не скажемъ «о русскихъ во Франціи», тѣмъ болѣе, что подъ этимъ заглавіемъ мы не находимъ ни общаго обзора дѣятельности, ни общей характеристики тѣхъ нашихъ соотечественниковъ, которые болѣе или менѣе долгое время жили во Франціи и подвизались на поприщѣ дипломатическомъ, литературномъ или художественномъ. Говоря о русскихъ во Франціи, Л. Пэнгѐ касается главнымъ образомъ только тѣхъ русскихъ военныхъ, которые пришли во Францію по пятамъ Наполеона и участвовали въ оккупаціи нѣкоторыхъ французскихъ провинцій. А между тѣмъ, правдивая, вѣрная и разносторонняя характеристика русскихъ во Франціи, хотя бы за одно истекшее столѣтіе, могла бы внести въ книгу Л. Пэнгѐ много оживленія, и не одинъ десятокъ страницъ, далеко не лестныхъ для Россіи.

Мы желали бы, чтобы въ результатѣ нашего изложенія книги Л. Пэнго читатель получилъ ясное представленіе о различныхъ наслоеніяхъ французскаго вліянія, о различныхъ оттѣнкахъ его, проявлявшихся въ различныя эпохи, и о тѣхъ причинахъ, которыя наиболѣе способствовали его усиленію и укорененію въ нашихъ высшихъ и образованныхъ классахъ.

Замѣтимъ кстати, что весьма любопытно было бы дать подобный же обзоръ дѣятельности нѣмцевъ въ Россіи и сравнить ее съ дѣятельностью французовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отмѣтить тѣ явленія общественной русской жизни, которыя несомнѣнно были созданы или вызваны нѣмецкимъ вліяніемъ. Едва ли мы ошибемся, даже à priori, предположивъ, что подобное сравненіе оказалось бы далеко не въ пользу нѣмцевъ.

Первыя упоминанія о французахъ, выселившихся изъ Франціи въ Россію, или, по крайней мѣрѣ, долгое время жившихъ въ Россіи, относятся къ XVI вѣку. Но эти упоминанія, конечно, даютъ намъ только имена, не связывая съ ними почти никакихъ фактовъ, заслуживающихъ вниманія; такъ, напримѣръ, мы узнаёмъ о какомъ-то купцѣ Мишелѣ Мушеронѣ и о какомъ-то медикѣ Полѣ Ситадэнѣ, проживавшихъ въ Россіи въ концѣ XVI вѣка; но не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о ихъ дѣятельности. Другіе два француза, въ томъ же вѣкѣ дѣйствовавшіе въ Россіи, авантюристъ Пьеръ-де-ла-Вилль и наемный воинъ Маржеретъ, оставили по себѣ извѣстныя записки.

Вслѣдъ за этими болѣе извѣстными именами, встрѣчаемся опять съ какими-то смутными слухами о переселеніи въ Россію части тѣхъ гугенотовъ-изгнанниковъ, которые покинули Францію послѣ отмѣны Нантскаго эдикта. Л. Пэнгб сообщаетъ о нихъ, будто курфирстъ Бранденбургскій направилъ часть этой партіи переселенцевъ въ Россію, съ рекомендательными письмами къ Петру I, который особымъ указомъ разрѣшилъ имъ службу въ войскахъ. Вольтеръ, въ своей исторіи Петра Великаго, со словъ Лефорта, утверждаетъ, будто эти гугеноты составляли цѣлую треть двѣнадцатитысячнаго отряда русскихъ регулярныхъ войскъ, вооруженныхъ и обученныхъ по европейскому образцу.

Нѣкоторые изъ этихъ бѣглецовъ гугенотовъ (по болѣе подробнымъ свѣдѣніямъ) основали даже въ Россіи кое-какія мануфактуры: Деланнуа — фабрику зеркалъ и хрусталя, Монтбріонъ — чулочную фабрику, Лbuilt — оружейный заводъ. Въ числѣ этихъ французовъ-поселенцевъ въ Россіи упоминается даже о какомъ-то «преподавателѣ философіи, посвятившемъ труды свои на обученіе русскаго юношества».

Часть этихъ переселенцевъ очутилась даже на Волгѣ, въ видѣ отдѣльной колоніи, но такъ быстро слилась и ассимилировалась съ русскимъ населеніемъ, что, лѣтъ семьдесятъ спустя, французскіе путешественники, проѣзжавшіе черезъ Россію на дальній сибирскій востокъ, встрѣчали уже по городамъ только людей съ французскими фамиліями, но не говорившихъ ни слова по французски.

Вѣроятно, часть этой же первоначальной партіи переселенцевъ-французовъ основалась въ новопостроенномъ Петербургѣ, потому что съ 1720 года мы уже видимъ тамъ возникающую французскую церковь, съ пасторомъ изъ Женевы.

Собственно говоря, серьёзныя и даже тѣсныя связи Россіи съ Франціей начинаются только съ начала XVIII в., и главнымъ образомъ послѣ втораго путешествія Петра Великаго по Европѣ.

Отъ этихъ временъ являются въ Россіи тѣ французскія фамиліи, которыя теперь давно уже стяжали себѣ право гражданства въ Россіи и принадлежатъ въ настоящее время людямъ, вполнѣ русскимъ и по духу, и по плоти. Такъ около Петра I видимъ французскихъ выходцевъ и въ числѣ военныхъ дѣятелей, и въ числѣ первыхъ представителей нашего нарождающагося флота; видимъ военныхъ и гражданскихъ инженеровъ—де-Коланжа, Кулона, Лепинô и Ламбера, который, съ 1701 по 1706, выказалъ свое искусство при осадѣ шведскихъ крѣпостей, а потомъ и при постройкѣ быстро разроставшагося Петербурга.

Въ то же самое время въ арміи дѣйствуютъ французы съ очень громкими именами: въ числѣ офицеровъ встрѣчаемъ графа де-Бразâса, участвующаго (уже съ чиномъ бригадира) въ несчастномъ молдавскомъ походѣ, а Вильнёва-Тротта (бывшаго мальтійскаго рыцаря) и разстриженнаго монаха (cordelier) Кайльо—служащими въ рядахъ русской кавалеріи.

Въ 1715 году, при основаніи морскаго корпуса, учрежденнаго Петромъ I, видимъ въ числѣ воспитателей нѣкоего Сентъ-Илера, который, однако же, не уживается съ начальствомъ и покидаетъ корпусъ въ 1717 году. Особенно много французовъ является въ русскомъ флотѣ, въ который Петръ старался поскорѣе набрать необходимый ему комплектъ офицеровъ, вербовалъ и вызывалъ ихъ отовсюду, безъ особеннаго разбора, и привлекъ на службу Россіи многихъ французскихъ моряковъ при посредствѣ того Вильбуа, котораго самъ случайно встрѣтилъ во время своего путешествіи и вывезъ съ собою въ Россію.

Но этого мало. Всеобъемлющій геній великаго преобразователя не удовлетворялся призывомъ на службу Россіи дѣятелей иностранцевъ, пригодныхъ только для ея насущныхъ нуждъ по арміи и по флоту: онъ не забывалъ и науки, и искусства, и въ научномъ отношеніи отдавалъ предпочтеніе французамъ на поприщѣ художествъ и въ области изящнаго. Такъ, весьма извѣстный во Франціи архитекторъ Леблôнъ, приглашенный Петромъ въ Россію, поступаетъ къ нему на службу за 20,000 ливровъ ежегоднаго содержанія (сумму очень высокую по тому времени) и строитъ дворецъ въ Петергофѣ, по образцу Версальскаго дворца, разбиваетъ по плану Петергофскій садъ и въ одномъ изъ уединенныхъ уголковъ его воздвигаетъ скромный павильонъ Марли (также по извѣстному французскому образцу), окруженный вѣчно-спокойными зеркальными прудами.

Около того же времени нѣкій Бурдэнъ является въ Россіи съ иными—художественно-промышленными цѣлями: при помощи Ле-

форта онъ основываетъ въ окрестностяхъ Петербурга ковровую фабрику, на манеръ Гобелэновъ, которая, однако же, существуетъ очень недолго, и весьма быстро приходитъ въ полнѣйшій упадокъ.

Но, со смертью Петра Великаго, наступаетъ для французовъ періодъ весьма неблагопріятный. Нѣмецкое вліяніе мало-по-малу начинаетъ одерживать верхъ и во внѣшней политикѣ Россіи, и во внутренней жизни имперіи; нѣмцы являются во множествѣ и въ администраціи, и на всѣхъ поприщахъ дѣятельности; имъ отдаютъ преимущества передъ французами и какъ исправнымъ офицерамъ, и какъ ученымъ, и, главнѣе всего, какъ механически-аккуратнымъ исполнителямъ воли преобладающей партіи. Къ нѣмцамъ иноземнымъ, за дорогія деньги выписываемымъ изъ-за границы и вызываемымъ черезъ «публикаціи въ курантахъ», присоединяются еще и нѣмцы своеземные, сплошною массою сбѣжавшіеся въ новую россійскую столицу на поиски карьеры, чиновъ, крестовъ, денегъ и тепленькихъ «мѣстишекъ». Съ замѣчательною настойчивостью отстаивая свои права на русскій хлѣбъ, эти своеземные нѣмцы, отъ опеки которыхъ мы никакъ не можемъ освободиться вполнѣ и до настоящаго времени, постепенно вытѣсняютъ изъ Петербурга всякій иной иноземный элементъ, и, наконецъ, возведя на высшую степень могущества и славы приснопамятнаго Бирона, подъ его эгидою, начинаютъ полновластно распоряжаться судьбами Россіи.

Въ царствованіе Анны Іоанновны, почти единственными представителями Франціи въ Россіи являются братья Делили (Николай и Луи), изъ которыхъ первый полагаетъ при академіи наукъ основаніе школѣ будущихъ русскихъ астрономовъ, а второй погибаетъ въ экспедиціи Чирикова. Одновременно съ этими учеными французами можно указать еще только на одного выдающагося дѣятеля француза, проявившаго свою энергію на совершенно иномъ поприщѣ. Это—католическій священникъ (янсенистъ по религіознымъ своимъ убѣжденіямъ) Жюбэ-де-ла-Куръ. Онъ явился въ Россію тайнымъ агентомъ римской куріи, съ полномочіями святѣйшаго отца и съ порученіемъ—попытаться примирить и сблизить русскую церковь съ престоломъ св. Петра. Ловко пользуясь обстоятельствами и дѣйствуя подъ покровительствомъ Ирины Долгорукой, принявшей католичество во время долгаго пребыванія за границей,—Жюбэ три года сряду употреблялъ всѣ усилія и пускалъ въ ходъ всякія ухищренія, чтобы добиться своей цѣли, и добился только того, что въ 1731 году былъ высланъ изъ Россіи.

Совсѣмъ иначе отнеслась къ французамъ, по вступленіи своемъ на престолъ, «дщерь Петрова». Научившись ненавидѣть нѣмцевъ втеченіе того долгаго періода жизни своей, который предшествовалъ воцаренію, Елисавета Петровна, веселая и легкомысленная по характеру, уже по самой природѣ своей должна была чувствовать болѣе расположенія къ французамъ, нежели къ нѣмцамъ. Не слѣдуетъ за-

бывать и того значенія, которое, при возведеніи на престолъ Елисаветы, выпало на долю Лестока, внука одного изъ эмигрантовъ гугенотовъ, переселившихся при Петрѣ I въ Россію, и французскаго attaché маркиза де-ла-Шетарди. Съ одной стороны, вліяніе этихъ дѣятелей, съ другой — личное расположеніе императрицы къ французамъ, къ французскимъ вкусамъ и модамъ, къ французской литературѣ и искусству, опредѣлили заранѣе тотъ перевѣсъ французскаго вліянія надъ всѣми прочими иноземными вліяніями, который составлялъ отличительную черту царствованія императрицы Елисаветы Петровны.

Сочувствіе къ Франціи выразилось у Елисаветы особенно рѣзко въ ея союзничествѣ съ Франціею и въ борьбѣ противъ возникающаго могущества Пруссіи въ періодъ Семилѣтней войны. Это союзничество, повидимому, было въ значительной степени дѣломъ личнаго расположенія Елисаветы къ французамъ и къ французской политикѣ, хотя этому расположенію и нелегко было проложить себѣ путь черезъ всѣ интриги дворской среды, все еще переполненной нѣмцами и привычной къ нѣмецкому вліянію. Но проложеніемъ этого пути дѣятельно занимались очень ловкіе дѣльцы по части дипломатіи. Однимъ изъ такихъ дѣльцовъ былъ извѣстный кавалеръ д'Эонъ (chevalier d'Eon), загадочное, двуполое существо, то являвшееся при дворѣ въ видѣ племянницы французскаго посла, то въ видѣ секретаря французскаго посольства. Этотъ кавалеръ д'Эонъ передаетъ Елисаветѣ, «въ собственныя руки», важныя политическія депеши и подноситъ ей ключъ къ разбору ихъ шифра въ переплетѣ одного изъ роскошныхъ экземпляровъ «Esprit des lois». Въ качествѣ подобныхъ же политическихъ агентовъ при Елисаветѣ выступаютъ и медикъ Пуассоньеръ, присланный къ ней Людовикомъ XV, и живописецъ Токэ (въ 1757—1758 гг.). Посѣщая мастерскую Токэ и позируя передъ его мольбертомъ для портрета, который онъ писалъ, императрица одновременно удовлетворяла двумъ цѣлямъ: и художественной, и политической, высказывая свои воззрѣнія на важные политическіе вопросы, занимавшіе французскую дипломатію.

Одновременно съ этими дипломатическими дѣятелями, французы выступаютъ при Елисаветѣ и на другихъ менѣе скользкихъ путяхъ. Богатый бордосскій негоціантъ Мишель впервые устанавливаетъ правильныя торговыя сношенія между французскими и балтійскими портами. Около него группируются и другіе предпріимчивые торговцы, болѣе или менѣе успѣшно основывающіе въ Россіи первыя французскія торговыя фирмы: Панье, Ленобль, и въ особенности Рэмберъ, которому удается впослѣдствіи захватить въ свои руки всю торговлю французскими винами и французской галантереей въ Россіи. Французы принимаютъ нѣкоторое участіе и въ первыхъ шагахъ Россіи на поприщѣ искусства. Въ 1758 году, когда

является первая мысль объ основаніи академіи художествъ, Роллэнъ-де-ла-Моттъ участвуетъ въ построеніи зданія, предназначеннаго быть храмомъ будущаго русскаго искусства, а скульпторъ Жиллэ и живописцы ле-Лоррэнъ и Лагренэ выступаютъ въ нарождающейся академіи въ числѣ первыхъ преподавателей.

Благопріятныя условія, оживившія сношенія Россіи съ Франціей, болѣе всего способствовали водворенію въ нашей литературѣ сильнаго и надолго установившагося французскаго вліянія. Новая русская литература, чуждая народной жизни и ея духовнымъ потребностямъ, явилась отраженіемъ условій той новой цивилизаціи и той новой общественности, которыя внесены были въ Россію изъ Европы Петромъ Великимъ и его ближайшими преемниками. Такая литература, конечно, должна была имѣть себѣ и образцы иноземные, должна была подчиниться преобладавшимъ въ обществѣ иноземнымъ вліяніямъ. И вотъ, при Елисаветѣ, когда французское вліяніе начинаетъ явно преобладать въ высшихъ сферахъ, когда французскій языкъ является языкомъ дипломатіи, двора и знати, и русская литература,—тогда еще оранжерейный цвѣтокъ, туго развивавшійся подъ покровительствомъ «Петровой дщери» и нуждавшійся въ покровителяхъ и милостивцахъ,—всецѣло подчиняется вліянію французовъ и преклоняется даже передъ второстепенными и сомнительными литературными знаменитостями французскаго Парнасса. Не только Тредьяковскій и Сумароковъ, но даже геніальный Ломоносовъ обращаются къ подражанію французскимъ классикамъ, которымъ Ив. Ив. Шуваловъ и сама Елисавета (страстная поклонница французской комедіи) открываютъ широкій доступъ въ Россію. Императрица не довольствуется чтеніемъ французскихъ драматическихъ произведеній, не удовлетворяется постановкою на домашней сценѣ болѣе или менѣе плохихъ переводовъ и подражаній французской комедіи, — она добивается того, что въ столицѣ является самостоятельная французская труппа и французскій театръ, посѣщеніе котораго, подъ страхомъ наложенія большаго штрафа, становится даже обязательнымъ для знати и придворныхъ. Страстно увлекаясь французской комедіей, императрица Елисавета хлопочетъ о приглашеніи на петербургскую сцену первѣйшихъ знаменитостей парижской Comédie Française—актера Лекэна и дѣвицы Клэронъ, дѣлаетъ имъ черезъ своего посла блестящія предложенія, но не можетъ добиться ихъ согласія.

Со временъ императрицы Елисаветы начинается и то щедрое покровительство французскимъ литературнымъ знаменитостямъ, которое въ такой значительной степени способствуетъ впослѣдствіи прославленію Екатерины II въ Европѣ. Покровительство, прежде всего, выражается въ томъ, что Ив. Ив. Шуваловъ, по желанію Елисаветы, вступаетъ въ сношенія съ Вольтеромъ, которому и предлагаетъ писать «Исторію Петра Великаго», обѣщая доставить всѣ

необходимые для этого труда матеріалы. Вольтеръ, задобренный подарками и обѣщаніями щедрой награды, принимается за трудъ съ такимъ усердіемъ, что выпускаетъ первый томъ «Исторіи Петра», даже еще не получивъ всѣхъ ожидаемыхъ имъ документовъ, необходимыхъ для правильной постановки фактической стороны книги. По весьма справедливому замѣчанію Л. Пэнгò, «знаменитый Фернейскій мудрецъ, повидимому, не считалъ вовсе нужнымъ церемониться съ варварами, которыхъ, по его мнѣнію, нетрудно было провести, въ особенности польстивъ ихъ самолюбію». Но «на всякаго мудреца хватаетъ простоты»—и трудъ Вольтера былъ встрѣченъ въ Россіи не только не снисходительно, но даже сурово: нашлись люди, близко знакомые съ фактами исторіи Петра и способные отнестись критически къ скороспѣлому труду. Второй томъ исторіи Петра вышелъ въ свѣтъ уже значительно позже, въ 1763 году, послѣ смерти императрицы Елисаветы. Ловкій французъ отнесся къ своей задачѣ не какъ историкъ, а какъ придворный исторіографъ, и этимъ путемъ умѣлъ многаго добиться въ послѣдующее царствованіе. Не даромъ, въ самомъ предисловіи своемъ, онъ заявляетъ, что «не всякую истину слѣдуетъ разоблачать вполнѣ», и затѣмъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ И. И. Шувалову (отъ 21 сентября 1760 года), говоритъ: «Диктуйте мнѣ, указывайте прямо, что я долженъ писать,—я то и напи́шу».

Къ концу царствованія Елисаветы слѣдуетъ отнести и первое появленіе въ Россіи тѣхъ французскихъ авантюристовъ, которые попадали на Сѣверъ совершенно случайно,—нерѣдко даже и противъ воли,—проносились передъ глазами современниковъ какимъ-то метеоромъ, и послѣ цѣлаго ряда приключеній, иногда совершенно невѣроятныхъ, возвращались къ своему домашнему очагу съ запасомъ увлекательныхъ анекдотовъ и разсказовъ о далекой, малоизвѣстной странѣ, а иногда даже и съ готовыми записками «о современной Россіи», въ которыхъ нелегко было отличить правду отъ вымысла.

Въ числѣ такихъ авантюристовъ, посѣтившихъ Россію при Елисаветѣ Петровнѣ, слѣдуетъ упомянуть о нѣкоемъ Чуди (Tschudi), занимавшемъ долгое время мѣсто совѣтника въ Мецскомъ парламентѣ. Рѣзкая статья, направленная имъ противъ суровыхъ гоненій, воздвигнутыхъ папою на французское масонство, подвергла Чуди преслѣдованіямъ со стороны мѣстнаго духовенства и привела къ тому, что онъ осужденъ былъ на заключеніе въ Бастилію. Не желая подвергаться этой незаслуженной карѣ, Чуди предпочелъ бѣжать въ Россію, и явился здѣсь подъ вымышленнымъ именемъ кавалера де-Люсси. Сначала мы видимъ его домашнимъ секретаремъ у Строганова въ Москвѣ, потомъ актеромъ на сценѣ французской комедіи въ С.-Петербургѣ. Со сцены, какими-то невѣдомыми путями, онъ попадаетъ вновь въ домашніе секретари къ И. И.

Шувалову, который весьма его жалуетъ за его веселый, покладливый нравъ, и цѣнитъ въ немъ знакомство съ нѣсколькими европейскими языками. Изъ секретарей Шувалова Чуди переходитъ на службу въ Пажескій корпусъ преподавателемъ (французскаго языка?), а нѣсколько времени спустя начинаетъ издавать первый въ Россіи французскій журналъ, подъ заманчивымъ заглавіемъ: «Литературный Хамелеонъ» («Le Caméleon littéraire»). Но тоска по родинѣ беретъ свое: онъ начинаетъ не ладить съ властями, и по какимъ-то неизвѣстнымъ причинамъ, въ началѣ 40-хъ годовъ прошлаго столѣтія, его высылаютъ изъ Россіи. Возвратившись во Францію, онъ вынужденъ былъ высидѣть извѣстный срокъ въ Бастиліи и, выпущенный оттуда на свободу, спокойно дожилъ на своей родинѣ до смерти, послѣдовавшей въ 1749 году.

Въ долгое и благопріятное для французовъ царствованіе императрицы Елисаветы путь въ Россію былъ открытъ имъ такъ широко, и отдаленный Востокъ Европы сталъ рисоваться ихъ воображенію въ такомъ привлекательномъ, заманчивомъ видѣ, что стремленіе французовъ въ Россію не могло быть ослаблено даже и временно наступившимъ преобладаніемъ нѣмецкаго вліянія при Петрѣ III, не могло быть охлаждено и критическимъ, недовѣрчивымъ отношеніемъ Екатерины II къ французамъ и Франціи.

Л. Пэнгò, посвящая бòльшую и важнѣйшую часть своей книги описанію дѣятельности французовъ въ Россіи въ царствованіе Екатерины, не можетъ, однако же, отрѣшиться отъ глубокой непріязни, которую внушаетъ ему «Сѣверная Семирамида», воспѣтая столькими французскими поэтами, восхваляемая энциклопедистами, превознесенная философами. Основа этой непріязни слишкомъ понятна: Екатерина, воспитанная на французскихъ вкусахъ, нравахъ и понятіяхъ, восхищавшаяся французскими писателями, никогда не могла отрѣшиться отъ здраваго и критическаго взгляда на французовъ и Францію. Признавая достоинства «великой націи» (французы такъ любятъ злоупотреблять этимъ выраженіемъ!), Екатерина никогда не упускала изъ виду ея крупныхъ недостатковъ и не закрывала на нихъ глаза. Вотъ почему, съ искусствомъ великаго политика и съ тонкостью ловкой свѣтской женщины, Екатерина умѣла превосходно пользоваться французами, какъ полезнымъ элементомъ, умѣла извлекать выгоды изъ сношеній съ ними и, въ то же время, не дозволяла имъ никогда переходить извѣстную линію, не допускала и до возможности избрать Россію поприщемъ для правильно-огранизованной эксплоатаціи. Такая самостоятельность Екатерины, такое политическое умѣнье не нравятся автору книги «о французахъ въ Россіи», и онъ очень сурово относится къ Екатеринѣ и ея сподвижникамъ, укоряетъ ее въ лицемѣріи,

въ двоедушіи, въ коварствѣ; въ сущности же, онъ не можетъ простить нашей Фелицѣ только одного: она слишкомъ хорошо и тонко понимала характеръ «великой націи», и потому именно не придавала ей большаго значенія, а иногда не отказывала себѣ и въ удовольствіи посмѣяться очень зло надъ причудами и затѣями гг. французовъ.

Отмѣчая, между прочимъ, то, что въ извѣстныхъ Петербургскихъ дѣйствахъ довольно видную роль играли два француза— придворный парикмахеръ Врессанъ и начальникъ артиллеріи Вильбуа, Л. Пэнго прямо переходитъ къ изложенію сношеній Екатерины съ Дидро, д'Аламберомъ, Бюффономъ и Вольтеромъ. «Семирамида Сѣвера», по замѣчанію Пэнго, «не довольствовалась тѣмъ, что заимствовала внѣшній блескъ своего величія отъ Франціи Людовика XIV и Людовика XV. Она стремилась еще и къ тому, чтобы завоевать для себя и своего народа почетное мѣсто въ семьѣ европейскихъ народовъ, и завоевать это мѣсто при помощи тѣхъ, которые могучимъ словомъ своимъ повелѣвали массами и прославляли тѣхъ, кто имъ былъ любъ и угоденъ».

Этими дальними видами объясняетъ Пэнго первоначальныя сношенія съ д'Аламберомъ и Дидро. Первому, въ самомъ началѣ царствованія, Екатерина предложила принять на себя воспитаніе цесаревича, съ 100,000 ливровъ ежегоднаго жалованья; второму оказала большую услугу, пріобрѣтя отъ него библіотеку, въ которой самъ владѣтель ея долженъ былъ оставаться пожизненнымъ библіотекаремъ на жалованьѣ императрицы.

Къ тому же времени относятся сношенія Екатерины съ знаменитымъ естествоиспытателемъ Бюффономъ, обоюдно-любезныя и пріятныя. Сношенія были вызваны со стороны императрицы рядомъ вопросовъ, обращенныхъ ею къ Бюффону по поводу его сочиненія «Эпохи развитія окружающей насъ природы». Бюффонъ, отвѣчая на заданные ему вопросы, поднесъ Екатеринѣ полное собраніе своихъ сочиненій. Екатерина отплатила ему за подарокъ, пославъ ему полную коллекцію медалей, выбитыхъ втеченіе ея царствованія, и потребовала, чтобы Бюффонъ прислалъ ей свой бюстъ, который и былъ торжественно отправленъ ей французскимъ ученымъ и доставленъ въ Россію его сыномъ.

Вольтеръ пошелъ еще гораздо далѣе своихъ современниковъ-энциклопедистовъ и въ любезностяхъ, и въ искательствахъ передъ «Сѣверной Семирамидой». Когда съ нимъ возобновлены были сношенія, прерванныя со времени кончины императрицы Елисаветы, онъ первый сталъ во главѣ того хора хвалителей и воспѣвателей Екатерины, который не умолкалъ на Западѣ втеченіе всего ея долгаго царствованія. Вольтеръ въ своихъ письмахъ къ Екатеринѣ хвалитъ и превозноситъ все и доводитъ лесть свою до крайней приторности. Одинаково восхищается онъ и «Наказомъ» Екатерины,

и планомъ раздѣла Польши; на турокъ и султана Мустафу онъ обращаетъ всю соль своего остроумія; въ угоду ей онъ не щадитъ насмѣшекъ и по отношенію къ Франціи за ту довольно слабую помощь, которая была оказана французскимъ правительствомъ турецкому султану при укрѣпленіи Босфора. Вольтеръ даже заранѣе протестуетъ противъ всякаго заключенія мира, который бы не открылъ русскимъ пути въ Стамбулъ: тамъ, по его увѣреніямъ, на самомъ Атмейданѣ, должна быть нѣкогда воздвигнута статуя Екатерины, точно такая же, какъ воздвигнутая ею Петру Великому.

Вслѣдъ за злобнымъ Фернейскимъ философомъ поднялись и другіе голоса во французской литературѣ—другіе хвалебные гимны Екатеринѣ и въ стихахъ, и въ прозѣ. Ла-Гарпъ и Дорà посвящаютъ ей громкія посланія; Дидрò пишетъ для нея свои «Салоны»; Томасъ прославляетъ ее въ своей «Петреидѣ»; Вольней пишетъ цѣлый трактатъ въ оправданіе ея восточной политики; Мерсье въ своей «Картинѣ Парижа» ставитъ Екатерину какъ мудрую правительницу въ образецъ юному дофину. Отъ авторовъ свѣтскихъ не отставали и духовные отцы: аббатъ Романъ посвящаетъ Екатеринѣ свою поэму «Оспоприививаніе», а какой-то аббатъ де-Люберсакъ создаетъ цѣлый трактатъ о пользѣ путешествія для царствующихъ особъ и по этому поводу, разсыпаясь въ похвалахъ Петру Великому, пользуется удобнымъ случаемъ, чтобы отозваться съ похвалою и о великихъ государственныхъ заслугахъ его достойной преемницы.

Недаромъ самъ Вольтеръ, осыпанный щедротами Екатерины, рѣшился создать свой знаменитый стихъ:

«Отнынѣ съ сѣвера идетъ къ намъ просвѣщенье»... [1]).

Онъ нашелъ себѣ горячую поддержку въ своихъ современникахъ-писателяхъ, и льстивые диѳирамбы его были покрыты гуломъ голосовъ, менѣе славныхъ, но не менѣе громкихъ...

Пользуясь этимъ выгоднымъ положеніемъ, завоеваннымъ въ литературѣ, Екатерина умѣла обуздывать и тѣхъ немногихъ авторовъ, которые не желали подчиниться общему теченію, и сохранили за собою право говорить не обинуясь о томъ, что они своими глазами видѣли въ Россіи. Въ числѣ такихъ французовъ первое мѣсто принадлежитъ Рюльеру, секретарю французскаго посольства въ Россіи, свидѣтелю и очевидцу «Петербургскихъ дѣйствъ», сообщившему подробный отчетъ о событіяхъ, неблагопріятный для главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Другой французъ, Сабатье-де-Кабръ случайно посѣтившій Москву во время чумы 1771 года, составилъ довольно правдивое описаніе видѣннаго имъ страшнаго бѣдствія и подъ впечатлѣніемъ той удивительной неурядицы, которая сказывалась въ управленіи первопрестольною столицею, разразился цѣлымъ потокомъ брани противъ Россіи и русскихъ. Третій не со-

---

[1]) «C'est du Nord aujourd'hui que nous vient la lumière».

всѣмъ благопріятный Россіи наблюдатель, скромный ученый, аббатъ Шапъ-д'Отрошъ, тоже не счелъ нужнымъ украшать лестью и похвалами современнымъ порядкамъ свое описаніе путешествія отъ Петербурга до Тобольска, совершенное по распоряженію академіи наукъ для наблюденія прохожденія Венеры черезъ солнце. Понятно, что бѣдный аббатъ изъ своего долгаго и труднаго пути не могъ вынести особенно розовыхъ понятій о Россіи, но его описаніе Россіи и путевыя впечатлѣнія не понравились Екатеринѣ, точно также, какъ не могло ей понравиться то, что о Россіи и русскихъ порядкахъ сообщали Рюльеръ и Сабатье, и она имѣла возможность воспрепятствовать Рюльеру въ печатаніи его мемуаровъ, а въ опроверженіе книги Шапъ-д'Отроша издала въ свѣтъ рѣзкое обличеніе, наглядно указывающее на промахи и ошибки автора.

Но строгіе судьи и хулители не могли быть на столько опасны и страшны Екатеринѣ, на сколько могли быть ей вредны усердные слуги изъ иностранцевъ, если бы она при своемъ тонкомъ и чрезвычайно-изворотливомъ умѣ не обладала удивительнымъ умѣньемъ быстро оцѣнивать достоинства людей и ловко отстранять отъ себя тѣхъ, которые ей оказывались ненужны. Это умѣнье пришлось Екатеринѣ неоднократно примѣнять и къ французскимъ выходцамъ, которые съ голоса Вольтера, Дидро и другихъ панегиристовъ «Сѣверной Семирамиды» начинали смотрѣть на Россію, какъ на обѣтованную страну всякихъ авантюристовъ и «случайныхъ» людей. Незнаніе Россіи и желаніе примѣнить на новомъ поприщѣ модныя научныя теоріи поощряли многихъ, даже талантливыхъ и умныхъ, французовъ стремиться къ русскому двору, иногда ради того, чтобы сдѣлать карьеру, иногда—съ совершенно безкорыстнымъ желаніемъ «научить русскій народъ уму-разуму». Такъ, одинъ изъ видныхъ экономистовъ второй половины прошлаго вѣка, нѣкій Мерсье-де-ла-Ривіеръ, явился въ Россію въ 70-хъ годахъ съ рекомендаціями Дидро и Райналя и съ пламеннымъ желаніемъ предложить Екатеринѣ обширнѣйшій планъ реформъ чуть ли не по всѣмъ важнѣйшимъ частямъ управленія. Ему уже мерещилось, что, по пріѣздѣ въ Москву, онъ тотчасъ будетъ призванъ занять мѣсто премьеръ-министра. Но Екатерина оцѣнила теоретика-реформатора по достоинству и быстро отдѣлалась отъ него любезностями и уплатою издержекъ его дальняго путешествія: «Этотъ господинъ», — сказала она кому-то изъ своихъ приближенныхъ: — «кажется, воображалъ себѣ, что мы ходимъ на четверенькахъ, и явился обучать насъ хожденію на заднихъ лапахъ».

Такой же участи подвергся и другой теоретикъ администраторъ, Сэнакъ-де-Мейльянъ, человѣкъ умный, образованный и носившій громкое имя. Онъ управлялъ во Франціи однимъ изъ сѣверо-восточныхъ департаментовъ, рѣшился покинуть отечество при пер-

выхъ проявленіяхъ революціоннаго движенія и явился въ Россію съ предложеніемъ услугъ. Первыя впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ путешествіи по Россіи, были довольно благопріятны; не менѣе благопріятно было и то впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на императрицу, при первомъ свиданіи; но Сэнакъ слишкомъ поспѣшилъ открыть свои карты. Онъ высказалъ однажды, что не прочь былъ бы занять постъ министра финансовъ или посла въ Константинополѣ, если бы ему при этомъ даны были чрезвычайныя полномочія... Наивный французъ желалъ немногаго! Екатерина предложила ему написать очеркъ исторіи Россіи, по особому, набросанному ею плану. Литературный опытъ Сэнака показался ей не выдерживающимъ серьезной критики, и Сэнакъ-де-Мейльянъ вскорѣ уѣхалъ изъ Россіи съ милостивымъ пожалованіемъ ему пожизненной пенсіи въ 1,200 руб.

Также милостиво былъ принятъ Екатериною въ Петербургѣ и старикъ Дидро, допущенный въ среду наиболѣе близкихъ къ императрицѣ людей; снисходительно выслушивала она разглагольствованія добродушнаго мудреца, любезно отвѣчая на нихъ со свойственною ей простотою и остроуміемъ; но теоретическія воззрѣнія его были встрѣчены неумолимою критикою... «По его взглядамъ на нѣкоторые вопросы, ему можно, пожалуй, дать сто лѣтъ; за то по взглядамъ на другіе — нельзя дать болѣе десяти»,—сказала какъ-то императрица; и Дидро тоже уѣхалъ изъ Россіи, осыпанный ея щедротами, но не удостоенный ея довѣрія.

Совсѣмъ иначе умѣла относиться государыня къ тѣмъ французамъ, которые пріѣзжали въ Россію съ серьезными цѣлями, не задаваясь ни теоріями, ни обширными планами, а потому и способны были принести Россіи серьезную пользу. Такъ, напримѣръ, молодому ученому, Дагэссо, родственнику Сегюра, на время пріѣхавшему въ Россію для ознакомленія съ русскимъ законодательствомъ, были доставлены всѣ способы къ достиженію его цѣли, и даже самъ Потемкинъ не оставилъ его своими указаніями и далъ ему кое-какія разъясненія.

Не менѣе любезности и предупредительнаго вниманія оказывалось въ Россіи художникамъ и купцамъ, временно посѣщавшимъ Россію или проводившимъ въ ней по нѣскольку лѣтъ. Живымъ свидѣтельствомъ въ пользу такого пріема могли служить отношенія русскаго правительства, въ царствованіе Екатерины, къ тѣмъ художественнымъ знаменитостямъ и извѣстностямъ, съ которыми правительству приходилось входить въ сношенія. Двѣ современныя знаменитости — скульпторъ Гудонъ и живописецъ Грёзъ, уклончиво отвѣчавшій на предложеніе пріѣхать въ Россію, въ то же время, очень охотно принимали и выполняли заказы Екатерины, памятниками которыхъ остались превосходные образцы Грёзовскаго жанра въ нашемъ Эрмитажѣ и знаменитая Гудоновская ста-

туя «Вольтера», производившая такое тяжелое впечатлѣніе на императора Николая и нынѣ поставленная въ круглой залѣ императорской публичной библіотеки въ С.-Петербургѣ. Кажется, что Гудонъ способствовалъ сношеніямъ русскаго правительства съ другими французскими художниками и побудилъ другихъ ѣхать въ ту даль, которая ему самому не представляла ничего привлекательнаго. Такъ, при расширеніи академіи художествъ въ 1765 году, мы видимъ въ С.-Петербургѣ двухъ французскихъ художниковъ въ числѣ академическихъ преподавателей: талантливаго гравера Вернье и Лёпрэнса, одного изъ лучшихъ учениковъ Бушэ, убѣжавшаго въ Россію отъ злой жены и неумолимыхъ кредиторовъ. Здѣсь онъ создаетъ, между прочимъ, ту прекрасную и весьма обширную серію народныхъ типовъ, костюмовъ и сценъ, впослѣдствіи послужившую украшеніемъ напечатаннаго за границею путешествія аббата Шапъ-д'Отроша, о которомъ мы уже говорили выше. Одновременно съ Лёпрэнсомъ въ Россіи живетъ и пріобрѣтаетъ большую извѣстность другой французъ-художникъ—Картò, прекрасный рисовальщикъ по эмали. Немного позже этихъ художниковъ пріѣзжалъ въ Россію Фальконетъ, которому мы обязаны изваяніемъ статуи для памятника Петру Великому, воздвигнутаго Екатериной II. Фальконетъ привозитъ съ собою въ Россію и юную, талантливую ученицу свою, Анну Коллò; ей-то, при выполненіи памятника, Фальконетъ поручаетъ вылѣпить голову статуи Петра, и живая, энергическая француженка вполнѣ оправдываетъ надежды учителя, возложившаго на нее столь трудную задачу.

Фальконету пришлось жить въ Россіи довольно долго, и въ началѣ, пока онъ случайно не столкнулся съ Бецкимъ, онъ могъ быть вполнѣ доволенъ и положеніемъ своимъ, и щедростью русскаго правительства, и чрезвычайно ласковымъ отношеніемъ къ нему императрицы. Впослѣдствіи Бецкій, съ которымъ Фальконетъ не поладилъ, успѣлъ надѣлать ему много разныхъ непріятностей и охладить къ нему императрицу до такой степени, что она даже не поѣхала въ мастерскую Фальконета взглянуть на изготовленную къ отливкѣ модель памятника. Но умный Фальконетъ, умѣвшій отличать людей и хорошо знакомый съ придворными интригами, все же вынесъ изъ своего пребыванія въ Россіи, въ общемъ, довольно пріятное впечатлѣніе.

Вниманіемъ, помощью и всякаго рода поощреніями со стороны правительства были нѣсколько позже удостоены и предпріимчивые французы — Барраль и братья Антуаны, изъ которыхъ первый устроилъ на Онегѣ фабрику стальныхъ издѣлій, а послѣдній способствовалъ завязкѣ торговыхъ сношеній между южно-французскими и черноморскими портами, когда эти порты были впервые открыты для европейской торговли.

Но, рядомъ съ этими немногими полезными дѣятелями, посвя-

щавшими Россіи свой трудъ или значительную долю своей жизни, Россія Екатерининскаго времени служила обширнѣйшимъ поприщемъ для наплыва всякихъ темныхъ личностей, всякихъ голодныхъ искателей приключеній, всякихъ безумцевъ, жадно искавшихъ счастія вдали отъ родины, всякихъ любителей легкой наживы.

Въ рядахъ этой саранчи, тучею налетѣвшей на Россію съ Запада, едва ли не самую видную роль играли французы, для которыхъ, уже въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны, Россія стала представляться чѣмъ-то въ родѣ «обѣтованной земли», предназначенной Богомъ для пользованія всѣхъ иноземцевъ, а въ особенности французовъ. Въ виду такого воззрѣнія на Россію, не лишеннаго нѣкоторой справедливости, а также и въ виду преувеличенныхъ слуховъ о богатствахъ и щедрости русской знати, массы французовъ хлынули въ Россію въ началѣ 50-хъ годовъ прошлаго вѣка, и не переставали прибывать въ обѣ столицы втеченіе всего царствованія императрицы Екатерины, не смотря на довольно строгія полицейскія мѣры, предпринимаемыя противъ иностранцевъ по пріѣздѣ въ Россію. Въ контингентѣ французовъ, ежегодно приливавшихъ въ Россію, было много всякаго сброда: тутъ были и раззорившіеся купцы, убѣгавшіе кредиторовъ и заключенія въ тюрму за долги, тутъ были и мужья, убѣжавшіе отъ своихъ женъ, и молодые кутилы, избѣгавшіе отвѣтственности передъ закономъ за несчастно окончившійся поединокъ, и ловкіе шулера, пріѣзжавшіе показать свое искусство въ домахъ столичной знати, и мелкіе ремесленники, не надѣявшіеся найдти у себя дома хорошій заработокъ, и мелкіе промышленники, готовые заняться чѣмъ угодно, лишь бы добыть денегъ, которыхъ имъ никто уже не довѣрялъ на родинѣ. Рядомъ съ этимъ людомъ ѣхали въ Россію и кокотки, и актрисы, и пѣвицы, и всякихъ профессій люди, твердо вѣрившіе въ возможность найдти на чужбинѣ то счастіе, которымъ они не были избалованы въ скромныхъ и тѣсныхъ условіяхъ своей домашней жизни. Чаще всего, изъ числа представителей этой смѣшанной эмиграціи, въ Россіи дѣлали карьеру парикмахеры, повара, модистки и кокотки, которымъ удавалось сводить воедино русскій разгулъ и французскую испорченность нравовъ и прикрывать грязь и распущенность формами европейской внѣшней роскоши. Одинъ изъ современниковъ Елисаветы, французъ ла-Месселліэръ, пишетъ въ запискахъ своихъ, что во время пребыванія въ Москвѣ и Петербургѣ онъ былъ буквально «осаждаемъ массою французовъ всѣхъ цвѣтовъ, которые, по большей части, покинули Францію, избѣгая заслуженной кары или преслѣдованій, возбужденныхъ полиціею. Мы были удивлены (продолжаетъ тотъ же французъ) и крайне озадачены, когда намъ пришлось, въ обществѣ многихъ русскихъ вельможъ, встрѣтить давно извѣстныхъ намъ

дезертировъ, банкротовъ и темныхъ промышленниковъ, бѣжавшихъ изъ Франціи и укрывающихся въ Россіи подъ чужими именами». Десять лѣтъ спустя, Дидрò, встрѣчаясь съ французами, переселившимися въ русскую столицу, отворачивался отъ нихъ съ презрѣніемъ (не смотря на всю свою снисходительность и даже неразборчивость къ людямъ) и отзывался о нихъ какъ «о самыхъ негодныхъ ракаліяхъ, какія только возможно себѣ вообразить». Тотъ же отзывъ почти безъ измѣненія повторилъ позднѣе и Сэгюръ, примѣняя его къ большинству столичной французской колоніи [1]).

Французская роскошь, легкомысліе и балагурство мало-по-малу начинали уже овладѣвать петербургскими и московскими салонами, когда явилась мысль о томъ, чтобы поискать во Франціи и Германіи элементовъ болѣе нужныхъ для Россіи, нежели повара, парикмахеры и модистки. Огромныя пространства плодороднѣйшихъ земель на югѣ и на востокѣ Россіи лежали впустѣ, безъ всякаго употребленія и разработки, за недостаткомъ населенія. Сознаніе необходимости—заселить эти пространства во что бы то ни стало и поскорѣе, привело къ различнымъ планамъ колонизаціи отдаленныхъ русскихъ провинцій. Особые агенты для вызова колонистовъ были посланы, съ одной стороны, въ Гамбургъ, съ другой—въ Эльзасъ и Лотарингію. Нѣмцы двинулись тысячами и втеченіе ста лѣтъ успѣли создать въ Россіи новый типъ эксплоататоровъ въ области русской простоты и добродушія; эльзасцы и лотарингцы едва могли доставить нѣсколько сотъ колонистовъ для Россіи, да и тѣ, по пріѣздѣ на мѣсто поселеніи, не съумѣли ужиться съ новыми для нихъ условіями жизни и не составили никакого цѣльнаго ядра въ общей массѣ переселенцевъ. Кромѣ того, со стороны фрнацузскаго правительства были приняты самыя строгія мѣры для того, чтобы остановить выселеніе изъ восточныхъ провинцій, и всѣ агенты, вербовавшіе колонистовъ для Россіи, подверглись самымъ суровымъ взысканіямъ. По увѣренію Л. Пэнгò, русскимъ правительствомъ были сдѣланы попытки къ выпискѣ колонистовъ даже изъ Корсики, но и эти попытки были парализованы королевскими указами, въ которыхъ заявлялось мѣстному населенію, что «его королевское величество вовсе не желаетъ допускать своихъ подданныхъ ни до какого выселенія изъ родной страны, такъ какъ каждому всегда найдется на родинѣ дѣло по его выбору и желанію».

---

[1]) Странно сказать, что даже и теперь, слишкомъ сто лѣтъ спустя послѣ всего выше указаннаго, французская колонія Петербурга, — увы! — не можетъ никому изъ насъ дать сколько нибудь вѣрнаго понятія ни о характерѣ настоящаго француза, ни о жизни «французовъ во Франціи»; большинство этой колоніи, близко знакомя насъ съ недостатками француза и съ самыми непривлекательными сторонами его характера и типа,—не даетъ намъ почти никакого понятія о его достоинствахъ и добродѣтеляхъ.

Но ужъ, конечно, никакіе королевскіе указы не въ силахъ были остановить тѣхъ страстныхъ авантюристовъ, которые, скучая бездѣйствіемъ въ рядахъ французской арміи, стремились на службу въ Россію, какъ въ страну далекую, малоизвѣстную и притомъ почти непрерывно съ кѣмъ нибудь воевавшую. Уже въ царствованіе Елисаветы, въ рядахъ русскаго войска видимъ нѣсколько французскихъ офицеровъ, правда, съ очень негромкими и малоизвѣстными именами; видимъ: Аллара, Дюфора, Виллькмэна, Миллкерэ, какого-то Галлiэнъ-де-Сальморэнка и т. п. Нѣкій Фуа-Грайлки является адъютантомъ Разумовскаго и проводитъ нѣсколько мѣсяцевъ на Кавказѣ во время кампаніи 1769 года.

Лишь очень немногимъ удается достигнуть «степеней извѣстныхъ». Такъ, мы видимъ нѣкоего графа (?) Мику (Micoud) въ числѣ приближенныхъ къ Салтыкову людей во время прусской кампаніи 1759 года; Мику оказывается даже и убитымъ при Куннерсдорфѣ. Заслуживаетъ упоминанія въ томъ же смыслѣ и французъ инженеръ Шардонъ, трудившійся надъ укрѣпленіемъ западной русской границы, дослужившійся до чина генералъ-маіора и умершій въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Кіевѣ.

Въ той же когортѣ военныхъ искателей приключеній заѣхалъ въ Россію и весьма извѣстный утопистъ-писатель Бернардэнъ-де-С. Пьеръ, авторъ одного изъ наиболѣе прославленныхъ сентиментальныхъ романовъ «Павелъ и Виргинія». Юный мечтатель, въ началѣ своей жизни, вовсе и не помышлялъ о литературной извѣстности: онъ увлекался идеалами Ласъ-Казаса и Пенна, искавшихъ счастія въ пустынѣ, среди первобытной природы и дикарей, которыхъ его воображеніе украшало всевозможными добродѣтелями. Не имѣя возможности отправиться за океанъ, Бернардэнъ-де-С. Пьеръ воспользовался первою возможностью ускользнуть изъ Франціи въ Россію, и здѣсь думалъ основать колонію въ какой нибудь степи, среди кочевниковъ, которымъ, какъ ему казалось, нетрудно было внушить идеи Ж. Ж. Руссо и современныя понятія о достоинствѣ человѣка и гражданина. Послѣ разныхъ дорожныхъ невзгодъ и препятствій всякаго рода, юноша, наконецъ, добрался до Москвы. Здѣсь онъ былъ выручень изъ бѣды двумя соотечественниками, занимавшими видное положеніе: нѣкій инженеръ Дюбоскэ отрекомендовалъ молодаго человѣка, какъ ученаго и опытнаго инженера извѣстному начальнику артиллеріи Вильбуа, который принялъ Бернардэна очень ласково и подалъ ему надежды на блестящую карьеру при Дворѣ. Бернардэну дѣйствительно удалось попасть ко Двору, и, черезъ посредство Вильбуа, онъ даже представилъ государынѣ какой-то весьма фантастическій проектъ колонизаціи окраинъ Россіи. Но, увы! государыня почему-то не удостоила вниманія ни юноши, ни его проекта, и ему пришлось довольствоваться тѣмъ, что его приняли на службу и дали возможность участвовать въ какой-то командировкѣ съ цѣлью

обзора береговъ Финляндіи. Но когда мечты разлетѣлись въ прахъ, юноша почувствовалъ отвращеніе къ чужбинѣ, сталъ тосковать по родинѣ, и воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ для возвращенія во Францію. Не смотря на эти неудачи, нѣсколько лѣтъ спустя, Бернардэнъ, уже переселившійся подъ тропики, писалъ друзьямъ своимъ въ Россію: «Мнѣ милъ вашъ холодный сѣверъ, мнѣ дороги по воспоминаніямъ ваши лѣса, колеблемые вѣчно-шумящими вѣтрами»...

Однако жъ, не всѣмъ искателямъ приключеній, переходившимъ съ французской территоріи на русскую, сходило дешево съ рукъ ихъ желаніе затратить избытокъ силъ и удали на чужбинѣ. И если могли быть неудачны попытки быстро и легко составить себѣ карьеру въ Петербургѣ и Москвѣ, то еще болѣе неудачными оказались попытки борьбы французскихъ авантюристовъ противъ русскаго правительства, по поводу смутъ, вызванныхъ въ Польшѣ первымъ раздѣломъ 1772 года. Шестеро французскихъ офицеровъ—Шуази, Галибэръ, Мальцанъ, Сольмъ, Віомениль и Лалэнъ, взятые съ оружіемъ въ рукахъ въ мятежныхъ польскихъ бандахъ, были немедленно разосланы въ Ригу, Кіевъ и Смоленскъ и посажены въ крѣпости, подъ строгій караулъ. Императрица была сильно разгнѣвана, узнавъ о томъ, что французы могли принимать участіе въ дѣйствіяхъ мятежниковъ противъ Россіи, и, вѣроятно, въ шутку угрожала плѣнникамъ Сибирью. На заискивающія и горячія ходатайства Вольтера и Даламбера въ пользу этихъ взбалмошныхъ сторонниковъ польской справы, Екатерина отвѣчала уклончиво и насмѣшливо, что она «не отпуститъ своихъ плѣнниковъ, такъ какъ они ей нужны для распространенія въ Россіи хорошихъ манеръ и правильныхъ понятій о благовоспитанности», и дѣйствительно отпустила ихъ уже только впослѣдствіи, порядкомъ охладивъ возгоравшіяся во Франціи симпатіи къ полякамъ. Л. Пэнго не безъ ироніи замѣчаетъ по этому поводу, что, нѣсколько лѣтъ спустя, «столь любезная Екатеринѣ философская проповѣдь должна была принести свои плоды и привести подъ ея знамена тѣхъ самыхъ людей, которые рѣшались поднять противъ нея оружіе въ Польшѣ».

Сильное уже и при Елисаветѣ, французское вліяніе при Екатеринѣ становится до такой степени преобладающимъ въ высшихъ слояхъ русскаго образованнаго общества, что въ немъ происходятъ рѣзкія измѣненія быта, нравовъ, воззрѣній и свѣтскихъ обычаевъ. Припомнимъ кстати, что это явленіе вовсе не было исключительнымъ и замѣчалось не въ одной Россіи: вся Западная Европа во второй половинѣ XVIII вѣка одинаково подчинялась обаятельному вліянію Франціи и тѣмъ вѣяніямъ, которыя исходили изъ среды французскаго общества. Вліяніе французское отражалось и на ли-

тературѣ, и на общественныхъ нравахъ, и на всемъ общемъ ходѣ внутренней жизни, и если ему подчинялись государства Западной Европы, такъ давно уже жившія своею самостоятельною жизнью, то, конечно, еще легче было французскому вліянію покорить себѣ юное, нетвердое въ нравственныхъ основахъ и воззрѣніяхъ русское общество. И какъ во всей Европѣ французскій языкъ вдругъ, словно по мановенію магическаго жезла, сталъ языкомъ всеобщимъ, языкомъ дипломатіи, науки и образованнаго общества, такъ точно и у насъ этотъ бѣдный (сравнительно съ нашимъ), не живой для насъ, языкъ сдѣлался втеченіе царствованія Екатерины II не только языкомъ высшаго общества, языкомъ знати и двора, но даже чѣмъ-то въ родѣ необходимаго атрибута свѣтскаго для каждкаго образованнаго человѣка, котораго только въ томъ случаѣ и считали членомъ высшаго общества, только тогда и допускали въ среду такъ называемыхъ образованныхъ людей, когда онъ умѣлъ болтать по-французски, или, по крайней мѣрѣ, зналъ этотъ языкъ хоть на столько, что могъ обойдтись въ свѣтскомъ кругу нѣсколькими обыденными, избитыми, пошлыми фразами. Такъ ввелось оно при Екатеринѣ, слишкомъ сто лѣтъ тому назадъ, и ввелось на столько прочно, на столько привилось у насъ въ Россіи, что наше общество (въ особенности высшіе его слои) и до сихъ поръ не можетъ отвыкнуть отъ злоупотребленія иностранными языками, и до сихъ поръ пренебрегаетъ изученіемъ своего роднаго языка. Любопытно припомнить теперь, что однимъ изъ важнѣйшихъ стимуловъ къ общему распространенію французскаго языка въ нашемъ обществѣ послужила французская революція, двинувшая къ намъ огромную массу эмигрантовъ, изъ которыхъ многіе навсегда остались въ Россіи, многіе жили здѣсь очень долго, и всѣ, болѣе или менѣе, находили теплый, гостепріимный кровъ въ русской семьѣ, возбуждали въ себѣ сочувствіе и участіе. Однако же, и гораздо ранѣе того времени, когда раздались въ Европѣ первые громы революціи, началось наводненіе Россіи французами-гувернерами и французами-учителями, которые мало-по-малу становились необходимою принадлежностью сначала только семействъ аристократическихъ, а потомъ уже и каждой сколько нибудь зажиточной дворянской семьи. Изъ столицъ этотъ заразительный обычай постепенно переносился въ провинціи и, наконецъ, распространился до самыхъ отдаленныхъ уголковъ Россіи.

Русская литература, и въ изящной формѣ повѣсти, и въ сухой формѣ историческаго мемуара, сохранила намъ много курьёзныхъ типовъ этого первоначальнаго наслоенія педагоговъ-французовъ, иногда вносившихъ въ семью только безнравственность и самымъ очевиднымъ образомъ выказывавшихъ свое грубое невѣжество и неподготовленность къ дѣлу. Семейныя преданія и воспоминанія людей, вполнѣ заслуживающихъ довѣрія, указываютъ намъ на то,

что гувернерами и учителями-французами являлись иногда у насъ отставные барабанщики и кучера, прогнанные господами за пьянство и неумѣлое обращеніе съ лошадьми. О самомъ Бецкомъ разсказываютъ, что онъ какъ-то опредѣлилъ воспитателемъ въ одинъ изъ корпусовъ суффлера французской комедіи! Но все это нимало не мѣшало тому, чтобы и изъ этой пестрой, разнородной и разнообразной массы французовъ-педагоговъ выдѣлились нѣсколько лицъ, вполнѣ достойныхъ и оказавшихъ нѣкоторыя услуги русскому обществу и русскому просвѣщенію. Въ числѣ ихъ припомнимъ Данзаса, который, пріѣхавъ въ Россію учителемъ, бросилъ это занятіе, поступилъ въ военную службу и дослужился до генералъ-маіора. Дювернуа избралъ дорогу ученую и лѣтъ двадцать сряду преподавалъ въ академіи анатомію и хирургію; Дезессаръ, другъ Ж. Ж. Руссо, въ скромной должности педагога, многихъ въ Россіи ознакомилъ съ благодѣтельной прививкой коровьей оспы; Шарпантье составилъ первую русскую грамматику, а Левэкъ и Ле-Клеркъ попытались создать нѣчто въ родѣ первоначальнаго свода историческихъ свѣдѣній о Россіи для Европы, тогда еще очень мало знакомой съ нашею исторіею.

Левэкъ былъ преподавателемъ французскаго языка и литературы въ одномъ изъ корпусовъ, выучился русскому и церковнославянскому языку во время своего пребыванія въ Россіи, собралъ кое-какіе источники и по нимъ составилъ свой трудъ, выпущенный въ свѣтъ въ 1782 году. Ле-Клеркъ былъ въ Россіи дважды. Съ 1759 по 1762 годъ, онъ состоялъ медикомъ при гетманѣ Разумовскомъ, нажилъ большія деньги и вернулся во Францію, гдѣ неудачныя спекуляціи быстро привели его къ потерѣ всего, что онъ имѣлъ, и къ мысли—вторично вернуться въ Россію, эту обѣтованную страну всѣхъ иноземцевъ. И дѣйствительно, въ 1769 году, онъ вернулся въ Россію; пользуясь своими связями, получилъ въ Москвѣ мѣсто смотрителя какого-то строившагося обширнаго госпиталя, потомъ состоялъ нѣкоторое время при особѣ цесаревича и при одномъ изъ корпусовъ исправлялъ должность воспитателя, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Бецкаго. По возвращеніи во Францію, Ле-Клеркъ, при сотрудничествѣ своего сына, издалъ въ свѣтъ Исторію Россіи древней и новѣйшей. Книга была напечатана роскошно, украшена прекрасными гравюрами и множествомъ всякихъ таблицъ, которыя, однако же, не могли ни отъ кого скрыть пустоты ея содержанія. Во Франціи ей придали очень немного значенія, а въ Россіи появленіе ея было встрѣчено суровою и правдивою критикою Болтина, который доказалъ всѣмъ, что историческая наука въ Россіи зрѣетъ и близится къ возможности созданія серьёзнаго труда въ области отечественной исторіи. Любопытною характеристикою книги Ле-Клерка, служитъ то, что онъ рѣшился довести «новѣйшую» исторію Россіи только до восше-

ствія на престолъ императрицы Елисаветы. Опасаясь повредить своей книгѣ описаніемъ дальнѣйшихъ событій, осторожный авторъ добавляетъ, между прочимъ, въ предисловіи, что «онъ не рѣшается вполнѣ удовлетворить своей наклонности къ изображенію истины, ибо не желаетъ никого прогнѣвать и задѣть за живое своимъ разсказомъ». Такимъ образомъ самъ авторъ еще и прежде критики Болтина произнесъ приговоръ надъ историческимъ достоинствомъ своего труда.

Въ средѣ французовъ-педагоговъ Екатерининскаго времени несомнѣнно заслуживаетъ упоминанія и грубоватый, нѣсколько фанатическій, но умный и честный Жильберъ Роммъ, воспитатель Попо Строганова. Восторженно-преданный идеямъ Руссо и энциклопедистовъ, Роммъ употреблялъ всѣ усилія для того, чтобы оберечь своего воспитанника отъ развращающаго вліянія домашней обстановки знатнаго и богатаго вельможи, и, чтобы внести въ него гражданскія доблести древнихъ, воспитывалъ его истиннымъ спартіатомъ. Впослѣдствіи онъ придумалъ обширный планъ путешествія со своимъ воспитанникомъ и воспользовался этимъ путешествіемъ для дополненія его образованія и развитія. Втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ ученикъ и учитель странствовали по Россіи и Сибири, а потомъ посѣтили Европу и прожили въ Парижѣ до самаго начала революціоннаго движенія. Жильберъ Роммъ, человѣкъ сильнаго характера и крайнихъ убѣжденій, быстро выдвинулся при этомъ впередъ, былъ однимъ изъ выдающихся членовъ Народнаго Собранія и ярымъ горцемъ (montagnard); а его воспитанникъ, Строгановъ, былъ впослѣдствіи однимъ изъ видныхъ русскихъ дѣятелей и состоялъ въ числѣ приближенныхъ императора Александра I.

Но, такъ какъ далеко не всѣ французы учителя и гувернеры, являвшіеся въ прошломъ вѣкѣ воспитателями русскаго юношества, обладали воспитательными добродѣтелями Жильбера Ромма (немаловажными даже и при его опасныхъ достоинствахъ), такъ какъ, кромѣ того, идеи, вносимыя французскимъ вліяніемъ въ Россіи, попадали, въ большинствѣ случаевъ, на почву, совершенно не подготовленную для широкаго либерализма и разумнаго воспринятія гуманныхъ теорій, то, въ общемъ, французское вліяніе, посредственное и непосредственное, вносимое къ намъ и людьми, и книгами, было далеко неблагопріятнымъ для нравственнаго роста нашего общества. Въ высшихъ классахъ и въ наиболѣе образованной части средняго слоя общества, французское вліяніе выразилось тѣмъ рѣзкимъ отрицательнымъ направленіемъ, которое очень много имѣло общаго съ современнымъ нигилизмомъ. Отрицаніе общихъ основъ, безпощадное осужденіе явленій, узаконенныхъ временемъ и исторіей, критика, неумѣло и неискусно прилагаемая въ одинаковой степени ко всѣмъ сторонамъ общественной, государственной и семейной жизни, — приводили не къ отысканію луч-

шихъ, разумнѣйшихъ идеаловъ, а только къ озлобленію, къ невѣрію, которое довольствовалось насмѣшкой и кощунствомъ, къ презрѣнію общепринятыми, опредѣленными правилами нравственности и приличій. Чужеземное вліяніе, разрушая и совращая, скользило по поверхности и, не измѣняя ничего къ лучшему въ грубой основѣ современнаго русскаго общественнаго дѣятеля, прикрывало его пороки и недостатки внѣшнимъ лоскомъ европеизма. Вѣроятно, въ ту пору и притомъ недаромъ сложилась извѣстная французская поговорка, характеризующая русскаго человѣка: «Grattez un peu le russe, vous y retrouverez le tartare». Къ концу XVIII вѣка, подъ тѣмъ же вліяніемъ, окончательно сложился, въ извѣстныхъ слояхъ нашего общества, тотъ крайне непривлекательный типъ «волтеріанца», который не даромъ такъ пугалъ нашихъ прабабушекъ и который былъ окончательно сломленъ только глубокою ненавистью къ французамъ, возбужденною въ русскихъ войнами съ Наполеономъ и вызвавшею, наконецъ, реакцію въ пробудившемся самосознаніи русскаго человѣка.

Чрезвычайно любопытнымъ противовѣсомъ нарождающагося волтеріанства было при Екатеринѣ другое стремленіе: стремленіе къ фанатической религіозности и даже къ той религіозной фантастикѣ, которая побуждала людей того времени искать спасенія отъ матеріализма и нравственной разнузданности въ туманныхъ религіозно-нравственныхъ теоріяхъ, въ стремленіи къ таинственному, неразгаданному, неизвѣстному. Этимъ-то стремленіемъ и объясняется быстрый успѣхъ у насъ, въ Россіи XVIII вѣка, не только масонства, но даже иллюминизма и месмеризма, который заключалъ въ себѣ такъ много общаго съ нынѣшнимъ спиритизмомъ. И вотъ, въ той же сѣверной Пальмирѣ, рядомъ съ дѣятелями будущей революціи и проповѣдниками идей энциклопедистовъ, являются и всякаго рода шарлатаны, «маги и волшебники науки», ярые иллюминаты и даже алхимики. Извѣстный графъ Сенъ-Жерменъ посѣщаетъ Россію въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія и даже вступаетъ въ очень близкія, дружественныя отношенія къ Григорію Орлову. Въ 1779 году, видимъ въ Петербургѣ даже и таинственнаго, прославленнаго своими приключеніями Каліостро, который, пріѣхавъ въ строжайшемъ инкогнито, подъ видомъ испанскаго полковника Феникса, поражаетъ и ослѣпляетъ своими изумительными продѣлками и фокусами и затѣмъ, видя полный неуспѣхъ своихъ замысловъ на русской почвѣ, исчезаетъ быстро и безслѣдно, вмѣстѣ со своей таинственной спутницей, какой-то сказочной красавицей Лоренцой... Говорятъ, будто Каліостро входилъ даже въ непосредственныя сношенія съ Екатериной, пытаясь склонить ее къ покровительству масонамъ. Но здравый умъ и сильный характеръ Екатерины не дозволили ей снизойдти до ограниченныхъ воззрѣній знаменитаго шарлатана, вызвавшаго съ

ея стороны только насмѣшку, которую она талантливо облекла въ форму одной изъ своихъ комедій, между тѣмъ какъ въ то же самое время и въ томъ же направленіи работалъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ писателей — Д. И. Фонвизинъ.

Но осмѣяніе и сатира, направленныя противъ мистиковъ и масоновъ Екатериною, нимало не останавливали сильнаго общественнаго движенія въ сторону этихъ ученій, у которыхъ явились свои умные и талантливые распространители и проповѣдники въ лицѣ Новикова, Шварца и ихъ молодыхъ послѣдователей. Съ другой стороны, и въ аристократическихъ кружкахъ нашихъ являлись горячіе поклонники иллюминизма и мартинизма. На сторонѣ этихъ модныхъ ученій видимъ даже нашего лондонскаго посланника Семена Воронцова, а князь Алексѣй Голицынъ неоднократно сознавался, что «онъ только съ тѣхъ поръ признаетъ въ себѣ вообще человѣка, какъ ему привелось поближе узнать г. Сенъ-Мартена» [1]).

Немало способствовало распространенію и поддержкѣ въ русскомъ обществѣ стремленія къ религіозному фанатизму и еще одно совершенно случайное историческое обстоятельство. Въ провинціяхъ, присоединенныхъ, послѣ раздѣла Польши, къ Россіи, существовало четыре іезуитскихъ коллегіи и нѣсколько іезуитскихъ миссій. Здѣсь пріютились представители этого почтеннаго братства, не даромъ изгнаннаго въ то время отовсюду, даже изъ самаго Рима. По соображеніямъ политическимъ, а, можетъ быть, и придавая должную цѣну тому вліянію, которымъ іезуиты пользовались въ то время въ Литвѣ и Польшѣ, Екатерина отступила отъ предначертаній Петра по отношенію къ іезуитскому ордену и дозволила имъ оставаться въ своихъ новыхъ владѣніяхъ. Упоминаемъ объ этомъ обстоятельствѣ только потому, что когда, позднѣе, іезуиты успѣли изъ Литвы и Польши перебраться въ Россію и явились даже въ самомъ Петербургѣ, въ рядахъ ихъ встрѣтилось нѣсколько французовъ, которые пріобрѣли довольно громкую извѣстность въ средѣ столичнаго общества.

Наканунѣ революціи, въ періодъ застоя общественныхъ идей и стремленій, — одинъ изъ тѣхъ признаковъ, которые обычно предшествуютъ страшнымъ взрывамъ народныхъ страстей, — въ средѣ французской молодежи проявилась страсть къ исканію приключеній, къ дальнимъ заморскимъ плаваніямъ, къ самопожертвованію и борьбѣ за «права человѣка» противъ всякихъ мрачныхъ силъ, дѣйствительно или мнимо-посягавшихъ на свободу человѣчества. Это

[1]) Мартинецъ Паскалисъ и С. Мартенъ были главными распространителями ученія иллюминатовъ въ Европѣ.

особенное, тревожное и неугомонное настроеніе молодежи, не находившей себѣ удовлетворенія среди мирнаго строя и ровнаго теченія жизни на родинѣ, побуждало ее искать себѣ удовлетворенія за предѣлами Франціи, спѣшить въ Америку, чтобы принять участіе въ борьбѣ за независимость Соединенныхъ Штатовъ или даже съ трепетнымъ вниманіемъ обращать взоры на дальній Востокъ, гдѣ гремѣли пушки Очакова и Измаила. Молодыя, горячія головы увлекались идеями освобожденія Греціи изъ-подъ ига турокъ и, не сочувствуя дипломатическимъ видамъ французскаго правительства, дружившаго съ Портой, готовы были обнажить мечъ противъ султана, готовы были во имя свободы, во имя гуманныхъ стремленій, сражаться въ рядахъ русской арміи. Но Екатерина, крайне недовѣрчиво относившаяся къ дѣйствіямъ французскаго правительства, рѣшилась не допускать въ арміи никакихъ иноземныхъ, а тѣмъ болѣе французскихъ элементовъ, и такимъ образомъ французамъ былъ пресѣченъ всякій доступъ къ участію въ русскихъ кампаніяхъ противъ турокъ. Только Сегюру удалось побѣдить эту рѣшимость императрицы, разсѣять съ ея стороны всякія сомнѣнія и открыть дорогу новой волнѣ французовъ, нахлынувшей къ намъ въ войско и внесшей въ исторію нашихъ военныхъ подвиговъ нѣсколько французскихъ именъ, вполнѣ заслуживающихъ упоминанія здѣсь.

Сегюръ былъ однимъ изъ тѣхъ милыхъ, веселыхъ, добродушныхъ и остроумныхъ французовъ, которые не могутъ не нравиться и не располагать къ себѣ окружающихъ. Явившись представителемъ Франціи при петербургскомъ Дворѣ, Сегюръ съумѣлъ приблизиться къ императрицѣ и заслужить ея расположеніе; онъ даже увѣровалъ въ великое политическое значеніе своей миссіи, но въ сущности (по очень мѣткому замѣчанію Л. Пэнго) «находился постоянно подъ обаяніемъ Екатерины и не выходилъ никогда изъ сферы ея вліянія». Можетъ быть, потому именно она и допускала его постоянно въ кружокъ приближенныхъ къ ней людей, относилась къ нему чрезвычайно ласково и дружелюбно, и даже баловала его своими милостями и вниманіемъ. Во время блистательнаго путешествія Сѣверной Семирамиды на югъ Россіи,—путешествія, къ участію въ которомъ былъ приглашенъ и Сегюръ, ему удалось представить Екатеринѣ въ Кіевѣ многихъ изъ своихъ друзей, недавно возвратившихся изъ Америки—принца Нассаускаго, Артюра Диллона, Александра де-Ламета. Всѣ они заявляли о горячемъ желаніи служить Россіи въ войнахъ противъ турокъ и всѣ были удостоены, благодаря Сегюру, милостиваго вниманія императрицы. Но это еще не измѣнило недовѣрчиваго настроенія Екатерины и не облегчило французамъ желаннаго пути къ военной славѣ подъ русскими знаменами. Приходилось добиваться ея почти силою, разсчитывая при этомъ и на свою смѣлость, и на счастье.

Прямымъ подтвержденіемъ этого служитъ извѣстный эпизодъ о томъ, какъ поступилъ волонтёромъ на службу къ Потемкину нѣкій Роже-де-Дамасъ, товарищъ принца де-Линя. Приводимъ здѣсь нѣкоторыя любопытныя подробности этого эпизода, оставляя въ сторонѣ многословіе автора-француза и всякія преувеличенныя восхваленія подвиговъ волонтера-француза.

Осенью 1787 года, 22-хъ-лѣтній юноша Роже-де-Дамасъ прочелъ въ газетахъ, что Россія объявила войну Турціи и что его личный пріятель, принцъ Шарль де-Линь, прибылъ въ главную квартиру Потемкина въ Елисаветградъ, на пути въ дѣйствующую армію. Обѣ эти новости вскружили голову юноши, и онъ рѣшился искать счастья въ далекой Россіи, которая была извѣстна ему гораздо менѣе, нежели внутренняя Африка—нынѣшнему молодому поколѣнію. Кое-какъ добывъ денегъ и паспортъ на Берлинъ, Роже-де-Дамасъ выѣхалъ изъ Парижа 11-го декабря 1787 года; при помощи разныхъ счастливыхъ случайностей и благопріятныхъ дорожныхъ встрѣчъ, онъ пробрался въ Россію, и ровно черезъ мѣсяцъ, 12-го января 1788 года, явился въ лагерь подъ Елисаветградомъ, въ ставку молодаго принца де-Линя, который, не теряя ни минуты времени, повелъ его для представленія Потемкину.

«Князь Таврическій занималъ въ самомъ центрѣ Елисаветградской крѣпости обширный деревянный домъ, въ который съумѣлъ перенести великолѣпіе восточныхъ дворцовъ и этикетъ европейскихъ Дворовъ. Прежде чѣмъ удостоиться свиданія съ нимъ, Дамасу пришлось пройдти цѣлый рядъ залъ, великолѣпно освѣщенныхъ; въ залахъ раздавалась прекрасная музыка итальянскаго оркестра и десятки генераловъ, составлявшихъ почетную свиту свѣтлѣйшаго, расхаживали по заламъ или почтительно ожидали въ нихъ часа, назначеннаго для пріема». Юный французъ-офицерикъ имѣлъ счастіе понравиться свѣтлѣйшему; его просьба о зачисленіи въ дѣйствующую армію была принята, и, по ходатайству де-Линя, написано было два письма: одно — къ Сегюру, какъ французскому посланнику въ Петербургѣ, а другое отъ Потемкина къ императрицѣ, съ просьбою о всемилостивѣйшемъ дозволеніи юношѣ французу принять участіе въ дѣйствіяхъ русской арміи.

Двѣ недѣли спустя, получены были благопріятные отвѣты на письма, и, мѣсяца три спустя, Дамасу представился случай для отличія. Отданный подъ начальство принца Нассау-Зигенскаго, командира эскадры мелкихъ гребныхъ судовъ, блокировавшихъ Очаковъ съ моря, Роже-де-Дамасъ нашелъ случай отличиться въ дѣлѣ 6-го іюня, когда было произведено нашей флотиліей нападеніе на турецкіе корабли, и многіе изъ нихъ взорваны, иные выброшены на берегъ, остальные обращены въ бѣгство. Дамасу удалось овладѣть кораблемъ капитана-паши и собственноручно сорвать съ него флагъ.

За это дѣло Дамасъ былъ награжденъ очень щедро: онъ получилъ Георгія и шпагу за храбрость. Вскорѣ послѣ того, онъ получилъ назначеніе въ сухопутныхъ войскахъ и принималъ участіе въ штурмѣ Очакова, въ одной изъ колоннъ авангарда.

Нѣсколько недѣль спустя послѣ взятія Очакова, Роже-де-Дамасъ, въ качествѣ адъютанта Потемкина, уже летѣлъ въ Петербургъ. Бѣшеная скачка по снѣжной степной равнинѣ смѣнялась при рѣдкихъ остановкахъ и отдыхахъ участіемъ въ гомерическихъ пиршествахъ, балахъ и каруселяхъ, которыми встрѣчали всюду «великолѣпнаго князя Тавриды». Самъ Сегюръ выѣхалъ навстрѣчу Дамасу въ Царское Село, а на другой день по пріѣздѣ въ столицу юноша былъ удостоенъ представленія императрицѣ, которая высказала ему въ милостивыхъ выраженіяхъ, что «доблести души благородной проявляются одинаково и въ юношѣ, и въ зрѣломъ мужѣ». Благосклонно принятый и Мамоновымъ, и цесаревичемъ, Дамасъ получилъ уже формальное предложеніе — поступить на русскую службу, но не спѣшилъ принять его и провелъ зиму въ развлеченіяхъ и шалостяхъ, а лѣтомъ опять участвовалъ въ морскихъ сраженіяхъ противъ шведовъ подъ Выборгомъ и Фридрихсгамомъ, подъ начальствомъ того же принца Нассау-Зигенскаго. Затѣмъ, во время наступившаго краткаго затишья, Дамасъ вздумалъ было вернуться во Францію, лѣтомъ 1789 года, но картина всего, что онъ увидалъ въ Парижѣ, полное опустѣніе салоновъ и приниженное положеніе аристократіи — все это такъ напугало его, что онъ поспѣшилъ уѣхать обратно въ Россію, гдѣ около этого времени опять начались рѣшительныя дѣйствія на Дунаѣ и уже готовился штурмъ Измаила. Дамасъ пріѣхалъ какъ разъ во-время, чтобы принять въ штурмѣ участіе, сражался вмѣстѣ съ другими французскими волонтерами въ колоннѣ генерала Арсеньева и получилъ новые знаки вниманія къ его храбрости и заслугамъ отъ русскаго правительства. Но при штурмѣ Измаила онъ былъ уже не одинъ: у него нашлись подражатели, и ему пришлось быть только первымъ изъ многихъ.

И дѣйствительно, въ рядахъ русскаго войска подъ Измаиломъ уже сражались два француза, которыхъ имена впослѣдствіи пріобрѣли громкую извѣстность въ Россіи и до настоящаго времени остались дороги каждому южанину: мы говоримъ о Ланжеронѣ и герцогѣ де-Ришилье, впослѣдствіи такъ много и такъ благотворно потрудившихся на пользу Россіи въ Новороссійскомъ краѣ. Они оба явились въ Россію, убѣгая начинавшейся революціи и стремясь къ пріобрѣтенію воинской славы. Ланжеронъ, недавно еще возвратившійся изъ Америки, гдѣ онъ принималъ участіе въ борьбѣ за независимость Соединенныхъ Штатовъ, поступилъ на русскую службу какъ разъ наканунѣ объявленія шведской войны и въ качествѣ флотскаго офицера участвовалъ вмѣстѣ съ Роже-де-Да-

масомъ въ сраженіяхъ при Выборгѣ и Фридрихсгамѣ, и рядомъ съ нимъ и съ герцогомъ де-Ришелье сражался подъ стѣнами Измаила, даже былъ легко раненъ при страшномъ штурмѣ этой крѣпости. Въ то же самое время, другой французъ, опытный морякъ, маркизъ де-Траверсэ былъ приглашенъ герцогомъ Нассау-Зигенскимъ въ Россію и принималъ дѣятельное участіе въ переустройствѣ балтійскаго флота.

Но всѣ эти французы съ громкими именами и громкими титулами были только первыми піонерами той многочисленной иммиграціи, которая проложила себѣ путь въ Россіи въ концѣ царствованія императрицы Екатерины и оставила видный слѣдъ въ высшемъ слоѣ нашего общества, въ рядахъ нашей арміи и нашего флота. 1789 годъ и десятилѣтіе, протекшее послѣ него, могутъ быть названы эпохою наибольшаго сближенія Россіи съ Франціею, и притомъ такою, втеченіе которой Россія оказала Франціи наибольшія услуги, давая пріютъ и покровительство всѣмъ, искавшимъ убѣжища французамъ, начиная отъ короля-изгнанника и до бѣднаго дворянчика; и мы можемъ сказать съ гордостью, что, давая убѣжище французскимъ эмигрантамъ, питая ихъ и охраняя отъ всякихъ напастей, мы при этомъ дѣйствовали совершенно безкорыстно, отстаивая только отвлеченную идею необходимости борьбы противъ того зла, которое олицетворяла собою революція. Нельзя сказать, чтобы французы отплатили намъ за гостепріимство особенно горячею признательностью, но несомнѣнно то, что въ Россіи эмигрантамъ-французамъ жилось хорошо: это слишкомъ ясно доказывается тѣмъ, что очень многіе изъ нихъ остались въ Россіи навсегда, не воспользовались и впослѣдствіи разрѣшеніемъ возвратиться во Францію и случайное убѣжище отъ невзгодъ обратили въ свое настоящее отечество.

Едва успѣли прогремѣть первые громы революціи, Екатерина со свойственною ей тонкостью ума и политическимъ тактомъ уже поняла все значеніе наступающей новой эпохи въ политической жизни Европы и ясно опредѣлила себѣ ту роль, которую ей предстояло играть. Вычеркнувъ изъ своей памяти весь тотъ либерализмъ, съ которымъ она въ молодости приступала къ первымъ реформамъ и которому она продолжала служить въ своихъ многообразныхъ сношеніяхъ съ передовыми людьми Франціи, Екатерина послѣ 1789 года задалась идеею поддержки того самаго режима, противъ котораго такъ яростно возставали въ своихъ твореніяхъ поощряемые «Сѣверною Семирамидою» энциклопедисты и самъ Вольтеръ. Открывая широкій путь въ Россію для французской эмиграціи, Екатерина, при каждомъ удобномъ случаѣ, заявляла призрѣваемымъ ею французскимъ изгнанникамъ, что она—горячая сторонница павшей династіи, что она и всегда держалась, и будетъ держаться тѣхъ преданій, которыя прославили французскую аристократію, и даже

что она ничего не пожалѣетъ для возстановленія того порядка вещей, который хотя и поколебленъ въ своихъ основахъ, но все же еще не отжилъ своего вѣка во Франціи. «Мой мундиръ вамъ очень къ лицу»,—сказала она Ланжерону, когда тотъ представился ей въ русскомъ мундирѣ: — «правда, онъ немного аристократиченъ, но я думаю, что вы на это неспособны сѣтовать. Повѣрьте, что я всегда питала чувства глубокаго уваженія къ французской аристократіи. Я знаю, что Людовикъ XIV и Генрихъ IV, — два государя, которымъ всѣ остальные должны были бы подражать, — почитали себя непобѣдимыми и дѣйствительно были непобѣдимы, пока стояли во главѣ французскаго дворянства». При прощаніи съ Сегюромъ, который покинулъ свой постъ въ Петербургѣ, имѣя слабость предполагать, что его государственныя способности пригодятся и во Франціи, государыня сказала ему: «Ваше пристрастіе къ философскимъ теоріямъ и любовь къ свободѣ, конечно, побудятъ васъ перейдти на сторону народа, по возвращеіи въ отечество. Очень объ этомъ сожалѣю [1]), ибо, что до меня касается, то я буду попрежнему на сторонѣ аристократіи и не отступлюсь отъ нея ни въ какомъ случаѣ. Совѣтую вамъ не упускать изъ виду того, что вы найдете Францію въ лихорадочномъ раздраженіи и подъ гнетомъ тяжкаго недуга».

Такъ какъ за этими словами, въ особенности послѣ полученія извѣстій о взятіи Бастиліи и о казни Людовика XVI, произошелъ полный разрывъ съ Франціей и прекращеніе всякихъ дипломатическихъ сношеній съ нею, то, конечно, все, что пострадало во Франціи отъ новыхъ революціонныхъ порядковъ или даже предполагало, что можетъ пострадать отъ нихъ,—все, что имѣло средства и возможность добраться до Россіи, поспѣшило воспользоваться русскимъ гостепріимствомъ и высокимъ покровительствомъ Екатерины.

Прежде всего послѣдовалъ обмѣнъ любезностей съ главами эмиграціи, избравшими Кобленцъ своимъ мѣстопребываніемъ. Въ Петербургъ явились посланные отъ графовъ Прованскаго и д'Артуа— графы Сомбрёль и Эстергази, и баронъ де-Бомбелль (лѣтомъ 1791). За радушнымъ пріемомъ, который имъ былъ оказанъ, послѣдовало приглашеніе, посланное Екатериною къ графу д'Артуа, котораго она пожелала видѣть у себя при Дворѣ. Одновременно съ этимъ приглашеніемъ завязаны были сношенія съ арміею герцога Конде и съ бретонскими шуанами. Всѣмъ извѣстны подробности роскошнаго пріема, оказаннаго Екатериною графу д'Артуа, какъ представителю династіи Бурбоновъ. Императрица всероссійская показала себя при этомъ случаѣ вполнѣ достойною своего высокаго по-

[1]) Не слѣдуетъ упускать изъ виду того, что Екатерина предлагала Сегюру остаться въ Россіи, и даже на очень выгодныхъ для него условіяхъ.

ложенія въ современной Европѣ и, возлагая на мужество французскаго принца слишкомъ большія надежды, оказала ему щедрое пособіе не на словахъ только, а въ дѣйствительности. Принцу даны были средства, достаточныя для начала тѣхъ дѣйствій, которыхъ отъ него ожидали, предполагая, что онъ приметъ на себя руководство народнымъ возстаніемъ въ Вандеѣ. При прощаніи съ графомъ д'Артуа, Екатерина вручила ему даже богатѣйшую шпагу съ надписью: «Дарована Богомъ на защиту короля»... Но ничто не могло поднять энергію слишкомъ хладнокровнаго Бурбона: едва узналъ онъ, по прибытіи въ Англію, что англійское правительство отказываетъ ему въ правахъ убѣжища, какъ поспѣшилъ укрыться въ Германіи, и надолго сошелъ съ исторической арены.

Не смотря на это разочарованіе, Екатерина продолжала и послѣ того оказывать покровительство и помощь всѣмъ, кто къ ней обращался. Такъ, когда 18-го апрѣля 1793 года, Австрія отказалась отъ дальнѣйшаго содержанія арміи Конде, который все еще продолжалъ держать на Рейнѣ бѣлое знамя, Екатерина, черезъ посредство герцога де-Ришелье, предложила Конде и его сторонникамъ перейдти на службу Россіи. Но и изъ этого ничего не вышло... За то цѣлая масса французскихъ чистокровныхъ аристократовъ явилась въ Россію и поселилась въ разныхъ мѣстахъ ея. Полиньяки основались на время въ Тульчинѣ, во владѣніяхъ Потоцкихъ, Шуазёль-Гуффье — на границѣ Галиціи, въ купленномъ имъ имѣніи, Эстергази—на Волыни, маркизъ де-Ламберъ—въ пожалованной ему вотчинѣ, близь Москвы, Клермонъ-Тоннеръ — на берегу Днѣпра, Шуазёль-Далькуръ — въ Крыму; въ рядахъ русской арміи явились графъ де-Тулузъ-Лотрекъ и маркизъ де-ла-Розіеръ. Немногіе изъ эмигрантовъ попали ко Двору, который Екатерина не безъ основанія оберегала отъ всякаго посторонняго глаза и вліянія. Здѣсь же, конечно, слѣдуетъ, въ числѣ наиболѣе видныхъ эмигрантовъ, переселившихся въ Россію въ концѣ царствованія Екатерины, упомянуть и объ извѣстной художницѣ-портретисткѣ г-жѣ Виже-Лебрёнъ, которая пріѣхала въ Петербургъ лѣтомъ 1795 года и надолго осталась въ Россіи. Ея художественныя работы не понравились Екатеринѣ, которая заказала пріѣзжей художницѣ портреты своихъ внуковъ, и нашла, что они «не похожи, писаны безвкусно и неизящны»... Этотъ суровый отзывъ не помѣшалъ успѣхамъ г-жи Виже-Лебрёнъ въ нашей столицѣ, не помѣшалъ и современному обществу оцѣнить грацію, любезность и умъ художницы, которую всѣ не даромъ считали однимъ изъ лучшихъ украшеній петербургскихъ салоновъ.

Было бы ошибочно думать, что французская эмиграція, нахлынувшая на Россію, исключительно сосредоточилась въ однихъ высшихъ слояхъ русскаго общества и не проникла далѣе столицы. Напротивъ того, масса эмигрантовъ была на столько велика, что про-

никла очень глубоко въ провинціальную глушь, въ деревню, въ помѣщичьи семьи степныхъ губерній. Французы внесли съ собою въ наше общество много французскихъ обычаевъ, причудъ, новыхъ модъ и приличій. Между прочимъ, именно къ этому времени относится и введеніе въ свѣтское обращеніе такъ называемыхъ общественныхъ игръ (petits jeux или jeux de société), въ родѣ фантовъ, шарадъ, риемъ, вопросовъ и отвѣтовъ и т. п. Этими чужеземными обычаями были совершенно вытѣснены изъ употребленія старинныя русскія игры и забавы, въ концѣ XVIII вѣка еще державшіяся во многихъ знатныхъ домахъ. Болѣе близкое общеніе съ французами у себя дома, у роднаго очага, приводило къ двумъ противоположнымъ явленіямъ въ нашемъ обществѣ. Съ одной стороны, въ высшихъ слояхъ, въ сильнѣйшей степени проявилась вся безцвѣтность русскаго типа, какъ только онъ отрывается отъ родной своей почвы и утрачиваетъ свою оригинальность: въ нашихъ салонахъ явился тотъ противный типъ русскаго француза, который предпочиталъ французскій языкъ русскому, а французскіе нравы и обычаи—русскому быту; тотъ типъ, который и до настоящаго времени все еще преобладаетъ въ нашей аристократіи. Съ другой стороны, именно въ это время наибольшаго пристрастія къ французамъ, уже стала сказываться та струя національнаго самосознанія, которая, не смотря на всѣ препятствія, не смотря на всѣ затрудненія въ ростѣ и развитіи, не переставала, однако же, проявляться сильнѣе и сильнѣе, и несомнѣнно оказала нашему отечеству величайшія услуги. Какъ и многое другое хорошее, и эти первыя попытки самосознанія проявлялись тогда въ довольно грубой и каррикатурной формѣ французофобія, или французоѣдства, которое отрицало въ французахъ всякія достоинства и видѣло только одни недостатки или смѣшныя стороны. Въ такомъ именно видѣ, уже въ концѣ царствованія Екатерины, проявлялось французоѣдство въ эпиграммахъ и письмахъ графа Ростопчина, которому современемъ суждено было играть извѣстную историческую роль, и которому очень скоро нашлись подражатели и въ петербургскомъ, и московскомъ обществахъ.

Положеніе французовъ въ Россіи нимало не измѣнилось и со смертью императрицы Екатерины, такъ какъ воззрѣнія на эмансипацію и на отношенія къ современной революціонной Франціи были, можетъ быть, единственнымъ пунктомъ, въ которомъ царственный сынъ сходился со своею царственною матерью. Помимо этого настроенія и этихъ воззрѣній, императоръ Павелъ питалъ еще и личную симпатію ко многимъ изъ представителей королевской Франціи и вынесъ изъ своего заграничнаго путешествія и пребыванія въ Парижѣ самыя свѣтлыя воспоминанія и самыя

пріятныя впечатлѣнія. Не умѣя играть словами и вообще быстро переходя отъ впечатлѣнія къ исполненію, императоръ Павелъ, вскорѣ послѣ вступленія его на престолъ, захотѣлъ самымъ нагляднымъ образомъ выказать свою ненависть къ революціи и республиканскимъ началамъ современной Франціи, а равно и свое сочувствіе къ людямъ стараго режима.

Прежде всего онъ обратилъ вниманіе на забытую всѣми армію Конде́, уже цѣлыя шесть лѣтъ державшуюся на Рейнѣ подъ покровительствомъ Австріи. Это былъ порядочный сбродъ, тысячъ въ восемь человѣкъ, преимущественно волонтеровъ изъ дворянъ, и почти треть этой жалкой арміи состояла изъ офицеровъ... Однихъ генераловъ числилось между ними до 200! Среди этихъ людей не было недостатка въ храбрости, но за то давно уже утратилась всякое представленіе о военной дисциплинѣ и выдержкѣ, и дезертирство было почти также развито, какъ и картежная игра, доходившая до самыхъ безумныхъ, самыхъ непозволительныхъ увлеченій. Но вотъ Австрія готовилась заключить миръ съ Франціей, и положеніе несчастной арміи Конде становилось совершенно безвыходнымъ. Тогда императоръ Павелъ, со свойственнымъ ему рыцарскимъ великодушіемъ, предложилъ этой горсти роялистовъ перейдти на службу Россіи. Въ іюлѣ 1797 года, не смотря на энергическія представленія канцлера Безбородки, Павелъ отправилъ на Рейнъ своего адъютанта Горчакова для улаженія условій, на которыхъ долженъ былъ совершиться переходъ французовъ въ русскую службу. На основаніи этихъ условій, каждому оставлялся его чинъ, его жалованье и сохранялось его положеніе въ арміи; но, по переходѣ черезъ границу, приходилось надѣть русскую форму, русскую кокарду, принести присягу на вѣрность царю и расположиться постоемъ на Волыни, въ указанныхъ мѣстахъ, впредь до будущихъ приказаній. Около 5,000 человѣкъ приняли эти условія, и, пройдя черезъ Германію, перешли русскую границу, въ январѣ 1798 года. Здѣсь пришлыхъ французовъ распредѣлили на пять полковъ — три пѣхотныхъ (полки Конде́, Бурбона и Гогенлое) и два кавалерійскихъ (полки принцевъ Беррійскаго и Энгіенскаго), и подчинили непривычной для нихъ суровой дисциплинѣ, общей для всего русскаго войска. Но французы мало-по-малу обжились и поустроились, и уже начинали свыкаться со своею долею, когда вдругъ, въ 1799 году, по иниціативѣ императора Павла, образовалась извѣстная коалиція противъ Франціи, и русскія войска должны были принять въ ней самое горячее участіе, увѣнчавшее ихъ новыми, неувядаемыми лаврами, подъ знаменами Суворова. Французскому отряду также приказано было двинуться въ походъ черезъ Германію; но, когда онъ, въ началѣ октября, достигъ береговъ Констанцкаго озера, то кампанія была уже почти закончена, и роялистамъ только однажды, 8-го октября,

пришлось дѣйствовать противъ республиканцевъ. Въ Россію французы уже не возвратились болѣе: вскорѣ послѣ окончанія кампаніи, съ согласія императора Павла, весь отрядъ роялистовъ-волонтеровъ перешелъ на службу Англіи.

Почти одновременно съ началомъ этого эпизода, была сдѣлана и другая попытка въ пользу поддержки стараго французскаго режима. Императоръ Павелъ, въ ноябрѣ 1797 года, предложилъ главѣ дома Бурбоновъ, Людовику XVIII, переселиться въ Россію. Французскому принцу, всѣми забытому и заброшенному въ несчастномъ городкѣ средней Германіи, конечно, должно было показаться очень лестнымъ приглашеніе пріѣхать въ Россіи, гдѣ его ожидали прекрасно устроенная резиденція бывшихъ герцоговъ Курляндскихъ въ Митавѣ и ежегодный пенсіонъ въ 200,000 рублей, кромѣ другихъ субсидій, предназначенныхъ на содержаніе нѣкоторыхъ лицъ свиты Людовика XVIII, Къ сожалѣнію, однако жъ, нерѣшительный претендентъ не сразу принялъ предлагаемое ему, а обдумывалъ предложеніе, колебался и отвѣтилъ согласіемъ не ранѣе, какъ черезъ два мѣсяца. Это замедленіе значительно охладило расположеніе къ нему императора Павла, даже задѣло за живое его самолюбіе.

Встрѣченный весьма любезно и удостоенный царственныхъ почестей, Людовикъ поселился въ Митавѣ и образовалъ около себя маленькій Версаль, въ каррикатурѣ. Тутъ собрались около него люди, когда-то блиставшіе при дворѣ, люди съ громкими титулами и историческими именами: разные Виллекье, Гиши, Омоны, Серраны, Коссэ-Бриссаки, и внесли съ собою въ среду этого маленькаго двора мелкія интриги и ничтожныя претензіи всякой придворной жизни. Главнымъ оффиціальнымъ совѣтникомъ претендента явился графъ С.-При, а главнымъ руководителемъ тайныхъ дипломатическихъ сношеній—графъ д'Аварэ. И Людовикъ XVIII, окруженный почетною стражею, занятый интригами и сплетнями своихъ придворныхъ, зажилъ въ Митавѣ жизнью владѣтельнаго князя, серьёзно раздѣляя свое время между праздниками, увеселеніями и заботами о поддержаніи принциповъ власти, о которой, повидимому, приходилось забыть и отнести ее въ область историческаго прошлаго.

До поры до времени все шло очень гладко, и хотя императоръ Павелъ не допускалъ оффиціальнаго признанія правъ Людовика XVIII на французскій престолъ, но все же, для сношенія съ Митавскимъ Дворомъ, было допущено пребываніе въ столицѣ особаго, акредитованнаго лица, нѣкоего де-Карамана. При этомъ императоръ Павелъ продолжалъ оказывать милостивое вниманіе не только старымъ эмигрантамъ, но даже и католическому духовенству, изгоняемому изъ Франціи, даже монашескимъ орденамъ, не уживавшимся съ республикой. Значительныя права дарованы были

іезуитамъ, и вліяніе ихъ усилилось до такой степени, что 7 марта 1801 года ихъ орденъ былъ даже и оффиціально возстановленъ въ Россіи. Въ царствѣ Польскомъ дано было убѣжище мужскому монашескому ордену траппистовъ и женскому ордену визитандинокъ. Съ особенною торжественностью было отпраздновано принятіе императоромъ Павломъ гроссмейстерства Мальтійскаго ордена, причемъ блеску празднества много способствовало то, что въ число кавалеровъ воскрешеннаго рыцарскаго ордена было включено болѣе ста именъ эмигрантовъ-роялистовъ, принадлежавшихъ къ знатнѣйшимъ фамиліямъ Франціи. Тутъ были и д'Аршіаки, и Сенъ-Морисы, и Шуазёли, и Щефонтэны, и де-Брогли... Но и при всѣхъ этихъ внѣшнихъ условіяхъ блеска, среди всей этой мишуры титуловъ и аристократизма, утратившаго подъ собою всякую историческую почву, французамъ-эмигрантамъ жилось неособенно легко и весело въ послѣдніе годы XVIII вѣка въ Россіи, и они недаромъ чувствовали всю ненадежность своего положенія тамъ, гдѣ «контръ-ордеръ почти всегда слѣдовалъ за ордеромъ», и каждую минуту можно было ожидать чего нибудь необычайнаго. Болѣе всего, конечно, долженъ былъ это чувствовать митавскій гость, который уже въ маѣ 1799 сталъ жаловаться приближеннымъ на нѣкоторыя непріятныя для него стѣсненія. Дѣло въ томъ, что императору не понравились сношенія Людовика XVIII съ нѣкоторыми лицами и слишкомъ большая доступность его. Претенденту было воспрещено выдавать за его подписью паспорты для свободнаго проѣзда разныхъ лицъ изъ-за границы въ Митаву. Вскорѣ послѣ того и за собственной его корреспонденціей стали слѣдить болѣе чѣмъ строго... Затѣмъ, нашлись услужливые люди, которые обратили вниманіе императора на якобы развивающійся среди французской эмиграціи духъ якобинства и свободомыслія,—и вдругъ поднялись гоненія, выражавшіяся въ формѣ очень крутыхъ опалъ и быстрыхъ препровожденій за границу. Такъ были высланы изъ Россіи братья Массоны и д'Отишанъ, занимавшіе видные посты въ арміи и пользовавшіеся весьма значительнымъ вліяніемъ и связями въ обществѣ. А когда, послѣ неудачнаго исхода коалиціи противъ республики, политическіе взгляды императора вдругъ измѣнились, и онъ изъ роли врага современной Франціи сталъ переходить къ роли ея дѣятельнѣйшаго союзника, тогда ударилъ послѣдній часъ для пріютившихся въ Россіи эмигрантовъ. Въ мартѣ 1800 года, тѣмъ изъ нихъ, которые не состояли на дѣйствительной службѣ и не желали принять подданства, приказано было немедленно покинуть предѣлы Россіи. Въ январѣ 1801 года, уполномоченный Людовика XVIII, Г. де-Караманъ, получилъ приказаніе выѣхать изъ столицы «черезъ два часа», а нѣсколько дней спустя и митавскому гостю указана была дорога на Западъ.

Такимъ образомъ, въ Россіи къ началу нынѣшняго столѣтія осталась очень немногочисленная французская колонія, и во главѣ ея удержалось то новое поколѣніе учителей, которое было вызвано потребностью борьбы противъ революціонныхъ идей. Эти новые учители были не кто иные, какъ лица, принадлежавшія къ французскому свѣтскому духовенству,—гладенькіе аббаты, ловко втиравшіеся въ дома нашей знати и приступавшіе къ воспитанію детей не иначе, какъ съ молитвенникомъ въ рукахъ. Въ царствованіе Павла, разрѣшившаго отцамъ-іезуитамъ и жить, и проповѣдывать и даже воспитывать наше юношество, фаланга этихъ аббатовъ стала еще смѣлѣе, еще рѣшительнѣе дѣйствовать, и мало-по-малу образовала обширную сѣть для «уловленія человѣковъ». Аббаты смѣнили свѣтскихъ воспитателей во всѣхъ аристократическихъ домахъ и окончательно установили въ нихъ тотъ иноземный, не русскій духъ, который и до сихъ поръ господствуетъ среди нашей космополитической знати. Одоевскіе, Самойловы, Голицыны, Мусины-Пушкины, Вяземскіе—всѣ покорялись общему теченію и модѣ, всѣ преклонялись передъ великими преимуществами іезуитской педагогіи и не щадили средствъ на отогрѣваніе той змѣи, которой именно въ эту эпоху негдѣ было головы приклонить. Въ Петербургѣ, наконецъ, къ великой радости родителей, учрежденъ «превосходный» пансіонъ аббатомъ Николемъ, а потомъ и «образцовая» іезуитская коллегія, въ которой пришлось получить воспитаніе и Северину, и Вяземскому. Самъ Пушкинъ только совершенно случайно не попалъ въ этотъ образцовый разсадникъ за годъ до своего поступленія въ лицей!

По счастію, гг. іезуиты недолго оставались въ Россіи въ томъ положеніи, котораго быстро успѣли достигнуть, и, отчасти подъ вліяніемъ особыхъ условій личной ихъ дѣятельности, отчасти подъ вліяніемъ историческихъ событій, но болѣе всего, благодаря русской непослѣдовательности, любящей рѣзкіе переходы отъ крайностей къ крайностямъ,—совершенно неожиданно были изгнаны изъ Россіи (20-го декабря 1815 года) [1].

Концомъ царствованія императора Павла, собственно говоря, и заканчивается наиболѣе любопытная часть книги Л. Пэнгò,—любопытная въ особенности по сопоставленію разрозненныхъ фактовъ, вслѣдствіе которыхъ и получается довольно полная картина. Дальнѣйшая судьба «французовъ въ Россіи» болѣе извѣстна у насъ и нѣсколько разъ въ послѣдніе годы была предметомъ журналь-

[1] Указъ приводили въ исполненіе довольно медленно, и іезуиты дѣлали все возможное, чтобы подольше остаться въ Россіи. Изъ Риги они удалились въ 1820 году, изъ Астрахани въ 1824 году.

ныхъ статей, подробно излагавшихъ выдающіеся факты внутренней исторіи царствованія императоровъ Александра I и Николая I. Всѣмъ болѣе или менѣе извѣстны имена братьевъ де-Мэстровъ, дѣятельность герцога Ришелье на югѣ Россіи; еще болѣе, еще подробнѣе извѣстна теперь всѣмъ исторія борьбы Александра съ Наполеономъ и великой эпохи 1812 года. Вотъ почему и было бы излишнимъ повторять или даже вкратцѣ излагать здѣсь все то, что говоритъ авторъ книги «о французахъ въ Россіи» по отношенію къ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія. Не мѣшаетъ только замѣтить, что въ сущности изложеніе борьбы Наполеона съ Александромъ составляетъ самую слабую часть книги Л. Пэнгȯ. Въ заключеніе же нашей статьи мы считаемъ вполнѣ умѣстнымъ добавить, что важнымъ промахомъ въ книгѣ Л. Пэнгȯ является то, что онъ почти не касается исторіи французскаго театра въ Россіи и слишкомъ мало придаетъ значенія литературнымъ связямъ и отношеніямъ между Франціею и Россіею, упоминая о нихъ только вскользь и болѣе чѣмъ поверхностно.

Въ концѣ своей книги, Л. Пэнгȯ совершенно справедливо приходитъ къ заключенію, что, не смотря на нѣкоторыя непріязненныя отношенія, возникавшія въ разное время между Россіей и Франціей, не смотря на кровопролитныя войны, которыя имъ приходилось вести,—между русскими и французами никогда не существовало никакой вражды, и какъ въ прежнее время, такъ и теперь въ обѣихъ націяхъ живетъ сознаніе какой-то взаимности, какой-то близости, обусловливаемой кореннымъ сходствомъ нѣкоторыхъ сторонъ основнаго типа и общаго народнаго характера. Такое сознаніе, дѣйствительно, существуетъ совершенно инстинктивно и въ русскихъ, и во французахъ, и особенно рѣзко выдѣляется въ личныхъ отношеніяхъ русскихъ къ остальнымъ европейскимъ національностямъ. Въ послѣднее время, тяжелое тяготѣніе германскаго милитаризма и слишкомъ безцеремонная отеческая опека желѣзнаго канцлера надъ всей Европой, а также и крайне-приниженное положеніе Франціи, разбитой, раздавленной и ограбленной нѣмцами,—все это еще болѣе усилило наши давнія національныя симпатіи къ Франціи и французамъ, и еще болѣе приблизило насъ къ возможности тѣснаго политическаго сближенія со страною, которая, при нынѣшнемъ, неблагопріятномъ для насъ расположеніи европейскихъ кабинетовъ, является, и должна являться нашею естественною союзницею. Но, и помимо всѣхъ политическихъ и дипломатическихъ соображеній, послѣднее десятилѣтіе, въ значительной степени умалившее самомнѣніе французовъ, привело ихъ къ сознанію необходимости ближе, тѣснѣе, сознательнѣе сблизиться съ Россіею, къ необходимости изучить ея духовную жизнь, ознакомиться съ ея литературою, исторіею, съ ея идеалами и задушевными стремленіями... И это изученіе привело французовъ къ уди-

вительнымъ результатамъ: въ послѣднія десять лѣтъ они открыли новую Россію, о которой они не имѣли никакого понятія, и, безпристрастно признавъ высокія нравственныя качества русскаго человѣка, еще болѣе убѣдились въ необходимости сближенія между двумя «великами народами». Будущее,—и, вѣроятно, недалекое,—покажетъ намъ, въ какой степени тѣсенъ и устойчивъ можетъ быть союзъ, создаваемый не на основаніи однихъ только кабинетныхъ разсчетовъ дипломатіи, а на болѣе прочной основѣ взаимной симпатіи народовъ...

П. П.

АГОНІЯ ПОЛЬШИ[1].

ДРАМАТИЧЕСКІЯ событія, закончившія сто съ небольшимъ лѣтъ назадъ существованіе независимой Польши, не разъ были предметомъ изслѣдованій въ польской литературѣ, но и по настоящее время событія эти по польскимъ источникамъ далеко еще вполнѣ не исчерпаны. Болѣзненность самаго сюжета для національнаго самолюбія и, такъ сказать, современность трактуемаго предмета даже для нашего времени не могли не мѣшать польскимъ историкамъ относиться къ предмету спокойно и безпристрастно. Господствовалъ такой взглядъ, что Польша пала исключительно жертвою ненасытнаго властолюбія и алчности сосѣдей, которые къ тому же раздѣлили ее не столько путемъ завоеванія, силою оружія, сколько предательствомъ, измѣной: не будь этого, конституція 3-го мая 1791 года и предшествовавшій ей 4-лѣтній сеймъ положили бы прочное начало возрожденію страны.

Нельзя сказать, чтобы подобныя мнѣнія, при всей ихъ патріотической односторонности, были совершенно лишены истины, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ дѣйствительно несчастному географическому положенію бывшей Польши. Съ другой стороны, по мѣрѣ того, какъ событія отходятъ въ даль, и колоритъ современности, отпадая отъ нихъ, не затемняетъ болѣе умовъ, и въ средѣ польскихъ историковъ становятся сильнѣе трезвые взгляды на исторію паденія отечества, является сознаніе, что не послѣд-

---

[1]) Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой. Н. И. Костомарова. Изданіе 3-е, исправленное и дополненное. Спб. 1886.

(Коллонтаевская кузница). Kuźnica Kołłątajowska. Studyum Historyczne Napisal Wladyslaw Smolenski. Krakow. 1885.

нюю, если не главную причину этого паденія составлялъ тотъ внутренній «разладъ», которымъ, по извѣстной нелѣпой поговоркѣ, Польша будто бы держалась. Изъ болѣе здоровыхъ взглядовъ можно указать, напримѣръ, мнѣнія профессора Бобжинскаго въ его «Очеркѣ исторіи Польши», на ксендза Калинку, который, «хотя іезуитъ, но въ своемъ сочиненіи «Четырехлѣтній сеймъ» отличается рѣдкимъ безпристрастіемъ и добросовѣстностью, не показываетъ ни тѣни нетерпимости къ православнымъ и диссидентамъ, и съ совершенною откровенностью и вѣрностью взгляда оцѣниваетъ всѣ недостатки и промахи своихъ соотечественниковъ».

Приведенная характеристика книги ксендза Калинки взята нами изъ поименованной въ выноскѣ монографіи Костомарова. Такой отзывъ служитъ лучшимъ доказательствомъ безпристрастія нашего историка къ избранному предмету и къ людямъ, трактующимъ его съ польской стороны,—мы прибавили бы даже,—къ событіямъ и историческимъ лицамъ, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло въ этомъ трудѣ. Тѣмъ болѣе странно, что именно со стороны безпристрастія книга Костомарова недостаточно оцѣнена въ польской литературѣ. Послѣ кончины историка, во время некрологовъ и перечисленія его трудовъ, съ польской стороны слышались такіе голоса, что «Послѣдніе годы Рѣчи-Посполитой» представляютъ собою не столько исторію, сколько политическій памфлетъ. Понятно, что послѣ того, какъ этотъ почтенный трудъ Костомарова былъ напечатанъ въ распространенномъ русскомъ журналѣ, потомъ выдержалъ три отдѣльныхъ изданія, значительно дополненныя авторомъ, со включеніемъ открывавшихся тѣмъ временемъ новыхъ источниковъ (какъ книга Калинки и др.), то здѣсь нѣтъ никакой нужды его защищать. Время и дальнѣйшая разработка источниковъ могутъ внести въ дѣло еще какой нибудь новый свѣтъ, но основной взглядъ Костомарова едва ли потерпитъ измѣненіе. О живости, драматичности разсказа нѣтъ надобности повторять тѣмъ, кто знакомъ съ другими трудами нашего историка, тѣмъ болѣе, что здѣсь самая тема открывала полный просторъ этой сторонѣ его таланта. Укажемъ, напримѣръ, на блестящую характеристику варшавскаго общества, его веселья и разгула передъ самымъ паденіемъ отечества, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ перваго раздѣла, во время 4-лѣтняго сейма, или на поразительныя, даже потрясающія страницы, посвященныя послѣднему гродненскому сейму и его знаменитому нѣмому засѣданію. Не смотря на все бичеваніе этой жалкой пародіи на представительство, даже люди польской стороны замѣтятъ, конечно, прорывающееся у автора сочувствіе несчастному, погибавшему по винѣ своихъ гражданъ государству. Но, рисуя послѣдніе моменты государственной агоніи Польши, авторъ не позволяетъ подкупить себя этому состраданію, не утрачиваетъ спокойствія и безпристрастія даже при видѣ героическихъ, но напрас-

ныхъ попытокъ возрожденія, какія записаны въ его книгѣ рядомъ съ примѣрами малодушія и предательства.

Конституція 3-го мая 1791 года, находившая откликъ въ сердцахъ молодаго поколѣнія даже въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія (напримѣръ, при тогдашнемъ движеніи молодежи въ Вильнѣ), потому больше и сохранила особое обаяніе для потомства, что событія не допустили ей вполнѣ осуществиться. Эта конституція, выставляемая обыкновенно, какъ средство спасти Польшу отъ окончательной гибели, не находитъ въ Костомаровѣ большаго сочувствія; не находитъ безусловнаго порицанія и не менѣе знаменитая (только въ противоположномъ смыслѣ) тарговицкая конфедерація, названіе которой обратилось у многихъ польскихъ авторовъ какъ бы въ нарицательную кличку позора. Авторъ вовсе не защищаетъ и не выгораживаетъ отдѣльныхъ измѣнниковъ, какіе могли находиться въ числѣ героевъ Тарговицы, но, смотря на дѣло со стороны, хладнокровно, именно не какъ памфлетистъ, онъ не скрываетъ, что эта конфедерація, по своимъ принципамъ, не представляла собою чего либо выдающагося, небывалаго. Примѣры исканія реальной помощи отъ чужихъ державъ встрѣчались и раньше въ сеймовыхъ лѣтописяхъ; притомъ тарговичане, безъ сомнѣнія, не предвидѣли окончательнаго исхода, наступленіе котораго ускоряла ихъ конфедерація, почему и нельзя ихъ было тогда назвать сознательными врагами отечества, какими они представляются теперь изъ исторической дали. Они были только не выше большинства своихъ современниковъ, такихъ же своевольныхъ и неразборчивыхъ на средства магнатовъ, какими были сами Щенсный Потоцкій или Северинъ Ржевускій, вожди Тарговицы. Костомаровъ напоминаетъ, что главное условіе спасенія страны заключалось въ людяхъ, которые стояли бы на высотѣ положенія, а такихъ людей не было ни среди тарговичанъ, ни среди защитниковъ конституціи 3-го мая. Послѣдняя несомнѣнно, хотя робко и нерѣшительно, пыталась ввести лучшія начала въ государственный строй, даже установляла наслѣдственную монархію,—оставляя, впрочемъ, положеніе крестьянъ незатронутымъ,—но даже и эти умѣренныя начала были чужды массѣ тогдашнихъ польскихъ «вершителей судебъ», чужды тому état légal (если можно такъ назвать своевольную олигархію), которое распоряжалось страной во имя народа. Эти паны свыклись съ мыслью о «республикѣ» съ безгласнымъ королемъ, котораго конституція у нихъ отнимала, снабжая наслѣдственнымъ монархомъ, крайне подозрительнымъ для этихъ малыхъ «корольковъ» и содержимой ими буйной, праздной, холопствовавшей передъ своими благодѣтелями шляхты. Казалось бы, въ данное время, по крайней мѣрѣ, не было ни малѣйшихъ основаній къ такому подозрѣнію: короля Станислава-Августа можно было упрекать во многомъ (и больше всего въ неспособности), но ужъ никакъ не въ деспотическихъ поползновеніяхъ. Впрочемъ, кстати

сказать, и на этого несчастнаго государя начинаетъ теперь складываться у историковъ (кс. Калинка) болѣе благопріятный взглядъ.

Дѣло въ томъ, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ едва ли какой либо другой, даже съ выдающимися дарованіями, монархъ могъ быть опасенъ для «вольности», которой больше всего угрожали сами ея поклонники, а вслѣдъ за ними иностранныя войска. Смѣшеніе понятій, господствовавшее въ ту пору, исключаетъ возможность даже предполагать какой нибудь строго опредѣленный политическій взглядъ на той или другой изъ враждовавшихъ сторонъ. Для однихъ конституція 3-го мая была подозрительною, какъ чрезмѣрно монархическая, для другихъ якобинскою, подъ вліяніемъ напуганнаго французской революціей воображенія. Ни того ни другаго у людей 3-го мая не было, не было даже и совершенной свободы отъ упрека въ сношеніяхъ съ иностранною властью. Если Тарговица призвала русскія войска, то поборники конституціи вели переговоры съ Пруссіей, поведеніе которой, между тѣмъ, во весь этотъ періодъ отличалось крайнею двуличностью относительно поляковъ: натравливая ихъ на вражду съ Россіей, она тѣмъ самымъ лишала Польшу послѣдней жизненной опоры, если только жизненность тогда была вообще возможна для этого изможденнаго государственнаго организма. Костомаровъ, описывая еще событія перваго раздѣла, говоритъ, что какъ ни ужасна была для патріотическаго самолюбія поляковъ внѣшняя гарантія Россіи, но только она и представляла еще ручательство за обузданіе самоуправства и безпорядка, за успокоеніе «внутреннихъ стихій разрушенія». Даже въ сочиненіи ксендза Калинки русскій историкъ замѣтилъ отраженіе взгляда, что это было единственнымъ средствомъ поднять Польшу изъ упадка. Въ эпоху же начала 90-хъ годовъ упадокъ этотъ такъ сильно уже подвинулся впередъ, что, по мнѣнію Костомарова, окончательное паденіе несчастной страны составляло лишь вопросъ времени: съ конституціей 3-го мая Польша протянулась бы нѣсколько далѣе, прозябала бы еще нѣкоторое время, а Тарговица покончила свое отечество сравнительно скорѣе. Едва ли, впрочемъ, можно было серьёзно надѣяться на возрожденіе страны, посредствомъ русской гарантіи, даже во время перваго раздѣла. Самый фактъ раздѣла, произведеннаго безъ войны, не вслѣдствіе завоеванія, а просто по праву сильнаго, и отчасти съ цѣлью охранить отъ безпорядковъ сосѣднія съ Польшею области, противорѣчилъ возможности такого возрожденія. Необходимая для спасенія страны гарантія могла бы заключаться развѣ только въ личной уніи съ Россіей, но, не говоря уже объ унизительности для самолюбія поляковъ какой бы ни было формы иностранной гарантіи, какая же сосѣдняя страна согласилась бы, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, вступать съ Польшей въ личную унію и тѣмъ навлекать на себя ничѣмъ не вознаграждаемыя хлопоты, тогда какъ при простой зависимости, къ которой послѣ

порваго раздѣла Польша шла вѣрнымъ шагомъ относительно России, событія логически привели къ переходу польскихъ земель подъ власть послѣдней, съ уступкою лишь части ихъ сосѣдямъ.

Вопросъ о вліяніи сосѣднихъ державъ на упадокъ Польши никакъ нельзя устранить изъ обсужденія. Хотя въ самой Польшѣ были зачатки разложенія,—Костомаровъ ихъ видитъ особенно въ противоестественномъ соединеніи рабства съ республиканской формой правленія,—но если бы географическое положеніе Польши было счастливѣе, если-бъ она могла быть вполнѣ предоставлена самой себѣ, то въ концѣ концовъ, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго броженія, она могла еще принять какое нибудь прочное устройство. Органическіе пороки ея тогдашняго устройства и нравовъ уже сознавались лучшими людьми своего времени, и рано или поздно это сознаніе могло распространиться, если бы не запутанныя отношенія къ иностраннымъ дворамъ, особенно прусскому, всегдашнему поджигателю польскихъ раздоровъ.

Наименованіе русскимъ посланникомъ польской избы пословъ «домомъ сумасшедшихъ» напоминаетъ намъ аналогическое опредѣленіе, данное въ наше время Испаніи португальскими газетами: во время ожесточенныхъ внутреннихъ смутъ, отъ 1868 до 1875 года, когда Испанія поочередно испытала господство различныхъ партій и, не удовлетворяясь ни одною изъ нихъ, раздиралась междоусобіями, органы печати въ единственной, безсильной ея сосѣдкѣ Португаліи выражали прискорбіе, что окна ихъ дома выходятъ въ «домъ сумасшедшихъ»... Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не была Испанія за все послѣднее 50-лѣтіе обуреваема междоусобіями и революціями, развѣ не колебались въ ней даже основы государственнаго строя, когда страна оспаривалась различными претендентами, переходила отъ чужеземной династіи къ республикѣ разныхъ сортовъ и т. п. Это умалило до послѣдней степени значеніе Испаніи въ ряду европейскихъ державъ, какъ была умалена и Польша со временъ Августа II; однако-жъ Испанія не внушила никому желанія раздѣлить или оттягать часть ея территоріи. (Мы не говоримъ о прошлогоднемъ покушеніи на захватъ Каролинскихъ острововъ, вызвавшемъ взрывъ негодованія въ лучшей части европейской печати). И между тѣмъ этотъ новый «домъ сумасшедшихъ», повидимому, оправился и даже поражаетъ современниковъ своимъ спокойствіемъ, а Польша умерла политически, и возрожденіе ея мало вѣроятно, безъ какихъ либо непредвидѣнныхъ потрясеній въ организмѣ Европы. На ея примѣрѣ съ особенною яркостію выказалась важность географическаго положенія для политической независимости страны.

При такомъ положеніи, хроническій внутренній разладъ долженъ былъ имѣть рѣшающее значеніе. Взятыя же въ отдѣльности, общепризнанныя причины паденія Польши авторъ отвер-

гаетъ; онъ не считаетъ виною ни избирательную систему правленія, существовавшую и въ Германіи, ни своеволіе магнатовъ съ приниженностью сельскаго класса населенія, чтò было тогда въ большей или меньшей степени повсемѣстно въ Европѣ, ни даже религіозныя преслѣдованія, вызывавшія въ Европѣ еще больше раздоровъ, чѣмъ въ Польшѣ. Онъ не противникъ даже и liberum veto, которое хотя препятствовало успѣху всякой доброй мѣры, но вмѣстѣ съ тѣмъ сдерживало и несчастныя рѣшенія; на такъ называемыхъ конфедерованныхъ сеймахъ, дѣла рѣшались большинствомъ голосовъ, но это не помѣшало самимъ конфедераціямъ быть одной изъ величайшихъ язвъ независимой Польши. «Корень паденія Польши,—говоритъ авторъ,—въ той деморализаціи шляхетскаго сословія, умственной и нравственной, которая лишала силы хорошія учрежденія и увеличивала власть дурныхъ, въ тѣхъ качествахъ народа, которыя такъ легко увлекли его къ деморализаціи и вообще дѣлали поляковъ неспособными къ самостоятельной государственной жизни», въ чудовищномъ соединеніи рабства съ республикой. Является вопросъ: какъ же Польша могла существовать около тысячи лѣтъ и даже угрожать одно время сосѣдямъ? Это объясняется слабостью сосѣдей, которые не могли пока воспользоваться ея нестроеніемъ, и подтверждаетъ нашъ взглядъ о роковомъ значеніи именно ея географическаго положенія, благодаря которому, при усиленіи сосѣдей, она должна была задохнуться.

Расколъ между верхней и нижней половинами общества, обычный долгое время и другимъ странамъ, встрѣчающійся на практикѣ даже въ наши дни, въ Польшѣ былъ упорнѣе, чѣмъ гдѣ нибудь и, между прочимъ, немало способствовалъ неудачному исходу героической попытки возстанія, поднятаго Костюшкой. Вообще, не смотря на устное прославленіе соотечественниками этого поляка съ американскими понятіями, на дѣлѣ они ему мало сочувствовали, на сколько дѣло шло за предѣлы простыхъ военныхъ успѣховъ. Универсалъ Костюшки отъ 7 мая 1794 года объ освобожденіи крестьянъ изъ-подъ рабства панамъ не только остался мертвой буквой, но даже принесъ дѣлу возстанія больше вреда, чѣмъ пользы. «Чѣмъ энергичнѣе Костюшко хотѣлъ подвинуть впередъ возстаніе, тѣмъ больше оно теряло приверженцевъ: предписанія главнокомандующаго не исполнялись, пожертвованія шли очень туго, сборъ налоговъ встрѣчалъ противодѣйствіе, крестьяне не сознавали цѣлей возстанія и новыхъ началъ, вносимыхъ въ жизнь Костюшкой, видѣли только безпрерывныя тягости и разореніе; шляхта желала возстановленія старо-шляхетской Польши, съ сохраненіемъ всѣхъ своихъ привиллегій, а не такой, какую давалъ уразумѣть «генералиссимусъ», проникнутый американскими идеями или даже, какъ опасались его земляки, зловреднымъ духомъ якобинства»... Приба-

вимъ, что Костюшко, честный и прямодушный самъ по себѣ, былъ вовсе не политикъ и не всегда ясно видѣлъ, что дѣлалось вокругъ него. Мимолетный успѣхъ его подъ Рацлавицами, — успѣхъ, которымъ онъ обязанъ исключительно хлопамъ, тогда какъ шляхта обратилась въ бѣгство, могъ уже показать всю непрочность положенія. Удивительно ли, что послѣ гласнаго заявленія Костюшки о намѣреніи освободить крестьянъ, при отсутствіи дальнѣйшихъ громкихъ успѣховъ польскаго оружія, извѣстной части шляхты сталъ представляться вопросъ: изъ-за чего воевать, если русская государыня оставитъ за шляхтою драгоцѣнное право власти надъ хлопомъ? Эта догадка оказалась практичною. Записанная Костомаровымъ на Волыни народная пѣсня отражаетъ въ себѣ горькое сознаніе народа, что и по присоединеніи къ Россіи судьба хлопа не улучшилась, что онъ остался еще долго подъ властью тѣхъ же пановъ и что Россія и Польша — для него лишь двѣ тучи: «одна черная, другая сизая...». Вотъ приговоръ настоящей, «правдивой исторіи» надъ политическими тревогами и радостями, которыми полонъ послѣдній, драматическій періодъ бытія старой Польши. Теоретическое различіе въ положеніи русскихъ и польскихъ крестьянъ, впрочемъ, было: русскій крѣпостной, въ глазахъ закона, никогда не считался скотомъ, хотя, къ сожалѣнію, на дѣлѣ былъ безсловеснымъ...

Не лишнее упомянуть также о той сторонѣ достопамятнаго для поляковъ періода, которою занимается выписанная нами въ заголовкѣ брошюра «Коллонтаевская кузница», и которой посвящено нѣсколько мѣстъ также въ трудѣ Костомарова. Это — господство такъ называемаго «якобинскаго» направленія въ Варшавѣ, незадолго до взятія ея Суворовымъ и нѣсколько ранѣе, начиная съ 4-лѣтняго сейма. Главою этого направленія, выразившагося, между прочимъ, въ обильной литературѣ памфлетовъ, былъ ксендзъ Гуго Коллонтай; онъ сгруппировалъ вокругъ себя радикальный кружокъ, получившій характерное прозваніе «кузницы», «вулканомъ» которой былъ нѣкто Езерскій. «Кузница» хотя и проповѣдовала революціонный походъ противъ русскихъ, хотя толковала о правахъ человѣка, объ уравненіи сословій, даже «объ изгнаніи самаго названія «сословіе» изъ народнаго словаря», однако-жъ, въ ея писаніяхъ было немало пустой декламаціи; глава кузницы, Коллонтай, умѣлъ заручиться помощью людей богатыхъ, у которыхъ заискивалъ, а самъ, въ свою очередь, привлекалъ на свою сторону какъ нѣкоторыхъ легковѣсныхъ ораторовъ на сеймѣ, такъ и различный праздный людъ, который за дешевенькія награды, угощенія или обѣщанія содѣйствовалъ памфлетами, брошюрами и пасквилями кузницы, формировкѣ такъ называемаго общественнаго мнѣнія. Коллонтай не былъ ни посломъ, ни сенаторомъ, извѣстность онъ получилъ сначала на педагогическомъ поприщѣ, какъ преобразо-

ватель Краковской академіи, а потомъ, около времени открытія 4-лѣтняго сейма, сталъ добиваться вліянія на польское общество, чтобъ произвести давленіе на людей, стоявшихъ у власти и имѣвшихъ силу въ сеймѣ. Наиболѣе яркимъ его произведеніемъ были анонимныя «Письма къ маршалу сейма 1788 года», которыя и дѣйствительно не остались безъ вліянія на дѣйствія этого, впрочемъ, малоуспѣшнаго сейма.

Для характеристики этого краснорѣчиваго «радикала» того времени достаточно указать на отношеніе Коллонтая къ крестьянамъ: онъ высказывается за предоставленіе крестьянамъ личной свободы, пересыпая свою рѣчь въ изобиліи риторикой, но дальше не идетъ ни на шагъ. «Отдадимъ хлопу свободу его личности и его рукъ, и этотъ трудолюбивый народъ, который насъ кормитъ, обработываетъ наши поля, удвоитъ охоту къ труду и, привязавшись крѣпко къ землѣ, обогатитъ наше общество... полюбитъ отечество... тогда какъ теперь онъ едва разнится отъ скота». Коллонтая называютъ однимъ изъ виновниковъ конституціи 3-го мая 1791 года; съ неменьшимъ правдоподобіемъ его можно назвать и однимъ изъ подстрекателей черни на тѣ неистовства, какими ознаменовалась Варшава предъ окончательнымъ занятіемъ ея русскими войсками. Онъ устроивалъ «верховный совѣтъ» въ Варшавѣ, во время Костюшки, употреблявшій всѣ усилія къ поддержанію революціи, и нѣкоторое время даже былъ душою этого совѣта. Но потомъ, когда, послѣ пораженія и плѣна Костюшки, дѣла приняли совсѣмъ критическій оборотъ, Коллонтай перессорился съ остальными членами совѣта, настаивая на томъ, чтобъ не вступать ни въ какую сдѣлку съ москалями. Кончилось тѣмъ, что онъ бѣжалъ изъ Варшавы, захвативъ съ собой, какъ говорили, до 10,000 червонцевъ. Къ сожалѣнію, полной біографіи этого, всетаки, замѣчательнаго человѣка не имѣется въ упомянутой брошюрѣ, она занимается только его «кузницей», въ составъ которой входили даже простые уличные агитаторы, въ родѣ Конопки или Мейера, пропавшаго безъ вѣсти послѣ капитуляціи Варшавы.

Повидимому, кузница была сильнѣе въ отрицательномъ, критическомъ отношеніи, чѣмъ въ положительномъ. Особенно выразителенъ былъ въ этомъ отношеніи «вулканъ» кузницы, каноникъ Езерскій. «Любимой темой его была критика существующаго порядка, съ особеннымъ удареніемъ на исключительность положенія шляхты и на своеволіе магнатовъ вмѣстѣ съ обороною правъ низшихъ». Самымъ ядовитымъ образомъ онъ бичуетъ общее положеніе внутреннихъ дѣлъ въ своемъ юмористическомъ «Катехизисѣ». «Польша—это въ одно и то же время королевство, безкоролевье и республика,—говорится тамъ. Въ республикѣ, созданной привиллегіями и неладомъ, господствуютъ король, сенатъ и рыцарство—три званія, и въ то же время одинъ шляхтичъ, ибо и король, и се-

наторъ, и посолъ не составляютъ чего либо иного, какъ только шляхту. Это тайна, непонятная разуму, что Рѣчь Посполитая, имѣя для своего управленія только одно шляхетское званіе, чудеснымъ образомъ сотворила изъ него три званія...

«Въ народѣ польскомъ,—пишетъ Езерскій,—кто не шляхтичъ, тотъ не можетъ считаться даже человѣкомъ. Хлопъ-земледѣлецъ въ Польшѣ, конечно, не человѣкъ. Онъ имѣетъ только видимость души и тѣла, но самъ онъ—не человѣкъ, а собственность шляхтича, который, будучи неограниченнымъ господиномъ, можетъ его продавать, покупать, обращать въ свою пользу, какъ рабочій скотъ продается съ фольварками и инвентарными описями. Мѣщанинъ—также не совершенный человѣкъ; онъ—посредствующее существо между человѣкомъ-шляхтичемъ и не человѣкомъ-хлопомъ. Выражаясь богословскимъ языкомъ, это—substantia incompleta...

«Случается, правда, что къ этому несовершенному существу идетъ на поклонъ самъ шляхтичъ, когда нужны деньги; но, всетаки, мѣщанинъ «подобенъ хлопу» и потому не можетъ чувствовать такого сильнаго призванія къ религіи, которое привело бы его на степень епископа, не можетъ обладать доблестью, ибо не вправѣ быть офицеромъ,—не можетъ ни имѣть участія въ совѣтахъ своей отчизны, ни даже быть сельскимъ хозяиномъ — ему запрещено владѣть землею.

«Король, выбранный свободной элекціей, подъ охраной вольности шляхетской и по милости какого либо сосѣдняго государства, во время своей элекціи значитъ все, а по принятіи панства—очень немногое. За то шляхтичъ въ Польшѣ—самодержавный монархъ на тронѣ. Онъ имѣетъ надъ собой законъ, который самъ же издаетъ и котораго не слушаетъ. Онъ владѣетъ всякими имѣніями,—и королевствами, и выморочными, и конфискованными, — установляетъ подати, которыя уплачиваютъ хлопъ, мѣщанинъ, жидъ и ксендзъ. Особымъ же отличіемъ шляхты служатъ свобода и равенство... Равенство это проявляется на сеймикахъ.. столь же долго, какъ комедіантъ на сценѣ бываетъ Ахилломъ, Цезаремъ, Энеемъ, или какимъ нибудь героемъ... Когда наступаютъ сеймики, богатые обыватели велятъ выворотить на изнанку свои мундиры, нарядятъ въ нихъ босоногую шляхту, каждый привезетъ свою партію на сеймикъ, поитъ ее, называетъ панами-братьями и... въ томъ выражается равенство!... Шляхтичъ, котораго батогомъ выгоняютъ выполнять поземельную повинность, становится на одинъ разъ равнымъ своему пану»...

Разсказавъ о правосудіи и судьяхъ, «пожизненныхъ и временныхъ, наемныхъ и покупныхъ», сатирикъ увѣряетъ, что въ Польшѣ, наряду съ правосудіемъ, процвѣтаетъ и торговля, особенно политическая......свойственная только польскому народу. Торговля раздѣляется на внутреннюю и заграничную: къ первой относится най-

митство на сеймики, продажа правосудія, должностей и званій; ко второму — предложеніе услугъ сосѣднимъ кабинетамъ. Послѣдняго рода торговлю производятъ сенаторы и министры, мелкая же шляхта играетъ въ ней роль мелочныхъ торговцевъ и скромныхъ барышниковъ.

«Польская военная сила до сихъ поръ была двоякая—польскаго и чужеземнаго набора. Первый такъ былъ многочисленъ, что каждый сенаторъ, министръ и коронный чиновникъ имѣлъ хоругвь гусарскую или панцырную, имѣлъ право ношенія темляка на саблѣ. Надъ арміей Рѣчи Посполитой предводительствуетъ гетманъ, великій вождь очень малаго войска, котораго булава, переставъ быть страшною непріятелю, сдѣлалась, вслѣдствіе насилія, обременительною только обывателямъ. Важное значеніе гетманской власти выражалось въ сзываніи сеймовъ, въ распространеніи подозрѣній о короляхъ, въ собираніи своихъ пословъ силою на сеймики...

«Польскій край рѣдко терпитъ отъ несчастныхъ естественныхъ случайностей; въ немъ не бываетъ землетрясеній, рѣдки заразительныя болѣзни, голодъ неизвѣстенъ, война невозможна... невозможна, потому что хотя бы и отняли у поляковъ прусскія области, часть малой Польши и Литвы, но все это можетъ совершиться безъ войны, безъ пролитія крови, не трогая ружейнаго курка. Республику постигаютъ и несчастья, но свои, особенныя, отличныя отъ другихъ народовъ, какъ-то: безкоролевье, конфедераціи, элекціи, амнистіи. Все это замѣняетъ собою землетрясенія, эпидеміи, ужасы войны».

Такимъ образомъ, сознаніе гибельнаго значенія шляхты мы находимъ очень ярко выраженнымъ у польскихъ либераловъ XVIII столѣтія. Вліяніе современныхъ французскихъ идей сказывалось еще въ усиленномъ отстаиваніи правъ «третьяго сословія». Езерскій перевелъ извѣстную брошюру аббата Сійэса, снабдивъ ее дополненіями, которыя, впрочемъ, «не увеличили значенія этого памфлета»... Въ защиту мѣщанства и противъ шляхты онъ ратовалъ также и въ самостоятельныхъ, частію аллегорической формы брошюрахъ, доказывая, какъ несправедливо убѣжденіе, будто бы «у шляхтича кровь красная, а у мѣщанина зеленая», и т. п.

Не смотря на свои демократическія начала, политическая программа Езерскаго съ Коллонтаемъ удерживала сословную организацію, сохраняла даже преимущества шляхетства, только съ болѣе свободнымъ къ нему доступомъ и съ уравненіемъ его въ политическихъ правахъ съ мѣщанствомъ. Въ вопросахъ соціальныхъ люди «кузницы» вовсе не были радикалами: собственность для нихъ священна; по части религіи это—бывшіе ксендзы-деисты... И только въ политикѣ они революціонеры, невольно сохраняя вѣрность польскимъ традиціямъ. Вліяніе Коллонтая и другихъ членовъ кузницы на клубы (именно радзивилловскій), которые начали формироваться

въ Варшавѣ въ подражаніе Парижу, было довольно сильное. Въ уличныхъ волненіяхъ тоже отличались, какъ сказано, люди «кузницы»: Мирославскій, Конопка, Дембовскій и ксендзъ Мейеръ. Послѣдній въ уличныхъ подвигахъ былъ товарищемъ извѣстнаго сапожника Килинскаго, одного изъ виновниковъ возстанія въ 1794 году. Килинскій оставилъ записки о своихъ подвигахъ, въ которыхъ, однако-жъ, по словамъ Костомарова, «много хвастаетъ», явно «прилыгаетъ». Былъ моментъ,—въ маѣ 1794 года,—когда «кузница» достигла наибольшаго значенія, почти захватила въ свои руки власть, по словамъ брошюры, «распоряжалась матеріальными и моральными средствами края» и ничего не умѣла достигнуть на пользу народа. Коллонтай заправлялъ финансами, Дмоховскій издавалъ ежедневную «правительственную газету», гдѣ, между прочимъ, публиковались имена получавшихъ пенсіи отъ русскаго двора и задѣвался самъ король, который печатно же опровергалъ заявленія этой «оффиціальной» газеты. Толпа съ участіемъ членовъ «кузницы» казнила измѣнниковъ, въ родѣ князя Антонія Четвертинскаго, одного изъ тарговичанъ, и т. п.; о Коллонтаѣ говорили, что онъ вводитъ практику французскаго конвента. «Гугонисты» (такъ стали называть послѣдователей Коллонтая) замышляли уже, овладѣвъ правленіемъ, войскомъ и общественнымъ мнѣніемъ, «спровадить» короля съ его родней, приготовлялись списки людей подозрительныхъ. Упрековъ и угрозъ не миновалъ даже Костюшко. Терроризмомъ хотѣли возбудить дремлющія въ народѣ силы и энергію. Съ занятіемъ столицы русскими войсками организація этой пародіи на французскій конвентъ прекратилась, «кузница» разбѣжалась, вслѣдъ за своимъ вождемъ, который, по крайней мѣрѣ, съумѣлъ запастись деньгами... Частный характеръ Коллонтая обрисованъ въ непривлекательномъ свѣтѣ и въ книгѣ кс. Калинки, который проводитъ параллель между нимъ и извѣстнымъ публицистомъ того времени Сташицемъ. Этотъ послѣдній обезпечилъ себѣ въ исторіи почтенное имя своимъ краснорѣчивымъ заступничествомъ за крестьянъ и яркой картиной ихъ тогдашняго положенія. Но онъ не былъ членомъ «кузницы» и въ упомянутой брошюрѣ ставится ниже какъ Коллонтая, такъ и Езерскаго.

Эпизодъ, разсказанный въ брошюрѣ, составляетъ не лишенное назидательности дополненіе къ общей исторіи «Послѣднихъ лѣтъ Рѣчи Посполитой». Какъ вся страна погибла отъ своеволія шляхты, отъ безнравственности и продажности своихъ пословъ и сенаторовъ, при другихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, такъ послѣдній фазисъ собственно народнаго возстанія не выказалъ ни большей солидарности между защитниками отечества, ни того порыва истиннаго патріотизма, который дѣлаетъ почтенною въ исторіи личность Костюшки. Вмѣсто того, мы видимъ личные разсчеты, раздоры, пародированіе французской революціи людьми, которые не годи-

лись ни въ какое сравненіе съ ея двигателями, неурядицу и, наконецъ, бѣгство вождя «кузницы», захватившаго кстати и казну... Чѣмъ же лучше были эти защитники отечества противъ той шляхты, надъ которой такъ зло и заслуженно смѣялся самый даровитый изъ нихъ, рано умершій Езерскій?

Исторія потому и называется rerum magistra, что развѣнчиваетъ ложное величіе и воздаетъ каждому по заслугамъ...

Н. С. Кутейниковъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Изъ исторіи возникновенія раскола при патріархѣ Никонѣ. Графа А. Гейдена. Спб. 1886.

АША УЧЕНАЯ литература по расколу очень велика, существуетъ масса книгъ и статей, трактующихъ о расколѣ и съ исторической, и съ догматической стороны, но изъ всей этой массы врядъ ли наберется десятка два сочиненій, могущихъ удовлетворить требованіямъ научной критики. Главный недостатокъ этихъ сочиненій— отсутствіе безпристрастія: одни авторы (особенно изъ духовныхъ) имѣютъ въ виду цѣль полемическую и унижаютъ раскольниковъ, другіе весьма сантиментально стремятся ихъ превознести. Очень много сочиненій вышло изъ-подъ пера разныхъ спекулянтовъ, въ родѣ Ливанова, Андреева и др.—эти совсѣмъ никуда не годятся. Особенно печально состояніе исторіи раскола, даже самыя первыя его времена выяснены крайне недостаточно; прекрасно изданными г. Субботинымъ матеріалами до сихъ поръ пользовались очень немногіе. Въ виду всего этого пріятно видѣть появленіе такого труда, какъ изслѣдованіе гр. Гейдена, стремящагося поставить дѣло на вполнѣ объективную научную почву. Гр. Гейденъ ставитъ себѣ задачей изслѣдовать вопросъ о вліяніи греческой церкви на возникновеніе раскола. Онъ называетъ этотъ вопросъ «весьма мало изслѣдованнымъ», — такое положеніе далеко не точно; вопросъ о вліяніи грековъ на исправленіе нашихъ богослужебныхъ книгъ, а слѣдовательно и на возникновеніе раскола, разбирается весьма обстоятельно въ книгѣ г. Каптерева: «Сношенія Россіи съ православнымъ востокомъ». Гр. Гейденъ, по всей вѣроятности, не знаетъ этой книги, по крайней мѣрѣ, мы нигдѣ у него не встрѣтили на нее ссылокъ, а она могла бы быть для него весьма важнымъ пособіемъ. Но, не смотря на это, книжка гр. Гейдена имѣетъ значеніе, по-

тому что весьма подробно излагаетъ борьбу главнаго вождя церковной оппозиціи, протопопа Неронова, съ патріархомъ Никономъ,— она, такъ сказать, на частномъ примѣрѣ подтверждаетъ общія положенія, высказанныя г. Каптеревымъ, и, кромѣ того, въ ней болѣе разсматривается вопросъ о противодѣйствіи съ русской стороны, тогда какъ г. Каптеревъ обращаетъ менѣе вниманія на оппозицію, чѣмъ на самую роль греческихъ іерарховъ. Главною причиною протеста было «чувство задѣтаго національнаго самолюбія, оскорбленнаго распоряженіями Никона, — чувство, имѣвшее главнѣйшее, самое существенное первенствующее вліяніе и значеніе въ дѣятельности Неронова и всѣхъ его единомышленниковъ противъ преобразованій Никона». На малороссовъ и грековъ вообще въ Москвѣ смотрѣли косо, какъ на иноземцевъ, а «когда они взялись настойчиво за церковныя исправленія, то со всѣхъ сторонъ поднялись голоса въ защиту родной старины отъ иноземной ереси». Неувѣренность въ православіи греческой церкви была общая, такъ что даже соборъ 1666 года, прежде чѣмъ судить раскольниковъ, поставилъ себѣ вопросъ, какъ смотрѣть на греческихъ патріарховъ?

Касаясь клятвъ, произнесенныхъ противъ раскольниковъ, гр. Гейденъ справедливо указываетъ, что въ этомъ случаѣ главную роль играло греческое духовенство; особенно это вѣрно въ примѣненіи къ первому соборному проклятію: Никону принадлежало здѣсь второстепенное участіе, главнымъ же виновникомъ его былъ чужеземецъ, антіохійскій патріархъ Макарій. Также думаетъ различить авторъ дѣйствія соборовъ 1666 и 1667 гг., но тутъ у него является нѣкоторая неясность. Онъ говоритъ: «Если въ 1666 г. соборъ русскихъ іерарховъ отлучилъ и проклялъ тѣхъ изъ раскольниковъ, которые называли неправославною восточную греческую церковь съ ея представителями и выказывали открытое сопротивленіе самому собору, и при этомъ велѣлъ впредь привлекать къ церковному суду всѣхъ ослушниковъ соборныхъ постановленій, то въ слѣдующемъ 1667 г. восточные патріархи Паисій и Макарій, опираясь на тѣхъ же членовъ собора, нарекли отъ имени вселенской церкви властью, данною имъ отъ Св. Духа, вѣчное проклятіе и отсѣченіе отъ Христовой церкви не только на всѣхъ раскольниковъ того времени, но и на будущихъ ихъ единомышленниковъ, сдѣлавъ ихъ наслѣдниками этой клятвы». Такъ различаетъ рѣшенія двухъ соборовъ гр. Гейденъ, но, кажется, это нѣсколько натянуто, разница только въ словахъ, и тотъ и другой соборъ одинаково предали клятвѣ сопротивляющихся церковнымъ исправленіямъ. Такова общая характеристика изслѣдованія гр. Гейдена; остановимся еще на нѣкоторыхъ частныхъ вопросахъ. Гр. Гейденъ прекрасно выясняетъ степень участія въ оппозиціи Павла, епископа коломенскаго. Подпись Павла на дѣяніи собора 1654 г., утвердившаго нѣкоторыя Никоновскія исправленія, заставляла предполагать, что онъ не былъ противникомъ реформъ, но гр. Гейденъ весьма убѣдительно доказываетъ, что эта подпись была вынужденная, и что «Павелъ на соборѣ 1654 г. высказалъ противодѣйствіе самому дѣлу церковныхъ преобразованій во всей его широтѣ, на томъ основаніи, что новыя исправленія, дѣлаемыя по совѣту грековъ, еретичны, такъ какъ сами греки еретичны». Вообще слѣдуетъ замѣтить, что критическіе пріемы автора очень хороши, онъ прекрасно примѣняетъ такъ называемую Шлецеровскую kleine Kritik, какъ это, напр., видно изъ разбора грамоты патріарха константинопольскаго Паисія къ Никону. Путь объективности, избранный авторомъ, есть самый вѣрный; именно нужна

такая исторія первыхъ временъ раскола, гдѣ бы съ возможнымъ безпристрастіемъ, день за днемъ, часъ за часомъ, были прослѣжены дѣйствія исправителей и ихъ противниковъ.

А. Бороздинъ.

Городъ Воронежъ. Историческій очеркъ Л. В. Вейнберга, члена-секретаря воронежскаго губернскаго статистическаго комитета. Воронежъ. 1886.

Неутомимый изслѣдователь Воронежскаго края, Л. Б. Вейнбергъ, объ изданіяхъ котораго мы уже имѣли случай говорить на страницахъ «Историческаго Вѣстника», выпустилъ недавно еще новую работу, названіе которой приведено нами въ заголовкѣ. Книжка эта была составлена авторомъ къ трехсотлѣтнему юбилею города Воронежа. Спѣшность работы и краткость времени, имѣвшагося въ распоряженіи г. Вейнберга, не дозволили ему внимательно обработать свой матеріалъ, вслѣдствіе чего въ «Очеркѣ» получились замѣтные пробѣлы, которые, несомнѣнно, могли бы быть устранены при болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Тѣмъ не менѣе, нужно отдать справедливость автору: онъ, при данныхъ обстоятельствахъ, сдѣлалъ, повидимому, все отъ него зависящее, чтобы очеркъ вышелъ возможно полнымъ и систематичнымъ. Онъ не упустилъ изъ виду ни одного печатнаго труда по исторіи города Воронежа изъ числа появившихся до послѣдняго времени, обращался за источниками во многія столичныя и даже заграничныя книгохранилища и, кромѣ того, дополнилъ по возможности пробѣлы печатныхъ источниковъ многочисленными рукописными данными изъ мѣстныхъ архивовъ. Вслѣдствіе этого, въ книгѣ г. Вейнберга мы находимъ множество интереснѣйшихъ свѣдѣній о прошлой жизни города Воронежа. Оказывается, напримѣръ, что даже въ XVII вѣкѣ грамотность въ Воронежѣ была распространена весьма сильно, такъ что большинство «вчинявшихъ иски» и привлекаемыхъ къ суду имѣли возможность подписываться собственноручно. Обученіемъ грамотѣ занималось въ то время преимущественно духовенство—попы, дьяконы и дьячки. Ученіе велось по особымъ «азбукамъ», которыя составлялись мѣстными грамотѣями. Каждый мало-мальски зажиточный «житель», выдавая дочь замужъ, вмѣстѣ съ рядной записью заказывалъ грамотѣю написать и азбуку для своихъ будущихъ внуковъ. Одна изъ такихъ азбукъ помѣщена г. Вейнбергомъ въ приложеніи къ «Очерку».

Не смотря, однако, на такую распространенность грамотности среди воронежцевъ, эти послѣдніе въ культурномъ отношеніи, должно быть, стояли не только въ то отдаленное отъ насъ время, но даже и въ первой половинѣ текущаго столѣтія очень и очень невысоко. Прекрасной иллюстраціей этого является любопытный фактъ, разсказанный г. Вейнбергомъ въ концѣ его книги,—объ открытіи въ Воронежѣ публичной библіотеки въ 1830 году. Дѣло было такимъ образомъ. 5-го іюля 1830 года получено было мѣстнымъ губернаторомъ г. Вѣгичевымъ циркулярное предписаніе отъ министра внутреннихъ дѣлъ, графа Закревскаго, о немедленномъ открытіи въ городѣ Воронежѣ публичной библіотеки. Губернаторъ забѣгалъ, засуетился: нужно было достать для библіотеки помѣщеніе, мебель и безплатнаго библіотекаря, такъ какъ, повидимому, денегъ на этотъ предметъ отпущено не было. Онъ обра-

щался къ разнымъ лицамъ и учрежденіямъ съ просьбою о безмездномъ отводѣ помѣщенія подъ библіотеку, но—увы!—воронежцы, должно полагать, были столь мало убѣждены въ пользѣ этого учрежденія, что на призывъ губернатора никто не откликнулся; даже епископъ воронежскій Антоній нашелся вынужденнымъ отклонить губернаторское предложеніе. Въ концѣ концовъ, однако, небо сжалилось надъ губернаторомъ: дворяне дозволили помѣстить библіотеку въ верхнемъ этажѣ зданія дворянскаго собранія. Успокоенный на счетъ помѣщенія, губернаторъ поручилъ директору воронежскихъ училищъ, фонъ-Галлеру, начертить «предварительныя правила для учреждаемой въ городѣ Воронежѣ публичной библіотеки» и, кромѣ того, поручилъ тому же фонъ-Галлеру назначить кого либо изъ учителей на должность библіотекаря; съ другой стороны онъ далъ порученіе губернскому архитектору составить смѣту, во что обойдется самая скромная мебель для публичной библіотеки. Отвѣтъ этихъ двухъ ученыхъ мужей былъ весьма замѣчателенъ. Изъ смѣты, представленной архитекторомъ, оказалось, что три простыхъ шкафа обойдутся для библіотеки по 90 руб. каждый, простой столъ изъ сосновыхъ досокъ съ 4 выдвижными ящиками — въ 50 руб., дюжина простыхъ стульевъ, покрытыхъ краснымъ лакомъ,—въ 60 рублей и т. д. Что же касается фонъ-Галлера, то на просьбу губернатора о назначеніи библіотекаря онъ отвѣчалъ: «На отношеніе вашего превосходительства отъ 25-го августа... честь имѣю всепочтеннѣйше увѣдомить, что на пріисканіе и опредѣленіе библіотекаря я не прежде могу употребить стараніе, пока отъ вашего превосходительства не получу утвердительнаго о жалованьѣ и объ обязанностяхъ увѣдомленія»... «Предварительныя правила для библіотеки», составленныя фонъ-Галлеромъ, заключаютъ въ себѣ много интереснаго. Такъ, напримѣръ, въ шестомъ параграфѣ II главы о качествахъ библіотекаря говорится: «Библіотекарь долженъ быть человѣкъ со свѣдѣніями, благонравный, кроткій, привѣтливый, обходительный» и пр. Далѣе, въ § 19, въ V главѣ о посѣтителяхъ библіотеки сказано: «Для посѣщенія публичной библіотеки назначаются дни, а именно: понедѣльникъ, вторникъ и среда — для благороднаго сословія и купечества 1-й и 2-й гильдіи; четвертокъ же, пятница и суббота — для купечества 3-й гильдіи, мѣщанъ и разнаго званія любителей чтенія»... Неудивительно, конечно, что въ то блаженное время «разнаго званія любители чтенія» не совмѣщались съ лицами «благороднаго сословія», но почему не могли быть совмѣстимы даже вторая гильдія съ третьей,—на этотъ вопросъ едва ли бы могъ дать удовлетворительный отвѣтъ даже самъ фонъ-Галлеръ...

Конецъ этого добраго начинанія, какъ и слѣдовало ожидать, былъ весьма печаленъ: библіотека едва-едва могла протянуть нѣсколько лѣтъ и закрылась вслѣдствіе полнаго равнодушія къ ней воронежской публики.

Издана книжка г. Вейнберга весьма недурно. Къ тексту приложены 4 любопытныя старинныя гравюры: «Видъ военнаго корабля времени Петра Великаго», «Видъ Воронежа и корабельной верфи въ 1702 году», «Видъ парусной мельницы, построенной черкасами» и «Видъ лавки въ XVII столѣтіи». Первыя три гравюры заимствованы изъ рѣдкой книги Voyages de Corn. le Bruine, 1702 г., а послѣдняя—изъ путешествія Адама Олеарія (1663 года). Кромѣ этого, въ книгѣ помѣщенъ недурный снимокъ съ памятника Петра I въ Воронежѣ и планъ города Воронежа въ XVIII столѣтіи.

Н. Д—скій.

В. В. Руммель и В. В. Голубцовъ. Родословный сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій. Томъ I. Спб. 1886.

Читателямъ историческаго журнала, конечно, нѣтъ надобности объяснять пользу такихъ изданій, какъ родословные сборники; достаточно сказать, что при помощи ихъ можно устранить массу историческихъ ошибокъ, подобные сборники служатъ весьма важнымъ подспорьемъ при составленіи біографій историческихъ дѣятелей, въ нихъ можно найдти свѣдѣнія о службѣ, о родственныхъ связяхъ и т. д. У насъ уже ранѣе издавались родословныя дворянскихъ фамилій, была издана такъ называемая «Бархатная книга»; въ 1854 — 1857 гг. кн. П. В. Долгоруковымъ изданы 4 тома «Россійской родословной книги»; въ 1873 — 1876 г. редакціей «Русской Старины» — два тома «Русской родословной книги», составленной кн. А. Б. Лобановымъ-Ростовскимъ. Эти изданія очень хороши, но далеко не исчерпываютъ огромнаго и мало разработаннаго матеріала для генеалогіи русскихъ дворянскихъ родовъ, да и, кромѣ того, они стали теперь библіографическою рѣдкостью. Поэтому изданіе новаго родословнаго сборника являлось существенно необходимымъ. Много лѣтъ занимаясь собираніемъ генеалогическихъ матеріаловъ, г. Руммель по настоящее время составилъ довольно подробныя росписи болѣе нежели 1,000 дворянскихъ родовъ. Большое содѣйствіе въ его трудахъ оказалъ ему г. Голубцовъ. Въ виду полной невозможности издать всѣ собранныя родословія за одинъ разъ, г. Руммель рѣшился приступить къ изданію двухъ первыхъ томовъ, въ которыхъ помѣщены родословія 130 фамилій. Родословія эти, большею частью, нигдѣ еще не напечатанныя или же напечатанныя въ неполномъ видѣ, составлены на основаніи дѣлъ архива департамента герольдіи, разныхъ историческихъ сочиненій и свѣдѣній, полученныхъ непосредственно отъ представителей родовъ. Въ вышедшемъ теперь первомъ томѣ «Родословнаго Сборника» помѣщены росписи слѣдующихъ фамилій: Абаза.— Абашидзе и Абашидзе-Горленко, князья.— Авиновы.— Адлербергъ, графы и дворяне. — Аксаковы. — Алмазовы. — Аничковы. — Анненковы. — Апухтины.— Ахшарумовы.— Багговутъ.— Бавилевскіе.— Бакунины.— Балашовы.— Барановы.— Бартеневы. — Болотовы.— Баратынскіе.— Васильевы, графы, и Васильевъ-Шиловскій, графъ.— Ведемейеръ. — Веневитиновы.— Галаковы.— Гедеоновы.— Гирсъ.— Голохвастовы.— Голубцовы.— Гончаровы.— Горленко.— Грейгъ.—Дашковы.— Дибичъ-Забалканскій, графъ, и фонъ-Дибичъ, бароны.— Донауровы.— Дохтуровы.— Друцкіе-Соколинскіе, князья.— Желябужскіе.— Загряжскіе.—Закревскіе, графъ и дворяне.—Зеленые.—Змѣевы.—Зуровы.— Ивковы.—Кавелины.—Каземъ-Бекъ,—Казнаковы.—Кантукузины, князья.— Карамзины.—Кисловскіе.—Кожины.—Козловы.—Корниловы.—Кошелевы.— Крамеръ, бароны и дворяне. — Кречетниковы, графъ и дворяне. — Кудрявцевы.— Кузьмины.— Караваевы.— Кульневы.—Ладыженскіе и князья Ромодановскіе. — Ладыженскіе. — Лажечниковы. — Лазаревы. — Лазаревы-Станищевы.— Левашовы, графы и дворяне.— Лобановы-Ростовскіе, князья.—Лутковскіе. — Львовы. Не смотря на всѣ разысканія составителей, въ нѣкоторыхъ изъ этихъ родословій неизбѣжно встрѣтятся пробѣлы и недомолвки, даже нѣкоторыя неточности и ошибки, иначе и не можетъ быть въ такомъ громадномъ трудѣ, но слѣдуетъ сказать, что книга составлена очень добросовѣстно, росписи фамилій весьма полныя и подробныя, видно, что составители пользовались очень значительнымъ количествомъ источниковъ, трудъ

вообще почтенный. Въ скоромъ времени долженъ появиться второй томъ «Родословнаго Сборника», въ которомъ будутъ помѣщены слѣдующія фамиліи: Майковы.—Мартыновы.—Мезенцовы.—Мещерскіе, князья.—Милорадовичи, графы и дворяне.—Милютины, графы и дворяне.—Митусовы.—Мордвиновы, графы и дворяне.—Набоковы.—Назимовы.—Неклюдовы.—Нелединскіе и Нелединскіе-Мелецкіе.—Нелидовы и Отрепьевы.—Несвицкіе, князья.—Норовы.—Обольяниновы.—Обресковы.—Обуховы.—Огаревы.—Одинцовы.—Оленины.—Опочинины.—Панаевы.—Пантелѣевы.—Писемскіе.—Потемкины, князья, графы и дворяне.—Путятины, князья, графы и дворяне.—Путяты.—Пущины.—Фонъ-Рейтернъ.—Родзянко.—Ростовцевы, графы и дворяне.—Ростопчины, графы и дворяне.—Сабанѣевы.—Самойловы, графы и дворяне.—Семевскіе.—Сеславины.—Сипягины.—Скобельцыны.—Сназины и Сназины-Тормасовы.—Соковнины.—Столыпины.—Суворовы, князья и дворяне.—Сушковы.—Талызины.—Темирязевы.—Тимашевы.—Толстые, графы и дворяне.—Тормасовы, графы и дворяне.—Тургеневы.—Тырковы.—Тютчевы.—Фаминцыны.—Хвостовы, графы и дворяне.—Храповицкіе.—Хрущовы.—Чаплины.—Челищевы.—Черевины.—Чичерины.—Шеншины.—Шиловскіе.—Шиповы.—Шишмаревы.—Шубинскіе.—Юшковы.—Языковы.—Яхонтовы.

А. В.

Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ. Часть первая. 1840—1864. Составилъ В. Зелинскій. Москва. 1886.

О несомнѣнной пользѣ сборниковъ г. Зелинскаго намъ приходилось уже говорить при отчетѣ о книгахъ, посвященныхъ критикѣ произведеній Тургенева и Достоевскаго. Сборникъ подобныхъ критикъ служитъ не только коментаріемъ произведеній писателей, но и полной справочной книгой по критической литературѣ объ этомъ писателѣ. Въ вышедшемъ нынѣ Некрасовскомъ сборникѣ критическія статьи расположены въ хронологическомъ порядкѣ, начиная съ отзывовъ о его первыхъ произведеніяхъ сороковыхъ годовъ и оканчивая критикою 1864 года. Рецензіи этихъ послѣднихъ четырехъ лѣтъ занимаютъ бо́льшую часть книги въ 183 страницы, а предъидущему времени посвящено меньше 50-ти страницъ. Въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ Некрасовъ интересовалъ публику не менѣе, чѣмъ въ шестидесятыхъ но тогда было «неудобно» говорить о поэтѣ «мести и печали». Только съ 1861 года начинаются большія и серьёзныя статьи о Некрасовѣ, и г. Зелинскій приводитъ рецензіи гг. Пятковскаго — слишкомъ сжатую, Аверкіева — слишкомъ поверхностную, «Отечественныхъ Записокъ» и «Русскаго Слова»— слишкомъ хвалебную. Въ концѣ этого года г. Всеволодъ Крестовскій написалъ такой панегерикъ поэту, что Апполонъ Григорьевъ отвѣчалъ на него цѣлой брошюрой во «Времени» 1862 года (рецензія эта занимаетъ 50 страницъ въ книгѣ г. Зелинскаго). Къ статьѣ г. Крестовскаго Григорьевъ отнесся очень строго, говоря, что она «написана съ заскокомъ», что въ ней «нѣтъ ровно ничего, кромѣ казенщины да просаковъ», но о самомъ Некрасовѣ отозвался, всетаки, гораздо теплѣе, сравнительно со своими отзывами 1855 года въ «Москвитянинѣ». Безъименный критикъ «Отечественныхъ Записокъ» отвѣчалъ на эту рецензію въ 1863 году, но г. Зелинскій почему-то не приводитъ этой статьи, хотя она занимаетъ въ журналѣ всего 11 страницъ; между тѣмъ,

въ полемикѣ такого рода необходимо имѣть передъ глазами всѣ документы и возраженія, чтобы судить о томъ, кто болѣе правъ изъ рецензентовъ, а эти-то возраженія и не приведены. Изъ рецензій 1864 года помѣщены только Эдельсона и журналовъ «Эпоха» и «День», а не помѣщены статьи В. Зайцева, В. Стоюнина, Добролюбова, «Библіотеки для Чтенія». Вообще г. Зелинскій оставляетъ безъ вниманія много періодическихъ изданій, въ которыхъ онъ могъ бы отъискать если не обширныя, то не менѣе замѣчательныя статьи о Некрасовѣ. Не можемъ не замѣтить также, что собиратель журнальныхъ рецензій хотя и даетъ имъ кудреватыя названія: какъ «Историко-критическій комментарій къ сочиненіямъ Достоевскаго», «Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній Тургенева», продаетъ очень недешево эти простыя вырѣзки изъ журналовъ, къ которымъ, можетъ быть, и къ лучшему, прибавляетъ очень мало своихъ собственныхъ разсужденій. Такъ комментарій Достоевскаго стоитъ у него 3 р. 25 к., а Тургенева—4 р.—вознагражденіе весьма достаточное за не слишкомъ тяжелую работу подбора и вырѣзыванія чужихъ статей.

В—ъ.

Видъ Московскаго Кремля въ самомъ началѣ XVII вѣка. В. Е. Румянцева. (Изданіе императорскаго московскаго археологическаго Общества). Москва. 1886.

Это изданіе оцѣнено уже по достоинству нашими археологами и обратило на себя ихъ вниманіе. Видъ Московскаго Кремля съ птичьяго полета воспроизведенъ фотографически, въ нѣсколько уменьшенномъ видѣ, съ гравюры, помѣщенной во второмъ томѣ «Geographie Blaviane. A Amsterdam, chez Jean Blaeu, 1663 (Russie, livre IV, p. 20)». Это изданіе нынѣ очень рѣдкое. Оно составлено въ первыхъ годахъ XVII вѣка, въ царствованіе Бориса Θедоровича Годунова, скончавшагося 13-го апрѣля 1605 года. Такъ какъ на планѣ изображенъ Иванъ Великій, построенный въ 1600 году, какъ показываетъ надпись надъ его главою, а Борисъ воцарился въ февралѣ 1598 года, то этими годами и опредѣляется время составленія плана. Московскій Кремль изображенъ на немъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ въ это время. На полѣ плана находится посвященіе его царю Алексѣю Михайловичу, на латинскомъ языкѣ, причемъ сказано, что сдѣлано «изображеніе, Кремля съ тремя прилежащими къ нему городами Москвы въ томъ положеніи и размѣрѣ, въ какомъ онъ былъ» при Борисѣ Годуновѣ. По словамъ В. Е. Румянцева этотъ видъ Московскаго Кремля, древнѣйшій послѣ фантастическаго вида Герберштейна, превосходитъ другіе, болѣе или менѣе позднѣйшіе, виды и планы Кремля [1]) и своимъ большимъ сравнительно съ ними размѣромъ, и болѣе подробнымъ указателемъ мѣстъ и строеній, находившихся въ тогдашнемъ Кремлѣ, и большею правильностію въ ихъ изображеніи, и,

[1]) Напримѣръ: 1) планъ Москвы при картѣ Россіи, составленной по чертежу царевича Θедора Борисовича Годунова и приложенной при II части «Сказаній современниковъ о Димитріи Самозванцѣ» (Спб., 1859 г.)»; 2) планъ Москвы 1606 года при «Сказаніяхъ Массы и Геркмана» (изд. археограф. комм.); 3) планъ Москвы, такъ называемый Петровъ и Готофредовъ, въ «Памятникахъ московской древности», И. М. Снегирева, и 4) планъ Москвы, при III книгѣ «Родъ Шереметевыхъ», А. П. Барсукова.

наконецъ, весьма тщательною вырисовкою изображенныхъ предметовъ, которая даетъ понятіе о самой фигурѣ зданій и даже нерѣдко о мелкихъ подробностяхъ ихъ архитектурной обдѣлки.

Трудъ В. Е. Румянцева, объяснившаго въ текстѣ подробно все, что изображено на этомъ видѣ Московскаго Кремля, съ многочисленными подстрочными примѣчаніями, относящимися до литературы этого предмета, какъ и всѣ труды этого ученаго, отличается крайнею добросовѣстностью. Мы слышали, что г. Румянцевъ посвятилъ нѣсколько лѣтъ изученію всего, что только имѣетъ отношеніе къ его нынѣшнему труду.

П. У.

Списокъ лицъ свиты ихъ величествъ съ царствованія императора Петра I-го по 1886 г. Составленъ свиты его величества генералъ-маіоромъ графомъ Милорадовичемъ. 1886.

Печатныхъ свѣдѣній о свитѣ ихъ величествъ до сихъ поръ никакихъ не было. Съ учрежденія императорской главной квартиры свѣдѣнія о свитѣ сосредоточены въ канцеляріи главной квартиры. Гр. Милорадовичъ извлекъ ихъ оттуда и впервые издалъ полный списокъ лицъ свиты со времени учрежденія Петромъ Великимъ званія генералъ-адъютанта. Сперва помѣщены списки генералъ-адъютантовъ, затѣмъ генералъ-маіоровъ свиты его величества, флигель-адъютантовъ, генераловъ, состоящихъ при особѣ его величества и бригадъ-маіоровъ (званіе, учрежденное императоромъ Павломъ и послѣ него никому не дававшееся). Въ спискахъ обозначены имя, отчество, фамилія и чинъ каждаго лица, время его вступленія въ званіе и, наконецъ, когда и куда оно выбыло. Въ послѣдней рубрикѣ сообщаются иногда болѣе подробныя свѣдѣнія, въ особенности о лицахъ, состоявшихъ въ свитѣ при императорѣ Павлѣ, напримѣръ, о Гудовичѣ, Котлубицкомъ, кн. Гр. С. Голицынѣ, Ливенѣ, кн. П. П. Долгоруковѣ и др. Въ дополненіяхъ къ спискамъ помѣщены: высочайшее повелѣніе объ исполненіи указовъ, объявляемыхъ дежурными генералъ-адъютантами; указы объ учрежденіи званій флигель-адъютанта и бригадъ-маіора; письмо Потемкина къ императрицѣ Екатеринѣ съ просьбою назначить его генералъ-адъютантомъ и отвѣтъ Екатерины; рескрипты императора Николая I—Лидерсу, Александра I—графу Милорадовичу при назначеніи ихъ генералъ-адъютантами; извлеченіе изъ книги Дибича «Мысли о солдатѣ», «о качествахъ и обязанностяхъ государева генералъ-адъютанта» и т. д. Затѣмъ напечатаны числовыя данныя о свитѣ съ 1766 года; изъ нихъ можно видѣть, какъ значительно увеличилось число лицъ, состоящихъ въ свитѣ; вотъ нѣсколько цифръ: въ 1766 г. генералъ-адъютантовъ 3, въ 1790—9, 1808—9, 1825—35, 1839—63, 1855—79, 1869—124, 1881—137, 1886—97; также росло и число генералъ-маіоровъ свиты и флигель-адъютантовъ. Таковъ составъ книги гр. Милорадовича; въ заключеніе нельзя не сказать, что она можетъ служить очень полезнымъ матеріаломъ для справокъ по новѣйшей нашей исторіи. Издана она съ внѣшней стороны вполнѣ удовлетворительно.

В.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Мнѣніе француза о славянофильствѣ и нигилизмѣ.—Пропагандистъ Л. Н. Толстого во Франціи.—Переводы русскихъ романовъ.—Марвинъ о Батумѣ.—Русскій дипломатъ въ англійскомъ журналѣ.—Нѣмецкое разсужденіе о русскомъ духѣ.—Новая характеристика Тургенева.—Окатоличенная Болгарія.—Фридрихъ II какъ философъ.—Газета въ защиту папства, запрещенная папою.—Финансы стараго режима и революціи.—Опозиція при второй имперіи.—Исторія корреспонденцій хорошенькой женщины.—Признанія Ламене.—Историческіе портреты.—Герцогъ Энгіенскій.—Госпожа Роланъ, изображенная воспитанницею Мадзини.

ДИНЪ изъ серьезныхъ знатоковъ русской жизни и русской литературы Луи Леже напечаталъ третій томъ своихъ «Славянскихъ этюдовъ» (Nouvelles études slaves). Первый томъ ихъ вышелъ еще въ 1875 году, подъ названіемъ «Etudes slaves»; первая серія новыхъ этюдовъ появилась въ 1880 году, и теперь послѣдняя. Французская критика называетъ Леже славянофиломъ и говоритъ, что онъ посвятилъ всю свою жизнь изученію народности, являющейся грознымъ антагонистомъ, а впослѣдствіи, вѣроятно, и побѣдителемъ германской расы. Въ первыхъ своихъ этюдахъ Леже являлся наблюдательнымъ путешественникомъ, описывавшимъ настоящее и прошлое: Кіева, Нижняго Новгорода, Казани и другихъ главныхъ центровъ Россіи. Въ первой серіи «Новыхъ этюдовъ» онъ разсказываетъ судьбу Георга Крыжанича, этого предшественника панславизма, и Ивана Гуса, славянскаго апостола. Въ нынѣ вышедшемъ томѣ главное мѣсто занимаетъ изслѣдованіе и исторія русскаго нигилизма. Леже начинаетъ изложеніе этого «страннаго заблужденія» съ Тургенева, давшаго ему это названіе, и разбираетъ подробно типъ Базарова по роману «Отцы и дѣти». Но Тургеневъ былъ только крестнымъ отцомъ нигилизма, происхожденіе котораго нелегко поддается изслѣдованію. «Какъ всѣ явленія соціальной жизни, секты и ученія существуютъ задолго до того времени, когда ихъ вздумаютъ опредѣлить». Леже возводитъ нигилистическія тенденціи въ Россіи къ 1814 году,

эпохѣ возвращенія русскихъ армій на родину, послѣ реставраціи Бурбоновъ. Офицеры принесли домой идеи, бывшія при Екатеринѣ II достояніемъ только придворной знати. Это мнѣніе принадлежитъ Пестелю, цитируемому авторомъ, который, какъ и многіе другіе, напрасно смѣшиваетъ тенденціи декабристовъ съ нигилистическими теоріями. Развитіе этихъ теорій Леже относитъ къ 1860—1870 годамъ, но не считаетъ, чтобы онѣ могли повести къ революціи. «Тамъ, гдѣ народъ не идетъ за утопистами, не можетъ быть революціи». Между деспотами и анархистами, между консерваторами во что бы то ни стало и разрушителями всего существующаго, есть еще средній классъ умѣренныхъ и благоразумныхъ либераловъ, на которыхъ правительство можетъ всегда опереться. Леже твердо вѣритъ въ блестящую будущность славянскаго племени, «героическаго и религіознаго, способнаго на великіе подвиги». Изъ другихъ статей этого тома замѣчателенъ этюдъ чешской литературы. Роль славянства велика и потому, что оно «сдерживаетъ въ центрѣ Европы натискъ германизма».

— Даровитая писательница, скрывающаяся подъ псевдонимомъ: Арведъ Барйнъ, представила характеристику другаго знатока Россіи, Евгенія-Мельхіора Вогюэ, познакомившаго французовъ съ Л. Н. Толстымъ. Кромѣ обширнаго этюда «Русскій романъ», о которомъ мы уже говорили, историческаго сочиненія «Сынъ Петра Великаго», Вогюэ написалъ еще томъ «Восточныхъ повѣстей» и «Путешествіе по Сиріи, Палестинѣ и Аѳону». Отличительная черта всѣхъ этихъ произведеній — глубокая религіозность автора, не часто встрѣчающаяся въ наше время, хотя Вогюэ и говоритъ, что величайшее явленіе XIX вѣка — повсемѣстная побѣда евангелія. Онъ потому и предпочитаетъ современной французской литературѣ — русскую, что въ ней есть такіе религіозные писатели, какъ Достоевскій и Л. Н. Толстой, а въ русскомъ, глубоко вѣрующемъ народѣ видитъ залогъ его грядущихъ великихъ судебъ. Съ глубокою набожностью въ авторѣ страннымъ образомъ соединяется пантеистическое поклоненіе таинственной силѣ природы. Всего яснѣе это поклоненіе высказывается въ статьѣ Вогюэ «Русскій раскольникъ», гдѣ авторъ широкими чертами рисуетъ типъ духовидца, тверскаго крестьянина Сутаева. Въ исторіи человѣчества Вогюэ видитъ всюду руку провидѣнія, заранѣе указывающую путь народамъ и отдѣльнымъ личностямъ. Въ эпохѣ возрожденія онъ видитъ не реакцію противъ среднихъ вѣковъ, какъ Мишле, а ихъ развитіе, такое же естественное, какъ юность, слѣдующая за отрочествомъ. Это мнѣніе тѣмъ страннѣе, что Вогюэ самъ называетъ, романтизмъ реакціей противъ XVIII вѣка, хотя многіе романтики раздѣляли убѣжденія энциклопедистовъ, и Шатобріанъ, во многихъ мнѣніяхъ, сходился съ Руссо. Вообще авторъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ слишкомъ много философствуетъ и очень часто увлекается. Послѣдній недостатокъ происходитъ отъ того, что Вогюэ прежде всего поэтъ, и воображеніе преобладаетъ въ немъ надъ разсудительностью.

— Переводы русскихъ авторовъ занимаютъ во французской литературѣ первое мѣсто; изъ сочиненій Л. Н. Толстого въ послѣднее время переведены: «La mort d'Ivan Illiitch», «Les deux hussards», «Les contes enfantins»; изъ Щедрина: «Les messieurs Golovleff» и «Scènes satiriques»; изъ Аксакова: «Chronique de famille, le petit fils de Bagroff»; два тома Успенскаго: «Les nouvelles» и «Les dernières nouvelles»; Рѣшетникова: «Les Podlipovtzi»; Григоровича: «L'enfant en caoutchouc»,

«Les deux généraux», «Les émigrants»; Гаршина «Atalea princeps»; Переводъ Тургеневскаго «Наканунѣ» (Un bulgare) вышелъ вторымъ изданіемъ. Французская критика удивляется, какъ можно было придать столько интереса такому несложному содержанію. Только Ришпенъ, читая прекрасный переводъ Гальперина, замѣтилъ, что русскій авторъ очень много заимствуетъ у Диккенса. Съ большой похвалой отзываются о переводѣ «Записокъ изъ мертваго дома» Достоевскаго (Souvenirs de la maison des morts). Въ авторѣ «нѣтъ ни туманной поэзіи Тургенева, ни потрясающихъ нотъ Толстого, но Достоевскій съ искусствомъ фотографа рисуетъ день за днемъ жизнь каторжниковъ во всей ея полнотѣ. Въ книгѣ есть что-то зловѣщее (sinistre) и она открываетъ намъ новый міръ. «Герой нашего времени» переведенъ на французскій языкъ три раза, на нѣмецкій четыре и на англійскій два. Въ концѣ августа явился въ Лондонѣ еще третій переводъ Липмана: «A hero of our time» съ біографіею Лермонтова и критической оцѣнкой романа. Переводчикъ видитъ въ Печоринѣ воспроизведеніе байроновскаго Каина. Критикъ «Атенеума» не соглашается съ этимъ и считаетъ лермонтовскаго героя предшественникомъ нигилистовъ.

— Англійскіе журналы наполнены также статьями, относящимися къ Россіи. Въ «Contemporary Review» старый руссофобъ Чарльсъ Марвинъ, въ очеркѣ Batoum, въ сотый разъ повторяетъ старую пѣсню, что Россія хочетъ захватить Индію и потому уничтожила портофранко въ Батумѣ. И между тѣмъ самъ же Марвинъ говоритъ, что, бывши въ Батумѣ въ 1883 году, онъ убѣдился, что свободный привозъ товаровъ въ городъ былъ причиною безчисленныхъ неудобствъ и для жителей, какъ для городской администраціи, имѣвшей полное основаніе закрыть вольную гавань по тѣмъ же причинамъ, по которымъ закрыли и кавказскую транзитную торговлю, приносившую одни убытки. Марвинъ убѣжденъ, что Батумъ будетъ вторымъ Севастополемъ на Черномъ морѣ, и говоритъ, что такъ какъ Англія, Германія и Австрія задерживаютъ естественное стремленіе Россіи на Балканскомъ полуостровѣ, то она направится въ Азію, гдѣ ее уже ничто не удержитъ. А между тѣмъ для британскихъ интересовъ Средняя Азія во сто разъ важнѣе Константинополя,—прибавляетъ авторъ. Хорошо, если бы этимъ сознаніемъ прониклись и всѣ его соотечественники, убѣдившись въ томъ, что для Россіи свободный выходъ изъ Чернаго моря гораздо важнѣе, чѣмъ всѣ ея средне-азіатскія пріобрѣтенія.

— Другая статья того же журнала написана русскимъ дипломатомъ и носитъ названіе: «Современная жизнь и думы въ Россіи» (Contemporary life and thoughts in Russia). Авторъ очень откровенно указываетъ на нашу внутреннюю неурядицу, отзывающуюся слабостью во внѣшней политикѣ. Вражда къ намъ Англіи изъ-за нелѣпой мысли, что мы отнимемъ у нея Индію, заставляетъ насъ поневолѣ сближаться съ Германіей и Австріей, а между тѣмъ общественное мнѣніе страны противъ этого тройнаго союза, связывающаго намъ руки. Авторъ совѣтуетъ отрѣшиться отъ этого союза и дѣйствовать самостоятельно на Балканскомъ полуостровѣ. Германія не поднимется на насъ изъ опасенія Франціи; Австрія не рѣшится на войну съ нами изъ боязни за свое существованіе. Дѣйствительно, признаніе хотя бы одною Англіею законности нашего вліянія на славянскій міръ и Балканскій полуостровъ положило бы конецъ неестественнымъ союзамъ и безпричинной враждѣ къ намъ государства, съ которымъ намъ рѣшительно не за что драться

и нечего дѣлить. Какъ ни обширны владѣнія Англіи, но въ нихъ нѣтъ родственныхъ намъ славянскихъ племенъ, и англичане не стараются ни онѣмечить, ни окатоличить ихъ и сами не заводятъ цѣлыхъ колоній въ нашихъ пограничныхъ владѣніяхъ. Но какъ побѣдить въ Англіи слѣпую, беспричинную вражду къ намъ? Этого русскій дипломатъ не объясняетъ, хотя его старанія открыть глаза англичанамъ на ихъ собственныя выгоды заслуживаютъ нашу благодарность.

— Нѣмецкій критикъ Блейбтрей написалъ этюдъ «О русскомъ національномъ духѣ въ литературѣ и искусствѣ» (Der russischer Nazionalgeist in Litteratur und Kunst). Авторъ начинаетъ съ сравненія реализма русскаго съ французскимъ и скандинавскимъ въ сочиненіяхъ Ибсена и Бьёрнсона и находитъ, что хотя «Отцы и дѣти» правдивѣе «Жерминаля», но соціальное значеніе и глубокій драматизмъ послѣдняго произведенія гораздо выше тургеневскаго романа. Пессимизмъ Зола возвышенъ и укрѣпляетъ, тогда какъ русскій пессимизмъ подавляетъ и дѣйствуетъ на нервы. На Западѣ считаютъ поляковъ болѣе развитымъ племенемъ славянскаго міра. Авторъ находитъ это мнѣніе ошибочнымъ и, не отказывая имъ въ блестящей фантазіи и увлекательности, отдаетъ предпочтеніе русскимъ писателямъ по глубинѣ ихъ мыслей и чувствъ, правдивости замысла и вѣрности характеровъ въ ихъ произведеніяхъ. Противоположность азіатской закваски съ тонкостями цивилизаціи въ русскихъ людяхъ способствуетъ къ развитію поэтическаго міровоззрѣнія. Представитель національнаго духа въ литературѣ—Тургеневъ, въ живописи—Верещагинъ. Въ картинахъ художника преобладаетъ страсть къ эпизодамъ, большею частью, ужаснымъ. Изъ всей плевненской Иліады онъ воспроизвелъ только страшную рѣзню въ траншеяхъ. Въ «Донъ-Жуанѣ» Байрона есть эпизодъ взятія Измаила. Авторъ сравниваетъ поэтическую картину англійскаго поэта съ описаніемъ изувѣченныхъ труповъ женщинъ и дѣтей въ повѣсти г. Данилевскаго «Потемкинъ на Дунаѣ», гдѣ изображена осада крѣпости. Эпопея «Тарасъ Бульба» наполнена такими же возмутительными эпизодами сажанія на колъ, пытокъ и безчеловѣчныхъ казней. Другое отличительное свойство національнаго русскаго духа—меланхолія, родъ англійскаго сплина, появляющагося еще въ «Онѣгинѣ» Пушкина. Чувство это нельзя смѣшивать съ такъ называемою «міровою скорбью» (Weltschmerz) культурныхъ націй. Авторъ приводитъ нѣсколько цитатъ изъ Тургенева, характеризующихъ это свойство—смѣсь апатіи съ фатализмомъ, но останавливается болѣе всего на третьемъ свойствѣ русскаго духа—любви къ родинѣ. Отмѣчая это свойство, авторъ находитъ, однако, что увѣренность въ величіи и могуществѣ своего отечества заставляетъ русскихъ стремиться къ владычеству надъ цѣлымъ міромъ, «захватывая черезъ Кавказъ—Персію, черезъ Туркменію—Индію, черезъ балканскихъ славянъ—Константинополь». Даже бѣдныхъ нѣмцевъ тѣснитъ этотъ русскій духъ, всюду распространяющій свои завоеванія. Вотъ ужъ истинно съ больной головы на здоровую!.. Полнѣйшимъ олицетвореніемъ національнаго русскаго духа въ литературѣ авторъ считаетъ «Героя нашего времени», въ искусствѣ—картины Верещагина, котораго авторъ, однако, обвиняетъ въ умышленномъ пессимизмѣ, а въ національныхъ русскихъ произведеніяхъ видитъ смѣсь нигилизма съ шовинизмомъ, радикальную меланхолію, любовь къ природѣ и къ восточной жизни.

— О Тургеневѣ вышелъ и отдѣльный этюдъ Бертольда Торша, какъ «характеристика современнаго поэта» (Iwan Turgenew. Characterbild

eines modernen Dichters). Главное отличіе Тургенева отъ другихъ писателей состоитъ въ томъ, что онъ вполнѣ писатель нашего времени, отвѣчающій всѣмъ требованіямъ вѣка, «геніально убѣждающій (genial überzeugend) представитель новаго реализма не только космополитическаго, но и чисто русскаго, въ которомъ отражается исторія національнаго духа (national Seelengeschichte)». Главное свойство этого реализма, противоположнаго французскому,—болѣзненность. Тургеневъ въ то же время и пессимистъ, но также съ особымъ оттѣнкомъ русскаго пессимизма, въ которомъ соединяется меланхолія съ фатализмомъ, который оканчивается не революціею, а самоотреченіемъ. Объ этомъ реализмѣ, пессимизмѣ и фатализмѣ нѣмецкій критикъ очень туманно толкуетъ на десяткахъ страницъ. Вполнѣ согласиться съ нимъ можно только въ томъ, что въ Тургеневскихъ типахъ нѣтъ ни героизма, ни трагизма, герои его борятся въ тиши, медленно, безъ громкихъ, блистательныхъ подвиговъ, и что въ его пессимизмѣ есть романтическій элементъ.

— Въ концѣ 1884 года въ Парижѣ умерла въ молодыхъ лѣтахъ наша соотечественница г-жа Никитина, рожденная Жандръ, писавшая въ нѣкоторыхъ французскихъ журналахъ. Теперь вышли ея «Соціальные, философскіе и моральные этюды» (Etudes sociales, philolosophiques et morales) съ біографическимъ очеркомъ автора, написаннымъ докторомъ Летурно. Въ ея этюдахъ видно большое знаніе, смѣлый умъ, боровшійся съ общепринятыми предразсудками. Сотрудница «Revue Nouvelle», Варвара Никитина писала преимущественно въ этомъ журналѣ о положеніи рабочихъ въ Германіи и Италіи, о національзаціи земли, о соціализмѣ, объ ирландскомъ возстаніи, объ утилитаризмѣ, о литературѣ. Она твердо вѣрила въ лучшую будущность человѣчества.

— О европейской злобѣ дня—Болгаріи, еще не появилось ничего замѣчательнаго. Вышла только брошюра польскаго іезуита, ксендза Голубовича: «Болгарія, ея историческое прошлое и ея бытовое, народное и религіозное возрожденіе» (Bułgaria, jej przeszłosc dzieiowa i jej obecne, narodowe i religijne odrodzenie). Это исторія католической пропаганды въ странѣ, менѣе другихъ славянскихъ странъ зараженной папизмомъ и потому подвергающейся болѣе настойчивой катехизаціи со стороны черной интернаціонали. Окатоличеніе болгаръ съ особенной силой развилось въ 1880 году, когда папа вздумалъ чествовать память св. Кирила и Меѳодія и въ своей энцикликѣ заявилъ, что славянскія земли составляютъ предметъ его живѣйшихъ заботъ и онъ «ничего не жаждетъ горячѣе, какъ соединить эти народы между собою и съ нами въ вѣчномъ мірѣ», то есть, говоря по просту, сдѣлать изъ нихъ папистовъ. Для достиженія этой цѣли, іезуитъ, конечно, прежде всего сыплетъ грязью и клеветами на православное духовенство. Правду онъ говоритъ только о насиліяхъ фанаріотовъ и греческаго духовенства надъ болгарскимъ, но учрежденіе болгарскаго экзархата и отдѣльной церкви, какъ слѣдствіе этихъ насилій, называетъ «схизмою изъ схизмѣ». Но свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ о дѣятельности іезуитовъ для окатоличенія болгаръ, заслуживаютъ полнаго вниманія.

— Къ столѣтней годовщинѣ смерти Фридриха II, профессоръ философіи Целлеръ издалъ сочиненіе «Фридрихъ великій какъ философъ» (Friedrich der Grosse als Philosoph). Извѣстно, что прусскій король самъ называлъ себя философомъ Сан-Суси и высоко ставилъ эту науку, гордился больше званіемъ философа на тронѣ, чѣмъ самодержавнаго монарха. Целлеръ выясняетъ от-

ношенія Фридриха къ другимъ философамъ и приводитъ его взгляды на Бога, міръ, безсмертіе души. Въ существованіи Бога король никогда не сомнѣвался; устройство міра убѣждало его въ этомъ существованіи. О безсмертіи души онъ упоминаетъ часто въ письмахъ и въ стихотвореніи къ Кейту, говоритъ, что такъ какъ мышленіе зависитъ отъ тѣлеснаго организма, то и не можетъ пережить его. Фридрихъ прибавляетъ, что онъ спокойно ждетъ своего конца, послѣ котораго будетъ также мало несчастнымъ, какъ и до своего рожденія. Онъ не ропщетъ на этотъ законъ природы, отнимающій у человѣка то, что она дала ему, то есть жизнь, и находитъ, что болѣе продолжительная, или вторая жизнь врядъ ли принесла бы пользу человѣку. Дѣлать добро, жить въ правдѣ должны насъ побуждать не страхъ наказанія, не обѣщанія награды, а чувство долга и справедливости. Нѣсколько разъ, подвергаясь опасности умереть, онъ никогда не боялся смерти и не считалъ истиною, при ея приближеніи, то, что прежде признавалъ заблужденіемъ. Авторъ приводитъ даже взгляды короля на нравственность, законы, власть, религію, воспитаніе и образованіе. Въ обществѣ, говоритъ Фридрихъ, должно придавать значеніе не мнѣніямъ, а дѣламъ. Тотъ, кто любитъ людей и приноситъ имъ пользу, можетъ думать все, что ему угодно: онъ будетъ всегда почтеннѣе благочестиваго, но жестокаго и злого человѣка. «Наука, пишетъ онъ Вольтеру, должна давать намъ средства легче исполнять наши обязанности». Выше блистательныхъ качествъ ума ставитъ онъ прямоту характера, чистоту сердца, вѣрность долгу... «Если ты не поступаешь противъ своей совѣсти, то можешь не заботиться о томъ, что̀ о тебѣ скажутъ другіе». Кенигсбергскій философъ только формулировалъ въ строго-научныхъ категоріяхъ то, что говорилъ его король. По отношенію къ государству извѣстно его мнѣніе: «Король долженъ быть первымъ слугою (der erste Diener) своего государства». Власть не даетъ ума и знанія людей. Въ добавленіи къ своему завѣщанію, Фридрихъ отзывается о современныхъ ему короляхъ Франціи, Португаліи, Испаніи, Неаполя, Сардиніи, Даніи, Швеціи и Польши, какъ о совершенныхъ ничтожествахъ, глядя на которыхъ приходитъ на мысль: «qu'on ne peut être roi sans qu'on soit une bête». Въ борьбѣ просвѣщенія съ авторитетомъ духовенства Фридрихъ былъ всегда на сторонѣ перваго. Вообще книга Целлера даетъ полное понятіе о Фридрихѣ на основаніи его собственныхъ мнѣній, хотя мнѣнія эти и у него, какъ у другихъ людей, нерѣдко расходились съ дѣломъ. Эта уже общая участь всѣхъ людей, простыхъ смертныхъ, какъ властителей.

— Любопытны «Воспоминанія французскаго журналиста въ Римѣ» (Souvenirs d'un journaliste français à Rome par Henri des Houx). Авторъ, ревностный католикъ и ультрамонтанъ, не довольствуясь защитою интересовъ папства въ Парижѣ, отправился въ центръ іезуитизма, хотя Левъ XIII въ то время еще не возстановлялъ іезуитовъ и ихъ газеты «Civitta catolica». Дегу основалъ въ Римѣ свою газету, въ которой началъ защищать ватиканскаго узника и его непогрѣшимость съ такимъ усердіемъ, что свѣтская власть, въ лицѣ королевскихъ цензоровъ, принуждена была укрощать излишнее рвеніе рыцаря папства денежными штрафами и тюремнымъ заключеніемъ. Неукротимый журналистъ, однако, не унимался, желая, вѣроятно, заслужить вѣнецъ газетнаго мученика, хотя въ наше время не жгутъ даже и книги, убѣдясь въ томъ, что грозныя кары никого не исправляютъ и ничего не доказываютъ. Но война за прерогативы папы кончилась

неожиданнымъ пасажемъ: Левъ XIII самъ обезоружилъ своего защитника, запретивъ ему издавать газету. Повинуясь этой непогрѣшимой резолюціи, журналистъ счелъ, однако, нужнымъ разсказать исторію своего римскаго похода, и въ его «воспоминаніяхъ» невольно проскальзываютъ черты, рисующія далеко не въ привлекательномъ свѣтѣ многія стороны папства.

— «Финансы стараго режима и революціи» (Les finances de l'ancien régime et de la révolution par René Stourm) рисуютъ безпристрастную картину финансовыхъ реформъ, предпринятыхъ Некеромъ и Тюрго и не осуществившихся вслѣдствіе слабости и нерѣшительности короля. Авторъ не скрываетъ также ошибочности и несообразности финансовыхъ мѣръ конвента и директоріи. Начинаетъ онъ съ обзора положенія финансовъ въ царствованіе Людовиковъ XIV и XV, затѣмъ, сдѣлавъ оцѣнку всѣхъ финансовыхъ мѣръ революціи, оканчиваетъ изученіемъ, въ эпоху консульства, земельнаго налога, личныхъ и имущественныхъ повинностей, городскихъ сборовъ, косвенныхъ податей, таможенныхъ пошлинъ и проч. Разсматривается также налогъ и на двери и окна, масло и мыло, общественные экипажи, на бумагу и карты и другіе виды сборовъ. Авторъ касается всѣхъ вопросовъ, относящихся къ финансовому праву: пенсій, контроля, отчетности, банкроствъ, ассигнацій, займовъ и т. п. Во всемъ этомъ много интереснаго и поучительнаго.

— «Либеральная опозиція при имперіи» (L'opposition libérale sous l'empire, 1861—1863, par Alfred Darimon). Авторъ, бывшій парижскій депутатъ, издалъ три года тому назадъ «Исторію одной партіи» отъ 1857 по 1860 годъ. Настоящій трудъ служитъ продолженіемъ перваго. Опозиція императорскому правленію началась съ 1857 года, когда въ палатѣ явились первые пять членовъ, осмѣлившіеся находить, что самоуправство Луи-Наполеона не содѣйствуетъ благосостоянію Франціи. Даримонъ былъ въ числѣ первыхъ пяти членовъ опозиціи и, разсказавъ первые шаги ея въ парламентской борьбѣ, приводитъ любопытныя подробности слѣдующей сессіи; интриги Гавена, ренегатство Эмиля Оливье, министерскія мошенничества Пикара, выходки Прудона, продѣлки Морни, Луи-Наполеона, принца Жерома, возрожденіе республиканской партіи. Множество анекдотовъ рисуютъ эпоху, описываемую авторомъ. Когда, не смотря на сопротивленіе правительства, Пеллетанъ былъ избранъ депутатомъ, императрица Евгенія сказала Жирардену: «Вашъ другъ торжествуетъ. Чѣмъ вы оправдаете его выборъ?»—«Торжествующіе не нуждаются въ оправданіи», — отвѣчалъ журналистъ. Картина этого недавняго времени, но которое уже такъ далеко отъ насъ, представляетъ много любопытнаго.

— «Корреспонденція изъ Гарперс-Ферри» (La correspondence de Harpers-Ferry) — книга, въ которой всѣ подробности исторически вѣрны и которая въ то же время кажется романомъ. Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» была подробно разсказана великодушная попытка Джона Броуна освободить негровъ въ рабовладѣльческихъ штатахъ Сѣверной Америки. Но печальная исторія возстанія храбраго борца за уничтоженіе рабства имѣла еще романическій эпилогъ, разсказанный французскимъ авторомъ. Жена одного изъ должностныхъ лицъ штата, г-жа Кемпбелль, захотѣла спасти Броуна, приговореннаго къ повѣшенію въ Гарперс-Ферри, и написала нѣсколько писемъ къ тремъ высокопоставленнымъ лицамъ, отъ которыхъ зависѣла судьба осужденнаго. Въ письмахъ этихъ встрѣчались такія восторженныя фразы и

предлагалась такая награда за спасеніе Броуна, которою не могъ быть доволенъ мужъ г-жи Кемпбелль, назначенный впослѣдствіи консуломъ Сѣвероамериканскихъ Штатовъ въ Гаврѣ. Когда прошелъ порывъ увлеченія, г-жа Кемпбелль, бывшая царицей общества въ Гаврѣ, надумалась, что не слѣдуетъ оставлять компрометирующія ее письма въ чужихъ рукахъ. Чтобы получить ихъ обратно, она воспользовалась вліяніемъ своей красоты и убѣдила одного изъ своихъ поклонниковъ Сиднея Анслоу, состоявшаго при консулѣ, отправиться въ Америку и добыть эти письма во что бы то ни стало. Это было въ самый разгаръ междоусобной войны въ Штатахъ за уничтоженіе невольничества, и книга описываетъ подробно, съ какими препятствіями и опасностями долженъ былъ бороться молодой человѣкъ, чтобы исполнить желаніе своей соотечественницы. Какія хитрости употреблялъ онъ, на какія дерзкіе подвиги рѣшался, чтобы добыть эти письма. Онъ достигъ своей цѣли и возвратилъ всѣ письма, адресованныя къ тремъ значительнымъ лицамъ, даже не читая этихъ писемъ, какъ требовала г-жа Кемпбелль. Но вмѣсто того, чтобы наградить Анслоу за его самопожертвованіе, очаровательная американка дала ему ясно понять, что джентльменъ, оказавшій услугу дамѣ, не долженъ своимъ присутствіемъ близь нея напоминать ей, что она обязана ему благодарностью. Анслоу покорился этому жестокому приговору и уѣхалъ опять въ Америку, гдѣ вступилъ въ ряды войска и вскорѣ пропалъ безъ вѣсти, вѣроятно, погибнувъ въ стычкѣ съ федералистами, а г-жа Кемпбелль, мужъ которой сдѣланъ былъ посланникомъ, продолжала блистать красотою и невинностью. И еще говорятъ, что въ нашъ положительный вѣкъ нѣтъ страстей и романтическихъ исторій!

— «Признанія Ламене» (Confidences de Lamennais. Lettres écrites de 1821 à 1848). Эти неизданныя письма сопровождаются объясненіями Вильрабеля, сохранившаго и въ наше время память о гордомъ, талантливомъ священникѣ, не хотѣвшемъ подчиниться ферулѣ папства и отстаивавшемъ право всякаго сильнаго ума на свободу вѣрованія и мысли. Авторъ, въ введеніи къ собраннымъ и коментированнымъ имъ письмамъ, представляетъ характеристику Ламене, оцѣнку его какъ писателя и оратора. Письма любопытны не по религіознымъ вопросамъ, теперь мало кого интересующимъ, но по тѣмъ общественнымъ и соціальнымъ темамъ, которыя затрогиваетъ и обсуждаетъ въ своей перепискѣ авторъ «Paroles d'un croyant».

— «Историческіе портреты: Филиппъ де Комминъ, великій Конде, Мазаринъ, Фридрихъ II, Людовикъ XV и Марія-Терезія» (Portraits historiques: Philippe de Commines, le grand Condé, Mazarin, Frederic II, Louis XV et Marie-Thérèse, par R. Chantelauze). Этотъ сборникъ характеристикъ составленъ не по новымъ документамъ, а скомпилированъ по книгамъ, пользующимся извѣстностью. Такъ біографія Филиппа де Коммина составлена по сочиненію бельгійца Кервенъ де Летенговъ, Конде по книгѣ герцога Омальскаго, Мазаринъ—по Луазелеру, а три послѣдніе портреты по сочиненіямъ герцога Брольи. Нѣкоторыя подробности взяты, впрочемъ, и изъ необнародованныхъ документовъ архива иностранныхъ дѣлъ. Такъ о послѣднихъ дняхъ Мазарина сообщаются малоизвѣстныя доказательства его малодушія передъ смертью. Онъ все плакался на свою горькую участь и жалѣлъ, что долженъ покинуть свои сокровища, награбленныя во Франціи этимъ жаднымъ итальянцемъ. Особенно хороша характеристика перваго французскаго историка, писавшаго яснымъ, литературнымъ языкомъ, добраго совѣтника недобраго Людовика XI.

— Графъ Буле де ла Мертъ издалъ разсказъ о послѣднихъ годахъ герцога Энгіенскаго (Les dernières années du duc d'Enghien, 1801—1804). Авторъ разсказываетъ исторію этихъ годовъ, какъ безпристрастный историкъ, основывающійся только на неопровержимыхъ документахъ и свидѣтельствахъ современниковъ. Выводъ онъ предоставляетъ дѣлать самимъ читателямъ и останавливается больше всего на вопросахъ: имѣлъ ли основаніе Наполеонъ подозрѣвать Бурбоновъ въ замыслахъ на его жизнь? Высказывалъ ли герцогъ Энгіенскій ненависть Франціи и хотѣлъ ли поступить въ англійскую службу? Отвѣтъ получается утвердительный, но въ то же время разстрѣляніе герцога во рву Венсенской крѣпости, послѣ захвата его на прусской территоріи, не только не утвердило власти Наполеона, а напротивъ еще болѣе расшатало ее. Къ тому же послѣдній отпрыскъ дома Конде только сбирался драться въ рядахъ враговъ Франціи, а будущій король ея, Луи-Филиппъ, уже въ 1810 году, вступилъ въ испанскую армію и изъ его писемъ видно, съ какою ненавистью онъ отзывался о своемъ отечествѣ. За что же было казнить герцога Энгіенскаго «во имя государственной необходимости», какъ говорилъ Наполеонъ?

— На англійскомъ языкѣ вышла новая біографія госпожи Роланъ (Madame Roland by Mathilde Blind). Эта книга принадлежитъ къ серіи «знаменитыхъ женщинъ» (Eminent women series), издаваемыхъ Инграмомъ, поручившимъ женщинамъ-писательницамъ составленіе біографій, входящихъ въ этотъ сборникъ. Матильда Блейндъ написала уже «Жизнь Джорджа Эліота», романъ «Тарантелла» и томъ стихотвореній. Воспитанница Мадзини, другъ Луи-Блана и Ледрю-Роллена, миссъ Блейндъ очертила образъ «вдохновительницы и славы жирондистовъ» съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ, но не искажая истины, а только мѣстами прикрашивая ее. Авторъ не склоняется на сторону якобинцевъ, какъ Карлейль и Джонъ Морлей, но оправдываетъ г-жу Роландъ въ томъ, что она отвергла союзъ, предложенный ей Дантономъ, потому что видѣла въ немъ руководителя сентябрскихъ убійствъ, и этимъ отказомъ погубила себя, своего мужа, свою партію и всю Францію, отдавъ ее въ руки Робеспьера. Въ книгѣ много новыхъ взглядовъ и соображеній.

СМѢСЬ.

Дѣятельность ученыхъ архивныхъ коммиссій. Для изученія отечественной старины, по иниціативѣ покойнаго Н. В. Калачева, въ нѣсколькихъ городахъ имперіи возникли ученыя архивныя коммиссіи, въ основу которыхъ положена идея объединенія мѣстныхъ дѣятелей, могущихъ послужить съ пользою дѣлу сохраненія важныхъ историческихъ памятниковъ вещественныхъ и документальныхъ. Приведеніе въ порядокъ и, по возможности, въ научную систему мѣстныхъ архивовъ ставится одною изъ первыхъ задачъ архивныхъ коммиссій, и при нѣкоторыхъ изъ нихъ учреждены уже «историческіе архивы», въ которыхъ объединяются письменные памятники чрезвычайной исторической важности. Въ настоящее время уже дѣйствуютъ слѣдующія пять коммиссій: тамбовская, рязанская, костромская, тверская и орловская, руководство работами которыхъ всецѣло возложено на археологическій институтъ, въ лицѣ его директора И. Е. Андреевскаго, совѣта и правленія. Обращаемся къ дѣятельности этихъ коммиссій, о которыхъ намъ не разъ приходилось говорить.

Тамбовская архивная коммиссія въ настоящее время открыла въ своемъ округѣ апокрифическую книгу: «Сказаніе о вольномъ страданіи и о тайной вечери Господа нашего Іисуса Христа, како волею Своею нашего ради спасенія страсть претерпѣ», которая и послужила богатымъ матеріаломъ для рѣчи предсѣдателя И. И. Дубасова. Эта рѣчь напечатана въ журналѣ общаго собранія тамбовской коммиссіи. Въ этомъ же журналѣ опубликованы: рукопись князя А. Безбородко и П. Бакунина о событіяхъ царствованія императрицы Екатерины II, извлеченная членомъ коммиссіи М. Г. Розановымъ изъ домашняго архива графовъ Сухтеленъ, и матеріалы для историческаго и церковно-археологическаго описанія Шацкаго уѣзда, Тамбовской губерніи, извлеченные изъ московскихъ архивовъ г. Токмаковымъ.

Рязанская археологическая коммиссія разсмотрѣла до 4,000 дѣлъ и изъ нихъ 826 извлекла для историческаго архива. Кромѣ того, въ коммиссію поступило изъ Солохчинскаго монастыря до 250 дѣлъ, ярко характеризующихъ

монастырскую жизнь конца XVII и начала XVIII вѣка. Въ настоящее время всѣ эти 250 дѣлъ разсмотрѣны и описаны членомъ коммиссіи И. В. Добролюбовымъ, въ журналъ коммиссіи вошли также нѣсколько писемъ изъ собранія автографовъ Е. Н. Муромцевой и въ томъ числѣ письмо В. А. Жуковскаго къ князю А. Н. Голицыну, писанное въ 1850 г., и письмо К. С. Аксакова къ князю В. А. Черкасскому 1859 года, спеціально посвященное крестьянскому вопросу; наконецъ, напечатано принадлежащее С. Н. Марину, стихотворцу конца XVIII и начала XIX вѣка, юмористическое сочиненіе «Хвосты». Этою же коммиссіею формируется археологическій музей, съ цѣлью обогащенія котораго коммиссія принимала разныя мѣры. Такъ, членомъ коммиссіи Ф. Н. Китаевымъ были произведены раскопки курганнаго кладбища при деревнѣ Смедовкѣ, Каширскаго уѣзда, Тульской губерніи, причемъ раскрыто 67 кургановъ и взято изъ могилъ 165 различныхъ предметовъ, состоящихъ преимущественно изъ женскихъ украшеній и череповъ; К. П. Побѣдоносцевымъ въ этотъ музей пожертвованъ холщевый антиминсъ 1741 г. съ напечатанною надписью: «Повелѣніемъ благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго великаго государя нашего Іоанна Антоновича»; членомъ коммиссіи И. В. Добролюбовымъ доставлена въ музей коллекція древнихъ крестовъ, образковъ, княжескихъ монетъ, медалей и пр., и членъ коммиссіи А. А. Маринъ принесъ въ даръ собраніе того же рода предметовъ. Кромѣ того, эта коммиссія приняла рядъ мѣръ къ охраненію древнихъ памятниковъ и на мѣстахъ ихъ нахожденія въ чертѣ ея дѣятельности. Съ этой цѣлью членъ коммиссіи А. В. Селивановъ ѣздилъ въ Касимовъ для осмотра древнихъ магометанскихъ гробницъ.

Тверская ученая архивная коммиссія учредила археологическій музей, собранный неутомимыми трудами А. К. Жизневскаго.

Изъ обзора дѣятельности костромской ученой архивной коммиссіи видно, что коммиссія приступила къ печатанію въ «Костромскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» рукописей изъ архива Ипатьевскаго монастыря, заключающаго въ себѣ болѣе 500 рукописныхъ памятниковъ. Въ отвѣтъ на отношеніе коммиссіи, обратившейся къ мѣстнымъ благочиннымъ съ просьбою увѣдомить ее, не хранятся ли при церквахъ и соборахъ, состоящихъ въ ихъ завѣдованіи, старинныхъ рукописей, грамотъ и проч. и дѣлъ, представляющихъ историческій интересъ, получила сообщенія, что въ числѣ памятниковъ древней письменности хранятся: жалованная въ 1618 году грамота Никольской церкви гор. Чухломы, челобитная Соловецкаго монастыря царю Алексѣю Михайловичу и надгробная надпись церкви г. Соболева (Вуйскаго уѣзда), относящаяся ко времени царя Алексѣя Михайловича. Вслѣдствіе ходатайства ученыхъ архивныхъ коммиссій, сдѣлано духовной властью распоряженіе, чтобы впредь всѣ передѣлки и исправленія въ церковныхъ зданіяхъ, построенныхъ раньше средины XVIII вѣка, дѣлались лишь съ согласіемъ и подъ руководствомъ ученыхъ археологическихъ коммиссій.

Раскопка кургановъ. Село Бѣлозерка находится въ четырнадцати верстахъ ниже города Херсона, по правую сторону Днѣпра, и на тридцать верстъ выше устья рѣки Буга. Тутъ почти на каждомъ шагу можно найдти остатки старины. Но всего больше такихъ остатковъ находится въ такъ называемомъ городищѣ, мѣстѣ бывшаго поселенія или города. Это городище находится на пять верстъ ниже села Бѣлозерки, у самаго берега рѣки Днѣпра, между двумя лѣвыми притоками его, Кошевой и Корабѣлкой; центръ его имѣетъ видъ неправильнаго квадрата длины 148 саженъ, ширины 44 сажени, а окраины представляютъ широкія площади, замыкающіяся съ западной и сѣверной сторонъ глубокимъ валомъ, перерывающимся въ разныхъ мѣстахъ. Благодаря возвышенности берега, на которомъ раскинулось городище, можно легко и удобно обстрѣливать всякое судно, поднимающееся снизу вверхъ по Днѣпру. Между прочимъ, этимъ воспользовались наши войска въ сева-

стопольскую войну, соорудивъ у южнаго конца городища огромную и довольно сложную баттарею. А благодаря большому обилію воды и глубинѣ рѣкъ какъ самаго Днѣпра, такъ и двухъ названныхъ его притоковъ, мѣсто городища весьма удобно и въ торговомъ отношеніи. Съ городища открывается очаровательная перспектива на живописнѣйшія плавни Днѣпра и на далекій, совершенно открытый лѣвый берегъ его. Отсюда понятно, почему уже съ очень ранняго времени мѣсто городища было избрано человѣкомъ для жилья. Судя по остаткамъ разныхъ вещей, обломкамъ посуды, каменнымъ сооруженіямъ, подземнымъ ходамъ, находимымъ монетамъ, можно думать, что здѣсь прошла не одна народность: видимо, что здѣсь былъ и до-историческій человѣкъ, видимо, что здѣсь жили и греки-колонисты, можетъ быть, временъ Геродота, видимо также, что здѣсь долго оставались турки или татары, которыхъ смѣнили потомъ запорожскіе казаки.

Не менѣе интересна и другая мѣстность Бѣлозерки на западъ отъ села, за рѣчкой Бѣлозеркой. Интересъ этой мѣстности состоитъ въ томъ, что на огромномъ пространствѣ и почти безпрерывно она усѣяна небольшими курганами, представляющими цѣлый могильникъ, и едва только возвышающимися отъ поверхности земли. Разработка кургановъ въ данной мѣстности — дѣло довольно трудное: нужно углубляться въ землю по меньшей мѣрѣ на двѣ сажени, чтобъ извлечь изъ могилы покойника и добыть положенныя при немъ вещи. Курганъ первый, безъ названія, находится въ открытой степи за рѣкой Бѣлозеркой, по направленію отъ юго-востока къ сѣверо-западу; въ окружности имѣетъ 35 саж., черезъ вершину — 10½ саж., покрытъ дерномъ и состоитъ изъ земляной насыпи безъ камней внутри и въ основаніи, раскопанъ широкою траншеей въ направленіи отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, длины 16 арш., ширины 8. Всѣхъ слоевъ земли снято пять, послѣ чего открыто черное пятно, соотвѣтствующее обыкновенной могильной ямѣ, въ которой хоронятъ покойниковъ и въ наше время. Въ первомъ слоѣ снятой земли вырыто нѣсколько лошадиныхъ костей, разбросанныхъ въ безпорядкѣ; во второмъ слоѣ найдены одинъ черепокъ разбитой посуды, кости суслика, куски гнилаго дерева и два ребра человѣческаго скелета. Въ третьемъ слоѣ прежде всего найдена кость лошади, затѣмъ небольшой обломокъ деревянной доски и скелетъ человѣка, положенный на спину, по направленію отъ сѣвера-востока къ юго-западу, длины два съ половиной аршина, съ руками протянутыми по швамъ и съ небольшою кучкой золы у праваго плеча; подъ скелетомъ найдена деревянная лѣстница, длины соотвѣтственно скелету, съ пятью поперечными перекладинами, замѣнявшая собой нижнюю доску гроба, а поверхъ скелета остатки тонкой доски, обитой небольшими желѣзными гвоздями, очень грубой работы. Послѣ разработки земли около скелета оказалось, что у ногъ его стоялъ желѣзный котелокъ кованной работы на подобіе жаровни, полтора аршина въ діаметрѣ, съ толстою желѣзною ручкой. Верхняя часть скелета найдена испорченною: голова совсѣмъ отдѣлена отъ позвонковъ и въ двухъ мѣстахъ проверчена буравомъ. Это обстоятельство показываетъ, что курганъ уже былъ тронутъ кладоискателями. Судя по уцѣлѣвшимъ обломкамъ, черепъ былъ весьма оригинальной конструкціи; всего больше достойна вниманія въ немъ затылочная часть: она имѣетъ полторы четверти длины и сравнительно со лбомъ кажется черезчуръ неномѣрною. За четвертымъ слоемъ слѣдовалъ пятый слой и за пятымъ черное пятно. Это пятно найдено въ самомъ центрѣ кургана, формы правильнаго овала, въ діаметрѣ шесть аршинъ. При разработкѣ чернаго пятна, на глубинѣ двухъ аршинъ къ западной окраинѣ, найдены кости переднихъ ногъ лошади, сложенныя крестообразно одна на другую; соотвѣтственно переднимъ къ восточной окраинѣ пятна найдены кости заднихъ ногъ лошади и возлѣ нихъ двѣ стрѣлки вмѣстѣ съ обломками небольшаго желѣзнаго дротика или метательнаго копья, полаго внутри. Ниже двухъ аршинъ черное пятно стало

меньше и потомъ совсѣмъ исчезло, послѣ чего въ сѣверной окраинѣ его обнаружился сводъ въ видѣ правильно устроеннаго устья печи, заложеннаго желтою глиной. Въ очищенномъ отъ глины сводѣ найденъ другой скелетъ человѣка, положенный въ направленіи отъ запада къ востоку, лицомъ вверхъ, съ руками протянутыми по швамъ, съ ногами только до колѣнъ и съ черепомъ обыкновенныхъ размѣровъ, но безъ девяти зубовъ въ верхней челюсти. У изголовья скелета вбитъ толстый деревянный столбъ, подъ спину подложены три небольшія дубовыя перекладины, а у ногъ скелета воткнутъ желѣзный кинжалъ, съ небольшою деревянною ручкой. Ниже второго скелета, на глубинѣ двухъ саженъ отъ поверхности кургана, найденъ третій скелетъ человѣка, положенный въ томъ же направленіи, какъ и второй, но безъ головы. При третьемъ скелетѣ, также какъ и при второмъ, не найдено ничего, кромѣ небольшихъ обломковъ желѣзнаго копья. Неполнота двухъ послѣднихъ скелетовъ заставляетъ думать, что это или убитые въ сраженіи, или такіе покойники, которые были погребены по частямъ: у разныхъ народовъ и въ разное время существовалъ обычай прежде, чѣмъ предать умершихъ землѣ, раздѣлить ихъ на части и потомъ уже хоронить.

Подарокъ И. А. Крылова. «Волжскій Вѣстникъ» сообщаетъ, что въ библіотекѣ казанскаго землевладѣльца П. Ѳ. Лихачева хранится интересный экземпляръ басней Лафонтена съ автографомъ И. А. Крылова. На бѣлой страницѣ этого экземпляра предъ заглавнымъ листкомъ находится четкая надпись: «Подарены любезнымъ другомъ Иваномъ Андреевичемъ Крыловымъ іюля 29-го дня 1792, въ бытность въ типографіи; по причинѣ нашей разлуки на время». На самомъ же заглавномъ листѣ помѣта сильно выцвѣтшими отъ времени чернилами: «Клушина». Въ 1792 году, Крыловъ въ сотрудничествѣ съ А. И. Клушинымъ, армейскимъ офицеромъ, сыномъ орловскаго помѣщика, издавалъ журналъ «Зритель», который и печаталъ въ собственной типографіи. Дружба Клушина съ Крыловымъ продолжалась и въ 1793 году, когда они совмѣстно издавали «С.-Петербургскій Меркурій». Такимъ образомъ, разлука двухъ друзей была непродолжительна. Надпись самого Крылова находится подъ гравированнымъ портретомъ Лафонтена (работы Мовена), приложеннымъ къ книгѣ, и состоитъ изъ четырехъ мелко, но очень четко написанныхъ строкъ:

Залогомъ дружества прими Фонтена ты:
И пусть оно въ сердцахъ тогда у насъ увянетъ,
Когда богъ ясныхъ дней свѣтить нашъ міръ престанетъ
Или Фонтеновы затмитъ кто красоты.

І. Крыловъ.

Еще четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, въ 1781 г., Крыловъ сдѣлалъ опытъ перевода одной басни Лафонтена, но затѣмъ оставилъ этотъ родъ поэзіи; только въ 1806 году появились въ свѣтъ первыя три его басни. Приведенное выше четверостишіе свидѣтельствуетъ о томъ уваженіи, съ какимъ относился И. А. Крыловъ къ французскому баснописцу.

Пицундскій храмъ. На восточномъ берегу Чернаго моря между Адлеромъ и Гудаутомъ есть мѣстность, называемая Пицунда. У подножія величественныхъ горъ, на берегу самаго моря, тянется на нѣсколько верстъ сосновый лѣсъ, изъ-за вѣковыхъ деревьевъ котораго виднѣется величественный храмъ византійской архитектуры. Храмъ этотъ, древнѣйшій памятникъ христіанскаго искусства, построенъ въ VI вѣкѣ Юстіаномъ вторымъ, византійскимъ императоромъ. Втеченіе болѣе тысячи лѣтъ храмъ этотъ вынесъ много невзгодъ: былъ разоряемъ и вновь возобновляемъ. Еще лѣтъ 18 тому назадъ на стѣнахъ этого храма росли огромныя деревья, которыя при реставрированіи храма были срублены. Храмъ былъ возобновленъ по повелѣнію Александра II и освященъ въ 1869 году, 27 сентября. Архимандритъ Ѳеодосій и пять монаховъ, братій Сергіевской лавры, поселились здѣсь и основали монастырь, ко-

торый недолго существовалъ, ибо черезъ пять лѣтъ, въ 1876 году, во время послѣдней турецкой войны, монахи удалились и больше не возвращались. Возмутившіеся абхазцы съ турками во время войны раззорили храмъ и всѣ образа и фрески на стѣнахъ исковеркали, громадный ликъ Христа, написанный въ плафонѣ купола, былъ обстрѣленъ и слѣды пуль абхазцевъ видны и теперь. Втеченіе восьми лѣтъ храмъ находился въ запустѣніи. Наконецъ, онъ вмѣстѣ съ окружающею землей и лѣсомъ въ количествѣ 555 десятинъ былъ предложенъ Ново-Аѳонскому монастырю, находящемуся всего въ 40 верстахъ отъ Пицунды. И не смотря на то, что всего лишь 2-го марта прошедшаго года послѣдовало утвержденіе постановленія синода о передачѣ Ново-Аѳонскому Симеоно-Кананитскому монастырю для открытія здѣсь скита для монашеской строгой подвижнической жизни, по уставу Аѳонской горы, какъ въ сентябрѣ храмъ былъ исправленъ на столько, что совершилось освященіе его. Оно было торжественно, и вообще храмъ производитъ глубокое впечатлѣніе своимъ величіемъ, простотой и вмѣстѣ изяществомъ линій и удивительнымъ резонансомъ. Всѣми этими качествами, также какъ прочностью стѣнъ и сводовъ и превосходною вентиляціей и акустикой обладаетъ этотъ храмъ, построенный болѣе тысячи трехсотъ лѣтъ тому назадъ. Онъ имѣетъ въ длину 20 саженъ, въ ширину — 10 и въ вышину до купола 22 саж.; на обширные хоры ведутъ 33 каменныя ступени. При входѣ въ храмъ, въ притворѣ направо есть особое сводчатое помѣщеніе, въ которомъ находятся двѣ пустыя каменныя гробницы. По существующему преданію, одна изъ нихъ служила усыпальницей апостола Андрея, а другая, по предположенію, усыпальницей апостола Симеона Кананита. Оба апостола проповѣдывали въ Грузіи и въ черноморскихъ странахъ. Апостолъ Симеонъ Кананитъ, который былъ женихомъ на свадьбѣ въ Канѣ Галилейской, гдѣ Христосъ превратилъ воду въ вино, по преданію, былъ похороненъ въ мѣстности нынѣшняго Ново-Аѳонскаго монастыря, называющагося поэтому Симеоно-Кананитскимъ. На мѣстѣ погребенія апостола была построена церковь, около извѣстнаго Трахейскаго ущелья, по дну котораго течетъ рѣчка Псыртехъ. Развалины храма, основаннаго еще въ IV вѣкѣ по Р. Х., Ново-Аѳонскимъ монастыремъ были недавно возстановлены и превосходно реставрированы.

Древности, принадлежащія г. Кирьякову. Изъ числа собраній археологическихъ и нумизматическихъ рѣдкостей, принадлежащихъ частнымъ лицамъ изъ нашихъ соотечественниковъ, замѣчательны коллекціи, принадлежащія г. Кирьякову. Эти памятники найдены при раскопкахъ около Митридатовой горы, недалеко отъ г. Керчи и въ скиѳскихъ курганахъ. Прибрежье Крыма, какъ извѣстно, сплошь было усѣяно греческими колоніями. Коллекція представляетъ собраніе древностей Пантикапеи, Ставромата, Рископориди, Котіоса, Фанагоріи, Иннинфимеоса, Херсонеса Таврическаго, Керчи, Босфора Киммерійскаго, а также древности временъ Митридата понтійскаго, римскія, византійскія и скиѳскія. Идолы скиѳовъ, какъ и другіе художественные памятники этого народа, принадлежатъ нѣсколькимъ эпохамъ. Идолы и статуи первой эпохи носятъ на себѣ отпечатокъ младенчества—формы грубы, аляповаты, но по мѣрѣ сближенія съ греками грубость и аляповатость формъ постепенно исчезаютъ и замѣняются тонкими, нѣжными линіями грековъ—острые углы уступаютъ мѣсто округленности. Такимъ образомъ въ произведеніяхъ скиѳскихъ художниковъ, благодаря сближенію съ греками, замѣчается прогрессъ, чего нельзя сказать о греческихъ антикахъ, на которыхъ сближеніе съ варварскимъ народомъ отразилось очень невыгодно: греки, достигнувъ высшей степени художественнаго развитія, видя въ топорности и аляповатости скиѳскихъ мастеровъ нѣчто оригинальное, стали подражать имъ и постепенно начали оставлять изящность своего стиля. Первое, что заслуживаетъ вниманіе, это замѣчательно сохранившійся саркофагъ и гробъ, который ставился въ каменный ящикъ и герметически заливался известью.

Въ саркофагахъ хоронили только очень высокопоставленныхъ лицъ, а потому находка саркофага принадлежитъ къ счастливымъ случайностямъ.

Изъ статуй греческой работы обращаютъ вниманіе: женщина въ нижнемъ покровѣ и со спущенной туникой. Въ складкахъ замѣчательно сохранились слѣды красокъ розовой, лиловой и пунцовой. Церера, отдыхающая на снопѣ среди сжатаго поля. Венера и лебедь. Венера на тронѣ. Два дерущіеся амура. Амуръ и Психея. Цѣлующіеся амуры. Жертвоприношеніе. Грекъ, держащій кисть винограда. Амазонка. Идолы скиѳовъ первой эпохи уродливы и чудовищны, такъ, напримѣръ, одинъ изъ нихъ разрываетъ себѣ руками грудь, другой съ видимымъ удовольствіемъ распоролъ животъ и наматываетъ на руку свои кишки. Головы этихъ идоловъ болѣе собачьи, на головѣ рога, верхняя часть тѣла нага, и только отъ пояса спускается юбка изъ шкуры. Идолы послѣднихъ эпохъ хотя и грубы, но уже изображаютъ человѣка. На головахъ у нихъ остроконечныя овчинныя шапки, какія носятъ киргизы букеевской орды въ Астраханской губерніи.

Изъ статуй скиѳскихъ художниковъ обращаютъ вниманіе: двѣ статуи скиѳскаго наѣздника, мчащагося на конѣ и переговяющаго волка. Одна изъ этихъ статуй принадлежитъ къ періоду младенчества, на другой уже отразилось греческое вліяніе. Всадникъ второй статуи держитъ въ рукѣ щитъ, лицо осмысленно. Статуя скиѳской женщины верхомъ на лошади. Скиѳскій ребенокъ, сидящій на лебедѣ. Скиѳская женщина съ ребенкомъ на рукахъ. Скиѳскій правитель, сидящій на тронѣ. Люлька съ лежащей въ ней женщиной съ ребенкомъ.

Изъ греческихъ памятниковъ обращаютъ на себя вниманіе двѣ головки гречанки и скиѳянки, а также отбитая лапа льва, на ступнѣ которой изображены цѣлующіеся амуры. Изъ греческихъ сосудовъ обращаютъ вниманіе: два сосуда, въ которыхъ хоронили пепелъ отъ сжигаемаго умершаго. Присутствіе этихъ кратеръ доказываетъ принадлежность всего, что найдено при нихъ, къ мѣдному или бронзовому періоду, такъ какъ только въ этомъ періодѣ въ Европѣ сжигались покойники,—это подтверждается находящимися тутъ же мѣдными наконечниками греческихъ стрѣлъ. Вазы временъ процвѣтанія и упадка. Патéры — сосуды для вина, похожіе на наши суповыя миски. Сосудъ для сливокъ и молока. Работа первыхъ изящнѣе. Кувшинчики съ рельефами, амфоры съ рисунками, флакончики, служившіе сосудами для ароматическихъ маслъ. Обращаютъ вниманіе маски боговъ и богинь, которыми обкладывали умершаго. Изъ нихъ выдѣляются маски Венеры и Геркулеса. Изъ стеклянныхъ сосудовъ по тонкости работы обращаютъ вниманіе: стаканы, кувшинчики и слезницы-сосуды, куда родственники умершихъ собирали слезы и хоронили съ покойникомъ. **Питомники** для кормленія грудныхъ дѣтей. **Свѣтильники.** **Ожерелья** изъ разныхъ камней и стекла. Браслеты, изображающіе змѣй. Носились на сгибѣ ноги выше подъема, въ верхней части ноги и на рукахъ. **Серьги,** изображающія голову льва съ змѣинымъ туловищемъ или съ подвѣсками. Изъ образчиковъ рѣзьбы по дереву обращаетъ вниманіе мелкая работа по небольшому сердолику, изображающая одинъ изъ подвиговъ Геркулеса: полубогъ разрываетъ кабана. Большой интересъ представляютъ осколки чаши, на которыхъ превосходно сдѣланы голова людей и два осколка отъ крышки съ головами Пана и Геркулеса. Интересна нумизматическая коллекція: нѣсколько череповъ микрокефаловъ разныхъ эпохъ. Черепа первой эпохи почти безъ признаковъ лба, болѣе подходятъ къ черепу гориллы, а не человѣка. Прекрасно сохранились волосы женщины, повидимому, носящіе слѣды краски, которою и теперь красятся персіяне.

Археологическая находка въ Дрогичинѣ. Въ 54-хъ верстахъ отъ уѣзднаго города Бѣльска, Гродненской губерніи, находится заштатный городъ Дрогичинъ. Съ XI-го по XIII-й вѣкъ онъ былъ передовымъ постомъ русскихъ кня-

зей въ борьбѣ съ ятвягами. Здѣсь же въ 1253 году вѣнчался королевской короной великій князь Даніилъ Романовичъ. Въ 1274 году, Дрогичинъ былъ сожженъ литовскимъ княземъ «окаяннымъ и треклятымъ» Тройденомъ, который, по словамъ лѣтописи, «избилъ всѣхъ жителей отъ мала до велика». Съ тѣхъ поръ русскій Дрогичинъ исчезъ изъ исторіи и на его мѣстѣ возникъ подъ литовско-польскимъ владычествомъ другой городъ, который, въ свою очередь, изъ главнаго города воеводства превратился въ ничтожное мѣстечко. Н. П. Авенаріусъ, производившій нынѣшнимъ лѣтомъ раскопки въ Дрогичинѣ, нашелъ частью на берегу Буга и частью въ самой рѣкѣ, на глубинѣ нѣсколькихъ вершковъ, нѣсколько сотъ предметовъ, несомнѣнно относящихся къ русскому періоду исторіи этого города, а именно: обломки мечей, большіе и малые ножи, наконечники копій и стрѣлъ, перстни, серьги, разныя бронзовыя и костяныя украшенія, стекляные браслеты разныхъ рисунковъ, каменныя пряслины, безчисленное число черепковъ посуды безъ поливы и т. п.; интереснѣе прочихъ предметовъ бронзовый крестикъ византійскаго стиля и около сорока свинцовыхъ пластинокъ съ славянскими буквами и отчасти съ изображеніями на реверсѣ. Всѣ эти вещи размыты весеннимъ разливомъ Буга изъ нагорнаго, почти отвѣснаго берега, на которомъ стоитъ нынѣшній Дрогичинъ. Берегъ этотъ состоитъ въ разрѣзѣ изъ трехъ пластовъ: нижній — материковая глина; верхній — наносная почва; средній, толщиною приблизительно въ два аршина,—мусоръ, т. е. прожженныя насквозь глина, известь и отчасти кирпичъ, съ громадною примѣсью древеснаго угля, черепковъ и костей человѣческихъ и животныхъ.

Нужно полагать, что этотъ пластъ, который есть не что иное, какъ сожженный и затѣмъ забытый древне-русскій Дрогичинъ, простирается далеко въ глубь и занимаетъ если не всю, то значительную часть площади позднѣйшаго города. Судя по громадному числу предметовъ, размытыхъ изъ этого пласта втеченіе одного года, можно полагать, что со временемъ онъ дастъ богатѣйшій матеріалъ для исторіи жизни Дрогичина и вообще всей южно-русской колонизаціи на сѣверо-западной окраинѣ. Н. П. Авенаріусъ имѣетъ въ виду продолжать въ будущемъ году свои изысканія въ Дрогичинѣ, а именно сдѣлать нѣсколько раскопокъ въ самомъ городѣ и на такъ называемой Химковой горѣ и, кромѣ того, составить карту многочисленныхъ кургановъ, окружающихъ Дрогичинъ.

Раскопки въ Выборгѣ. Въ настоящее время профессоръ Аспелинъ, на отпущенныя 2,000 марокъ городомъ, производитъ раскопки старой соборной церкви, зданіе которой съ 1710 года находилось въ рукахъ русскихъ. Легенда разсказываетъ, что будто бы Петръ Великій, по взятіи Выборга, приказалъ спросить жителей, какія зданія имъ нужны. Но, не найдя въ представленномъ спискѣ церкви, велѣлъ туда поставить лошадей. Разсказъ этотъ, очевидно, принадлежитъ къ вымысламъ, такъ какъ извѣстно, что по заключеніи мира изъ этой церкви былъ сдѣланъ русскій соборъ, который сгорѣлъ въ 1738 году, и на исправленіе его Анна Іоанновна прислала 1,000 рублей. Въ этомъ видѣ храмъ оставался до 1788 года, когда русскіе построили новый соборъ, а старая церковь была обращена въ провіантскій складъ, и въ 1806 году передѣлана въ хлѣбный магазинъ. Теперь же въ ней помѣщается артиллерійское депо полевыхъ пушекъ и зарядныхъ ящиковъ. Послѣ всѣхъ этихъ видоизмѣненій, пережитыхъ храмомъ, трудно возстановить первоначальную конструкцію церкви, не ломая нарочно для того фундамента, но по расположенію стѣнъ можно догадываться, что сѣверная часть церкви, какъ то обыкновенно бывало въ храмахъ францисканскихъ монаховъ, отдѣлена отъ строенія церкви междустѣніемъ, идущимъ до алтаря. Самая же внутренность храма раздѣлена на три части, двумя рядами столбовъ, по пяти колоннъ въ каждомъ. Самою интересною находкою при разрытіи пола пока найдена плита, надпись которой называетъ архіепископа Силивестра съ да-

тою 1735 года. Эта находка любопытна въ томъ отношеніи, что врядъ ли возможно считать эту плиту надгробіемъ архіепископа Силивестра, бывшаго преосвященнымъ с.-петербургскимъ и шлиссельбургскимъ, такъ какъ послѣ пожара царскосельской воскресенской церкви, бывшаго въ 1820 году, найдена была доска съ надписью, что онъ освящалъ этотъ храмъ 30-го іюля 1756 года.

Неизданныя письма Вольтера къ д'Аламберу. Въ 1784 году, когда Кондорсе и Декруа хотѣли издать всю переписку Вольтера съ д'Аламберомъ, они встрѣтились съ нѣкоторыми препятствіями. Во многихъ письмахъ слишкомъ свободно по тому времени выражались революціонные взгляды, въ другихъ попадались болѣе или менѣе рѣзкія нападки на живыхъ лицъ. Издатели должны были исключить нѣсколько документовъ компрометирующаго свойства. Такимъ образомъ нѣсколько неизданныхъ писемъ Вольтера достались наслѣдникамъ Декруа и въ послѣдніе годы продавались съ аукціона поштучно. Шарль Анри, изучая бумаги, оставшіяся послѣ г-жи Леспинасъ, принадлежащія Гизо, извлекъ оттуда тринадцать писемъ Вольтера, которыя не были напечатаны. Въ этихъ письмахъ, фернейскій философъ, не стѣсняясь, говоритъ о Руссо, о Фридрихѣ II, который значится тамъ подъ названіемъ «Luc», о женевскихъ распряхъ. Любопытно, между прочимъ, письмо, гдѣ идетъ рѣчь объ «Энциклопедіи» (5-го апрѣля 1766 г.): «Никогда еще въ Парижѣ такъ не боялись умныхъ людей, какъ теперь. Надворъ за книгами строгій. Мнѣ сообщаютъ, что подписчики еще не получили «Dictionnaire encyclopédique», Это — не только большая строгость, но это — большая несправедливость. Прекращая доставку этой книги, обкрадываютъ подписчиковъ и разоряютъ издателей. Желалъ бы я знать, какое зло можетъ причинить книга, стоющая сто экю. Никогда двадцать томовъ in folio не сдѣлаютъ революціи, надо опасаться лишь маленькихъ карманныхъ книжекъ въ 30 су. Если бы Евангеліе стоило 1,200 сестерцій, никогда бы не установилась христіанская религія».

† 7-го августа, репортеръ-публицистъ **Василій Григорьевичъ Боголѣповъ**, болѣе извѣстный въ журнальныхъ и театральныхъ кружкахъ подъ фамиліей **Ильменскаго**. Родившись въ Петербургѣ въ 1852 г., онъ воспитывался въ пансіонѣ и по смерти отца поступилъ въ 1869 г. въ театральное училище, гдѣ его учителемъ былъ Пав. Вас. Васильевъ. Въ 1873 г. Боголѣповъ отправился актеромъ на маленькія роли въ гельсингфорскій русскій театръ, подъ фамиліей Передовщикова; онъ выдѣлился, какъ недюжинный актеръ, въ роляхъ: Глумова (ком. «На всякаго мудреца довольно простоты») и Хлестакова (Ревизоръ) въ спектакляхъ новгородскаго театра. Въ 1875 г. онъ игралъ въ театрѣ Со́сова за Невской заставой. Затѣмъ началось скитаніе В. Г. Ильменскаго (впервые игралъ подъ этой фамиліей въ Новгородѣ) по провинціи, которую онъ покинулъ въ 1881 г., когда началъ сотрудничать въ петербургскихъ ежедневныхъ изданіяхъ: «Петербургской Газетѣ», въ «Новомъ Времени», въ спеціально-театральныхъ органахъ: «Суфлерѣ» и «Театральномъ мірѣ», и во многихъ др. Два послѣдніе года онъ состоялъ также антрепренеромъ гельсингфорскаго театра.

† 5-го августа въ Казани академикъ и профессоръ химіи въ Петербургскомъ университетѣ, **Александръ Михайловичъ Бутлеровъ**. Казанскій дворянинъ, онъ родился въ 1828 году, воспитывался въ Казанскомъ университетѣ и, по окончаніи курса по разряду естественныхъ наукъ кандидатомъ въ 1849 году, получилъ степень магистра, поступилъ адъюнктомъ по каѳедрѣ химіи, въ 1854 г. пріобрѣлъ степень доктора физики и химіи, и въ 1858 г. сдѣланъ ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ химіи. Нѣсколько разъ былъ ректоромъ Казанскаго университета, и въ 1868 г. перешелъ въ Петербургскій университетъ. Бутлеровъ, путемъ изученія химическихъ превращеній, стремился проникнуть въ самую глубь связей, скрѣпляющихъ разнородные элементы въ одно цѣлое, признавалъ за каждымъ изъ нихъ врожденную способность

вступить въ извѣстное число соединеній, а различіе свойствъ приписывалъ различному способу связки элементовъ. Въ своихъ воззрѣніяхъ онъ примирялъ взгляды Кольбе и Кекуле и шелъ рядомъ съ Эрленмейеромъ; онъ издалъ въ 1864 г. «Введеніе къ полному изученію органической химіи» (переведенное въ 1867 г. на нѣмецкій яз.). Занимаясь изученіемъ простѣйшихъ веществъ, Бутлеровъ получилъ іодистый метиленъ и открылъ до 30-ти новыхъ тѣлъ. Изслѣдованія его помѣщены въ «Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета», въ «Zeitschrift für Chemie», въ Либиховыхъ «Annalen» и друг. Нельзя также не поставить въ заслугу покойному академику его плодотворную дѣятельность на пользу высшаго женскаго образованія, какъ въ качествѣ любимаго слушательницами профессора, такъ и въ качествѣ лица, принимавшаго близкое и горячее участіе въ основаніи петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ.

Кромѣ ученаго и профессора, Россія потеряла въ немъ пчеловода, — не простаго пчеляка, а пчеловода-учителя, который втеченіе почти двадцати лѣтъ распространялъ раціональное пчеловодство. Сознавая, что правильное пчеловодство можетъ увеличить народное благосостояніе, онъ вездѣ, гдѣ могъ, распространялъ знаніе этого дѣла: читалъ публичныя лекціи, устроивалъ выставки, издавалъ книги, завелъ въ «Извѣстіяхъ» вольно-экономическаго Общества пчеловодный отдѣлъ, преобразованный имъ съ начала нынѣшняго года въ особый журналъ «Пчеловодный Листокъ», устроилъ при содѣйствіи тверскаго земства пчеловодную школу, завелъ вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ сотоварищей по пчеловодной коммиссіи пасѣку на Кавказѣ, и всегда обязательно давалъ совѣты всѣмъ обращавшимся къ нему. Изъ книгъ его слѣдуетъ въ особенности упомянуть о двухъ, имѣющихъ большое распространеніе: «Пчела, ея жизнь и главныя правила толковаго пчеловодства» (удостоена вольно-экономическимъ Обществомъ почетной золотой медали, выдержала пять изданій) и «Какъ водить пчелъ». Вторая книга доступна всѣмъ какъ по изложенію, такъ и по цѣнѣ (10 коп.); она составлена Бутлеровымъ съ сочленами пчеловодной коммиссіи, предсѣдателемъ которой онъ состоялъ. Бутлеровъ смотрѣлъ на пчеловодство, какъ на доходную статью для мелкаго землевладѣнія, когда всѣ работы на пасѣкѣ производитъ самъ хозяинъ, и полагалъ, что въ крупномъ землевладѣніи, если приходится нанимать дорого стоющаго спеціалиста-пчеловода, едва ли пчеловодство можетъ принести значительныя выгоды. Въ «Новомъ Времени» Бутлеровъ напечаталъ замѣтку о пчеловодствѣ въ Россіи и, оцѣнивая доходность улья въ полтора рубля (при раціональномъ же уходѣ въ три и четыре раза больше), онъ указываетъ, что если пчеловодство достигнетъ у насъ половины того развитія, какого оно достигло въ Германіи, то получится меду и воску на три милліона рублей болѣе, чѣмъ въ настоящее время. Страннымъ образомъ въ гуманномъ и добродушномъ профессорѣ глубокая ученость соединялась съ вѣрой въ фокусы и бредни спиритизма. Но и тутъ увлеченный ловкими продѣлками медіумовъ, Бутлеровъ легко повѣрилъ имъ потому, что, не обманывая никогда и никого въ своей жизни, не могъ допустить обмана и со стороны другихъ, съ виду весьма почтенныхъ лицъ. Ему, однако, было всегда какъ-то совѣстно сознаться въ своей вѣрѣ въ спиритизмъ передъ своими сочленами по университету, экономическому Обществу и другимъ ученымъ учрежденіямъ и онъ никогда не старался пропагандировать своихъ вѣрованій между лицами, не вѣрующими въ спиритическія нелѣпости.

† 28-го августа заслуженный профессоръ С.-Петербургскаго университета **Игнатій Іакинфовичъ Ивановскій**, родившійся въ 1807 году. Одаренный превосходными способностями, онъ всюду, гдѣ учился, оканчивалъ курсъ съ отличіемъ: въ минской гимназіи получилъ, при выпускѣ, золотую медаль; въ Виленскомъ университетѣ двѣ награды за рѣшеніе заданныхъ темъ: одной на латинскомъ, другой—«О вмѣненіи преступленія», на польскомъ языкѣ. По выходѣ изъ Ви-

женскаго университета въ 1826 году, со степенью кандидата правъ, онъ былъ опредѣленъ въ Московскій университетъ для усовершенствованія въ русскомъ языкѣ, а оттуда поступилъ въ число воспитанниковъ профессорскаго университета въ Дерптѣ, гдѣ въ 1832 году, защитивъ диссертацію «De libera mercatura», получилъ степень доктора правъ. Отправленный, для дальнѣйшихъ занятій по законовѣдѣнію за границу, онъ прожилъ тамъ три года, преимущественно въ Берлинѣ, слушая Савиньи, Мишеле, Риттера и другія тогдашнія знаменитости. По возвращеніи въ Россію въ 1835 году, послѣ своей пробной лекціи «Краткій взглядъ на науку дипломатіи вообще» (напечатана въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія», часть IX), онъ причисленъ къ Петербургскому университету, съ 1837 года утвержденъ ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ общенароднаго права и дипломатіи. Многосторонняя образованность, знаніе дѣла, занимательное изложеніе, одушевленная рѣчь: все соединялось въ молодомъ профессорѣ и снискало ему расположеніе слушателей. Кромѣ международнаго права и дипломатіи, Ивановскій читалъ постоянно съ 1841 государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ, по собственнымъ запискамъ. Изъ трудовъ его напечатаны: въ 1837 году статья, «О началахъ постепеннаго усовершенствованія государствъ» (въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія»); въ 1848 году—«О правахъ Даніи на Зундскій и Бельтскій проливы», рѣчь, произнесенная на университетскомъ актѣ того года; и въ 1857 году—«Руководство по статистикѣ европейскихъ государствъ, для преподаванія въ военно-учебныхъ заведеніяхъ». Съ 1857 года профессоръ Ивановскій читалъ уже въ званіи заслуженнаго профессора. Онъ былъ деканомъ юридическаго факультета, а оставилъ университетъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ. И. I. принималъ участіе и въ педагогической печати. Особенною любовью воспитанниковъ пользовался онъ въ Царскосельскомъ лицеѣ, гдѣ читалъ статистику и политическую экономію съ конца тридцатыхъ годовъ.

† 25-го іюля застрѣлился изъ револьвера проживавшій въ Томскѣ князь **Александръ Алексѣевичъ Крапоткинъ**, братъ извѣстнаго соціалиста Крапоткина. Покойному было 40 лѣтъ, онъ находился въ Томскѣ въ ссылкѣ, на срокъ, который для него кончился 3-го сентября. Крапоткинъ былъ женатъ и проживалъ въ Томскѣ съ женой и тремя малолѣтними дѣтьми. Разсчитывая въ сентябрѣ, съ окончаніемъ срока ссылки, уѣхать изъ Сибири, онъ отправилъ жену и дѣтей въ Харьковскую губернію, гдѣ у него были родственники. Послѣ отъѣзда семьи, онъ началъ вести не совсѣмъ регулярную жизнь, но побудительной причины лишить себя жизни у него не было. Князь Крапоткинъ занимался литературою, сотрудничалъ въ «Русскомъ Богатствѣ» и въ мѣстныхъ изданіяхъ, писалъ въ заграничныхъ изданіяхъ научнаго содержанія, помѣщая тамъ статьи по астрономіи, которой онъ занимался спеціально.

† Во Львовѣ **Янъ Ламъ**, даровитый польскій сатирикъ. Сынъ гессенскаго нѣмца, онъ былъ по крови полякъ и непримиримый германофобъ. Ламъ не любилъ нѣмцевъ и ненавидѣлъ чеховъ, бывшихъ одно время усердными германизаторами славянскихъ земель Австріи, особенно Галиціи. Типъ такого германизатора, играющій видную роль въ взаимоотношеніяхъ австрійскихъ славянъ, весьма удачно и едва ли не впервые въ литературѣ воспроизведенъ и заклейменъ Ламомъ въ лицѣ Прецличка въ повѣсти «Панна Эмилія» и, благодаря этому типу, повѣсть займетъ почетное мѣсто въ библіотекѣ славянскихъ писателей. Другая черта, общая, впрочемъ, выдающимся сатирикамъ, это—непринадлежность Лама къ какой нибудь опредѣленной партіи. Онъ былъ выше ихъ всѣхъ, и этого многіе ему не прощали, но именно это давало ему возможность быть свободнымъ и безпристрастнымъ. Вотъ почему для изученія польскаго общества Галиціи нельзя найдти лучшаго руководителя. Произведенія Лама требуютъ знакомства съ мѣстными галиційскими отношеніями, но представляютъ такой неистощимый ключъ превосход-

наго юмора, что имъ можно смѣло предречь большой успѣхъ и у насъ. Покойный среди своихъ соплеменниковъ, столь склонныхъ къ превознесенію, не пользовался симпатіями именно потому, что смѣло клеймилъ фарисейство и тупость польскихъ русофобовъ.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Къ исторіи Петровскаго театра въ Москвѣ.

Въ интересной статьѣ «Полубарскія затѣи», М. И. Пыляевъ говоритъ, что «Медоксъ позднѣе выстроилъ въ Москвѣ новый каменный театръ «Петровскій»; архитекторомъ былъ у него Розбергъ; открытъ онъ былъ въ 1780 году діалогомъ Аблесимова «Странники». И далѣе замѣчаетъ: «Медоксъ этимъ театромъ не удовольствовался, вскорѣ онъ пріобрѣлъ на Таганкѣ у коллежскаго ассессора Яковлева домъ, гдѣ устроилъ «воксалъ». Для открытія воксала Р. И. Майковъ сочинилъ оперетту: «Аркасъ и Ириса», музыка Керцелли». Сооруженія эти были описаны и изданы въ Москвѣ въ 1797 году подъ слѣдующимъ названіемъ «Планы и фасады театра и маскарадной залы въ Москвѣ, построенныхъ содержателемъ публичныхъ увеселеній англичаниномъ Мих. Маддоксомъ»; напечатано въ университетской московской типографіи въ листъ, 5 стр. и 12 плановъ. Книга эта не показана ни въ одной библіографіи, но имѣется въ каталогѣ библіотеки морскаго вѣдомства, бывшей въ зданіи главнаго адмиралтейства, а теперь переведенной въ морской калинковскій госпиталь. Мѣсто подъ постройку Петровскаго театра было куплено, какъ говоритъ на стр. XLIII «Драматическаго альбома» (М., 1850) П. Араповъ, у князя Лобанова-Ростовскаго, находилось во 2-й части, на Петровской улицѣ, въ приходѣ древней церкви Спаса, что̀ въ Корьѣ, которая до перестройки Петровскаго театра послѣ пожара стояла позади его, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ лѣстница, ведущая въ переулокъ на большую Дмитровку.

Въ 1805 году, зимою Петровскій театръ сгорѣлъ и былъ возобновленъ въ 1822 году по проекту старшаго профессора архитектуры Андрея Михайлова. Гравированные планъ и фасадъ этого театра можно найдти въ «Журналѣ изящныхъ искусствъ» 1825 года, стр. 88, причемъ тутъ же напечатана переписка президента академіи художествъ А. Н. Оленина съ генералъ-губернаторомъ Москвы, княземъ Дм. Вл. Голицынымъ, по поводу перестройки Петровскаго театра, для котораго проекты составляли въ Москвѣ Бове и Ламони, а въ Петербургѣ—Мельниковъ, Беретти и Михайловъ.

Передъ объявленіемъ крымской войны сгорѣлъ Петровскій театръ въ Москвѣ, точно также, какъ передъ Отечественной войной въ Петербургѣ погибъ отъ той же причины Большой театръ. Затѣмъ онъ былъ возобновленъ къ коронаціи въ Бозѣ почившаго императора Александра II по проекту архитектора Кавоса.

И. Н. Божеряновъ.

Въ перечнѣ литературныхъ трудовъ П. К. Щебальскаго, помѣщенномъ въ августовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», на страницѣ 385-й покойному приписаны двѣ статьи «Русскаго Вѣстника» 1876 года: въ № 11—«Политическое обозрѣніе» и въ № 12—«Всеевропейское фіаско». Обѣ названныя статьи принадлежатъ не покойному П. К. Щебальскому, а Н. В. Щербаню, тоже давнишнему, но еще живому сотруднику «Русскаго Вѣстника» и «Московскихъ Вѣдомостей», что̀ удостовѣрено письмомъ къ намъ ихъ автора.

Михаилъ Ивановичъ Глинка.

Съ портрета, рисованнаго акварелью П. А. Степановымъ, съ натуры, въ 1842 году.

дозв. ценз. спб., 25 окт. 1886 г. типографія А. С. Суворина.

О ПОДПИСКѢ

НА

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ"

ВЪ 1887 ГОДУ.

(ВОСЬМОЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ" будетъ издаваться въ **1887 году** на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія семь лѣтъ (1880—1886).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) **десять рублей, съ пересылкой и доставкой на домъ.**

Изъ обширнаго собранія матеріаловъ, находящихся въ распоряженіи редакціи, въ первыхъ книжкахъ **„Историческаго Вѣстника" 1887 года** будутъ помѣщены, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Живое слово о неживыхъ. Воспоминанія **И. А. Арсеньева.** — Исторія моей издательской дѣятельности. **Е. Н. Ахматовой.** — Отрывокъ изъ семейной хроники. **К. А. Бороздина.** — Самоубійство генерала Герштенцвейга. Разсказъ очевидца. **С. М. Борщова.** — В. Г. Тепляковъ. Біографическій очеркъ. **Ѳ. А. Бычкова.** — Мартинистъ и филантропъ прошлаго вѣка. **Е. М. Гаршина.** — Послѣдніе дни царствованія Екатерины II. Письма **княгини А. А. Голицыной.**— Тамбовская украина въ XVII столѣтіи. **И. И. Дубасова.**— Княгиня А. П. Волконская и ея друзья. **Г. В. Есипова.** — Очеркъ исторіи англійской иллюстраціи (съ многими иллюстраціями). **В. Р. Зотова.** — Общественная жизнь въ Англіи въ XIX столѣтіи (съ многими иллюстраціями). **Его же.**—Кургановъ и его письмовникъ. **А. И. Кирпичникова.** — Н. А. Кудрявцевъ и его потомство.

Д. А. Корсакова. — Отрывки изъ дневника **Н. В. Кукольника.** — Боголюбезный скоморохъ. Старинное происшествіе. **Н. С. Лѣскова.** — Мишенское, родина Жуковскаго (съ иллюстраціями). **П. М. Мартынова.** — Отрывокъ изъ воспоминаній **Б. А. Милютина.** — Дневникъ генералъ-лейтенанта **А. М. Михайловскаго-Данилевскаго.** — Посольство въ Персію съ хрустальной кроватью въ 1826 году. **А. Н. Носкова.** — Вяземскій архимандритъ Ѳеодосій. Очеркъ монастырскаго быта въ XVII столѣтіи. **Н. Н. Оглоблина.** — Записки **Ксенофонта Алексѣевича Полеваго.** — А. Ѳ. Писемскій по его автобіографическимъ замѣткамъ, письмамъ и сочиненіямъ. **П. Н. Полеваго.** — Шуты и скоморохи въ древности и въ новѣйшее время (съ многими иллюстраціями). **Его же.** — Одна изъ замѣчательныхъ русскихъ женщинъ прошлаго вѣка (А. Н. Родіонова). **П. А. Пономарева.** — Отрывки изъ дневника **А. Н. Протасьева.** — Городъ Гродно во время послѣдняго польскаго мятежа. **С. Т. Славутинскаго.** — Природа и человѣкъ въ Средней Азіи. **Н. В. Сорокина.** — Воспоминанія стараго литератора. **А. В. Старчевскаго.** — Императоръ Николай I и австрійскій дворъ. **С. С. Татищева.** — Императоръ Николай I и прусскій дворъ. **Его же.** — Павелъ Конюшкевичъ, митрополитъ тобольскій и сибирскій. **А. А. Титова.** — Среди скитницъ (съ многими иллюстраціями). **П. С. Усова.** — Русскій дворъ въ царствованіе Елисаветы Петровны и Петра III. Записки (переводъ съ рукописи) секретаря французскаго посольства **Фавье.** — Отрывки изъ воспоминаній бывшей камеръ-медхенъ императрицы Маріи Александровны **Н. И. Яковлевой.** — Воспоминанія о жизни въ Сибири и декабристахъ. **М. Д. Францевой,** и др.

Въ приложеніи къ „Историческому Вѣстнику“ 1887 года будутъ напечатаны **Записки Сергѣя Николаевича Глинки.** Эти любопытныя записки, разсѣянныя по разнымъ періодическимъ изданіямъ, соединены здѣсь въ одно цѣлое, провѣрены и дополнены по подлинной рукописи автора, обязательно доставленной намъ сыномъ его, Ѳ. С. Глинкой. Трудъ сличенія и редакціи записокъ исполненъ **А. О. Круглымъ.**

Главная контора **„Историческаго Вѣстника“** въ **С.-Петербургѣ,** при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени“** Невскій проспектъ, № 38. Отдѣленіе конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ** и **Одессѣ** при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина **„Новаго Времени“.**

ЗАГРОБНЫЙ СВИДѢТЕЛЬ ЗА ЖЕНЩИНЪ.

Наблюденія, опыты и замѣтки Н. И. Пирогова, изложенныя въ письмѣ къ баронессѣ Э. Ѳ. Раденъ.

«Отче Аврааме,—если кто изъ мертвыхъ придетъ къ нимъ, они лучше послушаются его».
Лк. XVI, 29.

Ъ ЛИТЕРАТУРѢ обнаруживается большое разногласіе по двумъ вопросамъ: 1) слѣдуетъ ли сопротивляться злу и 2) благоразумно ли открывать женщинамъ доступъ къ наукамъ и къ общественной дѣятельности, или же благоразумнѣе устранить ихъ отъ большихъ знаній, и давать имъ только самое простое религіозное воспитаніе, а дѣятельность ихъ ограничить хозяйствомъ и семейными заботами.

Съ тѣхъ поръ какъ въ это дѣло вмѣшался графъ Левъ Николаевичъ Толстой и необинуясь высказался за простое, религіозное образованіе, все воспріяло такой видъ, какъ будто графъ своимъ словомъ принесъ «огонь на землю». Женщины встревожились.

Это неудивительно: гр. Л. Н. Толстой пользуется теперь огромнымъ вниманіемъ во всѣхъ сферахъ общества, и потому его огонь можетъ зажечь пожаръ. Вотъ что и тревожитъ пугливое воображеніе учащихся женщинъ, въ судьбѣ которыхъ ничто не застраховано, а напротивъ все шатко и валко, и все косйтъ на сторону.

Тревоги эти очень понятны. «Пуганыя птицы куста боятся». Надо вспомнить всѣ тяжести, которыя переносили и переносятъ наши одинокія дѣвушки и покинутыя жены, чтобы понять ихъ

положеніе, когда имъ кажется, что у нихъ задумываютъ вырвать изъ рукъ и то малое средство на добываніе хлѣба, которое они себѣ едва, едва добыли, благодаря усиліямъ участливыхъ людей отходящей поры. Безпокойство женщинъ поддерживаетъ совсѣмъ не целибатная теорія безмужія, какъ думаютъ люди, которые не знаютъ жизни. Замужъ выходить готовы почти всѣ, но не всѣмъ это удается. Женскія заботы о правѣ на трудъ въ большинствѣ случаевъ поддерживаютъ соображенія чисто экономическаго свойства: жизнь стала очень трудна, мужчины все болѣе и болѣе избѣгаютъ женитьбы, которая для многихъ стала не по средствамъ, и дѣвушкамъ волею-неволею приходится самимъ о себѣ заботиться. Слѣдовательно надо приспособляться къ новому положенію,—надо учиться. При этомъ, къ чести нашего времени, женщинамъ не хочется видѣть себя на «распутіи», а хочется прожить, обходя тѣ унизительныя положенія, которыя начинаются обожаніемъ, а кончаются обыкновенно отверженіемъ... Женщины чрезвычайно чутки ко всему, что ихъ касается, и легко приходятъ въ безпокойство, когда ихъ пугаетъ неблагопріятное мнѣніе объ ихъ правахъ на трудъ. Отъ того въ современныхъ женскихъ и мужскихъ сужденіяхъ такъ много шума и страстности, что отъ ихъ избытка страдаетъ смыслъ. А потому теперь не безполезно будетъ людямъ услыхать на этотъ счетъ слово такого лица, которое не можетъ быть заподозрѣно ни въ какомъ современномъ сторонничествѣ, и которое по своему умственному значенію стоитъ, по крайнѣй мѣрѣ, не ниже того, кто «возжегъ огнь» нынѣшняго спора.

Дерзнемъ для этого потревожить священную тѣнь Николая Ивановича Пирогова и послушаемъ, что намъ скажетъ этотъ истинный мудрецъ и настоящій дѣловой человѣкъ.

Письмо Пирогова, которое сейчасъ же будетъ предложно вниманію читателей, писано въ 1876 году къ высокообразованной и весьма уважаемой въ свое время фрейлинѣ усопшей великой княгини Елены Павловны баронессѣ Эдифѣ Ѳедоровнѣ Раденъ. Баронесса Раденъ недавно скончалась, и о смерти ея въ свое время въ газетахъ были напечатаны обширныя статьи, въ которыхъ объясняли обществу, что покойная баронесса имѣла сильный умъ, блестящее образованіе и большое вліяніе на многія дѣла,—преимущественно на тѣ дѣла, которыми интересовалась покойная великая княгиня Елена Павловна.

Въ извѣстной мѣрѣ все это справедливо.

Покойный Николай Ивановичъ Пироговъ былъ особенно друженъ съ Эдифою Ѳедоровною Раденъ и состоялъ съ нею въ перепискѣ, которая по одному особому случаю сдѣлалась мнѣ извѣстна, а небольшою крупицею изъ нея я даже имѣю право пользоваться.

Вотъ тому мое объясненіе.

Около десяти лѣтъ тому назадъ, баронессѣ Эдифѣ Ѳедоровнѣ

хотѣлось, чтобы я прочелъ нѣкоторыя хранившіяся у нея бумаги и сказалъ мои соображенія на счетъ ихъ пригодности къ особому литературному назначенію, какое она имъ желала дать. Я исполнилъ желаніе этой уважаемой дамы, и во время посѣщеній мною Эдифы Ѳедоровны въ одномъ изъ флигелей Михайловскаго дворца она однажды дала мнѣ полученное ею письмо Пирогова (писанное понѣмецки), съ тѣмъ, чтобы я прочелъ его и, если хочу, оставилъ бы у себя съ него копію, которая «когда нибудь можетъ пригодиться для литературы».

Письмо было превосходно, и я воспользовался дозволеніемъ Раденъ: я сберегъ себѣ переводъ этого письма на русскій языкъ. Переводъ весь сдѣланъ для меня по дружбѣ Юліею Денисовною Засѣцкою и болѣе чѣмъ на половину писанъ собственною ея рукою.

За симъ предлагаю теперь самое письмо, которое, я надѣюсь, способно доставить всѣмъ просвѣщеннымъ людямъ очень чистое удовольствіе. Здѣсь читатель увидитъ, какія мысли имѣли о женскомъ участіи въ общественной жизни три достопримѣчательныя лица отшедшей поры: великая княгиня Елена Павловна, ея ближайшая придворная дама баронесса Эдифа Ѳедоровна Раденъ и Николай Ивановичъ Пироговъ [1]).

«Многоуважаемый другъ!

«Вы затронули струны старой разбитой скрипки,—такъ не смущайтесь же разладицей ея звуковъ. Я себя причисляю уже къ прошедшему, и потому не могу судить о немъ объективно: настоящее, въ которомъ я доживаю свои дни, мнѣ, конечно, тоже небезразлично, но только я не могу анализировать его съ той точки зрѣнія, съ которой судитъ о немъ нынѣшнее поколѣніе. Мои воспоминанія принуждаютъ меня сравнивать прошедшее съ настоящимъ, и при этомъ въ моемъ умѣ сталкивается цѣлый рой идей самыхъ противоположныхъ. Вотъ почему прошу васъ не обвинять меня, если мое писаніе покажется вамъ неудобопонятнымъ изложеніемъ противорѣчій, переплетшихся въ моихъ мысляхъ. Въ этихъ листахъ вы прочтете также нѣсколько очерковъ моихъ субъективныхъ мнѣній, и пожалуй, что, въ концѣ концевъ, вы вмѣсто ожидаемыхъ отъ меня и интересующихъ васъ историческихъ воспоминаній найдете только одну смѣсь пережитыхъ идей и сужденій, которыя васъ нимало не интересуютъ. Я въ этомъ невиноватъ, какъ уже сказалъ: я долженъ, malgré moi, подѣлиться съ вами всѣми чувствами, которыя дорогія воспоминанія выманиваютъ изъ глубины моей души. Впрочемъ, вы еще получите (конечно, не чрезъ почту) нѣкоторые

---

[1]) Современемъ въ историческомъ интересѣ извѣстнаго рода характеровъ будутъ прибавлены имена другихъ лицъ, которыя при жизни великой княгини думали согласно съ нею, а впослѣдствіи измѣнили свои мнѣнія. Н. Л.

отрывки достовѣрныхъ документовъ, которые могутъ быть полезными въ составленіи исторіи. Сынъ мой въ скоромъ времени отправляется въ Петербургъ, и я ему поручилъ передать вамъ лично эти документы. Межъ ними нѣкоторые отъ васъ самихъ, съ собственноручными письмами покойной великой княгини. Содержаніе послѣднихъ, если противопоставить съ ними мои письма, отъ 1854—1855 годовъ (которыя вы легко отыщете въ своихъ бумагахъ), можетъ, безъ сомнѣнія, сильно способствовать для изображенія исторіи «Общества сестеръ милосердія».

«Подвиги такихъ монарховъ, какъ наши Петръ, Екатерина, оба Александра, до того величественны и объемисты, что не нуждаются въ похвалахъ. Но дѣйствія нашей незабвенной великой княгини таковы, что ихъ и можно, и должно прославить. Но за то біографу ея тѣмъ болѣе и слѣдуетъ остерегаться, чтобъ не написать ея исторіи въ видѣ панегирика[1]). Иногда такъ бываешь ослѣпленъ блестящимъ результатомъ человѣческихъ дѣйствій, что черезчуръ легко относишься къ самой человѣческой природѣ ихъ совершителя, а эта сторона именно и есть самая поучительная и привлекательная для насъ. Идеальность получаетъ еще болѣе рельефа, когда раскрываютъ неизбѣжныя во всякомъ дѣлѣ ошибки и слабости. Даже въ глубокой идеѣ нашей религіи человѣчество служитъ основаніемъ Божественнаго Искупителя»...

«И наши раскольники, предлагая свой вопросъ: «коего духа человѣкъ сей?»—очевидно, стараются разрѣшить великую задачу познанія человѣка. По-моему, и всякій біографъ, приступая къ своему дѣлу, тоже обязывается прежде всего разрѣшить себѣ этотъ самый вопросъ. Прежде всего слѣдуетъ ему ознакомить насъ съ личнымъ воззрѣніемъ на жизнь описываемой имъ особы и исполнить это сколь возможно ясно и искренно, и уже этимъ способомъ дать намъ понять и его собственное міровоззрѣніе или пониманіе жизни».

«Я не пишу біографіи, а между тѣмъ куча мыслей на счетъ этого важнаго вопроса такъ невольно и наполняетъ мнѣ голову. Современное міровоззрѣніе, на сколько я могъ его изучить, бываетъ четырехъ родовъ: либо оно раціональное, либо чисто формальное, нерѣдко и легкомысленное, но болѣе или менѣе мистическое. Въ большинствѣ случаевъ, можно убѣдиться, что одинъ родъ воззрѣнія переходитъ въ другой, и притомъ наши сужденія часто измѣняются втеченіе жизни. Чисто раціональное міровоззрѣніе рѣдко встрѣчается, особенно между женщинами (быть можетъ, къ счастію),

---

[1]) Мысль о составленіи исторіи великой княгини Елены Павловны одно время сильно занимала баронессу Раденъ. Это и было поводомъ моего знакомства съ нею, и это же составляетъ особый, въ своемъ родѣ любопытный эпизодъ. Нѣсколько брошюръ, составленныхъ извѣстными русскими людьми на иностранныхъ языкахъ, свидѣтельствуютъ, что взглядъ Пирогова на обязанности біографа остался для этихъ авторовъ постороннимъ. Н. Л.

но, къ несчастію, два другіе рода (формальный и легкомысленный) берутъ у нихъ верхъ. Мистическій элементъ всасывается отчасти во всѣ возможныя міровоззрѣнія, потому что онъ пустилъ глубокіе корни въ нашихъ душахъ, и самыя крупныя силы анализирующаго разсудка не въ состояніи вымолвить намъ послѣднее слово великой загадки. Современный реализмъ ни къ чему насъ не приводитъ своей тощей пустотой. Онъ убѣждаетъ только игнорировать неисповѣдимое, а современный спиритизмъ доказываетъ ему въ то же время, что мы, т. е. родъ людской, вовсе даже и не чувствуемъ призванія къ реальной философіи. Мистицизмъ для насъ совершенно необходимъ: это—одна изъ естественныхъ потребностей жизни. Все насъ окружающее, по своему существу, неисповѣдимо и мистично. Если мы не довольствуемся однимъ fait accompli, то наше *я* объективно въ отношеніи насъ самихъ, а міръ какъ цѣлое мистиченъ. Гегель признавалъ мистицизмъ и въ безгласныхъ животныхъ. То ежедневное явленіе, которое, однако, играетъ такую важную роль въ дѣлахъ жизни, извѣстное подъ названіемъ «случай», тоже содержитъ въ себѣ значительную долю мистицизма. Наконецъ, и основанія всякаго въ насъ религіознаго чувства не есть ли ясное стремленіе къ тому же мистицизму?»

«Если бъ пришлось мнѣ теперь рѣшить, къ которой изъ четырехъ категорій принадлежало міровоззрѣніе нашей покойной великой княгини, то я бы причислилъ его къ умѣренно-раціональному. Ничто не внушало мнѣ столько уваженія, какъ основательность и строгость ея воззрѣній, что̀, какъ извѣстно, очень рѣдко можно встрѣтить въ высшей сферѣ общества. Наша покойная великая княгиня не смотрѣла на жизнь какъ на цѣль наслажденія, блеска и почестей. Она смотрѣла на жизнь, какъ на причину, вызывающую живущаго на дѣятельность и на исполненіе долга. Духъ мистицизма же выказывается, какъ всегда, въ этой же именно строгости воззрѣній».

— «Грустно,—говорила она мнѣ однажды:—что мы не можемъ имѣть яснаго понятія о нашемъ загробномъ существованіи».

— «Да именно это стремленіе постичь непостижимое, чрезъ ясное изображеніе, и доказываетъ сильную борьбу мистическаго элемента нашего духа съ раціональнымъ міровоззрѣніемъ».

— «Такъ бы хотѣлось знать,—продолжала она потомъ:—какъ выскажется наша индивидуальность по смерти нашей?»

«И я въ то время имѣлъ наглость думать, что могу разрѣшить ея неразрѣшимый вопросъ:

— «Если намъ покажется понятнымъ,—отвѣчалъ я:—что атомы могутъ проникнуть сквозь грубую оболочку относительно другой матеріи мірскаго эфира, то позволительно полагать, что и для насъ предназначено нѣкое свойство, которое утонченнѣе самого эфира; и тогда мы можемъ принять за правдоподобное и ту идею, что

это сверхэфирное свойство уже и здѣсь есть интегрированной частью нашего бытія. Оно и сохранитъ намъ индивидуальность даже и по разрушеніи грубой оболочки тѣла».

«Какъ видно, я былъ въ то время полуспиритомъ».

«При раціональномъ міровоззрѣніи нашей великой княгини, основаніе устроеннаго ею «Общества сестеръ» не могло выйдти не чѣмъ другимъ какъ раціональнымъ. Главнымъ двигателемъ этого учрежденія было желаніе ея принести практическую, неоспоримую пользу для блага отечества. Понятно, что она старалась, по примѣру католическихъ и протестантскихъ основателей, дать своему учрежденію видъ и направленіе религіозные. Успѣхъ въ этомъ зависѣлъ не отъ нея. Никто на свѣтѣ не въ состояніи внушить своему творчеству другой духъ, чѣмъ тотъ, которымъ одушевленъ самъ творящій. Религіозный видъ былъ данъ, но не былъ внушенъ тотъ религіозно-мистическій духъ, который такъ непоколебимо дѣйствовалъ и управлялъ въ древнихъ католическихъ учрежденіяхъ».

«Протестантское спокойствіе и любовь къ порядку также не могли быть тамъ внушены. Наша православная церковь (не вѣра) сильно проникнута позитивизмомъ и формальностью; наше міровоззрѣніе, большею частію, также до того формально и къ тому же до того легкомысленно, что нѣтъ у насъ достаточно духовной силы, чтобы проникнуться мистично-религіознымъ элементомъ и на немъ основывать и строить дѣло. Оттого все религіозное направленіе Крестовоздвиженской общины съ самаго начала было слабо и шатко. Я это вскорѣ замѣтилъ, когда принялъ на себя управленіе «Обществомъ», тотчасъ по его учрежденіи, во время осады Севастополя. Только спустя нѣкоторое время, по вступленіи блаженной памяти Хитрово, могъ я убѣдиться въ возможности ввести и въ нашихъ учрежденіяхъ извѣстную долю религіознаго элемента, безъ того, чтобы это не причиняло ущерба практическимъ тенденціямъ и дѣятельности».

«При всей строгости своихъ воззрѣній, наша великая княгиня обладала качествомъ неоцѣнимымъ въ нашей странѣ. Она понимала, или, вѣрнѣе, она не разучилась уважать человѣчество».

«Величіе подвиговъ такихъ властелиновъ, какъ Петръ, Фридрихъ II, Наполеонъ и другіе, отнимаетъ у насъ право осуждать въ нихъ ихъ неуваженіе къ достоинству человѣческой личности, но тѣмъ болѣе мы обязаны цѣнить и восхвалять чувства такого уваженія къ человѣку въ людяхъ высокостоящихъ и призванныхъ къ общественной дѣятельности въ широкомъ масштабѣ. На высотѣ непремѣнно требуются благородное спокойствіе ума и человѣкоуваженіе. Это чувство приноситъ дѣятелю успѣхъ и призываетъ благословеніе на его предпріятія. Ученіе, данное намъ Христомъ: «То, что сотворишь твоему ближнему, то сотворилъ ты Мнѣ», содер-

жить въ себѣ не только идею любви, но и уваженіе къ божественной сторонѣ человѣческаго существа. Мы, конечно, сознаемъ, что можемъ любить безъ уваженія и можемъ уважать безъ любви. Но подобная любовь и такое уваженіе болѣе органическія (чувственныя), чѣмъ духовныя чувства. Евангеліе не этого требуетъ отъ насъ. Испытано и доказано, что тѣ дѣла успѣшнѣе, гдѣ люди, служащіе орудіями ихъ исполненія, не представляютъ собой существъ безъ воли и мышленія, существъ, которыя обязаны только слѣпо подчиняться высшей власти. Нельзя не сожалѣть, однако, что, при этомъ гуманномъ воззрѣніи на человѣческое достоинство, уваженіемъ иногда пользуются и недостойные. Человѣческая природа болѣе склонна къ оптимизму, нежели къ противоположному, и поэтому лицемѣру часто нетрудно бываетъ обмануть людей своимъ наружнымъ благочестіемъ. А между тѣмъ промахи и ошибки въ этомъ родѣ сильно оскорбляютъ нѣжное чувство благородной души и вредятъ самому дѣлу. То же случилось и въ предпріятіи великой княгини. Нетрудно было замѣтить глубокую тоску и разстройство ея чувствительнаго сердца, при неудачномъ выборѣ или назначеніи лицъ въ общинѣ. Мы знаемъ, каково было ея огорченіе при первомъ выборѣ сестеръ, гдѣ оказались многіе промахи. Чѣмъ мы болѣе что уважаемъ, тѣмъ сильнѣе боимся потерять это уваженіе и тѣмъ обиднѣе чувствуемъ всякій обманъ».

«Неудивительно, что иногда благородная и уважающая человѣчество душа, послѣ частыхъ разочарованій, и сама гибнетъ вмѣстѣ съ тѣломъ».

«Еще однимъ не менѣе цѣннымъ душевнымъ качествомъ обладала наша покойная великая княгиня. Она высоко уважала знаніе, искусство и науку. Это уваженіе не было чѣмъ нибудь представляемымъ, для подражанія или для моды, но искреннее, сознательное, добытое культурностью и настоящимъ образованіемъ, и потому оно было столь плодотворно и благословенно. Всякій научно-образованный человѣкъ могъ имѣть къ ней открытый доступъ и непремѣнно чувствовалъ на себѣ привлекательную и возбуждающую силу ея ума. Какъ небесная планета, такъ и умъ нуждается въ особой сродной имъ атмосферѣ, и кто приближается къ настоящему уму, тотъ чувствуетъ его близость и его вліяніе. Уже прошло 30 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я, совершивъ научное путешествіе по Кавказу (1847 г.), въ первый разъ получилъ приглашеніе къ великой княгинѣ, но впечатлѣніе моего перваго съ ней свиданія еще такъ живо, какъ будто бы это случилось только вчера. Никогда не забуду, въ какомъ душевномъ разстройствѣ я тогда предсталъ предъ ней, почти немедленно послѣ оффиціальной аудіенціи у военнаго министра, гдѣ получилъ незаслуженный выговоръ. Утомленный мучительными трудами, въ нервномъ возбужденіи отъ результата своихъ испытаній на полѣ битвы, я велѣлъ о себѣ доложить воен-

ному министру, почти тотчасъ по своемъ пріѣздѣ и не обратилъ вниманія, въ какомъ платьѣ я къ нему явился. За это я долженъ былъ выслушать рѣзкій выговоръ на счетъ моего нерадѣнія къ установленной формѣ отъ г. Анненкова (тогда во главѣ медиц. хирург. академіи). Я такъ былъ разсерженъ, что со мной приключился истеричный припадокъ (съ слезами и рыданіями; я теперь сознаюсь въ своей слабости). Послѣ этой выходки я твердо рѣшился подать въ отставку и проститься съ академіей. Но аудіенція у великой княгини возвратила мнѣ бодрость духа и такъ меня успокоила, что я не обратилъ болѣе никакого вниманія на это отсутствіе такта въ моемъ начальствѣ. Великая княгиня выразила мнѣ своей любознательностію и уваженіемъ къ знанію то, что выразить слѣдовало бы главѣ научнаго заведенія. Она входила во всѣ подробности моихъ занятій на Кавказѣ, интересовалась различными результатами анестизаціи на полѣ сраженія (анестизація въ то время мною первымъ была введена на практикѣ); словомъ обращеніе великой княгини со мною было таково, что я устыдился своей минутной слабости. Убѣжденный, что около трона я найду лучшихъ судей, одаренныхъ бо́льшимъ пониманіемъ, я разсудилъ, что мнѣ слѣдуетъ смотрѣть на безтактность моего начальства, какъ на своевольную грубость лакеевъ. Это сравненіе и этотъ выводъ до сихъ поръ крѣпко засѣлъ въ моей памяти, равно какъ и глубокое уваженіе къ благородному міровоззрѣнію великой княгини».

«Второй разъ пришлось мнѣ явиться предъ ея высочествомъ въ ту незабвенную эпоху, когда каждое сердце въ Петербургѣ билось сильнѣе и тревожнѣе, ожидая результата битвы при Инкерманѣ. Уже нѣсколько недѣль передъ тѣмъ, я себя объявилъ готовымъ употребить всѣ свои силы и познанія для пользы арміи на боевомъ полѣ. Просьба моя давно была подана, но все ходила по инстанціямъ начальства. Соглашались, и нѣтъ, произнести рѣшеніе, а я начиналъ уже отчаяваться въ успѣхѣ, какъ вдругъ получилъ приглашеніе къ великой княгинѣ. Къ большой моей радости, она мнѣ тотчасъ объявила, что взяла на свою отвѣтственность разрѣшить мою просьбу. Тутъ она мнѣ объяснила ея гигантскій планъ — основать организованную женскую помощь больнымъ и раненымъ на полѣ битвы, и предложила мнѣ самому избрать медицинскій персоналъ и взять управленіе всего дѣла».

«Никогда болѣе не видалъ я великую княгиню въ такомъ тревожномъ состояніи духа, какъ въ этотъ день, въ эту для меня памятную аудіенцію. Съ слезами на глазахъ и съ разгорѣвшимся лицомъ, она нѣсколько разъ вскакивала съ своего мѣста, какъ будто безсознательно, прохаживалась большими шагами взадъ и впередъ по комнатѣ и говорила громкимъ голосомъ:

— «И зачѣмъ вы ранѣе не обратились ко мнѣ! Давно бы ужъ

ваше желаніе быть полезнымъ на полѣ битвы было бы исполнено! И мой планъ тогда также давно бы ужъ состоялся... Ступайте же, и какъ можно скорѣе, приготовьтесь къ отъѣзду. Время терять не слѣдуетъ... Надняхъ, быть можетъ, опять произойдетъ большая битва. Прощайте... или нѣтъ... подождите... я еще что-то хочу вамъ сказать на счетъ организаціи моей общины... или нѣтъ... зайдите-ка лучше завтра ко мнѣ, въ этотъ же часъ... До свиданія!»

«Я вышелъ и запутался въ комнатахъ, и послѣ нѣкотораго странствованія очутился опять у двери той же аудіенціонной комнаты, гдѣ увидѣлъ великую княгиню, стоящую въ глубокихъ думахъ или прохаживающуюся съ волненіемъ по комнатѣ. Я скрылся, и она, къ счастію, меня не замѣтила, а мнѣ удалось попасть на настоящій путь для выхода изъ ея дворца».

«Но къ вечеру того же дня великая княгиня прислала мнѣ собственноручную записку, съ извѣстіемъ, что просьба моя принята, и что она приглашаетъ меня на вторую аудіенцію на другой день. Съ большимъ вниманіемъ выслушалъ я, какъ она желала устроить женскую службу — перевязочными пунктами и подвижными лазаретами. Я, однако, былъ принужденъ признаться, что я только разъ въ жизни, и то лишь поверхностно, въ моемъ пребываніи въ Парижѣ, посѣщая госпитали, увидѣлъ тамъ женскую службу, и болѣе по инстинкту, нежели по опытности я былъ убѣжденъ въ великомъ значеніи женскаго участія».

«Конечно, женская служба въ госпиталяхъ — далеко не новое учрежденіе. Сперва въ католическихъ, а потомъ и въ протестантскихъ странахъ (пасторомъ Флиднеръ въ Кайзервертѣ, въ 1836 году, гдѣ сестры были подъ именемъ діакониссъ) была введена женская помощь; наконецъ, и у насъ это было принято (Сердобольныя вдовы въ Маріинской больницѣ, община на Пескахъ и проч.). Но еще нигдѣ не было испробовано посылать женщинъ на поле битвы. Поэтому идея учредить на полѣ сраженія организованное женское общество должна была казаться очень рискованной. Исключительныя обстоятельства тогдашней войны и отдаленіе отъ образованныхъ мѣстностей усиливали трудности этого предпріятія. Энергія великой княгини превозмогла все это, и общество сестеръ было составлено, и нѣсколько недѣль спустя, онѣ были отправлены. Можетъ, конечно, носиться слухъ въ Западной Европѣ, и даже у нашихъ сосѣдей пруссаковъ (какъ я это и прочелъ въ рѣчи профессора Равотъ на собраніи нѣмецкихъ медиковъ въ Берлинѣ), будто бы миссъ Нейтингель съ 37 сестрами, «дамами высокой души», какъ называетъ ихъ профессоръ Равотъ, была первая, которая по собственному желанію пріѣхала въ крымскую войну, чтобы съ сестрами взять на свое попеченіе всѣхъ больныхъ и раненыхъ, находящихся въ амбулаторіи. Мы, русскіе, не должны дозволять никому передѣлывать до такой степени историческую

истину. Мы имѣемъ долгъ истребовать нашей великой княгинѣ принадлежащую ей пальму первенства въ дѣлѣ столь благословенномъ, благотворномъ и нынѣ всѣми принятомъ. И это тѣмъ легче, что сестры общины не только принесли техническую помощь, но онѣ оказали и нравственное вліяніе на дирекцію всего госпитальнаго корпуса во время войны»[1]).

«Въ октябрѣ 1854 году, Крестовоздвиженская община получила высочайшее соизволеніе, а въ ноябрѣ того же года, она находилась уже на театрѣ войны въ полной дѣятельности. Объ миссъ Нейтингель и о ея «высокой души дамахъ» мы въ первый разъ услыхали только въ началѣ 1855 года, когда злоупотребленія англійской военной администраціи, во время зимнихъ мѣсяцевъ 1854 года, также ясно обнаружились, какъ и у насъ. Мое предположеніе передать сестрамъ и нравственную дирекцію, и контроль перевязочныхъ пунктовъ и лазаретовъ, конечно, только послѣ этого времени получило разрѣшеніе великой княгини, но на фактѣ женщины исполняли уже эти должности съ самаго дня своего прибытія въ симферопольскіе госпитали. Уже ранѣе этого, еще не бывъ ознакомленъ съ женской службой, я убѣдился a priori, что женскій тактъ, ихъ чувствительность и независимое отъ служебныхъ условій положеніе гораздо дѣйствительнѣе могутъ вліять на отвратительныя злоупотребленія администраціи, чѣмъ оффиціальная служебная контрольная коммиссія. (Вы найдете эту идею развитою въ одномъ изъ моихъ проектовъ между вашими бумагами)».

«Результатъ совершенно подтвердилъ мои предположенія, и, за исключеніемъ неудачнаго выбора одной изъ сестеръ, во время организаціи общины, всѣ ихъ дѣйствія въ отношеніи госпитальной администраціи и попеченія о больныхъ были таковы, что самые лживые языки и худшіе враги новизны не могли рѣшительно ни къ чему придраться[2]). Даже самъ главнокомандующій арміей князь Меньшиковъ убѣдился, что всѣ его опасенія, какъ бы не ввести безнравственности въ госпиталяхъ чрезъ постоянное присутствіе въ нихъ женщинъ, были напрасны. Однажды, когда я былъ представленъ Меньшикову, онъ (по пословицѣ: что у кого болитъ, тотъ

[1]) Это «вліяніе»,—какъ увидитъ далѣе читатель,—состояло въ неуклонномъ, твердомъ и настойчивомъ «противленіи злу». Раненыхъ обкрадывали и морили бозкормицей и недостаткомъ лѣкарствъ. Допущенныя въ помощь раненымъ женщины «воспротивились» этому злу и измѣнили картину госпитальныхъ бѣдствій къ пользѣ претерпѣвавшихъ солдатъ и къ неудовольствію чиновниковъ, для которыхъ «непротивленіе» ихъ «злу» было бы гораздо выгоднѣе и пріятнѣе. Къ счастію страдальцевъ, великая княгиня Елена Павловна и Пироговъ «противились злу». Н. Л.

[2]) По странному совпаденію, эти «враги» были поборниками идеи «непротивленія злу». Асюченскій стоялъ за то, что не надо ничего «раскапывать» и цитировалъ Сираха: «аще дунешь—возгорится, аще же плюнешь—погаснетъ». Н. Л.

о томъ и говоритъ) сказалъ мнѣ, что на его взглядъ сестры послужатъ только для любовныхъ интригъ съ военными. Къ счастію, за исключеніемъ одного вышеупомянутаго случая, не оказалось ни единаго безнравственнаго поступка, во все время ихъ службы на театрѣ войны».

«Я нимало не смотрю на современныя учрежденія женскихъ обществъ (у насъ, въ Англіи, Германіи и Соединенныхъ Штатахъ) какъ на продолженіе старой, традиціонной идеи католиковъ: они, напротивъ того, для меня служатъ знакомъ новыхъ временъ. Конечно, въ нѣкоторой степени они по наружности сохраняютъ свой древній видъ, заведенный католиками; но современный женскій вопросъ духовно паритъ въ этихъ учрежденіяхъ. Организаторы и основатели ихъ невольно, и сами того не сознавая, способствуютъ требованію правъ, уже возбужденному женскому вопросу. Этотъ столь современный женскій вопросъ есть самъ по себѣ послѣдствіе и плодъ радикальнаго стремленія нашего времени и особаго рода міровоззрѣнія. Дѣло теперь не въ эмансипаціи женщинъ, о которой я мечталъ еще 30 лѣтъ тому назадъ, но настоящимъ образомъ значеніе женщинъ я постигъ только позднѣе, при управленіи общиною сестеръ и по опытамъ во время крымской кампаніи. Тамъ я могъ ежедневно убѣждаться, присматриваясь къ ихъ обдуманнымъ сужденіямъ и аккуратнымъ дѣйствіямъ, что мы не умѣемъ ни достойно цѣнить, ни разумно употреблять ихъ природный тактъ и чувствительность».

— «Женщины должны только быть направляемы мужчинами,— сказала мнѣ однажды покойная великая княгиня, говоря о своей женской общинѣ».

— «Это совершенно справедливо, ваше высочество,— отвѣчалъ я:—но справедливо только до тѣхъ поръ, пока женщины будутъ воспитаны понынѣшнему и съ ними будутъ обращаться все по той же устарѣлой и безсмысленной методѣ. Но это слѣдуетъ измѣнить, и женщины должны занять мѣсто въ обществѣ, болѣе отвѣчающее ихъ человѣческому достоинству и ихъ умственнымъ способностямъ».

«Я постарался изложить письменно всѣ собранныя мною впечатлѣнія во время моего управленія общиной (вы это найдете въ числѣ моихъ бумагъ) и доказать, что сестры не только для ухода за страждущими, но даже въ управленіи многихъ общественныхъ учрежденій болѣе одарены способностями, чѣмъ мужчины. Но я никакъ не могъ думать, что настанетъ время, когда разрѣшеніе этого диспута на счетъ умственныхъ дарованій обоихъ половъ будетъ представлено съ нынѣшнимъ безстыдствомъ [1]).

---

[1]) Писано во время продолжавшагося разгара такъ называвшихся «нигилистическихъ модъ».

Теперь какъ бы хотятъ стереть всѣ признаки, отличающія качества мужскія и женскія—хотятъ всѣхъ остричь подъ одну гребенку».

«Такой переходящій границы радикализмъ есть только плодъ не менѣе рѣзкаго современнаго міровоззрѣнія. Наше міровоззрѣніе должно быть ясно, говорятъ теперь, но въ сущности и само нынѣшнее міровоззрѣніе не только не ясно, но оно даже есть чистая абстрактная мечтательность, какъ всѣ воззрѣнія натуральной философіи, по которой мы должны принимать за вѣрное, что природа «полна жизни», но живетъ безъ предварительнаго плана и безъ мысли, въ соединеніи съ существомъ сознательнымъ, понимающимъ и имѣющимъ цѣль сохраненія своего бытія. Слѣпой случай составляетъ третье лицо этой уродливой троицы. Чувствующій и мыслящій элементъ, стало быть, получаетъ жизнь изъ такого источника, который самъ въ себѣ не имѣетъ принципа жизни и самосознанія. Какая же жизнь можетъ находиться въ такомъ жизненномъ источникѣ природы? Откуда же взялись наши высшія умственныя дарованія, когда начальный источникъ — сама природа и ея агентъ, случай, — безъ жизни, безъ мысли и безъ чувства? Матеріальный человѣкъ содержитъ въ себѣ, какъ извѣстно, только то, что содержитъ природа. По этому ученію, всѣ высшія дарованія человѣка—не что иное какъ плоды случайнаго сочетанія извѣстныхъ атомовъ, и больше ничего. И потому слюна, желчь, испражненіе—не что иное какъ отдѣленіе работающаго мозга. Но существуетъ, стало быть, нѣкій сознательный и мыслящій элементъ, который беретъ свое начало не въ общемъ источникѣ жизни — природѣ, а только въ мозгу человѣческомъ. Тутъ ужъ просто молчитъ всякій здравый смыслъ человѣка. Наши создатели—природа и случай—даруютъ намъ то, чѣмъ они сами не одарены, и именно тѣмъ, что можно считать наидрагоцѣнннѣйшимъ, что изъ насъ дѣлаетъ создателей (называется ли это матеріей, или духомъ, все равно) и посредствомъ чего мы познаемъ самую природу и случай. Къ концу концовъ выходитъ такъ: постижимое исходитъ изъ непостижимаго и непостижимое сотворимо. Это знали мы и ранѣе, но, по неограниченности нашего ума, мы полагали, что эта непостижимая создательная сила заключаетъ въ себѣ всѣ наши духовныя силы, только въ наивысшей степени. Наше заблужденіе было, по крайней мѣрѣ, утѣшительное».

«Такъ какъ матеріальное міровоззрѣніе легкомысленно признаетъ основаніемъ всякаго знанія одни чувственныя доказательства, то мнѣ совершенно непонятно, почему современные мыслители ставятъ одно только знаніе на высокій пьедесталъ, а всѣ остальныя изъ той же чувственности исходящія чувства, дарованія и способности оцѣняютъ такъ слабо. Изъ этого я заключаю, что наша эмансипація, которая есть плодъ того же или подобнаго сему міровоззрѣнія, ставитъ женщинъ не болѣе какъ на равную

степень съ мужчинами. Но, если женщины обладаютъ одинакими съ мужчинами способностями къ знанію, то по ихъ высшей способности къ чувствованію (если чувствованіе — источникъ знанія) имъ слѣдовало бы стоять ступенью выше, чѣмъ мужчины. Также неосновательно кажется мнѣ, что радикальные мыслители, будучи врагами всякаго отократизма, признаютъ, однако, полную гегемонію разума надъ всѣми прочими духовными способностями. Если мы, русскіе, смотримъ на разумъ (или, вѣрнѣе, на разсудокъ) какъ на «царя въ головѣ», то съ нашей стороны это только независящее отъ насъ послѣдствіе пережитыхъ нами историческихъ испытаній, тогда какъ со стороны секты радикаловъ это чистая непослѣдовательность. Изъ этого видно, что мы, т. е. родъ человѣческій, нимало не послѣдовательныя существа и что вся наша строго выработанная послѣдовательность ведетъ насъ только къ тому, что французы такъ вѣрно называютъ «aveuglement logique». Одинъ математикъ, онъ одинъ, въ самомъ дѣлѣ, послѣдователенъ, потому что онъ своими аксіомами создалъ себѣ крѣпкій оплотъ,—во всѣхъ же другихъ случаяхъ мы должны чуть не колотиться головой объ стѣну, чтобы совершить послѣдовательно что нибудь задуманное логично, и наше логическое ослѣпленіе на практикѣ иногда едва ли не вреднѣе, чѣмъ необузданность фантазіи и страстей. Инстинктъ, побуждающій насъ искать счастіе, и стремленіе нашихъ духовныхъ способностей къ достиженію внутренней гармоніи чувствъ, постоянно возмущаются противъ нападковъ деспотическаго разсудка, и нерѣдко мы принуждены даже избрать себѣ какъ щитъ мистическій элементъ».

«Въ женскомъ вопросѣ позабытъ также, или, вѣрнѣе, совершенно игнорированъ давнишній, но столь естественный родъ воззрѣнія, по которому «человѣкъ» есть коллективность, состоящая изъ мужчины и женщины [1]), и съ нимъ слѣдуетъ обращаться по его различнымъ, но обоимъ поламъ свойственнымъ дарованіямъ. Что наши предки у женщинъ отняли, то мы должны возвратить имъ съ лихвой. Это справедливо и недорого обойдется. Притомъ, мы не должны забывать, что цѣль и путь къ цѣли одни и тѣ же для мужчинъ и для женщинъ, но способы, употребляемые для совершенія этого труднаго пути, должны быть различные, если мы желаемъ быть полезными и пріятными одинъ другому».

«Я всегда былъ и останусь искреннимъ поклонникомъ свободнаго слова и свободы въ изслѣдованіи, и я это въ моей жизни доказалъ достаточно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я и поклонникъ того, что такъ осмѣяно Карломъ Фохтомъ и названо имъ «двойною бухгал-

---

[1]) Пироговъ безъ сомнѣнія, намекаетъ здѣсь на библейскій стихъ: «И сотворилъ Богъ человѣка по образу своему — мужчиною и женщиною сотворилъ ихъ» (Бытія 1, 27). Н. Л.

теріею» жизни. Если это дѣло и непослѣдовательное, то оно потому-то, вслѣдствіе нашей врожденной непослѣдовательности, необходимо. Я желаю свободно изслѣдовать и свободно говорить въ наукѣ, но въ примѣненіи результатовъ изслѣдованія я хочу дѣйствовать ограниченно и болѣе консервативно, такъ какъ гораздо легче уничтожить старое дурное, чѣмъ замѣнить его лучшимъ новымъ. Ни инстинктъ самосохраненія, ни безрадостное знаніе, ни жажда наслажденій не сдѣлаютъ намъ жизнь сноснѣй, и какъ только мы запишемъ себя въ мірской метрикѣ незаконными дѣтьми природы и случая, намъ въ удѣлъ достанется одно отчаяніе. Конецъ тогда и нашему человѣческому достоинству, конецъ и нашимъ высшимъ стремленіямъ, лишь только мы признаемъ упомянутую прелестную чету за нашихъ родителей. Наше легкомысліе можетъ насъ только минутно успокоить, какъ наркотическое средство, но мистическій, врожденный намъ элементъ выпуститъ всѣ темныя силы нашего духа, и начнется реакціонная борьба на жизнь и на смерть. Вотъ, по моему убѣжденію, какое будетъ послѣдствіе этого темнаго безрадостнаго міровоззрѣнія, если только оно не послужитъ къ дальнѣйшимъ розыскамъ, какъ плодъ свободнаго изслѣдованія, а прямо будетъ принято за новый фундаментъ общественнаго строенія».

«Не удивляйтесь, что я такъ ревностно возстаю противъ такого мрачнаго міровоззрѣнія: я дѣйствую какъ дезертиръ очень сходнаго этому воззрѣнія, которому я, къ несчастію, поклонялся въ года моей юности. Любовь, страданіе и прожитые годы принесли мнѣ лучшія убѣжденія. Я наконецъ увѣровалъ, что мой Богъ не безчувственное и безумное существо, которое будто даже ниже моего достоинства. Я чувствовалъ себя въ числѣ милліоновъ моихъ ближнихъ, какъ достаточный ésprit fort, чтобы отказаться отъ врожденныхъ, сладкихъ утѣшеній и душевныхъ возбужденій, и мнѣ было непріятно призывать на помощь эти чувства хотя бы только въ минуты томленія отъ жизненной суеты».

«Связано ли современное стремленіе къ метаморфозѣ женщинъ съ тѣмъ возмутительнымъ міровоззрѣніемъ (а мнѣ кажется, что это такъ), или мы должны взирать на женскій вопросъ какъ на неизбѣжную реакцію нашего невѣжества, неумѣнія цѣнить и понимать превосходства женской натуры, но вѣрно то, что наше теперешнее «Общество сестеръ» не есть подражаніе древнимъ его предшественникамъ. Поэтому нельзя въ нихъ находить ни типа католическаго, ни протестантскаго, ни даже православнаго мистически-религіознаго чувства. Сестры ступили первый шагъ къ практической резолюціи женскаго вопроса».

«Когда я переношусь назадъ къ моменту развитія общины сестеръ, учрежденной великой княгиней, то я вижу ясно, что основная мысль ея жизни, — практическая дѣятельность женщинъ, — была

здѣсь приложена во всей полнотѣ. Крымская война доставила достаточно случаевъ для испытанія пользы отъ женской общины. Но чувствовался недостатокъ въ условіяхъ, которыя необходимы для солиднаго и продолжительнаго существованія общины. Самая дѣятельность женщинъ на полѣ битвы была слишкомъ бурлива и массивна, а средства для помощи сравнительно слишкомъ ничтожны для того, чтобъ ихъ можно было раздѣлить равно и съ пользой. Наша покойная великая княгиня справедливо полагала, что прибытіе сестеръ на театръ войны—лучшее средство вызвать вниманіе и сочувствіе къ женщинамъ какъ со стороны общественнаго мнѣнія, такъ и со стороны правительства. Она пожелала поэтому, чтобы я въ самомъ скорѣйшемъ времени доставилъ женщинамъ занятія въ осажденной крѣпости. Таково было и мое собственное намѣреніе. Но когда по пріѣздѣ своемъ въ Севастополь (1854 года, въ октябрѣ) я увидалъ, что медицинское пособіе и хожденіе за страдальцами нужнѣе въ лазаретахъ и баракахъ, чѣмъ на перевязочныхъ пунктахъ, то я рѣшилъ—всю пріѣхавшую общину занять дѣломъ въ Симферополѣ (1854 года, въ ноябрѣ). Здѣсь я и оставилъ ихъ съ ихъ начальницей (Стаховичъ) и распредѣлилъ по разнымъ лазаретамъ. Въ самомъ дѣлѣ, тамъ во всѣхъ публичныхъ зданіяхъ и во многихъ частныхъ домахъ въ Симферополѣ засталъ я въ это время (октябрѣ—декабрѣ 1854 года) нѣсколько тысячъ раненыхъ, послѣ битвы при Альмѣ, Инкерманѣ и послѣ первой бомбардировки. Несчастные, наполнявшіе дома, были лишены почти всякаго ухода. Многіе валялись безъ матрацовъ, въ грязнѣйшемъ бѣльѣ, на грязномъ полу, безъ всякаго разбора и безъ присмотра. Воздухъ былъ страшно испорченъ, раны смрадны и воспалены. Не доставало ни умовъ, ни рукъ, чтобы хоть немного привести весь этотъ невообразимый хаосъ въ извѣстность и въ порядокъ. Между тѣмъ, сюда же ежедневно привозили новыхъ раненыхъ изъ Севастополя, тогда какъ на перевязочныхъ пунктахъ принимали очень малое число раненыхъ (послѣ 2-го ноября долго длилось спокойствіе со стороны осаждающихъ и осажденныхъ), и то ихъ отсылали тотчасъ для перваго пособія въ разные лазареты. Молодые медики натурально предпочитали покойную, безъ присмотра, службу въ госпиталяхъ занятіямъ на перевязочныхъ пунктахъ, подъ глазами начальства. Но медики, мнѣ подчиненные, находили болѣе полезнымъ и для нихъ болѣе поучительнымъ дѣйствовать въ баракахъ сѣвернаго пункта. Эти бараки мы нашли тоже переполненными и чуть ли не зачумленными. Я зналъ впередъ, что, принявъ свое рѣшеніе на счетъ первой прибывшей партіи сестеръ, я поступаю несогласно съ воззрѣніями великой княгини, но, не смотря на то, я взялъ на себя всю отвѣтственность и спокойно выжидалъ пріѣзда второй партіи сестеръ, которая прибыла въ Севастополь послѣ Рождества 1854—1855 года, имѣя во главѣ Ба-

кунину и Тарасову. Пріѣздъ этой второй партіи совпалъ какъ разъ съ тѣмъ временемъ, когда осада снова стала ожесточеннѣе. Я тогда взялъ на себя попеченіе о главномъ перевязочномъ пунктѣ въ Севастополѣ (дворянское собраніе) и о всѣхъ лазаретахъ въ николаевскихъ казармахъ и разныхъ партикулярныхъ домахъ города. Я тотчасъ же распредѣлилъ на всѣ мѣста извѣстное число сестеръ и медиковъ. До этой минуты мнѣ не случалось почти совсѣмъ быть съ столкновеніи съ оберъ-медиками, но когда я на себя взялъ попеченіе о главномъ перевязочномъ пунктѣ и о всѣхъ госпиталахъ, сейчасъ же начались разныя контры между мной и администраціей. Теперь никто себѣ представить не можетъ всю отвратительность и тупоуміе тогдашняго оффиціальнаго, администрировавшаго, медицинскаго персонала. Эти господа сразу смекнули, куда поведетъ учрежденный мною нравственный присмотръ и контроль административнаго попеченія надъ руководителями госпитальныхъ порядковъ. Дѣла эти были поручены мною сестрамъ, женщинамъ и моимъ собственнымъ помощникамъ. Это смутило гг. администраторовъ, и они стали громко роптать на превышеніе власти (съ моей стороны), и только благодаря благосклонному вниманію генераловъ Сакена и Васильчикова, я обязанъ тѣмъ, что, не смотря на всѣ интриги, за сестрами былъ удержанъ весь надзоръ надъ госпиталями. К. М. Бакунина вела всѣ дѣла присмотра за уходомъ больныхъ съ такимъ тактомъ, энергіей и совѣстливостью, что полученный успѣхъ оказался блестящимъ и для всѣхъ здравомыслящихъ людей неоспоримымъ. Она заботилась наравнѣ съ сестрами о доставленіи больнымъ надлежащей порціи пищи, и непремѣнно хорошаго качества; она смотрѣла за чистотой и смѣной бѣлья, за прачешными, за частой перемѣной соломы въ матрацахъ и неотступно требовала отъ госпитальной администраціи все, что надлежало быть выдано. Все, что прежде удерживали и не выдавали и теперь еще старались удерживать, но Бакунина пунктуально исполняя мои и другихъ медиковъ предписанія, настоятельно вытребовывала недоданное. Неудивительно, что подобное вмѣшательство и такая дѣятельность женщинъ не могли быть пріятными господамъ командирамъ и оффиціальнымъ инспекторамъ»...

«Въ началѣ марта 1855 года, первая партія сестеръ, потерпѣвшая начальную тифозную эпидемію, перенеслась также изъ Симферополя въ Севастополь. Я встрѣтилъ начальницу Стаховичъ, еще не совсѣмъ оправившуюся отъ трехнедѣльнаго тифа,—въ слабости силъ тѣлесныхъ и духовныхъ. Я опасался болѣе всего столкновеній между такими двумя различными характерами, какъ Стаховичъ и Бакунина, и потому я уговорилъ первую помѣститься съ своей партіей на сѣверной сторонѣ, въ морскомъ госпиталѣ. Мартъ мѣсяцъ 1855 годъ былъ изобиленъ боевыми подвигами.

Ночная атака непріятеля на наши вновь выстроенные редуты, Селенгинскій и Волынскій, обременили насъ тысячами тяжело раненыхъ, а наша администрація, какъ всегда, была мало подготовлена къ встрѣчѣ событій. Въ эту ночь (?) въ морскомъ госпиталѣ (раненые были отправлены туда) царствовала ужасная кутерьма. Въ полумракѣ отъ недостаточнаго освѣщенія медики работали въ темнотѣ и въ тѣснотѣ, среди страдальцевъ, валявшихся гдѣ попало; а тѣснота еще увеличивалась отъ постояннаго приноса новыхъ раненыхъ. Всѣ тутъ такъ долго и такъ много трудились, что наконецъ всѣ (а число ихъ было невелико) утомились до-нельзя и совершенно стали и были неспособны оказывать помощь другимъ. Въ эту же ночь и въ два слѣдующіе дня перенесли отсюда почти половину раненыхъ на перевязочный пунктъ. Къ счастію, я съ самаго начала взялъ себѣ за правило, когда вдругъ разомъ нахлынетъ большое число раненыхъ, распредѣлять медицинскую помощь въ строго учрежденномъ порядкѣ, — чего и достигалъ сортированіемъ и раздѣленіемъ раненыхъ на категоріи. И еще не меньшимъ счастіемъ было то, что нашъ перевязочный пунктъ (Дворянское Собраніе) къ этому времени былъ отлично приготовленъ для принятія раненыхъ. Въ объясненіе этому, я долженъ сказать, что, когда я въ январѣ 1855 года рѣшился занять эту квартиру, то я нашелъ это хорошее зданіе переполненнымъ людьми, сбитыми въ самой испорченной атмосферѣ. Порча воздуха была ужасна и она явилась вслѣдствіе несчастной лѣни моего предшественника, который оставлялъ тутъ всѣхъ людей, перешедшихъ черезъ операціи (вмѣсто того, чтобы отсылать ихъ въ другіе госпитали). Отъ чрезвычайнаго переполненія въ комнатахъ между больными открылись антоновъ огонь и рожа, а также и другія госпитальныя заразы. Поэтому я принужденъ былъ выслать всѣхъ изъ дому, и нѣсколько недѣль производилъ въ немъ усиленную вентиляцію. Ночная катастрофа случилась именно тогда, когда зданіе перевязочнаго пункта было достаточно очищено и приготовлено. Тогда, по установленнымъ мною правиламъ, я тотчасъ раздѣлилъ своихъ медиковъ и сестеръ на четыре группы. Изъ нихъ первая была обязана сортировать раненыхъ по роду и по градусу болѣзни; принимать отъ нихъ деньги и вещи, имъ принадлежащія, и тѣхъ, которымъ слѣдовало сдѣлать немедленную операцію, тотчасъ передавать второй группѣ помощниковъ; легко раненыхъ же (для избѣжанія тѣсноты на перевязочномъ пунктѣ) тотчасъ послѣ поданія помощи отсылать въ другіе лазареты или возвращать въ ихъ полки. Вторая группа должна была принимать отъ первой раненыхъ для немедленной операціи, и тотчасъ же переносить ихъ въ смежную залу перевязочнаго пункта. Третья группа занималась уходомъ за ранеными, которымъ должно было дѣлать операціи только на слѣдующій день или даже позднѣе. Четвертая группа, состоящая изъ однѣхъ сестеръ и одного священ-

ника, была назначена для безнадежно больныхъ и умирающихъ, которымъ сестры старались доставлять послѣдній уходъ и предсмертныя утѣшенія. Наконецъ, двѣ сестры (хозяйки) были озабочены только тѣмъ, чтобы раздавать усталымъ и проголодавшимся или жаждущимъ раненымъ кому вина или пуншу, кому чаю или бульону. Сестры-хозяйки хранили всю провизію и должны были имѣть всегда все нужное наготовѣ».

«Когда весь этотъ порядокъ понемногу и не безъ труда былъ введенъ въ перевязочномъ пунктѣ, тотчасъ же прекратились случаи изнеможенія и обмороковъ у самихъ служащихъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ почти не стало и смраднаго запаха въ залахъ. Не всякій можетъ себѣ представить, какъ это важно, а между тѣмъ безъ этого легко потерять голову и силы отъ желанія и отъ невозможности подать помощь всѣмъ безъ разбора раненымъ, которые нетерпѣливо вопіютъ о помощи. Въ этой суетнѣ, того и гляди, что отъ утомленія и тормошенія во всѣ стороны какъ разъ упустишь изъ виду именно того страдальца, которому необходима немедленная операція, а потратишь напрасно время и свои силы на того, который могъ бы еще обождать, или который даже и вовсе въ тебѣ не нуждается. Медики и сестры перестали съ этого времени, при всякомъ сильномъ наплывѣ раненыхъ, безумно метаться туда и сюда и не кидались уже прежде всего къ тѣмъ, которые громче другихъ кричатъ и стонутъ, такъ какъ крики и стоны не всегда указываютъ на особенную тяжесть ранъ и увѣчья. Съ марта мѣсяца до моего отъѣзда въ Петербургъ (въ іюнѣ 1855 года) сестры продолжали соблюдать всѣ мои правила въ наистрожайшемъ порядкѣ, да и послѣ, на сколько я могъ узнать, сестры не переставали дѣйствовать такъ же. Въ этомъ періодѣ времени, община сестеръ была въ непрестанныхъ трудахъ по лазаретамъ, а, кромѣ того, онѣ оказали благотворную помощь еще въ слѣдующихъ необыкновенныхъ случаяхъ: 1) во время ночныхъ атакъ противъ новыхъ редутовъ онѣ работали на перевязочномъ пунктѣ въ морскомъ госпиталѣ и въ баракахъ сѣверной стороны (мартъ); 2) во время другихъ менѣе сильныхъ ночныхъ атакъ (мартъ); 3) во время ужаснаго бомбардированія на второй день Пасхи (апрѣль), которое продолжалось безъ отдыха всю недѣлю, гремя день и ночь, и посылало намъ на перевязочный пунктъ тысячами однихъ тяжело раненыхъ. Въ это же время самое зданіе, гдѣ мы помѣщались (дворянское собраніе), само не разъ получало бомбы съ непріятельскихъ кораблей. Раны почти всѣ представляли страшные разрывы членовъ отъ бомбъ большаго калибра. Отъ 150 до 200 ампутацій и другихъ тяжелыхъ операцій случалось исполнять каждый день, имѣя ассистентами однѣхъ сестеръ. Всѣ квартиры въ севастопольскихъ казармахъ, всѣ лазареты и партикулярные дома были наполнены тысячами тяжело-раненыхъ, только-что перенесшихъ операціи, или умираю-

щихъ; 4) во время одной сильной атаки непріятеля на наши отдаленныя траншеи (апрѣль); 5) въ непрестанныхъ атакахъ и взрывахъ минъ нашихъ четырехъ бастіоновъ, откуда также мы получали однихъ тяжело раненыхъ при взрывахъ (мартъ и апрѣль); 6) при невѣроятномъ транспортѣ, гдѣ везли 500 раненыхъ, только-что получившихъ операцію, и это было учинено вслѣдствіе неожиданнаго и, смѣю сказать, нелѣпаго приказанія, которое было прислано намъ черезъ пароходъ изъ Николаевской батарейной казармы. Когда всѣ эти пятьсотъ страдальцевъ (отъ бомбардированія на Пасхѣ) съ величайшимъ трудомъ и попеченіемъ со стороны медиковъ и сестеръ были поспѣшно высланы въ назначенное имъ начальствомъ мѣсто, то оказалось, что тамъ, куда ихъ повезли, не существуетъ даже никакого приготовленнаго зданія для ихъ принятія... И вотъ всѣхъ этихъ трудно оперированныхъ свалили зря, какъ попало въ солдатскія палатки... До сихъ поръ съ леденящимъ ужасомъ вспоминаю эту непростительную небрежность нашей военной администраціи. Но этого было мало! Надъ этимъ лагеремъ мучениковъ вдругъ разразился ливень и промочилъ насквозь не только людей, но даже и всѣ матрацы подъ ними... Несчастные такъ и валялись въ грязныхъ лужахъ... А когда кто нибудь входилъ въ эти палатки-лазареты, то всѣ вопили о помощи и со всѣхъ сторонъ громко раздавались раздирающіе пронзительные стоны и крики, и зубовный скрежетъ, и то особенное стучаніе зубами, отъ котораго бьетъ дрожь [1]). Отъ 10 — 20 мертвыхъ тѣлъ можно было находить межъ ними каждый день. Здѣсь помощь и трудъ сестеръ оказались неоцѣненными. Стоя въ лужахъ на колѣняхъ предъ больными, наши женщины подавали посильную помощь, въ которой онѣ сами нуждались... И такъ онѣ трудились денно и нощно. Въ сырыя ночи эти женщины еще дежурили и, не смотря на свое утомленіе, онѣ не засыпали ни на минуту, и все это подъ мокрыми насквозь палатками. И всѣ такія сверхчеловѣческія усилія женщины переносили безъ малѣйшаго ропота, съ спокойнымъ самоотверженіемъ и покорностью. Въ доказательство полнаго самозабвенія сестеръ при подаваніи помощи, слѣдуетъ здѣсь сказать, что десять изъ этихъ женщинъ не выдержали госпитальной заразительности, и сами поплатились жизнію. 7) Во время одного непріятельскаго нападенія на Камчатскій редутъ, попеченія о раненыхъ со стороны нашихъ медиковъ и сестеръ обнаруживались хотя и съ ревностью и неутомимостью, но были слабы въ результатѣ. Это произошло отъ недостатка въ средствахъ помощи (опять

---

[1]) Въ этомъ ужасномъ случаѣ «противленія злу» оказано не было, и все зло совершилось вполнѣ. Аскоченскій по этому поводу сочинялъ вирши, въ которыхъ похвалялъ терпѣніе «христолюбцевъ», а всѣмъ прочимъ командовалъ: «на молитву!» Н. Л.

по винѣ администраціи), такъ какъ большая часть раненыхъ (тысячи двѣ) не тотчасъ были перенесены на перевязочный нашъ пунктъ. Почти всѣ раненые валялись на улицѣ всю ночь, а потомъ только часть изъ нихъ перенесли въ бараки на сѣверную сторону. Здѣсь дѣйствовала Стаховичъ съ своей партіей сестеръ, но въ этихъ баракахъ не доставало мѣста для произведенія операцій. 8) Наконецъ, съ послѣднихъ чиселъ апрѣля до іюня, такъ какъ около этого времени осада съ каждымъ днемъ становилась сильнѣй и дѣятельнѣй, и раненые почти со всѣхъ бастіоновъ присылаемы были на нашъ перевязочный пунктъ (дворянское собраніе), то и здѣсь дежурныя сестры были завалены работою, особенно прикладываніемъ бандажей при совершеніи операцій, отъ 20—30 въ день. Въ это же время я назначилъ также нѣкоторыхъ сестеръ для попеченія о раненыхъ на новомъ мѣстѣ, въ устроенномъ мною госпиталѣ-палаткѣ, изъ двойнаго солдатскаго сукна и изъ клеёнки. Это учрежденіе на 30 кроватей, безъ тѣсноты, было сдѣлано на деньги, пожертвованныя графомъ Віельгорскимъ».

«Въ іюнѣ, я поѣхалъ въ Петербургъ, въ сентябрѣ же 1855 года снова вернулся въ Севастополь. Тамъ засталъ я множество раненыхъ, послѣ штурмованія Малахова Кургана (дней пять послѣ битвы). Несчастные раненые кучами лежали въ палаткахъ на сѣверной сторонѣ, а другихъ приготовляли къ отсылкѣ въ Симферополь или въ Бахчисарай, и ими наполнили много крестьянскихъ телѣгъ».

«Вторженіемъ своимъ въ крѣпость на сѣверной сторонѣ непріятель понудилъ общину сестеръ разбрестись съ мѣстъ, которыя онѣ тамъ занимали, и я тотчасъ распредѣлилъ ихъ по разнымъ госпитальнымъ палаткамъ, заботясь прежде всего о томъ, чтобы не допустить на сколько возможно никакихъ столкновеній между г-жею Стаховичъ и Бакуниной. Несогласіе этихъ двухъ особъ дошло, какъ я это скоро замѣтилъ, до высшаго градуса. Къ счастью, почти въ одно время со мной прибыла изъ Одессы покойная Хитрово. Обсудивъ натянутыя отношенія и совсѣмъ различные характеры обѣихъ начальницъ, она взяла сторону Бакуниной и вскорѣ, по желанію великой княгини, приняла главное управленіе общиной на себя. Сдѣлала это она не совсѣмъ охотно. Послѣ того Хитрово принялась распредѣлять всѣхъ сестеръ къ занятіямъ, отвѣчавшимъ ихъ личнымъ способностямъ».

«Первый выборъ большей части сестеръ не могъ, конечно, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, быть вполнѣ удачнымъ. Онѣ преимущественно были набраны въ Петербургѣ, притомъ съ большою поспѣшностію. Нѣкоторыя изъ нихъ были безъ всякаго образованія; напримѣръ, одна все твердила, что «слѣдуетъ намъ тотчасъ отправляться въ Англію, чтобъ наказать проклятыхъ англичанъ за ихъ дерзость», и когда я ей растолковалъ, что Англія — островъ, то она

отвѣчала: «Что жъ за важность, что островъ,—какъ нибудь да, всетаки, подойдемъ». Одна оконфузила себя самымъ легкимъ поведеніемъ, хотя между тѣмъ показывала себя всегда очень смышленой и дѣятельной женщиной. Другая—за все про все, кстати и не кстати, повторяла заученныя ею слова: «Я съ крестомъ и за Христа», что̀, впрочемъ, не мѣшало ей иногда страдать delirium tremens отъ излишняго употребленія крѣпкихъ напитковъ. У двухъ другихъ сестеръ было подмѣчено стремленіе къ платонической взаимной любви. Одна монашенка, довольно образованная, изъ дворянокъ, отличалась невыносимымъ талантомъ къ смутьянству и сплетнямъ. Темный невѣжда и злой интригантъ монахъ былъ данъ въ священники и въ духовные отцы всей женской общинѣ... Ко всему этому надо прибавить, что одна изъ начальницъ, хотя на видъ казалась очень présentable, но въ сущности имѣла настоящую чиновническую натуру. А, всетаки, не смотря на всѣ эти неблагопріятныя условія, поведеніе сестеръ съ медиками и ихъ помощниками было примѣрное и достойное уваженія; обращеніе ихъ съ страждущими было самое задушевное, и вообще всѣ дѣйствія сестеръ, при уходѣ за больными, сравнительно съ поведеніемъ госпитальной администраціи, должны быть названы не иначе какъ благородными. И замѣчательно, что самыя простыя и необразованныя изъ нихъ выдѣляли себя болѣе всѣхъ своимъ самоотверженіемъ и долготерпѣніемъ въ исполненіи своихъ обязанностей. Многія изъ нихъ пали жертвами прилипчивыхъ госпитальныхъ болѣзней. Одна изъ нихъ простая, но богопочтительная и прямодушная женщина завѣдовала категоріей тяжело раненыхъ и безнадежныхъ къ излѣченію (солдаты звали ее «сестричка» par excellence). Она удивительно умѣла своими простыми и трогательными молитвами у одра страдальцевъ успокоивать ихъ мучительныя томленія. Другая сестра, такъ же простая и необразованная, посѣщала по собственному желанію наши форты и была извѣстна какъ героиня. Она помогала раненымъ на бастіонѣ, подъ самымъ огнемъ непріятельскихъ пушекъ. Такъ, надо признаться, что наша община сестеръ вполнѣ достигла своей цѣли. Она почти, можно сказать, была съимпровизирована бѣдствіями военнаго времени, и поэтому имѣла свои слабыя стороны; но, не смотря на то, она отличалась въ уходѣ за ранеными и больными, презирая всѣ злоупотребленія администраціи, всѣ опасности войны и даже самую смерть. Залогъ этого замѣчательнаго явленія неоспоримо лежитъ въ кипучей дѣятельности и нервномъ возбужденіи въ военное время; изобиліе дѣла замѣняло недостающую въ общинѣ духовную силу и не совсѣмъ отличную организацію. Да послужитъ это урокомъ будущимъ основателямъ. Ни абстрактный принципъ, ни возвышенное побужденіе сердца, а непрестанная и хорошо распредѣленная дѣятельность—вотъ главное условіе, ко-

торое надо имѣть при устройствѣ современныхъ общинъ. Старое правило ora et labora должно служить здѣсь девизомъ. Независимо отъ сего, для полезной организаціи общины, разумѣется, необходимъ разсудительный выборъ начальственнаго персонала. Наша община, съ самаго начала, получила трехъ начальницъ, и въ подробной исторіи этого учрежденія видно, какую важную роль онѣ играли».

«К. М. Бакунина, какъ уже было сказано, приняла управленіе общиной, тотчасъ по своемъ пріѣздѣ въ Севастополь. Но лишь только туда прибыла Стаховичъ съ своими сестрами, Бакунина отказалась отъ управленія. Стаховичъ, какъ оффиціальная начальница общины, занималась гораздо болѣе администраціей общины, чѣмъ распредѣленіемъ и ученіемъ, какъ обходиться съ ранеными. Бакунина, напротивъ, тотчасъ съ увлеченіемъ предалась всецѣло служенію больнымъ и съ полнымъ самоотверженіемъ несла эту тяжелую службу. Она сдѣлалась примѣромъ терпѣнія и неустаннаго труда для всѣхъ сестеръ общины».

«Неоцѣнимо было особенно то, что вся ея личность дышала истиной, что полная гармонія царствовала между ея чувствами и ея дѣйствіями. Она точно составляла слитокъ всего возвышеннаго. Чѣмъ болѣе встрѣчала она препятствій на своемъ пути самозабвенія, тѣмъ болѣе выказывала она ревности и энергіи. Она покорялась только тому, въ чемъ могла убѣждаться сама, обсудивъ полезную сторону всякаго дѣла; поэтому всѣ ея дѣйствія были самостоятельны и отчасти даже деспотичны. Она знала сама, что неспособна, по своимъ идеямъ, влiять на общину, съ религіозной точки зрѣнія. Это доказываетъ ея письмо (которое вы найдете вмѣстѣ съ отвѣтомъ моей жены въ моихъ бумагахъ). Письмо это она написала мнѣ изъ Франціи, и говоритъ въ немъ, какъ притягательно подѣйствовалъ на нее мистическо-религіозный элементъ старо-католическихъ учрежденій. Она съ восторгомъ внимала аккордамъ и чувствовала въ одно и то же время, что эта музыка ей чужда».

«Иной духъ одушевлялъ покойную К. А. Хитрово. Когда наша община (въ Симферополѣ, въ концѣ сентября—декабря 1855 года) побыла подъ дирекціей этихъ двухъ женщинъ, я могъ ясно замѣтить разницу въ направленіи умовъ въ сестрахъ и прійдти къ убѣжденію, что раціонально-практическое міровоззрѣніе одной также сильно и благотворно вліяло на дѣйствія сестеръ общины, какъ и формально-мистическое воззрѣніе другой. Это сравненіе невольно напоминаетъ мнѣ евангельскихъ Маѳу и Марію: онѣ обѣ принадлежали къ малому стаду Христа, что̀ намъ доказываетъ, что онъ принимаетъ и высоко-практичную тенденцію жизни, и глубоко-религіозное чувство. К. А. Хитрово принадлежала, однако, къ тѣмъ исключительнымъ личностямъ, которыя способны соединять въ

себѣ мистическо-религіозное воззрѣніе съ формальнымъ и практически-полезную тенденцію съ возвышенными духовными чувствами. Поэтому-то она и была въ состояніи внушить смятенному элементу общины болѣе ровное религіозное направленіе. Слѣдующія ея слова, которыя она мнѣ однажды сказала, характеризуютъ отлично ея духовное настроеніе:

— «Я искреннѣе и горячѣе молюсь въ бѣдной сельской церкви, слушая простое, монотонное пѣніе дьячка, чѣмъ въ пышномъ храмѣ и при торжественной обстановкѣ».

«По ея наружности и манерамъ, она мнѣ сперва показалась чѣмъ-то въ родѣ монашенки, но ея образованность, практическій умъ и мистическо-религіозное направленіе высказывались съ такой гармоніей во всѣхъ ея дѣйствіяхъ, что жесткое, формально-аскетическое, монастырское существо никогда не выступало наружу. Позднѣе я слышалъ въ Одессѣ, что нѣкоторые приписывали этому благородному характеру извѣстную долю лицемѣрія, но что касается меня, то К. А. Хитрово напоминаетъ мнѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ другую очень извѣстную и очень достойную уваженія личность, именно покойную г-жу Тучкову, біографія которой недавно напечатана. Онѣ вѣрно были очень похожи одна на другую».

«Какъ только Стаховичъ съ нѣкоторыми, ни на что негодными и утомленными трудами, сестрами отправлена была отъ насъ (въ концѣ сентября—октября 1855 года) и К. А. Хитрово вмѣстѣ съ К. М. Бакуниной взялись за дирекцію общины, тотчасъ же въ сестрахъ обнаружилось вліяніе совсѣмъ иного духа. Вскорѣ водворились тишина, порядокъ и строго установленная дѣятельность во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ. Когда же, наконецъ, прибыла и третья значительная личность нашей общины, Е. П. Карцева, съ нѣкоторыми новыми сестрами и прямо въѣхала въ Симферополь, гдѣ приняла дирекцію одной партіи сестеръ, то ужъ была введена настоящая гармонія въ воззрѣніяхъ и въ дѣйствіяхъ общины. Е. П. Карцева, хотя гораздо моложе и неопытнѣе Хитрово и Бакуниной, притомъ она молчаливаго и тихаго нрава, показала, однако, что у нея много такта, послѣдовательности и особенной самостоятельности въ исполненіи взятыхъ на себя обязанностей. Попеченіе о больныхъ, надсмотръ и контроль госпитальной прислуги ведены были этими тремя личностями съ такой бдительностію и энергіей, что ихъ дѣйствія невольно повліяли на всѣхъ членовъ госпитальной администраціи, и всѣ отношенія къ общинѣ существенно измѣнились. Съ этой поры никто уже не осмѣливался дозволять себѣ неумѣстныхъ выраженій на счетъ контрольныхъ дѣйствій сестеръ, и даже лица изъ высшаго военнаго круга не осмѣливались, какъ бывало ранѣе, шутить надъ «небесно-голубыми глазами». А въ присутствіи Стаховичъ генералъ X. однажды сказалъ одной хо-

рошенькой сестрѣ: «Ваша голубая лента на шеѣ и ваши голубые глазки напоминаютъ мнѣ о небѣ».

«Симферопольскіе лазареты и бараки были наполнены ранеными послѣ штурма Малахова, и межъ ними царствовали тифъ и кровавый поносъ. В. И. Тарасовъ и новые прибывшіе со мной въ сентябрѣ 1855 года медики способствовали улучшить отношенія общины съ госпитальной администраціей. Они старались придать болѣе вѣса участію женщинъ, чтобы возвысить ихъ въ глазахъ администраціи. Я желаю назвать изъ этихъ медиковъ покойнаго Беккера и горячо рекомендованнаго имъ мнѣ Боткина, изъ Москвы» [1]).

«Я заботился, на сколько могъ, съ пользой распредѣлить сестеръ съ этими подъ моей командой находящимися молодыми врачами, по разнымъ лазаретамъ. Присланныхъ же мнѣ покойной императрицей «сердобольныхъ» я долженъ былъ, по желанію великой княгини, занять совершенно отдѣльно отъ сестеръ. Такимъ образомъ въ городскихъ лазаретахъ дѣйствовали К. А. Хитрово и К. М. Бакунина съ Тарасовымъ, Хлѣбниковымъ и другими врачами. На другой половинѣ симферопольскихъ госпиталей дѣйствовали сердобольныя съ военными медиками. Е. П. Карцеву съ Боткинымъ и еще нѣсколько молодыхъ врачей я занялъ въ баракахъ, лежащихъ внѣ города. Это былъ лучшій періодъ существованія общины во всей ея исторіи, и я не знаю, пережила ли она позднѣе такой чудный періодъ времени! Только два вопроса озабочивали еще меня и покойную К. А. Хитрово: распредѣленіе сестеръ по разнымъ мѣстностямъ и сопровожденіе транспортовъ больныхъ въ Перекопъ. По желанію великой княгини, мы устроили отдѣленія общины въ госпиталяхъ Перекопа (въ овчарняхъ), Херсона и Николаева, и отдали ихъ подъ надзоръ Хитрово и избранныхъ ею старшихъ сестеръ. Но, чтобы совершить большой транспортъ (въ ноябрѣ 1855 года), и при невыгодныхъ условіяхъ климатическихъ, я предложилъ Бакуниной принять на себя сопровожденіе и дирекцію онаго, вмѣстѣ съ попеченіемъ о транспортируемыхъ. Я зналъ, что она на сколько возможно съумѣетъ облегчить страдальцамъ ихъ горькую участь. Бакунина безотговорочно приняла мое предложеніе и исполнила его съ полнымъ самопожертвованіемъ. Въ большихъ сапогахъ и въ бараньемъ тулупѣ она тащилась пѣшкомъ по глубокой грязи (перекопская грязь nota bene) и сопровождала мужицкія телѣги, биткомъ набитыя больными и ранеными; она заботилась на сколько было возможно о страдальцахъ и ночевала съ ними въ грязныхъ, холодныхъ этапныхъ избахъ».

«Старыя злоупотребленія администраціи, однако, не прекрати-

[1]) Нынѣ знаменитый Сергѣй Петровичъ Боткинъ.

лись съ занятіемъ Севастополя. Не доставало множества необходимыхъ предметовъ, въ особенности въ то время, когда зима подошла къ дверямъ и повальныя болѣзни (тифъ, возвратная горячка, кровавые поносы). Бараки и госпитали не оказались довольно просторными для принятія всѣхъ заболѣвавшихъ эпидеміей. Множество больныхъ опять было помѣщено подъ холодными госпитальными палатками. Тутъ оказалось также, что новоустроенные бараки и квартиры сестеръ были холодны, сыры и совершенно не имѣли вентиляціи. Администрація же, какъ всегда, желала, чтобы мы находили все удовлетворительнымъ, и очень неохотно отпускала намъ дрова, теплыя платья и горячія кушанья. Я долженъ былъ неустанно жаловаться, требовать и писать. При этомъ частомъ писаніи мнѣ невозможно было всегда обдумывать слова и выраженія, какія считаются умѣстными въ оффиціальныхъ бумагахъ, и черезъ это нѣсколько разъ выходили непріятности. Нѣкоторыя мои выраженія въ письменныхъ моихъ просьбахъ оказались «несоотвѣтственными» или недостаточно вѣжливыми. Особенно обидчивымъ на этотъ счетъ показалъ себя начальникъ госпитальной администраціи г. Остроградскій. Однажды, послѣ неоднократныхъ и напрасныхъ моихъ просьбъ къ нему о томъ, чтобы онъ снабдилъ насъ дровами для отопленія нашихъ ледяныхъ бараковъ и помѣщеній сестеръ, Остроградскій напалъ на одно мое «неприличное выраженіе» въ письмѣ («имѣю честь **представить на видъ**») и пожаловался на меня князю Горчакову, и вслѣдствіе этой жалобы мы **дровъ** не получали, но я за то получилъ рѣзкій выговоръ сперва отъ Горчакова, а позднѣе отъ самого Государя».

«Въ декабрѣ 1855 года, я снова отправился въ Петербургъ. Община сестеръ, въ то время состоявшая изъ 10-ти отдѣленій, во время моего отсутствія, перешла подъ попечительство генерала Сакена, но подъ непосредственнымъ надзоромъ К. А. Хитрово. По дорогѣ я заѣхалъ посѣтить госпитали и другія отдѣленія общины въ Перекопѣ, Херсонѣ и Николаевѣ».

«Всѣ эти хорошія и непріятныя, давно пережитыя мною испытанія въ жизни представляются теперь передо мной, какъ фигуры калейдоскопа, на которыя я смотрю сквозь тусклое, почернѣвшее стекло. Когда я теперь вспоминаю, какъ тогдашнія обстоятельства мало способствовали развитію только-что устроеннаго общества сестеръ и какъ плохо эти обстоятельства соотвѣтствовали выгодамъ этой организаціи, то я чувствую, что въ самомъ дѣлѣ я принужденъ восторгаться отъ тѣхъ добрыхъ результатовъ, которые дало это женское учрежденіе. **Результаты эти во всякомъ случаѣ доказываютъ, что до сей поры мы совершенно игнорировали чудныя дарованія нашихъ женщинъ. Эти дарованія ясно доказываютъ, что современный женскій вопросъ и тогда уже былъ въ полномъ правѣ требовать своего raison**

d'être. То, что противники благоразумной эмансипаціи женщинъ еще до сего дня утверждаютъ, будто бы велика разница въ организаціи половъ, напримѣръ, меньшій вѣсъ въ мозгу и проч.,—этого нечего брать во вниманіе, и это никогда не выдержитъ серьёзной критики. Женщина, если она получитъ надлежащее образованіе и воспитаніе, можетъ также хорошо усвоить себѣ научную, художественную и общественную культурность, какъ и мужчина. При этомъ, главное условіе только то, чтобы женщина всегда сохраняла въ себѣ физіологическую и нравственную женственность и выучилась бы не разставаться съ нею».

«Это, конечно, нелегко, но, однако, возможно, и это именно то, что защитники, какъ и противники женскаго вопроса, упускаютъ изъ виду. Женщина, съ мужскимъ образованіемъ и даже въ мужскомъ платьѣ, всегда должна оставаться женственной и никогда не пренебрегать развитіемъ лучшихъ дарованій своей женской природы. И я рѣшительно не вижу, почему одинаковое общественное положеніе женщины съ мужчиной можетъ помѣшать такому развитію. Если же меня спросили бы: какое міровоззрѣніе должно служить основаніемъ для учрежденія общины сестеръ въ нашемъ отечествѣ, то я могу дать пока только отрицательные отвѣты. Я могу сказать одно, что старо-католическое и протестантское міровоззрѣнія для насъ, какъ основаніе, негодны. Православныя монахини, или учрежденіе діакониссъ, тоже въ наше время не годятся. Наша церковь не имѣетъ никакихъ преданій для подобныхъ учрежденій, и она на столько консервативна и формальна, что не въ силахъ примѣниться къ насущнымъ требованіямъ новаго времени. Поэтому, я думаю, что наши учрежденія сестеръ не должны ничего заимствовать у западныхъ, а должны установиться на новыхъ началахъ. Конечно, онѣ не могутъ обойдтись безъ извѣстной доли духовной и формальной религіозности, но католическая мистичность и протестантская сухость должны быть имъ чужды».

«Наша сестра милосердія также не должна быть православной монахиней. Она должна быть простая, богопочтительная женщина, съ практическимъ разсудкомъ и съ хорошимъ техническимъ образованіемъ, а притомъ она непремѣнно должна сохранить чувствительное сердце. Но главное условіе для достиженія успѣха въ нашихъ подобныхъ учрежденіяхъ должно быть то, чтобы дѣятельность въ женщинахъ была поддерживаема непрестанно. А притомъ положеніе ихъ въ госпиталяхъ должно быть на сколько возможно независимо отъ госпитальной администраціи. Самыя же образованныя сестры, которымъ будетъ поручаемъ надзоръ за общиной, должны быть такъ поставлены, чтобы онѣ могли нравственно вліять на весь персоналъ госпитальный. Если же мы вздумали бы вводить въ нашихъ

общинахъ формально-религіозное направленіе, то непремѣнно случилось бы то же самое, что произошло при введеніи въ общину нѣкой г-жи Вуичъ: мы получимъ женскихъ тартюфовъ, но никакъ не истинно-религіозныхъ сестеръ».

«Вотъ, на сколько могу описать, каковъ идеалъ, который я себѣ когда-то составилъ во время моего управленія общиной въ крымскую кампанію. Увы, я долженъ признаться: «разбитый идеалъ, который когда-то живилъ упоенное сердце».

«Теперь прощайте, многоуважаемый другъ. Если вы когда нибудь почувствуете усталость отъ суетъ при дворѣ и вздумаете путешествовать, ради душевнаго отдыха, то изберите направленіе юго-западное и дайте мнѣ счастіе видѣть васъ въ моемъ имѣніи и встрѣтить васъ на станціи желѣзной дороги Винница. Я вамъ отдамъ въ полное распоряженіе мой виноградникъ съ франкенталернымъ виноградомъ и мою коллекцію персиковъ и розовыхъ кустовъ, уходомъ за которыми я въ эту минуту ревностно занятъ».

«Вашъ искренній другъ и поклонникъ

«Н. Пироговъ».

С. Вишня
Винница
1876 г. февр. 27.

Вѣроятно, никто изъ просвѣщенныхъ русскихъ людей не посѣтуетъ на меня, что я до сей поры хранилъ безъ оглашенія вышеприведенное письмо знаменитаго русскаго мыслителя и умнаго практическаго дѣятеля. Я не хотѣлъ напечатать это письмо безъ времени, или, лучше сказать, безъ особливаго побужденія къ его оглашенію. Если бы я уступилъ нѣкоторымъ желаніямъ и напечаталъ его вслѣдъ за мемуарами, помѣщенными въ «Русской Старинѣ», то письмо это могло пройдти мало замѣченнымъ и не принесло бы той пользы, которую оно оказать можетъ. Теперь другое время и иныя обстоятельства. Теперь это письмо появляется «кстати», именно такъ, какъ этого желала покойная Эдифа Ѳеодоровна Раденъ. Теперь какъ разъ время напомнить многимъ, какой взглядъ имѣли на призваніе женщинъ великая княгиня Елена Павловна, баронесса Раденъ и Пироговъ,—все лица, еще такъ недавно пользовавшіяся общимъ уваженіемъ просвѣщенныхъ россіянъ и иностранцевъ. Изъ огромнаго числа почитателей покойной великой княгини Елены Павловны и Пирогова весьма многіе еще живы и притомъ въ числѣ ихъ есть лица, которыя нынче находятся въ очень благопріятныхъ условіяхъ для того, чтобы почтить память своей усопшей высокой покровительницы, запечатлѣвъ свою преданность великой княгинѣ вѣрнымъ сохраненіемъ того, что составляло ея благородные идеалы. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ сомнѣнія,

что для всѣхъ лицъ, искавшихъ когда либо вниманія великой княгини и пользовавшихся ея благосклонностію, сохраненное мною письмо Пирогова теперь вспомянетъ прожитые лучшіе годы жизни и тѣмъ доставитъ большое удовольствіе.

Для исторіи письмо это должно имѣть цѣну во многихъ отношеніяхъ.

При учрежденіи первой общины сестеръ милосердія, въ обществѣ говорили, что «это дѣло имѣетъ гораздо болѣе широкія цѣли, а не одну госпитальную помощь больнымъ». Въ учрежденіи женской общины видѣли только начало дальнѣйшихъ дѣлъ въ этомъ родѣ. Ходили очень вѣскіе толки, что такъ на это смотрѣла будто сама покойная великая княгиня, и въ этомъ смыслѣ почитатели ея высочества внушали имѣть большое уваженіе къ тому, что она могла сдѣлать при обстоятельствахъ трудныхъ и неблагопріятныхъ.

Письмо Пирогова теперь открываетъ намъ, что упомянутые слухи не были неосновательны, что они отнюдь не были сочиненіемъ свѣтскихъ вѣстовщиковъ, а они имѣли для себя действительное основаніе.

Кромѣ того, письмо это полезно для провѣрки одной стороны тѣхъ положеній, которыми графъ Л. Н. Толстой обезкураживаетъ нашихъ учащихся дѣвицъ и безмужнихъ женщинъ.

Въ лицахъ монахини-смутьянки и невѣжды-монаха Пироговъ даетъ отпоръ положенію графа Толстаго, будто женщину довольно научить только тому одному, что графъ въ нынѣшнемъ его настроеніи почитаетъ вполнѣ достаточнымъ для образованія ума и сердца женщины. (Другія положенія графа о непротивленіи злу не поняты ни его хвалителями, ни его порицателями).

И наконецъ, письмо Пирогова имѣетъ значеніе для свода литературныхъ счетовъ между романистами шестидесятыхъ годовъ и ихъ тогдашними критиками. Тогда нѣкоторые романисты ярко изображали несчастное увлеченіе нигилизмомъ и производствомъ «метаморфозъ», о которыхъ говоритъ Пироговъ. Ортодоксальные нигилисты, или нигилистическіе ортодоксы, дѣйствительно, между прочимъ, всего усерднѣе озабочивались уничтоженіемъ «женственности» и «стрижкою подъ одинъ гребень». Одно время они достигали въ этомъ отношеніи большихъ результатовъ. Художественные писатели Тургеневъ, Писемскій и Гончаровъ, а также и другіе, смотрѣли на это какъ на дурное дѣло, которое и гадко, и не нужно, и способно принести дурные плоды. Предсказывали, что это кривлянье по меньшей мѣрѣ оттолкнетъ симпатіи общества отъ молодыхъ людей, начавшихъ тогда щеголять своею грубостью, невѣріемъ и цинизмомъ; а потомъ все это дастъ еще третьему сорту лицъ поводъ возводить глупости на высшую ступень, и черезъ то вредить развитію драгоцѣнныхъ идей, какія одушевляли, напримѣръ, великую княгиню Елену Павловну и окружавшихъ ее лицъ. Кри-

тика же того времени была такъ легкомысленна, что считала всѣ намеки и предостереженія за выдумки романистовъ, и даже за выдумки не безкорыстныя, а «заказанныя» и очень «оплаченныя». По мнѣнію тогдашнихъ критиковъ (изъ коихъ нѣкоторые до сихъ поръ живы и теперь высоко поднимаютъ свои голоса по другому камертону), выходило какъ будто, что все клонилось къ уничтоженію всякихъ различій между поведеніемъ мужскаго и женскаго пола — это было умно и прекрасно, а то, что романисты не представляли этого въ сочувственномъ видѣ, — это было съ ихъ стороны «подлость» и «доносъ на молодое поколѣніе». Изъ всѣхъ занимавшихся тогда критикою не раздѣляли этой глупости только двое: Н. И. Соловьевъ и П. К. Щебальскій. (Оба уже покойники). Остальная критика вся хоромъ внушала читателямъ, что весь вредъ идетъ не отъ безобразныхъ увлеченій нигилизмомъ, что̀ будто само по себѣ ведетъ къ добру, а что вредъ приносятъ «художники», т. е. «романисты, которые въ своихъ романахъ пишутъ доносы на молодое поколѣніе».

Молодое поколѣніе, бывшее привилегированнымъ сословіемъ тогдашняго времени, такимъ образомъ было сбито съ толку и запутано въ сѣтяхъ этого безчестнаго измышленія гг. критиковъ. Люди до поразительности теряли возможность понимать: кто имъ помогаетъ выйдти на честную дорогу и кто имъ вредитъ. Друзья благонамѣреннаго и благоразумнаго прогресса тогда заурядъ казались людямъ врагами, а враги друзьями. И тогда многіе истинно честные писатели за то, что они воздерживали молодежь отъ вредныхъ увлеченій нигилизмомъ были всячески поносимы, шельмуемы и лишаемы добраго имени. Разнузданная грубость и глупость не пощадила ни Тургенева, ни Писемскаго, ни Гончарова. Той же участи подпали и писатели младшаго возраста и меньшаго значенія, напримѣръ, Викторъ П. Клюшниковъ, Всевол. Вл. Крестовскій и я. Я подвергался особенно сильнымъ порицаніямъ и даже безъ всякихъ обиняковъ былъ обвиняемъ въ составленіи романа «по заказу правительства»... Смѣшно сказать, но люди въ серьезъ вѣрили, что не упоминай мы о заводѣ нигилизма, все было бы шито и крыто, и не обращало бы на себя ничьего вниманія. «Весь русскій нигилизмъ сдѣлали пошлые русскіе романисты»,— много разъ провозглашалъ одинъ изъ критиковъ, дѣйствующихъ нынѣ въ иномъ направленіи [1]).

---

[1]) Въ числѣ романистовъ, воспроизводившихъ въ своихъ сочиненіяхъ характеры нигилистическаго пошиба и стремленіе къ «метаморфозѣ женщинъ», слѣдовало бы также назвать Θ. М. Достоевскаго, Б. М. Маркевича и В. Г. Авсѣенко, но эти писатели шли не въ первомъ огнѣ, когда къ нигилизму и «метаморфозѣ» было жутко приступиться, а они писали позже, когда буйство нигилизма стихало, а «метаморфоза» прелагалась въ иной зракъ. Притомъ же изъ трехъ названныхъ писателей только одинъ Θедоръ Михайловичъ дѣйствительно

Письмо Н. И. Пирогова показываетъ, что несчастныя увлеченія нигилизмомъ сами бросались въ глаза не только людямъ общаго уровня, но даже и такимъ высокостоявшимъ лицамъ, какъ великая княгиня Елена Павловна. И теперь ясно видно, что эти несчастныя увлеченія останавливали благородныя стремленія великой княгини, которая желала открыть широкій ходъ женскому образованію и примѣненію женскихъ способностей къ общественной дѣятельности въ сферахъ, свойственныхъ ихъ полу. Дѣло дошло до того, что когда первая русская женщина-врачъ, покровительствуемая медицинскою академіею, была назначена въ одно изъ учрежденій, подвѣдомыхъ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, и явилась въ Михайловскій дворецъ, чтобы представиться ея высочеству, то великая княгиня ее не приняла. На истинныхъ друзей женскаго вопроса случай этотъ произвелъ тогда удручающее впечатлѣніе,

---

зналъ и понималъ настоящихъ нигилистовъ, а остальные два нигдѣ и ни одного раза не обнаружили такого знанія, но часто обнаруживали полное непониманіе. Маркевичъ, напримѣръ, получившій даже славу большаго знатока нигилистической среды, не написалъ о нигилистахъ ни одного вѣрнаго слова. Онъ такъ мало понималъ въ самомъ нигилизмѣ, что у него все путалось, и онъ принималъ за нигилизмъ всякое проявленіе природной грубости и особенно всякое несогласіе съ идеями, которыя самъ онъ вначалѣ не смѣло износилъ на свѣтъ изъ вдохновительныхъ бесѣдъ М. Н. Лонгинова. Превосходная душевная мягкость и терпимость графа Алексѣя Конст. Толстаго тоже представлялась ему за «нигилистическое пристрастіе», за чтò графъ и посмѣялся надъ нимъ въ шуточномъ стихотвореніи, гдѣ Маркевичъ «вопіетъ: осанна Аксіосъ!» Вообще же, когда описывали нигилистическіе характеры Достоевскій и Маркевичъ, тогда настоящихъ, «матерыхъ нигилистовъ», въ традиціонныхъ косматыхъ гривахъ вразмётъ и въ пестрыхъ попонахъ наопашь, уже не было или, по крайней мѣрѣ, они уже не мозолили глаза съ прежнею бойкостію. Отшумѣвъ и видя свое оскудѣніе, они спѣшили преобразоваться, и мужчины устремились къ хорошимъ мѣстамъ на службу, а женщины изловчались съ кѣмъ нибудь «законъ принять». Многимъ такія старанія удались прекрасно. Въ это время описыванье нигилистическихъ характеровъ для писателя не было уже сопряжено ни съ какими затрудненіями и не угрожало непріятностями. Напротивъ, занятіе этимъ искусствомъ въ эту пору нерѣдко приносило даже и пріятности. Такъ, напримѣръ, Авсѣенко хотя и прошелъ въ тѣни, но за то слабыя мозаическія путаницы Маркевича просіяли, и точно открывали новый міръ, и ими радовались тѣ самые читатели «большаго свѣта», которые дѣтски дулись на Тургенева и порицали его, вмѣстѣ съ Ѳед. Ив. Тютчевымъ повторяя язвительные стишки, сочиненные симъ послѣднимъ на счетъ Тургенева. (См. письмо Тургенева къ Писемскому изъ Баденъ-Бадена, 1867 года). Мой романъ «Некуда» печатался такъ, что я отданъ былъ подъ три цензуры, изъ которыхъ каждая со всеусердіемъ трудилась надъ моими корректурами, а отъ лица управлявшаго тогда судьбами печати я получалъ приснопамятныя внушенія, которыя при точной ихъ передачѣ, современемъ, безъ сомнѣнія, удивятъ позднѣйшаго читателя...

Исторія съ нигилизмомъ вообще имѣетъ такой видъ: когда литература своевременно заносила на бумагу вѣрныя картины того, что въ обществѣ происходило, то это тогда почитали за дѣло нечестное и вредное и авторовъ шельмовали на всѣ стороны. А когда потомъ то же самое другіе люди стали воспоминать въ пустой слѣдъ или обирать озадки, это показалось за новость и даже вмѣнено въ особыя заслуги. Н. Л.

хотя они съ горестью сознавали, что великая княгиня, въ ея положеніи, иначе поступить не могла. Это, разумѣется, не осталось безъ значенія и далѣе: всѣхъ удивило, что великая княгиня, не отказывавшая въ пріемѣ ни одному сколько нибудь выдающемуся по дарованіямъ лицу, отказалась принять женщину-врача!.. Случай этотъ, нигдѣ до сихъ поръ не отмѣченный въ печати, въ обществѣ былъ сильно отмѣченъ, и для многихъ онъ имѣлъ значеніе «отбоя», съ него и началось охлажденіе къ заботамъ объ открытіи женщинамъ ученыхъ профессій.

Пусть это навсегда останется хоть позднею, но за то тяжелою укоризною тѣмъ, кто подъ видомъ усердія къ освобожденію женщинъ принесъ имъ наивеличайшій вредъ и уронилъ ихъ дѣло.

Въ заключеніе позволю себѣ сказать то, что слышалъ объ отношеніяхъ великой княгини Елены Павловны къ тому періоду «метаморфозъ», о которыхъ упомянулъ Н. И. Пироговъ.

— «Выходки, которыя позволяли себѣ нигилистки (говорила мнѣ Эд. Ѳ. Раденъ), глубоко огорчали покойную великую княгиню, и даже были для нея причиною непріятностей, очень неудобныхъ въ ея положеніи. Но болѣе всего ее печалило то, что поступки, которыми эти несчастныя такъ старательно бравировали, лишали великую княгиню всякой возможности осуществить самыя ея завѣтныя свои желанія—помочь многостороннему образованію русскихъ женщинъ. Великая княгиня съ одной поры предпочитала молчать, когда она хотѣла бы говорить,—и слушала то, чего не хотѣла бы слышать».

Письмо Пирогова не только подтверждаетъ эти слова баронессы Раденъ, въ справедливости которыхъ, разумѣется, и безъ того не было причины сомнѣваться, но Пироговъ даже указываетъ время, когда увлеченныя нигилистическими вѣяніями женщины сдѣлались для великой княгини «причиною непріятностей, очень неудобныхъ въ ея положеніи». Кто умѣетъ понимать вещи, какъ онѣ есть, тотъ долженъ умѣть себѣ представить: какъ такая скорбь должна быть больна для столь благородной, такъ исключительно поставленной женщины, какъ великая княгиня Елена Павловна,—ибо въ извѣстныхъ кругахъ въ Россіи и за границею единодушно вѣрили, что она есть первый иниціаторъ и первый благородный проводникъ «женскаго вопроса» въ Россіи.

Надо вѣрить, что въ недалекомъ будущемъ русскія женщины, конечно, сами поймутъ значеніе заботъ и огорченій великой княгини Елены Павловны, и память ея будетъ почтена самою искреннею ихъ благодарностію.

Теперь всѣ упомянутыя несчастныя увлеченія прошли. «Бѣсы, по замѣчанію Достоевскаго, бросились въ стадо свиное и потонули». Нигилистическій періодъ конченъ, противное «міровоззрѣніе», которое осуждалъ Пироговъ, не существуетъ и «метаморфозы»

болѣе не практикуются. Гр. Л. Толстой справедливо замѣчаетъ, что въ женскихъ обычаяхъ всего сильнѣе теперь бьетъ «обнаженіе» и «турнюръ». Но не слѣдуетъ еще забывать, что есть и средина, которой держатся дѣвушки, желающія знаній и не пренебрегающія никакими настоящими достоинствами своего пола. Эти типы составляютъ чистое пріобрѣтеніе послѣднихъ лѣтъ и при нихъ совершится нынѣ разборъ ихъ женскаго дѣла. Дай Богъ, чтобы тутъ не восторжествовала «иронія судьбы».

Николай Лѣсковъ.

ВОСПОМИНАНІЯ ГРАФА В. А. СОЛОГУБА[1].

VII.

Князь М. С. Воронцовъ. — Его утренніе служебные пріемы. — Анекдотъ о немъ. — Его характеристика. — Докторъ Андреевскій. — Князь Эристовъ. — Личная храбрость Воронцова и его обращеніе съ солдатами. — Княгиня Е. К. Воронцова. — Марья Васильевна Столыпина. — Женитьба молодаго Воронцова. — Тифлисъ пятидесятыхъ годовъ. — Н. А. Ханыковъ. — Разсказъ И. С. Тургенева объ его обѣдѣ съ Жемчужниковымъ въ одномъ изъ лондонскихъ клубовъ. — Приближенные князя Воронцова. — Тогдашнее тифлисское общество. — Празднество въ Кутаисѣ по случаю пріѣзда императора Александра Николаевича. — Стихи, написанные мною по этому случаю, и произведенный ими эффектъ. — Дружескіе проводы при моемъ отъѣздѣ съ Кавказа. — Воспоминаніе о крымской кампаніи.

ВЪ НАЧАЛѢ 1850 года, я довольно серьёзно заболѣлъ, и доктора совѣтовали мнѣ ѣхать за границу пить богемскія воды; но меня привлекало другое — меня уже давно тянуло на Кавказъ. Мнѣ хотѣлось взглянуть на этотъ, по разсказамъ и описаніямъ, чудный край, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе нами пріобрѣтаемый. Я долженъ сказать, что личность намѣстника кавказскаго, князя Михаила Семеновича Воронцова, много способствовала этому желанію посѣтить ввѣренный его управленію край. Я имѣлъ случай въ Римѣ, въ началѣ сороковыхъ годовъ, видѣться съ Воронцовымъ впродолженіе цѣлаго мѣсяца почти ежедневно, и могу сказать, что и тогда, и впослѣдствіи, когда служебныя и дружественныя отношенія втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ сблизили насъ окончательно, онъ оставилъ

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXIV, стр. 552.

во мнѣ навсегда впечатлѣніе одного изъ замѣчательныхъ людей своего времени. Онъ обладалъ въ высшей степени тремя очень рѣдкими между русскими людьми качествами: необыкновенной настойчивостью, непреклонной твердостью убѣжденій и самой утонченной вѣжливостью. Правда, вѣжливость эта подъ часъ становилась почти оскорбительна, такъ какъ она безразлично относилась ко всѣмъ; мнѣ часто случалось присутствовать на служебныхъ пріемахъ Воронцова и немало тогда удивляться тому, что онъ съ тою же самой привѣтливой и только чуть-чуть саркастической улыбкой на тонкихъ губахъ подавалъ руку заслуженному генералу съ грудью, увѣшанной звѣздами и орденами, и тутъ же протягивалъ эту руку какому нибудь гречёнку изъ Таганрога или Одессы, беззаботно торгующему маслинами. Особенно памятнымъ мнѣ представляется слѣдующій случай.

Дѣло было передъ самымъ началомъ крымской кампаніи. На югѣ Россіи, въ Крыму и на Кавказѣ, шныряли разныя неблаговидныя личности — шпіоны, о появленіи которыхъ почти ежедневно доносилось Воронцову. Я уже сказалъ, что часто изъ любопытства скорѣе, чѣмъ по службѣ, я присутствовалъ на утреннихъ служебныхъ пріемахъ Воронцова и потому въ одно прекрасное утро находился въ пріемной залѣ. Едва намѣстникъ вошелъ въ комнату, къ нему съ воплями и восклицаніями на смѣшанномъ полурусскомъ, полутатарскомъ языкѣ бросился въ ноги, опережая всѣхъ, еще довольно молодой татаринъ, умоляя его о пощадѣ. Жалко было смотрѣть на несчастнаго; страхъ, ужасъ совершенно изуродовали красивыя и довольно тонкія черты его лица; онъ весь трясся какъ въ лихорадкѣ, и посинѣвшія губы такъ пересохли, что онъ едва могъ произносить слова.

— Мм... мм... что такое, мой любезнѣйшій? Да успокойтесь... встаньте... Что такое? въ чемъ дѣло? — съ своей неизмѣнной улыбкой и «протягивая ему руку», спросилъ Воронцовъ.

Татаринъ приподнялся и, все продолжая дрожать и задыхаться, объяснилъ, что его заподозрѣваютъ въ шпіонствѣ. Воронцовъ еще привѣтливѣе ему улыбнулся и сказалъ, что онъ ему обѣщаетъ сейчасъ же приказать навести справки, чтобы онъ успокоился, что все объяснится къ лучшему для него. Затѣмъ, обойдя кружокъ представлявшихся ему въ тотъ день военныхъ и просителей, онъ возвратился къ себѣ въ кабинетъ и принялся за бумаги.

— Ваше сіятельство, что прикажете насчетъ этого татарина? — спросилъ намѣстника дежурный адъютантъ, присутствовавшій при вышеописанной сценѣ.

— А, этотъ татаринъ?.. Онъ очень вредный, по докладамъ, шпіонъ... поступить съ нимъ по обыкновенію, повѣсить его... — все не переставая улыбаться, возразилъ Воронцовъ.

Чѣмъ объяснить это вѣчно улыбающееся самообладаніе? Пре-

зрительностью ли большаго барина, считающаго, что все, что̀ его окружаетъ, ниже его, и потому равно относящагося ко всѣмъ? Но Воронцовъ былъ слишкомъ уменъ и человѣченъ, чтобы поддаваться близорукой спѣси, свойственной ограниченнымъ людямъ знатнаго происхожденія. Я скорѣе полагаю, что имъ руководила высоко государственная задача того, что людьми управлять даже тогда, когда ихъ приходится вѣшать,—слѣдуетъ, не запугивая ихъ. На характерѣ Воронцова его воспитаніе въ Англіи оставило слѣды неизгладимые. Онъ олицетворялъ собою методичность во всемъ и любилъ, почти требовалъ, чтобы всѣ, его окружающіе, ей подчинялись. Въ Одессѣ, Тифлисѣ, Боржомѣ, Алупкѣ, Петербургѣ и за границей, онъ вставалъ, работалъ, ѣздилъ верхомъ и обѣдалъ въ одни и тѣ же часы. Даже анекдоты за картами онъ разсказывалъ одни и тѣ же, и всѣ съ учтивой улыбкой въ сотый разъ ихъ выслушивали, до того онъ умѣлъ въ средѣ своихъ приближенныхъ вселить чувство уваженія и привязанности. Любимой игрой его была теперь уже всѣми забытая игра въ ломберъ («l'ombre»). Воронцовъ самъ приглашалъ изъ среды своихъ гостей лицъ, съ которыми желалъ играть въ карты въ тотъ вечеръ. Въ первое время пребыванія моего въ Тифлисѣ, я каждый вечеръ составлялъ партію Воронцова, но однажды, прискучившись торжественностью игры и одними и тѣми же разсказываемыми старикомъ-намѣстникомъ анекдотами, я нѣсколько раздраженно сталъ кидать свои карты. Воронцовъ тотчасъ это замѣтилъ.

— Любезный графъ, — обратился онъ ко мнѣ съ своей неизмѣнной улыбкой, спокойно складывая на столъ свои карты: — если вамъ скучно играть съ нами, зачѣмъ же вы играете?..

Я смѣшался и сталъ извиняться; Воронцовъ продолжалъ улыбаться.

Мы, какъ ни въ чемъ не бывало, докончили партію. Воронцовъ попрежнему остался ко мнѣ привѣтливымъ, но уже никогда болѣе не приглашалъ меня играть съ собою въ ломберъ. Разъ только я видѣлъ Воронцова измѣнившимъ своей, можно сказать, безпощадной вѣжливости; онъ оказался впослѣдствіи очень больнымъ. Вотъ какъ это случилось. При Воронцовѣ много лѣтъ находился извѣстный всему Кавказу докторъ Андреевскій. Человѣкъ въ высшей степени грубый, нахальный и даже не безукоризненно честный, онъ, тѣмъ не менѣе, съумѣлъ понравиться Воронцову и въ короткое время пріобрѣлъ надъ нимъ замѣчательное, почти всесильное вліяніе. Странно объяснить себѣ, ка̀къ человѣкъ, совершенно противорѣчившій воронцовскимъ понятіямъ, правиламъ, стремленіямъ, привычкамъ, могъ взять надъ нимъ такую силу? Надо сказать, что если личность Андреевскаго грѣшила многимъ, за то докторомъ онъ былъ отличнымъ и діагностомъ замѣчательнымъ, и являлся старому намѣстнику существомъ, отъ котораго зависѣла его жизнь или смерть, —

смерть, этотъ неотвязный и ужасающій призракъ старыхъ людей... Этимъ и объясняется для многихъ непостижимое вліяніе Андреевскаго на Воронцова. Итакъ, однажды, за обѣдомъ случилось слѣдующее обстоятельство; надо сказать, что Воронцовъ никогда не завтракалъ и потому за обѣдомъ ѣлъ первыя два-три кушанья не только съ аппетитомъ, но почти съ жадностью. Послѣ супа подали одну изъ тѣхъ превосходныхъ рыбъ, какими славится Кавказъ; Воронцовъ положилъ себѣ на тарелку огромный кусокъ рыбы, съѣлъ все спѣшно и жадно, потомъ, черезъ столъ протягивая къ Андреевскому свою тарелку, на которой лежала часть остова съѣденной имъ порціи, проговорилъ совершенно спокойно:

— Чудесная рыба! Хотите попробовать?

Андреевскій поблѣднѣлъ, но не отъ гнѣва, а отъ испуга; онъ мгновенно понялъ, что такой человѣкъ, какъ Воронцовъ, не могъ быть въ своемъ умѣ для того, чтобы сдѣлать кому бы то ни было подобную невѣжливость. Не желая пугать княгиню Воронцову, съ смущеніемъ глядѣвшую на эту ей непонятную сцену, Андреевскій обернулся къ стоявшему позади его дворецкому и быстрымъ шопотомъ приказалъ ему какъ можно скорѣе подавать обѣдъ, такъ какъ князь очень боленъ. Съ этой минуты Андреевскій не сводилъ съ Воронцова глазъ; старикъ остался спокоенъ во все время обѣда, но совершенно измѣнился въ лицѣ и почти ничего не говорилъ; отъ стола его уже повели подъ руки, и онъ опасно заболѣлъ, хотя скоро оправился, но уже замѣтно началъ хилѣть.

Въ началѣ крымской кампаніи, чувствуя себя совершенно больнымъ, Воронцовъ сталъ просить государя позволить ему на короткое время оставить свой постъ, чтобы отдохнуть, собраться съ новыми силами. Слухъ объ этомъ скоро разнесся по Тифлису; одинъ изъ старѣйшихъ и заслуженныхъ грузинскихъ генераловъ, князь Эристовъ, въ мундирѣ и орденахъ явился на слѣдующій день на пріемъ къ Воронцову.

— Правда это, князь?—гнѣвно вопросилъ онъ главнокомандующаго:—правда это, что ты покидаешь насъ теперь?

— Да... да, любезный князь,—улыбаясь и пожимая ему руки, отвѣтилъ Воронцовъ:—я старъ, боленъ, не надѣюсь на себя... боюсь умереть...

— Ну, такъ и умри, и умри!—закричалъ на него Эристовъ:—и умри! но ты русскій солдатъ и не можешь во время войны оставлять свой постъ!

Воронцовъ былъ дѣйствительно русскимъ солдатомъ, и такимъ, какихъ дай Богъ много! Я отъ роду не встрѣчалъ такой холодной и беззаботной храбрости. Сколько разъ мнѣ случалось видѣть Воронцова въ схваткахъ съ горцами. Всюду впереди, онъ отдавалъ приказанія, шутилъ, улыбался и нюхалъ табакъ, точно у себя въ кабинетѣ. Особенно поразилъ онъ меня однажды, когда послѣ не-

значительной перестрѣлки у насъ съ горцами завязалось жаркое дѣло; непріятель нѣсколько разъ окружалъ насъ, мы чуть было не попали въ плѣнъ, потеряли много людей и, наконецъ, подъ вечеръ, изнуренные, грязные, пробывъ цѣлый день подъ градомъ пуль, возвращались въ главную квартиру; по дорогѣ ежеминутно свистѣли пули разсыпавшагося въ кустарникахъ непріятеля. Всѣ, насторожившись, переглядывались и осматривались, одинъ Воронцовъ спокойно ѣхалъ на своей измученной и еле передвигавшей ноги лошади. Надо замѣтить, что ему тогда уже минуло за семьдесятъ лѣтъ, въ тотъ день онъ, какъ и мы, ничего не ѣлъ, не слѣзалъ съ лошади и все время находился на самомъ опасномъ мѣстѣ. Уже совсѣмъ подъѣзжая къ квартирѣ, онъ обернулся, рукой подозвалъ меня къ себѣ, вынулъ изъ кармана табакерку, понюхалъ и съ своей вѣчной улыбкой сказалъ мнѣ:

— А я разскажу Булкѣ (Булкой мы звали мою старшую дочь, Елизавету Владиміровну Сабурову, Воронцовъ ее очень любилъ, ей тогда было лѣтъ пять), а я разскажу Булкѣ, въ какой мы нынче съ вами были передрягѣ, любезный графъ!..

Никто лучше Воронцова не зналъ русскаго солдата, никто выше не цѣнилъ его беззавѣтной храбрости, терпѣливой выносливости, вѣры въ провидѣніе и смиренія; но у него была слабость думать, что русскаго солдата нужно постоянно веселить; иногда мы, служащіе при Воронцовѣ, проклинали это убѣжденіе, такъ какъ, послѣ горячаго ли дѣла, или утомительнаго перехода, едва разоруженные солдаты зажигали костры, чтобы варить кашу, Воронцовъ требовалъ, чтобы пѣсенники начинали пѣть. Вплоть до самой глубокой ночи, пока послѣдній солдатъ, изнуренный трудовымъ днемъ, не засыпалъ, въ лагерѣ раздавались звуки какой нибудь гнусной балалайки, наигрывавшей Ваньку-Таньку, а Воронцовъ у себя въ палаткѣ блаженно улыбался. «Солдатъ тотъ же ребенокъ, его нужно постоянно веселить!—повторялъ онъ: — и потомъ эти пѣсенники, балалайки — что за чудесная музыка!»...

Жена Воронцова, графиня, потомъ свѣтлѣйшая княгиня Елизавета Ксаверьевна, рожденная графиня Браницкая, приходилась, по своей матери, рожденной Энгельгардтъ, внучатной племянницей князю Потемкину, знаменитому свѣтлѣйшему. Она принесла своему мужу огромное состояніе; Воронцовъ, хотя, самъ по себѣ, былъ чрезвычайно богатъ, но нѣсколько разстроилъ свое состояніе, заплативъ, послѣ 1815 года, болѣе полутора милліона рублей ассигнаціями долговъ за офицеровъ окупаціоннаго корпуса, которымъ онъ командовалъ въ Мобёжѣ. Небольшаго роста, тучная, съ чертами нѣсколько крупными и неправильными, княгиня Елизавета Ксаверьевна была, тѣмъ не менѣе, одной изъ привлекательнѣйшихъ женщинъ своего времени. Все ея существо было проникнуто такою мягкою, очаровательною, женственною граціей, такою при-

вѣтливостью, такимъ неукоснительнымъ щегольствомъ, что легко себѣ объяснить, какъ такіе люди, какъ Пушкинъ, герой 1812 года Раевскій и многіе, многіе другіе, безъ памяти влюблялись въ княгиню Воронцову.

Въ 1852 году, единственный сынъ Воронцовыхъ, Семенъ Михайловичъ, командовавшій въ то время Кабардинскимъ полкомъ, женился на Марьѣ Васильевнѣ Столыпиной.

Называя модныхъ петербургскихъ женщинъ сороковыхъ годовъ, я забылъ упомянуть о Марьѣ Васильевнѣ Столыпиной; по своей дружбѣ съ великой княгиней Маріей Николаевной, она играла видную роль въ петербургскомъ большомъ свѣтѣ и была олицетвореніемъ того, что̀ въ тѣ времена называлось львицей. Ея нѣсколько мужественная красота была, тѣмъ не менѣе, очень эффектна. Какъ всѣ ея современницы, Марья Васильевна Столыпина подражала графинѣ Александрѣ Кириловнѣ Воронцовой-Дашковой, но не имѣла ни чарующей граціи Воронцовой-Дашковой, ни ея тонкаго ума. Во всей ея особѣ проглядывало что-то топорное и рѣзкое, до того рѣзкое, что невольно, слушая ее, приходилось удивляться, какъ женщина, прожившая весь свой вѣкъ въ большомъ свѣтѣ и принадлежавшая къ нему и по рожденію, и по воспитанію, такъ безцеремонно относилась ко всѣмъ обычаямъ и пріемамъ этого большаго свѣта. Женитьба Семена Воронцова на вдовѣ Алексѣя Столыпина, разумѣется, не могла соотвѣтствовать желаніямъ стариковъ Воронцовыхъ. Тѣмъ не менѣе, разъ эта свадьба была рѣшена, князь и княгиня Воронцовы со свойственнымъ имъ обоимъ тактомъ «ont fait bonne mine à mauvais jeu» и приняли въ Алупкѣ, гдѣ состоялась эта свадьба, свою будущую невѣстку ласково и родственно. Нельзя сказать, чтобы Марья Васильевна отвѣчала имъ тѣмъ же. Въ отношеніи родителей своего мужа она держалась грубо, подсмѣивалась надъ ихъ будто бы провинціальностью (!) и всячески давала имъ чувствовать, что она русскаго древняго рода, княжна Трубецкая, чуть ли не сдѣлала, по французскому выраженію, «une mésalliance», выйдя замужъ за новопожалованнаго князя,—при этомъ совершенно забывая, впрочемъ, что матушка ея была скромно рожденная Вейсъ. На Кавказѣ, куда мы всѣ возвратились послѣ свадьбы, Марья Васильевна устроила свою жизнь совершенно особнякомъ отъ Воронцовыхъ, что̀ очень огорчало стариковъ. Вмѣсто ихъ патріархальнаго простаго обихода, не смотря на роскошь, ихъ окружающую, въ ея домѣ водворилось вседневное чаепитіе, усиленное куреніе папиросокъ и тотъ фамиліарный и нѣсколько насмѣшливый тонъ, какимъ щеголяютъ нѣкоторыя петербургскія женщины. Тифлисъ начала пятидесятыхъ годовъ вовсе не походилъ на Тифлисъ теперешній; все въ немъ дышало востокомъ, восточной нѣгой, восточной лѣнью, широкимъ восточнымъ гостепріимствомъ и, грѣха таить нечего, восточной нечистотой. Но такая

чудная природа окружала его, такое лучезарное солнце освѣщало его самые сокровенные и некрасивые уголки, что въ немъ весело жилось и дышалось легко.

Князь Михаилъ Семеновичъ обладалъ драгоцѣннымъ для государственнаго человѣка даромъ окружать себя людьми, если не всегда замѣчательными, то способными, трудящимися и добросовѣстными, что̀ во времена Николаевскія, когда всякій служащій человѣкъ считалъ казенное имущество чуть ли не собственнымъ достояніемъ, являлось большою рѣдкостью. Я не говорю, разумѣется, о военныхъ людяхъ, которые, за исключеніемъ нѣсколькихъ скорбныхъ явленій, всегда представляли собою образцы храбрости и чести, но о чинахъ гражданскихъ, сильно понагрѣвшихъ себѣ руки въ предпослѣднія два царствованія.

Изъ людей, окружавшихъ Воронцова, самымъ замѣчательнымъ былъ Николай Андреевичъ Ханыковъ. Человѣкъ ума самаго обширнаго и самаго свѣтлаго, первокласный оріенталистъ и ученый, онъ принесъ своими разслѣдованіями большую пользу нарождающемуся краю и впослѣдствіи пріобрѣлъ своими трудами европейскую извѣстность. Не смотря на свою огромную, нѣсколько слонообразную толщину, Ханыковъ былъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ собесѣдниковъ, какихъ я встрѣчалъ; онъ обладалъ также рѣдкимъ даромъ разсказывать самыя смѣшныя вещи, сохраняя при этомъ самый серьёзный, почти суровый видъ.

Послѣ моей второй женитьбы, я поселился съ женою въ Парижѣ, гдѣ у насъ почти ежедневно къ обѣду или вечеромъ собирался довольно обширный кружокъ русскихъ и иностранцевъ пріятелей. Ханыковъ, Тургеневъ, Григоровичъ, когда онъ бывалъ въ Парижѣ, были нашими усердными завсегдатаями. Однажды, вечеромъ, за чайнымъ столомъ разговоръ, какъ почти всегда, шелъ о Россіи, о ея недугахъ, о ея темныхъ сторонахъ... «Все это такъ,— замѣтилъ Тургеневъ, только-что прочитавшій намъ одинъ изъ своихъ прелестнѣйшихъ разсказцевъ, долженствовавшій войдти въ небольшой томикъ, который онъ намѣревался озаглавить «Стихотворенія въ прозѣ»:—все это такъ, но я повторяю вамъ то, что только-что вамъ прочелъ, я не могу отчаяваться о народѣ, который говоритъ на такомъ богатомъ, сильномъ и звучномъ языкѣ»!..

— Намъ-то онъ дѣйствительно кажется красивымъ и звучнымъ, Иванъ Сергѣевичъ,—спокойно перебилъ Тургенева Ханыковъ:—а подите-ка, иностранное и въ особенности южное ухо онъ рѣжетъ какъ ножомъ. Всякій разъ, какъ при мнѣ рѣчь заходитъ о звучности нашего языка, вспоминаю я вотъ какое обстоятельство: осенью, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, я находился въ Петербургѣ и, какъ-то часу во второмъ дня, шелъ по одной изъ большихъ улицъ, выходящихъ на Невскій проспектъ; погода по обыкновенію стояла прескверная, и я, закутываясь въ пальто отъ рѣзкаго вѣтра, спѣ-

шилъ домой, какъ вдругъ стукъ колесъ экипажа и раздающіеся изъ него крики привлекли мое вниманіе, — я поднялъ голову и увидалъ ѣдущія мнѣ на встрѣчу извозчичьи дрожки; на дрожкахъ сидѣлъ господинъ и во все горло, сильно размахивая руками, оралъ: «Четырнадцать! четырнадцать»! Въ господинѣ этомъ я призналъ знакомаго мнѣ итальянца и, заподозрѣвъ какое нибудь недоразумѣніе, подошелъ къ дрожкамъ. Завидѣвъ меня, мой знакомецъ соскочилъ съ дрожекъ и бросился ко мнѣ.

— Представьте себѣ, что за негодяй этотъ извозчикъ!—началъ онъ жаловаться мнѣ:—вотъ два часа, что онъ возитъ меня по городу, издѣвается надо мною! Я, какъ вы знаете, ни слова не знаю порусски, но, къ счастью, сегодня при мнѣ мой корридорный нѣсколько разъ произнесъ слово—четырррнадцать; я тотчасъ же догадался, что такое чудовищное созвучіе должно обозначать страшное ругательство и раздосадованный принялся кричать это слово, а онъ, извозчикъ,—что̀ бы вы думали?—смѣется и на каждой улицѣ останавливается и указываетъ мнѣ на домъ, и ухмыляется, точно спрашивая меня, тутъ ли дескать?!..

Я, разумѣется, тотчасъ же объяснилъ итальянцу, что онъ ошибается, что слово четырнадцать вовсе не обозначаетъ ругательства, а число «quatorze», «quatordici». Онъ, весьма добрый малый, отъ души расхохотался. И мы всѣ, разумѣется, разсмѣялись.

— Все это такъ,—въ свою очередь, замѣтилъ Тургеневъ:—но я, грѣшный человѣкъ, каюсь, что хотя и живу въ Европѣ, и люблю ее, и удивляюсь ей, и сочувствую, но люблю побаловать себя иногда русскимъ словцомъ. Никогда не забуду я маленькаго происшествія, случившагося со мною по этому поводу въ Лондонѣ. Знакомецъ мой, Жемчужниковъ, пригласилъ меня съ нимъ пообѣдать. Какъ извѣстно, въ Лондонѣ не только холостяки, но часто и женатые люди, не имѣя достаточно щегольской обстановки или просто не желая стѣснять свою семью, приглашаютъ своихъ пріятелей отобѣдать съ ними въ ихъ клубѣ. Итакъ, Жемчужниковъ пригласилъ меня въ одинъ изъ высокотонныхъ клубовъ, гдѣ онъ числился членомъ. Въ каждомъ изъ такихъ клубовъ имѣется особая столовая, называемая «столовая для гостей». Въ назначенный часъ, мы оба съ Жемчужниковымъ во фракахъ и бѣлыхъ галстухахъ (иначе насъ бы не впустили, такъ какъ въ этихъ заведеніяхъ, какъ и вообще, впрочемъ, въ Лондонѣ, этикетъ соблюдается самый строгій) усѣлись у небольшаго приготовленнаго для насъ столика въ «столовой для гостей». Уже съ передней меня обдало холодомъ подавляющей торжественности этого дома. Едва мы съ Жемчужниковымъ усѣлись, какъ вокругъ насъ принялись священнодѣйствовать,—другаго слова я употребить не могу,—три дворецкихъ, гораздо болѣе, разумѣется, походившихъ на членовъ палаты лордовъ, чѣмъ на дворецкихъ.

— Я васъ долженъ предупредить, любезный Иванъ Сергѣевичъ,— сказалъ мнѣ Жемчужниковъ, разворачивая свою салфетку: — что вамъ подадутъ обѣдъ дня, я же, увы, буду, какъ всегда, ѣсть свои бараньи котлеты, такъ какъ желудокъ мой уже ничего болѣе варить не можетъ!—Такъ и случилось. Одинъ изъ важныхъ дворецкихъ, безшумно двигаясь на гуттаперчевыхъ подошвахъ своихъ лакированныхъ башмаковъ, внесъ въ столовую серебряную суповую чашу и передалъ ее другому; этотъ другой, въ свою очередь, подалъ ее третьему, и уже этотъ третій — самый важный — поставилъ ее передо мной. Затѣмъ съ тѣмъ же церемоніаломъ появилось подъ серебряннымъ колпакомъ серебрянное же блюдо, и нѣтъ словъ на человѣческомъ языкѣ, чтобы выразить, съ какою торжественностью самый важный дворецкій поставилъ его передъ Жемчужниковымъ и какими-то особенными носовыми звуками произнесъ: «First cotlett».

Жемчужниковъ ткнулъ вилкой въ одинокую котлетку, лежавшую на блюдѣ, и принялся ее кушать. Затѣмъ мнѣ подали рыбу, а Жемчужникову на второмъ блюдѣ и подъ такимъ же колпакомъ—опять баранью котлету, и дворецкій такъ же величественно произнесъ: «second cotlett». Я чувствовалъ, что у меня по спинѣ начинаютъ ходить мурашки; эта роскошная зала, мрачная, не смотря на большое освѣщеніе, эти люди, точно деревянныя тѣни, снующіе вокругъ насъ, весь этотъ обиходъ начиналъ выводить меня изъ терпѣнія. Къ тому же, въ залѣ, кромѣ насъ, обѣдало всего два какихъ-то джентельмена, имѣвшихъ видъ еще болѣе одеревенѣлый, если возможно, чѣмъ все насъ окружавшее; такъ что, когда послѣ рыбы передо мной появился кровяной ростбифъ, а Жемчужникову опять преподнесли новую котлету, о которой дворецкій возвѣстилъ: «third cotlett», мною вдругъ обуяло какое-то изступленіе; что есть мочи я ударилъ объ столъ кулакомъ и принялся какъ сумасшедшій кричать: Рѣдька! Тыква! Кобыла! Рѣпа! Баба! Каша! Каша!!

— Иванъ Сергѣевичъ? Что съ вами? Что это вы?! — съ испугомъ воскликнулъ Жемчужниковъ.

Онъ подумалъ, что я лишился разсудка.

— Мочи моей нѣтъ! — отвѣтилъ ему я: — душитъ меня здѣсь, душитъ!.. Я долженъ себя русскими словами успокоить!

Я подумалъ, что меня выгонятъ, но меня не выгнали; только Жемчужникову моя выходка сильно не понравилась, и на оледенѣлыхъ лицахъ слугъ появилось выраженіе какого-то сумрачнаго удивленія. Джентльмены моего пассажа не замѣтили, они уже молча занимались джиномъ.

Кто близко зналъ Тургенева, его неисчерпаемое добродушіе, его терпѣніе, его безукоризненную благовоспитанность, тотъ не можетъ себѣ вообразить его «бившимъ стекла», и мы много всѣ смѣялись его разсказу.

Но я, какъ всегда, отвлекся отъ Кавказа. Итакъ, при Воронцовѣ, кромѣ Ханыкова, находились два ученые инженера, братья Иваницкіе, изъ которыхъ одного называли «серебряный», а другаго «золотой». Бартоломей, Иванъ Өедоровичъ Золотаревъ, Апполонъ Скальковскій, князь Голицынъ, князь Гагаринъ и многіе, многіе другіе—всѣ по мѣрѣ своихъ силъ и способностей, поощряемые начальникомъ, понимающимъ дѣло (чтò, увы, не всегда случается), работали на пользу чуднаго края. Съ своей стороны войско творило чудеса. Мнѣ много разъ случалось уже и говорить, и писать, что если есть въ мірѣ что нибудь выше русскаго солдата, это—солдатъ кавказецъ: какъ онъ весело идетъ на бой, отважно дерется, просто умираетъ! Но при Воронцовѣ, кромѣ этого всегда необычайнаго духа въ русскомъ войскѣ, царила также, если можно такъ выразиться, всеобщая семейственность. Отъ самаго обнищавшаго туземца до горделивой княгини, ведущей свой родъ отъ царя Давида, всѣ невольно покорялись воронцовской обаятельности и умѣнію приласкать и покорить людей. Онъ понималъ руссофикацію не въ грубомъ насиліи, а въ ея настоящей силѣ. Общество русское, хотя тогда еще небольшое, было, тѣмъ не менѣе, въ Тифлисѣ избранное; общество туземное, какъ я уже сказалъ выше, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе примыкало къ нему. Въ послѣдній разъ, когда я былъ на Кавказѣ, я не узналъ его. Безъ сомнѣнія, страна во многомъ выиграла. Августѣйшій намѣстникъ великій князь Михаилъ Николаевичъ, стоя такъ близко къ трону, могъ болѣе чѣмъ кто нибудь другой способствовать развитію благосостоянія ввѣреннаго его управленію края, но той задушевности, того простодушія, того яркаго восточнаго колорита, чтò было при Воронцовѣ, я уже не нашелъ. Въ краѣ,—я позволю себѣ такъ выразиться,—уже завоняло Петербургомъ. Одна высокопоставленная особа попросила меня написать что нибудь въ ея альбомъ. Съ моей обычной оплошностью и подъ впечатлѣніемъ того, что мнѣ казалось, я настрочилъ слѣдующее четверостишіе:

«Не смѣю выразить я въ слухъ,
Но миръ войны не замѣняетъ:
Здѣсь прежде былъ свободы духъ,
Теперь... чиновникомъ воняетъ»...

Тѣмъ не менѣе я долженъ сказать, что этотъ послѣдній разъ, когда я былъ на Кавказѣ, въ 1871 году, оставилъ во мнѣ воспоминанія неизгладимыя. Въ тотъ годъ государь, въ сопровожденіи своихъ августѣйшихъ сыновей: наслѣдника цесаревича и великаго князя Владиміра Александровича, посѣтилъ Кавказъ. Разумѣется, по этому случаю во всемъ краѣ устроивались празднества и увеселенія. Когда я пріѣхалъ въ Кутаисъ, жена тамошняго военнаго губернатора, графиня Левашева, рожденная графиня Панина, обратилась ко мнѣ съ просьбою устроить въ Кутаисѣ торжественный

праздникъ въ честь царственнаго гостя. У меня тотчасъ же родилась мысль возобновить въ маломъ видѣ то, что я видѣлъ въ Каирѣ въ 1869 году по случаю открытія Суэзскаго канала въ честь императрицы Евгеніи и императора Франца-Іосифа австрійскаго, придавъ празднику мѣстный колоритъ, джигитовку, лезгинку, русскіе хороводы и т. д. Къ назначенному дню все оказалось готовымъ и обѣщало быть интереснымъ, но проливной дождь, увы, помѣшалъ осуществленію этихъ приготовленій; за то вторая часть праздника, т. е. живыя картины и балъ, вполнѣ удалась. Къ этому случаю я, какъ всегда, долженъ былъ написать стихи; мнѣ не удалось прочесть ихъ, какъ предполагалось, государю, въ присутствіи ликующаго народа; но, узнавъ отъ графа А. В. Адлерберга о томъ, что я написалъ стихотвореніе, государь съ своей обычной благосклонностью позвалъ меня въ одну изъ примыкавшихъ къ танцовальной залѣ гостиныхъ и въ присутствіи двухъ-трехъ приближенныхъ заставилъ меня прочесть стихи. Вотъ они; сколько помнится, они нигдѣ не были напечатаны:

«Съ временъ, давнымъ давно отжитыхъ,
Преданьемъ Иверской земли,
Отъ нашихъ предковъ знаменитыхъ,
Одно мы слово сберегли;
Въ немъ нашей удали начало,
Преданье счастья и бѣды,
Оно всегда у насъ звучало:
Аллаверды!»...

«Аллаверды—«Господь съ тобою»,
Вотъ слову смыслъ, и съ нимъ не разъ
Готовился отважно къ бою
Войной взволнованный Кавказъ;
Ходили всѣ мы къ схваткамъ новымъ,
Не дожидаясь череды.
Хвала умершимъ... а здоровымъ —
Аллаверды!»

«Когда, досугъ кавказскій тѣша,
Просторъ давая бурдюкамъ,
Въ кружкѣ усердномъ азарпеша
Гуляетъ звонко по рукамъ,
Неугомонно ходитъ чаша
И вплоть до утренней звѣзды
Несется голосъ Тулумбаша:
Аллаверды!»

«Одной природой мы богаты,
У насъ подъ тѣнью каждой хаты
Есть уголокъ для кунака,
Намъ каждый гость дарованъ Богомъ,

Какой бы ни былъ онъ среды,
Хотя бы въ рубищѣ убогомъ...
Аллаверды! мой другъ, Аллаверды!»...

«Но если гость—отецъ державный,—
Земному солнцу кто не радъ!—
Подымутся на пиръ заздравный
Эльбрусъ, Казбекъ и Араратъ
И грохнетъ дружно всѣмъ Кавказомъ
На всѣ нарѣчья, всѣ лады
Одной душой, единымъ разомъ —
Аллаверды!»

«Ты осѣнилъ насъ благодатью,
Дѣтей и женъ ты нашихъ спасъ,
Ты помнилъ и меньшую братью,
Ты къ просвѣщенью двинулъ насъ,—
Благословенъ же будь судьбою,
Тобой мы сильны и горды,
Великій царь, Господь съ тобою!
Аллаверды!»

Эти стихи хотя и грѣшили во многомъ по формѣ, но такъ соотвѣтствовали существовавшему восторженному настроенію въ отношеніи государя, что въ Тифлисѣ, послѣ повторенія уже на театрѣ представленныхъ въ первый разъ въ Кутаисѣ живыхъ картинъ и даже уже послѣ отъѣзда государя, прочтенныя въ заключеніи представленія въ присутствіи великаго князя Михаила Николаевича, они доставили мнѣ едва ли не величайшую овацію, какой я былъ героемъ. Безъ сердечной благодарности, безъ трогательнаго умиленія не могу вспомнить поздравленій искреннихъ моихъ старыхъ сослуживцевъ, моихъ дорогихъ товарищей. Надо сказать, что если я всегда беззавѣтно любилъ Кавказъ, мнѣ тамъ отвѣчали такой же дружбой, и я этимъ тѣмъ болѣе дорожилъ, что въ жизни я былъ мало въ этомъ случаѣ избалованъ взаимностью и что часто люди, которыхъ я болѣе всѣхъ любилъ, менѣе другихъ отвѣчали мнѣ тѣмъ же. Въ этомъ 1871 году, за нѣсколько дней до моего отъѣзда изъ Тифлиса, мои прежніе сослуживцы—Воронцовы—устроили въ мою честь ужинъ. Ужинъ этотъ отпраздновался, какъ водится вездѣ, и въ особенности на Кавказѣ, самымъ радушнымъ образомъ и съ такою задушевностью, точно мои старые друзья чувствовали, что мы всѣ тамъ собрались вмѣстѣ въ послѣдній разъ. Въ срединѣ ужина старѣйшій изъ нашихъ собесѣдниковъ, заслуженный князь Орбеліани, поднялъ бокалъ за мое здоровье, прибавивъ по этому поводу нѣсколько очень лестныхъ для меня словъ.

— Нѣтъ, друзья мои, нѣтъ, дорогіе мои товарищи!—отвѣтилъ я, вставая:—ничего я здѣсь не сдѣлалъ; вы счастливѣе меня, вы ра-

ботали для края, вы, если я могу такъ выразиться, «везли въ корню, а я скакалъ на пристяжкѣ»! Эта шутка была, тѣмъ не менѣе, горькой истиной всей моей жизни. Я имѣлъ слабость всегда воображать, что въ Россіи можно служить, не переставая писать. На дѣлѣ же оказалось, что я не исполнилъ ни того ни другаго. Собраты мои, литераторы, говорили: «Помилуйте, какой же онъ писатель? Онъ царедворецъ, онъ чиновникъ»... Въ то же время мои начальники и сослуживцы не допускали мысли смотрѣть серьёзно на человѣка, пишущаго комедіи и повѣсти.

Зиму Воронцовы проводили, разумѣется, въ Тифлисѣ, на лѣто переселялись въ Боржомъ, осенью проживали въ воздвигнутой княземъ Михаиломъ Семеновичемъ царственной Алупкѣ. За ними всюду слѣдовалъ ихъ маленькій дворикъ; но въ Алупкѣ къ обществу кавказскому еще присоединялось нѣсколько одесситовъ: г-жа Полянская, которая, никогда не бывши красивой, исполняла всю свою жизнь роль хорошенькой женщины, ученый южанинъ Мурзакевичъ, сынъ разбогатѣвшаго одесскаго негоціанта, Григорій Григорьевичъ Маразли, одинъ изъ самыхъ любезныхъ и благовоспитанныхъ людей, какихъ я встрѣчалъ, семейство Фонтонъ, Голицыны и другіе.

Съ первымъ выстрѣломъ крымской войны я перевезъ свою семью обратно въ Россію, а самъ опять возвратился на Кавказъ. Но блестящимъ образомъ начавшаяся кампанія тяжело кончилась для Россіи. Сто разъ, я думаю, въ жизни мнѣ приходилось упоминать, писавши о крымской войнѣ, и всякій разъ я не могу себя преодолѣть, чтобы не высказать того восторженнаго впечатлѣнія, какое вселили въ родинѣ неизгладимо на вѣки подвиги кавказской арміи и севастопольскихъ героевъ. Въ 1877 году, я близко видѣлъ войну еще болѣе кровопролитную и еще менѣе нужную. Наши войска, какъ всегда, и тутъ совершали чудеса, мы вышли побѣдителями, но того воспоминанія, отраднаго и гордаго, какое осталось послѣ паденія Севастополя, я не встрѣчалъ ни въ комъ; правда, берлинскій трактатъ этому много содѣйствовалъ, да и «добрый» сосѣдъ нашъ, Германія, тогда нами не помыкалъ, а, напротивъ, въ насъ заискивалъ.

VIII.

Воцареніе императора Александра Николаевича.—Коронація.—Герцогъ де-Морни.—Поѣздка моя за границу для осмотра иностранныхъ театровъ по порученію министра двора.—Знакомство съ Россини.—Завтракъ у него.—Г-жа Ѳедоръ Минвіель.—Необычайный концертъ.—Свиданіе съ Александромъ Дюма-отцомъ.—Его обѣды и собиравшееся на нихъ общество.—Александръ Дюма-сынъ и его отношенія къ отцу.—Вечера русской княгини.—Жоржъ Зандъ.—Ея связь съ Жюлемъ Сандо.—Фредерикъ Леметръ.—Генрихъ Мюржеръ.—Парижская гризетка того времени—Jardin Bullier.—Эдмондъ Абу.—Принцесса Матильда.—Г-жа Калерджи.—Баденскіе сезоны.—Мейерберъ.—Анекдотъ про Вольтера и Пирона.—Знакомство съ Скрибомъ.—Оберъ.—Анекдоты про него.

Съ воцареніемъ императора Александра II точно чѣмъ-то свѣтлымъ повѣяло на Россію. Въ обществѣ и даже въ народѣ стали громко говорить о великихъ преобразованіяхъ, завѣщанныхъ императоромъ Николаемъ своему преемнику. Молодой императоръ въ воображеніи народномъ представлялся полубогомъ, отъ котораго ожидались милость и свѣтъ. Коронація ихъ величествъ, императора Александра Николаевича и императрицы Маріи Александровны, состоялась въ Москвѣ 26 августа 1856 года съ обычнымъ церемоніаломъ и пышностью. Я долженъ былъ нести на ней двойную службу: придворную, въ качествѣ каммергера, и потомъ на меня была также возложена обязанность описать, какъ историографъ, торжество коронаціи. Но семейный трауръ помѣшалъ мнѣ оффиціально присутствовать на церемоніи: тесть мой, графъ Віельгорскій, скончался наканунѣ дня коронаціи. О празднествахъ придворныхъ, данныхъ въ то время въ Москвѣ, трудно сказать что нибудь новое: они, какъ всегда, своимъ великолѣпіемъ и изяществомъ превосходили все, что можетъ себѣ представить воображеніе. Но и чрезвычайные послы, аккредитованные для этого торжества европейскими дворами, соперничали между собою роскошью баснословной. Особенно между ними отличался чрезвычайный посолъ отъ французскаго двора, побочный братъ императора Наполеона III, герцогъ де-Морни, впрочемъ, кажется, бывшій въ то время еще графомъ. Человѣкъ ума самаго обширнаго и самаго тонкаго, обладавшій самой изящной, безукоризненной свѣтскостью, рѣдкимъ самообладаніемъ и мѣрой во всемъ, де-Морни былъ, безъ сомнѣнія, замѣчательнѣйшимъ изъ людей, окружавшихъ императора Наполеона III. Проживая во время изгнанія послѣдняго (извѣстно, что принцъ Людовикъ Наполеонъ, впослѣдствіи императоръ, послѣ двойнаго неудачнаго возстанія былъ заточенъ въ крѣпость,— изъ которой впрочемъ бѣжалъ,—и изгнанъ изъ Франціи) въ Парижѣ, де-Морни съ другими приверженцами принца, Персиньи, Флёри и т. д., осторожно подготовлялъ новое возвращеніе принца, состоявшееся въ

1848 году и имѣвшее, какъ извѣстно, самыя блестящія для принца и его друзей послѣдствія. Авантюристъ по случаю, государственный человѣкъ по призванію, де-Морни во все время, что находился вліятельнѣйшимъ лицомъ наполеоновскаго правительства, служилъ если не всегда добросовѣстно, то всегда усердно своему государю. Никто лучше его не зналъ людскихъ слабостей, никто ловче его ими не пользовался. Во Франціи уже создалось повѣрье, что съ его смертью, послѣдовавшей въ 1864 году, звѣзда царствованія Наполеона III стала блекнуть. Его посольство на коронаціи императора Александра Николаевича имѣло также большое вліяніе и на его судьбу; такъ вскорѣ послѣ коронаціи онъ женился на русской княжнѣ Трубецкой, родной племянницѣ княгини Маріи Васильевны Воронцовой.

По окончаніи коронаціи, министръ императорскаго двора графъ Владиміръ Ѳедоровичъ Адлербергъ, желая ввести нѣкоторыя измѣненія и реформы въ управленіе императорскихъ театровъ, возложилъ на меня порученіе осмотрѣть и ознакомиться съ управленіями большихъ иностранныхъ театровъ въ Вѣнѣ, Лондонѣ, Берлинѣ и Парижѣ. Я сперва отправился въ Парижъ и, прежде чѣмъ начать изучать театральное управленіе, рѣшилъ, что сперва мнѣ нужно познакомиться съ главными въ нихъ дѣятелями, т. е. драматическими писателями и композиторами. A tout seigneur tout honneur—я началъ съ Россини. Уже того было достаточно, что я—зять графа Віельгорскаго, съ которымъ Россини впродолженіе всей жизни находился въ особенной дружбѣ, чтобы онъ меня принялъ, что называется, съ распростертыми объятіями. Меня совершенно очаровалъ его блестящій умъ и рѣдкая въ такомъ старикѣ, нѣсколько подтрунивающая надъ всѣми, веселость; память его тогда замѣчательно сохранилась.

— Любезный графъ,—обратился ко мнѣ Россини, когда я, просидѣвъ около часа, всталъ и началъ съ нимъ прощаться: — скажите мнѣ, любите ли вы макароны?

— Да, очень люблю, — отвѣтилъ я, нѣсколько озадаченный этимъ вопросомъ «à brûle pourpoint».

— Ну, такъ пріѣзжайте завтра со мною пообѣдать; я васъ попотчую такими макаронами, какихъ вы отъ роду не ѣдали; я приготовляю ихъ самъ, и потомъ вы послушаете пѣніе такой пѣвицы, какихъ болѣе нѣтъ въ Европѣ!..

Я, разумѣется, съ благодарностью принялъ приглашеніе и съ нетерпѣніемъ сталъ дожидаться будущаго вечера. Если мысль покушать макаронъ, приправленныхъ знаменитой рукой, начертавшей безсмертныя страницы «Вильгельма Теля» и «Севильскаго цирюльника», льстила моему самолюбію, любопытство мое было сильно затронуто обѣщаніемъ маэстро дать мнѣ возможность послушать пѣніе какой-то невѣдомой мною пѣвицы. За нѣсколько минутъ до

назначеннаго мнѣ хозяиномъ часа, я звонилъ уже у его крыльца. Я нашелъ Россини, какъ и наканунѣ, живымъ, любезнымъ, улыбающимся. На немъ былъ надѣтъ просторный черный фракъ, а шею его плотно обхватывалъ старомодный бѣлый жабô съ огромнымъ бантомъ. Лицомъ, походкой, ростомъ, онъ необыкновенно походилъ на моего тестя — своего друга, графа Віельгорскаго; даже его рыжеватый парикъ казался мнѣ точно снятымъ съ головы Віельгорскаго. Поздоровавшись со мною, Россини подвелъ меня къ дивану, съ котораго навстрѣчу мнѣ привстало самое фантастическое существо. То была старушка лѣтъ за семьдесятъ, въ розовомъ шелковомъ платьѣ и съ букетомъ свѣжихъ розъ, приколотыхъ къ ея полуобнаженной, шафраннаго цвѣта, совершенно высохшей груди. Съ своимъ сильно набѣленнымъ и нарумяненнымъ лицомъ, густо наведенными сурьмою бровями и сѣдыми въ крутые завитки причесанными волосами, старушка необычайно походила на старинную саксонскую или севрскую статуетку.

— Madame Fedor Minvièlle! — торжественно провозгласилъ Россини почтительно наклоняя голову, передъ старушкой: — c'est tout dire n'est ce pas?

Я поклонился, согнулся, уничтожился, но, грѣха таить нечего, сильно разочаровался...

Я зналъ, что г-жа Θедоръ Минвіель была знаменитѣйшею европейской пѣвицей, но... въ началѣ нынѣшняго столѣтія, чуть ли даже не въ концѣ прошлаго! Я съ ужасомъ себя мысленно спросилъ, неужели эта старая развалина станетъ пѣть?.. Сначала мы пообѣдали и пообѣдали прекрасно, макароны оказались дѣйствительно восхитительными, и Россини съ большимъ удовольствіемъ выслушивалъ мои искреннія похвалы; въ эту минуту, я увѣренъ, онъ гораздо болѣе гордился удавшимся имъ самимъ свареннымъ блюдомъ, чѣмъ увертюрой оперы «Семирамиды». Кофе мы пили въ гостинной, но курить г-жа Θедоръ мнѣ не разрѣшила; по старой памяти, она терпѣть не могла табачнаго дыма. Но пріятнымъ разговоромъ мы послѣ обѣда занимались недолго; Россини всталъ и, весело подмигнувъ устарѣлой пѣвицѣ, промолвилъ:

— Eh bien, ma petite, au piano!

Надо замѣтить, что, не смотря на то, что г-жа Θедоръ Минвіель была чуть ли не старше самого Россини годами, онъ говорилъ ей «ты» и обращался съ нею какъ съ молоденькой дѣвочкой. Розовая развалина жеманно встала и подошла къ роялю.

— Du Cherubini n'est ce pas? — какъ-то сообщнически ей кивая, вопросилъ ее престарѣлый маэстро.

— Mais non, mais non, ваше что нибудь, ваше, — любезно отвѣчала пѣвица, обмахиваясь вѣеромъ.

Но Россини таки настоялъ на своемъ и проигралъ ритурнель одной изъ извѣстнѣйшихъ Шерюбиніевскихъ арій. Я усѣлся въ

кресло противъ рояля и не сводилъ глазъ съ нихъ обоихъ все время, что она пѣла. Пѣніемъ собственно нельзя и назвать тѣ звуки, что̀ она, силясь, издавала, а скорѣе дребезжаніемъ разбитой арфы, хотя метода пѣть, не смотря на карикатурность пріемовъ, осталась замѣчательной. Глядя на эти два существа съ такимъ лучезарнымъ прошедшимъ, онъ — воплощеніе геніальнаго творчества, она—покорявшая всѣхъ силой своего громаднаго таланта, мнѣ становилась и страшно, и смѣшно, но въ особенности умилительно. Какая беззавѣтная любовь къ искусству въ этихъ людяхъ! Стоило только затронуть эту струну, дрожавшую въ нихъ такъ звонко всю жизнь, или, скорѣе, бывшей настоящей жизнью ихъ жизни, и они точно перерождались, молодѣли и почтительно, и любовно служили ей.

Я не могъ отвести глазъ отъ одеревенѣлыхъ пальцевъ Россини, который старательно выдѣлывалъ на клавишахъ трудный аккомпанементъ. Съ своей стороны, г-жа Fédor прилагала всѣ свои силы, не прощая себѣ ни одной трели, ни одной фіоритуры. И они дѣлали все это вовсе не для меня, совершенно чуждаго имъ человѣка, а потому, что въ плоть и кровь имъ вошла любовь къ искусству, уваженіе и обожаніе къ нему. Изрѣдка Россини прерывалъ устарѣлую пѣвицу восклицаніями: «très bien, ma petite! divinement rendue cette delicieuse phrase! quelle grâce charmante, quelle morbidezza! est-il enlevé ce la bémol?» Я поздно уѣхалъ отъ знаменитаго маэстро и на жизнь вынесъ отъ проведеннаго тамъ вечера неизгладимое впечатлѣніе.

На слѣдующій послѣ того день, я пошелъ къ Александру Дюма̀ (отцу). Впродолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ Дюма̀ возбуждалъ не только въ своей родинѣ, во Франціи, но и во всей Европѣ всеобщее любопытство и удивленіе, во-первыхъ, своими сочиненіями, бывшими въ необыкновенной модѣ, во-вторыхъ, своимъ блистательнымъ остроуміемъ, оригинальными выходками, безумными издержками и въ особенности своей неистощимой добротой. Годами онъ жилъ окруженный неслыханной, чисто восточной роскошью и съ этимъ вмѣстѣ часто не имѣлъ двадцати франковъ у себя въ карманѣ.

Въ то время онъ проживалъ въ своемъ домѣ, rue Amsterdam, но чуть ли не наканунѣ кредиторы вынесли изъ него всю мебель. На мой звонокъ у крыльца мнѣ отворила служанка и ввела меня въ совершенно пустую переднюю. Освѣдомившись, дома ли Дюма̀, я себя назвалъ и попросилъ служанку доложить обо мнѣ писателю.

— Взойдите, любезный графъ, — закричалъ съ верху лѣстницы звучный, густой голосъ: — мнѣ такъ много наговорили о васъ дурнаго, что я уже заранѣе васъ полюбилъ. (Entrez, mon cher comte, on m'a dit tant de mal de vous que je vous aime déjà!).

Я поднялся по красивой, но довольно дурно выметенной лѣст-

ницѣ на второй этажъ. Вбитые на стѣнѣ и вокругъ оконъ крупные гвозди свидѣтельствовали объ украшавшихъ передъ тѣмъ помѣщеніе картинахъ и занавѣскахъ. Навстрѣчу мнѣ изъ комнаты, служившей ему кабинетомъ, вышелъ Дюма̀. Весь его костюмъ состоялъ изъ длинной ночной бѣлой холстяной рубахи съ широко прорѣзаннымъ воротомъ, носковъ и вышитыхъ гарусомъ туфель. Онъ дружелюбно меня привѣтствовалъ и усадилъ въ одно изъ четырехъ уцѣлѣвшихъ креселъ, украшавшихъ его кабинетъ, а самъ сѣлъ на свое мѣсто у письменнаго стола, заваленнаго кипою исписанныхъ особенно большаго формата бѣлыхъ листовъ. Мы разговорились. Дюма̀ замѣчательно говорилъ и въ особенности разсказывалъ. Наружность его совершенно соотвѣтствовала и его таланту, и его нраву. Ростомъ очень высокій, довольно тучный, съ толстой бычачьей шеей, лицо его неправильное и некрасивое, съ крупными и нѣсколько плоскими чертами, было, тѣмъ не менѣе, особенно привлекательно. Небольшіе глаза искрились тонкимъ остроуміемъ, но... глубины въ нихъ искать не слѣдовало. Такъ какъ у насъ было много общихъ интересовъ, множество общихъ знакомыхъ, и даже характерами мы во многомъ сходились съ Дюма̀, то мы скоро подружились и стали видѣться очень часто. Дюма̀ очень любилъ принимать и въ особенности задавать хорошіе обѣды. Иногда эти обѣды давались въ самой роскошной обстановкѣ, иногда случалось и такъ, что одному изъ гостей не доставало стула, но бѣлье столовое, серебро, посуда, стекло отличались безукоризненностью. Дюма̀ очень гордился своимъ умѣніемъ превосходно приготовлять разныя тонкія кушанья и почти за каждымъ изъ такихъ обѣдовъ подавались два-три блюда, изготовленныя самимъ хозяиномъ. Гости къ къ этимъ кухоннымъ торжествамъ собирались самые разношерстные; добродушіе и гостепріимство Дюма вошли въ пословицу, но надо также признаться, что къ этимъ качествамъ его примѣшивалась такая беззаботность и нравственная неряшливость, что въ домѣ у него въ сообществѣ съ людьми самыми знаменитыми и самыми почтенными случалось почти всегда встрѣтить личностей очень темныхъ и недоброкачественныхъ. Такъ, напримѣръ, рядомъ съ однимъ изъ такихъ талантливыхъ и остроумѣйшихъ французскихъ писателей того времени, какъ Генрихомъ Монье (Henri Monnies), создавшимъ безсмертный типъ «Прюдомма», можно было улицезрѣть начинавшаго въ это время свою карьеру весьма гаденькаго жиденка Альберта Вольфа; правда, теперь онъ оперился и даже очень, но тогда выглядывалъ очень мизерно. Часто сидящимъ подлѣ прелестнѣйшаго поэта Генриха Мюржера, автора извѣстной комедіи «La vie de Bohême», случалось видѣть какого нибудь прогорѣвшаго биржевика съ грязнымъ прошедшимъ и темноватымъ будущимъ; тутъ вертѣлись и разныя искательницы приключеній, и устарѣлыя провинціальныя актрисы, хотя тутъ появлялись также и талантливыя

писательницы и даже свѣтскія женщины, интересующіяся на «это все» посмотрѣть. Тѣмъ не менѣе, эти сборища являлись въ высшей степени интересными; точно ракеты вспыхивали остроумныя замѣчанія, колкія словечки, веселыя шутки, но и также тонкія наблюденія, глубокое знаніе жизни и строгая оцѣнка искусства. Сынъ Дюма̀, Alexandre Dumas-fils, уже съ своей стороны заслужилъ тогда извѣстность своимъ романомъ «La Dame aux camélias», надѣлавшимъ въ свое время много шума. Наружностью онъ много напоминалъ отца, но нравственно ни въ чемъ не походилъ на него. Сдержанный до скрытности, осторожный и серьёзный, онъ рано понялъ, что въ наше время ловко поднесенная публикѣ литература является отличнымъ способомъ наживать большія деньги. Къ отцу своему въ то время, что я его зналъ, онъ относился почти-что враждебно: онъ не могъ ему простить, во-первыхъ, нажитые и прожитые имъ милліоны, во-вторыхъ, незаконность своего рожденія, хотя отецъ усыновилъ его еще съ его дѣтства. Онъ холодно обращался съ лизоблюдами отца, насмѣшливо отзывался обо всемъ его обиходѣ, что̀ не мѣшало ему, однако, просиживая у отца, постоянно имѣть маленькую книжечку въ карманѣ, въ которую онъ тщательно вписывалъ каждое мѣткое слово, каждое удачное замѣчаніе.

Съ своей стороны, напротивъ, Дюма̀ очень любилъ своего сына и только иногда, увлекаясь своей привычкой острить, подшучивалъ и надъ сыномъ. Самъ сынъ его мнѣ разсказывалъ, что, идучи однажды по улицѣ съ отцомъ, онъ напомнилъ ему, что они забыли побывать съ нимъ у нотаріуса по одному очень нужному дѣлу.

— C'est vrai, comme nous sommes bêtes! (Это правда, какъ мы глупы!),—воскликнулъ Дюма̀.

— Parlez en singulier! (Говорите въ единственномъ числѣ!),—замѣтилъ ему сынъ.

— C'est vrai, comme «tu es bête!» (Это правда, какъ ты глупъ!).

Въ то время Дюма̀-сынъ былъ высокій, статный юноша, самоувѣренный и смѣлый. Какъ и отецъ его, онъ пользовался большими успѣхами у женщинъ, съ тою только разницею, что отецъ, съ свойственной ему невоздержностью языка, всѣмъ разсказывалъ о своихъ «побѣдахъ», сынъ довольствовался только компрометировать отличавшихъ его дамъ, но никогда не говорилъ о своихъ успѣхахъ. Наши прелестныя соотечественницы, россійскія дамы, особенно благоволили къ обоимъ Дюма̀. Въ то время, когда я познакомился съ Дюма̀, онъ усердно посѣщалъ салонъ одной русской княгини и, какъ кажется, пользовался ея благорасположеніемъ вполнѣ. Дама эта имѣла слабость, впрочемъ, привычную многимъ русскимъ барынямъ, проживающимъ за границей, собирать у себя разнаго рода знаменитостей; правда, какъ это часто случается, между этими знаменитостями часто попадались люди, вовсе не заслуживающіе этого величанія, и вообще сборища эти носили какой-то смѣшан-

ный отпечатокъ литературно-художественно-свѣтскій, утомительно отзывавшійся на присутствующихъ. Я, грѣха таить нечего, чрезвычайно тяготился этими вечерами и, хотя съиздавна, еще съ Петербурга, находился въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ хозяйкой, избѣгалъ посѣщать ихъ; но иногда, всетаки, приходилось туда появляться на часъ-другой. Однажды, мы условились съ Дюма̀ туда отправиться, но передъ самымъ вечеромъ у меня сильно разболѣлась голова, и я, написавъ княгинѣ записку, наполненную извиненіями и сожалѣніями, улегся въ постель и принялся читать только-что появившійся тогда едва ли не лучшій романъ Edmond'a About «Germaine». Какъ всегда, я увлекся чтеніемъ, и было уже сильно за полночь, какъ въ передней у меня раздался неожиданно звонокъ.

Человѣкъ мой поспѣшилъ отворить, и тотчасъ же, безъ доклада, въ комнату ко мнѣ явился Дюма̀, во фракѣ, бѣломъ галстухѣ и съ бѣлой гвоздикой въ бутоньеркѣ фрака.

— Eh bien? il parait que vous êtes malade? j'ai vû de la lumière à vos fenêtres et je suis monté. Je viens vous demander un verre de votre divin Kûmmel!

— Mais certainement, mon cher Dumas,—отвѣтилъ я и приказалъ своему человѣку подать рюмку и бутылку Ekau 00.

— Ну, какъ же вы провели вашъ вечеръ?—спросилъ я талантливаго писателя, въ то время, какъ онъ почтительно подносилъ къ своимъ губамъ рюмку остзейскаго напитка.

— Ma foi, mon cher comte,—отвѣтилъ онъ мнѣ со своимъ обычнымъ добродушіемъ:—si je n'y avais pas été, je m'y serai bien ennuyé!

Нѣсколько дней послѣ этого я отправился, утромъ, часовъ въ одиннадцать, къ Дюма̀, съ цѣлью потащить его съ собою позавтракать въ Maison D'or у Вердіе. Поднимаясь на его лѣстницѣ, я повстрѣчалъ уже немолодую женщину, просто и даже небрежно одѣтую въ темное платье и длинный старомодный плащъ. Ея глаза, все лице, необыкновенно выразительное и странное, поразили меня, точно припомнили что-то видѣнное уже мною, знакомое...

— Кто эта дама, что̀ только-что вышла отъ васъ?—спросилъ я Дюма, входя въ его кабинетъ.

— Это Жоржъ Зандъ, да развѣ вы ее не знаете?—отвѣтилъ мнѣ Дюма̀.

— Жоржъ Зандъ!—вскрикнулъ я:—ахъ, пошлите за ней, верните ее, побѣжимте за ней, я хочу ее видѣть, познакомиться съ нею!..

— Полноте, чего вы испугались?—съ спокойной улыбкой прервалъ мои восклицанія Дюма̀:—она такая же баба, какъ и всѣ остальныя.

— Какъ, Дюма̀, вы, такой артистъ, какъ вы, можете такъ не-

брежно говорить о такой талантливой и замѣчательной женщинѣ?— съ негодованіемъ воскликнулъ я.

— Талантливая женщина, безъ сомнѣнія, —сказалъ Дюма̀: — но по характеру и привычкамъ и воззрѣніямъ, всетаки, баба! Да вы еще сто разъ успѣете съ нею познакомиться, она сейчасъ уѣзжаетъ къ себѣ въ замокъ, въ Nohant.

Но это былъ единственный разъ, что мнѣ случилось видѣть геніальную писательницу, и уже никогда болѣе мнѣ не удалось съ нею встрѣтиться. Дюма̀-отецъ, правда недолго, какъ и Флоберъ, пользовался благосклонностью знаменитой писательницы, но эти «вспышки» не оставили въ жизни обоихъ ихъ того глубокаго, неизгладимаго впечатлѣнія, какое имѣла связь съ нею на жизнь Жюля Сандо и въ особенности Шопена и Альфреда Мюссѐ. Нѣсколько разъ мнѣ приходилось отъ людей, близко знавшихъ Мюссѐ, слышать, что онъ никогда не могъ утѣшиться отъ измѣны Жоржъ Зандъ.

Между Мюссѐ и Жоржъ Зандъ впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ продолжалась переписка, неоцѣнимое литературное сокровище, еще заживо отданное Жоржъ Зандомъ Александру Дюма̀-сыну, котораго она матерински любила. Сколько мнѣ извѣстно, Дюма̀-сынъ при жизни своей не напечатаетъ этихъ писемъ, отданныхъ ему, однако, Жоржъ Зандомъ въ полную собственность и за которыя, безъ сомнѣнія, парижскіе издатели заплатили бы сумасшедшія деньги.

Я слышалъ также, что много лѣтъ послѣ происшедшаго между ними разрыва Жоржъ Зандъ и Жюль Сандо̀ встрѣтились въ пріемной одного изъ многочисленныхъ министровъ изящныхъ искусствъ, перебывавшихъ за послѣднія 25 лѣтъ во Франціи. Они просидѣли около часа почти бокъ-о-бокъ и... не узнали другъ друга!..

— Кто этотъ старикъ, котораго пропустили прежде меня къ министру?—недовольнымъ голосомъ спросила Жоржъ Зандъ «huissier».

— C'est M-r Jules Sandeau de l'Academie Française,—отвѣтилъ тотъ ей.

— Ah!—равнодушно замѣтила она:—il a bien vieilli!..

— Кто эта старуха, что̀ сидѣла подлѣ меня?—въ свою очередь, спросилъ Сандо̀.

— C'est M-me George Sand,—почтительно отвѣтилъ ему «huissier».

Мнѣ говорили также, что они встрѣтились у Camille'я Doucet и что тотъ, позабывъ о ихъ въ свое время надѣлавшей много шума связи или желая подать видъ, что онъ ничего не знаетъ объ этомъ, представилъ ихъ другъ другу.

— Мы уже знакомы съиздавна, — равнодушно проговорила Жоржъ Зандъ, протягивая руку своему бывшему любовнику.

— Да,—отвѣтилъ также Сандо̀:—но мы давно не встрѣчались!..

Почти каждую недѣлю я обѣдалъ или у Дюма̀, или съ нимъ вдвоемъ въ Maison Dorée у извѣстнаго и всѣми русскими любимаго Ведріе. Тамъ къ намъ присоединялись иногда неособенно тялантливый, но очень остроумный и любезный французскій писатель Monseles, Xavier Marmier, теперь, впрочемъ уже давно, членъ французской академіи, составившій себѣ извѣстность переводам «Сѣверныхъ повѣстей, «Contes du Nord», въ томъ числѣ и моихъ «Исторія двухъ калошъ», «Аптекарша» и др. Иногда, но уже на улицѣ, когда мы у Тортони, послѣ плотнаго обѣда, усаживались на такъ называемой «терассѣ» пить кофе, къ намъ присоединялся знаменитый французскій актеръ Фредерикъ Леметръ; тогда, т. е. въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, онъ еще былъ во всей своей славѣ, хотя уже былъ далеко не молодъ и, кромѣ того, имѣлъ привычку, правда, свойственную многимъ талантливымъ актерамъ, напиваться. Онъ представлялъ собою, не смотря на дѣйствительно громадный талантъ, и ту особенную способность увлекать до восторга, до неистовства, если можно такъ выразиться, что̀ дается не многимъ артистамъ,—воплощеніе типа, что̀ французы называютъ «un labotin». Самонадѣянный, хвастливый, вѣчно говорящій о себѣ самомъ, задорный и капризный, онъ какъ собесѣдникъ былъ невыносимъ, но, разъ на сценѣ, онъ дѣйствительно перерождался. Конечно, теперь метода играть драмы и комедіи во многомъ измѣнилась и упростилась и, конечно, къ лучшему, но я не встрѣчалъ такого благородства пріемовъ, такого драматизма въ выраженіи лица, такой изысканности въ движеніяхъ. Я уже сказалъ, что оба Дюма̀ любили женщинъ, и долженъ прибавить, что, благодаря существующему во всемъ ихъ обиходѣ «цыганству», случалось часто, что «пассія» отца переходила потомъ во владѣніе сына, что̀ дѣлалось не только завѣдомо для Дюма̀-отца, но даже согласно его совѣтамъ и желаніямъ. Дюма̀ также терпѣть не могъ надѣвать новыхъ сапогъ, и сынъ его обязывался первые два, три раза обувать вновь сшитые сапоги.

— Послушай, однако,—съ неудовольствіемъ замѣтилъ отцу Дюма-сынъ:—мнѣ надоѣло разнашивать твои новые сапоги и ублажать твоихъ старыхъ любовницъ!

— Какой ты дуракъ!—смѣясь, отвѣтилъ ему Дюма̀:—это только доказываетъ, что нога у тебя гораздо меньше моей, а сложеніе крѣпче!..

Въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ выразился иначе, но «настоящія» слова его неблагоупотребительны для печати. У Дюма я познакомился и позднѣе, т. е. въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, близко сошелся съ однимъ изъ прелестнѣйшихъ по характеру и таланту людей, какихъ я встрѣчалъ,—съ Генрихомъ Мюржеромъ, Henri Murger. Сынъ привратника concierge'а одной изъ небольшихъ улицъ стараго Парижа, онъ и по натурѣ своей, чувствованіямъ и инстин-

ктамъ, являлся едва ли не величайшимъ аристократомъ, какого я видѣлъ въ моей уже долгой жизни. Онъ точно носилъ въ себѣ какой-то неземной идеалъ, какое-то непобѣдимое стремленіе ко всему высокому и великому. Всю жизнь свою онъ горько терпѣлъ отъ бѣдности, а между тѣмъ точно рожденъ былъ для самой баснословной роскоши.

Впродолженіе болѣе полугода я приглашалъ его съ собою ужинать у Вердіе, и, каюсь, вовсе не потому, чтобы оказать ему нѣкотораго рода услугу, а потому, что бесѣда съ нимъ мнѣ всегда являлась особенно привлекательной; я зналъ, что онъ почти ежедневно обѣдаетъ у одного молочника въ Латинскомъ кварталѣ и не избалованъ ѣдой, а между тѣмъ, когда мы усаживались за однимъ изъ столовъ раззолоченныхъ по «всѣмъ швамъ» залъ Maison Dorée, заказывая ужинъ, я всегда стѣснялся, не находя никогда ничего достойнымъ быть поданнымъ Мюржеру... Многіе скептики, конечно, почтутъ это мое чувство глупостью, но люди съ сердцемъ и воображеніемъ, которымъ случалось бывать въ такомъ положеніи, поймутъ меня... Въ женщинахъ этотъ врожденный аристократизмъ гораздо чаще встрѣчается; среди мужчинъ онъ очень рѣдокъ, и мнѣ много разъ, въ особенности на родинѣ, случалось встрѣчать людей, дослужившихся и стоявшихъ іерархически очень высоко, но которымъ такъ и хотѣлось сказать:

— Эй, братъ, сними съ меня галоши или подай мнѣ шинель!

Мюржеръ первый познакомилъ меня съ Парижемъ оригинальнымъ, «le Paris excentrique», о которомъ до того времени я не имѣлъ понятія. Однажды въ «Closerie de Lilas», впослѣдствіи «Jardin Bullier», Мюржеръ спросилъ меня:

— Хотите познакомиться съ одной изъ гризетокъ, послужившихъ мнѣ для типа моей Мими Пенсонъ, «Mimi Pinson» (героини извѣстной его комедіи «La vie de Bohême»).

Я съ любопытствомъ согласился.

Типъ Польдекоковскихъ гризетокъ уже тогда начиналъ исчезать, но, всетаки, въ Латинскомъ кварталѣ онѣ еще процвѣтали. Это были, какъ извѣстно, бѣлошвейки, магазинщицы, модистки, цвѣточницы, словомъ дѣвушки, принадлежащія къ рабочему люду, но всѣ имѣли любовниковъ, только у нихъ любовь, или, просто, привязанность, играла первенствующую роль, а вопросъ денежный, къ какому бы классу ни принадлежалъ любимый человѣкъ, или вовсе не существовалъ, или занималъ совершенно второстепенное мѣсто, въ видѣ обѣдовъ, прогулокъ, мелкихъ подарковъ и т. д. Въ этомъ онѣ совершенно отличались отъ тогдашнихъ лоретокъ, превратившихся потомъ въ кокотокъ, у которыхъ звонкая монета въ наибольшемъ количествѣ является первымъ условіемъ. Дѣвушка, которую Мюржеръ подвелъ къ нашему столу, олицетворяла собою типъ настоящей гризетки, но уже гризетки-щеголихи. Средняго

роста, прекрасно сложенная, ловкая и граціозная, ея живое, миловидное лицо поражало своею яркою, молодою свѣжестью. Небольшіе черные глаза блестѣли умомъ и веселостью, довольно большой ротъ почти постоянно улыбался, выказывая неправильные, но бѣлые, здоровые зубы. На ней было надѣто темное шелковое платье и обшитый кружевами передникъ; на головѣ ея, артистически причесанной, на самой маковкѣ чуть держался тюлевый чепчикъ, убранный яркими цвѣтами, а въ ушахъ,—въ тѣ времена роскошь неслыханная,—блестѣли два небольшіе бриллiантика. Она, не чинясь, подсѣла къ нашему столу, мы скоро разговорились и близко познакомились. Надо сказать, что въ то время я у Bullier былъ до нѣкоторой степени свой человѣкъ; приходилъ я почти всегда туда съ Мюржеромъ,—его тамъ боготворили,—познакомился со всѣми тамъ бывавшими студентами и пріобрѣлъ себѣ тамъ много пріятелей.

За послѣднія 25 лѣтъ Парижъ, какъ и вся Европа, во многомъ измѣнился, но въ то время, т. е. въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, въ немъ еще было много оригинальныхъ уголковъ; однимъ изъ самыхъ оригинальныхъ являлся, разумѣется, «Jardin Bullier»; большая часть посѣтителей состояла изъ студентовъ; они являлись туда первые и уходили послѣдними. Наряды на нихъ отличались болѣе чѣмъ оригинальностью; какія-то допотопнаго фасона плисовыя куртки, высокіе сапоги, необычайнаго фасона венгерки; лѣтомъ иные являлись въ пуховыхъ и даже мѣховыхъ шапкахъ зимой въ соломенныхъ шляпахъ; иные изъ нихъ, хотя далеко уже не молодые, сохранили весь пылъ и всѣ восторги молодости. Стоило только произнести при нихъ слова: свобода, родина, любовь, и точно порохъ вспыхивали ихъ бурныя страстныя рѣчи, не всегда, можетъ быть, вѣрныя сужденія, но искреннія и убѣжденныя. Нѣсколько лѣтъ спустя, я опять вернулся въ Парижъ и въ тотъ же вечеръ отправился въ «Closerie des Lilas». Я нашелъ почти всѣхъ своихъ знакомцевъ за тѣми же столиками и почти въ тѣхъ же нарядахъ.

— А что подѣлываетъ Josèphine?—спросилъ я одного изъ нихъ, который въ тотъ годъ блистательно выдержалъ экзаменъ на медика, имѣлъ уже порядочную практику, но по старой памяти, почти каждый вечеръ, приходилъ провести часъ, другой съ прежними пріятелями. Я говорилъ о гризеткѣ, съ которой меня познакомилъ Мюржеръ.

— Josèphine?—равнодушно отвѣтилъ онъ мнѣ; сколько я припоминалъ, онъ въ то время былъ въ числѣ ея ревностныхъ и счастливыхъ поклонниковъ:—она надняхъ умерла отъ чахотки, и я вчера вскрывалъ ее, очень интересное и богатое тѣло!..

Меня такъ и обдало ужасомъ дѣйствительности жизни, постоянно встрѣчаемой.

— Неужели?!—вскрикнулъ я:—эта молодая, красивая, цвѣтущая Жозефина—она умерла?

— Э,—спокойно возразилъ мнѣ мой собѣседникъ:—посмотрите, вотъ вокругъ сколько ихъ ходитъ, такихъ же цвѣтущихъ и молодыхъ, и красивыхъ!

Послѣ обоихъ Дюма и Мюржера, я болѣе всѣхъ сошелся съ Edmond About; недаромъ его прозвали внукомъ Вольтера, онъ поражалъ всякаго своимъ блестящимъ остроуміемъ, своею находчивостью, своимъ неистощимымъ и всегда интереснымъ разговоромъ. Въ то время, т. е. въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, онъ находился въ особенной милости у императора Наполеона III, корректировалъ написанную императоромъ исторію Юлія Цезаря и вообще въ Тюльерійскомъ дворцѣ, у вліятельныхъ лицъ бонапартійской партіи и въ особенности у принцессы Матильды, пользовался необычайнымъ благоволеніемъ. Ей, принцессѣ, обязанъ онъ во многомъ своей литературной извѣстностью и той модой, въ какой стояли его романы впродолженіе лѣтъ десяти, романы, хорошо написанные, интересные, но не отличающіеся ни глубиной, ни даже особеннымъ талантомъ. У About, не смотря на весь его умъ, былъ недостатокъ, обычный многимъ французамъ, а именно забываться до фамильярности. У принцессы Матильды на него смотрѣли, какъ на баловня, «un enfant gâté», и многое ему сходило съ рукъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ однажды уже слишкомъ зарвался и, какъ водится, прогорѣлъ. Принцесса Матильда — женщина замѣчательнаго ума; она своею обаятельною привѣтливостью и самымъ тонкимъ пониманіемъ искусства, живописи, ваянія, литературы, пріобрѣла себѣ и сохранила даже послѣ паденія имперіи множество преданнѣйшихъ друзей. Все, что носило извѣстное имя въ послѣднія тридцать лѣтъ, усердно посѣщало ея салонъ. На сколько императрица Евгенія отличалась поверхностностью своего ума, своимъ легкомысліемъ, средневѣковымъ ханжествомъ и отсутствіемъ всякаго художническаго чувства, на столько принцесса Матильда привлекала своимъ свѣтлымъ умомъ, яснымъ и современнымъ пониманіемъ вещей и отзывчивостью на все благородное и прекрасное. Но какъ въ бриллiантахъ самой чистой воды есть непремѣнно пятнышко, такъ и у принцессы былъ недостатокъ, ставимый ей въ укоръ, разумѣется, заочно, самыми ея вѣрными друзьями, а именно ея необыкновенное мягкосердечіе въ отношеніи нѣкоторыхъ красивыхъ мужчинъ. Впродолженіе многихъ лѣтъ, графъ Ньюверкерке пользовался ея благосклонностью вполнѣ и имѣлъ на нее большое вліяніе. Всѣ объ этомъ знали, но никто, разумѣется, въ ея присутствіи не дерзалъ даже объ этомъ намекнуть. Однажды, Ньюверкерке, входившій къ принцессѣ безъ доклада, засталъ у нея въ гостинной Эдмонда Абу; онъ стоялъ спиной къ камину, курилъ сигару и очень безцеремонно разсказывалъ принцессѣ какой-то скоромный анекдотъ. Оскорбился ли Ньюверкерке этимъ обхожденіемъ About съ принцессой, или просто находился въ дурномъ расположеніи духа, но на

привѣтствіе принцессы онъ отвѣтилъ сухо и немедленно усѣлся въ уголъ.

— Allons, allons, vilain jaloux! — съ ласковымъ укоромъ проговорилъ About, бросая въ каминъ свою сигару.

Принцесса Матильда мгновенно встала, позвонила и приказала вошедшему слугѣ «провести господина Абу въ переднюю»; другими словами, Абу выгнали, и выгнали оскорбительно, какъ нахала.

Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ поступокъ во многомъ содѣйствовалъ совершенному измѣненію политическихъ воззрѣній Абу; изъ преданнаго бонапартиста онъ превратился въ яраго республиканца; но остался попрежнему утонченно-свѣтскимъ человѣкомъ, любезнымъ собесѣдникомъ и остроумнѣйшимъ разсказчикомъ.

Одинъ маленькій случай, приключившійся въ Баденѣ, дастъ понятіе и о характерѣ Абу, и о французскомъ характерѣ вообще, въ которомъ, не смотря на легкомысліе, тщеславность и эгоизмъ, такъ много добродушія. Въ 1861 году, въ сентябрѣ, я былъ въ Баденѣ, Абу также туда пріѣхалъ, мы съ нимъ видѣлись постоянно, чуть ли даже не жили на одной квартирѣ. Такъ какъ въ то время онъ былъ въ большой модѣ, то всѣ мои знакомыя дамы, и въ особенности соотечественницы, наперерывъ просили меня знакомить съ ними Абу. Идя однажды утромъ по Лихтентальской аллеѣ вдвоемъ съ Абу, мы повстрѣчали г-жу Калерджи, прелестную женщину и превосходную музыкантшу (одну изъ тысячи трехъ, на рукахъ которыхъ умеръ Шопенъ); я подумалъ, что доставлю ей удовольствіе, познакомивъ ее съ Абу, и потому подошелъ къ ней и представилъ ей моего пріятеля; къ моему крайнему изумленію, г-жа Калерджи едва отвѣтила на мое привѣтствіе, а Абу даже вовсе не поклонилась и, повернувшись спиною къ намъ, пошла дальше. Меня эта выходка тѣмъ болѣе озадачила, что я зналъ г-жу Калерджи за женщину умную и благовоспитанную и притомъ съиздавна уже находился съ нею въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ; я покинулъ Абу, совершенно озадаченнаго этой грубостью, посреди аллеи и побѣжалъ за madame Калерджи.

— Что это? помилуйте! за что вы такъ обошлись съ Абу? — спросилъ ее я.

— Какъ, да развѣ вы не знаете? — почти закричала она мнѣ въ отвѣтъ: — въ послѣднемъ своемъ романѣ, онъ въ самомъ гнусномъ видѣ вывелъ одну изъ самыхъ близкихъ моихъ родственницъ, и это завѣдомо всѣмъ!

Я извинился незнаніемъ этого обстоятельства и возвратился къ Абу. Въ двухъ словахъ я объяснилъ ему причину гнѣва г-жи Калерджи.

— Comment, elle m'en veut encore, — изумленно воскликнулъ About: — mais il y a au moins deux ans que j'ai ecrit le livre! ah! vous êtes rancuneux vous autres slaves!...

Отъ начала сороковыхъ годовъ до прусско-французской войны 1870 года Баденъ, какъ извѣстно, былъ самымъ моднымъ въ Европѣ лѣтнимъ сборищемъ. Всѣ общеевропейскія знаменитости обоего пола, къ какому бы разряду онѣ ни принадлежали, начиная Мейерберомъ и кончая знаменитой французской кокоткой (впрочемъ, чистокровной англичанкой родомъ) Корой Перлъ, стекались туда послушать музыку передъ конверсаціонъ-заломъ, а вечеромъ себя показать и на другихъ посмотрѣть въ игорномъ домѣ, что̀ считалось послѣднимъ словомъ тогдашняго шика.

Наши соотечественники, какъ и всегда, впрочемъ, особенно отличались. Нарышкинскіе выигрыши и проигрыши, Демидовскія попойки, празднества княгини Суворовой оставили въ лѣтописяхъ баденскихъ сезоновъ незабвенныя воспоминанія. Тургеневъ очень зло, но очень вѣрно изобразилъ россійскіе нравы въ Баденѣ, гдѣ злословіе и пустословіе играли первенствующую роль. Странное дѣло, почему за границей русскіе никакъ не могутъ ужиться между собой; стоитъ женщинѣ быть красивѣе или умнѣе другихъ, стоитъ мужчинѣ чѣмъ нибудь выдѣляться изъ общей массы, чтобы соотчичи всеобщимъ, такъ сказать, кагаломъ накидывались на нихъ и нравственно разбирали ихъ, что называется, на куски. Въ Баденѣ я познакомился съ Мейерберомъ, онъ совершенно очаровалъ меня своимъ остроуміемъ и любезностью. Поощренный его простотой и тою особенностью скораго знакомства, какая обыкновенно является на водахъ и купаньяхъ, я сказалъ ему, что меня всегда удивляло, какъ такіе два необычайные таланта, какъ онъ и Россини, не могутъ между собою ужиться. Какъ извѣстно, между ними существовала всю жизнь большая вражда. Мейерберъ прищурился, потомъ усмѣхнулся и весело отвѣтилъ мнѣ:

— Любезный графъ, мы съ Россини много поострили на счетъ другъ друга, но я всегда сожалѣлъ, что мнѣ не удалось отпустить такого геніальнаго «bon mot», какое сказалъ Piron на счетъ Вольтера.

— А что онъ сказалъ?—полюбопытствовалъ я.

— Какъ, вы развѣ не слышали?

— Каюсь, теперь ничего не припомню.

— Вамъ извѣстно, что Вольтеръ и одинъ изъ остроумнѣйшихъ стихотворцевъ восемнадцатаго вѣка, Пиронъ, безконечно ненавидѣли другъ друга. Одна ихъ общая пріятельница, чуть ли не маркиза Дюдеванъ, убѣдила, послѣ многихъ усилій, Вольтера пообѣдать у нея вмѣстѣ съ Пирономъ. «Хорошо,—согласился, наконецъ, Вольтеръ: — но съ тѣмъ только, чтобы этотъ шалопай (le polisson de Piron) обязался, что втеченіе всего обѣда онъ произнесетъ всего четыре слова». Пиронъ согласился, и обѣдъ состоялся. Недруги усѣлись одинъ по правую руку хозяйки, другой по лѣвую. Вольтеръ торжествовалъ и говорилъ безъ умолку; Пиронъ упорно мол-

чалъ. Въ концѣ обѣда подали блюдо, наполненное великолѣпными раками; Вольтеръ съ жадностью принялся ихъ ѣсть.

— Я истребилъ столько же раковъ, сколько Давидъ убилъ филистимлянъ,—проговорилъ, обращаясь къ хозяйкѣ, Вольтеръ.

— Такою же челюстью (avec la même mâchoire),—не поднимая глазъ съ своей тарелки, произнесъ Пиронъ.

(Извѣстно, что по библейскому сказанію Давидъ сражался съ филистимлянами, имѣя орудіемъ «ослиную челюсть»).

Пиронъ, какъ видите, сдержалъ слово; но этими четырьмя словами зарѣзалъ, что называется, Вольтера.

Мы оба разсмѣялись, но я уже болѣе, разумѣется, не заговаривалъ съ Мейерберомъ о Россини. Въ то время, когда я съ нимъ познакомился, онъ писалъ «Африканку», это послѣднее свое сочиненіе, это излюбленное свое дитя, которое ему не суждено было видѣть представленнымъ на сценѣ.

Онъ сильно озабочивался затрудненіемъ найдти хорошаго тенора.

— Les bons chanteurs s'en vont, mon cher comte,—часто говорилъ онъ мнѣ, прогуливаясь по очаровательнымъ окрестностямъ Бадена:—le grand Cherubini n'est plus; правда, есть Ниманъ и Тамберликъ, но Ниманъ нѣмецъ, а вы, иностранцы, не можете себѣ даже представить, до чего строптива парижская публика; она скорѣе проститъ фальшивую ноту, неправильно понятую роль, чѣмъ плохо выговоренное б или к. Тамберликъ, правда, хорошо выговариваетъ французскій языкъ, но онъ не по моей роли (il n'a pas le tempérament de mon role), и потомъ согласится ли онъ?.. Нѣтъ, я хочу что нибудь новое найдти, молодой голосъ, молодыя силы, все это по-своему отдѣлать и передѣлать... Une voix inédite, chaude, jeune, vibrante et passionnée!..

Два или три раза въ тотъ сезонъ онъ приглашалъ меня въ Баденѣ и однажды въ Висбаденѣ послушать какой нибудь новый голосъ и всякій разъ онъ задумчиво покачивалъ головой, поглядывая на меня, не то дескать, совсѣмъ не то...

Еще въ первую мою поѣздку въ Парижъ, т. е. въ первую послѣ коронаціи, такъ какъ я уже до того нѣсколько разъ бывалъ въ Парижѣ, я познакомился съ извѣстнымъ французскимъ драматическимъ писателемъ Скрибомъ. Это чуть ли не первый писатель, нажившій себѣ литературнымъ трудомъ громадное состояніе. Его современника, геніальнаго Бальзака, всю жизнь одолѣвали кредиторы. Скрибъ жилъ въ роскошной квартирѣ, держался полубогомъ и въ то время занималъ во французской литературѣ одно изъ первенствующихъ мѣстъ. Его пьесы (онъ, кажется, втеченіе своей жизни написалъ ихъ болѣе тысячи, — разумѣется, иныя въ сотрудничествѣ), большею частью, лишенныя всякаго таланта, имѣли, однако же, успѣхъ, приносили директорамъ театровъ

доходъ и нравились публикѣ, а бо́льшаго, какъ извѣстно, ничего не требуется. Меня, однако же, онъ принялъ любезно и скоро со мною разговорился.

— Мы сегодня увидимся въ театрѣ, вѣроятно, еще,—сказалъ я, прощаясь съ нимъ; давали именно, кажется, въ Théatre du Gymnase одну изъ его послѣднихъ пьесъ. Скрибъ усмѣхнулся.

— Я никогда не бываю въ театрѣ,—отвѣтилъ онъ мнѣ, провожая меня.

— Какъ?!—вскрикнулъ я:—вы monsieur Scribe, вы никогда не бываете въ театрѣ? но это невѣроятно?!

— Это совершенно вѣрно,—возразилъ мнѣ Скрибъ:—т. е. никогда—относительно; я почти всегда присутствую на первыхъ представленіяхъ піесъ моихъ собратовъ и иногда на первыхъ представленіяхъ моихъ собственныхъ піесъ, но это случается рѣже; для собственнаго же моего удовольствія я въ театръ не хожу, «cela serait enfantin».

Мнѣ нечего прибавлять, какъ меня удивило подобное «profession de foi» въ устахъ человѣка, нажившаго себѣ театромъ милліоны.

Въ то же время я имѣлъ случай познакомиться съ Оберомъ. Дюма̀-отецъ называлъ его «le Scribe de la musique». Дѣйствительно, онъ произвелъ на свѣтъ большое количество оперъ, между которыми многія не отличаются музыкальными достоинствами, но, тѣмъ не менѣе, Оберъ занималъ видное мѣсто во французской консерваторіи, гдѣ онъ предсѣдательствовалъ и былъ очень популяренъ въ Парижѣ и во всей Франціи. Много этому способствовалъ, разумѣется, его живой характеръ и замѣчательно мѣткій и острый умъ. Одинъ изъ пріятелей, не видавшій его чуть болѣе сорока лѣтъ, пріѣхавъ въ Парижъ изъ провинціи, отправился навѣстить Обера.

— Oui certainement,—началъ послѣ первыхъ привѣтствій пріятель, который, какъ это часто, впрочемъ, случается въ жизни, не «переваривалъ», что онъ остался никому неизвѣстнымъ провинціаломъ, тогда какъ Оберъ пріобрѣлъ европейскую извѣстность:— Certainement vous voila un homme célèbre, cela n'empêche pas que vous êtes vieux.

— Ma foi, mon cher ami,—отвѣтилъ ему Оберъ:—c'est la seule manière de vivre longtemps!..

Оберъ, какъ почти всѣ люди, одаренные воображеніемъ, былъ яростнымъ поклонникомъ прелестнаго пола; объ этой его слабости въ оное время въ Парижѣ ходило множество анекдотовъ; одинъ изъ нихъ, хотя и очень скоромный, но изъ наиболѣе смѣшныхъ, я позволю себѣ разсказать читателямъ.

Въ числѣ начинающихъ оперныхъ танцовщицъ изъ тѣхъ, что̀ называютъ въ «Парижѣ «des marcheuses», Оберъ отличилъ одну прелестную блондинку, молоденькую дѣвушку, лѣтъ семнадцати. По собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, онъ узналъ, что, по остроумному

выраженію Дюма-сына, «капиталъ ея еще не былъ тронутъ». Тѣмъ не менѣе, хотя уже будучи зрѣлыхъ лѣтъ, и именно потому, что будучи зрѣлыхъ лѣтъ, Оберъ захотѣлъ во что бы то ни стало достигнуть своихъ цѣлей—обладать молодой дѣвушкой. Прелестная блондинка находилась подъ нѣжной опекой своей маменьки, женщины лѣтъ подъ сорокъ, но еще красивой, стройной и привлекательной. Оберъ, не теряя времени, съ нею познакомился и безцеремонно завелъ рѣчь объ интересующемъ его предметѣ. Сначала, какъ и слѣдовало ожидать, любящая мать съ негодованіемъ отвергла предложенія Обера, потомъ мало-по-малу она стала сговорчивѣе и, наконецъ, съ нервными рыданіями объявила Оберу, что она уговорила таки свою дочь, что, увы! бѣдность, забота о будущности своей дочери, заставили ее согласиться съ этой ужасной крайностью, но что она надѣется на великодушіе и скромность г. Обера и на то, что въ будущемъ, когда «капризъ» къ ея дочери пройдетъ, онъ навсегда останется ея покровителемъ. Влюбленный старикъ на все соглашался и только спрашивалъ объ одномъ, когда же, наконецъ, ему удастся «увѣнчать свое пламя». Послѣ долгихъ переговоровъ рѣшили, что Оберъ придетъ на слѣдующій день, но не ранѣе восьми часовъ вечера. Сказано—сдѣлано. На слѣдующій вечеръ около восьми часовъ Оберъ дрожащей рукой звонилъ у дверей своего предмета. Ему отворила сама маменька и таинственно ввела его въ гостинную.

— Вы понимаете, что я отпустила бонну на цѣлый вечеръ; «il faut toujours se défier des domestiques». Подождите меня здѣсь, или нѣтъ, впрочемъ... я не въ силахъ буду... а просто, когда вы услышите за сосѣдней дверью звонъ колокольчика, вы толкните вотъ эту дверь, «vous pousserez cette porte» и войдите...

И растроганная маменька пошла къ двери, ведущей въ глубь квартиры.

— Ахъ, да! еще одно условіе,—останавливаясь у дверей, проговорила заботливая мать: — въ комнатѣ, тамъ... вы понимаете?. будетъ совершенно темно, но вы должны сами разсудить, какъ тяжело... «il faut ménager la pudeur de cette pauvre enfant!»..

Оберъ на всѣ эти рѣчи кивалъ нетерпѣливо головой. Вслѣдъ за уходомъ матери, въ полуосвѣщенной гостинной мелькнулъ изъ двери въ дверь соблазнительно стройный образъ молодой обреченной на жертву дѣвственницы. Наконецъ, послѣ довольно долгаго ожиданія, раздался желанный звонокъ... Оберъ бросился къ дверямъ...

Надо сказать, что утромъ того дня онъ отсчиталъ довѣренному отъ матери лицу крупный условленный между ними кушъ. Въ комнатѣ, куда вошелъ Оберъ, было дѣйствительно такъ темно, что онъ ощупью едва могъ подвигаться. Но страсть пылала въ немъ такъ сильно, что онъ не обращалъ на это вниманія; часа два спустя, онъ такъ же ощупью сталъ собираться выйдти изъ святилища;

молодая дѣвица сдержала все то, что обѣщало ея плѣнительное тѣло, но внутренно Оберъ удивлялся только одному, что ему такъ легко досталась побѣда... Но случайность, это зло, разрушающее самыя хитростно придуманныя продѣлки, и тутъ сослужила свою службу; Оберъ уже подходилъ осторожно къ дверямъ, какъ темно синій изъ густой шелковой матеріи чехолъ, затягивавшій плотно висѣвшій посрединѣ потолка ночникъ, свалился; яркій свѣтъ разомъ освѣтилъ до того погруженную въ мракъ комнату; Оберъ невольно обернулся назадъ, и его удивленнымъ, непріятно удивленнымъ взорамъ представилась слѣдующая картина: въ бѣлоснѣжныхъ простыняхъ только—что покинутой имъ кровати, граціозно раскинувъ руки, лежала не дочка, а маменька своей собственной особой!.. Послѣ рѣзкаго объясненія, въ которомъ Оберъ какъ умный человѣкъ чувствовалъ всю неловкость своего положенія, онъ удалился, полагая, что всего лучше не разглашать такихъ плачевныхъ авантюръ, но, тѣмъ не менѣе, въ скоромъ времени многіе узнали объ этой одной изъ его многочисленныхъ любовныхъ неудачъ.

Графъ В. А. Соллогубъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

МОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ВЪ ЖУРНАЛАХЪ.

(Отрывокъ изъ Записокъ).

Я ОЧЕНЬ РАНО, еще на университетской скамьѣ, началъ работать для журнала, издававшагося профессоромъ Двигубскимъ: «Магазинъ натуральной исторіи». То были, большею частью, переводы изъ книгъ, относившихся къ главному предмету моихъ занятій—естествознанію. По выходѣ изъ университета, избравъ педагогическую службу, я не прекращалъ такъ рано начатаго участія въ періодическихъ изданіяхъ: то въ тотъ, то въ другой журналъ по временамъ я дѣлалъ вклады, разумѣется, безплатные, но приносившіе мнѣ пользу въ томъ отношеніи, что я лично узнавалъ редакторовъ, интересовавшихъ любознательную молодежь. Такъ, въ первомъ году изданія «Московскаго Вѣстника» (1827) напечатана моя статья: «Четыре возраста естественной исторіи», пропитанная, по тогдашнему выраженію студентовъ, «павловщиной», т. е. духомъ и тономъ лекцій любимѣйшаго нашего профессора М. Г. Павлова. Это доставило мнѣ знакомство съ издателемъ журнала, М. П. Погодинымъ, а чрезъ него и съ С. П. Шевыревымъ, принимавшимъ дѣятельное участіе въ изданіи. Другая статья въ «Телеграфѣ» 1832 года, разборъ книги А. Л. Ловецкаго, профессора Московскаго университета: «Краткое начертаніе естественной исторіи животныхъ», познакомила меня съ К. А. Полевымъ, который представилъ меня своему брату, Николаю Алексѣевичу. При свиданіи съ послѣднимъ, онъ сказалъ мнѣ нѣсколько лестныхъ

словъ, послѣ чего я почувствовалъ себя какъ бы выросшимъ въ своихъ собственныхъ глазахъ. Молодежь того времени держалась скромно передъ извѣстными литераторами, и ласковый пріемъ съ ихъ стороны считала особенною честью. На положенные дни для вечернихъ у нихъ собраній мы смотрѣли какъ на дни табельные. Видѣть на этихъ собраніяхъ умныхъ людей, слушать ихъ умныя рѣчи было для насъ наилучшимъ угощеніемъ, именно слушать и поучаться, а не самому врываться въ разговоръ. Такого азарта мы себѣ не дозволяли по нашему малознанію, или по скромности, которая, и при порядочныхъ знаніяхъ, сдерживаетъ юношу отъ заносчивости, внушаетъ ему чувство приличія, тактъ. Я помню, какъ, въ первый визитъ мой Николаю Алексѣевичу, завязался у него споръ съ А. Ѳ. Вельтманомъ о сравнительномъ значеніи Петра I и Екатерины II. Вельтманъ восхвалялъ Екатерину за ея гуманныя идеи; Полевой гораздо выше ставилъ Петра, какъ такого государя, который дѣлалъ свое дѣло, имѣя въ виду лишь пользу своего отечества, безъ всякаго тщеславія, безъ всякаго желанія выказать себя въ блескѣ передъ Европой. Я страшно боялся, что Полевой будетъ побитъ; къ удовольствію моему, вышло иначе: онъ взялъ вверхъ, чему я искренно обрадовался. Да и какъ было не радоваться? вѣдь онъ былъ нашъ любимецъ; мы всласть читали его журналъ. Знакомствомъ съ издателемъ «Телескопа», Н. И. Надеждинымъ, я одолженъ одному изъ моихъ университетскихъ товарищей, Н. С. Селивановскому, сыну извѣстнаго въ свое время московскаго типографщика, въ домѣ котораго онъ занималъ квартиру. Тамъ часто встрѣчалъ я давнишняго моего пріятеля, Н. Х. Кетчера, переводчика Шекспира. Онъ помогалъ Надеждину переводами съ нѣмецкаго и французскаго; имъ-то было переведено первое философское письмо Чадаева, надѣлавшее столько шуму и причинившее переворотъ въ судьбѣ редактора «Телескопа». Мое же сотрудничество въ этомъ журналѣ ограничивалось грамматическими статейками, почему Кетчеръ и прозвалъ меня «великимъ мужемъ русской грамматики» [1]). Замѣчу, что, не смотря на все уваженіе къ таланту, знаніямъ и профессорской дѣятельности Н. И. Надеждина, у меня, равно какъ и у другихъ студентовъ одного со мною курса, былъ «противъ него зубъ» за его критическія нападки на Пушкина, которыя онъ помѣщалъ въ «Вѣстникѣ Европы» изъ угожденія его издателю, Каченовскому. Несправедливая критика, конечно, принесла ожидаемые плоды: по собственнымъ словамъ Надежина, онъ «въѣхалъ въ университетъ на спинѣ Каченовскаго», но такой результатъ, по нашему чувству, не облегчалъ вины, а скорѣе усиливалъ ее. Бѣлинскаго, редактировавшаго листокъ «Молву» при «Телескопѣ», не удавалось мнѣ встрѣчать у

---

[1]) Одно изъ сочиненій Карамзина носитъ именно такое заглавіе.

Надеждина. Въ первый разъ я увидалъ его на вечерѣ у Селивановскаго: онъ показался мнѣ застѣнчивымъ, какимъ дѣйствительно и былъ по природѣ. Въ томъ же домѣ началось мое знакомство съ В. П. Боткинымъ, скоро ставшее на пріятельскую ногу.

Съ прекращеніемъ «Московскаго Телеграфа» въ 1835 году и «Телескопа» въ 1836 году, мое журнальное сотрудничество остановилось. Между тѣмъ, я привыкъ къ нему и полюбилъ его. Оно нѣкоторымъ образомъ выдвигало меня изъ среды учителей, нахватавшихъ такое количество уроковъ въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ и въ частныхъ домахъ, что имъ не оставалось времени не только для посторонняго ихъ профессіи дѣла, напримѣръ, для журнальной работы, но и для чтенія книгъ по ихъ предмету. Поэтому они стояли на одномъ и томъ же мѣстѣ съ запасомъ когда-то пріобрѣтенныхъ свѣдѣній, глохли и даже тупѣли. Я, напротивъ, боялся запрячь себя исключительно въ педагогическую упряжь; у меня были свободные часы, которые и употреблялъ я на знакомство съ выходящими въ свѣтъ сочиненіями, чтобы слѣдить за литературнымъ движеніемъ, и на составленіе статей для журналовъ. Что я терялъ при меньшемъ числѣ уроковъ, сравнительно съ моими товарищами, тò вознаграждалось двойною пользой: и для кармана, и для самообразованія. Съ появленіемъ «Библіотеки для Чтенія», литературный трудъ сдѣлался статьей дохода. Но гдѣ было искать такого труда? У редактора «Библіотеки для Чтенія», г. Сенковскаго (онъ же баронъ Брамбеусъ)? Но онъ отталкивалъ отъ себя направленіемъ своей редакторской дѣятельности. Въ «Московскомъ Наблюдателѣ», основанномъ въ 1835 году? Но ни имя его редактора (Андросова), ни денежныя его средства не обѣщали долговѣчности журналу. Онъ наполнялся статьями случайными, такъ сказать, забѣглыми, авторы которыхъ не принимали къ сердцу судьбы изданія, потому что не находили въ томъ существеннаго интереса. Только С. П. Шевыревъ радѣлъ о немъ усердно, сильно, хотя и всуе, ратуя противъ «Библіотеки для Чтенія» и Сенковскаго, или, справедливѣе, противъ такъ названнаго имъ меркантильнаго направленія въ литературѣ, которое, по его мнѣнію, началось съ того времени, какъ писатели стали получать гонораръ за свой трудъ и тѣмъ самымъ будто бы обратили умственную производительность въ ремесло, а ея произведенія въ простой товаръ. Напрасно Гоголь доказывалъ ему несправедливость такого взгляда: дѣло не въ томъ, — писалъ онъ въ «Современникѣ» Пушкина,— что редакторъ подчуетъ своихъ подписчиковъ статьею, за которую, какъ за всякій другой товаръ, заплатилъ деньги; дѣло въ томъ, каковъ товаръ — хорошій или дурной. Если хорошій, то нѣтъ причины браковать его и оставаться имъ недовольнымъ; если же дурной, то качество его не улучшится отъ того, что онъ присланъ въ журналъ даромъ. Вообще «Московскій Наблюдатель» не

имѣлъ успѣха; публика относилась къ нему равнодушно, а со смертію Андросова, покинутый на произволъ судьбы, онъ кое-какъ влачилъ свое существованіе и, наконецъ, съ 1838 года перешелъ въ руки Степанова, содержателя типографіи, въ которой печатался. Степановъ пригласилъ въ редакторы Бѣлинскаго, съ прекращеніемъ «Телескопа» и «Молвы» оставшагося безъ журнальной работы и вмѣстѣ безъ средствъ для жизни. Но эта редакція не могла обезпечить критика: она ежемѣсячно приносила ему только сто рублей. За неимѣніемъ запроса на литературный трудъ въ Москвѣ, нужно было искать его въ Петербургѣ, гдѣ стала развиваться журналистика, не боясь уже соперничества Полеваго и Надеждина. Кочевое участіе въ періодической прессѣ было ни то, ни сё: мнѣ хотѣлось сотрудничества постояннаго, осѣдлаго, и скоро представился къ тому удобный случай.

Въ 1836 году, А. А. Краевскій, служившій въ Петербургѣ и работавшій нѣсколько лѣтъ въ редакціи «Журнала министерства народнаго просвѣщенія», задумалъ самъ быть журналистомъ. Онъ вошелъ въ соглашеніе съ Воейковымъ, редакторомъ «Русскаго Инвалида», о передачѣ ему «Литературныхъ прибавленій» къ этой газетѣ. Въ это время я имѣлъ уроки въ женскомъ пансіонѣ, который содержала его мать, Варвара Николаевна. Съ истиннымъ удовольствіемъ вспоминаю я о многолѣтнемъ знакомствѣ съ нею. Болѣе добросердечной женщины мнѣ рѣдко случалось видѣть на моемъ вѣку. Доброта ея неизмѣнно высказывалась и въ отношеніи къ воспитанницамъ. Я хорошо зналъ многіе, очень извѣстные тогда московскіе пансіоны (Жарни, Данквартъ, Севенаръ), но ни въ одномъ изъ нихъ не видалъ, чтобы пансіонерки были такъ искренно привязаны къ своей начальницѣ, какъ въ пансіонѣ Варвары Николаевны. Онѣ любили ее родственной любовью. Онѣ не только называли ее обычнымъ именемъ «maman» во время своего образованія, но сохраняли это названіе по окончаніи ученія, даже по выходѣ замужъ, и привозили къ ней своихъ дѣтей, словно внучатъ и внучекъ къ доброй бабушкѣ. На учителей смотрѣла она не какъ на наемниковъ, которые, сведя съ ней счеты, могутъ и не знать ее, потому что она, съ своей стороны, также въ нихъ не нуждается. Нѣтъ, она обращалась съ ними пріязненно, дружески, какъ съ добрыми пособниками. Нуждался ли учитель въ деньгахъ? Она ссужала его впередъ, не дожидаясь срока, установленнаго для платежа за извѣстное число уроковъ. Хотя она и знала не хуже другихъ, что порядокъ есть душа дѣла, но кстати оказанную помощь ставила выше порядка, и потому, сама нерѣдко находясь въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, выводила педагога изъ затрудненія. И все это дѣлалось у нея просто, охотно, благорасположительно, конечно, потому, что человѣку доброму отъ природы легко и пріятно быть добрымъ.

Къ ней-то обратился я съ просьбой познакомить меня съ ея сыномъ и предложить ему мое сотрудничество въ «Литературныхъ прибавленіяхъ» къ «Русскому Инвалиду». Предложеніе было охотно принято. Редакторъ петербургской газеты нуждался въ такомъ человѣкѣ, который извѣщалъ бы его о книжныхъ московскихъ новостяхъ и давалъ бы о нихъ отчетъ. Мы обмѣнялись письмами: А. А. Краевскій выразилъ мнѣ свои желанія, а я откровенно объяснилъ ему, за что̀ я могу взяться. Такимъ образомъ отъ 1836 года я веду счетъ моему продолжительному журнальному сотрудничеству. На первой порѣ оно ограничивалось разборомъ книгъ по русскому языку и словесности. Изъ числа ихъ «Основанія русской грамматики» Бѣлинскаго мнѣ особенно памятны тѣмъ, что отзывъ мой послужилъ поводомъ къ знакомству съ авторомъ, который остался доволенъ моимъ мнѣніемъ, оцѣнившимъ главную мысль книги согласно съ его собственнымъ взглядомъ. До этого времени, какъ выше сказано, я видѣлъ его только разъ, и то мелькомъ, на вечерѣ у Селивановскаго, гдѣ также былъ Н. А. Полевой, находившійся «не у дѣлъ», по запрещеніи «Телеграфа». Другой памятный фактъ — полученіе 450 рублей за статьи, напечатанныя втеченіе года. Такого куша никогда еще не бывало у меня въ рукахъ.

При занятіяхъ для «Литературныхъ прибавленій» я не имѣлъ нужды въ помощникахъ. Но, когда въ 1839 году г. Краевскій, издавая эту газету, сдѣлался еще редакторомъ «Отечественныхъ Записокъ», въ которыхъ, кромѣ отдѣла «Критики», была введена «Библіографическая хроника», тогда оказалось невозможнымъ справиться одному съ работой для двухъ изданій. Явилась необходимость въ раздѣленіи труда между нѣсколькими лицами. Кромѣ того, надобно было подумать о томъ, гдѣ и какъ добывать всѣ выходящія въ Москвѣ книги, такъ чтобы и московская библіографія, согласно съ программой журнала, отличалась полнотою. Въ послѣднемъ случаѣ пригодилось мнѣ мое знакомство съ университетомъ, при которомъ состоялъ цензурный комитетъ, и съ служившими въ этомъ комитетѣ, особенно съ секретаремъ его. Два раза въ мѣсяцъ отправлялся я туда за литературнымъ фуражемъ, т. е. забиралъ всѣ книги, доставленныя туда изъ типографій втеченіе предыдущихъ недѣль. Послѣ того я распредѣлялъ полученное, по взаимному соглашенію, между мною и сотоварищами. Обстоятельно, въ особыхъ тетрадяхъ, велъ я списокъ всѣхъ книгъ, перебывавшихъ въ нашихъ рукахъ, съ обозначеніемъ времени, когда онѣ взяты, и лицъ, къ кому поступали на разсмотрѣніе. Тетради эти, съ 1839 по 1863 годъ, хранятся у меня въ цѣлости. Я берегу ихъ какъ сокровище и по временамъ перелистываю... Сколько свѣтлыхъ, пріятныхъ воспоминаній! сколько дорогихъ, незабвенныхъ именъ! Нѣтъ нужды, что мои тетради обветшали, чернила полиняли, да и бумага грубая, ручнаго издѣлія: онѣ — живая хроника

литературнаго, современнаго мнѣ движенія; онѣ — и личная хроника моихъ литературныхъ понятій и взглядовъ.

Первыми лицами, взявшимися со мною за обзоръ текущей московской литературы, были М. Н. Катковъ, только-что кончившій курсъ въ университетѣ кандидатомъ, и Бѣлинскій, занимавшійся редакціею «Московскаго Наблюдателя», но имѣвшій довольно свободнаго времени для работы и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ. Кто писалъ рецензіи въ «Отечественныя Записки», тотъ, разумѣется, не могъ писать о тѣхъ же сочиненіяхъ въ «Литературныя прибавленія»: они поступали къ другому, который, съ своей стороны, передавалъ ему тѣ, что̀ находились у него. Два раза въ мѣсяцъ происходила такая смѣна [1]). Въ 1839 году, сбираясь на жительство въ Петербургъ, Бѣлинскій въ замѣну себя рекомендовалъ П. Н. Кудрявцева, тогда еще студента, но уже извѣстнаго намъ своими повѣстями: «Катенька Пылаева» и «Флейта», изъ которыхъ первая напечатана въ «Телескопѣ», а вторая въ «Московскомъ Наблюдателѣ», обѣ подъ псевдонимомъ «Нестроевъ». Въ 1841 году, разстались мы съ М. Н. Катковымъ: онъ отправился въ Германію для довершенія образованія. Мы крѣпко по немъ тужили: въ небольшой періодъ совмѣстнаго съ нами сотрудничества онъ высказалъ сильно выдающійся талантъ и большія знанія на критическихъ статьяхъ: о «Пѣсняхъ русскаго народа» (Сахарова), о «Жизни» (доктора Зацѣпина), объ «Основаніяхъ риторики» (Зиновьева), объ «Исторіи русской словесности» (Максимовича) и другихъ. Оставшись вдвоемъ съ Петромъ Николаевичемъ, мы старательно правили свое дѣло до половины 1845 года, т. е. до отъѣзда его за границу съ тою же цѣлію, съ какою уѣхалъ М. Н. Катковъ. Изрѣдка присоединялся къ намъ В. П. Боткинъ, а позднѣе вошелъ въ нашъ кругъ профессоръ зоологіи Рулье, какъ спеціалистъ по своей части. Хотя на нашей обязанности лежала московская литература, однако жъ мы принимали на себя, иногда по собственному вызову, иногда по предложенію редакціи, разборъ книгъ, выходившихъ въ Петербургѣ. Случалось и наоборотъ: о сочиненіи, напечатанномъ въ Москвѣ, появлялась критическая статья

---

[1]) Позволяю себѣ, ради любопытства, приложить здѣсь списокъ первыхъ книгъ, взятыхъ мною изъ цензурнаго комитета: 1) Народный русскій пѣсенникъ, 2) Какъ любятъ женщины, 3) Необыкновенный случай, 4) Письмо изъ Бородина, 5) Собраніе рецептовъ, 6) Разсужденіе о лажѣ, 7) Карманная книжка о цѣнности россійской и иностранной монеты, 8) Borodino-Moscou, 9) Бородинская годовщина, 10) Сынъ милліонера, 11) О весеннемъ лѣченіи болѣзней, 12) О жизни, 13) Галерея умныхъ животныхъ, 14) Лексиконъ городскаго и сельскаго хозяйства, 15) Aux calomniateurs de la Russie (французскій переводъ стихотворенія Пушкина: Клеветникамъ Россіи), 16) Прожектеръ, 17) О болѣзненныхъ вліяніяхъ въ Германіи, 18) Таблица о цѣнности россійской и иностранной монеты. Первые шесть нумеровъ достались на долю Бѣлинскаго; слѣдующіе шесть на долю М. Н. Каткова; остальные шесть на мою долю.

Бѣлинскаго или другаго петербургскаго сотрудника «Отечественныхъ Записокъ» и «Литературныхъ прибавленій». Редакторъ предварительно сносился о томъ съ нами. Никакихъ неудовольствій, подозрѣній и пререканій по этому поводу не выходило.

Критика «Отечественныхъ Записокъ», въ первый годъ ихъ существованія, не имѣла строгой опредѣленности и единства направленія. Отъ редакціи мы не получали на этотъ счетъ никакихъ положительныхъ указаній. Мы знали только, что библіографическая хроника должна была по возможности отличаться полнотою, что статьи слѣдовало доставлять къ извѣстному сроку и что подъ ними не слѣдовало выставлять именъ авторовъ. Характеръ этой «безъименной» критики, какъ бы исходящей отъ предмета безличнаго — отъ редакціи, формировался исподволь и установился лишь въ то время, когда Бѣлинскій сталъ главнымъ распорядителемъ критическаго отдѣла. До тѣхъ же поръ отчеты наши представляли такія качества, какія всегда появляются въ работѣ людей благонамѣренныхъ. При непріязни нашей къ петербургской журналистикѣ, въ лицѣ трехъ ея магнатовъ (Греча, Булгарина и барона Брамбеуса), мы вмѣняли себѣ въ заслугу и честь выражать мнѣнія, противоположныя ихъ мнѣніямъ. Въ ихъ литераторствѣ мы видѣли неуваженіе къ литературѣ и наукѣ, служеніе не истинѣ, а лжи и мамонѣ. «Не дѣлай того, что они дѣлаютъ; дѣлай вопреки имъ»,—вотъ отрицательное правило, служившее для насъ руководствомъ. Оно сообщило и нашимъ статьямъ хотя отрицательный, но доброкачественный характеръ, такъ какъ противоположный ему характеръ, по нашему убѣжденію, страдалъ злокачественностью. Притомъ мы имѣли передъ собою примѣръ Бѣлинскаго. Мы хорошо знали его взглядъ на литературу вообще, на поэзію въ частности,—взглядъ, вынесенный имъ изъ кружка Н. В. Станкевича и уже достаточно разъясненный въ критическихъ статьяхъ «Молвы» и «Московскаго Наблюдателя». Въ поэзіи онъ видѣлъ не просто источникъ эстетическаго наслажденія, но и нравственное орудіе, облагораживающее человѣка. Этого понятія не упускали мы изъ виду и въ нашей работѣ.

Направленіе «Отечественныхъ Записокъ», какъ и вообще всей литературы, начиная съ сороковыхъ годовъ, или даже ранѣе (отъ смерти Пушкина), отличалось тенденціозностью, выражавшеюся всего сильнѣе въ критикѣ и библіографической хроникѣ. Эти два отдѣла должны были служить извѣстнымъ идеямъ и стремленіямъ нравственнымъ, общественнымъ и литературнымъ, которыя критикъ считалъ полезнымъ проводить въ среду читателей. Въ силу такой тенденціозности, служебнаго значенія критики, всегда ей болѣе вредящей, чѣмъ приносящей пользу, насъ интересовало не столько самое содержаніе разбираемаго сочиненія, сколько отношеніе содержанія къ дорогимъ для насъ убѣжденіямъ. Мы пользовались новымъ трудомъ литератора или ученаго, какъ поводомъ

поговорить о томъ, что̀ составляло задачу журнала, давало ему цвѣтъ, отвѣчало сущности его программы. Поводъ же легко было найти не только при разборѣ важной и дѣльной книги, но и при рецензіи самой ничтожной книжонки, въ родѣ «Средствъ для истребленія клоповъ и таракановъ», или «Искусства носить сапоги, не изнашивая». Мы ухитрились прицѣпляться къ чему ни попало, чтобы высказать то, о чемъ, по нашему мнѣнію, не слѣдовало молчать въ настоящую минуту. Способы высказыванія были различны: прямое или косвенное изложеніе нашихъ мыслей; прямое или косвенное осужденіе мыслей, несогласныхъ съ нашими; похвала лицамъ одного съ нами поля; порицаніе лицъ поля непріятельскаго. Иногда мы писали двусмысленно, въ увѣренности, что многіе уже выучились читать между строкъ и потому поймутъ настоящій смыслъ. Для достиженія цѣли употреблялись многія средства: серьёзное изложеніе предмета, сатирическія выходки, насмѣшка. Не хватало у насъ пороха, — мы бросали пылью въ противника, и такъ или иначе старались вредить ему. Начала, которымъ служила критика, носили названіе либеральныхъ; тѣмъ же названіемъ обозначался и характеръ нашего журнала «Отечественныхъ Записокъ». Они развились и господствовали въ Западной Европѣ, сближеніе съ которой начато Петромъ: отсюда наше благоговѣніе къ его памяти и нелюбовь къ славянофильству. Однимъ словомъ, мы были приверженцы западной цивилизаціи, такъ называемые западники.

Здѣсь я считаю нужнымъ объяснить, какъ въ то время мы относились къ представителямъ славянофильства и въ чемъ, по тогдашнему нашему понятію, состояли пункты различія между ихъ ученіемъ и нашими взглядами. Прежде всего замѣчу, что большинство петербургскихъ литераторовъ имѣли превратное понятіе о томъ и другомъ. Изъ разговоровъ съ ними обнаруживалось, что они считали славянофиловъ врагами просвѣщенія, своего рода обскурантами, приравнивали ихъ къ издателямъ «мракобѣснаго» журнала «Маякъ» и даже, по невѣдѣнію или недомыслію, заподозрѣвали ихъ нравственную благонадежность. Другое дѣло — Москва: здѣшнимъ литераторамъ и журнальнымъ сотрудникамъ очень хорошо были извѣстны солидная и многосторонняя образованность корифеевъ славянофильства, крѣпость ихъ нравственныхъ началъ, искренняя и безкорыстная преданность идеямъ, которыя они старались распространять въ средѣ своихъ соотечественниковъ. Если Бѣлинскій относился къ нимъ непріязненно и дозволялъ себѣ частію запальчивыя, частію колкія выходки, то это легко объясняется, во-первыхъ, его темпераментомъ, съ которымъ трудно бороться человѣку, и, во-вторыхъ, увѣренностью въ истинѣ своей доктрины, тогда какъ доктрина ей противоположная могла, — такъ онъ думалъ, — вести къ вреднымъ послѣдствіямъ, именно къ ослабленію или застою русскаго просвѣщенія, къ отчужденію насъ отъ евро-

пейской цивилизаціи, въ которой онъ единственно видѣлъ идеалъ всяческаго преуспѣянія. Съ другой стороны, и поборники славянофильства были несправедливы къ западникамъ, обвиняя ихъ въ отсутствіи патріотическаго чувства и прилагая къ нимъ названіе космополитовъ. Странно было выслушивать подобные отзывы тому, кто зналъ, что къ числу несогласныхъ съ славянофильской доктриной принадлежали такія личности, какъ профессора: Грановскій, Соловьевъ, Кавелинъ, Кудрявцевъ, Чичеринъ... Несогласіе во взглядахъ вовсе не исключало взаимнаго уваженія и пріязненнаго знакомства, равно какъ и ученой борьбы. Грановскій полемизировалъ съ Хомяковымъ, Самаринъ съ Соловьевымъ и Кавелинымъ. Вѣдь и Шиллеръ находилъ, что исключительно національный интересъ есть скудный идеалъ для философа, который не только имѣетъ право, но даже обязанъ быть современникомъ всѣхъ вѣковъ, гражданиномъ всего міра, или человѣчества. Слѣдуетъ ли отсюда, что поэтъ не уважалъ нѣмецкой національности, не любилъ своего отечества? Да зачѣмъ такъ ходить далеко? Послушаемъ, что говоритъ авторъ «Писемъ русскаго путешественника»: «Путь образованія или просвѣщенія одинъ для народовъ... Все народное ничто предъ человѣческимъ. Главное дѣло быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для русскихъ, и что англичане или нѣмцы изобрѣли для пользы, выгоды человѣка, то мое, ибо я человѣкъ». Можно не соглашаться съ такимъ взглядомъ и оспаривать его, но непозволительно думать, что Карамзинъ во время своего путешествія не былъ патріотомъ. То же самое непозволительно и въ отношеніи къ такъ называвшимся западникамъ: они, наравнѣ съ восточниками, т. е. славянофилами, искренно любили свое отечество. Съ этой стороны между тѣми и другими не существовало ни малѣйшаго различія; различіе заключалось въ основномъ, исходномъ пунктѣ ученія о развитіи народной жизни и въ средствахъ, ведущихъ къ этой цѣли. По славянофильскому взгляду, русская народность должна развиваться изъ собственныхъ, ей присущихъ началъ; западники, напротивъ, требовали усвоенія западно-европейской цивилизаціи. Чего желали съ обѣихъ сторонъ? Освобожденія крестьянъ, распространенія народнаго образованія, простора и бо́льшей свободы литературѣ. Западъ «разлагается», «гніетъ»,—говорили Хомяковъ и Шевыревъ; сторонники Запада смѣялись надъ этими выраженіями. За идеаломъ развитія славянофилы обращались къ древней, до-петровской Руси, подобно нѣмецкимъ романтикамъ, ушедшимъ отъ современной имъ дѣйствительности въ средніе вѣка; отсюда ихъ неблаговоленіе къ петровской реформѣ, повредившей естественному росту Россіи, отчуждившей образованные классы отъ народа. Профессоръ Морошкинъ въ частномъ разговорѣ развивалъ такую мысль, что Россія до тѣхъ поръ не начнетъ возвышаться, пока Петръ I

не будетъ, въ общественномъ мнѣніи, низведенъ съ своего пьедестала. Нѣтъ,—возражали противники,—надобно идти не назадъ, а впередъ, слѣдуя примѣру Петра, сблизившаго насъ съ Европой, и вотъ Бѣлинскій пишетъ двѣ критическія статьи по поводу новаго изданія «Дѣяній Петра Великаго» (Голикова), «Древнерусскихъ стихотвореній» (т. е. пѣсенъ) Кирши Данилова, съ цѣлію выставить все величіе преобразователя, какъ творца новой Россіи, и всю непригдядность Руси древней. Слейся съ народомъ: таковъ былъ совѣтъ, который давали славянофилы образованному классу русскихъ; западники не понимали слова «сліяніе» и толковали его въ томъ смыслѣ, что образованный долженъ низходить къ простолюдину, становиться въ уровень съ нимъ, тогда какъ, по ихъ мнѣнію, надлежало, напротивъ, простолюдью восходить къ высшему классу, равняться съ нимъ силою образованности. Вотъ въ сущности пункты сходства и различія между двумя противными лагерями. Очень можетъ статься, что главною причиною разлада между ними служило плохое пониманіе основнаго тезиса славянофиловъ о сущности народности и развитія народной жизни, приведшее ко многимъ второстепеннымъ недоразумѣніямъ.

Возвращаюсь къ разсказу, послѣ небольшаго отступленія, нужнаго для яснаго представленія характера періодической прессы.

Чтобы современный читатель, далеко ушедшій отъ той эпохи, о которой я говорю, могъ судить о значеніи и методѣ критики сороковыхъ годовъ, я позволяю себѣ привести одинъ изъ ея образчиковъ.

Въ прибавленіяхъ къ «Твореніямъ святыхъ отцовъ въ русскомъ переводѣ», издававшихся при Московской духовной академіи, напечатано «Первое письмо о конечныхъ причинахъ» (годъ 5, книжка 2-я, 1847 г.)[1]. Оно имѣетъ цѣлію опровергнуть взглядъ извѣстнаго французскаго ученаго, Литре, выраженный имъ въ статьѣ: «О важности и успѣхахъ физіологіи»[2]. «Ученіе о конечныхъ причинахъ», говоритъ Литре, разрушено въ наше время новыми открытіями и изслѣдованіями наукъ положительныхъ; одна изъ великихъ заслугъ этихъ наукъ состоитъ въ изгнаніи отовсюду вымышленныхъ цѣлей и замѣнѣ гипотезъ фактами. Такъ какъ Огюстъ Контъ и его послѣдователь Литре увлекали насъ въ то время «положительной философіей», и я даже намѣревался изложить главныя ея положенія, о чемъ и было заявлено въ ноябрской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» 1847 года, то понятно, что авторъ «Письма»,

---

[1]) «Письма о конечныхъ причинахъ» изданы отдѣльной книжкой. Сочиненіе ихъ приписывали Голубинскому, профессору философіи въ Московской духовной академіи; но собственно это—трудъ студентовъ академіи, просмотрѣнный ихъ профессоромъ.

[2]) «Revue des deux mondes».

какъ оппонентъ Литре, не могъ ожидать похвальнаго отзыва, и вотъ что было сказано въ рецензіи:

«Большая часть ошибокъ, въ которыя впадали и впадаютъ защитники конечныхъ причинъ, состоитъ въ томъ, что они въ міросозерцаніе вносятъ понятіе пользы. Они забываютъ, что предметъ можетъ быть самъ себѣ цѣлью и что, слѣдовательно, цѣлесообразность и сообразность съ пользою не одно и то же. Другой источникъ ошибокъ заключается въ томъ, что философы, отыскивающіе во всемъ пользу, выводили ее изъ ограниченнаго числа фактовъ и явленій. Вращаясь въ крошечномъ уголку міра, ничтожномъ въ сравненіи съ цѣлымъ, они упустили изъ вида, что въ другихъ уголкахъ есть тѣ же творенія, нѣсколько иначе устроенныя, и что одна и та же часть нашего тѣла или тѣла животныхъ, необходимая тамъ, гдѣ жилъ какой нибудь Сократъ, была обходимою тамъ, гдѣ Сократъ не жилъ. Подобныя разсужденія походили бы на разсужденія Лиллипута, который сталъ бы отъискивать пользу и необходимость въ маломъ ростѣ. Легко представить себѣ, въ какое бы отчаяніе впалъ лиллипутскій философъ, посѣтивъ страну гигантовъ. Есть страна, жители которой надѣлены зобами: хорошо бы было, если бъ одинъ изъ нихъ сталъ доказывать необходимость или пользу зоба, не подозрѣвая, что возможно и отсутствіе зоба. Къ такимъ воззрѣніямъ на устройство міра принадлежатъ слова Сократа: «не есть ли это дѣло промысла, что Творецъ, по причинѣ нѣжности глазъ, оградилъ ихъ вѣками, какъ дверьми, которыя, какъ надобно глядѣть, растоpгаются, а во время сна смыкаются, и, чтобъ защитить глаза отъ вѣтра, покрылъ ихъ рѣсницами; а чтобъ имъ не причинилъ вреда потъ, текущій по лбу, выростилъ надъ ними брови». Сколько въ этихъ словахъ произвольнаго и ограниченнаго! Они подаютъ поводъ не только къ неразрѣшимымъ, но и къ страннымъ вопросамъ о пользѣ разныхъ предметовъ міра. Въ самомъ дѣлѣ, волосы бровей останавливаютъ потъ, текущій по лбу,—какое же назначеніе волосъ на бородѣ и усахъ? Они выpощены еще въ большомъ количествѣ, должны имѣть, по теоріи конечныхъ причинъ, свою неотъемлемую пользу, и вотъ безжалостная бритва отнимаетъ ее, эту пользу, и многіе изъ насъ завидуютъ тому полу, у котораго не растетъ ни бороды, ни усовъ. Такимъ образомъ разсчетъ человѣка, его мысль объ удобствѣ или красотѣ торжествуетъ надъ разсчетомъ природы, надъ ея конечной причиной. Борода въ жаркомъ климатѣ скопляетъ въ себѣ потъ и та же борода сѣверныхъ жителей покрывается инеемъ: который же изъ этихъ двухъ предметовъ служитъ ея истиннымъ назначеніемъ? Сверхъ того, мы не знаемъ, что̀ будетъ дѣлать теорія конечныхъ причинъ съ уродами, которыхъ такъ много и которые представляютъ явное уклоненіе отъ цѣлесообразнаго устройства природы. Находить цѣлесообразность въ каждой части животнаго тѣла значитъ доказывать вмѣстѣ ея необходимую пользу и тѣмъ стѣснять всемогущество Творящаго. Вы говорите, рѣсницы защищаютъ глаза отъ вѣтра? Но для чего же вѣтру дана сила вредить столь полезному органу, каковъ глазъ, и для чего же рѣсницамъ не дана полная сила ограждать этотъ органъ отъ губительныхъ вліяній вѣтра, пыли и жаровъ? Зачѣмъ человѣкъ устроенъ именно такъ, что онъ падаетъ на землю тѣми частями тѣла, которыя для него всего драгоцѣннѣе? Вы отвѣтите, что Творецъ не хотѣлъ силою своего могущества нарушать естественное теченіе природы. Прекрасно! Слѣдовательно, великое слово истиннаго воззрѣнія найдено: естественность. Вотъ ключъ къ истинному ученію. А теорія конечныхъ причинъ никогда не сладитъ съ своимъ дѣломъ. Испытатели природы открыли уже многое въ дѣйствительномъ устрой-

ствѣ міра, и очень мало знаютъ о пользѣ всѣхъ ея твореній и каждой части творенія, да и знанія эти, большею частію, гипотетическія, добыча фантазіи. Вотъ ужъ сколько времени человѣкъ живетъ съ комарами и мухами, и до сихъ поръ не знаетъ истиннаго ихъ назначенія, по крайней мѣрѣ, не видитъ пользы вреда, ими причиняемаго. Пожалуй, можно искать ее въ томъ или другомъ вліяніи на нашу нравственность, т. е. объясненіе конечной причины перенести изъ міра физическаго въ міръ душевный, но такъ какъ отъ этого не выигрываютъ ни физика, ни нравственность, то человѣкъ и рѣшился на благое дѣло — истреблять цѣлесообразныхъ комаровъ и мухъ, необходимо полезныхъ по теоріи конечныхъ причинъ, но чрезвычайно-непріятныхъ по естественному ощущенію. Съ успѣхами астрономіи, звѣзды и луна потеряли свою прежнюю конечную причину—свѣтить землѣ. Было время, когда астрономы, основываясь на своихъ предположеніяхъ, заставляли двигаться планеты по такимъ хитрымъ путямъ, что одинъ вѣнценосецъ воскликнулъ: «Если бъ я былъ при сотвореніи міра, то посовѣтовалъ бы устроить его получше»! То же самое, пожалуй, скажетъ иной при разсужденіяхъ Сократа и другихъ философовъ, установляющихъ конечныя причины» [1]).

Голубинскому былъ непріятенъ такой отзывъ, хотя высшая духовная власть и успокоивала его, говоря: «огорчаться тутъ нечего; развѣ ты не видишь, что въ статьѣ больше остроумія, чѣмъ дѣла». Такъ передавалъ мнѣ Александръ Ивановичъ Невоструевъ, братъ Капитона Ивановича, трудившагося, вмѣстѣ съ Горскимъ, надъ описаніемъ рукописей синодальной библіотеки. Онъ былъ законоучителемъ въ московскомъ александровскомъ институтѣ, во время моего тамъ субъинспекторства, а потомъ протоіереемъ въ московскомъ Казанскомъ соборѣ, имѣлъ много знакомыхъ въ духовной академіи и постоянно поддерживалъ съ нею сношенія.

Другой примѣръ такой же критической манеры можно видѣть въ отзывѣ о новомъ русскомъ переводѣ всѣмъ извѣстнаго романа Гольдсмита: «Векфильдскій священникъ». Онъ помѣщенъ въ «Современникѣ» [2]). Рецензентъ не пощадилъ ни автора, ни его творенія, хотя оно пользовалось и теперь пользуется несомнѣнною всемірною извѣстностью. За то редакція «Современника» читала статью съ большимъ удовольствіемъ, а К. Д. Кавелинъ не могъ удержаться отъ смѣха при ея злобно-яростномъ тонѣ, который давалъ знать, что авторъ статьи видитъ въ Гольдсмитѣ какъ бы личнаго врага своего. Между тѣмъ, этотъ авторъ можетъ увѣрить читателя, что онъ никогда не страдалъ ни яростью, ни злобой. Но таково, видно, свойство тенденціозной мысли, настроенной на извѣстный ладъ, смотрящей въ одну сторону, что она и нежелчной натурѣ даетъ иногда возможность извергать желчь. Когда рецензентъ спросилъ у Т. Н. Грановскаго, что̀ онъ думаетъ о статьѣ, то услышалъ отъ него слѣдующее: «Статья, разумѣется, хороша,

---

[1]) «Отеч. Зап.», 1847 г., сентябрь, «Библіографическая хроника» (стр. 22—25).
[2]) Въ 1847 г. (ноябрь), въ отдѣлѣ «Русская литература».

по отношенію къ вашему взгляду, но по отношенію къ роману отъ начала до конца фальшива. Знаменитый романъ она смѣшала съ грязью: такъ нельзя судить о поэтическихъ произведеніяхъ. Въ нихъ художество на первомъ мѣстѣ, а вы художества-то и не хотѣли знать». Именно не хотѣлъ, потому что носилъ въ головѣ совершенно иное. Романъ оказался виноватымъ потому, что онъ, говоря словами рецензіи, «не къ лицу современнымъ стремленіямъ: теперь де нужны не векфильдскіе священники, а люди бодрые, дѣятельные, которые смотрѣли бы на вещи прямо и любили бы землю, какъ наше жилище».

Что тенденціозное направленіе критики приходилось ко времени, это доказывается постояннымъ изъ года въ годъ возраставшимъ, хотя туго и медленно, успѣхомъ «Отечественныхъ Записокъ». Сочувствіе людей, дорожившихъ европейской цивилизаціей, видимо обращалось на сторону этого журнала. Много помогло тому тогдашнее состояніе литературы и подвиги тѣхъ литераторовъ, которые господствовали въ ней, или, вѣрнѣе, претендовали на право господства. Я разумѣю Греча и Булгарина, владѣвшихъ правомъ издавать единственную частную газету «Сѣверную Пчелу», и Сенковскаго (онъ же баронъ Брамбеусъ), редактора «Библіотеки для Чтенія». Умалчиваю о четвертомъ лицѣ—Н. А. Полевомъ. Приниженный обстоятельствами, онъ волей-неволей былъ вынужденъ устроить компромиссъ съ указаннымъ тріумвиратомъ, самозванымъ цѣнителемъ отечественной словесности, распорядителямъ ея судебъ. Какъ относились они къ лучшимъ ея представителямъ, къ тѣмъ славнымъ именамъ, которыя неизмѣнно дороги каждому русскому? Для примѣра достаточно прочесть драгоцѣнныя въ своемъ родѣ письма Булгарина и Сенковскаго къ Лелевелю [1]). Боже мой, какъ они разстилались передъ своимъ собратомъ въ благодарности за критику на «Исторію Государства Россійскаго»! какъ упрашивали его (Булгаринъ даже становился передъ нимъ на колѣни—«падамъ до ногъ») доконать русскаго историка! Не лучше было и обращеніе съ Пушкинымъ и Гоголемъ. Первый обвинялся въ безнравственности своихъ сочиненій; юморъ втораго назывался малорусскимъ жартомъ, а онъ самъ приравнивался Поль де Коку. Баронъ Брамбеусъ, воздвигшій себѣ памятникъ тѣмъ, что первый ввелъ въ нашу литературу омерзительный элементъ — глумленіе, который чрезвычайно нравился нижнеэтажнымъ и подвальнымъ подписчикамъ на «Библіотеку для Чтенія», — баронъ Брамбеусъ, говорю я, возносилъ до небесъ стихотворенія Тимоѳеева, никому теперь неизвѣстныя, и каждый разъ величалъ ихъ автора прямымъ «наслѣдникомъ» Пушкина. Смѣясь надъ симъ и онымъ, преслѣдуя ихъ въ каждой книгѣ и книжонкѣ, онъ думалъ, что

[1]) «Русская Старина», 1878, №№ 8 и 9.

преобразовываетъ, улучшаетъ нашъ литературный языкъ, а самъ то и дѣло нашпиговывалъ свою рѣчь полонизмами и другими антирусскими выраженіями и словами [1]). Вотъ каковы были наши цѣнители и судьи! Понятно, что органы такихъ дѣятелей должны были оттолкнуть отъ себя и сотрудниковъ, и читателей, принадлежавшихъ къ классу людей благомыслящихъ, что тѣ и другіе перешли на сторону періодическаго изданія, вовсе непохожаго по своему направленію ни на «Сѣверную Пчелу», ни на «Библіотеку для Чтенія». Разсказываютъ, что въ одинъ изъ пріѣздовъ Жуковскаго въ Москву С. П. Шевыревъ умаливалъ его освободить русскую литературу отъ татарскаго нашествія Брамбеуса. Моленіе, конечно, эксцентричное, но чувство, которымъ оно внушено, вполнѣ понятно: это — чувство благороднаго человѣка и патріота, горячо принимавшаго къ сердцу отечественное образованіе и отечественную литературу.

Въ настоящее время, когда газеты взяли верхъ надъ изданіями, обыкновенно называющимися у насъ журналами, очень трудно составить себѣ вѣрное понятіе о силѣ того сочувствія, какимъ пользовались «Отечественныя Записки». Всякое о томъ представленіе современныхъ читателей, которые въ сороковыхъ годахъ не могли еще, по своему возрасту, интересоваться литературою, окажется или слабымъ, или фальшивымъ. Еще за недѣлю до выхода книжки въ Петербургѣ (каждый нумеръ аккуратно выходилъ въ первое число мѣсяца), мы, москвичи, находились въ какомъ-то возбужденномъ состояніи: разсчитывали, когда именно прибудетъ она къ намъ, гадали и думали, какія статьи въ ней появятся. При полученіи ея, иногда и дѣло откидывалось въ сторону. Мы торопливо разрѣзывали листы и прежде всего бросались на критику, потомъ просматривали библіографическую хронику, а затѣмъ уже переходили къ отдѣлу наукъ или отдѣлу беллетристики, смотря по тому, въ которомъ изъ нихъ наиболѣе выражались наши любимыя идеи. Романы и повѣсти Жоржъ Занда были въ этомъ отношеніи настоящимъ для насъ кладомъ. Ознакомившись съ важнѣйшимъ содержаніемъ нововышедшаго нумера, мы вскорѣ собирались у кого-нибудь изъ нашего круга, взаимно передавали впечатлѣнія, повѣряли свое удовольствіе удовольствіемъ другихъ, а иногда любили и поспорить о значеніи такой-то статьи, о ея достоинствахъ и недостаткахъ. То было истинно-пріятное времепровожденіе! Никому изъ насъ не приходило на мысль считать часы, проведенные въ подоб-

---

[1]) Онъ писалъ: польце зелени, крокодилей, бѣлость (см. бѣлизна), не совайся (вм. не суйся), отгружаютъ (вм. разгружаютъ), наочный свидѣтель (отъ польскаго naoczny), по ступенямъ царей (т. е. по стопамъ, по слѣдамъ), я оглазѣлъ (изумился, остолбенѣлъ), калмыки кипятъ загородомъ (кишатъ). См. Литературныя поясненія Греча въ приложеніи ко 2-му тому «Сына Отечества» (мартъ и апрѣль 1838 г.).

ныхъ бесѣдахъ, потерянными. Мы были убѣждены, что журнальное дѣло наше приноситъ пользу, а при такомъ убѣжденіи нѣтъ мѣста ни сожалѣнію, ни раскаянію. На успѣхъ «Отечественныхъ Записокъ» мы смотрѣли, какъ на успѣхъ общественный. И потому, когда цифра подписчиковъ этого журнала отъ 600 или 700 возросла черезъ три-четыре года до 4,200, мы искренно радовались и торжествовали. Онъ сталъ журналомъ первенствующимъ, благодаря своему направленію. Значитъ, разсуждали мы, правая сторона, рано или поздно, беретъ свое, одерживаетъ верхъ надъ стороной неправой, какъ бы послѣдняя ни была сильна и откуда бы ни почерпала свою нечистую силу.

1846-й годъ былъ послѣднимъ годомъ участія Бѣлинскаго въ «Отечественныхъ Запискахъ», которыя, конечно, ему одолжены были своимъ успѣхомъ. Вмѣстѣ съ нимъ перешли въ «Современникъ» (1847 г.) и другія крупныя литературныя силы. Уменьшенному числу сотрудниковъ г. Краевскаго пришлось работать усиленнѣе. Я началъ писать болѣе и чаще въ отдѣлы критики и библіографической хроники, по временамъ посылая кое-что и въ другіе отдѣлы. Изъ статей моихъ я долженъ отмѣтить тѣ, которыя имѣли значеніе не только для меня собственно, но и для исторіи самого журнала.

Больше всего памятенъ мнѣ первый отрывокъ изъ «Записокъ человѣка», посвященный П. Н. Кудрявцеву [1]). Онъ явился подъ псевдонимомъ Сто-одинъ, который былъ уже не новостью для читателей «Отечественныхъ Записокъ». Здѣсь кстати объяснить причину, почему я выбралъ такую, повидимому, странную подпись. Вотъ что подало къ этому поводъ. Въ 1841 году, вышелъ второй томъ Смирдинскаго сборника: «Сто русскихъ литераторовъ». Къ изданію предполагалось десять томовъ, съ десятью статьями въ каждомъ и портретами ихъ авторовъ. Просматривая нововышедшій томъ, я увидѣлъ на ряду съ такою возвышенностью литературнаго міра, какъ Крыловъ, и другими извѣстными личностями (Вельтманъ, Загоскинъ, Надеждинъ) имена Каменскаго, Масальскаго, Панаева (Владиміра Ивановича), Шишкова и Булгарина. Такая смѣсь талантовъ мнѣ показалась забавною, и я подумалъ: куда мнѣ тягаться съ такими богатырями! могу ли мечтать о занятіи мѣста въ ихъ обществѣ, попасть хотя въ послѣдній, десятый томъ Смирдинскаго сборника! Нѣтъ, я лучше подожду и открою своей особой вторую серію, вторую сотню русскихъ литераторовъ, буду «сто первымъ». Вскорѣ послѣ этого, подъ первой же статьей, отправленной въ «Отечественныя Записки»: «Характеръ лирическихъ стихотвореній В. Гюго» [2]), я подписался выбраннымъ мною псевдонимомъ. Но

[1]) «Отечеств. Записки», 1847 г., № 12.

[2]) «Отеч. Зап.», 1841, т. XVII (французская литература).

впослѣдствіи редакція журнала замѣнила его другимъ—Сто одинъ, полагая, что я имѣлъ въ виду французскій сборникъ «Cent et un». Эта замѣна такъ и осталась: мнѣ не хотѣлось входить въ переписку объ ошибочномъ толкованіи моей мысли, да и не стоило: отъ сто-перваго до ста-одного одинъ только шагъ.

Содержаніемъ указанной статьи изъ моихъ «Записокъ» служило то мистико-аскетическое настроеніе, которое охватило меня въ юношествѣ, послѣ прочтенія переведенной съ латинскаго книги «Брань духовная, или наука о совершенной побѣдѣ самого себя» (1787) [1] Въ послѣдующій періодъ жизни, при усвоеніи другихъ, прямо противоположныхъ воззрѣній, любопытно было вспомнить былое, сильно меня интересовавшее десятка за два лѣтъ. При интеллектуальномъ развитіи личности съ ея убѣжденіями часто происходитъ то же самое, что и съ чувствами. Къ тѣмъ и другимъ удобно приложить поговорку: «чему посмѣешься, тому и поработаешь», только выразивъ ее наоборотъ: «чему поработаешь, тому и посмѣешься». Влюбленный, напримѣръ, охладѣвъ къ предмету своей страсти, не только становится къ нему равнодушнымъ, но иногда питаетъ даже отвращеніе. Какими мольбами, какимъ приворотнымъ зельемъ заставишь его пылать прежнею страстью! Скорѣе тигръ возвратитъ свою добычу, чѣмъ угасшая любовь снова загорится съ первоначальнымъ пламенемъ. Такую же участь испытываютъ и убѣжденія: въ чемъ нѣкогда видѣли мы идеалъ, чему поклонялись и приносили жертвы, какъ кумиру, то впослѣдствіи, при дальнѣйшей степени сознанія, выработывающаго новые идеалы, новые кумиры, мы разбиваемъ въ прахъ какъ неистинное. Мы негодуемъ и на доктрину, которой служили, и на самихъ себя, зачѣмъ подчинились ея обольщенію. Испытывая подобное негодованіе, я также захотѣлъ отомстить моей бывшей доктринѣ за пораженіе юношескихъ стремленій, за приниженіе ума, за оскорбленіе человѣческой природы... Вотъ какъ отозвался я объ отверженномъ ученіи, въ которомъ думалъ обрѣсть и основу для сужденій, и правило для дѣйствій:

«И я нашелъ этотъ кодексъ, на темныхъ страницахъ котораго начертано, что жизнь есть суровое наказаніе, что на бѣломъ свѣтѣ не свѣтъ и радость, а смятеніе и слезы, что обязанность человѣка — воевать съ самимъ собою и принимать побѣду, какъ сверхъестественный даръ. Случайно попалось мнѣ твореніе мрачнаго противника жизни, который видѣлъ въ ней самаго опаснаго врага живущихъ [2]). По его теоріи, врожденныя способности человѣка были ни больше, ни меньше, какъ пороки, ибо онѣ вытекали изъ зараженнаго источника. А такъ какъ главныхъ способностей у насъ двѣ: сознаніе и воля, то и главныхъ условій для брани съ жизніею — два. Первое — крайняя недовѣрчивость къ силамъ ра-

---

[1]) «Русск. Вѣст.», 1876, ноябрь.—Другой переводъ того же сочиненія напечатанъ въ 1794 г., подъ заглавіемъ «Подвигъ христіанина противъ искушеній»

[2]) Разумѣлось цитированное сочиненіе: «Духовная брань».

зума, полное отсутствіе самоуваженія: чтобы значить что нибудь на полѣ сраженія, подобно было убѣдиться, что мы ничего не значимъ. И даже въ томъ случаѣ, когда спасительная недовѣрчивость овладѣвала умомъ и сердцемъ, мы всего менѣе обязаны считать ее своей заслугой и всего больше незаслуженнымъ даромъ, чѣмъ-то въ родѣ поэтическаго вдохновенія. Исправивъ порокъ разума, т. е. уничтоживъ его сущность, надобно, по теоріи гоненій на жизнь, исправить такимъ же образомъ порокъ воли. Въ этомъ—второе условіе борьбы, и главное здѣсь средство—отречься отъ естественныхъ влеченій. Притомъ, надобно замѣтить, что цѣль подобнаго отреченія отнюдь не въ томъ, чтобъ побѣдить волю, но въ томъ единственно, чтобъ приписать побѣду не своей волѣ. Побѣжденная природа утратитъ всѣ свои лавры, если дерзнетъ искать удовлетворенія въ самомъ актѣ побѣды: нѣтъ, стремленіе къ побѣдѣ и награда за нее должны лежать внѣ нашей натуры. Свое собственное удовольствіе, которое мы ощущаемъ, упразднивъ волю, — ничто. При каждомъ дѣйствіи, необходимо освобождать себя отъ всѣхъ побужденій, въ которыхъ есть хотя что нибудь человѣческое. Однимъ словомъ (говорило мнѣ руководство), воля да будетъ мертва, чувство тупымъ и умъ безумнымъ.

«Увлеченный мыслію о возможности пріобрѣсть сверхчеловѣческое совершенство, я сталъ прилежно вникать въ способы для достиженія цѣли. И тогда-то началась брань, крайне любопытная своей беззаконностью: брань между правилами системы, грозной своей нетерпимостью, и увлеченіемъ жизни, сильной своею естественностью. Я осуждалъ все, что противорѣчило законамъ моей исключительной нравственности: біеніе сердца, свободное движеніе мысли, твердое желаніе воли—все надобно было умѣрить или подавить, какъ преступные замыслы человѣка, который хочетъ выйти изъ-подъ вліянія спасительныхъ постановленій. Я сѣтовалъ на радость, хотя она оправдывалась своею искренностью, боялся пріятныхъ образовъ воображенія и всего болѣе боялся горячихъ стремленій крови, находя въ ней стихію самую мятежную, самую непокорную условнымъ системамъ нравственности. Страсть была для меня страшилищемъ. Я изъ себя создалъ врага самому себѣ, врага опаснаго и безотвязнаго, потому что онъ домашній. На языкѣ моей системы, счастіе заключалось въ отреченіи отъ того счастія, которымъ долженъ наслаждаться каждый, пришедшій въ міръ; верховное благо — въ отчужденіи отъ собственной природы; жизнь человѣка и всего міра—въ непрерывномъ самоумерщвленіи. Таинство жертвы, благодать страданія—вотъ идеалъ, къ которому я стремился по указанію моего руководства.

«Но что же вышло? Чѣмъ меньше я уклонялся отъ предписаній руководительной системы, тѣмъ больше чувствовалъ неловкость своего положенія. Вѣрность тому, что я называлъ прямою обязанностью, награждала меня отвлеченнымъ удовольствіемъ; но это же исполненіе долга заставляло меня живо ощущать дѣйствительное недовольство—плодъ существенныхъ потерь. На ряду съ одобреніемъ, которое я приписывалъ себѣ, какъ послушный ученикъ, изъ глубины моего чувства раздавался другой, оглушительный и ничѣмъ не заглушаемый голосъ естественной совѣсти, крикъ природы, которая, подобно мстительнымъ богинямъ, преслѣдуетъ безъ отдыха нарушителя ея законовъ. Послѣ напрасной жертвы—напрасное утѣшеніе, за утѣшеніемъ опять жертва: какая безплодная наука! Это ли значитъ жить? Какъ ни былъ молодъ мой разсудокъ, но онъ замѣчалъ въ избранной имъ нравственной системѣ два коренныхъ недостатка: непослѣдовательность самой себѣ и противорѣчіе естественному свойству вещей. Мнѣ казалось страннымъ, что, при томъ разъединеніи элементовъ человѣческой натуры, которое система проповѣдовала, при томъ превосходствѣ, ко-

торое она отдала одному изъ этихъ элементовъ, употреблялись, по ея же наставленіямъ, чисто чувственныя средства для пріобрѣтенія сверхчувственнаго совершенства. Мнѣ казалось страннымъ, что эта система никогда не позволяла нашимъ способностямъ идти прямо, развиваться естественнымъ ходомъ, но перестанавливала мысли, чувства и дѣла, какъ бы забавляясь ихъ противонатуральнымъ перемѣщеніемъ. Стремилось ли состраданіе помочь несчастному?—система запрещала чувству испытывать сладость самоудовлетворенія, находить красоту и награду въ исполненіи своего благороднаго стремленія. Она требовала, чтобъ и предметъ, возбуждавшій чувство, и чувство возбужденное исчезли, уступивъ мѣсто третьему предмету, о которомъ человѣкъ въ то время и не думалъ. Смотрѣли ли глаза и умъ на прекрасное созданіе природы?—уму вмѣнялось въ обязанность помышлять не о созданіи, обратившемъ на себя его любопытство, а о предметахъ, которые не имѣли къ нему въ то время ни малѣйшаго отношенія. Жизнь долженствовала рождать понятіе о смерти, смерть — понятіе о жизни. Такое извращеніе нормальныхъ способностей нашихъ не могло нравиться здоровому человѣку, и я бросилъ свою систему.

«Система правилъ, принятая мною въ руководство, оказалась и потому безполезною, что она не дала мнѣ обѣщаннаго: я не пріобрѣлъ небывалаго совершенства. Силы природы безпрестанно увлекали меня изъ душнаго затвора на чистый воздухъ, подъ открытое нёбо, въ объятія дружелюбныхъ намъ инстинктовъ. Кромѣ безполезности, система произвела положительный вредъ: она нѣсколько ослабила дѣятельность данныхъ мнѣ стихій, тогда какъ нужно было возбуждать ихъ энергію, сообщать естественное направленіе благороднымъ страстямъ. Сторонняя, косвенная и неожиданная польза ея заключалась въ томъ, что я впослѣдствіи всѣми силами вознегодовалъ на то, чему прежде покорялся» [1]).

Статья произвела сильную сенсацію въ интеллигентныхъ кружкахъ обѣихъ столицъ. Въ Москвѣ читали ее и западники, и славянофилы. Н. Ф. Павловъ изъ дома въ домъ носился съ нумеромъ «Отечественныхъ Записокъ», гдѣ она напечатана, толковалъ ея значеніе, восхищался ею. Излишне говорить о томъ, какъ она понравилась редакціямъ и сотрудникамъ «Отечественныхъ Записокъ» и «Современника». Бѣлинскій писалъ къ В. П. Боткину: «Я съ удовольствіемъ прочелъ повѣсть не повѣсть, даже разсказъ не разсказъ и разсужденіе не разсужденіе—«Записки человѣка», да еще съ какимъ удовольствіемъ!» [2]). Боткинъ устроилъ обѣдъ, на который пригласилъ меня, какъ автора, и П. Н. Кудрявцева, какъ лице, которому посвящена статья; онъ хотѣлъ, вмѣстѣ съ другими, общими намъ пріятелями, фетировать насъ, пить за наше здоровье. Къ сожалѣнію, особенныя обстоятельства не позволили намъ явиться по приглашенію, за чтò и получили мы сильные, хотя и незаслуженные, упреки, какъ дикари, чуждающіеся общительности. Студенты, приходившіе къ Кудрявцеву по воскресеньямъ для бесѣдъ о своихъ занятіяхъ, разспрашивали его обо мнѣ, разсуждали о статьѣ

---

[1]) «Отеч. Зап.», 1847, декабрь.

[2]) Бѣлинскій, его жизнь и переписка, соч. А. Н. Пыпина, т. 2, стр. 312 и 313.

моей. Одинъ изъ нихъ, сынъ или племянникъ (не помню въ точности) бывшаго директора вологодской гимназіи, Ф—ва, сдѣлалъ мнѣ визитъ. Другой еще больше польстилъ мнѣ: въ театрѣ, во время антракта, изъ ложи, сосѣдней съ моею, онъ обратился ко мнѣ съ привѣтствіемъ и благодарностью какъ отъ себя лично, такъ и отъ всѣхъ своихъ товарищей, за великое удовольствіе, доставленное имъ «Записками человѣка». Не осталось къ нимъ равнодушно и духовное сословіе: ихъ читали и въ Московской духовной академіи. Протоіерей церкви Благовѣщенія, близь Разгуляя, очень образованный и притомъ математикъ, что̀ большая рѣдкость между лицами этого званія, развѣдывалъ обо мнѣ у профессора Брашмана, инспектора институтовъ, зная, что я занимаю должность его помощника. Въ Петербургѣ, И. И. Введенскій, преподаватель русскаго языка и словесности въ бывшемъ Дворянскомъ полку, на урокѣ, прочелъ мою статью воспитанникамъ, о чемъ самъ разсказывалъ мнѣ подъ великимъ секретомъ. Были читатели, знавшіе наизусть нѣкоторыя изъ нея тирады. Независимо отъ ея содержанія, имъ нравился самый слогъ. Наконецъ, позднѣе получилъ я изъ Ярославля (отъ 6-го мая 1853) небольшой подарокъ при слѣдующей запискѣ: «Въ брошюрѣ Парижскаго Общества религіозныхъ сочиненій: «Capitaine de vaisseau et son mousse» (1825, № 21), я нашелъ первообразъ «Капитана Боппа» Жуковскаго. Такъ какъ вещь эта вамъ, можетъ быть, неизвѣстна и достать ее порядочно трудно, то, посылая вамъ списокъ ея, прошу принять его какъ малый знакъ того безконечнаго уваженія, которое питаютъ къ вамъ всѣ ревнители серьёзнаго, соціальнаго образованія». Не выставляю имени писавшаго, не зная, будетъ ли то ему угодно, но считаю долгомъ выразить при этомъ случаѣ сердечную ему благодарность: сочувствіе людей просвѣщенныхъ дорого каждому. Однимъ словомъ, время, о которомъ я говорю, было временемъ моего тріумфа: фирма «Ста—одного» возвысилась.

Но торжество этимъ не кончилось. Новый блескъ придала ему критическая статья, подъ заглавіемъ: «Русская литература въ 1847 году» [1]. Редакціи «Отечественныхъ Записокъ» и «Современника», равно какъ многіе сотрудники ихъ, знали, что она принадлежитъ мнѣ, хотя подъ нею и не выставлено мое имя. Она состоитъ изъ двухъ частей: общей и частной. Общая излагаетъ направленіе литературы въ лицѣ лучшихъ ея представителей, или, вѣрнѣе, направленіе цивилизованнаго общества; частная, съ точки зрѣнія изложеннаго, дѣлаетъ обзоръ замѣчательнѣйшихъ литературныхъ произведеній, явившихся въ предшествовавшемъ (1847) году. Первая часть очень понравилась, вторая вышла неудачной, какъ спѣшное и слабое приложеніе основъ къ наличнымъ фактамъ. В. П. Бот-

[1] «Отеч. Зап.», 1848, январь.

кинъ, бывшій тогда въ Петербургѣ, и К. Д. Кавелинъ высказали мнѣ въ письмахъ большія похвалы, хотя послѣдній остался недоволенъ второю половиной статьи. Бѣлинскій, помѣстившій также обзоръ литературы въ двухъ нумерахъ «Современника» за 1848 годъ, писалъ мнѣ по этому поводу слѣдующее: «Кто прочтетъ общую часть и моей, и вашей статьи, тотъ, право, подумаетъ, что мы согласились говорить одно и то же. Но какъ только дойдетъ дѣло до оцѣнки литературныхъ произведеній, тогда—иная исторія: посылай за старикомъ Бѣлинскимъ, а безъ него плохо». Этими словами, вѣрно, обозначался недостатокъ второй части моей статьи, что̀ я и самъ вполнѣ сознавалъ.

Все это было бы очень лестно моему самолюбію, если бы за свѣтлыми минутами торжества не наступила тёмная пора, если бы не пришлось мнѣ пережить, какъ выражаются французы, un mauvais quart d'heure. Началъ ходить слухъ, совершенно неожиданный. Толковали, будто при описаніи характера моего дѣда (въ «Запискахъ человѣка») я мѣтилъ на высокопоставленное лице, имѣвшее такія же привычки. По нелѣпости слуха,—сказалъ мнѣ Т. Н. Грановскій,—вы можете сами заключить, что онъ идетъ изъ какой нибудь лакейской, и потому тревожиться имъ нѣтъ причины. Я и успокоился, но не надолго. Собиратель всѣхъ возможныхъ вѣстей, И. М. Снегиревъ, частый посѣтитель митрополичьяго подворья, отъ котораго онъ кстати и жилъ недалеко, сообщилъ мнѣ въ одно прекрасное (точнѣе—прескверное) утро, что отрывокъ изъ моихъ записокъ возбудилъ негодованіе и владыки (митрополита Филарета) и нѣкоторыхъ профессоровъ Московской духовной академіи; что они объясняютъ его, какъ явное отверженіе религіозно-нравственныхъ истинъ, что подъ книгой «мрачнаго противника жизни» я разумѣю будто священнѣйшую изъ всѣхъ книгъ. Это уже пахло не шуткой. Я не могъ не потревожиться. Къ вящшему моему смущенію, вѣсть Снѣгирева подтвердилась. На масляницѣ 1848 года, получилъ я записку отъ П. Н. Кудрявцева: «Вчера,—увѣдомлялъ онъ меня,—отецъ мой [1]) былъ вытребованъ къ владыкѣ. Рѣчь шла объ извѣстной статьѣ, мнѣ посвященной. Было упомянуто ваше имя. Нужно ли говорить, любезный другъ, что можетъ случиться, если рѣчь перейдетъ въ дѣйствіе?». Эти строки рѣшительно напугали меня. Я бросился къ Петру Николаевичу разузнать обстоятельнѣе то, о чемъ кратко говорилось въ запискѣ, а услышалъ отъ него слѣдующее.

Совершивъ обычный земной поклонъ, отецъ Петра Николаевича увидѣлъ въ рукахъ владыки книгу въ желтой обложкѣ («Отечественныя Записки»). Послѣ вопроса: «Читалъ ли ты въ этой книгѣ «Записки человѣка»? и отрицательнаго отвѣта, владыка сказалъ:

---

[1]) Отецъ П. Н. Кудрявцева былъ священникомъ на Даниловскомъ кладбищѣ.

— Знаешь ли, что эта статья не лучше сочиненій энциклопедистовъ? Въ ней отвергаются существенныя основы религіозной нравственности.

Священникъ, незнакомый съ содержаніемъ статьи, хранилъ молчаніе.

— Статья посвящена твоему сыну. Посвящаютъ обыкновенно тому, кто сочувствуетъ автору, единомыслитъ съ нимъ. Значитъ, и у твоего сына такой же образъ мыслей?

Молчаніе священника продолжалось.

— Я могъ бы позвать твоего сына и предложить ему этотъ вопросъ, но предоставляю тебѣ, какъ отцу, испытать его. Что же касается до автора статьи, то вѣдаться съ нимъ ужъ мое дѣло.

Нужно ли объяснять, какъ этотъ разсказъ встревожилъ меня? А не тревожиться было нельзя. Обстоятельства того времени, и общія, и мои собственныя, угрожали мнѣ опасностью, мѣру которой ни я, ни кто либо другой не могъ опредѣлить. Объ общихъ обстоятельствахъ, послѣдовавшихъ за февралемъ 1848 года, не считаю нужнымъ говорить: они извѣстны каждому. Въ обстоятельствахъ же моей жизни совершалась важная перемѣна. Судьба моя была уже связана съ судьбой другаго, дорогаго для меня существа. Вмѣсто пріятныхъ хлопотъ по предстоящему семейному устройству, мнѣ пришлось скрывать отъ невѣсты мою внутреннюю тугу, потомъ объявить ей о могущей постигнуть меня бѣдѣ, утѣшать ее... И теперь воспоминаніе объ этихъ черныхъ минутахъ тоскливо сжимаетъ мнѣ сердце.

За совѣтомъ, какъ поступить въ приключившейся со мной притчѣ, пошелъ я къ Т. Н. Грановскому, наилучшему, незамѣнимому въ этомъ отношеніи человѣку, никогда не терявшему бодрости духа въ постигавшихъ его невзгодахъ и умѣвшему внушать ее другимъ. Долго толковалъ онъ со мною, придумывая способъ если не отвести ударъ, то хотя нѣсколько ослабить его силу. Наконецъ, положено было немедленно написать другую статью, въ родѣ объяснительной записки къ первой, и немедленно же отправить въ «Отечественныя Записки» для напечатанія. Такъ я и сдѣлалъ. Вторая статья изъ «Записокъ человѣка» явилась въ мартовской книжкѣ этого журнала (1848 г.). Въ письмѣ къ редактору журнала я просилъ наблюсти, гдѣ слѣдуетъ, нѣтъ ли изъ Москвы какой бумаги, и если есть, то принять возможныя мѣры къ моей оборонѣ. Недѣли черезъ три полученъ успокоительный отвѣтъ: бумага, дѣйствительно, поступила, но

Громъ не грянулъ, и я перекрестился.

Замѣчательно, что «Записки человѣка», возбудившія сильный говоръ среди читателей, интересовавшихся каждымъ движеніемъ мысли, приняты были вовсе неодинаково людьми того круга, отъ

которыхъ зависитъ приговоръ, подлежитъ ли осужденію такой-то литературный фактъ. Въ этой неодинаковости впечатлѣнія выразилось различіе взглядовъ двухъ мѣстностей (Москвы и Петербурга) на одно и то же направленіе. Если въ одной изъ нихъ высоко стоящіе на общественной лѣстницѣ интересовались предметами отвлеченными, лежащими внѣ текущихъ и практическихъ потребностей, то въ другой лица той же высоты относились къ этимъ предметамъ совершенно равнодушно: витай себѣ сколько угодно въ поднебесныхъ пространствахъ, — думали они, — только не касайся земныхъ порядковъ. Въ этомъ отношеніи статья моя, конечно, самая невинная: она ничего и никого не задѣла въ земствѣ, даже не тронула чиновниковъ бывшей управы благочинія.

Не даромъ говоритъ пословица: пришла бѣда—отворяй ворота. Только-что отдохъ я отъ передряги по поводу «Записокъ человѣка», какъ посыпались на меня инсинуаціи съ благородныхъ листовъ «Сѣверной Пчелы» за «Обзоръ русской литературы въ 1847 году». Нѣкто г. К. въ фельетонѣ означенной газеты (1848, № 17) выставлялъ безнравственность мыслей, содержащихся въ первой, общей части «Обзора». Я, напримѣръ, указывая недостаточность личной, одиночной благотворительности, выводилъ отсюда заключеніе о необходимости замѣнить ее благотворительностью общественной, какъ прочнѣе обезпечивающей нуждающихся: обличитель нашелъ, что я отрицаю чувство милосердія, состраданія къ ближнему. Отвѣчать на подобныя толкованія было бы всуе, а по тому времени и опасно. Но за то г. К. вскорѣ понесъ чувствительное наказаніе: Булгаринъ похвалилъ его фельетонъ въ своихъ «Замѣткахъ, выпискахъ и корреспонденціяхъ» [1]).

Съ первыхъ мѣсяцевъ 1848 года направленіе критики въ «Отечественныхъ Запискахъ» измѣнилось, — къ лучшему, или къ худшему, не рѣшаю вопроса, а ограничиваюсь лишь заявленіемъ того факта, что критика не могла уже попрежнему быть тенденціозной, служить извѣстнымъ идеямъ и стремленіямъ. Она должна была обратиться къ другимъ предметамъ, выбрать иную цѣль, настроиться на иной ладъ. Собственно моей журнальной работѣ открылось дѣло, прямо подходящее къ спеціальнымъ моимъ занятіямъ. Обильный для нея матеріалъ представило «Собраніе сочиненій русскихъ авторовъ», Смирдинскаго изданія. И вотъ, съ 1848 по 1857 годъ, въ отдѣлахъ критики и наукъ явились разборы сочиненій Кантемира, Д. Давыдова, Богдановича, Княжнина, Кострова и Аблесимова, Карамзина, Жуковскаго, А. Измайлова и другихъ [2]). Всѣ эти историко-литературные этюды нравились въ

---

[1]) «Сѣверная Пчела», 1848, № 22.

[2]) Объ Измайловѣ и Карамзинѣ въ «Современникѣ» 1849—1850 и 1853 гг.

свое время читателямъ, а преподаватели русской словесности пользовались ими, какъ пособіями для своихъ уроковъ. Статьею: «Карамзинъ, какъ оптимистъ» [1]), заключился девятнадцатилѣтній періодъ моего сотрудничества въ двухъ наиболѣе распространенныхъ тогдашнихъ органахъ нашей періодической прессы. Конечно, я писалъ и послѣ въ нѣкоторые журналы, но это участіе уже не было постояннымъ: оно являлось отъ времени до времени, вызывалось случайными, иногда неожиданными побужденіями.

Позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о моихъ беллетристическихъ покушеніяхъ, или грѣхахъ, какъ кому угодно. Ихъ всего на все четыре: «Старое зеркало», «Ошибка», «Кукольная комедія» и «Превращеніе» [2]). Одна изъ этихъ повѣстей (Старое зеркало) заслужила одобреніе славянофиловъ, которые хвалили ее А. О. Армфельдту, зная, что я учительствую въ томъ институтѣ (Московскомъ Николаевскомъ), гдѣ онъ былъ инспекторомъ классовъ. Имъ пришлось по вкусу главное женское лицо, въ особенности его состраданіе къ крестьянскому быту, стѣсненному крѣпостнымъ правомъ. Разсказъ «Кукольная комедія» понравился П. Н. Кудрявцеву и содержаніемъ, и тономъ; за то Бѣлинскій просто разругалъ меня за него въ горячо написанномъ письмѣ, хотя тутъ же признавалъ за мною если не дарованіе, то способность (онъ различалъ эти два понятія) писать повѣсти. Вотъ два совершенно противоположные отзыва, при которыхъ оставалась, по крайней мѣрѣ, возможность утѣшаться однимъ изъ нихъ, такъ какъ тотъ и другой принадлежали извѣстнымъ личностямъ. Бѣлинскій и не могъ отозваться благосклонно о моемъ разсказѣ. Его мысль этого времени направлена была въ ту сторону, гдѣ нѣтъ мѣста идеальничанью. Поэтому настроенность чувства въ моей повѣсти онъ обозвалъ «противнымъ элегико-идиллическимъ паѳосомъ», а меня самого «романтикомъ», что̀ на языкѣ его значило «дрянь и тряпка».

Живо храня въ памяти исторію вышеизложенныхъ моихъ журнальныхъ занятій, я нахожу въ ихъ итогѣ несомнѣнное для меня добро. Они принесли мнѣ большую пользу — и литературную, и нравственную. Изъ ряда учителей, имъ же не было числа, журнальное сотрудничество выдвинуло меня на болѣе видное мѣсто, дало мнѣ положеніе литератора. Оно познакомило меня со всѣми московскими и петербургскими литераторами, которые такъ достойно, такъ почетно продолжали въ нашей словесности дѣло Пушкина и Гоголя, и содѣйствію которыхъ «Отечественныя Записки» и «Современникъ» одолжены были своимъ торжествомъ. Всѣ они

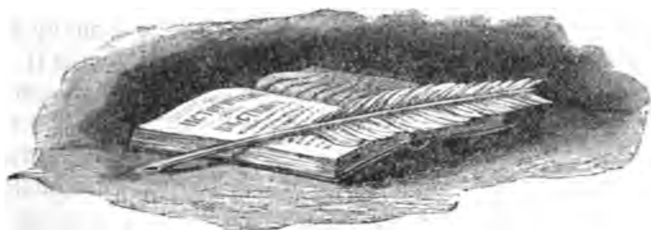
---

[1]) «Отечественныя Записки», 1857 г.

[2]) Первыя три повѣсти въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1845, 1846 и 1847 гг.; послѣдняя въ «Современникѣ» 1847 г.

цѣнили мою трудолюбивую дѣятельность, а редакціи того и другаго журнала интересовались моимъ участіемъ. Но съ особенною благодарностью поминаю я это журнальное сотрудничество за Москву, гдѣ оно ввело меня въ кругъ самыхъ даровитыхъ, самыхъ почтенныхъ представителей университетской науки, въ пріязненное сообщество съ такими людьми, которые во всякое время и для каждаго возраста должны служить назидательнымъ примѣромъ, идеальнымъ образцомъ.

А. Галаховъ.



НОВЫЯ ДАННЫЯ ДЛЯ ИСТОРІИ НАЧАЛА ЦАРСТВОВАНІЯ ЕКАТЕРИНЫ II [1].

I.

Въ статьѣ «Первые годы царствованія Екатерины II», помѣщенной въ октябрской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1884 годъ (т. XVIII), нами было указано на содержаніе донесеній нидерландскаго резидента Мейнерцгагена, находившагося въ Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II. Хотя этотъ дипломатъ не игралъ важной роли въ области политики, но его разсказы о событіяхъ 1762—1764 годовъ свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ имѣлъ возможность наблюдать за ходомъ дѣлъ въ Россіи, что онъ узнавалъ о кое-какихъ происшествіяхъ, случавшихся въ то время, такъ сказать, за кулисами, и что онъ могъ составить себѣ точное понятіе объ опасностяхъ, грозившихъ императрицѣ Екатеринѣ въ первые годы послѣ государственнаго переворота.

Гораздо бо́льшее значеніе, чѣмъ депеши Мейнерцгагена, имѣютъ донесенія австрійскаго посла графа Мерси д'Аржанто, въ это же самое время находившагося въ Россіи. Между тѣмъ, какъ Голландская республика въ это время уже не имѣла вліянія на ходъ политическихъ дѣлъ въ Европѣ, дипломатическія сношенія между Австріею и Россіею не могли не служить предметомъ общаго вниманія. Графъ Мерси постоянно былъ занятъ веденіемъ важныхъ

[1]) «Сборникъ императорскаго русскаго историческаго Общества», томъ XLVI, Спб., 1885, XXXVII+728+46 стр.

переговоровъ, бесѣдуя съ главными сановниками, между тѣмъ какъ голландскій резидентъ игралъ совсѣмъ ничтожную роль при петербургскомъ дворѣ. Императрица, какъ кажется, нисколько не заботилась о Мейнерцгагенѣ, тогда какъ Мерси весьма часто имѣлъ случай бесѣдовать съ нею о дѣлахъ, находиться въ ея обществѣ и пользоваться почетомъ въ качествѣ представителя великой державы.

Первый томъ донесеній графа Мерси д'Аржанто былъ изданъ императорскимъ историческимъ Обществомъ въ 1876 году [1]). Онъ обнимаетъ время отъ начала 1762 года до воцаренія Екатерины II. На содержаніе этого перваго тома донесеній графа Мерси мы указали въ статьѣ «Императоръ Петръ III», помѣщенной въ журналѣ «Древняя и Новая Россія» (1878 г., т. III, стр. 177—200). Тамъ мы уже говорили о положеніи, которое австрійскій дипломатъ занималъ въ то время при русскомъ дворѣ. Австрія была при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ союзникомъ Россіи. При Петрѣ III система русской политики совершенно измѣнилась. Роль которую игралъ представитель Австріи при петербургскомъ дворѣ, сдѣлалась очень неловкою. Петръ III, другъ и союзникъ Фридриха II, на Австрію смотрѣлъ свысока, всячески оскорбляя графа Мирси восхваленіемъ Пруссіи, выходками противъ Австріи. Не даромъ австрійскій дипломатъ желалъ перемѣны въ Россіи, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за всѣми признаками повсемѣстнаго неудовольствія новымъ правительствомъ и разсчитывалъ на государственный переворотъ, который могъ бы оказаться выгоднымъ для Австріи.

Донесенія графа Мерси д'Аржанто, помѣщенныя въ XVIII томѣ «Сборника историческаго Общества», оканчиваются разсказомъ о государственномъ переворотѣ 26-го іюля 1762 года. Вскорѣ послѣ этого событія, впрочемъ, Мерси могъ убѣдиться въ томъ, что Россія при Екатеринѣ не возвратится къ системѣ внѣшней политики, господствовавшей при Елисаветѣ. Въ своемъ разочарованіи австрійскій дипломатъ уже очень скоро послѣ воцаренія Екатерины составилъ себѣ очень невыгодное мнѣніе объ императрицѣ и о лицахъ, ее окружающихъ. Еще въ XVIII томѣ «Сборника» (на стр. 460) напечатано донесеніе графа Мерси, въ которомъ сказано: «Болѣе чѣмъ вѣроятно, что личный, составленный изъ бурныхъ страстей и странныхъ идей, характеръ новой государыни сдѣлаетъ ея царствованіе, какъ въ хорошемъ, такъ и въ худомъ, весьма оживленнымъ и дѣятельнымъ, съ тѣмъ, однако, различіемъ, что не такъ легко можно надѣяться на первое, какъ слѣдуетъ опасаться послѣдняго, что̀ можно съ достовѣрностью увидѣть изъ того, что высомѣріе преобладаетъ во всѣхъ ея рѣшеніяхъ и что съ этихъ

[1]) «Сборникъ ист. Общ.», т. XVIII.

поръ Россія постарается принять во всѣхъ дѣлахъ повелительный диктаторскій тонъ», и пр.

Оставаясь послѣ этого въ Россіи до начала 1764 года, Мерси могъ убѣдиться въ томъ, что Австрія не имѣла основанія ожидать возобновленія союза съ Россіею. Предсказаніе графа, что царствованіе Екатерины будетъ оживленнымъ, вполнѣ оправдалось. Ему казалось, что во все это время «худое превосходило хорошее». Рисуя состояніе Россіи въ первое время этого царствованія, графъ Мерси употребляетъ довольно мрачныя краски. Не достигнувъ желанной цѣли, не успѣвъ сблизить Австрію съ Россіею, онъ покинулъ этотъ край не безъ нѣкотораго озлобленія. Это обстоятельство заслуживаетъ полнаго вниманія при оцѣнкѣ отзывовъ графа Мерси о Россіи, объ императрицѣ, о ея совѣтникахъ. Донесенія австрійскаго дипломата не могутъ считаться безпристрастными.

II.

Укажемъ прежде всего на личность графа Мерси и на внѣшность изданія его донесеній изъ Россіи.

Флоримундъ-Клавдій графъ Мерси д'Аржанто родился въ 1722 году въ Люттихѣ, въ Австрійскихъ Нидерландахъ. Принадлежа къ высшей аристократіи, онъ рано вступилъ на дипломатическое поприще, и въ 1756 году, сопровождая Кауница въ Парижъ, участвовалъ въ заключеніи австро-французскаго союза, имѣвшаго слѣдствіемъ Семилѣтнюю войну. Затѣмъ Мерси былъ назначенъ посланникомъ въ Туринъ, а въ 1761 году, смѣнилъ графа Эстергази въ качествѣ посла въ Петербургѣ. Пробывъ тутъ до начала 1764 года, онъ былъ отправленъ въ Варшаву присутствовать при королевскихъ выборахъ и, наконецъ, въ 1766 году, занялъ постъ посла при французскомъ дворѣ. При его посредствѣ былъ заключенъ договоръ о бракѣ дофина, впослѣдствіи Людовика XIV, съ эрцгерцогинею Маріею-Антуанеттою. Съ 1787 года онъ началъ обнаруживать дѣятельное вмѣшательство во внутреннія дѣла Франціи. Во время революціи онъ попытался чрезъ Ла-Марка привлечь графа Мирабо на сторону двора. Въ 1790 году, онъ былъ уполномоченнымъ на конгрессѣ въ Гагѣ, а затѣмъ исправлялъ должность министра Австрійскихъ Нидерландовъ, сохраняя, впрочемъ, званіе посла въ Парижѣ. Его усилія къ спасенію несчастной королевы Маріи-Антуанетты оставались тщетными. Вторженіе французовъ въ Бельгію принудило его покинуть Брюссель и искать убѣжища въ Германіи. Наконецъ, назначенный посломъ въ Лондонъ, онъ отправился туда съ цѣлью возбудить коалицію противъ Франціи и умеръ тамъ, спустя нѣсколько дней по пріѣздѣ, 26-го августа 1794 года[1]).

---

[1]) См. предисловіе С. С. Татищева къ XVIII тому «Сборника истор. Общ.», стр. II—IV.

Не производя впечатлѣнія человѣка геніальнаго или одареннаго чрезвычайными способностями, графъ Мерси былъ искуснымъ и ловкимъ дипломатомъ и вообще опытнымъ государственнымъ человѣкомъ. Нельзя не удивляться его усидчивости при составленіи очень подробныхъ и объемистыхъ депешъ. Въ XVIII и XLVI томахъ «Сборника историческаго Общества» помѣщены его документы на 1,200 страницахъ. Столько онъ успѣлъ написать впродолженіе двухъ лѣтъ. Странность, неуклюжесть тогдашняго, употреблявшагося въ дѣлахъ, нѣмецкаго языка, на которомъ писаны всѣ эти бумаги, производятъ неблагопріятное впечатлѣніе на читателя. Представители классической литературы Германіи въ то время писали иначе. Слогъ графа Мерси отличается тяжеловатостью, множествомъ лишнихъ словъ, пустыхъ оборотовъ и выраженій, съ тѣхъ поръ совершенно вышедшихъ изъ употребленія.

Нѣтъ сомнѣнія, что графъ Мерси во все это время пользовался особеннымъ довѣріемъ императрицы-королевы Маріи-Терезіи и министра Кауница. Въ изданныхъ его бумагахъ значительно преобладаютъ его донесенія къ князю Кауницу. Лишь немногія донесенія писаны имъ для самой императрицы-королевы (напр., №№ 101, 110, 168), а далѣе нѣкоторыя адресованы вице-канцлеру, графу Колоредо. Въ видѣ исключенія также въ изданіи помѣщены кое-какія приложенія къ донесеніямъ Мерси, а именно записки или дипломатическія ноты Панина, Воронцова, Борха и пр.

Историческое Общество не сочло нужнымъ издать письма Кауница къ графу Мерси. Можно считать вѣроятнымъ, что австрійскій министръ вообще былъ доволенъ дѣятельностью графа. Только однажды, какъ видно изъ донесенія отъ 12 сентября 1762 года (стр. 145)[1]), онъ предъ Кауницемъ оправдывается по поводу какого-то сдѣланнаго ему упрека.

Можно раздѣлить донесенія графа Мерси на двѣ части. Когда представлялся случай къ отправленію курьера, онъ писалъ чрезвычайно подробныя записки о состояніи дѣлъ въ Россіи, воспроизводя содержаніе бесѣдъ съ русскими сановниками, разсказывая частности придворнаго быта и пр. Такъ, напр., донесеніе отъ 22 августа 1763 года обнимаетъ не менѣе 33 печатныхъ страницъ. Пользуясь другими менѣе безопасными средствами сообщенія, графъ Мерси весьма часто долженъ прибѣгать къ шифрамъ. Большая часть донесеній, не отправленныхъ съ особыми курьерами, оказывается шифрованною. Дѣло въ томъ, что въ то время была въ ходу перлюстрація писемъ, донесеній дипломатовъ и пр., такъ что конфиденціальныя сообщенія легко могли сдѣлаться извѣстными русскому правительству[2]). Иногда даже курьеры чужестранныхъ пра-

---

[1]) Цифры въ скобкахъ относятся къ XLVI тому «Сборника».

[2]) См. мою статью: «Вскрытіе чужихъ писемъ и депешъ при Екатеринѣ II», въ «Русской Старинѣ», VII (1873, янв.).

вительствъ подвергались опасности. Такъ, напр., Мерси писалъ 2 декабря 1762 года, что получилъ письмо Кауница «съ совершенно разодраннымъ конвертомъ, ибо разбойники напали на курьера, отняли у него деньги и депеши и вскрыли послѣднія» (294). Также Мерси писалъ 18-го апрѣля 1763 года: «Изъ конвертовъ, недавно мнѣ возвращенныхъ изъ Митавы, я убѣдился, что съ нѣкоторыхъ поръ здѣсь вскрываютъ всѣ мои письма; послѣдняя экспедиція вашего сіятельства была также вскрыта» (стр. 461) и т. п.

Что касается до техники изданія, то намъ кажется, что было совсѣмъ лишнимъ печатать цѣликомъ всѣ депеши графа Мерси. Все хотя сколько нибудь важное содержаніе этихъ донесеній можно было сообщить не въ двухъ томахъ и не на 1,200 страницахъ, а на какихъ либо 200—300 страницахъ. Только нѣкоторая часть всего заключающагося въ этихъ документахъ можетъ служить источникомъ при изученіи этой эпохи. Сокращеніе изданія облегчило бы трудъ историковъ, пользующихся этимъ источникомъ. Переводъ на на русскій языкъ оказывается также совсѣмъ лишнимъ дѣломъ. Кто будетъ пользоваться этимъ источникомъ, долженъ на столько владѣть нѣмецкимъ языкомъ, чтобы читать подлинникъ. Лишнимъ можно считать повтореніе въ донесеніи къ Маріи-Терезіи (328 стр. и слѣд.) того, что было издано въ XVIII томѣ, въ депешахъ къ Кауницу. Въ одномъ мѣстѣ не соблюдена хронологическая очередь депешамъ. Послѣ донесенія отъ 10 октября (162 стр. и слѣд.) напечатана депеша отъ 9 октября (190). Не забыто ли на стр. 231, что все содержаніе этой и слѣдующей страницы было написано также шифрами? Кстати мы позволимъ себѣ замѣтить, что было бы удобнѣе въ такихъ случаяхъ печатать шифрованныя части депеши другимъ шрифтомъ для бóльшей наглядности и для особеннаго обращенія вниманія читателей на эти важнѣйшія части изданія. Фамилія прусскаго министра, о которомъ идетъ рѣчь на стр. 323, не «Плотко», а «Плото» (Plotho). Что значатъ точки («. . . . .») въ шифрованной депешѣ на стр. 648? Пропускъ ли тутъ въ депешѣ? или же текстъ ея въ данномъ мѣстѣ не разобранъ? или же были тутъ кое-какія цензурныя соображенія, заставившія издателя выпустить часть донесенія?

Г. Татищевъ въ Вѣнѣ и секретарь Общества Г. Ѳ. Штендманъ этимъ изданіемъ, которымъ оканчивается печатаніе донесеній графа Мерси, оказали наукѣ отечественной исторіи существенную услугу.

III.

Въ донесеніяхъ графа Мерси, понятно, болѣе всего говорится объ отношеніяхъ Австріи къ Россіи. Изъ содержанія XVIII тома «Сборника» видно, въ какомъ неловкомъ положеніи находился Мерси въ Петербургѣ при императорѣ Петрѣ III. Перемѣна на

престолѣ могла самымъ рѣшительнымъ образомъ измѣнить къ лучшему это положеніе австрійскаго дипломата. Этого и ожидала императрица-королева Марія-Терезія. Мерси привѣтствовалъ переворотъ 28-го іюня какъ «одно изъ самыхъ великихъ и радостныхъ событій, когда либо случившихся». При полученіи извѣстія о воцареніи Екатерины Марія-Терезія замѣтила: «Никогда въ жизни я не получала столь радостнаго извѣстія»[1]).

Вскорѣ, однако, Мерси могъ убѣдиться въ томъ, что на возобновленіе союза съ Россію съ цѣлью продолженія борьбы противъ Фридриха II нельзя было разсчитывать. Панинъ объявилъ австрійскому дипломату, что Россія нуждается въ мирѣ и что нельзя думать о возобновленіи военныхъ дѣйствій (4). Вскорѣ Мерси чрезъ Бестужева и другихъ лицъ узналъ о перепискѣ императрицы Екарины съ королемъ Фридрихомъ II. Оказалось невозможнымъ принудить Россію къ наступательнымъ мѣрамъ противъ Пруссіи (64). Графу Мерси очень не нравилось благосклонное вниманіе, которымъ при петербургскомъ дворѣ пользовался прусскій дипломатъ, Гольцъ (70). Напрасно Мерси старался въ духѣ интересовъ Австріи подѣйствовать на нѣкоторыхъ сановниковъ, какъ-то: на Голицына, Олсуфьева, на княгиню Дашкову и пр. Напрасно онъ разсчитывалъ на значеніе Бестужева, замѣчательнѣйшаго противника Фридриха II. Все болѣе и болѣе Россія въ отношеніи къ Австріи обнаруживала холодность и высокомѣріе. Даже Бестужевъ въ разговорѣ съ графомъ Мерси утверждалъ, что Австрія болѣе нуждается въ союзѣ съ Россіею, нежели Россія въ дружбѣ Австріи, что Россія достаточно сильна, чтобы обойдтись безъ всякой иноземной помощи (183). Въ ноябрѣ 1762 года, Мерси жаловался: «Новое русское правительство обнаруживаетъ слишкомъ замѣтное пристрастіе къ нашему врагу» (225). Старанія австрійскаго дипломата возбудить Россію противъ Пруссіи не имѣли успѣха (228). За то онъ радовался каждому случаю неудовольствія, возникавшаго порою въ сношеніяхъ между Россіею и Пруссіею. Такъ, напримѣръ, однажды Фридрихъ спросилъ князя Репнина: считаетъ ли Екатерина упроченнымъ престолъ, на который вступила? Репнинъ донесъ объ этомъ вопросѣ въ Петербургъ, и Екатерина считала себя сильно оскорбленною этимъ вопросомъ прусскаго короля (228). Не безъ удовлетворенія Мерси сообщилъ Кауницу, что Екатерина, получивъ прусскій орденъ Чернаго Орла, не появилась съ нимъ въ собраніи (272); другой разъ онъ былъ обрадованъ нѣкоторымъ недоразумѣніемъ, возникшимъ между Россіею и Пруссіею по поводу Курляндскаго дѣла (273), и пр.

Въ общей сложности, однако, Мерси чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе убѣждался въ невозможности надѣяться на Россію (277—278). То

[1] Beer, d. erste Theilung Polens, Wien, 1873, I, 13.

обстоятельство, что Франція заключила миръ съ Англіею безъ участія Россіи и что Пруссія не желала посредничества Екатерины при переговорахъ о мирѣ, доставляло Мерси большое удовольствіе. Онъ писалъ въ декабрѣ 1762 года: «Можно надѣяться, что русскій дворъ нѣсколько поубавитъ свой высокомѣрный тонъ и впредь будетъ играть на болѣе мягкихъ струнахъ» (293). А въ другой депешѣ: «Въ виду образа мыслей русской государыни и ея ревностнаго желанія ознаменовать начало своего царствованія достойнымъ удивленія дѣломъ, конечно, былъ бы нанесенъ ей чувствительный ударъ, если бы настоящая война пришла къ концу безъ участія ея въ осуществленіи столь важнаго дѣла» (299). Послѣ подробнаго изложенія обстоятельствъ при русскомъ дворѣ, Мерси, въ февралѣ 1763 года, приходитъ къ такому заключенію: «Вообще при настоящемъ правительствѣ здѣсь нѣтъ для насъ поводовъ къ надеждѣ» (376). О раздраженіи графа Мерси вслѣдствіе такой полной неудачи его дипломатической дѣятельности можно судить по выраженіямъ въ родѣ слѣдующаго: «Никогда нельзя полагаться на здѣшнія слова, торжественнѣйшія обѣщанія и обязательнѣйшія увѣренія» (402).

Графъ Мерси во все время зорко слѣдилъ за обращеніемъ императрицы съ иностранными послами. Его особенно интересовало отношеніе Екатерины къ англійскому и прусскому дипломатамъ. Такъ, напримѣръ, онъ въ ноябрѣ 1763 года писалъ о прусскомъ посланникѣ: «Государыня прежде не была расположена къ графу Сольмсу, ибо онъ человѣкъ въ высшей степени непріятный и неблаговоспитанный. Съ нѣкоторыхъ же поръ ея величеству угодно обращаться съ нимъ крайне милостиво, такъ что эта внезапная перемѣна замѣтна для всякаго» (686). При натянутыхъ отношеніяхъ между Австріею и Англіею Мерси былъ очень доволенъ, когда узналъ, что англійскаго посла, отправленнаго въ Россію, лорда Букингама, въ Англіи считали человѣкомъ неспособнымъ и неловкимъ (238). За то Мерси, сочувствуя Франціи, былъ расположенъ къ барону Бретёлю и доносилъ подробно о недоразумѣніяхъ, иногда возникавшихъ между этимъ французскимъ дипломатомъ и русскими сановниками (см., напримѣръ, стр. 128, 131—132, 179), а въ декабрѣ 1762 года онъ писалъ: «Государыня обращается съ Бретёлемъ совершенно холодно и отъ ея полнаго высокомѣрія духа отнюдь нельзя ожидать, чтобы она легко предала забвенію твердость, съ которою этотъ французскій министръ такъ долго сопротивлялся ея волѣ и желанію» (302). Бретёль покинулъ Россію въ 1763 году. Въ маѣ Мерси доносилъ, что Екатерина обходится съ французскимъ дипломатомъ особенно благосклонно, «такъ какъ онъ долженъ остаться лишь нѣсколько дней». При этомъ графъ Мерси узналъ о слѣдующемъ разговорѣ, происходившемъ между императрицею и Бретёлемъ. Екатерина спросила его: какую, по его мнѣ-

нію, долю уваженія пріобрѣла она или можетъ еще пріобрѣсти въ Европѣ? Когда же Бретёль отвѣчалъ, что одаренная столькими исключительными качествами государыня и повелительница столь могущественнаго государства, безъ сомнѣнія, заслуживаетъ полнѣйшаго уваженія всѣхъ европейскихъ дворовъ, то Екатерина возразила: «Я теперь относительно другихъ державъ, какъ искусная кокетка, за которой ухаживаютъ многіе поклонники и которая, выслушивая всѣхъ, ни одному не отдаетъ предпочтенія» (438).

Достойно вниманія также замѣчаніе графа Мерси о положеніи испанскаго дипломата Альмадовара при русскомъ дворѣ: «Со времени прибытія маркиза Альмадовара, русская императрица относится къ нему крайне презрительнымъ образомъ и не удостоила его еще ни при дворѣ, ни при другихъ случаяхъ, единымъ словомъ, такъ что вслѣдствіе такого невѣжливаго обращенія и русскому министру пребываніе въ Мадридѣ сдѣлается, со временемъ, не совсѣмъ пріятнымъ» (448).

Въ средѣ дипломатовъ, въ то время аккредитованныхъ при русскомъ дворѣ, особенно много разсуждали о вопросахъ этикета и церемоніала, причемъ дѣло не обходилось безъ недоразумѣній между представителями иностранныхъ державъ и русскими сановниками. Такъ, напримѣръ, графъ Мерси отказывался отъ цѣлованія руки императрицы, если ему не будетъ выданъ реверсалъ русскаго двора. Объ этомъ вопросѣ онъ часто и подробно говорилъ съ Панинымъ, Бестужевымъ, Воронцовымъ. Впрочемъ, хотя въ донесеніяхъ графа Мерси встрѣчаются многія данныя, относящіяся къ тому предмету (стр. 99, 103, 105, 106, 110, 116—118), мы не узнаемъ изъ этого источника о какомъ либо окончательномъ соглашеніи по этому дѣлу.

Другой вопросъ заключался въ томъ, на какомъ языкѣ говорить графу Мерси при торжественныхъ случаяхъ. Австрійскій дипломатъ давалъ предпочтеніе нѣмецкому языку; русскіе же сановники требовали, чтобы Мерси говорилъ пофранцузски (42, 113, 251). Далѣе Мерси жаловался на Воронцова и Бестужева, не отдавшихъ ему визита; и при этомъ случаѣ происходили разныя объясненія непріятнаго свойства (100, 111). Когда однажды вице-канцлеръ, князь Голицынъ, по случаю какого-то придворнаго празднества требовалъ отъ графа Мерси и отъ лорда Букингама, чтобы они въ то время, когда государыня была за столомъ, оказали ей какую-то услугу [1]), то оба дипломата рѣшительно отказались отъ исполненія этого желанія (319). Такія непріятности, споръ объ императорскомъ титулѣ и его значеніи (306), отмѣна почетнаго

[1]) Въ подлинникѣ сказано: «dass wir der hiesigen Beherrscherin bei der Tafel die Aufwartung machen sollten». Въ русскомъ переводѣ неточно: «засвидѣтельствовать наше почтеніе здѣшней государынѣ во время стола». «Aufwartung» въ данномъ случаѣ, какъ кажется, значитъ «прислуживать».

караула при квартирахъ иностранныхъ дипломатовъ (612), небезусловное признаніе нѣкоторыхъ преимуществъ австрійскаго, т. е. римско-императорскаго, двора надъ другими (315)—все это раздражало графа Мерси до того, что онъ не желалъ оставаться въ Россіи (441) и, между прочимъ, предлагалъ князю Кауницу впредь отправлять въ Россію «министра втораго разряда» (112).

IV.

Какъ извѣстно, въ первое время царствованія Екатерины польскія дѣла обращали на себя вниманіе русскаго правительства и иностранныхъ дипломатовъ, находившихся при русскомъ дворѣ. Въ депешахъ графа Мерси встрѣчаются нѣкоторыя весьма любопытныя данныя, относящіяся къ Польшѣ.

До 1758 года Екатерина находилась въ близкихъ сношеніяхъ съ графомъ Станиславомъ-Августомъ Понятовскимъ. Послѣ удаленія графа изъ Россіи, Екатерина съ нимъ переписывалась. Въ началѣ ея царствованія эта переписка происходила чрезъ посредство графа Мерси-Аржанто. Онъ чрезвычайно охотно бралъ на себя такія порученія императрицы, надѣясь оказаніемъ подобныхъ услугъ снискать ея довѣріе и нѣкоторую признательность съ ея стороны. Краткія записки графа Мерси къ императрицѣ и къ Понятовскому и отвѣты на эти записки помѣщены въ изданіи депешъ австрійскаго дипломата (см., наприм., 16—17, 89—92). Мерси ожидалъ пріѣзда Понятовскаго въ Россію (87 и 136). Его интересовало содержаніе корреспонденціи Понятовскаго съ императрицею (283), тѣмъ болѣе, что рано или поздно долженъ былъ явиться на очереди вопросъ о выборѣ польскаго короля. Августъ III хворалъ, можно было ожидать его кончины; тогда нельзя было сомнѣваться въ кандидатурѣ такого лица, которое вполнѣ зависѣло бы отъ Россіи. Въ мартѣ 1763 года, Мерси доносилъ о намѣреніи Екатерины отправить въ Польшу русскія войска «единственно для защиты свободы выборовъ» (427). Происходили кое-какія сношенія между Россіею и семействомъ Чарторыжскихъ (484). Вице-канцлеръ Голицынъ прямо объявилъ графу Мерси слѣдующее: «Выборъ польскаго короля представляетъ для Россіи тѣмъ бо́льшее значеніе, что здѣшнему государству необыкновенно важно, чтобы на упраздненный престолъ вступилъ въ свое время король, расположенный къ Россіи и съ которымъ она можетъ условиться о многихъ непокончённыхъ еще несогласіяхъ и дѣлахъ и уладить таковыя полюбовно, къ удовольствію здѣшняго двора» (502). Постоянно Мерси возвращается къ этому предмету въ своихъ донесеніяхъ; въ декабрѣ 1763 года, онъ писалъ: «Не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію, что здѣшнее намѣреніе было направлено сначала къ возведенію на престолъ графа Понятовскаго; не менѣе того совершенно вѣрно, что

нынѣ, послѣ того, какъ русская государыня предложила этого графа быть членомъ государственнаго совѣта, графъ Орловъ, продолжающій питать въ сердцѣ своемъ ревность противъ графа Понятовскаго, высказался о приглашеніи его, въ присутствіи всѣхъ прочихъ государственныхъ министровъ, такъ пылко и необузданно, что императрица впродолженіе нѣсколькихъ дней была въ ссорѣ съ фаворитомъ, и примиреніе состоялось лишь недѣлю спустя. Однако, по всѣмъ признакамъ, планъ доставить польскую корону графу Понятовскому встрѣчаетъ столько трудностей, что здѣшняя государыня сама признаетъ его неудобоисполнимость и въ этомъ случаѣ окажетъ свою поддержку князю Чарторыжскому или скорѣе сыну его, князю Адаму», и пр. (715).

Австрія желала оказать покровительство Саксоніи, и поэтому графъ Мерси не могъ не интересоваться вопросомъ о настроеніи умовъ въ Россіи въ отношеніи къ этому государству. Оказалось, что Екатерина возненавидѣла саксонскаго министра Брюля, узнавъ, между прочимъ, что послѣдній обрадовался извѣстіямъ о безпорядкахъ, происходившихъ въ Россіи вскорѣ послѣ государственнаго переворота. Въ разговорѣ съ графомъ Мерси, Екатерина коснулась этого образа мыслей саксонскаго министра (341 и 379)[1]. Брюль главнымъ образомъ старался препятствовать осуществленію проекта возведенія на курляндскій престолъ герцога Бирона. Объ этомъ курляндскомъ дѣлѣ въ донесеніяхъ графа Мерси говорится очень часто (231, 267, 367). Крутой образъ дѣйствій русскаго правительства при лишеніи курляндскаго престола саксонскаго принца Карла вызвалъ негодованіе въ Польшѣ и въ другихъ странахъ. На этотъ счетъ достоинъ вниманія слѣдующій разсказъ въ донесеніи графа Мерси, отъ 11-го марта 1763 года: «Княгиня Дашкова, говорятъ, получила надняхъ, помѣченное изъ Люттиха и подписанное совершенно неизвѣстнымъ, вѣроятно, вымышленнымъ именемъ, письмо такого содержанія, что послѣ того, какъ русская государыня преслѣдованіемъ герцога Карла Курляндскаго раздражила до крайности различные дворы, она должна остерегаться того, что̀ можетъ быть предпринято противъ ея особы. Хотя это предостереженіе и не произвело особеннаго впечатлѣнія, тѣмъ не менѣе къ Симолину въ Регенсбургъ послано было повелѣніе отправиться въ Люттихъ, освѣдомиться тамъ о лицѣ, подписавшемся подъ письмомъ, и переговорить съ послѣднимъ объ этомъ предметѣ» (489—490).

Сообщая разныя подробности объ образѣ дѣйствій Россіи въ отношеніи къ Польшѣ, Мерси замѣчаетъ: «Отсюда видно, какимъ диктаторскимъ образомъ Россія позволяетъ себѣ поступать по отно-

[1]) Изъ другаго источника мы узнаемъ, что Екатерина велѣла «внушить» Брюлю, что если онъ станетъ дѣйствовать противъ Россіи, то она доведетъ дѣло до его изгнанія изъ Польши. См. мое сочиненіе о Екатеринѣ II, стр. 288.

шенію къ Польской республикѣ». Говоря о связяхъ графа Понятовскаго и Чарторыжскихъ съ императрицею, Мерси пишетъ: «Поведеніе государыни должно открыть глаза всей польской націи и дать ей понятіе о пагубныхъ послѣдствіяхъ такихъ сношеній для республики» (522).

Курляндское дѣло заставило польскаго короля отправить въ Россію дипломатическаго агента, Борха, съ которымъ, однако, какъ намъ извѣстно изъ другихъ источниковъ, обращались довольно безцеремонно[1]). Графъ Мерси, познакомившись лично съ Борхомъ, узналъ всѣ подробности этого эпизода съ польскимъ дипломатомъ и доносилъ обо всемъ князю Кауницу. Русское правительство требовало, чтобы Борхъ выѣхалъ обратно въ Польшу, не имѣвъ аудіенціи у императрицы; сначала онъ отказывался отъ исполненія желанія императрицы, но затѣмъ онъ долженъ былъ покориться ея волѣ (404—405, 439, 443, 449—458, 463—469). Борхъ въ разговорѣ съ графомъ Мерси до отъѣзда изъ Москвы говорилъ австрійскому дипломату, что, по его мнѣнію, Австрія не можетъ равнодушно смотрѣть, какъ Россія совершенно подавляетъ Польскую республику, что общая польза требуетъ несомнѣнно сохраненія Польши въ цѣлости и что слѣдуетъ заблаговременно подумать о мѣрахъ къ отвращенію отъ Польши опасности (443). Всѣми этими данными и сообщеніемъ оффиціальной переписки между камергеромъ Борхомъ и М. И. Воронцовымъ, а также циркулярной ноты Борха къ иностраннымъ дипломатамъ, находившимся въ то время при русскомъ дворѣ, значительно добавленъ матеріалъ, пока находившійся въ распоряженіи историковъ при изложеніи отношеній Россіи къ Польшѣ въ началѣ царствованія Екатерины.

Достойно вниманія еще слѣдующее обстоятельство. Разсуждая въ бесѣдѣ съ графомъ Мерси объ опасности, грозившей Польшѣ со стороны Россіи, камергеръ Борхъ замѣтилъ, что Польша можетъ надѣяться на заступничество Оттоманской Порты (443). Эта мысль объ исканіи спасенія въ союзѣ съ Турціею была общею въ Польшѣ. Однако, именно русско-турецкая война сдѣлалась гибельною для Рѣчи Посполитой. Поляки сильно ошибались, разсчитывая на спасеніе при помощи Турціи. Справедливо писалъ тогда одинъ польскій публицистъ: «Изгнать русскихъ при помощи турокъ—значитъ зажечь домъ для того, чтобы избавиться отъ мышей»[2]).

Впрочемъ, и графъ Мерси высоко цѣнилъ въ то время опасность, которая могла грозить Россіи со стороны Турціи. Къ этому вопросу онъ возвращается довольно часто въ своихъ донесеніяхъ къ князю Кауницу. Графу Мерси казалось, что русское правительство сильно безпокоилось, ожидая нападенія Турціи и татаръ на Россію. Въ

[1]) См. мою исторію Екатерины II, стр. 290.
[2]) См. мое соч. о Екатеринѣ II, стр. 313.

сентябрѣ 1763 года, онъ писалъ, между прочимъ: «Быть можетъ, здѣшній дворъ начинаетъ самъ замѣчать, что прочія державы и въ особенности Оттоманская Порта не будутъ взирать равнодушно на угнетеніе Польской республики». Въ другомъ донесеніи сказано: «Главная цѣль Русскаго государства состоитъ въ томъ, чтобы имѣть защиту со стороны Турціи», и пр. (623, 633).

Во все это время графа Мерси безпокоило сближеніе между Пруссіею и Россіею, но всѣ его усилія узнать подробности переписки Екатерины съ Фридрихомъ оставались тщетными. Не безъ основанія онъ подозрѣвалъ существованіе соглашенія между Пруссіею и Россіею въ отношеніи къ Польшѣ. Однако, онъ лично ничего не могъ предпринять для спасенія Польши отъ перевѣса сильнѣйшихъ сосѣдей. Напрасно Австрія надѣялась, что ей будетъ возможно противодѣйствовать Фридриху II и Екатеринѣ въ Польшѣ. Мерси, отправленный изъ Россіи въ Польшу для этой цѣли, ничего не могъ сдѣлать въ этомъ отношеніи и прибылъ въ Варшаву уже тогда, когда дѣятельность русскихъ и прусскихъ дипломатовъ въ пользу кандидатуры Понятовскаго оказалась весьма успѣшною.

V.

Благодаря своему положенію въ качествѣ австрійскаго посла, Мерси постоянно находился въ обществѣ императрицы. Онъ могъ себѣ составить точное понятіе о ея личности, о ея качествахъ и способностяхъ. Весьма часто онъ имѣлъ случай бесѣдовать съ нею о текущихъ дѣлахъ. Хотя именно въ это время отношенія между Россіею и Австріею было холодными, порою даже нѣсколько натянутыми, всетаки, представитель римско-императорскаго двора постоянно пользовался особеннымъ почетомъ; его часто приглашали ко двору; онъ, какъ мы видѣли, дѣлаясь посредникомъ въ перепискѣ между императрицею и графомъ Понятовскимъ, удостоивался особеннаго довѣрія Екатерины. Еще при Петрѣ III Екатерина чрезъ графа Мерси получала кое-какія секретныя сообщенія о дѣлахъ (12). Во время царствованія императрицы Елисаветы, Екатерина, бывши великою княгинею, нерѣдко бесѣдовала съ графомъ Мерси, откровенно высказывала свои мнѣнія, такъ что австрійскій дипломатъ имѣлъ случай «знакомиться съ умственными и душевными качествами этой государыни», какъ сказано въ донесеніи графа Мерси къ Кауницу отъ 24-го іюля 1762 года (15).

Послѣ государственнаго переворота Мерси находилъ, впрочемъ, что императрица сдѣлалась менѣе доступною къ интимнымъ бесѣдамъ. Она была постоянно окружена толпою сановниковъ и царедворцевъ, и поэтому Мерси, искавшій случая къ личнымъ объясненіямъ о дѣлахъ, не успѣвалъ въ своемъ намѣреніи (20). Есть основаніе думать, что Екатерина, въ то время дававшая предпо-

чтеніе Пруссіи, избѣгала разговоровъ съ графомъ Мерси о сношеніяхъ Россіи съ Австріею. Въ донесеніи отъ 22-го августа онъ жаловался: «Государыня не доставила мнѣ случая коснуться чего либо о дѣлахъ, что̀ я и долженъ былъ отложить поэтому до другаго болѣе удобнаго времени» (41).

Однажды, во время прогулки въ саду Лѣтняго дворца, Мерси имѣлъ возможность заговорить съ императрицею о дѣлахъ, стараясь выставить на видъ, что сближеніе съ Пруссіею не согласуется съ интересами Россіи. Она отвѣтила ему въ общихъ выраженіяхъ, обнаруживая при этомъ, какъ намъ кажется, необычайное дипломатическое искусство. «Государыня не знала, что мнѣ отвѣчать»,—доносилъ Мерси, заключающій, однако, свой разсказъ слѣдующими словами: «Я не успѣлъ получить отъ императрицы опредѣленнаго или болѣе сообразнаго съ дѣломъ рѣшенія» (85—86). Нѣсколько недѣль спустя, Мерси доносилъ: «Государыня до того тщательно избѣгаетъ всякаго случая, когда бы можно было говорить съ нею о дѣлахъ, что я до сего времени никакъ не могъ найдти таковаго. Хотя императрица, въ пріемные дни и когда бы я ни находился при дворѣ, постоянно обращается со мною съ прежнею милостью и отличіемъ предъ прочими и вступаетъ въ продолжительные разговоры о своихъ ежедневно возникающихъ новыхъ учрежденіяхъ, о способахъ веденія текущихъ дѣлъ, о правильномъ распредѣленіи ея ежедневныхъ занятій и тому подобныхъ предметахъ, но это всегда происходитъ въ присутствіи и при участіи одного изъ ея министровъ, какъ-то: канцлера, вице-канцлера, или Панина, безъ сомнѣнія, съ цѣлью отнять у меня всякій поводъ къ направленію разговора на другіе, болѣе важные для двора моего, предметы. Когда же я, не смотря на то, ищу достигнуть этого, то русская императрица всегда умѣетъ уклониться такимъ способомъ, который ясно указываетъ, что она не дозволяетъ мнѣ прибѣгнуть къ какому бы то ни было удобному средству, чтобы повторить ей мои уже сдѣланныя ей представленія» (137). Жалобы графа Мерси на эту уклончивость императрицы, не желавшей говорить съ нимъ о болѣе важныхъ предметахъ, повторяются и въ позднѣйшихъ донесеніяхъ его (см., напр., 172).

Все это, однако, не мѣшало Екатеринѣ приглашать австрійскаго дипломата къ себѣ довольно часто и обращаться съ нимъ чрезвычайно благосклонно. Такъ, напримѣръ, онъ неоднократно ѣздилъ верхомъ съ императрицею, сопровождалъ ее на охоту, бывалъ у нея въ гостяхъ на дачѣ и пр. Тутъ она обнаруживала свое искусство бесѣдовать о всевозможныхъ предметахъ. Описывая такую прогулку, кончившуюся ужиномъ въ какомъ-то павильонѣ въ окрестностяхъ Москвы, Мерси пишетъ: «Какъ прелестно, мило и любезно было обхожденіе здѣшней государыни при этомъ случаѣ, это не можетъ быть достаточно описано, такъ что каждый могъ

подумать, что находится въ обществѣ равныхъ ему лицъ». Однако, и тутъ Мерси прибавляетъ, что Екатерина избѣгала говорить о болѣе важныхъ политическихъ вопросахъ (493, 495, 614).

Столь хвалебные отзывы объ императрицѣ въ донесеніяхъ графа Мерси сообщаются безъ шифръ. Совсѣмъ иначе онъ писалъ о Екатеринѣ въ шифрахъ. Неудача дипломатической миссіи графа Мерси не могла не оказать вліянія на то мнѣніе, которое австрійскій дипломатъ составилъ себѣ объ императрицѣ. Очень часто онъ отзывался о ней въ тонѣ крайняго раздраженія и негодованія, называя ее «высокомѣрною», «неблагодарною» и пр. (87, 88, 89, 189). «Русской государынѣ нельзя довѣрять ни теперь, ни когда либо въ будущемъ», — сказано въ одной изъ депешъ графа Мерси (682), жалующагося но «злостныя намѣренія» Екатерины (681), на жажду мести и на влеченіе ея страстей (721). Особенно рѣзко Мерси осуждалъ отношенія императрицы къ Орлову. Въ мартѣ 1763 года, онъ писалъ: «Русская императрица во всѣхъ случаяхъ, касающихся ея достоинства, привыкла въ прежнее время держать себя очень скромно; но если дѣло коснется ея страсти, то прошедшее достаточно доказало, что она не въ состояніи сдерживать себя. Она такъ занята графомъ Орловымъ, что невозможно достаточно описать это. Что̀ измыслитъ ея величество для еще вящаго возвышенія упомянутаго камергера?—пока еще нельзя этого предвидѣть, но между тѣмъ не разъ повторенное мнѣ выраженіе ея, что онъ принадлежитъ къ знатнѣйшему и древнѣйшему русскому дворянству, можетъ подать поводъ ко многимъ удивительнымъ и, быть можетъ, не совсѣмъ безосновательнымъ предположеніямъ» (437).

Дѣло въ томъ, что Екатерина въ это время выразила желаніе, чтобы графъ Орловъ былъ возведенъ въ достоинство князя Римской имперіи. Переговоры по этому дѣлу шли отчасти чрезъ князя Голицына въ Вѣнѣ, отчасти чрезъ графа Мерси, такъ что въ донесеніяхъ послѣдняго мы встрѣчаемъ множество подробностей объ этомъ предметѣ.

Мерси не былъ высокаго мнѣнія объ Орловѣ. Въ октябрѣ 1762 года, онъ писалъ: «Расположеніе государыни къ камергеру Орлову возростаетъ съ каждымъ днемъ и, повидимому, достигаетъ высшей степени, но у него слишкомъ мало разума и способностей, чтобы его можно было съ нѣкоторою пользою привлечь къ участію въ важныхъ дѣлахъ, въ которыя онъ вовсе и не вмѣшивается, и хотя я и довольно хорошо знакомъ съ нимъ, но было бы совершенно напрасно обращаться къ нему по чему либо, касающемуея дѣлъ» (189). Также Мерси писалъ въ декабрѣ 1763 года: «Орловъ хотя благонамѣренъ, но до того неспособенъ, что не можетъ быть ни въ чемъ употребляемъ съ пользою. Было бы совершенно невозможно и притомъ напрасно искать привлечь на нашу сторону упомяну-

таго графа обѣщаніемъ ему значительныхъ денежныхъ суммъ, ибо, съ одной стороны, онъ, благодаря неограниченной милости своей государыни, осыпанъ богатствами, съ другой же стороны разсудокъ его такъ слабъ и самъ онъ имѣетъ столь мало опытности, что не умѣетъ ни молчать передъ своею государынею, ни скрывать отъ нея что либо. Доказательствомъ тому служитъ случай, когда упомянутый графъ, по наущенію графа Бестужева, столь горячо воспротивился возвышенію графа Понятовскаго. Онъ сдѣлалъ это столь грубо и неловко, что въ засѣданіи совѣта онъ всталъ съ своего мѣста и обозвалъ означеннаго польскаго дворянина самыми ругательными именами. Онъ навлекъ на себя этимъ рѣзкій выговоръ, и, наконецъ, примиреніе состоялось вслѣдствіе сознанія его, что онъ, Орловъ, повелъ себя въ этомъ дѣлѣ по совѣту Бестужева. Я также былъ заподозрѣнъ государынею въ нѣкоторомъ участіи въ этой выходкѣ, хотя этого и не было въ дѣйствительности», и пр. (721).

Понятно, что, при столь неблагопріятномъ мнѣніи объ Орловѣ, Мерси неособенно охотно содѣйствовалъ доставленію фавориту княжескаго титула. Сначала Бестужевъ лишь конфиденціально и какъ бы отъ себя говорилъ съ графомъ Мерси объ этомъ предметѣ (417). Мерси не могъ не указать на затрудненія, съ которыми приходилось бороться при приведеніи въ исполненіе этого предположенія, но долженъ былъ сообщить о желаніи императрицы князю Кауницу. Затѣмъ и сама Екатерина заговорила съ графомъ Мерси объ этомъ предметѣ, убѣдительнѣйше прося его ходатайствовать предъ императорскимъ дворомъ за Орлова. При этомъ она замѣтила, «что она обязана графу Орлову большою признательностью, ибо онъ всѣхъ болѣе содѣйствовалъ восшествію ея на престолъ» (434). Во время переписки о дѣлѣ Орлова императрица выразила графу Мерси живѣйшую признательность за его труды въ пользу фаворита, замѣтивъ, что она близко принимаетъ къ сердцу это дѣло, и всячески восхваляя способности и нравъ Орлова (476).

Выдача диплома на княжеское достоинство Орлова со стороны вѣнскаго двора нѣсколько замедлилась. Екатерина съ нетерпѣніемъ ожидала окончанія этого дѣла (520—521). Наконецъ, дипломъ былъ доставленъ въ Москву, гдѣ находился дворъ въ это время. И Екатерина, и Орловъ благодарили графа Мерси за его участіе въ этомъ дѣлѣ (593, 594, 612).

Бестужевъ старался убѣдить австрійскаго посла, что возведеніемъ Орлова въ княжеское достоинство всего легче можно достигнуть завѣтной цѣли вѣнскаго двора — возобновленія прежнихъ союзническихъ отношеній между Россіею и Австріею. Въ Вѣнѣ не сочли возможнымъ раздражать Екатерину отказомъ. Къ величайшему неудовольствію какъ австрійскаго двора, такъ и представителей его въ Петербургѣ, обнародованіе диплома, выданнаго Орлову,

состоялось лишь девять лѣтъ спустя, а именно въ 1772 году (см. предисловіе VII и VIII).

Неоднократно графъ Мерси въ своихъ донесеніяхъ затрогиваетъ вопросъ о предположеніи императрицы вступить въ бракъ съ Орловымъ. Изъ другихъ источниковъ сдѣлались извѣстными кое-какія подробности по этому дѣлу, которое, такъ сказать, происходило за кулисами; Мерси не могъ узнать болѣе того, что уже помѣщено въ исторической литературѣ. Главнымъ противникомъ этого плана былъ, какъ доносилъ Мерси, канцлеръ М. И. Воронцовъ (496, 513). Онъ же сообщалъ графу Мерси кое-какія частности этого эпизода (534—535, 539, 553, 561)[1]).

А. Брикнеръ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

[1]) Намекъ на Бобринскаго на стр. 537.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ ОПЕРЫ „ЖИЗНЬ ЗА ЦАРЯ“.

КОРО наступитъ великій день для музыкальной Россіи: 27-го ноября совершится 50 лѣтъ со времени перваго представленія «Жизни за царя». Это день нашей музыкальной эры. Въ этотъ день, 50 лѣтъ тому назадъ, выступилъ впередъ геніальный человѣкъ и подалъ своему отечеству созданную имъ русскую музыку. И это была не проба, не шаткій опытъ: Глинка являлся со зрѣлымъ, великимъ созданіемъ, рѣшавшимъ вопросъ о національной музыкѣ съ такимъ талантомъ, такою силою и оригинальностью творчества, какихъ не знала до тѣхъ поръ ни одна страна Европы. Конечно, этотъ великій юбилей нашъ будетъ праздноваться во многихъ концахъ Россіи. Но, радуясь и веселясь на Глинку, мы, безъ сомнѣнія, имѣемъ все право радоваться и веселиться на самихъ себя. Эти пятьдесятъ лѣтъ не даромъ для насъ прошли. Если посравнить вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій, увидимъ тотчасъ громадную разницу. Понятія музыкальныя у насъ перемѣнились, если не по всей Россіи, то у многихъ, и это въ такой степени, такъ рѣшительно, что поворота назадъ уже навѣрное никогда не будетъ. Пройдите нынѣ всю Россію вдоль и поперегъ, отъ одного конца и до другаго, и нигдѣ вы уже не услышите про Глинку ничего другаго, кромѣ того, что онъ великій человѣкъ, геній. Никто уже въ этомъ не сомнѣвается. А давно ли?

Еще какъ немного лѣтъ тому назадъ, Тургеневъ рисовалъ въ своемъ «Дымѣ» Потугина, который съ озлобленіемъ восклицалъ: «Не то что у Мейербера, а у послѣдняго нѣмецкаго флейтщика, скромно высвистывающаго свою партію въ послѣднемъ нѣмецкомъ оркестрѣ, въ двадцать разъ болѣе идей, чѣмъ у всѣхъ нашихъ самородковъ;

только флейтщикъ хранитъ про себя эти идеи и не суется съ ними впередъ; а нашъ братъ-самородокъ «трень-брень» вальсикъ или романсикъ, и смотришь—уже руки въ панталоны и ротъ презрительно скривленъ: я, молъ, геній. Русское художество, русское искусство! Русское пруженье я знаю и русское безсиліе знаю тоже, а съ русскимъ художествомъ, виноватъ, не встрѣчался... Сказать бы, напримѣръ, что Глинка былъ дѣйствительно замѣчательный музыкантъ, которому обстоятельства, внѣшнія и внутреннія, помѣшали сдѣлаться основателемъ русской оперы, никто бы спорить не сталъ; но нѣтъ, какъ можно! Сейчасъ надо его произвести въ генералъ-аншефы, въ оберъ-гофмаршалы по части музыки, да другіе народы кстати оборвать: ничего, молъ, подобнаго у нихъ нѣтъ. Ничего подобнаго? О убогіе дурачки-варвары!»... Тургеневъ не выдумывалъ изъ головы, онъ писалъ съ натуры. Такихъ Потугиныхъ онъ видѣлъ и слышалъ на своемъ вѣку много. Да и мы всѣ тоже. Въ 1858 году, при выходѣ изъ одного концерта, развѣ Сѣровъ не слыхалъ такой разговоръ въ публикѣ, имъ тотчасъ же и напечатанный: «Концертъ всѣмъ бы хорошъ, да музыка Глинки испортила всю программу» (Музыкальный и Театральный Вѣстникъ, 1858, № 8). Быть можетъ, кое-гдѣ еще и теперь такіе люди сидятъ по угламъ, да только не смѣютъ болѣе пикнуть: времена не тѣ. Какъ же, вѣдь это было бы теперь совершенно ни съ чѣмъ несообразно: вѣдь Глинкѣ уже и публичный монументъ на площади поставленъ! Онъ уже, такъ сказать, патентованный великій человѣкъ сталъ! Ну, нечего дѣлать, надо помолчать, даже тѣмъ, кому на самомъ дѣлѣ до Глинки никакого дѣла нѣтъ, кому онъ собственно никогда и не нравился.

Да, ротъ нынче всѣмъ зажатъ. А еще какъ недавно громко, всенародно, на всю публику, объявлялось нѣчто совсѣмъ другое. Въ 1855 году, Рубинштейнъ печаталъ въ двухъ журналахъ, одномъ вѣнскомъ, другомъ берлинскомъ (Wiener Zeitschrift für Musik, Berliner Musikzeitung «Echo»), что «нѣтъ никакихъ національныхъ страстей, а потому нѣтъ никакой національной оперы. Никому не придетъ въ голову сочинять оперу персидскую, малайскую или японскую, а потому сочиненіе оперы англійской, французской или русской можетъ служить только доказательствомъ незрѣлости мысли. Всякая попытка создать національное музыкальное произведеніе можетъ имѣть результатомъ только—провалъ... Глинка провалился (Glinka ist gescheitert)... Русскіе очень расположены къ музыкѣ и небездарны въ ней, но по общему непросвѣщенію и по славянской небрежности одержимы непроходимымъ дилеттантствомъ... Русской музыки нѣтъ на театрѣ, кромѣ въ двухъ еще далеко не вполнѣ удачныхъ операхъ Глинки»... Шесть лѣтъ спустя, въ 1861 году, Рубинштейнъ повторилъ въ газетѣ «Вѣкъ», что «въ Россіи занимаются музыкой только дилеттанты».

Другой музыкантъ, Сѣровъ, когда-то поклонникъ Глинки, посвятилъ нѣсколько послѣднихъ лѣтъ своей жизни нападкамъ именно на Глинку и доказательствамъ, что музыкѣ «Руслана» можно сдѣлать многіе упреки, «особенно со стороны мѣстнаго колорита, которому композиторъ придалъ уже слишкомъ много важности. Съ огромною силою таланта, при опытности, Глинкѣ легко было бы избѣжать монотонности и мрачности, которыя тяготѣютъ надъ музыкою «Жизни за царя», и барòчности въ «Русланѣ». Вообще же, «Русланъ» полонъ ничѣмъ неизвиняемыхъ недостатковъ, и пр. Віельгорскій былъ правъ, называя эту оперу—«un opéra manqué». Почти одновременно съ Рубинштейномъ (1855) Сѣровъ объявлялъ (1856), совершенно въ одномъ вкусѣ съ Рубинштейномъ, что «характеръ нашей школы не установился еще какъ слѣдуетъ, еще находится въ періодѣ колебанія и броженія» (послѣ «Жизни за царя» и «Руслана»!!). Нѣсколько лѣтъ спустя, Сѣровъ объявлялъ также, что «Русланъ»—капризъ художника, который могъ быть и не быть»..., а какъ вѣнецъ всему, Сѣровъ провозглашалъ, что черезъ 5 лѣтъ «Руслана» перестанутъ вовсе давать на сценѣ.

Коль скоро такъ выражались о Глинкѣ музыканты, можно себѣ представить, чтò о немъ говорила невѣжественная публика и еще болѣе невѣжественная критика. Булгарины и Зотовы, Ростиславы и иные фельетонисты 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годовъ были истинно ужасны. Ихъ порицаніямъ, совѣтамъ, выговорамъ, а иногда негодованіямъ и насмѣшкамъ не было конца. Всѣ они указывали Глинкѣ на Европу, до которой онъ не дошелъ еще, на Беллини, Россини, Доницетти, Обера, а впослѣдствіи и Верди, которыми они всѣ восхищались, и которыхъ признавали «настоящими», такими, какими всякому хорошему музыканту быть слѣдуетъ. Глинка былъ для нихъ какой-то еще только даровитый «любитель», котораго надо поучать, наставлять на путь истинный, но никакъ не настоящій композиторъ; главное, онъ имъ казался какимъ-то вовсе не европейцемъ. Въ этомъ они сходились съ разными пріѣзжими иностранцами, которые всегда жаловали къ намъ со своими упрямыми и высокомѣрными понятіями о томъ, чтò такое Европа и чтò такое Россія, а потому смотрѣли на нашу музыку и нашихъ музыкантовъ лишь свысока, со снисхожденіемъ. Они всѣ были точь въ точь нынѣшній любимецъ нѣмецкихъ читателей, публицистъ-фельетонистъ Нордау (остроумный, блестящій, но поверхностный), который, будучи нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Россіи, слушалъ гдѣ-то, зимою на каткѣ, въ Петербургѣ, любопытную какую-то музыку, пожалуй, не непріятную, но странную, нѣчто восточное, про которую онъ долго не зналъ, чтò подумать, хороша она или дурна, такая она была мудреная, всего скорѣе «восточная». И что же? — оказалось, что это были отрывки изъ «Жизни за царя». (Nordau, Vom Kreml zur Alhambra). Вотъ точь въ точь такъ долго было и съ нашей

публикой и критиками, когда они слушали музыку Глинки: тутъ есть что-то, кажись, недурное, даже пріятное, а только Богъ его знаетъ, чтò это такое, что-то не ладное, не «наше», европейское, къ чему мы такъ давно привыкли и чтò любимъ.

Для самого дѣла все это было бы еще не Богъ вѣсть какая бѣда. Время исправляетъ и заволакиваетъ еще и не такія смѣшныя понятія, поворачиваетъ на правый путь еще и не такія нелѣпыя, бездарныя сужденія. Но бѣда въ томъ, что композиторы всегда почти недолго живутъ, и что они страшно надѣлены нервами. Имъ рѣдко приходится доживать до того времени, когда слѣпые прозрѣваютъ и, протирая себѣ глаза, спрашиваютъ другъ друга: «Чтò это съ нами было? Или мы это все во снѣ говорили и думали?» Имъ некогда ждать, жизнь идетъ да идетъ, и на девять дней изъ десяти угощаетъ ихъ только горечью да больными уколами. Впослѣдствіи, однажды когда-то, все это поправится; да, это очень мило и утѣшительно, но заживо-то каково! И бѣдный Глинка испыталъ это на собственной особѣ хуже, чѣмъ кто нибудь другой. Чѣмъ нѣжнѣе и тоньше сложенъ человѣкъ, тѣмъ сильнѣе онъ слышитъ всякое шершавое, враждебное прикосновеніе. А въ отношеніи къ Глинкѣ враждебное прикосновеніе было иногда чисто-варварское. Еще когда онъ сочинялъ «Руслана», непріязненныхъ обстоятельствъ у Глинки накопилось столько, что онъ писалъ матери своей (май 1837 г.): «Все это вмѣстѣ довело меня до того, что мнѣ музыка и опера опостылѣла, и я только желаю сбыть ее скорѣе съ рукъ долой, да убраться изъ Петербурга». Въ 1840 году, когда Петербургъ сталъ ему совсѣмъ не въ моготу, и онъ просто, можно сказать, бѣжалъ изъ него, онъ говорилъ въ «Прощальной пѣснѣ» друзьямъ: «Прощайте, глупыя мечты, сны безъ значенія, прощайте! Другую жертву суеты игрой коварной обольщайте! А слава, богъ когда-то мой, возьми назадъ вѣнецъ лавровый, возьми: изъ терній онъ, долой! Другаго имъ слѣпца обвей! Вели ему на чуждомъ пирѣ, гостямъ въ потѣху, у дверей, играть на раскаленной лирѣ»... Потомъ, сказавъ, что онъ никогда не разлюбитъ семьи добрыхъ своихъ друзей, такъ долго окружавшей его «подъ небомъ вдохновеній», онъ восклицалъ: «Ей пѣснь послѣднюю пою и струны лиры разрываю!»... По счастью, угроза не сбылась. Глинка не разорвалъ струнъ своей лиры и, напротивъ, скоро потомъ создалъ величайшее свое произведеніе—«Руслана». Но пока онъ его создавалъ, вотъ чтò онъ принужденъ былъ писать своей матери: «Искусство, эта небомъ данная мнѣ отрада, гибнетъ здѣсь (въ Петербургѣ) отъ убійственнаго ко всему прекрасному равнодушія. Если бъ я не провелъ нѣсколько лѣтъ за границей, я не написалъ бы «Жизни за царя»; теперь вполнѣ убѣжденъ, что «Русланъ» можетъ быть оконченъ только въ Германіи или Франціи» (письмо 15 февраля 1841 г.). Когда же, въ февралѣ 1842 года, пріѣхалъ въ Петербургъ Листъ,

то, пишетъ Глинка, «его появленіе переполошило всѣхъ дилеттантовъ и даже модныхъ барынь. Меня, отказавшагося отъ свѣта съ ноября 1839 года, снова вытащили на люди, и забытому почти всѣми русскому композитору пришлось снова являться въ салонахъ нашей столицы, по рекомендаціи знаменитаго иностраннаго артиста»... Каково это! Листу пришлось рекомендовать Глинку русскимъ, и не пріѣзжай онъ въ Петербургъ, Глинку такъ-таки и продолжали бы забывать у насъ!

Но вотъ «Русланъ» конченъ, поставленъ на сцену. Съ чего же началось признаніе великаго его созданія, геніальной оперы, которой по силѣ, глубинѣ, вдохновенію и національности нѣтъ подобной въ лѣтописяхъ міра? Съ того, что петербургскіе знатоки, доки и рѣшители музыкальныхъ дѣлъ объявили ему, что его созданіе— «опера совершенно неудачная» (opéra manqué) и что она можетъ быть терпима на сценѣ только цѣною громадныхъ купюръ, выбрасыванія вонъ множества нумеровъ и подробностей,—но какихъ?— именно все только такихъ, которые были не только въ высшей степени талантливы, но рѣшительно геніальны. А какъ прошло первое представленіе? Глинка разсказываетъ намъ это въ своихъ «Запискахъ» (нынче уже давно напечатанныхъ), да это же самое подтверждаютъ и злобно насмѣхающіяся и глумящіяся тогдашнія газеты. «Не смотря на мучительное чувство, овладѣвавшее мною всякій разъ во время перваго представленія моихъ драматическихъ произведеній, я еще не терялъ надежды на успѣхъ. Первый актъ прошелъ довольно благополучно. Второй прошелъ также недурно, за исключеніемъ хора въ «Головѣ». Въ третьемъ актѣ публика замѣтно охладѣла. Четвертый актъ не произвелъ эффекта, котораго ожидали. Въ концѣ же пятаго дѣйствія императорская фамилія уѣхала изъ театра. Когда опустили занавѣсъ, начали меня вызывать, но апплодировали очень недружно, между тѣмъ усердно шикали, и преимущественно со сцены и оркестра. Возвратясь изъ театра, мы съ матушкой скрыли нашу досаду и ласково приняли моихъ пріятелей, пріѣхавшихъ къ намъ ужинать. Второе представленіе прошло не лучше перваго. На третье явилась старшая Петрова, она исполнила сцену третьяго дѣйствія (арію Ратмира) съ такимъ увлеченіемъ, что привела въ восторгъ публику. Раздались звонкія и продолжительныя рукоплесканія; торжественно вызывали сперва меня, потомъ Петрову. Эти вызовы продолжались впродолженіе 17-ти представленій»... Итакъ, не будь страстнаго и талантливаго исполненія одною пѣвицею одной аріи (притомъ плохой: «Чудный сонъ живой любви», въ формѣ вальса), вся геніальная опера такъ и осталась бы отвергнутою, презрѣнною, просто заплеванною и затоптанною въ грязь!

Но, не смотря даже на чудное виртуозное исполненіе Петровой, оперу Глинки, какъ вовсе ни для кого ненужную, скоро потомъ и

Памятникъ Глинки въ Смоленскѣ.

Съ фотографіи гравир. В. В. Маттэ.

совсѣмъ снесли вонъ съ театра. Это случилось, когда въ 1843 году пріѣхали въ Петербургъ итальянцы. Ихъ музыку и фальшивое исполненіе Глинка, конечно, глубоко презиралъ и ненавидѣлъ, какъ всякій истинный музыкантъ. Но именно эти оперы — всѣмъ были нужны. Еще бы! «Сомнамбулы», «Лучіи», «Пуритане», «Нормы» и т. д., еще бы равняться съ ихъ небесными сладостями и сверхъестественными красотами какому-то грубому, неотесанному «Руслану»! Эту безконечно скучную и неудачную оперу сняли съ репертуара, и цѣлыхъ 14 лѣтъ не давали. Хоть бы кто пикнулъ тогда. Вотъ еще! Стóило безпокоиться о такомъ ничтожествѣ.

Впослѣдствіи Сѣровъ (прежде когда-то свѣтлый прогрессистъ, а подъ конецъ жизни ярый обскурантъ и ретроградъ) печатно объявлялъ въ своемъ журналѣ «Музыка и Театръ», что «судьба «Руслана» ничего ни рѣзкаго, ни замѣчательнаго, ни оскорбительнаго для Россіи не представляетъ».

«Провалъ» его геніальной оперы былъ такъ боленъ нѣжному, безконечно воспріимчивому Глинкѣ, что, уѣхавъ черезъ 2 года за границу, онъ писалъ матери, что «если ему суждено писать для театра, то онъ не желаетъ писать для другаго, кромѣ парижскаго и итальянскаго» (письмо отъ 28-го сент. 1844). Но это было явное преувеличеніе, просто неправда противъ самого себя. Уже 11-го января 1845 года, онъ писалъ матери: «Писать для здѣшнихъ театровъ не вижу возможности. Интригъ здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ либо, а сверхъ того, живя за границей, я болѣе и болѣе убѣждаюсь въ томъ, что я душою русскій, и мнѣ трудно поддѣлываться подъ чужой ладъ». Иностранныхъ оперъ Глинка, конечно, никогда не сталъ бы писать, но намѣреніе исключительно ими заняться доказываетъ, какъ сладко ему было въ Россіи.

Впослѣдствіи, воротясь изъ чужихъ краевъ опять въ Россію, Глинка снова горько почувствовалъ на себѣ жало русскаго невѣжества и равнодушія по части музыки. Сестра его, Людм. Ив. Шестакова, съ которою онъ прожилъ въ это время нѣсколько лѣтъ вмѣстѣ, пишетъ въ своихъ запискахъ: «Мой братъ сильно и глубоко чувствовалъ малѣйшія непріятности; несчастная семейная жизнь его развила въ немъ нервную чувствительность до высшей степени; музыка его была ему дорога, и послѣ семейной катастрофы (развода) стала еще дороже. А что же онъ видѣлъ въ Петербургѣ? «Жизнь за царя» итальянцы вытѣснили съ Большаго театра на Александринскій. Опера эта давалась съ полнымъ пренебреженіемъ во всѣхъ отношеніяхъ, и когда давалась? Или въ табельные дни,— не по музыкѣ, а по имени оперы, или когда почему нибудь нельзя было давать другихъ оперъ (не разучены были, или кто боленъ), а для «Жизни за царя» не нужно было даже репетицій! Братъ не разъ говорилъ мнѣ: «Поймутъ твоего Мишу, когда его не будетъ, а «Руслана» черезъ сто лѣтъ!» Все это живо рисуетъ по-

ложеніе Глинки въ своемъ отечествѣ, все это показываетъ, каково ему тутъ было. Притомъ же годы и физическіе недуги также брали свое, и Глинка все болѣе и болѣе удалялся отъ композиторства.

Въ 1850 году, Глинка писалъ одному изъ ближайшихъ пріятелей своихъ, В. П. Энгельгардту, изъ Варшавы: «Не лѣность, а упорный недугъ не допустилъ меня отвѣчать на письмо ваше. Искренно благодарю васъ за ваши заботы о моихъ музыкальныхъ дѣтяхъ. Послѣднее письмо ваше исполнило сердце мое радостью (чувствомъ, давно уже мнѣ незнакомымъ отъ долговременныхъ тяжкихъ, хотя неопасныхъ страданій). Или наша публика, доселѣ ненавидѣвшая инструментальную музыку, вполнѣ измѣнилась, или дѣйствительно мои пьесы («Хота» и «Камаринская», исполненныя тутъ въ первый разъ; замѣтимъ, что Глинка до конца жизни никогда не слыхалъ «Хоты» въ оркестрѣ), писанныя con amore, удались свыше моего ожиданія,—какъ бы то ни было, но этотъ неожиданный успѣхъ въ концертѣ, въ залѣ Дворянскаго собранія, чрезвычайно ободрилъ меня. Поблагодарите отъ меня гг. артистовъ за ихъ ласковое вниманіе и честное содѣйствіе... Втеченіе нынѣшняго 1850 года совершится 25-лѣтіе моего посильнаго служенія на поприщѣ народной русской музыки. Многіе упрекаютъ меня въ лѣности — пусть эти господа займутъ мое мѣсто на время, тогда убѣдятся, что съ постояннымъ нервнымъ разстройствомъ и съ тѣмъ строгимъ воззрѣніемъ на искусство, которое всегда мною руководствовало, нельзя много писать». (Письмо отъ 26 марта).

Въ послѣдніе годы Глинка ревностно принимался было писать большую русскую симфонію на тему «Тарасъ Бульба», потомъ оперу «Двумужница», но ни та, ни другая не состоялись. Ему помѣшали страданія какъ физическія, такъ и моральныя. Въ концѣ 1855 года, Глинка писалъ В. П. Энгельгардту: «Двумужница» давно уже прекратилась. Либреттистъ мой, Василько-Петровъ, посѣщавшій меня два раза въ недѣлю, пропалъ въ августѣ и, какъ водится въ Питерѣ, началъ клеветать на меня. Я ему искренно признателенъ, равно какъ и **. Съ пакостной публикой мнѣ связываться не слѣдуетъ. А что опера прекратилась, я радъ: 1) потому что мудрено и почти-что невозможно писать въ русскомъ родѣ, не заимствовавъ хотя характера у моей старухи (т. е. оперы «Жизнь за царя»); 2) не надобно слѣпить глаза, ибо вижу плохо; 3) въ случаѣ успѣха мнѣ бы пришлось оставаться долѣе необходимаго въ этомъ ненавистномъ Петербургѣ. Досады, огорченія и страданія меня убили, я рѣшительно упалъ духомъ (démoralisé). Жду весны, чтобъ удрать куда нибудь отсюда»... (Письмо отъ 29 ноября 1855).

Къ числу досадъ, о которыхъ тутъ говорится, надо отнести также и приведенную у насъ выше и напечатанную въ Вѣнѣ и Берлинѣ статью Рубинштейна о русскихъ сочинителяхъ. Въ этомъ

же письмѣ 29 ноября Глинка писалъ Энгельгардту: «... Рубинштейнъ взялся знакомить Германію съ нашей музыкой и написалъ статью, въ коей всѣмъ намъ напакостилъ, и задѣлъ мою старуху «Жизнь за царя» довольно дерзко».

Дѣйствительно, весной слѣдующаго (1856) года, Глинка уѣхалъ изъ Россіи за границу. Какъ одинъ изъ ближайшихъ въ то время къ Глинкѣ людей, я былъ при его отъѣздѣ. Съ его сестрой, Л. И. Шестаковой, мы одни его провожали до заставы (въ тѣ времена желѣзной дороги еще не было). Тутъ, выйдя изъ экипажа и отойдя на минуту въ сторону, онъ воротился къ намъ, простился съ нами, потомъ плюнулъ на землю и сказалъ: «Когда бы мнѣ никогда болѣе этой гадкой земли не видать!» (Это разсказываетъ въ своихъ печатныхъ «Запискахъ» и Л. И. Шестакова). Желаніе Глинки исполнилось: онъ самъ собою никогда болѣе не воротился въ Россію. Его черезъ годъ привезли изъ Берлина, но уже въ гробу, чтобъ похоронить на кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Всего досаднѣе и больнѣе знать, что Глинку глубоко и серьезно оцѣнили раньше всѣхъ — кто? — иностранные талантливые и геніальные люди. Пока у насъ «Руслана» одни бранили, а другіе не понимали, и только зѣвали на его представленіяхъ, или просто глумились (какъ, напримѣръ, Булгаринъ, и тотъ генералъ, который обѣщался посылать проштрафившихся своихъ солдатъ въ театръ на «Руслана»), пока «лучшіе» тогдашніе знатоки русскіе, какъ, напримѣръ, графъ Віельгорскій, ученикъ парижской консерваторіи, и Керубини, нагло и безстыдно твердили Глинкѣ въ глаза, что его опера «провалилась», но въ то же время до корней души таяли отъ «Сомнамбулъ» и иной итальянской дребедени, и признавали анти-художественнаго пѣвуна Рубини «Юпитеромъ Олимпійскимъ»,—пока, однимъ словомъ, русская публика утопала во мракѣ и туманѣ, въ сомнѣніи или въ тупой ненависти, иностранцы думали и говорили совсѣмъ другое.

Первый заговорилъ Листъ. Онъ сталъ рекомендовать Глинку русскимъ. Какой срамъ и стыдъ! Но тогдашніе русскіе этого не понимали. Они, какъ осовѣлые, сидѣли въ итальянской оперѣ и только похлопывали глазами. Но Листъ глубоко понималъ, что̀ за талантъ Глинка, какъ онъ силенъ и новъ, какъ оригиналенъ. Онъ много игралъ «Руслана» прямо по оркестровой, страшно сложной партитурѣ (какой неимовѣрный tour de force!), онъ восторгался имъ, и даже тотчасъ переложилъ одно изъ капитальнѣйшихъ созданій этой оперы—фантастическо-восточный маршъ Черномора. «Листъ въ 1843 году слышалъ мою оперу. Онъ вѣрно чувствовалъ всѣ замѣчательныя мѣста»,—говоритъ Глинка въ «Запискахъ». Могъ ли онъ сказать тогда эти слова про кого нибудь изъ русскихъ?

Потомъ, въ 1844 году, Меримэ напечаталъ въ «Revue de Paris» рядъ статей про свое путешествіе въ Россію и, говоря, между про-

чимъ, тоже и про Глинку, высказалъ про него такія вещи, которыхъ никто изъ русскихъ не только тогда не писалъ, да и не думалъ. Онъ говорилъ: «Жизнь за царя»—это болѣе чѣмъ опера, это—національная эпопея, это—лирическая драма, возвращенная къ благородству первоначальнаго своего назначенія, къ тѣмъ временамъ, когда она была не пустой забавой, но патріотическимъ и религіознымъ торжествомъ. Хотя я, и иностранецъ, но никогда не могъ присутствовать на этомъ представленіи безъ живаго и симпатическаго чувства»...

Послѣ оркестроваго концерта, даннаго Глинкой, въ 1845 году, въ Парижѣ, а также двухъ концертовъ Берліоза, гдѣ исполнялись сочиненія Глинки, парижскія газеты напечатали множество самыхъ симпатичныхъ статей о Глинкѣ и о великой новости для Европы — русской музыкѣ. Нѣкоторые журналы (напр., «Revue Britannique») заговорили даже о томъ, что Глинку не надо французамъ упускать изъ рукъ, что этому новому и свѣжему таланту надо поручить писать оперы для парижскихъ театровъ. «Le Monde Musical», отзываясь съ величайшимъ уваженіемъ и симпатіей о сочиненіяхъ Глинки, говорилъ: «Никто не жаловался на обиліе русской музыки въ этихъ концертахъ. Русскіе сдѣлали для музыки то же, что для образованности — они пошли быстро впередъ»...

Всѣхъ больше восхищался Берліозъ. Онъ былъ въ такомъ энтузіазмѣ отъ Глинки и новоявленной русской музыки, что, не удовольствовавшись исполненіемъ Глинкинской музыки въ двухъ своихъ «concerts-monstres», онъ напечаталъ о русскомъ авторѣ огромную статью въ «Journal des Débats». Онъ прямо высказывалъ здѣсь, со всею горячностью своего энтузіазма, что Глинка — одинъ изъ величайшихъ композиторовъ XIX-го вѣка. Этого не могли и не смѣли не только сказать, но даже подумать всѣ самые искренніе поклонники Глинки въ Россіи (а ихъ такъ было мало), даже самъ князь Одоевскій, который смыслилъ тогда у насъ больше всѣхъ въ музыкѣ, глубоко любилъ и уважалъ Глинку, и даже написалъ двѣ лучшія статьи о Глинкѣ—одну о «Жизни за царя», другую о «Русланѣ». Статья о «Русланѣ» другаго пріятеля Глинки, Сенковскаго, была поверхностна, не смотря на всѣ похвалы, такъ какъ авторъ ея былъ всеядный дилеттантъ и всего болѣе итальяноманъ.

Напомнимъ еще, что когда Глинка бывалъ въ Берлинѣ или Парижѣ одновременно съ Мейерберомъ, этотъ послѣдній всегда старался видѣть Глинку и выразить ему свое уваженіе.

Ни до чего подобнаго со стороны русской публики, русскихъ музыкантовъ и критиковъ Глинка не дожилъ. Конечно, всѣ почти считали его талантомъ, даже создателемъ русской оперы. Но какъ-то все это было равнодушно и вяло, и, конечно, никто въ Россіи, при его жизни, не смѣлъ бы признать въ Глинкѣ музыканта геніальнаго. Это смѣли, могли и нуждались признавать только музы-

канты Запада и тамошняя музыкальная критики. Исключеніе составляли только тѣ немногіе поклонники Глинки, которые окружали его въ послѣдніе годы его жизни, и среди которыхъ онъ находилъ отраду отъ всѣхъ своихъ страданій.

Послѣ смерти Глинки, этимъ людямъ удалось посредствомъ печати, концертовъ и устной пропаганды добиться того, что послѣ 14 лѣтъ постыднаго антракта снова стали давать у насъ «Руслана», и даже не въ прежнемъ урѣзанномъ, кастрированномъ видѣ. Великія инструментальныя созданія Глинки: «Хота», «Камаринская», «Ночь въ Мадридѣ», музыка къ «Князю Холмскому», тоже стали общеизвѣстны у насъ, стали общимъ достояніемъ всей Россіи. Главная заслуга въ этомъ была—«Безплатной Музыкальной Школы» и главы ея, Балакирева, котораго Глинка въ послѣдніе свои дни, а вмѣстѣ съ нимъ и Даргомыжскій, привѣтствовали какъ истиннаго, наконецъ, и крупнаго русскаго музыканта, достойнаго ихъ продолжателя. Скоро потомъ около Балакирева сгруппировалась цѣлая фаланга молодыхъ талантливыхъ композиторовъ, и для этой новой русской музыкальной школы Глинка, впродолженіе цѣлыхъ 25 лѣтъ ея существованія, былъ всегда великимъ національнымъ и художественнымъ знаменемъ и исходною точкою всѣхъ стремленій. За то и эта школа, какъ ея великій глава, Глинка, была всегда непризнаваема и часто даже гонима наибольшею массою нашихъ соотечественниковъ. «Не вѣдаютъ слѣпые, что̀ творятъ»,—могли бы они сказать про этихъ соотечественниковъ, какъ и великій ихъ глава, вѣчный мученикъ Глинка. Въ Россіи было всегда слишкомъ много Потугиныхъ.

Но для Глинки наступила теперь лучшая судьба. Теперь уже всѣ въ Россіи если не искренно любятъ, то, по крайней мѣрѣ, признаютъ его великій талантъ и его великое значеніе. Глинкѣ поставленъ памятникъ въ Смоленскѣ на приношенія всей Россіи, всѣ созданія его постоянно являются на театрѣ и въ концертѣ, и никто уже болѣе противъ нихъ не протестуетъ, никто на нихъ не нападаетъ. Одни люди, правда, еще только «привыкли» къ нимъ и терпѣливо переносятъ ихъ, какъ нѣчто «классическое», но за то другіе,—и ихъ уже цѣлая громадная масса въ нашемъ отечествѣ,—въ самомъ дѣлѣ ихъ поняли и искренно восторгаются ими. Слава Богу! вѣдь пятьдесятъ лѣтъ прошло.

Но есть одна личность, которую нельзя забыть въ тотъ день, когда празднуется 50-лѣтіе Глинки,—личность, которая за одно съ новой русской музыкальной школой все сдѣлала для распространенія произведеній Глинки и для водворенія истинныхъ о немъ понятій. Это сестра̀ Глинки—Людмила Ивановна Шестакова. Она была на семь лѣтъ моложе своего брата, много лѣтъ своей жизни провела въ помѣстьѣ, сначала дѣвицей, со своимъ семействомъ, а потомъ замужемъ, а потому лишь изрѣдка и ненадолго имѣла

случай видѣть Глинку и жить съ нимъ. Но послѣднія пять лѣтъ жизни Глинки она была съ нимъ почти неразлучна и окружала его постоянно такимъ нѣжнымъ попеченіемъ и заботливостью, которыя замѣнили ему попеченія и заботливость страстно любимой имъ матери (скончавшейся въ 1851 году). Въ «Запискахъ» своихъ и во множествѣ писемъ Глинка высказываетъ, какъ много былъ

Л. И. Шестакова, рожд. Глинка.

Съ фотографіи Н. И. Ануфріева, грав. В. В. Маттэ.

обязанъ спокойствіемъ и даже, по возможности, счастіемъ 50-хъ годовъ своей жизни—этой своей сестрѣ.

Когда Глинки не стало, она перевезла тѣло его изъ Берлина въ Петербургъ, похоронила его на кладбищѣ Александро-Невской лавры и воздвигла надъ могилой его необыкновенно-художественный памятникъ, по проекту талантливаго архитектора И. И. Гор-

ностаева (нынѣ уже давно умершаго). Памятникъ украшенъ очень схожимъ медальономъ Глинки, а на вершинѣ его высѣчена въ гранитѣ строчка нотъ изъ эпилога «Жизни за царя» со словами: «Славься, славься, святая Русь!» Это являлось нововведеніемъ у насъ, да, пожалуй, и вездѣ. Никогда еще музыка не присутствовала ни на чьемъ надгробномъ памятникѣ.

Еще при жизни Глинки, Л. И. Шестакова собрала всѣ разсѣянные по разнымъ изданіямъ романсы своего брата, упросила его написать на память вновь тѣ романсы, которыхъ уже болѣе не существовало въ обращеніи, и такимъ образомъ составила «Полное собраніе романсовъ Глинки», расположенное имъ самимъ въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ.

Затѣмъ, переходя отъ менѣе важнаго къ болѣе важному, она задумала обезопасить навѣки отъ всякихъ случайностей большія оркестровыя партитуры своего брата, до тѣхъ поръ еще существовавшія въ видѣ двухъ только рукописей, въ петербургскомъ и московскомъ театрахъ.

Въ 1853 году, сгорѣлъ Большой театръ въ Москвѣ и съ нимъ полныя партитуры «Руслана» и «Жизни за царя». Осталось, такимъ образомъ, только по одному экземпляру этихъ оперъ въ петербургской театральной дирекціи. Но Глинка не разъ говаривалъ своей сестрѣ, что ужасно боится, какъ бы и здѣсь онѣ не сгорѣли, и тогда музыка его пропадетъ. Онъ особенно боялся за «Руслана», потому что эту оперу больше любилъ и ставилъ несравненно выше «Жизни за царя», притомъ же партитура «Жизни за царя» сохранилась въ подлинномъ автографѣ самого Глинки, тогда какъ отъ партитуры «Руслана» остались въ автографахъ Глинки лишь нѣкоторыя части. Видя, какъ братъ ея серьёзно тревожится этимъ, Л. И. Шестакова заказала списать по два экземпляра каждой оперы и ихъ просмотрѣлъ самъ Глинка. По одному экземпляру было отослано, по желанію Глинки, къ бывшему его учителю, Дену, въ Берлинъ, для королевской публичной библіотеки. Предосторожность оказалась ненапрасною: въ 1859 году, сгорѣлъ Маріинскій театръ въ Петербургѣ, и съ нимъ партитура «Руслана». Не подумай объ этомъ заранѣе Л. И. Шестакова, партитура «Руслана» исчезла бы безвозвратно. Дирекція имѣла теперь возможность списать себѣ копію съ экземпляра, подареннаго Глинкой и Л. И. Шестаковой—Д. Стасову.

Глинка любилъ Л. И. Шестакову болѣе всѣхъ другихъ ближайшихъ родственниковъ своихъ, и потому сдѣлалъ ее, по завѣщанію, единственною наслѣдницею своею. Но послѣ смерти его она рѣшительно все отдала сестрамъ своимъ, какъ земли, такъ и движимости, а себѣ оставила единственно только музыку брата. Цѣль ея была та, чтобъ родственники, иначе смотрѣвшіе на вещи, нежели она, не были ей помѣхою въ осуществленіи ея завѣтной мысли: распространить у насъ и за границей сочиненія своего брата.

Въ началѣ февраля 1867 года, при сильномъ содѣйствіи Л. И. Шестаковой, дана была въ Прагѣ, на чешскомъ театрѣ, опера «Русланъ и Людмила». Дирижировалъ ею Балакиревъ, нарочно пріѣхавшій изъ Петербурга. Опера имѣла въ Прагѣ большой успѣхъ и удержалась на театрѣ до сихъ поръ.

Нѣсколько лѣтъ длились переговоры объ изданіи, въ оркестровыхъ партитурахъ, «Жизни за царя» и «Руслана». Препятствіе происходило со стороны музыкальнаго издателя Стелловскаго, собственника сочиненій Глинки. Наконецъ, Л. И. Шестакова добыла себѣ право на изданіе «Руслана», продала свое имѣніе, и на эти деньги издала желанную партитуру. Это былъ истинный монументъ Глинкѣ. Отъ сихъ поръ, партитура, великолѣпно изданная, подъ редакціею Балакирева, Римскаго-Корсакова и Лядова, навѣки застрахована отъ гибели и забвенія. Партитуру «Жизни за царя» издала, послѣ смерти Стелловскаго, фирма его, но также вслѣдствіе энергическихъ настояній Л. И. Шестаковой.

Въ 1885 году, 20 мая, въ день рожденія Глинки, былъ открытъ его памятникъ въ Смоленскѣ. Онъ сооруженъ на приношенія всей Россіи. Онъ сочиненъ профессоромъ фонъ-Бокомъ, и порученъ его исполненію потому, что академія художествъ одобрила этотъ проектъ преимущественно передъ всѣми остальными, всетаки, крайне плохими, послѣ многихъ и долголѣтнихъ конкурсовъ. Глинка представленъ во весь ростъ, съ камертономъ въ рукѣ, онъ какъ будто къ чему-то прислушивается. Подъ ногами его надпись:

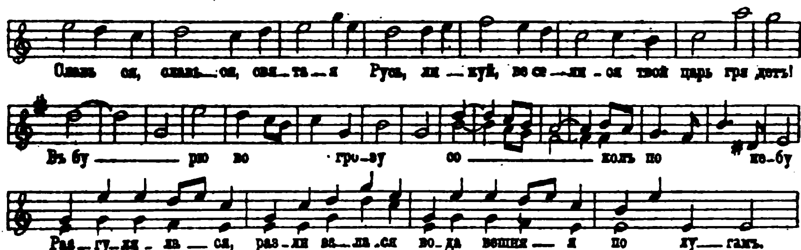
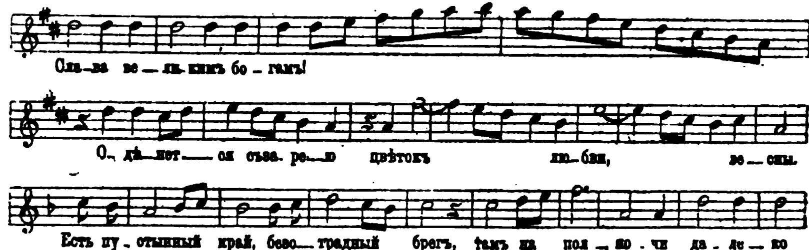
«ГЛИНКѢ
РОССІЯ».

Въ осуществленіи этого памятника Л. И. Шестакова принимала самое энергическое участіе, вмѣстѣ съ глубоко-симпатизировавшимъ Глинкѣ смоленскимъ предводителемъ дворянства, княземъ Г. В. Оболенскимъ (скончавшимся недавно).

Наконецъ, въ нынѣшнемъ году, ко дню празднованія 50-лѣтія со времени появленія на театрѣ «Жизни за царя», 27 ноября, вознесется вокругъ памятника Глинки и та великолѣпная, оригинальная рѣшотка, которая изображена на прилагаемомъ рисункѣ и которую недавно видѣлъ Петербургъ, въ учебномъ залѣ Адмиралтейства. Вмѣстѣ съ княземъ Г. В. Оболенскимъ, Л. И. Шестакова принимала самое живое и дѣятельное участіе въ сооруженіи этой рѣшотки и пожертвовала на нее значительную сумму.

Такимъ образомъ, благодаря поразительной энергіи и страстному своему обожанію великаго брата своего, Л. И. Шестакова достигла исполненія всѣхъ самыхъ горячихъ желаній своихъ, довела свое дѣло до конца, и совершила такой подвигъ братской любви, который слишкомъ рѣдко можно встрѣтить въ исторіи художниковъ.

Рѣшотка къ памятнику Глинки совершенно необычайная и, смѣло скажу, совершенно безпримѣрная. Подобной рѣшотки нигдѣ до сихъ поръ не бывало въ Европѣ. Она вся составлена изъ нотъ, точно изъ золотаго музыкальнаго кружева. По счастью, къ осуществленію ея не встрѣтилось никакого сопротивленія. Тридцать лѣтъ назадъ, когда по моему предложенію сочиненъ былъ и выполненъ надгробный памятникъ Глинкѣ на Александро-Невскомъ кладбищѣ, ризничій лавры, архимандритъ Серапіонъ (нынѣ уже давно умершій), остановилъ постановку привезеннаго нами на кладбище памятника, и не хотѣлъ допускать его туда. «Какъ можно, на мѣстѣ священномъ, на кладбищѣ, да еще въ монастырѣ, ставить такой памятникъ, гдѣ написана музыка, да еще свѣтская, театральная», — говорилъ онъ. Тщетно возражалъ я, что эта музыка — хоръ при вѣнчаніи царя русскаго на царство, и что здѣсь слова: «Славься, славься, святая Русь». Архимандритъ не хотѣлъ ничего слушать. Понадобилось разрѣшеніе самого митрополита. Нынче не пришлось испытать никакого подобнаго затрудненія. Затрудненіе было лишь со стороны технической. Слишкомъ трудно ковать ноты изъ желѣза, выполнить это прочно и изящно. Но превосходный художникъ по части художественнаго слесарнаго искусства, К. Винклеръ, съ примѣрнымъ мастерствомъ выполнилъ эту трудную и небывалую задачу. Проектъ рѣшотки составленъ былъ однимъ изъ самыхъ талантливыхъ и оригинальныхъ нашихъ архитекторовъ, академикомъ И. С. Богомоловымъ. На четырехъ сторонахъ рѣшотки помѣщены слѣдующія музыкальныя темы изъ созданій Глинки:

Передняя сторона: налѣво — три темы изъ «Жизни за царя»

Направо — три темы изъ «Руслана»:

Правая боковая сторона: налѣво — три темы изъ «Жизни за царя»:

Лель таинственный! у - по - и - тельный! ты востор — ги льешь въ сердце намъ!

О по - ле, по - ле! кто те - бя у - сѣ - ялъ мер — твы - ми ко — стя - ми?

Вре - менъ отъ вѣчной те - мно - ты быть можетъ нѣтъ и мнѣ спасенъ — я

Направо — три темы изъ «Руслана»:

Какъ мать у - би - ли у ма — ла — го птен — ца

Ты прій - дешь мо — я за - ря! Взгля - ну въ ли - цо тво — е!

У — ста — ли мы, про — дро — гли

Задняя сторона: налѣво — три темы изъ «Жизни за царя»:

Не о томъ скорблю, по - друженьки, я го — рю ю не о томъ, что мнѣ жал - ко

Хи - тро вы э - то у — чи — ни - ли въ рас - плохъ на — ѣ - ха - ли на насъ

Ахъ, не мнѣ бѣд — но - му, вѣтру буй — но — му

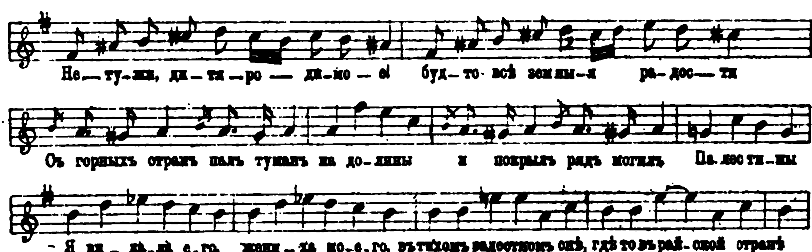
Направо — три темы изъ «Руслана»:

Насъ бы - ло дво - е, братъ мой и я, я - былъ из - вѣс - тенъ ростомъ о - громнымъ

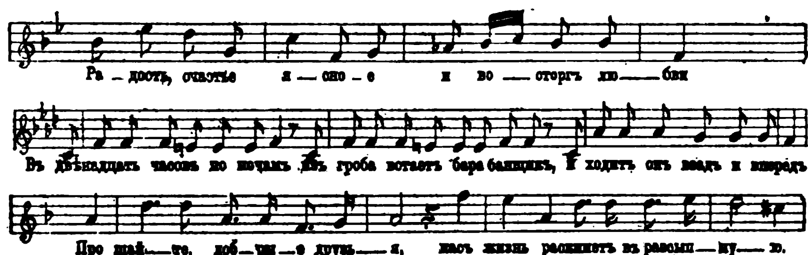
И жаръ и зной смѣ — ни - ла но - чи тѣнь..

Не про - снет ся пти - чка у — тромъ, е - сли солн - ца не у - ви - дитъ

Лѣвая боковая сторона: налѣво—одна тема изъ «Жизни за царя» и двѣ темы изъ «Князя Холмскаго»:



Направо—одна тема изъ «Руслана», тема изъ романса «Ночной смотръ» и тема изъ «Прощальной пѣсни»:



Сверхъ того, между музыкой помѣщены надписи славянскою вязью. На передней сторонѣ написаны названія главнѣйшихъ созданій Глинки: «Жизнь за царя», «Русланъ и Людмила», «Князь Холмскій», «Камаринская», «Аррагонская хота», «Ночь въ Мадридѣ», романсы, церковные хоры. На задней сторонѣ имя:

«ГЛИНКА»

въ большомъ кругу. На лѣвой боковой сторонѣ: «Императоръ Александръ II повелѣлъ поставить памятникъ Глинкѣ по мысли смоленскихъ дворянъ А. А. Гернгросса, Н. Е. Криштофовича, И. Н. Тулубьева, А. П. Энгельгардта». На правой боковой сторонѣ: «Въ царствованіе императора Александра III воздвигнутъ памятникъ Глинкѣ на приношенія Россіи. Открытъ 20 мая 1885 при губернскомъ предводителѣ дворянства кн. Г. В. Оболенскомъ».

В. Стасовъ.

~~~~~~~~
~~~~~~~~

ЛИСТКИ ИЗЪ АРХИВА „ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ".

I.

«Литературная Газета» барона Дельвига; ея направленіе и кружокъ ея сотрудниковъ. — В. Н. Щастный и О. М. Сомовъ. — Различные матеріалы и автографы, собранные В. Н. Щастнымъ. — Неизданные матеріалы по біографіи Измайлова. — Современныя извѣстія о послѣднихъ годахъ жизни и о смерти Измайлова. — Общій характеръ юмора Измайлова. — Его «Объясненіе».

ѢТЪ ДВѢНАДЦАТЬ тому назадъ, совершенно случайно мнѣ удалось ознакомиться съ содержаніемъ архива редакціи «Литературной Газеты». Не смотря на то, что до меня дошли уже только весьма жалкіе остатки этого большаго и чрезвычайно любопытнаго собранія бумагъ, писемъ и авторафовъ, мнѣ еще удалось найдти въ нихъ письма А. С. Шишкова (къ издателю «Литературной Газеты»: «О промахахъ и неудачныхъ нововведеніяхъ слога»), критическія замѣтки знаменитаго графа Хвостова, автографы Пушкина, барона Дельвига [1]), князя П. А. Вяземскаго, Ѳ. Глинки, Лажечникова, М. Максимовича, С. Шевырева, П. А. Плетнева, В. Туманскаго, отца Іакинѳа, Н. Греча и многихъ другихъ лицъ, стоявшихъ въ тѣсной связи съ барономъ Дельвигомъ и его газетой.

---

[1]) Автографы Дельвига состояли изъ критической статьи о «Радугѣ» («Альманахъ», 1830 г.) и изъ весьма любопытныхъ его черновыхъ тетрадей, заключающихъ въ себѣ всѣ его идилліи и большую часть антологическихъ стихотвореній. Всѣ эти автографы переданы нами В. П. Гаевскому, какъ біографу Дельвига.

Припомнимъ кстати, что «Литературная Газета» барона Дельвига была органомъ весьма опредѣленной окраски и служила выраженіемъ идей и направленія того тѣснаго литературнаго кружка, который сплотился около Пушкина; къ этому же кружку, въ концѣ 1829 года, примкнулъ и князь Вяземскій, уже успѣвшій разойдтись съ редакціею «Московскаго Телеграфа». Подъ знаменемъ Пушкина и подъ эгидою Вяземскаго сошлись здѣсь всѣ наиболѣе грозные и наиболѣе вліятельные литературные враги Н. А. Полеваго и повели противъ него ожесточенную борьбу, которой, однако же, издатель «Московскаго Телеграфа» почти не удостоивалъ вниманія. Онъ очень хорошо понималъ, что «Литературная Газета» не можетъ имѣть никакой будущности, что она не составитъ ему серьезной конкурренціи, что она представляетъ собою не болѣе какъ барскую затѣю небольшаго избраннаго кружка «знаменитыхъ» [1]) литераторовъ, а потому и не можетъ удовлетворить быстро развивавшейся среди нашего общества потребности въ чтеніи. И онъ не ошибся: дни «Литературной Газеты» были сочтены, и едва только умеръ Дельвигъ, газета прекратила свое существованіе. Пушкинъ тотчасъ охладѣлъ къ неудавшемуся литературному предпріятію, и возвратился къ мечтамъ о собственномъ (критическомъ) журналѣ; князь Вяземскій не рѣшился принять на себя дальнѣйшее веденіе «Литературной Газеты», внутренно сознавая безуспѣшность борьбы маленькаго и незамѣтнаго органа съ такимъ сильнымъ противникомъ, какъ «Московскій Телеграфъ». Остальные сотрудники барона Дельвига, выносившіе на своихъ плечахъ главную долю труда въ «Литературной Газетѣ», разбрелись кто куда...

Среди этихъ-то сотрудниковъ барона Дельвига, далеко не принадлежавшихъ къ числу «знаменитыхъ», было нѣсколько такихъ дѣятелей, которые теперь давно уже позабыты, но, тѣмъ не менѣе, вполнѣ заслуживаютъ уваженія не только за выказанную ими безкорыстную преданность къ литературному труду, но и за тѣ усилія, которыя были ими потрачены на поприщѣ русской литературы и журналистики. Самое видное мѣсто въ кругу этихъ второстепенныхъ дѣятелелей «Литературной Газеты» принадлежитъ двоимъ литераторамъ: В. Н. Щастному и О. М. Сомову. Какъ тотъ, такъ и другой заслуживаютъ того, чтобы о нихъ сказать здѣсь нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе, что они оба способствовали сохраненію архива «Литературной Газеты» и въ особенности тѣхъ матеріаловъ, касающихся біографіи Измайлова, которые составляютъ главную суть настоящей статьи.

Василій Николаевичъ Щастный, уроженецъ Волынской губерніи, получилъ образованіе въ мѣстной іезуитской коллегіи и вы-

---

[1]) Такъ называлъ въ шутку Н. А. Полевой всѣхъ литераторовъ, входившихъ въ составъ пушкинскаго кружка.

несъ изъ нея весьма солидную подготовку для литературной и журнальной дѣятельности. Не обладая литературнымъ дарованіемъ, но основательно зная латинскій, польскій и два новѣйшихъ языка, Щастный преимущественно занимался переводами и компиляціями по научнымъ вопросамъ. Въ «Литературной Газетѣ» барона Дельвига, Щастный былъ дѣятельнѣйшимъ изъ сотрудниковъ и выполнялъ обязанности секретаря редакціи. Въ то же время, какъ членъ нѣсколькихъ литературныхъ и ученыхъ обществъ, Щастный проявлялъ свою дѣятельность какъ «истинный наукъ любитель» и тамъ, помѣщая въ различныхъ ученыхъ изданіяхъ свои сообщенія и замѣтки. Съ особеннымъ тщаніемъ, даже съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ, собиралъ онъ все, что касалось его литературныхъ связей, и каждый автографъ, каждую рукопись или записку, проходившую черезъ его секретарскія руки, хранилъ онъ какъ святыню. Только благодаря ему и сохранились тѣ обломки архива «Литературной Газеты», которые, послѣ его смерти, много лѣтъ пролежали въ амбарѣ одного заброшеннаго сельца Новгородской губерніи и чуть было не пошли «на обклейку оконъ»...

Въ обломкахъ этого архива видное мѣсто занимаютъ любопытные матеріалы для біографіи другаго сотрудника «Литературной Газеты» — Ореста Михайловича Сомова, уроженца Харьковской губерніи, дворянина и помѣщика, обладавшаго нѣкоторымъ достаткомъ. О. М. Сомовъ былъ даровитѣе Щастнаго; онъ легко писалъ прозою и стихами, писалъ много, и въ періодъ 20-хъ годовъ принималъ участіе во многихъ журналахъ, начиная отъ «Благонамѣреннаго, издаваемаго А. Е. Измайловымъ, и до «Литературной Газеты» барона Дельвига. Съ В. Н. Щастнымъ, очевидно, какъ товарищемъ и сотрудникомъ, онъ былъ связанъ тѣсными узами дружбы, почему мы и находимъ въ доставшемся намъ запасѣ бумагъ В. Н. Щастнаго массу писемъ, замѣтокъ и стихотвореній О. М. Сомова и даже обширнѣйшую переписку его (на французскомъ языкѣ) съ какою-то дамой, нечуждой петербургскимъ литературнымъ кружкамъ и театральному міру 20-хъ годовъ. Страстный, горячій тонъ переписки ясно указываетъ на отношенія О. Сомова къ неизвѣстной (и, кажется, непреклонной) дамѣ его сердца, а бойкій и гладкій французскій языкъ этихъ писемъ служитъ доказательствомъ того, что авторъ получилъ свѣтское образованіе въ современномъ значеніи этого слова. Замѣтки и выписки изъ прочтеннаго, которыя О. Сомовъ имѣлъ обыкновеніе собирать въ отдѣльныя тетрадки, выказываютъ въ немъ человѣка просвѣщеннаго, знакомаго не только съ новѣйшими, но и съ древними языками, и обладавшаго весьма обширною начитанностью. О. Сомовъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ «Благонамѣреннаго», журнала, издаваемаго Измайловымъ, а потомъ принималъ участіе, вмѣстѣ съ Щастнымъ, во всѣхъ петербургскихъ журналахъ и, на-

конецъ, въ «Литературной Газетѣ» Дельвига. Въ его бумагахъ находимъ довольно интересное собраніе эпиграммъ и пародій на современныя литературныя произведенія, — пародій, заслуживающихъ вниманія и въ настоящее время.

Немаловажнымъ вкладомъ доставшагося намъ архива «Литературной Газеты» слѣдуетъ считать, между прочимъ, особый отдѣлъ біографическихъ свѣдѣній объ извѣстномъ нашемъ баснописцѣ А. Е. Измайловѣ. Если мы припомнимъ, что В. Н. Щастный и О. М. Сомовъ были съ самаго начала изданія «Благонамѣреннаго» сотрудниками А. Е. Измайлова, то мы поймемъ, что біографическія свѣдѣнія объ Измайловѣ не случайно попали въ портфель Щастнаго, а, напротивъ, были имъ собраны съ очевидною цѣлью—написать некрологъ Измайлова для «Литературной Газеты», а можетъ быть, даже и болѣе подробную біографическую замѣтку объ умершемъ баснописцѣ для какого нибудь другаго журнала.

Особенно важно то, что все собранное Щастнымъ (или О. Сомовымъ?) объ Измайловѣ представляетъ собою или копіи съ автографовъ Измайлова, или оффиціальныя бумаги, драгоцѣнныя по несомнѣннымъ даннымъ, строго устанавливающимъ фактическую основу біографіи забытаго писателя. Мы находимъ здѣсь:

1) Формулярный списокъ А. Е. Измайлова (подлинникъ и копія).

2) Полный списокъ сочиненій и изданій А. Е. Измайлова.

3) Записку, составленную А. Е. Измайловымъ въ бытность его начальникомъ отдѣленія въ департаментѣ государственнаго казначейства для полученія чина статскаго совѣтника.

4) Цензурное дозволеніе издавать съ 1830 года литературный журналъ, подъ названіемъ «Любитель Отечественнаго».

5) Литейной части въ Съѣзжій домъ отъ коллежскаго совѣтника и кавалера А. Е. Измайлова объясненіе.

При скудости того матеріала, которымъ мы обладаемъ для біографіи и характеристики А. Е. Измайлова, мы полагаемъ, что окажемъ нѣкоторую услугу любителямъ нашей литературы, напечатавъ вышеисчисленные документы, отчасти цѣликомъ, отчасти— въ извлеченіяхъ, съ необходимыми поясненіями и ссылками на то, что уже было напечатано по біографіи нашего баснописца.

Что же, однако, было до сихъ поръ напечатано по біографіи Измайлова? Добросовѣстный Геннади, въ своемъ Словарѣ, собралъ все, что ему было извѣстно объ Измайловѣ, и его списокъ слишкомъ ясно указываетъ на крайнюю бѣдность литературы по отношенію къ біографіи нашего баснописца. Кромѣ краткаго упоминанія въ «Словарѣ свѣтскихъ писателей» митрополита Евгенія (I, 246) и въ «Опытѣ» Николая Греча, мы видимъ въ перечнѣ Геннади только одну серьёзную статью: А. Галахова (Біографія и критическій обзоръ сочиненій Измайлова) въ «Современникѣ»

(1849, ч. XVIII, и 1850, ч. XXIII и XXIV). За этою статьею (кстати сказать, весьма поверхностною) Геннади упоминаетъ еще двѣ краткія біографическія замѣтки: въ «Полицейскихъ Вѣдомостяхъ» за 1848 годъ (№ 33) и въ «Иллюстраціи» 1846 года (№№ 17 и 18), не заслуживающія серьёзнаго вниманія. По какой-то странной случайности, Геннади не упоминаетъ о двухъ весьма крупныхъ источникахъ для біографіи Измайлова—о его письмахъ къ И. И. Дмитріеву, превосходно характеризующихъ добродушнаго Александра Ефимовича и сообщающихъ о немъ много важныхъ подробностей («Русскій Архивъ», 1871 г.; №№ 7 и 8; стр. 962—1,008), и о статьѣ нѣкоего Г. Эртоулова («Воспоминанія объ Измайловѣ». Литературная характеристика), помѣщенной въ «Дѣлѣ» за 1874 годъ (№ 4, стр. 151—198). О послѣдней статьѣ нельзя не сказать нѣсколько словъ, въ предостереженіе будущимъ біографамъ Измайлова. Авторъ статьи (кажется, г. Бурнашевъ, скромно-прикрывшійся псевдонимомъ Эртоулова), со всѣми признаками достовѣрности, разсказываетъ объ Измайловѣ, какъ очевидецъ, передаетъ подробности своего личнаго знакомства съ нимъ, приводитъ слова, разговоры, остроты его—и все это заимствуетъ наглѣйшимъ образомъ изъ писемъ Измайлова къ Дмитріеву, напечатанныхъ въ «Рус. Архивѣ» 1871 года, добавляя собственными измѣненіями. Какъ ловкій компиляторъ, г. Эртоуловъ разсчитывалъ совершенно правильно на то, что редакторъ «Дѣла» не читаетъ «Русскаго Архива», и потому смастерилъ свою статейку изъ матеріала, напечатаннаго за три года передъ тѣмъ, выдалъ чужое добро за свое, а редакторъ «Дѣла» наивно поддался наглому обману. Въ виду всего этого, мы и совѣтуемъ будущимъ біографамъ Измайлова не заглядывать въ статью г. Эртоулова и позабыть о ея существованіи, такъ какъ все, что въ ней есть фактическаго, цѣликомъ и даже безъ передѣлокъ взято изъ вышепомянутыхъ писемъ Измайлова къ Дмитріеву и только «вложено въ уста Измайлова».

Біографическія подробности, сообщаемыя въ «Словарѣ» Геннади, точно также какъ и библіографическія подробности о его сочиненіяхъ и изданіяхъ его сочиненій—довольно вѣрны, хотя и недостаточно опредѣленны, недостаточно подробны. И для біографа, и для библіографа литературная дѣятельность Измайлова представляетъ еще обширное и необработанное поле, надъ которымъ стоитъ потрудиться. Библіографу предстоитъ пополнить «полныя изданія» сочиненій Измайлова множествомъ его мелкихъ и крупныхъ замѣтокъ, прозаическихъ статей, очерковъ и отрывковъ, разбросанныхъ по тѣмъ журналамъ, въ изданіи которыхъ Измайловъ принималъ дѣятельное участіе; біографу предстоитъ воспользоваться этими замѣтками, статьями и отрывками для пополненія характеристики, для дорисовки крупной личности наивнѣйшаго изъ нашихъ писа-

телей и журналистовъ первой четверти нынѣшняго вѣка. И вотъ тогда, когда эта предварительная работа будетъ исполнена, уже не трудно будетъ опредѣлить достоинство Измайлова, какъ журналиста, какъ писателя и какъ критика; нетрудно будетъ выяснить значеніе его нѣсколько грубоватой, но иногда очень мѣткой и ѣдкой сатиры и оцѣнить услуги, оказанныя имъ русскому языку и словесности.

Но покамѣстъ все это будетъ сдѣлано, подѣлимся тѣмъ, что имѣемъ, и внесемъ въ біографическія свѣдѣнія объ Измайловѣ нѣсколько данныхъ, имѣющихъ одно неоспоримое достоинство: эти данныя, какъ мы уже указали выше, исходятъ или отъ самого Измайлова, или подтверждаются оффиціальными документами, не подлежащими никакому сомнѣнію.

Прежде всего обращаемся къ формулярному списку и «Запискѣ» А. Е. Измайлова [1]), и узнаемъ изъ него слѣдующее. Родился Александръ Ефимовичъ Измайловъ въ 1778 [2]) году, и происходилъ отъ дворянъ Владимірской губерніи, Вязниковскаго уѣзда, въ которомъ имѣлъ «въ общемъ владѣніи съ сестрою имѣніе, состоявшее изъ 7 душъ». Изъ этого указанія ясно, что онъ былъ очень небогатъ... По общему обычаю того времени, на 9-мъ году возроста, Александръ Ефимовичъ «былъ записанъ въ лейбъ-гвардіи Нреображенскій полкъ каптенармусомъ въ 1786 году (ноября 8 дня)» и «произведенъ въ сержанты 1791 года (мая 13)». Изъ «Записки» узнаемъ, что Измайловъ, въ слѣдующемъ 1792 году, поступилъ въ Горный кадетскій корпусъ, «обучался тамъ на своемъ иждивеніи съ 1792 по 1796 годъ, и особенно занимался словесными науками». Въ формулярномъ спискѣ значится, что въ 1797 году (января 3) Измайловъ «уволенъ отъ военной службы для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ съ чиномъ губернскаго секретаря» и въ мартѣ того же года «опредѣленъ въ экспедицію о государственныхъ доходахъ». Продолжая службу въ той же экспедиціи, Измайловъ получаетъ въ 1800 году чинъ титулярнаго совѣтника, въ 1801 году — мѣсто столоначальника съ чиномъ коллежскаго ассесора; въ 1808 году — «пожалованъ по высочайшему повелѣнію надворнымъ совѣтникомъ», а въ 1809 году — «награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени». Въ 1811 году, видимъ Измайлова «совѣтникомъ экспедиціи съ чиномъ коллежскаго совѣтника». Въ этомъ чинѣ оставался онъ очень долго — лѣтъ четырнадцать! оставался даже и тогда, когда былъ «по преобразованіи экспедиціи переведенъ въ департаментъ государственнаго казначейства начальникомъ отдѣленія» (въ маѣ 1821 года).

---

[1]) У Геннади мы находимъ, что Измайловъ родился 1779 года. Но такъ какъ онъ умеръ 52-хъ лѣтъ въ самомъ началѣ 1831 года (въ январѣ), то простымъ вычитаніемъ нетрудно вывести, что Измайловъ родился не въ 1779 году, а въ 1778.

[2]) См. въ вышесказанномъ спискѣ его біографическихъ матеріаловъ подъ № 3.

Вѣроятно, эта долгая неподвижность въ служебномъ положеніи и побудила А. Е. Измайлова напомнить о себѣ начальству особою «запиской», въ которой онъ, «для полученія чина статскаго совѣтника», исчислялъ преимущественно свои литературныя заслуги. Приводимъ эту любопытную записку цѣликомъ:

«Коллежскій совѣтникъ Измайловъ обучался на своемъ иждивеніи съ 1792 по 1796 годъ въ горномъ кадетскомъ корпусѣ и особенно занимался тамъ словесными науками.

«Не говоря о первоначальныхъ его сочиненіяхъ, болѣе или менѣе заслуживающихъ вниманія, нужнымъ признаетъ упомянуть здѣсь о журналахъ, въ изданіи коихъ участвовалъ.

«Въ 1809 и 1810 годахъ, издавалъ съ гг. Бѣнитскимъ и Никольскимъ журналъ подъ названіемъ «Цвѣтникъ».

«Въ 1812 году, по препорученію с.-петербургскаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ, былъ главнымъ редакторомъ «С.-Петербургскаго Вѣстника».

«Въ 1817 году, во время отъѣзда въ чужіе края г. Греча болѣе полугода занимался редакціею «Сына Отечества».

Съ 1818 года, издаетъ журналъ «Благонамѣренный». Въ отношеніи къ собственно-называемой изящной словесности извѣстенъ онъ болѣе всего баснями своими и сказками, которыя напечатаны нынѣ четвертымъ изданіемъ, и Опытомъ о разсказѣ басни. Первыя заслужили одобреніе отличнѣйшихъ нашихъ литтераторовъ; послѣдній же признается отъ многихъ классическимъ сочиненіемъ: по крайней мѣрѣ, нѣтъ ни на одномъ языкѣ столь полной теоріи по сей части.

«Кромѣ лестныхъ отзывовъ лучшихъ нашихъ журналистовъ и другихъ почтенныхъ особъ о трудахъ его, неоднократно отзывались объ оныхъ съ похвалою и многіе иностранные журналы, какъ-то: Révue Encyclopedique, Conversation's Blatt, Isis, Wiener Zeitschrift f. Kunst u. Litteratur, Leipziger Literatur-Zeitung и проч.

«Измайловъ состоитъ дѣйствительнымъ членомъ въ четырехъ ученыхъ обществахъ, а именно: въ учрежденныхъ при императорскихъ Московскомъ и Казанскомъ университетахъ Обществахъ любителей отечественной словесности, въ Вольномъ Обществѣ любителей россійской словесности, также въ с.-петербургскомъ Обществѣ любителей словесности, наукъ и художествъ, съ самаго учрежденія онаго, гдѣ исправлялъ нѣсколько лѣтъ сряду должность секретаря и одиннадцатый уже годъ избирается предсѣдателемъ».

Должно предположить, что эта записка А. Е. Измайлова была представлена по начальству и произвела свое дѣйствіе, потому что въ началѣ 1824 года (февраля 9) Измайловъ былъ «награжденъ орденомъ св. Анны 2-го класса», а въ концѣ того же года (24-го ноября) «по высочайшему указу пожалованъ въ 5-й классъ со старшинствомъ отъ декабря 3-го дня 1815 года». Вскорѣ послѣ того,

«ноября 5-го 1826 года опредѣленъ Измайловъ вице-губернаторомъ въ Тверь», а 31-го марта 1828 года «переведенъ къ таковой же должности въ Архангельскъ». Въ Архангельскѣ Измайловъ оставался менѣе года, до 22-го марта 1829 года когда и былъ «причисленъ къ министерству финансовъ для особыхъ порученій». Осенью слѣдующаго года, Измайловъ былъ «уволенъ вовсе отъ службы, съ пенсіономъ по 2,000 р. (ассигнаціями) въ годъ» [1]), и «скончался въ С.-Петербургѣ 16-го января 1831 года, 52 лѣтъ отъ роду».

Наши выписки изъ формулярнаго списка А. Е. Измайлова заключимъ помѣщенными тамъ свѣдѣніями о его семьѣ. Въ графѣ, подъ заголовкомъ: **женатъ ли, имѣетъ ли дѣтей и т. д.**, значится.

«Женатъ (не сказано на комъ?), имѣетъ трехъ сыновей: Михаила, 23, Александра, 19, и Павла, 17 лѣтъ, изъ коихъ старшій служилъ лѣкаремъ въ 5 Карабинерномъ полку, второй—студентомъ въ московской медико-хирургической академіи, а третій — въ департаментѣ государственнаго казначейства, да трехъ дочерей: Настасью, 22, Наталью, 21, и Софію, 20 лѣтъ, которыя всѣ за мужемъ» [2]).

Сухіе біографическіе факты, добытые нами изъ формулярнаго списка Измайлова и изъ его «**Записки**», пополняются въ нашемъ запасѣ бумагъ Измайлова другою любопытною запискою, которая, очевидно, должна была служить основою для некрологической замѣтки о покойномъ баснописцѣ. Замѣтка переписана крупнымъ писарскимъ почеркомъ и мѣстами исправлена рукою В. И. Щастнаго. Приводимъ здѣсь эту записку цѣликомъ, сводя воедино тѣ библіографическія указанія, которыми она начинается и оканчивается.

«**Сочиненія и изданія Александра Ефимовича Измайлова.**

а) «**Сочиненія**:

1) «**Евгеній**», или пагубныя слѣдствія дурнаго воспитанія и сообщества, повѣсть, 2 части, напечат. въ 1799—1801 годахъ.

2) «**Бѣдная Маша**», повѣсть, напечат. 1801 года.

3) «**Разсужденіе о нищихъ**», какимъ способомъ можно уменьшить у насъ въ Россіи великое число оныхъ и доставить всѣмъ прочимъ безнужное пропитаніе, безо всякаго на то иждивенія отъ казны, напечат. 1804 года.

---

[1]) Въ письмахъ своихъ къ И. И. Дмитріеву, Измайловъ объясняетъ это непріязненными отношеніями къ архангельскому губернатору-адмиралу Милицкому, изъ-за котораго онъ попалъ подъ судъ, былъ лишенъ содержанія и дошелъ почти до нищеты. Но дѣло его было разобрано, Измайловъ оправданъ и получилъ пенсію, а его противникъ, Милицкій, смѣщенъ съ должности.

[2]) И всѣ три были замѣчательными красавицами.

4) «Вчерашній день», или нѣкоторыя размышленія о жалованьѣ и о пенсіяхъ; напечат. 1807 года.

5) «Басни и сказки», первое изданіе, 1814 года.

6) «Басни и сказки», второе, умноженное изданіе, 1816 года.

7) «Новыя басни и сказки», также разныя мелкія стихотворенія, съ присовокупленіемъ опыта о разсказѣ басни, 1817 года.

9) «Опытъ о разсказѣ басни», съ присовокупленіемъ разбора нѣкоторыхъ образцовыхъ басенъ лучшихъ россійскихъ фабулистовъ 1826 года.

8) «Басни и сказки», изданіе 4-е, въ 3-хъ частяхъ, 1821 г.

10) «Басни и сказки», изданіе 5-е, умноженное, въ 3 частяхъ, 1826 года.

«Нынѣ приготовлено къ печатанію:

«Собраніе сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ Александра Измайлова, въ 4-хъ частяхъ, изданіе 6-е, умноженное, 1833 года [1]).

«Въ 1-й части, опытъ о разсказѣ басни и самыя басни.

«Во 2-й части — сказки.

«Въ 3-й части — разныя стихотворенія.

«Въ 4-й части — проза.

«Въ этомъ собраніи помѣщено будетъ (sic) 28 новыхъ басенъ и сказокъ, которыя почти всѣ были напечатаны въ разныхъ журналахъ и альманахахъ; да нѣсколько мелкихъ стихотвореній, нигдѣ еще не напечатанныхъ, и новыя статьи въ прозѣ.

б) «Изданія:

1) «Цвѣтникъ», на 1809 и 1810 годы, 8 частей.

2) «Благонамѣренный», съ 1818 по 1827 года, 33 части.

3) «Календарь Музъ», альманахъ на 1826 и 1827 годы.

«Александръ Ефимовичъ намѣренъ былъ издавать съ 1830 года журналъ, подъ названіемъ «Любитель Отечественнаго»; но это предположеніе его осталось безъ исполненія [2]).

---

[1]) Судя по этому указанію, приводимая нами записка относится къ 1833 году и никакъ не могла быть писана ранѣе, но мы не знаемъ, осуществилось ли на самомъ дѣлѣ это изданіе, или только осталось однимъ предположеніемъ; по крайней мѣрѣ, у Геннади находимъ указаніе на то, что 6-е изданіе «басенъ и сказокъ Измайлова» вышло будто бы въ 1839 году.

[2]) Въ принадлежащихъ намъ бумагахъ Измайлова дѣйствительно находимъ разрѣшеніе цензурнаго комитета, выданное А. Е. Измайлову отъ 27-го ноября 1829 года, за № 203 «на издаваніе (sic), съ будущаго 1830 года, литературнаго журнала, подъ названіемъ «Любитель Отечественнаго», по предначертанному плану сего изданія». Цензурованіе журнала предполагалось поручить цензору Сербиновичу.

«Александръ Ефимовичъ разстроилъ свое здоровье во время губернской его службы, въ Твери; находясь вице-губернаторомъ, онъ цѣлые дни, а нерѣдко и ночи, просиживалъ за дѣлами, особенно во время отсутствія гражданскаго губернатора, должность котораго обязанъ былъ исправлять. Отъ такой сидячей и утомительной жизни у него сдѣлалось одышка, которая впослѣдствіи времени еще болѣе увеличилась. По переводѣ его вице-губернаторомъ въ Архангельскъ, онъ поѣхалъ туда больнымъ, оставя въ Твери свое семейство, котораго не могъ съ собою взять по своимъ стѣснительнымъ обстоятельствамъ и которое послѣ едва имѣло возможность съ помощью постороннихъ людей отправиться въ С.-Петербургъ. Болѣзнь Александра Ефимовича продолжалась и въ Архангельскѣ, а во время разъѣздовъ его по уѣздамъ для пріема рекрутъ, онъ былъ отчаянно боленъ (?). По причисленіи же его къ министерству финансовъ, для особыхъ порученій, пріѣхалъ въ С.-Петербургъ совершенно разстроеннымъ въ здоровьѣ, и одышка его до такой степени усилилась, что онъ съ трудомъ могъ ходить. Къ тому же присоединилась слабость зрѣнія и памяти: онъ едва могъ что нибудь прочитать или написать, и не узнавалъ иногда знакомыхъ. Въ послѣднее время его (?) жизни, онъ мало уже занимался литературою и всякій день по утрамъ читалъ Евангеліе. По крайней своей бѣдности, онъ принужденъ былъ принять на себя должность учителя словестности (sic) въ Пажескомъ корпусѣ, и во время преподаванія тамъ лекцій, съ нимъ сдѣлался 15-го генваря 1831 ударъ, и хотя тотчасъ пустили ему кровь, но онъ привезенъ былъ домой почти безъ памяти, и на другой день умеръ, оставя свое семейство въ совершенной крайности [1]).

«Въ «Сѣверной Пчелѣ» 1831 года, въ № 56, напечатано слѣдующее: «Тверь, 5 февраля. Чиновники здѣшней казенной палаты, узнавъ о кончинѣ почтеннаго начальника своего, статскаго совѣтника Александра Ефимовича Измайлова, оставившаго въ сердцахъ ихъ неизгладимое временемъ благодарное воспоминаніе, совершили въ память его вчерашняго числа панихиду въ Желтиковѣ монастырѣ. Достойный настоятель монастыря съ братіею охотно исполнили ихъ желаніе. Извѣстіе о семъ заключается словами: «Миръ праху твоему, человѣкъ благородный! Память о тебѣ будетъ жить въ сердцахъ всѣхъ, кто зналъ и умѣлъ цѣнить тебя. Прими въ селеніяхъ вѣчности достойную награду за твои добродѣтели!».

Этою второю запискою исчерпывается весь матеріалъ оффиціальныхъ біографическихъ свѣдѣній, находящихся въ нашемъ запасѣ;

---

[1]) Судя по симптомамъ болѣзни, описаннымъ въ запискѣ, Измайловъ умеръ не отъ удара, а отъ болѣзни сердца.

но за то намъ еще остается привести здѣсь же то замѣчательное «Объясненіе въ Съѣзжій Домъ», о которомъ мы упоминали въ началѣ статьи, перечисляя принадлежащія намъ бумаги Измайлова.

Для того, чтобы вполнѣ понять и по достоинству оцѣнить это курьезное объясненіе, необходимо припомнить тотъ общій тонъ нѣсколько грубоватаго, но, тѣмъ не менѣе, замѣчательнаго юмора, который составлялъ отличительную черту всѣхъ произведеній А. Е. Измайлова, не всегда пригодныхъ для салона, но правдиво и вѣрно передававшихъ многія черты современной баснописцу дѣйствительности. Самые пріемы и способы проявленія этого юмора иногда бывали крайне неприличны, но всегда оригинальны и служили несомнѣннымъ доказательствомъ натуры искренней, прямой и добродушной. Не затрудняясь выборомъ изъ того обильнаго матеріала, который представляютъ въ этомъ отношеніи басни и сказки Измайлова, мы заимствуемъ нѣсколько выдержекъ изъ «Благонамѣреннаго», ярко обрисовывающихъ намъ характеръ юмора, свойственнаго Измайлову, — невозможнаго въ настоящее время, но нимало не удивлявшаго, не поражавшаго непріятно нашихъ дѣдушекъ и бабушекъ, менѣе взыскательныхъ по отношенію къ литературнымъ приличіямъ.

Вотъ, напримѣръ, одно изъ многихъ воззваній Измайлова къ благотворительности публики, присылавшей издателю «Благонамѣреннаго» деньги для раздачи бѣднымъ наканунѣ праздниковъ.

«На будущее время издатель Благонамѣреннаго положилъ себѣ за правило, извѣщать немедленно публику о присылаемыхъ къ нему на благотвореніе деньгахъ. Многіе изъ бѣдныхъ истинно и не придутъ къ издателю: чемъ (sic) кто бѣднѣе, темъ (sic) скромнѣе; но издатель не полѣнится самъ, при всей толщинѣ своей, взбираться по худымъ лѣстницамъ къ бѣднымъ на чердаки и не наскучитъ простоять нѣсколько минутъ согнувшись въ какомъ нибудь подземельи. Это самый пріятный и полезной моціонъ, особенно на страстной недѣлѣ. Издатель, пріобрѣтшій втеченіи восьми лѣтъ нѣкоторую опытность по филантропической части, смѣло можетъ увѣрить почтеннѣйшихъ своихъ читателей и читательницъ, что присылаемыя къ нему для бѣдныхъ деньги не будутъ ими употреблены ни на табакъ, ни на спиртовое, ни даже на... кофей». (Благонамѣренный, XXIX, 448—450).

Въ другомъ мѣстѣ, приведя одну изъ своихъ эпиграммъ, А. Е. Измайловъ, прибавляетъ къ ней въ примѣчаніи: «Каюсь предъ всѣми въ грѣхѣ: эта эпиграмма украдена мною у покойнаго князя А. Д. Кантемира» (тамъ же, IV, 273).

Иногда, почтенный издатель «Благонамѣреннаго» предлагаетъ въ своихъ Басняхъ, напримѣръ, такого рода совѣты:

«Отъ лишней толщины кто хочетъ свободиться, тому на ѕлой женѣ совѣтую жениться».

Или же обращается къ своимъ зоиламъ съ такого рода выходками:

«Приношу искреннюю благодарность почтенному г. Остоженскому за то, что онъ любитъ читать мои басни. Мнѣ самому онѣ очень нравятся, и я отнюдь не согласенъ съ мнѣніемъ г. Окулова, который будто, не смотря на правильность, на гладкость моихъ стиховъ, на знаніе теоріи, которую, кажется, стараюсь дать замѣтить, находитъ, что разсказъ у меня всегда сухъ или растянутъ, неестественъ, безъ прелести, всегда чего-то не достаетъ! Всего больнѣе то, что онъ къ симъ словамъ присовокупляетъ еще извѣстный стихъ извѣстнаго нашего поэта:

«По гладкости стиха шаромъ хоть покати.
Ахъ!........»

Послѣдній отрывокъ, особенно характерный по своей безцеремонности, вполнѣ объясняетъ намъ извѣстное восклицаніе Пушкина въ Евгеніи Онѣгинѣ:

«Могу ли дамъ себѣ представить
Съ Благонамѣреннымъ въ рукахъ!»

Чрезвычайно любопытно то, что Измайловъ ни въ литературѣ, ни въ обыденной жизни, ни даже въ оффиціальныхъ бумагахъ не измѣнялъ своему обычному способу выраженія и все излагалъ въ томъ же юмористическомъ тонѣ, который былъ ему такъ свойственъ. Блистательнымъ образцомъ подобнаго изложенія можетъ служить вышеупомянутое мною Объясненіе, превосходно характеризующее литературные пріемы Измайлова и любопытное по содержанію. Приводимъ его здѣсь цѣликомъ, безъ всякихъ пропусковъ:

«Литейной части въ Съѣзжій Домъ

«Отъ коллежскаго совѣтника и кавалера Александра

«Ефимовича Измайлова.

«Объясненіе.

«По случаю поданной къ его сіятельству г. с.-петербургскому военному генералъ-губернатору графу Михаилу Андреевичу Милорадовичу жалобы отъ титулярной совѣтницы Анны Телызинской на живущихъ въ одномъ со мною домѣ титулярнаго совѣтника Сабельникова и подканцеляриста Прейса въ причиненной якобы отъ нихъ ей и дочерямъ ея обидѣ 23-го числа минувшаго мѣсяца іюля, какъ очевидный свидѣтель сего непріятнаго и вмѣстѣ забавнаго происшествія, имѣю честь по всей справедливости объяснить слѣдующее.

«Живу я въ домѣ наслѣдниковъ Моденовыхъ почти уже восемь лѣтъ; все было тихо и смирно, пока не переѣхали въ оный упомянутая титулярная совѣтница Телызинская, съ дочерьми своими,— дѣвицами, или нѣтъ, того уже навѣрное не знаю; впрочемъ и сама

она въ прошеніи своемъ дѣвицами ихъ не называетъ. Днемъ сидѣли онѣ (т. е. дочери, а не мать) на окнахъ и дѣлали прохожимъ и проѣзжимъ глазки, ручки, всякія непозволительныя ласки и самыя неблагопристойныя штучки; а ночью принимали къ себѣ гостей (разумѣется, однихъ только мужчинъ) или безпрестанно выбѣгали сами со двора и не давали покою не только дворнику и хозяйкѣ, но и никому изъ живущихъ въ домѣ.

«Въ достопамятную для всѣхъ насъ ночь съ 23-го на 24-е число минувшаго іюля, приходитъ ко мнѣ хозяйка, когда уже я лежалъ въ постели, и слезно проситъ у меня защиты противъ пришедшихъ къ Телызинскимъ гостей, которые прибили дворника и, ворвавшись силою въ покои къ нижнимъ жильцамъ, надѣлали тамъ множество разныхъ дерзостей. Выхожу съ моими людьми на дворъ; непріятель уже удалился, а между тѣмъ явился буточникъ или городовой унтеръ-офицеръ; по прибытіи его раненый дворникъ заперъ ворота, что̀ чрезвычайно ободрило безоружный нашъ гарнизонъ, состоящій изъ старухъ, ребятъ и небольшаго числа взрослыхъ людей. Спрашиваю, — и всѣ единогласно утверждаютъ, что неизвѣстные непріятели приходили въ нашъ домъ отыскивать своихъ пріятельницъ Телызинскихъ, у которыхъ ожидали ихъ общіе пріятели. Составили совѣтъ, послали за г. квартальнымъ надзирателемъ; городовой унтеръ-офицеръ или буточникъ пошелъ неустрашимо на верхъ въ квартиру Телызинскихъ, за нимъ для сикурса отправился и я, а за мною мальчикъ со свѣчкою, титулярный совѣтникъ Сабельниковъ, безъ сабли и всякаго оружія, и подканцеляристъ Прейсъ, безъ пера и чернилъ. Подошли къ дверямъ; городовой постучался, — не отпираютъ; постучались еще слегка, отнюдь не ломая двери и соблюдая чрезъ это хозяйскій интересъ. Отперли. Первый вошелъ городовой, а за нимъ я; титулярный же совѣтникъ Сабельниковъ и подканцеляристъ Прейсъ остались у дверей для охраненія входа и выхода. Мгновенно открылась сильная перепалка на словахъ: титулярная совѣтница Телызинская съ двумя своими дочерьми и какимъ-то бывшимъ у нихъ гостемъ громогласно защищали свою честь, невинность и непорочность; а титулярный совѣтникъ Сабельниковъ и подканцеляристъ Прейсъ, въ почтительномъ отъ нихъ разстояніи, сквозь двери, обвиняли ихъ (и имѣли полное право обвинять) въ безпокойствахъ, причиненныхъ всему дому, но неблагопристойными словами ихъ не ругали и бить не угрожали; напротивъ того, титулярная совѣтница Телызинская и дочери ея наговорили имъ тысячу грубостей. Съ городовымъ же и со мною обошлись не только учтиво, но даже ласково. Обѣ дочери схватили меня за руки—одна за одну, другая за другую—и убѣдительно просили войдти во внутреннія ихъ комнаты для удостовѣренія, что тамъ у нихъ нѣтъ мужчинъ; однако жъ, какъ ни тащили, сдвинуть меня съ мѣста не могли, потому

я плотенъ и толстъ. Но когда схватила меня за руку и мать ихъ, не уступающая мнѣ въ толщинѣ и мужествѣ, то я прибѣгнулъ къ помощи городоваго, который свободилъ меня изъ рукъ ихъ, и мы всѣ удалились.

«Вскорѣ послѣ того прибылъ г. квартальный надзиратель Лефебръ и вывелъ отъ Телызинскихъ столь долго засидѣвшагося у нихъ гостя. Сей послѣдній назвался сперва родственникомъ Телызинскихъ, потомъ пріятелемъ, напослѣдокъ просто знакомымъ. Услышавъ, какъ мы съ г. надзирателемъ начали говорить между собою по-французски, назвалъ онъ насъ обоихъ воспитанными людьми и, прижавъ руку къ сердцу, далъ намъ честное слово не посѣщать впредь не только Телызинскихъ дѣвицъ, но даже и прочихъ подобныхъ имъ мастерицъ.

«Старшая дочь Телызинской, Амалія, о которой въ прошеніи сказано, будто отъ испуга тогда занемогла, скоро опомнилась, а черезъ часъ послѣ того, по показанію дворника, выбѣжала въ неглижѣ со двора, вѣроятно, къ какому нибудь лѣкарю.

«Въ слѣдующія двѣ ночи непріятели дѣлали паки покушенія; но какъ дворникъ усугубилъ свою бдительность и ворота были заперты, то и не могли причинить никакого вреда, а наконецъ, къ неизъяснимой радости хозяйки и всѣхъ вообще жильцовъ, 2-го числа сего августа, по настоянію г. квартальнаго надзирателя Лефебра, Телызинскія выѣхали изъ дома Моденовыхъ и теперь въономъ попрежнему все тихо и спокойно».

Въ заключеніе нашей небольшой замѣтки, мы должны сообщить, что въ нашемъ запасѣ найдется еще два-три юмористическихъ опыта Измайлова, до сихъ поръ нигдѣ еще не напечатанныхъ (напримѣръ, челобитная буквы Ѣ), и мы въ ближайшемъ будущемъ предполагаемъ ихъ напечатать вмѣстѣ съ тѣми пародіями на современныхъ писателей, которыя отыскались въ бумагахъ Ореста Сомова. Вообще говоря, по нашему мнѣнію, оригинальная личность Измайлова и его литературныя произведенія заслуживаютъ внимательнаго изученія и ждутъ еще серьезнаго и талантливаго изслѣдователя.

П. Полевой.

БѢЛОГОСТИЦКІЙ МОНАСТЫРЬ ЯРОСЛАВСКОЙ ЕПАРХІИ.

(Посвящается памяти А. И. Кельсіева).

Мѣстоположеніе монастыря. — Легендарныя сказанія. — Кій бѣлый гость. — Монастырскія лѣтописи. — Архимандритъ Іона Сысоевичъ. — Монастырскія зданія въ XVII вѣкѣ. — Ростовскій князь Темкинъ. — Его духовная. — Ростовскій князь Прiимковъ. — Село Семибраты мѣсто подвиговъ Семи Симеоновъ, родныхъ братьевъ. — Благовѣщенская церковь. — Усыпальница князей Темкиныхъ. — Церковь архистратига Михаила. — Чудотворная икона Казанской Божіей Матери. — Крестный ходъ. — Икона Грузинской Божіей Матери. — Упраздненная Акакіева пустынь. — Церковь Ефрема Сирина и муч. Неониллы. — Портикъ XVII вѣка при входѣ въ церковь Казанской Божіей Матери. — Колокольня. — Монастырскія драгоцѣнности. — Имущество и доходы. — Настоятели монастыря.

ВЪ СЕМИ верстахъ отъ Ростова, въ небольшомъ отдаленіи отъ Московско-Ярославскаго шоссе и желѣзной дороги, у самаго берега рѣки Вексы (съ несомнѣнно финскимъ названіемъ) [1], находится Бѣлогостицкій монастырь; онъ расположенъ среди сосноваго лѣса и близъ ростовскаго озера Неро, или Каово, въ одной изъ самыхъ живописныхъ мѣстностей Ростова, а находящіяся на противоположномъ берегу озера, близъ лежащія другъ отъ друга селенія, съ бѣлѣющими каменными колокольнями и сіяющими на куполахъ церквей позолоченными крестами, довершаютъ прелесть картиннаго мѣстоположенія. У самаго монастыря находится Бѣлогостицкая (прежде называвшаяся Георгіевскою) слобода, состоящая нынѣ изъ 28 дворовъ

---

[1]) Въ Финляндіи, въ Выборгской губерніи, извѣстная своимъ водопадомъ рѣка называется Вуокса.

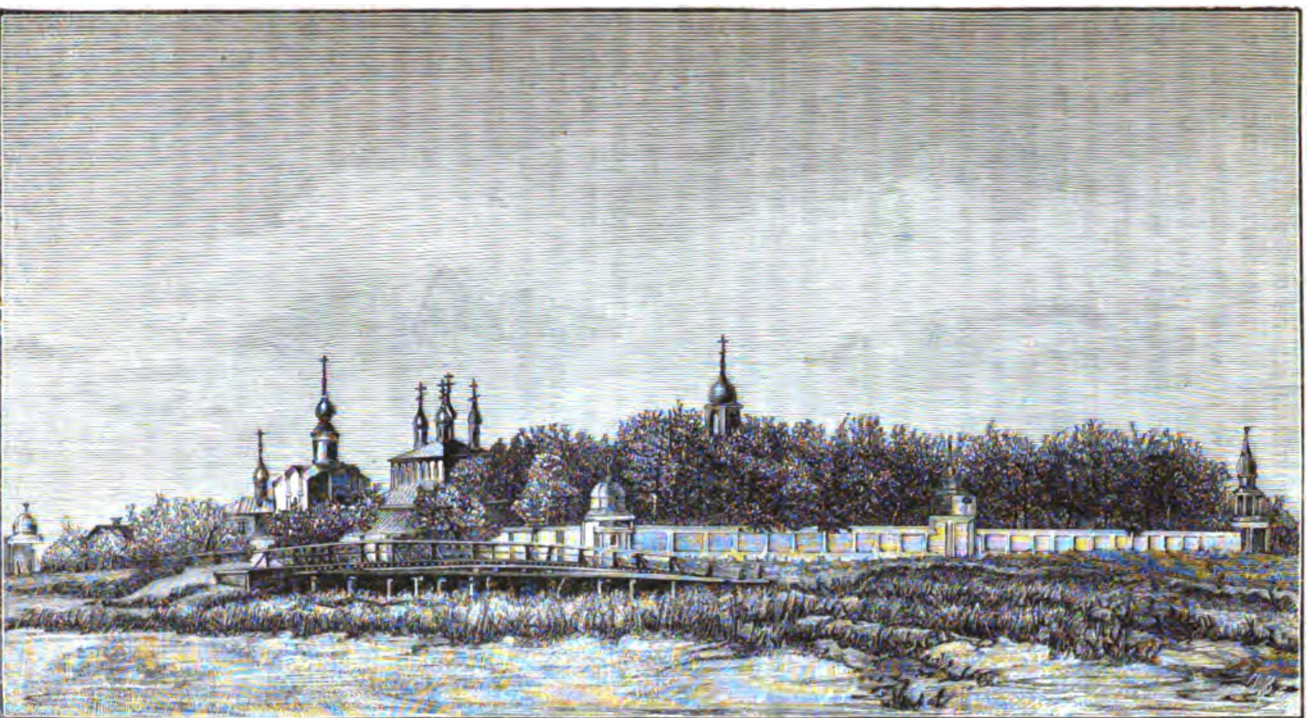
и 78 душъ, которая входитъ въ составъ Шулецкой волости Ростовскаго уѣзда.

По легендарнымъ рукописямъ, мѣстность, гдѣ нынѣ находится монастырь, свое характеристическое названіе получила будто бы отъ того, что здѣсь въ древнія времена охотился князь Кій (едва ли не основатель Кіева), проживавшій во время охоты въ бѣломъ шатрѣ, вслѣдствіе чего и былъ прозванъ бѣлымъ гостемъ. Затѣмъ князь Ярославъ Владиміровичъ соорудилъ здѣсь церковь во имя св. Георгія; потомъ въ XII вѣкѣ здѣсь жилъ князь Ярославъ Юрьевичъ, а впослѣдствіи ростовскій князь Константинъ Всеволодовичъ (1213) поставилъ здѣсь Благовѣщенскую церковь, соорудивъ ее изъ девятаго камня, везомаго по рѣкѣ Вексѣ въ Ростовъ для постройки Успенскаго собора. Монастырскія записи какъ о происхожденіи названія монастыря, такъ и объ его древней исторіи говорятъ нѣсколько иначе. Названіе «Бѣлогостицкій», по словамъ этихъ лѣтописей, монастырь получилъ отъ давно высохшей рѣчки Бѣлогостицы, которая, въ свою очередь, получила названіе будто бы отъ «бѣлыхъ гостинницъ», существовавшихъ когда-то на ея берегу для пріѣзжающихъ въ Ростовъ Великій. Не отвергая времени основанія монастыря въ отдаленной древности, лѣтописи говорятъ только, что монастырь назывался прежде Георгіевскимъ или Юрьевскимъ и упоминался уже въ началѣ XV вѣка[1]), что̀ видно изъ описи монастыря, составленной въ 1708 году по указу митрополита ростовскаго св. Димитрія. Изъ этого документа, между прочимъ, видно: «Въ монастырской кладовой хранится подголовокъ деревянный, обитый мѣстами жестью, а въ ней всякія монастырскія крѣпости и въ томъ числѣ списокъ съ грамоты въ лѣто 6919 (1414)». Затѣмъ, эти же лѣтописи свидѣтельствуютъ, что монастырь въ половинѣ XVI вѣка владѣлъ уже селами и деревнями. Такъ изъ жалованной грамоты царя Грознаго, данной ростовскому архіепископу Никандру въ 1555 году, видно, что Бѣлогостицкій монастырь, находясь съ давнихъ временъ приписаннымъ къ ростовскому архіерейскому дому, имѣлъ собственныя вотчины: село Благовѣщенское на горѣ, село гора Лесконтова, с. Юцкое, съ деревнями, пустошами и со всѣми угодьями. Въ межевыхъ книгахъ 1665 года монастырь этотъ называется «Георгіевскимъ домовымъ монастыремъ, что̀ на Бѣлогостицахъ», а въ выпискѣ изъ межевыхъ книгъ 1685 года написанъ въ Сотемскомъ стану и названъ Бѣлогостицкимъ на вотчинной землѣ митрополита Іоны[2]).

---

[1]) По нѣкоторымъ сказаніямъ, монастырь основанъ сыномъ Димитрія Донскаго, а названіе Юрьевскаго получилъ едва ли не отъ Юрія Долгорукаго. См. «Отъ Ярославля до Москвы», поѣздка на съѣздъ археологовъ В. И. Лѣствицына, Ярославль, 1869, стр. 20.

[2]) «Истор. Вѣстн.», октябрь, 1885, стр. 88—94.



Бѣлогостицкій монастырь съ луговой стороны.

Съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры.

Ростовскій митрополитъ Іона Сысоевичъ много сдѣлалъ для процвѣтанія этой обители, и ему обязанъ монастырь прекрасными каменными постройками, служащими, не смотря на разныя безсистемныя передѣлки, лучшимъ его украшеніемъ. Кромѣ того, что Бѣлогостицкій монастырь составлялъ, какъ мы уже видѣли, вотчину ростовскаго митрополичьяго дома, самъ Іона былъ въ немъ нѣкоторое время архимандритомъ, что̀ видно изъ описныхъ книгъ 1659 года, въ которыхъ, между прочимъ, записано: «Да какъ былъ въ Бѣлогостицкомъ монастырѣ архимандритъ Іона, иже былъ митрополитъ, дала вкладу Анна Иванова дочь Чистыхъ (она же Карпова) колоколъ въ 30 пудъ», а такъ какъ Іона хиротонисанъ въ санъ митрополита ростовскаго 15 августа 1652 года[1]) изъ архимандритовъ Богоявленскаго монастыря, которымъ управлялъ съ февраля 1646 года, то можно заключить, что Бѣлогостицкимъ монастыремъ онъ завѣдовалъ съ конца тридцатыхъ годовъ XVII ст.

Въ 1665 году, судя по уцѣлѣвшей описи, въ монастырѣ находились слѣдующія зданія:

1) Соборная церковь каменная на подклетахъ, во имя Пресвятой Богородицы, честнаго и славнаго ея Благовѣщенія, построенная 1657 года, апрѣля въ 8 день, и освященная того же года 7 іюля; глава на церкви обита бѣлымъ желѣзомъ, крестъ желѣзный, опаянный оловомъ, церковная крыша и паперть покрыты тесомъ, церковь была холодная. 2) Каменная же церковь во имя архистратига Божія Михаила, начата строеніемъ 13 іюня 1657 года и окончена 28 іюня 1658 года; она имѣла трапезу и печи для отопленія; глава на церкви обита желѣзомъ нѣмецкимъ, крестъ на главѣ желѣзный, опаянъ оловомъ; крыша и трапеза крыты тесомъ «въ зубцу»; подъ церковью находятся хлѣбная и братская столовая и три палатки запасныхъ. 3) Колокольня каменная, глухіе переходы на нее вели изъ трапезы предыдущей церкви; на ней находились семь колоколовъ, изъ нихъ одинъ былъ строенія и покупки архимандрита Іоны, что̀ нынѣ Божіею милостію митрополитъ. 4) Деревянная холодная церковь на святыхъ воротахъ во имя Воскресенія Христова; верхъ шатровый на стропилахъ, глава бита чешуею; крестъ опаянъ бѣлымъ желѣзомъ; подъ церковью святыя ворота деревянныя. 5) Деревянная же церковь на заднихъ водяныхъ воротахъ (къ рѣкѣ Вексѣ) во имя Николая Чудотворца; надъ церковью восемь бочекъ, крытыхъ чешуею; шея и глава обиты чешуею же, а крестъ опаянъ бѣлымъ желѣзомъ. Обѣ деревянныя церкви сооружены прежде каменныхъ и, судя по тому, что въ нихъ не было ни напрестольныхъ крестовъ и евангелій, ни приличныхъ сосудовъ, можно полагать, что служба въ нихъ не совершалась. Кромѣ сихъ уже существовавшихъ церквей, въ это время (1665 г.) начата по-

[1]) «Истор. Вѣстн.», 1885, октябрь, стр. 90.

стройкою каменная церковь съ трапезою во имя св. великомученика Георгія Побѣдоносца. 6) Кромѣ церковныхъ зданій, въ монастырѣ въ то время находились: «три кельи деревянныя для митрополичья пріѣзду, келья столовая и отдатошная, келья двойна, а въ ней живетъ архимандритъ Гавріилъ, келья каменная, а въ ней живетъ казначей старецъ Капидонъ, да пять келей братскихъ, келья больнишная, а въ нихъ живутъ пятнадцать старцевъ. На монастырѣ же пять житницъ, да около монастыря ограда деревянная, рублена клѣцки, въ оградѣ двѣ башни, да часовня, а въ ней часы; за монастыремъ пять житницъ, да дворъ конюшенной, да дворъ скотной». Всѣ каменныя зданія построены тщаніемъ и трудами преосвященнаго Іоны Сысоевича и вспоможеніемъ князя Михаила Михайловича Темкина Ростовскаго.

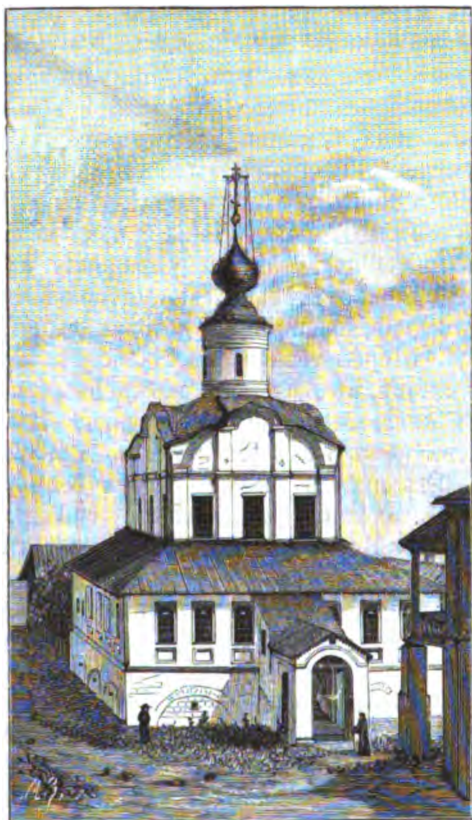
Князья ростовскіе, Темкины, были съ давнихъ поръ вкладчиками монастыря, а князь Михаилъ Михайловичъ Темкинъ [1]) былъ искреннимъ другомъ митрополита Іоны и, какъ человѣкъ бездѣтный, много жертвовалъ на постройку и украшеніе храмовъ, воздвигавшихся съ неутомимою дѣятельностью митрополитомъ. Въ своей духовной 1661 г., 28 мая, подлинникъ которой хранится въ семейномъ архивѣ гр. С. Д. Шереметева [2]), кн. Темкинъ завѣщалъ тѣло его погребсти въ Ростовѣ, въ Бѣлогостицкомъ монастырѣ: «Се азъ, рабъ Божій, бояринъ князь Михайло Михайловичъ Темкинъ-Ростовской, пишу сію духовную въ цѣлѣ умѣ своемъ и разумѣ. Приказываю: душу свою строить и тѣло свое погребсти боярину князю Якову Куденетовичу Черкасскому, да племяннику своему, столнику, князю Алексѣю Ивановичу Буйносову-Родовскому, да отцу своему духовному, архангельскому протопопу Кондрату. А какъ Богъ по душу мою, князь Михайлову, сошлетъ, и боярину князю Якову Куденетовичу, да племяннику моему, князю Алексѣю Ивановичу, да отцу моему духовному, протопопу Кондрату, тѣло мое погребсти въ Ростовѣ, въ Бѣлогостецкомъ монастырѣ; а по моей душѣ дать въ монастырѣ въ церковь Пречистыя Богородицы Благовѣщенья благословеной крестъ, чеканной, золоченъ, обнизанъ жемчугомъ, да что останется моленія моего образовъ окладныхъ, и тѣ образы поставить въ томъ же Бѣлогостецкомъ монастырѣ, да въ Ростовѣ въ соборную церковь Пречистыя Богородицы Успенія поставить по мнѣ, князь Михайлѣ, Божія милосердія иконъ моленія моего: образъ Пречистыя Богородицы Казанскія, обложенъ серебромъ чеканнымъ, вѣнецъ съ коруною золоченъ съ каменемъ и съ жемчугомъ, въ кіотѣ бархатномъ черномъ, да образъ Спасовъ Нерукотвореннаго большая

---

[1]) Кн. Михаилъ Михайловичъ Темкинъ — бояринъ и дворецкій съ 1646 г., † 1661 г., былъ послѣднимъ представителемъ этого рода; его сестра, княжна Домна, была въ замужествѣ за княземъ Мстиславскимъ.

[2]) А. В. Гавриловъ: «Описаніе Бѣлогостицкаго монастыря», стр. 36.

пядница, вѣнецъ и цата и поля окладъ чеканной, серебрянъ, золоченъ, съ каменемъ, въ кіотѣхъ. А на отпѣванье и погребенье тѣла моего, князь Михайлова, звать митрополита и архіепископовъ и архимандритовъ. Да въ тотъ же Бѣлогостецкой монастырь дать по моей душѣ вкладу и на поминовеніе денегъ пятьсотъ рублевъ, да рукомойникъ серебряной съ лоханью, бѣлые; да въ Симоновъ монастырь дать вкладу и на помяновеніе родителей моихъ и по



Благовѣщенская церковь въ Бѣлогостицкомъ монастырѣ.

моей душѣ денегъ триста рублевъ; да на Рязани въ Духовъ монастырь сто рублевъ денегъ; да на Москвѣ въ большой соборъ Успенія Пречистыя Богородицы и въ соборъ Михайла Архангела дать въ сорокоустіе по пяти рублевъ; да въ вѣчной поминокъ по мнѣ, князь Михайлѣ, и написать родителей моихъ въ сенодики, дать по тѣмъ соборомъ по десяти рублевъ, да на прочіе соборы дать въ сорокоустіе на соборъ по три рубли, да на милостиню раздать нищимъ и въ тюрьмы и въ богадѣльны во всю четыредесятницу на

день по десяти рублевъ; да отцу моему духовному, протопопу Кондрату, дать на поминъ души моей денегъ пятьдесятъ рублевъ; да боярина князя Якова Куденетовича благословилъ я, князь Михайло, Божія милосердія образомъ, да два креста золоты съ мощами и съ яхонты и съ изумруды, обнизаны жемчугомъ, да сабля съ бирюзами; да племяннику моему, князю Алексѣю Ивановичу, благословеніемъ образъ, да стопа серебряна, да стопка серебряна жъ; да племяннику жъ моему, Василью Дмитріеву сыну Сабурову, дать денегъ пятьдесятъ рублевъ, да сабля оправная, да пара пистолей, да чуга бархатная черная. Да послѣ живота моего, князь Михайлова,

Входная дверь въ Благовѣщенской церкви.

оставается денегъ на лицо: серебряныхъ тысяча триста рублевъ, да мѣдныхъ денегъ двѣсти пятьдесятъ рублевъ, да серебряныхъ же денегъ шесть тысячъ рублевъ, что̀ взялъ я, князь Михайло, тѣ деньги шесть тысячъ рублевъ у боярина у князя Якова Куденетовича за вотчину свою Звенигородцкого уѣзду, за село Михайловское съ деревнями и со крестьяны и съ пустошьми и со всѣми угодьи. Да что останется животовъ моихъ домашнихъ, платья и низанья жемчугу и каменья и серегъ и перстней и сосудовъ серебряныхъ и конскихъ нарядовъ и служилые рухледи и дворъ мой московской, и тому всему роспись подъ сею духовною, и то все продать и тѣми деньгами боярину Якову Куденетовичу и племяннику моему, князю Алексѣю Ивановичу, и отцу моему духовному, протопопу Кондрату, душу мою строить и по монастыремъ вклады давать и поминать и въ поминанье и на милостину роздать. А въ

деревняхъ что останется хлѣба и лошадей и животины, и то все продать и тѣ деньги роздать по мнѣ жъ въ помяновенье. А людей моихъ отпустить на волю и дать имъ отпускные и надѣлокъ имъ дать противъ жалованья моего вдвое, а человѣку моему Егупу надѣлку дать пятьдесятъ рублевъ. А что великаго государя жалованья за мною помѣстья, и о тѣхъ помѣстьяхъ что великій государь укажетъ».

Благотворили обители и другіе ростовскіе князья. Изъ нихъ князь Алексѣй Пріимковъ [1]) съ своими родственниками пожертвовалъ въ 1621 году мельницу на р. Устьѣ при д. Исадахъ съ 4 д. земли, что̀ подтвердилъ въ 1635 году и наслѣдникъ князей Пріимковыхъ князь Юрій Ситцкій; а въ 1659 году, вдова его, княгиня Фотинія Ситцкая, пожертвовала монастырю дер. Левково, принадлежавшую прежде тѣмъ же князьямъ Пріимковымъ-Ростовскимъ.

Резиденція князей Темкиныхъ и Пріимковыхъ находилась вблизи монастыря. Село Пріимково существуетъ и нынѣ, а другое, тоже близь лежавшее, село Семибраты имѣетъ свою легенду. Семибраты упоминаются въ лѣтописяхъ XV вѣка; при этомъ селѣ, на рубежѣ, между князьями Гвоздевыми [2]) и Пріимковыми, жили семь братьевъ-сбродичей, сыновья князя Василія Косого Третьяка-Андреева, прославившагося въ ту эпоху княжескихъ междоусобій своими разбойническими подвигами. Ихъ похожденія послужили основаніемъ для сказки о Семи Симеонахъ, родныхъ братьяхъ; при Семибратахъ же князь Василій Васильевичъ Темный въ 1434 году былъ разбитъ дядею своимъ кн. галицкимъ Юріемъ Дмитріевичемъ [3]).

Въ настоящее время монастырь обнесенъ, на протяженіи 240 саженъ, каменною довольно высокою оградою съ четырьмя башнями; съ восточной стороны большую часть ограды замѣняетъ Архангельскій храмъ. Въ ограду ведутъ трое воротъ: одни подъ колокольнею и называются Святыми, другія подлѣ нихъ для проѣзда и третьи на восточной сторонѣ монастыря.

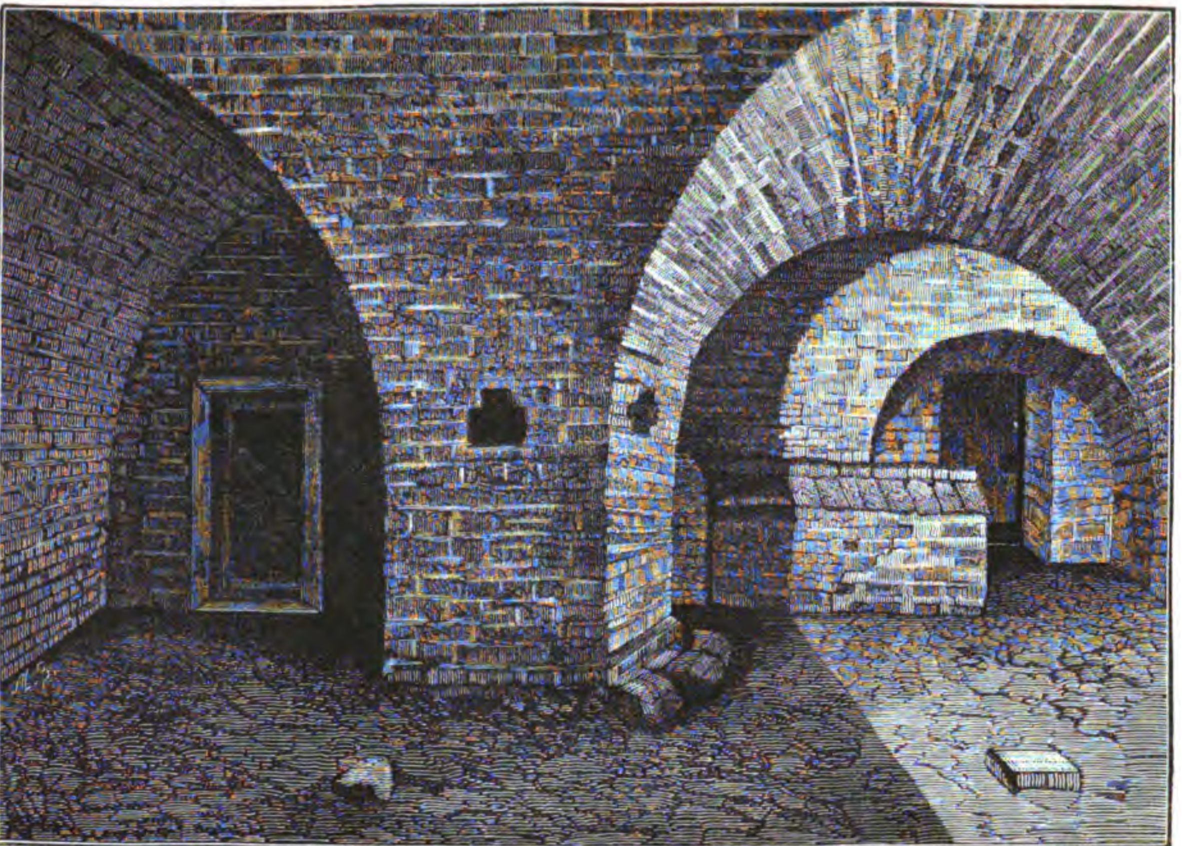
Благовѣщенская одноглавая холодная церковь, построенная кн. Темкинымъ и митрополитомъ Іоною, не смотря на многія позднѣйшія искаженія, представляетъ, всетаки, прекрасный памятникъ XVII в. Она съ трехъ сторонъ окружена папертью; входная дверь въ храмъ съ каменными наличными, совершенно сохранившимися, очень оригинальна; всѣ кирпичныя колонки и украшенія при входѣ выдѣланы довольно тщательно, а подъ слоемъ позднѣйшей окраски

---

[1]) Кн. Алексѣй Васильевичъ Пріимковъ-Чечуля, 1616—1629, стольникъ. Родъ князей Пріимковыхъ угасъ въ XVIII в.; послѣднимъ въ родѣ былъ князь Аврамъ Никитичъ, сестры коего были: кн. Евфросинья — за Измайловымъ, и кн. Елена — за Лодыженскимъ.

[2]) Село Гвоздево тоже въ 5—6 верстахъ отъ Бѣлогостицкаго монастыря.

[3]) Отъ Ярославля до Москвы, В. И. Лѣствицына, Ярославль, 1869, стр. 90.



Склепъ подъ Благовѣщенскимъ соборомъ съ гробницею князя М. М. Темкина.

замѣтны слѣды фресковой живописи. Подъ церковью находится подвалъ съ пятью гробницами князей ростовскихъ Темкиныхъ, благотворителей этой обители; на приложенномъ здѣсь рисункѣ изображена могила послѣдняго въ родѣ князя Михаила Михайловича; къ сожалѣнію, надпись на бѣлой каменной гробовой доскѣ почти вся изрублена и камень сильно поврежденъ; часть внутреннихъ стѣнъ этого склепа была обложена кафелями, которые въ большинствѣ сохранялись до 60-хъ годовъ настоящаго столѣтія, но однимъ изъ настоятелей были выломаны для какихъ-то подѣлокъ. Впрочемъ, эта усыпальница благотворителей обители и мѣсто ихъ вѣчнаго покоя, щедро оплаченнаго, съ давнихъ временъ служитъ складомъ домашнихъ продуктовъ монастырскаго хозяйства, а изрубленная гробовая доска показываетъ, что тутъ многократно кололи дрова; кромѣ этого, для удобства складовъ, въ этомъ склепѣ сдѣлано немало передѣлокъ и другихъ хозяйственныхъ приспособленій, совершенно измѣнившихъ первоначальное устройство княжеской усыпальницы. Въ Благовѣщенской церкви былъ древній иконостасъ съ превосходными рѣзными царскими вратами; къ сожалѣнію, этотъ памятникъ русскаго искусства XVII в. «любителями строиться», игуменами Веніаминомъ и Сергіемъ, въ 1839 году замѣненъ, какъ значится въ описи, «новымъ съ рѣзьбою и позлащеннымъ на полиментъ червоннымъ золотомъ».

Изъ иконъ, по древности письма и украшеніямъ, замѣчательны мѣстныя: Спасителя, Благовѣщенія, Николая Чудотворца и Казанской Божіей Матери; всѣ эти иконы сохранились отъ XVII вѣка.

Вторая церковь въ честь собора Архистратига Михаила, каменная, также холодная, пятиглавая. Внутри ея три столпа поддерживаютъ сводъ церковный: два посрединѣ церкви и одинъ въ трапезѣ. Отцы настоятели, особенно въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, и тутъ сильно порадѣли къ благоукрашенію этого древняго храма: внутри его все ново и крайне неприглядно, но св. иконы замѣчательны: между ними Спаситель, сѣдящій на престолѣ, и соборъ Архангела Михаила имѣютъ почтенную древность. Самую главную святыню этого храма составляетъ чудотворная икона Казанской Божіей Матери, находившаяся прежде въ Ростовскомъ Успенскомъ соборѣ надъ царскими вратами; она помѣщается за лѣвымъ клиросомъ въ особомъ кіотѣ; длина иконы 6 вершковъ, ширина 5$^1/_2$ вершк., она обложена дорогой жемчужной ризой. Въ честь этой иконы изъ обители каждогодно бываетъ учрежденный съ древнихъ лѣтъ крестный ходъ; онъ совершается около 20-го мая въ воскресный день. Усердствующіе ростовцы срѣтаютъ святыню градскимъ крестнымъ ходомъ за чертою города и провожаютъ икону въ соборъ, гдѣ она и находится до 8-го іюля. Въ этотъ день икона возвращается въ монастырь къ поздней литургіи въ храмъ, ей посвященный. Въ этомъ же храмѣ находится и другая замѣчательная икона Грузин-

ской Божіей Матери, перенесенная въ Бѣлогостицкій монастырь въ 1764 году изъ упраздненной Акакіевой пустыни. Эта пустынь была мужскимъ монастыремъ, основаннымъ въ 1647 году нѣкіимъ «богомольцемъ Акакіемъ»; до уничтоженія штатовъ монастырь владѣлъ 255 д. крестьянъ, и въ 1764 году былъ приписанъ къ близь лежащему Бѣлогостицкому монастырю; теперь на мѣстѣ пустыни

Церковь Архистратига Михаила въ Бѣлогостицкомъ монастырѣ.

осталась одна приходская каменная одноглавая церковь во имя Богоматери и Николая Чудотворца.

Между алтаремъ и трапезою храма Архистратига Михаила, съ сѣверной стороны, находится теплая церковь въ честь Ефрема Сирина и мученицы Неониллы. Она построена въ 1879 году на мѣстѣ бывшей каменной палатки въ три окна строителемъ о. Димитріемъ. Въ связи съ Михайло-Архангельскою церковью находятся братскія

каменныя келіи, также кухня и трапеза. Зданія эти, длиною 33 сажени и шириною 12 саж., постройки XVII вѣка, современныя самому храму; надъ однимъ изъ входовъ возвышается круглая башня, бывшая въ XVII вѣка колокольнею; особенно замѣчателенъ портикъ надъ входомъ въ церковь и частію въ настоятельскія келіи, что видно изъ нашего рисунка; портикъ былъ изукрашенъ кафелями, но, къ сожалѣнію, кафели почти всѣ выбиты, а оставшіеся замазаны известью; особенно пострадало это зданіе при покойномъ архіепископѣ Нилѣ, когда Бѣлогостицкій монастырь избранъ былъ его лѣтнею резиденціею. Проживая долгое время и думая остаться тутъ впослѣдствіи на покоѣ, преосвященный, конечно, приспособливалъ для себя болѣе удобное жилье, чѣмъ оно было при неособенно взыскательныхъ настоятеляхъ XVII вѣка.

Четвертая теплая церковь, бывшая прежде Георгіевскою и въ 1760 году переименованная въ честь Казанской Божіей Матери, одноглавая; иконостасъ тоже новый и вообще храмъ этотъ, благодаря позднѣйшимъ благоукрашеніямъ, кромѣ двухъ древнихъ иконъ св. Николая Чудотворца, съ миніатюрными образками изъ жизни святителя, причемъ по обѣимъ сторонамъ вверху иконы находятся образки болѣе древніе, украшенные дорогими камнями, и иконы Владимірской Божіей Матери, съ богородичными праздниками по сторонамъ, находящейся за лѣвымъ клиросомъ, замѣчательнаго ничего не представляетъ, возбуждая лишь сожалѣніе о современныхъ зиждителяхъ, не сохранившихъ художественнаго вкуса своихъ предковъ, оставившихъ имъ богатые памятники древне-русскаго художественнаго творчества. Любопытна запись современныхъ передѣлокъ этой церкви, совершенныхъ втеченіе только 1871 года: «Въ трапезѣ сдѣлана каменная стѣна; вновь пробиты двѣ двери—одна въ корридоръ, другая на улицу; изъ прежней кухни сдѣланъ подвалъ; окна, бывшія на югъ, заложены, а пробиты вновь въ монастырь и т. д.». Оказывается, что почти каждый настоятель могъ, не смотря уже на существовавшіе и тогда указы, безъ разрѣшенія св. синода и даже безъ спроса мѣстнаго архіерея, закладывать и пробивать вѣковыя зданія по своему усмотрѣнію. Мы знаемъ такіе храмы, которые, благодаря удовлетворенію вкуса отцевъ настоятелей въ 30—40-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, вслѣдствіе пробивокъ оконъ въ вѣковыхъ стѣнахъ для большаго свѣта безъ всякой бережи и техническихъ приспособленій, пришли въ такое положеніе, что угрожаютъ въ непродолжительномъ времени совершеннымъ паденіемъ, а эти храмы были выстроены Иваномъ Грознымъ и его отцомъ великимъ княземъ Василіемъ [1]).

Монастырская колокольня складена въ 1845 году и находится

---

[1]) Богоявленскій-Авраамiевъ и Борисоглѣбскій монастыри въ Ростовскомъ уѣздѣ.

надъ святыми воротами на мѣстѣ, какъ передавали намъ старожилы, прекрасной деревянной шатровой церкви XVII столѣтія, бывшей однимъ изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ деревянныхъ памятниковъ XVII вѣка; строителями колокольни были тѣ же «любители строиться», отцы настоятели Веніаминъ и Сергій. Вообще, они во время своего настоятельства съ 1829 по 1845 годъ много поработали надъ уничтоженіемъ древностей и искаженіемъ драгоцѣнныхъ памятниковъ до-петровской Руси.

Въ монастырѣ имѣется еще довольно драгоцѣнныхъ вещей и иконъ; такъ, напримѣръ, евангеліе въ дорогомъ окладѣ, печатано въ 1703 году; серебряные священные сосуды съ надписями, пожертвованные въ 1658 году княземъ Темкинымъ; серебряный напрестольный крестъ, по краямъ унизанный жемчугомъ съ надписью, что въ немъ находится камень отъ гроба Божіей Матери и мощи святыхъ, и что онъ въ 168 (1660) году пожертвованъ княземъ М. М. Темкинымъ; крестъ съ надписью, что онъ пожертвованъ въ 1707 году въ церковь св. великомученика Георгія, въ Бѣлогостицкій монастырь. Кромѣ этого, есть старинныя серебряныя кадила, разныя облаченія и довольно хорошій монастырскій архивъ—библіотека съ небольшимъ количествомъ грамотъ и рукописей, уцѣлѣвшіе остатки которыхъ были приведены въ порядокъ покойнымъ настоятелемъ о. Димитріемъ, весьма заботившимся о порядкѣ и благочиніи въ монастырѣ, но, къ сожалѣнію, умершимъ въ молодыхъ лѣтахъ, въ 1881 году.

До учрежденія духовныхъ штатовъ, монастырь былъ приписнымъ къ ростовскому архіерейскому дому, поэтому все, что принадлежало ему, находилось въ полномъ распоряженіи ростовскихъ владыкъ. Изъ переписныхъ книгъ 186 (1678) года, видно, что за монастыремъ числилось 75 крестьянскихъ дворовъ, которые платили въ пользу монастыря «за всякіе столовые запасы по двѣ гривны съ двора на годъ». По учрежденіи въ 1764 году штатовъ, Бѣлогостицкій монастырь былъ отчисленъ отъ архіерейскаго дома и оставленъ въ качествѣ заштатнаго на собственномъ содержаніи. Средства монастыря до 1857 года были такъ удовлетворительны, что онъ получалъ болѣе 1,500 рублей дохода съ земель и милостивой дачи отъ казны 300 рублей, кромѣ % съ капитала въ 30,000 рублей. Въ числѣ главныхъ вкладчиковъ этого капитала была графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская, пожертвовавшая на вѣчное время 5,000 рублей.

Въ августѣ 1857 года, вслѣдствіе просьбы архіепископа Нила, монастырь былъ приписанъ къ ярославскому архіерейскому дому, а съ 1878 года опять остался самостоятельнымъ и получилъ своего строителя.

На основаніи прекраснаго историко-археологическаго изслѣдованія о Бѣлогостицкомъ монастырѣ А. В. Гаврилова, сдѣланнаго

имъ въ 1880 году, приводимъ здѣсь перечень настоятелей монастыря, значительно пополняющій извѣстный списокъ Строева:

Архимандриты: Евфимій I, 1606; Никандръ I, 1621—1635; Іона Сысоевичъ, 1635—1646; Никандръ II, 1646—1649; Іовъ, 1658; Антоній, 1659—1666; Евфимій II, 1672; Гавріилъ, 1682—1690; Герасимъ, 1691; Игнатій, 1694—1696; Филаретъ, 1707—1708; Корнилій, 1711—1712; Іоанникій, 1714—1716; Доримедонтъ, 1718—1719, и вторично 1722—1723. Игумены: Никонъ, 1720; Ѳерапонтъ, 1724—1726; Питиримъ, 1727—1732; Филаретъ I, 1732—1737; Іосифъ, 1737—1739; Филаретъ II, 1743. Строители: Иринархъ, 1739; Сергій, 1740; Гедеонъ, 1744; Ѳеофанъ, 1748—1755; Іовъ, 1755—1757; Патрикій, 1757—1760; Мартиніанъ, 1760—1763; Діонисій, 1763—1766 [1]); Клеопа, 1766—1768; Самуилъ I, 1768—1769; Симеонъ, 1769—1770; Ѳеофилактъ, 1770—1772; Іона, 1772—1776; Варлаамъ, 1776—1779; Герасимъ, 1779—1788; Филаретъ III, 1788—1795; Исаакій, 1795—1808; Дороѳей, 1808—1810; Діонисій, 1810—1812; Самуилъ II, 1812—1814; Исаакъ, 1815—1817; Ираклій, 1817—1822; Нектарій, 1823—1827; Иринархъ II, 1827—1829; Сергій II, 1829—1835, вторично 1843—1845; игуменъ Веніаминъ, 1835—1842; Макарій, 1842; Наѳанаилъ, 1848—1850; Захарія, 1850—1857; съ 1865 по 1878 годъ монастыремъ управлялъ іеромонахъ Серафимъ, возведенный въ санъ игумена въ 1869 году; съ 1878 по 1881 годъ строитель Димитрій и съ 1882 года—Геронтій, правящій монастыремъ до сего времени.

У самыхъ монастырскихъ воротъ находится гостинница, впрочемъ, въ настоящее время мало посѣщаемая. Лѣтомъ, какъ въ этой гостинницѣ, такъ и въ слободѣ, живутъ дачники, привлекаемые прекраснымъ мѣстоположеніемъ и близостью къ городу. Дѣйствительно, мѣстоположеніе монастыря, не смотря на нѣсколько сыроватую почву, превосходно, а въ лунныя лѣтнія ночи очаровательно.

А. Титовъ.

[1]) При Діонисіи находилось въ монастырѣ только четверо монашествующихъ: 1 іеромонахъ, 1 іеродіаконъ, 1 монахъ и 1 служка.

ИЗЪ ФАМИЛЬНЫХЪ ПРЕДАНІЙ ТЕЙЛЬСА.

Въ 1870 году, скончался въ городѣ Тулѣ отставной кавалергардъ Андрей Дмитріевичъ Тейльсъ. Послѣ него осталось много рукописей, среди которыхъ чаще всего попадаются мистико-масонскіе трактаты. Повидимому, покойный принадлежалъ къ числу масоновъ Александровской эпохи и, судя по встрѣчающимся въ его бумагахъ актамъ масонскихъ ложъ, былъ принятъ въ ученическую степень.

Между его бумагами есть одна неоконченная рукопись подъ заглавіемъ: «Фамильныя записки дворянскаго дома гг. де-Тейльсъ. Начаты 1830 года октября 2-го дня въ городѣ Одессѣ». Авторомъ рукописи, какъ оказывается изъ особой надписи на ней, былъ упомянутый выше А. Д. де-Тейльсъ, исполнявшій въ 1830 году обязанности уѣзднаго одоевскаго судьи. Нѣкоторыя страницы его «Записокъ» имѣютъ чисто фамильное значеніе, но многія, касаясь лицъ, пользовавшихся въ свое время извѣстностью, или рисуя нравы прежняго времени, не лишены общаго интереса. Съ послѣдними мы и намѣрены познакомить читателей, причемъ, разумѣется, отвѣтственность за достовѣрность сообщаемыхъ фактовъ мы вполнѣ возлагаемъ на автора «Записокъ» и на тѣхъ, отъ кого онъ получалъ свои свѣдѣнія.

Родъ Тейльсовъ считаетъ за собою 800-лѣтнюю древность и приписываетъ себѣ испанское происхожденіе. Въ XVI столѣтіи, мы встрѣчаемъ Тейльсовъ въ Нидерландахъ, которые въ то время были тѣсно связаны съ Испаніей. Въ началѣ XVIII столѣтія, Вильгельмъ Тейльсъ находился въ голландскомъ посольствѣ при ту-

рецкомъ дворѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ «завѣдовалъ нѣсколько времени россійскими министерскими дѣлами» [1]). Послѣ неудачнаго Прутскаго похода онъ, исполняя разныя дипломатическія порученія, способствовалъ примиренію Россіи съ Турціей. Петръ Великій, «осыпавъ его за это милостями», приглашалъ на русскую службу [2]). Проникнутый республиканскими воззрѣніями, Тейльсъ счелъ неудобнымъ служить при особѣ неограниченнаго монарха, но не отказался отъ ежегоднаго пожизненнаго пенсіона, предложеннаго ему царемъ. Въ то время у Вильгельма Тейльса было три сына: старшій былъ консуломъ въ Каирѣ, второй служилъ въ австрійской арміи въ чинѣ генерала, а младшій Антонъ, только-что окончившій университетскій курсъ со степенью доктора правъ, жилъ въ Голландіи. Такъ какъ русскій царь, во что бы то ни стало, хотѣлъ видѣть кого нибудь изъ Тейльсовъ на русской службѣ, то Вильгельмъ и предоставилъ въ его распоряженіе младшаго сына.

Въ 1714 году, Антонъ де-Тейльсъ прибылъ въ Россію. Петръ Великій, цѣня въ немъ ученаго человѣка, «между разными должностями ввѣрилъ ему главный надзоръ за вновь устрояемыми учебными заведеніями» [3]). Вскорѣ Антонъ Тейльсъ принялъ православіе, и царь, «бывшій его крестнымъ отцомъ при введеніи въ грекороссійское исповѣданіе», подарилъ ему образъ Знаменія Божіей Матери и крестъ, которые, какъ святыня, хранились въ родѣ Тейльсовъ [4]). Петръ Великій пожаловалъ Тейльсу въ разныхъ мѣстахъ

---

[1]) Вильгельмъ Тейльсъ, авторъ сочиненія «Mémoires pour servir à l'histoire de Charles XII», находился при голландскомъ посольствѣ въ качествѣ переводчика и былъ на жалованьѣ у русскаго правительства. См. Соловьева: «Исторія Россіи», т. XVI, стр. 128.

[2]) Голландское посольство, дѣйствительно, оказало Россіи очень важныя услуги. Шафировъ доносилъ царю: «Голландскій посолъ ѣздилъ нѣсколько разъ инкогнито къ визирю, уговаривалъ его наединѣ и склонялъ къ нашей пользѣ, потому что онъ самъ умѣетъ говорить потурецки. И хотя мы имъ учинили обѣщанное награжденіе, однако, нужно было бы прислать кавалеріи съ нарочитыми алмазами, также по доброму мѣху соболью; если кавалеріи не изволите прислать, то, по крайней мѣрѣ, хотя по персонѣ своей съ алмазами доброй цѣны». Тейльсу, между прочимъ, пришлось исполнить слѣдующее порученіе. Извѣстно, что послѣ Прутскаго похода, подъ вліяніемъ Швеціи и Франціи, Турція находилась въ очень натянутыхъ отношеніяхъ съ Россіей. Шафировъ, Толстой и Шереметевъ были уже заключены въ Семибашенной замокъ, и Турція грозила Россіи войной. Но шведскій король своею назойливостью вывелъ изъ терпѣнія турокъ, и его съ извѣстнымъ скандаломъ выпроводили изъ Турціи. Тогда Тейльсъ отправился въ Адріанополь хлопотать о мирѣ и съ полнымъ успѣхомъ окончилъ свое дѣло. См. Соловьева: «Исторія Россіи», т. XVI, стр. 110—126.

[3]) У Пекарскаго, въ его сочиненіи: «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ», мы не встрѣтили имени Антона Тейльса.

[4]) Судьба креста намъ неизвѣстна; что же касается до иконы, то она послѣ смерти А. Д. Тейльса перешла къ его женѣ, а потомъ досталась ея племяннику, тульскому купцу В. И. Хлѣбникову, у котораго хранится и въ настоящее время.

1,000 душъ крестьянъ и устроилъ его бракъ сначала съ сестрою графа Чернышева, потомъ женилъ его на Кологривовой и въ третій разъ—на царевнѣ Грузинской. Отъ этихъ трехъ женъ у Антона Тейльса было 22 человѣка дѣтей, изъ которыхъ 14 умерли въ дѣтствѣ.

Авторъ «Записокъ», приходившійся правнукомъ Антону де-Тейльсу, много слышалъ о послѣднемъ отъ своего дѣда, восьмидесятилѣтняго старика. Многіе изъ его разсказовъ довольно характеристичны.

Однажды, Петръ Великій явился къ Тейльсу на закуску. За столомъ онъ сталъ разсматривать гербъ Тейльсовъ, изображенный на кружкахъ, которыя, по тогдашнему обычаю, навѣшивались на графины, и велѣлъ прибавить къ нему слова: «Recte faciendo, neminem timeas» [1]).

Антонъ Тейльсъ не на столько скоро освоился съ своимъ новымъ отечествомъ, чтобы избѣжать недоразумѣній и столкновеній, всегда возможныхъ при недостаточномъ знакомствѣ съ нравами и обычаями страны. «Записки» слѣдующимъ образомъ разсказываютъ объ одномъ изъ подобныхъ столкновеній.

Тейльсу пожалованы были, между прочимъ, деревня Матюково и село Глубокое (Калужской губерніи, Лихвинскаго уѣзда). Однажды онъ явился въ Глубокое и остановился въ домѣ, который былъ «построенъ со всѣми вычурами готической архитектуры и рѣзными изъ дерева болванами на ступеняхъ краснаго крыльца». Тейльсъ пожелалъ увидѣть своихъ крестьянъ и получилъ отвѣтъ, что они у обѣдни.

— Ну, вези меня туда,—сказалъ онъ своему кучеру.

Деревянная церковь, въ которую ходили крестьяне села Глубокаго и въ которую теперь отправлялся Тейльсъ, стояла надъ оврагомъ, верстахъ въ двухъ отъ жилья. Такъ довольно часто бывало въ старину, по случаю переселенія деревень на новыя удобнѣйшія мѣста послѣ пожара или набѣга врага. Церковь была сооружена родомъ гг. Зыбиныхъ, которыхъ потомки жили тогда въ селѣ Зябревѣ.

По окончаніи литургіи, крестьяне по обычаю поклонились своему господину въ поясъ и поздравили его съ пріѣздомъ. Онъ разговорился съ ними. Зашла рѣчь о дальности храма отъ села, что̀ было особенно неудобно въ распутицу.

— Этому горю я помогу,—сказалъ Тейльсъ:—собрать ко мнѣ старостъ какъ здѣшнихъ, такъ и Чернышевскихъ. (Имѣніе Чернышевыхъ находилось рядомъ).

---

[1]) Въ «Запискахъ» есть описаніе и рисунокъ этого герба, который, по именному указу Павла I-го отъ 22 января 1801 года, былъ внесенъ въ гербовникъ.

На другой день старосты выслушали слѣдующее приказаніе барина: «Къ завтрашнему утру перевезти церковь къ дому!»

Старосты поклонились въ поясъ и отправились исполнять барское приказаніе. «Тогда,—прибавляетъ по этому поводу авторъ «Записокъ»:—были простѣе и слова старшаго не пережевывали за стѣною». Нѣсколько тысячъ подводъ двинулось къ церкви, и на слѣдующее утро она, разобранная, находилась уже передъ окнами барскаго дома. Изумленный и испуганный священникъ бросился къ помѣщицѣ Зыбиной, которая обыкновенно называла себя храмостроительницей, хотя церковь была построена ея предками, и разсказалъ ей о неожиданномъ перемѣщеніи церкви.

Зыбина такъ и ахнула. Она, нимало не медля, заложила лошадей въ свой наслѣдственный рыдванъ и, захвативъ съ собою священника, двинулась въ Москву съ жалобою къ митрополиту.

Между тѣмъ, высокій и статный Тейльсъ вышелъ утромъ на крыльцо.

— Что прикажешь теперь?—спросилъ его бурмистръ.

— Ставьте на этомъ мѣстѣ церковь; тутъ вамъ будетъ ближе ходить къ обѣднѣ, да и мнѣ, когда съ вами поживется подъ старость, недалеко добрести,—отвѣтилъ Тейльсъ.

— Надо освятить мѣсто,—возразилъ бурмистръ:—да вотъ горе, батька пропалъ!

— Ванюшка,—закричалъ Тейльсъ своему любимому слугѣ:—будь готовъ ѣхать съ письмомъ въ Москву, а вы, мои други, поставьте караулъ и пододвиньте подъ сараи клади съ утварью.

Крестьяне, слышавшіе о томъ, что Зыбина поѣхала въ Москву, покачивали головою и говорили: «что-то будетъ?»

Скоро Ванюшка явился изъ Москвы съ письмомъ отъ митрополита и съ богатыми покупками для церкви. Въ письмѣ извѣщалось о скоромъ пріѣздѣ архимандрита для освященія вновь воздвигаемаго храма. Дѣйствительно, чрезъ нѣсколько времени явился архимандритъ, а за нимъ и священникъ. Благословивъ Тейльса, архимандритъ подалъ ему митрополичью грамоту, пергаментъ, обернутый въ шелковую матерію и положенный въ коробку. Въ грамотѣ не одобрялся самовольный поступокъ Тейльса, но въ виду того, что дѣло было уже сдѣлано и вдобавокъ съ добрыми намѣреніями, разрѣшено было приступить къ сооруженію храма, но съ условіемъ, если храмъ потребуетъ ремонта, спросить предварительно Зыбиныхъ, не хотятъ ли они взять постройку на себя, а въ случаѣ отказа предоставить это роду Тейльсовъ. «Грамота сія,—прибавляетъ авторъ «Записокъ»,—кажется, должна быть еще цѣла въ калужской консисторіи, а равно и нѣкоторая утварь, принесенная въ даръ прадѣдомъ».

Во время закуски, предложенной архимандриту, Тейльсу разсказали о неудачѣ, постигшей Зыбину. Митрополиту было извѣстно,

что Петръ весьма благоволитъ къ Тейльсу, и что при дворѣ у послѣдняго сильная рука, и потому на жалобу священника онъ отвѣтилъ: «Теперь вѣкъ нѣмцевъ, дѣлать нечего, всѣ обасурманились, глядя на царя. Ну, да не наше дѣло объ этомъ говорить».

Церковь была построена, снабжена новою утварью и черезъ двѣ недѣли освящена. Тейльсъ, покончившій всѣ свои дѣла, уѣхалъ изъ Глубокаго. Но Зыбина не успокоилась.

Понадобилось ей зачѣмъ-то ѣхать въ Москву. На дорогѣ она столкнулась съ задними повозками, тянувшимися въ столицу съ Тейльсовой рухлядью, и воспользовалась случаемъ, чтобы хотя нѣсколько отомстить ненавистному нѣмцу. Набросившись на его людей, она называла ихъ слугами нехристя, а самого Тейльса—ихъ пастухомъ. Тейльсу донесли объ этомъ, и онъ отъ имени государя попросилъ правителя Москвы взять Зыбину подъ арестъ. Несчастная помѣщица была посажена въ острогъ. «Другихъ мѣстъ, — говоритъ по этому поводу разсказчикъ, — тогда для арестантовъ не было».

Между тѣмъ Тейльсъ поѣхалъ въ Петербургъ. Явившись къ царю, онъ сталъ разсказывать о перенесеніи церкви, о грамотѣ митрополита и т. д. Царь смѣялся; но, когда рѣчь зашла объ арестѣ Зыбиной, онъ нахмурилъ брови и крѣпче обыкновеннаго сжалъ въ рукахъ извѣстную дубинку. Впрочемъ, вскорѣ его лицо прояснилось, и онъ далъ Тейльсу право поступать съ Зыбиной какъ угодно. «Вѣроятно,—говорится въ «Запискахъ»,—государь, имѣя власть всегда все поправить, хотѣлъ испытать прадѣда и желалъ извлечь что нибудь полезное изъ положенія Зыбиной для примѣра другихъ подобныхъ ей, ибо Зыбина славилась въ своемъ околодкѣ слѣпою любовью къ старинѣ».

Когда Тейльсъ прибылъ въ Москву, къ нему явился посланный отъ Зыбиной, съ униженною мольбою «испросить у царя помилованіе ей, ибо ему только вѣдомо, за что̀ она содержится, другіе же не знаютъ, а по челобитьямъ ея нѣтъ никакого рѣшенія». Тейльсъ смилостивился и не только освободилъ Зыбину, но и прислалъ за нею карету, которая должна была привезти злосчастную плѣнницу въ его домъ. Но лишь только Зыбина отворила дверь и увидѣла своего недруга, какъ злоба ея вспыхнула съ новою силою, и она разразилась цѣлымъ потокомъ брани противъ «проклятаго басурмана».

«Стойко, — повѣствуетъ авторъ «Записокъ», — выдержалъ прадѣдъ первый залпъ и хладнокровно, въ антрактѣ бранныхъ словъ, готовыхъ снова на него излиться, сказалъ Зыбиной:—«За что сердишься, матушка? Не сама ли назвала меня пастухомъ, а какъ я зналъ, что ты баба злая, то и захотѣлъ проучить тебя и какъ скотинку злую продержалъ нѣсколько времени въ закутѣ; теперь же иди на чистую росу!» На прощанье Зыбина еще разъ наградила

Тейльса богатымъ запасомъ ругательствъ и, чтобы сорвать на комъ нибудь сердце, влѣпила, садясь въ карету, добрую пощечину поддерживавшему ее на подножкѣ гайдуку.

Съ тѣхъ поръ между Тейльсами и Зыбиной началась непримиримая вражда. Съ особенной силой прорвалась она уже послѣ смерти Антона Тейльса, при его малолѣтнихъ дѣтяхъ. Однажды, Зыбина завела какую-то ссору за лугъ, вооружила своихъ людей кольями и начала драку съ матюковскими мужиками, причемъ два человѣка были убиты на мѣстѣ. Возникло дѣло, и только смерть избавила не въ мѣру энергичную помѣщицу отъ законнаго возмездія.

Антонъ де-Тейльсъ былъ очень богатъ. За своею первою женою онъ взялъ въ приданое болѣе 2,000 душъ крестьянъ; но ему не удалось воспользоваться своимъ богатствомъ. Братъ его жены, графъ Чернышевъ, разстроилъ свое состояніе и просилъ помощи у зятя. Тейльсъ отвѣтилъ ему такъ: «Ты далъ за своей сестрою болѣе 2,000 душъ крестьянъ; записей не сдѣлано еще и по сію пору; возьми ихъ обратно и дѣлай съ ними что хочешь; поправятся твои дѣла, — возврати ихъ дѣтямъ моимъ!» Графъ Чернышевъ, по словамъ автора «Записокъ», и сдѣлалъ бы такъ, если бы вскорѣ не послѣдовала его смерть. Духовной онъ не оставилъ, а у Тейльсовъ не было никакихъ документовъ, которыми они могли бы доказать свои права на владѣніе. Дочь графа Чернышева, выходя замужъ, получила въ приданое какъ разъ тѣхъ крестьянъ, которые должны были принадлежать Тейльсу и его дѣтямъ, но и ей не удалось воспользоваться этимъ имѣніемъ: за долги ея мужа оно было отобрано въ казну. «Гробы Чернышевыхъ,—заключаетъ свой разсказъ авторъ,—видны еще и понынѣ при приходской церкви въ Апухтинской волости (Калужской губ.), и я ихъ видѣлъ въ своихъ прогулкахъ».

Антонъ де-Тейльсъ скончался въ Москвѣ, въ собственномъ домѣ, на Лубянкѣ.

«Записки» слѣдятъ за судьбою всѣхъ его сыновей. Изъ нихъ Антонъ Антоновичъ «отличался ученостью» и занималъ должность директора Московскаго университета. Игнатій Антоновичъ пользовался большимъ благоволеніемъ императрицы Екатерины II, которая ввѣрила ему особенный надзоръ за извѣстнымъ графомъ Бобринскимъ, воспитывавшимся въ кадетскомъ корпусѣ. Въ царствованіе Павла онъ управлялъ Тверскою губерніею, по какому-то оговору былъ заключенъ въ Гатчинскій замокъ, но потомъ освобожденъ и щедро награжденъ императоромъ, у котораго гнѣвъ нерѣдко смѣнялся милостью. Онъ умеръ въ 1811 году, въ городѣ Бѣлостокѣ, управляя Бѣлостоцкою и Тарнопольскою областями [1]). Иванъ Анто-

[1]) Извѣстный Н. И. Новиковъ, рекомендуя Игнатія Тейльса для принятія въ масонскій рыцарскій капитулъ, говорилъ, что «онъ человѣкъ, по всему за-

новичъ служилъ сначала по межевому департаменту, но потомъ, оставивъ службу, отправился за границу изучать медицину. Онъ принадлежалъ къ числу масоновъ и рѣшилъ посвятить свою жизнь на безкорыстное служеніе человѣчеству. По возвращеніи изъ-за границы онъ женился на богатой малороссіянкѣ, устроилъ на свои средства больницы (больницу?) и лѣчилъ тамъ безплатно бѣдныхъ.

Съ особеннымъ интересомъ и подробностями слѣдитъ авторъ «Записокъ» за судьбою своего роднаго дѣда, Андрея Антоновича. Въ свое время онъ, въ качествѣ прокурора Москвы, пользовался большою извѣстностью. «Служба дѣдушки, — говорится въ «Запискахъ»,—пріобрѣла лестное вниманіе генералъ-прокурора сената, князя Вяземскаго; его съ нимъ переписка ясно доказываетъ пріязнь, коею онъ пользовался и (которую) оправдалъ. Одинъ случай достаточенъ ко удостовѣренію. Онъ, какъ прокуроръ Москвы, защищалъ дѣло, касающееся до казны и градскаго общества. Во время начала его болѣзни, простуды ногъ, противники успѣли чрезъ происки дать невыгодное направленіе дѣлу. Купцы приходятъ умолять дѣда идти въ присутствіе на защиту; онъ отговаривается нездоровьемъ; они берутъ его за кресла и несутъ чрезъ улицы предъ судей. Одинъ таковой входъ его поразилъ судейское собраніе, но когда онъ заговорилъ, истина взяла верхъ, и дѣло было выиграно. На обратномъ пути его встрѣчали поклонами уваженія, и онъ невольно плакалъ отъ умиленія». Андрею Тейльсу, между прочимъ, поручено было составить опись книгамъ, продававшимся у Новикова. Ешевскій, говоря о томъ, что въ этой описи нѣтъ многихъ масонскихъ изданій, дѣлаетъ предположеніе, что «или они хранились въ особыхъ скрытыхъ мѣстахъ, или Тейльсъ не показалъ ихъ въ своей описи, будучи самъ масономъ или лицомъ близкимъ къ нимъ» [1]). Предположеніе вполнѣ основательное; ибо принадлежность къ масонскому ордену была фамильною особенностью Тейльсовъ; даже самого Антона Тейльса авторъ «Записокъ» называетъ масономъ, что̀, впрочемъ, весьма легко можетъ быть и анахронизмомъ, такъ какъ авторъ не обозначаетъ времени вступленія своего прадѣда въ орденъ.

Какъ извѣстно, наши масоны конца прошлаго столѣтія повсюду видѣли таинственное и чудесное. Послѣднее и въ жизни Андрея Антоновича играетъ немаловажную роль.

Ревматизмъ, причиненный московскому прокурору простудою, со временемъ усилился и не оставлялъ его до самой смерти; ноги у него свело, и его носили на рукахъ. «Но Господу,—говорится въ «Запискахъ»,—угодно было испытать новымъ крестомъ его терпѣніе:

служивающій наисправедливѣйшимъ образомъ эту честь». «Мы не знаемъ, — разсуждаетъ по этому поводу Ешевскій,—былъ ли онъ родственникомъ московскому прокурору Андрею Тейльсу?» (Ешевскій: Сочиненія, ч. 3-я, стр. 542). Изъ «Записокъ» обнаруживается, что они были родные братья.

[1]) Ешевскій: Сочиненія, ч. 3-я, стр. 556.

у него заболѣли глаза, и онъ долженъ былъ надѣть очки. На 60-мъ году, рисуя въ нихъ, онъ услышалъ гласъ: «скинь очки!» Три раза сіе повторялось; онъ снялъ ихъ и съ тѣхъ поръ до самой смерти оныхъ не употреблялъ».

«Записки» подробно останавливаются и на семейной жизни Андрея Антоновича.

Въ молодости онъ отличался живымъ и веселымъ характеромъ умѣлъ и любилъ со вкусомъ одѣться и былъ всегда желаннымъ человѣкомъ въ дамскомъ обществѣ. Его доброта вполнѣ гармонировала съ мягкимъ обращеніемъ. Онъ хорошо рисовалъ и въ большемъ количествѣ раздавалъ на память представительницамъ прекраснаго пола рисунки и вѣера своей работы. Этими качествами онъ привлекъ къ себѣ вниманіе княжны Волконской, къ которой и самъ, кажется, былъ неравнодушенъ, думали уже объ ихъ бракѣ, но княжнѣ не суждено было сдѣлаться женою Андрея Тейльса: онъ женился на Е. М. Страховой.

«Сватовство моей бабки, — повѣствуетъ авторъ «Записокъ», — началось довольно странно»: дядя Страховой, Поливановъ, попросту предложилъ Тейльсу на ней жениться. Невѣста, пятнадцатилѣтняя дѣвушка, сирота, извѣстна была своею красотою и обладала хорошимъ состояніемъ, и потому Тейльсъ не прочь былъ посмотрѣть на нее. Поливановъ доставилъ ему совершенно неожиданный случай. Однажды, онъ отправился съ своей племянницею кататься. День былъ холодный, и путешественники озябли. Подъ предлогомъ обогрѣть племянницу, Поливановъ завезъ ее въ квартиру Тейльса. Молоденькая дѣвушка, все время жившая въ деревнѣ, неособенно тонко различала свѣтскія приличія, но на этотъ разъ ея гордость была оскорблена, и она горько заплакала. «Это тронуло Андрея Антоновича; онъ употребилъ все стараніе успокоить ее и былъ столь счастливъ, что понравился ей самъ и получилъ ея согласіе вступить съ нимъ въ бракъ». Сестры Тейльса взяли на себя трудъ придать выросшей въ деревенской глуши дѣвушкѣ тотъ свѣтскій лоскъ, который былъ свойственъ всему ихъ семейству, и ученица оказалась весьма способной и воспріимчивой.

«Бабушка, моя, — говоритъ авторъ, — была большая хозяйка, и дѣдушка не вмѣшивался въ оное (sic); онъ зналъ своихъ оброчныхъ мужичковъ, съ коихъ сбирая съ тягла по пяти рублей, думалъ, что и сего очень достаточно. За то поселяне возблагодарили его память истиннымъ сокрушеніемъ». Когда Андрей Антоновичъ скончался (онъ дожилъ до 107 лѣтъ, что̀ «Записки» приписываютъ его во всѣхъ отношеніяхъ строго нравственной жизни, за которую онъ получилъ названіе «красной дѣвушки») и тѣло его везли въ село Глубокое, чтобы похоронить въ построенной имъ церкви, крестьяне за пять верстъ отъ села, безъ шапокъ, встрѣтили гробъ и поклонились ему до земли. Они сняли его съ дрогъ и понесли на ру-

кахъ. Послѣ панихиды они приступили къ сооруженію подъ амвономъ склепа; но этому хотѣла воспротивиться сосѣдняя помѣщица Сомова (дочь Зыбиной), въ которой старинная вражда къ Тейльсамъ была подогрѣта еще тѣмъ обстоятельствомъ, что Андрей Антоновичъ не позволилъ похоронить въ церкви ея сына-самоубійцу. Она отправилась къ мѣстному архіерею, но послѣдній, если бы и хотѣлъ, не могъ ничего сдѣлать. Крестьяне (всѣ они были каменьщики по ремеслу) заперлись въ церкви съ заготовленными матеріалами и заявили: «Андрей Антоновичъ еще при жизни своей, сидя вонъ тамъ въ креслахъ и смотря на нашу работу около храма Божія, завѣщалъ похоронить его подъ амвономъ, — такъ и будетъ его воля. Но ежели похотятъ намъ препятствовать, то чрезъ насъ пусть возьмутъ его тѣло; а до тѣхъ поръ не быть по-Зыбихину!»

Любимымъ сыномъ Андрея Антоновича былъ Дмитрій, отецъ автора «Записокъ». Своимъ живымъ и веселымъ характеромъ онъ напоминалъ отца. Онъ весьма рано началъ службу и состоялъ въ качествѣ адъютанта при генералѣ Иванѣ Александровичѣ Заборовскомъ. Послѣдній былъ связанъ тѣсною дружбою со всѣмъ семействомъ Тейльсовъ, въ частности весьма любилъ своего адъютанта и охотно прощалъ ему всѣ проказы, на которыя тотъ былъ весьма падокъ по живости своего темперамента. При этомъ постоянною заступницею Тейльса была жена Заборовскаго. Иногда въ торжественные дни, когда генералъ былъ занятъ пріемомъ, залъ его былъ полонъ гостей, а военная музыка ожидала приказаній на балконѣ, молодой адъютантъ, соскучившись, отправлялся къ музыкантамъ и отдавалъ имъ приказъ, отъ имени генерала, играть «барыню». Гости недоумѣвали, генералъ приходилъ въ гнѣвъ, а виновникъ тревоги бѣжалъ къ генеральшѣ, которая и прятала его отъ генеральскихъ глазъ до тѣхъ поръ, пока не остывалъ начальническій гнѣвъ.

При императорѣ Павлѣ Дмитрій Тейльсъ отправился съ полкомъ на границу Польши. Здѣсь онъ сблизился съ сыновьями князя Сибирскаго и генерала Турчанинова, и новые друзья сдѣлались участниками непріятной исторіи, которая могла окончиться для нихъ весьма дурно.

Нѣсколькимъ офицерамъ, а въ томъ числѣ и Тейльсу съ его пріятелями, вздумалось побывать за границею, въ домѣ у одного поляка, который владѣлъ приманкою, въ видѣ хорошенькихъ дочекъ. Офицеры переправились чрезъ рѣку и явились въ домъ. Сначала все шло благополучно, но потомъ поляки завели ссору, которая мало-по-малу приняла на столько серьёзный характеръ, что противники обнажили сабли. Малочисленные офицеры (ихъ было всего шесть человѣкъ) принуждены были отступать изъ комнаты въ комнату. Двое изъ нихъ пали, а третій былъ раненъ. Видя это, Тейльсъ закричалъ друзьямъ, чтобы они спасались въ окно и, если

это возможно, возвращались бы къ нему на помощь, захвативъ съ собою нѣсколько солдатъ. Самъ же онъ, чтобы дать друзьямъ время и возможность выпрыгнуть въ окно, сталъ въ дверяхъ съ саблею въ одной рукѣ и съ пистолетомъ въ другой. Когда Турчаниновъ и князь Сибирскій возвратились съ солдатами, нѣсколько поляковъ лежало уже на полу. Тейльсъ, храбро выдержавшій напоръ многочисленныхъ противниковъ, былъ выученъ изъ бѣды.

Началось по этому поводу разслѣдованіе. Оказалось, что чуть не всѣ офицеры полка косвенно участвовали въ этой исторіи. Очень хорошо зная, что дѣло не обойдется безъ сабельныхъ ударовъ, они, тѣмъ не менѣе, поощряли своихъ товарищей отправиться въ это рискованное путешествіе, съ спеціальною цѣлью доказать полякамъ отвагу и предпріимчивость русскаго офицера. На этой-то струнѣ національнаго самолюбія и разыгралась ссора. Пытались замять это дѣло, но полковникъ былъ неумолимъ, не смотря на настояніе и даже угрозы офицеровъ. Дали знать объ этомъ императору. Въ то время, когда фельдъегери готовились уже везти смѣльчаковъ въ Гатчину, Тейльсъ нанялъ тайно лихую тройку и покатилъ на родину, въ Тульскую губернію. Здѣсь онъ ни слова не сказалъ о непріятномъ приключеніи и заявилъ, что пріѣхалъ въ отпускъ.

Началась веселая жизнь: то Дмитрій Андреевичъ отправлялся къ кому нибудь изъ сосѣднихъ помѣщиковъ, то домъ Тейльсовъ наполнялся гостями. Среди веселья и танцовъ молодой офицеръ встрѣтился съ своею будущею женою, племянницей г-жи Щербачевой, влюбился въ нее, и скоро была назначена свадьба. Но тутъ возникъ серьёзный вопросъ: гдѣ совершать вѣнчаніе? Обѣ семьи считали себя одинаково важными (Щербачева была урожденная княжна Масальская), и нужно было найдти такой пунктъ, который находился бы въ равномъ разстояніи отъ ихъ имѣній. Послѣ глубокомысленныхъ соображеній выбрана была соборная церковь города Крапивны, но и на этой нейтральной почвѣ дѣло не обошлось безъ неудовольствія: мать жениха нѣсколько смущало то обстоятельство, что молодыхъ изъ церкви въ ихъ новое жилище проводила не сама Щербачева, а ея зять, князь Ухтомскій, младшій представитель дома. Впрочемъ, вскорѣ это легкое облачко изчезло съ семейнаго горизонта, уступивъ мѣсто самому неподдѣльному веселью. Старикъ Тейльсъ то и дѣло цѣловалъ молодыхъ и даже плакалъ отъ радости. Гости оживились. Вино всѣмъ развязало языки, и Дмитрій Андреевичъ рѣшился, наконецъ, открыть роковую тайну: онъ разсказалъ новобрачной полковую исторію... На другое утро молодая женщина, обливаясь слезами, сообщила своей свекрови печальную новость...

На этомъ неоконченномъ разсказѣ о непріятномъ приключеніи Дмитрія Андреевича и прерываются «Фамильныя записки дворян-

скаго дома гг. де-Тейльсъ». Такъ какъ тетрадь, содержащая въ себѣ «Записки», далеко не вся исписана, то нѣтъ основаній предполагать, чтобы окончаніе ихъ было потеряно; очевидно, авторъ, прервавъ свою работу на срединѣ, болѣе уже не возвращался къ ней. Неизвѣстно поэтому, какъ выпутался Дмитрій Андреевичъ изъ своего непріятнаго положенія, но есть основанія думать, что исторія не имѣла для него серьезныхъ послѣдствій, ибо, начиная разсказывать о ней, авторъ говоритъ, что отецъ его «чуть было не погибъ, если бы счастливый случай не спасъ его отъ гнѣва Павла I».

С. Петровскій.

СУВОРОВЪ ВЪ СЕЛѢ КОНЧАНСКОМЪ.

(Изъ разсказовъ мѣстнаго старожила).

АЗВАНІЕ Кончанскаго происходитъ отъ слова конецъ. Поколѣніе кореляковъ съ сѣверной стороны села Кончанска, разселившееся по деревнямъ, здѣсь, въ селѣ Кончанскомъ, пресѣкается или кончается, и отъ села Кончанска на югъ, востокъ и западъ кореляковъ далеко не слышно. Любознательный проѣзжающій изъ уѣзднаго города Боровичъ на пристань Сомину [1]), увидѣвъ село Кончанское, непремѣнно остановитъ на немъ свое вниманіе. Здѣсь къ большой деревнѣ съ сѣверо-запада примыкаетъ усадьба князя Суворова, далѣе, къ западу, видна старинная березовая роща, симметрически расположенная, и въ концѣ ея къ западу же церковь во имя святителя и чудотворца Николая. Церковь эта деревянная, построена еще генералиссимусомъ Александромъ Васильевичемъ. Потомками его она подновляется, но не измѣнила своего основанія и мѣстоположенія, избраннаго свѣтлѣйшимъ. Мѣстный образъ здѣшней церкви святителя и чудотворца Николая старинными обывателями называется чудотворнымъ, вѣроятно, потому болѣе, что этому образу усердно, а иногда и уединенно молился свѣтлѣйшій Александръ Васильевичъ, который оставилъ по себѣ незабвенную память, и разсказы о немъ въ селѣ Кончанскомъ и понынѣ еще свѣжи, какъ о чудотворцѣ. Напримѣръ, въ Кончанскомъ говорятъ, что Александръ Васильевичъ предсказывалъ, что

---

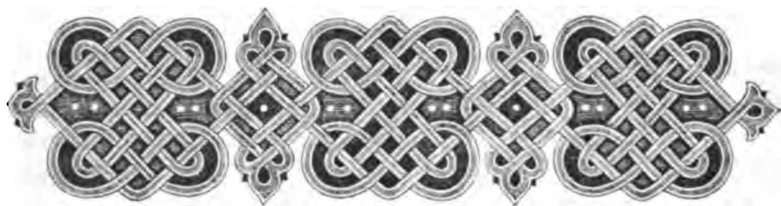
[1]) Новгородской губерніи, Тихвинскаго уѣзда.

настанетъ время, когда отъ Москвы до Петербурга будутъ три дороги: одна деревянная, другая каменная, а третья желѣзная. Но придетъ и то время, что по этимъ дорогамъ ѣздить не будутъ, и онѣ запустѣютъ. Деревянную мостовую дорогу отъ Москвы до Петербурга уже изъѣздили и забросили, каменное шоссе пустѣетъ, а по желѣзной Николаевской дорогѣ ѣздятъ постоянно. Слѣдовательно до того времени, когда должна запустѣть, по предсказанію Суворова, и третья—желѣзная дорога—мы еще не дожили, и сбудется ли третья часть предсказанія Суворова, мы не знаемъ. Не узнаютъ ли этого наши потомки, когда воздухоплаваніе дойдетъ до совершенства. Если такъ, то пусть они попомнятъ и подтвердятъ вѣрныя и чудныя предсказанія генералиссимуса Суворова. Еще разсказываютъ про этого чуднаго человѣка, что онъ зналъ какую-то небесную службу, и разъясняютъ это такъ. У Александра Васильевича былъ слуга Прохоръ, безъ котораго господинъ никуда не ходилъ и не ѣздилъ. Случалось такъ, что князь, идя по дорогѣ, за важнымъ какимъ нибудь дѣломъ, останавливался на дорогѣ и тутъ же, глядя на небо, усердно молился Богу. Когда Прохоръ, соскучившись смотрѣть на молящагося князя и зная, что князю дорого время, рѣшался напомнить молящемуся о цѣнности времени, то князь продолжалъ молиться, а, окончивъ молитву, говорилъ Прохору: вотъ теперь полно молиться, и служба небесная кончилась. Иногда Прохору случалось видѣть своего господина горько плачущимъ, и когда первый осмѣливался спросить о причинѣ слезъ послѣдняго, то онъ отвѣчалъ: «Мнѣ жалко — напрасно гибнетъ наше русское войско». Прохоръ, слыша мудреныя изрѣченія господина своего, передавалъ объ этомъ другимъ, какъ о доказательствѣ непонятной его проницательности. Въ Кончанскомъ еще живутъ разсказы о томъ, какъ молился Александръ Васильевичъ Богу въ церкви, при народѣ. Онъ любилъ, чтобы у него служилъ въ церкви священникъ, непремѣнно старичекъ. Самъ князь приходилъ къ службѣ церковной едва ли не прежде всѣхъ. Одежду носилъ князь—короткій сюртюкъ и штаны. Въ церкви становился на клиросѣ и дьячку всегда помогалъ пѣть. Читать на клиросѣ вмѣсто дьячка было любимымъ дѣломъ Суворова. Читалъ онъ, какъ говорятъ, рѣзко, не торопясь. Голосъ у него былъ сипловатый и для слуха не очень пріятный, а между тѣмъ онъ любилъ читать очень громко. Иногда во время церковной службы князь оставлялъ клиросъ и становился среди церкви у самаго амвона. Крестное знаменіе изображалъ на себѣ генералиссимусъ твердо и неспѣшно, ударяя тремя перстами руки своей прежде въ лобъ, потомъ въ грудь, далѣе въ правое и лѣвое плечо. Наклонялся головою непремѣнно до пола, ударяя лбомъ въ оный, не пригибая колѣнъ, а просто стоя на ногахъ. Наклонившись къ полу, иногда имѣлъ обыкновеніе глядѣть на молящихся позади себя, смотря на нихъ между расширенныхъ, для

удобнаго поклона, ногъ своихъ, и если замѣчалъ кого либо смѣющимся надъ нимъ самимъ, то послѣ службы церковной такимъ дѣлалъ замѣчаніе, приказывая смотрѣть въ церкви на образъ святителя и чудотворца Николая, а не на своего барина. Въ 1840 году, въ Сопинскомъ погостѣ, въ приходѣ котораго состоитъ село Кончанское, жилъ дьячекъ, который имѣлъ обыкновеніе пѣть херувимскую пѣснь особеннымъ напѣвомъ, похожимъ на придворный, но съ нѣкоторыми не очень пріятными для слуха варіаціями. Когда его спрашивали сторонніе, откуда онъ заимствовалъ такой напѣвъ, онъ отвѣчалъ, что эта херувимская пѣснь—Суворовскаго напѣва, и ни за что не соглашался замѣнить этотъ напѣвъ другимъ. Со смертію этого дьячка, и церковныхъ пѣсней Суворовскаго напѣва въ Сопинскомъ погостѣ не осталось. Въ лѣтнее время князь имѣлъ обыкновеніе ходить въ одной полотняной рубашкѣ и такихъ же штанахъ, а иногда даже въ однихъ послѣднихъ, и старухи говорятъ, что онѣ слыхали отъ своихъ бабушекъ и матерей, что тѣ сами видали князя ходящаго по полямъ просто въ однихъ штанахъ, и что тѣло генералиссимуса было загорѣлое и нисколько не нѣжное, совсѣмъ не такое, какъ у изнѣженныхъ господъ. Въ рукахъ князь носилъ всегда суковатую чорную палку. За нимъ постоянно слѣдовалъ Прохоръ. Однажды Прохоръ, идя позади своего господина, вздумалъ копировать его походку и началъ выдѣлывать разныя штуки руками, искусно кривляясь, въ полной увѣренности, что господинъ его этого не замѣчаетъ. Но Суворовъ, оборотясь къ Прохору, сказалъ ему: «Гумъ, гумъ, гумъ! Прошинька»! Вотъ и все наказаніе, сдѣланное господиномъ провинившемуся слугѣ! Въ большихъ экипажахъ Суворовъ ѣздить не любилъ, но всегда ѣздилъ лѣтомъ въ простой телѣгѣ, а зимою въ простыхъ ямскихъ саняхъ, и чаще на одной лошади. На его экипажѣ, впрочемъ, всегда былъ какой-то коробъ, вѣроятно, въ видѣ кибитки, потому что донынѣ говорятъ про Прохора слугу Суворова, что онъ не любилъ сворачивать съ дороги при встрѣчѣ съ проѣзжающими или при объѣздѣ попутныхъ и всегда кричалъ имъ: «Вороти! тебѣ неравенъ въ коробу сидитъ!» Въ 24-хъ верстахъ отъ Кончанска, близъ села Миголощи, въ часовнѣ похороненъ пустынникъ Маркъ. О немъ въ одномъ изъ духовныхъ журналовъ была напечатана статья. Къ пустыннику Марку пріѣзжалъ и генералиссимусъ. Слухъ о пріѣздѣ Суворова къ пустыннику Марку дошелъ до жителей села Миголощи ранѣе за нѣсколько дней до пріѣзда. Съ большимъ любопытствомъ всѣ ждали этого пріѣзда. Но свѣтлѣйшій пріѣхалъ къ пустыннику такъ, что этого и не замѣтили. Генералиссимусъ съ Прохоромъ пріѣхалъ въ село Миголощи въ простой ямской телѣгѣ, на одной лошади, и остановился у крестьянской избы. Самъ князь сходилъ къ священнику и пригласилъ послѣдняго въ часовню къ пустыннику Марку, чтобы отслужить панихиду на могилѣ погребеннаго.

Возвратившись изъ часовни, князь сѣлъ на свою телѣжку и поѣхалъ обратно. Самъ священникъ встрѣтилъ и проводилъ свѣтлѣйшаго, какъ простаго дворянина. Но плата, данная за служеніе панихиды, заставила священника разузнать, кто былъ столь щедро заплатившій. Впослѣдствіи разузнали, что это былъ дѣйствительно свѣтлѣйшій князь генералиссимусъ Александръ Васильевичъ Суворовъ. Еще про одинъ случай и нынѣ передаютъ со всѣми подробностями, какъ свѣтлѣйшій пріѣхалъ къ одному господину церемоніально, и разсказываютъ объ этомъ такъ. Одинъ богатый, но невысокаго чина господинъ въ огромномъ экипажѣ пріѣхалъ къ генералиссимусу на восьми лошадяхъ и просилъ свѣтлѣйшаго посѣтить и его. Свѣтлѣйшій зналъ, что господинъ тотъ къ пріѣзду Суворова созоветъ всю мѣстную аристократію, поэтому къ поручику, пріѣхавшему къ генералиссимусу на восьми лошадяхъ, самъ генералиссимусъ пріѣхалъ на восьмидесяти лошадяхъ; всѣ восемьдесятъ лошадей Суворовъ приказалъ запрячь по одной въ рядъ и такимъ церемоніаломъ ѣхалъ шесть верстъ. Когда первая лошадь изъ запряженныхъ въ экипажъ для Суворова была уже у подъѣзда дома, куда и вся публика вышла встрѣтить свѣтлѣйшаго, самъ онъ былъ еще чуть не на цѣлую версту отъ подъѣзда. Сидѣвшій верхомъ на первой лошади, соскочивъ съ лошади, началъ кружить лошадей въ клубокъ, и такимъ образомъ черезъ полчаса и самъ свѣтлѣйшій прибылъ къ давно ожидавшей его публикѣ. Обратно генералиссимуссъ поѣхалъ, по обыкновенію, на одной лошадкѣ.

Иванъ Можайскій.



РАЗСКАЗЫ ОБЪ ИМПЕРАТОРѢ НИКОЛАѢ ПАВЛОВИЧѢ.

АЗСКАЗЪ о томъ, какъ императоръ Николай Павловичъ провожалъ однажды гробъ съ тѣломъ бѣдняка-чиновника, былъ напечатанъ не разъ, но всѣ редакціи этого разсказа неточны. Такъ какъ мнѣ привелось быть свидѣтелемъ этого случая, то я передамъ его здѣсь въ томъ видѣ, какъ онъ былъ въ дѣйствительности.

По Исаакіевской площади, со стороны Гороховой улицы, двѣ похоронныя клячи влачили траурныя дроги съ бѣднымъ гробомъ; на гробу чиновничья шпага и статская треуголка, а за гробомъ слѣдовала бѣдно одѣтая старушка, нѣчто въ родѣ кухарки, а, можетъ быть, и спутница жизни усопшаго. Дроги приближались уже къ памятнику Петра I. Въ это время навстрѣчу, со стороны сената, показался экипажъ императора Николая Павловича. Государь остановился, вышелъ изъ экипажа и, повернувъ назадъ, пѣшкомъ послѣдовалъ за гробомъ чиновника, по направленію къ теперешнему Николаевскому мосту.

Пока гробъ въѣхалъ на мостъ, провожающихъ набралось много всякаго званія, преимущественно изъ высшаго сословія. Государь оглянулся и сказалъ провожавшимъ:

— Господа, мнѣ некогда, я долженъ уѣхать. Надѣюсь, что вы проводите до могилы.

Повернулся—и уѣхалъ. Гробъ везли на Смоленское кладбище.

Начавъ съ поправки уже извѣстнаго разсказа, разскажу коечто и новое, сохранившееся въ моей памяти, а помню я немало,

ибо состоялъ на гражданской службѣ съ 1823 года и видѣлъ и слышалъ много такого, что забылось другими или вмѣстѣ съ ними умерло. Сначала припомню нѣсколько мелочей, а въ заключеніе приведу цѣлый разсказъ о любопытной веденной мною тяжбѣ, разрѣшенной при содѣйствіи императора Николая Павловича.

Извѣстно, что, пользуясь добротою Александра Павловича, многіе выпрашивали у него усыновленіе своихъ дѣтей, не отъ брака происходящихъ. Съ подобною просьбой кто-то попробовалъ обратиться и къ Николаю Павловичу въ первое время его царствованія. Но послѣдовалъ собственноручный отказъ: «Беззаконнаго не могу сдѣлать законнымъ». Сенатъ въ своихъ указахъ 1825 года распубликовалъ это рѣшеніе, и усыновленія прекратились.

Въ саняхъ Николай Павловичъ ѣздилъ быстро, всегда въ одноконку, на превосходномъ конѣ. Случилось, что во время такого его проѣзда по Невскому перебѣгалъ дорогу какой-то человѣкъ и, не смотря на предостерегающій окликъ кучера, чуть-чуть не былъ ушибленъ. Государь схватилъ кучера за плечи и едва предупредилъ ударъ. Пробѣгавшій оглянулся. Государь погрозилъ ему, подзывая въ то же время рукой къ себѣ. Но пробѣгавшій, отрицательно махнувъ рукой, направился дальше. Встрѣтивъ у своего подъѣзда оберъ-полицеймейстера Кокошкина, государь спросилъ:

— Ты ужъ, конечно, знаешь?

— Знаю, ваше величество.

— Кто онъ?

— Не говоритъ: объясню де только самому государю.

Немедленно дерзкаго доставили во дворецъ. Государь спросилъ:

— Это ты такъ неосторожно сунулся подъ лошадь мою? Ты знаешь меня?

— Знаю.

— Видѣлъ, что я тебя звалъ рукою?

— Видѣлъ, ваше императорское величество.

— Какъ же ты осмѣлился не послушаться своего государя?

— Виноватъ, ваше императорское величество... некогда было: у меня жена въ трудныхъ родахъ мучилась, и я бѣжалъ къ бабкѣ.

— А!.. это причина уважительная. Правъ. Ступай за мною!

И государь повелъ его во внутренніе покои Аничкова дворца къ императрицѣ.

— Рекомендую тебѣ примѣрнаго мужа, — сказалъ государь: — который, для оказанія скорѣйшей медицинской помощи своей женѣ въ ея трудномъ положеніи, ослушался призыва государя. Примѣрный мужъ.

Оказалось, что ослушникъ былъ бѣдный чиновникъ, одинъ изъ тѣхъ, для которыхъ жареная къ Рождеству индѣйка составляетъ большую роскошь, лакомство. Безъ сомнѣнія, что этотъ случай былъ началомъ счастія для новорожденнаго и всей его семьи.

Петербургское населеніе чрезвычайно любило государя не только какъ императора, но и какъ красавца и «молодца».

Въ тридцатыхъ годахъ, во время одного изъ весеннихъ военно-парадныхъ разводовъ, на зимне-дворцовой площадкѣ, у малаго императорскаго подъѣзда, — разводовъ, на которыхъ присутствовали и многіе иностранные послы,—собралось много народу. Съ окончаніемъ развода вся масса зрителей разсыпалась въ разныя стороны, по домамъ. Мнѣ пришлось ѣхать на рѣчномъ яликѣ, отъ Дворцовой набережной прямо къ Мытному перевозу. Яликъ былъ полонъ; между прочими сидѣла купеческая личность, изъ рода тѣхъ, про которыхъ среди людей торговыхъ сложилась поговорка, что «знаютъ, молъ, Ѳому и въ рогожномъ ряду». Такой Ѳома (кажется, Гиляровъ) въ мое время (въ 30—40-хъ годахъ) дѣйствительно существовалъ. Плохонько одѣтый, дѣйствительно торговавшій на пристани подъ Невскимъ рогожами, онъ всегда носилъ на груди, подъ платьемъ, рядомъ съ мѣднымъ крестикомъ, кожаную копилку, въ которой береглись билетики, рубликовъ на полмилліончикъ, а, можетъ быть, и болѣе—кто его знаетъ.

Вотъ въ родѣ такого Гилярова, въ яликѣ переѣзжалъ со мною отъ дворца къ Мытному перевозу весьма почтенный купчина. Онъ сидѣлъ молча, упершись лбомъ въ обѣ свои мощныя ладони, молчалъ до половины пути и, когда яликъ поровнялся уже съ биржевой стрѣлкой, онъ вдругъ, какъ бы очнувшись, проговорилъ:

— И какой это нашъ батюшка-царь русскій молодчина! Вокругъ него иностранцы-то эти, посланники, больно неказисты. А нашъ-то батюшка промежъ ихъ соколъ-соколомъ.

Надо сказать, что тогдашній австрійскій посолъ былъ дѣйствительно неказистый старикашка, вдобавокъ одѣвавшійся въ какой-то сѣрый капотъ.

Припоминается мнѣ и еще примѣръ любви къ императору Николаю. На этотъ разъ дѣйствуетъ не купецъ, а крестьянинъ. На томъ мѣстѣ, у Знаменья, гдѣ теперь громадный домъ Знаменской гостинницы, какъ разъ противъ вокзала Николаевской желѣзной дороги, въ 30-хъ годахъ стоялъ двухъ-этажный домикъ бергъ-гешворена Гребенкина. Вверху была аптека, съ разноцвѣтными (по обычаю) шарами, а низъ занимался веселымъ и народному сердцу милымъ капернаумомъ, попросту, кабакомъ. Тутъ, подгулявъ почти до положенія ризъ, одинъ изъ меньшей братіи,

кажется, Иванъ Петровъ, какъ водится въ подобныхъ случаяхъ, сквернословилъ до такого безобразія, что и привычное ухо цѣловальника не могло вынести. Цѣловальникъ, желая унять расходившагося Ивана Петрова, указалъ на царскій бюстъ:

— Перестань сквернословить, хоть бы ради лика государева.

Но ошалѣлый Иванъ Петровъ спотыкающимся языкомъ отвѣтилъ:

— А что мнѣ твой ликъ, я плюю на него!—повалился и тутъ же захрапѣлъ. Но очнулся онъ уже въ кутузкѣ Рождественской части. Оберъ-полицеймейстеръ Кокошкинъ, при утреннемъ рапортѣ государю, подалъ объ этомъ случаѣ записку, объяснивъ тутъ же и опредѣляемое закономъ наказаніе за такую вину.

Николай Павловичъ улыбнулся и написалъ на запискѣ: «Объявить Ивану Петрову, что и я на него плюю, и отпустить».

Когда Ивану Петрову объявили объ этомъ и отпустили изъ-подъ ареста, онъ затосковалъ и почти помѣшался, повторяя: «Какъ! государь-батюшка наплевалъ на меня! Куда жъ я теперь гожусь!?» Потомъ онъ запилъ, да такъ и сгинулъ.

Въ февралѣ 1855 года, квартировалъ я съ женою въ гостинницѣ Клея, по Михайловской улицѣ, противъ дома Дворянскаго собранія, гдѣ теперь гостинница Европейская. Тогда домъ этотъ огрѣвался обыкновенными печами. Дрова носили особые истопники. Народъ этотъ былъ все крупный, въ родѣ крючниковъ, или ломовыхъ извозчиковъ. Они поднимали на верхній этажъ такія вязанки дровъ, что иная плохая лошаденка и на санишкахъ не увезетъ.

Мы съ женой еще не вставали и вотъ слышимъ, что въ нашу залу (номеръ былъ изъ трехъ комнатъ) кто-то вошелъ тяжелыми шагами, да какъ грохнетъ вязанкой дровъ: двери и окна задрожали. За этимъ послѣдовалъ грустный, глубочайшій вздохъ, да такой сильный, что и геркулесъ позавидовалъ бы. Я вскочилъ и на стукъ и на вздохъ и, подойдя къ атлету, сказалъ:

— Что это ты, братецъ, грохнулъ?—перепугалъ насъ!

— Ахъ, баринъ... Бѣда случилась. Пропали мы теперь. Этакое несчастіе приключилось! Вѣдь нашего батюшки-государя не стало!

И богатырь заплакалъ. Слезы льются градомъ, грудь подымается высоко, руки опустились.

Чрезъ мгновеніе онъ оправился.

— Хозяинъ былъ!—съ чувствомъ произнесъ онъ, махнулъ рукой и сталъ класть въ печь дрова.

Теперь перехожу къ той тяжбѣ, которая хорошо характеризуетъ и тогдашнее время, и самого государя.

Состоя на службѣ въ Петербургѣ, я въ то же время занимался адвокатурой или, по прежнему, ходатайствовалъ по чужихъ дѣламъ, притомъ довольно успѣшно, даже счастливо. Хотя и въ то время были знаменитости-ходатаи, въ родѣ Лерхе — у Краснаго моста, Сутгофа—на Васильевскомъ острову, Бильбасова—у Владимірской, Васильева—близъ Знаменья, но и на мою долю, тогда очень маленькаго чиновника министерства внутреннихъ дѣлъ, выпадали не легкія дѣлишки, всегда скоро и счастливо кончавшіяся. Въ числѣ ихъ, одно дѣло попалось такое, которое по справедливости могло быть рѣшено только волею государя. Сенатомъ оно было рѣшено не въ пользу правой стороны. Когда дѣло обратилось ко мнѣ, сенатскому рѣшенію уже прошла десятилѣтняя давность. Словомъ, на возобновленіе дѣла судебнымъ порядкомъ права были потеряны навсегда. Но по совѣсти дѣло было правое. Суть его состояла въ слѣдующемъ.

На винокуренный заводъ богатыхъ князей Ш. у небогатаго сосѣда Даниловича забирали хлѣбъ и разсчитывались не всегда наличными деньгами, а векселями, конечно, срочными. Но и на сроки не уплачивалось, а перемѣнялись лишь векселя, съ прибавкою новаго забора хлѣбами. Векселя выдавали главноуправляющіе княжескихъ имѣній. Долга накопилось 18,000 рублей. Когда жена Даниловича овдовѣла, оставшись съ двумя малолѣтними дѣтьми (сынъ и дочь), которыхъ пора было учить, а средства оскудѣли, она стала домогаться уплаты. Князья все откладывали; дѣло дошло до сената, который предоставилъ вдовѣ Даниловичъ взыскивать не съ князей, а съ управляющихъ княжескимъ имѣніемъ, потому что въ ихъ довѣренности имъ не было предоставлено право кредитоваться.

По формѣ и по буквѣ закона такъ, но по совѣсти несправедливо, ибо и старый князь признавалъ долгъ, и просилъ лишь подождать. «Подождите, да подождите»,— пока, наконецъ, старый князь умеръ, а наслѣдники, его дѣти: сынъ конногвардейскій ротмистръ, да двѣ дочери: княгиня Б. и княгиня же Г., стали откладывать уплату до утвержденія ихъ правъ на наслѣдство. Получивъ же это право, долга не признали.

Казалось, все потеряно. Но Богъ милосердъ. Въ княжеской вотчинной конторѣ нашлась бумага, подписанная старымъ княземъ. Въ той бумагѣ сказано, что долгъ справедливъ, и потому предписывалось уплатить вдовѣ Даниловичъ сполна.

Въ такомъ положеніи дѣло сиротъ Даниловичей поступило ко мнѣ. Я началъ съ того, что, не компрометируя молодыхъ—князя и княгинь, сталъ добиваться разсчета полюбовно. Вдова Даниловича соглашалась помириться на 5 тысячахъ ассигнаціями. Съ такимъ предложеніемъ я и отправился къ князю, въ его тогдашній барскій домъ у Краснаго моста. Былъ принятъ довольно спѣсиво,

а когда онъ узналъ цѣль моего посѣщенія, то его спѣсь перешла въ тонъ еще худшій. Я далъ ему почувствовать, что послѣ сенатскаго рѣшенія нашлась бумага за подписью его отца,—бумага, подтверждающая правильность долга и обязывающая наслѣдниковъ уплатить тотъ долгъ. Это еще болѣе разгнѣвило князя, и я, почти выгнанный, вышелъ отъ него, прося не забыть, что я, не вчиняя иска, приходилъ съ вѣткою мира.

Узнавъ о такомъ результатѣ, бѣдная вдова горько заплакала. Возобновить правильный процессъ, по случаю вновь открытаго документа, было и трудно, да и волокиты и расходы предстояли бы немалые.

Рѣшились мы тогда просить личной защиты государя Николая Павловича, чрезъ посредство шефа жандармовъ, князя А. Ѳ. Орлова. Было найдено, что Ш. по «совѣсти» не правы, а потому государь повелѣлъ: «разобрать дѣло дворянамъ Смоленской губерніи, откуда происходили тяжущіеся, и рѣшить по совѣсти».

Дворянство всей губерніи единогласно рѣшило, что князья Ш. «по совѣсти виноваты, и долгъ Даниловичу уплатить обязаны весь, съ процентами со дня займа по день уплаты». Рѣшеніе это удостоилось высочайшаго одобренія и исполнилось чрезъ посредство министра юстиціи В. Н. Панина. Петербургская управа благочинія, которой пришлось исполнять сказанное рѣшеніе, насчитала много процентовъ на проценты, такъ что сумма всего долга вышла болѣе с т а с о р о к а т ы с я ч ъ р у б л е й с е р е б р о м ъ, вмѣсто пяти, просимыхъ по полюбовному окончанію.

Одиннадцать только мѣсяцевъ прошло со времени отвергнутой полюбовной сдѣлки, и вдова получила, вмѣсто 5 тысячъ ассигнаціями, 70,000 рублей серебромъ. О другой половинѣ насчитаннаго долга отвѣтчики выдумали какой-то споръ, и вдова уступила ее... при слѣдующихъ нелишенныхъ интереса обстоятельствахъ.

Опасаясь мщенія сильныхъ соперниковъ, я условился съ госпожею Даниловичъ, чтобы всѣ бумаги и объясненія подавались лично отъ нея и ею самою, а обо мнѣ, какъ руководителѣ, не упоминала бы. Любопытствующимъ же говорили, что послѣ предложенія мировой сдѣлки я устранился. Такая роль выдерживалась ею до окончательнаго рѣшенія дѣла и даже до полученія первой половины насчитанной уплаты, но во время взысканія вторыхъ 70-ти тысячъ меня открыли и чрезъ меня пригласили мою довѣрительницу прекратить дальнѣйшее взысканіе. Приглашеніе хотя сдѣлано было очень вѣжливо, но со стороны такого лица, что я очень струсилъ.

Вотъ какъ это было.

Въ одно прекрасное утро позвонили въ мою квартиру. Слышу голосъ:

— Здѣсь живетъ господинъ К.?

Отвѣтили, что здѣсь.

— Можно видѣть?

— Да, пожалуйте.

Входитъ изящный молодой человѣкъ съ камергерской пуговицей на таліи.

— Вы такой-то?

— Я.

— Василій Васильевичъ проситъ сказать, когда онъ можетъ застать васъ? Ему нужно переговорить о дѣлѣ.

— А кто это—Василій Васильевичъ?—спрашиваю я.

— Князь Долгорукій. Живетъ на Дворцовой набережной, въ своемъ домѣ.

Ого!—подумалъ я, а сердце такъ и ёкнуло;—вѣдь, по его протекціи, мой главный начальникъ, министръ Левъ Алексѣевичъ Перовскій, назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

— Помилуйте,—поспѣшилъ я отвѣтить:—скажите, когда я могу явиться къ нему, готовъ хоть сейчасъ отправиться.

— Хорошо, я такъ и доложу.

Съ этимъ джентльменъ и вышелъ. Изъ окна я видѣлъ, что онъ пріѣзжалъ въ придворномъ экипажѣ. Князь В. В. Долгорукій, занимая высокій постъ, постоянно ѣздилъ въ придворномъ экипажѣ, въ немъ прикатилъ ко мнѣ и его посланный. Я сейчасъ же собрался. Когда я пріѣхалъ, княжескій швейцаръ съ обычною холопскою важностью неторопливо осмотрѣлъ меня и сказалъ, что князь сейчасъ будетъ завтракать: пріѣзжайте послѣ. Но когда я объяснилъ, что за мною прислали и назначенъ мой пріѣздъ теперь же, тогда тучная фигура измѣнила свою важность, растворила дверь и, сказавъ: «пожалуйте», позвонила. На звонъ выскочили двѣ ливрейныя души: одна изъ нихъ пошла докладывать, а другая осталась при входныхъ дверяхъ. Передо мною открылась цѣлая амфилада комнатъ, и изъ самой дальней появилась очень благообразная, величественная фигура князя Долгорукаго, который, приблизясь ко мнѣ, довольно ласково произнесъ:

— А, такъ это ты, братъ, скрутилъ такъ князей Ш.? Молодецъ! Когда у меня будутъ какія дѣлишки, возьму тебя. Молодецъ! Тебя, братъ, непремѣнно тебя.

Я, очутясь въ крайне неловкомъ положеніи, началъ было что-то говорить, но онъ, не слушая меня, опять спросилъ:

— Служишь у Льва Алексѣевича? Онъ, братъ, мнѣ хорошій пріятель... Однако, вотъ что, братъ: вѣдь это ужъ чортъ знаетъ, что такое! За 18,000 ассигнаціями да 140,000 серебромъ! 70,000 взяли и еще взыскиваютъ столько же!

Я прикинулся ничего незнающимъ о такомъ положеніи дѣла, но не отрицалъ своего знакомства съ госпожею Даниловичъ, такъ какъ она была родная сестра моего сослуживца Д. М. Калугина

(прежде моряка, а потомъ служившаго по одному со мною министерству). Когда я спросилъ, чѣмъ же я могу служить князю, онъ отвѣтилъ:

— На этотъ разъ не мнѣ, а вотъ Ш., чтобы не взыскивать съ нихъ другихъ 70,000. Да они сами здѣсь. Пойдемте въ столовую, кстати закусимъ.

Въ столовой оказались: княгиня Г., урожденная Ш., и конногвардейскій ротмистръ, спѣсивенькій князь Ш., тотъ самый, который, одиннадцать только мѣсяцевъ назадъ, грубо спровадилъ меня, не принявъ мирнаго и очень дешеваго предложенія моего. Но князьку пришлось опускать свои глазки, когда я припоминалъ мой визитъ къ нему по сказанному дѣлу.

Когда князь Василій Васильевичъ объяснилъ желаніе Ш., чтобы госпожа Даниловичъ не взыскивала другихъ 70,000, то я обѣщалъ побывать у нея и объясниться. Съ этимъ и уѣхалъ отъ кн. Долгорукаго. Въ тотъ же день моя кліентка, по совѣщанію съ ея братомъ, рѣшила прекратить дальнѣйшій искъ. Написано было прошеніе въ управу благочинія отъ госпожи Даниловичъ, что она отъ наслѣдниковъ князя Ш. удовлетвореніе получила и болѣе ей ничего уже не слѣдуетъ. Подпись засвидѣтельствовали оффиціальнымъ порядкомъ, и на утро другаго дня я отвезъ эту просьбу въ домъ князя Долгорукаго, гдѣ засталъ уже князя Ш. Вмѣстѣ прочитали, и они остались довольны. А я, кромѣ удовольствія, счелъ себя еще счастливымъ, потому что мой успѣхъ въ этомъ дѣлѣ сошелъ благополучно, зная всю опасность для берущагося вести подобные процессы, по печальному опыту съ адвокатомъ Лерхе, который за успѣшное взысканіе съ какого-то сильнаго человѣка долга по заемному письму попалъ въ Петропавловскую крѣпость. Объ этомъ и подобныхъ случаяхъ какъ нибудь разскажу, собравшись съ мыслями и памятью.

Сказанное дѣло Ш. со вдовой Даниловичъ не праздный вымыселъ, а дѣйствительность, подтверждаемая оффиціальнымъ дѣлопроизводствомъ, долженствующимъ храниться въ архивахъ смоленскаго дворянскаго собранія и петербургской управы благочинія.

Л. И. Кингъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Н. Кондаковъ. Византійскія церкви и памятники Константинополя. Одесса. 1886.

РОФЕССОРЪ Новороссійскаго университета Н. П. Кондаковъ — одинъ изъ немногихъ во всей Европѣ серьёзныхъ спеціалистовъ по христіанской археологіи и особенно по исторіи византійскаго искусства, огромная важность котораго для всемірной исторіи теперь признана единогласно; онъ — одинъ изъ еще меньшаго числа знатоковъ Византіи, которые отдаются изученію ея безъ предубѣжденія и задней мысли, а только съ единственною цѣлію добыть объективную истину, съ солидной подготовкой и строго научными пріемами. Подготовка и пріемы г. Кондакова не оставляютъ желать ничего лучшаго; онъ—ученикъ Ѳ. И. Буслаева, для котораго искусство, по самому роду его высокополезныхъ трудовъ и замѣчательной, для нашего времени, феноменальной широтѣ его ученаго кругозора, никогда не было спеціальностью a parte, а одною изъ сторонъ національной и міровой жизни; подъ его руководствомъ г. Кондаковъ выступилъ въ первый разъ съ спеціальными работами въ изданіяхъ безвременно погибшаго Общества любителей древнехристіанскаго искусства. Магистерская диссертація г. Кондакова [1]) показываетъ, что онъ долго и усердно занимался искусствомъ греческимъ, которое все еще остается и надолго (если не навсегда) останется лучшей школой для всякаго хорошаго археолога и историка искусства. Его появившаяся 10 лѣтъ назадъ

---

[1]) Памятникъ Гарпій изъ Малой Азіи и символика греческаго искусства. Одесса. 1873.

«Исторія византійскаго искусства и иконографія по миніатюрамъ греческихъ рукописей» (Одесса, 1876 г.) цитируется, какъ одно изъ лучшихъ изслѣдованій въ этой темной, но важной области, учеными всѣхъ странъ и языковъ, не исключая и нѣмцевъ, которые, какъ извѣстно, только въ очень рѣдкихъ и, можно сказать, крайнихъ случаяхъ признаютъ серьёзное значеніе за трудомъ славянскаго ученаго. Его позднѣйшія статьи и монографіи [1]) представляютъ болѣе или менѣе важные, но всегда несомнѣнно цѣнные вклады въ науку христіанской и особенно византійской археологіи.

Изученіемъ древностей столицы Византійской имперіи г. Кондаковъ занимался и прежде, во время своихъ неоднократныхъ поѣздокъ въ Константинополь, а въ 1884 году, передъ послѣднимъ археологическимъ съѣздомъ, онъ предпринялъ для этой цѣли спеціальную туда экскурсію въ сотовариществѣ съ извѣстными знатоками византійской исторіи В. Г. Васильевскимъ и Ѳ. И. Успенскимъ, причемъ ему помогали фотографъ, рисовальщикъ и одинъ изъ лучшихъ нашихъ акварелистовъ г. Вилье.

Изъ предисловія г. Кондакова къ его монографіи мы узнаемъ, что «общею задачею членовъ экскурсіи было постановлено: ограничившись исключительно мѣстностью Стáмбула [2]), въ предѣлахъ стѣнъ приморскихъ и сухопутныхъ древней Византіи, обозрѣть на этомъ пространствѣ всѣ главнѣйшіе памятники древности, снять точные и характерные снимки съ нихъ и, сведя впослѣдствіи данныя топографическія, историческія и художественныя, основать на непосредственномъ наблюденіи археологію древней Византіи». Г. Кондаковъ исходитъ изъ убѣжденія, что столица Византіи есть самый удачный пунктъ «для точнаго изученія христіанскаго Востока. Съ одной стороны, ея относительная недавность, свѣжесть всѣхъ воспоминаній и преданій; съ другой тотъ самый рѣзкій перерывъ, который совершился въ ея исторіи съ турецкимъ завоеваніемъ; слабое давленіе преходящаго, лишь порывисто насильственнаго характера, которое было оказано на эту могучую прошлую культуру турками; ничтожность перемѣнъ, ими исполненныхъ въ самой жизни столицы,—все это способствуетъ плодотворности изысканій. Столица Византіи не была разрушена; она даже не представляется, при подробномъ обозрѣніи, раззоренною, она какъ бы только запустѣла. Это запустѣніе нѣкогда живаго и могущественнаго центра цивилизаціи помогаетъ розыскамъ: новая культура кажется въ немъ чуждымъ наростомъ, легко удаляемымъ».

Иными словами, Византія подъ навозомъ и щебнемъ турецкимъ сохранилась почти также хорошо, какъ Помпея подъ лавою; только надо снять этотъ щебень умѣючи. Если такое положеніе не подходитъ ко многимъ частнымъ случаямъ, въ общемъ съ г. Кондаковымъ согласится всякій, кто хоть самымъ бѣглымъ образомъ ознакомился съ этимъ чуднымъ городомъ. Турки какъ будто сами знаютъ, что не въ свое мѣсто зашли, и не устроиваются прочно, а только бивуаками; стоитъ вычистить послѣ ихъ отшествія 400-лѣтній навозъ, кое-что реставрировать, и городъ Константина снова засіяетъ

---

[1]) «Миніатюры греческой псалтыри IX вѣка» (Москва, 1878 г.), «Мозаики мечети Кахріе-Джамиси» (Одесса, 1881 г.), «Sculptures de la porte de Sainte-Sabine» (Revue archéologique) и мн. др.

[2]) Какъ извѣстно, нынѣшній Константинополь состоитъ изъ 3-хъ частей: 2-хъ христіанскихъ (Галатá и Пера), которыя лежатъ на лѣвомъ берегу Золотаго Рога, и одной турецкой (Стамбула), на правой его сторонѣ (если стать лицомъ къ Босфору); эта-то часть и была древнимъ городомъ и столицей.

въ своей оригинальной красѣ и величіи. Бѣда только въ томъ, что сама греческая Византія не представляетъ одной культуры, какъ Помпея или катакомбы, а цѣлый рядъ слоевъ, хронологическое разстояніе которыхъ очень велико и которые отдѣляются другъ отъ друга далеко не такъ рѣзко, какъ въ христіанскомъ Римѣ.

Опредѣливъ свою задачу, авторъ въ краткомъ предисловіи бросаетъ общій взглядъ на исторію христіанской археологіи и опредѣляетъ значеніе византійскаго искусства и древностей для археологіи русской и западно-европейской.

Все изслѣдованіе г. Кондакова раздѣлено на 5 главъ. 1-я и самая обширная (отъ 1 стр. до 84) озаглавлена «Исторія константинопольскихъ церквей»; въ ней авторъ говоритъ сперва объ элементахъ восточно-христіанской архитектуры, какъ они проявляли себя до константинопольскихъ построекъ; о церквахъ Византіи до Юстиніана; съ стр. 38 о работахъ, исполненныхъ при Юстиніанѣ и послѣ него; съ стр. 61 о храмахъ и монастыряхъ, построенныхъ при Македонской династіи и до взятія Константинополя. 2-я глава: «Топографія церквей Константинополя» (84—104), посвящена главнымъ образомъ обслѣдованію источниковъ и пособій, служащихъ для изученія христіанскаго Константинополя, между прочимъ, одного плана XVII в., доселѣ неизвѣстнаго, скопированнаго, по мнѣнію автора, съ итальянской карты XVI столѣтія. 3-я глава (104—155) посвящена св. Софіи, памятникамъ Константинополя на берегу Мраморнаго моря, Студійскому монастырю и колоннѣ Аркадія. 4-я (до стр. 197) говоритъ о сухопутныхъ стѣнахъ Константинополя, о Золотыхъ воротахъ и о монастырѣ Хора (мечеть Кахріе-Джамиси). 5-я о Текфуръ-Сераѣ, или такъ называемомъ дворцѣ Гебдомона, о дворцѣ Влахернскомъ, о церквахъ по берегу Золотаго Рога и спеціально о церкви Богородицы Таммакаристы, о монастырѣ Пантепонтѣ, о Пантократорѣ, о церквахъ внутри Константинополя и о памятникахъ скульптуры и мозаики въ музеѣ и патріархатѣ.

Излагать подробно содержаніе каждой главы, говорить, къ какимъ новымъ результатамъ пришелъ г. Кондаковъ сравнительно съ своими предшественниками, съ какими изъ его выводовъ можно безусловно согласиться и какіе нуждаются въ подтвержденіи новыми данными, въ предѣлахъ краткой журнальной рецензіи—неумѣстно. Мы только ограничимся нѣсколькими общими замѣчаніями и указаніемъ на взаимное отношеніе и, такъ сказать, на сравнительную цѣнность главъ. Помимо того, что г. Кондаковъ тщательно пересмотрѣлъ почти все, описанное его нерусскими предшественниками, а также и кое-что, ими не видѣнное, помимо того, что для сужденія надъ всѣмъ этимъ онъ имѣлъ въ своихъ прежнихъ работахъ и въ сравненіи чужихъ наблюденій такой критерій, какого не имѣлъ никто до него, въ его распоряженіи находился чрезвычайно важный матеріалъ, рѣшительно никому изъ прежнихъ изслѣдователей недоступный: это—сказанія русскихъ паломниковъ и прежде всего Антонія Новогородца, и этимъ богатымъ матеріаломъ авторъ воспользовался какъ нельзя добросовѣстнѣе и искуснѣе. Если въ заголовкахъ отдѣльныхъ частей своей работы онъ называетъ, правда, важнѣйшіе, но далеко не всѣ важные памятники Константинополя, изъ этого никакъ нельзя выводить заключеніе, что его книга касается только вышеперечисленныхъ монументальныхъ фактовъ: онъ говоритъ, и не всегда мимоходомъ, и о многихъ другихъ постройкахъ и топографическихъ пунктахъ

стараго Константинополя, только не съ такою подробностью. Книгу его никакъ нельзя поставить на одну доску съ описаніями, хотя бы и высокоучеными; онъ, какъ и самъ говоритъ въ заключеніи, археологію считаетъ центромъ «тѣхъ отрывочныхъ занятій, которыя именуются нынѣ исторіею культуры», и согласно съ этимъ его книга есть живая, но вмѣстѣ съ тѣмъ осторожно исполненная попытка собрать матеріалъ и предложить рядъ обобщеній, основанныхъ на непреложныхъ фактахъ, для внутренней исторіи Византіи. Нѣтъ сомнѣнія, поэтому, что его книга будетъ столько же полезна и поучительна для археологовъ, сколько и для историковъ.

Въ этомъ отношеніи важнѣе и содержательнѣе всѣхъ остальныхъ 1-я глава, которая подъ скромнымъ именемъ исторіи константинопольскихъ церквей, даетъ на самомъ дѣлѣ исторію внутренняго роста, развитія и паденія Византіи за все многовѣковое ея существованіе; какъ факты такъ называемой политической исторіи освѣщаютъ исторію константинопольскихъ построекъ, такъ, съ другой стороны, эти постройки даютъ буквально каменную твердость заключеніямъ о характерныхъ чертахъ византійской исторіи. Въ этой же главѣ есть одинъ очень цѣнный, хотя во многомъ вызывающій на возраженія, экскурсъ—о культѣ и раннихъ иконахъ Богородицы. Говоря о св. Софіи (гл. 3), авторъ, повидимому, чувствуетъ себя подавленнымъ громадностью матеріала и мѣстами бываетъ слишкомъ кратокъ изъ понятнаго страха, что эта часть, если онъ дастъ себѣ свободу, разростется въ обширную монографію. Въ гл. 4 для тѣхъ, кто не знакомъ съ его статьей о мозаикахъ мечети Кахріе-Джамиси, будетъ особенно интересна 2-я половина; къ напечатанному прежде авторъ прибавилъ теперь описаніе фресокъ того же храма и нѣсколько весьма интересныхъ соображеній о нихъ и по поводу ихъ[1]).

Да не удивляются и да не негодуютъ читатели, что за книгу въ 250 стр. in 4° назначено 10 рублей: въ ней находится 50 таблицъ, замѣчательно чисто и красиво сдѣланныхъ фото-гравюрой въ заведеніи Шерера и Набгольца въ Москвѣ, да и вообще по внѣшней красотѣ немногія русскія изданія могутъ сравниться съ книгой г. Кондакова. А объ недоступности ея цѣны не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ многочисленные участники VI археологическаго съѣзда получатъ ее даромъ въ «Трудахъ съѣзда».

А. К.

---

[1]) Мимоходомъ замѣчу, что надпись въ купольномъ мозаичномъ изображеніи Введенія во храмъ въ этой мечети, по моему мнѣнію, не «указываетъ на символическій смыслъ сцены» (стр. 187, ср. табл. 38) и относится не къ Введенію, а къ питанію Богородицы ангеломъ: въ текстѣ апокрифа прямо говорится, «что она получала это питаніе въ Святая Святыхъ». Также не могу согласиться съ объясненіемъ табл. 31 (стр. 189): явленіе ангела не имѣетъ связи съ путешествіемъ Іосифа и Маріи въ Виѳлеемъ, и ни одинъ текстъ не говоритъ о томъ, чтобы Соломея провожала Марію въ городъ: по всѣмъ преданіямъ Соломея приходитъ послѣ рожденія Христа. Въ двухъ женщинахъ, разговаривающихъ у города, скорѣй всего надо видѣть Марію и Елизавету, тѣмъ болѣе, что въ оригиналѣ и на фотографіи Зебаха (№ 1) у обѣихъ фигуръ довольно ясно видѣнъ нимбъ.

Женская гимназія М. Н. Стоюниной, въ 1885—1886 учебномъ году. Спб. 1886.

Не смотря на то, что наши женскія гимназіи уже успѣли отпраздновать 25-тилѣтіе своего существованія, онѣ не привели женскаго образованія ни къ какому опредѣленно-выработанному плану и даже не опредѣлили съ достаточною ясностью того запаса свѣдѣній, который можетъ быть воспринимаемъ женскимъ организмомъ безъ всякаго ущерба его развитію. Намъ случалось нерѣдко встрѣчать молодыхъ дѣвушекъ, закончившихъ образованіе въ нашихъ столичныхъ и провинціальныхъ гимназіяхъ, и въ результатѣ подробныхъ разспросовъ о пройденномъ ими курсѣ намъ приходилось убѣждаться въ томъ, что по одной и той же программѣ одна гимназія давала гораздо болѣе свѣдѣній, чѣмъ другая, и притомъ даже въ одной и той же гимназіи ученицы пріобрѣтали гораздо болѣе свѣдѣній по одному предмету, нежели по всѣмъ остальнымъ. Кромѣ такой неравномѣрности, замѣчалось еще другое общее всѣмъ гимназіямъ явленіе: слишкомъ казенное отношеніе преподавателей къ ученицамъ, на основаніи котораго каждый учитель, не сообразуясь ни съ силами, ни съ возростомъ воспитанницъ, ни съ числомъ ежедневныхъ уроковъ, задавалъ такъ много работы ученицамъ для приготовленія дома, что бѣдныя гимназистки, просидѣвшія все утро въ классахъ, вынуждены бывали и весь вечеръ до 11—12 часовъ проводить за приготовленіемъ уроковъ. Сверхъ всего этого, наши женскія гимназіи, по общему отзыву людей, близко ихъ наблюдавшихъ, далеко уступали институтамъ въ одной изъ весьма важныхъ сторонъ школьной жизни: женскія гимназіи обучали, но не воспитывали молодыхъ дѣвушекъ, которыя нерѣдко впродолженіе гимназическаго курса гораздо болѣе разобщались со своею семьею, нежели дѣвушки, воспитанныя въ институтѣ, и потому нѣсколько лѣтъ сряду не видавшія родительскаго дома.

Всѣ эти мысли о женскомъ гимназическомъ воспитаніи пришли намъ въ голову, когда намъ попался въ руки отчетъ «Стоюнинской женской гимназіи» за истекшій годъ. Отчетъ поразилъ насъ полнымъ отсутствіемъ казенщины и совершенно ясно выраженнымъ желаніемъ восполнить пробѣлы, исправить недостатки, которые такъ рѣзко бросаются въ глаза въ нашихъ женскихъ гимназіяхъ. Пріятно читать о тѣхъ заботахъ, которыя постоянно прилагались и прилагаются г-жей Стоюниной къ тому, чтобы сдѣлать свою гимназію не только учебнымъ, но и воспитательнымъ заведеніемъ, въ самомъ лучшемъ, въ самомъ высокомъ значеніи этого слова. Ребенокъ, поступающій въ гимназію г-жи Стоюниной, разсматривается не какъ субъектъ, удовлетворяющій извѣстнымъ требованіямъ программы и потому поступающій въ извѣстный классъ, а какъ организмъ, подлежащій тонкому наблюденію и внимательному анализу. Съ этимъ организмомъ знакомятся во всѣхъ подробностяхъ, изучаютъ его достоинства и недостатки, и на сколько помогаютъ развитію первыхъ, на столько же заботятся объ устраненіи послѣднихъ. Такое уравновѣшеніе достигается съ одной стороны одинаково заботливымъ отношеніемъ и къ умственной, и къ физической природѣ дѣтей, съ другой тѣмъ, что въ гимназіи г-жи Стоюниной принято за правило: давать дѣтямъ именно такой запасъ свѣдѣній, какой бываютъ въ состояніи переварить дѣти средняго уровня способностей. Болѣе всего обращается вниманіе на развитіе воли учащихся, на самостоятельность ихъ работы и на стро-

гую постепенность ихъ развитія умственнаго, въ связи съ развитіемъ физическимъ. Гимназія Стоюниной не спѣшитъ учить, не забрасываетъ массой свѣдѣній, не вызываетъ ни къ какимъ чрезвычайнымъ трудамъ и усиліямъ, но за то пріучаетъ ученицу въ данную, опредѣленную минуту затрачивать на пріобрѣтаемый ею запасъ свѣдѣній весь запасъ своихъ наличныхъ умственныхъ и физическихъ силъ. Пріучая къ равномѣрности и постоянству труда, гимназія г-жи Союниной даетъ ученицамъ полную возможность ²/₃ работы, потребной для приготовленія уроковъ, сдѣлать въ классѣ, и только ¹/₃ относя къ внѣклассным вечернимъ занятіямъ.

Важною отличительною стороною гимназіи г-жи Стоюниной является и постоянная поддержка сношеній съ семейною средою ученицы. За ученицею зорко слѣдятъ во время ея пребыванія въ стѣнахъ гимназіи, но ее не оставляютъ безъ наблюденій, безъ поддержки и помощи, и при ея домашнихъ занятіяхъ, вызывая родителей къ участію въ дѣлѣ воспитанія дѣтей, возбуждая ихъ самодѣятельность и направляя ее къ достиженію опредѣленныхъ цѣлей.

Физическая сторона воспитанія въ гимназіи г-жи Стоюниной обставлена превосходно. Наблюденіе за разумными гимнастическими упражненіями и развивающими играми предоставлено извѣстному спеціалисту, профессору П. Ф. Лесгафту, который не только направляетъ всѣ упражненія къ опредѣленной цѣли, но еще и слѣдитъ за результатами физическаго роста и развитія дѣтей при помощи женщины-врача. Въ концѣ каждаго года онъ представляетъ педагогическому совѣту гимназіи любопытнѣйшіе отчеты, по которымъ можно наглядно слѣдить за поступательнымъ ходомъ физическаго развитія каждой ученицы.

Не вдаваясь въ подробности, приводимыя отчетомъ по преподаванію каждаго отдѣльнаго предмета, отмѣтимъ только ту общую основу, на которой держится преподаваніе въ Стоюнинской гимназіи: «Учащіе главнымъ образомъ заботятся о развитіи самодѣятельности, а потому всѣ учебные предметы тѣсно соединяются одною цѣлью—развивать логическое мышленіе и приводить все пріобрѣтаемое усиліями ума къ общимъ понятіямъ».

При такомъ серьёзномъ отношеніи къ дѣлу обученія и воспитанія, конечно, ничто не дѣлается для виду, на показъ, для пополненія количества предметовъ и т. д. Такъ, напримѣръ, давая полный просторъ преподаванію изящныхъ искусствъ наравнѣ съ научными предметами, гимназія не ввела въ свою программу обученія рукодѣльямъ, «и не потому, чтобы считала это безполезнымъ, излишнимъ и ненужнымъ». Гимназія даже совѣтуетъ родителямъ не упускать изъ виду и этихъ занятій, но не находитъ возможности преподавать «все, что бываетъ полезно и нужно для жизни». Нужно же что нибудь и семьѣ предоставить!

Отмѣтимъ еще одну любопытную особенность гимназіи г-жи Стоюниной—разумное отношеніе къ экзаменамъ. Для испытанія свѣдѣній ученицъ имъ не дается особаго времени на приготовленіе; но за то отъ нихъ не требуется «ничего заученаго, и довольствуются тѣмъ, что онѣ умѣютъ и что помнятъ, устранивъ при этомъ всякіе баллы и отмѣтки».

Соображая все, что въ нашемъ бѣгломъ очеркѣ мы успѣли извлечь изъ подробнаго и въ высшей степени любопытнаго отчета гимназіи г-жи Стоюниной, зная о дѣятельности этой почтенной воспитательницы не только по отчету, но и по отзывамъ многихъ родителей, мы полагаемъ что г-жа Стоюнина

стоитъ на очень вѣрномъ пути и прямо идетъ къ осуществленію того новаго типа женскихъ гимназій, который одинъ только и можетъ быть желательнымъ. Пожелаемъ для г-жи Стоюниной силъ и энергіи въ выполненіи ея трудной задачи.

П. П.

Воронежскій край въ санитарномъ отношеніи. Изслѣдованіе Л. В. Вейнберга. Воронежъ. 1886.

Это новое изслѣдованіе извѣстнаго знатока Воронежскаго края, г. Вейнберга, знакомитъ насъ какъ съ исторіей санитарно-полицейскихъ мѣръ, принимавшихся правительствомъ по отношенію къ нашимъ провинціальнымъ захолустьямъ, такъ равно и съ ходомъ и развитіемъ нѣкоторыхъ эпидемическихъ и заразныхъ болѣзней, въ родѣ холеры, сифилиса и т. п. Подъ руками у автора были богатые матеріалы, касающіеся этихъ вопросовъ, и онъ прекрасно воспользовался ими, нарисовавъ широкую историческую картину санитарнаго состоянія края, начиная съ XVII и по XIX ст. Въ виду особаго интереса, какой представляетъ это изслѣдованіе почтеннаго автора, мы позволимъ себѣ нѣсколько остановиться на немъ и приведемъ изъ него нѣкоторыя любопытныя данныя.

Въ прежнее время, по словамъ г. Вейнберга, Воронежскій край имѣлъ климатъ здоровый, мягкій, такъ какъ здѣсь, наряду со степнымъ пространствомъ, поросшимъ густой и высокой травой, стояли огромные лѣса, поглощавшіе всю излишнюю углекислоту. Но въ концѣ XVI столѣтія князь Воротынскій, присланный сюда для «береженія государевой украины», придумалъ для болѣе успѣшной борьбы съ южными хищниками-татарами грандіозный и, нужно сознаться въ этомъ, довольно-таки варварскій планъ: выжечь всю траву въ степи отъ Данкова и Путивля до самыхъ «Ахматовыхъ улусовъ». Жечь поле опредѣлено осенью, по заморозкамъ, когда на полѣ трава сильно посохнетъ, снѣговъ не дожидаясь, а дождавшись ведреной и сухой поры, чтобъ вѣтеръ былъ отъ государевыхъ украинскихъ городовъ на польскую (степную) сторону; не зажигать вблизи украинскихъ городовъ, вблизи лѣсовъ и лѣсныхъ засѣкъ и всякихъ крѣпостей, которыя надѣланы «отъ приходу воинскихъ людей». Станицы для зажженія степи должны были выѣзжать изъ городовъ: Мещеры, Данкова, Дѣдилова, Крапивны, Новосиля, Мценска, Орла, Рыльска и Путивля; пожаръ, слѣдовательно, долженъ былъ охватить пространство степи отъ верховыхъ Вороны до Днѣпра и Дона!.. Вслѣдствіе этого, начались пожары, не поддающіеся описанію, истребившіе, разумѣется, не только одну траву, но и всѣ лѣса, всякую растительность, какая только встрѣчалась на указанномъ пространствѣ. Съ этихъ поръ для всего юга Россіи лѣса стали легендой, а между тѣмъ ногаи и крымцы и послѣ этого все попрежнему дѣлали набѣги на русскія границы, такъ что безразсудное сожженіе степей и лѣсовъ, произведенное Воротынскимъ, не принесло никакихъ положительныхъ результатовъ... Истребленіе лѣсовъ въ здѣшнемъ краѣ довершено было въ концѣ XVII столѣтія русскими колонистами, пришедшими сюда для поселенія, и, наконецъ, постройкой флота на воронежскихъ верфяхъ, при Петрѣ Великомъ. Прямымъ результатомъ всего этого была рѣзкая перемѣна климата къ худшему.

О народномъ здравіи въ провинціи въ прежнее время мало заботились.

Первыя санитарныя мѣропріятія въ Воронежскомъ краѣ относятся только ко времени Петра Великаго. Именно, въ 1709 году, былъ изданъ первый указъ о содержаніи въ чистотѣ городскихъ улицъ и о свозѣ съ нихъ всякихъ нечистотъ за городъ, для чего назначены были особые санитарные блюстители, называвшіеся «десятниками». Приблизительно около этого же времени появляются въ Воронежѣ первые врачи, сначала военные, «полковые лѣкаря», а затѣмъ и вольнопрактикующіе. Первые полковые врачи, какъ и слѣдовало ожидать, были всѣ изъ иноземцевъ, преимущественно жиды и нѣмцы; но наряду съ ними, на первыхъ же порахъ, являются и русскіе врачи, какъ это видно изъ одного рецепта 1704 г., подъ которымъ значится подпись полковаго лѣкаря Данила Лебедева.

Разсматривая развитіе разныхъ болѣзней въ краѣ, авторъ говоритъ о сифилисѣ, между прочимъ, что онъ занесенъ первыми переселенцами—черкасами (въ XVII столѣтіи), которые вмѣстѣ съ болѣзнью привезли съ собой и лѣкарства противъ нея—ртуть и сассапорель, употреблявшіяся ими издавна. Такимъ образомъ честь перваго открытія леченія сифилиса ртутью оспаривается у ученаго барона Свитена нашими хохлами... То же самое нужно сказать и объ оспопрививаніи, которое, какъ оказывается, было извѣстно южно-русскимъ крестьянамъ съ незапамятныхъ временъ, хотя и практиковалось у нихъ въ нѣсколько иной формѣ, чѣмъ это принято было потомъ наукой...

Вообще, новая книга г. Вейнберга заключаетъ въ себѣ массу данныхъ, интересныхъ не только для однихъ спеціалистовъ, но и для всякаго образованнаго читателя. Издана она весьма опрятно. Въ приложеніи помѣщены пояснительныя статистическія таблицы и сводъ метеорологическихъ данныхъ, относящихся къ Воронежскому краю.

Н. Д—скій.

Историческій очеркъ столѣтняго существованія Дома Призрѣнія ближняго въ Ярославлѣ. Составилъ А. Скульскій по документамъ, собраннымъ и разработаннымъ В. И. Лѣствицынымъ. Ярославль. 1886.

Этотъ очеркъ, занимающій собою 108 страницъ, обязанъ своимъ появленіемъ столѣтнему юбилею благотворительнаго заведенія, исполнившемуся 21-го апрѣля текущаго года. Книга издана на средства члена совѣта Дома Призрѣнія г. Черногорова. Появленіемъ этого очерка пополненъ пробѣлъ въ исторіи благотворительныхъ учрежденій въ Россіи, потому что о Домѣ Призрѣнія ближняго имѣлись довольно скудныя данныя. Они заключаются въ брошюрѣ объ этомъ домѣ, изданной въ 1817 г. (второе изданіе съ дополненіями вышло въ 1823 г.) и въ воспоминаніяхъ бывшаго воспитанника этого заведенія, Д. Ф. Назарова, напечатанныхъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (іюнь, 1882 г.). Сверхъ того, въ «Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1880 года напечатаны воспоминанія также ученика этого дома, А. Т. Бѣляева, проходившаго въ немъ гимназическій курсъ въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ.

Домъ Призрѣнія ближняго въ Ярославлѣ обязанъ своимъ существованіемъ Алексѣю Петровичу Мельгунову. Назначенный, 20-го февраля 1777 г., генералъ-губернаторомъ ярославскимъ и вологодскимъ, онъ принялся за

организацію управленія въ ввѣренныхъ ему губерніяхъ, согласно новому закону объ ихъ учрежденіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ сталъ заботиться объ учрежденіи школъ, благотворительныхъ заведеній и проч. Неудовлетворительность призрѣнія неимущихъ, сиротъ, больныхъ и старцевъ, въ существовавшихъ тогда богадѣленныхъ домахъ, въ которыхъ принятые въ нихъ пользовались только помѣщеніемъ, а пищу и одежду должны были добывать сами прошеніемъ милости, — была побудительною причиною къ основанію Дома Призрѣнія ближняго.

На заглавномъ листкѣ этой книги, какъ упомянуто выше, сказано, что она составлена г. Скульскимъ по документамъ, собраннымъ и разработаннымъ г. Лѣствицынымъ. Вадимъ Ивановичъ Лѣствицынъ принадлежитъ къ числу извѣстныхъ нашихъ археологовъ и историковъ, добросовѣстныхъ изслѣдователей бывшихъ судебъ «Ярославскаго края», а потому нельзя не удивиться, что, собравъ и разобравъ историческіе документы, онъ не составилъ самъ историческаго очерка Дома Призрѣнія ближняго, такъ какъ г. Скульскій извѣстенъ въ литературѣ только какъ плохой перелагатель пѣсни о полку Игоря. Мы можемъ только догадываться, что, по какимъ нибудь причинамъ, г. Лѣствицынъ устранился отъ чести быть авторомъ этой книги. Дѣйствительно эта книга преобладаетъ такими промахами, которые, при непосредственномъ редактированіи ея В. И. Лѣствицынымъ, были бы, безъ сомнѣнія, устранены. Напримѣръ, на 3-й страницѣ г. Скульскій пишетъ, что во всей «Ярославской губерніи состояло только двадцать двѣ богадѣльни». Въ этой богатой и по тогдашнему времени промышленной губерніи, заключавшей въ себѣ 12 уѣздныхъ городовъ, богадѣленъ было гораздо болѣе, именно двадцать два подобныя заведенія находились только въ одномъ Ярославлѣ, а не во всей губерніи. На 4-й страницѣ г. Скульскій пишетъ, что жили въ этихъ богадѣльняхъ отставные солдаты и солдатки, посадскіе и крестьяне, какъ экономическіе, такъ и крѣпостные, а также вольноотпущенные отъ помѣщиковъ. Очевидно, г. Скульскій, составлявшій по документамъ, собраннымъ и разработаннымъ г. Лѣствицынымъ, поверхностно изучилъ ихъ, потому что крѣпостныхъ вовсе не принимали въ богадѣльни: они оставались всегда на попеченіи помѣщиковъ, а принимались только вольноотпущенные. На 8-й страницѣ г. Скульскій упоминаетъ, что Мельгуновъ, приступая къ осуществленію своихъ предположеній относительно Дома Призрѣнія ближняго, «не задавался вопросами о томъ, на какія же средства будетъ содержаться задуманное учрежденіе. Первыми вкладчиками на задуманное доброе дѣло были лица преимущественно дворянскаго и частію купеческаго сословія, всего 132 человѣка. Въ числѣ ихъ встрѣчаются фамиліи почти всѣхъ дворянъ Ярославской губерніи, начиная съ князей Урусовыхъ, Вадбольскихъ, Волконскихъ, графовъ Салтыковыхъ и Мусиныхъ-Пушкиныхъ. Изъ купеческихъ же фамилій встрѣчаются: Затрапезновъ, Сорокинъ, Сторожевъ, Березинъ, Кропинъ, Пятеркинъ, Мауриновъ и друг. Наиболѣе же щедрымъ жертвователемъ оказался ярославскій купецъ, кожевенный заводчикъ Иванъ Яковлевичъ Кучумовъ. Онъ далъ на это дѣло 3,000 р., а именно 2,000 р. лично отъ себя, а 1,000 р. отъ имени своихъ наслѣдниковъ». Въ данномъ случаѣ г. Скульскій представилъ Мельгунова какимъ-то младенцемъ, что будто бы не имѣлось въ виду никакихъ средствъ при учрежденіи означеннаго Дома Призрѣнія; если бы онъ прочиталъ внимательно документы, разработанные г. Лѣствицынымъ, то увидалъ бы, что средства для содержанія благотво-

рительнаго дома были уже тогда. Такъ, напримѣръ, отъ семейства Мельгунова поступило 3,859 руб., отъ купца Кучумова 3,600 р., отъ разныхъ разночинцевъ и за проданные излишніе матеріалы 1,076 руб., процентовъ съ капитала Кучумова 1,199 р. 95 коп. и еще малыхъ пожертвованій около 13 руб., а всего 9,739 р. 95 коп. Это и былъ первоначальный капиталъ на устройство дома и, какъ оказывается, дворяне вовсе не были первоначальными жертвователями, что̀ въ особенности старается доказать въ своей книгѣ г. Скульскій, вопреки архивнымъ и историческимъ документамъ, собраннымъ г. Лѣствицынымъ. Сверхъ того, и въ тѣ времена у дворянъ наличныхъ денегъ всегда бывало мало. Они распоряжались собственно деньгами, пожертвованными купцами, и хотя для увѣковѣченія своего имени повѣсили на стѣнахъ залы въ Домѣ Призрѣнія свои портреты (см. стр. 107), но списка своихъ пожертвованій не обозначили. Если бы г. Скульскій по тѣмъ же документамъ, собраннымъ и разработаннымъ г. Лѣствицынымъ, привелъ именной списокъ пожертвованій дворянъ, то эти жертвы оказались бы слишкомъ ничтожными, которое обстоятельство г. Скульскій нашелъ болѣе для себя удобнымъ обойдти молчаніемъ.

Какъ Мельгуновъ, такъ и послѣдующіе ярославскіе губернаторы стремились сдѣлать изъ этого дома домъ призрѣнія дворянъ; крестьянъ не принимали, а мѣщанскимъ дѣтямъ давали несродное имъ дворянское образованіе, чѣмъ и наносили имъ положительный вредъ. Впрочемъ, число мѣщанскихъ дѣтей въ Домѣ Призрѣнія ближняго было крайне ограниченное. Купцамъ предлагали дѣлать пожертвованія на это учрежденіе, какъ исключительно на богадѣльню, и, не смотря на то, что они были и остаются главными жертвователями, г. Скульскій предоставляетъ въ своей книгѣ починъ въ этомъ дѣлѣ исключительно дворянамъ. Вообще, просматривая исторію этого Дома Призрѣнія, можно убѣдиться, что дворяне временъ Екатерины II желали сдѣлать изъ этого учрежденія что-то въ родѣ московскаго воспитательнаго дома для своихъ незаконнорожденныхъ дѣтей. Многіе губернаторы занимались перестройкою самого зданія, и часто безъ всякой надобности, по одному личному усмотрѣнію. Напримѣръ, губернаторъ Полторацкій приказалъ дѣлать пристройку за свой счетъ, а когда она была окончена, то распорядился «оформовать» [1]) и заплатить изъ суммы сиротскаго дома. Дворяне не протестовали противъ построекъ, а напротивъ много содѣйствовали тому всѣми способами. Главная мысль дворянъ заключалась въ томъ, чтобы сдѣлать большую залу для дворянскихъ собраній, баловъ и любительскихъ спектаклей. Всѣ эти постройки дѣлались безъ всякаго примѣненія къ педагогическимъ цѣлямъ. Одинъ изъ губернаторовъ двадцатыхъ годовъ (г. Безобразовъ) нашелъ, что эта зала даже мала, и на средства сиротскаго дома расширилъ ее, употребивъ на то 26,000 руб.

По поводу книги г. Скульскаго мы вспомнили объ одномъ разговорѣ, происходившемъ когда-то между однимъ губернаторомъ, предводителемъ дворянства и однимъ историкомъ. Послѣднему поручено было составить исторію одного благотворительнаго учрежденія. Когда было приступлено къ этой литературной работѣ, то предводитель выразилъ автору желаніе, чтобы значеніе дворянства въ этомъ дѣлѣ было «освѣщено въ надлежащемъ свѣтѣ».

---

[1]) Такъ значится въ подлинномъ дѣлѣ.

Но когда историкъ отвѣтилъ, что «будетъ сдѣлано на основаніи документовъ», то вполнѣ обработанный его трудъ не былъ напечатанъ, а вмѣсто него была составлена записка, не имѣющая никакого историческаго значенія.

П. У.

Изъ исторіи христіанской проповѣди въ IV вѣкѣ. Представители догматико-полемическаго типа проповѣди въ IV вѣкѣ на Востокѣ. Проф. Н. Варсова. Харьковъ. 1886.

Настоящее сочиненіе проф. Барсова представляетъ собою продолженіе большаго его труда: «Исторія первобытной христіанской проповѣди», о которомъ уже говорилось раньше на страницахъ «Историческаго Вѣстника». Въ четвертомъ вѣкѣ г. Барсовъ указываетъ три типа христіанской проповѣди: нравственно-аскетическій, догматико-полемическій и ораторско-практическій. Пока онъ останавливается на представителяхъ втораго типа, т. е. догматико-полемическаго, предувѣдомляя читателя, что имѣетъ въ виду «не спеціальное изученіе дѣятельности каждаго изъ проповѣдниковъ, которое потребовало бы ряда монографій, а лишь такое, которое могло бы, при совершенномъ отсутствіи въ нашей литературѣ исторіи проповѣди IV вѣка, оріентировать читателя въ этой малоизвѣстной у насъ доселѣ области». Сообразно такой цѣли, изложеніе г. Варсова очень кратко и сжато, даже, можно сказать, слишкомъ сжато, такъ что производитъ впечатлѣніе неполноты. Вмѣстѣ съ тѣмъ мало замѣтно пропорціональности: напр., Евсевію Кесарійскому отведено очень много мѣста (изъ 82 страницъ 28). Правда, что въ этомъ случаѣ у автора были особыя причины; онъ указываетъ, что проповѣди Евсевія до сихъ поръ не были предметомъ надлежащаго изслѣдованія: «Слава Евсевія, какъ великаго богослова, полемиста, апологета, экзегета, историка, затмила въ глазахъ его времени его дѣятельность проповѣдническую. Очень можетъ быть, что самъ проповѣдникъ на эту дѣятельность удѣлялъ мало времени, сосредоточиваясь на своихъ ученыхъ занятіяхъ. Но съ нашей (т. е. г. Барсова) точки зрѣнія, по своей содержательности, по силѣ одушевленія предметомъ рѣчи и живости изложенія, всѣ онѣ вполнѣ достойны его имени и въ ряду проповѣдей IV вѣка, столь изобиловавшаго великими церковными учителями, должны быть поставлены далеко не на послѣднемъ мѣстѣ». Соглашаясь вполнѣ съ этими доводами автора, нельзя, однако, не замѣтить, что слѣдовало бы все же удѣлить больше мѣста очерку проповѣднической дѣятельности св. Аѳанасія Великаго, этого геніальнаго «отца православія». Кромѣ этихъ двухъ проповѣдниковъ, г. Барсовъ говоритъ объ Евсевіи Эдесскомъ, Евстафіи и Мелетіи Антіохійскихъ, Титѣ Бострійскомъ, Маркѣ Діадохѣ, Іаковѣ Низибійскомъ, Кириллѣ Іерусалимскомъ и Геласіи Кесарійскомъ. При каждомъ проповѣдникѣ дается довольно полное обозрѣніе существующей о немъ литературы, указываются изданія проповѣдей, обращается особенное вниманіе на рѣшеніе вопросовъ о подлинности тѣхъ или другихъ сочиненій, вообще библіографическія указанія весьма обширныя и точныя, за что нельзя не поблагодарить автора.

А. В.

Анекдоты и черты изъ жизни графа Милорадовича. Съ портретомъ графа и рисункомъ, изображающимъ его смерть. Составилъ Гр. Г. М—чъ. Спб. 1886. Изд. Березовскаго.

Сподвижникъ и любимецъ Суворова и Кутузова, герой итальянскаго, швейцарскаго и нѣсколькихъ турецкихъ походовъ, всего же болѣе отечественной войны 1812 года, графъ Милорадовичъ, трагически окончившій на сенатской площади свою доблестную жизнь 14-го декабря 1825 года рѣдкимъ подвигомъ самоотверженія, принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ русскихъ генераловъ. Другъ солдата, дѣлившій съ нимъ опасности, голодъ, непогоды, являвшійся въ бою всегда первымъ на конѣ и слѣзавшій съ него послѣднимъ; въ неудачахъ всегда веселый болѣе обыкновеннаго: юморомъ своимъ и шутками заставлявшій всѣхъ хохотать въ самыя роковыя минуты, когда смерть вырывала жертвы изъ фронта; имѣвшій особый даръ говорить съ солдатами и увлекать ихъ за собою своимъ безстрашіемъ на самые отчаянные подвиги и въ то же время заботившійся о солдатахъ, какъ о родныхъ дѣтяхъ и вообще во всемъ и всегда защитникъ всѣхъ униженныхъ и оскорбленныхъ,—таковымъ рисуется графъ Михаилъ Андреевичъ въ разсказахъ о немъ его современниковъ, сослуживцевъ и подчиненныхъ.

Получивъ прекрасное домашнее образованіе, онъ пополнилъ его курсами двухъ германскихъ университетовъ, владѣлъ французскимъ и нѣмецкимъ языками, какъ своимъ роднымъ и, заключивъ ученіе свое военными науками, юношей вступилъ въ ряды суворовской арміи. Въ такой школѣ дарованія его быстро выдвинули его впередъ и онъ навсегда остался послѣдователемъ тактики великаго полководца, внеся въ нее свою собственную, личную оригинальность. Деньги были ему ни почемъ, тратилъ онъ ихъ всегда больше, чѣмъ имѣлъ, кругомъ былъ въ долгахъ, а о роскошныхъ балахъ и пирахъ его долго сохранялась память. Суворовъ называлъ его своимъ сыномъ роднымъ, Кутузовъ своимъ Баярдомъ, императоръ Александръ I, душевно любя его, нѣсколько разъ платилъ за него долги и назначилъ, въ знакъ особой къ нему милости, состоящимъ при своей особѣ, императоръ Николай называлъ его своимъ другомъ. Всю жизнь остававшійся холостымъ, Михаилъ Андреевичъ былъ усерднымъ поклонникомъ прекраснаго пола и въ послѣдніе годы, состоя с.-петербургскимъ генералъ-губернаторомъ, въ особенности пристрастился къ театру и его женскому персоналу. Въ роковой день 14-го декабря, не предвидя ничего мрачнаго, завтракалъ онъ у хорошенькой актрисы Телешовой и былъ отсюда вызванъ извѣстіемъ о появленіи на сенатской площади бунтующихъ полковъ гвардіи.

И такое крупное историческое лицо не имѣетъ еще пока вполнѣ обработанной біографіи, а потому нельзя не быть признательнымъ составителю книги съ вышеозначеннымъ заглавіемъ. Она читается легко и полна интереса. Составленная въ память столѣтняго юбилея графа М. А. Милорадовича 1-го октября 1871 года, она начинается очеркомъ жизни графа, а потомъ идутъ въ хронологическомъ порядкѣ анекдоты и черты изъ нея. Матеріалъ этотъ собранъ изъ множества сочиненій и мемуаровъ лицъ, знавшихъ лично графа или записывавшихъ со словъ ихъ.

К. А. В.

Карманное политико-статистическое землеописаніе Россійской имперіи для всѣхъ. Составлено Александромъ Романовскимъ, въ двухъ частяхъ. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Полтава. 1886.

Хотя въ заглавіи и сказано, что книга г. Романовскаго исправлена при второмъ изданіи, однако въ ней почти на каждой страницѣ встрѣчаются непозволительные промахи для сочинителя географическихъ и статистическихъ справочныхъ руководствъ. Такъ для автора (см. стр. 62) не существуетъ морскаго канала въ Петербургѣ, своего рода капитальнаго произведенія ума и труда человѣка, потому что онъ не совсѣмъ грамотно пишетъ, что въ торговомъ отношеніи для Петербурга «нѣсколько неудобно въ водяномъ сообщеніи, по мелководію восточнаго угла Финскаго залива, но и оно устраняется частію углубленіемъ фарватера и чрезъ открытіе желѣзной дороги до Ораніенбаума». Въ Ярославлѣ (стр. 93) онъ упоминаетъ о нахожденіи въ немъ Аѳанасьевскаго третьяго класса мужскаго монастыря и умалчиваетъ вовсе о гораздо важнѣйшемъ тамошнемъ монастырѣ Спасскомъ, о которомъ упоминается уже въ лѣтописяхъ въ началѣ XIII вѣка, а равно о знаменитомъ Успенскомъ соборѣ, постройкѣ XVII столѣтія. По словамъ г. Романовскаго, село Плещеево, Ярославскаго уѣзда, замѣчательно находящеюся тамъ лучшею писчебумажною фабрикою въ Россіи (см. стр. 93), но, къ сожалѣнію, тамъ никакой подобной фабрики донынѣ не существуетъ и не существовало. При описаніи Рыбинска (стр. 94) ни слова не сказано о рыбинско-бологовской дорогѣ, о ея замѣчательной товарной станціи на берегу Волги, о гавани въ этомъ городѣ. Авторъ, говоря о Ростовѣ (Ярославской губерніи), ни словомъ (стр. 97) не упомянулъ о нахожденіи въ немъ замѣчательнаго своими постройками древняго его кремля, о существованіи въ этомъ городѣ музея Бѣлой палаты, въ которомъ собраны уже богатыя коллекціи археологическія, церковныя, историческія, бытовыя. Описывая Нижній Новгородъ, г. Романовскій говоритъ, что ярмарка въ немъ начинается (стр. 131) 25 іюля, между тѣмъ какъ слѣдовало сказать—15-го іюля. По его словамъ, на ярмарку привозится всего товаровъ на 104.207,000 рублей, тогда какъ обороты Нижегородской ярмарки нынѣ доходятъ до 800.000,000 рублей. Г. Романовскій называетъ находящійся въ Нижнемъ Новгородѣ Крестовоздвиженскій женскій монастырь «древнимъ» (стр. 132), тогда какъ онъ основанъ послѣ 1812 года. Онъ сообщаетъ объ учрежденіи пароходства между Нижнимъ Новгородомъ и Пермью и не упоминаетъ о пароходныхъ рейсахъ по Волгѣ, вверхъ и внизъ по Окѣ и т. д. По мнѣнію г. Романовскаго, въ городѣ Балахнѣ (стр. 132) донынѣ находятся соляныя варницы, когда онѣ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ прекратили свое существованіе.

Приведенныхъ нами неточностей, пропусковъ, примѣровъ крайняго незнанія, которыми мы могли бы еще болѣе испестрить нашъ отзывъ, кажется, достаточно для доказательства, что книгѣ г. Романовскаго не слѣдовало бы появляться въ свѣтъ не только «вторымъ», но даже и «первымъ» изданіемъ

П. У.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Двѣ книги о Болгаріи. — Россія при солнечномъ свѣтѣ. — Фридрихъ II по его сочиненіямъ и письмамъ. — Фридрихъ-Вильгельмъ II въ панегирикѣ и въ дѣйствительности. — Бронзовый вѣкъ въ своихъ лучшихъ произведеніяхъ. — Исторія Венеціи. — Ежегодникъ государственнаго человѣка. — Англійскій историкъ-юмористъ. — Сапожникъ-миссіонеръ. — Два сочиненія о Бразиліи. — Мемуары герцога Брольи и историческія легенды. — Англія въ Египтѣ. — Разрушающаяся имперія.

ОЛГАРСКІЙ вопросъ перенесенъ уже со страницъ ежедневныхъ газетъ въ брошюры и книги. Прежде другихъ имъ занялись нѣмцы, принимающіе такое дѣятельное, хотя негласное, участіе во всѣхъ интригахъ, доводящихъ въ настоящее время до полной анархіи страну, созданную Россіею и въ которой друзья наши стараются въ конецъ истребить не только русское вліяніе, но даже благодарность къ Россіи. Книги относятся, конечно, къ прошлогодней войнѣ болгаръ съ сербами, а не къ нынѣшней съ генераломъ Каульбарсомъ. Спиридіонъ Гопцевичъ написалъ: «Болгарія и Восточная Румелія, съ особеннымъ обозрѣніемъ времени отъ 1878 по 1886 годъ и съ военною оцѣнкою сербско-болгарской войны» (Bulgarien und Ostrumelien mit besonderer Berücksichtigung des Zeitraums von 1878 bis 1886, nebst militärischer Würdigung des serbisch-bulgarischen Krieges). Другая книга написана А. фон-Гуномъ и называется: «Борьба болгаръ за ихъ національное объединеніе. Политико-военная исторія болгарско-румелійскихъ событій въ 1885 году» (Der Kampf der Bulgaren um ihre nazional-Einheit. Politisch-militärische Geschichte der bulgarisch-rumelischen Ereignisse im Jahre 1885). Оба сочиненія выдаются серьёзностью изложенія, но, по точкѣ зрѣнія и взглядамъ авторовъ, составляютъ совершенную противоположность одно другому. Черногорецъ Гопцевичъ, приверженецъ славянства, стоитъ за его интересы и потому противникъ Баттенберга, слишкомъ много мѣста отводитъ своимъ личнымъ воззрѣніямъ и раз-

нымъ политическимъ планамъ и соображеніямъ, не всегда отвѣчающимъ дѣйствительности. Гунъ гораздо сдержаннѣе и ограничивается фактическимъ изложеніемъ событій, но толкуетъ ихъ въ пользу изгнаннаго князя, какъ приверженецъ его политики. Онъ не выдаетъ себя за рѣшителя судебъ балканскихъ народовъ, какъ Гопцевичъ, не говоритъ по слухамъ о томъ, въ чемъ самъ не увѣренъ, и вообще держится на реальной почвѣ, не пускаясь въ фантастическія соображенія. Но, съ другой стороны, онъ слишкомъ слѣпо повторяетъ сужденія «Kölnische Zeitung», органа германскаго канцлера, далеко не симпатизирующаго славянамъ. Сопоставляя, однако, его недружелюбные отзывы о болгарахъ съ восторженными сужденіями Гопцевича, можно получить изъ обѣихъ книгъ вѣрное понятіе объ извѣстныхъ фактахъ, беря средніе выводы и не давая безусловной вѣры ни тому, ни другому автору. Собственно сербско-болгарской войнѣ Гопцевичъ отводитъ въ своей книгѣ болѣе шестисотъ страницъ а Гунъ довольствуется, и совершенно основательно, половиною этого числа.

— Марій Вашонъ описываетъ «Россію при солнечномъ свѣтѣ» (La Russie au soleil),—Россію не въ ея политической или общественной жизни, а по отношенію къ искусству, такъ какъ авторъ книги—художникъ. Въ такомъ же родѣ Теофиль Готье издалъ въ пятидесятыхъ годахъ книгу о русскихъ музеяхъ, картинныхъ галлереяхъ, частныхъ и правительственныхъ художественныхъ коллекціяхъ. Вашонъ говоритъ, конечно, и о русской жизни, о нашихъ нравахъ и обычаяхъ, касается даже нѣкоторыхъ соціальныхъ вопросовъ, но главный предметъ его, всетаки, — искусство. Онъ былъ въ Россіи лѣтомъ и представляетъ ее въ блескѣ ея короткаго, но почти вездѣ привлекательнаго сезона, среди ея живописной, мѣстами роскошной природы. Книга написана живымъ, увлекательнымъ языкомъ.

— Мы говорили уже въ прошлой книжкѣ «Историческаго Вѣстника» о книгѣ профессора Целлера, вышедшей къ столѣтней годовщинѣ смерти Фридриха II. Теперь объ этомъ королѣ вышло еще другое двутомное сочиненіе анонимнаго автора: «Фридрихъ Великій. Достопримѣчательности его жизни по его сочиненіямъ, перепискѣ и отзывамъ его современниковъ» (Friedrich der Grosse. Denkwürdigkeiten seines Lebens nach seinen Schriften, seinem Briefwechsel und Berichten seiner Zeitgenossen). Авторъ не пытается передать исторію Фридриха по своимъ собственнымъ изысканіямъ, а разсказываетъ факты его жизни на основаніи подлинныхъ документовъ. Весь трудъ автора, весьма почтенный и добросовѣстный, состоитъ въ извлеченіи изъ этихъ документовъ, составляющихъ цѣлую библіотеку изъ однихъ писемъ и сочиненій короля. Всѣ біографическіе факты, приводимые авторомъ, расположены въ хронологическомъ порядкѣ и разсказаны собственными словами Фридриха и его современниковъ. Въ обоихъ томахъ книги болѣе тысячи страницъ, что̀ неудивительно, въ виду того, что автору приходилось дѣлать извлеченія изъ 8,274 депешъ короля и 4,469 его писемъ. Къ этому еще надо присоединить обзоръ сочиненій короля и всего замѣчательнаго, что говорили о немъ современники при его жизни и послѣ его смерти. Эта книга, конечно, не исторія, въ строгомъ смыслѣ слова, но драгоцѣнный матеріалъ для нея, разсказывающій жизнь Фридриха годъ за годомъ, почти часъ за часомъ, представляющій подробную и любопытную характеристику одного изъ величайшихъ дѣятелей второй половины прошлаго столѣтія.

— Совсѣмъ другого рода біографія написана Павломъ Касселемъ, также

по поводу столѣтней годовщины восшествія на престолъ Фридриха-Вильгельма II (Friedrich-Wilhelm II. Eine hundertjährige politische und kirchliche Erinnerung). Это—чистая апологія короля, котораго, по словамъ автора, «оклеветали фарисеи и французы». Не знаемъ, къ тѣмъ или другимъ относитъ Кассель строгаго, но честнаго Шлоссера, высказавшаго всю правду объ этомъ двуличномъ и безсердечномъ монархѣ. Даже и умѣренный Пирсонъ, какъ пруссакъ, составлявшій исторію для прусскихъ школъ, дѣлаетъ о королѣ вовсе не снисходительный отзывъ. Поэтому Кассель напрасно старается представить героемъ человѣка, котораго и Леопольдъ Ранке называетъ «сумасброднымъ и распутнымъ фанатикомъ». Невоздержную жизнь короля Кассель объясняетъ тѣмъ, что въ то время, въ придворныхъ кружкахъ, существовали три такъ называемыя «коллегіи»: одна — любителей попоекъ и курильщиковъ, къ которой принадлежали всѣ военные и придворные; другая — философовъ, нюхавшихъ табакъ, большею частью, французовъ; третья — любителей женщинъ, въ которую принимались и дамы нестрогаго поведенія. Хотя король принималъ участіе во всѣхъ трехъ коллегіяхъ, но принесъ этимъ, по словамъ Касселя, гораздо меньше вреда странѣ, чѣмъ Фридрихъ II своей дружбой съ Вольтеромъ. Слабости короля, конечно, не приносили большого вреда странѣ, но нельзя сказать того же о его строгостяхъ, къ которымъ относится его указъ о строгомъ соблюденіи религіозныхъ предписаній, отличавшійся фанатическою нетерпимостью и стѣснявшій свободу совѣсти. Указъ былъ изданъ «для обузданія распущенности нравовъ», которой не чуждъ былъ и самъ король. Напрасно также авторъ восхваляетъ походъ Фридриха-Вильгельма II во Францію, веденный неумѣло, нерѣшительно. Прусская армія, принужденная оставить Францію въ 1792 году, хотя и вернулась въ нее въ 1793 году, но была выгнана Гошемъ изъ Альзаса. Всего любопытнѣе въ этой книгѣ сравненіе короля съ его великимъ предшественникомъ. Какъ Фридрихъ II, Фридрихъ-Вильгельмъ любилъ музыку и хорошо игралъ на віолончели; на прогулку онъ любилъ выходить съ собаками и охотно читалъ французскія книги. Вотъ и всѣ пункты сходства двухъ королей! Не смотря, однако, на то, что исторія эта болѣе походитъ на проповѣдь и на панегирикъ, въ ней встрѣчаются любопытныя черты нравовъ той эпохи и помѣщено нѣсколько документовъ, не встрѣчающихся въ другихъ, особенно официальныхъ, сборникахъ, какъ, напримѣръ, знаменитый Religionsedict.

— Доисторическая эпоха бронзоваго вѣка при переходѣ его въ желѣзный всего лучше характеризируется такъ называемымъ «Гальштадтскимъ кладбищемъ», описаннымъ нынче А. В. Мейеромъ въ книгѣ «Das Gräberfeld von Hallstadt, anlässlich eines Besuches daselbst». Соляныя копи маленькаго городка Галльштадта обработывались еще кельтами въ 1 вѣкѣ по Р. Х. Но въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, въ той же мѣстности, возвышающейся на тысячу футовъ надъ поверхностью моря, открыто громадное кладбище, въ которомъ найдена самая богатая коллекція бронзовыхъ касокъ, мечей, поясовъ, копій, застежекъ, иголъ и т. п. Всѣ эти вещи, хранящіяся преимущественно въ музеѣ Вѣны и Линца, такой изящной работы, что эпоху ихъ выдѣлки археологи назвали «гальштадтскимъ періодомъ». Вещи, принадлежащія этому періоду, встрѣчаются въ раскопкахъ отъ Италіи до Скандинавіи; немногія выдѣлывались въ Италіи, но главный складъ ихъ былъ въ Галльштадтѣ, гдѣ найдено также много издѣлій изъ янтаря, здѣсь же обдѣлываемаго, но привозимаго съ береговъ Нѣмецкаго моря. Первое

описаніе этихъ любопытныхъ предметовъ сдѣлалъ еще въ 1867 году директоръ вѣнскаго кабинета древностей Сакенъ, но съ тѣхъ поръ раскопки, далеко еще не конченныя, дали еще много вещей, взятыхъ изъ могилъ Галльштадта, которыхъ тутъ было до трехъ тысячъ. Мейеръ описываетъ подробно самыя замѣчательныя изъ этихъ вещей, отличающіяся положительно художественной отдѣлкой, доказывающей, что и въ отдаленныя отъ насъ времена, не оставившія слѣдовъ въ исторіи, культура людей бронзоваго вѣка находилась на значительной высотѣ развитія.

— Еще въ 1880 году вышла въ Туринѣ «Исторія Венеціи въ ея частной жизни» (Storia di Venezia nella vita privata), за которую авторъ ея Мальменти получилъ премію въ 3,000 франковъ отъ реальнаго венеціанскаго института наукъ и искусствъ. Не смотря на это, итальянское сочиненіе оставалось мало извѣстно не только публикѣ, но и спеціалистамъ, по причинѣ его сухости и тяжелаго языка. Теперь его перевелъ на нѣмецкій языкъ и обработалъ Бернарди подъ названіемъ: «Венеціане. Исторія и частная жизнь. Отъ основанія до паденія республики» (Die Venezianer. Geschichte und Privatleben. Von dem Gründung bis zum Verfall der Republik). Исторія Венеціи вообще еще мало разработана. Сочиненіе Дарю устарѣло; въ книгѣ Романини слаба древняя исторія Венеціи; то же можно сказать и о нѣмецкой исторіи Гфрёрера. Причина неудовлетворительности всѣхъ исторій Венеціи та, что о первыхъ временахъ республики слишкомъ мало матеріаловъ, а о послѣдующихъ—слишкомъ много. Леопольдъ Ранке написалъ блистательную исторію Венеціи въ XV, XVI и XVII столѣтіи, но сознается, что первыя столѣтія и XVIII требуютъ солидной обработки: первыя по бѣдности, а послѣднее по богатству матеріаловъ, и что онъ не можетъ приняться за этотъ трудъ. Сочиненіе Мальменти можно отнести къ исторіи культуры, или, скорѣе, къ исторіи венеціанскаго общества. Факты, относящіеся къ внѣшней исторіи и государственному устройству,—у автора на второмъ планѣ. Книга Мальменти переведена и на французскій языкъ.

— Сравнительная статистика современнаго историческаго положенія государствъ образованнаго свѣта подробнѣе всего изложена въ сборникѣ, выходящемъ въ Лондонѣ уже 23-й годъ: «Ежегодникъ государственнаго человѣка» (The Statesman's year-book. Statistical and historical annual of the states of the civilize world for the year 1866). Еще Гёте сказалъ: «Говорятъ, что цифры управляютъ міромъ: во всякомъ случаѣ неоспоримо, что цифры показываютъ, какъ міръ управляется». И цифры эти, провѣренныя по офиціальнымъ источникамъ, очень краснорѣчивы въ англійскомъ ежегодникѣ, особенно, если ихъ сопоставить между собою по разнымъ государствамъ цивилизованнаго міра. Подробные указатели по всѣмъ странамъ и обширная библіографія еще болѣе увеличиваютъ значеніе сборника, отличающагося полнотою, отчетливостью и обиліемъ заключающихся въ немъ свѣдѣній.

— Извѣстный профессоръ новѣйшей исторіи Эдуардъ Фриманъ издалъ подъ названіемъ «Методы историческаго изученія» (The methodes of historical study) сборникъ своихъ лекцій въ Оксфордскомъ университетѣ. Историкъ этотъ отличается, между прочимъ, попыткою ввести въ методъ преподаванія исторіи юмористическій взглядъ. Онъ любитъ также прибѣгать къ парадоксамъ, доказываетъ, что Карлъ Великій не былъ французомъ, что раздѣлять исторію на древнюю и новую—чистый абсурдъ и т. п. Но главная

его заслуга состоитъ въ томъ, что онъ прекрасный популяризаторъ. Его «Очеркъ исторіи Европы», переведенный и на русскій языкъ г. Стратилатовымъ въ изданіи Суворина, вполнѣ характеризуетъ его методу. Но, по содержанію, выше этого сочиненія его «Исторія норманскаго завоеванія» и «Исторія федеральнаго управленія». Въ изданномъ нынѣ томѣ лучше всего главы о современныхъ средневѣковыхъ и классическихъ писателяхъ исторіи. Особенно хороши характеристики Пальгрева, Галлама, Огюстена Тьерри, Кембля, Тируалля, Грота, Финлея, Мильмана, Курціуса, Момзена. Изъ средневѣковыхъ историковъ мастерски обрисованы Сидоній Аполлинарій и Григорій Турскій. Но въ главѣ о трудностяхъ изученія исторіи Фриманъ вдругъ называетъ исторію — сказкою, разсказываемою для забавы, и утверждаетъ, что самые неоспоримые историческіе факты подвержены сомнѣнію. И, все-таки, не смотря на всѣ парадоксы, книга его читается съ большимъ интересомъ.

— У англичанъ есть сапожникъ и миссіонеръ Вильямъ Корей, жизнь котораго описалъ Джорджъ Смитъ въ книгѣ: «The life of William Corey, shoemaker and missionary». Этотъ сапожникъ, хотя послѣдователь ученія баптистовъ, былъ основателемъ религіозной общины въ Индіи, гдѣ его миссіонерская дѣятельность имѣла большой успѣхъ, хотя и встрѣтила много препятствій, особенно въ началѣ его проповѣди, при управленіи Ост-индской компаніи, изъ политическихъ видовъ мѣшавшей распространенію христіанства. Дѣло доходило до того, что, начавъ свою проповѣдь въ Серампурѣ на Индѣ, Карей не разъ долженъ былъ переходить за рѣку Гугли, гдѣ начинались датскія владѣнія и куда миссіонеры скрывались отъ преслѣдованія въ англійскихъ владѣніяхъ. Родившись въ 1761 году, въ семьѣ бѣднаго ткача, Карей до 28 лѣтъ занимался сапожнымъ ремесломъ, когда почувствовалъ въ себѣ даръ проповѣдничества и, испытавъ свои силы на этомъ поприщѣ въ мѣстѣ своего рожденія, въ маленькой англійской деревушкѣ Мидленда, отправился въ Индію въ 1793 году. Первыя семь лѣтъ онъ проповѣдовалъ въ сообществѣ двухъ другихъ англійскихъ миссіонеровъ; потомъ къ нимъ присоединилась первая женщина проповѣдница въ Индіи, Анна Маршманъ. Въ Серампурѣ учреждена была типографія для печатанія религіозныхъ брошюръ, и съ нею успѣхъ проповѣди значительно усилился. Однимъ изъ первыхъ прозелитовъ былъ индусъ Кришна Чандра, котораго миссіонеры вылечили отъ тяжкой болѣзни. Приписавъ свое выздоровленіе вліянію новаго ученія, индусъ не только крестился, но и самъ сдѣлался проповѣдникомъ христіанства. Въ 1818 году, въ Серампурѣ было уже огромное заведеніе, печатавшее словари, грамматики и переводы библіи. Оно вскорѣ сгорѣло со всѣмъ своимъ богатымъ матеріаломъ, но Карей не упалъ духомъ и устроилъ новую типографію. Въ то же время онъ много содѣйствовалъ уничтоженію ужасныхъ обрядовъ индѣйской религіи: сутти (сожженіе вдовъ съ тѣломъ мужа) и дѣтоубійства, а также гуманному обращенію съ прокаженными и леченію ихъ. Карей зналъ нѣсколько туземныхъ нарѣчій въ Бенгалѣ и былъ назначенъ профессоромъ санскритскаго языка въ Калькуттѣ. Онъ основалъ также въ Индіи общества садоводства и агрономическое и на ученомъ поприщѣ принесъ не меньше пользы, чѣмъ на миссіонерскомъ. Церковь, основанная имъ въ Индіи, считаетъ теперь, послѣ 90 лѣтъ своего существованія, 600 тысячъ новообращенныхъ христіанъ.

— Вышли двѣ замѣчательныя книги о Бразиліи, лучшія изъ всего, что

написано объ этой странѣ: «Изслѣдованія и странствованія по Бразиліи на протяженіи трехъ тысячъ миль» (Exploring and travelling three thousand miles throug Brazil by James Wells) и «Годъ въ Бразиліи съ замѣтками объ уничтоженіи рабства, о финансахъ имперіи и пр.» (A year in Brazil with notes on the abolition of slavery, the finances of the empire etc. by Hastings Charles Dent). Авторъ первой книги—англійскій инженеръ, отправившійся, по примѣру многихъ изъ своихъ соотечественниковъ, за океанъ искать наживы въ малоизвѣстныхъ странахъ. Онъ описываетъ свое путешествіе съ цѣлью изслѣдованія природныхъ богатствъ обширныхъ провинцій Бразильской имперіи: Вагіи, Минас-Гераесъ, Гойаса и Мараньяо. Много новаго и любопытнаго встрѣчалъ онъ на этомъ пути и разсказываетъ живо и увлекательно о своихъ похожденіяхъ среди картинъ великолѣпной, но дикой природы. Жизнь въ этихъ странахъ представляетъ разительный контрастъ съ жизнью Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и открываетъ обширное поле для наблюденій и сравненій, чѣмъ и воспользовался авторъ. Провинціи, изслѣдованныя имъ, не походятъ даже на лежащія на берегу океана и принадлежащія той же имперіи. Эмиграція во внутреннія земли Бразиліи почти вовсе не существуетъ, и вліяніе европейской цивилизаціи въ нихъ совершенно ничтожно. Авторъ второй книги также инженеръ, проводившій желѣзную дорогу изъ Ріо-Жанейро въ провинцію Минас-Гераесъ. Онъ больше говоритъ о финансовомъ положеніи страны, источникахъ ея доходовъ, ея богатствахъ, администраціи и т. п. Большая часть книги занята офиціальными документами. Авторъ говоритъ также много о положеніи индійскихъ племенъ и считаетъ первобытныхъ дикарей выродившимися потомками исчезнувшей и постепенно падавшей цивилизаціи. Оба сочиненія даютъ ясное понятіе объ обширной имперіи, управляемой гуманнымъ и либеральнымъ монархомъ.

— Мы говорили уже о «Воспоминаніяхъ герцога Виктора де Брольи» (Souvenirs du duc Victor de Broglie). Теперь вышли еще два тома, въ которыхъ «Воспоминанія» доведены до революціи 1830 года. Въ нихъ авторъ является преимущественно политикомъ. Герцогъ былъ искреннимъ монархистомъ, но хотѣлъ, чтобы монархія была честно-конституціонная и парламентская, а этого-то качества и не имѣла реставрація. Эмигранты хотѣли, чтобы она существовала только для нихъ, духовенство не хотѣло признать свободы совѣсти и вѣроисповѣданія, король хотѣлъ управлять самодержавно, министры не допускали контроля надъ своими дѣйствіями. Вотъ почему герцогъ Брольи былъ въ оппозиціи и при Людовикѣ XVIII, и при Карлѣ X. Уже при министерствѣ Мартиньяка конституція такъ часто нарушалась, что государственный переворотъ или революція были неизбѣжны. «Воспоминанія» касаются всѣхъ важныхъ политическихъ и общественныхъ фактовъ отъ 1820 до 1830 года. Палата депутатовъ, наполненная кандидатами правительства, вотировала всѣ реакціонныя мѣры, имъ предлагаемыя, и народъ принужденъ былъ, наконецъ, прогнать своихъ мнимыхъ представителей, какъ прогналъ ихъ и позже, въ 1848 и 1870 году. И герцогъ Брольи былъ весь поглощенъ политическими перипетіями. Онъ мало говоритъ о литературѣ и искусствѣ той эпохи. Зять г-жи Сталь, онъ, однако, несимпатично отзывается о романтической школѣ, не упоминаетъ ни о Гюго, ни о Ламартинѣ, ни о Нодье, ни о Делакруа. Интереснѣйшая часть его «Воспоминаній» относится къ болѣе отдаленной эпохѣ—революціи 1789 года, о которой онъ тоже отзывается

далеко невосторженно, а, напротивъ, разоблачаетъ мнимые геройскіе подвиги революціонеровъ. Такъ, по случаю смерти въ 1826 году Буасси д'Англа, Брольи относитъ къ легендамъ разсказъ о геройствѣ президента конвента 1-го преріаля, когда взбунтовавшаяся чернь ворвалась въ залу засѣданія и, убивъ депутата Феро, поднесла голову его, воткнутую на пику, къ креслу президента, а Буасси д'Англа снялъ шляпу передъ головою своего товарища, рискуя раздѣлить его участь. Подвигъ этотъ сохранила исторія, и Делакруа написалъ знаменитую картину, изображавшую сцену въ конвентѣ. Между тѣмъ Брольи увѣряетъ, что Буасси д'Англа и не думалъ снимать шляпы передъ головою Феро, а только отстранилъ ее съ отвращеніемъ, когда ее поднесли къ нему, и оставилъ президентское кресло, даже не закрывъ засѣданія. Онъ вернулся потомъ съ отрядомъ войскъ, очистившихъ залу отъ толпы. Когда же въ бюро составляли отчетъ объ этомъ засѣданіи, оно вспомнило о Цезарѣ, съ почтеніемъ поклонившемся принесенной ему головѣ Помпея,—что̀ также мало правдоподобно,—и приписало подобный же поступокъ президенту конвента. Буасси д'Англа, сдѣланный перомъ при Людовикѣ XVIII, былъ, по словамъ Брольи, далеко не герой, а довольно пустой человѣкъ. Поступокъ его такая же выдумка, какъ слова духовника Людовика XVI, сказанныя королю на эшафотѣ: «Сынъ Людовика святого! иди на небо!» или фраза Камброна: «Гвардія умираетъ, а не сдается». Въ исторіи немало такихъ апокрифическихъ легендъ.

— Любопытная книга переведена съ арабскаго, подъ заглавіемъ: «Три пророка: Махди, Гордонъ, Араби» (Les trois prophètes: Mahdi, Gordon, Arabi). Авторъ ея Лонг-бей былъ офицеромъ египетской арміи, состоялъ одно время при Гордонѣ, когда тотъ былъ назначенъ губернаторомъ Судана, и хорошо зналъ Араби-пашу, когда онъ былъ еще полковникомъ и потомъ военнымъ министромъ. Значеніе этихъ лицъ и роль Махди разсматриваются авторомъ съ политической точки зрѣнія. Всѣ трое они послужили предлогомъ Англіи для утвержденія своего владычества въ Египтѣ, потому что никто не повѣритъ тому, чтобы англичане когда нибудь вышли добровольно изъ страны фараоновъ, не смотря на формальныя обѣщанія Гладстона и двусмысленныя увѣренія Салисбюри въ признаніи верховныхъ правъ султана. Если Европа не возьмется за то, чтобы прогнать ихъ съ береговъ Нила, какъ Махди прогналъ ихъ изъ Судана, они будутъ продолжать высасывать послѣдніе соки несчастной страны и кончатъ тѣмъ,—какъ уже начинаютъ проговариваться,—что вовсе запрутъ, или уничтожатъ Суэзскій каналъ, чтобы затруднить доступъ Европѣ въ Индію. Это будетъ, конечно, нарушеніемъ международнаго права, но развѣ англичане останавливаются передъ такими пустяками? Вѣдь бомбардировали же они Александрію вопреки всякой политикѣ, логикѣ и гуманности. Переводчикъ книги Лонг-бея приводитъ приложенныя къ ней, въ оправдательныхъ документахъ, выписки изъ мемуаровъ Араби-паши, въ которыхъ этотъ передовой египтянинъ говоритъ прямо: «я былъ покинутъ и обманутъ всѣми». Это же можетъ повторить всякій, кто входилъ когда нибудь и въ какія нибудь сношенія съ англичанами.

— Еще одна часть средиземнаго африканскаго побережья скоро сдѣлается добычею цивилизованнаго народа. Французы, захвативъ Тунисъ, что-то очень много говорятъ и пишутъ о Марокко. Въ «Revue des deux mondes» Габріель Шарль помѣщаетъ обширное изслѣдованіе этой страны. Кастоне де Фоссъ составилъ объ ней цѣлую книгу и надняхъ вышла объемистая

книга Людовика Кампу: «Разрушающаяся имперія. Современный Марокко» (Un empire qui croule. Le Maroc contemporain). Всѣ эти сочиненія доказываютъ краснорѣчиво, что Марокко гибнетъ окончательно и что для него нѣтъ другого спасенія, какъ прибѣгнуть подъ покровительство Франціи. Особенно печальную картину страны представляетъ книга Кампу. Между тѣмъ въ Марокко шесть милліоновъ жителей и пространство обработанной земли доходитъ до 60 милліоновъ гектаровъ, а торговля до 40 милліоновъ въ годъ, не говоря уже о нетронутыхъ еще богатствахъ страны—минеральныхъ и растительныхъ.

— Въ послѣдніе мѣсяцы появилось нѣсколько историческихъ новостей и въ польской литературѣ. Изъ нихъ можно указать на монографію гр. Людовика Дембицкаго «Пулавы» (Pulawy, 1762—1830, monografia z zycia towarzyskiego politycznego u literackiego, na podstawie archiwum ks. Czartoryskich w Krakowie. Lwow. 1887). Это — попытка написать исторію-хронику знаменитой «фамиліи» (какъ называли въ свое время Чарторыскихъ), пріуроченную къ ихъ родовому гнѣзду, въ которомъ одно время, послѣ паденія Варшавы и плѣна Костюшки, кипѣла жизнь, дѣлавшая Пулавы какъ бы умственнымъ центромъ края, только-что утратившаго политическую независимость. Не могли не найдти здѣсь отголоска и политическія злобы дня, въ духѣ незадолго до того покончившаго свою дѣятельность четырехлѣтняго сейма. Благодаря знатности «фамиліи», незадолго до того давшей странѣ двухъ способныхъ личностей,—канцлера Михаила и воеводу Августа Чарторыскихъ, — благодаря ловкости, съ какою Чарторыскіе (близкіе родственники несчастнаго Станислава-Августа) умѣли избѣгать компрометирующихъ связей и удаляться со всякой скользкой почвы, резиденція тогдашняго нисходящаго представителя фамиліи, обыкновенно называемаго «генераломъ земель подольскихъ», могла оказывать вліяніе на современное, растерявшееся отъ ударовъ судьбы польское общество. Этому способствовала не столько личность самого «князя-генерала», не выдававшаяся ничѣмъ особеннымъ, сколько его жены Изабеллы, рожденной Флемингъ. Авторъ, не одаренный, повидимому, талантомъ историка, далъ въ своей книгѣ нѣчто въ родѣ домашней хроники Пулавъ, на основаніи богатыхъ, впрочемъ, матеріаловъ, какіе представлялъ ему фамильный архивъ Чарторыскихъ. Лучшую часть книги составляетъ характеристика того, какъ владѣльцы Пулавъ, являясь покровителями отечественной литературы, но не увлекаясь современными варшавскими ложноклассическими вкусами, старались наложить на умственныя проявленія патріотическій оттѣнокъ, собирали складъ документовъ, музей остатковъ прошлаго, старались служить примѣромъ «любви къ простому народу», короче, были типомъ просвѣщенныхъ аристократовъ, старавшихся приблизить простой народъ къ высшимъ классамъ, конечно, въ извѣстныхъ польскихъ границахъ. Въ сущности, это была та же декорація, только отчасти на новый ладъ. «Народъ» допускался на панскій дворъ даже и у старомодныхъ, неистовыхъ польскихъ магнатовъ, которые любили изображать изъ себя царьковъ (напримѣръ, кн. Яблоновскій), окружали себя, кромѣ того, бѣдными дворянами-приживальщиками и т. п. Но «князь-генералъ» Чарторыскій извѣстенъ былъ за человѣка либеральнаго для своего времени; безобразной дворни старыхъ вельможныхъ временъ у него, конечно, не было. Князя окружали представители тогдашняго литературнаго и художественнаго міра, а также молодежь, среди которой каждый торжественный случай, даже каждое раз-

влеченіе безъ труда пріобрѣтало патріотическій колоритъ, тѣмъ болѣе въ такую эпоху, какъ наступившая послѣ послѣдняго раздѣла. Соотвѣтственно этому практиковалась и «любовь къ народу», если неособенно глубокая, то, всетаки, выходившая за прежнія кастовыя понятія. Для нашего времени эти проявленія народныхъ чувствъ были бы очень обыкновеннымъ дѣломъ: княгиня съ дочерью занимались обученіемъ крестьянскихъ дѣтей, подавали имъ лекарствами помощь въ болѣзняхъ, основывали школы, больницы, писали для сельскаго люда книжки; князь еще на сеймѣ поднялъ мысль о постепенной замѣнѣ барщины оброкомъ, учреждалъ въ пулавскихъ имѣніяхъ ссудныя кассы и т. п. Словомъ, Чарторыскіе въ ту печальную пору держались со своей обычною патріотическою ловкостью, увеличивали популярность своей фамиліи въ обездоленномъ краѣ, а тѣмъ временемъ ихъ юный отпрыскъ Адамъ сводилъ въ Петербургѣ дружбу со старшимъ внукомъ русской императрицы. При тогдашнихъ обстоятельствахъ, послѣ окончательнаго разгрома польскихъ областей, это именно былъ путь, указываемый благоразумною предусмотрительностью: дружить съ Россіей и въ то же время искать себѣ симпатій въ своемъ народѣ, допуская болѣе широкое съ нимъ общеніе, создавая въ то же время печально-торжественный культъ прошлаго. Не даромъ же. воспитанный въ такой школѣ, Адамъ Чарторыскій впослѣдствіи съумѣлъ кое-что сдѣлать для своей отчизны, хотя и на короткое время.

Если соотечественники владѣльцевъ Пулавъ и впадаютъ въ понятное преувеличеніе, называя Пулавы польскими Аѳинами и Веймаромъ (по отношенію къ литературному меценатству), то несомнѣнно, что литературно-патріотическое направленіе Пулавъ успѣло пустить довольно прочные корни; здѣсь должно искать, напримѣръ, корня того виленскаго патріотическаго романтизма, который проявилъ себя въ двадцатыхъ годахъ, въ попечительство Адама Чарторыскаго, воспитанника (по духу) Пулавъ. Во всякомъ случаѣ, эта эпоха,—съ 1794 года до наполеоновскихъ войнъ, — одна изъ интереснѣйшихъ и самыхъ вліятельныхъ для будущаго эпохъ внутренней польской исторіи. Разсматриваемая книга—не первая уже попытка освѣтить упомянутое время съ извѣстной точки зрѣнія. Еще въ прошломъ году вышла брошюра на ту же тему подъ названіемъ «Княжеское гнѣздо» (Ksiazece gniazdo), впрочемъ, болѣе внѣшняго характера. Подобный культъ прошлаго у поляковъ составляетъ даже хорошую ихъ черту, хотя имѣетъ для исторіи свои неудобства. Подобныя «Пулавамъ» архивныя хроники грѣшатъ обыкновенно тѣмъ, что, наконецъ, быть можетъ, невольно, впадаютъ въ тонъ панегирика по отношенію къ героямъ фамильной монографіи, или, по крайней мѣрѣ, оставляютъ въ пробѣлѣ ихъ темныя стороны. Такое свойство, какъ почти неизбѣжное, замѣчено и у русскихъ сочиненій аналогичнаго характера и заставляетъ пользоваться ими съ извѣстною осторожностью.

— Гораздо высшее мѣсто, по отношенію къ свойствамъ, требуемымъ отъ историческаго сочиненія, занимаетъ трудъ ксендза Калинки «Четырехлѣтній сеймъ» (Sejm czteroletni), вторая часть второго тома котораго вышла истекшимъ лѣтомъ. Книга ксендза Калинки, при первоначальномъ своемъ появленіи, вызвала похвальные отзывы съ авторитетныхъ сторонъ, именно по отношенію къ трезвости взгляда на описываемыя имъ роковыя для Польши событія. Новый томъ даже интереснѣе прежнихъ, посвященныхъ внѣшней политикѣ Польши предъ ея паденіемъ,—интереснѣе потому, что внѣшняя политика сейма и польскаго правительства, отношенія къ Польшѣ сосѣднихъ

державъ значительно уже исчерпаны и выяснены историками помимо польской литературы. Новый же томъ авторъ посвящаетъ внутреннему состоянію страны, прерывая разсказъ предъ самой конституціей 3-го мая 1791 года. Онъ говоритъ, между прочимъ, о печальномъ экономическомъ положеніи края, о дурной системѣ податей и неисправномъ поступленіи доходовъ, вслѣдствіе чего казна оскудѣвала. Авторъ разбираетъ шагъ за шагомъ дѣятельность сейма, не отступая, однако жъ, отъ обязанности историка и не впадая въ лѣтописный тонъ. Въ разборѣ церковныхъ дѣлъ видѣнъ ксендзъ, порицающій, напримѣръ, сеймовое постановленіе 1789 года объ отобраніи въ казну имѣній Краковскаго епископства, какъ мѣру чисто-революціонную, внушенную духомъ тогдашняго французскаго радикализма. Въ вопросѣ о наслѣдственности престола сочувствіе автора обращено къ королевскому племяннику, Іосифу Понятовскому, кандидатурѣ котораго самъ король покровительствовалъ, но очень слабо и нерѣшительно. Быть можетъ, и основательно предположеніе, что успѣхъ этой домашней кандидатуры, при установленіи наслѣдственности трона, составилъ бы нѣкоторый противовѣсъ чужеземнымъ протекціямъ, но въ томъ и бѣда, что именно своихъ національныхъ избранниковъ (въ лицѣ Станислава-Августа) поляки не ставили въ грошъ и относительно ихъ личности никогда не могли достигнуть соглашенія. Этимъ объясняется окончательное торжество саксонской кандидатуры, не смотря на плачевные примѣры саксонско-польскихъ королей, хотя и этой кандидатурѣ осуществиться было немудрено.

Замѣчательна симпатія автора къ личности послѣдняго польскаго короля, котораго онъ рисуетъ съ извѣстною тщательностью. Добрая воля Станислава-Августа, конечно, не подлежитъ сомнѣнію, также, какъ, къ сожалѣнію, и его крайняя слабость въ государственномъ дѣлѣ. Что касается политической прозорливости короля, то авторъ старается возвысить, характеризуя (при общемъ обзорѣ тогдашней политической литературы) мнѣнія извѣстнаго въ то время въ литературѣ «Анонима», въ которомъ предполагаетъ особу примаса, королевскаго брата, а слѣдовательно, и взгляды «Анонима» считаются тождественными со взглядами короля. Этотъ «Анонимъ» проявлялъ кое-какія реформатскія стремленія, совѣтовалъ поддерживать добрыя отношенія съ Россіей, сократить, но улучшить войско, чтобъ оно могло, по крайней мѣрѣ, поддерживать внутренній порядокъ, говорилъ объ улучшеніи состоянія крестьянъ; очевидно, что все это составляетъ слишкомъ шаткое основаніе для сужденія даже о личности неизвѣстнаго памфлетиста, а тѣмъ болѣе самого короля, характеристику котораго гораздо лучше составлять по историческимъ событіямъ. Но упомянутое стремленіе, кажется намъ, само по себѣ характерно, какъ указатель направленія современной польской исторіографіи, старающейся отыскать признаки жизненности во всѣхъ фазисахъ прошлой исторіи своей страны.

— Доказательствомъ этого служитъ и вышедшая въ первой половинѣ года книга Казиміра Яроховскаго «Изъ саксонскихъ временъ» (Z czasow saskich spraw wewnetznych polityki i wojny. Poznàn. 1886). Это — сборникъ историческихъ этюдовъ, посвященныхъ эпохѣ, которую, по справедливому замѣчанію польскихъ рецензентовъ, должно считать даже болѣе мрачною, чѣмъ послѣдующіе годы фактическаго распаденія Польши, разворенія, какое пережила Польша при саксонской династіи, особенно въ продолжительное царствованіе Августа III. Страна, управляемая иностраннымъ

государемъ, который о ней очень мало заботился и даже по происхожденію былъ ей вполнѣ чуждъ, привыкала къ иностранному вліянію въ дѣлахъ внутреннихъ и, радуясь внѣшнему спокойствію, не замѣчала возростанія собственной слабости. Какъ видно, послѣднее проявленіе активной политики у Польши было при Августѣ II. Затѣмъ, войска сосѣднихъ государствъ, постепенно усиливавшихся, имѣли въ страну свободный доступъ, благодаря, больше всего, упадку гражданскаго духа въ Польшѣ, который сказался и на измельчаніи ея войска. Это была эпоха мрачной, удушливой тишины, предшествующей бурѣ. И въ такую-то эпоху авторъ ухитряется искать хотя что нибудь свѣтлое, но это ему неособенно удается. Такъ, онъ пытается характеризовать въ лучшемъ, противъ обычнаго, свѣтѣ хозяйничанье тогдашнихъ польскихъ воеводъ, представить нѣкоторый ростъ общественнаго мнѣнія (т. е. шляхты) подъ вліяніемъ политическихъ событій и т. д. Хорошія исключенія могутъ быть въ самой печальной средѣ, но уже одного того факта, какъ держали себя представители шляхты въ спорѣ за корону между Августомъ II и Станиславомъ Лещинскимъ, переходя то къ тому, то къ другому, достаточно, чтобъ извѣриться въ нравственныхъ успѣхахъ тогдашней шляхты, а другаго общественнаго мнѣнія, кромѣ шляхетства, въ Польшѣ тогда еще не существовало. Все лучшее, что старалось достигнуть національнаго возрожденія въ эпоху раздѣла Польши, должно отнести скорѣе къ сохранившимся остаткамъ прежнихъ, старопольскихъ временъ, случайно уцѣлѣвшимъ отъ нравственной гнили, непосредственно предшествовавшей паденію, т. е. саксонской эпохи. Станислава Лещинскаго, котораго иные выставляютъ какимъ-то національнымъ героемъ, авторъ цѣнитъ не высоко: по его мнѣнію, Лещинскій далеко не стоялъ на высотѣ своего положенія, хотя и могъ имѣть симпатичныя качества, какъ человѣкъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Дѣловыя и литературныя диковинки.

ЗАНИМАЯСЬ уже нѣсколько лѣтъ собираніемъ историческихъ матеріаловъ въ обширной Пермской губерніи (о чемъ см. «Историческій Вѣстникъ» за ноябрь 1884 года), я наталкивался подчасъ на такія дѣловыя и литературныя диковинки, которыя если не имѣютъ серьёзнаго научнаго значенія, то крайне занимательны по своей оригинальности, тѣмъ болѣе, что авторами ихъ нерѣдко являются духовныя лица, коимъ, по ихъ званію и сану, совсѣмъ бы не приличествовало пробавляться разными глупостями. Такіе курьёзы ужъ не разъ встрѣчались въ моихъ поискахъ. Я не оставлялъ и ихъ безъ вниманія, потому что они характеризуютъ среду, которая порождала ихъ виновниковъ. Да не подумаетъ читатель, что приводимыя ниже два прошенія частныхъ лицъ — простая забава какихъ нибудь шутниковъ, плодъ празднаго воображенія, пустая и глупая выдумка. Напротивъ, это — настоящіе дѣловые документы, поданные въ формѣ прошеній въ надлежащія учрежденія, занесенные сими послѣдними въ книги входящихъ бумагъ за извѣстными №№ и формально рѣшенные подлежащими властями. Если мы просмотримъ дѣла рязанскаго полицейскаго управленія за сентябрь 1825 года и пермской духовной консисторіи за августъ 1850 года, то найдемъ въ нихъ и все производство дѣлъ по этимъ курьёзнымъ прошеніямъ [1]). Точныя

---

[1]) Въ № 230-мъ казанской газеты «Волжскій Вѣстникъ» (за 1885 г.), редактируемой мѣстнымъ профессоромъ Н. П. Загоскинымъ, помѣщено подобное же «села С..... попа Андреева слезно-рыдающее прошеніе», поданное въ N....скую провинціальную духовную консисторію. Этотъ раритетъ былъ найденъ въ одномъ архивѣ въ числѣ дѣловыхъ бумагъ. Къ сожалѣнію, лицо, напечатавшее его, сочло нужнымъ скрыть время и мѣсто происшествія. Авт.

копія съ этихъ «рѣдкостныхъ» прошеній найдены мною въ бумагахъ покойнаго секретаря пермской духовной консисторіи, Ивана Архарова, ранѣе Перми служившаго въ Костромѣ, Полтавѣ, Архангельскѣ и Петербургѣ, гдѣ онъ, въ 1825 году, и началъ свою «дѣятельность» въ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода. Копіи формально занумерованы, скрѣплены подписомъ и пришиты къ другимъ дѣловымъ бумагамъ, оставшимся послѣ покойнаго, изъ коихъ нѣкоторыя собственноручно подписаны когда-то извѣстными оберъ-прокурорами св. синода, Протасовымъ и Нечаевымъ. Въ достовѣрности копій, значитъ, нечего сомнѣваться. Читая эти дѣловыя диковинки, не знаешь, чему удивляться больше: глупости ли самихъ просителей, или крайней снисходительности къ людской «простотѣ» тѣхъ лицъ и учрежденій, коими принимались подобныя прошенія, вызывавшія, вдобавокъ, формальное производство дѣла.

Кромѣ двухъ «рѣдкостныхъ» прошеній, я привожу, кстати, еще одну диковинку съ претензіей на литературныя достоинства. Она найдена въ бумагахъ того же Архарова. Это—рѣчь, сказанная инспекторомъ N....ской семинаріи смотрителю N—скихъ духовныхъ училищъ, архимандриту Гавріилу, при назначеніи его членомъ N....ской духовной семинаріи. Всѣ эти фактическія данныя означены на старинномъ спискѣ рѣчи рукою самого Архарова, едва ли не бывшаго въ числѣ слушателей «велемудраго ритора». Къ сожалѣнію, ни мѣсто, ни время частнаго торжества не обозначено. По нѣкоторымъ даннымъ, можно только догадываться, что дѣло было въ Полтавѣ, гдѣ г. Архаровъ, какъ видно изъ формуляра, служилъ въ 1838—1840 гг Вся рѣчь есть истинный «перлъ» старинняго бурсацкаго краснорѣчія. Обратимся же къ самымъ курьёзамъ.

Курьёзъ № 1-й.

«Въ рязанскую градскую полицію
«отъ священника Стеѳана Іоаннова
«объявленіе и прошеніе.

«Царствовавшій во Израилѣ до воплощенія Спасителя міра Богоотецъ, пророкъ Давидъ, псалтырею своею 46 псалма, въ 5 стихѣ, глаголетъ: «Рѣчная устремленія веселятъ градъ Божій!» Ибо и азъ, симъ восхищаясь сладостнѣ, изыдохъ изъ града на страну далече, въ поля дубравная, идеже протекаетъ рѣка ягнѣ Ока, славянски глаголемая, на брезѣ коей стояла корчемница, въ ню же, по незлобію моему, внидохъ и упихся до зѣла, и параклисіархи винныхъ паровъ внидоша до мозгу главы моея и начаша ударяти во вся тяжкая. По довольномъ же колебаніи, пріиде очима моима дреманіе и покой Краніама, и се видя видѣніе ужасное, яко носиму дыханію бурну окрестъ мягкаго ложа моего; обступиша бо мя врази мои и совлекоша съ меня одежды моя, и абіе трепетенъ бызъ, воспрянувъ, — и се о! веліе чудо!! не обрѣтохъ на бренной плоти моей ни единыя одежды моея, ни пенезей моихъ, нижѐ на нозѣ сандаліевъ, въ ня же обувенъ бызъ.

«Сего ради градскую полицію прошу: да взыщетъ вся, елика суть моя.

«Сентября 18 дня 1825 года.

«Къ сему объявленію многогрѣшный іерей Стеѳанъ Іоанновъ руку приложилъ».

PS. Вверху объявленія помѣта: «Получено 19 сентября 1825 г.
«№ 241».

Курьёзъ № 2-й.

«Его высокопреосвященству, высокопреосвященнѣйшему Аркадію, архіепископу пермскому и верхотурскому и разныхъ орденовъ кавалеру [1]).

«Кончившаго курсъ семинаріи,
«Василія Максимова,
«покорнѣйшее прошеніе.

«Адамъ, преступивъ данную ему въ раю заповѣдь, лишился всѣхъ благъ, какими наслаждался въ невинномъ своемъ состояніи: я, пріобщившись такому грѣху, который нѣкогда былъ поводомъ къ проклятію всего потомства Хамова, сдѣлался недостоинъ вашихъ милостей,—тѣхъ милостей, какія получаютъ другіе, до конца подвизавшіеся подвигомъ добрымъ. Поэтому и мнѣ, какъ прародителю, остается скрыться отъ лица вашего — уѣхать изъ Перми и внѣ ея жить до тѣхъ поръ, пока вы, ваше высокопреосвященство, не вопросите: «Василіе! гдѣ еси?», и потомъ не прикроете священною одеждою срамоты дѣлъ прежней моей жизни и не укажете мѣста, куда бы я поселился для воздѣлыванія вертограда Христова.

«Оставаясь въ ожиданіи всего этого, я осмѣливаюсь думать, что вѣрнѣйшимъ залогомъ вашей будущей ко мнѣ благосклонности будетъ служить то, что вы прикажете выдать мнѣ билетъ и отправиться въ домъ родителя или брата, смотря по тому, у кого я найду себѣ пріютъ.

«Къ сему прошенію кончившій курсъ семинаріи Василій Максимовъ подписуюсь. 1850 года августа 4 дня».

PS. Вверху прошенія сдѣлана слѣдующая замѣтка: «№ 2,491. Резолюція его преосвященства: «Прошеніе замѣчательное! Уволить».

Курьёзъ № 3-й.

«Ваше высокое преподобіе,
«почтеннѣйшій отецъ!

«Простосердечная поселянка, добрая мать, увидѣвъ нечаянно любимаго сына своего, который взятъ былъ на государственную военную службу, идущимъ предъ полкомъ съ блестящимъ барабаномъ, не могла удержаться отъ слезъ удовольствія и, въ жару восторга, поспѣшивъ къ роднымъ своимъ, вѣщала имъ тако: «Радуйтеся, любезные, со мною! сынъ мой, котораго я считала погибшимъ и отъ котораго себѣ ничего не обѣщала, слава Богу, живъ и здоровъ: теперь идетъ предъ цѣлымъ полкомъ и несетъ предъ собою золотую дѣжечку (sic). Стало быть, онъ въ полку—первый!».

«Не главами простодушной поселянки взираемъ мы на успѣхи людей! Не тщетно радуемся о приближенныхъ намъ! Не блестящій барабанъ занимаетъ наше вниманіе и не суетно мы основывали нашу надежду на истинныя достоинства!

«Ваше высокое преподобіе! Скоро чаемъ мы видѣть тебя въ нарочитомъ сословіи людей, но не предъ полкомъ идущаго и не блестящимъ барабаномъ по величественнымъ бедрамъ твоимъ препоясаннаго! Судьбамъ Вышняго

---

[1]) Преосвященный Аркадій служилъ въ Перми между 1831—1851 гг. Изъ Перми онъ былъ переведенъ въ Олонецкую епархію. Авт.

угодно было поставить тебя судить прю людей, избавляти нища и убога отъ руки грѣшничи, быть защитникомъ сира и вдовицы и подавлять лукавство, силящееся помрачить свѣтъ истины. Скоро возсядешь ты въ сонмищѣ старѣйшинъ коллегіи! Знаменитое, но многотрудное поприще сіе! Тутъ встрѣтятъ тебя тьмочисленныя заботы, которыя не дадутъ очамъ твоимъ сна и вѣждома твоима дреманія. Встрѣтятъ также и ползающія у священныхъ ногъ твоихъ искушенія, простирая къ тебѣ золотыя свои руки. Чѣмъ укрѣпишь и оградишь себя?

«Молодая сельская дѣвица, въ вожделѣнный день брака своего, въ сладостный вечеръ, въ рѣшительный часъ чести своей, сопровождаемая всѣми родными и пріятелями на ложе испытанія, обратясь къ заботящейся родительницѣ своей, въ слезахъ говорила: «Матенько-голубонько! Молися жъ Богу, щобь я честною вышла, бо вже минѣ не дармо сверделъ снився!».

«Ваше высокое преподобіе! На мѣстѣ испытанія и искушенія, которыя могутъ окружать тебя, однѣ усердныя и теплыя къ Богу молитвы потребны и дѣйствительны: сими, безъ сомнѣнія, вся противная и лукавая торжественно побѣдиши!

«Радуясь твоему возвышенію и усердно тебя съ онымъ поздравляя, желаемъ, да примѣрными оной дѣвицѣ молитвами твоими изнеможетъ всякъ глаголъ о тебѣ, бывшій и о ней до времени испытанія ея, и да Тотъ, въ рукахъ Коего судъ и истина нелицепріятны, дастъ тебѣ силу и могущество рѣшити и вязати и святой Его волѣ благоугодити!»

Ограничиваясь этими тремя курьёзами, я долженъ оговориться, что въ моихъ рукахъ имѣются важные въ научномъ отношеніи документы, проливающіе яркій свѣтъ на нравственное состояніе нашего духовенства въ его недалекомъ прошломъ. Я доставлю ихъ со временемъ въ распоряженіе редакціи «Историческаго Вѣстника».

Сообщено **Ал. А. Дмитріевымъ.**

Смоленскія сухія конфекты.

1.

«Милостивый государь мой Григорій Михайловичъ! [1])

«Извѣстно мнѣ, что ея императорское величество съ удовольствіемъ изволитъ кушать сухія сахарныя конфекты, приготовляемыя въ Смоленской губерніи, откуда оныя всегда доставляемы были покойнымъ Платономъ Юрьевичемъ Храповицкимъ, прежде бывшимъ въ Смоленскѣ губернаторомъ. Я бы совѣтовалъ вамъ предложить отъ себя какому либо дворянскому дому, а еще лучше, ежели бы нѣсколько домовъ согласясь представили вамъ таковыхъ конфектовъ, какъ продукты собственной ихъ экономіи, а вы бы ихъ уже ко мнѣ при своемъ отзывѣ доставили для поднесенія ея величеству, увѣдомивъ меня, отъ кого оныя будутъ вами получены.

---

[1]) Григорій Михайловичъ Осиповъ исправлялъ должность псковскаго и смоленскаго генералъ-губернатора.

«Впрочемъ имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью и проч.

«Графъ Александръ Самойловъ».

«16-го апрѣля 1795 г.»

2.

«Сіятельный графъ,
«милостивый государь!

«Узнавъ, что ея императорское величество изволитъ жаловать здѣшняго края сухія конфекты, осмѣливаюсь оныхъ, сколько у меня есть домашняго приготовленія, препроводить къ вашему сіятельству и всепокорнѣйше просить о поднесеніи оныхъ, если сіе усердное приношеніе съ благоугодностію ея императорскаго величества принято быть можетъ.

«Впрочемъ, поручая себя въ продолженіе вашего ко мнѣ благоволенія, имѣю честь пребыть съ душевнымъ почитаніемъ и таковою жъ преданностію на весь мой вѣкъ и проч.

«Григорій Осиповъ».

«Въ Смоленскѣ,
«апрѣля 28-го дня
«1795 г.»

3.

«Милостивый государь мой Григорій Михайловичъ!

«Чрезъ вручителя сего получилъ я при письмѣ вашего превосходительства ящикъ сухихъ конфектовъ, которыя въ прошедшій четвертокъ имѣлъ счастіе поднести ея императорскому величеству. Онѣ приняты со изъявленіемъ высочайшаго ея величества удовольствія и тотъ же часъ раздѣлены пополамъ съ его императорскимъ высочествомъ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ. При семъ случаѣ докладывалъ я ея императорскому величеству, что смоленскіе дворяне нынѣ таковыхъ конфектовъ не имѣютъ, но, узнавши, что ея величество ихъ жаловать изволитъ, постараются изготовить, сколь скоро поспѣютъ фрукты, и на сіе удостоился получить таковой отзывъ, что ея величество приношеніе ихъ изволитъ принять съ совершеннымъ благоволеніемъ, но желаетъ, однако жъ, чтобъ онѣ присланы были не прежде, какъ къ первой недѣлѣ великаго поста, для чего покорно васъ прошу не оставить принять о семъ вашего попеченія; впрочемъ, ежели по какимъ нибудь причинамъ должно сіи конфекты варить и посылать ранѣе назначаемаго времени, то пожалуйте, опишитесь о семъ прежде со мною, дабы я могъ о томъ донести ея императорскому величеству. За наливки, присланныя собственно для меня, приношу мою покорнѣйшую благодарность и, сохраняя къ вамъ непрестанно истинное мое почтеніе и преданность, пребываю и проч.

«Графъ Александръ Самойловъ».

«5-го мая 1795 г.»

4.

«Сіятельнѣйшій графъ,
«милостивый государь!

«Получа чрезъ возвратившагося моего нарочнаго лестный для меня отзывъ вашего сіятельства о благосклонномъ принятіи ея императорскимъ ве-

личествомъ сухихъ конфектовъ, я поставляю себѣ пріятнѣйшимъ долгомъ принести вамъ, милостивый государь, за содѣйствіе въ томъ мою душевную благодарность и притомъ донести, что, по приспѣяніи новыхъ плодовъ, отъ тѣхъ дворянскихъ домовъ, гдѣ оныя заготовляются, приготовлены будутъ, которыя и не упущу я къ назначенному времени для поднесенія ея императорскому величеству къ вамъ доставить. Впрочемъ, поручая себя въ продолженіе благоволенія вашего, имѣю честь пребыть съ глубочайшимъ моимъ почитаніемъ и душевною преданностію на весь мой вѣкъ непоколебимо и проч.

«Григорій Осиповъ».

«Въ Смоленскѣ,
«мая 16-го дня
«1795 г.»

5.

«Сіятельнѣйшій графъ,
«милостивый государь!

«Бывъ извѣщенъ отъ вашего сіятельства, что ея императорское величество съ благоволеніемъ удостоила принять отправленныя отъ меня въ прошломъ году сухія конфекты смоленскаго приготовленія, по поводу сему осмѣливаюсь и нынѣ препроводить оныхъ къ вамъ, милостивый государь, для всеподданнѣйшаго ея императорскому величеству поднесенія и, поручивъ себя въ продолженіе вашего ко мнѣ благоволенія, имѣю честь пребыть и проч.

«Григорій Осиповъ».

«Псковъ,
«февраля 10-го дня
«1796 г.»

При письмѣ этомъ приложенъ реестръ:

«Отъ меня:
Сухихъ конфектъ тридцать пять ящиковъ 35
Пастилъ двѣнадцать ящиковъ 12
«Отъ Каховскаго:
Сухихъ конфектъ десять ящиковъ 10
«Отъ Мезенцова:
Пять ящиковъ 5
«Отъ Чеславскаго:
Варенья ящикъ изъ двѣнадцати банокъ . . . . 12».

Сообщено **А. Н. Корсаковымъ**.

СМѢСЬ.

ЕМИДЕСЯТИПЯТИЛѢТІЕ КАЗАНСКАГО СОБОРА. 15 сентября исполнилось 75 лѣтъ со дня освященія Казанскаго собора въ Петербургѣ. Исторія собора восходитъ къ годамъ царствованія Анны Іоанновны; храмъ, въ которомъ стояла икона Казанской Богоматери, былъ освященъ 3-го іюля 1737 г., въ честь Рождества Богородицы; до этого времени чудотворная икона, привезенная въ 1579 г. изъ Казани, со дня перенесенія ея изъ Москвы въ Петербургъ Петромъ I, въ 1710 г., находилась въ деревянной свѣтлицѣ на Петербургской сторонѣ, въ Посадской улицѣ, стараго гостинаго двора. Въ 1712 г., народнымъ усердіемъ для иконы была устроена церковь во имя Рождества Богородицы (отъ имени этой церкви на Петербургской сторонѣ получила названіе Рождественская улица). Позднѣе, въ 1729 г., когда эта церковь пришла въ ветхость, икона была перенесена на Васильевскій островъ, во вновь построенный храмъ Андрея Первозваннаго. Къ концу XVIII столѣтія церковь Казанской Божіей Матери стала называться соборомъ; здѣсь совершались всѣ торжественныя богослуженія въ присутствіи высочайшихъ особъ; тутъ Екатерина II принимала присягу при восшествіи на престолъ. Въ 1800 г., Павелъ I приказалъ на той же площади, гдѣ былъ соборъ, въ небольшомъ отъ него разстояніи, построить большой новый, во имя Казанской Богоматери. Постройка, какъ и планъ, были поручены извѣстному въ то время зодчему, профессору Ан. Никиф. Воронихину. Въ десять лѣтъ соборъ былъ оконченъ и въ 1811 г., 15-го сентября, освященъ митрополитомъ Амвросіемъ. Храмъ, впрочемъ, вполнѣ оконченъ не былъ; такъ, съ южной стороны предполагалась такая же колоннада, какая устроена съ сѣверной, не сдѣлана колокольня, на южной сторонѣ собора ниши остались безъ украшеній. Внутри собора не повѣшены люстры, какія предполагались въ количествѣ 24-хъ; въ числѣ проектированныхъ украшеній также не были исполнены изваянія двухъ архангеловъ и двухъ апостоловъ Петра и Павла. Предназначенная для изваянія апостоловъ гранитная глыба лежитъ до сихъ поръ въ Аптекарскомъ переулкѣ, у павловскихъ казармъ.

На построеніе собора, со всѣми украшеніями, было употреблено 4.200,000 рублей ассигнаціями. Къ освященію храма на чудотворную икону была сдѣлана новая риза, вѣсомъ около 10 фунтовъ, изъ чистаго золота, украшенная драгоцѣнными каменьями и жемчугомъ, большая половина которыхъ принесена въ даръ императрицами Елисаветою Алексѣевною и Маріею Өеодоровною, а большой сафиръ великою княгинею Екатериною Павловною. Все украшеніе иконы тогда оцѣнивали въ 100,000 р. Между драгоцѣнностями Казанскаго собора первое мѣсто занимаетъ серебряный иконостасъ: всего серебра на иконостасъ и балюстраду употреблено 68 пудовъ, 12 фунтовъ и 92 золотника; за чеканную работу и позолоту его заплачено 200,000 р. Серебро это принесено въ даръ донскими казаками. По поводу этого приношенія Кутузовъ писалъ митрополиту Амвросію: «Благословите сей даръ, приносимый воинами Подателю побѣды. Храбрые донцы возвращаютъ Богу похищенныя изъ храмовъ Его сокровища. На меня возложили они обязанность доставить вашему высокопреосвященству сіе серебро, бывшее нѣкогда украшеніемъ святыхъ ликовъ, потомъ доставшееся въ добычу нечестивымъ хищникамъ и, наконецъ, храбрыми донцами изъ когтей ихъ исторгнутое». Въ соборѣ хранятся 107 знаменъ и орловъ, фельдмаршальскій жезлъ Даву и ключи отъ крѣпостей и городовъ, взятыхъ въ Отечественную войну, а также до семи знаменъ персидскихъ. Въ числѣ многихъ живописныхъ и скульптурныхъ работъ въ соборѣ заслуживаютъ особенное вниманіе въ главномъ иконостасѣ образа: Сошествіе Св. Духа и Рождество Богородицы, работы профессора Егорова; образа Трехъ Святителей и Взятіе на небо Божіей Матери, писанные проф. Шебуевымъ.

Трехсотлѣтній юбилей Самары. 29-го и 30-го августа, городъ Самара праздновалъ трехсотлѣтнюю годовщину своего существованія. Юбилейное торжество имѣло преимущественно религіозный характеръ. На вселенской панихидѣ молились объ упокоеніи: императора Александра II, царей — Өеодора Іоанновича, при которомъ положено основаніе городу, Михаила Өеодоровича, пожаловавшаго Самарѣ «вѣстовой колоколъ», князя Василія Алексѣевича Урусова и Ивана Кирилловича Кирилова, которые много потрудились къ устроенію Самарскаго края и останки которыхъ покоятся при Казанскомъ соборѣ, В. Н. Татищева, первоначальника русской исторической науки, жившаго нѣкоторое время въ Самарѣ и имѣвшаго здѣсь собственный домъ, а также всѣхъ «почившихъ строителей и правителей града и страны Самарскія». Въ думѣ городской голова прочелъ множество полученныхъ имъ телеграммъ и писемъ отъ разныхъ правительственныхъ, общественныхъ учрежденій и отъ лицъ, дорожащихъ воспоминаніемъ о Самарѣ. Городской голова прочелъ также составленный имъ историко-статистическій очеркъ города Самары.

Послѣ парада войскамъ было предложено отъ города угощеніе, и была пущена въ первый разъ вода изъ устроеннаго на площади фонтана. Въ вокзалѣ городскаго Струковскаго сада, украшенномъ портретами всѣхъ царей и императоровъ русскихъ, начиная съ Өеодора Іоанновича, красиво убранномъ цвѣтами и зеленью и освѣщенномъ электричествомъ, былъ сервированъ парадный обѣдъ, на которомъ, по просьбѣ городскаго общества, было принесено по телеграфу его императорскому величеству всеподданнѣйшее поздравленіе въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Самара, торжественно празднуя день тезоименитства вашего императорскаго величеста и, съ вашего величества разрѣшенія, трехсотлѣтіе города Самары, повергаетъ къ стопамъ вашего величества вѣрноподданныя поздравленія и чувства непоколебимой, благодарной преданности, вмѣстѣ съ пожеланіями благоденствія и славы великому государю нашему, самодержцу и покровителю».

Въ отвѣтъ на это поздравленіе, начальникъ губерніи удостоился полу-

чить слѣдующую телеграмму его императорскаго величества: «Выражая жителямъ города Самары мою благодарность за поздравленія по поводу моего тезоименитства, я, въ свою очередь, въ день празднованія городомъ трехсотлѣтія своего существованія, шлю мой привѣтъ и пожеланія дальнѣйшаго преуспѣванія и развитія».

«Александръ».

Памятникъ павшимъ воинамъ при взятіи Ташкента. Въ Ташкентѣ, 15-го іюня въ день 21-й годовщины взятія этого города русскими войсками, происходило освященіе и открытіе памятника въ честь воиновъ, павшихъ при взятіи Ташкента. Мысль о постановкѣ этого памятника возникла въ 1872 году въ средѣ участниковъ знаменитаго штурма. 17-го іюня того года, по отслуженіи на Комеланскомъ кладбищѣ панихиды по убіеннымъ, на ихъ братской могилѣ, была совершена закладка надгробнаго памятника. Но въ то время дѣло остановилось, главнымъ образомъ, по недостатку средствъ. 2-го іюля 1883 года, послѣдовало высочайшее соизволеніе на постановку на Гимназической площади города Ташкента памятника въ честь убитыхъ при штурмѣ Ташкента, по проекту академика Микѣшина. Но и этотъ проектъ, по своей грандіозности, требовавшій на осуществленіе весьма значительныхъ средствъ, не былъ приведенъ въ исполненіе по той же причинѣ. Имѣя въ виду незначительные размѣры средствъ, собранныхъ на сооруженіе памятника, было рѣшено ограничиться постановкой недорогаго памятника на мѣстѣ погребенія воиновъ, павшихъ при штурмѣ Ташкента, надъ ихъ братской могилой, на кладбищѣ у Комеланскихъ воротъ. Инженеръ-технологъ Ульяновъ составилъ проектъ памятника, имѣющаго видъ часовни, съ чугунною доской внутри, на которыхъ золочеными буквами вырѣзаны имена павшихъ при штурмѣ Ташкента. Внутри часовни помѣщены иконы Спасителя и распятіе, съ лампадой, и небольшой налой, для служенія панихидъ въ годовщину взятія Ташкента. Кромѣ этой доски, имѣется снаружи другая, чугунная же, съ надписью золочеными буквами: «Памяти воиновъ, павшихъ при штурмахъ города Ташкента въ 1864 и 1865 годахъ, здѣ лежащихъ. Сооруженъ въ царствованіе императора Александра III, иждивеніемъ жертвователей, лѣта 1886». На часовнѣ водруженъ крестъ изъ красной мѣди, покрытый червоннымъ золотомъ. Кромѣ часовни, долженствующей служить напоминаніемъ доблестей русскихъ воиновъ надъ братскою могилой, находящеюся рядомъ съ часовней, съ ея сѣверо-восточной стороны, сдѣланъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ заложенъ памятникъ въ 1872 году, сводъ изъ жженнаго кирпича съ мраморною плитой на верху. На верху плиты помѣщенъ крестъ и подъ нимъ надпись: «Здѣсь покоится прахъ воиновъ, павшихъ при взятіи города Ташкента. Упокой, Господи, души ихъ въ селеніи праведныхъ». Съ южной стороны кладбищенскаго мѣста (съ остальныхъ оно защищено сосѣдними садами и строеніями) устроена деревянная на кирпичномъ фундаментѣ ограда. Ведущая на кладбище калитка въ оградѣ сдѣлана очень изящно, по проекту архитектора Гейнцельмана. Въ ея угольныхъ вырѣзахъ помѣщено восемь коканскихъ мѣдныхъ орудій, изъ которыхъ два имѣютъ на себѣ надпись Муллы Алимкула, коканскаго вождя, убитаго русскими подъ Ташкентомъ 9-го мая 1865 года, и три — бывшаго коканскаго хана Худоара. На верху калитки сдѣлана надпись славянскимъ шрифтомъ: «Души ихъ во благихъ водворятся».

Памятникъ Щапову. Въ Иркутскѣ, 19-го августа, происходило освященіе памятника А. П. Щапову. Въ засѣданіи городской думы 18-го августа обсуждалось предложеніе гласнаго Н. П. Сивкова объ участіи города въ чествованіи памяти А. П. Щапова. Въ виду предстоящаго открытія въ Иркутскѣ памятника на могилѣ покойнаго, гласный Сивковъ указалъ на заслуги Щапова, и притомъ какъ труженика, работавшаго послѣдніе годы своей жизни на

пользу науки на родинѣ — въ Иркутскѣ. Дума единогласно постановила почтить память Щапова, отправивъ депутацію изъ гласныхъ для присутствованія 19-го августа на освященіи памятника покойному, и, кромѣ того, рѣшила одну изъ городскихъ стипендій при Казанскомъ университетѣ, гдѣ А. П. былъ профессоромъ, а также и начальную школу въ Знаменскомъ предмѣстьѣ назвать именемъ Щапова.

Открытіе греческаго города на Днѣпрѣ. Ниже города Херсона есть село Бѣлозерка, имѣніе Георгія Львовича Скадовскаго. На пять верстъ ниже села, по возвышенному берегу Днѣпра, противъ того мѣста, гдѣ впадаютъ въ него рѣки Кошевая и Корабелка, есть обширное городище. Это-то городище разрылъ г. Эварницкій. Здѣсь найдены улицы, правильно расположенныя и идущія къ Днѣпру, фундаменты домовъ, сложенные въ видѣ правильныхъ квадратовъ, печи, наполненныя золой, горшками и остатками костей, ямы для ссыпки хлѣба, водосточныя трубы, проведенныя къ Днѣпру, множество разныхъ вещей для домашняго употребленія, остатки статуй, обломки лѣпныхъ карнизовъ, куски свинцу и нѣсколько греческихъ монетъ съ надписью: «Ольвія». По всѣмъ находкамъ видно, что на мѣстѣ теперешняго городища стоялъ нѣкогда греческій городъ, очевидно, современный греческой колоніи Ольвіи, расположенной на 50 верстъ ниже разрытаго городища, на устьѣ Буга и Днѣпра. Раскопка городища далеко еще не окончена; разрыта едва десятая часть его. Слѣдующей весной предстоитъ докончить съ городищемъ и начать раскопку кургановъ, насыпанныхъ близь него. Быть можетъ, въ этихъ курганахъ заключены погребальные склепы, подобно тѣмъ, которые открыты въ Ольвіи прошедшимъ лѣтомъ.

Собраніе академіи наукъ. 25-го сентября, состоялось публичное собраніе академіи наукъ для присужденія, въ двадцатьдевятый и, вѣроятно, послѣдній разъ, уваровской преміи. Собраніе, не смотря на его публичность, было очень немноголюдно; кромѣ членовъ коммиссіи, присуждавшей награды, нѣсколькихъ студентовъ и корреспондентовъ газетъ, никого не было. Предсѣдательствовалъ и докладывалъ непремѣнный секретарь академіи К. С. Веселовскій. «Сегодняшній отчетъ, — сказалъ г. Веселовскій, — обязываетъ насъ заявить, въ какомъ положеніи находится вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи наградъ, носящихъ имя графа Уварова. Положеніе на столько неутѣшительное, что академія не въ состояніи заявить нынѣ, будутъ ли, вообще, принимаемы на соисканіе наградъ графа Уварова сочиненія къ слѣдующему за нынѣшнимъ конкурсу, и если будутъ, то какого, именно, рода сочиненія. Графъ А. С., учреждая эти награды въ память своего родителя, бывшаго президента академіи, хотя и желалъ придать имъ значеніе памятника на вѣчное время, но не успѣлъ, однако, при жизни своей обезпечить ихъ прочность соотвѣтственнымъ формальнымъ актомъ. Существованіе ихъ, поэтому, основывалось лишь на томъ, что учредитель вносилъ въ академію, согласно своему обѣщанію, ежегодно, въ день св. Сергія, 25-го сентября, по 3,000 руб., изъ которыхъ 2,500 р. обращались на выдачу наградъ за историческія сочиненія на темы, избираемыя самими авторами, а 500 рублей назначались за рѣшеніе задачъ, предлагаемыхъ академіею. Послѣ смерти графа А. С., эти ежегодные взносы прекратились, и если академія была еще въ состояніи на двухъ послѣднихъ конкурсахъ продолжать назначеніе уваровскихъ наградъ, то потому лишь, что она имѣла для этого въ своемъ распоряженіи незначительный уваровскій капиталъ, съ небольшимъ 10,000 руб., образовавшійся отъ неприсужденія въ полномъ количествѣ наградъ. Теперь этотъ капиталъ на столько сократился, что не можетъ служить источникомъ для выдачи уваровскихъ наградъ, въ размѣрахъ, указанныхъ «положеніемъ». Въ настоящее время въ академіи имѣется заявленіе наслѣдниковъ графа Уварова о томъ, что они предполагаютъ, согласно волѣ покойнаго, ввести нѣкоторыя измѣненія въ положеніи объ уваровскихъ наградахъ, но какія это измѣненія,—

академіи неизвѣстно. Не смотря, однако, на такое положеніе, академія будетъ принимать отвѣтныя сочиненія на предложенныя задачи и даже объявляетъ слѣдующія новыя задачи: 1) Изслѣдованіе монетнаго дѣла въ Россіи съ XIV вѣка до Іоанна Грознаго (собрать полную литературу всѣхъ описаній, свѣдѣній и изслѣдованій о русской нумизматикѣ; критически разобрать точность опредѣленій нашихъ монетъ удѣльнаго періода и примѣнить эти нумизматическіе документы къ исторіи того времени). Срокъ 25-го сентября 1887 года. 2) Сводъ коментаріевъ на записку Ибнъ-Фодлана о народѣ Русь въ 922 году (собрать данныя о томъ, какое вліяніе имѣли другъ на друга различныя языческія племена на берегахъ Балтійскаго моря и къ востоку отъ него; уяснить себѣ исторію балтійско-каспійской торговли IX, X и XI вѣковъ, о которой свидѣтельствуютъ многочисленныя находки восточныхъ монетъ и предметовъ домашняго обихода). Срокъ 2-го сентября 1888 года.

Кромѣ того, принимаются отвѣтныя сочиненія на задачи, ранѣе объявленныя: 1) Исторія древне-русскихъ княжествъ; 2) объ историческихъ отношеніяхъ польскаго народа и государства къ русскому племени; 3) историко-литературное обозрѣніе печатныхъ полемическихъ сочиненій, статей и брошюръ, изданныхъ въ свѣтъ русскими въ сѣверо-и юго-западномъ краяхъ Россіи съ конца XVI до начала XVII вѣковъ; 4) исторія мореплаванія у славянскихъ народовъ до XIII вѣка, и 5) комментарій на договоры великихъ князей кіевскихъ съ Византійской имперіей.

На соисканіе наградъ графа Уварова въ нынѣшнемъ году было представлено десять историческихъ сочиненій, изъ которыхъ четыре удостоены меньшихъ уваровскихъ наградъ, по 500 руб. каждая. Получили преміи П. Голубовскій (Кіевъ), Н. И. Петровъ (Кіевъ), Н. В. Латкинъ (С.-Петербургъ) и А. Загоревскій (Харьковъ). Первое сочиненіе озаглавлено: «Печенѣги, торки и половцы—до нашествія татаръ», Кіевъ, 1884 года, соч. П. Голубовскаго; второе сочиненіе озаглавлено: «Очерки исторіи украинской литературы XIX вѣка», Кіевъ, 1884 года, сочиненіе Н. И. Петрова; третье «О разводѣ по русскому праву», соч. А. Загоревскаго, Харьковъ, 1884 года. Послѣднее сочиненіе: «Земскіе соборы древней Руси», Спб., 1885 года, юридическое изслѣдованіе Н. В. Латкина.

† 24-го сентября въ г. Пензѣ на своей родинѣ одинъ изъ старѣйшихъ синологовъ, **Александръ Алексѣевичъ Татариновъ**. По окончаніи курса въ пензенской губернской гимназіи, онъ поступилъ, въ 1835 году, въ Петербургѣ въ медицинскую академію и, окончивъ въ ней курсъ въ 1839 году, поступилъ лекаремъ въ пекинскую духовную миссію, снаряженную тогда на смѣну прежней миссіи, жившей въ Пекинѣ съ 1830 года. Татариновъ пробылъ въ Пекинѣ до 1850 года. Хорошо владѣя разговорнымъ китайскимъ языкомъ, онъ занимался изученіемъ китайской медицины и ея литературы. Его ученые труды по этой части, напечатанные въ сборникѣ, изданномъ азіатскимъ департаментомъ, «Труды членовъ пекинской миссіи», доставили ему безъ экзамена степень доктора. Коллекція, собранная Татариновымъ, превосходила богатствомъ матеріала всѣ предшествовавшія, да едва ли и послѣ, когда Китай сдѣлался доступнымъ для европейцевъ, кто нибудь такъ обогатилъ наши ученыя учрежденія своими коллекціями. Еще болѣе замѣчательны его рисунки китайскихъ растеній. Это были не простые рисунки, а снимки съ корня, цвѣтовъ, плодовъ. По возвращеніи въ Петербургъ, Татариновъ вскорѣ былъ назначенъ первымъ русскимъ консуломъ въ Чугучакъ послѣ того, какъ, сопровождая Е. П. Ковалевскаго, побывалъ съ нимъ въ Кульджѣ для переговоровъ объ открытіи тамъ торговли. Въ Чугучакѣ въ одну ночь въ 1885 году ссыльные собрались толпой и устремились на консульство. Защиты не было никакой, факторія со всѣми товарами была разрушена и разграблена; къ счастью, Татариновъ, предувѣдомленный за нѣсколько минутъ,

успѣлъ со всѣми находившимися при немъ русскими спастись въ ближайшій пограничный постъ Бахты, отстоящій отъ Чугучака всего въ 7 верстахъ. Пока шли переговоры съ провинившимся китайскимъ правительствомъ о вознагражденіи за убытки и наказаніи виновныхъ (за послѣднимъ дѣло не стало), пришлось снова прибѣгнуть къ Татаринову за помощью. Заключившій приличный договоръ съ японцами графъ Путятинъ отправлялся въ Китай для того, чтобы хлопотать объ уступкѣ намъ сѣвернаго берега Амура. Въ свитѣ Путятина былъ и Татариновъ; но ихъ не допустили въ Пекинъ и они долго маневрировали по восточному океану, пока англичане не взяли Тяньцзина, приморской пристани, ближайшей къ Пекину. Тутъ китайцы стали сговорчивѣе; они предоставили и намъ тѣ же права, какъ и прочимъ европейцамъ. Пока графъ Путятинъ странствовалъ по Восточному океану, Муравьевъ спустился по Амуру, прибылъ въ Айгунъ и тамъ заключилъ договоръ, въ силу котораго намъ возвращалось наше дорогое состояніе, пріобрѣтенное Дашневымъ и Хабаровымъ. Татариновъ первый привезъ тяньцзинскій договоръ въ Петербургъ, хотя содержаніе его уже сообщено было нѣсколькими днями раньше самимъ Муравьевымъ. По договору слѣдовало отправить посланника; выборъ палъ на Николая Павловича Игнатьева; большаго успѣха отъ новаго посольства нельзя было ждать. Когда союзныя войска французовъ и англичанъ подошли къ Пекину, разрушили Немьжинъ-юань (загородный пекинскій дворецъ) и заставили подписать договоръ, дающій европейцамъ полную свободу въ Китаѣ, тогда былъ заключенъ трактатъ и съ нами. Во всѣхъ переговорахъ при составленіи этого трактата принималъ не только дѣятельное, но исключительное участіе Татариновъ; онъ даже редактировалъ и самый китайскій текстъ трактата.

По заключеніи пекинскаго договора, г. Игнатьевъ былъ назначенъ директоромъ азіатскаго департамента, и А. А. Татариновъ остался причисленнымъ къ нему. Но когда графъ уѣхалъ въ Константинополь, въ департаментѣ получили право гражданства иные взгляды на нашу азіатскую политику. Дѣла съ Азіей уже всѣ покончены,—разсуждали тамъ.—Къ чему же намъ держать знатоковъ Китая—лучше пусть дадутъ ихъ содержаніе намъ. Тогда всѣ выдающіеся дѣятели, дѣти одной миссіи, Татариновъ, Захаровъ, Гошкевичъ, знатокъ грузинскаго языка—Чубиновъ были уволены въ отставку. Что было дѣлать? Жизнь въ Петербургѣ была дорога. Татариновъ, хотя и не былъ женатъ, но содержалъ мать и сестеръ. Онъ переѣхалъ на свою родину въ Пензу, гдѣ и умеръ.

† 1-го сентября въ Николаевѣ **Карлъ Ивановичъ Ренаръ**, сынъ извѣстнаго доктора медицины и ученаго. Онъ родился 22-го апрѣля 1809 года въ Майнцѣ. Окончивъ университетскій курсъ и получивъ въ 1832 году степень доктора медицины, К. И. Ренаръ, въ 1834 году, переѣхалъ въ Москву къ своему дядѣ, Г. И. Фишеру, профессору медицины и директору Московской медицинской академіи. Сначала Ренаръ былъ домашнимъ врачемъ московскаго генералъ-губернатора, а въ 1840 году записался въ дѣйствительные члены московскаго Общества испытателей природы, въ которомъ, втеченіе 32 лѣтъ, исправлялъ должность библіотекаря, секретаря и редактора. Въ 1872 году, Ренаръ избранъ вице-президентомъ Общества и черезъ 12 лѣтъ его президентомъ. Кромѣ того, Ренаръ, впродолженіе болѣе 25 лѣтъ, состоялъ хранителемъ коллекцій зоологическаго музея при университетѣ и коллекцій по отдѣлу естествознанія въ Румянцевскомъ музеѣ. Въ 1882 году, К. И. Ренаръ праздновалъ 50-ти-лѣтній юбилей полученія докторской степени. Подъ конецъ своей жизни, онъ состоялъ также членомъ медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ. Тѣло его перевезено въ Москву, гдѣ и погребено.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

По поводу статьи «Романъ одной забытой романистки».

Отъ редакціи. Печатая (въ августовской и сентябрской книжкахъ «Историческаго Вѣстника») статью А. В. Старчевскаго «Романъ одной забытой романистки», гдѣ приведены подлинныя письма извѣстной писательницы сороковыхъ годовъ, Е. А. Ганъ, къ тогдашнему издателю «Библіотеки для Чтенія» Сенковскому и разсказано, на основаніи рукописи жены Сенковскаго, о знакомствѣ и сношеніяхъ названныхъ лицъ, редакція «Историческаго Вѣстника» не могла принять на себя никакой отвѣтственности за точность и вѣрность сообщаемыхъ въ статьѣ свѣдѣній. Для насъ было достаточно, что статья прислана писателемъ, почти полстолѣтія подвизающимся на литературномъ поприщѣ, и подписана его полной фамиліей. Между тѣмъ статья г. Старчевскаго показалась оскорбительной, находящимся въ живыхъ, родственницамъ покойной Ганъ, ея сестрѣ Н. А. Фадѣевой и дочери В. П. Желиховской. Онѣ прислали намъ свои возраженія съ просьбой напечатать ихъ и тѣмъ дать имъ возможность возстановить дорогую для нихъ память Е. А. Ганъ. Къ нимъ присоединилась и Е. Н. Ахматова, пожелавшая опровергнуть нѣкоторыя ссылки, сдѣланныя на нее въ статьѣ. Охотно исполняя просьбы Н. А. Фадѣевой, В. П. Желиховской и Е. Н. Ахматовой, мы сочтемъ справедливымъ дать также мѣсто и возраженію А. В. Старчевскаго по поводу обращенныхъ къ нему обвиненій, если онъ найдетъ нужнымъ его сдѣлать.

I.

Письмо Н. А. Фадѣевой.

Августовская книга уважаемаго «Историческаго Вѣстника» начинается статьею подъ названіемъ: «Романъ одной забытой романистки». Героиня романа,—Елена Андреевна Ганъ, писавшая подъ псевдонимомъ Зенаиды Р.,—моя старшая сестра, умершая сорокъ четыре года тому назадъ, а потому понятно, съ какимъ любопытствомъ я принялась за чтеніе этого романа. Съ первыхъ же строчекъ мое любопытство перешло въ крайнее удивленіе, а затѣмъ въ горькое разочарованіе, такъ какъ романъ этотъ оказался дѣйствительно ничто болѣе какъ романъ, то есть плодъ живой фантазіи людей, совершенно незнакомыхъ съ личностями, о которыхъ они говорятъ. Составитель романа справедливо заявляетъ о недостаткѣ матеріаловъ для составленія біографіи Е. А. Ганъ, но очень жаль, что онъ поспѣшилъ воспользоваться тѣми матеріалами, которые ему представились, считая ихъ почему-то вполнѣ достовѣрными, тогда какъ они не только недостовѣрны, но положительно невѣрны, также какъ и всѣ свѣдѣнія, къ нимъ относящіяся, и далеко не заслуживали довѣрія, оказаннаго имъ. Я не буду пересчитывать всѣ невѣрности, ошибки, искаженія истины этого очерка, — это былъ бы слишкомъ большой трудъ; но считаю своимъ долгомъ и правомъ указать важнѣйшія изъ нихъ, касающіяся лично моей матери, сестры, самыхъ близкихъ мнѣ особъ, меня самой, и полагаю, что оказываю тѣмъ услугу серьёзному историческому журналу, дорожащему правдой и вѣрностію содержащихся въ немъ статей.

Не знаю содержанія писемъ Елены Андреевны къ Сенковскимъ, въ сверткѣ, попавшемъ въ руки г. Старчевскаго, но знаю отлично всѣ подробности ея отношеній къ Сенковскимъ. Знаю ихъ изъ нѣсколькихъ дюжинъ писемъ Сенковскаго къ Еленѣ Андреевнѣ, писанныхъ послѣ ея отъѣзда изъ Петербурга, хранящихся у меня; знаю изъ писемъ Елены Андреевны къ матери и сестрѣ, отъ которыхъ у нея не было тайнъ и секретовъ; знаю изъ разсказовъ моей сестры Екатерины Андреевны Витте (находящейся теперь за границей), которая жила около пяти мѣсяцевъ съ сестрой Еленой Андреевной въ Петербургѣ, вмѣстѣ же съ ней бывала у Сенковскихъ, была свидѣтельницей всѣхъ ихъ разговоровъ и вмѣстѣ съ ней выѣхала изъ Петербурга. Хотя я сама тогда была еще ребенкомъ, но прекрасно помню разсказы самой сестры Елены Андреевны о Сенковскихъ, полные юмора и комизма, заставлявшіе всѣхъ хохотать.

Воспоминанія г-жи Сенковской, писанныя на лоскуткахъ, доказываютъ только пылкость ея воображенія, возбужденнаго ревностію, создавшаго иллюзіи, которыми она хотѣла сама себя обманывать.

Елена Андреевна очутилась (выраженіе романа) въ Петербургѣ по очень простой причинѣ: ея мужа перевели на службу въ Петербургъ [1]), она и пріѣхала съ нимъ и дѣтьми. Второй дочери у свекрови никогда не оставляла, обѣ дочери были съ нею.

«Занимательная игрушка учителя журналиста, пока не надоѣла ему»... то есть Елена Андреевна Сенковскому; а она ему ничуть не надоѣла, что̂ доказывается множествомъ вышеупомянутыхъ его писемъ къ ней послѣ ея отъѣзда изъ Петербурга. Г-жа Сенковская, какъ видно изъ ея записокъ, писанныхъ на лоскуткахъ, не только не изучила Елены Андреевны Ганъ, но не составила себѣ о ней даже малѣйшаго понятія, подходящаго къ истинѣ.

Затѣмъ приводятся слѣдующія свѣдѣнія: «Отецъ Елены Андреевны Ганъ, Андрей Михайловичъ Фадѣевъ, былъ человѣкъ прекрасный, образованный, всѣми любимый и проч., женатъ былъ на княгинѣ (княжнѣ) Еленѣ Павловнѣ Долгоруковой и прочее, Еленѣ Андреевнѣ въ 1836 году было 22 года, значитъ она родилась въ 1814 году». Совершенная правда. «Мать Елены Андреевны была женщина вѣчно больная и потому постоянно сидѣла дома, никуда не выѣзжала и дала дочерямъ самое плохое образованіе; она негляжировала имъ до такой степени, что всѣ замѣчали и много толковали объ этомъ (въ Астрахани)! Елена Андреевна сама образовала себя».

Какъ одна изъ дочерей, получившихъ это самое плохое образованіе, заставившее толковать астраханцевъ, позволю себѣ замѣтить, что если бы я тогда еще, въ Астрахани, десятилѣтнимъ ребенкомъ, принялась за переводъ романовъ съ иностранныхъ языковъ на русскій, то мой переводъ навѣрно не былъ бы хуже переводовъ, помѣщавшихся въ изданіяхъ г. Старчевскаго.

Въ 1860 году, по кончинѣ Елены Павловны Фадѣевой, въ тифлисской газетѣ «Кавказъ», былъ напечатанъ некрологъ ея, написанный человѣкомъ, близко знавшимъ ее. Въ некрологѣ, между прочимъ, говорилось слѣдующее. «Елена Павловна Фадѣева, рожденная княжна Долгорукая, дочь заслуженнаго екатерининскаго генерала князя Павла Васильевича, приходилась правнучкой князя Сергія Григорьевича, бывшаго посломъ въ Польшѣ при

[1]) Кажется, его прикомандировали къ образцовой батареѣ.

Петрѣ I, казненнаго въ Новгородѣ во время Бироновскаго гоненія на Долгорукихъ. Елена Павловна была очень замѣчательная женщина: съ глубокимъ, серьёзнымъ умомъ, отличнымъ образованіемъ, многосторонними обширными познаніями, обращавшими на нее вниманіе европейскихъ ученыхъ, она соединяла добрѣйшее, благородное сердце, любила тихую жизнь среди своей семьи и научныхъ занятій, составлявшихъ главное утѣшеніе и развлеченіе ея жизни. Любила природу, изучала ее и особенно занималась ботаникой, въ часы досуговъ свободные отъ занятій съ дѣтьми и домашняго хозяйства, которымъ сама завѣдовала и вела отлично. Памятниками ея работъ остались 50 томовъ (величиной въ листъ) собственноручныхъ рисунковъ растеній съ натуры, которыя сама же опредѣляла при помощи библіотеки замѣчательнѣйшихъ сочиненій по этой части. Книги эти прельщали ученыхъ натуралистовъ, и знаменитый академикъ Бэръ чуть не на колѣняхъ молилъ Елену Павловну позволить снять съ нихъ копію для академіи наукъ. Занималась также нумизматикой, археологіей и многими другими научными предметами, и занималась разумно, съ толкомъ, изучивъ ихъ серьёзно и основательно, и составила нѣсколько интересныхъ, богатыхъ коллекцій по этимъ предметамъ. Это безкорыстное, необыкновенное въ женщинѣ служеніе наукѣ сдѣлало имя Елены Павловны извѣстнымъ въ ученомъ мірѣ. (Слѣдуютъ названія сочиненій, президента лондонскаго географическаго общества Мурчисона, французскаго академика Вернеля, нашего Стевена и многихъ другихъ, писавшихъ съ уваженіемъ и удивленіемъ о Еленѣ Павловнѣ, ея познаніяхъ и трудахъ). Съ нею были знакомы и вели переписку многіе европейскіе естествоиспытатели, хотя она этого не искала, потому что занималась наукою единственно изъ любви къ наукѣ. Обширность познаній соединялась въ ней съ такою истинно женскою скромностію, что человѣкъ, не интересующійся учеными предметами, могъ быть знакомъ съ съ нею годы, пользоваться ежедневно душевною теплотою ея бесѣды, и не подозрѣвать ея знаній. И не одна наука,—все, что возбуждаетъ интересъ въ наблюдательномъ, серьёзномъ умѣ, занимало ее. Обширныя знакомства первой половины ея жизни, дружеская связь со многими замѣчательными людьми, русскими и иностранными, оставили въ ея памяти цѣлую хронику событій и лицъ, придававшую необыкновенную прелесть ея разговору. Посвящая жизнь исключительно своему семейству и занимаясь даже своими любимыми предметами только въ свободные часы, Елена Павловна воспитывала своихъ дѣтей съ самою нѣжною заботливостію, замѣняя имъ бо́льшую часть учителей. Всѣ ея дѣти, а впослѣдствіи и внуки, учились читать порусски и пофранцузски и многому другому, сидя у нея на колѣняхъ; и это ученіе служило какъ бы фундаментомъ того солиднаго образованія и серьёзнаго направленія, которое достигнуто ими потомъ. Насъ безъ труда поймутъ, когда мы скажемъ, что памятная русской читающей публикѣ талантливая беллетристка Елена Андреевна Ганъ, писавшая подъ псевдонимомъ Зенаиды Р., была дочь Елены Павловны, а нашъ извѣстный военный писатель Ростиславъ Андреевичъ Фадѣевъ—сынъ ея».

Въ этомъ же смыслѣ, некрологъ Елены Павловны Фадѣевой былъ помѣщенъ въ академическомъ мѣсяцесловѣ 1862 года, въ отдѣлѣ достопамятныхъ лицъ, умершихъ въ 1860 году.

«Ростиславъ Андреевичъ Фадѣевъ, военный писатель, былъ ея (Е. А. Ганъ) старшій братъ»,—такъ продолжаются свѣдѣнія г. Старчевскаго.— «Кромѣ него, у Фадѣевыхъ было три дочери: первая и самая старшая была

въ замужествѣ за барономъ Витте: средняя Елена — за артиллерійскимъ полковникомъ Ганомъ, и третья самая младшая Надежда—незамужняя».

Самая старшая дочь Фадѣевыхъ, родившаяся чрезъ годъ послѣ ихъ женитьбы, была Елена Андреевна Ганъ; вторая, пятью годами моложе ея, Екатерина Андреевна Витте; потомъ Ростиславъ Андреевичъ Фадѣевъ и за нимъ Надежда Андреевна.

«У нея (Ел. Анд. Ганъ) было двѣ дочери: старшая изъ нихъ Влавацкая (Блаватская), извѣстная спиритка, пишущая подъ псевдонимомъ Радда Бай, живетъ теперь въ Парижѣ, съ своей теткой Надеждой Андреевной Фадѣевой».

У Елены Андреевны было четверо дѣтей, двѣ дочери и два сына; старшій сынъ Александръ умеръ ребенкомъ; второй Леонидъ, служившій мировымъ судьею, а потомъ присяжнымъ повѣреннымъ въ Ставрополѣ, умеръ въ прошломъ 1885 году. Самая старшая дочь, Блаватская, вовсе не спиритка, а напротивъ врагъ спиритизма, что вполнѣ доказывается журналомъ «The Theosophist», издаваемымъ подъ ея редакціей въ Мадрасѣ. Младшая дочь Вѣра Петровна была замужемъ за Яхонтовымъ, потомъ за Желиховскимъ, живетъ въ настоящее время въ Петербургѣ; Блаватская въ Парижѣ не живетъ, и тетка ея Надежда Андревна съ ней не живетъ, а живетъ съ сестрой Е. А. Витте.

Елена Андреевна не имѣла надобности писать для поддержанія своей семьи, потому что никогда не находилась въ нуждѣ; жила, большею частію, у своихъ родителей, въ домѣ которыхъ была обезпечена во всемъ. Правда, она говорила, что пишетъ для денегъ, но деньги, конечно, не составляли лишняго бремени для нея. Она на нихъ воспитывала своихъ дѣтей, держала при дочеряхъ двухъ гувернантокъ, изъ которыхъ одну всегда англичанку.

Елена Анд. оставила «Библіотеку для Чтенія» и стала печатать свои повѣсти въ «Отечественныхъ Запискахъ» не изъ черной неблагодарности, къ которой не была способна, а потому, что не хотѣла переносить самоуправнаго обращенія Сенковскаго съ ея рукописями; онъ имѣлъ привычку вычеркивать цѣлыя страницы, измѣнять сюжеты и развязки повѣстей и замѣнять ихъ вставками собственнаго своего сочиненія. И это онъ дѣлалъ не съ одной Е. А., а со всѣми рукописями, поступавшими въ его редакцію. Хотя Елена Анд. и не высказывала своего неудовольствія Сенковскому, но въ душѣ возмущалась, и, наконецъ, потерявъ терпѣніе, приняла предложеніе Краевскаго помѣщать свои сочиненія въ его журналѣ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, Елена Анд. «узнала, что ранѣе пріѣхали обѣ ея кузины, рожденныя Сушковы, изъ которыхъ младшая была уже замужемъ за Хвостовымъ, а вторая дѣвица, впослѣдствіи вышедшая за Ладыженскаго. Хвостовъ пріѣхалъ по своимъ дѣламъ и, кромѣ молодой жены, захватилъ съ собой и свояченицу».

Младшая кузина была замужемъ не за Хвостовымъ, а за Ладыженскимъ, а вторая дѣвица, впослѣдствіи вышедшая за Хвостова, жила у своей тетки, по отцу Беклешовой. Всегда онѣ находились въ самыхъ лучшихъ родственныхъ отношеніяхъ и перепискѣ съ кузинами Фадѣевыми и никогда не называли другъ друга «вы», а всегда «ты»; особенной роскоши онѣ не знали, также какъ Елена Анд. не знала особенныхъ нуждъ и лишеній. Разговоры, которые онѣ ведутъ между собою въ «романѣ», не могли происходить; Елена Анд. не говорила такимъ языкомъ, это совсѣмъ не ея слогъ, не ея манера, также какъ и всѣ рѣчи, приписываемыя ей въ «романѣ». Кузины Сушковы нисколько не были поражены ея знакомствомъ съ барономъ Брамбеусомъ и нисколько

не желали съ нею соперничать; а когда на одномъ балѣ, вскорѣ по пріѣздѣ Елены Андреевны въ Петербургъ, къ ней очень радостно подбѣжалъ старый одесскій знакомецъ, флигель-адъютантъ графъ Браницкій, и не отходилъ отъ нея во весь вечеръ, то старшая Сушкова (будущая Хвостова) точно была поражена, и употребила всѣ старанія, чтобы по рекомендаціи Елены Анд. обратить на себя его вниманіе, но совершенно вотще, не смотря на свою красоту и свѣтскость.

«Едва ей минуло шестнадцать лѣтъ,—продолжаетъ «романъ»:—родители поспѣшили пристроить ее и выдали за перваго посватавшагося»... Выдали не за перваго посватавшагося, а за человѣка, за котораго она сама хотѣла выйдти. Ей не препятствовали, потому что тогда бракъ въ шестнадцать лѣтъ былъ самымъ обыкновеннымъ дѣломъ, а посватавшійся былъ человѣкъ хорошаго происхожденія, умный, отлично образованный, добраго, благороднаго характера, а потому не было никакихъ причинъ противиться этому браку. Впослѣдствіи оказалось, что они не сошлись характерами, но этого нельзя было предвидѣть. «Бѣдной Леночкой», также какъ «Леной», родители ее не называли, да и никто не называлъ. Въ Петербургѣ Елена Анд. съ мужемъ и дѣтьми жила не «въ маленькомъ темномъ уголкѣ», а въ приличной свѣтлой квартирѣ, нанятой заблаговременно братомъ мужа, Иваномъ Алексѣевичемъ Ганъ, ротмистромъ лейбъ-гвардіи кирасирскаго полка (который и теперь находится въ живыхъ), поселившимся вмѣстѣ съ ними. Чѣмъ болѣе читаешь эту біографію, тѣмъ болѣе убѣждаешься, что это вовсе не біографія, а просто романическая повѣсть, въ которой нѣтъ даже подобія того, что было въ дѣйствительности. Нѣтъ возможности исправить всѣ неправильности и ошибки, такъ какъ онѣ заключаются въ каждой строчкѣ. Въ описаніи личности самой Елены Андревны только и есть справедливаго, что одно ея имя. Нельзя сказать, что это описаніе не похоже на нее,—это совсѣмъ не она, и ничего подобнаго она не могла ни дѣлать, ни говорить, потому что это было не въ ея натурѣ, не въ ея характерѣ, не въ ея привычкахъ. Она не была способна на такія пошлыя выходки. Да и всѣ эти разговоры, монологи, происходившіе 44 года тому назадъ, также какъ и ея мысли, изложенныя при этомъ, даже опровергать невозможно; всякій мыслящій человѣкъ долженъ оцѣнить и понять мѣру ихъ значенія и достовѣрности, тѣмъ болѣе, что матеріалъ всей этой статьи, по заявленію самого автора, почерпнутъ изъ записокъ и писемъ женщины, увлекавшейся ревностію къ своему мужу. До какихъ крайностей доводитъ ея ревность, очевидно уже изъ того, что она передаетъ разговоры, происходившіе въ замкнутомъ кабинетѣ ея мужа,—почему же она ихъ знаетъ? Значитъ, она подслушивала у у дверей, или слышала ихъ въ припадкѣ ясновидѣнія, или, вѣрнѣе и проще всего, просто сама сочинила. Послѣднее предположеніе еще болѣе подтверждается тѣмъ, что г-жа Сенковская не только слышала разговоры, но даже знаетъ мысли Елены Андреевны,—знаетъ, что она думала въ то время, и пересказываетъ это съ такою самоувѣренностію и апломбомъ, что рѣшительно не понимаешь, что это такое?—бредъ ли г-жи Сенковской, или игра ея сочинительскихъ увлеченій, воспаленныхъ ревностію?

Елена Андреевна изъ Петербурга не бѣжала «отъ своей страсти къ барону Брамбеусу», а просто уѣхала съ своимъ отцомъ и сестрой къ матери, чтобы всѣмъ вмѣстѣ ѣхать на лѣто въ Пятигорскъ. Отецъ пріѣзжалъ въ Петербургъ опредѣлить сына въ артиллерійское училище и привезъ съ собой дочь Екатерину Андреевну; они жили съ Еленой Анд., оставались въ Петер-

бургѣ болѣе четырехъ мѣсяцевъ, и сестры все это время не разлучались одна съ другой. Елена Анд. болѣе въ Петербургѣ не была, а мужъ ея оставался тамъ еще довольно долго, пока получилъ батарею. Сестра моя Екатерина Андреевна (которая, слава Богу, жива и здорова) была свидѣтельницей, какъ Сенковскій противился отъѣзду Елены Андреевны, уговаривалъ и умолялъ ее остаться въ Петербургѣ.

При отъѣздѣ, у нея не было въ рукахъ никакого «золота», такъ какъ она едва начала писать. Переводная повѣсть «Годольфинъ» и первая, ея сочиненія, «Идеалъ», напечатанныя до отъѣзда ея, далеко не обогатили Елены Андреевны. Да и вообще литературный трудъ доставлялъ ей гораздо болѣе душевныхъ тревогъ и волненій, нежели золота. Что касается несчастной любви (на которой зиждется «романъ») Елены Андреевны къ Сенковскому, могу увѣрить всѣхъ желающихъ знать правду, что никакой даже тѣни любви не было и не могло быть, и никогда, ни одной минуты Елена Андреевна не была и не могла быть влюблена въ Сенковскаго. Переписка, находящаяся у меня, служитъ неопровержимымъ доказательствомъ моего несомнѣннаго утвержденія. Елена Анд. уважала его умъ, громадныя познанія, была признательна за нравственную поддержку, оказанную имъ при вступленіи ея на литературное поприще, и болѣе ровно ничего. Удивительно, до какихъ заблужденій доводятъ людей страсти и своевольное воображеніе, увлекшія Сенковскую въ этотъ безсмысленный самообманъ и нелѣпый поклепъ, даже клевету.

Въ «Романѣ одной забытой романистки» Елена Андреевна выставлена какой-то безтактной, неловкой, угрюмой, забитой провинціалкой, ничего не видавшей, не испытавшей, кромѣ нуждъ и лишеній, и къ тому же некрасивой собой; въ дѣйствительности Елена Андреевна была очень живаго, веселаго характера, исполненнаго юмора, остроумія, находчивости, очень красивая, прекрасно сложенная, стройная, совершенно свѣтская женщина, всегда окруженная поклонниками и обожателями. Своимъ блестящимъ умомъ и образованіемъ, своей привлекательной, выразительной наружностію, она составляла красу общества и обращала на себя общее вниманіе. Въ 30-хъ годахъ, она провела около трехъ лѣтъ у своихъ родителей въ Одессѣ. Одесса тогда была въ апогеѣ своего общественнаго развитія и оживленія; генералъ-губернаторъ графъ Воронцовъ и графиня Елизавета Ксаверьевна Воронцова, какъ магнитомъ, притягивали къ себѣ со всѣхъ концовъ Европы людей, служившихъ украшеніемъ лучшихъ обществъ. Тогда въ Одессу съѣзжалось много польской знати, многіе и русскіе тузы селились въ ней, привлекаемые южнымъ климатомъ и моремъ. Бо́льшая часть изъ нихъ жили открыто, широко, и зимой блестящіе балы и увеселенія всякаго рода слѣдовали одни за другими. Елена Андреевна была принята во всѣхъ этихъ домахъ, бывала на всѣхъ балахъ и празднествахъ, начиная съ еженедѣльныхъ понедѣльниковъ Воронцовыхъ, всѣмъ нравилась, всѣ у нея заискивали и поклонники ея были безъ числа. Въ Петербургъ она пріѣхала не дикой провинціалкой, а женщиной, знакомой со свѣтомъ и умѣвшей себя держать въ хорошемъ обществѣ.

Въ характерѣ Елены Андреевны Ганъ была еще одна черта, хорошо знакомая ея роднымъ и близкимъ. Когда она подмѣчала смѣшныя стороны иныхъ людей, она любила этихъ людей дурачить и мистифировать, — это ее забавляло, и она это дѣлала такъ остроумно, такъ комично и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ серьезно, что въ самомъ дѣлѣ выходило необыкновенно забавно для особъ, посвященныхъ въ шутку, а не понимавшіе ея и не подозрѣвали ми-

стификаціи. Если Елена Андреевна подмѣтила въ г-жѣ Сенковской ея злополучную ревность, то этимъ объясняются мечтательныя заблужденія бѣдной подруги барона Брамбеуса. Во всякомъ случаѣ она была жертвой одного изъ двухъ: или собственныхъ галлюцинацій отъ избытка ревности, или шуточной мистификаціи Елены Андреевны Ганъ. А, можетъ быть, того и другаго вмѣстѣ.

Надежда Фадѣева.

II.

Письмо В. П. Желиховской.

Прочитавъ въ августовской и сентябрской книжкахъ «Историческаго Вѣстника» статью подъ заглавіемъ: «Романъ забытой романистки», я съ изумленіемъ и глубокимъ горемъ узнала въ ней несправедливое нареканіе на память матери моей Елены Андреевны Ганъ, урожденной Фадѣевой, писавшей подъ псевдонимомъ «Зинаиды Р—вой».

Я возмутилась до глубины души такимъ незаслуженнымъ и неожиданнымъ оскорбленіемъ!.. Мать моя, хотя умерла въ ранней молодости, но оставила по себѣ не только память талантливой романистки во всей Россіи, но глубокое уваженіе къ душевнымъ качествамъ своимъ и къ безупречной чистотѣ своей трудовой жизни — всѣмъ, знавшимъ ее лично; а намъ, дѣтямъ своимъ, завѣщала примѣръ всѣхъ умственныхъ и нравственыхъ достоинствъ, доступныхъ женщинѣ... Я тотчасъ рѣшила, что тутъ должно быть недоразумѣніе, и что я обязана вступиться за истину.

Странный фактъ, что, кромѣ неправдоподобія всего «романа», во всей статьѣ не оказывается ни одной вѣрной данной касательно семьи нашей,— годовъ, мѣстопребываній, характеристики и описанія внѣшности лицъ, очевидно, перепутанныхъ,—удостовѣрялъ меня въ полномъ невѣдѣніи автора.

На повѣрку такъ и вышло: г. Старчевскій никого изъ Фадѣевыхъ, Ганъ, Сушковыхъ или близкихъ имъ лицъ никогда не знавалъ. Да, какъ видно, и не желалъ узнавать! Переселившись въ Петербургъ годъ тому назадъ и услыхавъ случайно, что онъ пишетъ что-то о матери моей, я вызывалась дать ему свѣдѣнія, но онъ не воспользовался моимъ предложеніемъ... Теперь, когда я упрекнула его въ этомъ, онъ возразилъ, что болѣзнь помѣшала ему со мной повидаться; что, къ тому же, статья его была написана два года тому назадъ, а въ составленіи ея онъ руководствовался источникомъ достойнымъ всякаго довѣрія: записками Аделаиды Александровны Сенковской.

Сомнѣваясь въ томъ, чтобъ г-жа Сенковская, хотя она и была въ свое время извѣстна за особу крайне ревнивую, часто ставившую мужа своего въ весьма неловкое положеніе безпричинными опасеніями за ихъ супружеское счастіе, рѣшилась клеветать на женщину, съ которой состояла въ пріязни и дружеской перепискѣ, по самый день смерти ея, — я потребовала подлинныя рукописи ея... Г. Старчевскій отослалъ меня за ними къ пріятельницѣ, переписчицѣ и переводчицѣ покойной г-жи Сенковской, всегда писавшей пофранцузски,—къ Софьѣ Ивановнѣ Снессоревой. Вполнѣ со мною согласившись касательно крайней ревности Аделаиды Александровны, какъ человѣкъ, близко знавшій семейную жизнь Сенковскихъ, г. Старчевскій, тѣмъ не менѣе, слагалъ съ себя всякую отвѣтственность, ссылаясь на ея «записки» и на свидѣтельство г-жи Снессоревой.

Каково же было мое изумленіе, когда я, побывавъ у нея, удостовѣрилась, что рукопись, доставившая ему такія «вѣрныя» свѣдѣнія для описанія «романа» моей матери, совсѣмъ не воспоминанія и не записки, а какой-то романическій вымыселъ, безъ подписи автора [1]), безъ дѣйствительныхъ именъ или фамилій! Какой-то романъ подъ заглавіемъ: «Соперницы», гдѣ миѳическіе герои, «баронъ и баронесса Мыщецкіе», осаждаются десятками влюбленныхъ въ «геніальнаго барона» женщинъ, всѣхъ возростовъ и званій.

---

[1]) Французскій подлинникъ, по словамъ г-жи Снессоревой, уничтоженъ самой Сенковской; а переводъ не имѣетъ подписи и нигдѣ нѣтъ въ немъ ея имени.

Софья Ивановна Снессорева искренно огорчилась, узнавъ, какое употребленіе сдѣлано изъ рукописи, переданной ею г. Старчевскому, какъ лицу близкому Сенковскимъ, съ цѣлью, если возможно, напечатать ее «цѣликомъ и безъ измѣненій». На просьбу же назвать дѣйствующихъ въ ней лицъ, она отвѣчала, что «не сочла бы себя въ правѣ разоблачать имена, скрытыя авторомъ, даже если бы знала ихъ»; но что «они ей самой совершенно неизвѣстны»... Прилагаю письмо г-жи Снессоревой, въ которомъ она слагаетъ съ себя всякую отвѣтственность въ этомъ печальномъ дѣлѣ, повторяя все, сказанное мнѣ на словахъ. Изъ него явствуетъ, что никто не имѣлъ ни права, ни даже малѣйшаго повода, произвольно отождествлять личность матери моей съ какой-то полупомѣшанной «Наташей», обвиняемой авторомъ (въ сущности неизвѣстнымъ, такъ какъ романъ «Соперницы» не подписанъ!), въ незаконной любви къ какому-то «геніальному Мышецкому»..

Оказывается, что г. Старчевскій избралъ изъ сонма воображаемыхъ соперницъ, ad libitum, ту, которая ему показалась наиболѣе подходящей къ личности Елены Андреевны Ганъ, на томъ лишь основаніи, что она выставлена писательницей и весьма легкомысленно выдалъ мать мою за оригиналъ г-жи Сенковской.

Я бы очень была рада не упоминать о томъ, что письма матери моей достались г. Старчевскому (по собственному разсказу его мнѣ и многимъ другимъ) тоже косвеннымъ путемъ; но, къ несчастію, онъ самъ меня вынуждаетъ къ тому слѣдующимъ, произвольнымъ заключеніемъ, которое отымаетъ у меня возможность вѣрить, что онъ самъ, лично, не желалъ поддерживать въ читателяхъ дурнаго мнѣнія о моей матери.

Видя, что дружескія письма Е. А. Ганъ къ А. А. Сенковской, а равно и вполнѣ достойный, сдержанный тонъ ея писемъ къ самому г. Сенковскому, рѣзко противорѣчатъ тому типу женщины легкихъ нравовъ, любившей разсказывать скабрёзные анекдоты, представлявшей и своими рѣчами, и неряшествомъ одежды, извѣстный типъ стриженныхъ дѣятельницъ, проявившійся двадцать лѣтъ послѣ кончины ея, г. Старчевскій вымышляетъ, ради объясненія этого страннаго противорѣчія, слѣдующее предположеніе:

«Первое, сохранившееся письмо Е. А. Ганъ къ Сенковскому писано 22-го сентября 1838 года»,—говоритъ онъ въ началѣ второй части своего разсказа [1]). «Нѣтъ никакого сомнѣнія (?!), что до него у Сенковскаго былъ цѣлый ихъ ворохъ, но они были преданы сожженію, какъ болтовня молодой женщины веселой, остроумной и словоохотливой; но въ нихъ могли (!) попадаться и нѣкоторыя двусмысленности, которыя могли компрометировать молодую особу»...

Что же могло дать поводъ г. Старчевскому заключить, что такія компрометировавшія мать мою письма существовали?.. Почему онъ думаетъ, что онѣ были сожжены заранѣе?.. Зачѣмъ было Сенковскому отдѣлять ихъ отъ другихъ, когда вѣдь и тѣ письма, которыя г. Старчевскій отдалъ въ печать, въ сущности были предназначены ихъ владѣльцемъ огню, а не гласности?... Такъ какъ г. Старчевскій говоритъ объ этомъ фактѣ самъ, никого не обязывая къ тайнѣ, то я считаю себя въ правѣ оправдать мать мою отъ этого предположенія, тоже бросающаго на нее тѣнь подозрѣнія.

По смерти Осипа Ивановича Сенковскаго, жена его поручила г. Старчевскому, какъ ближайшему помощнику своего мужа, разобрать оставшіяся у него бумаги. Между ними онъ нашелъ пачки писемъ съ надписью: «сжечь». Г. Старчевскій ихъ не сжегъ, но неясно ли изъ этого, что Сенковскій предполагалъ истребить всѣ письма моей матери вообще, безъ всякаго выбора?.

Даже предположивъ, что О. И. Сенковскій былъ такъ щепетиленъ и предусмотрителенъ, что сжигалъ компрометантныя письма тотчасъ по ихъ полученіи,—такая возможность, не имѣя фактическихъ подтвержденій, остается произвольнымъ умозаключеніемъ, которое г. Старчевскій не имѣлъ права выдавать за «несомнѣнный» фактъ. «Никакого нѣтъ сомнѣнія»—лишь въ побудительныхъ причинахъ, заставившихъ его придумать такую комбинацію: надо же было объяснить чѣмъ нибудь странное противорѣчіе между подлинными письмами Зинаиды Р—вой и взводимыми на нее поклепами, безправно окрещенными «ея романомъ».

---

[1]) Сентябрская книжка «Историческаго Вѣстника», стр. 509.

А что вторая часть «Романа забытой (къ счастію, не всѣми!) романистки», почти вся состоя изъ писемъ Елены Андреевны Ганъ къ Сенковскимъ, представляетъ краснорѣчивое опровержение первой выдуманной части,—фактъ, который не можетъ не поразить каждаго безпристрастнаго читателя,—ясно какъ Божій день не одному г. Старчевскому.

Зная, что многіе журналы и газеты, интересовавшіеся біографіей моей матери дѣлали извлеченія изъ фантастическаго «Романа», плода воображенія г-жи ли Сенковской, или г-на Старчевскаго,—ужъ и не знаю кого изъ двухъ благодарить за него!—я покорнѣйше прошу всѣ редакціи пользовавшіяся имъ, въ ущербъ памяти моей матери и правдѣ, не отказаться возстановить истину перепечатаніемъ и моего письма.

Вѣра Желиховская.

III.

Письмо Е. Н. Ахматовой.

Въ статьѣ А. В. Старчевскаго: «Романъ одной забытой романистки», въ августовской и сентябрской книжкахъ «Историческаго Вѣстника» есть двѣ невѣрныя ссылки на меня, изъ которыхъ одну я считаю необходимымъ исправить, другую опровергнуть.

Живя въ Астрахани въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, я не только слыхала много о Фадѣевыхъ, но и была лично знакома съ ними. Мать Е. А. Ганъ, Елена Павловна Фадѣева, рожденная княжна Долгорукова, не смотря на свое болѣзненное состояніе, не пренебрегала воспитаніемъ дочерей. Это была женщина высокаго образованія и замѣчательнаго ума. Е. А. Ганъ я совсѣмъ не знала. Когда ея родители жили въ Астрахани, она была уже замужемъ. Всѣ біографическія свѣдѣнія, сообщенныя мною А. В. Старчевскому, въ частномъ разговорѣ, объ Е. А. Ганъ, заключались только въ томъ, что она была дочь Е. П. и А. М. Фадѣевыхъ, сестра Ростислава Андреевича Фадѣева, жена полковника Гана и мать извѣстной писательницы Радда-Бай.

О той интригѣ, о которой говорится во второй ссылкѣ на меня, на 514 страницѣ сентябрской книжки «Историческаго Вѣстника», и которая заставила Е. А. Ганъ отдавать свои статьи въ «Отечественныя Записки», я не только никогда не передавала А. В. Старчевскому, но и не слыхала ничего. Весьма вѣроятно, что А. В. Старчевскій слышалъ это отъ кого нибудь другаго: черезъ столько лѣтъ память легко можетъ измѣнить.

Е. Ахматова.

ОПЕЧАТКИ. Въ статьѣ В. Д. Кренке «Бытъ саперовъ двадцать пять лѣтъ назадъ» (въ октябрской книжкѣ «Историческаго Вѣстника») замѣчены двѣ существенныя опечатки, которыя авторъ проситъ исправить:

Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
91	21 сверху.	генералъ-маіоръ Кехли	генералъ-маіоръ Бехли
119	13 снизу.	и на столько прямыми выстрѣлами	и настильными прямыми выстрѣлами.

Изданія московскаго архива министерства юстиціи.

1) Описаніе первой степени архива вотчиннаго департамента, составленное учрежденнымъ для сего особеннымъ комитетомъ. М. 1839. Въ типографіи правительствующаго сената, стр. 1—386, in folio. Цѣна 2 рубля.

Описанію предпосланы въ видѣ предисловія историческія свѣдѣнія объ архивѣ вотчиннаго департамента и объ учрежденіи въ Москвѣ комитета для описанія архивовъ сенатскаго (т. е. разряднаго), государственнаго (т. е. старыхъ дѣлъ) и вотчиннаго. Самое описаніе состоитъ въ поименованіи городовъ, по коимъ документы хранятся въ архивѣ, и въ перечисленіи цифровыхъ указаній столбцамъ и книгамъ, хранящимся въ немъ, и составлено въ формѣ вѣдомости, раздѣленной на четыре графы: въ первой показанъ нумеръ столбца или книги; во второй—какихъ годовъ документы; въ третьей—имѣются ли тѣмъ документамъ описи, или нѣтъ; въ четвертой—учинены ли алфавиты.

2) Обозрѣніе писцовыхъ книгъ по Московской губерніи, съ присовокупленіемъ краткой исторіи древняго межеванія. Сост. П. Ивановымъ. М. 1840. Въ типографіи правительствующаго сената, стр. I—IV, 1—20, 45—342, in 4°, съ планомъ. Цѣна 1 рубль 80 коп.

Въ «предувѣдомленіи» указана цѣль предпринятаго изданія и объяснена польза его. Затѣмъ идетъ статья подъ заглавіемъ: «Краткія историческія свѣдѣнія о древнемъ описаніи земель». Книга состоитъ изъ отдѣльныхъ реестровъ по числу уѣздовъ, какіе вдревле значились въ писцовыхъ книгахъ по Московской губерніи, и притомъ такъ, что по каждому уѣзду имѣется два реестра. Въ однихъ реестрахъ заключаются въ алфавитномъ порядкѣ имена и фамиліи владѣльцевъ недвижимыхъ имѣній въ помянутыхъ уѣздахъ, съ означеніемъ въ особыхъ двухъ графахъ нумеровъ (общаго и частнаго) писцовыхъ книгъ, въ коихъ тѣ лица упоминаются; въ другихъ реестрахъ перечислены въ алфавитномъ порядкѣ недвижимыя имѣнія владѣльцевъ, съ означеніемъ, также въ двухъ графахъ, нумеровъ (общаго и частнаго) писцовыхъ книгъ. Уѣздами московскими въ писцовыхъ книгахъ значились: Московскій, Коломенскій, Каширскій, Серпуховскій, Боровскій, Можайскій, Вяземскій, Дмитровскій и Клинскій.

3) Обозрѣніе писцовыхъ книгъ по Новгороду и Пскову. М. 1841. Въ типографіи правительствующаго сената, стр. I—IV, 1—256, in 4°. Цѣна 1 рубль 40 коп.

Въ книгѣ заключаются алфавитные указатели селамъ, сельцамъ, деревнямъ, пустошамъ, займищамъ, пожнямъ и погостамъ, значущимся въ писцовыхъ книгахъ по Новгородской и Псковской губерніямъ. Въ этихъ алфавитахъ противъ каждаго названія селеній и пустошей, въ особыхъ двухъ графахъ, указаны нумера, общій и частный, писцовыхъ книгъ, въ коихъ они упоминаются.

4) Общій алфавитъ фамиліямъ владѣльцевъ недвижимыхъ имѣній (селъ, деревень, пустошей, селищъ, займищъ, пожней и погостовъ) по Новгороду всѣхъ пятинъ. М. 1841. Въ типографіи правительствующаго сената, стр. 1—99, in 4°. Цѣна 40 коп.

Книга эта служитъ дополненіемъ къ предъидущей: «Обозрѣніе писцовыхъ книгъ» по названнымъ городамъ, и составлена, подобно ей, въ формѣ таковыхъ же указателей, съ двумя графами нумеровъ, общаго и частнаго, писцовыхъ книгъ, въ коихъ владѣльцы упоминаются.

5) Описаніе государственнаго разряднаго архива, съ присовокупленіемъ списковъ со многихъ хранящихся въ немъ любопытныхъ документовъ. Сост. П. И. Ивановымъ. М. 1842. Въ типографіи Селивановскаго, стр. I—XXII, I—45, 1—29, 1—452, in 8°. Цѣна 1 рубль 85 коп.

Описаніе раздѣляется на двѣ части. Въ одной перечислены приказы, документы которыхъ хранятся въ этомъ архивѣ, а именно: Разрядный, Малороссійскій, Сибирскій и Печатный приказы, а также Печатная контора, съ краткимъ указаніемъ о времени учрежденія, предметѣ вѣдомства и личномъ составѣ каждаго изъ нихъ. Въ другой заключаются объясненія названій документовъ поименованныхъ выше приказовъ, съ показаніемъ количества ихъ, времени, къ которому они относятся, и значенія ихъ. При описаніи разряднаго архива имѣются приложенія, занимающія наибольшую часть книги; они заключаютъ выписки изъ документовъ этого архива, частію въ извлеченіи, частію въ подлинникѣ. Таковы: 1) выписки изъ боярскихъ книгъ, боярскихъ, десятенныхъ, смотрѣнныхъ и жилецкихъ списковъ и изъ другихъ книгъ, представляющія полное описаніе древнихъ службъ, порядокъ верстанія окладами и т. п.; 2) документы, относящіеся до вступленія на россійскій престолъ Михаила Ѳеодоровича Романова; 3) документы, относящіеся до духовныхъ церемоній; 4) семь дѣлъ по мѣстничеству; 5) любопытныя донесенія государямъ, рѣчи, имъ говоренныя, жалобы и прошенія, подаваемыя по разнымъ случаямъ; 6) наказъ о посольствѣ въ Китай Ѳедора Байкова въ 7162 году; 7) вѣдомости, объясняющія количество книгъ и столбцовъ разряднаго архива; 8) родословныя, въ разрядномъ архивѣ хранящіяся; 9) присутствующіе дьяки разряднаго приказа. Въ концѣ книги приложенъ указатель собственнымъ именамъ и фамиліямъ лицъ, упоминаемыхъ въ ней, а также указатель встрѣчающимся въ ней названіямъ географическихъ мѣстъ.

6) **Описаніе государственнаго архива старыхъ дѣлъ. Сост. П. Ивановымъ. М. 1850. Въ типографіи Селивановскаго, стр. I—VII, I—IV, 1—197, 1—290, in 4°. Цѣна 2 рубля.**

Въ предисловіи сказано о времени учрежденія этого архива и значеніи документовъ, хранящихся въ немъ. Въ книгѣ заключается описаніе: 1) приказовъ: всѣхъ патріаршихъ, а также Монастырскаго, Каменнаго, Суднаго, Сыскнаго, Сибирскаго и Преображенскаго; 2) коллегій: Камеръ, Ревизіонъ, Экономіи и Юстицъ; 3) конторъ (семи); 4) канцелярій (семи); 5) коммиссій (одиннадцати); 6) комитетовъ (трехъ); 7) казначействъ (двухъ); 8) правленія (одного); 9) ратушъ и магистратовъ (трехъ); 10) экспедицій (двухъ); 11) книгъ ландратскихъ и ревизскихъ сказокъ (четырехъ). Въ книгѣ имѣются «Приложенія»: 1) судныя дѣла, грамоты и другіе документы, имѣющіе юридическій характеръ; 2) выписки изъ нѣкоторыхъ любопытныхъ документовъ, какъ-то: двѣ царскія грамоты и одна память тобольскому архіепископу Макарію 1625 года, о боярскомъ сынѣ Низовцовѣ, объ управленіи епархіею, о исправленіи требника. Царская грамота въ Бѣлгородъ 1648 года о исправленіи нравовъ и уничтоженіи суевѣрія. Выписка изъ описей Патріаршаго приказа келейнымъ патріаршимъ вещамъ и книгамъ 1630 и 1638 годовъ. Вѣдомость, сколько по переписнымъ 1700 года книгамъ состояло за монастырями и вообще духовнымъ вѣдомствомъ крестьянскихъ дворовъ, и другія; 3) снимки съ 25 древнихъ грамотъ XV, XVI и XVII вѣковъ (на 10 листахъ); 4) вѣдомости о числѣ документовъ, хранящихся въ государственномъ архивѣ старыхъ дѣлъ, «равно и до другихъ предметовъ относящіяся».

7) **Опыты историческаго изслѣдованія о межеваніи земель въ Россіи. Соч. П. Ивановымъ. М. 1846. Въ типографіи Селивановскаго, стр. I—IV, 1—151, in 8°. Цѣна 1 рубль 50 коп.**

Въ книгѣ излагается ходъ предпринимавшихся измѣреній земель въ Россіи и оканчивается мѣрами правительства о генеральномъ и спеціальномъ размежеваніи земель. Значительную часть книги составляютъ 13 «приложеній». Замѣчательныя изъ нихъ: 1) таблица помѣстнымъ окладамъ, которые въ XVII вѣкѣ назначались духовнымъ властямъ и служилымъ людямъ, сообразно занимаемой каждымъ должности и чину; 2) вѣдомость, показывающая время генеральнаго межеванія каждой губерніи; 3) вѣдомость о пла-

нахъ, атласахъ и картахъ по каждой губерніи, хранящихся въ чертежномъ архивѣ межевой канцеляріи; 4) о старинномъ лѣтосчисленіи; 5) наименованіе древней мѣры и сравненіе оной съ нынѣшнею; 6) объясненіе нѣкоторыхъ словъ, встрѣчающихся въ древнихъ документахъ, равно и значенія многихъ грамотъ и юридическихъ актовъ прежняго судопроизводства; 7) снимки: а) чертежъ гор. Смоленска XVII вѣка; б) чертежъ спорной дачи; в) снимокъ съ писцовой книги 1540 года; г) снимокъ съ писцовой книги 1556 года.

8) **Алфавитный указатель фамилій и лицъ, упоминаемыхъ въ боярскихъ книгахъ, хранящихся въ 1-мъ отдѣленіи московскаго архива министерства юстиціи, съ обозначеніемъ служебной дѣятельности каждаго лица и годовъ состоянія въ занимаемыхъ должностяхъ. М. 1853. Въ типографіи Селивановскаго, на 498 страницахъ, in 4°. Цѣна 1 рубль 50 коп.**

Книга напечатана въ два столбца, изъ которыхъ каждый раздѣленъ на 5 графъ. Въ первой перечислены въ алфавитномъ порядкѣ фамиліи, имена и отчества лицъ, упоминаемыхъ въ боярскихъ книгахъ; во второй — чинъ или должность каждаго лица; въ третьей—годы чина или должности, въ четвертой—нумеръ книги и въ пятой—страницы книги, въ коихъ писаны имена. Въ концѣ — Приложенія: три листа снимковъ съ боярскихъ книгъ 7135, 7166 и 7200 годовъ.

9) **Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Книга первая. Спб. 1869. Въ типографіи правительствующаго сената. Стр. I—XXXVIII, 1—46, I—XXVI, 1—429, 1—II, 1—9, in 8°. Цѣна 2 рубля 50 коп.**

Содержаніе книги составляютъ: I. Указатель документамъ и бумагамъ хранящимся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Въ этомъ указателѣ заключаются: а) обозрѣніе учрежденій, коихъ документы поступили въ архивъ; б) вѣдомости документамъ и бумагамъ, находящимся въ архивѣ по ихъ разрядамъ; в) алфавиты: 1) документамъ и бумагамъ и 2) учрежденіямъ, упоминаемымъ въ обозрѣніи и вѣдомостяхъ. II. Описаніе книгъ писцовыхъ, переписныхъ, дозорныхъ, перечневыхъ, платежныхъ и межевыхъ. Въ этомъ описаніи заключаются: а) о началѣ, значеніи, составѣ и содержаніи писцовыхъ, межевыхъ и другихъ книгъ; б) опись означеннымъ книгамъ; в) алфавитные указатели: 1) именъ личныхъ и 2) географическихъ. III. Документы, извлеченные изъ книгъ Патріаршаго Казеннаго приказа о церковныхъ пошлинахъ, какъ-то: а) указъ патріарха Іоакима о посылкѣ во всѣ епархіи выписки изъ книгъ того приказа о церковныхъ пошлинахъ (1687 г. 27 февраля); б) грамота того же патріарха новгородскому митрополиту Корнилію съ препровожденіемъ выписки о церковныхъ пошлинахъ, взимаемыхъ въ Патріаршемъ Казенномъ приказѣ (1687 г. 13 марта); в) выписка изъ книгъ Патріаршаго Казеннаго приказа о церковныхъ пошлинахъ 1687 г. марта); г) роспись духовныхъ властей, коимъ посланы грамоты патріарха съ выпискою о церковныхъ пошлинахъ.

10) **Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Книга вторая. Спб. 1872. Въ типографіи правительствующаго сената, стр. I—II, I—VIII, 1—198, I—VI, 1—70, I—IV, 1—210, I—II, 1—8, in 8°. Цѣна 2 рубля.**

Содержаніе книги составляютъ статьи: 1) систематическое описаніе документовъ Сыскнаго приказа 1730—1763; 1-е отдѣленіе: «устройство, составъ и дѣлопроизводство Сыскнаго приказа», составлено Н. Е. Сѣвернымъ и состоитъ изъ пяти главъ: помѣщеніе Сыскнаго приказа, личный составъ, колодники, денежныя суммы и дѣлопроизводство; 2) дополнительная опись книгъ писцовыхъ, переписныхъ, дозорныхъ, перечневыхъ, платежныхъ и межевыхъ, поступившихъ въ архивъ уже послѣ изданія первой части описанія его документовъ, съ алфавитными указателями къ ней; 3) описаніе книгъ дозорныхъ, переписныхъ, описныхъ межевыхъ, доимочныхъ, раздѣльныхъ,

отказныхъ, отдѣльныхъ, обыскныхъ и росписныхъ, составленныхъ по патріаршимъ указамъ 1620—1703 годовъ, съ указателями къ оному; 4) о постройкѣ въ Москвѣ сгорѣвшаго въ 1753 году Головинскаго дворца.

11) **Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Книга третья. М. 1876. Въ университетской типографіи. Стр. I—VIII, 1—139, I—II, 1—220, in 8°. Цѣна 2 р.**

Содержаніе книги составляютъ отдѣльныя статьи: 1) О сенатѣ въ царствованіе Петра В. Историко-юридичеекое изслѣдованіе С. А. Петровскаго. Глава 1-я. Происхожденіе, развитіе и значеніе сената. Глава 2-я. Составъ сената (сенаторы, канцелярія, сенатская контора въ Москвѣ, коммиссары отъ губерній при сенатѣ, фискалы, генералъ-прокуроръ и прокуроры, генералъ-рекетмейстеръ, герольдмейстеръ). Глава 3-я. Кругъ вѣдомства сената (законодательство, судебная дѣятельность, военныя дѣла, финансы, торговля, промышленность, благосостояніе и безопасность). Глава 4-я. Дѣлопроизводство въ сенатѣ. 2) Областное управленіе Россіи XVIII вѣка до учрежденія о губерніяхъ 7-го ноября 1775 года. Историко-юридическое изслѣдованіе П. Н. Мрочекъ-Дроздовскаго. Часть 1-я. Областное управленіе эпохи перваго учрежденія губерній (1708—1719 г.). Глава 1-я. Областное дѣленіе. Глава 2-я. Главные областные правители. Глава 3-я. Второстепенные правители. Глава 4-я. Канцеляріи и дѣлопроизводство. Глава 5-я. Предметы вѣдомства (военныя дѣла).

12) **Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Книга 4-я. М. 1884. Въ типографіи Снегирева. Стр. I—II, 1—192, I—VIII, 1—534, in 8°, съ двумя планами. Цѣна 2 рубля.**

Содержаніе книги составляютъ пять отдѣльныхъ статей, группированныхъ въ 2-хъ отдѣленіяхъ: I-е отдѣленіе. 1) Сыскной приказъ 1730—1763 г. Отдѣленіе второе (первое отдѣленіе напечатано во 2 книгѣ) А. А. Голубева. Содержаніе: верховная власть, государственная служба, дворяне, городскіе и посадскіе люди, монастыри, бѣлое духовенство, крестьяне, судопроизводство. 2) Розыскная экспедиція при московской губернской канцеляріи 1763—1784 г. В. С. Лазовскаго (учрежденіе, личный составъ, предметъ вѣдомства и дѣлопроизводство). II-е отдѣленіе: 3) грамоты и другіе акты XIV и XV вв. московскаго архива министерства юстиціи (жалованныя, указныя, судебные акты, межевые, мировые, отступные, раздѣльные, мѣновные, купчіе, данные, духовные); ихъ форма, содержаніе, значеніе въ исторіи русскаго права. Съ приложеніемъ образцовъ грамотъ разныхъ наименованій. Д. М. Мейчика. 4) Обозрѣніе историко-географическихъ матеріаловъ XVII в., заключающихся въ книгахъ Разряднаго приказа. Изслѣдованіе Н. Н. Оглоблина. Содержаніе онаго, кромѣ предисловія: а) матеріалы для топографіи городовъ: росписные списки, смѣтныя книги, годовыя смѣтныя книги, переписныя книги городовъ, строельныя книги, переписныя книги городскихъ монастырей, церквей, улицъ и дворовъ, оброчныя книги, документы о подгородныхъ земляхъ; б) описаніе и списки уѣздныхъ поселенныхъ пунктовъ: переписныя книги, списки служилыхъ людей, сборныя книги, межевые и т. п. документы; в) описаніе рубежей, порубежныя укрѣпленія, сторожи и станицы, переписныя книги порубежныхъ областей и порубежная служба; г) матеріалы для гидрографіи: рыбныя ловли, мельницы, мосты и перевозы, струговое дѣло; д) естественныя произведенія страны; е) статистика населенія страны и народнаго хозяйства. 42 приложенія и указатель.

13) **Внутренній бытъ Русскаго государства съ 17-го октября 1740 года по 25-е ноября 1741 года, по документамъ, хранящимся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Книга первая. Верховная власть и императорскій домъ. М. 1880. Въ университетской типографіи (М. Каткова). Стр. I—X, 1—588, in 8°. Цѣна 3 рубля.**

Содержаніе: 1) Управленіе, титулы, вѣра. 2) Придворный штатъ: а) дворъ императора и б) дворы правительницы и ея супруга. 3) Дворцы, дома, дворы (въ Петербургѣ, Москвѣ, Ревелѣ). 4) Богослуженіе и духовенство при дворѣ. 5) Внутреннее убранство дворцовъ. 6) Свѣдѣнія о платьяхъ и цѣнныхъ вещахъ правительницы, ея дѣтей и лицъ, находившихся при нихъ, и объ игрушкахъ Іоанна Антоновича. 7) Дворцовые сады. 8) Музыка, театръ и другія увеселенія при дворѣ. 9) Празднества при дворѣ. 10) Народный маскарадъ и маскарадная свадьба 1740 года. 11) Придворныя охоты. 12) Придворный столъ. 13) Императорскій конюшенный дворъ. 14) Оффиціальные выѣзды правительницы и ея супруга. 15) Печальная коммиссія, учрежденная по случаю кончины императрицы Анны Іоанновны. Указатель документамъ, изъ коихъ извлечено содержаніе означенныхъ отдѣловъ. Приложенія: 1) Манифесты, указы и прочія распоряженія правительства— всего 27 документовъ. 2) Біографическая замѣтка объ Іоаннѣ Антоновичѣ и его семействѣ. Алфавитный указатель личныхъ именъ. Рисунки. Портретныя изображенія: императрицы Анны Іоанновны, императора Іоанна Антоновича, принцессы Анны Леопольдовны. Снимки: съ серебрянаго рубля 1741 г., съ подписей 1740—1741 г. императрицъ Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны, принцессы Анны Леопольдовны, супруга ея Антона Ульриха и регента Іоанна Бирона; съ плановъ: слоноваго двора, слоноваго амбара, крыши адмиральскаго дома; съ рисунка, составленнаго профессоромъ Штелинымъ 1741 года октября 31-го дня, для иллюминаціи и празднованія дня рожденія императора Іоанна Антоновича.

14) **Внутренній бытъ Русскаго государства съ 17-го октября 1740 г. по 25-е ноября 1741 г., по документамъ, хранящимся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Книга вторая. Высшія государственныя учрежденія: императорскій кабинетъ, сенатъ и синодъ. М. 1886. Въ типографіи Л. Ѳ. Снегирева. Стр. I—IX, 1—432, in 8°. Цѣна 2 рубля.**

Содержаніе: 1) Императорскій кабинетъ. Историческій очеркъ и значеніе.—Помѣщеніе и обстановка.—Устройство и личный составъ: кабинетъ-министры; канцелярія кабинета его императорскаго величества: канцеляріи-совѣтники, тайный кабинетъ-секретарь, кабинетъ-секретари, камериръ, переводчики, подьячіе, кабинетъ-курьеры и ѣздовые гренадеры; придворный рекетмейстеръ.—Дѣятельность кабинета. Участіе въ законодательствѣ. Дѣла о назначеніи на государственныя должности. Дѣла о наградахъ за службу и о другихъ актахъ высочайшей милости. Дѣйствія кабинета въ качествѣ верховнаго контролера и блюстителя закона и государственнаго порядка. Дѣла чрезвычайныя. Дѣла церковныя. Дѣла по вѣдомству двора. Дѣла судебныя. Дѣла военныя. Дѣла финансовыя. Дѣйствія кабинета въ области торгово-промышленной. Дѣла по народному просвѣщенію. Дѣла по народному продовольствію и народному здравію. Дѣла по устройству путей сообщенія и столицъ и мѣры противъ пожаровъ и роскоши. Дѣйствія кабинета по дипломатіи. — Дѣлопроизводство кабинета.

2) Правительствующій сенатъ. Значеніе его. — Мѣстонахожденіе и помѣщеніе сената. — Составъ сената: сенаторы, генералъ-прокуроръ, оберъ-прокуроръ и состоявшіе при нихъ чины; составъ канцеляріи сената; составъ герольдмейстерской конторы; составъ рекетмейстерской конторы; составъ печатной конторы; составъ коммиссіи при сенатѣ; чины сенатскаго архива; низшіе служители; сенатская типографія; школа при сенатѣ; личный составъ сенатской конторы и состоявшихъ при ней учрежденій; типографія при сенатской конторѣ.—Дѣятельность сената: участіе въ законодательствѣ; сенатъ какъ судебное учрежденіе; участіе сената въ военныхъ дѣлахъ; участіе его въ финансовыхъ дѣлахъ; дѣйствія сената въ области торгово-промышленной; участіе сената въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія; дѣятельность сената по народному продовольствію, по народному здравію, по устройству

путей сообщенія и по возведенію и исправленію казенныхъ и городскихъ зданій; дѣйствія сената по огражденію городовъ отъ пожаровъ, его распоряженія относительно бѣглыхъ и нищихъ и его занятія по выдачѣ паспортовъ; участіе сената въ дѣлахъ церковныхъ и въ дѣлахъ внѣшней политики. Дѣятельность учрежденій, состоявшихъ при сенатѣ, въ Петербургѣ: герольдмейстерской конторы, рекетмейстерской конторы, печатной конторы; предметъ вѣдѣнія канцеляріи малороссійскихъ дѣлъ; занятія «коммиссіи о разсмотрѣніи прошлыхъ лѣтъ дѣлъ»; занятія «коммиссіи сочиненія уложенія»; занятія «доимочной коммиссіи»; занятія коммиссіи объ отдачѣ дворцовыхъ деревень на аренду и коммиссіи «сочиненія генеральнаго о числѣ мужеска пола душъ алфабета»; занятія коммиссіи «сочиненія окладной книги». Дѣятельность сенатской конторы и состоявшихъ при ней учрежденій.—Дѣлопроизводство въ сенатѣ.

3) Святѣйшій синодъ. Историческій очеркъ. Причины уничтоженія патріаршества и учрежденія соборнаго духовнаго правительства.—Внѣшняя исторія духовнаго регламента.—Первое засѣданіе синода.—Мѣсто его между другими органами управленія.—Организація синодскаго управленія: конторы, оберъ-прокуроръ.—Перемѣны въ синодѣ до 1740 года. Святѣйшій синодъ 1740—1741 годовъ. I. Помѣщеніе синода.—Составъ присутствія.—Оберъ-прокуроръ.—Составъ синодальной канцеляріи.—Синодальные дворяне.—Жалованье.—Форма сношенія синода съ правительственными учрежденіями и дѣлопроизводство.—Синодальныя типографіи. II. Дѣятельность синода: назначеніе лицъ на мѣста и должности.—Заботы объ устраненіи недостатка священно и церковно-служителей.—Руководство дѣятельностью духовныхъ властей вообще.—Духовное просвѣщеніе.—Расширеніе способовъ для доступа въ монастыри.—Охраненіе правъ духовныхъ властей и лицъ.—Попеченіе о ружникахъ.—Обнародованіе указовъ.—Построеніе церквей.—Благоустроеніе церковныхъ богослуженій. — Церковныя дѣла по Петербургской губерніи. III. Дѣятельность синода по охраненію догматовъ православной церкви и его попеченіе объ исполненіи православными религіозно-нравственныхъ обязанностей.—Дѣйствія синода по распространенію православія между иновѣрцами. IV. Управленіе дѣлъ синодальнаго вѣдомства въ Москвѣ.—Московская синодальнаго правленія канцелярія: ея помѣщеніе, устройство, дѣлопроизводство и дѣятельность въ царствованіе Іоанна Антоновича.

Приложенія: 1) указатель документамъ и другимъ источникамъ, изъ которыхъ извлечены свѣдѣнія, заключающіяся въ книгѣ; 2) указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ книгѣ; 3) описи сервизамъ, пожалованнымъ кабинетъ-министрамъ; 4) планъ Петербурга 1737 года.

Всѣ вышепоименованныя изданія можно пріобрѣтать въ Москвѣ, въ зданіи московскаго архива министерства юстиціи, на Дѣвичьемъ полѣ, по Зубовскому проѣзду.

Елизавета Кульманъ.

Съ современнаго гравированнаго портрета.

Дозв. ценз. спб., 25 ноября 1886 г. Типографія А. С. Суворина.

О ПОДПИСКѢ

НА

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ"

ВЪ 1887 ГОДУ.

(ВОСЬМОЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ" будетъ издаваться въ **1887 году** на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія семь лѣтъ (1880—1886).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) **десять рублей, съ пересылкой и доставкой на домъ.**

Изъ обширнаго собранія матеріаловъ, находящихся въ распоряженіи редакціи, въ первыхъ книжкахъ **„Историческаго Вѣстника" 1887 года** будутъ помѣщены, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Живое слово о неживыхъ. Воспоминанія **И. А. Арсеньева.** — Исторія моей издательской дѣятельности. **Е. Н. Ахматовой.** — Отрывокъ изъ семейной хроники. **Н. А. Бороздина.** — Самоубійство генерала Герштенцвейга. Разсказъ очевидца. **С. М. Борщова.** — В. Г. Тепляковъ. Біографическій очеркъ. **Ѳ. А. Бычкова.** — Мартинистъ и филантропъ прошлаго вѣка. **Е. М. Гаршина.** — Послѣдніе дни царствованія Екатерины II. Письма **княгини А. А. Голицыной.**— Тамбовская украина въ XVII столѣтіи. **И. И. Дубасова.** — Тамбовскій Катилина. **Его же.** — Княгиня А. П. Волконская и ея друзья. **Г. В. Есипова.** — Очеркъ исторіи англійской иллюстраціи (съ многими иллюстраціями). **В. Р. Зотова.** — Общественная жизнь въ Англіи въ XIX столѣтіи (съ многими иллюстраціями). **Его же.**—Кургановъ и его письмовникъ. **А. И. Кирпичникова.**—

Н. А. Кудрявцевъ и его потомство. **Д. А. Керсанова.**—Отрывки изъ дневника **Н. В. Кукольника.** — Боголюбезный скоморохъ. Старинное происшествіе. **Н. С. Лѣснова.**—Наша печать въ ея историко-экономическомъ развитіи. **А. П. Мальшинскаго.**—Мишенское, родина Жуковскаго (съ иллюстраціями). **П. М. Мартынова.** — Отрывокъ изъ литературныхъ воспоминаній. **А. П. Милюкова.** — Отрывокъ изъ воспоминаній **Б. А. Милютина.** — Дневникъ генералъ-лейтенанта **А. М. Михайловскаго-Данилевскаго.** — Кумъ Иванъ. Историческая быль. **Д. Л. Мордовцева.** — Посольство въ Персію съ хрустальной кроватью въ 1826 году. **А. Н. Носнова.** — Вяземскій архимандритъ Θеодосій. Очеркъ монастырскаго быта въ XVII столѣтіи. **Н. Н. Оглоблина.** — Отрывокъ изъ семейной хроники. **Е. Н. Опочинина.** — Записки **Ксенофонта Алексѣевича Полеваго.** — А. Θ. Писемскій по его автобіографическимъ замѣткамъ, письмамъ и сочиненіямъ. **П. Н. Полеваго.** — Шуты и скоморохи въ древности и въ новѣйшее время (съ многими иллюстраціями). **Его же.** — Одна изъ замѣчательныхъ русскихъ женщинъ прошлаго вѣка (А. Н. Родіонова). **П. А. Пономарева.** — Отрывки изъ дневника **А. Н. Протасьева.** — Городъ Гродно во время послѣдняго польскаго мятежа. **С. Т. Славутинскаго.** — Природа и человѣкъ въ Средней Азіи. **Н. В. Сорокина.** — Воспоминанія стараго литератора. **А. В. Старчевскаго.** — Императоръ Николай I и австрійскій дворъ. **С. С. Татищева.**—Императоръ Николай I и прусскій дворъ. **Его же.**—Павелъ Конюшкевичъ, митрополитъ тобольскій и сибирскій. **А. А. Титова.** — Горицкій монастырь и два іерарха русской церкви (съ многими иллюстраціями). **Его же.**—Среди скитницъ (съ многими иллюстраціями). **П. С. Усова.** — Русскій дворъ въ царствованіе Елисаветы Петровны и Петра III. Записки (переводъ съ рукописи) секретаря французскаго посольства **Фавье.**—Отрывки изъ воспоминаній бывшей камеръ-медхенъ императрицы Маріи Александровны **Н. И. Яковлевой.** — Воспоминанія о жизни въ Сибири и декабристахъ. **М. Д. Францевой,** и др.

Въ приложеніи къ „Историческому Вѣстнику“ 1887 года будутъ напечатаны **Записки Сергѣя Николаевича Глинки.** Эти любопытныя записки, разсѣянныя по разнымъ періодическимъ изданіямъ, соединены здѣсь въ одно цѣлое, провѣрены и дополнены по подлинной рукописи автора, обязательно доставленной намъ сыномъ его, Θ. С. Глинкой. Трудъ сличенія и редакціи записокъ исполненъ **А. О. Круглымъ.**

Главная контора **„Историческаго Вѣстника“** въ **С.-Петербургѣ,** при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени“**, Невскій проспектъ, № 38. Отдѣленіе конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ** и **Одессѣ** при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина **„Новаго Времени“.**

ЗНАКОМСТВО СЪ ГОГОЛЕМЪ.

(Изъ литературныхъ воспоминаній).

ВПЕРВЫЕ въ жизни я увидѣлъ Гоголя за четыре мѣсяца до его кончины.

Это случилось осенью, въ 1851 году. Находясь тогда, въ концѣ октября, въ Москвѣ, съ служебнымъ порученіемъ бывшаго въ то время товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, А. С. Норова, я получилъ отъ стараго своего знакомаго, покойнаго московскаго профессора, О. М. Бодянскаго, записку, въ которой онъ извѣщалъ меня, что одинъ изъ нашихъ земляковъ-украинцевъ, г. А—й, котораго передъ тѣмъ я у него видѣлъ, предполагалъ пѣть малорусскія пѣсни у Гоголя и что Гоголь, узнавъ, что и у меня собрана коллекція украинскихъ народныхъ пѣсенъ, съ нотами, просилъ Бодянскаго пригласить къ себѣ и меня.

Нежданная возможность выпавшаго мнѣ на долю свиданія съ великимъ писателемъ сильно меня обрадовала. Авторъ «Мертвыхъ душъ» находился въ то время на верху своей славы, и мы, тогдашняя молодежь (мнѣ въ то время было двадцать два года), питали къ нему безграничную любовь и преданность. У меня съ дѣтства не выходило изъ головы добродушное обращеніе къ читателямъ пасѣчника Рудаго-Панька.—«Когда кто изъ васъ будетъ въ нашихъ краяхъ,—писалъ въ «Вечерахъ на хуторѣ близь Диканьки» веселый пасѣчникъ: — то заверните ко мнѣ; я васъ напою удивительнымъ грушевымъ квасомъ».

Это забавное приглашеніе, какъ я помню, необыкновенно заняло меня въ деревнѣ моей бабки, гдѣ ея слуга Абрамъ, учившійся передъ тѣмъ въ Харьковѣ переплетному мастерству и потому знавшій грамотѣ, впервые прочелъ мнѣ, шестилѣтнему мальчику, украинскія повѣсти Гоголя; но я не могъ принять приглашенія Рудàго-Панькà. Въ 1835 году, у меня былъ одинъ только конь — липовая вѣтка, верхомъ на которой я гарцовалъ по саду, и въ то время я отлучался изъ роднаго дома не далѣе старой мельницы, скрипъ тяжелыхъ крыльевъ которой слышался, съ выгона, въ моей дѣтской комнатѣ.

Я тогда былъ въ полной и искренней увѣренности, что на свѣтѣ, дѣйствительно, гдѣ-то, въ сельской, таинственной глуши, существуетъ старый пàсѣчникъ, рудый, т. е. рыжій Панькò, и что онъ, въ длинные зимніе вечера, сидитъ у печи и разсказываетъ свои увлекательныя сказки. Передъ моимъ воображеніемъ живо развертывалась дивная исторія «Красной свитки», проходила блѣдная утопленница «Майской ночи» и на высотахъ Карпатскихъ горъ вставалъ грозный, мертвый всадникъ «Страшной мести».

А теперь, въ 1851 году, мнѣ предстояло увидѣть автора не только «Вечеровъ на хуторѣ», но и «Мертвыхъ душъ» и «Ревизора».

Въ назначенный часъ, я отправился къ О. М. Бодянскому, чтобы ѣхать съ нимъ къ Гоголю. Бодянскій тогда жилъ у Стараго Вознесенія, на Арбатѣ, на углу Мерзляковскаго переулка, въ домѣ нынѣ Е. С. Мещерской, № 243. Онъ встрѣтилъ меня словами: «Ну, землàче, ѣдемъ; вкусимъ отъ благоуханныхъ, сладкихъ сòтовъ родной украинской музыки». — Мы сѣли на извозчичьи дрожки и поѣхали по сосѣдству на Никитскій бульваръ, къ дому Талызина, гдѣ, въ квартирѣ гр. А. П. Толстаго, въ то время жилъ Гоголь. Теперь этотъ домъ, № 314, принадлежитъ Н. А. Шереметевой. Онъ не перестроенъ, имѣетъ, какъ и тогда, 16 оконъ во дворъ и 5 на улицу, въ два этажа, съ каменнымъ балкономъ, на колоннахъ, во дворъ.

Было около полудня. Радость предстоявшей встрѣчи нѣсколько, однако, затемнялась для меня слухами, которые въ то время ходили о Гоголѣ, по поводу изданной, незадолго передъ тѣмъ, его извѣстной книги «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями». Я невольно припоминалъ злые и ядовитые нападки, которыми тогдашняя руководящая критика преслѣдовала эту книгу. Бѣлинскій въ ту пору былъ нашимъ кумиромъ, а онъ первый бросилъ камнемъ въ Гоголя за его «Переписку съ друзьями». По рукамъ въ Петербургѣ ходило въ спискахъ его неизданное письмо къ Гоголю, гдѣ знаменитый критикъ горячо и безпощадно бичевалъ автора «Мертвыхъ душъ», укоряя его въ измѣнѣ долгу писателя и гражданина.

Хотя обвиненія Бѣлинскаго для меня смягчались въ кружкѣ тогдашняго ректора Петербургскаго университета, П. А. Плетнева, друга Пушкина и Жуковскаго, отзывами инаго рода, тѣмъ не менѣе, я и мои товарищи-студенты, навѣщавшіе Плетнева, не могли вполнѣ отрѣшиться отъ страстной и подкупающей своимъ краснорѣчіемъ критики Бѣлинскаго. Плетневъ, защищая Гоголя, дѣлалъ, что могъ. Онъ читалъ намъ, студентамъ, письма о Гоголѣ жившихъ въ то время въ чужихъ краяхъ Жуковскаго и князя Вяземскаго, объяснялъ эти письма и совѣтовалъ намъ, не поддаваясь нападкамъ враговъ Гоголя, самостоятельно рѣшить вопросъ, правъ ли былъ Гоголь, издавая то, о чемъ онъ счелъ долгомъ открыто высказаться передъ родиной? — «Его зовутъ фарисеемъ и ренегатомъ, — говорилъ намъ Плетневъ: — клянутъ его, какъ нѣкоего служителя мрака и лжи, оглашаютъ его, наконецъ, чуть не сумасшедшимъ... И за что же? За то, что одаренный геніемъ творчества, родной писатель-сатирикъ дерзнулъ глубже взглянуть въ собственную свою душу, провѣрить свои сокровенные помыслы и самостоятельно, никого не спросясь, открыто о томъ повѣдать другимъ... Какъ смѣлъ онъ, создатель Чичикова, Хлестакова, Сквозника и Манилова, пойти не по общей, а по иной дорогѣ, заговорить о духовныхъ вопросахъ, о церкви, о вѣрѣ? Въ сумасшедшій домъ его! онъ — помѣшанный!» — Такъ говорилъ намъ Плетневъ.

Молва о помѣшательствѣ Гоголя, дѣйствительно, въ то время была распространена въ обществѣ. Говорили странныя вещи: будто Гоголь окончательно отрекся отъ своего писательскаго призванія, будто онъ постится по цѣлымъ недѣлямъ, живетъ, какъ монахъ, читаетъ только ветхій и новый завѣтъ и житія святыхъ и, душевно болѣя и сильно опустившись, относится съ отвращеніемъ не только къ изящной литературѣ, но и къ искусству вообще.

Всѣ эти мысли, по поводу Гоголя, невольно проносились въ моей головѣ, въ то время, когда извозчичьи дрожки, по Никитскому бульвару, везли Бодянскаго и меня къ дому Талызина. Одно меня нѣсколько успокоивало: Гоголь пригласилъ къ себѣ пѣвца-малоросса, этотъ пѣвецъ долженъ былъ у него пѣть народныя украинскія пѣсни, — слѣдовательно, думалъ я, авторъ «Мертвыхъ душъ» не вполнѣ еще сталъ монахомъ-аскетомъ, и его душѣ еще доступны произведенія художественнаго творчества.

Въѣхавъ въ каменныя ворота высокой ограды, направо, къ балконной галлереѣ дома Талызина, мы вошли въ переднюю нижняго этажа. Старикъ — слуга графа Толстаго привѣтливо указалъ намъ дверь изъ передней направо.

— Не опоздали? — спросилъ Бодянскій, обычною своею, ковыляющею походкой проходя въ эту дверь.

— Пожалуйте, ждутъ-съ! — отвѣтилъ слуга.

Бодянскій прошелъ пріемную и остановился передъ слѣдующею,

затворенною дверью въ угольную комнату, два окна которой выходили во дворъ и два на бульваръ. Я догадывался, что это былъ рабочій кабинетъ Гоголя. Бодянскій постучался въ дверь этой комнаты.

— Чи дòма, бràте Микòло? — спросилъ онъ помалорусски.

— А дòма-жъ, дома! — негромко отвѣтилъ кто-то оттуда.

Сердце у меня сильно забилось. Дверь растворилась. У ея порога стоялъ Гоголь.

Мы вошли въ кабинетъ. Бодянскій представилъ меня Гоголю, сказавъ ему, что я служу приНоровѣ и что съ нимъ, Бодянскимъ, давно знакомъ черезъ Срезневскаго и Плетнева.

— А гдѣ же нашъ пѣвецъ?—спросилъ, оглядываясь, Бодянскій.

— Надулъ, къ Щепкину поѣхалъ на варѐники!—отвѣтилъ съ видимымъ неудовольствіемъ Гоголь: — только-что прислалъ извинительную записку, будто забылъ, что раньше насъ далъ слово туда.

— А, можетъ быть, и такъ!—сказалъ Бодянскій: — варѐники не свой братъ.

Чтò еще, при этомъ, нѣкоторое время говорили Гоголь и Бодянскій, я тогда, кажется, не слышалъ и почти не сознавалъ. Ясно помню одно, что я не спускалъ глазъ съ Гоголя.

Мои опасенія разсѣялись. Передо мной былъ не только не душевно-больной или вообще свихнувшійся человѣкъ, а тотъ же самый Гоголь, тотъ же могучій и привлекательный художникъ, какимъ я привыкъ себѣ воображать его съ юности.

Разговаривая съ Бодянскимъ, Гоголь то плавно прохаживался по комнатѣ, то садился въ кресло къ столу, за которымъ Бодянскій и я сидѣли на диванѣ, и изрѣдка посматривалъ на меня. Средняго роста, плотный и съ совершенно-здоровымъ цвѣтомъ лица, онъ былъ одѣтъ въ темно-коричневое, длинное пальто и въ темно-зеленый, бархатный жилетъ, наглухо застегнутый до шеи, у которой, поверхъ атласнаго, черпаго галстуха, виднѣлись бѣлые, мягкіе воротнички рубахи. Его длинные, каштановые волосы прямыми космами спадали ниже ушей, слегка загибаясь надъ ними. Тонкіе, темные, шелковистые усики чуть прикрывали полныя, красивыя губы, подъ которыми была крохотная эспаньолка. Небольшіе, каріе глаза глядѣли ласково, но осторожно и не улыбаясь даже тогда, когда онъ говорилъ что либо веселое и смѣшное. Длинный, сухой носъ придавалъ этому лицу и этимъ, сидѣвшимъ по его сторонамъ, осторожнымъ глазамъ что-то птичье, наблюдающее и вмѣстѣ добродушно-горделивое. Такъ смотрятъ съ кровель украинскихъ хуторовъ, стоя на одной ногѣ, внимательно-задумчивые аисты.

Гоголь въ то время, какъ я отлично помню, былъ очень похожъ на свой портретъ, писанный съ него въ Римѣ, въ 1841 году, знаменитымъ Ивановымъ. Этому портрету онъ, какъ извѣстно, отдавалъ предпочтеніе передъ другими.

Успокоясь отъ невольнаго, охватившаго меня смущенія, я сталъ понемногу вслушиваться въ разговоръ Гоголя съ Бодянскимъ.

— Надо, однако же, всетаки, вызвать нашего Рубини, — сказалъ Гоголь, присаживаясь къ столу: — не я одинъ, и Аксаковы хотѣли бы его послушать... особенно Надежда Сергѣевна.

— Устрою, берусь, — отвѣтилъ Бодянскій: — если только тутъ не другая причина и если нашъ землякъ, отъ здѣшнихъ угощеній, не спалъ съ голоса... А что это у васъ за рукописи? — спросилъ Бодянскій, указывая на рабочую, краснаго дерева, конторку, стоявшую налѣво отъ входныхъ дверей, за которою Гоголь, передъ нашимъ приходомъ, очевидно, работалъ стоя.

— Такъ себѣ, мараю по временамъ! — небрежно отвѣтилъ Гоголь.

На верхней части конторки были положены книги и тетради; на ея покатой доскѣ, обитой зеленымъ сукномъ, лежали раскрытые, мелко исписанные и перемаранные листы.

— Не второй ли томъ «Мертвыхъ душъ?» — спросилъ, подмигивая, Бодянскій.

— Да... иногда берусь, — нехотя проговорилъ Гоголь: — но работа не подвигается; иное слово вытягиваешь клещами.

— Что же мѣшаетъ? у васъ тутъ такъ удобно, тихо.

— Погода, убійственный климатъ! Невольно вспоминаешь Италію, Римъ, гдѣ писалось лучше и такъ легко. Хотѣлъ было на зиму уѣхать въ Крымъ, къ Княжевичу, тамъ писать, думалъ завернуть и на родину, къ своимъ, — туда звали на свадьбу сестры, Елизаветы Васильевны...

Ел. В. Гоголь тогда вышла замужъ за сапернаго офицера Быкова.

— Зачѣмъ же дѣло стало? — спросилъ Бодянскій.

— Едва добрался до Калуги и возвратился. Дороги невозможныя, простудился; да и времени пришлось бы столько потратить на одни переѣзды. А тутъ еще затѣялъ новое полное изданіе своихъ сочиненій.

— Скоро ли оно выйдетъ?

— Въ трехъ типографіяхъ началъ печатать, — отвѣтилъ Гоголь: — будетъ четыре большихъ тома. Сюда войдутъ всѣ повѣсти, драматическія вещи и обѣ части «Мертвыхъ душъ». Пятый томъ я напечатаю позже, подъ заглавіемъ «Юношескіе опыты». Сюда войдутъ нѣкоторыя журнальныя статьи, статьи изъ «Арабесокъ» и прочее.

— А «Переписка»? — спросилъ Бодянскій.

— Она войдетъ въ шестой томъ; тамъ будутъ помѣщены письма къ близкимъ и роднымъ, изданныя и неизданныя... Но это уже, разумѣется, явится... послѣ моей смерти.

Слово «смерть» Гоголь произнесъ совершенно спокойно, и оно тогда не прозвучало ничѣмъ особеннымъ, въ виду полныхъ его силъ и здоровья.

Бодянскій заговорилъ о типографіяхъ и сталъ хвалить какую-то изъ нихъ. Рѣчь коснулась и Петербурга.

— Что новаго и хорошаго у васъ, въ петербургской литературѣ?— спросилъ Гоголь, обращаясь ко мнѣ.

Я ему сообщилъ о двухъ новыхъ поэмахъ тогда еще молодаго, но уже извѣстнаго поэта Ап. Ник. Майкова, «Савонаролла» и «Три смерти». Гоголь попросилъ разсказать ихъ содержаніе. Исполняя его желаніе, я наизусть прочелъ выдержки изъ этихъ произведеній, ходившихъ тогда въ спискахъ.

— Да это прелесть, совсѣмъ хорошо! — произнесъ, выслушавъ мою неумѣлую декламацію, Гоголь:—еще, еще...

Онъ совершенно оживился, всталъ и опять началъ ходить по комнатѣ. Видъ осторожно-задумчиваго аиста исчезъ. Передо мною былъ счастливый, вдохновенный художникъ. Я еще прочелъ отрывки изъ Майкова.

— Это такъ же законченно и сильно, какъ терцеты Пушкина, во вкусѣ Данта,—сказалъ Гоголь:—Осипъ Максимовичъ, а?—обратился онъ къ Бодянскому:—вѣдь это праздникъ! Поэзія не умерла. Не оскудѣлъ князь отъ Іуды и вождь отъ чреслъ его... А выборъ сюжета, а краски, колоритъ? Плетневъ присылалъ кое-что, я и самъ помню нѣкоторые стихи Майкова.

Онъ прочелъ, съ оригинальною интонаціей, двѣ начальныя строки извѣстнаго стихотворенія изъ «Римскихъ очерковъ» Майкова:

«Ахъ, чудное небо, ей Богу, надъ этимъ классическимъ Римомъ!
«Подъ этакимъ небомъ невольно художникомъ станешь»!

— Не правда ли, какъ хорошо?—спросилъ Гоголь.

Бодянскій съ нимъ согласился.

— Но *то*, что вы прочли,—обратился ко мнѣ Гоголь:—это уже иной шагъ. Беру съ васъ слово — прислать мнѣ изъ Петербурга списокъ этихъ поэмъ.

Я обѣщалъ исполнить желаніе Гоголя.

— Да, — продолжалъ онъ, прохаживаясь:—я засталъ богатые всходы...

— А Шевченко? — спросилъ Бодянскій.

Гоголь на этотъ вопросъ съ секунду помолчалъ и нахохлился. На насъ изъ-за конторки снова посмотрѣлъ осторожный аистъ.

— Какъ вы его находите?—повторилъ Бодянскій.

— Хорошо, что и говорить,—отвѣтилъ Гоголь:—только не обидьтесь, другъ мой, вы—его поклонникъ, а его личная судьба достойна всякаго участія и сожалѣнія.

— Но зачѣмъ вы примѣшиваете сюда личную судьбу? — съ неудовольствіемъ возразилъ Бодянскій:—это постороннее... Скажите о талантѣ, о его поэзіи...

— Дегтю много, — негромко, но прямо проговорилъ Гоголь:—и

даже прибавлю, дегтю больше, чѣмъ самой поэзіи. Намъ-то съ вами, какъ малороссамъ, это, пожалуй, и пріятно, но не у всѣхъ носы, какъ наши. Да и языкъ...

Бодянскій не выдержалъ, сталъ возражать и разгорячился. Гоголь отвѣчалъ ему спокойно.

— Намъ, Осипъ Максимовичъ, надо писать порусски, — сказалъ онъ:—надо стремиться къ поддержкѣ и упроченію одного, владычнаго языка для всѣхъ, родныхъ намъ, племенъ. Доминантой для русскихъ, чеховъ, украинцевъ и сербовъ должна быть единая святыня—языкъ Пушкина, какою является евангеліе для всѣхъ христіанъ, католиковъ, лютеранъ и гернгуттеровъ. А вы хотите провансальскаго поэта Жасмена поставить въ уровень съ Мольеромъ и Шатобріаномъ!

— Да какой же это Жасмѣнъ? — крикнулъ Бодянскій:—развѣ ихъ можно равнять? Что вы? Вы же сами — малороссъ.

— Намъ, малороссамъ и русскимъ, нужна одна поэзія, спокойная и сильная, — продолжалъ Гоголь, останавливаясь у конторки и опираясь о нее спиной:—нетлѣнная поэзія правды, добра и красоты. Она не водевильная, сегодня только понятная, побрякушка и не раздражающій личными намеками и счетами, рыночный памфлетъ. Поэзія—голосъ пророка... Ея стихъ долженъ врачевать наши сомнѣнія, возвышать насъ, поучая вѣчнымъ истинамъ любви къ ближнимъ и прощенія врагамъ. Это — труба пречистаго архангела... Я знаю и люблю Шевченка, какъ земляка и даровитаго художника; мнѣ удалось и самому кое-чѣмъ помочь въ первомъ устройствѣ его судьбы. Но его погубили наши умники, натолкнувъ его на произведенія, чуждыя истинному таланту. Они все еще дожевываютъ европейскія, давно выкинутыя жваки. Русскій и малороссъ — это души близнецовъ, пополняющія одна другую, родныя и одинаково сильныя. Отдавать предпочтеніе одной, въ ущербъ другой, невозможно. Нѣтъ, Осипъ Максимовичъ, не то намъ нужно, не то. Всякій, пишущій теперь, долженъ думать не о розни; онъ долженъ прежде всего поставить себя передъ лицо Того, кто далъ намъ вѣчное человѣческое слово...

Долго еще Гоголь говорилъ въ этомъ духѣ. Бодянскій молчалъ, но, очевидно, далеко не соглашался съ нимъ.—«Ну, мы вамъ мѣшаемъ, пора намъ и по домамъ»! — сказалъ, наконецъ, Бодянскій, вставая. Мы раскланялись и вышли.

— Странный человѣкъ,—произнесъ Бодянскій, когда мы снова очутились на бульварѣ: — на него — какъ найдетъ! Отрицать значеніе Шевченка! вотъ ужъ, видно, не съ той ноги сегодня всталъ.

Вышеприведенный разговоръ Гоголя я тогда же сообщилъ на родину близкому мнѣ лицу, въ письмѣ, по которому впослѣдствіи и внесъ его въ мои начатыя воспоминанія. Мнѣніе Гоголя о Шевченкѣ я не разъ, при случаѣ, передавалъ нашимъ землякамъ. Они

пожимали плечами и съ досадой объясняли его посторонними, политическими соображеніями, какъ и вообще все тогдашнее настроеніе Гоголя.

Вторично я увидѣлъ Гоголя, вскорѣ послѣ перваго съ нимъ свиданія, а именно, 31-го октября. Поводъ къ этому подала новая моя встрѣча у Бодянскаго съ украинскимъ пѣвцомъ и полученное мною, вслѣдъ затѣмъ, отъ Бодянскаго нижеслѣдующее письмо, сохраненное у меня въ цѣлости, какъ и другія, нижеприводимыя письма.

«30-го октября, 1851 года, вторникъ.

«Извѣщаю васъ, что землякъ, съ которымъ вы надняхъ видѣлись у меня, поётъ и теперь, и охотно споётъ намъ у Гоголя. Я писалъ этому послѣднему; только пѣніе онъ назначилъ не у себя, а у Аксаковыхъ, которые, узнавъ объ этомъ, упросили его на такую уступку. Если вамъ угодно, пожалуйте ко мнѣ завтра, часовъ въ 6 вечера; мы отправимся вмѣстѣ. Вашъ—О. Б».

Въ назначенный вечеръ, 31-го октября, Бодянскій, получивъ приглашеніе Аксаковыхъ, привезъ меня въ ихъ семейство, на Поварскую. Здѣсь онъ представилъ меня сѣдому, плотному господину, съ бородой и въ черномъ, на крючкахъ, зипунѣ, знаменитому автору «Семейной хроники», Сергѣю Тимоѳеевичу Аксакову; его добродушной, полной и еще бодрой женѣ, Ольгѣ Семеновнѣ; ихъ молодой и красивой, съ привлекательными глазами, дочери, дѣвицѣ Надеждѣ Сергѣевнѣ, и обоимъ ихъ сыновьямъ, въ то время уже извѣстнымъ писателямъ-славянофиламъ, Константину и Ивану Сергѣевичамъ. О моемъ дальнѣйшемъ знакомствѣ съ этою замѣчательною литературною семьей я разскажу когда нибудь въ другое время. Здѣсь же ограничусь разсказомъ только о томъ, что касается моихъ встрѣчъ съ Гоголемъ.

Гоголь въ назначенный вечеръ пріѣхалъ къ Аксаковымъ значительно позже Бодянскаго и меня. До его пріѣзда, С. Т. Аксаковъ и его сыновья, разговорясь со мною о Петербургѣ, разспрашивали о Норовѣ, Плетневѣ, Срезневскомъ и другихъ, знакомыхъ имъ писателяхъ. Всѣ посматривали на дверь, ожидая Гоголя и приглашеннаго пѣвца. Ни тотъ, ни другой еще не являлись. Пока Бодянскій говорилъ со стариками, ко мнѣ подсѣлъ Иванъ Сергѣевичъ. Сообщивъ ему о моемъ заѣздѣ съ Бодянскимъ къ Гоголю, я спросилъ его, что̀ слышно о второмъ томѣ «Мертвыхъ душъ», который всѣхъ тогда занималъ. И. С. Аксаковъ отвѣтилъ мнѣ, что въ началѣ октября Гоголь былъ у нихъ въ деревнѣ, Абрамцовѣ, подъ Сергіевской лаврой, гдѣ читалъ отрывки изъ этого тома ихъ отцу и потомъ Шевырёву, но взялъ съ нихъ обоихъ слово не только никому не говорить о прочитанномъ, но даже не сообщать предмета картинъ и именъ выведенныхъ имъ героевъ.

— Батюшка намъ передавалъ одно, — прибавилъ И. С. Аксаковъ: — что эта часть поэмы Гоголя, по содержанію, по обработкѣ языка и выпуклости характеровъ, показалась ему выше всего, что донынѣ написано Гоголемъ. Надо думать, что Чичиковъ, въ концѣ этой части, вѣроятно, попадетъ за новыя продѣлки въ ссылку въ Сибирь, такъ какъ Гоголь у насъ и у Шевырёва взялъ много книгъ, съ атласами и чертежами Сибири. Съ весны онъ затѣваетъ большое путешествіе по Россіи; хочетъ на многое взглянуть самолично, собственными глазами, назвучаться русскими звуками, русскою рѣчью, и затѣмъ уже снова выступить на литературной сценѣ, съ своими новыми образами. Все твердитъ: «жизнь коротка, не успѣю»; встаетъ рано, съ утра берется за перо и весь день работаетъ; ночью, въ одиннадцать часовъ, уже въ постели.

— Мы видѣли у него груду исписанныхъ бумагъ, — сказалъ я.

— Онъ мараетъ цѣлыя дести, — сказалъ И. С. Аксаковъ: — передѣлываетъ, пишетъ и опять обработываетъ; какъ живописецъ съ кистью, то подойдетъ и смотритъ вблизи, то отходитъ и вглядывается, не бросается ли какая либо частность слишкомъ рѣзко въ глаза? Его только смущаютъ несправедливые нападки.

— За «Переписку съ друзьями»? — спросилъ я.

— Да, эти злобныя клеветы, будто онъ возгнушался искусствомъ, считаетъ его низкимъ и безполезнымъ! Вы его видѣли — это ли не истинный, преданный долгу художникъ? А его чуть не въ глаза называли, за его душевную исповѣдь, измѣнникомъ, обманщикомъ, приписывали ему низкія и подлыя цѣли. Жалкая, оторванная отъ родной почвы кучка западниковъ-либераловъ! имъ чужда Россія, чуждъ ея своеобразный, вѣрящій народъ.

Подошелъ старикъ Аксаковъ. Онъ передалъ, что Гоголь все ждетъ отъ него живыхъ «птицъ», говоря, что и свои «души» онъ постарается сдѣлать столь же живыми. Подъѣхалъ, наконецъ, Гоголь. Любезно поздоровавшись и пошутивъ насчетъ новаго запозданія пѣвца, онъ, послѣ перваго стакана чаю, сказалъ Над. С. Аксаковой: «Не будемъ терять дорогаго времени», и просилъ ее спѣть. Она очень мило и совершенно просто согласилась. Всѣ подошли къ роялю. Н. С. Аксакова развернула тетрадь малорусскихъ пѣсенъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были ею положены на ноты, съ голоса самого Гоголя.

— Что спѣть? — спросила она.

— Чòботы, — отвѣтилъ Гоголь.

Н. С. Аксакова спѣла «Чòботы», потомъ «Могилу», «Сонце низèнько» и другія пѣсни.

Гоголь остался очень доволенъ пѣніемъ молодой хозяйки, просилъ повторять почти каждую пѣсню и былъ вообще въ отличномъ расположеніи духа. Заговорили о малорусской народной музыкѣ вообще, сравнивая ее съ великорусскою, польскою и чеш-

скою. Бодянскій все посматривалъ на дверь, ожидая появленія приглашеннаго имъ пѣвца.

Помню, что спѣли какую-то украинскую пѣсню даже общимъ хоромъ. Кто-то въ разговорѣ, которымъ прерывалось пѣніе, сказалъ, что кучеръ Чичикова, Селифанъ, участвующій, по слухамъ, во второмъ томѣ «Мертвыхъ душъ», въ сельскомъ хороводѣ, вѣроятно, пѣлъ и только-что исполненную пѣсню. Гоголь, взглянувъ на Н. С. Аксакову, отвѣтилъ съ улыбкой, что несомнѣнно Селифанъ пѣлъ и «Чо̀боты», и даже при этомъ лично показалъ, ка̀къ Селифанъ высоко-деликатными, кучерскими движеніями, вывертомъ плеча и головы, долженъ былъ дополнять, среди сельскихъ красавицъ, свое «заливисто-фисту̀льное» пѣніе. Всѣ улыбались, отъ души радуясь, что знаменитый гость былъ въ духѣ. Но не прошло послѣ того и десяти минутъ, Гоголь вдругъ замолкъ, насупился, и его хорошее настроеніе безслѣдно исчезло. Усѣвшись въ сторонѣ отъ чайнаго стола, онъ какъ-то весь вошелъ въ себя и почти уже не принималъ участія въ общей, длившейся бесѣдѣ. Это меня поразило. Зная его обычай, Аксаковы не тревожили его обращеніями къ нему и, хотя видимо были смущены, покорно ждали, что онъ снова оживится.

Что̀ вызвало въ Гоголѣ эту нежданную перемѣну въ его настроеніи, новая ли, непростительная небрежность приглашеннаго пѣвца, который и въ этотъ вечеръ такъ и не явился, или случайное напоминаніе, въ дорогой ему семьѣ, о неконченной и мучившей его второй части «Мертвыхъ душъ»,—не знаю. Только Гоголь пробылъ здѣсь еще съ небольшимъ полчаса, посидѣлъ молча, какъ бы сквозь дремоту прислушиваясь къ тому, о чемъ говорили возлѣ него, всталъ и взялъ шляпу.

— Въ Америкѣ обыкновенно посидятъ, посидятъ,—сказалъ онъ, черезъ силу улыбаясь:—да и откланиваются.

— Куда же вы, Николай Васильевичъ, куда?—всполошились хозяева.

— Насладившись столь щедрымъ пѣніемъ обязательнаго земляка,—отвѣтилъ онъ:—надо и восвояси. Нездоровится что-то. Голова—какъ въ тискахъ.

Его не удерживали.

— А вы долго ли еще здѣсь пробудете?—спросилъ Гоголь, обратившись, на пути къ двери, ко мнѣ.

— Еще съ недѣлю,—отвѣтилъ я, провожая его, съ Бодянскимъ и И. С. Аксаковымъ.

— Вы, по словамъ Осипа Максимовича, перевели драму Шекспира, Цимбелинъ. Кто вамъ указалъ на эту вещь?

— Плетневъ.

— Узнаю̀ его... Цимбелинъ былъ любимою драмой Пушкина; онъ ставилъ его выше Ромео и Юліи.

Гоголь уѣхалъ.

— Вотъ и вашъ пѣвецъ! это онъ причиной! — напустились дамы на Бодянскаго: — второй разъ не сдержалъ слова.

Бодянскій не оправдывалъ земляка.

— Дѣйствительно, изъ рукъ вонъ, даже вовсе грубо́ и неприлично! — сказалъ онъ, съ сердцемъ: — то я винилъ Щепкина и его варѐники; а тутъ, вижу, нѣчто иное, — затесался, вѣроятно, въ какую нибудь невозможную компанію... Я же ему задамъ!

Былъ уже десятый часъ вечера. Подъѣхали еще нѣкоторые знакомые Аксаковыхъ, очевидно, также разсчитывавшіе услышать малорусское пѣніе и повидать здѣсь кстати лишній разъ Гоголя, который всѣхъ тогда занималъ. Въ числѣ послѣднихъ я впервые въ тотъ вечеръ здѣсь увидѣлъ состоявшаго въ званіи адъюнкта философіи въ Московскомъ университетѣ, бѣлокураго, съ небрежною прической и оживленными глазами, скромнаго, моложаваго человѣка, въ синемъ университетскомъ вицмундирѣ, съ серебряными пуговицами. Онъ сюда пріѣхалъ съ какого-то засѣданія. То былъ близкій знакомый Аксаковыхъ, будущій знаменитый редакторъ-издатель «Русскаго Вѣстника», М. Н. Катковъ.

На другой день послѣ этого вечера, тогдашній сотрудникъ «Москвитянина» Н. В. Бергъ пригласилъ меня, отъ имени С. П. Шевырёва, на вечеръ къ послѣднему. Здѣсь зашла опять рѣчь о Гоголѣ, и Шевырёвъ сообщилъ, что Гоголь, оставшись надняхъ недоволенъ игрою нѣкоторыхъ московскихъ актеровъ въ «Ревизорѣ», предположилъ, по совѣту Щепкина, лично прочесть главныя сцены этой комедіи Шумскому, Самарину и другимъ артистамъ.

Прошло еще два дня. Я уже со всѣми простился и собирался уѣхать изъ Москвы, когда получилъ отъ Бодянскаго слѣдующее письмо:

«4-го ноября, 1851 года, воскресенье. Мнѣ поручили просить васъ завернуть къ Аксаковымъ. Они имѣютъ къ вамъ просьбу о доставкѣ одного письма къ кому-то въ Малороссію. Вашъ весь — О. Б.» — Къ этому письму, доставленному мнѣ слугою Аксаковыхъ, была приложена слѣдующая записка, писанная, въ третьемъ лицѣ, Н. С. Аксаковою, отъ имени ея матери: «Ольга Семеновна Аксакова, узнавъ, что г. Данилевскій еще въ Москвѣ, проситъ его очень заѣхать къ ней, если только у него есть свободная минута». Я отвѣтилъ Бодянскому, что уѣзжаю 6-го ноября и что завтра постараюсь быть въ назначенное время у О. С. Аксаковой.

Вечеромъ 5-го ноября, въ понедѣльникъ, я подъѣхалъ на Поварскую къ квартирѣ Аксаковыхъ. Вышедшій на мой звонокъ слуга объявилъ, что О. С. Аксакова очень извиняется, такъ какъ, по нездоровью, не можетъ меня принять, а проситъ, отъ имени

Сергѣя Тимоѳеевича и Ивана Сергѣевича, пожаловать къ Гоголю, куда они оба только-что уѣхали и куда, по желанію Гоголя, они приглашаютъ и меня.—«Что же тамъ?»—спросилъ я слугу.—«Чтеніе какое-то».—Я вспомнилъ слова Шевырева о предположенномъ чтеніи «Ревизора» и, отъ души обрадовавшись случаю—не только снова увидѣть Гоголя, но и услышать его чтеніе, поспѣшилъ на Никитскій бульваръ.

Это чтеніе описано И. С. Тургеневымъ, въ отрывкахъ изъ его литературныхъ воспоминаній. Въ описаніе И. С. Тургенева вкрались нѣкоторыя невѣрности, особенно въ изображеніи Гоголя, на котораго онъ въ то время глядѣлъ, очевидно, глазами тогдашней, враждебной Гоголю и дружеской ему самому критики. Онъ не только въ лицѣ Гоголя усмотрѣлъ нѣчто хитрое, даже лисье, а подъ его «остриженными» усами—рядъ «нехорошихъ зубовъ», чего въ дѣйствительности не было, но даже увѣряетъ, будто въ ту пору Гоголь «въ своихъ произведеніяхъ рекомендовалъ хитрость и лукавство раба». Вечеръ чтенія онъ, также ошибочно, отнесъ къ 22 октября; оно, какъ удостовѣряютъ сохраненныя у меня письма, было 5 ноября.

Чтеніе «Ревизора» происходило во второй комнатѣ квартиры гр. А. П. Толстаго, влѣво отъ прихожей, которая отдѣляла эту квартиру отъ помѣщенія самого Гоголя.

Столъ, вокругъ котораго, на креслахъ и стульяхъ, усѣлись слушатели, стоялъ направо отъ двери, у дивана, противъ оконъ во дворъ. Гоголь читалъ, сидя на диванѣ. Въ числѣ слушателей были: С. Т. и И. С. Аксаковы, С. П. Шевырёвъ, И. С. Тургеневъ, Н. В. Бергъ и другіе писатели, а также актеры М. С. Щепкинъ, П. М. Садовскій и Шумскій. Никогда не забуду чтенія Гоголя. Особенно онъ неподражаемо прочелъ монологи Хлестакова и Ляпкина-Тяпкина и сцену между Бобчинскимъ и Добчинскимъ.—«У васъ зубъ со свистомъ»,—произнесъ серьезно и внушительно Гоголь, грозя кому-то глазами и даже пришепётывая при этомъ, будто и у него свистѣлъ зубъ. Неудержимый смѣхъ слушателей изрѣдка невольно прерывалъ его. Высоко-художественное и оживленное чтеніе подъ конецъ очень утомило Гоголя. Его силъ какъ-то вообще хватало не надолго. Когда онъ дочиталъ заключительную сцену комедіи, съ письмомъ, и поднялся съ дивана, очарованные слушатели долго стояли группами, въ полголоса передавая другъ другу свои впечатлѣнія. Щепкинъ, отирая слезы, обнялъ чтеца и сталъ объяснять Шумскому, въ чемъ главныя силы роли Хлестакова. Я подошелъ къ С. Т. Аксакову и спросилъ его, какое письмо онъ или его жена, по словамъ Бодянскаго, предполагали доставить черезъ меня въ Малороссію?

— Не мы, а вотъ Николай Васильевичъ имѣетъ къ вамъ просьбу,—отвѣтилъ С. Т. Аксаковъ, указывая мнѣ на Гоголя:—Бо-

дянскій не понялъ словъ моей жены, ошибся. Намъ поручили васъ предупредить, если вы еще не уѣхали.

— Да,—произнесъ, обращаясь ко мнѣ, Гоголь:—повремените минуту; у меня есть маленькая посылка въ Петербургъ, къ Плетневу. Я не зналъ вашего адресса. Это васъ не стѣснитъ?

Я отвѣтилъ, что готовъ исполнить его желаніе, и остался. Когда всѣ разъѣхались, Гоголь велѣлъ слугѣ взять свѣчи со стола изъ комнаты, гдѣ было чтеніе, и провелъ меня на свою половину. Здѣсь, въ знакомомъ мнѣ кабинетѣ, онъ предложилъ мнѣ сѣсть, отперъ конторку и вынулъ изъ нея небольшой свертокъ бумагъ и запечатанный сюргучомъ пакетъ.

— Вы когда окончательно ѣдете изъ Москвы?—спросилъ онъ меня.

— Завтра; уже взято мѣсто въ мальпостѣ.

— Отлично; это какъ разъ устроиваетъ мое дѣло. Не откажите,—сказалъ Гоголь, подавая мнѣ пакетъ:—если только васъ не затруднитъ, вручить это лично, при свиданіи, Петру Александровичу Плетневу.

Увидѣвъ надпись на пакетѣ «со вложеніемъ», я спросилъ, не деньги ли здѣсь?

— Да,—отвѣтилъ Гоголь, запирая ключемъ конторку:—небольшой должокъ Петру Александровичу. Мнѣ бы не хотѣлось черезъ почту.

Видя усталость Гоголя, я всталъ и поклонился, съ цѣлью уйти.

— Вы мнѣ читали чужіе стихи,—сказалъ Гоголь, привѣтливо глянувъ на меня, и я никогда не забуду этого взгляда его усталыхъ, покраснѣвшихъ отъ чтенія глазъ:—а ваши украинскія сказки въ стихахъ? Мнѣ о нихъ говорили Аксаковы. Прочтите что нибудь изъ нихъ.

Я, смутясь, отвѣтилъ, что ничего своего не помню. Гоголь, очевидно, желая, во что бы то ни стало, сдѣлать мнѣ что либо пріятное, опять посадилъ меня возлѣ себя и сказалъ: «Кто пишетъ стихи, навѣрное ихъ помнитъ. Въ ваши годы, они у меня торчали изъ всѣхъ кармановъ».—И онъ, какъ мнѣ показалось, даже посмотрѣлъ на боковой карманъ моего сюртука. Я снова отвѣтилъ, что положительно ничего не помню наизусть изъ своихъ стиховъ.

— Такъ разскажите своими словами.

Я передалъ содержаніе написанной мною передъ тѣмъ сказки «Снѣгурка».

— Слышалъ эту сказку и я; желаю успѣха, пишите!—сказалъ Гоголь:—въ природѣ и ея правдѣ черпайте свои краски и силы. Слушайте Плетнева... Нынѣшніе не цѣнятъ его и не любятъ... а на немъ, не забывайте, почіетъ рукоположеніе нашего первоапостола, Пушкина...

Я простился съ Гоголемъ и болѣе въ жизни уже не видѣлъ его. Возвратясь въ Петербургъ, я въ тотъ же день вечеромъ отвезъ врученные мнѣ свертокъ и пакетъ къ Плетневу. О сверткѣ онъ сказалъ: «знаю», и положилъ его на столъ. Распечатавъ пакетъ и увидѣвъ въ немъ пачку депозитокъ, Плетневъ спросилъ меня: «а письмà нѣтъ?» — Я отвѣтилъ, что Гоголь, передавая мнѣ пакетъ, сказалъ только: «должокъ Плетневу». Плетневъ заперъ деньги въ столъ, помолчалъ и, съ обычною своею добродушною важностью, сказалъ: «Какъ видите, онъ и здѣсь вѣренъ себѣ; это — его обычное, съ оказіями, пособіе черезъ меня нашимъ бѣднѣйшимъ студентамъ. Фйцтумъ раздаётъ и не знаетъ, откуда эти пособія». — А. И. Фйцтумъ былъ, въ тѣ годы, инспекторомъ студентовъ Петербургскаго университета.

При отъѣздѣ изъ Москвы, мнѣ и въ голову не приходило, что дни Гоголя сочтены. Онъ на глаза мои и всѣхъ, видѣвшихъ его тогда и говорившихъ со мною о немъ, былъ на видъ совершенно здоровъ и только изрѣдка впадалъ въ недовольство собою и въ хандру, и легко уставалъ.

Помня обѣщаніе, данное мною Гоголю, при Бодянскомъ, а именно о присылкѣ ему новыхъ произведеній А. Н. Майкова, я обратился къ послѣднему съ просьбою — дать мнѣ, для снятія вѣрной копіи, рукопись его поэмъ. А. Н. Майковъ, по совѣту общаго нашего ментора, профессора А. В. Никитенко, рѣшилъ дать мнѣ эти вещи для доставленія въ Москву, не прежде, какъ онъ ознакомитъ съ ними тогдашняго нашего общаго начальника, А. С. Норова. Онъ прибавилъ, что кстати въ это время займется и окончательною отдѣлкой поэмъ. Въ концѣ января, 1852 года, я получилъ обѣщанное и извѣстилъ Бодянскаго, что надняхъ высылаю Гоголю обѣ поэмы А. Н. Майкова, которыя передъ новымъ годомъ, какъ я писалъ Бодянскому, были посылаемы отъ Плетнева Жуковскому и заслужили большія похвалы послѣдняго. Бодянскій на это отвѣтилъ мнѣ нижеслѣдующимъ письмомъ, которое лучше всего можетъ показать, кàкъ мало въ то время московскіе друзья Гоголя помышляли о близкой утратѣ послѣдняго. Это письмо писано за 19 дней до смерти Гоголя и, упоминая о немъ «вскользь», — какъ объ «источникѣ сладостей», — тѣмъ самымъ какъ бы говорило, что въ обиходѣ этого источника все пока обстояло благополучно.

«Москва, 1852 года, февраля 2. — Да, почтеннѣйшій землякъ, время летитъ, а съ нимъ и мы летимъ и улетучиваемся. Славные часы были по осени у насъ, рѣдкіе часы! Хотя я тутъ же, у источника этихъ сладостей, а все съ тѣхъ поръ ни разу не привелось отвѣдать отъ него. Причина простая — семейство пѣвуньи (Н. С. Аксаковой) живетъ большею частью въ подмосковной. —

Что до Гоголя, то онъ, какъ вы знаете, живетъ на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ Талызина. Посылая ему произведенія Майкова, не обойдите и меня. Я такъ мало имѣю случаевъ отвѣдать подобнаго плода. Вкусъ Жуковскаго хорошъ; стало быть, вдвойнѣ наслажденіе—познакомиться съ хвалимымъ и провѣрить хвалителя. Не забывайте вашего земляка. О. Б—й».

Недѣли черезъ двѣ съ половиной, по полученіи мною этого письма, въ Петербургѣ нежданно, съ особымъ упорствомъ, заговорили о болѣзни Гоголя. Хотя этой болѣзни въ то время не придавали особаго значенія, 18-го февраля я обратился съ письмомъ къ И. С. Аксакову, прося его сообщить, чѣмъ именно заболѣлъ Гоголь и что сталось съ его дальнѣйшею работой надъ «Мертвыми душами»? Отвѣтъ отъ Аксакова не приходилъ. И вдругъ 24-го февраля разнеслась потрясающая вѣсть, что Гоголь 21-го февраля скончался. Пораженный этимъ, я тогда же написалъ къ Бодянскому, прося его скорѣе сообщить хотя нѣкоторыя свѣдѣнія объ этой нежданной, великой утратѣ. Вотъ отвѣтъ Бодянскаго:

«28-го февраля, 1852 года, Москва. Вы желаете, чтобы я написалъ вамъ о послѣднихъ минутахъ Гоголя, о моихъ послѣднихъ свиданіяхъ съ нимъ, о его смерти и бумагахъ на Москвѣ, потерявшей его. Не скажу, добрôдію, не скажу! И теперь я хожу, какъ угорѣлый, и на лекціи по сю пору не соберусь никоимъ путемъ. Все онъ, одинъ онъ—въ умѣ и въ глазахъ! Когда нибудь, можетъ быть, соберусь съ духомъ, поразсказать вамъ. Нынче же замѣчу только: недѣли за двѣ до смерти, покойникъ видимо чахъ; онъ предчувствовалъ недоброе и потому на масляной говѣлъ и пріобщился. Въ половинѣ первой недѣли поста, соборовался, а 21-го, въ четвергъ, въ 8 часовъ утра, его не стало. Болѣзнь—несвареніе желудка, отъ которой онъ не хотѣлъ вовсе лѣчиться. Послѣдовало воспаленіе, за коимъ онъ впалъ въ безпамятство. Всѣмъ намъ едино—умрѐти. Но вотъ бѣда: онъ въ ночь, часу во 2—3-мъ, сжегъ всѣ свои бумаги до тла. Премного провинились окружавшіе его, изъ коихъ одному онъ отдавалъ весь свой портфель, туго набитый; а тотъ, разумѣется, поцеремонился, какъ самъ потомъ имѣлъ еще духъ разсказывать. Немà нашего Рудàго-Панькà больше, да й не бýде, пòки свитъ стоять бýде. Не забывайте вашего щѝраю земляка, О. Бодянскаго». Послѣ я узналъ, что Гоголь свои бумаги отдавалъ было хозяину своей квартиры, гр. А. П. Толстому; но тотъ, не желая показать виду, что считаетъ положеніе своего гостя опаснымъ, отказался ихъ принять.

И. С. Аксаковъ, на мои вопросы о болѣзни Гоголя, отвѣтилъ мнѣ, въ томъ же февралѣ, но послалъ свой отвѣтъ уже въ началѣ марта. Вотъ этотъ отвѣтъ: «Ваше письмо, любезнѣйшій Г. П., было получено мною 21 февраля, въ самый день смерти Гоголя. И какъ странно было мнѣ читать это письмо, въ которомъ вы безпрестанно

о немъ говорите, въ которомъ просите матушку помолиться за Гоголя и за «Мертвыя души». Ни того, ни другаго больше не существуетъ. «Мертвыя души» сожжены, самая жизнь Гоголя сгорѣла отъ постоянной душевной муки, отъ безпрерывныхъ духовныхъ подвиговъ, отъ тщетныхъ усилій—отыскать обѣщанную имъ свѣтлую сторону, отъ необъятности творческой дѣятельности, вѣчно происходившей въ немъ и вмѣщавшейся въ такомъ скудельномъ сосудѣ. Сосудъ не выдержалъ. Гоголь умеръ, безъ особенной болѣзни. Современемъ вы узнаете всѣ подробности его жизни, мученичества и кончины. Въ настоящее время едва ли прилично будетъ разсказывать о немъ печатно нашему языческому обществу. Гоголь былъ истинный мученикъ искусства и мученикъ христіанства. Художественная дѣятельность этого монаха-художника была истинно-подвижническая. Теперь намъ надо начинать новый строй жизни—безъ Гоголя.—Весь вашъ душою—Ив. Аксаковъ».

Началась жизнь — «безъ Гоголя»... Отлично помню тогдашнее наше настроеніе. Мы, искренніе поклонники великаго писателя, были въ неописанномъ горѣ, еще потому, что онъ умеръ, осыпаемый безсердечными, злыми укоризнами и клеветами, не успѣвъ довести до конца своей главной, завѣтной работы. Вышла литографія, съ изображеніемъ Гоголя въ гробу. Ее раскупили на расхватъ. Вслѣдъ за похоронами Гоголя, произошелъ извѣстный арестъ при полиціи И. С. Тургенева и его высылка въ деревню, за напечатаніе имъ въ Москвѣ замѣтки объ умершемъ Гоголѣ, непропущенной цензурою въ Петербургѣ. Нѣкоторые придавали этому объясненіе, будто бы Тургеневъ поплатился за то, что въ своей невинной замѣткѣ назвалъ «великимъ» Гоголя, котораго, какъ сатирика, не долюбливало тогда высшее начальство. Дѣло было нѣсколько иначе. Авторъ замѣтки поплатился не за ея содержаніе, а за несоблюденіе формальностей цензурнаго устава. Когда статью И. С. Тургенева цензура не пропустила въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», я получилъ отъ тогдашняго издателя послѣднихъ, А. А. Краевскаго, слѣдующее письмо: «Мнѣ бы очень нужно было сказать вамъ два слова, Г. П. Не можете ли завернуть ко мнѣ сегодня, между 6 и 7 часами вечера? Пятница, 29-го февраля. Вашъ А. Краевскій». Навѣстивъ г. Краевскаго, я узналъ отъ него, что статью И. С. Тургенева, послѣ ея задержанія цензоромъ, не одобрилъ и М. Н. Мусинъ-Пушкинъ, тогдашній попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа и предсѣдатель с.-петербургскаго цензурнаго комитета. Мусинъ-Пушкинъ, къ сожалѣнію, какъ и нѣкоторые другіе его сверстники, смотрѣлъ тогда на Гоголя глазами враждебной послѣднему «Сѣверной Пчелы» и потому неособенно высоко цѣнилъ произведенія автора «Мертвыхъ душъ» и «Ревизора». А. А. Краевскій горячо возсталъ въ защиту какъ Гоголя, такъ и И. С. Тургенева, автора поминальной замѣтки о немъ. Онъ, вручивъ мнѣ оттискъ задер-

жанной статьи Тургенева, обратился ко мнѣ съ просьбою — сообщить о ея задержаніи высшей инстанціи, а именно товарищу министра просвѣщенія А. С. Норову, при коемъ я тогда состоялъ на службѣ, и просить о его ходатайствѣ за пропускъ этой, вполнѣ невинной статьи передъ министромъ просвѣщенія, княземъ П. А. Ширинскимъ-Шихматовымъ, которому въ то время былъ предоставленъ высшій надзоръ за цензурою. Норовъ, совершенно раздѣляя взглядъ г. Краевскаго, охотно взялся исполнить желаніе послѣдняго и, при первомъ же своемъ докладѣ, сообщилъ это дѣло министру, ходатайствуя о пропускѣ остановленной статьи. Князь Ширинскій-Шихматовъ не согласился на отмѣну распоряженія графа Мусина-Пушкина. Издатель «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» А. А. Краевскій и ихъ редакторъ А. Н. Очкинъ покорились этому рѣшенію. Но задержанная статья, однако, мимо ихъ, 13-го марта, явилась въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», гдѣ ее пропустилъ къ печатанію попечитель Московскаго учебнаго округа В. И. Назимовъ. Послали запросъ въ Москву. Назимовъ отвѣтилъ, что ему не было извѣстно о задержаніи статьи попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа и самимъ министромъ просвѣщенія. Начальство сочло себя обиженнымъ. Статья, остановленная въ одномъ цензурномъ округѣ, не могла явиться въ другомъ. Нашли, что авторъ замѣтки сознательно нарушилъ это цензурное правило, и ему, послѣ его ареста въ половинѣ апрѣля, предложили даже выѣхать изъ Петербурга въ его орловское помѣстье. Я былъ тогда уже внѣ Петербурга. Эта высылка всѣхъ поразила. Толковали не о простомъ нарушеніи цензурныхъ формальностей, а о томъ, будто авторъ «Записокъ охотника» написалъ, по поводу кончины Гоголя, нѣчто невозможно рѣзкое. Его статья недавно помѣщена въ его «Воспоминаніяхъ». Въ ней, кромѣ нѣсколькихъ сердечныхъ, теплыхъ словъ о Гоголѣ, ничего болѣе нѣтъ.

Проѣздомъ въ отпускъ черезъ Москву, я навѣстилъ Бодянскаго и съѣздилъ съ нимъ въ Даниловъ монастырь, на могилу Гоголя.

— Вы ѣдете въ Харьковскую губернію?—спросилъ меня при этомъ Бодянскій.

— Да, въ окрестности Чугуева.

— Что̀ бы вамъ, съ вашего Донца, проѣхать въ Полтаву? Побывали бы въ деревнѣ Гоголя. Тамъ теперь его мать и сестры. Имъ будетъ пріятно услышать о немъ; вы лично видѣли его осенью.

— А и въ самомъ дѣлѣ,—сказалъ я:—Рудый-Панько̀ не одного меня, съ нашего дѣтства, звалъ къ себѣ на хуторъ. Но какъ туда проѣхать?

Бодянскій вызвался справиться о пути на родину Гоголя, предупредить о моемъ заѣздѣ его мать и сестеръ и прислать мнѣ къ нимъ письмо, а также подробный туда маршрутъ, по почтовой дорогѣ и проселкамъ. Онъ сдержалъ слово. Недѣли черезъ двѣ по

прибытіи на родину, я получилъ отъ него обѣщанное письмо и маршрутъ и рѣшилъ навѣстить манившій меня съ дѣтства «хуторъ близь Диканьки».

II.

Это было, черезъ два съ половиною мѣсяца по кончинѣ Гоголя, въ маѣ 1852 года.

Изъ-подъ Чугуева, гдѣ я гостилъ у своей матери, я отправился на почтовой перекладной, черезъ Харьковъ, въ Миргородъ, а оттуда, на Колонтай, Опошню и Вороняанщину, въ село Яновщину (Васильевка—тожъ), на родину Гоголя, близь Диканьки. Дорога, отъ рѣки Ворсклы, шла Кочубеевскими степями. Поля, въ ту весну, еще не видѣли косы и пышно зеленѣли. Цвѣты пестрѣли роскошными коврами. Голова кружилась отъ ихъ благоуханія.

Былъ полдень. Лошади лѣниво тащились, срывая на ходу головки махровыхъ султанчиковъ. Изъ телѣжки, слегка нагибаясь, я нарвалъ цѣлый ихъ букетъ. Невольно вспоминались картины изъ «Тараса Бульбы». Тѣ же пышные кусты репейника, будто косари въ алыхъ шапкахъ, торчали надъ травой, съ своими колючими косами; тотъ же длинный, желтый дрокъ и бѣлая кашка. Огромная дрохфа, какъ страусъ, поднявъ голову, осторожно пробиралась по зеленѣющей пшеницѣ, невдали отъ телѣги. Стаи кузнечиковъ, поднимаясь съ дороги, передъ лошадьми, летѣли и падали въ траву голубыми и розовыми, крылатыми ракетами.

— Гдѣ хуторъ Гоголя?—спрашивалъ я изрѣдка встрѣчавшихся путниковъ.

— Гоголя? Не знаемъ!—отвѣчали они.

Я догадался объяснить, что хуторъ называется Васильевка или Яновщина.

— Яновщина? Знаемъ, пане, знаемъ! Вотъ туда дорога.

И мнѣ указали проселокъ къ Гоголю—Яновскому, въ село Васильевку Рудаго-Панька.

Отъ Опошни до с. Вороняанщины я ѣхалъ, вслѣдствіе нестерпимаго жара, почти шагомъ. Всю дорогу за мною, сидя на возу, съ корзинами спѣлой шелковицы, ѣхалъ на волахъ толстый поселянинъ-казакъ, свѣсивъ ноги съ воза, лѣниво сгорбясь, напѣвая и покачиваясь отъ одолѣвавшей его дремоты. Встрѣчавшіеся на пути толчки будили его; онъ просыпался и снова пѣлъ одно и то же.

Стало прохладнѣе. Я поѣхалъ рысью.

До села Яновщины оставалось версты три. Оно было спрятано за косогоромъ.

Я остановился въ сосѣднемъ хуторѣ Вороняанщина, вслѣдствіе соскочившей колесной гайки, которую ямщикъ пошелъ отыскивать. Я присѣлъ въ тѣни, на призбѣ ближайшей хаты. Ея хозяйка,

съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ, привѣтливо разговорилась со мною изъ сѣней, гдѣ въ прохладѣ сидѣли ея другія дѣти. Зашла рѣчь о ихъ сосѣдѣ, Гоголѣ-Яновскомъ.

— То не правда, что толкуютъ, будто онъ умеръ,—сказала она:— похороненъ не онъ, а одинъ убогій старецъ; самъ онъ, слышно, поѣхалъ молиться за насъ, въ святой Іерусалимъ. Уѣхалъ и скоро опять вернется сюда.

Странная вещь. Сосѣдніе хуторяне, какъ я удостовѣрился въ то время, дѣйствительно, можетъ быть, въ виду частаго и продолжительнаго пребыванія Гоголя за границей, долго были убѣждены, что онъ не умеръ, а находился въ чужихъ краяхъ. Нѣкоторые изъ нихъ, обязанные ему чѣмъ нибудь въ жизни, даже гадали по немъ, ставя на ночь пустой поливянный горшокъ и сажая въ него паука. Объ этомъ мнѣ передала мать Гоголя, которую всѣ сосѣди близко знали и любили. По мѣстному повѣрью, если паукъ вылѣзетъ ночью изъ горшка, съ выпуклыми, скользкими стѣнками, то человѣкъ, по которомъ гадаютъ, живъ и возвратится. Паукъ, на котораго хуторянами было возложено рѣшить, живъ ли Рудый-Панькò, ночью заткалъ паутиною бокъ горшка и по ней вылѣзъ; но Гоголь, къ огорченію гадавшихъ, не возвратился.

Хуторъ Янòвщина выглянулъ, наконецъ, между двухъ зеленыхъ, отлогихъ холмовъ. Съ дороги стала видна на широкой полянѣ каменная церковь, съ зеленою крышей. За церковью, спадая въ долину, виднѣлись бѣлыя избы хутора, въ перемежку съ садами; слѣва отъ церкви—левàда, родъ огромнаго огорода, обсаженная со стороны хутора липами и вербами. Ограда церкви — сквозная, въ видѣ рѣшетки, изъ окрашенныхъ желтою и бѣлою краскою кирпичей. На пути къ церкви, примыкая къ избамъ хутора, виднѣлась другая ограда. За нею показался господскій, деревянный домъ, съ красною деревянною крышею, въ одинъ этажъ; направо отъ него—флигель, налѣво—хозяйскія постройки, кухня, амбаръ и конюшня. За домомъ, спускаясь къ болотистому лòгу, зеленѣлъ старый, тѣнистый садъ; за садомъ виднѣлись вырытые въ долинѣ пруды; за ними—неоглядныя, зеленыя равнины украинской степи. Пруды вырылъ отецъ Гоголя, бывшій усерднымъ хозяиномъ.

Я въѣхалъ во дворъ. По его травѣ бѣгали дворовые ребятишки. Телѣга остановилась у крыльца. Я всталъ, отряхая съ себя густую дорожную пыль. Никто не слышалъ стука телѣги, и я тщетно посматривалъ, къ кому обратиться съ вопросомъ о хозяевахъ. Все было тихо. Чуть шелестѣли листья ясеней у садовой ограды. Звонко куковала кукушка въ деревьяхъ за церковью. Я вошелъ въ домъ. Меня встрѣтили въ траурѣ мать и двѣ дѣвицы—сестры покойнаго Гоголя, Анна Васильевна и Ольга Васильевна. Его третья сестра, Елизавета Васильевна, при его жизни, минувшею осенью, вышла замужъ за г. Быкова и тогда находилась въ Кіевѣ. Я вручилъ ма-

тери Гоголя письмо Бодянскаго. Послѣ первыхъ привѣтствій, мнѣ дали умыться, переодѣться, закусить. Въ гостиной, за чаемъ, меня осыпали вопросами о моихъ осеннихъ встрѣчахъ съ Николаемъ Васильевичемъ. Оказалось, что Шевырёвъ, видѣвшійся съ Бодянскимъ послѣ моего проѣзда черезъ Москву, предупредилъ мать Гоголя о моемъ заѣздѣ, и меня здѣсь уже ожидали. Эти черныя, шерстяныя платья, эти полныя горькой скорби лица и эти слезы близкихъ великаго писателя потрясли меня до глубины души. Марья Ивановна, мать Гоголя, говорила о сынѣ съ глубокимъ, почти суевѣрнымъ благоговѣніемъ.

— Моего сына,—сказала она, отирая слезы:—зналъ самъ государь и, за его писательство, велѣлъ считать его на службѣ и отпускать ему жалованье. Не пожилъ покойный, не послужилъ родинѣ!

— Вашъ сынъ долго отсутствовалъ за границей?

— Почти восемнадцать лѣтъ; но онъ и тамъ служилъ перомъ своей родинѣ.

Мы прошли въ садъ. Но прежде опишу домъ. Гоголь, въ послѣдніе четыре года, въ свои пріѣзды къ матери, обыкновенно помѣщался во флигелѣ, направо отъ большаго дома. Здѣсь онъ, по словамъ его близкихъ, работалъ и надъ вторымъ томомъ «Мертвыхъ душъ», съ 20-го апрѣля по 22-е мая 1851 года, въ послѣднее свое пребываніе въ Янѳвщинѣ.

Флигель—низенькое, продолговатое строеніе, съ крытою галлереей, выходящею во дворъ. Ветхія ступени вели на крыльцо; изъ небольшихъ сѣней былъ входъ въ пространную комнату, родъ залы, а отсюда въ гостиную.

Въ этой гостиной и въ кабинетѣ—поочередно работалъ и отдыхалъ Гоголь. Постоянно тревожное его настроеніе, по словамъ его матери, въ послѣдній его заѣздъ сюда, заставляло его нерѣдко мѣнять свои рабочія комнаты. Также точно онъ, по ея словамъ, не могъ нѣсколько ночей сряду и спать въ одной и той же комнатѣ. Трудно это приписать, какъ это объясняли впослѣдствіи, мухамъ, которыхъ на югѣ весною почти не бываетъ, или безпокойству отъ солнечныхъ лучей; во всѣхъ комнатахъ флигеля я засталъ въ мой заѣздъ на окнахъ занавѣски. Окна гостиной выходили въ особый палисадникъ у флигеля, огражденный высокими тополями. За ними былъ видъ на избы хутора и на степь.

Кабинетъ во флигелѣ былъ расположенъ въ другомъ концѣ зданія и имѣлъ особый выходъ въ садъ. Здѣсь болѣе всего оставался Гоголь. Въ послѣднее свое пребываніе въ Васильевкѣ, онъ отсюда не выходилъ иногда по цѣлымъ днямъ, являясь въ домъ только къ обѣду и вечернему чаю. Это—комната въ десять шаговъ длины и въ четыре шага ширины. Два небольшихъ ея окна выходятъ во дворъ; между ними зеркало. На окнахъ бѣлыя,

кисейныя занавѣски. Влѣво отъ двери—печь; вправо—дубовый шкафъ для книгъ. Этотъ шкафъ былъ заказанъ Гоголемъ лѣтомъ 1851 года и оконченъ уже безъ него. Влѣво отъ печи стояла деревянная, простая кровать, покрытая ковромъ. Кромѣ писанія, во флигелѣ Гоголь усердно занимался въ послѣднее время улучшеніемъ фабрикаціи домашнихъ ковровъ,—самъ рисовалъ для нихъ узоры,—и это занятіе, съ разведеніемъ деревьевъ въ саду, составляло его главное удовольствіе въ немногіе часы его отдыха. Надъ кроватью въ углу висѣлъ образъ св. угодника Митрофанія. Рабочій столъ Гоголя помѣщался между печью и кроватью, у забитой, лишней двери. Это—на высокихъ ножкахъ конторка, изъ грушеваго дерева, съ косою доской, покрытою кожей. На верхней части конторки съ двухъ сторонъ вдѣланы чернильница и песочница. На стѣнѣ, надъ конторкою, висѣлъ привезенный Гоголемъ изъ Италіи нерукотворенный образъ Спасителя, писанный масляными красками.

Домъ, гдѣ помѣщались мать и сестра Гоголя, выстроенъ удобно. По стѣнамъ были развѣшаны старинные портреты Екатерины Великой, Потемкина и Зубова и англійскія гравюры, изображающія рыночныя и рыбачьи сцены въ Англіи. Въ залѣ стоялъ рояль, за которымъ Гоголь, по словамъ его матери, иногда любилъ наигрывать и пѣть свои любимыя украинскія пѣсни, особенно веселыя и плясовыя.

— Онъ иногда смѣшилъ насъ до упаду,—сказала мнѣ М. И. Гоголь:—самъ казался веселъ, хотя въ душѣ оставался постоянно задумчивымъ и печальнымъ.

Кстати о матери Гоголя. Она—урожденная Косяровская, дочь чиновника. Когда я впервые увидѣлъ ее, по пріѣздѣ въ Яновщину, меня поразило ея близкое сходство съ ея покойнымъ сыномъ: тѣ же красиво очерченныя, крупныя губы, съ чуть замѣтными усиками, и тѣ же каріе, нѣжно-внимательные глаза. Она была въ бѣломъ чепцѣ и безъ малѣйшей сѣдины. Ея полныя, румяныя, безъ морщинъ, щеки говорили, какъ была въ молодости красива эта, еще и въ то время замѣчательно красивая женщина.

— Покойный братъ,—сказала мнѣ старшая сестра Гоголя, когда мы вышли въ садъ:—все затѣвалъ исправить, перестроить домъ—передѣлать въ немъ печи, перемѣнить двери, увеличить окна и перебрать полы. Зимою у васъ холодно, писалъ онъ, надо иначе устроить сѣни. Оштукатурили мы домъ особымъ составомъ, по присланному имъ изъ-за границы рецепту. Самъ онъ не выносилъ зимы и любилъ лѣто,—ненатопленное тепло.

Старый, дѣдовскій садъ, гдѣ такъ любилъ гулять Гоголь, расположенъ во вкусѣ всѣхъ украинскихъ сельскихъ садовъ. Его деревья высоки и вѣтвисты. По сторонамъ тѣнистой дорожки, идущей вправо отъ садоваго балкона, Гоголь, въ послѣднее здѣсь пребываніе, посадилъ съ десятокъ молодыхъ деревцовъ клена и бе-

резы. Далѣе, на луговой полянѣ, онъ посадилъ нѣсколько желудей, давшихъ съ новою весной свѣжіе и сильные побѣги. Влѣво отъ балкона, другая, менѣе тѣнистая дорожка идетъ надъ прудомъ и упирается во второй, смежный съ нимъ прудъ. По этой дорожкѣ особенно любилъ гулять Гоголь. Возлѣ нея, на пригоркѣ, стояла деревянная бесѣдка, разрушенная бурею, вскорѣ за послѣднимъ отъѣздомъ Гоголя изъ Янѳвщины. Тутъ же, недалеко, въ тѣни нависшихъ липъ и акацій, былъ устроенъ небольшой гротъ, съ огромнымъ дикимъ камнемъ у входа. На этомъ камнѣ Гоголь, по словамъ его матери, игралъ, будучи еще ребенкомъ по третьему году. Черезъ сорокъ лѣтъ послѣ этой поры, онъ любилъ садиться на этотъ камень, любуясь съ него видомъ прудовъ и окрестныхъ полей.

На дальнемъ прудѣ, за садомъ, стояла купальня. Къ ней ѣздили на небольшомъ, двухъ-весельномъ плотѣ. Купальню Гоголь устроилъ для себя, но пользовался ею не болѣе трехъ разъ. За прудомъ — широкая поляна, обсаженная надъ берегомъ вербами и серебристыми тополями, за которыми Гоголь ухаживалъ съ особымъ участіемъ.

— Вонъ туда, за церковь, — замѣтила Марья Ивановна, указывая: — сынъ любилъ по вечерамъ одинъ ходить въ поле.

Это былъ проселокъ въ деревни Яворовщину и Толстое, куда нерѣдко, въ прежнее время, бывая здѣсь, Гоголь хаживалъ пѣшкомъ въ гости, своеобразно разсказывая друзьямъ, какъ онъ совершалъ возвратный путь, пополамъ «съ подсѣдомъ на чужія телѣги», а потомъ опять «съ напускомъ пѣхондачка». За послѣдніе годы онъ почти никого не посѣщалъ изъ сосѣдей.

Гоголь въ деревнѣ вставалъ рано; въ воскресные дни посѣщалъ церковь; въ будни тотчасъ принимался за работу, не отрываясь отъ нея иногда по пяти часовъ сряду. Напившись кофе, онъ до обѣда гулялъ. За обѣдомъ старался быть веселымъ, шутилъ, разсказывалъ импровизованные анекдоты и все передвечернее время оставался въ кругу семьи, хотя иногда среди близкихъ, какъ и среди знакомыхъ, любилъ и просто помолчать, слушая разговоры другихъ. Вечеромъ онъ опять гулялъ, катался на плоту по прудамъ или работалъ въ саду, говоря, что тѣлесное утомленіе, «рукопашная работа» на вольномъ воздухѣ — освѣжаютъ его и даютъ силу писательскимъ его занятіямъ. Гоголь въ деревнѣ ложился спать рано, не позже десяти часовъ вечера. Оставаясь среди семьи, онъ въ особенности любилъ приниматься за разныя домашнія работы; кромѣ рисованія узоровъ для любимаго его матерью тканья ковровъ, онъ кроилъ сестрамъ платья и принималъ участіе въ обивкѣ мебели и въ окраскѣ оштукатуренныхъ при его пособіи стѣнъ. Я засталъ гостиную въ домѣ его матери раскрашенную его рукой, въ видѣ широкихъ голубыхъ полосъ по бѣлому полю, залъ — съ бѣлыми и желтыми полосами.

Изъ сосѣдей Гоголя немногіе посѣщали его. Иные боялись обезпокоить его среди литературныхъ занятій, другіе, изъ старыхъ друзей, въ то время не жили въ своихъ помѣстьяхъ, а третьи, по странному мнѣнію о характерѣ сатирическихъ писателей, просто боялись его. Вообще, соотечественники—полтавцы чуждались и недолюбливали его. Да и Гоголь, особенно послѣ изданной имъ «Переписки съ друзьями», упорно избѣгалъ свиданія съ сосѣдями, говоря въ шутку сестрамъ, что прежде, чѣмъ явится кто либо изъ окрестныхъ знакомыхъ, того и гляди уже выскочитъ «длинноязыкая бестія—чортъ», распускающій сплетни. Посторонними собесѣдниками Гоголя изъ его сосѣдей изрѣдка были, бóльшею частью, простолюдины-хуторяне, убогіе и несчастные, которымъ онъ часто помогалъ. Оба священника села Васильевки, въ послѣдніе заѣзды сюда Гоголя, были отъявленные пьяницы. Поневолѣ онъ переписывался съ отдаленнымъ священникомъ города Ржева.

Къ украшеніямъ дома въ Янóвщинѣ, въ послѣднее здѣсь пребываніе Гоголя, прибавились: его чрезвычайно схожій портретъ, писанный въ 1840 году масляными красками Моллеромъ (этотъ портретъ былъ привезенъ Гоголемъ въ подарокъ матери изъ Петербурга), и трость изъ пальмовой вѣтви, съ которою Гоголь путешествовалъ по Святой Землѣ.

— Мы его съ прошлой осени ждали на всю зиму въ деревню,—сказала мнѣ мать Гоголя:—онъ сперва думалъ ѣхать въ Крымъ, хотя говорилъ, что Крымъ прелесть, но безъ людей тамъ—тоска. Зимою онъ почти никогда не жилъ въ деревнѣ.

— Почему?

— Онъ это объяснялъ тѣмъ, что въ деревнѣ въ ненастную погоду онъ болѣе хвораетъ, чѣмъ въ городѣ. Ему каждый день были нужны прогулки, и онъ предпочиталъ Москву, гдѣ всѣ дома просторнѣе и теплѣе, и гдѣ для прогулокъ пѣшкомъ устроены хорошіе тротуары.

— Онъ и при мнѣ выражалъ сожалѣніе Бодянскому,—сказалъ я:—что не попалъ на свадьбу сестры, по нездоровью и изъ-за осенней погоды.

— А ужъ какъ онъ этого хотѣлъ,—замѣтила мать Гоголя:—мечталъ въ подарокъ новобрачной купить небольшую коляску и въ ней пріѣхать на свадьбу. На покупку у него, очевидно, не хватило денегъ.

Гоголь, посылавшій черезъ меня Плетневу пособіе бѣднымъ студентамъ, дѣйствительно, самъ нуждался въ средствахъ къ жизни. Надо вспомнить, что въ то же время книгопродавцы, скупившіе остатки послѣдняго изданія его сочиненій, распускали слухъ, что новаго изданія почему-то не будетъ, и продавали каждый его экземпляръ по сто рублей.

Гоголь, по словамъ его матери, родился 19-го марта, въ 1809

году, въ селѣ Сорочинцахъ, въ двадцати верстахъ отъ Яновщины. Черезъ три года исполнится восемьдесять лѣтъ со дня его рожденія. Марья Ивановна Гоголь имѣла до него другихъ дѣтей, изъ которыхъ ни одинъ не жилъ болѣе недѣли, вслѣдствіе чего появленія на свѣтъ новаго дитяти она ожидала съ грустнымъ и тяжелымъ раздумьемъ, будетъ ли ему суждено остаться въ живыхъ? Родился мальчикъ, котораго назвали Николаемъ. Новорожденный былъ необыкновенно слабъ и худъ. Долго опасались за его жизнь. Черезъ шесть недѣль онъ былъ перевезенъ въ родную Васильевку-Яновщину. Не смотря на слабый организмъ, онъ, однако, скоро показалъ, что не въ тѣлѣ сила человѣка. Трехъ лѣтъ отъ роду, онъ уже сносно разбиралъ и писалъ слова мѣломъ, запомнивъ алфавитъ по рисованнымъ, игрушечнымъ буквамъ.

Пяти лѣтъ отъ роду, Гоголь, по словамъ его матери, вздумалъ писать стихи. Никто не помнилъ, какого рода стихи онъ писалъ. У его домашнихъ осталось воспоминаніе, что извѣстный украинскій литераторъ Капнистъ, заѣхавъ однажды къ отцу Гоголя, засталъ его пятилѣтняго сына за перомъ. Малютка Гоголь сидѣлъ у стола, глубокомысленно задумавшись надъ какимъ-то писаніемъ. Капнисту удалось, просьбами и ласками, склонить ребенка-писателя прочесть свое произведеніе. Гоголь отвелъ Капниста въ другую комнату и тамъ прочелъ ему свои стихи. Капнистъ никому не сообщилъ о содержаніи выслушаннаго имъ. Возвратившись къ домашнимъ Гоголя, онъ, лаская и обнимая маленькаго сочинителя, сказалъ: «Изъ него будетъ большой талантъ, дай ему только судьба въ руководители учителя-христіанина!» Склонность Гоголя къ стихамъ проявлялась въ немъ впослѣдствіи еще не одинъ разъ. По словамъ его матери, онъ въ Нѣжинскомъ лицеѣ написалъ стихотвореніе «Россія подъ игомъ татаръ». Эту никогда не напечатанную вещь Гоголь тщательно переписалъ въ изящную книжечку, украсилъ ее собственными рисунками и переслалъ матери изъ Нѣжина по почтѣ. Изъ всего содержанія этой поэмы, увезенной имъ впослѣдствіи изъ Яновщины и, вѣроятно, истребленной, мать покойнаго вспомнила мнѣ только окончаніе, а именно, слѣдующіе два стиха:

«Раздвинувъ тучки сребро́рунны,
«Явилась трепетно луна».

Гоголь, начавъ впослѣдствіи писать исключительно прозою, обыкновенно молчалъ о своихъ первыхъ стихотворныхъ попыткахъ. О сожженіи имъ изданной своей поэмы «Ганцъ-Кюхельгартенъ» мнѣ разсказалъ свидѣтель этого аутодафе, его бывшій камердинеръ и поваръ Якимъ, состоявшій во время моего пріѣзда въ Яновщину дворецкимъ и ключникомъ. Застѣнчивый и робкій Якимъ передалъ мнѣ, что его покойный баринъ однажды, въ Петербургѣ, пришелъ домой сильно не въ духѣ и послалъ его скупать и отби-

рать по книжнымъ лавкамъ отданныя на коммиссію книгопродавцамъ сѣненькія книжки, на которыхъ было заглавіе: «Ганцъ-Кюхельгартенъ». Были собраны, привезены и безъ всякаго сожалѣнія сожжены около шести сотъ этихъ книжекъ. Кстати объ этомъ Якимѣ. Узнавъ, въ 1837 году, о смерти Пушкина, онъ неутѣшно плакалъ въ передней Гоголя.

— О чемъ ты плачешь, Якимъ?—спросилъ его кто-то изъ знакомыхъ.

— Какъ же мнѣ не плакать... Пушкинъ умеръ.

— Да тебѣ-то что? развѣ ты его зналъ?

— Какъ что? и зналъ, и жалко. Помилуйте, они такъ любили барина. Бывало, снѣгъ, дождь и слякоть въ Петербургѣ, а они въ своей шинелькѣ бѣгутъ съ Мойки, отъ Полицейскаго моста, сюда, въ Мѣщанскую. По цѣлымъ ночамъ у барина просиживали, слушая, какъ нашъ-то читалъ имъ свои сочиненія, либо читая ему свои стихи.

Зная объ этомъ слугѣ Гоголя отъ Плетнева, я сталъ разспрашивать Якима о времени знакомства Гоголя съ Пушкинымъ. По словамъ Якима, Пушкинъ, заходя къ Гоголю и не заставая его, съ досадою рылся въ его бумагахъ, желая знать, что онъ написалъ новаго. Онъ съ любовію слѣдилъ за развитіемъ Гоголя и все твердилъ ему: «пишите, пишите», а отъ его повѣстей хохоталъ и уходилъ отъ Гоголя всегда веселый и въ духѣ. Наканунѣ отъѣзда Гоголя, въ 1836 году, за границу, Пушкинъ, по словамъ Якима, просидѣлъ у него въ квартирѣ, въ домѣ каретника Іохима, на Мѣщанской, всю ночь на пролетъ. Онъ читалъ начатыя имъ сочиненія. Это было послѣднее свиданіе великихъ писателей. Въ 1837 году Пушкинъ скончался. Гоголь, по возвращеніи изъ чужихъ краевъ, уже не засталъ его въ живыхъ.

Мать Гоголя мнѣ передавала, что первые годы отрочества онъ провелъ со своимъ младшимъ, рано умершимъ братомъ, Иваномъ. Отецъ Гоголя, ѣздя въ поле съ сыновьями, иногда задавалъ имъ дорогою темы для стихотворныхъ импровизацій: «солнце», «степь», «небеса». Старшій сынъ отличался находчивостью въ отвѣтахъ на такія задачи. Гоголь-отецъ самъ сочинялъ театральныя, комическія пьесы для домашней сцены въ семействѣ Трощинскихъ, которые оказывали особенное вниманіе ему и его старшему сыну. Комедіи своего покойнаго отца Гоголь взялъ съ собою отъ матери при отъѣздѣ въ Петербургъ, для того, чтобы ихъ напечатать. Неизвѣстно, какой участи онѣ подверглись, такъ какъ впослѣдствіи никто ихъ не видѣлъ, за исключеніемъ выписокъ изъ нихъ, послужившихъ эпиграфами къ нѣкоторымъ изъ повѣстей Гоголя.

Смерть младшаго брата до того поразила отрока-Гоголя, что были принуждены отвезти его въ Нѣжинскій лицей, чтобы отвлечь мысли его отъ могилы брата. Здѣсь Гоголь вскорѣ оправился и

изъ хилаго, болѣзненнаго ребенка сталъ сильнымъ, веселымъ и падкимъ до разныхъ потѣхъ и шалостей юношей. Страстный поклонникъ всего высокаго и изящнаго, онъ на школьной скамейкѣ тщательно переписывалъ для себя на самой лучшей бумагѣ, съ рисунками собственнаго изобрѣтенія, выходившія въ то время въ свѣтъ поэмы: «Цыгане», «Полтава», «Братья разбойники» и главы «Евгенія Онѣгина». По окончаніи курса въ Нѣжинскомъ лицеѣ, Гоголь у матери отпросился въ Петербургъ, гдѣ нѣкоторое время усердно занимался живописью и иностранными языками.

Въ 1829 году, Гоголь неожиданно уѣхалъ за границу. Добравшись до Любека, онъ написалъ матери покаянное письмо (она мнѣ давала его читать), изложилъ въ немъ свои разочарованія въ мѣстахъ, къ которымъ онъ такъ жадно стремился, приложилъ къ письму очеркъ улицы, въ которой остановился, и, увидѣвъ близкій конецъ своихъ скудныхъ денежныхъ средствъ, съ грустью возвратился въ Петербургъ.

Мать Гоголя, на разставаньѣ со мной, узнавъ, что я ѣду въ Кіевъ, просила меня доставить туда письмо и небольшую посылку ея замужней дочери, Ел. В. Быковой, отъ которой она давно въ то время не получала извѣстій. Мѣсто жительства г-жи Быковой въ Кіевѣ мнѣ помогъ найти тамошній, тогда уже извѣстный, профессоръ медицины, докторъ Ѳ. С. Цыцуринъ, знавшій и не однажды лѣчившій Гоголя, отъ котораго у него бережно хранился экземпляръ «Мертвыхъ душъ» съ дружескою на немъ надписью автора. У доктора Цыцурина, кстати сказать, я засталъ при этомъ молодаго тогдашняго ученаго, впослѣдствіи кіевскаго профессора и нынѣшняго министра финансовъ, Н. Х. Бунге.

Прошло болѣе тридцати четырехъ лѣтъ. Съ тѣхъ поръ изъ семейства Гоголя я никого не видѣлъ. Мнѣ, въ годъ смерти Гоголя, привелось набросать и напечатать въ одной изъ газетъ очеркъ его родной усадьбы. Другихъ, болѣе подробныхъ о ней свѣдѣній я послѣ того не встрѣчалъ въ печати. Часто думалось мнѣ съ тѣхъ поръ: «Что нынѣ сталось съ Янѳвщиною-Васильевкою? Цѣлы ли въ ней домъ и флигель, гдѣ въ послѣднее время жилъ великій писатель, сохраняются ли тамошніе садъ и пруды, и благополучно ли растутъ посаженныя руками Гоголя деревья?».

Набросавъ давно эти воспоминанія, я не рѣшался ихъ печатать, не собравъ свѣдѣній о дальнѣйшей судьбѣ семейства Гоголя. Меня также занималъ вопросъ, почему ни въ одномъ изъ нашихъ иллюстрированныхъ изданій донынѣ не помѣщено изображеній усадьбы знаменитаго автора «Тараса Бульбы» и «Вечеровъ на хуторѣ близъ

Диканьки»? Въ Полтавѣ и въ Кіевѣ, съ его смерти, перебывали многіе наши даровитые художники; фотографія въ этихъ городахъ развилась съ тѣхъ поръ и процвѣтаетъ. Неужели же никому изъ мѣстныхъ фотографовъ,—разсуждалъ я,—не пришло въ голову снять, для печати, виды Васильевки? Время не ждетъ и легко можетъ смести послѣдніе слѣды деревенскаго жилища дорогаго писателя, которому, между тѣмъ, мы собираемся ставить памятникъ.

Минувшимъ лѣтомъ я узналъ, что въ настоящее время въ Полтавской губерніи благополучно здравствуютъ двѣ сестры Гоголя, которыхъ я, тридцать четыре года назадъ, видѣлъ въ Яновщинѣ, а именно: Анна Васильевна Гоголь—въ городѣ Полтавѣ и Ольга Васильевна Головня—въ родномъ ихъ селѣ Васильевкѣ.

На мои обращенія съ вопросами въ Полтаву, я получилъ отъ почтенной Анны Васильевны Гоголь отвѣтъ, за который приношу ей глубочайшую признательность. Привожу отрывки изъ ея писемъ ко мнѣ, давшихъ мнѣ возможность значительно дополнить мою статью. Ан. В. Гоголь мнѣ написала, между прочимъ, въ августѣ и сентябрѣ этого года, слѣдующее:

«Какъ я вамъ благодарна, что вы прислали мнѣ прочесть ваши воспоминанія! Отвѣчаю по пунктамъ на ваши вопросы.

«Наша мать умерла, 76-ти лѣтъ, въ 1868 году, въ деревнѣ Васильевкѣ, скоропостижно, на первый день Свѣтлаго праздника; вѣроятно, не поберeглась послѣ семинедѣльнаго поста. Она до смерти была очень моложава и бодра; у нея не было морщинъ и сѣдины. Съ нею тогда жила меньшая наша сестра Ольга, съ мужемъ, отставнымъ маіоромъ Головня, который держалъ наше имѣніе въ арендѣ. Сестра Ольга съ тѣхъ поръ овдовѣла и имѣетъ трехъ дѣтей, замужнюю дочь и двухъ сыновей, Николая и Василія Яковлевичей, служащихъ въ Ахтырскомъ драгунскомъ полку, въ Бѣлой Церкви. Наша деревня Васильевка раздѣлилась на двѣ части—сестрѣ Ольгѣ и старшему сыну покойной сестры Елизаветы Васильевны Быковой, Ник. Влад. Быкову, который женатъ на Марьѣ Александровнѣ Пушкиной, внучкѣ поэта.

«По жребію, старая усадьба (дворъ, садъ и пр.) досталась сестрѣ Ольгѣ, а племянникъ Николай Быковъ построилъ себѣ новую усадьбу, за прудомъ, въ другомъ саду, гдѣ теперь и живетъ, имѣя двухъ малолѣтнихъ дѣтей, сына Александра и дочь Елизавету. Онъ служилъ въ Нарвскомъ гусарскомъ полку, во время командованія имъ А. А. Пушкинымъ (сыномъ поэта), гдѣ и женился на его дочери. Недавно онъ былъ въ Москвѣ и уступилъ тамъ отъ насъ право на изданіе сочиненій покойнаго брата книгопродавцу Думнову, наслѣднику фирмы братьевъ Салаевыхъ. До этого, изданіями сочиненій брата завѣдывалъ И. С. Аксаковъ.

«Старая наша усадьба въ запустѣніи, особенно флигель для гостей, въ которомъ братъ останавливался въ послѣднее время. Садъ

запущенъ, заглохъ; гротикъ завалился. Старый поваръ Якимъ умеръ въ прошломъ 1885 году, въ деревнѣ, у женатаго своего сына, а его дочь Наталья, съ десятилѣтняго возраста, у меня въ услуженіи. Она была нѣкоторое время замужемъ, но, овдовѣвъ, опять поступила ко мнѣ.

«Портретъ брата масляными красками (работы Моллера) у меня; онъ попорченъ, и потому я никому его не даю. У меня же его шкафъ для книгъ и конторка. Изъ прочихъ вещей брата почти ничего не сохранилось. Имѣніе (Васильевка) не было во владѣніи брата. Мать владѣла имъ пожизненно, по завѣщанію свекрови. Крестьяне-сосѣди звали ее «барыня изъ Яновщины». Это имѣніе нѣкогда было заложено, но выкуплено уже давно. Въ немъ, за надѣломъ крестьянъ, осталось на двѣ части около 700 десятинъ. Я удовольствовалась частью выкупной ссуды и живу въ Полтавѣ, близь племянницы Марьи Влад. Рахубовской, урожденной Быковой, у которой находятся ея меньшія сестры, Варвара и Анна Влад. Быковы. Меньшой братъ, Юрій Влад. Быковъ, въ Петербургѣ, служитъ въ лейбъ-казакахъ (въ лейбъ-атаманскомъ Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича полку).

«Ник. Павл. Трушковскій, сынъ старшей нашей сестры, Марьи Васильевны, умершей въ 1844 году, остался круглымъ сиротой, съ одиннадцати лѣтъ; учился въ гимназіи, потомъ въ Казанскомъ университетѣ, по факультету восточныхъ языковъ; кончилъ курсъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, кандидатомъ. Онъ занимался изданіемъ сочиненій покойнаго брата, но заболѣлъ и умеръ въ помѣшательствѣ. Я съ моею матерью ѣздила за нимъ въ Москву. Это была славная личность! Я его очень любила.

«Изъ сосѣдей, знакомыхъ брата, никого уже нѣтъ въ живыхъ. Въ деревнѣ Толстое, въ шести верстахъ отъ насъ, жили Черныши, которыхъ братъ любилъ. Особенно же былъ друженъ съ дѣтства съ А. С. Данилевскимъ [1]). Не знаю, живъ ли послѣдній? Онъ ослѣпъ и жилъ въ Сумскомъ уѣздѣ, у родныхъ жены; у нихъ было трое дѣтей. Пріѣзжая въ деревню лѣтомъ, въ послѣдніе четыре года, братъ прежнихъ знакомыхъ уже не нашелъ, а новыхъ знакомствъ не любилъ; радъ былъ, что наша деревня въ глуши, не на большой дорогѣ.

«Сестра Елизавета Васильевна вышла замужъ, какъ вы знаете, при братѣ; она овдовѣла, послѣ его смерти, черезъ десять лѣтъ, прожила вдовою еще четыре года и умерла, оставивъ пятерыхъ дѣтей. Теперь самому меньшому изъ нихъ, Юрію Владим. Быкову, 25 лѣтъ.

«Братъ никогда не любилъ говорить о своихъ сочиненіяхъ; даже

---

[1]) Имя жены А. С. Данилевскаго, Юліи, Улиньки, дало Гоголю, какъ слышно, мысль назвать героиню второй части «Мертвыхъ душъ»—Улинькою. Г. Д.

намека о нихъ не допускалъ. Если, бывало, кто нибудь заговоритъ о нихъ, онъ хмурился, перемѣнялъ разговоръ или уходилъ. Въ послѣднее время его письма были всегда грустныя и строгія, а прежде въ институтъ онъ намъ писалъ веселыя письма и часто шутилъ, особенно съ сестрою Ел. В. Быковой. Письма брата къ намъ потомъ въ деревню были наполнены наставленіями. Онъ боялся, чтобы мы не скучали, весь день были бы въ занятіяхъ и болѣе дѣлали бы моціона; боялся, чтобы насъ не занимали наряды, и внушалъ намъ, что очень стыдно при комъ нибудь говорить о нарядахъ.

«Сестра Ел. Вас. Быкова, въ 1862 году, была у насъ съ дѣтьми въ деревнѣ, когда ея мужъ, подполковникъ, командовавшій саперныиъ баталіономъ въ Тифлисѣ, былъ назначенъ на такую же должность въ Гўри-Кальварію, близь Варшавы, куда и уѣхалъ заготовлять квартиру, чтобы взять свою семью. Вдругъ получаемъ извѣстіе, что онъ умеръ... Бѣдная сестра чуть не потеряла разсудка! Я съ нею переѣхала въ Полтаву. Ея старшая десятилѣтняя дочь Марья Влад. (впослѣдствіи Рахубовская) поступила въ полтавскій институтъ. Черезъ четыре года, сестра Ел. Вас. Быкова умерла. По ея смерти, я съ ея дѣтьми жила въ Полтавѣ.

«Еще о старой усадьбѣ. На мѣстѣ теперешняго нашего деревенскаго дома былъ другой; тамъ братъ провелъ дѣтство. Его рисунокъ долго хранился у брата. Теперешній домъ, гдѣ вы когда-то были, я помню, долго стоялъ недостроенный. На немъ былъ мезонинъ, который потомъ сняли. На этомъ мезонинѣ одна комната была наскоро отдѣлана, для пріѣзда брата изъ Нѣжина, и я помню, что мы, сестры, дѣтьми ходили къ нему туда, по узенькой лѣсенкѣ.

«Изъ посаженныхъ братомъ деревьевъ въ обоихъ садахъ сохранилось нѣсколько клёновъ. Это было его любимое дерево. Дубки онъ садилъ желудями; они почти всѣ пропали. Я рѣдко ѣзжу въ деревню. Грустно видѣть разрушеніе. Новая усадьба племянника Николая иногда интересуетъ; но я ѣзжу туда только съ кѣмъ нибудь; одной скучно, и сорокъ верстъ отъ Полтавы.

«Братъ считалъ насъ двухъ сестеръ (Елизавету и Анну) своими воспитанницами, потому что самъ помѣстилъ насъ въ институтъ въ Петербургѣ. Онъ заставлялъ насъ переводить. Далъ мнѣ разъ нѣмецкую статью, гдѣ сравнивали брата съ Погодинымъ. И когда я затруднилась перевести фразу: «Pogodin ist ein umgekehrter Gogol», онъ посовѣтовалъ мнѣ перевести такъ: «Погодинъ—вывороченный Гоголь». При этомъ онъ старался насъ увѣрить, что наши переводы «очень нужны», самъ ихъ поправлялъ и давалъ намъ награды за нихъ. Бумаги брата, бывшія въ его чемоданѣ, пропали; цѣлъ одинъ чемоданъ».

Желательно было бы видѣть въ печати тѣ «веселыя» письма Гоголя къ его сестрамъ, о которыхъ упоминаетъ почтенная Анна Васильевна. То была лучшая, свѣтлая пора Гоголя, когда онъ писалъ С. Т. Аксакову: «О себѣ скажу вамъ, что моя природа совсѣмъ не мистическая». Живя лѣтомъ близь Петербурга, на Поклонной горѣ, на дачѣ Гюнтера, и избѣгая журнальной среды, онъ писалъ друзьямъ, что «журнальныя занятія вывѣтриваютъ душу», и стремился къ родному югу, къ южной веснѣ. «Что это такое весна?—писалъ онъ тогда:—я ее не знаю, не помню! позабылъ совершенно, видѣлъ ли ее когда нибудь?» Въ свѣтлые часы Гоголь любилъ шутить не только съ сестрами, но и съ друзьями, утѣшая ихъ, по своему, въ ихъ жизненныхъ неудачахъ: «Это все дѣло нашего общаго пріятеля чорта,—писалъ онъ друзьямъ:—бейте эту длиннохвостую скотину по мордѣ. Дайте грусти киселя, да еще съ пидплеснемъ...» (т. е. съ пришлёпкой). Невольно вспоминается чернильница, пущенная Лютеромъ въ бѣса. Пріятелямъ-сверстникамъ Гоголь щедро раздавалъ шутливые совѣты и прозвища, оставшіяся необъясненными въ изданныхъ его письмахъ: Барончикъ, Дорнмо̂нчикъ, Фонъ-Фонтикъ, Купидончикъ, Хо̂пцики и пр. «О, моя юность! о, моя свѣжесть!» —восклицалъ впослѣдствіи великій писатель объ этой своей веселой и свѣтлой порѣ [1]).

Анна Васильевна Гоголь обязательно прислала мнѣ также фотографію дома и части усадьбы села Васильевки, исполненную В. А. Волковымъ, имѣвшимъ недавно собственную фотографическую мастерскую въ Полтавѣ. При этой фотографіи она доставила мнѣ, по моей просьбѣ, и долго хранившійся у ея брата, исполненный, по преданію, самимъ Н. В. Гоголемъ, акварельный рисунокъ «стараго дома» Васильевки, гдѣ Гоголь провелъ свое дѣтство. Оба эти рисунка переданы мною редакціи «Историческаго Вѣстника» и будутъ воспроизведены въ одной изъ первыхъ книжекъ журнала 1887 года.

---

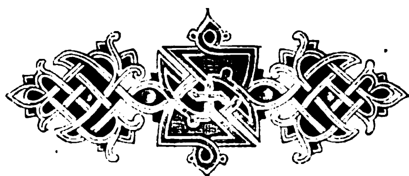
[1]) Кстати о письмахъ Гоголя. Въ 1852 году, вскорѣ послѣ его смерти, мнѣ привелось первому, какъ я выше сказалъ, напечатать краткія извѣстія о его семействѣ и усадьбѣ, причемъ я помѣстилъ, съ разрѣшенія матери Гоголя и по ея выбору, нѣсколько отрывковъ изъ его писемъ къ ней. Авторъ «Записокъ о жизни Гоголя», г. Пантелеймонъ Кулишъ (изданіе 1856 г., т. I, стр. 31-я), упомянувъ объ одномъ изъ этихъ, напечатанныхъ мною писемъ, укорительно замѣтилъ, что я въ немъ «позволилъ себѣ опустить трогательное обращеніе Гоголя къ матери». Это замѣчаніе, въ виду всѣмъ понятныхъ условій, при которыхъ матерью Гоголя мнѣ было дозволено напечатать письма ея сына, выходило тѣмъ болѣе забавнымъ, что далѣе, въ той же книгѣ (стр. 91-я), самъ ея авторъ, помѣстивъ другія письма Гоголя къ его матери, говоритъ, что приводитъ изъ нихъ только краткія выписки, «опустивъ выраженія нѣжнѣйшей любви и почтенія, которыми Гоголь былъ преисполненъ къ матери». Quod licet...

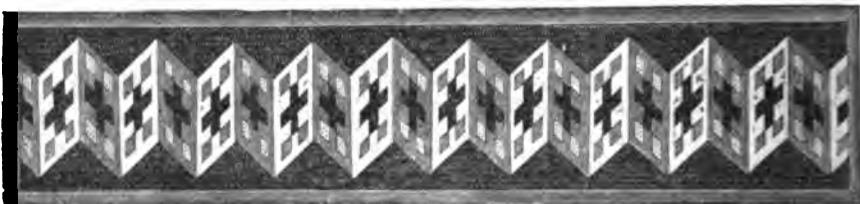
Г. Д.

Русскіе читатели, безъ сомнѣнія, съ особымъ удовольствіемъ узнаютъ изъ вышеприведенныхъ мною писемъ Анны Васильевны Гоголь, что внучка великаго нашего поэта, Пушкина, сочеталась бракомъ съ племянникомъ другаго великаго русскаго писателя, Гоголя, бывшаго нѣкогда въ искренней дружбѣ съ Пушкинымъ. Послѣдній, какъ извѣстно, еще при жизни, уже духовно сроднился съ Гоголемъ: онъ далъ ему сюжеты лучшихъ его произведеній — «Мертвыхъ душъ» и «Ревизора».

Григорій Данилевскій.

Спб. 20-го октября 1886 г.





ВОСПОМИНАНІЯ ГРАФА В. А. СОЛОГУБА[1].

IX.

Мое переселеніе въ Дерптъ.—Дерптское общество. — Моя вторичная поѣздка на Кавказъ. — Фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій.—Его предложеніе мнѣ. — Наше путешествіе.—Мое разочарованіе.—Разладъ съ Барятинскимъ и мой отъѣздъ изъ Тифлиса.—Анекдотъ о канцлерѣ князѣ А. М. Горчаковѣ.—Баронесса Ю. П. Вревская. — Ея кончина. — Пророчество о болгарахъ. — Моя поѣздка въ Парижъ. — Русскій посолъ во Франціи графъ Киселевъ. — Балъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ.—Представленіе императору Наполеону и императрицѣ Евгеніи.—Грубость камеръ-лакеевъ. — Приключеніе съ Лазаревымъ.—Знакомство съ Галеви.—Изобрѣтатель метода хоральнаго пѣнія Шеве. — Его наудачная поѣздка въ Петербургъ.—Моя брошюра «Les musiciens contre la musique».—Мое возвращеніе въ Россію.

ЩЕ ПОСЛѢ моей первой поѣздки въ Парижъ, послѣ коронаціи, я рѣшилъ поселиться съ женою и дѣтьми въ Дерптѣ. Мои родители и родители жены моей въ то время уже умерли; многіе друзья и добрые знакомые или умерли, или разъѣхались, и ничто особенно не удерживало насъ въ Петербургѣ. Для воспитанія дѣтей и жизни семейной, Дерптъ представлялся мнѣ удобнѣйшимъ мѣстомъ, такъ какъ его сравнительная близость отъ Петербурга давала мнѣ возможность по дѣламъ или по службѣ часто бывать въ столицѣ.

Первые годы нашего пребыванія въ Дерптѣ были едва ли не самые счастливые годы моего перваго брака. Пока жена моя гостила съ дѣтьми въ окрестностяхъ, я въ Дерптѣ купилъ и совер-

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXVI, стр. 281.

шенно заново перестроилъ и отдѣлалъ довольно обширный домъ, съ большимъ примыкавшимъ къ нему мѣстомъ, гдѣ потомъ, по моему плану, мы развели хорошенькій садъ. Домъ этотъ, въ которомъ моя первая жена жила много лѣтъ и гдѣ она скончалась, принадлежитъ теперь моей дочери Сабуровой. Общество дерптское въ то время мало измѣнилось съ тридцатыхъ годовъ, какъ я покинулъ Дерптъ, и сохранило свою патріархальную семейственность; но за то университетъ, или, скорѣе, направленіе въ университетѣ совершенно измѣнилось. Довольно значительный кружокъ русскихъ студентовъ внесъ въ него зачинающееся зерно нигилизма,—нигилизма, еще не имѣющаго, впрочемъ, этого названія, такъ какъ знаменитый романъ Тургенева «Отцы и дѣти» появился только года три послѣ нашего переселенія въ Дерптъ. Надо сказать, что нѣмецкія головы, болѣе тугія къ понятливости, но за то часто также и болѣе разсудительныя, холодно отнеслись къ новому ученію, за то русская молодежь, и въ особенности русскія барыни, съ свойственной имъ впечатлительностью, яростно примкнули къ новому ученію. Я въ Дерптѣ, какъ и вездѣ, впрочемъ, имѣлъ глупость широко раскрыть двери своего дома для всѣхъ; но тутъ это не повлекло за собой столько непріятностей, какъ въ Петербургѣ и на Кавказѣ.

Но, говоря о моемъ основаніи въ Дерптѣ, я забылъ сказать, что въ промежутокъ этого времени я вторично побывалъ на Кавказѣ. Вотъ какъ это случилось.

По заключеніи Парижскаго мира и по смерти фельдмаршала князя Воронцова, государь ввѣрилъ командованіе кавказской арміею князю Александру Ивановичу Барятинскому. Я уже имѣлъ случай, описывая петербургскіе салоны сороковыхъ годовъ, сказать, что Барятинскіе, по знатности своего рода и своему богатству, занимали одно изъ первенствующихъ мѣстъ въ большомъ петербургскомъ свѣтѣ. Я долженъ прибавить, что князь Александръ Ивановичъ Барятинскій, старшій въ родѣ и наслѣдникъ богатаго маіората (который онъ, впрочемъ, передалъ своему второму брату Владиміру), былъ однимъ изъ выдающихся и способнѣйшихъ любимцевъ молодаго императора. Всѣ четыре брата Барятинскіе были красивы, но, разумѣется, красивѣе и виднѣе всѣхъ, всетаки, былъ князь Александръ. Кромѣ того, онъ имѣлъ очень тонкій и все разумѣющій умъ, большее изящество въ пріемахъ и мягкость (когда хотѣлъ, впрочемъ) въ обращеніи, рѣдкую способность угадывать или скорѣе взвѣшивать людей, и нѣсколько поверхностную, но, тѣмъ не менѣе, довольно обширную начитанность. Храбрость его не имѣла границъ; спокойная, самоувѣренная и смиренная вмѣстѣ—это была чисто русская беззавѣтная храбрость,—храбрость русскаго солдата. Но съ этими замѣчательными способностями у Барятинскаго были также недостатки. Какъ всѣ Барятинскіе, онъ почиталъ себя испе-

ченнымъ изъ какого-то особеннаго, высокопробнаго, никому недоступнаго тѣста. Его высокомѣріе, доходившее до наивности, не имѣло границъ. Еще будучи очень молодымъ человѣкомъ, Барятинскій былъ избалованъ свѣтскими успѣхами и всѣмъ тѣмъ, чѣмъ щедро награждаетъ расходившаяся природа своихъ любимцевъ. Но все это Барятинскій считалъ еще для себя недостаточнымъ; онъ мечталъ не только о фельдмаршальствѣ, котораго достигъ, по покореніи Кавказа,—онъ хотѣлъ быть генералиссимусомъ всероссійскихъ войскъ, какъ достославный Суворовъ. Этого высочайшаго отличія ему не удалось получить и вообще, по покореніи Кавказа, звѣзда его, до того сіявшая солнцемъ, нѣсколько поблекла, хотя лично государь сохранилъ къ нему свое благоволеніе и даже въ концѣ шестидесятыхъ годовъ посѣтилъ его въ пожалованномъ ему для жительства казенномъ мѣстечкѣ Скерневицахъ. При такомъ нравѣ и при такихъ стремленіяхъ, понятно, что, вступивъ въ командованіе Кавказскимъ краемъ и кавказской арміей, Барятинскій пожелалъ придать своему путешествію и вступленію въ ввѣренный его управленію край всевозможную торжественность.

Свидѣвшись какъ-то со мною передъ своимъ отбытіемъ въ Тифлисъ, Барятинскій спросилъ меня: не пожелаю ли я снова вернуться въ край, оставившій во мнѣ неизгладимыя впечатлѣнія и воспоминанія; съ обычнымъ ему умѣніемъ, онъ начерталъ мнѣ очень заманчивую картину дѣятельности, совершенно соотвѣтствующей и моимъ вкусамъ, и моему умѣнію: поощреніе мѣстной литературы, распространеніе русской словесности, устройство театровъ въ значительныхъ городахъ, учрежденіе школъ музыки, пѣнія, рисованія въ Тифлисѣ, словомъ, нѣчто въ родѣ маленькаго министерства изящныхъ искусствъ, въ которомъ я долженствовалъ исполнять лестную роль хозяина и господина. Не имѣя въ то время опредѣленнаго занятія въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, гдѣ я состоялъ, я съ удовольствіемъ принялъ предложеніе князя Барятинскаго, имѣя, во-первыхъ, въ виду то, что я могу быть полезенъ, во-вторыхъ, радуясь снова увидѣть край, особенно мною любимый. Кромѣ блестящей и многочисленной свиты военной, наше путешествіе, или, скорѣе, шествіе по водѣ и сушѣ украшали двѣ очаровательныя молоденькія женщины: княгиня Анастасія Гагарина, рожденная графиня Штейнбокъ, сохранившая, впрочемъ, и по сію пору свою замѣчательную красоту, и княгиня Зейнъ-Витгенштейнъ, жена моего пріятеля князя Эмиля, скоро, впрочемъ, увы! скошенная смертью въ раннемъ разцвѣтѣ своей обворожительной красоты.

При такихъ условіяхъ и прекрасной, вмѣстѣ съ тѣмъ, погодѣ, всѣ находились въ отличномъ расположеніи духа и широко пользовались всѣми, окружавшими насъ, прихотливыми удобствами. Не сатрапомъ, а маленькимъ царькомъ плылъ Барятинскій по Волгѣ. Въ каждомъ прибрежномъ городѣ ему устроивались торжественныя

встрѣчи, онъ произносилъ спичи, немножко ломался, немножко дурачился, но все это выходило кстати и привлекало къ нему людей. Въѣздъ въ Тифлисъ тоже состоялся съ особенною торжественностью, хотя и имѣлъ свою нѣсколько смѣшную сторону. Первое время моего пріѣзда въ Тифлисъ, обрадованный встрѣчей съ дорогими друзьями, еще весь подъ впечатлѣніемъ только-что совершеннаго путешествія, я не обезпокоивался о моей настоящей задачѣ, т. е. службѣ, но, мало-по-малу, мое положеніе выяснялось для меня очень непріятно. Тутъ случилось то, что случалось часто со мною въ жизни; по остроумному выраженію Едмонда Абу: «Мнѣ все обѣщали, я все принялъ, мнѣ ничего не дали!...»[1]). Вмѣсто дѣятельнаго труда, условленнаго между мной и Барятинскимъ, оказывалось, что мои занятія состояли въ устройствѣ праздниковъ въ честь главнокомандующаго, импровизаціи стиховъ и водевилей. Съ этимъ, разумѣется, я согласиться не могъ. Съ Барятинскимъ, неизмѣримо, конечно, опередившимъ меня по службѣ, по свѣтскимъ условіямъ, дѣтскимъ воспоминаніямъ и товарищескимъ отношеніямъ, мы были равны, и разыгрывать роль оберъ-гофмаршала его дворика вовсе не входило въ мои планы. По этому поводу между нами произошло довольно рѣзкое объясненіе; Барятинскій съ сердцемъ сказалъ мнѣ, что я вѣчно «тороплюсь» и что у меня прескверный характеръ, и что я никогда ни съ кѣмъ не уживаюсь! Затѣмъ мы холодно распростились, и я уѣхалъ изъ Тифлиса въ Петербургъ. Я долженъ сказать, что эта черная кошка, пробѣжавшая между мной и Барятинскимъ, не оставила никакихъ слѣдовъ, и съ первой же нашей встрѣчи, послѣ этого, наши дружескія отношенія возобновились попрежнему. Я уже сказалъ, что высокомѣріе Барятинскаго,—болѣе чѣмъ высокомѣріе, чванливость,—не имѣло границъ; въ другомъ человѣкѣ, имѣвшемъ болѣе обширное вліяніе не только на дѣла русскія, но и на политику всего міра, и занимавшемъ еще бо́льшее положеніе въ свѣтѣ, чѣмъ Барятинскій, въ канцлерѣ князѣ Александрѣ Михайловичѣ Горчаковѣ это чувство было развито до мелочности, до послѣднихъ предѣловъ. Однажды, во время послѣдней турецкой войны, въ Бухарестѣ, я зашелъ къ нему вечеромъ; разговоръ коснулся бывшей втеченіе дня духовной процессіи, причемъ канцлеръ замѣтилъ, что митрополитъ приказалъ шествію

---

[1]) Когда, еще передъ началомъ франко-прусской войны, Абу открыто перешелъ въ лагерь республиканцевъ, его новые собраты сулили ему всякаго рода успѣхи и блестящую политическую карьеру, въ которой постъ министра или посла занималъ первое мѣсто; но время шло, республика укоренилась во Франціи, а между тѣмъ, хотя Абу пользовался, будучи редакторомъ-издателемъ газеты «XIX-ème Siècle», большимъ вліяніемъ, обѣщанія друзей оставались обѣщаніями, и онъ не получалъ никакаго назначенія. Раздосадованный этимъ, въ одной передовой статьѣ своей газеты онъ напечаталъ слѣдующее: «On m'a tout promis, j'ai tout accepté, on ne m'a rien donné!»...

пройдти мимо дома, занимаемаго княземъ, и остановить на время передъ нимъ раку, вмѣщавшую въ себѣ мощи блаженнаго Дмитрія.

— Ваша свѣтлость!—невольно вскрикнулъ я:—такъ ужъ не вы къ мощамъ, а мощи къ вамъ прикладываются!...

Еще въ первые годы моего пребыванія на Кавказѣ, я имѣлъ случай познакомиться съ женщиной, которой остался почитателемъ и другомъ втеченіе всей ея, увы! короткой жизни. Баронесса Юлія Петровна Вревская, дочь храбраго генерала Варпаховскаго и жена, а потомъ вдова, еще болѣе извѣстнаго на Кавказѣ генерала барона Вревскаго, считалась почти впродолженіе двадцати лѣтъ одной изъ первыхъ петербургскихъ красавицъ; я не могу сказать, чтобы Юлія Петровна, хотя и была очень хороша, вполнѣ удовлетворяла своею наружностью эту лестную репутацію; сестра ея, Наталья Петровна, античною правильностью своего красиваго лица, гораздо болѣе заслуживала это названіе, но я во всю свою жизнь не встрѣчалъ такой плѣнительной женщины. Плѣнительной не только своею наружностью, но своею женственностью, граціей, безконечной привѣтливостью и безконечной добротой. Многимъ она напоминала мнѣ женщинъ александровскихъ временъ, этой высшей школы вкуса, утонченной вѣжливости и привѣтливости, и, бывало, слушая ея часто незатѣйливыя, но всегда милыя рѣчи, я думалъ, какъ бы желательно было въ нашемъ свѣтѣ побольше «такихъ» женщинъ и поменьше другихъ... Никогда эта женщина не сказала ни о комъ ничего дурнаго и у себя не позволяла никому злословить, а, напротивъ, всегда и въ каждомъ старалась выдвинуть его хорошія стороны. Многіе мужчины за ней ухаживали. Много женщинъ ей завидовали, но молва никогда не дерзнула укорить ее въ чемъ нибудь, и самые злонамѣренные люди склоняли передъ нею голову. Всю жизнь свою она жертвовала собою для родныхъ, для чужихъ, для всѣхъ, и умерла мученическою смертью тамъ, далеко, въ Болгаріи, гдѣ погибло столько молодыхъ силъ, гдѣ пролито столько русской крови и русскихъ слезъ безполезно. Народы, какъ люди, не прощаютъ оказанныхъ имъ благодѣяній, и, рано или поздно, мы встрѣтимъ въ болгарахъ, спасенныхъ нами, черную неблагодарность. Міръ твоему праху, милое, чистое созданіе, оставившее во всѣхъ, знавшихъ тебя, самое свѣтлое воспоминаніе!

По возвращеніи моемъ съ Кавказа, я изъ Петербурга опять отправился за границу и началъ съ Парижа. На другой же день послѣ моего пріѣзда я былъ приглашенъ обѣдать въ русское посольство. Высокій и, послѣ крымской войны, щекотливый постъ русскаго посла при Французской имперіи занималъ въ то время графъ Киселевъ. Онъ не только слылъ тонкимъ дипломатомъ, онъ былъ однимъ изъ послѣднихъ представителей широкаго русскаго барства. Какъ всѣ проходимцы, Наполеонъ III любилъ унижать побѣжденныхъ, но Киселевъ умѣлъ себя такъ поставить, что занялъ при

его дворѣ первенствующее положеніе. Императрица Евгенія особенно отличала его, и на оффиціальныхъ обѣдахъ онъ почти всегда пользовался высокой, въ то время, честью сидѣть по правую руку императрицы.

— Вы на балахъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ бывали, графъ? — спросилъ меня Киселевъ, когда рѣчь у него за обѣдомъ зашла о придворномъ балѣ, назначенномъ на слѣдующій день.

Графъ В. А. Сологубъ.

Съ портрета, находящагося въ альбомѣ „Souvenir de Baden", Carlsruhe, 1838.

— При этой династіи еще не бывалъ; я, помнится, въ сороковыхъ годахъ былъ на одномъ «смѣшанномъ», какъ ихъ тогда называли, балѣ у короля Людовика-Филиппа.

— Я не обѣщаю вамъ, что завтрашній балъ будетъ менѣе смѣшаннымъ,—съ своей тонкой улыбкой замѣтилъ мнѣ нашъ посолъ:— но, всетаки, интересно посмотрѣть, и, притомъ, вы увидите вблизи импетратрицу Евгенію, она еще очень хороша.

На другой день я получилъ приглашеніе, и вечеромъ, облекшись въ мундиръ, отправился во дворецъ. На главной лѣстницѣ и у входовъ стояли, вытянувшись въ струнку, знаменитые «les cent gardes»; они имѣли, правда, видъ таинственный и эффектный, но на всемъ остальномъ лежалъ отпечатокъ, отчасти напоминающій толкучій рынокъ. Въ отдѣльной залѣ насъ собрали человѣкъ пятнадцать мужчинъ и нѣсколько дамъ съ цѣлью представить насъ императорской четѣ. Мы ждали недолго, широкія двери раскрылись, два cent garde'а стали по обѣимъ сторонамъ ихъ, и, предшествуемый нѣсколькими придворными чинами, вошелъ въ залу императоръ, ведя подъ руку свою супругу. Дежурный камергеръ, идя нѣсколько впереди, называлъ императорской четѣ каждаго изъ насъ; мы низко кланялись, императоръ чуть склонялъ свою утомленную голову, императрица Евгенія слегка «присѣдала». Они обошли весь нашъ полукругъ и прослѣдовали въ другія залы, биткомъ наполненныя приглашенными, не сказавъ ни одному изъ насъ ни «единаго слова». Я невольно переглянулся съ нѣсколькими находящимися тутъ русскими; для насъ, привыкшихъ къ царственной представительности русскихъ государей и знавшихъ, что всѣ тѣ, кто имѣютъ счастье имъ представляться, всегда слышатъ отъ нихъ благосклонно привѣтливое слово, это безмолвное шествіе показалось очень удивительнымъ. Но въ тотъ вечеръ мнѣ пришлось еще удивляться. Наскучившись снованіемъ изъ залы въ залу незнакомой мнѣ толпы, я захотѣлъ уѣхать, но какъ всегда сбился, запутался въ нескончаемыхъ залахъ и очутился у запертыхъ дверей, ведущихъ, мнѣ почему-то казалось, къ выходу; я взялся за замокъ, намѣреваясь открыть дверь.

— On ne passe pas!—грубо закричалъ на меня подбѣжавшій камеръ-лакей.

— Что это — внутренніе аппартаменты?—спросилъ я.

— Нѣтъ, это столовая,—былъ мнѣ отвѣтъ.

— Столовая ихъ величествъ?

— Столовая для гостей, только васъ еще туда не велѣно пускать; vous avez le temps d'attendre vous autres!

Взорванный этой грубостью, этимъ лакейскимъ нахальствомъ, я невольно сказалъ, что нельзя поздравить императора ни за его гостей, ни въ особенности за его прислугу.

— «Comment? Vous vous permettez d'insulter l'Empereur?! Attenpez, je m'en vais vous faire arrêter!»

Къ счастью, одинъ изъ секретарей нашего посольства, какъ-то нечаянно проходившій по залѣ, вывелъ меня изъ этого глупаго положенія, и я удалился изъ Тюльерійскаго дворца съ обѣщаніемъ внутренно себѣ никогда туда болѣе не появляться. Эта стычка съ лакеемъ напоминаетъ мнѣ одинъ очень забавный случай, приключившійся съ однимъ изъ моихъ родственниковъ по первой женѣ,

Лазаревымъ. Армянинъ родомъ, человѣкъ очень богатый и чванный, онъ женился на племянницѣ моей тещи, графини Віельгорской, принцессѣ Биронъ. Когда онъ находился въ Парижѣ, съ нимъ тоже приключилась какая-то, уже теперь въ точности не припомню, комическая исторія, по случаю которой его потащили въ часть, къ «commissaire de police». Когда онъ себя назвалъ и объявилъ свой чинъ и фамилію, съ нимъ тотчасъ всѣ стали почтительнѣе.

— Вотъ, видите, monsieur, — мягко сказалъ ему частный приставъ: — вы такъ близко стоите къ русскому императору (?!), что мы не посмѣемъ болѣе васъ безпокоить, такъ какъ нашъ государь, Наполеонъ III-й, находится въ такихъ дружественныхъ отношеніяхъ съ вашимъ царемъ.

— Какъ! — неистово крикнулъ на него Лазаревъ. — Вы смѣете сравнивать вашего шалопая, вашего проходимца, авантюриста, карбонарія съ русскимъ императоромъ, съ моимъ царемъ, съ Божіимъ помазанникомъ?! Да какъ вы смѣете! Да я не позволю!...

Дѣло начинало принимать для Лазарева прескверный оборотъ; ему уже угрожала не полиція, а тюрьма, куда его немедленно и посадили по обвиненію въ оскорбленіи величества. Оффиціальныя особы и служащіе, хотя, можетъ быть, въ глубинѣ души своей и неособенно чтили имперію Наполеона III-го, но обязывались это показывать всячески. Мнѣ нечего прибавлять, что дѣло это очень скоро выяснилось, что Лазарева освободили и даже, кажется, благодаря вмѣшательству нашего посольства, чуть ли не извинились передъ нимъ.

Желая ближе ознакомиться съ устройствомъ Большой Оперы въ Парижѣ, въ виду нѣкоторыхъ измѣненій въ управленіи нашей большой и итальянской оперы, я познакомился съ Halevy (Галеви), извѣстнымъ композиторомъ оперы «Жидовка» («La Juive»). Не имѣя ни ума, ни таланта Мейербера, Галеви, тѣмъ не менѣе, пользовался въ средѣ композиторовъ и артистовъ большимъ вліяніемъ. Жидъ чистокровный, жидъ фанатикъ, покровительствуемый Ротшильдами, Галеви всѣми силами выталкивалъ на свѣтъ Божій всякое жидовское произведеніе и душилъ немилосердно все, что носило отпечатокъ нововведенія и оригинальности. Однажды за обѣдомъ у княгини Елизаветы Эсперовны Трубецкой (она жила тогда въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ, и въ ея гостиной собирались почти всѣ извѣстные и талантливые люди въ Парижѣ) разговоръ зашелъ о нѣкоемъ г-нѣ Шёве, усовершенствовавшемъ цифирную методу для хоральнаго пѣнія; меня заинтересовала не только художественная сторона этого дѣла, во мнѣ вызвала и любопытство, и уваженіе самая личность Шёве; человѣкъ уже лѣтъ очень пожилыхъ и до крайности бѣдный, онъ, окончивъ свою службу (онъ занималъ какую-то маленькую казенную должность), ежедневно проходилъ пѣшкомъ почти отъ конца въ конецъ Парижъ и, прійдя въ Латин-

скій кварталъ въ скромную залу, арендованную для этого, безплатно обучалъ по изобрѣтенной имъ методѣ пѣнію нѣсколько сотъ молодыхъ людей, принадлежащихъ ко всѣмъ классамъ общества. Популярностью онъ пользовался огромной, но полубоги музыкальнаго міра всячески ему противодѣйствовали. Я съ нимъ познакомился и, списавшись предварительно съ вліятельными по этому отдѣлу лицами, пригласилъ его пріѣхать въ Петербургъ. Онъ меня послушался, но я вскорѣ сильно раскаялся въ томъ, что совершенно напрасно побезпокоилъ бѣднаго старика. Въ Петербургѣ рутинерство по этой части еще превосходитъ французское, и раздосадованный неудачей, послѣ отъѣзда Шёве изъ Петербурга, я уѣхалъ въ Дерптъ, гдѣ и написалъ, въ свое время надѣлавшую много шума въ Парижѣ, брошюру «Les musiciens contre la musique». Брошюра эта навлекла на меня, какъ и слѣдовало ожидать, громы французскаго музыкальнаго міра и нѣкоторыхъ критиковъ; одинъ изъ нихъ до того разошелся, что по смерти Галеви, вскорѣ затѣмъ послѣдовавшей, написалъ, что «содержаніе гнуснаго памфлета одного иностраннаго писателя много повліяло на его шаткое здоровье!»

Собравъ много свѣдѣній по театральному дѣлу, я поѣхалъ въ Петербургъ, но, убѣдившись, что пока изъ этого ничего не выйдетъ, снова вернулся въ Дерптъ и занялся изученіемъ всегда интересовавшаго меня тюремнаго вопроса, тоже впослѣдствіи влившаго немало горечи въ мою жизнь.

Графъ В. Соллогубъ.

ВАРШАВА ВЪ 1861 ГОДУ.

(Изъ памятной книжки).

БУДУЧИ, въ 1861 году, свидѣтелемъ того, что совершалось въ царствѣ Польскомъ, я вносилъ въ мою памятную книжку все мною видѣнное и слышанное. Теперь я рѣшился напечатать выдержки изъ этой книжки, на томъ основаніи, что, быть можетъ, эти строки пополнятъ пробѣлъ въ тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя уже имѣются въ разныхъ печатныхъ статьяхъ о послѣднихъ польскихъ смутахъ.

I.

Вызовъ мой въ Варшаву княземъ М. Д. Горчаковымъ.—Замѣна его Сухозанетомъ.—Свиданіе мое съ графомъ К. К. Ламбертомъ.—Первыя демонстраціи, видѣнныя мною въ Ковно и Остроленкѣ. — Отвѣтъ на мое письмо графа Ламберта.—Прибытіе мое въ Варшаву.—Хрулевъ, Крыжановскій.—Первый мой визитъ Сухозанету.—Софьяно.—Подвысоцкій.—Недозволеніе печатать мои корреспонденціи, не взирая на одобреніе ихъ намѣстникомъ.—Мнѣніе Сухозанета о междоусобной войнѣ въ Америкѣ. — Составъ варшавской администраціи.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1861 года, я былъ вызванъ намѣстникомъ царства Польскаго, княземъ Михаиломъ Дмитріевичемъ Горчаковымъ, «для составленія статей (въ русскія и иностранныя газеты), относящихся до Польши, по свѣдѣніямъ, которыя я могу собрать на мѣстѣ, и изъ источниковъ, которые мнѣ укажетъ намѣстникъ».

Мнѣ, однако же, не удалось застать въ живыхъ князя Горчакова, и я пріѣхалъ въ Варшаву, когда исправляющимъ должность намѣстника назначенъ былъ, бывшій въ то время военнымъ министромъ, Николай Онуфріевичъ Сухозанетъ.

Наканунѣ отъѣзда моего изъ Петербурга, я видѣлся съ графомъ Карломъ Карловичемъ Ламбертомъ, который предназначался въ то время на мѣсто варшавскаго генералъ-губернатора Мерхелевича[1]). Графъ Ламбертъ просилъ меня писать ему изъ Варшавы, такъ какъ онъ предполагалъ остаться въ Петербургѣ еще мѣсяца полтора, или два.

Вотъ письмо, которое я написалъ графу Ламберту, недѣли черезъ двѣ или три по моемъ пріѣздѣ въ Варшаву:

«Милостивый государь,

«графъ Карлъ Карловичъ.

«Прощаясь со мною въ Петербургѣ, ваше сіятельство просили меня сообщить вамъ впечатлѣнія, которыя произведетъ на меня Варшава въ настоящемъ ея положеніи.

«Исполняя желаніе ваше, позволю себѣ прежде сказать нѣсколько словъ о Ковно и Остроленкѣ, давшихъ мнѣ предварительное понятіе о характерѣ,—и въ особенности о двигателяхъ,—польскихъ уличныхъ смутъ.

«Въ Ковно, ожидая экипажа на улицѣ, я былъ пораженъ стеченіемъ народа, или, точнѣе, массы женщинъ, бѣжавшихъ въ костелъ Бернардинскаго монастыря, находящагося близъ почтовой станціи. Я вошелъ съ толпою въ церковь. Обѣдня, повидимому, кончилась, священникъ стоялъ на колѣняхъ предъ алтаремъ. Органъ сильно тянулъ одну ноту [2]).

«По входѣ въ церковь, всѣ становились на колѣна, и наконецъ, когда собралось уже человѣкъ двѣсти, водворилась въ храмѣ совершенная тишина.

«По прошествіи нѣсколькихъ минутъ, ксендзъ обратился къ толпѣ и, благословивъ ее, началъ пѣть извѣстный гимнъ объ освобожденіи Польши. Тотчасъ по окончаніи ксендзомъ гимна, послышались звуки органа, и всѣ присутствовавшіе хоромъ продолжали пѣть тотъ же гимнъ. Это продолжалось болѣе получаса.

«Большая часть присутствовавшихъ, какъ я сказалъ выше, состояла изъ женщинъ, но между ними было нѣсколько весьма дурно одѣтыхъ мужчинъ, принадлежавшихъ, повидимому, къ классу ремесленниковъ, и человѣкъ шесть-семь гимназистовъ—мальчиковъ, отъ

---

[1]) Это предположеніе, какъ извѣстно, измѣнилось впослѣдствіи, и графъ Ламбертъ явился въ Варшаву намѣстникомъ.

[2]) Я узналъ послѣ, что помощью органа, который слышался на улицѣ, сзывали паству въ церковь въ экстренныхъ случаяхъ.

12 до 14 лѣтъ, которые, во время пѣнія гимна, смѣялись и толкали другъ друга.

«Во время пѣнія вошелъ въ церковь и подошелъ ко мнѣ какой-то чиновникъ (судя по вицъ-мундиру) и шепотомъ на ухо сказалъ мнѣ: «Совѣтую вамъ оставить церковь, потому что васъ примутъ за шпека (шпіона) и могутъ прибить». Я, однако же, не нашелъ нужнымъ послѣдовать этому совѣту, и меня никто не тронулъ. По окончаніи пѣнія, ксендзъ вновь благословилъ свою паству, и всѣ разошлись.

«Въ почтовой конторѣ, куда долженъ былъ прибыть экипажъ, чтобы взять меня для дальнѣйшаго пути, многіе изъ публики разсказывали мнѣ, что народъ ежедневно собирается въ костелъ и поетъ революціонные гимны; что въ городѣ совершенно отсутствуетъ полицейская власть, что русскимъ нѣтъ житья отъ поляковъ, что губернаторъ отсутствуетъ и что поляки его ненавидятъ.

«Это было, такъ сказать, введеніемъ того, что я вижу въ настоящую минуту, ежедневно, въ Варшавѣ.

«Вторую демонстрацію я засталъ въ Остроленкѣ. Здѣсь многочисленная толпа, состоявшая изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, стремилась по направленію къ памятнику, воздвигнутому нами въ память войны 1830 года.

«Несли образа, кресты, хоругви, предшествуемые литаврами, предназначенными для сбора публики. Число женщинъ въ толпѣ преобладало, какъ нужно полагать, потому, что были будни, задержавшіе мужское населеніе на работѣ.

«Предводителемъ шествія былъ ксёндзъ, человѣкъ лѣтъ сорока. Онъ затянулъ гимнъ, слышанный уже мною въ Ковнѣ; толпа хоромъ вторила ему. Шествіе, въ этомъ порядкѣ, при пѣніи гимна, шло изъ церкви, чрезъ городскую площадь, къ памятнику, находящемуся почти внѣ города.

«Въ толпѣ, къ которой я присоединился, мнѣ показалось болѣе чѣмъ-страннымъ замѣтить четырехъ солдатъ, которые, съ обнаженными головами, сопровождали процессію. Полагая, что они поляки, я попросилъ спутника моего, хорошо владѣвшаго польскимъ языкомъ, спросить ихъ: что они тутъ дѣлаютъ и по случаю какого праздника у нихъ крестный ходъ? Оказалось, что солдаты русскіе православные, попольски ничего не понимаютъ и пришли изъ любопытства (это ихъ подлинныя слова) посмотрѣть, какъ хоронятъ польскую богородицу, которая «поихнему» умерла наканунѣ и завтра воскреснетъ по польской вѣрѣ.

«Когда голоса стихли и шествіе подошло къ памятнику, ксёндзъ влѣзъ на сколоченный изъ досокъ ящикъ и сдѣлался, такимъ образомъ, видимъ для всей толпы.

«По прочтеніи, шопотомъ, какой-то молитвы, онъ обратился къ

народу съ восклицаніемъ: «Братья, вѣрные поляки»! и съ неимовѣрно уродливыми, дикими жестикуляціями началъ проповѣдовать о бѣдствіяхъ, претерпѣваемыхъ Польшею подъ игомъ иноплеменныхъ; о гоненіяхъ, которымъ подвергалась и подвергается римско-католическая религія въ странѣ, гдѣ исполнители повелѣній власти хуже мусульманъ; о несчастномъ положеніи ограбленныхъ поселянъ, о необходимости свергнуть иго варваровъ; о готовности въ настоящую минуту всей Польши — какъ русской, такъ и прусской и австрійской—возстать поголовно и превратиться въ независимое государство. Ксёндзъ окончилъ слѣдующими словами: «Расходитесь, братья, по своимъ хатамъ! Чтобы каждый изъ васъ передалъ семейству и ближнимъ, что настала минута, когда Спаситель и Пресвятая Дѣва Марія, сжалившись надъ страдальцами-поляками, дозволили имъ возстать единодушно и жертвовать всѣмъ для того, чтобы возвратить утраченную ими, за грѣхи отцовъ, свободу. Счастливы, спасены и святы будутъ тѣ изъ васъ, которые лишатся жизни во славу отчизны и во спасеніе попранной религіи!»

«По окончаніи проповѣди, ксёндзъ сталъ на колѣна; за нимъ преклонилась вся толпа. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ совершеннаго молчанія, ксёндзъ осѣнилъ толпу крестнымъ знаменіемъ, и процессія, подъ его предводительствомъ, въ прежнемъ порядкѣ, двинулась по направленію къ церкви, съ пѣніемъ того же національнаго гимна.

«Отъ Ковна до самой Варшавы, я почти во всѣхъ городахъ слышалъ гимнъ этотъ, который пѣли женщины передъ костелами.

«По пріѣздѣ въ Варшаву, я остановился въ Европейской гостинницѣ, но въ тотъ же день переѣхалъ въ приготовленную для меня въ Зам̆кѣ квартиру.

«Все, что дѣлается здѣсь, на глазахъ моихъ, кажется мнѣ чѣмъ-то неестественнымъ: какое-то лихорадочное состояніе замѣчается въ нашей администраціи; она гоняется за какими-то призраками, съ которыми старается вступить въ борьбу. Уличныхъ безпорядковъ до сихъ поръ при мнѣ еще не было, если не считать безпорядками ежедневныя стеченія народа у костёловъ и на кладбищахъ, съ пѣніемъ все того же гимна.

«Смѣю думать, что не на Варшаву слѣдуетъ обращать главное вниманіе, а на всю Польшу, и преимущественно на дѣйствія духовенства, которое служитъ орудіемъ возбужденія массъ къ безпорядкамъ и несбыточнымъ надеждамъ поляковъ.

«Клерикальная партія дѣйствуетъ совокупно съ лицами, находящимися во главѣ предполагаемаго возстанія.

«Естественно, что, подъ предлогомъ освобожденія Польши, клерикалы и клевреты ихъ стараются пріобрѣсти власть надъ наро-

домъ и такимъ образомъ упрочить свое матеріальное благосостояніе, которое пошатнулось въ послѣднее время.

«Уличные безпорядки, какъ я полагаю, служатъ лишь осёлкомъ, на которомъ дѣлается проба нравственной и матеріальной силы нашей администраціи. Коноводы смѣются изподтишка надъ страхомъ, который они наводятъ на слабонервныхъ нашихъ администраторовъ.

«Въ заключеніе, еще разъ повторю: провинція для насъ, какъ я смѣю полагать, опаснѣе Варшавы».

На это письмо я получилъ отъ графа К. К. Ламберта слѣдующій лаконическій отвѣтъ:

«Merci pour votre charmante lettre!»...

Что нашелъ онъ милаго въ моемъ письмѣ,—недоумѣваю и до сихъ поръ.

Прибывъ въ Варшаву, я, по совѣту добраго пріятеля моего Степана Александровича Хрулева, отправился сперва къ Н. А. Крыжановскому, бывшему тогда начальникомъ штаба, дабы спросить у него, когда могу явиться къ исправляющему должность намѣстника. Крыжановскій принялъ меня очень радушно и сказалъ, что военный министръ давно меня ждетъ и что я могу тотчасъ же ѣхать къ нему въ Лазенки.

Н. О. Сухозанета я встрѣчалъ неоднократно въ Москвѣ, въ началѣ сороковыхъ годовъ, когда онъ тамъ командовалъ артиллеріей (зналъ я его, какъ весьма непріятнаго партнера въ вистъ). По пріѣздѣ моемъ въ Лазенковскій дворецъ (лѣтнее пребываніе намѣстника), я велѣлъ доложить о себѣ, и министръ тотчасъ же приказалъ пригласить меня въ свой кабинетъ.

Не видѣвши Сухозанета двадцать лѣтъ, я ужаснулся вліянію на него всеразрушающаго времени. Это былъ дряхлый, желтый, худой старикъ, полулежавшій въ вольтеровскомъ креслѣ. Онъ съ трудомъ поднялся, чтобы протянуть мнѣ руку, и тотчасъ посадилъ меня около себя.

— Быть можетъ:—началъ я,—вашему высокопревосходительству угодно будетъ измѣнить программу моихъ занятій въ Варшавѣ, и въ такомъ случаѣ, прежде чѣмъ приступить къ нимъ, попрошу приказать сообщить мнѣ эти измѣненія, дабы я могъ руководствоваться ими, или отказаться отъ непосильнаго труда.

— Нѣтъ, я не желаю никакихъ измѣненій и прошу васъ дѣлать то, что возлагалъ на васъ князь Михаилъ Дмитріевичъ, бывшій мой начальникъ и благодѣтель, память котораго для меня священна. Впрочемъ, мнѣ кажется, мы съ вами давно знакомы, еще по Москвѣ? Буду васъ просить пріѣзжать ко мнѣ помосковски: отобѣдать, а вечеркомъ мы съ вами будемъ бесѣдовать о политикѣ и нашихъ дѣлахъ.

Я поблагодарилъ его высокопревосходительство и поспѣшилъ

удалиться, такъ какъ къ нему вошелъ адъютантъ, державшій въ рукахъ какой-то ящикъ, присланный, по словамъ его, супругою военнаго министра [1]), да притомъ же и разговаривать мнѣ было уже не о чемъ съ полуумершимъ старцемъ.

Оглядѣвшись немного, ознакомившись съ городомъ, я принялся за дѣло, т. е. за корреспонденціи и за ежедневную записку, для которой получалъ матеріалы, по указанію военнаго министра, отъ управлявшаго дипломатическою канцеляріею намѣстника—Софьяно, и отъ завѣдовавшаго тайною полиціею—Подвысоцкаго, преемника маркиза Паулучи. Кромѣ того, я имѣлъ очень много свѣдѣній отъ С. А. Хрулева, съ которымъ видѣлся ежедневно, такъ какъ мы жили подъ одной крышей, въ Зàмкѣ, зимней резиденціи намѣстника царства Польскаго.

Русскія корреспонденціи мои, по предварительному соглашенію моему съ А. А. Краевскимъ, я долженъ былъ посылать въ редакцію «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», которыя въ то время издавалъ онъ съ Очкинымъ. Въ первой корреспонденціи я сообщалъ то, что было изложено мною въ письмѣ къ графу Ламберту. Не взирая на то, что корреспонденція была предварительно прочитана исправляющему должность намѣстника и имъ одобрена къ печати,— въ Петербургѣ ее не дозволили печатать. Та же судьба постигла и послѣдующія письма мои въ редакцію, чтò заставило меня прекратить сообщенія въ русскія газеты о томъ, что творится въ Польшѣ. Пришлось довольствоваться посылкою корреспонденцій въ «Indépendance Belge» (газету, получавшую отъ насъ субсидію) и въ «Nord», основанную, какъ извѣстно, на русскія деньги. Впрочемъ, занятій у меня было много, и притомъ весьма интересныхъ: каждое утро я читалъ тò, что совершалось за границей, по свѣдѣніямъ, получавшимся мною изъ дипломатической канцеляріи; ежедневно тоже знакомился я со всѣмъ, что творилось въ подпольномъ мірѣ Варшавы, по запискамъ, представляемымъ намѣстнику Подвысоцкимъ, и, наконецъ, читалъ множество русскихъ и иностранныхъ газетъ, изъ которыхъ извлекалъ наиболѣе интересныя статьи для прочтенія военному министру.

При этомъ, не могу умолчать объ одномъ изъ эпизодовъ при чтеніи мною Н. О. Сухозанету какой-то статьи о распрѣ Сѣверныхъ Американскихъ штатовъ съ Южными.

— Да скажите на милость,—вскричалъ военный министръ:— для чего они тамъ ссорятся и дерутся? Вѣдь и тѣ, и другіе—республиканцы! Что жъ имъ еще нужно?

Я объяснилъ его высокопревосходительству причину борьбы Сѣверной Америки съ Южною, но Н. О. все твердилъ свое и, наконецъ, сказалъ мнѣ:

---

[1]) Сухозанетъ былъ женатъ на княжнѣ Яшвиль, съ которой я былъ знакомъ тоже въ Москвѣ.

— Знаете что, любезный другъ! я уже отсталъ отъ времени, и новыхъ теорій и политическихъ порядковъ не понимаю; составьте-ка мнѣ объ этихъ штатахъ подробную докладную записку, которую я бы могъ обсудить въ свободное время.

Записки этой я, естественно, не составилъ и больше никогда ничего не сообщалъ Сухозанету объ американцахъ, о которыхъ онъ очень скоро и позабылъ.

Когда я пріѣхалъ въ Варшаву, то нашелъ тамъ слѣдующую администрацію:

Военно-административною частью завѣдовалъ начальникъ войскъ, расположенныхъ въ Варшавѣ и ея предмѣстьяхъ, извѣстный севастопольскій герой Степанъ Александровичъ Хрулевъ. Городъ былъ раздѣленъ, въ военно-административномъ отношеніи, на нѣсколько отдѣловъ, которые состояли въ вѣдѣніи генераловъ: Шейдемана (бывшаго когда-то адъютантомъ Сухозанета въ Москвѣ), Шепелева, Веселицкаго и четвертаго, фамилію котораго я забылъ.

Оберъ-полицеймейстеромъ былъ Развадовскій, при которомъ полиція въ городѣ въ сущности не существовала; изрѣдка только можно было встрѣтить полиціанта въ треуголкѣ, старавшагося всегда скрыться, когда что нибудь совершалось на улицѣ неладное. Полицейскіе были кровные поляки, сочувствовавшіе уличнымъ безпорядкамъ и революціоннымъ прокламаціямъ, которыя, среди бѣлаго дня, наклеивались на стѣнахъ угловыхъ домовъ и на заборахъ.

Генералъ-губернаторомъ былъ Мерхелевичъ (полякъ), искавшій популярности въ польской средѣ, но не достигшій своей цѣли по безтолковости дѣланныхъ имъ распоряженій и по чрезвычайно робкому своему характеру, который былъ причиною постоянной лихорадки, его не покидавшей.

Генералъ-лейтенантъ Алексѣй Петровичъ Мельниковъ (братъ бывшаго министра путей сообщенія) былъ варшавскимъ комендантомъ.

Начальникомъ штаба, какъ я уже упомянулъ выше, былъ генералъ Крыжановскій, имѣвшій огромное вліяніе на Сухозанета.

Негласными заправителями судебъ Польши были маркизъ Веліопольскій и дѣйствительный статскій совѣтникъ Енохъ (изъ евреевъ, креатура Веліопольскаго), человѣкъ очень ловкій, умѣвшій искусно ловить рыбу въ мутной водѣ и добившійся даже званія статсъ-секретаря [1].

---

[1]) Енохъ, не взирая на двойственную роль, которую онъ игралъ во все время послѣднихъ польскихъ смутъ, по выходѣ въ отставку получилъ большую пенсію и, какъ мнѣ говорили, былъ нашимъ тайнымъ агентомъ въ Парижѣ.

Замѣчательно, что между всѣми помянутыми лицами не только не господствовало никакого единства, но они другъ друга положительно ненавидѣли, а надъ Сухозанетомъ многіе изъ нихъ насмѣхались, называя его «выжившимъ изъ ума старикомъ».

II.

Неосновательное обвиненіе Сухозанета.—Наслѣдство, оставленное ему княземъ Горчаковымъ. — Предшествовавшія событія.—Мирославскій.—Его помилованіе королемъ прусскимъ.—Дѣйствія его, какъ главы красной партіи.—Бездѣйствіе нашей администраціи.—Первыя проявленія дѣятельности Мирославскаго. — Секретарь и казначей Мирославскаго—Куржина.—Безпорядки студентовъ медико-хирургической академіи и воспитанниковъ другихъ учебныхъ заведеній.—Безпорядки по поводу арестованія Янковскаго.—Пасквильная сцена въ театрѣ.—Безрезультатныя мѣры полиціи.—Надежда князя Горчакова открыть зерно заговора.—Уличная демонстрація 17-го ноября 1860 года.—Мальчишки и училищное начальство. — Пораженіе послѣдняго первыми. — Процессія 13-го февраля 1861 года.—Встрѣча двухъ враждебныхъ лагерей.—Сапожникъ Килинскій.—Подвиги Заболоцкаго.—Польскіе «апостолы-мученики».

Сухозанета многіе обвиняли въ томъ, что онъ не съумѣлъ быть на высотѣ своего призванія и не зналъ во̀ время совладать съ видимо подготовлявшимся возстаніемъ. Не считая себя въ правѣ защищать покойнаго военнаго министра, я, всетаки, нахожу справедливымъ указать на преклонныя лѣта Сухозанета, на его болѣзненное состояніе въ то время, когда его назначили исправляющимъ должность намѣстника царства Польскаго, а съ этимъ вмѣстѣ—и на то неотрадное наслѣдство, которое оставилъ ему его «благодѣтель», князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ.

Съ цѣлью указать на свойства этого наслѣдства, считаю нелишнимъ бросить бѣглый взглядъ на событія, совершавшіяся въ Польшѣ съ 1846 года. Въ это время, вслѣдствіе нераціональныхъ административныхъ мѣръ, направленныхъ противъ юношества, воспитывавшагося въ школахъ, образовалась за границей партія красныхъ, стремившаяся къ возстановленію Польши, какъ отдѣльнаго самостоятельнаго государства, путемъ вооруженнаго возстанія. Предводителемъ этой партіи явился Мирославскій. Человѣкъ страстный въ высшей степени, съ неукротимымъ, безпокойнымъ характеромъ, подъ вліяніемъ воспаленнаго воображенія и восторженнаго патріотизма, Мирославскій организовалъ отрядъ охотниковъ, которые, въ 1848 году, въ Познани, сражались съ прусскими войсками.

При нѣсколькихъ встрѣчахъ съ регулярнымъ прусскимъ войскомъ, Мирославскій доказалъ, что онъ весьма недурной стратегъ, вслѣдствіе чего произведенъ былъ своею партіею въ чинъ гене-

рала. Дѣйствія Мирославскаго, въ 1848 году, хотя и не имѣли не только никакихъ положительныхъ, но даже и приблизительно удовлетворительныхъ результатовъ для польскаго народнаго дѣла [1]), всетаки, были такъ рельефно-наглядны, заключали въ себѣ такой симпатичный, для того времени, престижъ, что пріобрѣли польскому выходцу популярность неимовѣрную,—популярность, которая, не взирая на послѣдующій, далеко не нравственный образъ жизни агитатора [2]), такъ развилась, что агенты Мирославскаго имѣли и въ шестидесятыхъ годахъ болѣе вліянія на массу, чѣмъ партія умѣренная, опасавшаяся слишкомъ сильныхъ манифестацій и демонстрацій, и въ особенности уличныхъ смутъ и столкновеній съ нашими войсками.

Въ 1856 году, Мирославскій нашелъ возможнымъ дѣйствовать съ бо̀льшею надеждою на успѣхъ. Въ это время многіе эмигранты (изъ возвращенныхъ по милостивому манифесту императора Александра Николаевича) явились въ Польшу и западныя губерніи эмиссарами Мирославскаго и Чарторыжскаго.

Ставъ открыто во главѣ заграничной польской партіи, Мирославскій объявилъ, что Польша можетъ быть возстановлена исключительно помощью молодаго поколѣнія и преимущественно молодыхъ людей, находящихся въ школахъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Вслѣдъ за этимъ онъ сталъ наводнять Познань, Галицію и царство Польское возмутительными прокламаціями, призывая жителей къ вооруженному возстанію.

Все это совершалось на глазахъ могущественныхъ европейскихъ державъ — Австріи, Пруссіи и Россіи, изъ коихъ первыя двѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за ходомъ событій. Вся нѣмецкая пресса вступила въ борьбу съ революціоннымъ началомъ; а мы находились въ совершенномъ бездѣйствіи и, не смотря на то, что должны были знать о существованіи въ Польшѣ двухъ партій, умѣренной и красной,— подъ вліяніемъ какой-то апатіи дали возможность обѣимъ партіямъ окрѣпнуть, сжиться съ мѣстностію и ея населеніемъ и привлечь къ себѣ множество адептовъ.

Партія умѣренная успѣла образовать огромную политическую корпорацію, подъ скромнымъ названіемъ земледѣльческаго общества; а красная—продолжала безнаказанно свою пропаганду въ царствѣ Польскомъ и западныхъ губерніяхъ.

Первыя проявленія дѣятельности партіи Мирославскаго начались въ 1859 году.

Лѣтомъ, въ этотъ годъ, студенты медико-хирургической академіи потребовали отмѣны отяготительнаго, будто бы, для нихъ

---

[1]) Мирославскій, какъ извѣстно, былъ захваченъ пруссаками, приговоренъ къ смертной казни, но помилованъ королемъ.

[2]) Онъ проигрывалъ въ карты деньги, высылаемыя ему отъ сборовъ въ церквахъ.

параграфа устава о курсовыхъ экзаменахъ. Естественно, что требованіе это не было удовлетворено. Тогда всѣ студенты, безъ исключенія, подали прошенія объ увольненіи ихъ изъ академіи. Разными путями уговорили, однако же, студентовъ взять просьбы ихъ назадъ; но тотчасъ же исключили многихъ изъ нихъ изъ академіи, въ томъ числѣ Куржину[1]), который, въ 1860 году, сдѣлался секретаремъ Мирославскаго и казначеемъ его для принятія суммъ, образующихся изъ сборовъ, которые дѣлались въ разныхъ городахъ и селеніяхъ царства Польскаго, въ особенности по церквамъ. Всѣ сборы эти, доходившіе до весьма значительныхъ суммъ, посылались Мирославскому въ Парижъ.

Въ 1860 году, неудовольствія воспитанниковъ учебныхъ заведеній развивались все болѣе и болѣе и выражались не только смѣло, но даже съ неимовѣрною наглостію. Училищное начальство, отыскивая тайный заговоръ въ явномъ неповиновеніи начальству молодежи, нарядило слѣдствіе, которое привело къ слѣдующему заключенію: «всѣ студенты академіи, всѣ воспитанники художественной школы и высшихъ классовъ реальныхъ гимназій явно выражаютъ революціонные принципы».

Училищное начальство не на шутку испугалось, потеряло совсѣмъ голову, нашло нужнымъ не принимать вовсе никакихъ мѣръ, уничтожило всякій надзоръ за воспитанниками и было очень довольно, когда послѣдніе оставляли его въ покоѣ.

Непредвидѣнное обстоятельство дало поводъ и случай воспитанникамъ учебныхъ заведеній устроить первую манифестацію въ Варшавѣ,—манифестацію, послужившую образцомъ послѣдующихъ уличныхъ безпорядковъ, въ которыхъ принимала участіе большая часть варшавскаго населенія.

Весною 1860 года, австрійское правительство арестовало въ Краковѣ отставнаго поручика русской службы Янковскаго и нашло нужнымъ передать его варшавскимъ властямъ.

Наркизъ Янковскій уличенъ былъ въ раздачѣ возмутительныхъ прокламацій и въ распространеніи революціонной пропаганды въ средѣ молодаго поколѣнія западныхъ губерній, царства Польскаго и Кракова.

Когда извѣстіе объ арестованіи Янковскаго дошло до студентовъ, они воспользовались похоронами вдовы генерала Совинскаго (убитаго во время штурма Вольскихъ укрѣпленій въ 1831 году) и, собравъ многочисленную партію, увлекли за собою огромную массу населенія, которая сопровождала шествіе отъ церкви до самаго кладбища. Изъ толпы вышли молодые ораторы, объяснившіе народу, до какой степени русская администрація жестоко поступаетъ съ людьми, посвятившими жизнь свою службѣ польской народно-

[1]) Портретъ Куржины продавался при мнѣ еще въ Варшавѣ безпрепятственно.

сти и стяжавшими вѣнецъ мученическій. Имя Янковскаго, какъ одного изъ этихъ мучениковъ, было произнесено на площади и записано народомъ «въ кровавый списокъ жертвъ, пострадавшихъ за свободу отчизны». Подробности этой первой манифестаціи слишкомъ извѣстны, и распространяться о нихъ я считаю излишнимъ.

Тотчасъ послѣ похоронъ Совинской, начали разсылать по городской почтѣ [1]) грозныя приказанія всѣмъ содержателямъ магазиновъ, лавокъ и торговыхъ заведеній о замѣнѣ французскихъ, нѣмецкихъ и русскихъ вывѣсокъ польскими, что̀ и было многими исполнено [2]). Потомъ, помощію тѣхъ же анонимныхъ писемъ, разосланныхъ по городской почтѣ, запрещалось публикѣ присутствовать на увеселеніяхъ, данныхъ по случаю прибытія въ Варшаву прусскаго принца и австрійскаго императора.

Осенью 1860 года, во время пребыванія въ Варшавѣ государя, розыгралась въ театрѣ пасквильная сцена, но не актерами, а зрителями: брошены были въ партеръ стеклянные шарики съ вонючею жидкостью, распространившею страшное зловоніе по всему театру. Нѣкоторые изъ коноводовъ этого пошлаго фарса были замѣчены и арестованы, но полицейская мѣра не повела ни къ чему: волненіе росло не по днямъ, а по часамъ.

При такомъ общемъ настроеніи умовъ, при такихъ удачныхъ результатахъ постоянныхъ усилій и настойчивости польскихъ партій, князь Горчаковъ, всетаки, надѣялся открыть зерно заговора помощью допросовъ (которымъ подвергались лица арестованныя), забывая, вѣроятно, что подобный результатъ, послѣ четырехлѣтняго съ нашей стороны бездѣйствія, былъ не только лишенъ вѣроподобія, но рѣшительно невозможенъ. Въ то время, когда слѣдственная коммиссія выбивалась изъ силъ, чтобы добиться признаній отъ арестованныхъ, агенты Мирославскаго дружно продолжали свою работу, и 17 ноября 1860 года, въ день годовщины мятежа 1830 года, сдѣлали еще одну уличную демонстрацію, въ которой приняли уже участіе 10,000 человѣкъ, въ числѣ которыхъ были лица, пользовавшіяся большимъ значеніемъ въ обществѣ.

Демонстрація эта, не взирая не ея колоссальность, оставлена была варшавскою админинистраціею безъ всякихъ послѣдствій. Анонимныя письма и пасквили разносились во всѣ концы города; на улицахъ появились конфедератки и разные фантастическіе костюмы; чиновниковъ и полицію оскорбляли и даже били; наконецъ, воспитанники варшавскаго благороднаго пансіона (которыхъ ученики реальной гимназіи обвиняли въ равнодушіи къ общественному дѣлу и въ недостаткѣ патріотизма) оффиціально по-

---

[1]) Городская почта была при мнѣ закрыта въ Варшавѣ.

[2]) Одинъ портной, не исполнившій этихъ приказаній, былъ почти до смерти избитъ мальчишками.

требовали отъ своего начальства удаленія изъ института всѣхъ русскихъ учениковъ.

Училищное начальство до того растерялось и перепугалось, что, съ разрѣшенія намѣстника, вступило въ переговоры съ мальчишками и упрашивало ихъ отказаться отъ своего требованія! Само собою разумѣется, что буйная молодежь, сильная безсиліемъ своего начальства, не согласилась, и желаніе ея въ точности было исполнено: русскіе были исключены изъ списковъ воспитанниковъ благороднаго пансіона!!

Считаю нужнымъ остановиться на этомъ маловажномъ на первый взглядъ, но въ сущности весьма знаменательномъ событіи. Какое понятіе могли себѣ составить воспитанники благороднаго пансіона о русской администраціи, входящей съ ними, чрезъ посредство училищнаго начальства, въ переговоры и испрашивающей у нихъ позволеніе оставить русскихъ воспитанниковъ въ пансіонѣ? Неестественно ли было, послѣ такихъ выходокъ, то усилившееся развитіе явнаго сопротивленія властямъ, которое, помощію времени, видимо крѣпло и приняло неожиданные размѣры?

Съ наступленіемъ 1861 года, разнесся слухъ о предстоящей процессіи 13-го февраля, по случаю годовщины Гроховскаго сраженія (1831 года). Сообщалось объ этомъ «торжественномъ народномъ шествіи» въ иностранныхъ газетахъ. Администрація наша, послѣ продолжительнаго желанія не вѣрить этому непріятному для нея извѣстію, нашлась, однако же, въ необходимости убѣдиться, что процессія дѣйствительно приготовляется, что въ ней приметъ участіе едва ли не все населеніе Варшавы и что изъ Паулинской церкви, изъ которой шествіе двинется на улицу, вынесутъ польское національное знамя.

Въ назначенный день (13-го февраля), въ три часа по полудни, полицейскіе коммиссары начали расчищать площадь «Стараго Мѣста» и снимать находящіяся на ней деревянныя лавочки, а распорядители процессіи посыпали площадь пескомъ. Первые, по секретному предписанію князя Горчакова, очищали площадь для того, чтобы кавалерія могла дѣйствовать свободнѣе и разгонять толпу; вторые, съ помощью народа, очищали и посыпали площадь для большей торжественности шествія. Два враждебныхъ лагеря сошлись на одномъ и томъ же пунктѣ, занимались одною и тою же работою, помогали одинъ другому для того, чтобы черезъ нѣсколько часовъ вступить въ борьбу. Наконецъ, въ 6 часовъ вечера, когда площадь была готова и когда примыкающія къ ней улицы покрылись густой массой народа (отъ 30—40 тысячъ человѣкъ), когда процессія, съ распущенными польскими знаменами, показалась изъ Паулинской церкви, — тогда только нашли нужнымъ прислать эскадронъ жандармовъ, которые устре-

мились на народъ, топтали его лошадьми, били плашмя саблями, многихъ ранили и, наконецъ, успѣли разогнать толпу.

Событіе это произвело такое сильное раздраженіе въ средѣ варшавскаго населенія, что бо́льшая часть членовъ земледѣльческаго Общества (державшихся въ сторонѣ во время манифестацій) нашли нужнымъ присутствовать при богослуженіи 15-го февраля, по поводу событія на «Старомъ Мѣстѣ», и при безпорядкахъ того же дня.

Въ сказанный день, многочисленная толпа выходила изъ улицы св. Яна къ Зàмковой площади, съ крестами, образами, хоругвями и портретами Килинскаго [1] (!!). Толпу приказано было остановить, и съ этою цѣлью посланы были на мѣсто казаки, безъ оружія, съ однѣми нагайками. Народъ кричалъ и грозилъ кидать камнями. Толпу на короткое время разогнали, но она съ разныхъ сторонъ собралась у Бернардинскаго костёла, въ которомъ совершалось отпѣваніе какого-то чиновника. Казакамъ приказано было препятствовать народу идти отъ этого костёла къ Зàмку (гдѣ жилъ намѣстникъ). Непослушнымъ сильно доставалось отъ нагаекъ, вслѣдствіе чего на лихихъ казаковъ посыпались камни. Въ свалкѣ, одна нагайка попала по монаху, внезапно появившемуся изъ костёла, съ крестомъ въ рукѣ. Масса разсвирѣпѣла. Въ это время генералъ Заболоцкій, видѣвшій во всякомъ сборищѣ неизбѣжную революцію и увѣренный, что причиною демонстраціи—земледѣльческое Общество, взялъ съ собою роту, которая, на всякій случай, была спрятана въ Примасовскомъ домѣ, и поспѣшилъ къ Намѣстниковскому плацу (гдѣ находился домъ, въ которомъ происходили засѣданія земледѣльческаго Общества). Пришедши туда (совершенно произвольно, потому что не получалъ ни отъ кого приказанія распоряжаться войсками), онъ замѣтилъ, однако, что тамъ и безъ этой роты войскъ довольно, а потому нашелъ нужнымъ возвратиться съ ротою въ Примасовскій домъ; но, при входѣ въ Козью улицу, Заболоцкій встрѣтилъ казака, съ извѣстіемъ, что около Зàмка, бунтовщики бросаютъ въ войска камнями и разбиваютъ даже гауптвахту. Услужливый генералъ повелъ роту по указанію казака, но въ узкой части Краковскаго предмѣстья едва могъ пробраться сквозь густую толпу. Изъ оконъ домовъ посыпались на солдатъ камни, кирпичи и бутылки. Солдатамъ оказалось не въ моготу подобное глупое, ни къ чему не ведущее путешествіе, тѣмъ болѣе, что раздался изъ оконъ выстрѣлъ. Заболоцкій остановился и сказалъ: «Ну, такъ и вы стрѣляйте!» Этого достаточно было, чтобы слова превратились въ дѣло: нѣко-

---

[1]) Имя простаго сапожника Килинскаго—имя историческое, народное для поляковъ. Онъ, въ 1794 году, былъ предводителемъ возстанія въ Варшавѣ, когда вырѣзаны были русскія войска, состоявшія подъ командою Игельштрома, спасеннаго преданностью своей любовницы. Килинскій былъ произведенъ поляками въ генералы.

торые изъ солдатъ выстрѣлили, и оказалось убитыми пять человѣкъ—Рутковскій (помѣщикъ 23 лѣтъ), Брендель (технологъ), Корчевскій (помѣщикъ), Адашкевичъ (плотникъ) и Арцихевичъ (гимназистъ). Портреты этихъ «пяти апостоловъ-мучениковъ», какъ ихъ называютъ поляки, продавались при мнѣ въ Варшавѣ, на всѣхъ перекресткахъ, и расходились въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ; а могила убитыхъ посѣщалась попреимуществу женщинами, которыя усыпали ее цвѣтами.

III.

Посѣщеніе намѣстника архіепископомъ Фіялковскимъ; упреки послѣдняго и его требованія. — Делегація. — Уничтоженіе ея. — Закрытіе земледѣльческаго Общества. — Катастрофа 27-го марта. — Снятіе русскаго орла и замѣна его бѣлымъ орломъ. — Безпорядки. — Графъ Замойскій. — Явный мятежъ на улицахъ. — Дѣйствія Хрулева. — Возстановленіе порядка войсками. — Кончина Горчакова. — Кратковременное управленіе Мерхелевича.

15-го февраля, въ день незабвенныхъ подвиговъ ретиваго Заболоцкаго, къ князю Михаилу Дмитріевичу Горчакову явился архіепископъ варшавскій Фіялковскій, въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ городскихъ обывателей, и, выразивъ строгіе упреки намѣстнику «за отвратительныя мѣры и за болѣе чѣмъ непозволительныя дѣйствія правительства русскаго» (подлинныя слова Фіялковскаго), архіепископъ тутъ же требовалъ (!!) отъ представителя царя русскаго, чтобы князь Горчаковъ немедленно разрѣшилъ образованіе, изъ среды городскихъ обывателей, делегаціи, для водворенія порядка въ городѣ и для возстановленія общаго спокойствія жителей.

Князь Горчаковъ долженъ былъ согласиться на это наглое требованіе, потому что самъ потерялъ голову, а надѣяться на содѣйствіе своихъ помощниковъ онъ не могъ ни въ какомъ случаѣ, ибо всѣ они обманывали его, въ чемъ онъ убѣдился 13-го и 15-го февраля. Такимъ образомъ, въ городѣ, принадлежащемъ Россіи, въ городѣ, находящемся въ управленіи правительства русскаго, образовалось другое правительство — революціонное.

Когда делегація (въ составъ которой вошли агенты всѣхъ польскихъ партій, безъ различія) исполнила свое дѣло, успокоивъ варшавскихъ обывателей тѣмъ, что съумѣла настоять на своемъ, администраторы наши, спавшіе долго летаргическимъ, сказочнымъ сномъ, вдругъ засуетились, и имъ пришла на умъ мысль (къ сожалѣнію, крайне опоздавшая), что делегація совершенно уничтожитъ значеніе нашего правительства, — значеніе, уничтоженное въ сущности не делегаціей, а событіями 13-го и 15-го февраля.

Однимъ почеркомъ пера делегація была уничтожена. Мѣра эта не могла не имѣть грустныхъ послѣдствій. Вкоренившееся въ народѣ неуваженіе къ русской административной власти, а съ этимъ вмѣстѣ одно лишь номинальное существованіе въ Варшавѣ полиціи[1]), возстановило снова въ городѣ совершенную анархію. Но этого мало: совѣтчики намѣстника уговорили князя Горчакова (который, вслѣдствіе сильныхъ нравственныхъ потрясеній, сдѣлался совершеннымъ ребенкомъ) уничтожить земледѣльческое Общество.

Но уничтоженіе земледѣльческаго Общества на самомъ дѣлѣ составляло только уничтоженіе его фирмы, ибо оно не прекратило своего существованія и стало дѣйствовать лишь съ бо̀льшей энергіей, съ бо̀льшей силой, съ бо̀льшимъ вредомъ для нашего правительства, потому что дѣйствовало подпольно.

Послѣдствіемъ уничтоженія земледѣльческаго Общества былъ рядъ безчисленныхъ манифестацій и демонстрацій, кончившихся второю катастрофою 27-го марта.

26-го марта[2]), съ ранняго утра, густыя массы народа, въ нѣсколько десятковъ тысячъ, хлынули на Повонзковское кладбище поминать пятерыхъ февральскихъ покойниковъ; оттуда зашли на еврейское кладбище въ знакъ братской вѣротерпимости[3]) (какъ увѣряли поляки) и, наконецъ, къ 3-мъ часамъ по полудни начали собираться у дома кредитнаго Общества, для устройства манифестаціи въ честь только-что закрытаго агрономическаго Общества. Коноводы вошли черезъ главный входъ залы и начали работать на балконѣ, около вывѣски императорскаго герба. Сначала закрыли двуглавый орелъ зеленью, такъ что остался видѣнъ

[1]) Даже евреи, народъ далеко не строптивый и не храбрый, били поліціантовъ днемъ; только тогда, когда еврею надоѣдала эта гимнастика, онъ бросалъ поліціанту злотъ, за который послѣдній лобызалъ руку жида.

[2]) Въ этотъ день были похороны возвращеннаго изъ Сибири Стобницкаго. Похоронная процессія представляла весьма оригинальную картину и дала возможность приверженцамъ національности проявить ее публично. За гробомъ Стобницкаго шло нѣсколько десятковъ человѣкъ въ польскихъ національныхъ костюмахъ, съ конфедератками краснаго, бѣлаго и голубаго цвѣта. Во время шествія, конфедератки расположились по цвѣтамъ и составляли такимъ образомъ родъ военнаго конвоя.

[3]) Въ сущности, вѣротерпимости тутъ никакой не было; къ тому же, для польскаго духовенства и для истыхъ поляковъ, вѣротерпимость—грѣхъ тяжкій. Дѣло было гораздо проще: директоръ школы раввиновъ былъ ненавидимъ какъ евреями, такъ и поляками. Ненависть эту выражали ему и прежде, при всякомъ удобномъ случаѣ. Когда толпа народа, 26-го марта, возвращалась съ Повонзковскаго кладбища, то вспомнили, что на еврейскомъ кладбищѣ похороненъ предшественникъ ненавидимаго директора школы раввиновъ, Тугенгольдтъ, и съ цѣлью выразить сочувствіе умершему и презрѣніе къ живому директору, пошли на могилу Тугенгольдта, у которой явившіеся ораторы произносили рѣчи, въ которыхъ мѣшали съ грязью живаго директора.

только бѣлый орелъ, находившійся на груди русскаго орла; по угламъ поставили четыре креста изъ бѣлыхъ лилій, а подъ бѣлымъ орломъ образъ Ченстоховской Божіей Матери. Потомъ перемѣнили декорацію: закрыли гербъ чернымъ крепомъ. Но вдругъ блеснула новая мысль и была приведена въ исполненіе: тотчасъ же принесли бѣлаго орла, сдѣланнаго изъ картонной бумаги, и подняли на балконъ. Послѣ троекратнаго подыманія и опусканія, орла этого приладили, наконецъ, кое-какъ къ крепу. Больше четверти часа раздавались крики радости и восторга. Генералъ-губернаторъ пріѣхалъ посмотрѣть, что тутъ творится. На вопросъ его: «Откуда набрали столько цвѣтовъ?» — кто-то изъ толпы отвѣчалъ: — «Намъ Литва и Украйна прислали цвѣтовъ!» Затѣмъ вся масса народа, построившись рядами, при пѣніи «Подъ твою защиту» и «Еще Польша не сгинѣла», съ бѣлымъ орломъ и фантастическимъ знаменемъ во главѣ шествія, направилась къ Новому Свѣту—къ дому графа Замойскаго[1]). Замойскій принялъ депутацію и поднесенный ему вѣнокъ и, отказавшись отъ остальныхъ предложеній депутатовъ, совѣтовалъ толпѣ разойдтись. Его послушали и стали расходиться.

Въ это время генералъ Хрулевъ (пріѣхавшій въ Варшаву 11 марта), по приказанію намѣстника, шелъ отъ Зàмка съ полуэскадрономъ жандармовъ и баталіономъ пѣхоты, черезъ Новый Свѣтъ къ дому кредитнаго Общества, дабы разогнать скопище и возстановить императорскій гербъ. На пути, Хрулевъ приказывалъ войскамъ по временамъ останавливаться и совѣтовалъ публикѣ разойдтись, но толпа не расходилась. За баталіономъ, посреди улицы какой-то уродъ, съ горбомъ спереди и сзади, страшно кривлялся, издѣваясь надъ войскомъ. Хрулевъ пришелъ къ дому кредитнаго Общества, но уже не засталъ бѣлаго орла на балконѣ, а потому возвратился къ Зàмку.

Тамъ выведенъ былъ на площадь, противъ толпившейся густой массы народа, другой баталіонъ пѣхоты. Выѣхалъ самъ намѣстникъ и приказалъ народу расходиться по домамъ, но толпа не расходилась и кричала, чтобы прежде убрали войско. Намѣстникъ объявилъ, что войска не тронутся до тѣхъ поръ, пока не разойдется толпа; въ противномъ случаѣ велитъ употребить силу. Тотчасъ послѣ этихъ словъ князя Горчакова, въ толпѣ послышались свистки и крики: «Ступай, старикъ, спать!» Намѣстникъ черезъ нѣсколько минутъ уѣхалъ, поручивъ начальнику штаба, Коцебу, уговаривать толпу разойдтись. Начальникъ штаба, послѣ тщетныхъ попытокъ, нашелъ нужнымъ ретироваться, предоставивъ окончить дѣло Хрулеву.

---

[1]) Замойскаго хотѣли везти въ кредитное Общество, оттуда въ церковь, чтобы короновать и провозгласить королемъ польскимъ, но онъ не рѣшился на этотъ рискованный подвигъ.

Тутъ начались переговоры. Хрулевъ совѣтовалъ толпѣ разойдтись, но безуспѣшно. Черезъ нѣсколько времени вновь явился Коцебу, съ приказаніемъ намѣстника не уводить войска, пока толпа не разойдется. Засимъ князь Горчаковъ прислалъ вторично приказаніе съ адъютантомъ своимъ Мейендорфомъ: «не уводить войскъ и въ случаѣ нужды стрѣлять». Хрулевъ продолжалъ уговаривать толпу. Между тѣмъ, два раза подъѣзжалъ къ Хрулеву адъютантъ намѣстника, съ приказаніемъ стрѣлять, если толпа не расходится.

Дѣло нужно было кончить, потому что уже смеркалось. Хрулевъ рѣшился прибѣгнуть къ новой мѣрѣ, не желая стрѣлять въ безоружныхъ и въ женщинъ, стоявшихъ впереди толпы. Онъ, объявивъ толпѣ, что, не стрѣляя, беретъ отвѣтственность на себя, съ тѣмъ, чтобы толпа немедленно разошлась и не собиралась, и вслѣдъ за симъ велѣлъ войскамъ уйдти съ площади. Этотъ маневръ удался Хрулеву, и толпа разошлась.

Намѣстникъ дѣлалъ Хрулеву вѣжливые упреки за ослушаніе, но въ сущности былъ очень доволенъ, что дѣло обошлось безъ пролитія крови.

На слѣдующій день, 27 марта, часу въ шестомъ вечера, толпы народа снова, тысячами, хлынули на Зáмковскую площадь изъ всѣхъ ведущихъ къ ней улицъ.

Страшно было видѣть, какъ эта густая масса, въ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ, полупьяная, ревѣла и ломилась впередъ къ Зáмку, готовая все опрокинуть и разрушить [1]). Въ толпѣ не было ни женщинъ, ни дѣтей.

---

[1]) Въ Варшавѣ находилась цѣлая колонія такъ называемыхъ выробниковъ (wyrobniki — поденщики), жившихъ на берегахъ Вислы въ маленькихъ близь лежащихъ улицахъ, помѣщаясь со своими женами и дѣтьми, лѣтомъ въ сараяхъ, подвалахъ и разныхъ коморкахъ, а зимою — въ шахтахъ, гдѣ производится складъ дровъ, сплавляемыхъ по Вислѣ. Эти выробники обложены были податью (не знаю, продолжается ли это до настоящаго времени), собираемою съ нихъ чрезъ посредство полиціи, въ количествѣ 27 грошей съ человѣка. Самый сборъ подати съ выробниковъ былъ очень затруднителенъ, потому что они не имѣли постояннаго мѣста жительства и безпрестанно переходили изъ одного помѣщенія въ другое: изъ погреба—въ шахту, изъ сарая—въ погребъ, а иногда даже просто на улицу, проводя ночь на углу какого нибудь дома, въ грязномъ глухомъ переулкѣ, или на пустопорожнемъ мѣстѣ. Выробники всячески старались избавиться отъ внесенія требуемой съ нихъ подати и прибѣгали для того къ разнымъ уловкамъ, къ разнымъ средствамъ, изъ которыхъ самое отчаянное, по ихъ мнѣнію, была больница. Они записывались въ больницы на недѣлю и болѣе, наговаривали на себя всякаго рода болѣзни, которыми, естественно, никогда не страдали. По истеченіи извѣстнаго срока, смотря по обстоятельствамъ, выробники выписывались изъ больницы, брали медицинское свидѣтельство о мнимой своей болѣзни, не позволявшей имъ работать, и такимъ образомъ избавлялись отъ платежа подати на три мѣсяца. По свѣдѣ-

Хрулеву было приказано вывести войска на площадь и разогнать толпу. Пять ротъ были расположены имъ фронтомъ къ центральнымъ улицамъ, съ полуэскадрономъ жандармовъ впереди и двумя сотнями казаковъ позади.

Едва показались войска, какъ изъ толпы послышались крики: «долой войска, долой!»

Полицейскій чиновникъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ, съ барабанщикомъ, пробрался въ средину толпы и послѣ троекратнаго барабаннаго боя прочелъ объявленіе, которымъ требовалось, именемъ закона, чтобы скопища разошлись, съ предупрежденіемъ, что, въ случаѣ неповиновенія, будетъ употреблена вооруженная сила.

Толпа отвѣчала криками, угрозами и ругательствами. Три раза повторялось чтеніе объявленія съ промежуткмми 10-ти минутъ, и каждый разъ безуспѣшно.

Не оставалось болѣе ничего, какъ употребить силу.

Полуэскадронъ жандармовъ двинулся впередъ малою рысью, осадилъ толпу къ тротуару и остановился. Офицеры уговаривали толпу разойдтись, но тщетно: буйство толпы усиливалось и скопище все дѣлалось гуще. Жандармы три раза возобновляли натискъ, разгоняя толпу саблями плашмя, толпа пятилась и тотчасъ же съ бо́льшею силою стремилась впередъ. Отважнѣйшіе изъ толпы бросались на жандармовъ съ палками и кидали въ нихъ камнями: два офицера и восемь рядовыхъ получили сильные ушибы. Послышались выстрѣлы изъ оконъ сосѣднихъ домовъ. Тогда жандармы были отведены въ резервъ, и выдвинуты впередъ три роты пѣхоты: одна къ Краковскому предмѣстью, другая къ Подвальной улицѣ, а третья къ Слѣпой. Послѣдняя рота разогнала скопившіяся тамъ для барикадъ извозчичьи коляски, которыя пробрались, однако же, въ Сенато́рскую, гдѣ вторично устроили барикады.

Войскамъ приказано было зарядить ружья, но офицеры, по приказанію Хрулева, все еще убѣждали толпу разойдтись и предваряли о послѣдствіяхъ ослушанія. Но всѣ усилія были напрасны. Тогда пѣхота бросилась впередъ и стала разгонять народъ прикладами. Средство это помогло лишь на короткое время: толпа росла съ неимовѣрной быстротой и неистово ревѣла. Оставалась

ніямъ, мною собраннымъ, въ бытность мою въ Варшавѣ, выробниковъ считалось тамъ отъ 15—20 тысячъ человѣкъ.

Во всѣхъ демонстраціяхъ и уличныхъ безпорядкахъ выробники принимали самое горячее участіе, получая отъ коноводовъ по 15 и 20 копѣекъ на человѣка.

На эту массу бездомныхъ и голодныхъ администрація наша не находила нужнымъ обратить вниманіе и оставила выробниковъ въ полномъ распоряженіи красной партіи.

крайняя мѣра: велѣно было стрѣлять. Головной полувзводъ далъ одинъ залпъ по Подвальной и Краковскому предмѣстью.

Минутная тишина водворилась послѣ выстрѣловъ; толпы скрылись въ улицахъ, но не надолго. Раздались снова крики и ругательства; посыпались камни, и толпа съ новою силою устремилась впередъ. Головные взводы бросились, чтобы захватить предводителей безчинствъ.

Вслѣдъ затѣмъ раздалось пѣніе революціонныхъ гимновъ со стороны Сенатòрской; толпа, при входѣ въ улицу, стала на колѣна. Туда посланы были линейные казаки, по приближеніи которыхъ толпа скрылась за извозчичьи коляски, образовавшія барикады, и начала бросать въ казаковъ камнями. Линейцы были отведены назадъ. Упорство толпы на этомъ пунктѣ вынудило дать новый залпъ по Подвальной и Краковскому предмѣстью. Доружки (извозчичьи коляски) разсѣялись, и по Сенатòрской было сдѣлано еще пять залповъ. Такое же упорство толпы на Маріенштадтской улицѣ, послѣ атаки линейцевъ, заставило дать нѣсколько выстрѣловъ въ ту сторону и, наконецъ, въ Пивную. Это были послѣдніе выстрѣлы. По данному сигналу тревоги, войска появились изъ казармъ съ разныхъ сторонъ, и толпы народа скоро разсѣялись.

Такъ кончились безпорядки 27-го марта. Войска остались бивуакировать на сборныхъ мѣстахъ; а на другой день разбили палатки на четырехъ площадяхъ города.

Въ войскахъ нашихъ ранено и контужено палками и камнями 35 нижнихъ чиновъ. Въ толпѣ мятежниковъ, на мѣстахъ свалки, поднято убитыхъ 10, раненыхъ 5; прочихъ раненыхъ, ушедшихъ или унесенныхъ, по свѣдѣніямъ, собраннымъ полиціею, было 108, изъ коихъ, по прошествіи двухъ недѣль, умерло 17 человѣкъ. Тѣла убитыхъ не были выданы жителямъ, чтобы не подать повода къ новой манифестаціи.

Болѣзнь и весьма скоро послѣдовавшая за нею кончина князя Горчакова поставили Варшаву въ положеніе чисто анархическое: не только исчезло всякое повиновеніе и уваженіе къ власти, но и самая власть не подавала никакого признака существованія. Кратковременное управленіе генерала Мерхелевича доказало еще болѣе безсиліе администраціи. Мерхелевичъ, вмѣсто того, чтобы дѣйствіями своими заставить уважать себя, вздумалъ искать популярности. При Мерхелевичѣ возросъ религіозный фанатизмъ, раздуваемый ксендзами, и духъ своеволія всецѣло сталъ прививаться къ низшему классу населенія.

Таково было положеніе дѣлъ въ Варшавѣ до прибытія военнаго министра; таково было наслѣдство, оставленное княземъ М. Д. Горчаковымъ Н. О. Сухозанету.

IV.

Прибытіе въ Варшаву военнаго министра.—Первая мѣра, приведенная въ исполненіе Сухозанетомъ.—Бестактный пріемъ купечества.—Возобновленіе безпорядковъ.—Лица, вліявшія на военнаго министра.—Безсиліе администраціи.—Прокламаціи.—Какъ доходили въ Петербургъ извѣстія о происходившемъ въ Варшавѣ.—Назначеніе графа Ламберта и Герштенцвейга.—Отъѣздъ Сухозанета и пріѣздъ графа Ламберта.—Эпизодъ при прощаніи съ Сухозанетомъ.—Придуманная Хрулевымъ овація Ламберту.—Знакомство мое съ Герштенцвейгомъ.—Переѣздъ графа Ламберта изъ Лазенокъ въ Замокъ.—Похороны Фіялковскаго.—Размолвка Герштенцвейга съ графомъ Ламбертомъ.—Дуэль.—Отъѣздъ графа Ламберта изъ Варшавы на островъ Мадеру, его женитьба и смерть.

Какъ ни важны были обстоятельства, принявшія особенно знаменательный характеръ въ глазахъ Западной Европы, какъ ни очевидны были приготовленія поляковъ къ возстанію общему, какъ ни явенъ былъ нравственный упадокъ нашей администраціи въ краѣ, военный министръ, по пріѣздѣ своемъ въ Варшаву, не придалъ всему этому особенной важности и былъ убѣжденъ, что броженіе умовъ, грозившее взволновать всю массу народа польскаго, прекратится само собою.

Первые три или четыре дня пребыванія его въ Варшавѣ ознаменовались наружнымъ спокойствіемъ, или, точнѣе, какою-то сдержанностью, потому болѣе, что никто не зналъ, какой системы намѣренъ былъ придерживаться новый правитель; но чрезъ короткое время все пошло попрежнему.

Первая мѣра, которую полуумершій Сухозанетъ нашелъ нужнымъ привести въ исполненіе въ Варшавѣ,—мѣра, возбудившая всеобщій ропотъ и насмѣшки,—состояла въ отдачѣ приказанія, чтобы всѣ жители снимали передъ нимъ шапки. Вслѣдъ затѣмъ послѣдовалъ крайне безтактный пріемъ купечества,—пріемъ, сдѣлавшійся предметомъ безчисленнаго множества статей въ юмористическихъ заграничныхъ газетахъ. За симъ, не смотря на грозный конвой Н. О. Сухозанета (безъ котораго онъ никуда не показывался), не взирая на строгій приказъ о шапкахъ и даже на распущенные въ городѣ слухи, что, въ случаѣ неисполненія приказа, будутъ стрѣлять картечью, начался цѣлый рядъ уличныхъ манифестацій, болѣе или менѣе серьёзныхъ, имѣвшихъ лишь одну цѣль: дѣлать противное приказаніямъ и предписаніямъ и по мѣрѣ возможности проявлять полное неуваженіе къ администраціи.

По дряхлости, старости и болѣзни, военный министръ не могъ составить себѣ яснаго понятія о положеніи ввѣреннаго ему края, не могъ даже дать себѣ отчета, для чего онъ былъ посланъ въ Варшаву? Говорятъ, что поводомъ къ этому назначенію послужило

знаніе имъ польскаго языка, которому онъ научился, командуя когда-то артиллеріею въ Польшѣ. Сухозанетъ, естественно, подпалъ подъ вліяніе лицъ, его окружавшихъ, и притомъ такихъ, какими были: Крыжановскій, Енохъ и Веліопольскій.

При Сухозанетѣ уличныя безчинства, во главѣ которыхъ постоянно находились ксендзы, превратились въ какія-то сатурналіи. Люди умные, добросовѣстные, правдивые, какъ, напримѣръ, С. А. Хрулевъ, Павелъ Петровичъ Липранди (корпусный командиръ) и Алексѣй Петровичъ Мельниковъ (комендантъ), отстранились отъ него, не желая быть свидѣтелями тѣхъ насмѣшекъ, которымъ военный министръ подвергался чуть не ежедневно.

Безсиліе русской администраціи дошло до того, что строгія прокламаціи Сухозанета, наклеиваемыя на всѣхъ углахъ варшавскихъ улицъ, немедленно были срываемы въ глазахъ полиціи и на ихъ мѣсто наклеивались прокламаціи революціонныя, которыя оставались неприкосновенными по нѣсколько сутокъ. Трудно повѣрить, но это фактъ: въ Замкѣ во всѣхъ корридорахъ наклеены были революціонныя прокламаціи.

Нужно замѣтить, что все творившееся въ Варшавѣ тщательно скрывалось мѣстною администраціею, и въ Петербургъ доходили свѣдѣнія о настоящемъ положеніи дѣлъ въ подвластномъ намъ городѣ путями окольными,—путями, къ которымъ относились съ недовѣріемъ и часто даже крайне недружелюбно. Главный принципъ, которымъ руководились лица, окружавшія намѣстника, заключался въ томъ, чтобы никого не обезпокоить.

Подобная система управленія не могла, однако же, въ концѣ концовъ, не имѣть самыхъ грустныхъ послѣдствій: противоборство, духъ самой наглой оппозиціи проникъ во всѣ слои народонаселенія; религіозный фанатизмъ, при явномъ содѣйствіи клерикальной партіи, скрывавшей свое темное дѣло подъ широкоразвернутымъ знаменемъ римско-католической церкви, развился съ силою потрясающею.

Народъ смотрѣлъ на всякое распоряженіе, на всякое проявленіе послѣднихъ признаковъ умирающей власти, какъ на безсознательное движеніе безнадежно больнаго.

Все это вызвало мысль назначить въ Варшаву болѣе свѣжаго человѣка, на мѣсто Сухозанета,—и графъ Карлъ Карловичъ Ламбертъ, предназначавшійся на мѣсто варшавскаго генералъ-губернатора, явился туда въ качествѣ намѣстника; а генералъ-губернаторомъ былъ назначенъ генералъ-адъютантъ Александръ Даниловичъ Герштенцвейгъ.

Въ назначеніи графа Ламберта играло немалую роль то обстоятельство, что онъ былъ католикъ, слѣдовательно не могъ не быть по вкусу полякамъ вообще и ксендзамъ въ особенности.

Всѣ неополячившіеся русскіе обрадовались этому назначенію,

полагая, что наконецъ дерзость и нахальство поляковъ будутъ укрощены новымъ намѣстникомъ, пріѣхавшимъ въ Варшаву съ большими полномочіями.

Здѣсь остановлюсь на забавномъ эпизодѣ при прощаніи Сухозанета, въ Лазенковскомъ дворцѣ, въ которомъ уже поселился наканунѣ графъ Ламбертъ.

Всѣ мы приглашены были по этому случаю повѣстками. Собралось въ залѣ Лазенковскаго дворца немало публики. Дверь въ кабинетъ намѣстника, гдѣ находились отъѣзжающій Сухозанетъ и прибывшій графъ Ламбертъ, была затворена, и мы съ полчаса дожидались выхода военнаго министра. Наконецъ, онъ появился, и притомъ, видимо, въ самомъ веселомъ расположеніи духа.

Н. О. подходилъ къ каждому изъ присутствовавшихъ, жалъ руку, благодарилъ, съ нѣкоторыми цѣловался и произнесъ за симъ рѣчь, обращенную ко всѣмъ и тронувшую самого оратора до слёзъ.

Таково было прощаніе наше съ военнымъ министромъ, котораго я увидалъ послѣ въ Петербургѣ, не у дѣлъ, безъ всякихъ конвоевъ, а за карточнымъ столомъ, къ которому онъ охотно приглашалъ «своихъ варшавскихъ сослуживцевъ», какъ онъ выражался.

Минутъ черезъ пять появился изъ кабинета графъ Карлъ Карловичъ, въ генеральскихъ эполетахъ безъ звѣздочекъ, такъ какъ онъ былъ произведенъ, передъ отъѣздомъ своимъ въ Варшаву, въ генералы отъ кавалеріи.

Сдѣлавъ общій поклонъ всѣмъ намъ, онъ подходилъ къ знакомымъ и жалъ имъ руку; Хрулева пригласилъ къ себѣ на чай въ тотъ же день вечеромъ; я тоже удостоился этой чести.

По возвращеніи изъ Лазенокъ, мы отправились съ Хрулевымъ обѣдать въ англійскую гостинницу Букереля и предполагали, что за предстоящимъ намъ, въ 9 часовъ, вечернимъ чаемъ намѣстника, онъ попроситъ насъ, какъ старыхъ знакомыхъ, разсказать всю правду о томъ, что творилось и творится въ Варшавѣ. Но, увы! наши предположенія оказались невѣрными: графъ Ламбертъ разсказывалъ намъ очень много о Петербургѣ, о милостяхъ, которыхъ удостоился, о томъ, что онъ настоялъ на назначеніи варшавскимъ генералъ-губернаторомъ Герштенцвейга, и, наконецъ, о своемъ пріятелѣ Ѳ. М. Веригинѣ, котораго уговорилъ состоять при немъ. О событіяхъ варшавскихъ вовсе не «трактовалось», и графъ, прощаясь, объявилъ намъ, что послѣзавтра посѣтитъ Варшаву, заѣхавъ предварительно въ Зàмокъ.

По дорогѣ изъ Лазенокъ, Хрулевъ сказалъ мнѣ, что придумалъ для Ламберта великолѣпную встрѣчу у Зàмка. И дѣйствительно, онъ ее устроилъ очень своеобразно, но ловко.

Черезъ нѣсколько дней мы прочли въ иностранныхъ газетахъ «объ оваціи, которую сдѣлали польскія дамы высшаго общества симпатичному графу, новому намѣстнику, призванному помощію либеральныхъ нововведеній доставить спокойствіе и счастье угнетенной странѣ».

Послѣ этого я довольно часто ѣздилъ къ графу Ламберту обѣдать, но о дѣлахъ мы съ нимъ ничего не говорили. Онъ познакомилъ меня съ А. Д. Герштенцвейгомъ, по пріѣздѣ послѣдняго въ Варшаву, сказавъ, что это его истинный другъ.

Съ Герштенцвейгомъ я сблизился, и онъ поручалъ мнѣ отъ времени до времени редакцію разныхъ записокъ, касавшихся Польскаго края.

При переѣздѣ изъ Лазенокъ въ Зàмокъ, графъ Ламбертъ, попавшій всецѣло въ руки польскихъ монаховъ и ксендзовъ, совершилъ неимовѣрную безтактность: онъ велѣлъ отслужить въ Зàмкѣ молебенъ католическимъ духовенствомъ, тогда какъ въ Зàмкѣ существуетъ православная церковь. Это крайне удивило всѣхъ русскихъ и вызвало даже порицаніе нашего православнаго варшавскаго архіепископа, который нашелъ поступокъ новаго намѣстника вполнѣ вреднымъ для русскаго дѣла, для русскаго достоинства.

Но всѣ эти замѣчанія и уличные безпорядки, начавшіеся вслѣдъ за переѣздомъ въ городъ намѣстника, не помогли русскому дѣлу въ Варшавѣ, потому что графъ Ламбертъ оказался орудіемъ клерикаловъ, и орудіемъ самымъ покорнымъ, притомъ пустымъ человѣкомъ, крайне фальшивымъ и ярымъ католикомъ.

Скандальныя похороны митрополита Фіялковскаго, отсутствіе на улицахъ во время этой процессіи, по требованію делегатовъ отъ города, только-что введенной русской полиціи (генераломъ Потаповымъ, командированнымъ съ этою цѣлью въ Варшаву изъ Москвы, гдѣ онъ былъ оберъ-полицеймейстеромъ), пѣніе революціонныхъ гимновъ подъ аккомпанементъ оркестра, шедшаго за гробомъ, шествіе всѣхъ монашескихъ католическихъ орденовъ и бархатныя подушки съ коронами польскою и литовскою — переполнили терпѣніе русскихъ.

Самъ графъ Ламбертъ, окруженный свитою и высшими чинами русской администраціи, чрезвычайно спокойно смотрѣлъ изъ оконъ Зàмка на эту революціонную демонстрацію, находя ее, вѣроятно, вполнѣ легальной, такъ какъ она была устроена католическимъ духовенствомъ.

У Герштенцвейга съ графомъ Ламбертомъ вскорѣ произошелъ сильный разладъ, который сталъ очень часто выражаться при свидѣтеляхъ и окончился американскою дуэлью на узелки, послѣдствіемъ которой было самоубійство Герштенцвейга и внезапный

отъѣздъ графа Ламберта за границу, на островъ Мадеру, гдѣ онъ вскорѣ и умеръ, женившись предварительно на своей кузинѣ.

По прошествіи четверти столѣтія, когда я вспоминаю о томъ, что видѣлъ въ Варшавѣ, то мнѣ кажется, что это былъ сонъ, а не дѣйствительность. Предо мною представляются какія-то лица, лишенныя разсудка, рѣшившіяся розыгрывать кровавую драму съ шутовской обстановкой.

Этимъ я оканчиваю мои воспоминанія о Варшавѣ,—воспоминанія, которыя до сихъ поръ возбуждаютъ во мнѣ чувство сильно удручающее.

И. А. Арсеньевъ.

НОВЫЯ ДАННЫЯ ДЛЯ ИСТОРІИ НАЧАЛА ЦАРСТВОВАНІЯ ЕКАТЕРИНЫ II [1]).

VI.

РИ ОЖИВЛЕННЫХЪ переговорахъ объ австрійско-русскихъ дѣлахъ, Мерси постоянно находился въ сношеніяхъ съ важнѣйшими сановниками. Его отзывы о министрахъ Екатерины заслуживаютъ полнаго вниманія. Впрочемъ, при этомъ не должно упускать изъ виду, что неблагопріятные отзывы о вліятельныхъ лицахъ при русскомъ дворѣ главнымъ образомъ обусловливаются неудачею его дипломатической миссіи.

Какъ извѣстно, Н. И. Панинъ былъ сторонникомъ прусско-русскаго союза. Его-то Мерси наиболѣе ненавидѣлъ. Въ донесеніяхъ австрійскаго дипломата имя Панина очень часто упоминается вмѣстѣ съ именемъ Кейзерлинга, пользовавшагося тогда особеннымъ довѣріемъ Екатерины и игравшаго важную роль въ польско-русскихъ дѣлахъ. Мерси доносилъ, между прочимъ, въ августѣ 1762 года: «Удивительно, что Кейзерлингъ, при своемъ незначительномъ умѣ, нашелъ средства пріобрѣсть столь большое довѣріе здѣшней государыни, что она считаетъ его однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ государственныхъ людей» и пр. (46). Панинъ и Кейзерлингъ въ донесеніяхъ Мерси называются часто «неблагомыслящими» (übel gesinnte) людьми (напр., 377, 421, 506). Австрійскій дипломатъ по-

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXVI, стр. 336.

стоянно надѣялся на то, что Панинъ такъ или иначе лишится милости государыни, и однажды чрезвычайно радовался тому, что Екатерина по какому-то случаю была очень недовольна Кейзерлингомъ (630).

Соперничество между Бестужевымъ и Панинымъ заставляло графа Мерси думать, что Панинъ въ концѣ концовъ будетъ удаленъ отъ двора. Бестужевъ говорилъ графу Мерси, что онъ надѣется скоро низвергнуть Панина и что тогда воспитаніе великаго князя Павла Петровича будетъ довѣрено «другому, благомыслящему лицу» (510). Въ августѣ 1763 года, Мерси доносилъ, что «Панинъ почти низвергнутъ, но что нельзя разсчитывать на прочность его паденія». «Къ тому же»,—прибавлено въ донесеніи австрійскаго дипломата,—«вскорѣ прибудетъ сюда графъ Кейзерлингъ, и не будетъ недостатка въ новыхъ интригахъ»[1]). Немного спустя, Мерси доносилъ, что Бестужевъ предложилъ императрицѣ отправить Панина въ Швецію въ качествѣ русскаго дипломата, но что Екатерина оставила этотъ полезный совѣтъ безъ вниманія (582).

Въ октябрѣ 1763 года, Мерси писалъ: «Дѣлопроизводство здѣсь болѣе чѣмъ когда либо въ безпорядкѣ. Вліяніе графа Бестужева, уже нѣсколько недѣль тому назадъ, упало въ значительной степени, Панинъ же тѣмъ болѣе является постояннымъ совѣтникомъ: не то, чтобы царица къ нему болѣе расположена, но потому, что здѣсь нѣтъ никого, кто бы могъ давать ей совѣты, согласные съ ея превратною политикою. Вице-канцлеръ князь Голицынъ очень мало пользуется ея довѣріемъ, а фаворитъ графъ Орловъ не въ состояніи самъ по себѣ вникать въ дѣла» (636).

Мерси до того ненавидѣлъ Панина, что писалъ въ концѣ 1763 года: «Панинъ во время своего посольства въ Швеціи далъ много доказательствъ способности своей выдумывать ложные документы» (713). Въ борьбѣ между Панинымъ и Бестужевымъ графъ Мерси желалъ успѣха послѣднему. Онъ доносилъ въ ноябрѣ 1763 года: «Такъ какъ Бестужевъ въ польскихъ дѣлахъ твердо и непоколебимо высказалъ свое мнѣніе противъ графа Понятовскаго, то съ каждымъ днемъ его все болѣе исключаютъ изъ тайныхъ совѣщаній русской государыни. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, здѣшняя государыня питала такую ненависть къ Панину, что тогда ничего такъ страстно не желала, какъ по-добру отъ него отдѣлаться. Кредитъ этого министра не будетъ продолжаться долго, и если графъ Бестужевъ проживетъ еще нѣкоторое время, онъ съумѣетъ такъ направить дѣло, что русская государыня будетъ наконецъ вынуждена дать ему участіе въ дѣлахъ» (692).

---

[1]) Вмѣсто «интригахъ» въ русскомъ переводѣ «интересахъ». Такія неточности и промахи, къ сожалѣнію, встрѣчаются довольно часто въ этихъ переводахъ изданій историческаго Общества.

Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ, какъ извѣстно, при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ былъ главнымъ сторонникомъ Австріи, завзятымъ противникомъ Пруссіи. Немудрено поэтому, что графъ Мерси обрадовался его возвращенію ко двору въ самомъ началѣ царствованія Екатерины II. Опала Бестужева, начавшаяся въ 1758 году, продолжалась недолго. Въ концѣ іюля 1762 года, Мерси, донося о его пріѣздѣ въ Петербургъ, замѣтилъ, что по поводу возвращенія Бестужева у него собралось такое множество лицъ, что почти невозможно было подъѣхать къ его дому. Мерси поспѣшилъ отправить къ Бестужеву одного изъ своихъ чиновниковъ и велѣлъ сказать ему, что ему, графу Мерси, будетъ особенно пріятно познакомиться съ столь великимъ и заслуженнымъ государственнымъ министромъ (21). «Возлѣ Бестужева,—писалъ Мерси далѣе,—графъ Воронцовъ не будетъ имѣть никакого значенія. Разсказывали, что Бестужевъ сильно жаловался на причиненную ему несправедливость и выразилъ свои мысли относительно дѣлъ, находя государственную повозку весьма глубоко завязшею и не зная, можно ли и какимъ образомъ вытащить ее?» (23).

Между Бестужевымъ и графомъ Мерси вскорѣ завязались довольно близкія сношенія. Чрезъ Бестужева австрійскій дипломатъ узнавалъ о многихъ тайнахъ въ государственныхъ дѣлахъ Россіи; нескромность Бестужева доходила до крайнихъ предѣловъ, онъ употреблялъ всѣ возможныя средства для того, чтобы удержаться при дворѣ, расширить кругъ вліянія, вредить соперникамъ и обезпечивать свои личные интересы. Мерси видѣлъ въ немъ корыстолюбиваго интригана, но долженъ былъ снискивать его дружбу и довѣріе, надѣясь, что Бестужевъ станетъ поддерживать интересы Австріи (26, 32). Въ августѣ 1762 года, Мерси доносилъ: «Бывшій канцлеръ (т. е. Бестужевъ) доселѣ остается вѣренъ своимъ старымъ основнымъ правиламъ касательно прежней, наивыгоднѣйшей для двора его системы и необходимости положить предѣлъ прусскому преобладанію. Меня увѣряли, что графъ Бестужевъ свободно и твердо высказалъ въ конференціи таковыя свои мысли» (47).

Бестужевъ былъ увѣренъ, что его катастрофа въ 1758 году была результатомъ австрійскихъ происковъ (79), чтò, впрочемъ, нисколько не соотвѣтствовало ходу дѣла [1]). Мерси неоднократно объяснялъ Бестужеву, что его предположенія на этотъ счетъ лишены основанія и что его раздраженіе по этому поводу основано на недоразумѣніи (415).

Графъ Мерси былъ въ восхищеніи отъ необычайныхъ способностей Бестужева (82), но въ то же самое время онъ сомнѣвался въ его нравственности, считая его не безъ основанія легко доступ-

---

[1]) См. нѣкоторыя данныя объ этомъ эпизодѣ въ моемъ сочиненіи «Екатерина II», стр. 84 и 85.

нымъ для подкупа человѣкомъ (81). Неоднократно Мерси писалъ о громадномъ значеніи, которое имѣли и въ это время для Бестужева деньги (599 и 609). Къ тому же Мерси находилъ Бестужева раздражительнымъ, не терпящимъ противорѣчія, «деспотомъ» (ein wahrer Tyrann) (96), всегда склоннымъ къ интригамъ (97).

Вліяніе Бестужева на дѣла, по мнѣнію графа Мерси, было очень сильнымъ въ это время. Другіе сановники, какъ, напр., Воронцовъ, кабинетъ-секретарь Олсуфьевъ и пр., были лишены значенія. Бестужевъ теперь мстилъ имъ за ихъ участіе въ его удаленіи отъ двора въ 1758 году. Екатерина считала тогда И. И. Воронцова главнымъ виновникомъ катастрофы канцлера [1]; Олсуфьевъ же былъ редакторомъ манифеста, публикованнаго при паденіи Бестужева (83). Въ одномъ изъ донесеній Мерси сказано, что на Бестужева въ Петербургѣ смотрятъ какъ на перваго министра (Premier-Minister) (181). Къ тому же Бестужевъ увѣрялъ графа Мерси, что его мысли постоянно направлены къ общему благу обоихъ императорскихъ дворовъ, что эти мысли онъ сохранитъ до могилы и не раньше успокоится, «пока снова не будетъ совершенно возстановлено между двумя великими императрицами прежнее доброе согласіе и дѣятельное единомысліе» (415).

Въ разговорахъ съ графомъ Мерси Бестужевъ часто жаловался на Панина и указывалъ на необходимость сближенія съ фаворитомъ императрицы, Орловымъ. Этимъ объясняется агитація Бестужева въ пользу брака Екатерины съ Орловымъ (472, 585); честолюбіе Бестужева заставляло его хлопотать о княжескомъ достоинствѣ для Орлова (601) и пр.

До чего доходилане скромность Бестужева въ бесѣдахъ съ графомъ Мерси, видно изъ того обстоятельства, что онъ нерѣдко весьма невыгодно отзывался о личности императрицы. Такъ, напр., онъ, въ августѣ 1763 года, «горько жалуясь на свою государыню, замѣтилъ, что сдѣлалъ бы лучше, если бы совсѣмъ удалился отъ дѣлъ, такъ какъ онъ не пользуется должнымъ довѣріемъ, заслуженнымъ имъ неутомимымъ усердіемъ и важными услугами при разныхъ случаяхъ». «Графъ Бестужевъ»,—доносилъ Мерси далѣе,—«съ большою живостью сказалъ, что шаткій образъ мыслей его государыни, самомнѣніе, далеко превышающее ея силы, и химерическое намѣреніе превзойдти всѣхъ своихъ предшественниковъ, не исключая даже Петра I, въ проницательности, ловкости и опытности—таковы главныя причины того, что въ дѣлахъ ничто не удается и сдѣлано столько ошибокъ, что невозможно и предвидѣть, какъ онѣ могутъ быть когда либо исправлены. Въ особенности же, увѣрялъ меня графъ Бестужевъ, одно изъ главныхъ заблужденій его государыни состоитъ въ желаніи ея подражать королю прус-

[1]) См. мое соч. «Екатерина II», стр. 86.

скому, подобно ему управляя государствомъ, одною, безъ совѣтниковъ, принимая столь же быстрыя рѣшенія и предпринимая невозможныя дѣла, въ увѣренности, что величайшія трудности не могутъ противостоять ея могуществу, но что все должно совершаться согласно ея волѣ, безъ малѣйшаго возраженія» (577—578). Другой разъ Бестужевъ говорилъ графу Мерси: «Императрица даетъ свои приказанія то тому, то другому и часто столь различно, что отъ этого могутъ воспослѣдовать лишь запутанность и промахи» (661—662). Воспроизводя такія замѣчанія Бестужева, графъ Мерси совершенно справедливо обращаетъ вниманіе князя Кауница на то обстоятельство, что бывшій канцлеръ, не успѣвшій пріобрѣсти главнаго мѣста въ управленіи дѣлами, оскорбленный небезусловнымъ довѣріемъ Екатерины, увлекается и что все это должно быть принято въ соображеніе при оцѣнкѣ его отзывовъ о Екатеринѣ (665).

О другихъ сановникахъ въ донесеніяхъ графа Мерси почти вовсе не говорится. Воронцовъ, отстаивавшій кое-когда мысль о союзѣ съ Австріею (48 и 59), не имѣлъ никакого вліянія. Къ тому же онъ казался австрійскому дипломату неспособнымъ и безхарактернымъ (82). Не играя никакой болѣе важной роли (425) и оскорбивъ императрицу своею оппозиціею противъ ея брака съ Орловымъ (510), онъ собирался уѣхать въ Италію. До отъѣзда онъ у себя устроилъ великолѣпное празднество, въ которомъ участвовала императрица и къ которому были приглашены иностранные дипломаты (556).

Совершенно ничтожны замѣчанія о Голицынѣ (52), о Мюнхихѣ (201) и пр. За то не лишенъ интереса вопросъ о «добромъ другѣ», чрезъ котораго Мерси узнавалъ, разумѣется, за деньги кое-какія подробности о дѣлахъ. Уже при разборѣ XVIII-го тома «Сборника историческаго Общества» мы указали на этотъ вопросъ о «добромъ другѣ» и выразили желаніе, чтобы сдѣлалось извѣстнымъ, кто былъ этотъ партизанъ австрійскаго посольства [1]). Къ сожалѣнію, и во второмъ томѣ донесеній Мерси не встрѣчается данныхъ, разъясняющихъ этотъ вопросъ, хотя объ этомъ «добромъ другѣ» говорится очень часто, особенно осенью 1763 года. Это загадочное лицо во всякомъ случаѣ занимало при дворѣ довольно видное мѣсто. Такъ, напр., Мерси пишетъ 22 августа 1763 года: «Добрый другъ начинаетъ пріобрѣтать бо́льшее довѣріе и уваженіе своей государыни. Я при всякомъ случаѣ нахожу въ немъ прежняго благомыслящаго человѣка» (610). Чрезъ него Мерси узнавалъ объ отношеніяхъ Россіи къ другимъ державамъ, о совѣщаніяхъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и пр. (626). Онъ иногда даже оказывалъ прямое вліяніе на дѣла (635), задерживая, напр., заключеніе русско-прусскаго трактата и пр. Съ нимъ Мерси бесѣдовалъ иногда при

[1]) См. наши замѣчанія на этотъ счетъ въ «Др. и Нов. Россіи», 1878, III, 185—187.

торжественныхъ придворныхъ собраніяхъ (653). Изъ одного донесенія Мерси, которое было «перлюстровано», русское правительство узнало о такихъ сношеніяхъ австрійскаго дипломата съ «добрымъ другомъ» (688), однако, какъ кажется, послѣдній не пострадалъ отъ этого, потому что не узнали его имени.

Впрочемъ, «добрый другъ» самъ не былъ посвященъ въ главныя тайны политической дѣятельности Екатерины. Такъ, напр., онъ зналъ о перепискѣ императрицы съ Фридрихомъ II вообще, не имѣя понятія о содержаніи этихъ важныхъ писемъ (публикованныхъ въ XX-мъ томѣ «Сборника историческаго Общества»). Мерси замѣчаетъ: «Ни добрый другъ, ни даже довѣреннѣйшій секретарь Елагинъ, ни кто другой не посвященъ въ тайную переписку царицы. Вышеозначенный добрый другъ повѣдалъ мнѣ, что упомянутая переписка ведется очень часто и хранится въ особомъ столѣ, ключъ отъ котораго находится въ рукахъ здѣшней государыни» (694). А въ другомъ мѣстѣ: «Когда извѣстный добрый другъ при случаѣ старался въ бесѣдѣ съ государынею узнать кое-что о неподписанномъ еще прусскомъ договорѣ, то царица не пожелала высказаться передъ нимъ ни единымъ словомъ» и пр. (706—707).

Нѣтъ сомнѣнія, что имя «добраго друга» часто встрѣчается на страницахъ исторіи этой эпохи; однако, пока мы не знаемъ, кто былъ царедворецъ, или чиновникъ, получавшій отъ Австріи деньги за сообщеніе государственныхъ тайнъ. Остается желать, чтобы кто либо занялся изслѣдованіемъ этого вопроса, рѣшеніе котораго мы считаемъ легко возможнымъ.

VII.

Положеніе императрицы Екатерины въ первое время ея царствованія было далеко небезопаснымъ. Происходили кое-какіе безпорядки въ войскѣ, въ особенности же въ гвардейскихъ полкахъ. Являлись претенденты на престолъ. Говорили о кандидатурѣ бывшаго императора Іоанна Антоновича, находившагося въ это время въ Шлюссельбургской крѣпости; разсуждали о правахъ Павла Петровича на престолъ, такъ что Екатерина могла быть лишь правительницею до совершеннолѣтія ея сына. Происходили бунты. Были покушенія на жизнь Орлова и пр.

Обо всемъ этомъ современники узнавали немного. Правительство не могло желать, чтобы публика знала о такихъ эпизодахъ, о политическихъ преступникахъ, о слѣдствіяхъ, производимыхъ по случаю такихъ смутъ.

Тѣмъ болѣе оказываются достойными вниманія данныя, относящіяся къ этимъ событіямъ и встрѣчающіяся въ донесеніяхъ графа Мерси. Изъ многихъ замѣчаній австрійскаго дипломата ви-

дно, что и онъ считалъ положеніе Екатерины въ это время чрезвычайно опаснымъ.

О кончинѣ императора Петра III въ Ропшѣ Мерси доносилъ 24 іюля 1762 года: «Низложенный русскій императоръ былъ въ Ропшѣ до того неумѣренъ въ пищѣ и питьѣ, что заболѣлъ сильнѣйшею рѣзью въ желудкѣ; а какъ во время этого припадка онъ потребовалъ еще различныхъ напитковъ, которые и были безразсудно поданы людьми, приставленными прислуживать ему, то необычайное количество пищи и всякаго рода крѣпкихъ напитковъ произвели воспаленіе, отъ коего онъ черезъ 24 часа и скончался» (8).

Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ о кое-какихъ безпорядкахъ въ казармахъ гвардейскихъ полковъ. Мерси также упоминаетъ объ этихъ событіяхъ, замѣчая, что при дворѣ сильно безпокоились по этому поводу (36). Указывая на грозящую императрицѣ со стороны войска опасность, Мерси пишетъ: «Такъ какъ нынѣ царствующая государыня вступила на русскій престолъ столь необычайнымъ образомъ, то не можетъ не признать сама, что она, безъ всякаго законнаго права, обязана таковымъ особенно счастливымъ успѣхомъ единственно случайному стеченію многихъ совершенно непредвидѣнныхъ обстоятельствъ. При этомъ государынею должно всегда руководить основательное опасеніе и осторожность въ отношеніи ея иностраннаго происхожденія и существованія цѣлаго семейства, происходящаго отъ царской крови [1]). Поэтому совершенно естественно, что первое помышленіе и забота ея будутъ направлены главнымъ образомъ, даже почти исключительно, къ сохраненію за собою и возможно большему недавно начавшагося ея правленія» (43—44).

Нѣкоторыя, пока, неизвѣстныя черты о безпорядкахъ въ войскѣ встрѣчаются въ донесеніи графа Мерси отъ 22 августа 1762 года. Тутъ сказано: «Нѣсколько солдатъ изъ Семеновскаго и Измайловскаго гвардейскихъ полковъ затѣяли между собою перебранку, причемъ первые упрекали послѣднихъ, что они предали своего законнаго государя и тѣмъ причинили ему смерть. Этотъ споръ на словахъ мало-по-малу до того разгорѣлся въ смежныхъ казармахъ этихъ гвардейскихъ полковъ, что нѣкоторые недовольные, продолжая ссору, свободно высказали слѣдующее: несправедливо было возвести на престолъ иностранную принцессу безъ всякаго права или присужденія, а какъ императора Петра III нѣтъ уже въ живыхъ, то слѣдуетъ искать законнаго государя въ лицѣ принца Ивана. Нѣкоторые, разгорячившись, утверждали даже, что упомянутый принцъ проживаетъ скрытно въ Петербургѣ и нашелъ средство тайно убѣжать изъ Шлюссельбурга, гдѣ былъ заключенъ до тѣхъ поръ. Когда о такомъ смятеніи немедленно дано было знать

[1]) Т. е. Іоанна Антоновича и его родственниковъ.

ко двору, гдѣ извѣстіе это возбудило величайшее безпокойство, то тотчасъ былъ посланъ въ казармы камергеръ Орловъ, чтобы усмирить это начинавшееся возстаніе и предотвратить его дальнѣйшее развитіе. Но когда камергеръ Орловъ прибылъ въ Преображенскій гвардейскій полкъ, то былъ удаленъ оттуда солдатами съ бранью. Рѣчи ихъ становились все возбужденнѣе, такъ что нѣкоторые солдаты хотѣли даже взяться за оружіе. Къ разъяренному войску вторично послали Орлова и другихъ знатныхъ офицеровъ, которымъ удалось наконецъ увѣщаніями и раздачею денегъ усмирить ихъ и склонить къ спокойному возвращенію въ свои казармы. При этомъ случаѣ во многихъ мѣстахъ города были разставлены удвоенные пикеты; нѣкоторые изъ гвардейскихъ офицеровъ посажены въ крѣпость, а также приняты разнаго рода мѣры, указывавшія на немалое безпокойство. А какъ впродолженіе двухъ последовавшихъ дней между простымъ народомъ продолжали распространяться возмутительныя рѣчи, то и войско не переставало роптать и, между прочимъ, жаловалось, что ему не дозволили при возмущеніи ограбить пребывающихъ здѣсь иностранцевъ, присовокупляя, что новая императрица еще не коронована и можетъ еще не достичь короны. Кромѣ того, неумолкаемо и открыто шла рѣчь о принцѣ Иванѣ. Между тѣмъ дворъ сдѣлалъ уже распоряженіе—немедленно перевезти упомянутаго принца Ивана, который дѣйствительно находился еще въ Шлюссельбургѣ, оттуда въ мѣстечко, лежащее на крайней границѣ Финляндіи, посреди озера и извѣстное подъ именемъ Нишлота. Затѣмъ поспѣшили внушить войскамъ, что принцъ Иванъ отнюдь не находится на свободѣ, какъ они думаютъ. Не смотря на то, не всѣ недовольные успокоились вполнѣ, а опасенія двора еще болѣе подтвердились тѣмъ, что солдаты своднаго изъ различныхъ гвардейскихъ полковъ баталіона, отправленнаго въ Москву, при прибытіи въ Новгородъ, отказались идти далѣе, чтобы, какъ они выразились, дождаться прежде своихъ слѣдовавшихъ за ними товарищей, и хотя эти упрямцы и были усмирены, на сколько это было возможно, но все же спокойствіе новаго правительства не представляется достаточно обезпеченнымъ. Въ прошедшее воскресенье, при дворѣ, на лицахъ всѣхъ замѣтно было явное смущеніе и, не смотря на то, что тщательно старались, на сколько возможно, скрывать истинное положеніе дѣлъ, не прекратившіяся совершенно среди народа опасныя рѣчи только яснѣе указывали на все еще угрожавшую опасность» (48—51).

Государственный переворотъ 1762 года имѣлъ главнымъ образомъ характеръ военнаго бунта. Екатерина была обязана престоломъ заступничеству офицеровъ и солдатъ. Теперь же послѣдніе считали себя въ правѣ при случаѣ распоряжаться короною въ пользу Іоанна Антоновича. Разсказъ о перебранкѣ солдатъ встрѣчается и въ донесеніяхъ англійскаго дипломата, находившагося въ

то время въ Петербургѣ[1]). Упоминается объ этомъ эпизодѣ и въ другихъ источникахъ [2]), но у графа Мерси мы встрѣчаемъ болѣе подробныя данныя. Замѣчанія о безпорядкахъ въ Новгородѣ могутъ считаться новостью. Австрійскій дипломатъ и въ сентябрѣ возвращается къ этому предмету, замѣчая: «Хотя много труда и усилій стоило побудить остановившійся въ Новгородѣ баталіонъ продолжать дальнѣйшій походъ въ Москву, но все же это волненіе нѣсколько улеглось; не смотря на то, при такомъ огнѣ, продолжающемъ тлѣть подъ пепломъ, никакъ нельзя считать положеніе новаго правительства вполнѣ упроченнымъ, ни съ достовѣрностью предвидѣть успѣхи его въ будущемъ» (135).

Послѣ того какъ весь дворъ, а вмѣстѣ съ нимъ и иностранные дипломаты отправились въ Москву, гдѣ происходило торжество коронаціи, графъ Мерси и оттуда доносилъ, что положеніе императрицы Екатерины должно считаться опаснымъ. Въ октябрѣ онъ писалъ: «Со времени первыхъ проявленій неудовольствія, высказаннаго вскорѣ по кончинѣ прежняго царя, въ Петербургѣ, посреди гвардейскихъ полковъ, безпокойное настроеніе не только безпрерывно продолжалось, но и распространилось до здѣшней древней столицы Россіи. Большая часть націи казалась разъ навсегда нерасположенною къ иностранному происхожденію новой государыни. Постоянно вспоминали о принцѣ Иванѣ, и не смотря на всѣ старанія, приложенныя къ тому, чтобы подготовить жителей этого города къ сочувственному пріему новой императрицы, все же было невозможно достигнуть въ этомъ случаѣ желаемаго, такъ что русскій народъ, при въѣздѣ государыни, выразилъ лишь общее любопытство, обыкновенно вызываемое каждымъ новымъ общественнымъ зрѣлищемъ. Внѣ этого не было никакой возможности побудить публику къ выраженію малѣйшей радости или удовольствія, и радостныя восклицанія нѣкотораго числа деньгами подкупленныхъ людей дали мнѣ тѣмъ яснѣе понять, что недовольные дѣйствительно составляютъ большинство. Между этими послѣдними даже находилось нѣсколько такихъ, возгласы которыхъ были направлены на молодаго великаго князя, и они называли его своимъ императоромъ» (164). Немного дальше Мерси пишетъ о самой церемоніи: «Торжественное коронованіе русской императрицы совершилось скорѣе въ безпорядкѣ, чѣмъ съ особенною пышностью, а также при весьма немногихъ проявленіяхъ радости со стороны народа, хотя не было упущено ничего изъ виду, чтобы наилучшимъ образомъ возбудить его къ тому» (165). И дальше: «Побуждали народъ къ радостнымъ кликамъ часто повтореннымъ бро-

---

[1]) «Сборникъ ист. Общ.», XII. 38.

[2]) У Мейнерцгагена, въ брошюрѣ де-ла-Марша: «Nouveaux memoires ou anecdotes», въ запискахъ Позье и Державина.

саніемъ въ него денегъ, и когда клики эти раздались очень громко, то императрица обратилась ко мнѣ со слѣдующими замѣчательными словами, что теперь можно видѣть, какъ народъ привыкъ къ ней и что я могу самъ засвидѣтельствовать это, а если существуютъ люди, говорящіе противное, то они крайне ошибаются» (169). А затѣмъ: «Императрица подошла къ окну и велѣла указать мнѣ мѣсто у ближайшаго окна. Ея величество сама кидала много денегъ въ народъ, для котораго въ это время на дворцовой площади било вино изъ фонтана и раздавалось жареное мясо и другіе съѣстные припасы. Не смотря на это угощеніе, народъ отнюдь не казался расположеннымъ къ истинной радости, и все время бросалось въ глаза искусственное и принужденное настроеніе» (171).

Въ другомъ донесеніи Мерси сообщаетъ о заговорѣ въ пользу Павла въ Москвѣ, объ арестованіи нѣкоторыхъ офицеровъ гвардіи. «Неудовольствіе это»,—замѣчаетъ австрійскій дипломатъ,—«тѣмъ замѣтнѣе, что оно проявилось послѣ коронованія императрицы» (202). Немного спустя, Мерси замѣчаетъ, что заговорщики намѣревались «посадить на престолъ великаго князя Павла или принца Ивана». «Различіе мнѣній»,—сказано далѣе въ донесеніи австрійскаго дипломата,—«относительно выбора одного изъ этихъ принцевъ съ самаго начала возбудило между ними большія затрудненія въ соглашеніи по этому предмету. Обстоятельство это, а равно и нѣсколько неосторожныхъ рѣчей и мѣръ выдали ихъ, а арестъ заговорщиковъ тотчасъ же разсѣялъ грозу» (231).

При такомъ положеніи будущее Россіи представлялось графу Мерси въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. «Легко усмотрѣть»,—писалъ онъ въ ноябрѣ,—«что здѣшняя самодержица имѣетъ много поводовъ опасаться какъ за настоящее, такъ и за будущее, и что правительство ея едва ли [1]) достигнетъ той степени спокойствія, чтобы въ полной и дѣйствительной мѣрѣ имѣть возможность обратить вниманіе свое на внутреннее устройство и благосостояніе государства. Всѣ его основы нынѣ поколеблены, а такъ какъ государыня считаетъ нужнымъ для удержанія себя на престолѣ казаться снисходительною, то изъ сего проистекаетъ, что каждый старается извлечь пользу изъ этого обстоятельства самымъ выгоднымъ для себя образомъ. Отъ того происходитъ много несправедливостей, монополій и разныхъ другихъ безпорядковъ, прекратить которые будетъ трудно въ будущемъ, и вся Русская монархія можетъ подвергнуться совершенному разрушенію» (232).

И въ томъ обстоятельствѣ, что великій князь Павелъ Петровичъ хворалъ часто и также во время пребыванія двора въ Москвѣ былъ серьезно боленъ, Мерси видѣлъ страшную опасность, грози-

---

[1]) «Schwerlich» не можетъ быть переведено «съ трудомъ», какъ это сдѣлано въ этомъ мѣстѣ въ изданіи истор. Общества.

шую престолу Екатерины. Не даромъ онъ въ своихъ донесеніяхъ очень часто возвращался къ этому предмету (155, 198, 200, 203). Въ ноябрѣ онъ писалъ: «Великій князь избѣжалъ опасности, которою угрожала ему болѣзнь; однако, организмъ его, крайне слабый и недужный, подаетъ весьма мало надежды на сохраненіе этого молодаго принца, а потому здѣсь легко могутъ произойдти такія событія, которыя нанесутъ могучій ударъ Русскому государству» (стр. 233, см. также стр. 391).

Слѣдствіе, произведенное надъ ростовскимъ митрополитомъ, Арсеніемъ Мацѣевичемъ, не произвело особеннаго впечатлѣнія на графа Мерси. Говоря о секуляризаціи духовныхъ имуществъ (305, 393, 445, 461), онъ лишь слегка касается этого эпизода. За то онъ нѣсколько разъ говоритъ о преслѣдованіи недовольныхъ, объ арестованіи заговорщиковъ, о приверженцахъ Іоанна Антоновича и пр. Сообщивъ нѣкоторыя подробности объ опасности, грозившей Екатеринѣ со стороны Шлюссельбургскаго узника и его родственниковъ, находившихся въ то время въ Холмогорахъ, Мерси замѣчаетъ: «Изъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ несомнѣнно явствуетъ, что какъ правительство царицы, такъ и престолонаслѣдіе болѣзненнаго великаго князя могутъ еще подвергнуться многимъ удивительнымъ случайностямъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые гвардейскіе офицеры не боятся утверждать, что имъ хорошо извѣстно, что царица не болѣе какъ дочь прусскаго генерала» (408—409).

Мерси оставался убѣжденнымъ въ шаткости положенія Екатерины тѣмъ болѣе, что, какъ ему казалось, императрица не пользовалась популярностью въ народѣ. Послѣ возвращенія въ Петербургъ онъ писалъ лѣтомъ 1763 года: «Хотя царица и ея доброжелатели здѣсь, также какъ и въ Москвѣ, дѣлаютъ все возможное, чтобы привлечь на свою сторону недовольные умы, но все же при въѣздѣ ея, народъ, нѣсколько сотъ человѣкъ изъ котораго было закуплено деньгами, не выказалъ ни малѣйшей радости; въ особенности же солдаты кричали «ура» съ насмѣшкою. Такое продолжающееся неудовольствіе возбуждаетъ въ ней немало безпокойства и опасенія. Я могъ ясно убѣдиться въ тотъ же вечеръ, что она весьма близко принимаетъ къ сердцу неуваженіе къ ея особѣ столько же дворянства, сколько и народа, и потому она была въ дурномъ расположеніи духа. Къ сему еще слѣдуетъ замѣтить, что между лицами, взятыми подъ стражу въ Москвѣ, находятся три приверженца императрицы, а именно: камергеры Хитрово и Ласунскій и гвардіи маіоръ Рославлевъ; послѣдній производитъ тѣмъ большее впечатлѣніе, что онъ былъ у нея въ большой милости. Изъ всего этого, впрочемъ, нельзя вывести заключенія о вѣроятности продолжительнаго правленія царицы; можно думать, что огонь, по крайней мѣрѣ, еще нѣкоторое время будетъ тлѣть подъ пепломъ». (548—549).

Достоинъ вниманія слухъ о слѣдующемъ эпизодѣ. Мерси пишетъ 5 іюля 1763 года: «Въ Москвѣ сорванъ былъ портретъ императрицы съ сооруженныхъ въ честь ея тріумфальныхъ воротъ. Этотъ случай и нежеланіе знатнѣйшихъ лицъ націи, чтобы императрица вступила въ бракъ съ Орловымъ, причиняетъ царицѣ страхъ и заботу» (543).

Упоминая о слухахъ арестованія разныхъ политическихъ преступниковъ, Мерси разсказываетъ слѣдующее: «Сынъ генерала Бороздина, служившій въ артиллеріи капитаномъ, въ послѣднее время открыто держалъ такія вольныя и безбоязненныя рѣчи, что всѣ старались избѣгать его. Онъ объяснялъ дерзко всѣмъ, кто только хотѣлъ его слушать, что нынѣшняя здѣшняя государыня, равно какъ и сынъ ея, великій князь, не имѣютъ правъ на владѣніе Русскимъ государствомъ, и хотя ей и удалось, благодаря принятымъ ею мѣрамъ, удержаться нѣкоторое время на престолѣ, но, тѣмъ не менѣе, и государство и весь народъ, что̀ бы ни дѣлала нынѣшняя государыня, съумѣютъ сообразно времени и обстоятельствамъ, прибѣгнуть къ дѣйствительнымъ средствамъ, чтобы добыть себѣ снова законнаго государя. Можно, конечно, отсѣчь много головъ, но всегда найдутся другія головы и въ большемъ противъ прежняго числѣ». «Въ виду этихъ смутъ и безпокойствъ»,—продолжаетъ австрійскій дипломатъ,—«признано было нужнымъ занять сильными пикетами всѣ площади и главныя улицы здѣшней столицы. Слѣдствіе и арестъ разныхъ лицъ продолжаются безпрерывно; всѣ въ страхѣ и на всѣхъ лицахъ видно мрачное выраженіе, смущеніе и неудовольствіе. Здѣшняя государыня выказываетъ при этомъ, во внѣшности своей, много мужества и твердости. Все относящееся къ нынѣшнимъ обстоятельствамъ содержится въ глубокой тайнѣ, такъ что при здѣшнемъ осторожномъ обращеніи нельзя проникнуть въ точности весь ходъ дѣла, хотя истинно ужасное положеніе здѣшнихъ замѣшательствъ бросается всякому въ глаза, и нѣтъ сомнѣнія, что вскорѣ предстоитъ перемѣна». Говоря далѣе объ общей ненависти къ Орлову, Мерси разсказываетъ: «Шесть недѣль тому назадъ, а именно во время послѣднихъ волненій, два или три офицера предприняли убить упомянутаго камергера ночью, въ его покоѣ, во дворцѣ. Они даже подкупили десятью червонцами часоваго, который долженъ былъ стоять на караулѣ, въ часъ, назначенный для совершенія убійства. Обстоятельство это въ строжайшей тайнѣ довѣрилъ мнѣ графъ Бестужевъ» (590—592).

Такимъ образомъ, судя по разсказамъ графа Мерси, опасностямъ не было конца, и онъ ожидалъ катастрофы Екатерины и Орлова. Онъ даже считалъ для Австріи не столь нужнымъ хлопотать о союзѣ съ Россіею, замѣчая: «Здѣшнее слабое правительство принимаетъ въ соображеніе очевидную опасность слишкомъ

далеко зайдти въ предпріятіяхъ, которыя могутъ причинить низверженіе здѣшней государыни» (646). Особенно любопытно слѣдующее совершенно для насъ новое сообщеніе графа Мерси, изъ котораго видно, что положеніе Екатерины въ то время дѣйствительно считалось какъ нельзя болѣе критическимъ. Онъ доносилъ въ октябрѣ 1763 года: «Недавно до свѣдѣнія моего дошло замѣчательное обстоятельство, а именно, что царица во время здѣшнихъ волненій, изъ предосторожности, выслала за границу значительныя денежныя суммы и довѣрила ихъ прусскимъ рукамъ» (643). Въ другомъ донесеніи объ этомъ предметѣ говорилось еще подробнѣе: «Графъ Бестужевъ»,—писалъ Мерси въ концѣ октября,—«открылъ мнѣ, взявъ съ меня обѣщаніе соблюдать глубочайшее молчаніе, что его государыня велитъ вывозить изъ имперіи весьма значительныя и простирающіяся до нѣсколькихъ милліоновъ денежныя суммы, чтобы, въ случаѣ перемѣны, обезпечить себѣ нужныя средства къ жизни. Къ этому вышеупомянутый министръ присовокупилъ еще другое замѣчаніе, что царица намѣревается будущимъ лѣтомъ предпринять водою поѣздку въ Ревель и что поѣздка эта задумана съ цѣлью мало-по-малу пріучить публику къ подобнымъ экскурсіямъ и такимъ образомъ держать себѣ открытый путь, чтобы въ случаѣ возникновенія критическихъ обстоятельствъ удобно и безопасно выѣхать изъ государства. Что касается до вывезенныхъ изъ Россіи денежныхъ суммъ, то обстоятельство это было уже мнѣ извѣстно, вслѣдствіе того, что въ означенной операціи служитъ орудіемъ одинъ итальянецъ, авантюристъ, по имени Бартоли, и ему прошлымъ лѣтомъ было поручено предпринять поѣздку въ Амстердамъ, оттуда въ Берлинъ, наконецъ въ Гамбургъ, гдѣ онъ, говорятъ, оставилъ весьма значительные вклады. Если въ общей сложности взвѣсить все значеніе сказаннаго мнѣ графомъ Бестужевымъ, то его сообщенія должны показаться крайне удивительными» и пр. (662—663).

Таково главное содержаніе донесеній графа Мерси. Повторяемъ, что онъ не можетъ считаться вполнѣ безпристрастнымъ повѣствователемъ. Неловкость его положенія въ качествѣ австрійскаго дипломата въ Россіи въ то время, когда существовалъ тѣсный союзъ между Пруссіею и Россіею, не могла не оказывать вліянія на его образъ мыслей, на его сужденія, на его отзывы о Россіи и объ императрицѣ Екатеринѣ. Его пессимизмъ оказался лишеннымъ основанія. Положеніе императрицы не было столь опаснымъ, какъ казалось графу Мерси. Екатерина усидѣла на престолѣ. Заговоры и бунты прекратились. Перемѣны, которой ожидалъ Мерси, не было. Впрочемъ, онъ покинулъ Россію въ то время, когда въ Россіи продолжался кризисъ, бывшій слѣдствіемъ предшествовавшихъ государственныхъ переворотовъ. Происходила немного позже катастрофа Іоанна Антоновича въ Шлюссельбургѣ; возобновилось на

крайнемъ сѣверѣ слѣдствіе надъ Арсеніемъ Мацѣевичемъ; на крайнемъ востокѣ Беневскій провозгласилъ Павла Петровича императоромъ, явился Пугачевъ...

Изъ вышеприведенныхъ выдержекъ изъ донесеній графа Мерси видно, что этотъ источникъ богатствомъ содержанія нисколько не уступаетъ другимъ матеріаламъ этого рода, напр., депешамъ Сольмса или англійскихъ дипломатовъ, относящихся къ этому же времени, и что императорское историческое Общество изданіемъ этого памятника оказало существенную услугу наукѣ отечественной исторіи.

А. Брикнеръ.

ЕЛИЗАВЕТА КУЛЬМАНЪ.

(1808—1825).

«Rose elle vécut ce que vivent les roses:
L'espace d'un matin».

АКІЯ СЛОВА начертаны на одномъ изъ оригинальныхъ памятниковъ Смоленскаго кладбища въ Петербургѣ. Памятникъ имѣетъ видъ гробницы, усыпанной сверху до низу аканѳовыми листьями, посреди которыхъ повисла въ воздухѣ оторванная отъ стебля пышная роза. Въ гробницѣ лежитъ молодая дѣвушка съ поразительно-правильными, словно у гречанки, чертами лица. Въ исполненіи памятника выдѣнъ несомнѣнный рѣзецъ художника-артиста. Такіе богатые монументы воздвигаютъ только царямъ или по ихъ велѣнію.

Памятникъ поставленъ, дѣйствительно, по желанію императрицы Маріи Ѳедоровны и великой княгини Елены Павловны въ 1825 году на могилѣ 17-ти-лѣтней дѣвушки, умершей отъ чахотки среди полнѣйшей бѣдности. Имя дѣвушки — Елизавета Кульманъ. Такъ звали одну изъ самыхъ выдающихся писательницъ начала нынѣшняго столѣтія, произведенія которой появились въ свѣтъ послѣ ея смерти. Императорская россійская академія, разсмотрѣвъ въ 1832 году произведенія умершей писательницы, отозвалась о нихъ «съ отличной похвалой» и изъявила желаніе издать въ свѣтъ ея стихотворенія. Въ 1833 году, появились три части «Піитическихъ опытовъ», а въ 1839 году та же академія сдѣлала второе изданіе, подъ названіемъ: «Полное собраніе русскихъ, нѣмецкихъ и итальянскихъ стихотвореній Елизаветы Кульманъ».

Оба изданія были встрѣчены въ литературѣ дружными похвалами [1]).

Не смотря на свои 17-ть лѣтъ, Кульманъ обладала замѣчательной эрудиціей, въ особенности по древнимъ языкамъ и литературѣ; основательно знала десять иностранныхъ языковъ, писала одинаково свободно на русскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ, и какъ писательница, она на столько же принадлежитъ Западу, на сколько и намъ. Отзывы объ ея произведеніяхъ встрѣчаются и въ иностранной литературѣ. Французская, итальянская критика привѣтствовали ее величайшей похвалой; Германія отнесла къ числу своихъ классическихъ писателей [2]).

Черезъ десять лѣтъ послѣ смерти Кульманъ, появилась ея біографія, трогательно разсказанная Никитенко [3]). Біографія пробудила горячую симпатію публики къ этому чудному явленію, поразившему всѣхъ своими необычайными дарованіями и прелестью мягкой, чувствительной женской натуры. Подъ вліяніемъ такого чувства одинъ изъ забытыхъ теперь писателей 30-хъ годовъ, Тимоѳеевъ, написалъ въ стихахъ фантазію: «Елизавета Кульманъ». Это дало поводъ Бѣлинскому высказать свое мнѣніе о писательницѣ.

«Елизавета Кульманъ,—говоритъ онъ,—безъ всякаго сомнѣнія, была явленіемъ необыкновеннымъ, не какъ поэтъ, не какъ художникъ, а просто какъ какое-то чудо природы, какое-то странное и прекрасное отступленіе ея отъ своихъ обычныхъ законовъ. Мы читали въ «Библіотекѣ для Чтенія»,—продолжаетъ онъ,—статью г. Никитенко о Елизаветѣ Кульманъ,—статью живую, одушевленную, горячую, только намъ показался невѣрнымъ, ложнымъ взглядъ автора на Е. К., какъ на поэта; приведенные имъ стихи показываютъ, что она не была даже версификаторомъ, не только поэтомъ; не смотря на то, эта прекрасная статья заставила насъ удивляться Елизаветѣ, какъ чудесному и прекрасному явленію, промелькнувшему въ мірѣ падучею звѣздою» [4]).

Бѣлинскому пришлось высказать свое мнѣніе о произведеніяхъ Кульманъ на основаніи нѣсколькихъ стихотвореній, приведенныхъ въ статьѣ Никитенко; ему не извѣстны были тѣ изъ стихотвореній, которыя появились только въ концѣ 40-хъ годовъ съ массой новаго біографическаго матеріала [5]). Подробное изученіе того и другаго даетъ возможность усмотрѣть въ жизни писательницы то фа-

---

[1]) «Сѣвер. Пчела», 1835 г., № 215; «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1841 г., № 119; «Рус. Вѣстникъ», 1841 г., № 8.

[2]) Familienbibliothek der deutschen Klassiker, 1846.

[3]) «Библіотека для Чтенія», 1835 г., № 12. Эта же статья перепечатана при 2-мъ изданіи стихотвореній Е. Кульманъ.

[4]) Соч. Бѣлинскаго, т. II, стр. 191—192.

[5]) «Библіотека для Чтенія», 1849 апрѣль, май, іюнь, августъ, «Елизавета Кульманъ и ея стихотворенія».

тальное, вполнѣ трагическое стеченіе обстоятельствъ, которое по отношенію къ ея таланту играло роль злой судьбы, было причиной того, что при всѣхъ своихъ гигантскихъ способностяхъ, богатой творческой фантазіи, она не проявила никакой творческой самостоятельности и, обладая несомнѣннымъ поэтическимъ даромъ, сдавила его тяжестью спеціальной учености, а свободное вдохновеніе превратила въ усидчивый, размѣренный трудъ.

...«Еще не пройдетъ 50 лѣтъ, и забудутъ имя дѣвушки, которая чувствовала въ себѣ столько силы, чтобы жить въ памяти своихъ согражданъ цѣлые вѣка»,—такъ говорила 17-ти-лѣтняя умирающая Кульманъ, печально задумываясь при мысли о неизбѣжно надвигающейся смерти [1]). 19-го ноября прошлаго 1885 года, минуло 60 лѣтъ со дня ея кончины. По этому случаю я рѣшаюсь напомнить объ этой необычайной даровитой дѣвушкѣ—сжато набросать очеркъ ея жизни и дѣятельности, отмѣтивъ и трагическую судьбу, постигшую ея талантъ и ея такъ рано порвавшуюся жизнь:

Rose elle vécut ce que vivent les roses:
L'espace d'un matin.

I.

Въ пору лучшей поры царствованія императора Александра I, когда свѣжей струей повѣяло и въ обществѣ, и въ литературѣ, когда Карамзинъ, осмѣлившійся отступить отъ правилъ, установленныхъ ложно-классической школой, выступилъ въ качествѣ публициста и беллетриста, подвергаясь нападкамъ и порицаніямъ сторонниковъ стараго,—въ эту пору (собственно 5-го іюня 1808 года) родилась въ Петербургѣ Елизавета Кульманъ. Нѣмка по происхожденію, она жила хотя и въ Россіи, но внѣ общественной русской жизни и даже внѣ русской обстановки. Ея отецъ, Борисъ Ѳедоровичъ Кульманъ, былъ природный нѣмецъ. Въ Россіи, куда его предки перебрались еще въ царствованіе Михаила Ѳедоровича, у него было много друзей изъ соотечественниковъ—англичанъ, французовъ, итальянцевъ, и почти ни одного русскаго. Мать, полу-нѣмка, полу-русская, женщина хорошо по тому времени образованная (она говорила порусски, понѣмецки, пофранцузски), поддерживала сношенія съ друзьями мужа и послѣ его смерти, которая послѣдовала вскорѣ за рожденіемъ Елизаветы. И по смерти отца та же нерус-

[1]) Она ошиблась: о ней вспомнили Хмыровъ («Русскія женщины-писательницы») и Мордовцевъ («Русскія женщины новаго времени») прежде, чѣмъ прошло 50 лѣтъ съ ея смерти. Матеріаломъ для обѣихъ статей служила статья Никитенко («Біографія Е. Кульманъ»).

ская атмосфера окружала юную Кульманъ. У нея было много братьевъ, была сестра, но одни рано покинули родной кровъ, другіе умерли еще задолго до ея рожденія, такъ что изъ нихъ никто не могъ имѣть никакого вліянія на ея развитіе. Она всю жизнь провела въ обществѣ матери, которую любила до обожанія.

Оставшись по смерти мужа безъ всякихъ средствъ, почти на улицѣ, вдова Кульманъ не потерялась. Она стала усиленно работать: сама стряпала, мыла бѣлье, носила дрова, обходилась безъ всякой прислуги. Это, разумѣется, значительно сокращало расходъ, но не давало возможности обходиться совсѣмъ безъ денегъ, а взять ихъ было негдѣ; оставалось одно — не отказываться отъ помощи друзей покойнаго мужа, принимать протянутую милостыню и продолжать съ утра до вечера безустанно работать. Одинъ знакомый англичанинъ предложилъ вдовѣ за дешевую цѣну отдѣльный флигель на Васильевскомъ острову, другіе обѣщали вносить за него плату. И она переѣхала сюда вдвоемъ съ своей маленькой дочерью. Кромѣ хозяина англичанина, чаще другихъ заходилъ къ нимъ одинъ изъ близкихъ друзей покойнаго Кульманъ, молодой кандидатъ правъ Гроссъ-Гейнрихъ. Ему пришлось играть важную роль въ судьбѣ Елизаветы, потому о немъ придется говорить много и не разъ.

Флигель, гдѣ поселились Кульманъ, стоялъ среди большаго двора, длиннаго, широкаго, обнесеннаго высокимъ заборомъ. Вокругъ виднѣлся только небесный просторъ: кромѣ хозяйскаго дома, едва выглядывавшаго изъ большаго сада, вблизи не видать было ни одного строенія. Возлѣ флигеля стоялъ большой тополь съ своей мохнатой темнозеленой шапкой; два куста жасмина ютились у его подножія. Это было любимое мѣсто маленькой Кульманъ.

Въ домѣ нищенская бѣдность, иногда безъ мѣднаго гроша впродолженіе цѣлой недѣли; съ утра до ночи безъ устали трудящаяся мать; ни игрушекъ, ни гостинцевъ, ни сверстницъ, ни даже няньки — вотъ какая картина должна возставать въ воображеніи Елизаветы, при воспоминаніи ранняго дѣтства. За то стоитъ ей выглянуть изъ дому, и передъ ней большая поляна, вся усѣянная разнообразными полевыми цвѣтами. Для нея каждый цвѣтокъ былъ не просто цвѣтокъ, а живое существо. Вся природа въ ея глазахъ была олицетворенная, живая. Природа замѣняла ей не только игрушки, но и живыя существа, которыхъ не доставало въ ея дѣтствѣ. Ей хотѣлось говорить, говорить безумолку, а слушать было некому. И Елизавета начала разговаривать съ цвѣткомъ, бабочкой, дубомъ, звѣздами, мѣсяцемъ—совершенно такъ, какъ будто передъ ней были товарищи сверстники, или какъ обыкновенно дѣти говорятъ съ куклами. Увидитъ она, напримѣръ, какую нибудь травку, смотритъ долго, словно вглядывается, потомъ нагнется къ ней близко и спрашиваетъ: «Кто ты? Откуда?» И, промолчавъ съ минуту, сама отвѣчаетъ за нее:

«Я — дитя земли. Наше жилище тихое и темное. У насъ ни солнца не видать, ни птицъ не слыхать. Съ крыши по каплѣ течетъ вода; мы пьемъ ее, какъ молоко матери. Когда мы выйдемъ изъ колыбели, мать говоритъ намъ: «Дѣти! пробейтесь сквозь крышу! тогда вы увидите солнце и услышите пѣніе птицъ; тогда подлетятъ къ вамъ прекрасныя бабочки, будутъ васъ привѣтствовать и любоваться зеленымъ нарядомъ, а недалеко отъ себя вы увидите фіалку, ландышъ и розу»[1]).

Приблизительно такіе разсказы создавала въ своихъ дѣтскихъ бесѣдахъ съ природой пятилѣтняя Кульманъ. Все олицетворяла, одухотворяла она въ своемъ воображеніи, нерѣдко переносясь изъ подземнаго міра въ заоблачный — на небо, на луну, о которыхъ у нея былъ тоже цѣлый рядъ ею созданныхъ разсказовъ. Мать поддерживала и даже какъ бы сама поощряла этотъ сонъ на яву, эту галлюцинирующую фантазію. И только одинъ хозяинъ-англичанинъ, любитель природы, реалистъ, не могъ иногда удержаться, чтобы не сказать ей, что она говоритъ вздоръ. Но его вліяніе было ничтожно въ сравненіи съ вліяніемъ матери, и Кульманъ оставалась при своихъ грезахъ. Такъ разъ хозяинъ, направляясь въ большой садъ, увидалъ, какъ она на цыпочкахъ, тихонько ходила по двору.

— А что, Лизанька, пособишь ты мнѣ сегодня поливать цвѣты? — закричалъ онъ.

Елизавета поспѣшно сдѣлала знакъ рукою — «не говорить громко», и тихонько, едва касаясь земли, стала пробираться къ нему; а дойдя, шопотомъ сказала: «Они спятъ».

— Кто спитъ?

— Мои цвѣты.

— Ну, вотъ вздоръ какой!

— Ничуть не вздоръ, Иванъ Егоровичъ; право, они спятъ. Придите посмотрѣть. — И она взяла его за руку и осторожно повела къ цвѣтамъ.

— Почему же ты знаешь, что они спятъ? — сказалъ хозяинъ.

— Да потому, что они повѣсили головки и закрыли глаза...

И разговоръ на эту тему длился долго. Долго оспаривалъ ее хозяинъ, но она оставалась всякій разъ при своемъ; она такъ сжилась съ міромъ чудеснаго, что съ каждымъ днемъ ея фантазія уводила ее туда все глубже и глубже. А мать въ свои рѣдкія свободныя минуты занимала ея вниманіе разсказами длинныхъ нѣмецкихъ фантастическихъ сказокъ. Послѣ этого немудрено, что всякое простое явленіе природы принималось пылкой дѣтской фантазіей, настроенной на чудесное, за нѣчто совсѣмъ иное. Вѣтеръ ли завоетъ, поднимется ли буря, и дождь крупными каплями застучитъ въ

[1]) «Библ. для Чтенія», 1849 г.

окна, а тополь низко нагнетъ свои вѣтви, касаясь стеколъ, Кульманъ вскакиваетъ и бѣжитъ къ матери.

— Пусти, пусти меня въ садъ, мама!—поспѣшно, возбужденно говоритъ она.

— Зачѣмъ? Теперь такъ холодно,—уговариваетъ мать.

— Мнѣ надо, непремѣнно надо пойдти къ этому тополю...

— Зачѣмъ?

— Онъ киваетъ мнѣ головою, — серьёзно-умоляющимъ тономъ говоритъ дѣвочка: — онъ что-то шепчетъ, но ничего не слыхать. Ему хочется вѣрно что нибудь сказать мнѣ. Можетъ быть, и жасминное деревцо, котораго я не видала цѣлый день, просило его поговорить со мной, потому что онъ большой и ему легче меня увидать. Отпусти меня, мама, отпусти...

И мать сама шла съ дѣвочкой къ тополю.

Выльетъ ли кто при ней воду на землю,—она вся встрепенется, напряженно, въ какомъ-то страхѣ слѣдитъ, какъ уходитъ вода, какъ исчезаетъ въ землю. Вода исчезла, — она поражена! Но еще минута, и она просіяла, радостно вскрикнула, забивъ въ ладоши своими маленькими рученками: «Она выпила! она выпила! Ей такъ хотѣлось пить!»

Богатая природная фантазія дѣвочки, богатое воображеніе поражали окружающихъ, равно какъ и ея необычайная память. Разъ слышанный разсказъ, разъ слышанное слово навсегда сохранялись ею; черезъ годъ, черезъ два, она могла во всѣхъ подробностяхъ повторять то, что говорилось при ней мимоходомъ и чего, казалось, она не слушала. Разъ хозяинъ говорилъ при ней съ матерью о какой-то бумагѣ, которая была у него въ рукахъ; затѣмъ онъ вышелъ въ другую комнату, чтобы спрятать ее. Прошло три года, бумага эта понадобилась. Ее стали искать всюду въ домѣ, но нигдѣ не находили, и хозяинъ съ прискорбіемъ разсказалъ матери Кульманъ свое горе. Елизавета, которая опять тутъ случилась, вдругъ остановила его и сказала: «Постойте! не о той ли вы бумагѣ говорите, которую сами отнесли въ вашу комнату и положили въ маленькій ящикъ шкафа, стоящаго вонъ тамъ—въ углу. Это было очень давно: тогда вы подарили мнѣ георгину, а я сказала вамъ, что у сюртука вашего скоро отпадетъ пуговица; вы тутъ же приказывали что-то плотнику, который долго не понималъ вашихъ словъ». Къ этому она прибавила еще нѣкоторыя подробности, и бумага, дѣйствительно, была найдена въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была указана [1]).

Все это дѣлало Елизавету чѣмъ-то особеннымъ, феноменальнымъ, и Гроссъ-Гейнрихъ не могъ не видѣть въ дѣвочкѣ богатыхъ задатковъ. Разъ, когда онъ услыхалъ ея опредѣленіе, что̀ такое духъ

---

[1]) «Піитическіе опыты» Ел. Кульманъ, 1839 г., стр. V.

(«это что-то такое, что есть, но чего не видать»),—ей было тогда всего 5 лѣтъ,—онъ окончательно укрѣпился въ мысли о необычайныхъ дарованіяхъ ребенка и рѣшилъ съ своей стороны сдѣлать все, что можно, чтобы изъ Елизаветы Кульманъ образовать ученую женщину, выработать крупную умственную силу, а теперь пока доставить этому бѣдному ребенку тѣ знанія, которыя доступны людямъ богатымъ, нанимающимъ для своихъ дѣтей учителей-гувернеровъ. Изъ Елизаветы рѣшали заранѣе сдѣлать умственную силу, въ то время, какъ отъ природы она была вся поэзія, фантазія, само изящество! Вотъ гдѣ зародышъ того фатальнаго столкновенія въ жизни Кульманъ, которое я имѣю въ виду оттѣнить въ данномъ очеркѣ.

II.

Гроссъ-Гейнрихъ происходилъ изъ бѣдной семьи и, только благодаря труду и старанію, которые составляютъ неотъемлемую принадлежность каждаго порядочнаго нѣмца, кончилъ курсъ кандидатомъ правъ въ одномъ изъ германскихъ университетовъ, сдѣлался извѣстенъ, какъ хорошій знатокъ древнихъ и новыхъ языковъ. Благодаря этому, онъ былъ приглашенъ въ Россію, въ качествѣ педагога къ дѣтямъ графа Апраксина. Россія была для него чужая; его симпатіи были тамъ, въ Германіи, а здѣсь держала возможность хорошаго заработка, и только.

Пробивъ дорогу трудомъ, онъ смотрѣлъ на трудъ, какъ на единственное условіе всякаго успѣха, и цѣнилъ его выше всего. Бѣдность, отсутствіе таланта, наконецъ, самая профессія педагога, которая больше, чѣмъ какая либо другая, стираетъ съ человѣка его собственныя индивидуальныя особенности, наслояетъ нѣчто шаблонное, укладываетъ въ опредѣленныя рамки, — развили въ немъ въ сильной степени осторожность, боязнь чего бы то ни было новаго, привязанность къ давно всѣми принятому, установившемуся, перешедшему въ обычай. И бѣда генію или таланту попасть въ подобныя руки.

Гроссъ-Гейнрихъ былъ педагогъ-идеалистъ, беззавѣтно любившій свое дѣло и вѣрившій въ него. Способный, трудолюбивый ученикъ дѣлался ему дорогъ, какъ его собственное родное дитя; онъ многимъ готовъ былъ пожертвовать, чтобы удовлетворить похвальную любознательность такого ученика. Въ такихъ случаяхъ Гроссъ-Гейнрихъ не дорожилъ ни временемъ, ни покоемъ, ни отдыхомъ. Онъ былъ, что называется, педагогъ по призванію; ему доставляло удовольствіе передавать знанія и видѣть, какъ прививаются они, а также и тѣ добрыя нравственныя начала, которыя онъ самъ исповѣдовалъ. Успѣхъ ученика былъ для него наградой. Однимъ словомъ, это былъ лучшій типъ педагога въ нравственномъ отно-

шеніи и въ то же время, надо прибавить, самый опасный для всего оригинальнаго, въ чемъ проявляется настоящій талантъ.

Неудивительно послѣ этого, что Гроссъ-Гейнрихъ не могъ пройдти равнодушно мимо такой дѣвочки, какъ Елизавета, которая поражала сообразительностью, наблюдательностью, воображеніемъ, фантазіей, памятью. Для такого педагога она была рѣдчайшей находкой, силой, надъ которой стòитъ поработать, малѣйшій трудъ будетъ вознагражденъ сторицею, несомнѣннымъ сознаніемъ полезности потраченнаго труда. Такъ долженъ былъ думать Гроссъ-Гейнрихъ, смотря на Кульманъ. И онъ привязывается къ необычайному ребенку самой нѣжной, самой трогательной любовью; не только отдаетъ всякую свободную минуту, чтобы какъ можно больше сообщить знаній, онъ подмѣчаетъ каждое душевное движеніе дѣвочки, слѣдитъ за внутреннимъ развитіемъ ея мысли, за тѣмъ, какъ отражается въ этой умной, чуть не геніальной головкѣ тотъ или другой слышанный разговоръ, видѣнный фактъ; предупреждаетъ ходъ развитія мысли въ ту или другую сторону, употребляетъ всѣ пріемы умѣлаго педагога, чтобы не дать развиться въ ней той или другой идеѣ, которую онъ считаетъ отрицательной или просто вредной. Онъ, какъ искусный садовникъ, сообщаетъ излюбленному растенію форму и цвѣтъ, какіе приняты въ его теплицѣ, пользуясь богатой потенціальной силой самаго растенія, которая еще не успѣла объявиться, чтобы закрѣпить ему прирожденные форму и цвѣтъ. Остановивъ свое удивленное вниманіе на необычайныхъ способностяхъ дѣвочки, добросовѣстный педагогъ вмѣстѣ съ тѣмъ беретъ въ полонъ ея мысли, взгляды, думы, весь ея необычайно дѣятельный, своеобразный внутренній мірокъ; беретъ ее въ нравственную и умственную опеку, беретъ главнымъ образомъ силою своей глубокой любви.

Любовь къ Елизаветѣ доходила у него до самыхъ мельчайшихъ заботъ объ ея нуждахъ и нуждахъ ея матери. Если не хватало денегъ на чай, масло, на хлѣбъ,—а часто случалось, что и на хлѣбъ не хватало,—Гроссъ-Гейнрихъ какъ-то съумѣетъ узнать и непремѣнно пришлетъ и чаю, и денегъ, и хлѣба. Онъ знаетъ, что она любитъ цвѣты, любитъ все изящное, не забудетъ принести и перчатки, и какую нибудь красивую ленточку, и цвѣтовъ. Разъ, когда хозяинъ развелъ возлѣ ея дома садъ, разбилъ куртины, насадилъ цвѣтовъ и отдалъ садъ въ ея распоряженіе, учитель принесъ 4 гипсовыхъ вазы и поставилъ по угламъ цвѣтника. Онъ же принесъ ей и первую книгу: «Животный міръ», Баумгартена; онъ же далъ и бумаги, и чернилъ, и перьевъ. Мать была такъ бѣдна, что не могла удѣлять на это ни копѣйки; случалось, въ самые лютые морозы въ домѣ не на что было купить дровъ. Комната стояла не топленная, окна задергивались морозомъ сверху до низу, морозъ забирался внутрь, толстымъ слоемъ покрывалъ стекла, мерзли, леденѣли крошеч-

ныя руки и ноги. Въ такія тяжелыя минуты всегда являлся на помощь Гроссъ-Гейнрихъ. И если бы Кульманъ была менѣе чувствительнымъ ребенкомъ, если бы даже она была черства, то и въ томъ случаѣ трудно, чтобы такое доброе отношеніе учителя не вызвало чувства признательности, благодарности за изъ ряда вонъ выходившія заботы. А она была сердечнымъ, чувствительнымъ ребенкомъ; естественно, что она отвѣчала Гроссъ-Гейнриху самымъ глубокимъ уваженіемъ, самой нѣжной любовью, доходившей до обожанія: дѣлать такъ, какъ онъ находитъ лучшимъ, было ея желаніемъ, долгомъ, необходимостью.

Вотъ какое чувство, какое отношеніе было у Кульманъ къ Гроссъ-Гейнриху, когда онъ принесъ первую книгу; ей было тогда 5 лѣтъ, а черезъ годъ онъ принялся за ея обученіе. При такомъ отношеніи со стороны ученика хорошій учитель заранѣе можетъ сказать, что владѣетъ имъ вполнѣ, что можетъ подчинить, поработить его своей волѣ, какими бы способностями ученикъ ни обладалъ. И Кульманъ понемногу идетъ сама въ разставленныя сѣти умѣлаго педагога. Ея главное желаніе—такъ угодить учителю, чтобы вызвать на его лицѣ довольную улыбку, услыхать похвалу. Ради этого она выучиваетъ въ первой подаренной книгѣ всѣ названія животныхъ, не только понѣмецки, поанглійски, поитальянски, но и полатыни: она уже подмѣтила, какую цѣну въ его глазахъ имѣетъ латинскій звукъ, латинское слово. Она знаетъ, что успѣхъ ученицы—для него награда, и ради этого усиливаетъ прилежаніе. Но при ея способностяхъ и безъ прилежанія можно быстро подвигаться впередъ, теперь же при дружномъ соединеніи того и другаго — Е. Кульманъ поражаетъ успѣхами, производитъ чудеса. Къ 6 годамъ она знаетъ почти наизусть всѣ разсказы о животныхъ въ книгѣ Баумгартена, она очень любитъ разсказывать, лишь бы были слушатели, причемъ много присочиняетъ, вставляетъ удивительно граціозныя, оригинальныя сравненія, выходитъ нѣчто въ родѣ импровизаціи, какъ бы само творчество [1]). Шести лѣтъ выучиваетъ нѣмецкую грамматику, къ 7-ми свободно управляется съ практической стороной языка и пишетъ очень миленькія письма [2]); овладѣваетъ знаніемъ одного языка за другимъ. Для полнаго знакомства съ новымъ языкомъ, т. е. чтобы читать писать и говорить, нужно всего **три мѣсяца**. Потому при ея гигантскихъ способностяхъ, соединенныхъ съ прилежаніемъ, неудивительно, что къ 10 годамъ она имѣла массу знаній—говорила и писала на русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, итальянскомъ и англійскомъ языкахъ; перечла на всѣхъ названныхъ языкахъ, кромѣ русскаго, рядъ произведеній, и только русскіе писатели оставались въ забвеніи. Ея

---

[1]) Нѣсколько разсказовъ записано съ ея словъ: «Библ. для Чтенія», 1849 г.

[2]) Тамъ же.

наставникъ былъ въ полномъ смыслѣ европеецъ: онъ зналъ много иностранныхъ языковъ и литературъ, но игнорировалъ вполнѣ русскую литературу, русскій языкъ, и только впослѣдствіи принялся за его изученіе подъ руководствомъ своей ученицы. Потому неудивительно, что русскіе писатели, русская жизнь до сихъ поръ не коснулись Кульманъ. Она была ограждена отъ русской литературы, словно крѣпостью, произведеніями нѣмецкихъ писателей Галлера, Клейста, Глейма, Якоби и др. Современница Пушкина, моложе его только на 9 лѣтъ, живя съ нимъ въ одномъ городѣ, она не знала Пушкина даже тогда, когда онъ выступилъ съ «Евгеніемъ Онѣгинымъ» и заставилъ замереть всѣ предшествовавшія ему въ Россіи литературныя школы и партіи съ ихъ взаимной борьбой и спорами о важности трехъ единствъ и трехъ слоговъ.

Знанія Кульманъ еще сильнѣй поражаютъ, когда мы припомнимъ ея бѣдную обстановку. Мать небогата здоровьемъ, и Елизаветѣ приходится часто помогать и замѣнять ее по хозяйству: она должна найдти время, чтобы истопить печку, а если случится, что мать больна, то самой позаботиться и объ обѣдѣ. Елизавета давно привыкла къ труду, а необычайныя способности даютъ ей вездѣ поспѣвать, какъ той сказочной падчерицѣ, о которой говорится въ сказкѣ про злую мачиху; природа одарила ее такими необычайными способностями, при которыхъ невозможное для другихъ обращалось въ возможное для Кульманъ.

Еще давно, едва только научилась писать, едва пріучилась держатг перо, какъ въ ней зародилась страсть писать стихи. Не разъ обращалась она къ наставнику съ вопросомъ, отчего стихъ звучитъ какъ музыка? Но тотъ находилъ преждевременнымъ дѣлать разъясненія. Какъ истый классикъ, онъ боится, какъ бы ученица не пошла по слѣдамъ новой романтической школы,—на его взглядъ дорога не вѣрная,—и хочетъ предупредить 10-ти-лѣтнюю дѣвочку отъ «ошибки». Онъ, считавшій преждевременнымъ знакомить съ правилами стихосложенія, не находитъ «преждевременнымъ» окутать и сковать ея свободу мысли и творчества ученіемъ о трехъ слогахъ и трехъ единствахъ. Чтобы водворить и навсегда закрѣпить въ этой маленькой, необычайной головкѣ всѣ ученія ложно-классической школы, чтобы окутать ее цѣпями, онъ на сочиненіяхъ нѣмецкихъ классиковъ практически изучаетъ съ ней теорію поэзіи и задаетъ всевозможныя упражненія для примѣненія этихъ правилъ; задаетъ писать стихи, писать подражанія разбираемымъ ложно-классическимъ образцамъ. Съ этихъ поръ не проходитъ дня, чтобы Кульманъ не писала по заказу учителя новыхъ стиховъ. Учитель разбираетъ ихъ, какъ разбираютъ обыкновенно ученическія сочиненія, высказываетъ свое мнѣніе, одобряетъ, порицаетъ, опять задаетъ. Задаетъ писать по часамъ — сколько стиховъ напишетъ въ часъ... два... три... четыре, иногда и больше

подрядъ, безъ перерыва. Стихи пишутся и завтра, и послѣзавтра, и такъ каждый день по заказу учителя. Свободное творчество подъ руководствомъ одного изъ «самыхъ добросовѣстныхъ» педагоговъ понемногу превращается въ сочинительство, стихоплетство, способное сгубить большой талантъ. Ни талантъ, ни геній, требующіе свободы, простора для своего развитія, не могутъ подчиниться такой предусмотрительности, безъ того, чтобы не заглохнуть, не замереть, какъ замираетъ цвѣтокъ безъ дождя, какъ останавливается въ ростѣ и засыхаетъ гигантская пальма, если заключить ее подъ колпакъ, задерживающій ея природное развитіе.

Елизавета, сдавленная неусыпной заботливостью наставника, только иногда, только изрѣдка, какъ бы въ забывчивости, осмѣливается отступить отъ предписанныхъ правилъ, осмѣливается писать такъ, какъ хочется, по правдѣ, какъ чувствуется, какъ складываются сами слова и сами ложатся на бумагу. Но тутъ же сейчасъ вспоминаетъ, что «переступаетъ» наказъ учителя,—и тотчасъ бросаетъ карандашъ. Она слишкомъ добросовѣстна, чтобы шалить тайкомъ въ отсутствіе наставника. Такимъ образомъ въ ея глазахъ тѣ изъ стихотвореній, гдѣ легко высказывается ея природный поэтическій талантъ (одно изъ такихъ стихотвореній я привожу ниже), получаютъ значеніе шалости, чего-то дурнаго, и Кульманъ удерживается, сдавливаетъ порывы истиннаго вдохновенія, стараясь заглушить ихъ заданнымъ урокомъ, или чтеніемъ Тассо, Данта, Клопштока.

III.

Осенью 1819 года, когда Кульманъ минуло 11 лѣтъ, бѣдность еще сильнѣй застучала къ ней въ домъ. Знакомые, которые помогали платить за квартиру, умерли, — и Елизавета лишалась крова и тепла. А на дворѣ надвигалась зима съ своими безпощадными морозами, страшно становилось не только заглядывать вдаль, но даже подумать о завтра. Мать и Гроссъ-Гейнрихъ всѣми силами искали выхода. Наконецъ, спасеніе нашлось въ лицѣ добраго священника горнаго корпуса Абрамова, который недавно лишился жены. Онъ предложилъ Елизаветѣ съ матерью переѣхать къ нему и отвелъ имъ отдѣльную комнату.

Съ этихъ поръ жизнь Е. Кульманъ съ внѣшней стороны мѣняется: ея тополь, кусты жасмина, полевой просторъ остаются тамъ возлѣ хижины; здѣсь на смѣну имъ выступаютъ: библіотека горнаго корпуса, семейство директора Медера, который былъ другомъ ея отца. У Медера большая семья—нѣсколько дочерей, нѣкоторыя ровестницы Елизаветѣ, но она всѣхъ превосходитъ и умомъ, и познаніями. Медеръ предлагаетъ даровитой дочери покойнаго друга вмѣстѣ съ своими дочерьми обучаться музыкѣ, танцамъ, рисова-

нію, присутствовать, когда онъ разсказываетъ изъ физики, географіи, астрономіи, минералогіи. Здѣсь еще отъ священника Абрамова, который взялся обучать ее славянскому языку, она должна была услыхать о Херасковѣ, Ломоносовѣ и, можетъ быть, о Державинѣ, но, разумѣется, не больше. Эти писатели съ своими «Петріадами», неизмѣннымъ «Пою», еще больше говорили Кульманъ за всеобщность господства классической литературы и какъ бы подтверждали превосходство классическихъ правилъ.

Вотъ что новаго вошло въ жизнь Кульманъ съ переѣздомъ въ горный корпусъ. Здѣсь все, какъ бы даже сами стѣны, вторили словамъ наставника: «учись! трудись!»

Учитель, между тѣмъ, все сильнѣй забиралъ ее въ плѣнъ; онъ не пропускалъ случая дѣйствовать на ея самолюбіе: то и дѣло выставлялъ на показъ ея способности, вызывалъ удивленіе въ окружающихъ. Безпрестанно давалъ чувствовать ей самой, что она нѣчто особенное; внушалъ, что трудное для другихъ—для нея пустяки, потому что сама она чудо, необычайное явленіе! И взвинченная такимъ образомъ Е. Кульманъ привыкаетъ дѣлать только то, что требуетъ особенныхъ силъ, что необычайно, что для другихъ невозможно: она знаетъ, что этимъ доставитъ большое удовольствіе наставнику.

Изъ такихъ побужденій она проситъ Гроссъ-Гейнриха заняться латинскимъ языкомъ, чтобы къ именинамъ священника Абрамова самой написать на этомъ языкѣ поздравленіе. Черезъ три мѣсяца она свободно читала Корнелія Непота, письма Цицерона, написала именинное поздравленіе и принялась переводить оды Горація. То былъ уже шестой языкъ, которымъ она овладѣвала, а ей было всего 12 лѣтъ!

Она цѣлый день училась съ ранняго утра до поздняго вечера. Только въ 10 часу наступалъ ея отдыхъ. Случалось, что въ это время заходилъ учитель, и они втроемъ съ матерью сидѣли и разговаривали. Но и въ вечернія бесѣды учитель не покидалъ роли вѣчнобдительнаго педагога — направлять, пробуждать, предупреждать. Иногда же всѣ втроемъ уходили въ квартиру директора. Тамъ Елизавета садилась играть на фортепіано или внимательно слушала ученыя бесѣды Медера.

Такъ шла жизнь изо дня въ день, рѣдко нарушаясь какимъ нибудь праздникомъ, въ родѣ чьихъ нибудь именинъ. Разъ одинъ такой праздникъ, день рожденья одной изъ дочерей Медеръ, имѣлъ громадное рѣшающее значеніе въ направленіи Кульманъ какъ писательницы.

Существовавшая въ литературѣ борьба старой и новой школы переносилась и въ само общество; общественныя собранія, семейные вечера въ интеллигентныхъ кружкахъ не обходились безъ полемическихъ бесѣдъ, которыя, случалось, переходили въ горячій споръ. Въ семьѣ Медеръ дебаты о классицизмѣ и романтизмѣ ве-

лись очень нерѣдко. Въ указанный праздникъ опять поднялся этотъ спорный вопросъ. Всѣ присутствовавшіе гости, собственно молодежь, были за превосходство новой литературы, за ея жизненность. Раздавались слова симпатіи къ Шиллеру, Гёте, Жанъ-Полю, которые «несравненно ближе человѣку XIX вѣка, понятнѣе, чѣмъ какой нибудь Сократъ, Эврипидъ, Горацій». Долго дружно развивались панегирики въ эту сторону. Мало-по-малу противники стихали, одни убѣждались, другіе замолкали отъ утомленія, духоты, отъ лѣни; казалось, всѣ сходились въ симпатіи къ романтизму. Когда всѣ смолкли, изъ отдаленнаго угла залы въ моментъ полнѣйшей тишины раздались громко рѣшительныя слова протеста. То былъ голосъ Гроссъ-Гейнриха. Онъ одинъ выступалъ противъ всего многочисленнаго собранія. Это былъ настоящій турниръ въ глазахъ Елизаветы, и она ждала конца въ страшномъ волненіи. Гроссъ-Гейнрихъ прекрасно сознавалъ это. Какъ настоящій педагогъ, онъ никогда не забывалъ о присутствіи ученика. Не безъ умысла, не безъ задней мысли рѣшилъ онъ подвергнуть себя публичному состязанію; онъ боялся, какъ бы разсыпанныя сейчасъ похвалы не повернули его ученицу въ сторону новой школы, въ сторону романтизма. И вотъ для этого онъ выступаетъ на турниръ; долго, убѣдительно доказываетъ несправедливость своихъ противниковъ, которые, надо признаться, значительно уступаютъ ему, если не въ тонкости пониманія, то въ классическомъ образованіи, въ знаніи главнымъ образомъ древнихъ языковъ и литературы. И одинъ за другимъ, не имѣя его вооруженія, противники понемногу оставляютъ поле битвы. Наконецъ, всѣ смолкли, хотя въ душѣ, можетъ быть, согласились и не всѣ. Теперь опять говоритъ одинъ Гроссъ-Гейнрихъ. Какъ побѣдитель, онъ говоритъ уже не безъ нѣкотораго самодовольства, съ полнымъ обладаніемъ всѣхъ силъ, говоритъ краснорѣчиво, съ увлеченіемъ, какъ человѣкъ, который сознаетъ, что его слушаютъ. Онъ прекрасно понимаетъ, что въ данный моментъ можетъ заразъ одержать двѣ побѣды: надъ обществомъ присутствующихъ и, во-вторыхъ, что̀ для него много важнѣй, надъ своей юной ученицей, въ глазахъ которой онъ теперь поднялся еще выше. У д а ч н а я м и н у т а — н а в с е г д а п о д ч и н и т ь Е. К у л ь м а н ъ с в о е й п р а в д ѣ! Наставникъ знаетъ ея впечатлительность, знаетъ, какъ можетъ отразиться и то, что сейчасъ намѣренъ сказать. И при всеобщемъ молчаніи громко, восторженно произноситъ слѣдующую рѣчь, за которой напряженно слѣдитъ Елизавета:

«Гёте и Байронъ — герои нашего времени, имена которыхъ перейдутъ въ грядущіе вѣка! Не осуждайте одного изъ усерднѣйшихъ вашихъ почитателей, если онъ осмѣлится сказать: какъ ни ослѣпительно далеко простирается сіяніе вашей славы, всетаки, вы не въ состояніи затьмить блеска того лучезарнаго образа, который уже третье тысячелѣтіе освѣщаетъ міръ — все еще вы не превзошли Гомера»... и т. д.

Онъ кончилъ и взглянулъ на Кульманъ. Она была печальна. Онъ понялъ причину ея печали. Прощаясь, обѣщалъ непремѣнно зайдти завтра, хотя бы на нѣсколько минутъ. Онъ зналъ, что произнесенный панегирикъ зародилъ въ душѣ Елизаветы неудержимое желаніе знать Гомера, читать въ подлинникѣ, и не ошибся. Предложеніе начать изучать греческій языкъ, сдѣланное на другой день послѣ описаннаго турнира, было встрѣчено чуть не со слезами восторга. И Кульманъ принялась читать погречески, сперва евангеліе, потомъ Анакреона. Произведенія послѣдняго переводила и прозой, и стихами; прозой перевела на 5 европейскихъ языковъ, а стихами на русскій, нѣмецкій и итальянскій.

Чтобы познакомить съ этими первыми трудами 12-ти-лѣтней Кульманъ, я приведу хотя одну изъ множества переведенныхъ ею одъ Анакреона, одобренныхъ впослѣдствіи россійской академіей и изданныхъ въ полномъ собраніи сочиненій Кульманъ.

Ода: «На сонъ».

Въ полночь темную разлегшись
На коврахъ великолѣпныхъ,
Я, обремененный Вакхомъ,
Вижу вдругъ во снѣ: какъ будто
Я съ прелестною толпою
Рѣзвыхъ дѣвицъ забавлялся.
Сонмъ дѣтей, нѣжнѣе Вакха,
Громко вслѣдъ меня ругали,
Говоря слова мнѣ колки. Чтобъ унять,
Я ихъ цѣловать сбирался.
И они, и сонъ исчезли.
Мнѣ, забытому страдальцу,
Снова бъ такъ уснуть хотѣлось [1]).

Трудно допустить, чтобы 12-ти-лѣтняя Кульманъ вполнѣ понимала и увлекалась страстными одами греческаго поэта—его восхваленіемъ Эрота, Вакха, разгульнаго веселья; несомнѣнно, она переводила ихъ изъ желанія угодить учителю. «Скажи же, милый старецъ!»—говоритъ она въ своемъ длинномъ стихотвореніи «Къ Анакреону»:

Зачѣмъ во всѣхъ ты пѣсняхъ
Изъ жителей Олимпа
Лишь Вакха и Эрота
Радиво воспѣваешь?
Скажи... [2]).

Ни музыки, ни того, что называютъ собственно стихомъ, нѣтъ въ данныхъ переводахъ, они больше походятъ на прозу, гдѣ языкъ мѣстами весьма тяжелъ, но за то дословно близокъ къ подлиннику.

[1]) Піитическіе опыты Е. Кульманъ, 1839 года, стр. 9.
[2]) Тамъ же, стр. 7.

Учитель, для котораго думать объ Елизаветѣ, ея радостяхъ, сдѣлалось потребностью, какъ-то разъ выбралъ нѣкоторыя изъ ея нѣмецкихъ, французскихъ стихотвореній, переписалъ въ двухъ экземплярахъ и черезъ одного знакомаго отослалъ на судъ къ Гёте и Жанъ-Полю Рихтеру, а стихотворный переводъ Анакреона черезъ одну высокопоставленную даму преподнесъ императрицѣ. Елизавета объ этомъ не знала.

И вотъ разъ, когда она сидѣла за своей обычной работой, входитъ царскій курьеръ и подноситъ ей отъ государыни письмо съ бриллiантовымъ фермуаромъ. Въ домѣ, какъ на смѣхъ, ни рубля, чтобы предложить царскому курьеру. Но Гроссъ-Гейнрихъ и объ этомъ позаботился, онъ прибѣжалъ и сунулъ денегъ.

На другой день все корпусное начальство во всемъ своемъ составѣ явилось къ Елизаветѣ Кульманъ съ поздравленіемъ. Ей было тогда всего тринадцать лѣтъ. Къ ней, къ дѣвочкѣ, явились высокопоставленные люди въ мундирахъ, орденахъ, во всѣхъ регаліяхъ. Кульманъ торжествовала. Ей давно хотѣлось такъ угодить своему наставнику, чтобы возбудить къ себѣ всеобщее удивленіе; давно хотѣлось признанія отъ другихъ, что она что-то особенное. А, между тѣмъ, это было почти невозможно. Еще недавно одна дѣвочка, дочь богатаго генерала, съ которой ей приходится встрѣчаться у Медеръ, не хотѣла говорить съ ней, потому что она бѣдная; мало этого, смѣялась надъ ея страстью къ стихотворству: «Лучше бы,— говоритъ,—чулки себѣ штопала, чѣмъ стихи писать; штопать было бы полезнѣе!» Елизавета сильно оскорбилась этими словами. И теперь она охотно бы показала этой «надменной» дѣвочкѣ письмо Гёте, которымъ недавно порадовалъ ее наставникъ. Въ письмѣ Гёте говоритъ о ней, объ Е. Кульманъ: «Объявите молодой писательницѣ отъ моего имени, отъ имени Гёте, что я пророчу ей со временемъ почетное мѣсто въ литературѣ, на какомъ бы изъ извѣстныхъ ей языковъ ни вздумала писать» [1]). Но едва ли что зна-

---

[1]) Вотъ одно изъ стихотвореній, посланныхъ Гёте:

«Frühlingslied».

Der Frühling kehret wieder
Und schmücket Berg und Thal;
Schon tönen rings die Lieder
Der süssen Nachtigall.
Wie steiget hoch die Sonne
In's Himmelblau hinauf,
Verbreitet' Lust im Wonne
Auf ihrem weiten Lauf!

Es eilen. Schaaf und Kinder
Der grünen Wiese zu,
Es blickt auf's Spiel der Kinder
Der Greis aus seiner Ruh.

(Sämmtliche Gedichte
von E. Kulmann.
1839. Seite 3).

чить имя Гёте въ глазахъ гордой генеральской дочери; ея не убѣдить отзывъ великаго писателя. И Кульманъ удержалась, не показала полученнаго письма. За то теперь она торжествовала; теперь не только отецъ дѣвочки, генералъ, но и всѣ его товарищи и даже тѣ, кому онъ самъ отдаетъ низкіе поклоны,—и тѣ пришли засвидѣтельствовать ей, 13-ти-лѣтней бѣдной стихотворицѣ, свое почтеніе. Это было въ полномъ смыслѣ торжество, рѣдкое, небывалое. И Елизавета Кульманъ не въ силахъ удержаться, чтобы не выразить въ стихахъ, какіе пишетъ только «для себя», свою радость, свой восторгъ. Вотъ эти стихи:

«Я слышу хохотъ твой обидный!
Но, звуки струнъ моихъ браня,
Знай,—я избрала путь завидный,
И не догнать тебѣ меня!»...

Такіе стихи пишетъ Кульманъ въ силу душевной потребности, нахлынувшаго чувства, безъ мысли о наставникѣ, объ его критикѣ, его тяжелыхъ правилахъ. Какъ не похожи они на ея величавые, стройные, бѣлые стихи въ духѣ классической древности, которые имѣлъ въ виду Бѣлинскій, когда произносилъ свое сужденіе о ней, и которые наполняютъ толстѣйшій, громаднаго размѣра, томъ ея сочиненій, изданныхъ Россійской академіей.

«Надменная! Съ тобою въ землю
И память о тебѣ сойдетъ;
Меня же смерть,—я свыше внемлю,—
Сіяньемъ славы обовьетъ.

«Моими пѣснями утѣшитъ
Страдалецъ свой печальный духъ,
И ими гости будутъ тѣшить
На празднествахъ сердца и слухъ».

Хотя Е. Кульманъ и не знакома была съ стихотвореніями Пушкина, хотя и оберегали ее отъ всего подобнаго предупредительныя заботы учителя, но талантъ самобытный прорывался наружу, прорывался въ тѣхъ немногихъ стихахъ «для себя», писанныхъ «безъ правилъ», какъ бы помимо воли, которые найдены были послѣ ея смерти. Такіе стихи выходили у нея безъ труда, и потому, какъ я сказала раньше, она не придавала имъ никакого значенія, никакой цѣны. Она успѣла уже проникнуться взглядомъ учителя:

«Чѣмъ, говорятъ, тяжеле,
Тѣмъ и похвальнѣй трудъ»,

и давно цѣнила только то, что доставалось съ трудомъ.

Отзывъ Гёте, письмо государыни съ бриліантовымъ фермуаромъ—все убѣждало не только самоё Елизавету, но и окружающихъ и ея мать, что ея путь—литература, писательство. Кульманъ чувствуетъ приливъ новой силы; чувствуетъ, что теперь она

многое можетъ, чего прежде не могла. Всю ночь, слѣдовавшую за знаменитымъ днемъ рожденья, когда въ первый разъ узнала объ отзывѣ Гёте, всю ночь Кульманъ продумала. Она рѣшала вопросъ о своей будущей практической дѣятельности и остановилась на мысли подготовить себя въ воспитательницы. «Подготовить?! — усмѣхнулся учитель, когда она завела объ этомъ рѣчь: — да вы давно готовы; по своимъ познаніямъ вы могли бы хоть сейчасъ занять эту должность, если бы не ваши 13 лѣтъ!»

Одновременно съ этимъ, Е. Кульманъ рѣшала и другой вопросъ, надъ которымъ она тоже немало думала. «До сихъ поръ, — говоритъ она наставнику: — я часто, начавъ съ предмета, означеннаго въ заглавіи, подъ конецъ удаляюсь отъ него на 1,000 верстъ. Греки такъ не сочиняли, по крайней мѣрѣ, не Гомеръ». А ей хочется писать, какъ писалъ Гомеръ.

Учитель, какимъ его знаемъ, могъ только одобрить безразсудное, нелѣпое желаніе писательницы: писать, какъ писалъ Гомеръ, въ духѣ греческаго міровоззрѣнія, которое ничего не имѣетъ общаго съ нашимъ и отошло уже въ область миѳологіи; наставникъ такое намѣреніе могъ только одобрить, такъ какъ оно было желанный результатъ всѣхъ его трудовъ, неусыпныхъ заботъ и хлопотъ объ Елизаветѣ. «Попытайтесь! Смѣлымъ Богъ владѣетъ», — сказалъ онъ. И Кульманъ принялась за «Вѣнокъ». Такъ назвала она сборникъ стихотвореній, изъ которыхъ каждое носитъ названіе какого нибудь цвѣтка. Тутъ и Лавръ, и Роза, и Фіалка, и Ирисъ, и Нарциссъ, десять разныхъ цвѣтковъ сплетены въ «Вѣнокъ». О каждомъ Кульманъ разсказываетъ какую нибудь, нелишенную граціи, легенду въ духѣ греческихъ вѣрованій, съ греческой обстановкой, и каждое отсылаетъ на просмотръ къ учителю при длинномъ письмѣ, въ которомъ сама указываетъ недостатки новаго произведенія. Очень рѣдко авторъ остается доволенъ самъ собой. Къ числу такихъ рѣдкихъ исключеній относится стихотвореніе «Нарцисса», которое авторъ называетъ своимъ художественнымъ произведеніемъ. Здѣсь разсказывается про дочь Эндиміона и Діаны, красавицу Нарциссу. Она цѣлый день проводитъ на охотѣ съ колчаномъ за плечами; рѣдко ее можно видѣть дома. А старику-отцу уже давно хочется видѣть вокругъ себя внучатъ.

«Коль скоро кѣмъ плѣнюся
Изъ юношей сосѣднихъ,
Навѣкъ съ нимъ съединюся
Тебѣ въ утѣшенье», —

сказала Нарцисса въ отвѣтъ отцу и снова помчалась на охоту. До знойнаго полудня гонялась за младою, осиротѣлой ланью

«И жаждою томима,
Она внезапно слышитъ

Пріятное журчанье
Недальняго потока,
Закрытаго дубравой».

Она пробирается въ чащу и усталая ложится у ручья подъ тѣнью вѣтвистаго дуба. Вдругъ

....«О, небо!
Богъ юный и прелестный
На днѣ воды ей зрится.
Воскликнувши, объемлетъ
Она руками древо;
Жметъ нѣжныя ланиты
Къ корѣ неровной дуба....
Пришедъ въ себя отъ страха,
Сама себѣ вѣщаетъ:
Чего жъ я испугалась?
Чудовище ли вижу,
Грозящее напастью?
Я образъ вижу бога,
Величественъ, незлобенъ»...

И она узнаетъ Аполлона. Онъ нѣжно простираетъ къ ней свои руки.

«Всплыви ко мнѣ, о, милый,
Изъ устъ моихъ услышать
Слова любви взаимной!»...

Но въ эту самую минуту вдругъ всколыхнулась вода и исчезъ милый образъ; съ дуба, подъ тѣнью котораго она сидѣла, упалъ желудь и

«Смутилъ паденьемъ влагу».

Въ этомъ явленіи Нарцисса видитъ какъ бы внушеніе свыше:

«Дубовый плодъ паденьемъ
И погруженьемъ скорымъ,—

говоритъ она:—

Не ясно ль вразумилъ,
Какъ съединиться съ милымъ?»

и, не задумываясь, бросается въ воду. Волны приносятъ ея тѣло

«До самой рощи края,
Гдѣ храмъ стоитъ Діаны....
Три дня надъ ней рыдала
Безсмертная дочь Леты,
Слезами обливаясь;
Потомъ преобразила
Въ цвѣтокъ ей соименный;
И въ радости, и въ горѣ
Цвѣтокъ любимый носитъ
На материнскомъ сердцѣ».

Такъ кончается. граціозное стихотвореніе «Нарцисса», которое прекрасно знакомитъ съ общимъ характеромъ сборника «Вѣнокъ». Авторъ, рисуя картины греческой жизни въ нѣкоторыхъ изъ этихъ стихотвореній, съ чрезвычайной добросовѣстностью заботится о выборѣ мѣста, чтобы непремѣнно было согласно съ древней картой Греціи. А чтобы сдѣлаться «дочерью Гомера», чего ей страстно хотѣлось, усиленно занимается изученіемъ Греціи. Гомера изучаетъ, какъ усердный анатомъ; но и это находитъ недостаточнымъ. «Не довольно читать, по совѣту Горація,—пишетъ она въ одномъ изъ писемъ къ наставнику:—Гомера, Виргилія, Данте.... но когда они сидятъ за холстомъ и живописуютъ, надобно стать позади ихъ на цыпочки и смотрѣть имъ черезъ плечо, наблюдая за каждымъ махомъ ихъ кисти, пособлять имъ растирать краски будто бы изъ угожденія, а по настоящему для того, чтобы узнать количество всѣхъ составныхъ красокъ, и такъ должно трудиться вѣкъ свой... Я уже такъ знакома съ привычками Гомера, что часто за нѣсколько сотъ стиховъ впередъ угадываю, зачѣмъ онъ въ какомъ нибудь мѣстѣ включилъ одно или два словечка».... Вотъ какъ изучала она того, кого считала Юпитеромъ поэзіи, повелѣвающимъ всѣми остальными литературными богами. Рядомъ съ Гомеромъ читала Гезіода, Ѳеокрита, Пиндара; вся была поглощена Греціей, вся ушла въ этотъ мертвый, чуждый окружающей жизни, міръ. По странной случайности, лицомъ и всей фигурой она очень походила на гречанку: красива, стройна, съ величавой осанкой, правильными чертами и съ строгимъ взглядомъ греческой богини; разъ одинъ грекъ, разговаривая съ ней на родномъ языкѣ, былъ вполнѣ увѣренъ, что говоритъ съ своей соотечественницей.

IV.

Теперь, когда талантъ Елизаветы признанъ самимъ Гёте, пора бы, казалось, наставнику дать ей свободу, избавить отъ своего неусыпнаго надзора; но Гроссъ-Гейнрихъ попрежнему продолжаетъ просматривать и исправлять каждое ея новое стихотвореніе, вплетаемое въ «Вѣнокъ». По его настоянію, она пишетъ сперва понѣмецки, а потомъ уже порусски, иначе наставникъ былъ бы лишенъ возможности дѣлать свои замѣчанія: онъ еще плохо владѣетъ русскимъ языкомъ. И только, когда она приступила къ къ созданію «Коринны», онъ разрѣшилъ писать порусски.

Коринна,—какъ гласитъ преданіе,—была сверстницей Пиндара, вмѣстѣ съ нимъ училась у учительницы Мирто. Впослѣдствіи она пять разъ одерживала надъ Пиндаромъ побѣду въ поэтическихъ состязаніяхъ на олимпійскихъ играхъ. Разъ, когда учитель разсказалъ Кульманъ объ этомъ преданіи, она спросила: «А гдѣ же стихи Коринны?»—«Отъ васъ зависитъ воскресить ихъ,—сказалъ онъ.—

Кто вамъ мѣшаетъ написать стихи и назвать ихъ стихами Коринны?»

Учитель предлагалъ Елизаветѣ, что называется, tour de force. Хотя Греція для Кульманъ давно стала болѣе знакомой страной, чѣмъ Россія, но, тѣмъ не менѣе, задача была трудная. А если трудная, то для Кульманъ особенно заманчивая. И писательница принялась за работу, одновременно съ этимъ изучая за разъ три новые языка: португальскій, испанскій и новогреческій. Работая безустанно съ утра до вечера, она покончила съ стихотвореніями Коринны только черезъ три года. Это былъ гигантскій трудъ, новый сборникъ мелкихъ и большихъ стихотвореній, гдѣ не только заглавія («Островъ Челна», «Послѣдняя пѣсня Омира», «Праздникъ «Гезіода», «Сафо»...), сюжетъ, но и самое міросозерцаніе, вѣрованія, мѣстами даже слогъ, эпитеты—все говорило за несомнѣнность греческаго происхожденія автора. Теперь этотъ сборникъ не имѣетъ для насъ никакого инаго значенія и интереса, кромѣ того, что является образчикомъ, на что тратила свои гигантскія силы Елизавета Кульманъ и на чемъ окончательно губила, насилуя свой талантъ. Вотъ одно изъ многихъ мелкихъ стихотвореній Коринны: «Пѣснь лодочника». Она начинается и кончается однимъ и тѣмъ же куплетомъ:

«Садись, чета младая!
Челнокъ мой безопасенъ;
Любви нерѣдко волны
Спасеніемъ бывали», —

такъ говоритъ рыбакъ и разсказываетъ затѣмъ слышанный имъ отъ дѣда случай. Разъ Эротъ пустился одинъ въ море изъ рѣки Идальской.

«Младаго мореходца
Цвѣтисты забавляютъ
Волнующіеся флаги
И парусъ распущенный.

«Онъ сини волны равнымъ
Ударомъ разсѣкаетъ,
И направляетъ парусъ
По прихотямъ Зефира.

«Но, наконецъ, усильемъ
И зноемъ утомленный
Эротъ (вѣдь онъ ребенокъ)
Уснулъ въ челнѣ покойномъ».

Въ это время поднялась страшная буря.

«Два корабля неслися:
Одинъ съ эфирскимъ златомъ,
Арабскимъ ѳиміамомъ
И тирской багряницей;

«Другой — оружьемъ полный,
Которымъ властолюбье
Поработить стремится
Свободный уголъ міра».

Оба корабля буря нагнала на камни, разбила, и люди, и товаръ—все погибло, пошло къ дну.

«Но въ самомъ гнѣвѣ волны
Эрота уважали,
Одна другой тихонько
Челнокъ передавая.

«Послѣдняя Эрота,
Въ челнѣ на брегъ сложивши,
Вокругъ его сбирала
Тьму раковинъ прекрасныхъ,

«Чтобы не скорбѣлъ, проснувшись,
Отъ матери далекой,
И чтобъ ребенка мысли
Нашли предметъ забавы» [1]).

Вмѣсто того, чтобы входить въ болѣе подробную оцѣнку стихотвореній Коринны, приведу о нихъ мнѣніе извѣстнаго знатока греческой литературы Фосса. Вотъ что онъ сказалъ: «Эти стихотворенія можно почесть мастерскимъ переводомъ твореній какого нибудь поэта блистательныхъ временъ греческой литературы, о которыхъ мы до сихъ поръ не знали: до такой степени писательница умѣла вникнуть въ свой предметъ. Нѣтъ слова, которое могло бы насъ разубѣдить, что мы читаемъ твореніе древности. Трудно понять, чтобы столь молодая дѣвушка могла уже пріобрѣсти такія глубокія и обширныя познанія въ искусствѣ и древности».

Ея произведенія могъ оцѣнить ученый, знатокъ греческой жизни и литературы, но какой интересъ они могли представить для простаго читателя, ея соотечественника?—тяжело, скучно, мало понятно, едва ли кто станетъ читать. Эта мысль понемногу стала закрадываться и безпокоить Кульманъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ зарождалось желаніе сдѣлаться народной писательницей, жить въ памяти своего народа.

Но Елизавета давно привыкла за рѣшеніемъ каждаго вопроса обращаться къ своему наставнику, она отвыкла думать и сама за себя. И наставникъ совѣтуетъ ей заняться обработкой народныхъ сказокъ.

Кульманъ охотно принимаетъ совѣтъ и пишетъ сперва рядъ нѣмецкихъ сказокъ, подъ именемъ «Заморскихъ», потомъ прини-

[1]) Піитическіе опыты Е. Кульманъ. 1839 г. Стр. 71—72.

мается за обработку русскихъ: пишетъ сказку «Василій Буслаевъ», «Добрыня Никитичъ»,—всѣ въ стихахъ. Въ числѣ «Заморскихъ» находится извѣстная сказка о «Рыбакѣ и Рыбкѣ», которая у Кульманъ называется: «Рыбакъ и его жена».

«Жилъ былъ рыбакъ съ женою
На озерѣ пространномъ.
То озеро вдоль брега
Усѣяно тростиной
И низкими, средь пестрыхъ
Лежащими утесовъ,
Безлѣсными и нѣжной
Поросшими травою,
Младыми островами,—
Твореньемъ постепеннымъ
Случайныхъ водополій
И рѣкъ широкорусныхъ,
Нескорой мутной влагой
Чрезъ озеро текущихъ,
На берегу стояла,
Грозящая паденьемъ,
Проходная всѣмъ вѣтрамъ,
Преветхая избушка» и т. д. [1]).

Содержаніе сказки извѣстно всѣмъ изъ прекрасной переработки, сдѣланной Пушкинымъ; но почему въ данномъ случаѣ Кульманъ отнесла ее къ числу нѣмецкихъ «Заморскихъ», — неизвѣстно. Изъ первыхъ же приведенныхъ строкъ сказки, складъ ея напоминаетъ величавый тонъ греческаго эпоса, тонъ поэмъ, далеко отступающій отъ безъискусственности сказочной рѣчи.

Такимъ же недостаткомъ страдаютъ и обѣ названныя русскія сказки! Сказка о Добрынѣ очень большая; раздѣлена на нѣсколько вечеровъ. Русскаго въ ней—только одни имена, а все остальное— и картины, и сравненія, и рѣчи, больше отдаетъ Греціей, мѣстами Дантомъ, но не Русью, не былиннымъ складомъ, не былинными героями, откуда авторъ заимствуетъ сюжетъ. Что русскаго, напримѣръ, въ томъ мѣстѣ разсказа Добрыни, гдѣ онъ передаетъ князю Владиміру о томъ, что испыталъ и видѣлъ въ царствѣ Десятиглаваго Гиганта?

Послѣ того, какъ Добрыня срубилъ ему всѣ головы.

«Полъ передъ мною разверзся,—

говоритъ онъ:—

Смотрю подъ оный смѣло;
Земля тамъ разступилась;
Кровавый трупъ Гиганта
Былъ поглощенъ въ мигъ ею.

---

[1]) Піитическіе опыты Е. Кульманъ. 1839. 16 стр.

Въ то жъ время надо мною
Ударилъ громъ небесный;
Отъ сильныхъ перекатовъ,
Какъ листъ, дворецъ потрясся,
И яркіе перуны
Вокругъ меня носились,
Со трескомъ ниспадали,
Глаза мнѣ ослѣпляя,
И угрожали жизни....
Вдругъ вся окрестность тьмою
Могильною одѣлась;
И сквозь тотъ мракъ могильный
Изъ потолка явилась
Глава въ томъ блѣдномъ свѣтѣ,
Что̀ по болотамъ въ осень
На страхъ и хладный трепетъ
Является заблудшимъ.
Она огнемъ дышала
И голосомъ печальнымъ
Рекла: «Врагъ Салагуровъ!
Не свободишь царицу,
Узрѣвъ изъ чародѣйства,
Ты смертію Гиганта
Повергъ ее съ своими
Въ несносное мученье.
Ты часть имъ отдалъ чувства,
И будутъ впредь отнынѣ
Терзаемы нещадно
Они нетопырями,
Рожденными отъ трупа
Убитаго тобою [1])»...

Вся приведенная картина ужасовъ въ своемъ описаніи болѣе напоминаетъ сцены изъ «Божественной комедіи» Данта, чѣмъ нашъ былинный или сказочный эпосъ. Несомнѣнно, авторъ изучилъ подробно всѣ варіанты былинныхъ сказаній о Добрынѣ, изучилъ ихъ по многимъ источникамъ, но онъ самъ чуждъ духа нашихъ преданій, нашей исторіи, и потому ни картины, ни образы нашихъ былинныхъ героевъ, ни ихъ характеры, ему совсѣмъ не удаются. Вотъ хотя бы сцена изъ 2-го вечера, гдѣ князь Владиміръ допрашиваетъ «верховнаго священника» при храмѣ Перуна насчетъ предстоящей битвы съ Тугаринымъ:

«Пошелъ онъ въ храмъ Перуновъ
И требовалъ совѣта:
«Какъ отъ бѣды грозящей
Отечеству спастися?»
Верховный жрецъ, спросивши

[1]) Тамъ же, 161 стр.

Часъ сроку, удалился
И заперся въ святыню.
Оттуда вышедъ, рекъ онъ:
«Внимай совѣтъ, Владиміръ,
Всесильнаго Перуна:
Потребно Исполина
Тугарина презлаго,
Рожденнаго дракономъ,
Поймать, связать злодѣю
Ухваченному руки
И ноги и, не медля,
Принести богамъ на жертву.
«Но какъ, отецъ свѣтлѣйшій,
Намъ можно то исполнить?»—
Спросилъ его Владиміръ.
«Надъ вами гнѣвъ Перуна,
Коль вы его неймете»,—
Отвѣтствовалъ жрецъ князю,
И вновь ушелъ въ святыню
Распоряженья дѣлать
Къ закланію Гиганта» [1]).

Словно читаешь отрывокъ изъ Иліады въ вольномъ переводѣ, съ измѣненіемъ собственныхъ именъ, гдѣ Юпитеръ замѣненъ Перуномъ, Агамемнонъ княземъ Владиміромъ и т. д., такъ не похожъ послѣдній, смиренно, безмолвно выносящій чуть не оскорбленіе отъ жреца,—на извѣстный величественный образъ Владиміра-Красное Солнышко, которому и служитель Перуна всегда воздаетъ должное уваженіе.

Е. Кульманъ на столько поглощена Греціей, греческимъ міромъ, такъ привыкла улетать мыслью отъ Россіи, всего русскаго, что воспроизвести «русскій духъ», то, «что Русью пахнетъ», что ее окружаетъ, — она не въ силахъ, Е. Кульманъ не можетъ! Ее до того тянуло на искусственно подставленныя ходули, что, поднимаясь все дальше и дальше отъ земли, она съ каждымъ днемъ теряла подъ ногами дѣйствительную почву и, наконецъ, совсѣмъ утратила сознаніе дѣйствительности; привыкнувъ хорошо ходить на гигантскихъ ходуляхъ, она, вмѣстѣ съ этимъ, утратила естественную способность, которая присуща каждому простому смертному,—ходить по землѣ на своихъ собственныхъ ногахъ; для нея это стало уже невозможно.

Вотъ наступилъ ея день рожденья: ей минуло 16 лѣтъ. День этотъ справлялъ въ своей квартирѣ корпусный балетмейстеръ, онъ

[1]) Тамъ же, 149 стр.

училъ Елизавету танцамъ. Въ этотъ день онъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ ея учителей: музыки, пѣнія, рисованія, а также и Гроссъ-Гейнриха. Каждый изъ нихъ хотѣлъ похвастаться передъ товарищемъ успѣхами необычайной ученицы, и съ этою цѣлью одинъ за другимъ заставляютъ молодую взрослую дѣвушку выставлять на показъ свои знанія: играть на фортепіано, рисовать, говорить на разныхъ языкахъ, сочинять экспромты.

Это было полнѣйшее торжество въ жизни педагоговъ, а главное, торжество Гроссъ-Гейнриха, передъ которымъ, вмѣсто самобытной творческой силы, стояла теперь удивительная машина. Этотъ день рожденья, съ выставкой наперерывъ всевозможныхъ знаній 16-ти-лѣтней дѣвушки, которая сама увлечена желаніемъ возбудить удивленіе, вызвать похвалу, получить благодарный взглядъ наставника,—все вмѣстѣ производитъ тяжелое впечатлѣніе. Прежде, когда Кульманъ была ребенкомъ, это казалось умилительно-трогательно; но теперь она уже взрослая дѣвушка! Поработившая ее любовь и въ особенности самолюбіе кажутся уже недоразвитіемъ, ребячествомъ, въ которомъ очутилась Елизавета, благодаря неусыпной опекѣ наставника, продолжавшаго и теперь думать за Кульманъ. Вся самобытность, оригинальность — все убито въ нѣкогда чудной, необычайной дѣвочкѣ этой заботливостью. Сколько ни пиши Кульманъ, ея произведенія теперь могутъ поражать знаніемъ, ученостью, но не поэтическимъ даромъ, не оригинальностью. Вотъ что сдѣлала эта взаимная святая любовь педагога и ученицы. Въ ней лежитъ причина гибели таланта Е. Кульманъ, превращенія писательницы-поэтессы въ ученую женщину. Сдавленная въ заботливыхъ тискахъ любви, она напряженно вытягивалась въ ту сторону, въ которую хотѣлъ учитель, и покорно давала глохнуть, гибнуть въ себѣ всякой самостоятельности, самобытности, всему, чѣмъ одарила ее природа, какъ поэтессу, и что прекрасно объявилось въ ея немногихъ стихахъ «для себя». Кульманъ позволила даже превратить себя изъ русской нѣмки XIX вѣка въ гречанку гомеровскихъ и пиндаровскихъ временъ!

На это могутъ возразить: талантъ, какъ и геній, самъ прокладываетъ себѣ дорогу; онъ долженъ порвать всякія цѣпи: на то онъ талантъ. Не надо забывать, что Кульманъ была женщина, слѣдовательно, со всею женскою природою, со всѣми ея слабостями и красотами. Какъ женщина, она была крайне мягка, чувствительна, и главное, съ способностью къ беззавѣтной любви и даже къ порабощенію. Вслѣдствіе этого, она отдалась во власть человѣка, въ умъ и знаніе котораго привыкла вѣрить съ пяти лѣтъ и на котораго привыкла смотрѣть, какъ на своего добраго генія. Не обладай она сторонами хорошей женской натуры, способностью беззавѣтной, горячей любви, она не отдалась бы во власть педагога, его честолюбивыхъ замысловъ, которые отвели ей мѣсто въ

древнихъ книгохранилищахъ, гдѣ стоятъ теперь ея произведенія, увѣнчанныя пыльнымъ покровомъ равнодушнаго, всехранящаго времени.

— —

Такова трагическая судьба таланта Е. Кульманъ. Не менѣе трагиченъ и конецъ ея жизни.

Семнадцатый годъ своего рожденія она уже не праздновала такъ весело, какъ въ 1823 году. Въ ноябрѣ 1824 года, Кульманъ простудилась на свадьбѣ одного изъ своихъ братьевъ. Осень была холодная, дулъ сильный вѣтеръ, а у нея не было теплаго пальто. Она стояла на паперти, въ ожиданіи экипажа, въ одномъ платьѣ. Вѣтеръ имѣлъ достаточно времени и простора, чтобы распорядиться съ нею по-своему. Изъ церкви проѣхала къ молодымъ, а тамъ они упросили ее остаться у нихъ погостить. Это совпадало какъ разъ съ той порой, про которую Пушкинъ говоритъ:

«Была ужасная пора:
Объ ней свѣжо воспоминанье,
Объ ней, друзья мои, для васъ
Начну свое повѣствованье.
Печаленъ будетъ мой разсказъ».

Нева вышла изъ береговъ, и Е. Кульманъ, подобно Евгенію въ «Мѣдномъ Всадникѣ», мучилась за мать, съ которой разсталась въ первый разъ въ жизни. Всю ночь она провела въ возбужденномъ состояніи, въ слезахъ, стоя на колѣняхъ передъ образомъ. На другой день, измученная, больная, вся въ жару, была перевезена домой. У нея оказалось воспаленіе въ легкихъ, затѣмъ открылась чахотка.

Случайно запоздавшій отвѣтъ Жанъ-Поля Рихтера, отвѣтъ самый лестный, доставилъ много тяжелыхъ минутъ Елизаветѣ. «При сужденіи обо мнѣ Гёте,—сказала она:—я плакала отъ страху, что бѣдность моя не позволитъ сбыться его предсказаніямъ, а теперь, при сужденіяхъ Жана-Поля, я плачу отъ предчувствія близкой смерти».

Но лишь только ей становилось немного легче, едва стихала боль въ груди и уменьшался кашель, она снова принималась за работу съ еще большей горячностью и лихорадочностью, чѣмъ прежде, точно боялась, что не успѣетъ докончить задуманнаго.

Въ этотъ годъ, почти лежа въ постели, она написала «Стихотворенія Беренники» и длинную сказку въ стихахъ «Волшебная лампада», сюжетъ которой заимствованъ изъ «Тысячи одной ночи».

«Памятникъ Беренникѣ»—такъ называлось собраніе стихотвореній, посвященныхъ матери Птоломея, Беренникѣ. Она была извѣстна, какъ покровительница искусства. Преданіе гласитъ, что въ этомъ сборникѣ принимали участіе многіе изъ современныхъ Птоломею поэтовъ. Преданіе это послужило основою для Куль-

манъ—возсоздать «памятникъ Беренникѣ». Подъ этимъ названіемъ она дала третій сборникъ стихотвореній («Геликонъ», «Къ вечерней звѣздѣ», «Къ лунѣ», «Къ Діанѣ» и т. д.) все въ томъ же греческомъ духѣ и приписала ихъ греческимъ поэтамъ: Ликофрону Халкидскому, Филемону, Мосху и др. Каждому приписываетъ по нѣскольку стихотвореній. Для образца привожу одно изъ стихотвореній Мосха: «Къ Діанѣ»:

«Привѣтствуетъ, Діана,
Тебя, сестра Аполла,
Въ твоихъ тѣнистыхъ долахъ
И на холмахъ открытыхъ!

«Изъ тула золотаго
Ты вынимаешь стрѣлы
Отмщенья, чтобъ дубраву
Очистить отъ чудовищъ:

«То отъ волковъ голодныхъ,
Всегда хотящихъ крови,
То отъ клыкастыхъ вепрей,
Всегда готовыхъ къ бою.

«Земля отъ ихъ паленья
Дрожитъ ужаснымъ гуломъ,
Стонаетъ вся дубрава
Отъ смертнаго ихъ воя.

«Но лань младая, робко
Къ тебѣ прибѣгнувъ, лижетъ
Твои могущи длани;
И ты ее ласкаешь.

«Она вслѣдъ за тобою
Идетъ до Дельфъ, гдѣ, праздный
Колчанъ и лукъ сложивши
У вратъ святаго храма,

«Порой со звукомъ лиры
Аполловой ты пляску
Охотно начинаешь
Въ толпѣ Каменъ гласистыхъ» и т. д. [1]).

Въ этихъ стихахъ опять выступаетъ все та же гречанка—никакого движенія впередъ, никакой новой черты въ созданіяхъ, даже и стихъ все тотъ же мало-музыкальный, бѣлый, словно разъ навсегда застывшій въ своемъ однообразномъ размѣрѣ.

Той же неподвижностью стиха и отсутствіемъ оригинальности, отсутствіемъ «своего» поражаетъ и упомянутая сказка «Волшебная лампада». Содержаніе здѣсь заимствованное, чужое; картины и об-

---

[1]) Тамъ же.

разы съ тѣми же чертами Дантовскаго характера, подражаніе которому указано было въ сказкѣ о Добрынѣ, и съ невольнымъ отраженіемъ греческаго міросозерцанія, которымъ насквозь проникнута Кульманъ.

Въ этотъ годъ она усиленно бесѣдуетъ съ Гроссъ-Гейнрихомъ, поднимаетъ вопросы спеціально-научные; но за то въ послѣднее время она съ нимъ далеко не попрежнему откровенна; не откровенна и съ матерью. Ее гнететъ мысль о смерти, о неудавшихся надеждахъ; говорить объ этомъ ни съ матерью, ни съ Гроссъ-Гейнрихомъ она не рѣшается; но когда становится не подъ силу тяжелое душевное одиночество, она прибѣгаетъ къ перу и бумагѣ. Имъ, этимъ равнодушнымъ и болѣе выносливымъ свидѣтелямъ, она повѣряетъ въ стихахъ свои думы о ранней смерти, о разбитыхъ надеждахъ, свои воспоминанія о далеко нерадостномъ прошломъ. Стихотворенія эти тщательно скрываетъ отъ всѣхъ: они вмѣстѣ съ ея другими стихами были найдены въ столѣ послѣ ея кончины. Въ одномъ изъ нихъ она обращается къ надвигающейся смерти съ упрекомъ:

«Духовныя отрады
Изъ ряда исключа,
Чего такого въ жизни
Вкусила я, — скажи?

«Родитель мой и братья
Давно спятъ вѣчнымъ сномъ,
Какъ будто на чужбинѣ,
Живу въ краю родномъ.

«Не мучилась ли мыслью,
Что скоро я умру?
Не больше ль я страдала
За мать, за мать мою?»... [1]).

Привожу эти стихи, чтобы раскрыть ту душевную драму, которую въ тайнѣ отъ всѣхъ переживала Кульманъ въ концѣ жизни. Она прекрасно понимала, что въ ея на видъ безъисходномъ положеніи еще возможно бы было найдти спасеніе; напримѣръ, въ поѣздкѣ на югъ, въ Италію; но все дѣло за деньгами...

Съ тѣхъ поръ, какъ узнали о ней при дворѣ, въ знакъ необычайныхъ способностей, назначено было выдавать ей изъ дворцовой конторы по 200 рублей ассигнаціями въ годъ. Это былъ единственный рессурсъ ея жизни съ матерью, другихъ — никакихъ, ниоткуда. При такомъ положеніи немыслима была никакая заграничная поѣздка. И Елизаветѣ Кульманъ оставалось одно — ждать смерти и сознавать, что ее ведетъ въ могилу бѣдность:

---

[1]) «Библ. для Чт.», 1849 г., августъ.

«О! если бъ были крылья!
Порхнула бъ я на югъ,
Не вѣдала бы, какъ таетъ
Жизнь юная средь мукъ.

«На тепломъ югѣ, въ Ниццѣ,
Въ семъ райскомъ уголкѣ,
Тамъ я нашла бъ спасенье,
Туда бъ хотѣлось мнѣ.

«На сѣверѣ же хладномъ
Меня здѣсь гибель ждетъ.
Я вижу — скорымъ шагомъ
Смерть страшная идетъ.

«Вы, ласточки, спѣшите,
Счастливицы на югъ!
Застанете тамъ лѣто
И всѣ отрады вдругъ.

«Отъ дальнихъ странствій если бъ
Кто захворалъ изъ васъ,
Тамъ воздухъ благодатный
Недугъ уйметъ тотчасъ.

«Я полетѣла бъ съ вами
Въ бальзамный воздухъ тотъ —
Смѣсь солнечнаго свѣта
И запаха цвѣтовъ.

«Навѣрно бъ исцѣлилась
Я, по врача словамъ,
Пробывъ двѣ трети года
На тепломъ югѣ тамъ.

«Здѣсь умереть мнѣ должно,
Какъ тяжка мысль сія!
Да, ласточки, весною
Не будетъ ужъ меня!»... [1]).

И дѣйствительно, новая весна не застала уже въ живыхъ Елизаветы Кульманъ, она умерла еще зимой 19 ноября 1825 года, и теперь лежала спокойная, гордая, въ видѣ мраморнаго изваянія, въ своей богатой мраморной гробницѣ.

Е. Некрасова.

[1]) Тамъ же.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГОНОРАРЪ ВЪ XVIII ВѢКѢ.

I.

Е ВЫСОКЪ уровень гражданственности въ обществѣ, изъ среды котораго поэтъ восторженно привѣтствуетъ новую жизнь, радуясь, что

«Тамъ можно пошептать въ бесѣдахъ
И, казни не боясь, въ обѣдахъ
За здравіе царей не пить.
Тамъ съ именемъ Фелицы можно
Въ строкѣ описку поскоблить,
Или портретъ неосторожно
Ея на землю уронить;
Тамъ свадебъ шутовскихъ не парятъ,
Въ ледовыхъ баняхъ ихъ не жарятъ,
Не щелкаютъ въ усы вельможъ;
Князья насѣдками не клохчутъ,
Любимцы въявь имъ не хохочутъ
И сажей не мараютъ рожъ».

Восторгъ Державина понятенъ.

Хотя и при Екатеринѣ «помаленьку кнутобойничалъ» Степанъ Ив. Шешковскій [1]), но общество не было болѣе приводимо въ ужасъ

[1]) Потемкинъ,—разсказываетъ А. С. Пушкинъ,—встрѣчаясь съ Шешковскимъ, обыкновенно говаривалъ ему: «Что, Степанъ Ивановичъ, каково кнутобойничаешь?» На что Шешковскій отвѣчалъ всегда съ низкимъ поклономъ: «Помаленьку, ваша свѣтлость». Библіогр. Зап., 1859, т. II, стр. 136.

публичными казнями, подобными постигшей въ 1743 году статсъ-даму Лопухину, ея мужа (генералъ-поручика), графиню Бестужеву-Рюмину и друг. Растрачивались государственныя имущества на попадавшихъ въ «случаи» и ихъ родственниковъ; закрѣпощеніе народа шло гигантскими шагами на Украйнѣ, но изъ кабинета государыни уже не посылали указовъ: «Съ казаковъ, женъ ихъ, дѣвокъ по 6 человѣкъ выбрать, которыя были бы негнусны и хорошо танцовать умѣли, и прислать въ С.-Петербургъ къ январю (указъ былъ полученъ въ Глуховѣ 11-го декабря), для имѣющей быть нѣкоторой забавной свадьбы» [1]). Люди, не утратившіе сознанія своего человѣческаго достоинства, не преслѣдовались, подобно А. П. Волынскому, при дворѣ императрицы, даровавшей

«Свободу мыслить
И разумѣть себя, цѣнить
Не въ рабствѣ, а въ подданствѣ числить» [2]).

Вельможъ не щелкали въ усы, но сами вельможи изъ новыхъ людей щедро раздавали пощечины представителямъ старинныхъ боярскихъ и княжескихъ родовъ [3]). Своимъ хищническимъ инстинктамъ они не знали удержу. Не только звонкая монета цѣлыми сундуками перевозилась изъ государственныхъ кассъ въ домы начальниковъ, замѣняясь обезцѣненными ассигнаціями, и казенныя деньги самовольно отдавались въ ростъ частнымъ лицамъ [4]), но и государственныя недвижимыя имущества захватывались самымъ беззастѣнчивымъ образомъ. Въ завоеванномъ Крыму, вельможи раздавали земли знакомымъ дамамъ [5]) и сами себѣ жаловали громадныя степныя пространства въ Новороссійскомъ краѣ цѣлыми округами на глазомѣръ. Имъ достаточно было заявить о своемъ желаніи мѣстнымъ властямъ. До какого упрощенія довели они дѣло самопожалованія, можно видѣть изъ слѣдующихъ, еще неизданныхъ, документовъ, принадлежащихъ редакціи «Историческаго Вѣстника».

1. Рапортъ Василія Каховскаго князю Гр. А. Потемкину:

«Его свѣтлости высокоповелительному господину генералъ-фельдмаршалу, екатеринославскому и таврическому генералъ-губернатору и разныхъ орденовъ кавалеру, князю Григорію Александровичу Потемкину

«РАПОРТЪ.

«Планъ земли Ачуевской, снятый оберъ-квартирмейстеромъ Ѳедоровымъ и землемѣромъ Калчигинымъ по силѣ предписанія вашей

---

[1]) Замѣтка Марковича подъ 1739 годомъ въ его «Дневныхъ Запискахъ».

[2]) Пѣвецъ же Елисаветы, Ломоносовъ, восклицалъ въ надписи на иллюминацію 1747 года:

«Пусть мнимая другихъ свобода угнетаетъ,
Насъ рабство подъ твоей державой возвышаетъ!»

[3]) Библ. Зап., I. с.

[4]) По свидѣтельству Болотова, Державина и другихъ современниковъ.

[5]) См. разсказы Н. К. Загряжской въ полномъ собраніи соч. Пушкина.

свѣтлости и владѣнный указъ на оную имѣю честь при семъ поднесть.

«Василій Каховской».

«№ 2,442.
«Октября 18 дня 1785 г.
«Б. г. Акмечеть».

2. Упомянутый въ рапортѣ «владѣнный указъ», за № 2,021, слѣдующаго содержанія:

«По указу ея величества государыни императрицы Екатерины Алексѣевны, самодержицы всероссійской, и пр., и пр., и пр.

«Правитель Таврической области статскій совѣтникъ и кавалеръ Каховской, въ присутствіи таврическаго областнаго правленія словесно предложилъ, что господинъ генералъ-фельдмаршалъ, всѣхъ россійскихъ и разныхъ орденовъ кавалеръ, князь Григорій Александровичъ Потемкинъ, объявилъ желаніе въ письмѣ, къ нему присланномъ, землю Ачуевскую, означенную на присланномъ примѣрномъ планѣ, взять себѣ для поселенія, съ тѣмъ, чтобы укрѣпить оную надлежащимъ образомъ въ его владѣніе и планъ съ владѣннымъ указомъ доставить къ нему, г. генералъ-фельдмаршалу и кавалеру, а вслѣдствіе того, по данному отъ онаго правителя области повелѣнію, оберъ-квартирмейстеръ маіоръ Ѳедоровъ и землемѣръ подпоручикъ Калчигинъ, по снятіи той Ачуевской земли на планъ, представили оной къ нему, съ донесеніемъ, что та земля формально ими еще не отмежевана и межевыхъ книгъ не сочинено, а посему и тотъ планъ отъ него, правителя, предложенъ присутствію на разсмотрѣніе, для того по указу ея императорскаго величества въ таврическомъ областномъ правленіи опредѣлено: какъ изъ того плана и приложеннаго при немъ описанія видно, что во всей Ачуевской округѣ состоитъ земли, удобной 122,635 десятинъ, 2,200 квадрат. саж., неудобной 341,117 десят., 2,250 квад. саж., а всего: 463,753 десят., 2,050 кв. саж., и лежитъ впустѣ; то дабы оная безъ заселенія не оставалась, отдать оную во владѣніе г. генералъ-фельдмаршалу и кавалеру кн. Григорію Александровичу Потемкину сходно съ его желаніемъ, по урочьщамъ»... Далѣе слѣдуетъ обозначеніе границъ, а затѣмъ указъ продолжаетъ:

«Для чего съ приложеніемъ съ представленнаго отъ оберъ-квартирмейстера маіора Ѳедорова и землемѣра подпоручика Калчигина плана скопировки, подписавъ оную присутствующими областнаго правленія, послать къ оберъ-квартирмейстеру маіору Ѳедорову указъ и велѣть по вышеписаннымъ урочищамъ, означеннымъ на той скопировкѣ красною оттушевкою, во владѣніе онаго г. генералъ-фельдмаршала и кавалера въ свое время формально отмежевать и, сочиня планъ съ межевыми книгами, представить въ областное правленіе для подписанія и утвержденія государственною печатью къ

выдачѣ владѣльцу и разсылкѣ куда слѣдуетъ, по полученіи которыхъ на вѣчное и потомственное тою землею владѣніе, ему, г. генералъ-фельдмаршалу и кавалеру, дать сей ея императорскаго величества открытый указъ, при коемъ и представленный отъ оберъ-квартирмейстера маіора Ѳедорова и землемѣра подпоручика Колчигина планъ приложить. Во утвержденіе чего и данъ сей изъ таврическаго областнаго правленія за подписаніемъ и съ приложеніемъ печати въ благополучномъ городѣ Акмечетѣ, октября 17-го дня 1785 года (подписали):

«Правитель статскій совѣтникъ Василій Каховской.
«Правящій должность поручика правителя коллежскій совѣтникъ Андрей Ланге.
«Предсѣдатель палаты уголовнаго суда полковникъ Петръ Скорняковъ.
«Совѣтникъ областнаго правленія Петръ Максимовичъ.
(Слѣдуютъ двѣ татарскія подписи).
«Коллежскій протоколистъ Романъ Крутовъ.
«Регистраторъ Акимъ Генбачевъ».

Развращаемые неумѣренною властью и еще болѣе неумѣренными богатствами, быстро пріобрѣтенными и безъ малѣйшаго труда, вельможи-любимцы едва ли могли съ уваженіемъ относиться къ послѣднему и воспринимать «свободу мыслить и разумѣть себя» иначе, какъ въ формѣ презрѣнія сильнаго къ личности слабаго, не стѣсняясь проявлять его въ грубомъ и пошломъ самодурствѣ. Они были лишены истиннаго душевнаго величія и отличались высокомѣріемъ въ обхожденіи даже съ чиновными людьми, какъ бы желая показать, что прихоть фавора кладетъ между правами гражданъ пропасть болѣе глубокую, чѣмъ та, которая раздѣляетъ ихъ іерархическія мѣста и соціальныя положенія[1]). Они были милостивы къ льстецамъ и требовали угодливости, а это давало фальшивый тонъ не только великосвѣтской жизни, но и тогдашней литературѣ нашей, воспитанной подъ дворцовымъ крылышкомъ и кормившейся отъ щедротъ меценатовъ. Исключенія, подобныя «Путешествію» Радищева, отличались еще большою неуклюжестью.

II.

Ни наши придворные нравы, ни наша льстивая литература половины и послѣднихъ десятилѣтій прошлаго вѣка, не были ис-

[1]) Вышедшему изъ пѣвчихъ одному дѣйствительному статскому совѣтнику, который былъ недоволенъ обхожденіемъ Потемкина и сказалъ какъ-то: «Развѣ не знаетъ князь, что я такой же генералъ, какъ онъ самъ?» Потемкинъ презрительно замѣтилъ, при первой встрѣчѣ: «Что ты врешь? какой ты генералъ? ты генералъ-басъ!» Изъ записокъ А. С. Пушкина, «Полное собраніе соч.», изд. 1869 г., т. IV, стр. 471.

ключеніемъ на материкѣ Европы уже потому, что въ нихъ было много наноснаго изъ Германіи. Нѣмцы подражали французамъ, мы подражали этому подражанію, и одинаково неловко. Въ тогдашнемъ придворномъ и большомъ свѣтѣ еще не додумывались, что

«Такъ надобно гораздо разбирать,
Какъ станешь грубости кору съ людей сдирать,
Чтобъ съ ней и добрыхъ свойствъ у нихъ не растерять,
Чтобъ не ослабить духъ ихъ, не испортить нравы,
Не разлучить ихъ съ простотой,
И, давши только блескъ пустой,
Безславья не навлечь имъ вмѣсто славы».

Наши профессора и академики-одописцы были сколками съ германскихъ университетскихъ мастеровъ, а то прямыми ихъ учениками. Почтенный Галлеръ и его многочисленные послѣдователи перелагали на стихотворный языкъ философскіе трактаты, пересказывали Лейбница и Вольфа, сочиняли стихотворныя разсужденія о намѣреніяхъ божіихъ при созданіи вселенной, о прививаніи коровьей оспы, о пользѣ математическихъ наукъ. Нашъ ученый литераторъ Ломоносовъ пыталъ свои силы въ томъ же направленіи. Нельзя не видѣть поразительнаго сходства между Готтшедомъ и Сумароковымъ; даже задоръ задѣваемаго сумароковскаго самолюбія и его писательская спѣсь выражались на готтшедовскій ладъ. Сатирикъ Рабенеръ не дерзалъ приближаться съ своею насмѣшкою къ палатамъ вельможъ и прямо отказывался говорить о предметахъ, въ которыхъ замѣшаны «превосходительныя особы».

За это Рамлеръ (въ предисловіи къ переводу Баттё) хвалитъ «нѣмецкаго Ювенала» и называетъ его «улыбающимся сатирикомъ». У насъ въ высшихъ слояхъ придерживались тѣхъ же взглядовъ на границы и форму сатиры. Екатерина II укоряла Новикова за нападки на судейское взяточничество и словами Рамлера требовала, чтобъ сатира писалась въ «улыбательномъ родѣ».

Такая сатира скользитъ по поверхности, не проникая вглубь порочнаго общественнаго строя, совсѣмъ не затрогиваетъ основы этого строя и вращается въ области житейскихъ слабостей болѣе или менѣе общихъ всѣмъ временамъ. Не осмѣивая пороковъ, а подшучивая надъ людскими недостатками, она не производитъ сколько нибудь замѣтнаго движенія въ обществѣ и читается для забавы ограниченнымъ кругомъ людей, имѣющихъ дѣло съ книгами по ремеслу, по обязанности, или ведущихъ праздную свѣтскую жизнь.

Все читающее общество еще въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія было ничтожно и въ Германіи, и у насъ. Въ 1765 году Зульцеръ говорилъ:

«Книги остаются исключительно въ рукахъ однихъ профессоровъ, студентовъ и журналистовъ, и мнѣ кажется, что писать для настоящаго поколѣнія—дѣло, едва ли стоющее труда. Если въ Гер-

маніи существуетъ читающая публика внѣ круга людей, по ремеслу своему обязанныхъ обращаться съ книгами, то я долженъ признаться въ своемъ невѣжествѣ—я не знаю такой публики. Я вижу за книгами только студентовъ, кандидатовъ, тамъ и сямъ одинокаго профессора, изрѣдка проповѣдника. Общество, въ которомъ эти читатели составляютъ незамѣтную частицу, не имѣетъ и понятія о томъ, что такое литература, философія, что такое разумно нравственныя убѣжденія и вкусъ».

Въ нашихъ столицахъ (провинція долго еще представляла совершенную пустыню въ литературномъ отношеніи) около того же времени и нѣсколько позже литературные журналы и сборники издавались только любителями или на подписныя деньги и пожертвованія друзей, знакомыхъ и покровителей [1]). Сатирическіе журналы, созданные почином императрицы, не составляли исключенія. Существованіе всѣхъ такихъ изданій было кратковременно. Съ отъѣздомъ двора въ Москву, книжный рынокъ пустѣлъ въ Петербургѣ. Въ письмѣ къ статсъ-секретарю Козицкому [2]) Новиковъ жалуется, что отъѣздъ двора произвелъ замѣшательство въ его издательскихъ дѣлахъ, «ибо не только, что не прибавляются подписчики, но и другихъ книгъ почти совсѣмъ не покупаютъ». На сбытъ литературныхъ произведеній вольною продажею были плохія надежды; авторы подносили свои труды и програмы задуманныхъ изданій, обыкновенно посвящаемыхъ («приписываемыхъ») высокопоставленнымъ лицамъ или императрицѣ. Подносимое же, понятно, должно было удовлетворять вкусу милостивца или его тщеславію, отсюда

«Награда перстенькомъ,
Не рѣдко сто рублей, иль дружество съ князькомъ».

Такимъ образомъ, не одни низменныя побужденія авторовъ, не слабость развитія въ нихъ чувства собственнаго достоинства, но и стѣснительныя хозяйственныя условія, въ которыя былъ поставленъ литературный трудъ ничтожностью общественнаго спроса на его произведенія, обусловливали усердіе панегиристовъ. Самая сатира на общество, по своей мелочности безсильная воспитывать въ немъ высокія чувства гражданственности или видѣвшая зло въ порочности нравовъ, тогда какъ оно являлось неизбѣжнымъ слѣдствіемъ закономъ установленнаго порядка или имъ поддерживалось,—превращалась въ похвалу правительству, ему служила и его возвеличивала. Кантемиръ служилъ новшествамъ Петра Ве-

---

[1]) Кромѣ денегъ (платили дороже объявленной цѣны, и одно лицо иногда подписывалось на нѣсколько экземпляровъ повременнаго изданія), помогали типографскими матеріалами: генералъ-аудиторъ-лейтенантъ П. К. Хлѣбниковъ пожертвовалъ бумагу на цѣлое годовое изданіе «Утр. Свѣта». См. сентябрскую книжку 1777 г., стр. XXIV, изд. 1-е.

[2]) Отъ 26-го марта 1775 года. Лѣт. русск. лит. и др., IV, смѣсь, стр. 46.

ликаго, Державинъ возвеличивалъ свою «Фелицу», оттѣняя свѣтлыя стороны ея царствованія мрачными воспоминаніями о бироновщинѣ и дворцовомъ самодурствѣ временъ Елисаветы Петровны.

Были и панегиристы по должности. Екатерина II наименовала Кострова университетскимъ стихотворцемъ и назначила ему годовое жалованье въ 1,500 рублей. «Когда, — говоритъ Пушкинъ, — наступали торжественные дни, Кострова искали по всему городу для сочиненія стиховъ и находили обыкновенно въ кабакѣ или у дьячка, великаго пьяницы, съ которымъ былъ онъ въ тѣсной дружбѣ».

Милоновъ и Дмитріевъ разражались негодованіемъ противъ поставщиковъ лести и низкопоклонства, которые торговали поддѣльнымъ восторгомъ и превратили поэзію въ средство для пріобрѣтенія денегъ и милостей; но не ихъ сатира нанесла рѣшительный ударъ панегиристамъ. Самая возможность появленія ихъ сатиры и сочувственное къ ней отношеніе общества показывали, что назрѣваетъ спросъ на литературу инаго рода, и что общество готово и способно поддержать новое направленіе. Не стало заказчиковъ или поубавилась ихъ щедрость, исчезли или перемѣнили личину и поставщики хвалебныхъ одъ. Покуда же видѣли

И цѣль полезную, и рвеніе благое

въ пресмыкательствѣ поэта передъ сильными міра сего и приправленные лестью поэтическіе восторги награждали тепленькими мѣстечками и даже почестями; покуда общество не предъявляло серьёзнаго спроса на литературу вполнѣ достойную своего призванія и меценаты оставались если не единственными, то все же главными и наиболѣе надежными заказчиками и покупателями, — не переводились ни драматурги, ни лирики, ни публицисты, готовые стихи свои и прозу наполнять «хвалою гнусныхъ дѣлъ» и размѣнивать свой талантъ на пріятное щекотаніе нервовъ своихъ милостивцевъ.

Писатель, не обладавшій самостоятельными средствами къ жизни и въ то же время стремившійся къ независимости въ творчествѣ, влачилъ жалкое существованіе. Авторъ народной русской оперы «Мельникъ», А. О. Аблесимовъ, былъ оцѣненъ въ Петербургѣ не театральнымъ вѣдомствомъ, а нѣмецкимъ журналомъ актера Зауервейда [1]). Его произведеніе было встрѣчено очень сочувственно и пользовалось постояннымъ успѣхомъ въ московской публикѣ, которая впервые познакомилась съ нимъ въ день открытія русскаго театра, въ августѣ 1780 года [2]); тѣмъ не менѣе нужда

---

[1]) «Russische Theatralien». Журналъ выходилъ въ 1784 году. Единственная его книжка (октябрская), въ которой помѣщены свѣдѣнія объ Аблесимовѣ, хранится въ Румянцовскомъ музеѣ.

[2]) Театръ этотъ стоялъ на Петровкѣ, близь Кузнецкаго моста, на мѣстѣ сгорѣвшаго дома Лобанова.

заѣла Аблесимова: отдавая послѣднее на воспитаніе единственной дочери, онъ умеръ въ нищетѣ экзекуторомъ при полиціи, и едва ли могъ бы жить и писать безъ поддержки со стороны Новикова, этого «истиннаго друга русской литературы», какъ назвалъ его нѣмецъ Зауервейдъ.

Въ Германіи, въ этомъ отношеніи, было не лучше нашего. Тамъ, въ половинѣ прошлаго вѣка, за переводъ французской, англійской или испанской книги средней величины издатели платили по 20—30 талеровъ. Готтгольдъ Лессингъ, будучи газетнымъ сотрудникомъ и усердно работая, долженъ былъ довольствоваться скуднымъ обѣдомъ въ 1½ гроша (6 коп.) и нуждался въ порядочномъ платьѣ, какъ видно изъ его писемъ къ отцу [1]). Онъ считалъ для себя выгоднымъ предложеніе за 200 талеровъ исправить латинскій переводъ огромной д'Эрблотовой «Восточной Библіотеки», не смотря на то, что для такой работы требовался годичный трудъ. Книгопродавецъ-издатель «Библіотеки изящныхъ искусствъ и словесности», за нумеръ, состоявшій изъ 15-ти печатныхъ листовъ (правда, небольшаго формата), платилъ Николаи съ сотрудниками, въ 1759 году, по 25 талеровъ. По отзыву Николаи, такая плата и для того времени была очень умѣренна; писатели обыкновенно получали нѣсколько болѣе. Семь лѣтъ спустя, уже пользуясь литературною славою, Лессингъ былъ приглашенъ на должность «драматурга» при гамбургскомъ общественномъ театрѣ съ годовымъ жалованьемъ въ 800 талеровъ.

Пробиться литературнымъ трудомъ на путь независимаго отъ меценатовъ или государственной службы существованія было тяжело и почти невозможно въ обществѣ, погруженномъ въ «гнуснѣйшее варварство», по выраженію Гервинуса. Въ такомъ обществѣ писатель по ремеслу не можетъ работать безъ заказовъ, прямо на рынокъ. Отвернувшись отъ переднихъ высокопоставленныхъ лицъ, онъ вынужденъ искать себѣ патрона между издателями, обивать пороги книжныхъ лавочекъ и редакцій. Только одно средство избѣгнуть голода или кабалы предпринимателя-капиталиста остается такимъ писателямъ, желающимъ вызвать общественный спросъ на литературу, развить вкусъ читателей и работать на всю читающую публику,—это соединить свои слабыя средства и разрозненныя силы въ производительныя товарищества, въ литературныя общества и издательскіе кружки.

Въ этомъ послѣднемъ дѣлѣ мы стояли далеко позади Германіи. Въ рѣдкомъ германскомъ городѣ не было литературнаго общества; литературныя школы имѣли свои органы, сносились или враждо-

---

[1]) Данныя о Лессингѣ и литературныхъ гонорарахъ его времени заимствованы изъ сочиненія: G. E. Lessing, von Th. W. Danzel. I Band, 1850.—II Band, 1854, von G. E. Guhrauer.

вали между собою; приверженцы различныхъ направленій (напр., готтшедіанцы и бодмеріанцы, или школы саксонская и швейцарская) вели оживленную полемику, а критика, особенно съ появленіемъ Лессинга, воспитывала вкусы, расширяла кругозоръ читателей и вызывала къ дѣятельности высоко-художественные таланты, расчищала путь къ пониманію литературныхъ геніевъ. У насъ же было только два литературныхъ общества: одно въ Петербургѣ, подъ названіемъ «собранія, старающагося о переводѣ иностранныхъ книгъ на россійскій языкъ», что̀ уже достаточно характеризуетъ его работы, оплачиваемыя ежегоднымъ пособіемъ отъ двора въ 5,000 рублей, и другое въ Москвѣ, основанное при университетѣ вторымъ его кураторомъ Меллисино; это общество профессоровъ и служащихъ попреимуществу, названное «вольнымъ россійскимъ собраніемъ», за четыре первые года своего существованія (1771—1774 г.) издало лишь одну книжку «Опыта трудовъ», поднесенную императрицѣ. До 1769 года издавать что либо иначе, какъ на наличныя деньги, не было возможности, потому что не существовало частнаго типографскаго промысла. Только въ этомъ году была открыта, «по сенатской привиллегіи», первая въ Россіи частная типографія Гартунга и до указа о вольныхъ типографіяхъ (15-го января 1783 г.) такихъ частныхъ учрежденій было всего три, и то лишь въ одномъ Петербургѣ[1]). По свидѣтельству Карамзина, до Новикова въ Москвѣ были только двѣ книжныя лавки (академическая и университетская), «которыя не продавали въ годъ и на 10 тысячъ рублей»[2]). Въ провинціи доставать книги было крайне затруднительно; онѣ проникали туда случайно и, пройдя чрезъ нѣсколько рукъ, продавались втридорога[3]). Повременныя изданія совсѣмъ не знали провинціальныхъ подписчиковъ; книгопродавецъ К. В. Миллеръ, въ первомъ нумерѣ «Санктпетербургскихъ Ученыхъ Вѣдомостей» 1777 года, только обѣщаетъ «для угожденія почтенной Публикѣ», «стараться и о томъ, чтобы можно было получать сіи Вѣдомости въ разныхъ городахъ». Провинціальная подписка и всероссійская книжная торговля были организованы позднѣе, Н. И. Новиковымъ.

На какомъ уровнѣ развитія стояла тогда наша частная повременная печать, можно видѣть изъ того, что съ 1773 по 1778 годъ никто изъ частныхъ людей въ Россіи, кромѣ Новикова, не издавалъ журнала. Такое положеніе гласности было, однако, уже шагомъ впередъ въ царствованіе Екатерины II: втеченіе 1765—1768 годовъ вся русская періодическая литература состояла исключи-

---

[1]) Сопиковъ, ч. 1-я, стр. CXVII.

[2]) Статья «О книжной торговлѣ» и проч. въ «Вѣстн. Европы» за 1802 г.

[3]) См. примѣч. къ письму Любомудрова въ «Живописцѣ», изд. 1-е, ч. 2-я, стр. 365.

тельно изъ «Вѣдомостей», с.-петербургскихъ и московскихъ, т. е. газетъ академической и университетской. Предпринимавшіяся ранѣе въ обѣихъ столицахъ повременныя изданія на частныя средства были недолговѣчны. Долѣе всѣхъ продержались «Ежемѣсячныя сочиненія, къ пользѣ и удовольствію служащія», Миллера. Они выходили съ начала 1755 года до конца 1764 года и закрылись на 20-й части. «Праздное время, въ пользу употребленное» существовало всего два года (1759 и 1760), а «Трудолюбивая Пчела» Сумарокова—только одинъ годъ (1759-й). Хотя génie créateur, выдумавъ пчелку, по словамъ Ломоносова, и «посылалъ ее на медъ на стрѣлку [1]), чтобы потомъ жалила подьячихъ», но нападки на «крапивное сѣмя» не спасли ее отъ смерти. Московскіе литераторы имѣли не болѣе успѣха. Изданія Хераскова — «Полезное увеселеніе» (съ января 1760 по іюнь 1762) и «Свободные часы» (въ 1763 году)—закрылись: первое съ выходомъ въ свѣтъ пятой части, второе послѣ одной части. Не пошли дальше одной части и другія два изданія, предпринятыя въ 1763 и 1764 годахъ: «Невинное упражненіе» Богдановича и «Доброе намѣреніе» Санковскаго.

III.

Изслѣдователю хозяйственной стороны нашей литературной жизни въ эпоху пробужденія общественной самодѣятельности нельзя не остановить вниманія на томъ, какъ складывалась эта самодѣятельность въ области печатнаго слова, въ какія отношенія становились между собою производительныя силы, вызванныя къ дѣятельности покуда еще слабымъ спросомъ на гласность и обмѣнъ мыслей. Составляющая предметъ настоящей статьи заработная плата въ значительной мѣрѣ обусловливается отношеніями между факторами производства. Ея характеръ прямо опредѣляется большею или меньшею независимостью представителей труда отъ капиталистовъ-предпринимателей, соединеніемъ труда и капитала на началахъ равноправности, или рѣзкимъ разграниченіемъ ролей хозяина и рабочаго.

Меценатство ставитъ литературный трудъ въ самыя неправильныя хозяйственныя отношенія, потому что распоряжается заработною платою по своей прихоти: отъ усмотрѣнія милостивца зависитъ, какъ и когда вознаградить автора, заискивающаго его вниманія и благосклонности. Меценатство только тогда и возможно, когда между общественными положеніями представителей литера-

---

[1]) Стрѣлка на взморьѣ со всѣмъ островомъ принадлежала тогда извѣстному масону оберъ-гофмаршалу И. П. Елагину († 1796). А. П. Сумароковъ тоже принадлежалъ къ ордену.

турнаго труда и ихъ кормильцами лежитъ цѣлая пропасть. Попадая на государственную службу, литературный трудъ вознаграждается, по крайней мѣрѣ, опредѣленнымъ жалованьемъ и въ установленные сроки. Унаслѣдованный отъ Московскаго государства и сильно развившійся въ дѣловую петровскую эпоху порядокъ служебнаго литераторства хотя продолжается и въ Екатерининское время, но въ способы вознагражденія этого литераторства за главнѣйшую его работу того времени—переводы—вводится новизна. Въ 18-мъ листѣ «Живописца» 1773 года, Новиковъ прославляетъ Екатерину за учрежденіе вышеупомянутаго «собранія, старающагося о переводѣ иностранныхъ книгъ», съ назначеніемъ переводчикамъ 5,000 рублей въ годъ «за труды ихъ»; по его мнѣнію, это лучше прежняго опредѣленнаго жалованья: «гдѣ должность, тутъ принужденіе; а науки любятъ свободу, и тамъ болѣе распространяются, гдѣ свободнѣе мыслятъ». Замѣна окладовъ по должности вознагражденіемъ за дѣйствительные труды уже тѣмъ хороша, что не позволяетъ кормиться на казенный счетъ празднымъ литературнымъ чиновникамъ и, по примѣру Кострова, погружаться въ кабачныя забавы,

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ

во образѣ начальства. Главное же преимущество вознагражденія за труды по раскладкѣ изъ общей суммы состоитъ въ его способности соединять для совмѣстной работы разрозненныя литературныя силы и распредѣлять занятія по предварительному уговору. Между трудящимися устанавливаются товарищескія отношенія, является общность интересовъ въ работѣ, тогда какъ ни то, ни другое не вызывается выдачею личнаго жалованья отдѣльно каждому изъ служащихъ по литературѣ, нерѣдко сопровождается искательствами и интригами и приводитъ къ синекурамъ. Начало артельное, народное, у насъ проглянуло, такимъ образомъ, въ учрежденіи «собранія, старающагося о переводѣ иностранныхъ книгъ», безъ всякаго стѣсненія личной свободы, такъ какъ никто изъ переводчиковъ въ отдѣльности не былъ обязанъ трудиться, а трудившимся, и за то вознаграждаемымъ изъ общихъ средствъ собранія, никто со стороны не указывалъ, что̀ именно переводить: ихъ коллективный выборъ былъ обезпеченъ отъ внѣшняго принужденія. Но подобныя собранія—все еще не вольныя общества, ни въ какомъ отношеніи не зависимыя отъ милостивцевъ. «Вольное россійское собраніе» Меллисино нельзя назвать даже попыткою образовать такой литературный союзъ, потому что этотъ тщеславный университетскій опекунъ завербовалъ въ него своихъ подчиненныхъ, изъ которыхъ многіе шли единственно изъ желанія угодить начальнику или изъ боязни отказомъ навлечь на себя его гнѣвъ. Починъ былъ сдѣланъ кружкомъ людей, соединенныхъ дружбою или взаимнымъ

уваженіемъ, совсѣмъ въ сторонѣ отъ оффиціальнаго міра и въ средоточіи тогдашней русской общественной жизни—въ Москвѣ; въ Петербургѣ не было для этого достаточно духовнаго простора. Но почему бы то ни было, фактъ появленія именно въ Москвѣ «Дружескаго Общества» и «Типографической Компаніи», имѣвшихъ такое рѣшительное вліяніе на развитіе у насъ печатной гласности и общественной самодѣятельности въ области печати, едва ли можно объяснить простою случайностью. Чиновный Петербургъ и неслужилая дворянская Москва расходились во взглядахъ на призваніе литературы и на выдающіяся явленія современной общественной жизни. Въ то время, когда въ Петербургѣ на расхватъ раскупались комедіи Екатерины: «Обманщикъ» и «Обольщенный», направленныя къ осмѣянію масонства, и петербургская печать наполнялась восторженными о нихъ отзывами, нападки на «мартинистовъ» не находили никакого отголоска въ Москвѣ. Печать старой столицы стремилась сплотить общественныя силы, а литераторы петербургской закваски продолжали тяготѣть къ двору. Какъ образецъ вѣрноподданническихъ посвященій самаго конца прошлаго столѣтія, приводимъ неизданный документъ, хранящійся въ архивѣ редакціи «Историческаго Вѣстника». Документъ этотъ—всеподданнѣйшее письмо Голикова, при которомъ онъ подносилъ императору Павлу послѣдній томъ своего историческаго труда: «Дѣянія Петра Великаго». Письмо помѣчено 11 октября 1798 года и отправлено изъ Москвы, гдѣ печатался трудъ Голикова. Вотъ его содержаніе:

«Всемилостивѣйшій государь!

«Ваше императорское величество милостивымъ принятіемъ въ Москвѣ трудовъ моихъ посильныхъ вліяли въ меня смѣлость посвятить вашему же всепресвѣтлѣйшему имени и сію послѣднихъ, можетъ быть, трудовъ моихъ книгу. Въ первыхъ тридцати томахъ описаны жизнь и всѣ дѣянія Петра Перваго, великаго вашего прадѣда, прославившаго Россію и удивившаго Европу и весь свѣтъ; а въ сей послѣдней содержатся драгоцѣнные остатки, не могшіе помѣститься въ оныхъ, его же истинно монаршаго духа, которые и въ малыхъ, такъ сказать, приватныхъ общежительныхъ чертахъ столь же ясно изображаютъ его благочестіе, мудрость, мужество, правосудіе, неутомимую дѣятельность, крайнее снисхожденіе, милость и безпредѣльную любовь его къ подданнымъ; словомъ такія монаршія добродѣтели, каковыми отличается во владыкахъ земныхъ Павелъ Первый, великій его правнукъ, достойнѣйшій преемникъ и престола, и духа его.

«Ваше императорское величество милостивымъ воззрѣніемъ и на сей, къ числу же помянутыхъ томовъ принадлежащій, трудъ осчастливите старца, посвятившаго всего себя на просла-

вленіе Петра и Павла, священнѣйшихъ для него именъ, въ коихъ двухъ сіяетъ единый образъ и подобіе.

«Да будетъ представителемъ моимъ у всевысочайшаго престола вашего не слабый трудъ мой, но предметъ сихъ трудовъ моихъ.

«Всемилостивѣйшій государь!

«Вашего императорскаго величества

«всенижайшій вѣрноподданный

«Иванъ Голиковъ».

Еще живя въ Петербургѣ и здѣсь трудясь на издательскомъ поприщѣ, Н. И. Новиковъ старался привлекать къ своимъ предпріятіямъ общественныя силы. Свернувъ съ наторенной дороги субсидированнаго издателя и замѣнивъ посвященія своихъ трудовъ вельможамъ и «содѣтельницѣ блаженства россійскаго» посвященіемъ «отечеству», онъ не желалъ ни поступать въ батраки къ книгопродавцамъ, ни работать прямо на книжный рынокъ въ одиночку. Изъ писемъ его къ Я. И. Булгакову видно, что онъ находился съ послѣднимъ въ товариществѣ по изданію переводовъ иностранныхъ сочиненій. Переводить долженъ былъ Булгаковъ, Новиковъ бралъ на себя хлопоты по напечатанію и продажѣ книгъ; расходы по изданію, состоявшему изъ нѣсколькихъ томовъ, несли оба поочередно. На такихъ условіяхъ изданы первые томы «Всемирнаго Путешествователя» де-ла Порта. Продажная цѣна всему изданію (27 частей) была положена 100 рублей. Булгаковъ не устоялъ въ очередныхъ платежахъ; тогда Новиковъ предложилъ платить ему за каждый томъ въ рукописи по 200 руб. и 25-ти печатныхъ экземпляровъ. Стоимость каждаго тома обходилась по разсчету 9 руб. за печатный листъ и 25 руб. «за смотрѣніе корректуры», стало быть Новиковъ предлагалъ Булгакову оплачивать его трудъ переводчика, однѣми деньгами, по 3 р. 75 к. за листъ, а вмѣстѣ съ платою книгами — по 5 р. 50 к., т. е. больше чѣмъ втрое дороже той платы, какую получалъ Николаи отъ своего книгопродавца-издателя. Булгаковъ не согласился [1]).

Вступивъ на новый путь, Новиковъ и журнальную свою дѣятельность повелъ въ товариществѣ. «Спб. учен. вѣдом.» издавались имъ при содѣйствіи «общества, состоящаго изъ нѣсколькихъ человѣкъ»; ихъ всѣхъ вмѣстѣ книгопродавецъ Миллеръ называетъ издателями. Товарищество, составленное для изданія ежемѣсячника «Утренній Свѣтъ», носило названіе «общества ученыхъ людей». Сотрудники этого ежемѣсячника не получали платы, издатели тоже работали даромъ; никто изъ нихъ не находилъ умѣстнымъ пользоваться матеріальными выгодами отъ предпріятія, основан-

---

[1]) Письма Новикова къ Булгакову въ «Русскомъ Архивѣ» 1864 года, стр. 604—613.

наго съ цѣлью привлечь общественныя силы и средства къ дѣлу народнаго образованія, находившагося въ самомъ плачевномъ состояніи даже въ средоточіи государственнаго управленія. И послѣ реформы училищъ по плану выписаннаго изъ Темешвара серба Янковича-де-Миріево обученіе въ народныхъ школахъ шло крайне неудовлетворительно; бѣдность давила учителей; лѣтомъ и зимою носили одно платье, ходили въ изодранныхъ байковыхъ сюртукахъ, часто не имѣли сапоговъ и чулокъ, обертывали ноги въ бумагу, иной разъ занимали по бѣдности двѣ должности: учителя и сторожа, отъ безъисходной нищеты спивались, а школы оставались безъ бумаги и чернилъ, даже безъ свѣчей и дровъ [1]). Въ училищахъ же (екатерининскомъ и александровскомъ), содержимыхъ на доходы отъ «Утренняго Свѣта» и управляемыхъ его издателями, на всемъ лежала печать довольства; они не только предшествовали правительственнымъ, но и были образцовыми. Посѣщая ихъ, издатели и сотрудники «Утренняго Свѣта» могли получить полное нравственное удовлетвореніе. Въ этомъ состояла ихъ заработная плата съ присоединеніемъ общественной признательности и доброй памяти въ потомствѣ.

Издательская дѣятельность Новикова, съ переѣздомъ его въ Москву, развивалась на началахъ чисто артельнаго производства, что̀ было особенно важно въ виду уже зарождавшагося у насъ капитализма въ издательскомъ промыслѣ. «Типографская Компанія» предоставила труду равное съ капиталомъ участіе въ дѣлѣ. Двое изъ 14 ея членовъ, С. И. Гамалѣя и князь Енгалычевъ, приняты вкладчиками работою. Служа органомъ практической дѣятельности и конечнымъ юридическимъ оформленіемъ «Дружескаго Общества», эта компанія была хозяиномъ и тѣхъ предпріятій Новикова, которыя, повидимому, составляли предметъ личной его промышленной дѣятельности; такъ, университетская типографія, «взятая на откупъ», какъ тогда выражались, Новиковымъ единолично, а при ней и «Московскія Вѣдомости» входили въ составъ общаго компанейскаго хозяйства, о чемъ самъ Новиковъ заявилъ на допросѣ у князя Прозоровскаго. Разсматривая же дѣятельность «Дружескаго Общества», «Типографической Компаніи» и университетской типографіи какъ одного цѣлаго, нельзя не видѣть, что это цѣлое было громадною производительною артелью. Здѣсь невозможно точное разграниченіе между заработною платою и другими расходами производства, потому что трудъ не только содержался, но и воспитывался, и на дѣло воспитанія расходовались не только деньги, но и безплатный трудъ; съ другой стороны, воспитанники (питомцы педагогической и переводческой семинарій при университетѣ) своимъ

[1]) Объ этомъ у А. Воронова: «Ѳ. И. Янковичъ-де-Миріево, или народныя училища въ Россіи при императрицѣ Екатеринѣ II», Спб., 1858.

собственнымъ ученическимъ трудомъ участвовали въ производствѣ; занятія смѣшивались; распорядительныя работы не лежали безсмѣнно на однихъ и тѣхъ же лицахъ [1]) и т. д. Но несомнѣнно, что литературный трудъ вознаграждался въ этой артели вполнѣ удовлетворительно. Питомецъ «Дружескаго Общества» Багрянскій, медикъ, занимался переводами съ французскаго и, живя у Новикова на всемъ готовомъ, получалъ жалованья 300 рублей въ годъ. Такое вознагражденіе было скромно сравнительно съ тѣми щедрыми наградами, которыми, по словамъ Храповицкаго, жаловала императрица кабинетскаго переводчика Арндта, переводившаго на нѣмецкій языкъ ея комедіи, направленныя къ осмѣянію масонства [2]), оно уступало и годовому жалованью «университетскаго стихотворца» Кострова, но нисколько не было ниже платы (300 талеровъ въ годъ), предложенной богатымъ лейпцигскимъ купцомъ Винклеромъ Лессингу (уже пользовавшемуся тогда въ Германіи громкою извѣстностію) за то, чтобы Лессингъ сопровождалъ его въ путешествіяхъ по различнымъ европейскимъ странамъ, въ качествѣ отчасти товарища, отчасти наставника. Питомцы «Дружескаго Общества» были дѣятельными сотрудниками въ новиковскихъ изданіяхъ. Ими составлялись, напримѣръ, литературныя прибавленія къ «Московскимъ Вѣдомостямъ», а эти прибавленія очень нравились читающей публикѣ и вмѣстѣ съ статьями неполитическаго содержанія подняли спросъ на газету до небывалыхъ прежде размѣровъ: Новиковъ началъ издавать «Вѣдомости» при 600 подписчикахъ, а по прошествіи 10 лѣтъ, когда по волѣ императрицы университетъ отказалъ ему въ продленіи срока аренды (въ 1789 году), число подписчиковъ простиралось до 4,000 [3]). Первымъ изъ упомянутыхъ прибавленій, выдаваемыхъ въ видѣ преміи, безденежно, было «Дѣтское Чтеніе», въ которомъ сотрудничалъ Карамзинъ, а вслѣдъ затѣмъ переведенный съ французскаго «Магазинъ натуральной исторіи, химіи и физики» Мокера, Бомара и Сиго-де-ла Фона (12 частей). «Магазинъ» издавался до 1792 года А. А. Прокоповичемъ-Антонскимъ, питомцемъ «Дружескаго Общества», впослѣдствіи ректоромъ университета и предсѣдателемъ учрежденнаго въ 1811 году «Общества любителей россійской словесности» [4]). Особенно на подговтовку литературныхъ силъ и вообще людей образованныхъ не щадили средствъ. Невзорову и Колокольникову, оканчивавшимъ свое медицинское образованіе за границею,

---

[1]) Ходомъ типографскихъ работъ, напр., завѣдывалъ не одинъ Новиковъ, но и Шварцъ, и перваго смѣнялъ иногда весьма способный къ этому дѣлу Ив. Алекс. Алексѣевъ, впослѣдствіи членъ государственнаго совѣта (съ 1810 года).

[2]) Записки, 24 января, 8 и 22 февраля и 1 октября 1786 г.

[3]) Карамзинъ, l. c.

[4]) См. подъ этимъ названіемъ статью Лонгинова въ іюньской книжкѣ «Русск. Вѣстника» за 1856 годъ.

выдавались стипендіи по 1,000 рублей въ годъ. Эта сумма почти втрое превышала размѣры содержанія воспитанниковъ академіи художествъ, посылаемыхъ за границу для довершенія художественнаго образованія: имъ отпускалось по 350 рублей въ годъ, на что̀, по отзыву Лосенко, «содержаться было нечѣмъ» [1]).

Къ литературнымъ труженикамъ Новиковъ относился съ чрезвычайнымъ вниманіемъ. Аблесимову онъ помогалъ тѣмъ, что на свой или компанейскій счетъ издавалъ его сатирическій еженедѣльникъ «Разскащикъ». По достовѣрнымъ свидѣтельствамъ извѣстно, что онъ иногда покупалъ два или три перевода одной и той же книги, чтобы труды переводчиковъ не пропали даромъ и черезъ это они не отвращались отъ дальнѣйшихъ занятій,—печаталъ же, разумѣется, лучшій переводъ, а остальные уничтожалъ [2]).

Сотрудничество въ новиковскихъ изданіяхъ было настоящею школою литературнаго труда въ журнальной области. Здѣсь выработались наши лучшіе публицисты послѣдняго десятилѣтія прошлаго и перваго двадцатилѣтія нынѣшняго вѣка. Говоря словами Карамзина, Новиковъ научилъ искусству «пріохочивать публику ко чтенію, угадывать общій вкусъ и не забывать частнаго». Онъ отвелъ авторскому труду почетное мѣсто въ издательской дѣятельности и вѣрно понялъ назначеніе послѣдней—быть общественнымъ органомъ. Имъ созданныя въ области печати хозяйственныя отношенія на началахъ равноправности труда и капитала долго не продержались и были нарушены литературными промышленниками, развившимися подъ покровомъ позднѣйшаго концессіоннаго порядка въ производствѣ печатной гласности, но идея этого производства вольными товариществами жила еще въ умахъ писателей тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ и вела къ протестамъ противъ стремленія издательской монополіи барышничать путемъ установленія литературнаго батрачества и литературный поденщины.

«Типографическая компанія», доказавшая силу общественной самодѣятельности въ области печатнаго слова, была, какъ извѣстно, розрушена, Новиковъ арестованъ, заключенъ въ крѣпость и раззоренъ безповоротно, не смотря на торжественное обѣщаніе возвратившаго ему свободу императора Павла: «Я даю тебѣ мою руку и слово, что и копѣйка твоя не пропадетъ,—дай только мнѣ время и вѣрь моему слову» [3]). Новиковъ ждалъ и вѣрилъ, но императоръ забылъ о своемъ обѣщаніи.

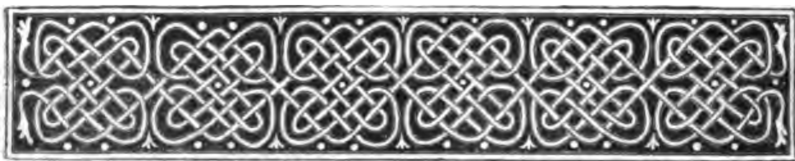
А. Малышинскій.

---

[1]) «Русскій граверъ Е. П. Чемесовъ», статья Петрова въ «Библ. для Чтенія». апрѣль, 1860 г., стр. 12.

[2]) Лонгиновъ: «Н. И. Новиковъ и московскіе мартинисты», стр. 221.

[3]) Письмо дочери Новикова, Вѣры Николаевны, къ А. И. Тургеневу. «Лѣт. русск. лит. и древн.», IV, Смѣсь, стр. 81.



ЛОГИШИНСКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ.

(Изъ воспоминаній участника).

КТЯБРЯ 30-го 1874 года, первый баталіонъ Серпуховскаго пѣхотнаго полка, квартировавшій въ городѣ Минскѣ, возвращался съ военной прогулки въ казармы. Дойдя до Георгіевской площади, усталые солдаты подтянулись, подбодрились и, обогнувъ домъ городскаго клуба, двинулись стройными рядами мимо квартиры начальника дивизіи въ предмѣстье Ляховку. Но не успѣлъ баталіонъ вытянуться по улицѣ, какъ изъ дома, занимаемаго генераломъ, выбѣжалъ ординарецъ и передалъ баталіонному командиру, что начальникъ дивизіи приказалъ ротамъ идти въ казармы, а офицерамъ вмѣстѣ съ командиромъ баталіона пожаловать къ генералу на квартиру.

— Разносъ будетъ за что нибудь,—сказалъ кто-то изъ офицеровъ, отдѣлившихся изъ строя и быстро зашагавшихъ къ крыльцу незатѣйливой генеральской квартиры.

— Пожалуйте,—раздался изъ-за дверей, ведущихъ въ пріемную, голосъ лакея, и двери изъ передней настежъ растворились. Офицеры боязливо вошли въ пріемную и выстроились въ одну шеренгу у порога.

Въ пріемной, кромѣ начальника дивизіи генерала Пузанова, находился еще другой, неизвѣстный намъ, генералъ: маленькій, худощавый, онъ сидѣлъ сгорбившись за столомъ, барабаня пальцами по лежавшему на столѣ громадному альбому. На генералѣ мундиръ былъ съ бѣлымъ приборомъ.

— Здравствуйте, господа!—сказалъ начальникъ дивизіи, наклоняя слегка голову по направленію къ офицерамъ:—извольте соби-

раться въ походъ, сегодня въ 2 часа по полуночи баталіонъ выступаетъ въ мѣстечко Логишинъ, гдѣ и поступитъ въ распоряженіе его превосходительства (при этомъ онъ указалъ глазами на маленькаго генерала), возьмете съ собой по 12 патроновъ на человѣка. Прошу исполнить свято, что прикажетъ генералъ. Больше ничего не имѣю вамъ сказать, извольте отправляться по квартирамъ и готовиться къ выступленію, приказаніе въ полкъ уже отправлено.

Офицеры молча поклонились и вышли на улицу.

Лаконическое приказаніе начальника дивизіи сильно озадачило офицеровъ: никто не зналъ даже, что это такой за Логишинъ, какая цѣль посылки туда войскъ, хотя приказаніе «взять съ собой боевые патроны» ясно указывало, что въ томъ Логишинѣ творится что-то неладное.

Весь день прошелъ въ сборахъ, а къ 12 часамъ ночи всѣ офицеры были при ротахъ въ казармѣ. Между тѣмъ въ городѣ носились по поводу экстреннаго выступленія баталіона въ Логишинъ самые разнорѣчивые слухи; такъ, напримѣръ, по однимъ слухамъ въ Логишинѣ произошелъ «бунтъ», а по другимъ — отправка туда войскъ не оправдывалась никакою надобностію, а произошла вслѣдствіе требованія губернатора, которому, какъ владѣльцу Логишина, жители мѣстечка отказали въ уплатѣ неправильнаго поземельнаго налога.

Изъ предварительныхъ собранныхъ въ городѣ свѣдѣній оказалось, что мѣстечко Логишинъ находится въ Пинскомъ уѣздѣ, принадлежитъ минскому губернатору Токареву, и что баталіонъ поступаетъ подъ начальство генералъ-маіора Лошкарева, командированнаго для «усмиренія бунта» министромъ внутреннихъ дѣлъ, вслѣдствіе донесенія губернатора.

Въ то же время получено извѣстіе, что, кромѣ баталіона пѣхоты, по требованію генерала Лошкарева вызвана изъ города Слуцка сотня казаковъ, которая должна была слѣдовать форсированнымъ маршемъ на станцію Синявку для соединенія съ баталіономъ.

Вотъ до какой степени раздули дѣло, не стоившее, какъ это оказалось потомъ, выѣденнаго яйца!

Между тѣмъ баталіонъ, уложивъ на скоро нужные пожитки, выступилъ въ 12 часовъ ночи на вокзалъ Московско-Брестской желѣзной дороги.

Ночь была теплая, ясная. Не смотря на позднее время, на улицахъ толпились массы евреевъ, привлеченныхъ музыкой, всѣ окна на пути слѣдованія баталіона были открыты и изъ нихъ выглядывали удивленные жители.

Ровно въ два часа по полуночи экстренный поѣздъ отошелъ съ баталіономъ на станцію Городѣя, откуда дальнѣйшее движеніе предполагалось совершить на обывательскихъ подводахъ.

На станціи Городѣя прибытія баталіона ожидалъ мѣстный становой приставъ, а площадь у вокзала была заставлена крестьян-

скими одноконными подводами. Подводъ согнали около двухсотъ, и многія изъ нихъ прибыли изъ дальнихъ волостей, отстоявшихъ отъ Городѣи болѣе чѣмъ на 30 верстъ.

Послѣ небольшаго отдыха, людей начали усаживать на подводы, причемъ не обошлось безъ шуму, ругани и неизбѣжныхъ тумаковъ по «мужицкимъ затылкамъ». Только около полудня безконечный поѣздъ тронулся въ путь, имѣя позади ротъ офицеровъ, а въ хвостѣ баталіона командира его, маіора С., усѣвшагося, подобно остальному офицерству, на узенькую, съ скрипучими колесами телѣжку, влекомую крошечной, исхудалой лошаденкой.

Погода стояла ясная и сухая. Осеннее солнце яркими лучами прорѣзывало прозрачный и жидкій воздухъ. Оно уже не жгло какъ въ августѣ, не разливало утомительнаго зноя, а только блестѣло и сверкало холоднымъ, ослѣпительнымъ блескомъ. Оригинальный поѣздъ, растянувшійся почти на двѣ версты, подобно громадной змѣѣ, извивался то всползая на возвышенности, то прячась въ углубленіяхъ. Прилегающая къ дорогѣ сѣренькая, лишенная лѣсовъ мѣстность дышала какой-то подавляющей монотонностью и казалась непривѣтливой до-нельзя, тогда какъ надъ ней сіяло блѣдно-голубое и безоблачное небо... Мужицкія лошадки, усердно похлестываемыя ихъ вожаками, все подавались дальше и дальше...

Переночевавъ въ мѣстечкѣ Несвижѣ, баталіонъ двинулся дальше и, перемѣнивъ въ мѣстечкѣ Клецкѣ подводы, прибылъ на ночлегъ на станцію Синявку, совершивъ въ тотъ день переѣздъ въ 34 версты.

На станціи Синявка назначенъ былъ баталіону послѣдній ночлегъ и затѣмъ оставалось еще два переѣзда (40 съ небольшимъ верстъ) до мѣстечка Логишина. Въ Синявкѣ мы застали уже главнаго распорядителя экспедиціи минскаго исправника Капгера, поселившагося въ пассажирской комнатѣ почтовой станціи. Отъ г. Капгера мы не могли ничего узнать о предстоящихъ намъ дѣйствіяхъ: онъ видимо уклонялся отъ объясненія цѣли экспедиціи, и когда одинъ изъ офицеровъ высказалъ предположеніе о возможности дѣйствія оружіемъ, то Капгеръ, улыбнувшись, отвѣтилъ:

— Не думаю, а что будетъ генеральная порка, это вѣрно.

Отъ Капгера же мы узнали, что генералъ Лошкаревъ догонитъ баталіонъ у самаго Логишина, не рѣшаясь слѣдовать съ одной пѣхотой и поджидая прихода на станцію Синявку казаковъ, долженствовавшихъ служить ему конвоемъ.

2-го октября, въ семь часовъ утра, баталіонъ усѣлся опять на свѣжія обывательскія подводы и двинулся дальше. Между тѣмъ, погода, какъ это часто бываетъ осенью, быстро измѣнилась: еще съ вечера заволокло небо сѣрыми тучами, расходился холодный вѣтеръ, а съ утра началъ лить дождь, не оставившій вскорѣ на насъ ни одной сухой нитки.

Не далѣе 15-ти верстъ отъ Синявки характеръ мѣстности совершенно измѣнился: стали попадаться чаще сначала перелѣски, потомъ лѣса, а затѣмъ потянулись и болота. Дорога стала непроходимой. По глубокимъ колеямъ, быстро размокшимъ, едва двигались жалкія телѣги, тащимыя изнуренными лошадками. Въ числѣ подводчиковъ попадались уже «пынчуки», тѣ забитые, загнанные мачихой-судьбой жители Полѣсья, которые на окликъ: «эй, человѣкъ!» привыкли отвѣчать: «я не человѣкъ, я пынчукъ!».

Медленно, черепашьимъ шагомъ, двигался безконечный обозъ, растянувшійся на огромное пространство. Офицеры и солдаты ёжились и дрожали отъ холода, а дождь лилъ какъ по заказу.

Вскорѣ широкая панорама лѣсовъ раскинулась передъ нами. Болотистая дорожка съ глубокими, наполненными водой колеями, съ пнями, кочками, вилась по лѣсу, пересѣкая лужи, устланныя валежникомъ, а надъ лѣсомъ угрюмо опрокинулось небо, застланное неподвижными сѣрыми тучами. Небольшая прогалина, и опять безконечные, теряющіеся на горизонтѣ лѣса... Ну, ужъ сторонушка! Господь съ нею!..

Поздно, незадолго до сумерекъ, промокшіе и голодные мы узрѣли, наконецъ, цѣль нашей экспедиціи: на ровной, окруженной кустарникомъ и болотами мѣстности обозначилась группа приземистыхъ хижинъ, составлявшихъ окраину мѣстечка.

Прошло болѣе часу времени, пока подтянулись заднія повозки, началась повѣрка людей, разсчетъ ротъ, а затѣмъ баталіонъ составилъ ружья и расположился въ грязи бивуакомъ въ ожиданіи прибытія генерала Лошкарева. До мѣстечка оставалось не болѣе 300 шаговъ.

Вскорѣ примчался на тройкѣ становой приставъ и объявилъ, что генералъ скоро будетъ. Бивуакъ зашевелился и не успѣли солдаты собраться къ ружьямъ, какъ изъ лѣсу показались казаки, за ними на почтовой телѣгѣ Капгеръ, а за повозкой послѣдняго тащилась, увязая по ступицы въ грязи, окруженная казаками, карета генерала.

Баталіонъ выстроился. Генералъ, выглянувъ изъ окна, привѣтствовалъ едва слышнымъ голосомъ людей и приказалъ вступать въ мѣстечко.

Баталіонъ двинулся въ слѣдъ за коляской. На дворѣ было уже совсѣмъ сѣро и съ трудомъ можно было различать предметы. Медленно, едва вытаскивая ноги изъ глубокой грязи, двигались солдаты, не отставая отъ экипажа. Никакихъ предосторожностей на случай нападенія принято не было, да никто и не вѣрилъ въ возможность его.

У въѣзда въ мѣстечко карета генерала остановилась, въ виду группы людей, толпившихся у крайней хижины. Генералъ вышелъ

изъ кареты и тутъ же увязъ въ грязь. Офицеры, шедшіе въ головѣ колонны, подошли къ генералу, баталіонъ и казаки остановились. Тускло освѣщаемая едва дымившимися, нарочно зажженными жителями смоляными лучинами, намъ представилась слѣдующая картина: по обѣимъ сторонамъ дороги стояли двѣ группы людей: съ одной стороны—христіане, съ другой—евреи. Во главѣ евреевъ стоялъ раввинъ со свиткомъ десяти заповѣдей въ рукѣ, а рядомъ съ нимъ другой еврей держалъ въ одной рукѣ горящую свѣчу, а въ другой блюдо съ хлѣбомъ и солью.

Христіане стояли на колѣняхъ, и одинъ изъ нихъ тоже держалъ въ рукахъ блюдо съ хлѣбомъ-солью, покрытымъ толстаго холста утиральникомъ.

Христіанская группа, на которой сосредоточилось общее вниманіе, состояла человѣкъ изъ 20, какихъ-то угрюмыхъ, загнанныхъ судьбою оборвышей: они жались какъ овцы другъ къ другу и смотрѣли въ землю. Евреи, наоборотъ, смотрѣли весело и бодро, а по костюмамъ ихъ можно было заключить, что на нищету они жаловаться не имѣютъ права... «Гдѣ же бунтовщики? Неужели эти захудалые людишки, смиренно стоящіе въ грязи на колѣняхъ, способны бунтовать»? Эти вопросы невольно напрашивались каждому офицеру.

Между тѣмъ, генералъ, принявъ хлѣбъ-соль отъ евреевъ, обратился съ строгою рѣчью къ христіанамъ, заявивъ, что хлѣба-соли онъ отъ нихъ не приметъ и требуетъ, чтобы они немедленно уплатили слѣдуемыя владѣльцу деньги и выдали зачинщиковъ неповиновенія полицейскимъ властямъ.

Окончивъ пріемъ депутаціи, генералъ усѣлся въ карету и направился въ мѣстечко. Баталіонъ остановили на площади и начали размѣщать офицеровъ и солдатъ по квартирамъ, каковая операція окончилась только къ полуночи.

Лучшія квартиры, разумѣется, указаны были офицерамъ. Но что это были за квартиры! При одномъ воспоминаніи о нихъ, даже самый неприхотливый, привыкшій ко всякимъ неудобствамъ, военный могъ прійдти въ ужасъ: курныя (безъ дымовыхъ трубъ) хаты, грязныя, вонючія, съ маленькими, заткнутыми тряпками, окошечками, кишащія миріадами клоповъ и таракановъ, онѣ изображали собою настоящіе азіатскіе клоповники. Не многимъ счастливцамъ достались на долю еврейскія квартиры, выглядѣвшія нѣсколько иначе: въ нихъ имѣлась нѣкоторая необходимая мебель, на постеляхъ высились традиціонныя еврейскія перины, въ нѣкоторыхъ домахъ попадались и предметы роскоши, какъ-то: зеркала, часы, самовары и проч., и если бы не множество дѣтей, неряшливость и специфическая жидовская вонь, то въ этихъ домахъ постой былъ бы еще относительно сносенъ. Во всякомъ случаѣ, израилево племя, занимающееся въ Логишинѣ исключительно мелкими гешефтами и

торговлей водкой, далеко превосходило въ матеріальномъ отношеніи своихъ сограждань-христіанъ.

Дѣйствія по водворенію порядка между «бунтовщиками», жителями Логишина, начались на слѣдующій день по прибытіи баталіона. Роль войска ограничилась посылкой солдатъ въ лѣсъ за лозой. Капгеръ былъ правъ, заявивъ офицерамъ на ст. Синявкѣ, что дѣло логишинское окончится «генеральной поркой». Дѣйствительно, впродолженіе трехъ дней, становая квартира оглашалась воплями наказуемыхъ розгами. Выборъ субъектовъ для порки производился по указанію мѣстнаго пристава. Въ то же время въ мѣстечкѣ происходила аукціонная продажа имущества жителей на пополненіе налога, сдѣланнаго владѣльцемъ мѣстечка, сопровождаемая ревомъ бабъ и дѣтей, державшихся за хвосты коровъ и овецъ, влекомыхъ на продажу. Покупщиками явились мѣстные жидки, хорошо набившіе карманы насчетъ логишинскихъ бунтовщиковъ.

Изъ собранныхъ нами на мѣстѣ свѣдѣній оказалось, что «усмиреніе бунта» въ Логишинѣ воспослѣдовало вслѣдствіе нежеланія жителей платить владѣльцу мѣстечка, губернатору Токареву, подать съ земли, составлявшей искони вѣковъ ихъ полную собственность, что̀ и подтверждено было ими древними грамотами,—еще чуть ли не со временъ императрицы Екатерины II. Но владѣлецъ имѣнія (онъ же и губернаторъ), какъ видно, не придалъ никакого значенія этимъ документамъ и, признавъ процессъ съ мѣщанами несовмѣстнымъ съ своимъ достоинствомъ, сдѣлалъ донесеніе министру о бунтѣ и заставилъ при помощи военной силы упорствующихъ мѣщанъ исполнить его требованія. Впродолженіе шести дней, задача выпавшая на долю нашего баталіона, была рѣшена блистательно: мужицкія спины были на законномъ основаніи исполосованы и всѣ деньги, причитающіяся владѣльцу, до копѣйки взысканы.

Всей этой операціей орудовалъ исправникъ Капгеръ, а генералъ Лошкаревъ ни во что не вмѣшивался, принимая на вѣру докладъ Капгера, дѣйствовавшаго съ энергіей и быстротой, достойными лучшаго дѣла.

Въ то время, когда происходило выше описанное усмиреніе «логишинскаго бунта», солдаты и офицеры, оставаясь пассивными зрителями происходившаго, томились отъ бездѣйствія невыносимой скукой. Единственнымъ занятіемъ офицеровъ былъ обязательный сборъ, два раза въ день, передъ обѣдомъ и вечеромъ на квартиру генерала для пѣнія молитвъ.

Генералъ, оказавшійся очень богомольнымъ, на другой же день по прибытіи въ Логишинъ приказалъ собрать изъ баталіона всѣхъ пѣвчихъ-солдатъ и пригласилъ примкнуть къ этому импровизованному хору и офицеровъ. Онъ лично управлялъ хоромъ и избиралъ для пѣнія молитвы.

Къ несчастію, хоръ состоялъ на ²/₃ изъ лицъ, не обладавшихъ нужными для пѣнія голосовыми средствами, вслѣдствіе чего и въ исполненіи заданныхъ для пѣнія молитвъ не слышалось особенной гармоніи. Но пѣть нужно было во что бы то ни стало! Вотъ мы и пѣли какъ умѣли. Особенно смѣшонъ былъ маіоръ С., не имѣвшей ни малѣйшаго понятія о церковномъ пѣніи и выкрикивавшій козлинымъ голоскомъ какія-то дикія, рѣжущія ухо ноты.

9-го октября, все начальство выѣхало изъ Логишина, а вслѣдъ за нимъ выступилъ баталіонъ. На обратное движеніе подводъ не полагалось, и солдаты вернулись въ Минскъ пѣшкомъ въ самую страшную распутицу, пробывъ въ командировкѣ 12 дней.

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть о томъ, что маіоръ С. получилъ за отличіе въ логишинской экспедиціи слѣдующій чинъ, а исправникъ Капгеръ орденъ св. Владиміра въ петлицу. Конечный же результатъ экспедиціи извѣстенъ изъ судебнаго разбирательства въ сенатѣ, суду котораго были преданы Токаревъ, Лошкаревъ и Капгеръ.

А. Р.

ДОНСКОЙ КАЗАКЪ ВЪ ЛОНДОНѢ.

ОДВИГИ донскихъ казаковъ и ихъ храбраго атамана Платова занимаютъ видное мѣсто въ исторіи Отечественной войны 1812 года. Дѣйствительно, донскіе казаки по своей безпримѣрной храбрости, быстротѣ, съ какой они неожиданно являлись въ томъ или другомъ мѣстѣ военныхъ дѣйствій, и даже отчасти по своей безпощадной жестокости къ врагамъ, прославились тогда не только въ своемъ отечествѣ, но и за границей. Такъ во время войны за освобожденіе Германіи, по извѣстію одной берлинской газеты, въ правдивости которой мы не имѣемъ повода сомнѣваться, «достаточно было одного казачьяго полка, чтобы парализовать дѣйствія многочисленнаго непріятельскаго корпуса». Изъ нѣмецкихъ же газетъ того времени мы узнаемъ, что бывали такіе примѣры, что одинъ донской ратникъ гналъ передъ собой цѣлую толпу французовъ и пр.

Ужасъ, внушаемый французамъ казацкими пиками, становится вполнѣ понятнымъ, если мы припомнимъ ту роль, какую играли донцы въ 1812 году, въ особенности при изгнаніи непріятеля изъ предѣловъ Россіи, а также въ слѣдовавшей затѣмъ войнѣ за освобожденіе Германіи [1]).

Едва пришла вѣсть о вторженіи Наполеона въ предѣлы Русскаго государства, какъ донскіе казаки, по призыву своего атамана

---

[1]) См. «Увѣнчанныя побѣды графа Платова и храбрыхъ казаковъ», 2 ч., 1813.—«Вѣра, вѣрность и слава донцовъ», «Москва», 1813. (Статьи изъ «Русскаго Вѣстника» прежнихъ годовъ о подвигахъ казаковъ, напечатанныя особо для войска донскаго, по желанію Платова), а также «Всемірная исторія» Шлоссера, т. VI, изд. 1872 г.

Платова, сверхъ положенныхъ къ службѣ 25,000 человѣкъ, составили вновь двѣнадцать полковъ (отъ 500 до 200 человѣкъ въ каждомъ), которые присоединились къ остальнымъ тридцати тремъ полкамъ, прибывшимъ раньше ихъ на мѣсто военныхъ дѣйствій.

Услуги казаковъ потребовались чуть ли не съ первыхъ дней занятія Москвы непріятелемъ, такъ какъ вслѣдствіе недостатка продовольствія, который становился все ощутительнѣе, солдаты «великой арміи» разсѣялись болѣе или менѣе многочисленными партіями по окрестностямъ для сбора фуража и провіанта. Противъ нихъ немедленно образованы были отряды легкой кавалеріи, состоящіе преимущественно изъ донскихъ казаковъ, которые подъ предводительствомъ офицеровъ различныхъ полковъ, неутомимо преслѣдовали мародеровъ, истребляли ихъ съ помощью крестьянъ и забирали въ плѣнъ.

Равнымъ образомъ, послѣ удаленія Наполеона изъ Москвы, въ октябрѣ 1812 года, донскіе казаки приняли дѣятельное участіе въ очищеніи древней русской столицы отъ непріятеля и его изгнаніи изъ предѣловъ Россіи. Подъ начальствомъ своего атамана Платова, они неутомимо дрались противъ враговъ, превосходившихъ ихъ численностью, и значительно способствовали истощенію непріятеля безпрестанными нападеніями и стычками, жгли мосты, перехватывали транспорты.

Отступленіе «великой» арміи превратилось въ безпорядочное бѣгство: конница, обозы, пѣхота, артиллерія — все перемѣшалось; небольшіе отряды казаковъ захватывали въ плѣнъ многочисленныя партіи, забирали уцѣлѣвшія повозки съ провіантомъ, пушки, ружья, знамена, зарядные ящики, такъ что Платовъ писалъ въ одномъ изъ своихъ донесеній, что они «едва успѣвали считать ихъ» [1]). Французы, мучимые холодомъ и голодомъ, безпощадно гонимые и убиваемые козаками, усѣяли дороги своими трупами; масса раненыхъ, мертвыхъ и умирающихъ, издохшія лошади представляли ужасающее зрѣлище. Переправа черезъ Березину, въ ночь на 29-е ноября 1812 года, довершила бѣдствія французской арміи и еще больше уменьшила ея численность.

Вслѣдъ затѣмъ русскимъ войскамъ предстояла новая борьба по ихъ вступленіи въ Пруссію, весной 1813 года, въ силу договора, по которому императоръ Александръ I обязался не слагать оружія до возстановленія Прусскаго государства въ предѣлахъ 1806 года (за исключеніемъ ганноверскихъ владѣній). Только теперь имъ приходилось проливать кровь на защиту чужаго народа и чужихъ правъ. И въ этой войнѣ «за освобожденіе Германіи», гдѣ приходилось оспоривать у непріятеля каждую пядь земли, донскіе казаки играли такую же видную роль, какъ и въ предъидущей

[1]) Между прочимъ, взято было до 60,000 ружей и 800 ящиковъ пороху.

кампаніи, и въ значительной мѣрѣ способствовали успѣху союзниковъ. Они разъѣзжали около городовъ, занятыхъ непріятелемъ, вступали въ безпрестанныя стычки съ отдѣльными французскими отрядами, уничтожали военные запасы и, перехватывая транспорты, лишали враговъ продовольствія въ раззоренной землѣ. Посылаемые въ обходъ казачьи отряды для занятія дорогъ являлись на мѣсто такъ неожиданно, что не разъ непріятель едва успѣвалъ спастись бѣгствомъ.

Занятіе Берлина русскими войсками послужило поводомъ къ возстанію во многихъ городахъ сѣверной Германіи, занятыхъ французами: Любекѣ, Ольденбургѣ, Лауенбургѣ (принадлежащемъ въ то время Великобританіи) и др. Русскій главнокомандующій немедленно выслалъ на помощь жителямъ полковника Теттенборна съ летучимъ отрядомъ, состоявшимъ преимущественно изъ донскихъ казаковъ, который, слѣдуя изъ Берлина, направился форсированнымъ маршемъ къ Лауенбургу. Въ недалекомъ разстояніи отъ послѣдняго, отрядъ Теттенборна вступилъ въ жаркую перестрѣлку съ непріятелемъ, занимавшимъ выгодную позицію передъ деревней Эксенбургомъ. Къ ночи деревня была занята храбрыми стрѣлками полковъ; Сулина, Гребцова и Денисова, и казаки вошли въ Лауенбургъ, гдѣ жители радостно привѣтствовали ихъ и, сорвавъ французскіе орлы, замѣнили ихъ англійскими гербами. Вслѣдъ затѣмъ произошло новое, удачное для казаковъ сраженіе при Цолленспикерѣ, которое открыло имъ дорогу къ Гамбургу, откуда только-что выступилъ французскій маршалъ Гувіонъ Сенъ-Сиръ, при первомъ извѣстіи о приближеніи казаковъ.

Удаленіе маршала изъ Гамбурга послужило сигналомъ къ немедленному возстанію, при которомъ погибло много французовъ, оставшихся въ городѣ. Народъ, недовольный упадкомъ промысловъ и различными притѣсненіями, разрушилъ будки и шалаши таможенныхъ приставовъ (построенныя у городскихъ воротъ) и убилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ; въ городскаго мэра Абендрота и другихъ приверженцевъ французовъ бросали каменьями. Французскіе гербы были сорваны и ихъ съ торжествомъ носили по городу [1]). Надежда на скорую помощь ободрила жителей.

За двѣ мили отъ Гамбурга Теттенборна встрѣтила депутація, состоящая изъ тридцати гражданъ, и два гамбургскихъ сенатора, Кохъ и Шульцъ, вручили ему ключи города. Дорога къ городу и весь городъ были наполнены толпами народа, который изъявлялъ свою радость при видѣ избавителей громкими восторженными криками: «Да здравствуетъ императоръ Александръ!» Гильдіи шли съ знаменами; на шпагахъ и шляпахъ красовались зеленыя вѣтви; дамы бросали по дорогѣ цвѣты; бюстъ Александра I, увѣнчанный гирлян-

---

[1]) «Сынъ Отечества», 1813 г., № XIII.

дами и лаврами, носили по городу. Жители приглашали къ себѣ въ домъ казаковъ и угощали ихъ. Вечеромъ, когда Теттенборнъ вышелъ изъ театра, то граждане выпрягли лошадей, довезли его на себѣ до дому и внесли на плечахъ. Теттенборнъ благодарилъ гамбурцевъ за оказанную ему честь и объявилъ имъ, что «отнынѣ они могутъ возобновить торговлю съ Англіей и другими народами, состоящими въ мирѣ съ Россіей».

На слѣдующій день 19-го (31-го) марта отплылъ пакетботъ въ Лондонъ, на которомъ отправилась депутація отъ города къ англійскому правительству, и Теттенборнъ послалъ на томъ же пакетботѣ съ депешами къ русскому посланнику гр. Ливену донскаго казака 9-го Сулина полка, Александра Земленухина [1]), наиболѣе отличившагося при занятіи Лауенбурга, и съ нимъ русскаго офицера, по фамиліи Бокъ.

Появленіе донскаго казака въ Лондонѣ должно было неизбѣжно возбудить любопытство англичанъ въ то время, когда во всей Европѣ ходили самые преувеличенные слухи о подвигахъ казаковъ, ихъ необычайной храбрости, грабительствѣ, звѣрской жестокости и дикой наружности, которую отчасти приписывали всей русской націи.

Такимъ образомъ, Александръ Земленухинъ съ перваго дня пріѣзда (8-го апрѣля) и во время своего кратковременнаго пребыванія въ Лондонѣ, обратилъ на себя особенное вниманіе англійской публики и даже газетъ [2]). О времени его прибытія было объявлено заранѣе; густая толпа народа, собравшаяся за нѣсколько часовъ до назначеннаго времени, окружила почтовую карету, въ которой онъ сидѣлъ съ сопровождавшимъ его русскимъ офицеромъ Бокомъ. Хотя наибольшая часть зрителей могла только видѣть длинную пику,

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ русскихъ газетахъ и журналахъ Земленухинъ названъ Витиченковымъ; но это кажущееся противорѣчіе объясняется обычаемъ, который до сихъ поръ держится между донскими казаками. Такъ, напримѣръ, на ряду съ дѣйствительной фамиліей, признаваемой только въ оффиціальныхъ бумагахъ, существуетъ прозвище, передаваемое изъ рода въ родъ, подъ которымъ казакъ извѣстенъ между своими станичниками, и которое онъ считаетъ своей настоящей фамиліей.

По извѣстію, сообщенному въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1813 года, № 36, Александръ Земленухинъ въ описываемое время былъ 54 лѣтъ отъ роду; онъ уже былъ уволенъ отъ службы съ пенсіономъ, но какъ только услыхалъ о вторженіи французовъ въ Россію, то явился добровольно съ своими двумя сыновьями на защиту отечества.

[2]) См. разсѣянныя извѣстія о казакѣ Земленухинѣ въ англійскихъ газетахъ: «Morning Chronikle», «Times», «The Courier», 1813 года, за апрѣль и май. Тѣ же извѣстія съ нѣкоторыми добавленіями или только выдержки изъ нихъ перепечатаны въ русскихъ журналахъ и газетахъ того же года: «Сынъ Отечества», XXIII т., кн. 6; «Вѣстникъ Европы», ч. II; «Русскій Инвалидъ», № 20; Прибавленіе къ журналу «Сынъ Отечества», № 1; «С.-Петербургскія Вѣдомости», за апрѣль и май.

выглядывавшую изъ окна кареты, но, тѣмъ не менѣе, давка была на столько сильна, что Земленухинъ съ трудомъ достигъ дома г. Акермана, гдѣ для него было приготовлено помѣщеніе.

Жители Лондона, желая выразить сочувствіе русской націи и въ частности своему неожиданному гостю, казаку Земленухину,

Казакъ Земленухинъ.

Съ англійской гравюры начала нынѣшняго столѣтія.

хотѣли поднести ему значительную сумму денегъ. Бокъ, узнавъ объ этомъ, велѣлъ объявить въ газетахъ, что русскому воину запрещено принимать деньги, но «если кто пожелаетъ подарить ему оружіе, чтобы драться съ французами, то онъ приметъ съ благодарностью»...

16-го апрѣля, Земленухинъ и его спутникъ были приглашены во дворецъ лордъ-мера, который черезъ г. Грандта, служившаго переводчикомъ, велѣлъ передать казаку, что первый членъ англійскаго магистрата считаетъ за честь пожать руку такому заслуженному воину, хотя онъ не можетъ похвалиться ни чинами, ни титулами. Казакъ отвѣтилъ лаконически, «что онъ всегда готовъ служить царю и отечеству!» Лордъ-меръ велѣлъ спросить его: «Сколько французовъ убилъ онъ своей пикой?» «Трехъ офицеровъ,—возразилъ Земленухинъ,—а сволочи нѣсколько четвериковъ». Г. Грандтъ, передавая этотъ отвѣтъ, счелъ нужнымъ немного измѣнить его и сказалъ, что «казакъ убилъ своей пикой 39 непріятелей». Затѣмъ лордъ-меръ, угостивъ обоихъ посѣтителей «холоднымъ» завтракомъ, повелъ ихъ въ Lloyd Coffee House, гдѣ они были встрѣчены привѣтствіями купцовъ и многочисленной посторонней публики. Казака пригласили на балконъ, выходившій на биржу, передъ которымъ собралась огромная толпа, ожидавшая его появленія, и выразила свое удовольствіе громкими криками. Когда водворилась тишина, лордъ-мэръ сказалъ короткую рѣчь, въ которой отозвался въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ о храбромъ казакѣ, и въ заключеніе среди неумолкаемыхъ рукоплесканій присутствующей толпы, стоявшей передъ балкономъ, пожелалъ всякаго успѣха оружію императора Александра.

Нѣсколько дней спустя, Земленухинъ былъ приглашенъ въ Freemason's Tavern, гдѣ было многочисленное собраніе масоновъ, праздновавшихъ посвященіе въ великіе мастеры герцога Суссекса, который присутствовалъ за общимъ обѣдомъ, впродолженіе нѣсколькихъ минутъ милостиво разговаривалъ съ русскимъ воиномъ, черезъ переводчика. Затѣмъ казакъ обошелъ комнату, и, когда онъ проходилъ мимо столовъ, то всѣ здоровались съ нимъ, а нѣкоторые даже обращались къ нему съ привѣтствіями, «чѣмъ онъ былъ видимо польщенъ», по замѣчанію «Morning Chronikle», гдѣ, между прочимъ, помѣщено слѣдующее описаніе его наружности:

«Ростъ казака около шести футовъ; онъ сильнаго и коренастаго тѣлосложенія и, хотя у него суровая, воинственная наружность, но лицо довольно выразительное и доброе, что̀ не совсѣмъ подходитъ къ тому понятію, какое вообще составлено о русской націи. Борода у казака длинная, кудрявая и сѣдая; волосы на головѣ менѣе сѣды, зачесаны назадъ, на шеѣ около шести дюймовъ длины, а на лбу острижены «коротко и ровно». Одежда его состоитъ изъ синяго кафтана и шароваръ, сшитыхъ изъ толстаго сукна, и широкихъ сапоговъ съ круглыми носками[1]). Руки казака необыкно-

[1]) См. описаніе одежды донскихъ казаковъ того времени въ книгѣ «Увѣнчанныя побѣды гр. Платова и храбрыхъ казаковъ», издан. 1813 года: «Кафтанъ синяго сукна, волосы острижены въ кружокъ, шапки съ круглыми и высокими овчин-

венной ширины и съ короткими пальцами, но онъ съ большимъ искусствомъ владѣетъ оружіемъ, состоящимъ изъ пистолета, ружья, сабли и длиннѣйшей пики и, повидимому, вовсе не чувствуетъ ихъ тяжести».

Своеобразная наружность и нарядъ донскаго казака были на столько новы и любопытны для англичанъ, что два художника Гифи (Heaphy) и Пайнъ (Pine) вызвались снять его портретъ. Сеансы происходили у г. Аккермана, который съ этой цѣлью предоставилъ обоимъ художникамъ свою пріемную залу. Гифи нарисовалъ казака во весь ростъ и, кромѣ того, изобразилъ его на своей исторической картинѣ поражающимъ французскаго офицера. Когда Земленухину показали его гравированный, весьма схожій портретъ, то онъ попросилъ нѣсколько экземпляровъ для себя, жены и дѣтей. Затѣмъ г. Акерманъ въ знакъ уваженія къ храброму воину принесъ ему на выборъ изъ своей мастерской четыре дорогихъ сабли прекрасной работы; казакъ выбралъ одну изъ нихъ, очень изящную съ турецкимъ клинкомъ, на которой была сдѣлана надпись: «Подарена Александру Земленухину, донскому казаку Сулина полка, отъ Рудольфа Акермана, Лондонъ, 20-го апрѣля»; на эфесѣ были вырѣзаны слова «Pro Deo, Imperatore, Patria». Сверхъ того, разными знатными лицами сдѣланы были казаку богатые подарки, состоящіе преимущественно изъ оружія англійской работы, между тѣмъ какъ англійскія дамы, узнавъ отъ него черезъ переводчика, чтò «онъ желаетъ имѣть для себя и своихъ сыновей», открыли подписку съ этой цѣлью [1]).

Нѣкто Дитчеръ сочинилъ въ честь казака слѣдующую пѣсню, которая была пропѣта въ его присутствіи на одномъ изъ лондонскихъ театровъ съ обычными оваціями, принятыми въ подобныхъ случаяхъ:

Cossack. War song:

Hourra! the villages burn bright,
To horse, cossack!
Hourra! for the avenging fight!
These fires betray the invaders fligt.
We'll follow by that ghastly light
His bloody track.
Nor rest, nor respire day or night
We'll give cossack.

ными околышками. Кафтанъ подпоясанъ сабельнымъ кушакомъ или изъ цвѣтной матеріи. Нѣкоторые, особенно рядовые, носятъ усы, у другихъ и бороды. Шаровары не такъ широки, какъ турецкіе. На ногахъ полусапожки простой кожи или сафьяные черные, а у старшинъ часто красные или желтые».

[1]) Въ прибавленіи къ журналу «Сынъ Отечества», 1813 года, № 1, стр. 14—16, сказано, что «открыта подписка, чтобы послать казака обратно въ Россію», но мы считаемъ это извѣстіе менѣе вѣроятнымъ.

By heaven and by hetman led,
Hourra, cossack!
Nor famine frost or fight we dread,
But the foe starve, when we are fed,
The air they breathe, the ice they tread
Theier bodies rack
The saul's repose in our snowbed
Is death, cossack!
We have a reckoning dire and long
For Moscow's sake;
Moscou the sacred and the strong.
Her brazen streets and murder'd throng
With vengeance for the impious wrong
The skies are black
Heaven chares and urges our wrath along
Hourra, cossack!

Эта пѣсня помѣщена цѣликомъ въ одной изъ книгъ «Сына Отечества» 1813 года [1]) вмѣстѣ съ русскимъ, хотя неточнымъ, но довольно гладкимъ переводомъ:

Военная пѣсня, сочиненная въ Англіи на прибытіе казака.

Ура! горятъ, пылаютъ селы.
Сѣдлай коня, казакъ!
Ура! мечи отмщенья стрѣлы,
Гдѣ скрылся лютый врагъ,
Багрово зарево являетъ,
Грабитель алчный гдѣ бѣжитъ,
Пожаръ кровавый освѣщаетъ,
Гдѣ вслѣдъ за нимъ казакъ летитъ.

Нашъ Богъ и гетманъ побораютъ,
Ура! впередъ, казакъ!
Ни гладъ, ни бой не ужасаютъ;
Падетъ предъ нами врагъ!
Ужаснымъ гладомъ истомленный,
Трепещущъ, блѣденъ, полунагъ,
Бѣжитъ позоромъ покровенный,
А вслѣдъ за нимъ летитъ казакъ,
Пылая яростью отмщаетъ
Горящую Москву!
Грозу и ужасъ низвергаетъ
На вражію главу!
Во гнѣвѣ небеса чернѣютъ,
Гдѣ убѣгаетъ врагъ,
Но тамъ, гдѣ вихри не успѣваютъ,
Тамъ нашъ разитъ, ура, казакъ!

[1]) См. № XXI, Смѣсь, стр. 83—84.

На ряду съ безкорыстнымъ чествованіемъ казака нашлись, разумѣется, и такія лица, которыя пользовались его популярностью въ Лондонѣ для своихъ цѣлей. Такъ, напримѣръ, для скорѣйшей продажи билетовъ на ботаническую лотерею, покупателямъ раздавали безплатно эмблематическую гравюру, съ весьма похожимъ портретомъ казака. Равнымъ образомъ для привлеченія посѣтителей на выставку музыкальныхъ механическихъ инструментовъ, объявлено было въ газетахъ, что «сѣверный герой» намѣренъ посѣтить ее съ своими друзьями.

Дѣйствительно, всякій выходъ казака изъ дому служилъ поводомъ къ громадному стеченію публики. Между прочимъ, въ одинъ изъ воскресныхъ дней Земленухинъ вздумалъ посѣтить Hide Park и явился туда въ полномъ вооруженіи на прекрасной лошади, данной ему полковникомъ Гаррисъ. Онъ проѣхалъ нѣсколько разъ взадъ и впередъ, и этого было достаточно, чтобы привлечь въ паркъ несмѣтную толпу народа къ великому соблазну благочестивыхъ людей, такъ что англійскія газеты сочли нужнымъ выразить свое негодованіе, что «сотни тысячъ народа собираются смотрѣть на зрѣлище въ королевскій паркъ, въ воскресенье, между утреннимъ и вечернимъ богослуженіемъ!»...

Хотя подчасъ подобная популярность была довольно утомительна, но она льстила самолюбію стараго воина, который охотно разговаривалъ черезъ переводчика съ незнакомыми людьми, и отвѣчалъ на вопросы объ его отечествѣ и жизни донскихъ казаковъ. Только разъ онъ счелъ себя оскорбленнымъ неизвѣстнымъ человѣкомъ, который всунулъ ему въ руку сложенный листъ бумаги, и, принявъ послѣдній за банковый билетъ, поспѣшилъ передать его переводчику, такъ какъ ему запрещено было брать деньги. Но «морщины неудовольствія тотчасъ же сгладились на лицѣ почтеннаго воина», когда ему объяснили, что это не болѣе какъ объявленіе о государственной лоттереѣ, гдѣ каждый можетъ выиграть до 20,000 ф. стер., пожертвовавъ небольшой суммой. Надежда на значительный выигрышъ на столько соблазнила казака, что онъ рѣшился взять нѣсколько лоттерейныхъ билетовъ, и съ этой цѣлью отправился въ Branscomb's Lottery Office Holborn Bars; но и тутъ едва успѣлъ онъ сойдти на землю, какъ дверцы кареты были сорваны съ петель нахлынувшей толпой, потому что каждый хотѣлъ взглянуть на него и пожать ему руку.

Тѣмъ не менѣе дома высшаго лондонскаго общества были, повидимому, закрыты для Земленухина, такъ какъ въ газетахъ его имя не фигурируетъ въ числѣ гостей на парадныхъ обѣдахъ и раутахъ англійской знати. Только разъ удостоился онъ приглашенія на обѣдъ къ лордъ-меру и, по замѣчанію Morning Chronikle, «къ счастью для него самого и элегантнаго собравшагося общества, онъ пилъ умѣренно», изъ чего можно заключить, что съ нимъ слу-

чалось и обратное. По этой или другой причинѣ онъ не былъ позванъ на празднество, слѣдовавшее нѣсколько дней спустя, на которое собралось многочисленное общество, состоящее изъ представителей различныхъ сословій, хотя въ числѣ приглашенныхъ былъ и русскій офицеръ, Бокъ, сопровождавшій казака изъ Гамбурга, и между различными украшеніями, на стѣнѣ одного павильона былъ нарисованъ русскій генералъ въ полной формѣ, сражающійся съ французами.

Пасха застала Земленухина на чужбинѣ, но онъ имѣлъ, по крайней мѣрѣ, то утѣшеніе, что разговѣлся по русскому обычаю у нашего посланника въ Лондонѣ, князя Ливена, который, сверхъ того, пригласилъ его ежедневно обѣдать у себя на святой.

29-го апрѣля, русскій посланникъ имѣлъ аудіенцію у принца регента и, по желанію его высочества, представилъ ему донскаго казака. Принцъ подарилъ Земленухину прекрасную саблю на черной бархатной портупеѣ, обитой серебромъ, и такую же сумку съ своимъ вензелемъ и короной.

Нѣсколько дней спустя послѣ того Земленухинъ уѣхалъ изъ Лондона, сердечно поблагодивъ своихъ новыхъ друзей и, въ особенности, своего хозяина г. Акермана за его неизмѣнное гостепріимство. Прощаясь съ послѣднимъ, онъ сказалъ: «Погостилъ я и поѣлъ у тебя хлѣба-соли; ты въ послѣдній день былъ также ласковъ со мной, какъ и въ первый» [1]).

По словамъ дежурнаго подполковника графа Платова, Александра Григорьевича Краснокутскаго, автора извѣстной въ свое время книги: «Поѣздка русскаго офицера въ Константинополь», изд. въ 1810 году, Земленухинъ отправился изъ Лондона къ русской арміи, находившейся въ это время въ Германіи, и былъ представленъ императору Александру I и прусскому королю. Вслѣдъ затѣмъ за хорошее поведеніе онъ былъ уволенъ на Донъ, произведенъ въ урядники съ приказомъ его впредь ни въ какія должности по внутренней службѣ не употреблять.

Извѣстіе это само по себѣ не представляетъ ничего неправдоподобнаго, но ему нельзя довѣрять безусловно, въ виду крайне «живой фантазіи», или, вѣрнѣе, недобросовѣстности, выказанной Краснокутскимъ относительно многихъ сообщаемыхъ имъ свѣдѣній. Между тѣмъ по своей близости къ графу Платову онъ могъ болѣе чѣмъ кто либо сообщить точныя подробности о Земленухинѣ въ частности и о донскихъ казакахъ вообще. И, дѣйствительно, мы видимъ, что выгодныя условія, въ какія онъ былъ поставленъ

---

[1]) 4 мая того же года, въ память пребыванія Земленухина въ Лондонѣ, одинъ изъ вновь спущенныхъ кораблей былъ названъ «Казакъ»; остальные корабли были также окрещены русскими именами: Князь Кутузовъ, Платовъ, Вильно, Бородино, Смоленскъ, Москва.

въ этомъ отношеніи заставляли современниковъ смотрѣть на него какъ на авторитетъ; такъ, напримѣръ, редакторъ «Русскаго Вѣстника», С. Глинка, въ объявленіи объ изданіи своего журнала на 1814 годъ «съ особеннымъ удовольствіемъ» заявляетъ своимъ будущимъ подписчикамъ, что «по его усердной просьбѣ всѣ бумаги о казакахъ, относящіяся къ 1812 году, сообщены ему, отъ имени графа Платова, дежурнымъ подполковникомъ А. Г. Краснокутскимъ» и будутъ напечатаны въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1814 года.

Подписчики не были обмануты, и обѣщанныя бумаги появились на страницахъ «Русскаго Вѣстника» 1814 года, но, разумѣется, не

всѣ и далеко не самыя важныя. Въ числѣ ихъ помѣщено: «Подробное извѣстіе о пребываніи донскаго казака въ Лондонѣ, разсказанное самимъ донцомъ графу Матвѣю Ивановичу Платову и написанное дежурнымъ его подполковникомъ Краснокутскимъ».

Судя по заглавію, можно ожидать, что это болѣе или менѣе правдивый, безъискусственный разсказъ неграмотнаго казака объ его пребываніи въ англійской столицѣ, для котораго многое осталось непонятнымъ, среди чуждой для него цивилизаціи, но что во всякомъ случаѣ здѣсь найдутся подробности, которыя послужатъ дополненіемъ газетныхъ свѣдѣній. Но ничего подобнаго нѣтъ на

дѣлѣ. Разсказъ, занимающій цѣлыхъ двадцать страницъ, оказывается вымышленнымъ отъ начала до конца, такъ что почти не имѣетъ ничего общаго съ извѣстіями, помѣщенными въ англійскихъ и русскихъ газетахъ 1813 года.

Въ «Подробномъ извѣстіи о пребываніи донскаго казака въ Лондонѣ» русскій офицеръ Бокъ, сопровождавшій его изъ Гамбурга, не упоминается вовсе; и Земленухинъ, по собственной инищіативѣ, великодушно отказывается отъ всякихъ подарковъ, даже отъ 1,000 ф. стерлинговъ, которыми хотѣлъ его наградить «наслѣдный принцъ». При этомъ отказѣ, онъ говоритъ довольно длинную вычурную рѣчь, которая начинается словами: «Нашъ царь надѣлилъ насъ всѣмъ и мы ни въ чемъ не нуждаемся» и т. д. Англійскій король, тронутый подобнымъ великодушіемъ, въ знакъ особеннаго расположенія къ донскому казаку, велѣлъ сдѣлать ему всю военную сбрую, пику, два пистолета, ружье, саблю, трость съ зрительной трубой и лядунку и «въ обмѣнъ взялъ его казацкій нарядъ для храненія».

Всѣ знатные лорды, наперерывъ, приглашали къ себѣ на обѣдъ Земленухина и пили при этомъ за здоровье «русскихъ побѣдителей злодѣя вселенной». Когда казакъ вошелъ въ парламентъ, то «въ присутственной залѣ» на него надѣли голубую ленту, пришпилили звѣзду и посадили на возвышеніе, а «старшій членъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ восхвалилъ доблести русскихъ, въ особенности казаковъ и пилъ вино (въ парламентѣ!!!) за здоровье русскаго государя, Кутузова, Платова, всего русскаго войска и самого Земленухина».

Чтобы удовлетворить любопытство англичанъ, Земленухинъ долженъ былъ въ присутствіи огромной толпы «показывать казацкіе пріемы и движенія на войнѣ», но такъ какъ, по случаю тѣсноты, ему неудобно было осѣдлать лошадь, то «онъ ввелъ ее въ комнату, осѣдлалъ и выѣхалъ на площадь» (!)...

Портретъ Земленухина, гравированный въ Лондонѣ, въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ былъ разосланъ по городамъ Англіи, съ надписью: «Ужасъ бѣглеца Бонапарта»! Англійскія дамы снимали съ себя цѣпочки и другія вещи и подносили Земленухину, а взамѣнъ просили у него волосъ съ головы на память. Между прочимъ, ему поднесенъ былъ платокъ съ портретами: Александра I, Кутузова и Платова. Вокругъ представленъ побѣгъ Наполеона съ маршалами и голодной арміей, жалобно вопіющей къ русскому мужику: «Камрадъ, хлѣба»! За ними летятъ казаки съ пиками, пронзая по нѣскольку насквозь. Внизу надпись: «Изгнаніе чертей изъ святилища Архангеломъ Михаиломъ (имя Кутузова) съ небесными силами» [1]).

---

[1]) Весьма вѣроятно, что подобные платки продавались тогда на Руси, тѣмъ

«Передъ отъѣздомъ казака изъ Лондона принцъ регентъ пригласилъ Земленухина къ себѣ на обѣдъ, благодарилъ за истребленіе французской арміи храбростью и неустрашимостью, свойственной русскимъ, пилъ за здоровье россійскаго императора, Кутузова, Платова съ донскимъ войскомъ и самого Земленухина. Послѣ обѣда принцъ трясъ его за руку, приказалъ кланяться атаману Платову, говоря, что онъ и весь народъ уважаютъ его за подвиги и что одинъ Богъ въ состояніи наградить его за труды и услуги государю и отечеству!

«Если бы Земленухину не было 60 лѣтъ [1]), то его убѣдили бы жениться на англичанкѣ, въ чемъ было общее желаніе; употребляли и другіе способы, чтобы убѣдить казака добровольно поселиться въ Англіи, обѣщали землю и устроить его; но онъ отказался, говоря, «что̀ скажетъ моя совѣсть, если я брошу жену, дѣтей и родину» и пр.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе «Подробнаго извѣстія о пребываніи донскаго казака въ Лондонѣ», въ которомъ на столько же приходится удивляться неудержимой фантазіи автора, какъ его наивности и полному незнанію англійской жизни и нравовъ. Весьма сомнительно, чтобы разсказъ былъ точно записанъ со словъ Земленухина, потому что витіеватость слога, нѣкоторыя вычурныя выраженія и въ особенности извѣстный литературный навыкъ въ подтасовкѣ фактовъ говорятъ въ пользу того, что честь сочинительства, если не вполнѣ, то главнымъ образомъ принадлежитъ самому г. Краснокутскому. Подтвержденіемъ этого подозрѣнія служитъ то обстоятельство, что дежурный подполковникъ графа Платова, въ предыдущемъ 1813 году, сочинилъ почти такую же и не менѣе нелѣпую сказку, съ цѣлью возвеличить донскаго атамана и показать, какимъ значеніемъ онъ пользуется въ Англіи [2]). Если бы Земленухинъ изъ хвастовства дѣй-

---

болѣе, что такого рода изображенія были въ духѣ времени, являлись во множествѣ и при этомъ въ самомъ разнообразномъ видѣ. Но сомнительно, чтобы выше описанный платокъ могъ быть фабрикованъ въ Англіи, хотя бы съ цѣлью доставить удовольствіе рѣдкому гостю.

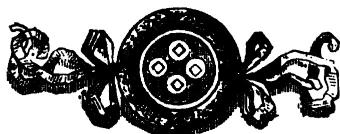
[1]) Въ «Подробномъ извѣстіи» и пр. для большаго эффекта казакъ представленъ старше шестью годами, такъ какъ въ русскихъ и англійскихъ газетахъ 1813 г. не разъ упоминается, что Земленухинъ имѣлъ тогда не болѣе 54 лѣтъ отъ роду.

[2]) См. «Русскій Вѣстникъ», 1813 г., № 8, гдѣ Краснокутскій въ числѣ другихъ извѣстій пишетъ изъ Силезіи отъ 8-го іюня. «Въ Англіи всѣ восхищаются подвигами графа Платова и готовятъ богатые мечи въ даръ отъ англійскаго народа вождю донскихъ войскъ. Портретъ Платова вездѣ печатается; считаютъ честью носить оный на пуговицѣ; къ нѣкоторымъ знатнымъ англичанамъ доставлены волосы съ головы Платова. Англичанки приглашаютъ графа Платова крестить ихъ дѣтей» и пр. Въ подтвержденіе своихъ словъ Краснокутскій добавляетъ, что самъ читалъ эти письма. Между тѣмъ, въ современныхъ англійскихъ и русскихъ газетахъ, мы не встрѣчаемъ ни малѣйшаго подтвержденія приводимыхъ имъ фактовъ.

ствительно позволилъ себѣ извратить факты, то Краснокутскій имѣлъ полную возможность провѣрить ихъ по газетамъ 1813 года, а что онъ читалъ ихъ довольно внимательно и даже отчасти пользовался ими, видно изъ фразъ, выписанныхъ имъ цѣликомъ изъ русскихъ газетъ и журналовъ, и изъ тождества нѣкоторыхъ мелкихъ, сообщаемыхъ имъ подробностей о пребываніи Земленухина въ Лондонѣ. Но Краснокутскій не считалъ нужнымъ стѣснять себя въ этомъ отношеніи и, подъ вліяніемъ ложно понятаго патріотизма и самохвальства, охватившаго большинство тогдашняго русскаго общества, нашелъ недостаточнымъ то вниманіе, какое было оказано въ Лондонѣ простому донскому казаку. Поэтому онъ рѣшилъ усилить краски и усилилъ ихъ черезъ мѣру, въ ущербъ истинѣ и здравому смыслу. Любопытно, что въ то время, повидимому, никто не рѣшился подвергнуть критикѣ слова Краснокутскаго, потому что этотъ вопросъ не былъ даже поднятъ въ тогдашней русской литературѣ. Между тѣмъ, читающая русская публика, несомнѣнно, усердно слѣдившая за журналами и газетами, въ которыхъ находила любопытныя для нея свѣдѣнія о ходѣ военныхъ событій, не могла не замѣтить рѣзкаго противорѣчія «Подробнаго извѣстія», сообщеннаго Краснокутскимъ со словъ Земленухина, съ газетными извѣстіями 1813 года.

Но этимъ дѣло не ограничилось. Въ 1863 году, г. Липранди счелъ удобнымъ выписать цѣликомъ изъ «Русскаго Вѣстника» 1814 года вышеприведенный вымышленный разсказъ о пребываніи донскаго казака въ Лондонѣ и помѣстить его въ «Сѣверной Пчелѣ» (№ 214) безъ указанія источника, но съ нѣкоторыми поправками слога и подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «О пріемѣ донскаго казака Земленухина, ѣздившаго въ 1813 году въ Лондонъ съ извѣстіемъ о занятіи русскими войсками г. Гамбурга. Воспоминаніе о событіи за полвѣка тому назадъ». Вслѣдъ затѣмъ тотъ же разсказъ безъ всякихъ измѣненій, но подъ новымъ заглавіемъ, придуманнымъ Липранди, былъ перепечатанъ въ «Донскихъ Войсковыхъ Вѣдомостяхъ» и «Народной Газетѣ», 1863 года; и, такимъ образомъ, четыре раза безнаказанно преподнесенъ русской публикѣ.

Н. Бѣлозерская.



ПЕРВАЯ ЖЕНСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ОБЩИНА ВЪ ПРИВИСЛИНСКОМЪ КРАѢ.

Ъ ПРОШЛОМЪ году открыта въ селѣ Лѣснѣ, Константиновскаго уѣзда, Сѣдлецкой губерніи, женская православная община.

Скромно и незамѣтно совершилось это событіе, оставшись вовсе неотмѣченнымъ въ столичной печати; но оно не лишено нѣкотораго интереса. Важность состоитъ не въ томъ, конечно, что увеличился списокъ женскихъ монастырей прибавленіемъ къ нему новооткрытой обители; не въ одномъ только томъ, что она учреждена въ краѣ, гдѣ вовсе не было женскихъ православныхъ монастырей; но попреимуществу въ томъ, что русская женская обитель возсіяла въ мѣстности, пережившей многовѣковую борьбу политическую и религіозную, гдѣ всѣми путями и средствами шло систематическое истребленіе русской народности и русской вѣры, гдѣ наиболѣе усердно распространялась и наиболѣе устойчиво укрѣплялась созданная латинскимъ фанатизмомъ слава о мнимыхъ мощахъ лже-мученика Іосафата Кунцевича, въ той наконецъ мѣстности, которая прославилась нахожденіемъ въ ней древней русской иконы Божіей Матери, остававшейся около 200 лѣтъ у католиковъ.

Придавая по этимъ причинамъ значеніе новоучрежденной православной женской общинѣ, которой предстоитъ обильное поле дѣятельности для возрожденія духовной жизни бывшаго уніатскаго

населенія, мы представимъ краткую исторію Лѣснинской святыни по тѣмъ источникамъ, которые появились въ недавно вышедшихъ изданіяхъ [1]).

I.

За рѣкою Бугомъ, въ центрѣ Подляшья, составляющаго Сѣдлецкую губернію, среди большихъ лѣсовъ, раскинулось надъ рѣкою Бѣлкою селеніе Лѣсно. Чрезвычайно красивая мѣстность, имѣющая историческій памятникъ въ видѣ земляныхъ укрѣпленій, сохранившихся, по преданію, отъ временъ крестоносцевъ, съ давнихъ временъ обращала на себя вниманіе, такъ что простая деревня была нѣкогда возведена польскимъ королемъ Августомъ II на степень города, въ которомъ устроивались ярмарки.

Въ двухъ верстахъ отъ Лѣсны находится другое селеніе—Буковичи, деревянная церковь котораго, построенная въ 1576 году, переживъ унію (1596—1875 гг.), сохранилась до нашихъ временъ въ томъ безотрадномъ, нищенскомъ видѣ, какой изображенъ на нашемъ рисункѣ. Въ этой церкви въ древнія времена находилась икона Божіей Матери, давняя принадлежность которой русской церкви подтверждается сказаніями мѣстныхъ жителей.

По преданію, икона Божіей Матери открыта при слѣдующихъ условіяхъ.

Въ воскресный день, 14 сентября 1683 года, въ полдень, пастухи деревни Лѣсны пригнали свой скотъ къ землянымъ окопамъ, о которыхъ было сказано выше. Одинъ изъ пастуховъ, Александръ Стельмащукъ, отыскивая отставшій скотъ, забрался въ густую чащу и здѣсь, на вѣтвяхъ грушеваго дерева, увидѣлъ икону Божіей Матери, окруженную яркимъ сіяніемъ. Ставъ на колѣни, чтобы помолиться предъ образомъ, онъ вдругъ почувствовалъ непреодолимый страхъ, подъ вліяніемъ котораго поспѣшно возвратился къ оставленному имъ товарищу Мирону Макаруку и разсказалъ ему о видѣнномъ чудѣ. Убѣдившись личнымъ осмотромъ въ истинѣ разсказа, Макарукъ поспѣшилъ вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ возвратиться въ деревню, гдѣ они разсказали о видѣнномъ священнику и своимъ односельчанамъ. Снятая съ дерева икона первоначально была помѣщена въ домѣ крестьянина Семена Макарука, а отсюда ее перенесли въ деревню Буковичи, по однимъ сказаніямъ—въ русскую церковь, а по другимъ—въ домъ помѣщика-поляка

---

[1]) Матеріалами для настоящей статьи служили: изданная въ Варшавѣ въ 1883 году брошюрка: «Явленіе чудотворной иконы Богоматери въ Лѣснѣ, въ связи съ другими событіями на Руси»; «Варшавскій Дневникъ» за 1884 и 1885 гг.; «Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ, издаваемые по высочайшему повелѣнію П. Н. Батюшковымъ», выпускъ VII, Спб., 1885 г. (ст. о Буковичской церкви).

Церковь Лѣснинской православной женской общины. (Сѣдлецкой губерніи, Константиновскаго уѣзда).

Казиміра Михаловскаго, власть котораго распространялась на нѣсколько сосѣднихъ деревень. Несчастія, которыя онъ испыталъ отъ неправильнаго владѣнія русскою святыней, принудили его, однако, передать икону въ церковь села Буковичи. Церковь эта въ то время не имѣла самостоятельнаго прихода, считаясь приписною къ приходу Носовъ; когда же явленная икона начала привлекать въ Буковичи массы богомольцевъ, то мѣстные жители возбудили ходатайство о назначеніи въ с. Буковичи особаго священника, на содержаніе котораго выдѣлили 30 морговъ земли. Просьба эта была начальствомъ уважена и въ с. Буковичи не замедлилъ явиться священникъ, по имени отецъ Василій.

Это сказаніе основано на преданіи, сохранившемся среди мѣстныхъ жителей, и на церковныхъ записяхъ, составленныхъ при ревизіи приходовъ высшимъ уніатскимъ духовенствомъ. Все это пополняется разсказомъ заштатнаго буковичскаго священника, что во время его настоятельства въ церкви хранились подъ престоломъ документы, объясняющіе происхожденіе иконы и принадлежность ея русской церкви; но документы эти какимъ-то образомъ оказались въ рукахъ лѣснинскихъ ксендзовъ.

II.

Слава о чудесно явившейся иконѣ разнеслась по всей окрестности. Небольшое, дотолѣ мало извѣстное сельцо Буковичи начало наполняться паломниками изъ далекихъ мѣстъ. Латинское духовенство позавидовало славѣ русской святыни и, задумавъ воспользоваться ею для пропаганды католицизма, прибѣгло къ такой мѣрѣ. Выстроивъ въ Лѣснѣ небольшой деревянный костелъ, первымъ настоятелемъ котораго былъ назначенъ ксендзъ Павелъ Яницкій, католики возбудили споръ о принадлежности имъ буковичской иконы Божіей Матери и въ доказательство своихъ правъ выставили то, что одинъ изъ пастуховъ, открывшихъ въ лѣсу икону, именно Александръ Стельмащукъ, былъ окрещенъ въ костелѣ, по католическому обряду. Жители с. Буковичи не пожелали, однако, добровольно разстаться съ святыней, но помѣщикъ Михаловскій рѣшилъ дѣло живо,—рѣшилъ тѣмъ способомъ, который зачастую въ то время практиковался въ Польшѣ. Въ одинъ изъ воскресныхъ дней шляхетный панъ, захвативъ съ собой гайдуковъ, ворвался въ Буковичскую церковь и, не найдя тамъ иконы, приступилъ къ насилію. Подъ розгами онъ вынудилъ отъ священника сознаніе въ сокрытіи иконы на церковномъ чердакѣ. Найденная такимъ образомъ икона была присвоена католиками и перенесена въ Лѣснинскій костелъ.

Это было въ 1686 году.

Съ тѣхъ поръ ксендзъ Яницкій началъ хлопотать предъ луц-

кими католическими епископами о признаніи иконы Божіей Матери чудотворною [1]). Не успѣвъ въ томъ предъ епископами Станиславомъ Витвицкимъ и Богуславомъ Лещинскимъ, ксендзъ Яницкій получилъ, наконецъ, послѣ неоднократныхъ просьбъ, распоряженіе епископа Франца Пражмовскаго о назначеніи коммиссіи для разслѣдованія дѣла о чудотвореніяхъ.

Коммиссія приступила къ исполненію своей задачи въ присутствіи польскихъ помѣщиковъ и окрестныхъ жителей, созванныхъ съ костельнаго амвона, и затѣмъ актомъ, составленнымъ 24 ноября 1700 года, признала икону Божіей Матери чудесно явившеюся въ Лѣснѣ и чудотворною.

III.

Интересны сказанія объ иконѣ, составленныя латинскимъ духовенствомъ. Мастера своего дѣла, не упускающіе удобнаго случая перетолковать все въ свою пользу, католическіе патеры, захвативъ русскую икону, формулировали историческія свѣдѣнія объ ней въ желательномъ для нихъ видѣ.

Первый настоятель Лѣснинскаго костела, ксендзъ Яницкій, составилъ по этому предмету записку, носящую длинное названіе: «Исторія образа пресвятой Дѣвы Маріи, на камнѣ вырѣзаннаго, на окопахъ Лѣснинскихъ, въ имѣніи Павла-Казиміра Михаловскаго, скарбника Оршанскаго, земства Мельницкаго, воеводства Подлясскаго, на грушевомъ деревѣ пастухами чудеснымъ образомъ обрѣтеннаго, въ лѣто Господне 1683, 14-го сентября». Повторивъ преданіе о явленіи иконы пастухамъ, авторъ записки объясняетъ затѣмъ, что одинъ изъ крестьянъ, по имени Данило, три раза пытался снять явленную икону съ дерева, но икона не только не допустила простаго русскаго крестьянина до этого, но даже оттолкнула его отъ себя и повергла его на землю. Святыню могъ взять,— видите ли,—только шляхетный панъ, какимъ на этотъ разъ оказался подстароста Заблоцкій. О русскомъ священникѣ, которому, по преданію, пастухи впервые заявили о явленіи иконы, авторъ забылъ упомянуть. При снятіи съ дерева, сіявшая до этого времени икона быстро утратила свой яркій свѣтъ и бѣлизну. Снявъ икону панъ Заблоцкій относитъ ее въ домъ крестьянина Семена Макарука, отъ котораго она и была взята помѣщикомъ Михаловскимъ.

Ксендзъ Яницкій насчитываетъ въ своей запискѣ болѣе 500, чудотвореній, совершившихся за время бытности его настоятелемъ Лѣснинскаго прихода, а подъ 13 февраля 1713 года отмѣчаетъ:

---

[1]) На Тридентскомъ католическомъ соборѣ (1543—1563 гг.) строго запрещено открывать мощи и объявлять иконы чудотворными безъ предварительнаго изслѣдованія и безъ разрѣшенія епископа.

«Преподобный отецъ Василій, священникъ буковичскій, заявилъ мнѣ о томъ, что 17 лѣтъ тому назадъ Иванъ и Петръ Смоляки, родные братья, Семенъ Рутовщикъ и Михаилъ Лащинъ, всѣ изъ села Буковичи, видѣли предъ разсвѣтомъ ангеловъ, несшихъ образъ пресвятой Дѣвы изъ Буковичъ въ Лѣсну». «Съ неба ли эта икона ниспослана,—вопрошаетъ отъ себя Яницкій,—или же изъ какого нибудь неизвѣстнаго для людей мѣста руками ангеловъ сюда, въ Лѣсну, въ окопы принесена была,—только одному Богу извѣстно».

Церковь въ селѣ Буковичи, Сѣдлецкой губерніи. (XV вѣка).

Въ актѣ 24 ноября 1700 года, составленномъ польскою коммиссіею, вписано только четыре свидѣтельскихъ показанія. Первое изъ нихъ было дано помѣщицею Анною Доманскою, по первому мужу Михаловскою, затѣмъ слѣдуютъ заявленія Мирона Макарука, подтвердившаго разсказъ первой только въ общихъ чертахъ, Андрея Григоровича, объяснившаго, что икона прямо съ дерева была перенесена въ село Буковичи, и, наконецъ, Ивана Шиманика, который показалъ, что когда Михаловскій приказалъ слѣдить, чтобы икону не унесли изъ комнаты, то ночью онъ увидѣлъ во снѣ старца, который спросилъ его: «Зачѣмъ ты на стражѣ?» Шиманикъ отвѣчалъ, что ему приказалъ панъ. Старецъ сказалъ: «Напрасно сте-

режешь; если будутъ почитать меня, я здѣсь останусь, а если нѣтъ, то уйду, откуда пришла». Это показаніе возбуждаетъ недоразумѣніе: съ Шиманикомъ разговариваетъ старецъ, а слова его заканчиваются какъ бы отъ имени иконы.

IV.

Какъ бы то ни было, несомнѣннымъ оказывается, что икона Божіей Матери, найденная въ 1683 году русскими пастухами на грушевомъ деревѣ близъ с. Лѣсны, въ то время, когда тамъ вовсе не существовало латинскаго костела, была тогда же принесена въ село Буковичи, гдѣ находилась три года, до насильственнаго захвата ея католиками, которые перенесли икону въ Лѣснинскій костелъ съ цѣлью привлеченія къ нему мѣстнаго русскаго населенія и совращенія его въ латинскую вѣру.

Послѣдствіемъ изслѣдованія, изложеннаго въ актѣ 24 ноября 1700 года, является декретъ католическаго епископа Пражмовскаго, который, упоминая о милости, ниспосланной на Луцкую епархію, «зараженную схизмой» (православіемъ), говоритъ: «А утверждается и установляется воздаваемая честь и поклоненіе чудотворной иконѣ съ тою цѣлью, чтобы благочестіе христіанскаго народа и благоговѣніе къ пресвятой Богородицѣ Дѣвѣ Маріи процвѣтало и возростало и чтобы вѣрные христіане, посреди язвы ересей и упорной схизмы (sic), созерцаніемъ могущества Божія, явленнаго такими очевидными чудесами, утвердились и укрѣпились въ вѣрѣ; дабы черезъ столь знаменательныя чудеса и милости, отъ сказаннаго священнаго изображенія по волѣ Божіей проистекающія, всѣ, ослѣпленные тьмою столькихъ заблужденій и заблудшіе отъ пути истины, были просвѣщены истинною вѣрою и приведены къ общенію св. матери-церкви».

Такимъ образомъ польско-католики не скрывали своего намѣренія—воспользоваться русскою чудотворною иконою для того, чтобы обратить мѣстное православное населеніе въ папизмъ.

Упрочивъ такимъ образомъ русскую святыню за Лѣснинскимъ костеломъ, ксендзъ Яницкій приступилъ къ постройкѣ небольшаго каменнаго костела, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ явилась икона, но строитель, не успѣвъ окончить постройку, умеръ въ 1716 году. Уже преемнику его, ксендзу Фабіанскому, удалось окончить костелъ, который былъ освященъ въ 1718 году во имя св. апостоловъ Петра и Павла, вмѣстѣ съ устроенными имъ нѣсколькими келіями. Новый костелъ, вслѣдствіе сильнаго наплыва богомольцевъ, вскорѣ оказался, однако, тѣснымъ, и потому ксендзъ Фабіанскій задумалъ соорудить костелъ въ большемъ размѣрѣ, но недостаточность собранныхъ имъ денежныхъ средствъ не позволила окончить постройку.

Въ ту пору въ Лѣсну заѣхалъ монахъ Ченстоховскаго монастыря ордена паулиновъ[1]). Въ переговорахъ съ помѣщикомъ Владиславомъ Михаловскимъ (сыномъ упомянутаго прежде Казиміра Михаловскаго) паулинскій инокъ уговорилъ пана уступить принадлежащую ему власть патронатства или попечительства надъ Лѣснинскимъ костеломъ въ пользу паулиновъ и затѣмъ, при содѣйствіи польскихъ магнатовъ, исходатайствовалъ предъ луцкимъ епископомъ Рупневскимъ укрѣпленіе правъ Ченстоховскаго монастыря на Лѣснинскій костелъ. Громко и пышно совершилась передача костела въ собственность паулинскихъ монаховъ, вступившихъ въ Лѣсну въ присутствіи только-что упомянутаго епископа, при огромномъ стеченіи народа, съ торжественной процессіей, съ музыкой, пѣніемъ и пушечными выстрѣлами.

Новые обладатели Лѣснинской святыни прежде всего поспѣшили окончить постройку большаго костела, начатую ксендзомъ Фабіанскимъ; затѣмъ окружили свою обитель каменной стѣной, возведя на ней башни и бойницы, и оградили себя подъемнымъ мостомъ[2]).

Кромѣ средствъ, которыми располагали паулины, благоустройству и обогащенію обители содѣйствовали польскіе магнаты, какъ, напримѣръ, Радзивиллы, Шуйскій, Шембека, Потоцкіе, пожертвовавшіе Лѣснинскому монастырю, въ разное время, имѣнія съ огромными доходами; украшеніе же чудотворной иконы приняли на себя Карлъ и Анна супруги Радзивиллы[3]), усердіемъ которыхъ ликъ Божіей Матери былъ украшенъ золотою короною съ 22 алмазами, а младенца Іисуса—короною изъ серебра съ 12 алмазами, самая же икона была покрыта золотою ризою съ 155 алмазами, 291 яхонтомъ и 59 изумрудами. Ни одно изъ этихъ украшеній не сохранилось, утратившись въ 1812 году во время бѣгства французовъ изъ Россіи. Другой изъ Радзивилловъ пожертвовалъ въ костелъ огромный органъ, звуки котораго, по словамъ мѣстныхъ жителей, доходили до княжескаго замка въ гор. Бѣлѣ, находившагося въ 10 верстахъ отъ Лѣсны.

Богато украшенная икона была установлена въ новомъ костелѣ надъ главнымъ престоломъ, за которымъ было оставлено свободное

---

[1]) Монастырь этотъ, находящійся въ Петроковской губерніи и извѣстный среди мѣстнаго населенія больше подъ названіемъ: «Ясная-Гура», славится чудотворною иконою Божіей Матери восточной живописи, привезенной, по преданію, изъ Константинополя св. княземъ Владиміромъ, находившеюся прежде въ Белзской православной церкви и переданной въ Ченстоховскій монастырь въ 1382 году княземъ Владиславомъ Опольскимъ. М. Г.

[2]) Впослѣдствіи эта стѣна и башни были разобраны и изъ нихъ было устроено при костелѣ зданіе съ 18 келіями.

[3]) Это тѣ Радзивиллы, въ домовой каплицѣ которыхъ въ городѣ Бѣлѣ, втеченіе 60 лѣтъ, находились мнимыя мощи уніатскаго изувѣра Іосафата Кунцевича.

мѣсто. Особое почитаніе и усердіе къ святынѣ богомольцы выражали тѣмъ, что на колѣняхъ, ползкомъ, обходили мѣсто за иконой.

V.

Величественный костелъ, съ роскошною обстановкой, громогласные звуки огромнаго органа, прославившаяся чудотвореніями и сіявшая золотомъ и драгоцѣнными камнями икона Божіей Матери, наконецъ, особые пріемы католическихъ патеровъ въ выполненіи своихъ религіозныхъ обязанностей,—пріемы въ однихъ случаяхъ смѣлые и рѣшительные, въ другихъ тонкіе и неуловимые, все это прославило Лѣсну и сдѣлало изъ нея оплотъ католицизма среди сплошнаго уніатскаго населенія. Послѣднее свыклось уже съ внушеніями папистовъ, что уніатская церковь и католическій костелъ—одно и то же, что унія и католицизмъ — одна вѣра, имѣющая одного пастыря — римскаго папу. Сами уніатскіе священники, участвуя въ костельномъ богослуженіи, выражали такой взглядъ на унію. Некому было поддерживать самобытность русской вѣры. Могли ли при этихъ условіяхъ возникнуть въ уніатскомъ народѣ какія либо сомнѣнія по этому поводу? Ходятъ же, напримѣръ, католики въ Бѣлу поклоняться мощамъ уніатскаго святаго (Іосафата), чтутъ же они несомнѣнно русскую святыню, которую паулины окружили такою роскошью,—отчего же имъ, уніатамъ, не ходить въ костелъ, не участвовать въ латинскомъ богослуженіи, отправляемомъ при томъ съ такимъ эфектомъ, какого не встрѣтить въ убогой уніатской церкви?

А какъ велика была разница между величественными латинскими костелами и уніатскими церквами,—примѣромъ можетъ служить прилагаемый рисунокъ Буковичской церкви. Построенная за 20 лѣтъ до провозглашенія Брестской церковной уніи, въ видѣ скромнаго четырехугольнаго деревяннаго зданія грубой работы [1]), покрытая соломой, эта историческая церковь и во внутреннемъ своемъ устройствѣ носила слѣды убожества и сельской невзыскательности. Два раза закрывали Буковичскій приходъ, присоединяя его къ сосѣднему Носовскому приходу. Закрытый въ послѣдній разъ въ 1859 году, онъ до сихъ поръ не возстановленъ. До нашихъ дней вѣковая русская святыня сохранилась въ полуистлѣвшемъ видѣ, съ покосившимся крестомъ, съ гнѣздомъ аиста на части кровли, ближайшей къ алтарю, обросшая кругомъ густой травой...

Сопоставленіе исторіи Лѣснинскаго костела съ исторіей Буковичскаго русскаго храма просто поражаетъ: среди густо населеннаго русскаго уніатскаго народа, безъ всякой надобности, строится

---

[1]) Замѣчательно, что, при тщательномъ осмотрѣ этого вѣковаго зданія, въ немъ не оказалось ни одного желѣзнаго гвоздя, ни одного куска желѣза: всѣ скрѣпленія сдѣланы изъ дерева.

костелъ, который втеченіе весьма немногихъ лѣтъ два раза перестроивается, пока не появляется величественная обитель, наполненная сонмищемъ монаховъ; а русская церковь, выстроенная въ древнія времена въ скромныхъ размѣрахъ для немноголюдной тогда деревни, оставляется въ первобытномъ своемъ состояніи втеченіе двухъ съ половиною вѣковъ безъ всякой поддержки, а самый приходъ признаётся даже ненужнымъ.

Такія несообразности и рѣжущіе глаза контрасты можно найдти въ Русскомъ Забужьѣ на каждомъ шагу. Это не простая случайность, это—результатъ систематическихъ трудовъ бывшей Польши (духовенства, правительства и шляхты), направленныхъ къ истребленію русскаго народа и русской вѣры.

Въ силу этой системы и Лѣсна обратилась въ одинъ изъ центровъ польско-латинской пропаганды.

Но этого мало.

Наступило польское возстаніе 1863 года. Извѣстна та роль, которую разыгрывало вообще латинское духовенство въ этой печальной страницѣ новѣйшей польской исторіи. Лѣснинскіе паулины не сдѣлали для себя исключенія въ этомъ отношеніи. Напротивъ, иноки католическаго монастыря обратили Лѣсну въ арену самыхъ возмутительныхъ противоправительственныхъ манифестацій. За эти мятежные поступки паулины поплатились законной карой: Лѣснинскій монастырь былъ закрытъ, а паулины возвращены въ свой Ченстоховскій монастырь, за исключеніемъ одного монаха, оставленнаго въ Лѣснѣ для совершенія богослуженія.

Но эта мѣра не научила черную папскую армію. Въ надеждѣ на свою изворотливость, а можетъ быть, и на безнаказанность, латинское духовенство еще разъ попробовало воспользоваться Лѣсной для проведенія своихъ плановъ и стремленій.

Еще до возсоединенія уніатовъ Холмскаго края съ православною церковью, когда уніатскимъ епархіальнымъ начальствомъ было приступлено къ очищенію восточнаго богослуженія отъ латино-польскихъ искаженій, въ Лѣсну начали съѣзжаться ксендзы для возбужденія народа противъ очищенія обряда. Когда же возсоединеніе совершилось, то въ уніатской паствѣ проявилось печальное разномысліе. Среди приходовъ, единодушно и чистосердечно примкнувшихъ къ рѣшенію своихъ духовныхъ пастырей, возвратившихся къ вѣрѣ своихъ предковъ, нашлись приходы, выказавшіе упорное нежеланіе слѣдовать примѣру духовенства и большинства населенія. Нѣтъ надобности объяснять, что это упорство не составляло искренняго выраженія религіозныхъ убѣжденій народа; всякому понятно, что источникомъ приверженности къ искаженной іезуитами вѣрѣ русской были навѣты ксендзовъ, вооружившихъ народъ противъ «схизмы».

Такая агитація проявилась и въ Лѣснѣ. Пріѣзжавшіе сюда ксендзы въ проповѣдяхъ и на исповѣди порицали православіе, запрещая ходить въ церковь и исполнять въ ней таинства и грозя непослушнымъ всѣми ужасами ада.

Не могло терпѣть правительство и этихъ преступныхъ дѣйствій и рѣшилось, наконецъ, окончательно закрыть Лѣснинскій костелъ, который затѣмъ былъ переданъ православному вѣдомству.

Чудотворная икона Лѣснинской Божіей Матери.

VI.

Обращеніе латинскаго костела въ православную церковь, объясняемое нахожденіемъ его среди русскаго, бывшаго уніатскаго населенія, вызвало необходимость соотвѣтственнаго переустройства его. На время работъ этого рода была устроена въ 1878 году, близь костельнаго зданія, небольшая церковь изъ часовни, которая была построена паулинами надъ колодцемъ, чтимымъ мѣстнымъ насе-

леніемъ за цѣлебныя свойства источника. Самый костелъ, имѣющій около 50 аршинъ длины и 31 аршинъ ширины, послѣ перестройки, принялъ видъ православной церкви, какъ это изображено на нашемъ рисункѣ. Не смотря на довольно значительную высоту храма, иконостасъ устроенъ въ немъ лишь въ два яруса. Это сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы возможно было оставить чудотворную икону при алтарной стѣнѣ, какъ она была у латинянъ, а для того, чтобы не нарушить съиздавна укоренившагося обычая богомольцевъ—проходить пространство за иконой на колѣняхъ, въ иконостасѣ устроено, кромѣ царскихъ вратъ и двухъ боковыхъ дверей, еще другія двери по бокамъ, ведущія въ корридоръ, выдѣленный изъ алтаря у стѣны храма.

Самая икона представляется въ слѣдующемъ видѣ. Изображеніе Божіей Матери и младенца Іисуса вырѣзано рельефомъ на темнокрасномъ овальномъ камнѣ, въ 9 вершковъ длины и почти столько же ширины; имѣя по очертанію своему характеръ• восточныхъ изображеній, фигуры сдѣланы весьма отчетливо. Икону покрываетъ серебряная вызолоченая риза, украшенная чешскими тяжеловѣсами и мелкими жемчужинами; надъ головою Богородицы красуется корона изъ сапфировъ, а головку младенца покрываетъ корона, усыпанная кораллами. Въ лѣвой рукѣ Божіей Матери на ризѣ изображена книга, а надъ нею Духъ Святый въ видѣ голубя. Икона находится подъ стекломъ въ круглой серебряной рамкѣ, которая вставлена въ большую золоченую раму, съ большимъ вѣнцомъ надъ нею и съ лучами вокругъ рамы. Икона помѣщается въ большой нишѣ; поддерживаемая двумя херувимами, она укрѣплена на лакированномъ стволѣ груши, — той самой груши, на которой, по преданію, пастухи обрѣли икону. Вокругъ иконы находится много золотыхъ и серебряныхъ привѣсокъ, изображающихъ руки, ноги и т. п., а также нити съ жемчугомъ, кораллами и проч.

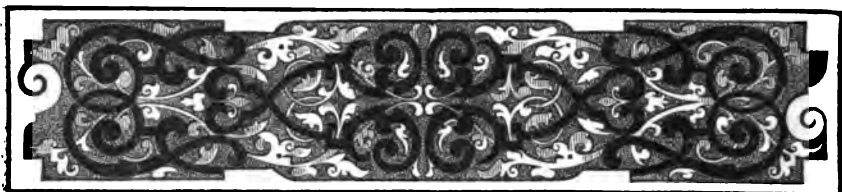
Учрежденіе женской православной общины въ столь замѣчательномъ мѣстѣ, какимъ представляется Лѣсна, обязано нынѣшнему архіепископу Холмско-Варшавской епархіи, высокопреосвященному Леонтію. Маститый архипастырь, достойно занимающій одну изъ важнѣйшихъ русскихъ православныхъ каѳедръ, съумѣлъ опредѣлить религіозное значеніе историческаго пункта русскаго Подляшья и испросилъ разрѣшеніе на открытіе въ мѣстѣ, прославленномъ втеченіе вѣковъ набожностію русскаго народа, женской общины на 300 инокинь.

19 октября 1885 года, изъ Москвы прибыла въ Лѣсну первая настоятельница новой обители, графиня Евгенія Борисовна Ефимовская съ шестью сестрами и двумя дѣвочками. Эти двѣ русскія сиротки положили начало открытію женской школы, устроенной въ обители. 20 октября, было совершено торжественное

богослуженіе, и этотъ день долженъ считаться днемъ открытія первой православной женской общины въ Привислянскомъ краѣ.

Много предстоитъ трудовъ русскимъ подвижницамъ среди населенія, ослабѣвшаго, подъ вліяніемъ польско-латинскихъ козней, въ національныхъ и религіозныхъ чувствахъ своихъ, но еще не утратившаго окончательно русскіе обычаи и вѣрованія. Нужно надѣяться, что при всѣхъ благопріятныхъ условіяхъ, которыми ограждена русская обитель, подвижницы ея сослужатъ службу русскому дѣлу въ мѣстности, находившейся подъ тяжелымъ иновѣрнымъ гнетомъ втеченіе многихъ вѣковъ и составляющей нынѣ нераздѣльную часть Русскаго государства.

М. Городецкій.



РАСПРОСТРАНЕНІЕ СОЧИНЕНІЙ ПУШКИНА ВЪ КУРСКОЙ ГУБЕРНІИ ВЪ 1837 ГОДУ.

ОГДА А. С. Пушкина не стало на свѣтѣ, то императоръ Николай Павловичъ счелъ своимъ долгомъ озаботиться обезпеченіемъ участи сиротъ великаго поэта. Но замѣчательно, что среди другихъ способовъ обезпеченія государь указалъ на необходимость распространенія по Россіи сочиненій Пушкина, отъ продажи которыхъ могъ бы образоваться капиталъ на воспитаніе малолѣтнихъ дѣтей его.

Вслѣдствіе такой высочайшей воли, министръ внутреннихъ дѣлъ обратился къ губернскимъ предводителямъ дворянства съ просьбою: пригласить дворянъ къ покупкѣ билетовъ на изданіе полнаго собранія сочиненій А. С. Пушкина.

Въ Курскѣ въ 1837 году дворянскимъ предводителемъ былъ Сонцевъ. 22-го мая, онъ отъ министра получилъ нижеслѣдующее письмо, которое указываетъ на то, какого высокаго мнѣнія о талантѣ Пушкина было правительство.

«М. г., Петръ Александровичъ! Вашему превосходительству извѣстно, что въ началѣ нынѣшняго года россійская словесность лишилась одного изъ знаменитыхъ талантовъ, ее украшавшихъ. Преждевременная кончина Пушкина поразила горестью друзей литературы и отечественной славы, и государь императоръ изъявилъ особое милостивое участіе въ судьбѣ поэта, осыпавъ монаршими щедротами оставленное въ сиротствѣ семейство Пушкина. Для усиленія всемилостивѣйше дарованнаго пособія, съ соизволенія его императорскаго величества, опека, учрежденная надъ малолѣтними дѣтьми умершаго поэта, приступила къ изданію новаго полнаго собранія сочиненій его. Публикѣ уже извѣстно о семъ; но я съ

своей стороны, зная, сколь много талантъ хорошихъ писателей способствуетъ совершенствованію языка, образуетъ вкусъ и возвышаетъ чувство изящнаго, вмѣняю себѣ въ пріятную обязанность покорнѣйше просить ваше превосходительство принять участіе въ раздачѣ билетовъ на собраніе сочиненій Пушкина всѣмъ любителямъ литературы, всѣмъ ревнителямъ просвѣщенія среди дворянства, вами предводимаго. Кажется, нельзя сомнѣваться, что русскіе почтятъ память великаго поэта и вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ способствовать оказанію помощи его дѣтямъ. Увѣренный въ дѣятельномъ участіи вашемъ, я поручилъ моей канцеляріи доставить вамъ билеты на полученіе сочиненій Пушкина».

Этихъ билетовъ курскому губернскому предводителю было доставлено сорокъ, съ № 10,031 по № 10,070.

Посмотримъ, какъ отнеслось къ приглашенію правительства почтить память А. С. Пушкина курское дворянство.

Сонцевъ, 20-го іюня 1837 года, разослалъ предводителямъ пятнадцати уѣздовъ Курской губерніи предложенія, въ которыхъ проситъ пригласить дворянъ къ подпискѣ на изданіе сочиненій Пушкина. Изданіе это должно было состоять изъ шести томовъ, а подписка закончиться къ 1-му октября 1837 года. Вслѣдствіе этого, губернскій предводитель просилъ уѣздныхъ—прислать ему отвѣтныя извѣщенія о подпискѣ на сочиненія Пушкина не позднѣе 20-го августа. Цѣна за «полное собраніе» была назначена 35 рублей. Такъ какъ число билетовъ было не велико, то на каждый уѣздъ губерніи пришлось по три, или по два билета; первыхъ уѣздовъ было девять, а послѣднихъ шесть. Такимъ образомъ было разослано 39 подписныхъ билетовъ, а одинъ Сонцевъ взялъ себѣ.

Уѣздные предводители неодинаково отнеслись къ приглашенію правительства. Нѣкоторые увѣдомили губернскаго предводителя, что они лично предлагали подписку дворянамъ и сами взяли билеты на полученіе сочиненій А. С. Пушкина, такъ что успѣли въ раздачѣ билетовъ и прислали въ Курскъ деньги вмѣстѣ съ адресами подписавшихся дворянъ. Другіе предводители, напримѣръ, путивльскій, курскій, обоянскій, тимской, корочанскій, препроводили полученные ими билеты въ полицейскія учрежденія для предъявленія ихъ дворянамъ.

Между тѣмъ, отъ канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ, 22 іюня 1837 года, къ Сонцеву «въ дополненіе къ прежнему отношенію о сочиненіяхъ Пушкина было прислано 50 объявленій объ изданіи этихъ сочиненій, для раздачи дворянамъ».

Объявленія были розданы.

Замѣчательно, что между подписчиками на полное собраніе сочиненій Пушкина въ Курской губерніи больше всего встрѣчается военныхъ, отъ полковниковъ до прапорщиковъ включительно. Мень-

шее число подписчиковъ дали гражданскіе чины, есть и нѣсколько дворянокъ-подписчицъ.

Отъ 6 уѣздовъ (изъ 15) въ Курскѣ были получены извѣстія, что, «при объявленіи земскимъ судомъ билетовъ на полученіе полнаго собранія сочиненій покойника Пушкина, никто изъ господъ дворянъ этихъ билетовъ взять не согласился». Отъ двухъ уѣздовъ губернскій предводитель вовсе не получалъ свѣдѣній о судьбѣ подписки, хотя уже назначенный имъ для отвѣта срокъ прошелъ. Интересно то обстоятельство, что къ числу уѣздовъ, гдѣ дворяне не поинтересовались сочиненіями великаго поэта, относится и Курскій, отличающійся многочисленностью представителей «благороднаго сословія».

Въ сентябрѣ 1837 года, Сонцевъ имѣлъ возможность за проданные въ губерніи 27 билетовъ выслать въ министерство внутреннихъ дѣлъ 945 рублей. Такимъ образомъ 13 билетовъ остались неразобранными, и ихъ нужно было возвратить въ Петербургъ. Но вскорѣ министръ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ курскаго предводителя, что «хотя продажа билетовъ на полученіе полнаго собранія сочиненій умершаго поэта А. С. Пушкина была ограничена по 1-е октября 1837 года; но признано необходимымъ отложить срокъ этой продажи еще на одинъ годъ, ибо обѣщанные томы сочиненій выйдутъ не ранѣе сентября 1838 года; но за то ихъ будетъ вмѣсто шести восемь, и подписчикамъ на билеты два дополнительныхъ тома будутъ розданы безъ увеличенія подписной цѣны». Тутъ же сообщалось, что желающіе пріобрѣсти сочиненія Пушкина на веленевой бумагѣ благоволятъ вмѣсто 35 руб. внести 40 руб.

Отсрочка въ продажѣ билетовъ дала возможность курскому губернскому предводителю убѣдить дворянъ купить еще нѣсколько билетовъ. Это ему удалось. Именно, 7-го іюля 1838 года, онъ отправилъ въ Петербургъ еще 315 рублей за проданные 9 экземпляровъ подписныхъ билетовъ.

Но два уѣзда—Курскій и Путивльскій, продолжали безмолвствовать. Сонцевъ посылалъ предводителямъ этихъ уѣздовъ повторительныя предложенія и требовалъ отчета о полученныхъ ими билетахъ. Послѣ этихъ требованій курскій предводитель возвратилъ въ канцелярію Сонцева два билета, которые онъ пробовалъ черезъ полицію раздать въ уѣздѣ. А путивльскій предводитель въ апрѣлѣ 1838 года отвѣчалъ, что онъ «полученные имъ билеты на полученіе сочиненій господина Пушкина передалъ по принадлежности земскому исправнику, а отъ него до сей поры не имѣетъ увѣдомленія». Тогда губернскій предводитель послалъ запросъ исправнику о судьбѣ залежавшихся у него билетовъ. Тотъ почему-то позволилъ себѣ на первыхъ порахъ не удостоить предводителя отвѣтомъ. Тогда Сонцевъ отправилъ къ неисправному исправнику слѣдующій ультиматумъ:

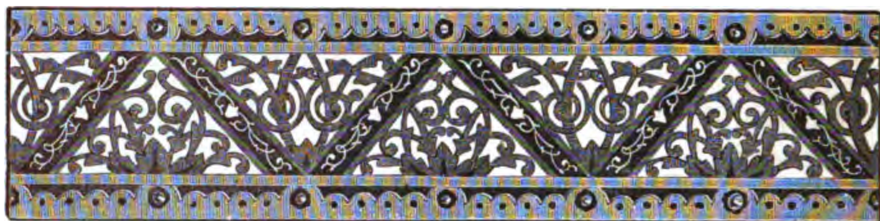
«По полученіи сего съ первою почтою предлагаю вамъ прислать ко мнѣ переданные вамъ для раздачи дворянамъ два билета на полученіе полнаго собранія сочиненій А. С. Пушкина; въ противномъ же случаѣ я вынужденнымъ себя сочту отнестись къ господину военному губернатору о поступленіи съ вами по законамъ».

Требуемые предводителемъ билеты сейчасъ же были высланы изъ Путивльскаго уѣзда.

Въ концѣ 1838 года всѣ экземпляры восьмитомнаго собранія сочиненій Пушкина были присланы отъ имени газетной экспедиціи въ Курскую губернію и розданы подписчикамъ. Губернскій предводитель, на запросъ В. А. Жуковскаго, послалъ въ Петербургъ счетъ, въ которомъ прописалъ, что изъ 40 билетовъ, присланныхъ къ нему для продажи, роздано 36; 4 возвращены обратно, вручено 1,260 руб., которые, какъ видно изъ росписокъ, и получены въ Петербургѣ. Кромѣ того, Сонцевъ увѣдомлялъ, что, просматривая 8-й томъ сочиненій А. С. Пушкина, онъ замѣтилъ, что въ немъ вырѣзаны страницы съ 304 по 321. Поэтому онъ просилъ извѣстить его, почему, именно, не достаетъ въ 8-мъ томѣ указанныхъ страницъ, и не могутъ ли издатели полученныхъ экземпляровъ 8-го тома замѣнить новыми полными томами?..

Отвѣта на этотъ вопросъ не послѣдовало.

А. Танковъ.

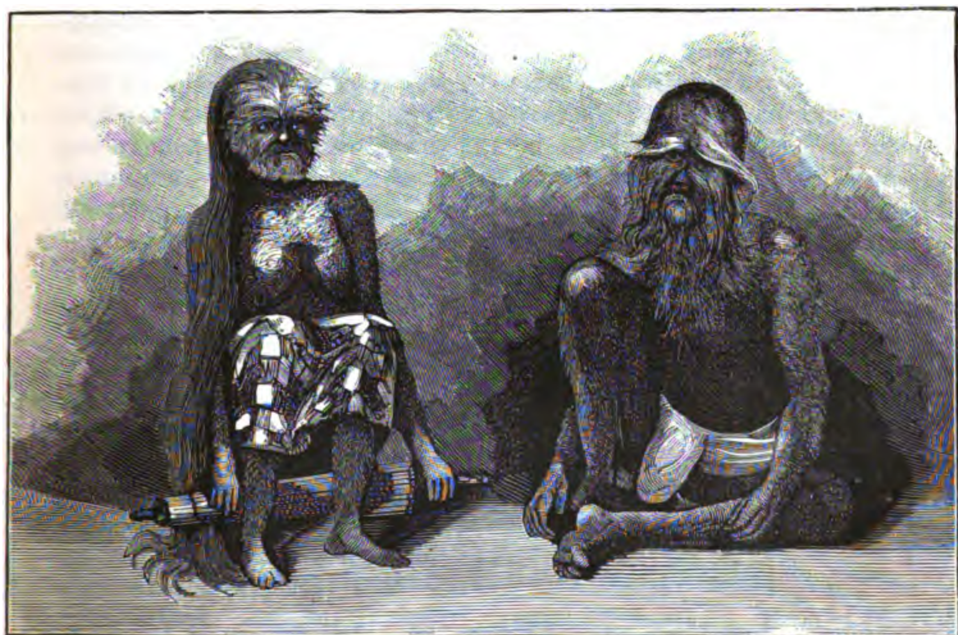


КРАО, ВОЛОСАТОЕ ИНДѢЙСКОЕ ПЛЕМЯ.

ЮДИ, обросшіе волосами, не рѣдкость въ Европѣ, хотя и представляютъ единичныя явленія, принадлежа къ такъ называемымъ феноменамъ. Праздное любопытство нерѣдко тѣшится выставкою такихъ дивъ природы, и въ этомъ отношеніи отечеству нашему нечего завидовать Мексикѣ и другимъ отдаленнымъ странамъ: еще въ прошломъ году ѣздилъ по Россіи и по Европѣ воронежскій крестьянинъ съ сыномъ, отличавшіеся густою растительностью волосъ на всѣхъ частяхъ тѣла, не исключая лица. Между тѣмъ наука давно знакома съ подобными явленіями, которыя нельзя назвать исключительными, и подтверждаетъ существованіе цѣлыхъ, хотя и небольшихъ племенъ, по наружному виду мало чѣмъ отличающихся отъ своихъ прародителей, по теоріи Дарвина. Представляя портреты двухъ такихъ лицъ изъ племени Крао, сообщимъ все, что достовѣрно извѣстно объ этихъ во всякомъ случаѣ замѣчательныхъ личностяхъ.

Во время пребыванія въ 1870—1872 году вѣнскаго натуралиста Юлія Фишля въ англійской Бирманіи, онъ нерѣдко посѣщалъ и независимую часть этихъ владѣній, теперь окончательно захваченную англичанами. Въ столицѣ ея, Мандалаѣ, Фишль имѣлъ случай близко узнать двухъ представителей племени Крао, которыхъ свергнутый теперь съ престола повелитель Бирманіи, Тибау, держалъ при своемъ дворѣ, въ числѣ другихъ живыхъ и неодушевленныхъ рѣдкостей. Съ помощью взятки, играющей въ нецивилизованныхъ странахъ еще бо́льшую роль, чѣмъ въ цивилизованныхъ, ученому удалось срисовать портреты этихъ феноменовъ и войдти съ ними

въ сношенія. Мужчину звали Моунг-охъ, женщину Маг-ши-магъ, но эти имена дали имъ въ Бирманіи, какъ общеупотребительныя. Ему лѣтъ 50, ей около 30-ти. Онъ говорилъ, что родился въ далекой, жаркой странѣ Лаосъ, но что ему тутъ очень хорошо. Оба очень тихи и довѣрчивы. Онъ ростомъ $4^1/_2$ фута, не ниже бирманцевъ, жена его слабѣе и худощавѣе бирманокъ. Все тѣло ихъ сплошь покрыто красновато-сѣрыми волосами отъ $^1/_2$ до $1^1/_2$ дюйма длины, у мужчины даже до 3-хъ дюймовъ на груди и плечахъ, въ родѣ мѣховаго воротника; на этихъ частяхъ тѣла волосы принимали желтоватый оттѣнокъ, и мѣстами въ нихъ блестѣли сѣдые



Мужчина и женщина изъ племени Крао.
Съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры путешественникомъ Фишлемъ.

волосы. На лицѣ, лбу, носу и ушахъ они были всего длиннѣе, также какъ на бородѣ, и гораздо свѣтлѣе, на головѣ—почти черные, но онъ сбривалъ ихъ, желая сдѣлаться священникомъ (фоонгле); глаза темно-сѣрые, губы красныя; зубы черные и испорченные отъ жеванія бетеля. Эту скверную привычку онъ пріобрѣлъ отъ бирманцевъ. Волосы женщины короче, мягче и темнѣе, особенно на носу и подбородкѣ; коса длинная и черная. Голова у обоихъ больше, чѣмъ у бирманцевъ, цвѣтъ кожи свѣтлѣе, носъ не такой плоскій, какъ у туземцевъ Мандалая, Авы, Амерапура. Оба были очень чистоплотны и походили по физіономіи скорѣе на собакъ, чѣмъ на

обезьянъ, лицо которыхъ у большихъ породъ, большею частью, не покрыто шерстью.

Объ этихъ двухъ лицахъ мало говорили въ Европѣ, потому что мало кому случалось видѣть ихъ въ Бирманіи. Но въ 1882 году въ Лондонъ привезли изъ Америки дѣвочку изъ того же племени Крао. Тогда и ученые, и журналы обратили на нее свое вниманіе. Но въ массѣ одно другому противорѣчащихъ свѣдѣній объ этомъ ребенкѣ трудно было разобраться. Его прозвали даже «недостающимъ звѣномъ» (missing link) Дарвина, указывающимъ на переходное состояніе обезьяны къ человѣку. Серьезные ученые не пошли такъ далеко. Англійскій антропологъ Кинъ признавалъ въ дѣвочкѣ исключительное явленіе, патологическій, но не этнографическій интересъ. Вирховъ считалъ ее типомъ племени, живущаго въ лѣсахъ и стоящаго на низшей степени развитія. Докторъ Цахаріа признавалъ въ Крао такую же природную уродливость (Monstruosität), какъ въ Ѳедорѣ и Адріанѣ Евтишевыхъ (нашихъ воронежскихъ феноменахъ), и указывалъ на имѣющіяся въ медицинѣ свѣдѣнія о рожденіи младенцевъ, покрытыхъ густыми волосами, развившимися въ зародышевой жизни (lanugo), которые впослѣдствіи выпадали при развитіи ребенка. Другіе, признавая существованіе волосатыхъ людей, причисляли ихъ не къ отдѣльному племени, а къ кастѣ паріевъ, тогда какъ паріевъ вовсе нѣтъ въ Индо-Китаѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что оба Крао, живущіе въ Бирманіи, и дѣвочка, привезенная въ Лондонъ, родились въ Лаосѣ, малоизслѣдованной странѣ, лежащей между горами Денг-Файя на западъ и огромною рѣкою Меконгомъ на востокъ. До 1828 года Лаосъ управлялся туземными князьями, потомъ покоренъ былъ сіамцами и платилъ дань Бирманіи, а въ столицѣ провинціи Хіанг-Хонгъ поставленъ намѣстникъ Хяо. Жители Лаоса принадлежатъ къ монгольскому племени, но помѣсь съ арійскимъ поколѣніемъ измѣнила во многомъ типичныя черты монголовъ; встрѣчается также часто малайскій элементъ. Между мелкими племенами замѣчательны живущіе въ первобытныхъ лѣсахъ южнаго Лаоса Гнягеуны, не знающіе ни гражданскаго устройства, ни религіи. Они охотятся за звѣрями съ лукомъ и стрѣлами. Между ними, въ болотистыхъ чащахъ, покрытыхъ могучей растительностью, недоступныхъ даже для туземцевъ, кочуетъ волосатое племя—Крао (на сіамскомъ языкѣ крао значитъ—обросшій волосами). Въ рѣдкихъ городахъ страны, при дворѣ намѣстниковъ всегда есть нѣсколько Крао, захватываемыхъ обыкновенно во время охоты за слонами. Объ этихъ охотахъ и поимкѣ волосатыхъ людей говоритъ и Дарвинъ въ своемъ сочиненіи «О происхожденіи человѣка». Въ 1881 году, норвежскій натуралистъ Карлъ Бокъ нашелъ въ Бангкокѣ, столицѣ Сіама, одного такого Крао, но не могъ взять его въ Европу, такъ какъ тотъ вскорѣ умеръ. Бокъ подробно осмо-

трѣлъ его трупъ, тѣлосложеніемъ и волосатостью въ точности напоминавшій мандалайскихъ Крао. Въ томъ же году, доктору Шелли удалось пріобрѣсти цѣлую семью изъ мужа, жены и пятилѣтней дочки племени Крао; въ Лаосѣ ихъ продаютъ, какъ рабовъ на рынкахъ; но жену не выпустилъ изъ Лаоса намѣстникъ и оставилъ ее при своемъ дворѣ какъ рѣдкость; мужъ умеръ на пути въ Европу, и только маленькая дѣвочка была привезена въ Лондонъ.

Крао ходятъ на своей родинѣ совершенно нагіе и не имѣютъ постоянныхъ жилищъ. Они питаются плодами и рыбою, высушенною на солнцѣ. Не зная употребленія огня, они не ѣдятъ вареной пищи. Многіе живутъ на деревьяхъ, устроивая себѣ навѣсы, какъ гориллы. Отдѣльныя семьи не сходятся для общей жизни; дѣти остаются при родителяхъ только до тѣхъ поръ, пока выростутъ. Только на притокахъ Меконга, гдѣ богатый уловъ рыбы, соединяются они для рыбной ловли. Языкъ ихъ бѣденъ и состоитъ изъ односложныхъ словъ, которыхъ не больше 200. Множественное число обозначается повтореніемъ слова. Вода—нам, какъ въ индійскомъ и малайскомъ языкѣ; лам—дерево, длина, пространство; кин—значитъ ѣсть, пить, наслаждаться (на индійскомъ—кана); кин-нам—пить воду, кин-као—ѣсть рисъ; шіенг—слонъ (сіенг—на бирманскомъ); я—трава; шіенг-кин-я—слонъ ѣстъ траву. Типъ Крао, общій всѣмъ индивидуумамъ этого племени, интересенъ въ антропологическомъ отношеніи. По черепу—Крао короткоголовая раса (брахицефалы), но между тѣмъ, какъ у кавказской расы процентное отношеніе ширины черепа къ его длинѣ—78%, у монгольской—82%, у Крао доходитъ до 90,6%, приближаясь къ 91%, какъ у обезьянъ. Черепъ Крао, измѣренный докторомъ Шелли въ 1882 году, былъ 14½ центиметровъ ширины при 16-ти длины. Лобъ у нихъ прямой, затылокъ плоскій, сферическій объемъ черепа—20 англійскихъ дюймовъ; большіе пріятные глаза не напоминаютъ монгольскаго типа и прорѣзаны совершенно прямо, а не вкось. Глаза Крао, какъ у всѣхъ лѣсныхъ жителей, не могутъ долго сосредоточиваться на одномъ предметѣ и имѣютъ безпокойное выраженіе. Носы плоскіе, съ ноздрями широкими, близкими къ типу обезьянъ, также какъ ротъ—выдающійся впередъ; верхняя челюсть также выдающаяся подъ угломъ 45° (прогнатическая), нижняя—прямая (ортогнатическая). За щеку Крао, какъ обезьяны, прячутъ орѣхи. Волосы на головѣ темные, плоскіе, фута 1½ длины. Отличительная черта отъ всѣхъ другихъ расъ — 34 позвонка, вмѣсто 33-хъ; лишній позвонокъ въ спинномъ хребтѣ: вмѣсто 12-ти—13, которымъ соотвѣтствуютъ 26 реберъ; у послѣдняго позвонка поясницы—самостоятельный придатокъ въ видѣ зародышеваго позвонка хвоста; тазъ уже и меньше, чѣмъ у всѣхъ другихъ расъ. Руки пропорціональны и отличаются особенною гибкостью, какъ у всѣхъ племенъ, лазающихъ по деревьямъ (цейлонскіе бейда и др.), та же

гибкость и въ пальцахъ ногъ, которыми они легко захватываютъ мелкіе предметы. (Извѣстно, что малайцы ткутъ ногами на станкахъ, а папуасы, идя съ европейцемъ, ухитряются на ходу изогнуть ногу такъ, что вытаскиваютъ платокъ изъ задняго кармана сюртука). При сидячей жизни и подъ старость пальцы ногъ утрачиваютъ свою гибкость. У женщинъ, замѣчательно, какъ у обезьянъ, отсутствіе labia majoris.

Волосы, которыми покрыто все тѣло Крао, не такъ густы, чтобы сквозь нихъ нельзя было видѣть темную окраску кожи; вездѣ они мягки и блестящи; вовсе нѣтъ волосъ только на подошвахъ, ладоняхъ и локтяхъ; на спинѣ волосы расходятся по обѣимъ сторонамъ позвоночнаго столба, въ родѣ гривы; на груди они идутъ во всѣ стороны отъ соска, на рукахъ—до локтя внизъ и отъ кисти руки вверхъ къ локтю; на ногахъ—внизъ къ колѣну и вверхъ отъ ступни. Крао способны къ интеллектуальному развитію: дѣвушка, оставшаяся въ Лондонѣ, любитъ своихъ воспитателей, быстро усвоиваетъ всѣ европейскія привычки, не желаетъ вернуться на родину и теперь уже порядочно говоритъ поанглійски, не забывая своего роднаго и сіамскаго языка. Она учится также рисовать и мало чѣмъ отличается отъ своихъ сверстницъ, восьмилѣтнихъ англійскихъ дѣвочекъ. Теперь еще нельзя судить, въ какой степени она способна къ самостоятельному мышленію, но подражательность въ ней сильно развита. Въ обращеніи она ласкова и пріятна. Когда съ нея снимали фотографію и попросили скинуть чулки, она отказывалась сдѣлать это, подъ предлогомъ, что у нея ноги не совсѣмъ чисты. Физическое или нравственное чувство диктовало ей такой отвѣтъ? О родителяхъ своихъ она почти вовсе не вспоминаетъ, и не обращаетъ вниманія, когда при ней говорятъ объ нихъ.

Этнографы причисляютъ племя Крао къ низшимъ расамъ, остатки которыхъ подъ именемъ айносовъ живутъ на островахъ Іеддо, Сахалинѣ, Борнео и другихъ мало изслѣдованныхъ мѣстностяхъ. Профессоръ гинекологіи въ Чикаго, Мурдокъ, подтверждаетъ, что Крао не принадлежатъ къ области тератологіи (ученіе объ уродливостяхъ), но несомнѣнно являются членами отдѣльнаго племени человѣческой породы (is no doubt a member of a distinct tribe of human species). Вирховъ не рѣшается опредѣлить: принадлежатъ ли они къ выродившейся расѣ, упавшей съ извѣстной степени цивилизаціи до состоянія одичалости, вслѣдствіе неблагопріятныхъ жизненныхъ условій, или, напротивъ, развились до полудикаго состоянія, какъ переходнаго отъ совершенной дикости. Во всякомъ случаѣ, если ихъ признавать, по Дарвину, «посредствующимъ звѣномъ» въ цѣпи созданія, то никакъ не между обезьяною и человѣкомъ, а скорѣе между низшими человѣческими расами и прародителями первобытнаго человѣка. Если Крао и получеловѣкъ, то ни въ какомъ случаѣ не полуобезьяна.

В. З.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Дневныя дозорныя записи о московскихъ раскольникахъ. Сообщены А. А. Титовымъ. Изданіе императорскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ. Москва. 1886.

НА АНТИКВАРНОМЪ рынкѣ г. Титову удалось пріобрѣсти любопытныя, почти каждодневныя, донесенія о наблюденіяхъ надъ московскими раскольниками, которыя учреждены были въ сороковыхъ годахъ и дали поводъ тогдашней правительственной власти подвергнуть впослѣдствіи сильному гоненію отпавшихъ отъ господствующей вѣры. «Дневныя дозорныя записи появились первоначально въ «Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей», а въ отдѣльномъ изданіи выпущены въ свѣтъ только нынѣшнею осенью. Дозорныя записи начаты съ 11 ноября 1844 года. Въ первой части, за два послѣдніе мѣсяца 1844 г. и за весь 1845 годъ, содержатся 173 донесенія, а во второй, съ 1 января по 15 іюля 1846 года,—178 записей.

«Дневныя дозорныя записи» читаются съ особеннымъ интересомъ, хотя со времени ихъ составленія протекло сорокъ лѣтъ. Для исторіи нашего раскола, для бытовой стороны его приверженцевъ, преимущественно безпоповщины, «Дозорныя записи» представляютъ собою богатый матеріалъ. Авторъ ихъ неизвѣстенъ. По нѣкоторымъ догадкамъ, можно полагать, что онѣ составлялись Иваномъ Петровичемъ Липранди, игравшимъ немаловажную роль по раскольничьимъ дѣламъ при министрѣ внутреннихъ дѣлъ графѣ Перовскомъ, по другимъ свѣдѣніямъ, «Дозорныя записи» обязаны своимъ происхожденіемъ другому лицу.

Въ донесеніи своемъ, отъ 4-го іюня 1846 года, дозорщикъ писалъ: «Необходимость имѣть свѣдѣнія о мѣстныхъ общинахъ распространяющагося без-

поповскаго раскола въ Московской губерніи есть настоящая потребность, удовлетвореніе которой можетъ принести не только сугубую пользу въ настоящемъ обозрѣніи расколовъ безпоповщинскихъ, раскрыть ихъ гнѣздищи въ отдаленныхъ отъ городовъ селеніяхъ, но вмѣстѣ представить правительству гибельныя дѣйствія Преображенскаго кладбища, къ его паденію, заслуженному точнымъ смысломъ закона. Наблюденія, продолжавшіяся втеченіе конца 1844 года, впродолженіе всего 1845 года и до половины достигающаго 1846 годовъ, болѣе и болѣе раскрываютъ: 1) что стремленіе Преображенскаго кладбища направлено разлить свою секту по Московской губерніи, напоить отравой средину Россіи; это есть та настоящая цѣль, къ достиженію которой оно не щадитъ ни своихъ проповѣдниковъ (если бы они погибли на семъ пути), ни издержекъ денежныхъ; въ рукахъ его деньги и средства промышленностей, т. е. главныхъ орудій, на невѣжественный и жаждущій пропитанія народъ дѣйствующихъ. 2) Какъ секта ѳедосѣевская разливается изъ Москвы, такъ ея другія отрасли, Бабушкино, Кондратьевское, Аристово согласія, имѣютъ только отблескъ своего существованія, укореняясь въ окрестностяхъ, селеніяхъ и уѣздахъ Московской губерніи, гдѣ они обширно пустили корни своего разврата. 3) Въ XIX вѣкѣ непростительно уже при имѣющихся средствахъ не изслѣдовать подробно самыя индивидуальности безпоповщинскаго раскола, сливать его воедино, когда подраздѣленія могутъ яснѣе и полезнѣе для правительства указать пагубный вредъ, разливаемый извѣстными лицами. Чтобы скрыть цѣль объѣзда, есть самый лучшій предлогъ описаніе существующихъ въ Московской губерніи фабрикъ, что само по себѣ необходимо, ибо: 1) большая часть фабрикъ, въ Москвѣ существующихъ, есть окончательно отдѣлочныя, какъ, напр., суконныя, первоначальная же работа сукна производится въ уѣздахъ; 2) филатурныя фабрики, возникающія съ неимовѣрнымъ усиліемъ со стороны фабрикантовъ, находятся въ уѣздахъ; 3) тканье миткалей, шелковыхъ матерій производится въ селеніяхъ; 4) заводы фарфоровые, химическихъ медикаментовъ существуютъ въ городахъ Московской губерніи. Эти четыре пункта, очевидно, показываютъ, что если развить истинную идею фабричной промышленности, то надо начать съ первоначальныхъ заведеній, большею частію, въ уѣздахъ находящихся, собственно же въ Москвѣ существуютъ фабрики второстепенно; соединивъ двѣ пользы: 1) могущую произойдти отъ мѣстнаго изслѣдованія безпоповщинскихъ расколовъ и 2) отъ описанія фабрикъ, въ уѣздахъ Московской губерніи существующихъ, можно будетъ пріобрѣсти данныя, достойныя вниманія».

Такимъ образомъ первая мысль, объ изученіи современнаго состоянія раскола подъ видомъ командировки чиновниковъ для изслѣдованія промышленнаго развитія въ Россіи, осуществленная только въ 1853 году снаряженіемъ статистическихъ экспедицій въ Нижегородскую (подъ вѣдѣніемъ Мельникова), Ярославскую (подъ начальствомъ графа Стенбока) и другія губерніи, дана была министру внутреннихъ дѣлъ въ 1846 году.

Въ донесеніи отъ 7 мая 1846 года интересенъ разсказъ, какимъ образомъ раскольникъ купецъ Папулинъ выкралъ изъ собора въ Сольвычегодскѣ тамошнія иконы въ числѣ 1,350 образовъ. Соборъ былъ знаменитъ своими иконами Строгановскаго письма, преимущественно уважаемыми и чтимыми старообрядцами и раскольниками. Еще при царѣ Грозномъ италіанскіе художники, вызванные Строгановыми, поселились въ Сольвычегодскѣ, выстроили

тамъ для нихъ дворецъ, соборъ и украсили послѣдній произведеніями своей кисти. Папулинъ [1]) уговорилъ протоіерея собора донести въ св. синодъ о необходимости назначить сумму на починку княжескаго терема, и присовокупить, что если синодъ разрѣшитъ продать прежнія и пришедшія въ ветхость иконы, то можно выручить на поправку до 1,000 руб. и тогда отъ синода не потребуется никакого денежнаго расхода. Синодъ приказалъ иконы за ветхостью продать и этими деньгами исправить теремъ. Папулинъ заплатилъ протоіерею 1,000 рубл. на ремонтъ терема и, сверхъ того, ему лично отдалъ 6,000 рубл. и за то получилъ изъ собора 1,350 иконъ (крупныхъ и малыхъ), которыя и увезъ на шести парахъ подводъ на двѣнадцати лошадяхъ. Въ числѣ этихъ иконъ были необыкновенно рѣдкія, напр., писанныя св. чудотворцемъ Петромъ митрополитомъ «Петровская умиленія и Владимірская». Папулинъ выкраденными иконами украсилъ, во вкусѣ мастерства глубокой древности, двѣ каменныя моленныя, мужскую и женскую, и продалъ еще въ разныя губерніи Россіи иконъ на 13,000 рубл. Онъ бралъ за икону по 250 рубл., между тѣмъ какъ ему самому онѣ пришлись по 5 р. каждая.

Въ заключеніе сообщимъ еще три дозорныя записи, обясняющія появленіе въ то время вздорныхъ слуховъ и извѣстій въ раскольничьей средѣ. Отъ 22 марта 1846 года дозорный писалъ: «На Преображенскомъ кладбищѣ и между московскими ѳедосѣевцами распростанился слухъ о близкой перемѣнѣ правительствующей особы. Ѳедосѣевцы разсказываютъ, что государь императоръ принялъ правленіе Россіею только на двадцать лѣтъ и въ семъ текущемъ году долженъ сдать оное его императорскому высочеству государю наслѣднику, (будто) произнесенными словами самого наслѣдника солдатамъ, отслужившимъ двадцатилѣтній срокъ: «Я не хочу, чтобы отслужившіе двадцать лѣтъ еще служили; у меня будутъ свои на ваше мѣсто».

Отъ 23 марта 1846 года: «Ѳедосѣевцы питаютъ ненавистное чувство къ государю и вообще къ царственному дому отъ временъ царя Алексѣя Михайловича. Причина таковаго расположенія основана на заблужденіяхъ ученія ѳедосѣевской секты. Но наблюденія не могли еще на семъ остановиться, не изслѣдовавъ вполнѣ причины ненависти безпоповщинской къ нынѣ царствующему государю императору, ибо въ ряду его августѣйшихъ предковъ ѳедосѣевцы выставляютъ своихъ преслѣдователей; царствованіе же государя императора Николая Павловича не дерзаютъ порицать какими либо гоненіями. Вотъ почему употреблены были всѣ старанія для дознанія причины ненависти къ государю, особенно когда распространеніе безпоповщинскихъ расколовъ объяло самыя населеннѣйшія губерніи Россіи, а съ симъ разлило и единомысліе во всѣхъ отношеніяхъ. Развѣдованіе показываетъ, что ѳедосѣевцы порицаютъ государя за то, что онъ: 1) при коронованіи надѣлъ священныя бармы—символъ патріаршаго сана, чѣмъ, похитивъ его, покорилъ себѣ церковь, тогда какъ и патріархъ есть только блюститель ея престола, но не владыка его, 2) при коронованіи не надѣлъ далматика—одежды свя-

[1]) Купецъ Николай Андреевичъ Папулинъ жилъ въ Судиславлѣ. По вліянію своему на безпоповщину онъ занималъ первое мѣсто послѣ тогдашняго настоятеля Преображенскаго кладбища Семена Козьмина. Обладая значительнымъ капиталомъ, онъ былъ равносиленъ Козьмину въ губерніяхъ Костромской, Ярославской, Тверской, гдѣ поставлялъ и смѣнялъ настоятелей ѳеодсѣевской секты по всѣмъ тамошнимъ молельнямъ и общинамъ.

щенной, въ которую облачался его родитель, императоръ Павелъ. Сіе-то отступленіе онъ дѣлалъ по своей волѣ, чѣмъ обличилъ себя антихристомъ, выходящимъ противъ церкви. Если въ Москвѣ означенные два пункта, представленные здѣсь буквально, заключаютъ въ себѣ нелѣпость, то чего должно ожидать отъ распространенія ихъ вдали отъ столицы, гдѣ заблужденіе раскола, невѣжество его исповѣдниковъ, увеличиваютъ ихъ большимъ безобразіемъ».

Отъ 30-го апрѣля: «На Преображенскомъ кладбищѣ разнесся слухъ, что при предстоящемъ бракѣ въ царствующемъ домѣ воспослѣдуетъ милостивѣйшій манифестъ, дарующій освобожденіе всѣмъ подсудимымъ ѳедосѣевцамъ; онъ же утвердитъ и свободное отправленіе обрядовъ ѳедосѣевской секты. Всего страннѣе разсѣяніе сего слуха состоитъ въ томъ, что онъ разлился отъ г-на Бороздина, покровительствующаго проживающую на Преображенскомъ кладбищѣ мѣщанку Домну Иванову, занимающаго должность директора синодальной типографіи».

Мы слышали, что «Дневныхъ дозорныхъ записей» будутъ обнародованы г. Титовымъ еще двѣ части не менѣе размѣромъ, какъ и нынѣ изданныя. Эти части еще интереснѣе. Онѣ обнимаютъ собою 1847 годъ и часть 1848 года передъ закрытіемъ Преображенскаго кладбища и началомъ гоненій раскола.

П. У.

Годъ въ Пескахъ (наброски и очерки Ахалъ-Текинской экспедиція 1880—1881 гг.). А. А. Майеръ. Кронштадтъ. 1886.

Текинской экспедиціи какъ-то посчастливилось. Давно ли взято Геокъ-Тепе, а уже объ этомъ послѣднемъ походѣ Скобелева написано нѣсколько книгъ. Кромѣ обширнаго сочиненія въ 4-хъ томахъ, названнаго «Войной въ Туркменіи» и составленнаго бывшимъ начальникомъ штаба отряда, генераломъ Гродековымъ, по оффиціальнымъ источникамъ, въ сравнительно короткій срокъ вышли три книги о томъ же походѣ: «Завоеваніе Ахалъ-Теке» А. Маслова, «Ахалъ-Текинская экспедиція» А. Щербака и воспоминанія А. Верещагина (брата художника). Теперь является четвертая книга личныхъ воспоминаній — Майера. Такое обиліе сочиненій о кампаніи, въ которой принимало участіе менѣе пятнадцати тысячъ русскихъ солдатъ, объясняется особымъ, исключительнымъ интересомъ, съ которымъ относилась публика къ тому, что дѣлалось за Каспійскимъ моремъ. Интересъ этотъ возбуждался политическимъ значеніемъ похода, а также личностью главнаго начальника—покойнаго Скобелева. Скобелевъ обладалъ рѣдкою способностью привлекать къ себѣ общее вниманіе во всякомъ предпринимаемомъ имъ дѣлѣ. Не надо забывать, кромѣ того, что предыдущій походъ (1879 года) на Геокъ-Тепе былъ неудаченъ, а начальникъ экспедиціи одинъ изъ выдающихся генераловъ кавказской арміи Лазаревъ умеръ отъ порчи крови. Мало того, не менѣе замѣчательный генералъ Тергукасовъ, принявшій отрядъ послѣ Лазарева и начавшій трудную работу приведенія въ порядокъ экспедиціонныхъ средствъ, заболѣлъ и, оставивъ край, тоже вскорѣ умеръ. Такимъ образомъ, два выдающихся военачальника были принесены въ жертву русской арміей на дѣло завоеванія маленькой страны съ незначительнымъ народонаселеніемъ.

Наконецъ, явился Скобелевъ, любимецъ и надежда русскаго народа. Онъ долженъ былъ побѣдить и возстановить авторитетъ русскаго оружія въ Средней Азіи.

Онъ это и сдѣлалъ, потративъ массу силъ и жизни на завоеваніе Туркменіи. Заботы, труды и волненія, испытанные имъ въ походѣ, такъ отозвались на его здоровьѣ, что были одной изъ причинъ, ускорившихъ его смерть. Но ударъ, нанесенный рукою Скобелева, былъ ударъ тяжелый, отозвавшійся во всей Средней Азіи; черезъ четыре года спустя, многочисленный и свободолюбивый мервскій народъ покорился намъ добровольно, и новый край останется вѣчнымъ памятникомъ этого энергичнаго и пылкаго человѣка.

Объ экспедиціи Скобелева, какъ о приготовительныхъ мѣрахъ, такъ и о боевой ея сторонѣ, какъ мы уже сказали, военный читатель можетъ найдти подробное описаніе въ сочиненіи Гродекова. Но сочиненіе это спеціальное и для не-военнаго, не смотря на свои достоинства, въ чтеніи можетъ быть и скучно. Вотъ почему для характеристики полной исторической эпохи такія личныя воспоминанія, какъ, напримѣръ, книга Майера, имѣютъ несомнѣнное значеніе и интересъ, гдѣ на нѣсколькихъ страницахъ штатскій читатель найдетъ для себя много новаго, оригинальнаго и даже поучительнаго.

Книга Майера не представляетъ полнаго и послѣдовательнаго описанія экспедиціи. Многое, что для спеціальнаго читателя было бы и интересно, здѣсь отсутствуетъ. Это рядъ набросковъ и картинъ, написанныхъ въ беллетристической формѣ, наиболѣе интересныхъ и характерныхъ моментовъ войны, въ которыхъ авторъ принималъ самъ участіе. Очерки эти, сколько помнится, почти всѣ печатались въ «Кронштадтскомъ Вѣстникѣ» и теперь вышли отдѣльнымъ изданіемъ, посвященнымъ памяти «Бѣлаго генерала и товарищей, павшихъ подъ стѣнами Геокъ-Тепе». Книга раздѣлена на нѣсколько отдѣльныхъ главъ, изъ коихъ каждая носитъ особое названіе и представляетъ отдѣльный самостоятельный очеркъ.

Такъ въ «Переходѣ въ степи» мы знакомимся въ живыхъ сценахъ съ характеромъ и трудностями степнаго марша, въ «Бендессенскомъ укрѣпленіи» авторъ вводитъ въ обстановку и жизнь на опорномъ пунктѣ въ пустынѣ и такъ далѣе. Все написано живо, мѣстами красивымъ языкомъ, много интересныхъ военныхъ характеровъ и картинъ отдаленной страны, гдѣ приходилось дѣйствовать нашимъ соотечественникамъ.

У молодаго автора, конечно, есть и недостатки. Онъ любитъ почему-то прибѣгать къ латинскимъ цитатамъ, любитъ иногда отступленія и отвлеченныя разсужденія, которыя могли имѣть мѣсто въ фельетонахъ газеты, но въ книгѣ должны были быть опущены. Мѣстами тонъ и манера разсказа напоминаетъ немного Марлинскаго, а въ описаніяхъ, напримѣръ, горъ Копетъ-дага, авторъ прибѣгаетъ къ нѣсколько вычурному, хотя и не лишенному красоты пріему Густава-Эмара или Н. Н. Каразина. Изъ всѣхъ поименованныхъ выше авторовъ воспоминаній о Текинской экспедиціи г. Майеръ наиболѣе субъективенъ. Онъ описываетъ почти всегда, что видитъ самъ, и описываетъ эпизоды, которыхъ былъ самъ участникомъ. Это и понятно по отношенію къ г. Майеру, такъ какъ экспедиція оставила ему послѣ себя тяжелую память. Авторъ въ чинѣ гардемарина участвовалъ въ походѣ и въ осадѣ Геокъ-Тепе, командуя охотниками-матросами, велъ себя очень хорошо и былъ дважды раненъ. Первый разъ, наканунѣ штурма, онъ вызвался въ охотники взорвать динамитъ подъ стѣнами крѣпости и во время взрыва, не успѣвъ от-

бѣжать какъ слѣдуетъ, былъ подброшенъ на воздухъ и контуженъ газами; въ день штурма былъ страшно раненъ во второй разъ: въ него выстрѣлили сверху стѣны и пуля пробивъ его щеку, повредила челюсть, прошла около горла и вышла подъ мышкой; только молодость и крѣпкое здоровье спасли жизнь молодаго воина.

Главы—«Въ горахъ Копетъ-дага» и «Осада и штурмъ Геокъ-Тепе» по-нашему лучшія въ книгѣ. Эпизоды взрыва и штурма артиллерійской бреши описаны очень интересно, съ огнемъ, и возбуждаютъ особый интересъ при чтеніи.

В. Ж.

Кураковщина. Историко-этнографическій очеркъ. А. А. Титова. Ярославль. 1886.

Подъ названіемъ «Кураковщина» до настоящаго времени извѣстны вотчины, принадлежавшія князьямъ Куракинымъ и образующія изъ себя большую часть нынѣшней Пріимковской волости въ Ростовскомъ уѣздѣ, вблизи границы Ярославскаго уѣзда. Вся эта мѣстность полна историческими воспоминаніями. Куракины въ этой мѣстности имѣли небольшія владѣнія и до 1764 года, но затѣмъ они значительно увеличились, когда къ нимъ перешли по наслѣдству селенія, пожалованныя императрицею Екатериною II графамъ Панинымъ и Орловымъ. Въ прежнія времена куракинскія деревни принадлежали ростовскимъ князьямъ Гвоздевымъ, Пріимковымъ, Темкинымъ, Щепкинымъ, Бахтіаровымъ. Вся эта мѣстность полна историческихъ воспоминаній. Селеніе Семибраты упоминается въ лѣтописяхъ XIV и XV вѣковъ. При этомъ селѣ великій князь Василій Васильевичъ Темный былъ разбитъ своимъ дядею, княземъ Юріемъ Дмитріевичемъ. Село Пріимково было постоянною вотчиною и усадьбою угаснувшаго при Петрѣ Великомъ рода ростовскихъ князей Пріимковыхъ.

А. А. Титовъ въ своемъ очеркѣ представляетъ бытовую сторону «Кураковщины» въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія на основаніи доставшихся ему бумагъ, принадлежавшихъ московской домовой конторѣ князей Куракиныхъ. Въ числѣ этихъ бумагъ оказался и уставъ, сочиненный княземъ Степаномъ Борисовичемъ Куракинымъ, скончавшимся въ 1805 году. Уставъ этотъ и положилъ основаніе благоденствію принадлежавшихъ ему крестьянъ, которые ограждены были отъ обычнаго въ то время своеволія мѣстныхъ властей и пользовались выборнымъ началомъ въ лицѣ бурмистра и прочихъ управителей. Нѣмцевъ и другихъ наемныхъ управителей, по примѣру другихъ сановитыхъ помѣщиковъ, у князя Куракина не было. Крестьяне его были зажиточны, грамотны, самостоятельны. Поэтому ихъ по всей Ярославской губерніи звали «Кураковцами». Не смотря на измѣнившіяся условія, мѣстность эта, по заявленію А. А. Титова, основательно знакомаго съ своимъ роднымъ Ростовскимъ уѣздомъ, и донынѣ въ экономическомъ отношеніи находится въ значительно лучшемъ положеніи, чѣмъ другія части этого уѣзда.

Въ числѣ документовъ, помѣщенныхъ въ трудѣ г. Титова, немалый интересъ представляетъ «доношеніе бурмистра Никиты Досугова князю Степану Борисовичу Куракину по поводу расходовъ, произведенныхъ въ Ро-

стовѣ домовымъ его писаремъ, крѣпостнымъ человѣкомъ Пономаревымъ, при его хлопотахъ объ утвержденіи за княземъ Куракинымъ наслѣдства въ 654 души, доставшагося на его долю въ Ростовскомъ округѣ. Истрачено было всего Пономаревымъ 291 р. 90 к., въ томъ числѣ пошлинныхъ денегъ внесено было имъ 134 р. 15 к. и на гербовую бумагу 6 р. 36 к. Капитанъ-исправнику ростовскаго нижняго земскаго суда подарено было Пономаревымъ 10 р., секретарю Алексѣю Юматову 10 р., секретарю уѣзднаго суда Гавріилу Верепну поднесено 5 р., повытчику Ивану Николаевичу съ товарищами дано 5 р., канцеляристу Ивану Николаеву съ подьячими дано на водку 1 р. и т. д. При полученіи Пономаревымъ съ рѣшенія суда засвидѣтельствованной копіи, онъ истратилъ «къ столу для господъ присутствующихъ» на покупку осетрины свѣжей 1 р. 20 к., бѣлуги 1 р. 27 к., осетра малосольнаго 80 к., бѣлуги такой же 70 к., севрюги малосольной 49 к., судака свѣжаго 40 к., язей, карасей свѣжихъ 40 к., тешки коренной 79 к., икры багреной 60 к., щуки на 40 к.; вина простаго взято для понятыхъ и священниковъ съ причетниками три ведра на 9 руб., водки сладкой штофъ на 1 р. 70 к., полпива два ведра на 1 р., наливки три бутылки на 1 р. 50 к., французской водки одинъ штофъ на 1 р. 70 к., сахару 5 фунтовъ 2 р. 75 к., чаю на 55 к., бѣлаго вина штофъ на 60 к. и саекъ на 20 к. Все угощеніе «господъ присутствующихъ» обошлось Пономареву въ 26 р. 5 коп.; сверхъ того, обѣдали «двадцать понятыхъ человѣкъ», этотъ обѣдъ стоилъ всего 1 р. 60 к.

Изъ этого видно, какъ ничтожны были въ концѣ XVIII столѣтія расходы по утвержденію доставшагося по наслѣдству имѣнія съ 654 душами. И утвержденіе это состоялось скоро и безъ проволочекъ. Пономаревъ подалъ въ ростовскій уѣздный судъ прошеніе 21 февраля 1793 года, а 10 апрѣля того же года имѣлъ уже съ рѣшенія суда и съ отказныхъ книгъ засвидѣтельствованную копію.

П. У.

Празднованіе пятидесятилѣтняго юбилея полоцкаго кадетскаго корпуса. Полоцкъ. 1886. (Изданіе полоцкаго кадетскаго корпуса).

Въ 1830 году, состоялось высочайшее утвержденіе общаго положенія и устава для военно-учебныхъ заведеній. Вслѣдъ затѣмъ утвержденъ былъ проектъ учрежденія губернскихъ кадетскихъ корпусовъ, съ цѣлью доставленія возможности малолѣтнимъ дворянамъ различныхъ губерній воспитываться для военной службы вблизи своихъ семействъ. Изъ губернскихъ кадетскихъ корпусовъ первымъ, 15-го марта 1834 года, былъ открытъ новгородскій графа Аракчеева корпусъ, а вторымъ, 25-го іюня 1835 году, полоцкій кадетскій корпусъ. Для его помѣщенія избрано было зданіе бывшаго въ Полоцкѣ іезуитскаго коллегіума и бывшей тамъ же іезуитской академія наукъ. Зданіе это въ своей главной части было выстроенно іезуитами въ половинѣ XVII столѣтія и постепенно расширялось ими по мѣрѣ развитія и увеличенія іезуитскихъ учрежденій въ Полоцкѣ. Для приспособленія этого зданія къ помѣщенію корпуса потребовались значительныя работы, которыя начались въ 1830 году и были окончены въ 1834 году. Въ этомъ званіи донынѣ сохранились многіе предметы іезуитской эпохи, напр., замѣчательные часы

и проч. Въ нижнемъ коррндорѣ нынѣшняго кадетскаго корпуса вдѣлано въ въ стѣну ядро, которое засѣло въ стѣну іезуитскаго коллегіума 7 октября 1812 года, въ день кровопролитнаго штурма Полоцка русскими войсками, подъ начальствомъ графа Витгенштейна, взявшаго этотъ городъ у французовъ. Надъ ядромъ сдѣлана мѣдная доска съ надписью «7 октября 1812 г.» для напоминанія воспитанникамъ корпуса подвиговъ ихъ предковъ въ тяжелую годину Отечественной войны. Первымъ директоромъ полоцкаго кадетскаго корпуса былъ назначенъ генералъ-маіоръ Хвощинскій, одинъ изъ участниковъ штурма 7 октября 1812 года.

Пятидесятилѣтній юбилей существованія полоцкаго кадетскаго корпуса праздновался 6 декабря 1885 года, такъ какъ лѣтомъ большая часть наставниковъ и воспитанниковъ, по случаю каникулярнаго времени, находятся въ отпуску. На юбилей съѣхалось изъ разныхъ мѣстъ много бывшихъ питомцевъ корпуса, занимающихъ въ настоящее время то или другое служебное положеніе. Нынѣшній директоръ корпуса, генералъ-маіоръ Тыртовъ, прочелъ на празднествѣ краткую исторію этого учебнаго заведенія. Изъ нея оказывается, что, съ открытія корпуса, впродолженіе 50 лѣтъ (до августа 1885 г.), въ него поступили 3,442 малолѣтнихъ. Изъ этого числа: переведено до окончанія курса въ другіе кадетскіе корпуса 226; переведено въ нижнія военно-учебныя заведенія по малоспособности 144; выпущено на службу въ войска нижними чинами 385; уволено на попеченіе родителей по домашнимъ обстоятельствамъ и по болѣзни 546; умерли 106; окончило курсъ и переведено въ дворянскій полкъ и военныя училища 1,494; уволено согласно желанію родителей, по окончаніи курса, 49; произведено въ офицеры прямо изъ корпуса 172; оставалось въ корпусѣ, къ августу 1885 года, 320; изъ числа окончившихъ курсъ и переведенныхъ въ военныя училища, остается еще въ училищахъ 64. Произведено же въ офицеры, какъ изъ дворянскаго полка и военныхъ училищъ, такъ и прямо изъ корпуса, всего до 1,500 офицеровъ, что̀ составляетъ около половины всѣхъ малолѣтнихъ, поступившихъ въ корпусъ впродолженіе полувѣковаго его существованія. Изъ числа ихъ многіе закончили потомъ свое образованіе въ академіяхъ генеральнаго штаба, артиллерійской, инженерной и въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; многіе пали смертію героевъ въ бояхъ за свою отчизну и имена ихъ вписаны на черныхъ мраморныхъ доскахъ въ корпусной церкви; наконецъ многіе своими подвигами заслужили высшую военную награду, знаки ордена Св. Георгія.

Въ настоящее время изъ бывшихъ кадетами корпуса находятся на дѣйствительной службѣ 9 генералъ-лейтенантовъ, 19 генералъ-маіоровъ и болѣе 100 штабъ-офицеровъ. Къ числу бывшихъ питомцевъ корпуса принадлежатъ: генералъ-адъютантъ Даниловичъ, воспитатель государя наслѣдника цесаревича; командиръ 14 армейскаго корпуса генералъ-лейтенантъ Нарбутъ; члены артиллерійскаго комитета, генералъ-лейтенанты Шварцъ и Чагинъ; бывшій помощникъ главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, генералъ-лейтенантъ Кузьминъ-Караваевъ; начальникъ Михайловской артиллерійской академіи, заслуженный профессоръ, генералъ-лейтенантъ Демьяненковъ; начальникъ военно-юридической академіи, генералъ-лейтенантъ Бобровскій; начальникъ первой кавалерійской дивизіи, генералъ-маіоръ Левицкій (георгіевскій кавалеръ); начальникъ штаба Виленскаго военнаго округа, генералъ-маіоръ Бунаковъ (георгіевскій кавалеръ); членъ-корреспондентъ

академіи наукъ, генералъ-маіоръ Дубровинъ; профессоръ артиллерійской академіи, генералъ-маіоръ Кирпичевъ; начальникъ пиротехнической школы, генералъ-маіоръ Сазоновъ; редакторъ журнала «Русская Старина», тайный совѣтникъ Семевскій; дѣйствительные статскіе совѣтники, губернаторы: минскій (нынѣ харьковскій) Петровъ и сѣдлецкій Субботкинъ.

Цѣлью императора Николая Павловича при учрежденіи въ Полоцкѣ кадетскаго корпуса было созданіе въ Западномъ краѣ воспитательнаго центра для распространенія и упроченія въ немъ русскаго просвѣщенія, русскаго патріотизма. Учрежденіе учебнаго заведенія въ небольшомъ уѣздномъ городѣ, населенномъ въ то время поляками и евреями, при незначительности въ немъ русскаго элемента и въ настоящее время, отразилось и на внутреннемъ строѣ полоцкаго кадетскаго корпуса. Пребываніе воспитанниковъ впродолженіе всего учебнаго времени въ стѣнахъ корпуса, отсутствіе отпусковъ въ городѣ и вліянія семьи, создало для кадетовъ дѣйствительно замкнутую жизнь, выработало въ средѣ ихъ крѣпкій товарищескій духъ и замѣчательную привязанность къ мѣсту воспитанія, не смотря на всѣ невзгоды кадетской жизни. По словамъ очевидцевъ, бывшихъ въ Полоцкѣ еще въ нынѣшнемъ году, эти старинныя преданія до настоящаго времени остаются усвоенными воспитанниками кадетскаго корпуса, отпраздновавшаго въ 1885 году свое пятидесятилѣтіе.

П. У.

Очерки исторіи развитія физико-математическихъ знаній въ Россіи. XVII столѣтіе. Изслѣдованія В. В. Бобынина. Выпускъ I. М. 1886.

Исторія различныхъ наукъ въ древней Россіи еще весьма мало изучена, особенно мало знаемъ мы о состояніи наукъ естественныхъ и математическихъ; по исторіи литературы, церковной богословской письменности, лѣтописанія, филологіи, у насъ сдѣлано гораздо больше, а относительно этой отрасли въ нашей ученой литературѣ нѣтъ почти ничего, тогда какъ никто не станетъ отрицать важности ея изслѣдованія. Изслѣдованіе такое, конечно, трудно, потому что требуетъ отъ историка познаній спеціально математическихъ, а подобное явленіе бываетъ крайне рѣдко. Поэтому нельзя не отмѣтить труда г. Бобынина, привать-доцента Московскаго университета. При составленіи своихъ «Очерковъ» г. Бобынинъ пользовался рукописями Румянцевскаго музея, рукописью, изданной Обществомъ любителей древней письменности, сочиненіемъ Пекарскаго «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ». Сперва онъ обозрѣваетъ нашу рукописную литературу по математикѣ въ XVII вѣка, затѣмъ разбираетъ вопросъ объ ея источникахъ, причемъ находитъ ихъ въ западныхъ сочиненіяхъ схоластическаго періода и новѣйшихъ Баше Мезиріака, фанъ-деръ-Шуере и друг., наконецъ описываетъ характеристическія черты и особенности содержанія нашихъ ариѳметическихъ рукописей XVII вѣка. Г. Бобынинъ приводитъ изъ разбираемыхъ рукописей много теоретическихъ объясненій, задачъ съ рѣшеніями. Вообще данныя у него очень обильныя и интересныя, и его книга несомнѣнно полезна для изучающихъ исторію древне-русскаго просвѣщенія.

В—ъ.

Памятники древне-русскаго языка. Т. I. Служебныя минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь, въ церковно-славянскомъ переводѣ по русскимъ рукописямъ 1095—1097 г. Трудъ орд. акад. И. В. Ягича. Съ шестью таблицами снимковъ. Спб. 1886.

Въ началѣ 1882 года, отдѣленіе русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ, принявъ во вниманіе предложеніе одного изъ выдающихся своихъ членовъ И. В. Ягича, пришло къ мысли взять на себя полное изданіе древнѣйшихъ памятниковъ русской письменности, на первый разъ памятниковъ XI и XII вѣка, съ точно опредѣленными годами ихъ написанія, давая, конечно, предпочтеніе памятникамъ, до сихъ поръ не изданнымъ. Подготовительныя для означенной цѣли работы отдѣленіе возложило на А. Ѳ. Бычкова и И. В. Ягича.

Въ настоящее время мы имѣемъ передъ собой уже весьма существенный результатъ этого столь благаго для русской науки начинанія, въ видѣ объемистаго тома, заглавіе котораго мы выписали. Въ этотъ томъ вошли служебныя минеи за три мѣсяца, въ древнѣйшемъ церковно-славянскомъ переводѣ, относящіяся по нѣкоторымъ спискамъ синодальной типографіи къ концу XI вѣка, т. е. къ 1095—1097 и слѣдующимъ годамъ. Этотъ памятникъ древнѣйшей нашей письменности до сихъ поръ еще не изслѣдованъ ни со стороны языка, ни со стороны перевода. Для возстановленія правильнаго чтенія, на сколько оно оказалось испорченнымъ во взятыхъ за основаніе трехъ рукописяхъ московской синодальной типографіи, а также и для восполненія пробѣловъ, происшедшихъ отъ утраты листовъ и другихъ причинъ, издатель воспользовался еще семью рукописями однороднаго содержанія и, возстановивъ полный текстъ издаваемаго памятника, подвергъ его самому тщательному палеографическому изслѣдованію, результаты котораго изложены И. В. Ягичемъ въ первой главѣ его обширнаго введенія (I—CXXXVI). Тутъ же подробно изслѣдованъ составъ служебныхъ миней, отношеніе славянскаго перевода къ греческому подлиннику, а также разобраны различные славянскіе переводы того же памятника. Самый текстъ, снабженный обильными подстрочными примѣчаніями, занимаетъ болѣе семисотъ страницъ, а въ концѣ книгѣ приложено шесть таблицъ, на которыхъ воспроизведены посредствомъ фототипіи наиболѣе интересныя въ палеографическомъ отношеніи страницы изъ издаваемыхъ рукописей.

Въ общемъ, трудъ нашего почтеннаго ученаго представляетъ богатѣйшій матеріалъ для историческаго изученія нашего роднаго языка, истинная мощность котораго только въ этомъ изученіи найдетъ себѣ надлежащее освѣщеніе.

Е. Г.

Россійское благородное собраніе въ Москвѣ. А. Барсукова. М. 1886.

Эта небольшая брошюра представляетъ очень интересныя свѣдѣнія, собранныя авторомъ ея, г. А. Барсуковымъ, по архивнымъ документамъ, относящіяся къ исторіи перваго, такъ сказать, клуба въ Россіи, историческій очеркъ котораго хотя и былъ составленъ по порученію князя Голицына, московскаго генералъ-губернатора, г. Горчаковымъ, но сдѣлался большой библіографическою рѣдкостью.

Блескъ баловъ россійскаго собранія былъ такъ великъ, что даже Потемкинъ изумлялся имъ и, по разсказу московскихъ старожиловъ, онъ на своемъ знаменитомъ праздникѣ въ Таврическомъ дворцѣ сказалъ пораженнымъ роскошью гостямъ: «Нѣтъ, господа, мнѣ все кажется, что чего-то не достаетъ, когда я вспомню о балѣ въ московскомъ благородномъ собраніи». Этимъ сказаніямъ нетрудно вѣрить, читая, напримѣръ описаніе знаменитаго маскарада, даннаго благороднымъ собраніемъ въ февралѣ 1796 года, по случаю бракосочетанія великаго князя Константина Павловича, на которомъ, среди различныхъ диковинъ, была составлена кадриль изъ 12 гигантскихъ египетскихъ пирамидъ, богато украшенныхъ и расписанныхъ іероглифами.

Съѣзды русскихъ дворянъ въ древней столицѣ недаромъ г. Горчаковъ называетъ «форумомъ» всего русскаго дворянства, которое непосредственно черпало въ немъ не только моды, но и образъ мыслей, почему имѣло прямое государственное значеніе. Такъ на него смотрѣлъ и императоръ Александръ I, который въ рескриптѣ, отъ 29-го декабря 1810 года, наименовалъ это собраніе россійскимъ.

Въ 1805 году, въ залѣ собранія былъ поставленъ мраморный бюстъ Екатерины II, подаренный графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ-Чесменскимъ. Но московское дворянство, не довольствуясь бюстомъ, въ 1809 году, рѣшило, въ изъявленіе признательности императрицѣ Екатеринѣ за вѣчно памятную дворянскую грамоту, воздвигнуть ей въ залѣ собранія монументъ. Какъ принято было это рѣшеніе, г. Барсуковъ приводитъ письмо московской помѣщицы графини А. Р. Чернышевой, которое дѣйствительно служитъ истиннымъ выраженіемъ чувствъ московскихъ дворянъ къ своимъ монархамъ.

Статуя императрицы Екатерины II, изваянная изъ мрамора, погибла во время пожара дома дворянскаго собранія, сгорѣвшаго въ 1812 году. Домъ собранія былъ построенъ по планамъ знаменитаго архитектора М. Ѳ. Казакова, который затѣмъ былъ составителемъ проекта памятника Александру I, поданнаго москвичами при жизни императора Александра Павловича графу Румянцеву. (Рисунокъ этого памятника можно найдти въ I томѣ «Археологическаго Журнала», издававшагося подъ редакціею покойнаго сенатора Н. В. Калачева). Зало собранія было расписано декораторомъ Канопни, о чемъ упоминается въ его біографіи, напечатанной въ «Художественной Газетѣ» за 1837 годъ, стр. 353. Еще нельзя не отмѣтить крайне любопытнаго факта, что въ московскомъ дворянскомъ собраніи, кромѣ директоровъ, были и директрисы, которыхъ 27-го марта 1815 года было избрано 12 и ихъ имена приведены г. Барсуковымъ.

И. В—новъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Леруа-Болье о болгарскомъ кризисѣ.—Мнѣніе англичанъ объ отношеніяхъ Болгаріи къ Россіи.—Статьи Edinburgh и Quarterly Review. — Офиціальное донесеніе англійскихъ агентовъ въ Румеліи и Болгаріи лорду Салисбюри.—Книга генеральнаго консула о Болгаріи.—Нѣмецкая исторія русской литературы.—«Война и миръ» въ нѣмецкой и англійской оцѣнкѣ.—Французская критика о народныхъ сказкахъ гр. Толстого.—Маршалъ д'Анкръ.—Памятники класической древности.—Характеристика семидесятилѣтняго романиста.—Англійскій парламентаризмъ въ прежнее и нынѣшнее время.—Біографія Маргариты Наварской.—Персія и туркмены.

ВЪ ПРОШЛОЙ КНИЖКѢ «Историческаго Вѣстника» мы приводили отзывы нѣмецкихъ книгъ о современномъ болгарскомъ кризисѣ. Посмотримъ теперь, чтó говорятъ французскія и англійскія сочиненія о томъ же предметѣ. Извѣстный публицистъ и профессоръ славянскихъ литературъ въ Сорбоннѣ Леруа-Болье написалъ этюдъ, озаглавленный «Болгарская революція и европейская дипломатія» («La révolution de Bulgarie et la diplomatie européenne»). Очеркъ свой авторъ начинаетъ историческими словами Бисмарка, совѣтовавшаго принцу Батенбергскому принять болгарскую корону: «Во всякомъ случаѣ вы сохраните для вашей старости пріятное воспоминаніе о томъ, что царствовали въ Болгаріи». Германскій канцлеръ предвидѣлъ, что долго поцарствовать принцу не придется. Леруа-Болье находитъ, однако, что, «не смóтря на непріязнь Россіи, этотъ младшій сынъ дармштадтской фамиліи достаточно хорошо держалъ себя на престолѣ» (y aura fait assez bonne figure). Съ этимъ трудно согласиться, такъ какъ и непріязнь-то Россіи онъ возбудилъ тѣмъ, что держалъ себя на тронѣ далеко не такъ какъ слѣдуетъ. Болье увѣренъ, что князь низвергнутъ за то, что хотѣлъ править самостоятельно въ интересахъ Болгаріи. Но въ томъ-то и дѣло, что онъ заботился вовсе не о Болгаріи, а о своихъ личныхъ интересахъ. «Онъ

уничтожилъ парламентскую конституцію, которая была вовсе не въ духѣ народа, только-что вышедшаго изъ вѣковаго рабства». Это правда, но онъ тотчасъ же возстановилъ ее, когда это оказалось ему нужнымъ для того, чтобы розыгрывать передъ Европой роль либеральнаго правителя и жаловаться ей на притѣсненія нелиберальной Россіи. «Свергнутый съ престола заговорщиками, онъ имѣлъ удовольствіе видѣть, что народъ остался ему вѣренъ, вопреки враждебному настроенію дипломатіи». Напротивъ, вся дипломатія, конечно, кромѣ русской, была на сторонѣ князя, свергнутаго народомъ, въ лицѣ лучшихъ офицеровъ арміи, по признанію самого же Батенберга. «Русскіе агенты слишкомъ явно выказывали свое презрѣніе болгарамъ и хотѣли управлять ими слишкомъ порусски». Это все голословныя обвиненія, которыя слѣдовало подкрѣпить фактами. Отдѣльныя личности могли дѣйствовать круто, ошибочно, но какая польза была возстановлять болгаръ противъ Россіи, давшей имъ независимость? «Изгнаніе князя подняло его репутацію; софійскій договоръ былъ для него рекламою. Восторгъ, съ которымъ его встрѣтили во Львовѣ, въ Галиціи, заставилъ его вернуться въ Софію». Но вѣдь онъ тотчасъ же и оставилъ ее, видя невозможность управлять страною, не смотря на вѣрность своихъ подданныхъ и восторгъ иноземцевъ. У автора вырывается признаніе, что «болгарскій народъ лучше своихъ правителей». Это совершенно вѣрно, но тогда для чего же повторять сплетню, которую братецъ князя Лудвигъ Батенбергскій напечаталъ въ «Journal des Débats»: «Капитанъ Бендеревъ съ револьверомъ въ рукѣ заставилъ князя подписать отреченіе, вскричавъ: «вотъ что значитъ не произвести меня въ маіоры»! Вообще противорѣчія встрѣчаются у Леруа-Болье на каждомъ шагу. Сознавая, что Болгарія съ ея еще неустановившимся государственнымъ устройствомъ не можетъ управляться сама собою безъ руководителей, онъ тотчасъ же прибавляетъ: «но, какъ кажется, руководители освободили ее меньше для нея самой, чѣмъ для самихъ себя». Берлинскій трактатъ сдѣлалъ громадную ошибку, раздѣливъ Болгарію на двѣ части, но потому, что не раздѣленная Болгарія представляла бы лучшій оплотъ противъ Россіи. Газеты Бисмарка, совѣтовавшія болгарамъ покориться, а князю удалиться, оказали, по словамъ автора, плохую услугу Европѣ, если только это сдѣлано не съ цѣлью уменьшить вліяніе Россіи на славянскія племена Балканскаго полуострова.

Если и такой знатокъ Россіи, какъ Леруа-Болье, такъ плохо понимаетъ ея отношенія къ Болгаріи, то чего же ждать отъ англичанъ, которые, начиная съ своихъ министровъ и оканчивая послѣднимъ газетчикомъ, въ одинъ голосъ осыпаютъ русскихъ всевозможными клеветами. Дѣйствительно, всѣ англійскія книги и статьи о Болгаріи полны такими неприличными выходками, такою грубою бранью, что по неволѣ хочется спросить: «да изъ чего бѣснуетесь вы столько»? Вотъ, напримѣръ, университетскій журналъ «Edinburgh Review», мнѣнія котораго такъ высоко ставятся англійскими учеными и беллетристами, что даже незначительный отзывъ объ ихъ произведеніяхъ считается величайшею честью. Какъ же отзывается этотъ органъ консерваторовъ о Россіи? Онъ называетъ ее (въ статьѣ объ отношеніяхъ къ ней Болгаріи) «врагомъ всей Европы, обладающимъ только деспотизмомъ да лисью хитростью. Трактатъ 1856 года, закончившій Крымскую войну (продолжаетъ журналъ), заставилъ Россію отступиться отъ ея агресивной политики на двадцать лѣтъ слишкомъ, и мы не жалѣетъ тѣхъ жертвъ, которыхъ намъ стоило это перемиріе. Въ наше время не многіе трактаты пе-

реживаютъ одно поколѣніе, и съ тѣхъ поръ Россія вернулась къ своей старой политикѣ: отказъ отъ нейтралитета Чернаго моря, возобновленіе на немъ флота, нападеніе на Турцію въ 1877 году, укрѣпленіе Батума и скандальный заговоръ, жертвой котораго палъ князь болгарскій, доказываютъ, что еще живъ духъ, возбудившій войну 1854 года. Три самыя важныя войны царствованія королевы Викторіи: 1854 года и двѣ экспедиціи въ Афганистанъ, были прямымъ слѣдствіемъ политики Россіи». Что же касается Болгаріи, Россія никогда не позволитъ ей существовать независимо, такъ какъ еще Николай I сказалъ лорду Сеймуру, что никогда не согласится, чтобы турецкія владѣнія въ Европѣ раздѣлились на мелкія, самостоятельныя государства и Константинополь достался какой нибудь державѣ. Другой не менѣе серьёзный журналъ «Quarterly Review» въ статьѣ «Болгарская интрига» (Bulgarian plot) спрашиваетъ, почему Россія такъ хлопочетъ объ участи болгаръ, страдающихъ отъ анархіи, и самъ отвѣчаетъ на это: «Лордъ Дерби, бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ, публично нарисовалъ въ парламентѣ картину русской политики: «Россія никогда не идетъ прямо на приступъ, а двигается впередъ миной и подкопомъ. Сначала она сѣетъ въ народѣ раздоръ и неудовольствіе, потомъ предлагаетъ свое вмѣшательство, беретъ сторону слабой партіи, ставя ее въ зависимость отъ себя и отъ покровительства переходитъ къ присоединенію». Журналъ называетъ Стамбулова и Муткурова «лучшими людьми Болгаріи» и заканчиваетъ свою статью такъ: «Настало время во имя интересовъ человѣчества положить преграду державѣ, которая своимъ безграничнымъ эгоизмомъ держитъ Европу въ постоянномъ безпокойствѣ и каждый часъ грозитъ новыми безпорядками».

Мудрено ли, что англійскіе ученые и литераторы отзываются такъ о Россіи, если правители и политики даютъ имъ тонъ. Парламенту былъ представленъ отъ министерства иностранныхъ дѣлъ огромный томъ «Корреспонденціи восточной Румеліи и Болгаріи» (Correspondence respecting the affairs of E. Rumelia and Bulgaria, presented to parliament, 1886). Вотъ что сообщаетъ офиціально дипломатическій агентъ лорду Салисбюри о румелійскомъ переворотѣ: «За шесть недѣль до переворота русскій генеральный консулъ предложилъ членамъ румелійскаго народнаго собранія, что онъ поддержитъ соединительное движеніе, но съ тѣмъ, чтобы князь Александръ былъ изгнанъ. Консулъ устроивалъ также митингъ, съ цѣлью низложенія Батенберга. Болгарскіе патріоты убѣдились, что перемѣнили только турецкую тиранію на безусловный деспотизмъ Россіи, грозящій уничтоженіемъ ихъ національности». Докторъ Странскій заявилъ англійскому агенту, что болгары скорѣе умрутъ въ борьбѣ за независимость, чѣмъ будутъ жить подъ русскимъ игомъ. Если самъ Салисбюри доказываетъ, что болгары страдальцы, и русскіе ихъ притѣснители,—какъ же могутъ англичане вѣрить нашему безкорыстію? Англійскій генеральный консулъ издалъ книгу «Развитіе свободы на Балканскомъ полуостровѣ» (The growth of freedom in the Balkan peninsula, by Minchin), въ которой разсказываетъ объ управленіи Болгаріей русскими генералами Соболевымъ и Каульбарсомъ, братомъ нынѣшняго дипломатическаго агента, поѣздка котораго по Болгаріи кончилась вынужденнымъ отъѣздомъ изъ Болгаріи и прерваніемъ съ ней всякихъ сношеній. Генеральный консулъ Минчинъ рисуетъ нашихъ генераловъ какими-то деспотами и сообщаетъ, что они однажды ночью хотѣли проникнуть во дворецъ князя, но поручикъ Мариновъ, убитый потомъ при Сливницѣ, остановилъ ихъ съ обнаженною саблею. А у нихъ была уже приготовлена

карета, въ которой намѣревались увезти князя изъ Болгаріи. У генераловъ нашли тоже груды прокламацій (что же у нихъ дѣлали обыскъ, что ли?), въ которыхъ объявлялось, что болгарскій народъ прогналъ князя за дурное управленіе страною и образовалъ временное правительство съ Соболевымъ и Каульбарсомъ во главѣ. Послѣ этого перваго покушенія, русскій офицеръ Набоковъ составилъ новый заговоръ съ цѣлью захватить князя, убить Каравелова, произвести революцію и русскую окупацію. И все это говорится офиціально и документально. Какъ же не вѣрить такимъ источникамъ? Станутъ ли англичане полагаться на опроверженіе русскихъ газетъ или «Journal de S.-Pétersbourg»?

— Мы говорили уже о замѣчательной «Исторіи русской литературы отъ ея начала до новѣйшаго времени» (Geschichte der russischen Literatur von ihren Anfangen bis auf die neueste Zeit, von Alexander Reinholdt), начавшейся еще въ прошломъ году. Теперь вышли ея послѣдніе выпуски. Нѣмцы давно уже и добросовѣстно переводятъ нашихъ писателей и изучаютъ нашу литературу, многія стороны ея основательно разработаны Вольфсономъ; еще Фарнангенъ фон-Энзе написалъ мастерскую характеристику Пушкина; Боденштедтъ Лермонтова; В. Е. Генкель, Пичъ и друг. представили вѣрную оцѣнку Тургенева и другихъ современныхъ русскихъ авторовъ, но полный и почти вездѣ безпристрастный, критическій очеркъ нашей литературы составленъ Рейнгольдтомъ, родившимся въ Россіи и изучившимъ ее съ любовью и знаніемъ дѣла. Онъ говоритъ въ предисловіи, что главною цѣлью его было «устранить грубыя ошибки, недоразумѣнія или злостныя клеветы, относительно новѣйшаго направленія русской литературы, распространенныя легкомысленными или невѣжественными иностранными писателями». Авторъ останавливается только на важнѣйшихъ явленіяхъ и, не отрываясь отъ культурно-исторической почвы, держится внутренняго характера данной эпохи. Только при этомъ методѣ возможно правильное пониманіе литературныхъ явленій, но авторъ, сверхъ того, совершенно безпристрастно относится даже къ національнымъ стремленіямъ и, составивъ русскую исторію на нѣмецкомъ языкѣ и для нѣмцевъ, рѣзко осуждаетъ интриги нѣмецкихъ академиковъ противъ Ломоносова, отстаивавшаго русскіе интересы. Авторъ отстаиваетъ также національныя попытки Екатерины II въ области литературы и педагогики и защищаетъ ея эпоху отъ выходокъ Шерра, относившагося къ ней только съ точки зрѣнія скандала. Но при обсужденіи литературныхъ явленій и оцѣнкахъ значенія, Рейнгольдтъ не стоитъ на почвѣ узкихъ народническихъ интересовъ, а разсматриваетъ ихъ съ общеевропейской, космополитической точки зрѣнія, единственно вѣрной въ исторіи развитія цивилизаціи въ человѣчествѣ и ея вліянія на прогрессъ отдѣльныхъ національностей. Къ недостаткамъ книги слѣдуетъ отнести слишкомъ сжатые отзывы о такихъ писателяхъ, какъ Карамзинъ, Державинъ, даже Гоголь и Лермонтовъ, и слишкомъ обширные о такихъ явленіяхъ, какъ кіевская схоластика XVII вѣка, проповѣди Барановскаго, Голятовскаго или научное движеніе при Петрѣ I и въ концѣ XVIII вѣка. Съ нѣкоторыми мнѣніями автора также нельзя согласиться, какъ, напримѣръ, съ тѣмъ, что «міровоззрѣніе Гоголя—средневѣковое романтическое» и что у него «не было никакого идеала». Въ общемъ сужденія Рейнгольдта сходятся, впрочемъ, съ мнѣніями, принятыми нашею критикою о выдающихся дѣятеляхъ нашей литературы.

— Мы приводили столько хвалебныхъ отзывовъ иностранной печати о нашихъ лучшихъ писателяхъ, что справедливость требуетъ упомянуть и о диссонансѣ въ этомъ отношеніи, появившемся въ цѣломъ рядѣ статей, помѣщенныхъ въ октябрѣ въ наиболѣе распространенной и серьёзной газетѣ «Neue Freie Presse» и вышедшихъ теперь отдѣльною брошюрою. Дѣло идетъ о лучшемъ произведеніи Л. Н. Толстаго «Война и миръ», отзывъ о которомъ такъ рѣзко отличается отъ общепринятаго мнѣнія объ этомъ романѣ, что нельзя не обратить вниманія на доводы автора, старающагося подкрѣпить ихъ эстетическими и историческими аргументами. Общій выводъ критики тотъ, что романъ неудаченъ, особенно въ воённомъ и историческомъ отношеніи. Всемірная литература отвергнетъ его, такъ какъ онъ не разъясняетъ великой эпопеи 1812 г. Гр. Толстой увлекся теоріею Бокля, придающаго огромное значеніе въ исторіи народнымъ массамъ, но скептически относящагося, въ противоположность Карлейлю, къ роли отдѣльныхъ лицъ въ міровыхъ движеніяхъ. Но можно ли представить себѣ войну 1812 года безъ Наполеона? Критикъ сильными чертами рисуетъ военный геній Наполеона и относится иронически къ признанію Кутузова героемъ. Русскіе одержали верхъ въ войнѣ, только благодаря морозамъ и совѣтамъ нѣмецкихъ стратеговъ, предлагавшихъ дать отпоръ французамъ только въ нѣкоторыхъ укрѣпленныхъ пунктахъ, а потомъ отступить хотя бы въ глубь Сибири. Это явно тенденціозное сужденіе критикъ старается смягчить отзывомъ о писателѣ, который «самъ гораздо интереснѣе своего произведенія». Его одушевляетъ пламенное стремленіе разгадать загадку бытія и онъ съ презрѣніемъ относится къ славѣ, выпавшей ему въ удѣлъ. Онъ единственный отрадный (erfreulich) русскій писатель. Всѣ остальные, не исключая даже Тургенева, — «озлобленные умы, отчаявающіеся передѣлать тяжеловѣсную русскую народную массу». Критикъ, видитъ, однако, въ этой массѣ и хорошую сторону. «Какъ ни безотрадна жизнь русскихъ, — говоритъ онъ, — они пламенно любятъ свое отечество, сражаются и умираютъ за его величіе. Никогда еще русскіе не сражались противъ русскихъ въ отличіе отъ нѣмцевъ, которые буквально влюблены въ братоубійственную войну». Онъ находитъ даже, что наше экономическое состояніе лучше, чѣмъ у нѣмцевъ, такъ какъ у насъ налоги умѣренные, а у нѣмцевъ они «почти равносильны конфискаціи всего имущества, для пользы государства». «Толстого читать пріятно, пока онъ не пускается въ соціально-религіозныя разсужденія». Не такого мнѣнія о гр. Толстомъ, и особенно о «Войнѣ и мирѣ», англійская критика. Послѣдній ноябрскій нумеръ «Athenaeum'a» называетъ романъ этотъ великолѣпнымъ (magnificent) и находитъ справедливымъ, что русская критика считаетъ романъ «лучшимъ произведеніемъ русской литературы». Англійскій критикъ сожалѣетъ, что романъ переведенъ не съ подлинника, а съ французскаго перевода, и напоминаетъ, что журналъ «Nineteenth Century» еще въ 1879 году восторгался этимъ романомъ.

— Французская критика обратила вниманіе на тѣ произведенія гр. Толстого, которыя еще не подверглись оцѣнкѣ на Западѣ, да и у насъ о нихъ встрѣчается не много отзывовъ, — это его народныя сказки. Въ газетѣ «Temps» посвящена имъ обширная статья. Особенно останавливаясь на «Сказкѣ объ Иванѣ-дуракѣ», критикъ приходитъ къ слѣдующему выводу: «Едва ли сказка эта будетъ имѣть вліяніе на народъ: она не подавитъ въ немъ стремленія сопротивляться злу; не вселитъ въ народъ, упорный въ своихъ воззрѣніяхъ на жизнь и людей, — презрѣнія къ интеллигентнымъ труженикамъ. Русскій

народъ никогда не увлечется самодовольнымъ невѣжествомъ, проповѣдуемымъ въ «Сказкѣ о Иванѣ-дуракѣ». Непонятно, какъ ученіе, враждебное наукѣ и прогрессу, нашло сторонника именно въ томъ классѣ, убѣжденія котораго оно оскорбляетъ». Изъ того, что русская интеллигенція занимаетъ «совершенно исключительное положеніе», вовсе не слѣдуетъ, чтобы она должна была увлекаться соціально-религіознымъ ученіемъ, отвергающимъ прогрессъ и науку.

— Вышла довольно любопытная исторія маршала д'Анкръ (Le maréchal d'Ancre). Какъ попытка—обѣлить этого заносчиваго авантюриста, управлявшаго Франціей послѣ смерти Генриха IV, книга не заслуживаетъ вниманія, но она интересна по множеству подробностей, рисующихъ эпоху, когда жилъ этотъ итальянецъ, привезенный въ Парижъ Маріею Медичи и черезъ жену свою, Леонору Галигаи, получившій званіе маршала Франціи, ни разу не обнажая шпаги, управленіе Нормандіей и званіе перваго министра малолѣтняго Людовика XIII. Авторъ книги, Пуи, особенно изслѣдовалъ его управленіе Пикардіей (отъ 1611 по 1617 г.), періодъ, названный врагами его, приверженцами герцога Лонгвиля, «тираніею маршала д'Анкръ», и нашелъ новые документы, относящіеся къ послѣднимъ годамъ его политической карьеры. Кончини былъ безспорно грубый, продажный интригантъ, обращавшійся непочтительно и съ 18-ти-лѣтнимъ королемъ, но изъ этого не вытекало необходимости для Людовика XIII входить въ заговоръ со своими вельможами противъ маршала и приказать зарѣзать его на дворѣ Лувра. Еще менѣе основанія было осудить жену Кончини, какъ колдунью, и сжечь ее на кострѣ, а несовершеннолѣтняго сына ихъ изгнать изъ Франціи, лишивъ наслѣдства, отданнаго его врагамъ, и запретивъ даже носить отцовское имя. Но въ доброе старое время Французской монархіи исполнялись еще и не такіе варварскіе приговоры.

— Окончено полезное иллюстрированное изданіе «Памятники классической древности для уясненія жизни грековъ и римлянъ въ религіи, искусствѣ и нравахъ» (Denkmäler des klassischen Altertums des Lebens der Griechen und Römer in Religion, Kunst und Sitte). Это не только популярное, но и строго научное сочиненіе, составленное спеціалистами, подъ редакціею А. Баумейстера. Статьи расположены въ алфавитномъ порядкѣ и сопровождаются многочисленными рисунками (въ цѣломъ сочиненіи ихъ болѣе 2,000), исполненными по способу автотипіи Мейзенбаха. Изданіе вообще замѣчательно практичностью и дешевизною.

— Къ семидесятилѣтнему дню рожденія лучшаго нѣмецкаго романиста Густава Фрейтага, вышелъ этюдъ о его жизни и сочиненіяхъ, озаглавленный: «Gustav Freitag. Ein Festblatt zur Feier seines siebzigsten Geburtstags von Conrad Alberts». Фрейтагъ — крупная величина не только между нѣмецкими, но и между европейскими романистами, и хотя послѣднія его произведенія, въ которыхъ чувствуется уже ослабленіе сильнаго таланта, имѣютъ преимущественно мѣстный, нѣмецкій или археологическій интересъ, за то первыя произведенія, какъ «Приходъ и расходъ» (Soll und Haben), «Потерянная рукопись» и друг., съ которыми знакома въ переводахъ и русская публика,—занимаютъ почетное мѣсто въ исторіи всемірной литературы. Этюдъ Альбертса рисуетъ Фрейтага не только какъ романиста, но представляетъ полную картину его литературной дѣятельности въ области драмы, искусства, исторіи культуры, теоріи поэзіи, даже политической публицистики. Біографъ-критикъ вѣрно подмѣтилъ характеристи-

ческія особенности писателя: нравственную тенденцію его романовъ, изложенныхъ въ высокохудожественной формѣ; сочувствіе его къ среднему сословію, какъ представителю честнаго и разумнаго труда и нерасположеніе къ праздному, испорченному дворянству; гармоническое сочетаніе общечеловѣческаго элемента съ національнымъ, наконецъ—оптимистское міровоззрѣніе, свойственное всему германству (Deutschtum).

— Джонъ Грего издалъ «Исторію парламентскихъ выборовъ и избирательства въ старые годы» (A history of parliamentary elections and electionneering in the old days). Доказывать, какъ это дѣлаетъ авторъ, что нынѣшніе избиратели и выборы лучше прежнихъ,—особенной надобности, конечно, не предстояло, но, разсказывая о томъ, какъ практиковалась парламентская система въ прежнее время, Грего невольно приходитъ къ заключенію, что въ системѣ этой не произведено и въ послѣднее время никакихъ особенно важныхъ или полезныхъ улучшеній, откуда самъ собой представляется выводъ: способна ли еще она вообще къ какимъ либо улучшеніямъ? Авторъ въ особенности останавливается на выборахъ 1754 года, потрясшихъ англійское общество въ его основаніи. Съ тѣхъ поръ избирательскіе пріемы сдѣлали немного шаговъ впередъ, и если, въ послѣднее время, управленіе страною чаще попадало въ руки виговъ, чѣмъ торіевъ, то вѣдь и въ короткое время своей власти торійскіе или консервативные кабинеты успѣвали такъ запутывать внутреннюю и внѣшнюю политику Англіи, что ихъ преемникамъ, либераламъ, приходилось заниматься не улучшеніемъ народнаго благосостоянія, а только распутываніемъ того, что натворили ихъ предшественники.

— Въ «Серіи знаменитыхъ женщинъ» вышла біографія Маргариты, королевы Наварской (Eminent womens series. Margaret of Angouleme, queen of Navarre, by Mary Robinson). Авторъ этой характеристики, миссъ Робинсонъ, отзывается съ восторгомъ о своей героинѣ, что̀ не мѣшаетъ ей, однако, не скрывать заблужденій и ошибокъ королевы. Въ сужденіяхъ о Маргаритѣ авторъ слѣдуетъ выводамъ Мишле, и только ея литературнымъ трудамъ придается уже слишкомъ много значенія. «Гектамеронъ» — сборникъ, безспорно, замѣчательный, но главнымъ авторомъ его былъ, всетаки, Бонавентура Деперье, а не Маргарита, чего никакъ не хочетъ признать миссъ Робинсонъ, хотя французская критика давно уже доказала это.

— Джемсъ Бассетъ составилъ «описаніе Персіи, какъ страны имамовъ» (Persia the land of the imams). Авторъ, членъ пресвитеріанскаго миссіонерскаго общества, долго жилъ въ Персіи и изображаетъ ее преимущественно съ религіозной точки зрѣнія, занимаясь спеціально изслѣдованіемъ мусульманства и роли, какую играютъ въ странѣ имамы. Слово это значитъ собственно: глава, вождь, и первоначально относилось какъ къ духовнымъ, такъ и къ военнымъ предводителямъ, и Бассетъ разсказываетъ исторію первыхъ имамовъ: Али, Гассана, Гуссейна. Только въ послѣднихъ главахъ авторъ говоритъ о цивилизаціи, управленіи, нравахъ и литературѣ Персіи. Особыя главы посвящены туркменамъ, бывшимъ грозою Восточной Персіи и Средней Азіи, а теперь укрощеннымъ русскими. Одинъ изъ туркменскихъ вождей, сознаваясь въ этомъ автору, прибавлялъ: «всѣ мы теперь принуждены убивать нашихъ плѣнниковъ, потому что русскіе не позволяютъ продавать ихъ въ рабство». На попытку миссіонера обратить его въ христіанство, тотъ же туркменскій вождь спросилъ прежде всего: «а что Іисусъ Христосъ не англичанинъ ли?»

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

ВЪ ІЮЛЬСКОЙ книжкѣ «Историческаго Вѣстника» помѣщена интересная статья о холерѣ въ Курской губерніи въ 1830—1831 годахъ. Въ этой статьѣ, между прочимъ, разсказано нѣсколько курьезныхъ эпизодовъ изъ холернаго времени. Позвольте мнѣ, на основаніи архивныхъ документовъ курскаго губернскаго правленія, сообщить фактъ, который показываетъ, какъ оригинально была эксплоатирована «холера-морбусъ» однимъ изъ врачей, призванныхъ бороться съ нею.

Въ Льговскомъ уѣздѣ у помѣщиковъ Луниныхъ скоропостижно умерла дворовая дѣвка Жмырева. Такъ какъ въ тревожное время господства эпидеміи всякій фактъ внезапной смерти вызывалъ общія опасенія, то въ имѣніе Луниныхъ отправился льговскій уѣздный врачъ, докторъ медицины и хирургіи Лейдловъ, для освидѣтельствованія и, если то окажется необходимымъ, вскрытія тѣла скоропостижно умершей Жмыревой. Лейдловъ, проживъ нѣкоторое время у Луниныхъ, выдалъ свидѣтельство, въ которомъ прописалъ о томъ, что дворовая дѣвка Жмырева умерла отъ холеры.

Но чрезъ нѣсколько времени куда слѣдуетъ было подано донесеніе, что не холера была причиной смерти несчастной Жмыревой, а смертельные побои, нанесенные ей господами. Возникло новое дѣло, изъ котораго съ надлежащею ясностью обнаружилось, что Лейдловъ пустилъ въ коммерческій оборотъ холеру вслѣдствіе полученія отъ Луниныхъ приличнаго гонорара. Не смотря на всѣ старанія замять возгорѣвшееся дѣло, этого не удалось сдѣлать... и рѣшеніемъ правительствующаго сената докторъ Лейдловъ былъ навсегда исключенъ изъ службы и приговоренъ къ аресту на шесть мѣсяцевъ.

Тогда на сцену выступила новая сила съ ходатайствомъ за осужденнаго доктора-взяточника: это именно льговское дворянство. 22 августа 1831 года

курскій губернскій предводитель получилъ отъ льговскихъ дворянъ покрытое многочисленными подписями письмо слѣдующаго содержанія:

«М. Г. Илья Алексѣевичъ, указомъ правительствующаго сената по дѣлу помѣщиковъ Луниныхъ о жестокомъ обращеніи со своими людьми докторъ медицины и хирургіи надворный совѣтникъ Лейдловъ за выдачу неудовлетворительнаго свидѣтельства при осмотрѣ тѣла дворовой дѣвки Жмыревой, убитой Луниными, отрѣшенъ отъ занимаемой имъ должности уѣзднаго лѣкаря съ выдержаніемъ шестимѣсячнаго ареста и съ тѣмъ, чтобы впредь никуда не опредѣлять. Извѣстіе сіе я (уѣздный предводитель дворянства) и весь льговскій уѣздъ приняли съ неизъяснимымъ душевнымъ соболѣзнованіемъ, зная достоинства сего чиновника. Онъ впродолженіе 17 лѣтъ пребыванія своего въ Льговѣ оказывалъ себя всегда истиннымъ другомъ человѣчества, добродѣтельными поступками пріобрѣлъ къ себѣ привязанность всѣхъ сословій Льговскаго уѣзда. Словомъ сказать, что каждый, страдающій болѣзнью, безъ различія состоянія испыталъ на себѣ благодѣтельную опытность равно усерднаго для всѣхъ искусства г. Лейдлова. Онъ и во время холеры съ самоотверженіемъ излѣчивалъ больныхъ и по человѣколюбію своему вселялъ къ себѣ довѣріе даже въ простомъ народѣ и спасъ отъ смерти большое число поселянъ, которые, по обыкновенію своему, всегда удалялись помощи медика. Г. Лейдловъ болѣе всѣхъ и усерднѣе всѣхъ способствовалъ къ скорому прекращенію въ Льговскомъ уѣздѣ ужасной болѣзни холеры, о чемъ оффиціально извѣстно и губернатору. При столь великой цѣлаго общества благодарности льговское дворянство проситъ васъ (губернскаго предводителя) принять на себя трудъ въ исходатайствованіи всемилостивѣйшаго государя императора прощенія г. Лейдлову по вышеозначенному случаю. Содѣйствіе ваше въ семъ дѣлѣ дворянство сочтетъ за особое къ нему уваженіе».

Губернскій предводитель дворянства Григорьевъ немедленно написалъ отношеніе къ курскому губернатору, въ которомъ изложилъ желаніе льговскаго дворянства и прибавилъ, что и онъ съ своей стороны знаетъ отличное усердіе Лейдлова по службѣ и лестные отзывы о немъ почтеннаго дворянства и прочихъ сословій, а потому вмѣняетъ себѣ въ обязанность покорнѣйше просить ходатайства губернатора по испрошенію всемилостивѣйшаго прощенія доктору Лейдлову по вышеозначенному предмету.

Курскимъ губернаторомъ въ то время былъ извѣстный богачъ и оригиналъ П. Н. Демидовъ. Онъ 13 сентября 1831 года «почтилъ» губернскаго предводителя такимъ увѣдомленіемъ: «При всемъ моемъ желаніи дѣлать все пріятное для дворянства здѣшней губерніи я, къ сожалѣнію, не нахожу возможнымъ предпринять ходатайство о бывшемъ льговскомъ уѣздномъ медикѣ Лейдловѣ; ибо произведенное имъ свидѣтельство мертвому тѣлу крестьянской дѣвки Жмыревой, давшее случай сокрыть настоящую причину смерти ея, отъ побоевъ происшедшую, есть такое преступленіе, которое отнюдь не можетъ быть оправдываемо никакими другими хорошими качествами».

Такимъ образомъ холера не выручила изъ бѣды доктора медицины и хирургіи.

Сообщено **А. Танковымъ.**

СМѢСЬ.

АМЯТНИКЪ „СЛАВЫ", 12-го октября, въ годовщину взятія «Горнаго Дубняка», открытъ въ Петербургѣ съ необычайною торжественностью монументъ въ память послѣдней восточной войны, названный «Памятникомъ Славы». На Троицкой площади, передъ звѣзднымъ куполомъ собора Измайловскаго полка, воздвигнута на гранитномъ пьедесталѣ чугунная колонна. При открытіи памятника всѣмъ приглашеннымъ на торжество розданъ фотографическій снимокъ съ памятника. На рисункѣ рельефно выдѣляется и вся окружающая мѣстность, съ частью собора, прилегающими зданіями и разведеннымъ, вокругъ памятника, садикомъ, окаймленнымъ желѣзною рѣшеткою. На оборотной сторонѣ рисунка, въ сжатомъ очеркѣ, сгруппированы главнѣйшія фактическія данныя, относящіяся до сооруженія памятника.

Матеріалы для сооруженія: гранитъ, бронза, чугунъ и турецкія орудія, взятыя въ войну 1877—1878 годовъ. Пьедесталъ, высотою въ 3 саж. 8 верш., сложенъ изъ розоваго гангеутскаго и темно-сѣраго сердобольскаго гранита. На пьедесталѣ установлены чугунные приливы съ наклонными орудіями и бронзовыя доски. Надписи на пьедесталѣ — на восточной сторонѣ: 1886 года въ шестой годъ благополучнаго царствованія императора Александра III, для увѣковѣченія доблестей россійскихъ войскъ воздвигнутъ этотъ памятникъ по мысли императора Александра Втораго изъ турецкихъ орудій, взятыхъ въ войну 1877—1878 годовъ. Побѣдоносной войной этой возвращена Россіи утраченная ею въ 1856 году часть Бессарабіи, присоединены вновь къ русскимъ владѣніямъ города: Батумъ, Карсъ и Ардаганъ съ ихъ областями, дарована полная независимость Румыніи, Сербіи и Черногоріи, освобождена Болгарія, сѣверная часть коей сдѣлалась княжествомъ, а южная признана самоуправляющеюся областью Турецкой имперіи. На обоихъ театрахъ войны взято въ плѣнъ 28 пашей, 141,800 офицеровъ и солдатъ, отбито 886 орудій и свыше 50 знаменъ. Затѣмъ на надписяхъ съ другихъ сторонъ, въ хронологическомъ порядкѣ, указанъ ходъ войны, поименованы всѣ наши дѣла и сраженія. Выше,

на квадратной части, колонна опоясана памятными русскимъ именами и числами: 1) Дунай (15-го іюня 1877 г.), Санъ-Стефано (12-го февраля 1878 г.); 2) Плевна (28-го ноября 1877 г.), Балканы (зимній переходъ); 3) Филиппополь (со 2-го по 5-е января 1878 г.), Шипка и Шейново (27—28-го декабря 1878 г.); 4) Аладжа (3-го октября 1877 г.), Карсъ (6-го ноября 1877 г.). Въ нижней части гранитнаго пьедестала большія надписи: на восточной сторонѣ—поименованы всѣ участники въ войнѣ, особы императорской фамиліи и всѣ части гвардіи; на сѣверной и западной сторонахъ—гренадерскіе и армейскіе полки, на послѣдней поименованы и морскія суда. На южной сторонѣ—перечислены части войскъ, участвовавшихъ на азіатскомъ театрѣ войны. На круглой части колонны по карнизу надпись славянской вязью съ именами лицъ, принимавшихъ участіе въ сооруженіи памятника. На пьедесталѣ стоитъ чугунная колонна, съ нишами для орудій, въ шесть ярусовъ. Ярусы раздѣлены поясами. На колоннѣ подвѣшено 44 стальныя и 60 мѣдныхъ турецкихъ пушекъ разнаго наименованія и калибра. Внутри колонны винтовая лѣстница. Высота колонны 6,8 сажени. Верхъ колонны кончается коринѳской капителью, украшенной листьями изъ бронзы. Высота ея 1,4 сажени. Памятникъ вѣнчаетъ фигура «Побѣда», съ пальмовой вѣтвью въ одной рукѣ и съ дубовымъ вѣнкомъ въ другой. Высота фигуры съ полушаромъ 2 саж. 8 верш. Вся высота памятника 13½ саж. Фундаментъ, глубиною 5 арш. 9 вершковъ, сложенъ изъ бутовой плиты на портландскомъ цементѣ. Вѣсъ фундамента до 67,000 пуд., вѣсъ гранита до 35,000 пуд., вѣсъ чугуна до 9,150 пуд., вѣсъ 112 орудій до 3,600 пуд. Вокругъ памятника, на отдѣльныхъ гранитныхъ камняхъ, вѣсомъ каждый въ 550 пуд., поставлены десять полевыхъ турецкихъ орудій съ лафетами. Въ оградѣ садика, на углахъ, два газовые канделябра, украшенные 8-ми орудіями, и два столба, составленные также изъ турецкихъ орудій. Стоимость сооруженія до 175,000 рублей.

Памятникъ Пахтусову. 19-го октября въ Кронштадтѣ открытъ памятникъ изслѣдователю Новой Земли. Сынъ мелкаго морскаго чиновника, Пахтусовъ родился въ Кронштадтѣ въ 1800 году и, окончивъ курсъ въ штурманскомъ училищѣ, немедленно, въ 1820 году, былъ посланъ производить опись устьевъ рѣки Печоры. Занимаясь этой описью, ему пришла мысль произвести опись Новой Земли, которая постоянно посѣщалась нашими промышленниками еще со временъ новгородцевъ, но свѣдѣнія о которой основывались на изслѣдованіяхъ голландцевъ въ концѣ XVI столѣтія и отрывочныхъ посѣщеніяхъ нашихъ военныхъ моряковъ. Проектъ Пахтусова исполненъ, однако, не былъ. Болѣе счастливъ былъ Пахтусовъ, встрѣтившись съ ученымъ лѣсничимъ Клоковымъ, увлекавшимся уже въ то время идеею открыть морское сообщеніе Западной Европы съ Сибирью черезъ Карское море. Оба они убѣдили архангельскаго богача Брандта снарядить экспедицію на Новую Землю и въ Карское море. Экспедиція эта отправилась въ августѣ 1832 году и возвратилась въ 1833 году. Труды ея убѣдили правительство въ необходимости снарядить казенную экспедицію для продолженія описи восточнаго и западнаго береговъ Новой Земли. Экспедиція отправилась въ іюнѣ 1834 года и возвратилась въ октябрѣ 1835 года. Отъ понесенныхъ трудовъ Пахтусовъ умеръ въ ноябрѣ того же года, но помощникъ его, штурманскій офицеръ Циволька, продолжалъ изслѣдованія въ 1837, 1838 и 1839 годахъ, и также за труды и лишенія заплатилъ жизнью и погребенъ на Новой Землѣ въ сугробѣ снѣга. Труды Пахтусова, по нынѣшнимъ размѣрамъ ученыхъ экспедицій, покажутся не слишкомъ значительными. Что такое опись части Новой Земли, когда экспедиціи огибаютъ всю Сибирь, открываютъ сѣверо-западный проливъ и добираются почти до полюса? Но надобно взять въ разсчетъ условія и средства исполненія въ тогдашнее время. Норденшильдъ и другіе полярные изслѣдователи преклоняются передъ настойчивостью и энергіей русскихъ моряковъ, составившихъ опись береговъ Ледовитаго океана—одинъ изъ величай-

шихъ научныхъ подвиговъ, сдѣланныхъ русскими на пользу европейской цивилизаціи. Пахтусовъ—только одинъ изъ цѣлаго ряда героевъ, положившихъ свою жизнь за интересы науки. Прончищевъ, братья Лаптевы, Размысловъ, Челюскинъ, Шалауровъ, Сарычевъ, Циволька и много другихъ никогда не будутъ забыты въ исторіи географической науки. Они перенесли буквально не человѣческіе труды, пускаясь осенью на плохихъ, непроконопаченныхъ карбасахъ въ неизвѣстный, негостепріимный океанъ и проводя безъ всякихъ приспособленій, запасовъ и медицинскихъ пособій долгія полярныя зимы, рискуя умереть отъ цынги и замерзнуть на пятидесятиградусномъ морозѣ. Труды этихъ представителей русской беззавѣтной храбрости и молчаливаго исполненія долга еще недостаточно у насъ оцѣнены и популяризованы. Они болѣе извѣстны образованнымъ людямъ въ Германіи и Швеціи, нежели въ Россіи, между тѣмъ, имена нашихъ полярныхъ мореплавателей давно бы должны сдѣлаться народными. Поэтому можно только порадоваться прекрасной идеѣ увѣковѣчить имя Пахтусова монументомъ на мѣстѣ его родины. Въ морскомъ музеѣ состоялось собраніе Общества для содѣйствія русскому торговому мореходству, посвященное памяти Петра Кузьмича Пахтусова. Докладъ о научныхъ заслугахъ Пахтусова сдѣлалъ В. М. Сидоровъ, познакомившій присутствующихъ съ біографіей отважнаго морехода и подробностями двухъ его полярныхъ экспедицій 1833 и 1834 годовъ. Сравнительно съ обстановкой нынѣшнихъ экспедицій, Пахтусовъ находился въ самыхъ невозможныхъ условіяхъ; съ ничтожными денежными средствами, на двухъ старыхъ ладьяхъ, съ ограниченнымъ числомъ людей, безъ всякихъ приспособленій даже необходимаго удобства; безъ достаточнаго запаса провіанта этотъ неустрашимый, молодой офицеръ забрался на Новую Землю, достигъ Маточкина шара и прожилъ тамъ 440 дней! Застигнутый льдами, онъ погибалъ со всѣмъ своимъ экипажемъ, и только случайно находившійся вблизи поморецъ подалъ имъ руку помощи и снялъ ихъ со льдины. Здоровье Пахтусова не выдержало всѣхъ лишеній: онъ умеръ, едва успѣвъ окончить свою вторую и послѣднюю экспедицію. Чего только не испыталъ этотъ «мученикъ науки». Онъ голодалъ, испытывалъ такую стужу, что члены коченѣли, самъ сколачивалъ себѣ хижину, терпѣлъ неоднократныя крушенія, плавалъ на «льдинахъ» и т. д. Зимуя въ Маточкиномъ шарѣ, несчастная экспедиція должна была бѣгать за дровами, на разстояніе 15 верстъ, вода въ ручьѣ замерзала до дна и приходилось возить воду за 5 верстъ; хижина, сколоченная чуть ли не изъ досокъ «своими руками», не выдерживала тепла и въ ней въ шубахъ не всегда можно было согрѣться... Вотъ при какихъ условіяхъ Пахтусовъ дѣлалъ свои астрономическія измѣренія, изслѣдованія береговъ, описаніе бухтъ и гаваней, собиралъ растенія и минералы, золото и серебро, залежи каменнаго угля и проч. Труды Пахтусова на столько добросовѣстны, точны и обстоятельны, что его открытіями, картами и описаніями пользуются до сихъ поръ. Множество коммерческихъ судовъ скрываются по его указаніямъ въ безопасныхъ мѣстахъ и сообразуются съ его совѣтами, выходя въ море. По слѣдамъ Пахтусова шли и послѣдующія экспедиціи, такъ какъ имъ были намѣчены вполнѣ вѣрные и цѣнные для науки пути. Онъ умеръ 34 лѣтъ, прослуживъ 15 лѣтъ и далеко не осуществивъ всего, на что былъ способенъ. И что же? Въ половинѣ тридцатыхъ годовъ на Новой Землѣ промышляли 137 русскихъ судовъ и одно только иностранное, а въ 1870 г. русскихъ судовъ насчитывалось всего 5, а иностранныхъ болѣе сотни. Очевидно, наше мореходство на сѣверѣ не только не развилось, а совершенно упало, тогда какъ иностранцы, пользуясь совѣтами и открытіями Пахтусова, эксплоатируютъ богатства нашего сѣвера. Починъ сооруженія памятника принадлежитъ умершему генералъ-лейтенанту А. П. Андрееву, который на бывшемъ, 13-го апрѣля 1877 году, 50-ти лѣтнемъ юбилеѣ корпуса флотскихъ штурмановъ, напомнилъ офицерамъ этого корпуса о заслугахъ покойнаго и выразилъ желаніе ходатай-

ствовать объ открытіи подписки на сооруженіе памятника, на что въ маѣ мѣсяцѣ того же года послѣдовало высочайшее соизволеніе. Составленный профессоромъ Петербургской академіи художествъ, Н. І. Лаверецкимъ, проектъ памятника утвержденъ государемъ въ 1884 году и приступлено къ кладкѣ фундамента. Окончательно же памятникъ установленъ 24-го сентября нынѣшняго года. Бронзовая фигура въ 3 аршина 8 вершковъ представляетъ Пахтусова во весь ростъ въ мундирѣ и въ спущенной съ одного плеча шинели формы 30 годовъ. Въ правой рукѣ онъ держитъ карту Новой Земли, развернутую до мыса Долгаго, т. е. до предѣла его изысканій и работъ. Фигура поставлена на гранитномъ пьедесталѣ высотою 4 аршина 10 вершковъ. На передней части пьедестала надпись:

П. К. Пахтусову,
изслѣдователю Новой Земли,
1832—1835.

Подъ надписью вдѣланъ въ пьедесталъ носъ баркаса изъ бронзы. На сторонѣ пьедестала, обращенной къ штурманскому училищу, красуется бронзовый же гербъ Кронштадта и подъ нимъ надпись «Трудъ». На лѣвой сторонѣ бронзовый барельефъ, состоящій изъ коммерческаго флага на крестъ съ якоремъ и мореходными инструментами и подъ нимъ надпись «Отвага». На правой — такой же барельефъ, только съ военнымъ флагомъ и надписью «Польза» Вѣсъ пьедестала 1,000 пудъ, фигуры—60 пуд. Первый сдѣланъ въ Петербургѣ въ монументной мастерской А. Л. Баринова, а фигура и барельефы отлиты въ петербургской бронзовой фабрикѣ А. Моранъ. Отдѣлка и установка пьедестала и фигуры обошлись въ 9,200 рублей.

Семидесятипятилѣтняя годовщина лицея. 19-го октября Александровскій лицей праздновалъ наступленіе 76 года своего существованія. Изъ этихъ трехъ четвертей вѣка, бо́льшая часть приходится на петербургскій лицей (43 года) и 32 на лицей царскосельскій. Перенесенный въ 1843 году изъ флигеля царскосельскаго дворца въ зданіе бывшаго Сиротскаго института на Выборгской сторонѣ, лицей временъ Пушкина измѣнилъ программу своихъ курсовъ (изъ четырехъ полуторагодичныхъ сдѣлано шесть годичныхъ) но сохранилъ духъ и традиціи эпохи нашего великаго поэта. Въ зданіе лицея, въ завѣтный день его основанія, собралось болѣе 300 лицеистовъ всѣхъ курсовъ, кромѣ первыхъ, изъ которыхъ уже никого не осталось въ живыхъ. Послѣ молебствія, за завтракомъ, читались рѣчи, стихи бывшихъ и нынѣшнихъ лицеистовъ, гг. Зотова, Перетца, Ермолова, Саломона, провозглашались тосты. Присутствующимъ раздавались изданныя къ этому дню сочиненія «Памятная книга Александровскаго лицея на 1886 годъ» и «Puschkiniana», библіографическій указатель статей о жизни Пушкина, его сочиненій и произведеній искусствъ: живописи, скульптуры, музыки, вызванныхъ этими сочиненіями. Указатель составленъ весьма тщательно В. И. Межовымъ, но, по сознанію самого составителя, неполонъ, хотя и заключаетъ въ себѣ однихъ литературныхъ нумеровъ 3,174. Во всякомъ случаѣ къ пятидесятилѣтней годовщинѣ смерти поэта, наступающей въ январѣ 1887 года, сборникъ г. Межова даетъ много полезныхъ указаній. Въ «Памятной книжкѣ», кромѣ статистическихъ данныхъ о воспитанникахъ лицея и ихъ бывшихъ и нынѣшнихъ начальникахъ, помѣщенъ очеркъ исторіи лицея за послѣднее 25-тилѣтіе (1861—1886), составленный профессоромъ лицея Карѣевымъ. (За первое пятидесятилѣтіе исторія заведенія, написанная г. Селезневымъ, издана въ 1861 году). Въ очеркѣ г. Карѣева встрѣчается нѣсколько интересныхъ фактовъ, относящихся, однако, болѣе къ внѣшней, а не къ внутренней сторонѣ заведенія. Весьма полезный отдѣлъ, не имѣвшійся въ исторіи 50-ти-лѣтія, составляютъ некрологи выдающихся лицеистовъ и ихъ профессоровъ и начальства. Такъ, въ книгѣ помѣщены обстоятельныя жизнеописанія принца Петра

Георгіевича Ольденбургскаго, профессоровъ Перевлѣсскаго, Шульгина. Никольскаго, Лапшина, Бауера и друг. и лицеистовъ: кн. Горчакова, М. А. Корфа, Шварца (живописца), Ю. В. Толстого, Н. Я. Данилевскаго, Д. Н. Замятнина и друг. Къ сожалѣнію, не показаны умершіе до 1861 года. Между тѣмъ, списокъ этотъ показалъ бы наглядно, сколько замѣчательныхъ личностей вышло изъ стѣнъ лицея на всѣ поприща государственной и общественной жизни.

Археологическое Общество. Въ засѣданіи восточнаго Отдѣленія археологическаго Ѳбщества, предсѣдатель сдѣлалъ сообщеніе «о седьмомъ международномъ съѣздѣ оріенталистовъ въ Вѣнѣ». Представивъ общую характеристику съѣзда и сообщивъ подробности какъ относительно состава съѣзда, такъ и задачъ, послужившихъ предметомъ разработки, докладчикъ съ особеннымъ вниманіемъ остановился на вопросѣ о богатомъ собраніи папирусовъ, пріобрѣтенныхъ эрцгерцогомъ Райнеромъ и тщательно изучаемыхъ въ настоящее время такими учеными, какъ Карабачекъ, Вессели и Краль, которые, по мѣрѣ хода своихъ работъ, публикуютъ результаты своихъ изслѣдованій въ особомъ изданіи «Mittheilungen aus der Sammlung der Papyrus Erzherzog Rainer». Въ составъ этой коллекціи входятъ 15,000 греческихъ папирусовъ, 4,000 арабскихъ, 1,000 коптскихъ, а также въ небольшомъ числѣ папирусы гіероглифическіе, демотическіе, эѳіопскіе, латинскіе и сирійскіе. Къ этой же коллекціи относятся древніе документы, писанные на пергаментѣ и на бумагѣ и датированные съ I по VII вѣкъ по Р. Хр., чѣмъ уясняется вопросъ о времени изобрѣтенія писчей бумаги. Что же касается содержанія новооткрытыхъ памятниковъ, это попреимуществу документы юридическаго и бытоваго характера; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этихъ же свиткахъ открыто неканоническое евангеліе, относимое къ III вѣку, болѣе 200 стиховъ Иліады, отрывки изъ Ѳукидида, изъ Платоновыхъ діалоговъ, изъ Аристотеля, Эсхила и Исократа.

† 11-го ноября, въ Петербургѣ, профессоръ хирургіи въ медико-хирургической академіи, **Сергѣй Петровичъ Коломнинъ**, одинъ изъ достойнѣйшихъ представителей русской науки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, одинъ изъ достойнѣйшихъ людей. Дворянинъ по происхожденію, онъ родился въ Петербургѣ 25-го сентября 1842 года, учился въ архангельской гимназіи и затѣмъ поступилъ въ медико-хирургическую академію, гдѣ окончилъ курсъ, въ 1865 году, со степенью лѣкаря, причемъ награжденъ серебряною медалью, съ назначеніемъ ординаторомъ первой госпитальной хирургической клиники. Въ 1869 году, Коломнинъ удостоенъ степени доктора медицины и назначенъ ассистентомъ второй госпитальной хирургической клиники. Въ 1871 году, опредѣленъ приватъ-доцентомъ медико-хирургической академіи по каѳедрѣ хирургіи. Въ 1872 году, избранъ доцентомъ по каѳедрѣ теоретической хирургіи съ хирургическою госпитальною клиникой въ университетѣ св. Владиміра въ Кіевѣ. Въ 1876 году, находился въ командировкѣ консультантомъ по хирургіи при Мораво-Тимокской арміи въ Сербіи, а въ 1877 году, консультантомъ Общества Краснаго Креста по хирургіи же, въ тылу дѣйствующей арміи. Въ 1879 году, переведенъ въ императорскую медико-хирургическую академію ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ оперативной хирургіи съ хирургической анатоміей.

Искренно преданный наукѣ, С. П. Коломнинъ отдавалъ ей все свое время не только въ стѣнахъ академіи, но и у себя дома. Обширныя знанія, соединенныя съ необычайной ясностью изложенія, всегда привлекали на его лекціи массу слушателей и онъ справедливо считался однимъ изъ выдающихся дѣятелей въ своей спеціальности. Какъ человѣкъ, онъ пользовался общимъ уваженіемъ за свою рѣдкую доброту, прямодушіе и высокую честность. Неудачный исходъ операціи, произведенной имъ въ клиникѣ надъ одной больной, имѣлъ для него роковыя послѣдствія. Требовательный и

строгій къ другимъ, и еще болѣе къ самому себѣ, онъ обвинилъ себя въ смерти оперированной имъ больной и покончилъ жизнь выстрѣломъ изъ револьвера. Въ лицѣ С. П. Коломнина русская наука и общество понесли тяжелую и не скоро вознаградимую утрату.

† 7-го ноября въ Петербургѣ, отъ паралича бывшій министръ народнаго просвѣщенія, почетный членъ академіи наукъ, статсъ-секретарь, членъ государственнаго совѣта, **Александръ Васильевичъ Головнинъ.** Близкій сотрудникъ великаго князя Константина Николаевича и дѣятелей освобожденія крестьянъ, призванный управлять министерствомъ народнаго просвѣщенія въ трудную и смутную эпоху университетскихъ броженій, Головнинъ былъ творцомъ университетскаго устава 1863 года и широкою рукою старался водворить у насъ пріемы и способы западнаго просвѣщенія, для чего въ небывалыхъ дотолѣ размѣрахъ организовалъ отправку за границу молодыхъ ученыхъ, поставивъ главою надъ ними Н. И. Пирогова. Не всѣ безъ исключенія отправленные за границу оправдали возложенныя на нихъ ожиданія, но никто не рѣшится отрицать въ дѣйствіяхъ покойнаго искреннее желаніе добра и успѣховъ русскому просвѣщенію. Съ живымъ, серьёзнымъ, неустаннымъ интересомъ, относился онъ ко всему, что касалось горячо имъ любимой Россіи, до самыхъ послѣднихъ дней своихъ. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ цѣльныхъ и искреннихъ западниковъ и умѣлъ соединить утонченную, чрезвычайно рѣдкую и даже вовсе забытую въ наше время вѣжливость съ твердостью взглядовъ и точностью выраженій. Старый лицеистъ X курса, человѣкъ сороковыхъ годовъ, онъ былъ истиннымъ государственнымъ человѣкомъ съ привѣтливыми пріемами, сквозь которые всегда проглядывали и рѣдкое, по своей многосторонней солидности, образованіе, и глубина взглядовъ, за которою чувствовалось теплое чувство, не умѣвшее старѣть; онъ умеръ 66 лѣтъ.

† Въ Москвѣ на 79 году одинъ изъ лучшихъ переводчиковъ Шекспира, **Николай Христофоровичъ Кетчеръ.** Покойный былъ чуть ли не послѣднимъ оставшимся въ живыхъ представителемъ того литературнаго кружка сороковыхъ годовъ, въ который входили Грановскій, Бѣлинскій, Кавелинъ, Герценъ и друг. По профессіи Кетчеръ былъ медикомъ.

† 21-го октября, въ сельцѣ Черкизовѣ, близь станціи Сходно Николаевской желѣзной дороги, **Сергѣй Алексѣевичъ Приклонскій**, составившій себѣ извѣстность писателя-публициста, рядомъ серьёзныхъ статей, помѣщавшихся въ московскихъ и петербургскихъ газетахъ, по вопросамъ о внутренней жизни. Покойный родился въ 1846 году въ Москвѣ, гдѣ его отецъ былъ священникомъ Ваганьковскаго кладбища. Подъ руководствомъ отца, онъ получилъ первоначальное воспитаніе; затѣмъ поступилъ въ Виѳанскую семинарію, по окончаніи курса которой поступилъ въ Московскій университетъ, откуда вышелъ по юридическому факультету въ 1869 году. Съ 1869 по 1879 годъ, онъ служилъ по министерству внутреннихъ дѣлъ въ Олонецкой и Владимірской губерніяхъ. За это время, въ бытность свою правителемъ канцеляріи олонецкаго губернатора, онъ раскрылъ массу злоупотребленій въ казенномъ лѣсномъ хозяйствѣ, чѣмъ пріобрѣлъ себѣ много враговъ. Не будучи въ состояніи выносить мелкихъ интригъ и непріятностей, послѣдовавшихъ за раскрытіемъ злоупотребленій, Приклонскій вышелъ въ 1879 году въ отставку и отдался публицистикѣ, которую началъ въ 1872 году статьею: «Общественныя питейныя заведенія», помѣщенною въ «Отечественныхъ Запискахъ». Въ 1879 году, въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» имъ былъ помѣщенъ рядъ писемъ изъ Олонецкой губерніи. Съ началомъ изданія газеты «Земство», онъ сталъ ея постояннымъ сотрудникомъ, причемъ велъ еженедѣльное обозрѣніе всѣхъ выдающихся явленій внутренней жизни, кромѣ того, рядъ статей по вопросамъ русскаго внутренняго быта въ 1881—1882 годахъ помѣстилъ въ «Русской Мысли». Изъ петербургскихъ журналовъ пользовались его сотрудничествомъ газета «Недѣля», гдѣ имъ помѣщено очень много разнаго содержанія ста-

тей, журналы «Дѣло» и, въ послѣднее время, «Сѣверный Вѣстникъ». Въ 1884 году, издана имъ книга «Народная жизнь на Сѣверѣ», содержащая его письма изъ Олонецкой губерніи, а въ настоящемъ году вышли отдѣльнымъ изданіемъ статьи, помѣщавшіяся въ «Недѣлѣ», «Земствѣ» и «Русской Мысли», подъ заглавіемъ «Очерки самоуправленія земскаго, городскаго и сельскаго». Погребенъ онъ въ Москвѣ, на Ваганьковскомъ кладбищѣ.

† 27-го октября одинъ изъ старѣйшихъ профессоровъ Московскаго университета по каѳедрѣ зоологіи, **Сергѣй Алексѣевичъ Усовъ**, отъ разрыва сердца, на 59 году. Онъ родился 5-го мая 1827 года, воспитывался дома, потомъ поступилъ въ московскій дворянскій институтъ, затѣмъ въ Московскій университетъ, по отдѣленію естественныхъ наукъ, на физико-математическомъ факультетѣ. На 30-мъ году онъ помѣстилъ нѣсколько небольшихъ статей по зоологіи высшихъ позвоночныхъ животныхъ въ издававшемся подъ редакціей Рулье «Вѣстникѣ Естественныхъ Наукъ», а по смерти Рулье былъ и редакторомъ этого журнала. Въ 1858 году, Усовъ началъ принимать дѣятельное участіе въ трудахъ комитета акклиматизаціи животныхъ, гдѣ, послѣ открытія, благодаря его стараніямъ, зоологическаго сада въ Москвѣ, онъ состоялъ президентомъ. Въ 1862 году, Усовъ сталъ читать лекціи въ Московскомъ университетѣ, а въ 1865 году, представилъ магистерскую диссертацію, подъ названіемъ: «Зубръ», одобренную факультетскимъ совѣтомъ; въ 1867 году написалъ докторскую диссертацію, подъ заглавіемъ: «Таксономическія единицы и группы», касавшуюся вопросовъ о видѣ и высшихъ группахъ въ зоологической классификаціи, и получилъ званіе ординарнаго профессора зоологіи эту каѳедру онъ занималъ почти впродолженіе 20 лѣтъ. Въ 1873 году, Усовъ вмѣстѣ съ Л. П. Сабанѣевымъ принялся за изданіе журнала «Природа и охота», въ которомъ помѣстилъ нѣсколько изслѣдованій, между прочимъ, «Сиватерій», «Носорогъ» и проч. Кромѣ того, онъ много работалъ по исторіи искусствъ, археологіи и другимъ общеобразовательнымъ предметамъ. Въ послѣднее время, его много занималъ вопросъ о древнѣйшей архитектурѣ русскихъ церквей. Въ Московскомъ университетѣ Усовъ пользовался значительнымъ вліяніемъ между своими коллегами, подчинявшимися силѣ его убѣжденія и энергіи его доводовъ. Онъ горячо стоялъ за университетское самоуправленіе, въ которомъ, не занимая оффиціальной роли, былъ, однако, однимъ изъ главныхъ руководителей почти до самаго введенія новаго университетскаго устава. Его любили, какъ хорошаго товарища, живо интересовавшагося всѣмъ, что касается университета и своихъ коллегъ; его мнѣніямъ придавали значеніе, въ виду ихъ независимости, убѣдительности и отсутствія личнаго интереса...

† 8-го октября 1886 года членъ виленской археографической коммиссіи **Семенъ Вуколовичъ Шолковичъ**. Происходя отъ древняго дворянскаго рода Шолковичей, предки которыхъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ вели съ поляками борьбу за православную вѣру и русскую народность, покойный родился 3-го мая 1840 года въ селѣ Тонѣшахъ, Мозырскаго уѣзда, Минской губерніи, и какъ сынъ православнаго священника получилъ образованіе въ минской духовной семинаріи, а потомъ въ Кіевскомъ университетѣ, изъ котораго вышелъ въ 1863 году со степенью кандидата. Въ томъ же году С. В. Шолковичъ былъ назначенъ учителемъ русскаго языка и словесности въ виленскій дворянскій институтъ; съ преобразованіемъ же института въ реальную прогимназію, а потомъ (въ 1868 году) въ реальное училище, онъ продолжалъ свое педагогическое поприще въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ до конца жизни, посвятивъ такимъ образомъ великому дѣлу воспитанія около четверти вѣка. Съ самаго начала своей службы покойный посвящалъ свои досуги литературнымъ занятіямъ сперва въ скромной роли сотрудника мѣстнаго органа—«Виленскій Вѣстникъ», и корреспондента «Московскихъ Вѣдомостей» и газеты «День», а потомъ самостоятельными работами, изъ кото-

рыхъ первымъ его трудомъ было изслѣдованіе «О тайныхъ обществахъ въ польскихъ школахъ Западнаго края». Занятія этого рода принесли покойному нѣкоторое испытаніе, такъ какъ въ административныхъ сферахъ Виленскаго края было время, когда публицистическая дѣятельность подвергалась запрету и полному осужденію, но со вступленіемъ въ управленіе краемъ М. Н.Муравьева Шолковичъ былъ избавленъ отъ серьёзныхъ непріятностей. Въ 1870 году, покойный былъ назначенъ членомъ виленской археографической коммиссіи, получивъ такимъ образомъ возможность заняться историческими изслѣдованіями. Съ любовью и необычайнымъ трудолюбіемъ производя разборку и изданіе историческихъ документовъ, Шолковичъ, между прочимъ, принималъ участіе въ составленіи сборника палеографическихъ снимковъ древнихъ гравюръ и актовъ, хранящихся въ виленскомъ центральномъ архивѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ участвовалъ въ «Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ», написалъ весьма основательный разборъ III-го тома «Живописной Россіи», изданія Вольфа, посвященнаго Литвѣ и Бѣлоруссіи,—разборъ, показавшій въ истинномъ свѣтѣ это полонофильское произведеніе (см. библіографическую замѣтку въ «Историческомъ Вѣстникѣ», т. XVI, стр. 431) и составилъ «Сборникъ статей, разъясняющихъ польское дѣло по отношенію къ Западной Россіи» (см. «Историческій Вѣстникъ, т. XXIII, стр. 470), второй выпускъ котораго былъ оконченъ покойнымъ лишь на половину. Къ числу болѣе солидныхъ учено-литературныхъ трудовъ его слѣдуетъ отнести монографію: «О границахъ польской короны и великаго княжества Литовско-Русскаго». Этотъ кропотливый трудъ, составленный по граничному журналу 1546 года, былъ напечатанъ въ VIII выпускѣ «Памятниковъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ», изд. П. Н. Батюшковымъ.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

По поводу замѣтки «Историческая могила».

Въ сентябрской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», г. Е. С., сообщая нѣсколько свѣдѣній (давно извѣстныхъ уже мнѣ, какъ исторіографу своего рода) о пребываніи и кончинѣ князя Василія Василіевича (Великаго) Голицына въ Архангельской губерніи, заканчиваетъ свою замѣтку словами: «Въ настоящее время, на различныхъ ступеняхъ государственнаго служенія подвизается немало представителей именитой фамиліи Голицыныхъ. Потомкамъ Василья Васильевича не худо было бы почтить память своего знаменитаго прадѣда сооруженіемъ памятника надъ его могилою».

Этотъ косвенный упрекъ относится не къ однимъ потомкамъ князя Василья Васильевича, даже не къ представителямъ какого либо одного рода нашего боярства и знати, но къ большинству ихъ, чуть ли не ко всѣмъ!...

Дѣйствительно, гробницы нашихъ предковъ—въ небреженіи, даже многихъ изъ тѣхъ, коихъ память живетъ между нами «съ похвалами». Не желая защищать нашего равнодушія, часто сказывающагося не только къ бреннымъ остаткамъ родичей, но даже къ ихъ дѣяніямъ и судьбамъ, слѣдуетъ замѣтить, что въ печальномъ состояніи гробницъ и надгробныхъ камней нашихъ «прадѣдовъ» отчасти виноваты и тѣ церкви и монастыри (особенно послѣдніе), которые часто щедро и очень щедро [1]) награждались знаме-

[1]) Это не можетъ, впрочемъ, относиться къ Красногорскому монастырю, ибо князь Василій Васильевичъ умеръ въ бѣдности и изгнаніи.

нитымъ предкомъ при жизни его, или по завѣщанію, въ надеждѣ, что братія будетъ постоянно совершать ежегодныя поминанія, блюсти и охранять могилу. Время идетъ; въ первые годы, молились, безъ сомнѣнія, о щедромъ и знатномъ «бояринѣ», родъ еще не размножался, было кому смотрѣть за исправностью памятника, къ тому же, въ началѣ, вовсе не требовавшаго ремонта; но затѣмъ родъ дробится, потомки множатся... Кому охранять памятникъ? Чья это обязанность? Монастырское начальство не прилагаетъ стараній даже о самомъ ничтожномъ, необходимомъ ремонтѣ. Оно тоже не трудится навести справки о ближайшихъ потомкахъ (что̀ не представляло бы затрудненій, ибо это можно даже дѣлать путемъ печати), и камень, плита, надпись, памятникъ, представляющій даже иногда художественную цѣнность, ломится въ прахъ, и самъ собою напоминаетъ тщету и непрочность всего земнаго, даже массивныхъ каменныхъ глыбъ, прикрывающихъ прахъ предковъ, для увѣковѣченія ихъ памяти.

Равнодушіе духовенства, церквей и монастырей къ нашимъ семейнымъ гробницамъ часто невѣроятно.

Князь М. А. Оболенскій, предки коего внесли когда-то щедрые вклады въ одинъ изъ первоклассныхъ монастырей московскихъ (Симоновъ или Донской?), посѣтилъ однажды родовое кладбище, на которомъ съ трудомъ нашелъ слѣды могильныхъ памятниковъ и надгробныхъ камней своего рода, только одно запустѣніе! Впечатлѣніе, которое онъ вынесъ, не послужило на пользу духовенству.

Въ половинѣ 1870-хъ годовъ, послѣ его кончины, единственная его наслѣдница ни за что не согласилась ни продать, ни подарить въ собственность духовному вѣдомству небольшую дачу, занимаемую издавна православными архіереями (въ Подольской губерніи), построенную на землѣ, безспорно принадлежавшей ея отцу, а потомъ ей.

Мы слышали сами отъ нея разсказъ о негодованіи кн. Михаила Андреевича на монастырское духовенство, на неблагодарность послѣдняго, и что поэтому именно она не желаетъ дѣлать вкладовъ на пользу чернаго духовенства.

А вотъ и другой примѣръ: въ слободѣ Мстёрѣ, Вязниковскаго уѣзда, подъ мѣстною церковью, находится семейная усыпальница князей Ромодановскихъ. Двѣнадцать гробницъ стоятъ рядомъ, но признаки надписей сохранились только на двухъ плитахъ. Кто эти усопшіе? Покоится ли между ними прахъ князя-кесаря? И кто виноватъ въ этомъ запустѣніи и забвеніи? Потомки или причтъ мѣстной церкви, построенной и обезпеченной этими забытыми предками?..

Примѣры приводить, впрочемъ, излишне. Напротивъ, охраненіе и исправность памятниковъ скорѣе составляютъ у насъ исключеніе. Въ лучшихъ условіяхъ находятся лишь тѣ памятники, которые устроены внутри самыхъ церквей, подъ постояннымъ и какъ бы невольнымъ наблюденіемъ и контролемъ молящихся и церковнаго причта. Памятники Безбородко въ Александро-Невской, Румянцева—въ Кіево-Печерской лаврѣ, а также могильныя плиты и надписи многихъ князей Голицыныхъ, покоящихся въ церкви и придѣлахъ московскаго Богоявленскаго монастыря, безъ сомнѣнія, всегда будутъ въ цѣлости и сохранности.

Но теперь дѣло идетъ о могилѣ великаго боярина, окончившаго жизнь далеко, въ ссылкѣ, среди дикой, полярной природы, въ снѣжныхъ, безлюдныхъ пустыняхъ. Тутъ еще понятнѣе,—какимъ образомъ могила его могла прійдти, втеченіе 172 лѣтъ, въ запустѣніе и раззореніе.

Есть еще иныя причины, затрудняющія поддержку памятниковъ предковъ, особенно, когда они умирали далеко или въ ссылкѣ. Сколько трудовъ стоило князю Александру Сергѣевичу Меншикову розысканіе праха князя Александра Даниловича въ Березовѣ! А о князѣ Васильѣ Васильевичѣ ошибочно, въ добавокъ, сообщалось до сихъ поръ, будто онъ умеръ въ Холмогорахъ: такъ гласили всѣ наши печатные источники [1]). Разстоянія далекія, въ старину были и дебри, трудно проходимыя, мѣстныхъ рабочихъ нѣтъ, надо везти памятникъ изъ Питера или Москвы, ѣздить присматривать, хлопотать у разныхъ начальствъ и проч.

Наконецъ, еще причина: постановка такихъ памятниковъ не легка и не дешева, а всѣмъ извѣстно современное дворянское оскудѣніе...

Но, не смотря на это оскудѣніе, полагаемъ, что не одни прямые потомки князя Василья Васильевича съ удовольствіемъ внесли бы свой вкладъ на это семейное дѣло. Потомки его (принадлежавшаго къ старшей линіи князей Голицыныхъ—Васильевичамъ) составляютъ весьма немногочисленную семью (человѣкъ 6—8), не занимающую виднаго положенія на государственной службѣ. Это его пра-пра-пра-правнуки, или шестое отъ него колѣно. Всѣ остальные князья Голицыны принадлежатъ къ 3-й и 4-й линіямъ (Алексѣевичамъ и Михайловичамъ), но все же они составляютъ одинъ родъ, который поистинѣ можетъ гордиться славнымъ именемъ и исторической личностью ближняго боярина князя Василія Васильевича.

Желая смягчить рѣзкость косвеннаго упрека, дѣлаемаго г. Е. С.. мы вмѣстѣ съ тѣмъ спѣшимъ заявить и полное одобреніе его мысли—возобновить или даже поставить новый памятникъ въ Красногорскомъ монастырѣ. Пожертвованія могли бы, впредь до накопленія достаточной суммы для выполненія заказа или ремонтной только работы, съ разрѣшенія настоятеля монастыря (съ которымъ, я уже состоялъ въ перепискѣ), сосредоточиваться на мѣстѣ, у казначея братіи (въ Красногорскій монастырь, чрезъ г. Пинегу). Срокъ подписки слѣдовало бы назначить двухлѣтній. Веденіе этого дѣла я готовъ принять на себя. Желательно, чтобы главнѣйшія періодическія изданія перепечатали настоящее приглашеніе для оповѣщенія большинства князей Голицыныхъ, читающихъ газеты. Для сношеній со мною, прилагаю и свой адресъ: Петербургъ, Николаевская, 50.

Князь Н. Н. Голицынъ.

Въ защиту «Предсмертнаго увѣщанія В. Н. Татищева сыну».

Къ 200-лѣтнему юбилею В. Н. Татищева, отпразднованному минувшаго 19 апрѣля 1886 года, мы помѣстили въ апрѣльской книгѣ «Журнала министерства народнаго просвѣщенія» крайне интересное «Предсмертное увѣщаніе Татищева сыну», доселѣ неизвѣстное, открытое нами, въ рукописи XVIII вѣка, въ г. Соликамскѣ Пермской губерніи года три тому назадъ. Въ этой, рукописи «Увѣщаніе» помѣщено послѣ «Духовной» того же В. Н. Татищева. Для характеристики Татищева это «Увѣщаніе», сказанное предъ смертью отцемъ сыну (Евграфу Васильевичу Татищеву), служитъ очень важнымъ источникомъ. Записано оно неизвѣстнымъ лицомъ, несомнѣнно бывшимъ сви-

---

[1]) Онъ скончался въ селѣ Кологорахъ, подъ гор. Пинегою. Въ селѣ этомъ у него былъ собственный домъ. (См. мои «Матеріалы для полной родословной росписи князей Голицыныхъ», Кіевъ, 1880, 4°, стр. 11-я).

дѣтелемъ кончины Татищева, и, нужно сказать, записано тщательно, со всей возможной полнотой. Болѣе подробныя библіографическія свѣдѣнія объ этомъ памятникѣ приведены нами въ замѣткѣ предъ текстомъ самаго «Увѣщанія» въ указанной книгѣ «Журнала мин. нар. просвѣщенія».

Какъ было когда-то съ «Духовной» В. Н. Татищева, на этотъ интересный памятникъ, при его появленіи въ печати, обращено было мало вниманія и, сколько намъ извѣстно, только казанскіе ученые, чествуя юбилей Татищева, оцѣнили его по достоинству. Мало того, «Увѣщаніе» даже не удостоилось внимательнаго прочтенія такихъ лицъ, отъ которыхъ менѣе всего можно было бы ожидать подобнаго равнодушія къ интересной научной находкѣ и которымъ такое равнодушіе менѣе всего простительно.

Въ подтвержденіе сказаннаго укажемъ на ученую рѣчь о Татищевѣ извѣстнаго его біографа Нила Ал. Попова. Эта рѣчь была произнесена въ торжественномъ собраніи императорской академіи наукъ въ день юбилея Татищева 19 апрѣля 1886 года и затѣмъ напечатана въ іюньской книгѣ «Журнала министерства народн. просв.» подъ заглавіемъ: «Ученые и литературные труды В. Н. Татищева». Въ концѣ этой рѣчи, упомянувъ о смерти Татищева, послѣдовавшей 15 іюля 1750 года, почтенный ученый счелъ нужнымъ сдѣлать подстрочное примѣчаніе относительно открытаго нами «Увѣщанія». Въ виду его краткости, приведемъ его сполна. «Въ общемъ, — говоритъ г. Поповъ, — «Увѣщаніе» не противорѣчитъ характеру и убѣжденіямъ Татищева, но кидается въ глаза разногласіе между показаніями записавшаго будто бы на память это увѣщаніе: сперва говорится, что Татищевъ скончался во время соборованія при чтеніи седьмаго евангелія, а потомъ говорится, что онъ умеръ при послѣднихъ словахъ сказаннаго имъ, довольно длиннаго для умирающаго человѣка, увѣщанія. Еще страннѣе,—продолжаетъ г. Поповъ,—что Татищевъ, говоря съ сыномъ при его женѣ и сынѣ, нашелъ будто бы нужнымъ дать ему совѣтъ и на случай смерти присутствовавшей тутъ же этой самой жены! О присутствіи при этомъ другихъ лицъ, въ томъ числѣ и записавшаго увѣщаніе, не сказано»[1]).

Прочитавъ эту коротенькую замѣтку, мы были немало удивлены ею, такъ какъ съ одной стороны она приписываетъ «Увѣщанію» то, чего въ немъ вовсе нѣтъ, а съ другой, при всей своей краткости, содержитъ въ себѣ именно такое же логическое противорѣчіе, какимъ она попрекаетъ «Увѣщаніе».

Въ предсмертномъ увѣщаніи Татищева нигдѣ не говорится, что онъ умеръ при чтеніи седьмаго евангелія. Эти слова мы привели изъ воспоминаній Благово, основанныхъ на разсказахъ внука В. Н. Татищева, Ростислава Евграфовича (который, замѣтимъ кстати, при смерти дѣда былъ еще отрокомъ), и перепечатанныхъ самимъ же г. Поповымъ въ его книгѣ: «Татищевъ и его время» (М., 1861 г., стр. 528—529). Нынѣ г. Поповъ увидалъ ихъ въ «Увѣщаніи» только потому, что не прочиталъ внимательно всей нашей статьи объ этомъ памятникѣ. На самомъ же дѣлѣ никакого внутренняго противорѣчія въ «Увѣщаніи» нѣтъ, и удивленіе г. Попова есть критическій промахъ, плодъ его недостаточнаго вниманія къ памятнику.

Во второй половинѣ своей категорической замѣтки г. Поповъ выражаетъ еще большее удивленіе тому, что умирающій отецъ, «говоря съ сыномъ при его женѣ и сынѣ, нашелъ будто бы нужнымъ дать ему совѣтъ и на

---

[1]) «Журн. м. н. п.», 1886 г., іюнь, примѣчаніе на стран. 247 и 248.

случай смерти присутствовавшей тутъ же этой самой жены». Мы, съ своей стороны, удивляемся тому, что г. Поповъ и тутъ показанія записокъ Благово смѣшиваетъ съ показаніями вновь открытаго памятника, изъ котораго вовсе не видно, что бы при смерти В. Н. Татищева, кромѣ его сына, присутствовала и жена послѣдняго, какъ говорится о томъ у Благово. Предъ «Увѣщаніемъ» въ нашей рукописи помѣщено письмо неизвѣстнаго очевидца смерти Татищева къ неизвѣстному же лицу; это письмо заканчивается словами: «Завѣщаніе сіе, по призваніи имъ своего сына, было слѣдующаго содержанія»... (слѣдуетъ текстъ памятника). О невѣсткѣ В. Н. Татищева, какъ видимъ, не упомянуто. Позади текста «Увѣщанія» тотъ же очевидецъ кончины Татищева замѣчаетъ: «Тогда (т. е. по окончаніи увѣщанія) далъ онъ знакъ, чтобъ сынъ къ нему подошелъ и, положа руку свою на него, благословлялъ его тако» (приводятся подлинныя слова умирающаго). О невѣсткѣ Татищева опять ни слова! Между тѣмъ, если бы она присутствовала у одра умирающаго, то послѣдній несомнѣнно благословилъ бы сына и жену его вмѣстѣ. Такимъ образомъ, и въ этомъ случаѣ г. Поповъ опять смѣшиваетъ показанія совершенно разныхъ источниковъ и слишкомъ преждевременно и неосновательно выражаетъ свое удивленіе, заставляя тѣмъ самымъ и другихъ удивляться. Другой вопросъ, конечно,— который изъ этихъ источниковъ достовѣрнѣе?

Все вышесказанное приводитъ насъ къ убѣжденію въ томъ, какъ поверхностно взглянулъ на вновь открытый памятникъ лучшій знатокъ біографіи В. Н. Татищева. Заявленіе весьма авторитетнаго въ этомъ вопросѣ лица легко можетъ быть принято на вѣру другими, и ошибки одного лица будутъ повторяться много разъ. Между тѣмъ самый памятникъ, какъ видитъ читатель, вовсе не заслуживаетъ столь пренебрежительнаго къ нему отношенія. Напротивъ, для характеристики В. Н. Татищева это очень важный источникъ, вовсе не достойный того, чтобъ его постигла судьба «Духовной» Татищева, которая, какъ извѣстно, долго была предана совершенному забвенію, пока извѣстный біографъ Татищева, профессоръ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, въ 1875 году, не указалъ на принадлежность Татищеву сочиненія, напечатаннаго въ 1855 г. въ «Отечественныхъ Запискахъ», какъ новое, будто бы неизвѣстное дотолѣ «Завѣщаніе помѣщика сыну».

Съ цѣлью вызвать большее вниманіе къ «Увѣщанію» В. Н. Татищева мы и написали настоящую критическую замѣтку. Это вниманіе особенно необходимо именно теперь, въ виду предпринятаго нашей академіей наукъ полнаго изданія всѣхъ сочиненій В. Н. Татищева.

Александръ Дмитріевъ.

Въ ноябрской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», въ статьѣ В. В. Стасова: «Пятидесятилѣтіе оперы «Жизнь за царя», стр. 367, при печатаніи переставлены, по ошибкѣ, ноты, а именно: 2-я тема («Какъ мать убили» и т. д.) должна стоять подъ текстомъ: «Правая боковая сторона: налѣво три темы изъ «Жизни за царя», а поставленная подъ этимъ текстомъ тема («Лель таинственный!»... и т. д.) подъ текстомъ: «Направо—три темы изъ «Руслана».

УКАЗАТЕЛЬ[1]

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

1886 г.

А.

---

[1] Въ настоящій „Указатель“ не включены фамиліи писателей, упоминаемыхъ въ третьемъ выпускѣ „Обзора жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей“, приложенномъ къ декабрской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“, на томъ основаніи, что всѣ эти фамиліи расположены въ „Обзорѣ“ въ алфавитномъ порядкѣ.

Б.

В.

Г.

Д.

З.

И.

І.

К.

Л.

M.

Н.

П.

Р.

С.

У.

Щ.

УКАЗАТЕЛЬ
ГРАВЮРЪ,
ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ
„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“
1886 г.

Портреты.

Снимки съ картинъ.

Виды городовъ, мѣстностей и зданій.

Бытовые и другіе рисунки.

ОБЗОРЪ

ЖИЗНИ И ТРУДОВЪ

ПОКОЙНЫХЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

Д. Д. ЯЗЫКОВА

Что люди? Что ихъ жизнь и трудъ?
Они прошли, они пройдутъ!
Надежда есть: ждетъ правый судъ...

Лермонтовъ.

ВЫПУСКЪ ТРЕТІЙ

Русскіе писатели, умершіе въ 1883 году

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

1886

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 Декабря 1886 г.

Издавая третій выпускъ своего труда, считаемъ долгомъ поблагодарить нѣсколькихъ лицъ (Н. Бахтина изъ Кіева, проф. Н. Ковалевскаго изъ Казани, И. Сержпутовскаго изъ Петербурга и N... изъ Москвы), приславшихъ или прямо по нашему адресу, или чрезъ редакцію «Историческаго Вѣстника», дополненія и поправки къ «Обзору жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей». Эти сообщенія, въ связи съ новыми матеріалами, какіе собраны и нами, позволяютъ дополнить или исправить свѣдѣнія о слѣдующихъ покойныхъ авторахъ, названныхъ въ первомъ выпускѣ нашего труда:

Антроповъ, Л. Н. — Имъ доставлены въ копіи «Записки Г. И. Добрынина» для помѣщенія въ «Русской Старинѣ» (1871 г., т. III и IV).

Безобразова, Е. Д.—Она родилась въ 1836 году и подъ псевдонимомъ «Tatiana Svetoff» помѣстила статью: «Il romanziere russo Giovanni Turghenieff» (La Rivista Evropea, 1869 г., vol. I). Эта же писательница, подъ другимъ псевдонимомъ: «Е. Васильевская», напечатала: «Отдыхъ, два разсказа для дѣтей» (Спб., 1874 г.; второе изданіе: Спб., 1884 г.).

Васильчиковъ, князь, А. И.—Ему принадлежатъ: «Двѣ замѣтки на статью Н. В. Берга о князѣ М. Д. Горчаковѣ» (Русск. Стар., 1880 г., т. XXIX; 1881 г., т. XXX) и «Отвѣтъ псковскаго помѣщика на записку псковскаго губернатора» (тамъ же, 1881 г., т. XXX).

Григорьевъ, В. В.—Онъ напечаталъ статью: «Русская политика въ отношеніи къ Средней Азіи» (Сборникъ государственн. знаній, изданн. подъ редакціей В. П. Безобразова, Спб., 1874 г., т. I).

Достоевскій, Ѳ. М. — Нами не упомянуты его произведенія: «Ползунковъ», разсказъ (Иллюстрированн. Альманахъ, изданн. И. Панаевымъ и Н. Некрасовымъ, Спб., 1848 г., стр. 50—64), «Письмо къ издателю Русскаго Вѣстника» (Русск. Вѣстн., 1879 г., кн. 12) и «Изъ записной книжки» (Русск. Богатство, 1883 г., кн. 1).—Кромѣ того, уже послѣ напечатанія нашего труда, вышли въ 1886 году отдѣльными брошюрами слѣдующія извлеченія изъ «Братьевъ Карамазовыхъ» и «Записокъ изъ Мертваго дома»: «Вѣрующія бабы», «Лѣтняя пора» и «Представленіе».—Наконецъ, названные нами матеріалы для біографіи Ѳ. М. можемъ пополнить указаніями на слѣдующія изданія: «Огонекъ», 1879 г., № 2; «Всемірная Иллюстрація», 1881 г., № 6; «Отечеств. Записки», 1884 г., кн. 1; «Русск.

Старина», 1885 г., кн. 9, стр. 511—520; кн. 10, стр. 220; «Эпоха», 1886 г., кн. 1, стр. 125—132; «Историко-критическій комментарій къ сочиненіямъ Ѳ. М. Достоевскаго», В. Зелинскаго (М., 1886 г., часть третья).

Заблоцкій-Десятовскій, А. П. — Онъ сообщилъ: «Планъ исторіи е. и. в. славно царствующей надъ нами императрицы Екатерины II-й, сочиненіе князя М. М. Щербатова» (Русск. Старина, 1870 г., т. I), «Письмо къ вельможамъ, правителямъ государства, около 1787 года, сочиненіе князя М. М. Щербатова» (тамъ же, 1872 г., т. V), «Донесеніе министру государственныхъ имуществъ о встрѣчѣ кадета съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ» (тамъ же, 1870 г., т. II), «Цѣна на людей въ 1853 году» (тамъ же, 1871 г., т. IV) и «Снимокъ съ письма Н. В. Гоголя» (тамъ же, 1879 г., т. XXIV). — О самомъ А. П. появилось новое свѣдѣніе въ «Русской Мысли» (1886 г., кн. 12, стр. 624—625).

Ишимова, А. І. — Къ ея трудамъ необходимо добавить: «Императрица Марія Ѳеодоровна» (Современникъ, 1840 г., т. XX), «Іоаннъ — Амвросій Розенштраухъ, лютеранскій пасторъ въ Харьковѣ», перев. съ нѣмецкаго (Спб., 1847 г.), «Кончака, царевна татарская» (Спб., 1847 г.) и «Разсказы тети», сочиненіе миссъ Мекинтошъ, перев. съ англійскаго (Спб., 1851 г.).

Кесслеръ, К. Ѳ.—О немъ: «Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей имп. университета св. Владиміра» (Кіевъ, 1884 г., стр. 238—252). Въ этомъ «Словарѣ» значительно дополнены или исправлены наши указанія на труды К. Ѳ. Кесслера.

Колосовъ, М. А.—Его «Старославянская грамматика» вышла четырнадцатымъ изданіемъ (Варшава, 1885 г.).

Котляревскій, А. А.—О немъ подробныя свѣдѣнія находятся въ «Біографическомъ словарѣ профессоровъ и преподавателей имп. университета св. Владиміра» (Кіевъ, 1884 г., стр. 303—325).

Кугушевъ, князь, Ф. В.—Онъ родился въ 1851 году и нерѣдко писалъ подъ псевдонимомъ: «Бѣляевъ».

Лешковъ, В. Н.—Ему принадлежатъ еще слѣдующіе труды: «О литературной собственности, разсматриваемой съ точки зрѣнія народнаго права» (Юридическ. Записки, изданн. П. Рѣдкинымъ, М., 1841 г., томъ 1), «Взглядъ на состояніе права иностранцевъ по началамъ европейскаго народнаго права вообще и въ особенности по законамъ отечественнымъ» (тамъ же, М., 1842 г., т. II), «Рецензія на изданіе: Памятная книга законовъ для чиновъ городской полиціи» (Русск. Вѣстн., 1856 г., кн. 12) и «О мѣрахъ противъ воровства, грабежа и другихъ нарушеній личной и имущественной безопасности» (Зритель, 1862 г., № 1—4).—О немъ теперь напечатаны «Воспоминанія А. Н. Аѳанасьева» (Русск. Старина, 1886 г., кн. 8, стр. 388—389).

Мизко, Н. Д.—Переводы изъ Шевченка, помѣщенные въ газетѣ «Донъ» (1870 г., № 17), принадлежатъ какому-то Анатолію Икарскому; переводъ же Н. Д. Мизко напечатанъ въ той же газетѣ, но позднѣе (1871 г., № 61—63).

Миллеръ, Ѳ. Б.—Нами пропущенъ его переводъ: «Дочь короля Рене», лирическая драма Генриха Гертца (Русск. Вѣстн., 1883 г., кн. 2), а также не указано, что «Графиня» и «Сикстъ V» вышли отдѣльными изданіями (М., 1870 и 1871 г.).

Морозовъ, П. Т.—Онъ издалъ, вмѣстѣ съ проф. М. П. Розбергомъ, «Одесскій Альманахъ на 1831 годъ» (Одесса, 1831 г.).

Павловскій, И. Д.—Имъ напечатаны слѣдующія статьи: «Историкъ Малороссіи Н. А. Маркевичъ, другъ М. И. Глинки» (Русск. Старина, 1874 г., т. X), «Графъ Карлъ Осиповичъ Ламбертъ въ селѣ Циглеровкѣ» (тамъ же, т. XI), «Кириллъ Флоринскій, епископъ сѣвскій» (тамъ же, 1876 г., т. XVI), «Поправка къ Запискамъ А. С. Стурдзы» (тамъ же, 1876 г., т. XVII), «Описаніе Московіи при реляціяхъ Гр. Карлейля» (Историческ. Библіотека, 1879 г., кн. 5), «Архимандритъ Гавріилъ» (Русск. Старина, 1879 г., т. XXVI), «Ириней Нестеровичъ, архіепископъ иркутскій» (тамъ же, 1879 г., т. XXVI; 1880 г., т. XXVIII), «Объ орденѣ св. Станислава у духовныхъ лицъ православнаго исповѣданія» (тамъ же, 1883 г., т. XXXIX), «Письмо о смерти князя Безбородко» (тамъ же) и «Преслѣдованіе свѣтской одежды въ духовномъ вѣдомствѣ» (тамъ же, 1883 г., т. XL).

Пироговъ, Н. И.—О немъ: Русск. Мысль, 1885 г., кн. 8, стр. 62—70; Русск. Старина, 1886 г., кн. 5, стр. 439. — Кромѣ того, его «Записки» вышли отдѣльно подъ заглавіемъ: «Вопросы жизни, дневникъ стараго врача» (Спб., 1885 г., 464 стр.).

Писемскій, А. Ө. — Нами не указано отдѣльное изданіе повѣсти: «Тюфякъ» (М., 1850 г.), и пропущено: «Письмо по поводу сочиненій Панаева» (Время, 1861 г., кн. 1). Теперь вышло еще «Полное собраніе сочиненій А. Ө. Писемскаго», куда вошли многія не изданныя и не бывшія до сихъ поръ въ печати его произведенія, съ портретомъ автора и біографіей, составленной П. В. Анненковымъ (Спб., 1884—1886 г., двадцать томовъ).— О самомъ Писемскомъ см. «Историческ. Вѣстникъ», 1885 г., кн. 11, стр. 419—421.

Ревенеръ, Ө. Ө.—Имъ напечатаны слѣдующія статьи въ журналѣ «Учитель» (1866 г.): «Высшій принципъ педагогики», «Явленія школьной жизни», «О значеніи привычки въ воспитаніи вниманія и прилежанія», «Классическое и реальное образованіе», «Смыслъ русскихъ предлоговъ» и «Смыслъ русскихъ предложныхъ глаголовъ».

Ризниковъ, А. И.—Онъ помѣстилъ въ «Подснѣжникѣ» слѣдующія произведенія: «Жизнь и приключенія Ваньки-Кота съ минуты вступленія на корабль до конца жизни» (1858 г., кн. 10), «Пижонъ и Тифонъ» (1859 г., кн. 5 и 6) и «Бѣлка» (1860 г., кн. 6).

Романовскій, Д. И. — Не названа его статья: «Князь М. С. Воронцовъ и князь А. И. Барятинскій» (Русск. Старина, 1881 г., кн. 4).

Романовъ, І. К.—Его «Уроки церковной исторіи» вышли вторымъ изданіемъ (Спб., 1885 г., 217 стр.).

Толстой, Ө. М.—Пропущены его статьи, напечатанныя въ «Русской Старинѣ»: «Воспоминанія по поводу Записокъ М. И. Глинки» (1871 г., т. III), «О потомкахъ князя М. И. Голенищева-Кутузова» (1872 г., т. V) и «Александръ Николаевичъ Сѣровъ» (1874 г., т. IX).

Щербининъ, М. П.—Его статьи въ «Русской Старинѣ»: «Замѣтка по поводу разсказа о дѣлѣ флигель-адъютанта Копьева» (1873 г., т. VII), «Характеристика князя А. В. Суворова» (1875 г., т. XIII) и «Князь А. А. Суворовъ» (1876 г., т. XV).

Съ другой стороны, наши собственныя розысканія и замѣчанія, присланныя отъ названныхъ выше лицъ, дополняютъ или исправляютъ свѣдѣнія о слѣдующихъ писателяхъ, указанныхъ во второмъ выпускѣ «Обзора»:

Басистовъ, П. Е. — Его критическія статьи помѣщались въ «Журналѣ для воспитанія», какъ, напримѣръ, «О сочиненіи Гута: Мысли о нравственномъ воспитаніи», (1857 г., т. III), «Разборъ грамматики Кусовникова» (1858 г., т. III), «Рецензія труда Примѣрова: Уроки изъ русской грамматики» (1858 г., т. IV), «Критика на сочиненіе Массе: О физическомъ воспитаніи дѣтей» (1858 г., т. V), «О сочиненіи Констанжогло: Современный человѣкъ» (1859 г., т. V) и «Рецензія Исторіи Московской практической академіи» (1860 г., т. II). — О самомъ Басистовѣ см. изданіе: «Историческая записка о 50-лѣтіи московской 2-й гимназіи (М., 1885 г., стр. 255 и 289—290).

Богдановичъ, М. И.—Пропущены слѣдующіе его труды: «Эрцгерцогъ Карлъ, какъ полководецъ и какъ военный писатель» (Военн. Журналъ, 1847 г., кн. 2), «Описаніе походовъ графа Радецкаго въ Италію» (тамъ же, 1849 г., кн. 5. — Отдѣльное изданіе: Спб., 1849 г.), «Очеркъ Венгерской войны 1848—1849 годовъ», перев. съ нѣмецкаго (Спб., 1850 г., вмѣстѣ съ подполковникомъ Лебедевымъ), «Королевство Вестфальское и разрушеніе его генералъ-адъютантомъ Чернышевымъ», сочиненіе Ф. А. К. фонъ-Шпехта, перев. съ нѣмецкаго (Спб., 1852 г., вмѣстѣ съ капитаномъ Казнаковымъ), «Оборона Пскова 1581—1582 г.» (Военн. Журналъ, 1854 г., кн. 5), «Объ изученіи военной исторія» (тамъ же, 1855 г., кн. 3), «Смотръ при Вертѣ 1815 г.» (тамъ же, 1865 г., кн. 8) и «Севастополь-Константинополь» (Вѣстн. Евр., 1874 г., кн. 10). — Кромѣ того, нами не названы статьи и замѣтки, помѣщенныя въ «Русской Старинѣ». Всѣ онѣ указаны въ «Систематической Росписи» къ названному журналу (Спб., 1885 г., стр. 254).

Бутаковъ, Г. И. — Ему принадлежитъ статья «Пароходъ Владиміръ при штурмѣ Севастополя 27-го августа 1855 года» (Русск. Старина, 1876 г., т. XVI).

Бѣлецкій, Н. Ѳ.—Имъ напечатаны: «Матеріалы для физіологіи глаза птицъ» (съ тремя таблицами чертежей), «Результаты измѣреній объема дыхательной полости утки», «Соображенія о причинѣ движенія протоплазмы животныхъ клѣтокъ», «Къ вопросу о физіологической роли воздушныхъ мѣшковъ у птицъ», «Критическая замѣтка по поводу изслѣдованій Tregel'я о зависимости высоты мускульнаго сокращенія отъ силы раздражающаго электрическаго тока», «Выдѣленіе углекислоты коченѣющимъ мускуломъ», «О движеніяхъ ноги и створокъ раковины у нашихъ Unio» (съ таблицею рисунковъ), «Пневмографическія изслѣдованія надъ мѣдяницей» (съ тремя таблицами), «Къ вопросу о причинѣ apnoë (съ таблицею чертежей), «Физіологическая замѣтка объ исполинской саламандрѣ» (съ таблицею чертежей) и «Физіологія воздушнаго пузыря рыбъ» (съ таблицею рисунковъ). Всѣ эти труды изданы «Обществомъ испытателей природы при имп. Харьковскомъ университетѣ».

Воронцовъ, князь, С. М.—Теперь вышло продолженіе изданія, начатаго на его средства: тридцать первая и тридцать вторая книги «Архива князя Воронцова» (М., 1886 г.).

Делленъ, А. К.—Нами не указаны слѣдующіе его труды: «De vita Livii Andronici dissertatio» (Dorp., 1838 г., магистерская диссертація), «О наблюденій надъ солнечнымъ затменіемъ въ Кіевѣ въ 1851 году» (въ брошюрѣ: «Наблюденія надъ затменіемъ солнца, бывшимъ 16/28 іюля 1851 года», Кіевъ, 1852 г., стр. 73—78), «Kurze Nachrichten über die evangelisch-lutherische Gemeinde in Kiew von ihrem Entstehen an bis auf den heutigen Tag» (Inland, 1857 г. и отдѣльно), «Kurzgefasste Geschichte und heutiger Standpunkt der Mnemonik» (тамъ же, 1859 г., № 28—31 и отдѣльно), «Der erste Unterricht» (Dorp., 1865 г.), «Prooemium, quo scholas suas de historia litterarum Universitate Charcoviensi habendas» (Charcov, 1869 г.), «Doctrinae metricae summarium» (Petropoli, 1876 г.) и «О Харьковской протестантской общинѣ» (Харьковъ, 1880 г.).—Болѣе полныя свѣдѣнія о Делленѣ помѣщены въ «Біографическомъ словарѣ профессоровъ и преподавателей имп. университета св. Владиміра» (Кіевъ, 1884 г., стр. 175—179).

Заблоцкій-Десятовскій, П. П.—Его труды, не упомянутые нами: «Описаніе особеннаго вида паховой грыжи» (Спб., 1844 г.), «Очеркъ исторіи патологической анатоміи» (Спб., 1844 г.), «О мѣдныхъ препаратахъ въ гигіеническомъ и судебно-медицинскомъ отношеніяхъ и о мѣдной коликѣ» (Спб., 1846 г.) и «Искусство продлить человѣческую жизнь (Макробіотика)», сочиненіе Х. В. Гуфеланда, дополненное многими замѣчаніями и жизнеописаніемъ автора, перев. съ нѣмецкаго (Спб., 1852 г.; второе изданіе: Спб., 1853 г.).

Зайцевъ, В. А.—Имъ напечатана еще статья: «Постороннему и всякимъ прочимъ сатирикамъ» (Русск. Слово, 1865 г., кн. 2).

Инсарскій, В. А.—Его статья, пропущенная нами: «Тревога въ театральномъ управленіи, 1853 г.» (Русск. Стар., 1874 г., т. XI).—О немъ самомъ напечатано еще свѣдѣніе въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (1885 г., кн. 12, стр. 624—625).

Клементовскій, А. И.—Нами не указаны двѣ его статьи, напечатанныя въ «Зрителѣ» (1862 г.): «По поводу ясновидящей дѣвицы Берты» и «Гигіена и медицина въ простонародномъ русскомъ быту».

Новодворскій, А. О. — Имъ напечатаны: «Тетушка», святочный разсказъ (Отеч. Зап., 1880 г., кн. 12), «Романъ», разсказъ (1881 г., кн. 4) и «Мечтатели», разсказъ (1881 г., кн. 8). — Его некрологъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1882 г., кн. 4).

Павловъ, И. Н.—Ему принадлежитъ рецензія двухъ сочиненій Легуве: «L'art de la lecture» и «La lecture en action» (Русск. Вѣстн., 1882 г., кн. 7), но къ нему не относится указанный нами псевдонимъ—«Н. Бицынъ»: подъ этимъ псевдонимомъ писалъ Н. М. Павловъ.—Объ И. Н. Павловѣ есть свѣдѣніе въ брошюрѣ: «Историческая записка о 50-лѣтіи Московской 2-й гимназіи» (М., 1885 г., стр. 222—223).

Панютинъ, Л. К.—Имъ помѣщены въ «Отечественныхъ Запискахъ» двѣ статьи: «Элементы европейской цивилизаціи» (1867 г., т. XXI) и «Партіи въ Сибири» (тамъ же).

Перовъ, В. Г.—О немъ статья въ «Русской Старинѣ» (1883 г., т. XXXVIII, стр. 433—458).

Самсоновъ, Л. Н.—Пропущены его труды: «Сказка про бѣлаго быка; нѣчто о современной драматургіи» (Русск. Сцена, 1865 г., кн. 4—5), «Халатъ»,

разсказъ (Еженедѣльн. Нов. Время, 1879 г., т. IV), «Лампадку потушили», (Литературн. Журналъ, 1881 г., № 3) и «Муха на носу», повѣсть (тамъ же, 1881 г., № 6).

Селивановъ, И. В.—Имъ напечатаны въ «Вѣкѣ» (1861 г.): «Уголовное дѣло» и «Собственное сознаніе», а въ «Русской Старинѣ» — «Записки» (1880 г., т. XXVIII и XXIX, 1881 г., т. XXXI, и 1882 г., т. XXXIII) и «Замѣтка по поводу книги о Шереметевыхъ» (1882 г., т. XXXIV).

Соллогубъ, графъ, В. А. — Его книга «На сонъ грядущій» напечатана въ 1841—1843 годахъ; ея второе изданіе: Спб., 1844—1845 г.г. Теперь же вышелъ «Тарантасъ» во второмъ изданіи А. С. Суворина (Спб., 1886 г., 330 стр.) и впервые напечатано «Посланіе въ стихахъ къ графу И. М. Толстому» (Русск. Мысль, 1885 г., кн. 9). Кромѣ того, въ настоящее время появились «Воспоминанія графа В. А. Соллогуба» (Историческ. Вѣстникъ, 1886 г., кн. 1—6), которыя во многомъ дополняютъ или исправляютъ наши указанія.

Ставровскій, А. И.—О немъ: «Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей имп. университета св. Владиміра» (Кіевъ, 1884 г., стр. 619—622).

Туловъ, М. А. — Ему принадлежитъ псевдонимъ: «Петръ Линейкинъ», подъ которымъ напечатана его статья: «Гимназическая переписка изъ шестидесятыхъ годовъ» (Вѣстникъ Европы, 1880 г., кн. 11).

Чупинъ, Н. К.—Нами не указано нѣсколько статей, помѣщенныхъ въ «Русской Старинѣ», а именно: «Бурцовъ, Татищевъ и Жолобовъ въ дѣлѣ Егора Столѣтова» (1873 г., т. VIII), «Къ исторіи суевѣрій русскаго народа» (1874 г., т. IX), «Пугачевщина», новые матеріалы къ ея исторіи (1875 г., т. XII), «Челобитная на заводчика А. Н. Демидова» (1878 г., т. XXIII), «Сожженіе на кострѣ въ Екатеринбургѣ» (тамъ же) и «Донесеніе о поджогахъ лѣсовъ башкирами» (тамъ же).

Шашковъ, С. С.—Не названа его статья: «Аѳанасій Прокофьевичъ Щаповъ», біографическій очеркъ (Новое Время, 1876 г., № 196, 198, 212, 227, 245 и 252).

Кромѣ приведенныхъ дополненій и поправокъ, намъ приходится указать на трехъ русскихъ писателей, которые скончались въ 1882 году, но не названы во второмъ выпускѣ «Обзора». Эти покойныя лица суть слѣдующіе:

Егоровъ, Евгеній Андреевичъ, учился въ Горномъ корпусѣ и въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія; выпущенный въ офицеры (1824 г.), былъ командированъ къ главному директору мостовъ и дорогъ царства Польскаго; потомъ — начальникъ инженернаго округа въ Вильнѣ, строительной части южныхъ военныхъ поселеній, начальникъ инженеровъ Московскаго и Харьковскаго военныхъ округовъ, наконецъ — комендантъ Бобруйской крѣпости; † 1-го марта въ Петербургѣ.—Ему принадлежатъ «Разсказы» (Русск. Старина, 1886 г., кн. 2) и проектъ: «Походъ русской арміи въ Индію» (тамъ же, кн. 6).—Свѣдѣнія о немъ въ «Русской Старинѣ» (1886 г., кн. 2, стр. 411—413).

Салмановъ, Петръ Алексѣевичъ, родился въ 1817 году, а скончался 1-го іюня.—Имъ напечатаны: «Дитя», повѣсть изъ русскаго оконченнаго дѣла

(Спб., 1862 г.; второе изданіе: Спб., 1879 г.), «Голосъ совѣсти», драма (Спб., 1868 г.), «Убійца», романъ изъ русскаго оконченнаго дѣла (Спб., 1877 г.) и «Князь Борисъ Щеглятевъ», историческій романъ XIII вѣка изъ временъ нашествія Батыя на Россію (Спб., 1881 г.). Сверхъ того, онъ издавалъ «Юридическій Журналъ» (1860—1861 г.).

Станкевичъ, Иванъ Николаевичъ, изъ дворянъ Могилевской губерніи, родился въ 1829 году; воспитывался во 2-й кіевской гимназіи и на медицинскомъ факультетѣ университета св. Владиміра, гдѣ окончилъ курсъ со степенью лѣкаря (1875 г.); удостоенный степени доктора медицины (14-го декабря 1860 года), опредѣленъ доцентомъ по каѳедрѣ патологической анатоміи и патологической физіологіи въ университетѣ св. Владиміра (12-го іюля 1861 года); затѣмъ переведенъ въ Харьковскій университетъ на каѳедру фармакологіи, которую и занималъ, въ званіи ординарнаго профессора, до дня кончины (съ 23-го января 1864 года до 4-го марта 1882 года). Его труды: «Гистологія сухожилій въ нормальномъ и патологическомъ состояніи» (Кіевъ, 1860 г.), «Критическій разборъ разсужденія Вермана: О глазномъ зеркалѣ» (Современн. Медицина, 1860 г., № 47 и 48) и «О строеніи и развитіи пахіональныхъ грануляцій» (Кіевъ, 1861 г.).—Свѣдѣнія о Станкевичѣ въ «Южномъ Краѣ» (1882 г., № 409) и въ «Біографическомъ словарѣ профессоровъ и преподавателей импер. университета св. Владиміра» (Кіевъ, 1884 г., стр. 623—624).

Въ заключеніе обращаемъ ко всѣмъ покорную просьбу о присылкѣ дополненій и поправокъ, необходимыхъ для нашего «Обзора», и спѣшимъ заранѣе увѣрить такихъ корреспондентовъ, что всякое полезное указаніе примется нами съ глубокою благодарностью.

Дмитрій Языковъ.

РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ, УМЕРШІЕ ВЪ 1883 ГОДУ.

Аландскій, Павелъ Ивановичъ[1]), родился въ 1844 году и, послѣ первоначальнаго образованія подъ руководствомъ своего отца-сельскаго священника, воспитывался въ Александро-Невскомъ училищѣ, Петербургской духовной семинаріи и на историко-филологическомъ факультетѣ Петербургскаго университа; по окончаніи курса со степенью кандидата (1870 г.) былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію и въ то же время опредѣленъ учителемъ латинскаго языка въ Александро-Невскомъ духовномъ училищѣ (1870—1873 г.); затѣмъ магистръ греческой словесности (1873 г.) и приватъ-доцентъ того же предмета въ Петербургскомъ университетѣ (1873—1874 г.); наконецъ, доцентъ по каѳедрѣ греческой словесности въ университетѣ св. Владиміра (1874—1883 г.) и преподаватель исторіи Греціи, Рима и латинской литературы на Кіевскихъ высшихъ женскихъ курсахъ (1878—1883 г.); † 28-го октября въ Кіевѣ. Кромѣ статей въ «Кіевлянинѣ» (1883 г.), посвященныхъ иностранной политикѣ, онъ напечаталъ слѣдующіе труды:

«Синтаксическія изслѣдованія: значеніе и употребленіе conjunctivi въ языкѣ Иліады и Одиссеи», Спб., 1873 г. (диссертація на степень магистра).

«Schulgrammatik und Sprachwissenschaft v. Dr. Iul. Iolly», критическій разборъ (Кіевск. университ. извѣстія, 1874 г., № 10).

«Разборъ сочиненія Мищенка: Отношеніе трагедій Софокла къ современной поэту дѣйствительной жизни» (№ 11).

«Das Verbum der Griechischen Sprache seinem Bau nach dargestellt, v. G. Curtius» (№ 12).

«Поэзія, какъ предметъ науки», часть первая, Кіевъ, 1875 г., 199 стр.

---

[1]) О немъ: «Кіевск. университ. извѣстія», 1883 г., № 12; 1884 г., № 3; «Біографич. словарь профессоровъ и преподавателей университета св. Владиміра», Кіевъ, 1884 г., стр. 12—13, 806—807.

«Psychologische Analysen auf physiolog. Grundlage, v. A. Horvitz», разборъ (Кievск. унив. извѣстія, 1875 г., № 2).

«Principles of Mental Physiology, by W. Carpenter», рецензія (№ 3).

«Homerische Studien, v. W. Hartel», разборъ (№ 4).

«О книгѣ Воеводскаго: Каннибализмъ въ греческихъ миѳахъ» (№ 5).

«La morale utilitaire, par L. Carrau», разборъ (№ 8).

«Bau und Leben des socialen Körpers», рецензія (№ 9).

«Ueber Homerische Poesie, von A. Bischoff», разборъ (№ 9).

«Zivot Rekuv a Rimanuv», разборъ (Кiевск. универс. извѣстія, 1876 г., № 7).

«Antropologische Vorträge, v. I. Henle», замѣтка (№ 11).

«Synonymik der griechischen Sprache, v. I. H. Heinr. Schmidt», разборъ (№ 11).

«Филологическое изученіе произведеній Софокла», Кiевъ, 1877 г.

«Изображеніе душевныхъ движеній въ трагедіяхъ Софокла, опытъ для теоріи поэтическаго творчества», Кiевъ, 1877 г., 168 стр.

«Философія и наука», по поводу диспута А. А. Козлова (Кiевск. унив. извѣстія, 1877 г., № 1 и 2).

«О трудахъ этнографическаго Отдѣла императ. Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи» (Кiевск. унив. извѣстія, 1878 г., № 7).

«Die Entstehung des Herodotischen Geschichtswerkes, v. A. Bauer», разборъ (№ 7).

«Энциклопедія и методологія классической филологіи», изложеніе и разборъ книги Ав. Бека, Кiевъ, 1879 г.

«В. Э. Гернъ, объ арійской семьѣ, ея строѣ и развитіи» (Кiевск. унив. извѣстія, 1880 г., № 7). Отдѣльно: Кiевъ, 1880 г., 44 стр.

«Основы греческаго синтаксиса, по поводу сочиненія Дельбрюка: Syntaktische Forschungen» (№ 4 и 5). Отдѣльно: Кiевъ, 1880 г., 41 стр.

«Der Italische Bund unter Roms Hegemonie, v. I. Beloch», разборъ (Кiевск. унив. извѣстія, 1881 г., № 1).

«Древнѣйшій періодъ исторіи Рима и его изученіе», Кiевъ, 1882 г., 174 стр.

«Народныя преданія и ученые миѳы», по поводу сочиненія Воеводскаго: «Введеніе въ миѳологію Одиссеи» (Кiевск. унив. извѣстія, 1882 г., № 6).

«Религіозная жизнь въ современной Индіи, Лейлла», разборъ (1883 г., № 7).

«Замѣтка для профессора Люгебиля», по поводу его отзыва о книгѣ: «Основы греческаго синтаксиса» (№ 1).

«Разборъ сочиненій доцента Мищенка» (№ 3).

«Строгій судъ надъ аѳинской демократіей», по поводу книги Шварца: Die Democratie von Athen» (№ 5).

Уже послѣ кончины Аландскаго, «по распоряженію историко-филологическаго факультета университета св. Владиміра», была издана его «Исторія Греціи» (Кiевъ, 1885 г., 271 стр.).

Андреевъ, Николай Агапіевичъ[1]), высшее образованіе получилъ въ императорской С.-Петербургской медико-хирургической академіи; тамъ онъ окончилъ курсъ лѣкаремъ съ отличіемъ и золотою медалью (1854 г.); затѣмъ удостоенъ степени доктора ме-

[1]) Свѣдѣнія о немъ обязательно доставлены канцеляріею импер. Варшавскаго университета, отъ 28-го іюня 1886 года, за № 4,213.

дицины (24-го февраля 1862 года) и утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ Варшавскаго университета по каѳедрѣ частной патологіи и терапіи (съ 30-го ноября 1869 года), а впослѣдствіи ординарнымъ профессоромъ того же университета по каѳедрѣ терапевтической госпитальной клиники (31-го октября 1870 года); † 15-го февраля въ Варшавѣ. Имъ напечатаны:

«Колтунъ съ точки зрѣнія гистологической и опытной», Варш., 1875 г., 53 стр.
«Идіопатическій и симптоматическій секретарно-потовый неврозъ волосовыхъ аппаратовъ кожи», Варш., 1875 г., 161 стр.

Ансеровъ, Павелъ Александровичъ[1]), воспитывался въ Московской духовной семинаріи, гдѣ и окончилъ курсъ со степенью студента (1846 г.); послѣ того болѣе двадцати лѣтъ состоялъ священникомъ и законоучителемъ при Московскихъ мѣщанскихъ училищахъ, а также преподавалъ Законъ Божій въ Ризположенскомъ училищѣ; † 12-го іюля въ Москвѣ. Онъ напечаталъ:

«Ученіе о Богослуженіи православной русской церкви въ вопросахъ и отвѣтахъ», М., 1874—1875 г., четыре выпуска. Второе изданіе перваго выпуска: М., 1874 г.

Багговутъ, Александръ Ѳедоровичъ[2]), родился 27-го декабря 1806 года въ Кронштадтѣ, учился въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, откуда вышелъ прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Московскій полкъ (1825 г.) и участвовалъ во многихъ сраженіяхъ (1826—1863 г.); послѣ командованія 3-ю и 4-ю кавалерійскими дивизіями, состоялъ въ распоряженіи командующаго войсками Кіевскаго военнаго округа; наконецъ, генералъ отъ кавалеріи и членъ капитула орденовъ; † 2-го мая въ Петербургѣ. Его:

«Записки» помѣщены въ «Русской Старинѣ» (1883 г., т. XL, кн. 10, стр. 114—136).

Бажановъ, Василій Борисовичъ[3]), родился 7-го марта 1800 года, въ семьѣ дьякона села Миротина (Алексинскаго уѣзда, Тульской губерніи); первое образованіе получилъ въ сельской школѣ села Бирева, подъ руководствомъ дѣда, заштатнаго дьячка, откуда поступилъ въ тульскую духовную семинарію (1810 г.); изъ нея посланъ въ Петербургскую духовную академію (1819 г.); по окончаніи курса со степенью магистра богословія (1823 г.) баккалавръ нѣмецкаго языка при академіи (1823—1829 г.), священникъ Александро-Невской церкви при 2-мъ кадетскомъ корпусѣ (1826 г.);

---

[1]) См. Московск. Церковн. Вѣдомости, 1883 г., № 30 и 42.
[2]) О немъ: Русск. Старина, 1883 г., кн. 10, стр. 111—113.
[3]) О немъ: «Исторія С.-Петербургской духовной академіи», Чистовича, Спб., 1857 г., стр. 353, 371—372, 397; «Портретная галлерея русскихъ дѣятелей», изд. А. Мюнстера, Спб., 1865 г., т. I; «С.-Петербургскій университетъ», Григорьева, Спб., 1870 г., стр. 59 и 94; Голосъ, 1873 г., № 225; Церковн. Лѣтопись, 1873 г., № 34, 35 и 41; Всеміри. Иллюстрація, 1881 г., № 4; въ періодическихъ изданіяхъ 1883 года: Нива, № 35; Московск. Церковн. Вѣдомости, № 32; Московск. Вѣдомости, № 213; Историч. Вѣстникъ, кн. 12, стр. 556—564.

законоучитель Петербургскаго университета, пансіона при немъ и первой гимназіи (1827 г.); преподаватель богословія въ главномъ педагогическомъ институтѣ (1829 г.); законоучитель и духовникъ ихъ высочествъ государя наслѣдника Александра Николаевича и великихъ княженъ (со 2-го февраля 1835 года); докторъ богословія (1837 г.); духовникъ ихъ величествъ Николая I, Александра II и Александра III (съ 5-го декабря 1848 г.); протопресвитеръ придворнаго и московскаго Благовѣщенскаго соборовъ; почетный членъ импер. академіи наукъ (1844 г.); членъ св. синода и оберъ-священникъ главнаго штаба гвардейскихъ и гренадерскихъ корпусовъ; † 31-го іюля, на Елагиномъ островѣ, близъ Петербурга. Онъ напечаталъ:

«Рѣчи къ воспитанникамъ университетскаго пансіона и первой петербургской гимназіи» (Христіанское Чтеніе, 1828 г., ч. 29 и 32; 1834 г., ч. III; 1835 г., ч. I).

«Поучительныя слова и рѣчи», Спб., 1831 г. Второе изданіе: Спб., 1837 г. Третье изданіе: Спб., 1858 г.

«Рѣчь къ воспитанникамъ первой петербургской гимназіи, окончившимъ курсъ ученія, говоренная 15-го сентября 1834 года», Спб.. 1834 г.

«Нравоучительныя повѣсти», Спб., 1835 г.

«Рѣчь по освященіи храма въ новоучрежденномъ император. училищѣ правовѣдѣнія» (Христіанск. Чтеніе, 1835 г., ч. IV). Отдѣльно: Спб., 1836 г.

«Пища для ума и сердца, или собраніе христіанскихъ размышленій», переводъ съ иностраннаго, двѣ части, Спб., 1838 г.

«Объ обязанностяхъ христіанина», Спб., 1839 г. Второе изданіе: Спб., 1843 г. Третье изданіе: Спб., 1862 г.

«Двѣ рѣчи къ е. и. в. великой княжнѣ Маріи Александровнѣ» (Христіанск. Чтеніе, 1841 г., ч. II). Отдѣльно: Спб., 1841 г.

«Бесѣда съ государемъ наслѣдникомъ Николаемъ Александровичемъ наканунѣ его совершеннолѣтія» (Христіанск. Чтеніе, 1859 г., ч. II).

«Рѣчи пророка Іереміи, въ періодъ времени отъ призванія Іереміи къ пророчеству до нашествія Новуходоносора», опытъ переложенія, Спб., 1861 г.

«Воинъ христіанинъ», Спб., 1861 г.

«Примѣры благочестія изъ жизни святыхъ», Спб., 1862 и 1872 гг.

«О религіи: о религіи естественной, о недостаточности ея, объ откровеніи и о христіанской религіи», Спб., 1862 г.

«Притчи, выбранныя изъ Круммахера», Спб., 1862 г.

«Сокровище духовное, отъ міра собираемое», изъ твореній св. Тихона, епископа воронежскаго, Спб., 1862 г.

«О вѣрѣ и жизни христіанской», Спб., 1863 г.

Кромѣ того, Бажановъ принималъ дѣятельное участіе въ переводѣ Св. Писанія на русскій языкъ.

Борзенковъ, Яковъ Андреевичъ [1]), сначала воспитывался въ Ришельевскомъ лицеѣ, а потомъ на естественномъ отдѣленіи физико-математическаго факультета въ Московскомъ университетѣ (1852—1855 г.); преподаватель зоологіи и сравнительной анатоміи на медицинскомъ факультетѣ въ названномъ университетѣ (1858—1860 г.); исправляющій должность адъюнкта по каѳедрѣ сравнительной анатоміи и физіологіи (1860 г.) и членъ педагогическихъ курсовъ при университетѣ (1860 г.); затѣмъ былъ командированъ за границу (1862—1864 г.); по возвращеніи изъ-за границы продолжалъ преподаваніе въ университетѣ и въ Петровской земледѣльческой академіи; пріобрѣлъ степень магистра зоологіи и сдѣлался доцентомъ (1869 г.); утвержденный въ степени доктора зоологіи, получилъ званіе экстраординарнаго (1870 г.) и ординарнаго профессора (1873 г.), † 25 декабря въ Москвѣ. Ему принадлежатъ слѣдующіе труды:

«О развитіи яичника у кошки» (Записки Вюрцбургск. зоологическ. Общества, 1863 г.).

«Изъ исторіи развитія яйца и яичника у курицы», М., 1869 г. (магистерская диссертація).

«Образованіе яичника у курицы и развитіе его, въ первое время его существованія», М., 1870 г. (докторская диссертація).

«Историческій очеркъ направленій, существовавшихъ въ зоологическихъ наукахъ въ XIX столѣтіи», актовая рѣчь (Рѣчь и отчетъ, читан. въ торжествен. собраніи императорск. Московскаго университета, М., 1881 г., стр. 1—61).

Васильевъ, Петръ Петровичъ [2]), казанскій старожилъ, часто писавшій подъ псевдонимомъ: «П. библіографъ», утонулъ въ мартѣ, въ озерѣ Кабанѣ, близь Казани. Его печатныя статьи и отдѣльныя изданія:

«Частныя библіотеки въ Казани» (Журналъ мин. народн. просвѣщенія, 1863 г., кн. 8).

«Казанская городская общественная библіотека» (Книжный Вѣстникъ, 1865 г., № 5).

«Некрологъ И. В. Дубровина, казанскаго книгопродавца» (Казанск. Губ. Вѣдомости, 1866 г., № 24).

«Статистика періодическихъ изданій, получаемыхъ въ Казани въ 1866 году» (Справочн. Листокъ города Казани, 1867 г., № 27).

«Матеріалы для исторіи казанскаго театра» (№ 74—75).

«Казанское книжное дѣло: матеріалы по мѣстной книжно-литературной дѣятельности», Казань, 1867 г., выпускъ первый, 24 стр.

«Некрологія казанскихъ писателей», 1868—1869 г. (Казанск. календарь на 1869 и 1870 годы).

---

[1]) О немъ: Отчетъ импер. Московск. университета, М., 1884 г., стр. 282—288.
[2]) Московск. Вѣдомости, 1883 г., № 165.

«Объ изданіи сочиненій И. С. Тургенева» (Русск. Архивъ, 1871 г., кн. 2).

«Некрологія казанскихъ ученыхъ, умершихъ въ 1870 году» (Казанск. Губ. Вѣдом., 1872 г., № 95—98, 100 и 102).

«Объ изданіи «Записокъ охотника» Тургенева съ иллюстраціями» (С.-Петербургск. Вѣдом., 1872 г., № 193).

«По поводу разсказа Тургенева: Пегасъ» (Казанск. Биржев. Листокъ, 1874 г., № 5 и 10).

«Первое печатное произведеніе И. С. Тургенева» (Московск. Вѣдом., 1875 г., № 289).

«Могила княгини Дарьи Михайловны Меньшиковой» (Русск. Старина, 1875 г., т. XII).

«Къ біографіи А. П. Щапова» (Древн. и Нов. Россія, 1876 г., кн. 9). То же въ «Казанск. Биржев. Листкѣ» (1876 г., № 84).

«О систематическомъ каталогѣ книгъ фундаментальной библіотеки Казанской духовной академіи» (Указатель по дѣламъ печати, 1878 г., № 2 и 21).

«Замѣтка объ указателѣ къ Православному Собесѣднику» (№ 11).

«Библіографическая замѣтка о комедіи «Горе отъ ума» (Россійск. Библіографія, 1879 г., № 11—12).

«О стереотипномъ изданіи «Записокъ охотника» И. С. Тургенева» (Россійск. Библіографія, 1879 г., № 20 и 26). Та же замѣтка и въ Казанск. Биржев. Листкѣ, 1879 г., № 91.

«Книжная торговля въ Казани» (Россійск. Библіографія, 1880 г., № 76).

«Календарь-указатель города Казани на 1882 годъ», Казань, 1881 г.

«Библіографическія замѣтки» (Россійск. Библіогр., 1881 г., № 92; 1882 г., № 101).

Кромѣ того, онъ издалъ разсказъ Тургенева, подъ названіемъ «Пегасъ» (Казань, 1874 г.).

Вассіанъ (въ мірѣ **Василій Чудновскій**)[1]) родился въ 1803 году, воспитывался въ харьковскомъ коллегіумѣ, откуда поступилъ въ Кіевскую духовную академію; здѣсь, постриженный въ монашество (1829 г.), окончилъ курсъ съ степенью магистра богословія (1831 г.) и вскорѣ былъ назначенъ инспекторомъ волынской духовной семинаріи; оттуда перемѣщенъ на такую же должность въ Петрозаводскъ (1833 г.) и Астрахань (1842 г.); возведенъ въ санъ архимандрита (1843 г.); назначенъ ректоромъ астраханской семинаріи и настоятелемъ астраханскаго Спасо-Преображенскаго монастыря (1846 г.); потомъ ректоромъ Черниговской семинаріи и настоятелемъ черниговскаго Елецкаго (1854 г.), нѣжинскаго Благовѣщенскаго (1859 г.) и новградъ-сѣверскаго Преображенскаго (1861 г.) монастырей; изъ архимандритовъ послѣдней обители хиротонисанъ во епископа екатеринбургскаго, викарія Пермской епархіи (съ 21-го ноября 1866 года), а черезъ десять лѣтъ (съ 9-го сентября 1876 года) сдѣланъ самостоятельнымъ епископомъ пермскимъ

[1]) Московск. Церковн. Вѣдомости, 1883 г., № 4.

и верхотурскимъ; † 3-го января въ Перми. Покойный помѣстилъ нѣсколько проповѣдей въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» тѣхъ епархій, гдѣ ему пришлось служить.

Викторовъ, Алексѣй Егоровичъ[1]), извѣстный археологъ, родился 2-го февраля 1827 года, воспитывался въ орловской духовной семинаріи и Московской духовной академіи; по окончаніи курса въ послѣдней со степенью кандидата (1850 г.) поступилъ на службу въ архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ (1850—1861 г.) и, кромѣ того, съ 1856 года преподавалъ русскій языкъ въ Маріинско-Ермоловскомъ женскомъ училищѣ; затѣмъ, библіотекарь Московскаго университета (1861—1862 г.), хранитель отдѣленія рукописей и славянскихъ старопечатныхъ книгъ въ Румянцовскомъ музеѣ (1862—1883 г.), завѣдывающій архивомъ и канцеляріей московской оружейной палаты (1868—1883 г.), членъ археографической коммиссіи (1870 г.) и членъ-корреспондентъ императорской академіи наукъ (1881 г.); † 22 іюля въ Пятигорскѣ. Покойный напечаталъ слѣдующіе труды:

«Описаніе этнографическаго музея Густава Клемма», переводъ съ нѣмецкаго (Москвитян., 1853 г., кн. 16). Этотъ трудъ явился безъ подписи.

«Рецензія на книгу: Протоіерей Ѳ. А. Голубинскій» (Москвитян., 1855 г., № 7). Также безъ подписи.

«Великая княгиня Евдокія, во иночествѣ преподобная Евфросинія, основательница Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря въ Московскомъ кремлѣ», М., 1857 г., 109 стр. Издано безъ имени автора.

«Алфавитный указатель славянскихъ рукописей московской синодальной библіотеки», въ книгѣ арх. Саввы: «Указатель для обозрѣнія патріаршей ризницы и библіотеки», М., 1858 г., II, стр. 153—179, и отдѣльно: М., 1858 г., 128 стр. Другое изданіе: М., 1863 г. При обоихъ изданіяхъ не означено имя А. Е. Викторова.

«Библіотека и историческая дѣятельность московской синодальной типографіи» (Московск. Вѣдом., 1859 г., № 285, 288 и 291). Отдѣльный оттискъ: М., 1859 г., 55 стр.

«Послѣднее мнѣніе Шафарика о глаголицѣ» (Лѣтописи русск. литер. и древн., изд. проф. Н. С. Тихонравовымъ, 1859 г., т. II; 1861 г., т. III). Отдѣльно: М., 1863 г.

«Историческая дѣятельность московской синодальной типографіи» (Наше Время, 1860 г., № 5, 8, 10 и 12). Это—продолженіе выше названной статьи.

---

[1]) О немъ: «Исторія Московск. духовн. академіи», Смирнова, М., 1879 г., стр. 502—503; «Нѣсколько припоминаній о научной дѣятельности А. Е. Викторова», Срезневскаго (Сборникъ отдѣленія русск. языка и словесности импер. академіи наукъ, Спб., 1881 г., т. XXI, № 8 и въ приложеніи къ XXXVIII тому «Записокъ импер. академіи наукъ», № 5); въ періодическихъ изданіяхъ 1883 года: Русь, № 21; Московск. Вѣдомости, № 221 и 359; Историч. Вѣстникъ, кн. 9, стр. 731; Московск. Вѣдомости, 1884 г., № 119, и Русск. Старина, 1884 г., кн. 8, стр. 425—448.

«Апологъ отъ нравоученія Кирилла Александрійскаго, по рукописи ростовскаго Яковлевскаго монастыря» (Лѣтописи русск. литер. и древн., изд. проф. Н. С. Тихонравовымъ, 1862 г., т. IV).

«Епархіальная публичная библіотека для московскаго духовенства» (Московск. Вѣдом., 1862 г., № 172, 173 и 181). Эти статьи перепечатаны въ «Подольскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ» (1862 г., № 18).

«Опись библіотеки іеромонаха Евѳимія» (Лѣтописи русск. литер. и древн., изд. проф. Н. С. Тихонравовымъ, 1863 г., т. V).

«Объ изданіи арх. Саввы: Палеографическіе снимки съ рукописей московской синодальной библіотеки» (Русск. Архивъ, 1863 г., вып. 5 и 6).

«По поводу замѣтки г. Веселовскаго о томъ же изданіи» (С.-Петербургск. Вѣдом., 1863 г., № 191). Подъ этою статьею поставлена подпись: «Любитель палеографіи».

«Подробное описаніе четырехъ, украшенныхъ миніатюрами, греческихъ пергаменныхъ рукописей московской синодальной библіотеки», подъ №№ 61, 183, 407 и 429» (въ изданіи: «Фотографическіе снимки съ миніатюръ греческихъ рукописей, находящихся въ Москвѣ, М., 1863—1865 г., три выпуска, 51 стр. и 82 таблицы со снимками). Въ этомъ изданіи, напечатанномъ безъ имени А. Е. Викторова, описаны слѣдующія рукописи: Акаѳистъ Божіей Матери, XIV вѣка, Житія святыхъ, XI вѣка, Слова Григорія Богослова, X вѣка, и Новый Завѣтъ съ Псалтирью, XII вѣка.

«Похвала Кириллу и Меѳодію» по рукописи Севастьянова XIV вѣка; «Слово на принесеніе мощемъ преславнаго Климента, историческую имуще бесѣду», по Макар. четь-мин. и такъ называемая итальянская легенда о Кириллѣ и Меѳодіи, въ новомъ переводѣ, по Румянцовской рукописи, № 151 (Кирилло-Меѳодійскій сборникъ, изд. М. П. Погодинымъ, М., 1865 г., стр. 309—312, 318—342).

«Новые источники и ученые труды для исторіи славянскихъ апостоловъ» (тамъ же, стр. 343—440).

«Замѣчательное открытіе въ древне-русскомъ книжномъ мірѣ: первая книга, напечатанная докторомъ Фр. Скориной,—Псалтирь» (Бесѣды въ Обществѣ любителей россійск. словесности, М., 1867 г., выпускъ первый).

«Извлеченіе изъ статьи Ундольскаго: Объ открытіи и изданіи твореній Климента, епископа словенска» (тамъ же).

«Объ изданіяхъ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ по отдѣленію рукописей и славянскихъ старопечатныхъ книгъ» (Журналъ мин. нар. просв., 1867 г., кн. 7). Безъ имени автора.

«Предположеніе объ устройствѣ въ С.-Петербургѣ женскаго университета» (Русскій, 1868 г., № 4, 25 и 26).

«О собраніи славянскихъ книгъ церковной печати И. Я. Лукашевича» (Москва, 1868 г., № 50). Подъ этою статьею находится подпись: «Л. П.», т. е. Любитель палеографіи».

«Кіево-Печерскій Патерикъ по Румянцовской рукописи XV вѣка, № 305, въ переложеніи на современный русскій языкъ Маріи Викторовой, бывшей воспитанницы Маріинско-Ермоловскаго женскаго училища», Кіевъ, 1870 г. Эту книгу своей жены, урожденной княжны Макуловой, А. Е. издалъ со своимъ предисловіемъ, подписаннымъ двумя буквами: «А. В.».

«Славяно-русскія рукописи В. М. Ундольскаго, описанныя самимъ составителемъ и бывшимъ владѣльцемъ собранія, съ № 1 по 579-й, съ приложеніемъ очерка собранія рукописей В. М. Ундольскаго, по полномъ составѣ», М., 1870 г.

«Собраніе славяно-русскихъ рукописей В. М. Ундольскаго», библіографическій очеркъ, М., 1870 г.

«Очеркъ славяно-русской библіографіи В. М. Ундольскаго, съ дополненіями А. Ѳ. Бычкова и А. Е. Викторова, М., 1871 г.

«Каталогъ славяно-русскихъ рукописей Д. В. Пискарева», М., 1871 г. То же въ приложеніи къ «Отчету Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ за 1867—1869 годы».

«Бумаги Н. В. Сушкова» (Московск. Вѣдом., 1872 г., № 107). Отдѣльный оттискъ: М., 1872 г.

Собственноручныя письма императрицы Екатерины II къ А. В. Храповицкому» (Русск. Архивъ, 1872 г., вып. 11). Отдѣльный оттискъ: М., 1872 г.

«Историческая объяснительная записка къ проекту новаго устава и штата Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ» напечатана безъ означенія года (1872 г.) и не выпущена въ свѣтъ.

«Два памятника русскаго монастырскаго быта XVII вѣка: письмо Нектарія, архіеп. сибирскаго, и колязинская челобитная», съ предисловіемъ, подписаннымъ буквами: «Л. П.», т. е. «Любитель палеографіи» (Русск. Архивъ, 1873 г., вып. 9).

«Старинныя описи патріаршей ризницы» (Вѣстникъ Общества древне-русск. искусства, М., 1874—1876 г., кн. 1). Отдѣльный оттискъ: М., 1876 г.

«Описаніе записныхъ книгъ и бумагъ старинныхъ дворцовыхъ приказовъ (1584—1725 г.), хранящихся въ архивѣ оружейной палаты», М., 1877 г., выпускъ первый.

«Опись ветхостей въ башняхъ и стѣнахъ Московскаго кремля, Китая-города и Бѣлаго города, 1667 года, по рукописи Московскаго Публичнаго музея, № 1,390» (Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей, 1877 г,, кн. 2).

«Не было ли въ Москвѣ опытовъ книгопечатанія прежде 1564 года?» (Труды третьяго археологическ. съѣзда, Кіевъ, 1878 г., т. II).

«Собраніе рукописей В. И. Григоровича», М., 1879 г., 68 стр. Это—отдѣльный оттискъ изъ «Отчета Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ за 1876—1878 годы».

«Собраніе рукописей И. Д. Бѣляева», М., 1881 г., 122 стр.

«Собраніе рукописей П. И. Севастьянова», М., 1881 г., 116 стр.

«Представленіе и похвала святому отцу Константину, нареченнаго Кирилла» (Записки Одесск. Общества исторіи и древностей, 1881 г., т. XII).

«Государственное древнехранилище въ теремахъ московскаго кремлевскаго дворца», Спб., 1882 г., 16 стр. Это — отдѣльный оттискъ изъ «Памятниковъ древней письменности и искусства» за 1882 годъ.

«Дѣло о передачѣ Румянцовскаго музея въ министерство народнаго просвѣщенія» (Сборникъ матеріаловъ для исторіи Румянцовскаго музея, М., 1882 г., выпускъ первый).

«Описаніе записныхъ книгъ и бумагъ старинныхъ дворцовыхъ приказовъ, 1613—1725 годовъ», М., 1883 г., выпускъ второй.

Кромѣ того, покойный Викторовъ помѣщалъ описаніе всего рукописнаго матеріала, поступавшаго въ музеи, на страницахъ «Го-

лоса» (1863—1881 г.) и въ «Отчетахъ по отдѣленію рукописей Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ» (1864—1882 годовъ).

Вороновъ, Александръ Дмитріевичъ[1]), родился въ 1838 году, воспитывался въ тверской семинаріи и Московской духовной академіи; по окончаніи курса въ послѣдней первымъ магистромъ богословія (1862 г.), назначенъ баккалавромъ общей новой церковной исторіи въ Кіевской духовной академіи (1862—1866 г.); затѣмъ, экстраординарный профессоръ (1866—1883 г.), докторъ богословія (1877 г.) и гласный кіевской городской думы; † 28-го октября въ Кіевѣ. Кромѣ редактированія «Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» и сверхъ постояннаго сотрудничества въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», онъ напечаталъ:

«О происхожденіи свѣтской власти папъ» (Труды Кіевской дух. академіи, 1862 г.).

«Объ участіи міранъ въ дѣлахъ церковныхъ въ первые три вѣка христіанства» (Руководство для сельскихъ пастырей, 1864 г., № 48, 49, 51 и 52).

«Протестантское богословіе и вопросъ о богодухновенности св. писанія», магистерская диссертація (Труды Кіевской дух. академіи, 1864 г., кн. 5 и 9).

«Народная школа и ея отношеніе къ церкви и духовенству въ Германіи» (Руков. для сельск. пастырей, 1866 г.).

«О чинахъ при архіерейскихъ каѳедрахъ въ восточной церкви» (тамъ же, 1868 г.).

«Синайское дѣло по подлиннымъ документамъ» (Труды Кіевской дух. академіи, 1871 и 1872 гг.).

«Латино-нѣмецкая пропаганда у полабскихъ славянъ» (тамъ же, 1871 г.).

«Очеркъ исторіи старо-католической церкви въ Голландіи» (Руков. для сельск. пастырей, 1876 г.).

«Памяти Кирилла и Меѳодія» (тамъ же, 1876 г.).

«Главнѣйшіе источники для исторіи св. Кирилла и Меѳодія» (Труды Кіевской дух. академіи, 1876 г., кн. 10; 1877 г., кн. 1, 4, 8 и 9). Это изслѣдованіе, напечатанное и отдѣльной книгой (Кіевъ, 1877 г., 331 стр.), доставило автору степень доктора богословія и Уваровскую премію.

«Изъ новѣйшей исторіи болгарской церкви по Константину Иречку» (Труды Кіевской дух. академіи, 1877 г.).

«О латинскихъ миссіонерахъ на Руси Кіевской въ X—XI вѣкахъ» (Кіевск. Епарх. Вѣдомости, 1877 г.).

«Къ вопросу объ источникахъ для исторіи свв. Кирилла и Меѳодія» (Труды Кіевской дух. академіи, 1878 г., кн. 1).

«Древне-славянскій канонъ св. Димитрію Солунскому» (Труды Кіевской дух. академіи», 1878 г., кн. 10).

«Ѳ. Ѳ. Гусевъ», некрологъ (тамъ же).

«Научное движеніе по вопросу о Кириллѣ и Меѳодіи» (Труды Кіевской дух. академіи, 1881 г., кн. 8).

---

[1]) О немъ: въ книгѣ «Пятидесятилѣтній юбилей Кіевской духовной академіи», Кіевъ, 1869 г., стр. 395; «Исторія Московской духовной академіи», Смирнова, М., 1879 г., стр. 244, 466—467; «Московск. Вѣдомости», 1883 г., № 304, 307 и 332).

Уже послѣ смерти Воронова появилась въ печати его статья:

«Штундизмъ», очеркъ религіозно-бытовой жизни въ Малороссіи (Русскій Вѣстникъ, 1884 г., кн. 3).

Воскресенскій, Александръ Михайловичъ [1]), воспитывался во владимірской семинаріи и Кіевской духовной академіи; по окончаніи курса въ послѣдней магистромъ богословія (1853 г.), профессоръ волынской и кіевской семинарій (1853—1859 г.); затѣмъ баккалавръ Кіевской духовной академіи по каѳедрѣ математическихъ наукъ (1859—1864 г.) и экстраординарный профессоръ (1864 г.); въ послѣднее время преподавалъ исторію русскаго раскола; † 28-го декабря въ Кіевѣ. Покойному принадлежатъ слѣдующія статьи:

«О хожденіи на св. Пасху съ иконами» (Руководство для сельск. пастырей, 1860 г., № 7).

«Составъ гимназическихъ библіотекъ по предмету Закона Божія» (Журналъ мин. нар. просвѣщ., 1862 г., кн. 11).

«О мѣрахъ папистовъ къ введенію уніи въ юго-западной Россіи» (Вѣстникъ юго-западн. и западн. Россіи, 1863 г., кн. IX, X и XII).

«Нѣсколько словъ объ ученическихъ библіотекахъ при духовныхъ семинаріяхъ» (Православн. Обозр., 1863 г., кн. 2).

«Каѳедральный Кіево-Софійскаго собора протоіерей, Иванъ Михайловичъ Скворцовъ», біографическій очеркъ (Руков. для сельск. пастырей, №№ 44 и 47; 1864 г., №№ 4 и 5).

«Объясненіе праздниковъ православной церкви ученикамъ сельскихъ школъ» (Воскресн. Чтеніе, 1864 г., №№ 21, 22, 24, 27, 30, 32, 37—39, 42, 49 и 50).

Гербель, Николай Васильевичъ [2]), извѣстный поэтъ-переводчикъ, родился 26-го ноября 1827 года въ Твери, первоначальное воспитаніе получилъ въ родительскомъ домѣ, затѣмъ прошелъ полный курсъ при первой кіевской гимназіи и закончилъ образованіе въ Нѣжинскомъ лицеѣ князя Безбородко; по выходѣ изъ лицея съ аттестатомъ XIV класса (1847 г.), чрезъ годъ опредѣлился въ Изюмскій гусарскій полкъ юнкеромъ (1848 г.); произведенный въ корнеты (1849 г.), участвовалъ въ венгерской кампаніи; въ началѣ 1851 года переведенъ въ лейбъ-гвардіи Уланскій полкъ, въ которомъ служилъ до 1860 года, когда вышелъ въ отставку съ чиномъ ротмистра; послѣ того вполнѣ отдался только литературной дѣятельности; † 8-го марта въ Петербургѣ. Его труды:

«Бокалъ», стихотвореніе (Библіот. для Чтенія, 1846 г., кн. 12).

«На двухсотлѣтіе Изюмскаго гусарскаго полка», стихотвореніе (Русскій Инва-

[1]) О немъ: см. книгу «Пятидесятилѣтній юбилей Кіевской дух. академіи», Кіевъ, 1869 г., стр. 397 и 430; «Московск. Вѣдом.», 1883 г., № 361.

[2]) О немъ: въ книгѣ «Гимназія высшихъ наукъ и лицей князя Безбородко», Спб., 1881 г., стр. 344—356, XVII—XXV; въ періодическихъ изданіяхъ 1883 года: «Нива», № 17; «Московъ. Вѣдом.», № 71; «Истор. Вѣстникъ», кн. 4, стр. 243.

лидъ, 1851 г., № 142). Это стихотвореніе перепечатано въ «Библіотекѣ для Чтенія» (1851 г., т. 108) и вышло отдѣльною брошюрой (Спб., 1851 г.).

«Изюмскій гусарскій полкъ подъ Сенъ-Дизье» (Русскій Инвалидъ, 1851 г., № 162).

«Плачъ Ярославны», стихотвореніе (Современн., 1851 г., кн. 11). Этотъ отрывокъ изъ «Слова о полку Игоревѣ» перепечатанъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1854 г., кн. 8).

«Геро и Леандъ», стихотвореніе изъ Шиллера (Современн., 1852 г., кн. 4).

«Нѣжинъ» (тамъ же).

«Изюмскій слободской казачій полкъ» (Русскій Инвалидъ, 1852 г., № 52—54, 62—67, 80, 87—92).

«Слободскіе полки подъ Гроссъ-Егерсдорфомъ» (тамъ же, № 136—138).

«Сегодня мнѣ исполнилось 36 лѣтъ», стихотвореніе изъ Байрона (Современн., 1852 г., кн. 9).

«Изюмскій слободской казачій полкъ», 1651—1765 г., Спб., 1852 г.

«Пляска», стихотвореніе изъ Шиллера (Современн., 1853 г., кн. 1).

«Могущество пѣснопѣнія», стихотвореніе изъ Шиллера (Современн., 1852 г., кн. 2).

«Пѣвцы минувшаго времени», стихотвореніе изъ Шиллера (Современн., 1852 г., кн. 11).

«Игорь, князь Сѣверскій», поэма, переводъ, Спб., 1854 г. Второе изданіе: Спб., 1855 г. Третье изданіе: Спб., 1858 г. Четвертое изданіе: Спб., 1868 г. Пятое изданіе: Спб., 1876 г. Шестое изданіе: Спб., 1881 г.

«Изъ Шиллера», стихотвореніе (Современн., 1854 г., кн. 4).

«Изюмцамъ», стихотвореніе (Русскій Инвалидъ, 1854 г., № 196). Этотъ трудъ изданъ вторымъ, исправленнымъ и дополненнымъ, изданіемъ, подъ тѣмъ же заголовкомъ (Спб., 1854 г.).

«Три біографическихъ очерка: Гербель, Василій Васильевичъ; Гербель, Карлъ Густавовичъ, и Гербель, Родіонъ Николаевичъ» (Справочн. Энциклопед. Словарь, Спб., 1854 г., т. III).

«Письма съ похода» (С.-Петерб. Вѣдом., 1854 г., № 244, 268 и 279). Эти три письма перепечатаны съ исправленіями въ «Библіотекѣ для дачъ, пароходовъ и желѣзн. дорогъ» (1857 г., ч. 107).

«Незнакомка», стихотвореніе изъ Шиллера (Отеч. Зап., 1854 г., кн. 12).

«Просторъ», стихотвореніе (Отеч. Зап., 1855 г., кн. 2).

«Узница», стихотвореніе изъ Шенье (Современн., 1855 г., кн. 3).

«Миньона», стихотвореніе изъ Гете (Пантеонъ, 1855 г., т. XXII).

«Кареагенъ», стихотвореніе изъ Шиллера (тамъ же).

«Въ дорогу! въ дорогу!», стихотвореніе (Современн., 1855 г., кн. 4).

«Прохожій», стихотвореніе (Отеч. Зап., 1855 г., кн. 7).

«Фабулу», стихотвореніе изъ Катулла (Библіот. для Чтенія, 1855 г., т. 134).

«Передъ каминомъ», стихотвореніе (Пантеонъ, 1855 г., т. XXIV).

«Молодость», стихотвореніе (тамъ же).

«Слонимъ», письмо съ похода (С.-Петерб. Вѣдом., 1856 г., № 92). Оно перепечатано въ «Библіотекѣ для дачъ, пароходовъ и желѣзн. дорогъ» (1857 г., ч. 107).

«Уже одиннадцать часовъ», стихотвореніе (Сынъ Отечества, 1856 г., № 19).

«Орлеанской дѣвѣ», стихотвореніе изъ Шиллера (Современн., 1856 г., кн. 11).

«Изъ Крабба», стихотвореніе (Отеч. Зап., 1856 г., кн. 12).

«Зной», стихотвореніе (Отеч. Зап., 1856 г., кн. 12).

«Дума», стихотвореніе (Библіот. для Чтенія, 1856 г., кн. 12).
«Альпухары», стихотвореніе изъ Мицкевича (Библіот. для Чтенія, 1857 г., т. 142)
«Прощай!», стихотвореніе (Сынъ Отечества, 1857 г., № 17).
«Съ малороссійскаго», стихотвореніе (тамъ же).
«Дубъ и тополь», стихотвореніе (тамъ же, № 22).
«Полный списокъ печатныхъ сочиненій Гоголя» (Сочиненія и письма Гоголя, Спб., 1857 г., т. VI).
«Свадьба», стихотвореніе изъ Крабба (Библіот. для Чтенія, 1857 г., т. 144).
«На смерть воробья Лезбіи», стихотвореніе изъ Катулла (тамъ же).
«Пѣснь лейбъ-гвардіи Уланскаго полка», стихотвореніе (Русскій Инвалидъ, 1857 г., № 174).
«Опять ты здѣсь, моя любовь», стихотвореніе (Сынъ Отечества, 1857 г., № 39).
«Изъ Краббa», стихотвореніе (тамъ же).
«Другу», стихотвореніе (тамъ же, № 42).
«Николай Яковлевичъ Прокоповичъ и отношенія его къ Гоголю» (Современн., 1858 г., т. 67).
«Письмо Гоголя къ Н. Я. Прокоповичу» (Библіогр. Зап., 1858 г., № 4).
«Списокъ сочиненій Е. П. Гребенки» (тамъ же, № 5).
«Альбомная Замѣтка Гоголя» (тамъ же, № 16).
«Нѣтъ больше геморoя!», стихотвореніе (Искра, 1859 г., № 20). Эти стихи напечатаны подъ псевдонимомъ: «Эрастъ Моховоевъ».
«Нищій», баллада (Развлеченіе, 1859 г., № 23).
«Описаніе Петергофской скачки, бывшей 15-го августа 1859 года» (Современн., 1859 г., кн. 9).
«Письмо къ членамъ комитета, учрежденнаго для празднованія столѣтняго юбилея дня рожденія Шиллера въ Марбахѣ» (Современн., 1859 г., кн. 11).
«Пораженіе Сеннахерима», стихотвореніе изъ Байрона (Отеч. Зап., 1859 г., кн. 11).
«Сцена изъ Эдуарда II», стихотвореніе изъ Марло (Русское Слово, 1860 г., кн. 2).
«Изъ Гете, только не нѣмецкаго», пародія (Развлеченіе, 1860 г., № 6, съ псевдонимомъ: «Эрастъ Моховоевъ—послѣдній эпикъ»).
«Списокъ періодическимъ изданіямъ русскимъ и иностраннымъ, прекратившимся въ 1858, 1859 и 1860 годахъ въ Россіи» (Современн., 1860 г., кн. 2; 1861 г., кн. 1). Перепечатано въ «Вѣкѣ» (1861 г., № 10).
«Тополь», стихотвореніе изъ Шевченко (Современн., 1860 г., кн. 3).
«Сивуха и поэтъ», изъ поэмы: «Русскій патріотъ изъ нѣмцевъ» (Развлеченіе, 1860 г., № 33, съ псевдонимомъ: «Эрастъ Моховоевъ — послѣдній эпикъ»).
«Катерина», повѣсть въ стихахъ изъ Шевченко (Русское Слово, 1860 г., кн. 9).
«Два разныхъ жребія намъ вынуты судьбою», стихотвореніе изъ Мицкевича (Свѣточъ, 1860 г., ч. 5).
«О рукописяхъ Гоголя, принадлежащихъ лицею князя Безбородко» (Время, 1861 г., кн. 4).
«Одно ненапечатанное стихотвореніе Пушкина» (тамъ же, кн. 7).
«Сцена изъ трагедіи Марло: Эдуардъ II» (Второе приложеніе къ журналу «Вѣкъ», 1861 г.).
«Два неизданныя стихотворенія Лермонтова» (Библіограф. Записки, 1861 г., № 16).
«Письмо къ редактору по поводу названныхъ стихотвореній» (тамъ же, № 18).
«Аѳанасьевъ, Александръ Степановичъ» (Энциклопедич. Словарь, 1862 г., т. V).

«Списокъ переводныхъ и оригинальныхъ стихотвореній И. П. Крешева» (Переводы и подражанія И. П. Крешева, Спб., 1862 г.).
«Ты прекрасна, какъ Психея», стихотвореніе (Модн. Магазинъ, 1862 г., № 22).
«Ненапечатанное стихотвореніе А. С. Пушкина» (Модн. Магазинъ, 1863 г., № 2).
«Посланіе къ Основьяненкѣ», стихотвореніе изъ Шевченко (Время, 1863 г., кн. 3).
«Любовь! какъ звучно это слово!», стихотвореніе (Модн. Магазинъ, 1863 г., № 11).
«Пѣсня», стихотвореніе изъ Шевченко (тамъ же, № 22).
«Стансы», стихотвореніе изъ Байрона (Библіот. для Чтенія, 1863 г., кн. 10).
«Плачъ Ирода по Маріамнѣ», стихотвореніе изъ Байрона (тамъ же, кн. 12).
«Пѣснь Саула передъ послѣднимъ боемъ», стихотвореніе изъ Байрона (Модн. Магазинъ, 1864 г., № 1).
«Дочь Іефѳая», стихотвореніе изъ Байрона (тамъ же, № 3).
«Мнѣ призракъ явился», стихотвореніе изъ Байрона (Развлеченіе, 1864 г., № 8).
«Еврейскія мелодіи», стихотворенія изъ Байрона (Современн., 1864 г., кн. 1).
«Давно мнѣ не въ радость сіянье лазури», стихотвореніе (Эпоха, 1864 г., кн. 1).
«Стансы», стихотвореніе изъ Байрона (тамъ же).
«Три сцены изъ трагедіи Марло: Эдуардъ II» (Современн., 1864 г., кн. 8).
«Библіографическій указатель сочиненій Л. Мея» (Книжн. Вѣстникъ, 1865 г., № 19).
«Стихотвореніе изъ Котляревскаго» (Модн. Магазинъ, 1869 г., № 22).
«Дочь таубенгеймскаго пастора», баллада Бюргера (Вѣстникъ Европы, 1869 г., кн. 12).
«В. В. Гербель», некрологъ (Голосъ, 1870 г., № 268).
«Генералъ-лейтенантъ Гербель» (Русск. Инв., 1870 г., № 218). То же въ «Артиллер. Журналѣ» (1870 г., кн. 12) и «Иллюстр. Газетѣ», 1870 г., № 44.
«Письмо къ издателямъ» (Московск. Вѣдом., 1872 г., № 317). Это письмо, по поводу однофамильца автора, участвовавшаго въ заграничныхъ нѣмецкихъ изданіяхъ, перепечатано въ «Голосѣ» (1872 г., № 227), «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» (1872 г., № 349) и «Русск. Архивѣ» (1873 г., кн. 1).
«Н. В. Кукольникъ», біографическій очеркъ (Иллюстрир. Газета, 1873 г., № 12).
«Осада Коринѳа», поэма Байрона (Вѣстникъ Европы, 1873 г., кн. 6).
«Передъ судомъ», стихотвореніе изъ Гете (Вѣстникъ Европы, 1874 г., кн. 5).
«Послѣднее прости», стихотвореніе изъ Байрона» (Складчина, сборникъ, Спб., 1874 г.).
«Сестрѣ», стихотвореніе изъ Байрона (Отеч. Записки, 1875 г., кн. 7).
«Жалоба Тасса», стихотвореніе изъ Байрона (Вѣстникъ Европы, 1875 г., кн. 2).
«Миньона», стихотвореніе изъ Гете (тамъ же, кн. 6).
«Изюмскій гусарскій полкъ въ войнахъ 1812, 1813 и 1814 годовъ», эпизодъ изъ исторіи полка (Военный Сборникъ, 1875 г., кн. 7).
«Лара», поэма Байрона (Вѣстникъ Европы, 1876 г., кн. 4).
«Для будущаго полнаго собранія сочиненій А. С. Пушкина» (Русскій Архивъ, 1876 г., кн. 10).
«Чудная ночь», стихотвореніе изъ Гете (Вѣстникъ Европы, 1877 г.. кн. 12).
«Амуръ» и «Пѣсня», стихотворенія изъ Гете и Горація (Вѣстникъ Европы, 1879 г., кн. 1).
«Русскіе водевилисты: А. И. Писаревъ и Д. Т. Ленскій (Древняя и Новая Россія, 1879 г., кн. 5).
«Посѣщеніе», стихотвореніе изъ Гете (Еженедѣльн. Нов. Время, 1879 г., № 8).

«Побѣгъ трехъ братьевъ изъ Азова», украинская дума (Русскій Вѣстникъ, 1881 г., кн. 10).

«Семь стихотвореній Байрона», переводъ съ англійскаго (Русскій Вѣстникъ, 1882 г., кн. 1).

«Полное собраніе стихотвореній», два тома, Спб., 1882 г.

Кромѣ названныхъ трудовъ, покойный Гербель, подъ своей редакціей, напечаталъ слѣдующія изданія:

«Собраніе сочиненій Фр. Шиллера въ переводахъ русскихъ писателей». Часть первая и вторая: лирическія стихотворенія, Спб., 1857 г.; второе изданіе: Спб., 1860 г.; третье изданіе: Лейпцигъ, 1862 г.; четвертое изданіе: Лейпцигъ, 1863 г.; пятое изданіе: Спб., 1875 г. Часть третья: драматическія сочиненія, Спб., 1857 г.; второе изданіе: Спб., 1862 г.; третье изданіе: Спб., 1864 г. Часть четвертая: драматическія сочиненія, Спб., 1858 г.; второе изданіе: Спб., 1862 г.; третье изданіе: Спб., 1865 г. Часть пятая: драматическія сочиненія, Спб., 1859 г.; второе изданіе: Спб., 1864 г. Часть шестая: драматическія сочиненія, Спб., 1859 г.; второе изданіе: Спб., 1865 г. Часть седьмая: драматическія сочиненія, Спб., 1859 г.; второе изданіе: Спб., 1866 г. Часть восьмая: разныя сочиненія, Спб., 1860 г.; второе изданіе: Спб., 1870 г. Часть девятая: историческія сочиненія, Спб., 1861 г.

«Стихотворенія Н. Я. Прокоповича», Спб., 1858 г.

«Отголоски», собраніе стихотвореній, двѣ части, Спб., 1858 г.

«Лицей князя Безбородко», Спб., 1859 г. Второе изданіе: Спб., 1881 г.

«Переводы и подражанія Н. В. Берга», Спб., 1860 г.

«Кобзарь Тараса Шевченко въ переводахъ русскихъ поэтовъ», Спб., 1860 г., 203 стр. Второе изданіе: Спб., 1869 г. Третье изданіе: Спб., 1876 г.

«Переводы и подражанія И. С. Крешева», Спб., 1862 г.

«Сочиненія Е. П. Гребенки», собранныя, приведенныя въ порядокъ и изданныя съ предисловіемъ и библіографическою статьею, Спб., 1862 г., пять частей.

«Сочиненія лорда Байрона въ переводахъ русскихъ поэтовъ», Спб., 1864—1867 г., пять томовъ. Второе изданіе: Спб., 1873—1877 г., четыре тома.

«Собраніе сочиненій А. В. Дружинина», Спб., 1865—1867 г., восемь томовъ.

«Полное собраніе драматическихъ произведеній Шекспира въ переводѣ русскихъ писателей», четыре тома, Спб., 1866—1868 г. (вмѣстѣ съ Н. А. Некрасовымъ). Второе изданіе: Спб., 1876—1877 г., четыре тома. Третье изданіе: Спб., 1880 г., три тома.

«Поэзія славянъ, сборникъ лучшихъ поэтическихъ произведеній славянскихъ народовъ въ переводахъ русскихъ писателей», Спб., 1871 г.

«Горе отъ ума», комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ Грибоѣдова, тридцатое изданіе, Спб., 1873 г.

«Складчина, сборникъ, составленный изъ трудовъ русскихъ литераторовъ», изданный въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая въ Самарской губерніи, Спб., 1874 г. Отчетъ объ этомъ изданіи, составленный М. Семевскимъ и Гербелемъ, помѣщенъ въ «Русской Старинѣ» (1875 г., кн. 4, стр. 1—14, приложеніе).

«Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ», Спб., 1873 г. Второе изданіе: Спб., 1880 г.

«Полное собраніе сочиненій Гофмана», четыре тома, Спб., 1873—1874 г. (вмѣстѣ съ А. Л. Соколовскимъ).

«Англійскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ», Спб., 1875 г.
«Иностранные поэты въ переводѣ Д. М. Михайловскаго», Спб., 1876 г.
«Нѣмецкіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ», Спб., 1877 г.
«Братская помощь», сборникъ, Спб., 1876 г.
«Собраніе сочиненій Гете въ переводахъ русскихъ писателей», десять томовъ, Спб., 1878—1880 г.
«Полное собраніе сонетовъ Виліама Шекспира», Спб., 1880 г.

Герцъ, Карлъ Карловичъ [1]), родился въ Петербургѣ (1820 г.) среди купеческой семьи и первоначально воспитывался въ Московской практической академіи коммерческихъ наукъ; отсюда онъ поступилъ на первое отдѣленіе философскаго факультета въ Московскомъ университетѣ; по окончаніи курса съ степенью кандидата (1844 г.), благодаря рекомендаціи гр. С. Г. Строгонова, сдѣлался воспитателемъ въ домѣ князя Салтыкова (1844—1851 г.), а потомъ отправился въ долгое заграничное путешествіе; послѣ возвращенія въ Россію (1856 г.), при содѣйствіи П. М. Леонтьева, началъ читать въ Московскомъ университетѣ курсъ лекцій по археологіи и исторіи искусствъ, сначала какъ приватъ-доцентъ (съ 21-го августа 1857 года), затѣмъ въ качествѣ доцента (1870 г.), наконецъ (съ 1873 г.), какъ профессоръ; за выслугою срока уволенъ съ званіемъ заслуженнаго профессора (съ 21-го августа 1882 года); † 16-го февраля въ Москвѣ. Покойный, кромѣ постояннаго печатанія статей въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», подъ заглавіемъ «Археологія и искусства», издалъ отдѣльно или помѣстилъ въ журналахъ слѣдующіе труды:

«Обзоръ новѣйшихъ трудовъ нѣмецкихъ ученыхъ по части исторіи Германіи» (Современ., 1845 г., кн. 7).
«Шлоссеръ», переводъ изъ сочиненія Генриха Вуттке (кн. 10).
«Обзоръ иностранной литературы» (Современн., 1846 г., кн. 1—3). Подъ такимъ заголовкомъ разобраны слѣдующія сочиненія: «Наблюденіе надъ Англіей», Фоше; «Исторія восемнадцатаго и девятнадцатаго вѣковъ до паденія Французской имперіи», Шлоссера; «О Робертсонѣ, Юмѣ и Гиббонѣ».
«Абеляръ», изъ сочиненія Жюль-Симона (Современн., 1846 г., кн. 6).
«Разборъ «Исторіи новѣйшихъ временъ», проф. Дрейлена» (кн. 7).
«О «Всеобщей исторіи», проф. Лоренца» (тамъ же).
«Фихте», переводъ съ нѣмецкаго (кн. 11).
«О современномъ значеніи исторіи» (кн. 12).
«Обзоръ исторической литературы за первую половину 1846 года» (тамъ же).
«Историческій сборникъ», Спб., 1847 г., книга первая, 171 стр.
«Вильма», разсказъ (Москвитян., 1851 г., кн. 9).
«О портретномъ искусствѣ у древнихъ», отрывокъ изъ неизданныхъ лекцій Рауль-Рошетта (Пропилеи, изданіе П. М. Леонтьева, М., 1856 г., кн. 5).
«Археологія и новѣйшее искусство» (Русск. Вѣстн., 1857 г., кн. 4).

---

[1]) О немъ: «Московск. Вѣдом.», 1883 г., № 48; «Отчетъ импер. Московск. университета», 1884 г., стр. 261—265.

«О значеніи исторіи искусства», вступительная лекція, читанная 5-го октября 1857 года (Московск. Вѣдом., 1857 г., №№ 122 и 126). Отдѣльный оттискъ: М., 1857 г., 20 стр.

«Нынѣшнее состояніе исторіи и археологіи искусства въ Германіи» (Отеч. Зап., 1857 г., кн. 6). Отдѣльный оттискъ: Спб., 1857 г., 20 стр.

«Итальянскій архитекторъ и археологъ Канина» (Русскій Вѣстникъ, 1857 г., кн. 10).

«Новая біографія Веласкеса, испанскаго живописца» (кн. 13 и 15).

«Объ основаніи художественнаго музея въ Москвѣ» (Московск. Вѣдом., 1858 г., № 1).

«Погребальные обряды древнихъ египтянъ» (Отеч. Записки, 1858 г., т. 118).

«Францъ Куглеръ» (Московск. Вѣдом., 1858 г., № 45).

«Египтологія и новѣйшія открытія въ Египтѣ» (Русск. Вѣстн., 1858 г., кн. 8).

«Нѣмецкій акварельный живописецъ Карлъ Вернеръ» (тамъ же).

«Фотографія въ отношеніи къ исторіи искусства» (кн. 9).

«Новый атласъ для изученія исторіи искусства» (Атеней, 1858 г., ч. I, № 6).

«Леонардо да Винчи» (ч. III, №№ 25 и 26).

«Итальянская живопись въ средніе вѣка» (ч. V, № 40).

«Исторія византійской эмали», по поводу сочиненій Лабарта и Забѣлина (Лѣтописи русск. литер. и древн., 1859 г., т. I, кн. 1).

«Предисловіе къ сказанію о созданіи великія Божія церкви св. Софіи въ Константинополѣ» (тамъ же, т. II, кн. 3).

«Исторія искусства въ 1858 году» (Московск. Обозрѣніе, 1859 г.).

«Классическая археологія: Иродъ Аттикъ, строитель Одеона въ Аѳинахъ» (Атеней, 1859 г., ч. I, № 3).

«О состояніи живописи въ сѣверной Европѣ отъ Карла Великаго до начала Романской эпохи» (Журналъ мин. нар. просв., 1859 г., ч. 103).

«Миніатюры Остромірова Евангелія» (Лѣтописи русск. литер. и древн., 1860 г., т. III, кн. 5).

«Археологическія и художественныя извѣстія» (Московск. Вѣдом., 1860 г., №№ 121 и 187).

«О словарѣ французской академіи художествъ» (Отеч. Зап., 1860 г.).

«О венеціанской школѣ живописи» (тамъ же).

«Изъ Петербурга: три художественныя письма» (Русск. Вѣстникъ, 1860 г., кн. 9, 11 и 19).

«Новый уставъ импер. академіи художествъ» (Русск. Вѣстникъ, 1860 г., кн. 14).

«Рафаэль-граверъ» (Русск. Рѣчь, 1861 г., № 79).

«Старые и новые біографы Микель-Анджело» (тамъ же).

«Памятники византійскаго искусства на Аѳонской горѣ» (Московск. Вѣдом., 1861 г., № 151).

«Археологія въ 1860 году» (тамъ же, № 168).

«Новыя пріобрѣтенія импер. эрмитажа въ Петербургѣ» (тамъ же, № 199).

«Новые матеріалы для біографіи Микель-Анджело» (тамъ же, № 202).

«І. Д. Пассаванъ», некрологъ (тамъ же).

«Эронделево общество въ Лондонѣ» (Русск. Вѣстникъ, 1861 г., кн. 7).

«Первый отчетъ комитета Общества любителей художествъ» (Московск. Вѣдом., 1862 г., № 37). То же перепечатано въ изданіи: «Картинн. Галлереи Европы» (1862 г., т. I, № 8—12).

«Реставрація Венеры Милосской» (Современ. Лѣтопись, 1862 г., № 38).

«Археологическія и художественныя извѣстія» (Московск. Вѣдом., 1862 г., №№ 104, 134, 167, 190, 191 и 206).
«Археологія въ 1861 году» (тамъ же, №№ 145 и 167).
«Художественныя извѣстія изъ Бельгіи (тамъ же, № 157).
«Происхожденіе Рафаэлевскихъ картоновъ, принадлежавшихъ А. Д. Лухманову» (Современн. Лѣтопись, 1863 г., № 25).
«Новѣйшія открытія въ Іерусалимѣ» (С.-Петерб. Вѣдом., 1864 г., № 92).
«Каталогъ картинъ и скульптурнаго отдѣленія Московскаго публичнаго музея», М., 1864 г.
«Археологическія бесѣды у гр. А. С. Уварова» (тамъ же, № 117).
«Таинство покаянія, картина Ф. Овербека», М., 1865 г.
«Экспедиція Ренана въ Финикію» (Современн. Лѣтопись, 1865 г., № 25).
«Эпиграфика Константинополя» (Московск. универс. извѣст., 1865 г.).
«Библіографія по археологіи» (Древности московск. археологич. Общества, 1865 г., т. I, вып. 1).
«Каталогъ гравировальнаго отдѣленія Московскаго публичнаго музея», М., 1866 г.
«Разборъ сочиненій археологическаго содержанія» (Археологическ. Вѣстникъ, 1867 г., № 2).
«Новый иконографическій словарь Кайэ» (Журналъ мин. нар. просв., 1867 г., т. 136, кн. 11).
«Выставка портретовъ русскихъ достопримѣчательныхъ людей» (Современн. Лѣтопись, 1868 г., № 39).
«О погребальныхъ обрядахъ грековъ и греко-скиѳовъ на Босфорѣ Киммерійскомъ» (Сборникъ антропол. и этнографич. статей о Россіи и странахъ, ей прилежащихъ, М., 1868 г., кн. 1).
«О трудахъ владимірск. губ. статистич. комитета и ярославскаго губ. статистическаго комитета» (Древности московск. археолог. Общества, 1869 г., т. II, вып. 2).
«Археологическая топографія Таманскаго полуострова», изслѣдованіе съ 15-ю политипажами, одною хромолитографическою и тремя литографированными картами, М., 1870 г. (магистерская диссертація).
«Восточное и древне-греческое искусство» (Журналъ министр. народн. просвѣщ., 1871 г.).
«Письма изъ Италіи и Сициліи» (Московск. Вѣдом., 1871—1872 гг.). Отдѣльно: М., 1873 г.
«О состояніи живописи въ сѣверной Европѣ отъ Карла Великаго до начала Романской эпохи (IX и X столѣт.), М., 1873 г. (докторская диссертація).
«Слѣды христіанства въ Помпеѣ» (Правосл. Обозрѣніе, 1874 г.).
«Историческій обзоръ археологическихъ изслѣдованій и открытій на Таманскомъ полуостровѣ съ конца XVIII столѣтія до 1859 года» (Древности московск. археологич. Общества, 1875—1876 г.). Отдѣльно: М., 1876 г., 118 стр. и одна карта.
«Каталогъ скульптурнаго отдѣленія Московскаго публичнаго музея», М., 1875 г., 26 стр.
«Раскопки г. Шлимана въ Микенахъ» (Русск. Вѣстн., 1877 г., кн. 4).
«Греческія статуетки изъ Танагры» (Русск. Вѣстн., 1878 г., кн. 5).
«Геометрическая орнаментація и ея происхожденіе», М., 1879 г., 12 стр.
«О раскопкахъ въ Олимпіи» (Критич. Обозр., 1880 г.).

«О новыхъ археологическихъ изданіяхъ» (Древности московск. археолог. Общества, 1881 г.).

«Нумизматическій кабинетъ гр. Румянцова» (Сборникъ матеріаловъ для исторіи Румянцовск. музея, М., 1882 г., вып. I).

«Генрихъ Шлиманъ, его жизнь, раскопки и литературные труды» (Русск. Вѣстн., 1882 г., кн. 2).

Глинка, Дмитрій Павловичъ[1]), долгое время состоялъ при посольствѣ различныхъ германскихъ дворовъ, затѣмъ, секретарь русскаго посольства въ Лондонѣ, наконецъ, полномочный министръ въ Ріо-Жанейро и съ 1871 года при португальскомъ дворѣ; † въ іюнѣ въ Лиссабонѣ. Онъ написалъ пофранцузски и издалъ за границею книгу, которую «съ четвертаго, вполнѣ передѣланнаго, изданія» перевелъ П. А. Бибиковъ и напечаталъ подъ заглавіемъ: «Наука о человѣческомъ обществѣ» (Спб., 1870 г.).

Голенищевъ-Кутузовъ-Толстой, Павелъ Матвѣевичъ, † 23-го февраля въ Москвѣ, помѣстилъ двѣ замѣтки:

«По поводу печатанія переписки кн. Кутузова-Смоленскаго» (Русскій Міръ, 1872 г., № 97).

«Нѣсколько словъ о князѣ М. И. Голенищевѣ-Кутузовѣ-Смоленскомъ» (Русскій Архивъ, 1883 г., кн. 4, стр. 361—364).

Григоровскій, П...... Г.........[2]), посвятилъ свою жизнь распространенію христіанства между остяками, пока Братство св. Гурія не вызвало его въ Казань; тамъ ему былъ порученъ переводъ св. Писанія на остяцкій языкъ, которымъ онъ и занимался до лѣта 1882 года, когда, по командировкѣ западно-сибирскаго Отдѣла императорскаго географическаго Общества, отправился въ путешествіе по Васюганскому краю; † въ апрѣлѣ, въ селѣ Ново-Ильинскомъ, Томской губерніи. Покойный миссіонеръ, кромѣ переводовъ духовнаго содержанія на остяцкій языкъ, напечаталъ статьи:

«Крестьяне-старожилы Нарымскаго края» (Записки запад.-сибирск. Отд. импер. географическ. Общества, кн. I).

«Очерки Нарымскаго края» (тамъ же, кн. IV).

Гриневъ, Аполлонъ Аѳанасьевичъ[3]), сначала служилъ въ арміи, потомъ вышелъ въ отставку; онъ сильно любилъ театръ, особенно балетные спектакли, такъ что нѣсколько лѣтъ не пропустилъ ни одного представленія въ Большомъ петербургскомъ театрѣ, когда давали балетъ; † 8-го іюля въ Дуббельнѣ. Ему принадлежала пьеса, поставленная на александринской сценѣ и изданная литографскимъ способомъ, подъ названіемъ:

«Каковы люди, таковы и дѣла», оригинальная комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ и пяти картинахъ (М., 1877 г., 135 стр.).

---

[1]) См. «Историч. Вѣстникъ», 1883 г., кн. 7, стр. 235—236.

[2]) О немъ: «Московск. Церковн. Вѣдом.», 1884 г., № 49.

[3]) См. «Нов. Время», 1883 г., № 2,644.

Далматъ (въ мірѣ Долгополовъ)[1], сынъ сельскаго священника, воспитывался въ воронежской духовной семинаріи и, по окончаніи курса, занялъ мѣсто отца; но послѣ смерти жены поступилъ въ Кіевскую духовную академію, гдѣ постригся въ монахи (1857 г.) и окончилъ курсъ кандидатомъ богословія (1859 г.); затѣмъ восемь лѣтъ служилъ преподавателемъ въ одной изъ духовныхъ семинарій; въ 1867 году, его назначили ректоромъ екатеринославской семинаріи и возвели въ санъ архимандрита, а 2-го апрѣля 1883 года, его посвятили въ санъ епископа новомиргородскаго, перваго викарія Херсонской епархіи; † 23-го декабря, въ Херсонѣ. Имъ напечатаны нѣсколько проповѣдей въ «Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ».

Димитрій, въ мірѣ Климентъ Ивановичъ Муретовъ[2], замѣчательный іерархъ-проповѣдникъ, родился въ 1811 году, воспитывался въ рязанской семинаріи и Кіевской духовной академіи; постриженный въ монашество еще на студенческой скамьѣ, онъ окончилъ академическій курсъ первымъ магистромъ богословія (1835 г.); затѣмъ занялъ каѳедру богословія въ той же академіи съ званіемъ баккалавра (съ 7-го октября 1835 г.) и профессора (съ 6-го сентября 1837 г.); возведенный въ санъ архимандрита (1838 г.), былъ назначенъ инспекторомъ (4-го февраля 1838 г.) и ректоромъ (24-го апрѣля 1841 г.) Кіевской академіи; послѣ того, епископъ тульскій и бѣлевскій (съ 23-го декабря 1851 г. до 11-го іюня 1857 г.), епископъ (съ 11-го іюня 1857 г.) и архіепископъ (съ 16-го ноября 1860 г.) херсонскій и одесскій (до 2-го октября 1874 г.), ярославскій и ростовскій (со 2-го октября 1874 г. до 26-го апрѣля 1876 г.), волынскій и житомірскій (съ 26-го апрѣля 1876 г. до 20-го февраля 1882 г.), наконецъ, снова архіепископъ херсонскій и одесскій (съ 20-го февраля 1882 г.); † 14-го ноября, въ Одессѣ. Почившій архипастырь, кромѣ проповѣдей, помѣщенныхъ въ «Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» тѣхъ губерній, гдѣ состоялъ на духовной службѣ, напечаталъ слѣдующіе труды:

«О путяхъ промысла Божія въ обращеніи грѣшниковъ и о путяхъ покаянія

---

[1]) О немъ: «Московск. Вѣдом.», 1883 г., № 361, и 1884 г., № 8.

[2]) О немъ: въ книгѣ «Пятидесятилѣтній юбилей Кіевск. дух. академіи», Кіевъ, 1869 г., стр. 98—99, 216—218, 383 и 385; «Церковно-Обществ. Вѣстникъ», 1874 г., № 131; «Ярославск. Епарх. Вѣдом.», 1875 г., №№ 2 и 7; «Херсонск. Епарх. Вѣдом.», 1874 г., № 22; «Всеміpн. Иллюстр.», 1875 г., № 314; «Газета Гатцука», 1875 г., № 16; «Ярославск. Епарх. Вѣдом.», 1876 г., №№ 21, 23, 28, 47 и 52; въ періодическихъ изданіяхъ 1883 года: «Московск. Листокъ», № 317; «Московск. Церковн. Вѣдом.», № 47; «Московск. Вѣдом.», №№ 320, 321, 324, 325, 328, 330, 345 и 359; «Херсонск. Епарх. Вѣдом.», № 23; «Родина», № 21; «Русск. Вѣдом.», № 319; «Современн. Извѣстія», № 319, 320, 322 и 341; въ періодическихъ изданіяхъ 1884 года: «Московск. Вѣдом.», № 18; «Историч. Вѣстникъ», кн. 2, стр. 341—345; «Православн. Обозр.», кн. 4, стр. 813—822; «Кіевск. Старина», 1883 г., кн. 12, стр. 704—713.

для обращенныхъ», магистерская диссертація (Собраніе сочиненій студентовъ Кіевской дух. академіи, Кіевъ, 1839 г., т. I).

«Собраніе словъ, бесѣдъ и рѣчей, говоренныхъ въ разныя времена», Одесса, 1859 г., томъ первый.

«Слова, бесѣды и рѣчи», Спб., 1885 г., томъ первый, 360 стр. (посмертное изданіе).

Кромѣ названныхъ произведеній, покойный постоянно помѣщалъ свои «слова» и «рѣчи» въ «Православномъ Обозрѣніи» (1877—1883 г.).

Добротворскій, Иванъ Михайловичъ[1]), сынъ священника, родился въ селѣ Стрѣлкахъ, Арзамасскаго уѣзда, Нижегородской губерніи (1832 г.) и учился сначала въ тамошней семинаріи, а потомъ въ Казанской духовной академіи, гдѣ и окончилъ курсъ магистромъ богословія (1856 г.); послѣ того, баккалавръ той же академіи по каѳедрѣ исторіи раскола (1858—1868 г.) и профессоръ церковной исторіи въ Казанскомъ университетѣ (1868—1883 г.); † 7-го сентября, въ Казани. Имъ напечатаны:

«Историческія свѣдѣнія объ Иргизскихъ мнимостарообрядческихъ монастыряхъ, до обращенія ихъ къ единовѣрію» (Православный Собесѣдникъ, 1857 г., кн. 2—3).

«Обращеніе Иргизскихъ старообрядческихъ монастырей къ единовѣрію» (тамъ же, 1858 г., ч. I).

«Свѣдѣнія о сектѣ такъ называющихся въ русскомъ расколѣ людей божіихъ» (тамъ же, 1858 г., ч. I). Позже это изслѣдованіе вышло отдѣльно подъ заглавіемъ: «Люди божіи, русская секта такъ называемыхъ духовныхъ христіанъ» (Казань, 1869 г.).

«Полемическій вопросъ по расколу», по поводу книги г. Нильскаго: «Объ антихристѣ» (Православн. Обозр., 1860 г., кн. 12).

«Рецензія на книгу г. Предтеченскаго: «О необходимости священства противъ безпоповцевъ» (тамъ же, 1861 г., кн. 3).

«Русскій расколъ въ его отношеніи къ церкви и правительству» (тамъ же, 1862 г., кн. 3).

«Каноническая книга Стоглавъ или не каноническая?» (Православн. Собесѣдн., 1863 г., кн. 3—5).

«Библіографическая замѣтка о новомъ изданіи постановленій Стоглаваго собора 1551 года» (тамъ же, кн. 10).

«Притча въ древне-русской духовной письменности» (тамъ же, 1864 г., кн. 4).

«Къ вопросу о людяхъ божіихъ» (тамъ же, 1870 г., кн. 1).

Подъ редакціей Добротворскаго еще напечатаны: «Стоглавъ», въ полномъ видѣ, по нѣсколькимъ рукописямъ, съ предисловіемъ (Правосл. Собесѣдн., 1862 г., ч. I, II и III), и сочиненіе инока Зи-

---

[1]) См. «Извѣстія Казанскаго университета», 1882 г., т. XVIII, стр. 239—241; «Историч. Вѣстникъ», 1883 г., кн. 11, стр. 462—463; «Московск. Церковн. Вѣдом.», 1883 г., № 39; «Московск. Вѣдом.», 1883 г., № 260; «Годичный актъ въ император. Казанскомъ университетѣ», Казань, 1883 г., стр. 96—98.

новія: «Истины показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи», тоже съ предисловіемъ (1863 г., ч. I, II и III; 1864 г., ч. I, II и III).

Диброво, Илья Ивановичъ [1]), окончилъ курсъ лѣкаремъ въ Петербургской военно-медицинской академіи и поступилъ ординаторомъ московскаго военнаго госпиталя, гдѣ и служилъ до смерти; † 27-го мая, въ Москвѣ. Покойный состоялъ редакторомъ «Лѣтописей хирургическаго Общества» и для полученія степени доктора медицины напечаталъ диссертацію подъ такимъ заглавіемъ:

«Гистологическія измѣненія сѣменной железы послѣ перевязки сосудовъ канатика», съ шестью рисунками (Спб., 1879 г., 56 стр.).

Евсевій, въ мірѣ Евѳимій Поликарповичъ Орлинскій [2]), родился въ селѣ Черномъ Верхѣ, Бѣлевскаго уѣзда, Тульской губерніи (1808 г.) и воспитывался въ мѣстной семинаріи, изъ которой поступилъ въ Московскую духовную академію (1828 г.); тамъ, постриженный въ монашество (29-го мая 1832 г.), онъ окончилъ курсъ магистромъ богословія (1832 г)., а послѣ того опредѣленъ профессоромъ церковной исторіи и греческаго языка, вмѣстѣ съ тѣмъ и инспекторомъ въ Виѳанскую семинарію (съ 29-го августа 1832 г. до 25-го ноября 1834 г.); переведенъ въ московскую семинарію инспекторомъ и профессоромъ философіи (съ 25-го ноября 1834 г. до 31-го августа 1838 г.); затѣмъ — инспекторъ и баккалавръ богословскихъ наукъ въ Московской духовной академіи (съ 31-го августа 1838 г.); возведенный въ санъ архимандрита (15-го октября 1838 г.), былъ назначенъ ректоромъ той же академіи (25-го ноября 1841 г.) и настоятелемъ московскихъ Богоявленскаго и Высокопетровскаго монастырей; потомъ — ректоръ Петербургской духовной академіи и вмѣстѣ съ тѣмъ—епископъ винницкій (съ 17-го января 1847 г. до 10-го декабря 1850 г.), епископъ самарскій и ставропольскій (съ 10-го декабря 1850 г. до 3-го ноября 1856 г.), епископъ и позже архіепископъ иркутскій и нерчинскій (съ 3-го ноября 1856 г. до 29-го августа 1860 г.); наконецъ, архіепископъ могилевскій и мстиславскій (съ 29-го августа 1860 г.); назначенный членомъ св. синода (съ 16-го апрѣля 1878 г.), онъ уволился на покой (съ 6-го октября 1882 г.); † 21-го февраля въ Могилевѣ. Покойный напечаталъ слѣдующіе труды:

---

[1]) «Московск. Вѣдом.», 1883 г., № 147.

[2]) О немъ: «Списки настоятелей московск. Высокопетровск. монастыря», архим. Григорія, М., 1874 г., стр. 26—28; «Исторія Московск. духовн. академіи», С. Смирнова, М., 1879 г., стр. 70—75, 122, 258, 259, 271, 315, 380, 383, 400, 426—427; «Московск. Церковн. Вѣдом.», 1883 г., № 11; «Московск. Вѣдом.», 1883 г., № 21; брошюра И. Каргопольцева: «Евсевій, архіепископъ могилевскій» (Могилевъ, 1883 г.); «Московск. Вѣдом.», 1885 г., № 245; «Исторія С.-Петерб. академіи», Чистовича, Спб., 1857 г., стр. 314, 335—336.

«О воспитаніи» (Прибавленія къ Твореніямъ св. отецъ, 1843 г., ч. 1).
«О православной Христовой церкви» (тамъ же).
«О промыслѣ Божіемъ» (тамъ же).
«О воспитаніи дѣтей въ духѣ христіанскаго благочестія», изъ Зайлера, М., 1844 г. Второе изданіе: Спб., 1857 г. Третье изданіе: Спб., 1876 г.
«Размышленія о страданіяхъ Господа нашего Іисуса Христа» (Прибавленія къ Твореніямъ св. отецъ, 1844 г., ч. 2). Второе изданіе: Спб., 1848 г.
«О семейныхъ обязанностяхъ» (тамъ же).
«О трояконъ служеніи Іисуса Христа» (тамъ же).
«Достопамятныя сказанія о подвижничествѣ святыхъ и блаженныхъ отцевъ», переводъ съ греческаго, М., 1845 г. Второе изданіе: Спб., 1856 г.
«О божественности христіанской религіи» (Прибавленія къ Твореніямъ св. отецъ, 1845 г., ч. 3). Отдѣльно: М., 1845 г.
«О приготовленіи рода человѣческаго къ принятію Спасителя» (тамъ же).
«Размышленія на молитву Господню» (тамъ же). Второе изданіе: Спб., 1849 г. Третье изданіе: Спб., 1871 г.
«Бесѣды о спасительныхъ таинствахъ» (тамъ же, 1846 г., ч. 4). Отдѣльно: М., 1849 г.; Спб., 1857 г. и Спб., 1872 г.
«Слово на Рождество Христово» (тамъ же).
«Рѣчь св. синоду по нареченіи епископомъ винницкимъ» (Христіанское Чтеніе, 1847 г., ч. II).
«Утѣшеніе въ скорби и болѣзни», Спб., 1849 г., 1864 г., 1874 г. и 1879 г.
«Лавсаикъ епископа Еленопольскаго Палладія», переводъ съ греческаго, Спб., 1850 г.
«Весѣды на воскресныя и праздничныя Евангелія», два тома, М., 1855 г. Второе изданіе: Спб., 1863 г. Третье изданіе: Спб., 1876 г.
«Слово къ Самарской паствѣ», М. 1857 г.
«О христіанской надеждѣ и любви», М., 1858 г.
«Наставленіе священникамъ, служащимъ между язычниками и новообращенными къ православной вѣрѣ», Спб., 1860 г.
«Бесѣды о христіанской свободѣ къ получившимъ свободу отъ крѣпостной зависимости», Спб., 1861 г. Второе изданіе: Спб., 1864 г.
«Бесѣды къ своей душѣ», Спб., 1863 г. и 1873 г.
«О православной вѣрѣ: поученія, предложенныя по порядку пространнаго катехизиса православной церкви», три тома, Спб., 1863 г. Второе изданіе: Спб., 1865 г. Третье изданіе: Спб., 1877 г., въ двухъ книгахъ.
«Пять словъ: на новый годъ, въ недѣлю мясопустную, въ недѣлю православія, на Благовѣщеніе и въ великій пятокъ», Спб., 1863 г.
«Бесѣды о пьянствѣ», М., 1864 г.
«Бесѣды на первое соборное посланіе апостола Іоанна Богослова», Спб., 1864 г. Второе изданіе: Спб., 1881 г.
«Бесѣды на воскресныя и праздничныя чтенія изъ Апостола», двѣ части, Спб., 1867 г.
«Проповѣди на всѣ воскресные и праздничные дни», два тома, Спб., 1870 г.
«Размышленія на символъ вѣры», Спб., 1871 г.
«Бесѣды на св. Евангеліе отъ воскрешенія Лазаря до сошествія Св. Духа», двѣ части, Спб., 1875 г. Второе изданіе: Спб., 1880 г., въ двухъ книгахъ.

Жадовская, Юлія Валерьяновна [1]), извѣстная писательница, родилась 29-го іюня 1824 года, въ сельцѣ Субботинѣ, Любимскаго уѣзда, Ярославской губерніи; воспитывалась, за смертью матери, у бабушки Н. П. Готовцевой и тетки А. И. Корниловой; но образованіе получила въ костромскомъ женскомъ пансіонѣ г-жи Прибытковой, гдѣ преподавателемъ словесности былъ П. М. Перевлѣсскій, направившій Жадовскую на литературную дорогу; по окончаніи образованія, она поселилась у отца въ Ярославлѣ и начала писать стихи; отецъ, видя дарованіе дочери, повезъ ее въ Москву и Петербургъ, познакомилъ со многими писателями и издателями; по возвращеніи на родину, Ю. В. стала продолжать свою литературную дѣятельность, но съ половины шестидесятыхъ годовъ покинула журнальное поприще; † въ іюлѣ въ своемъ имѣніи — сельцѣ Толстиковѣ, Буевскаго уѣзда, Костромской губерніи. Покойная, кромѣ своего участія въ «Московскомъ Городскомъ Листкѣ», «Ярославскомъ литературномъ сборникѣ» (1849 года), «Иллюстраціи», «Сынѣ Отечества» и «Сборникѣ въ память Смирдина», напечатала слѣдующія произведенія:

«Проводы масляницы въ Буйскомъ и Солигалицкомъ уѣздахъ» (Москвитян., 1843 г., ч. II).

«Два стихотворенія» (Москвитян., 1843 г., ч. VI).

«Водяной», стихотвореніе (тамъ же, 1844 г., ч. III, кн. 6).

«Стихотворенія», М., 1846 г.

«Я вновь полна чудесныхъ звуковъ», «Сила звуковъ», «Облака» и «Прощай», четыре стихотворенія (Библіот. для Чтенія, 1847 г., т. 81, кн. 4).

«Взглядъ», «Я вновь полна чудесныхъ звуковъ», «Облака» и «Возрожденіе», четыре стихотворенія (Московск. литер. и учен. сборникъ, М., 1847 г.).

«Никто не виноватъ», стихотвореніе (Москвитян., 1848 г., ч. II).

«Посѣщеніе», разсказъ (тамъ же, ч. III).

«Вечернія думы», стихотвореніе (тамъ же, ч. V).

«Дума» и «Когда я грущу», два стихотворенія (тамъ же, ч. VI).

«Ни тьма, ни свѣтъ», повѣсть (тамъ же, ч. VI, кн. 11).

«Необходимое притворство» и «Вечеръ», два стихотворенія (тамъ же, 1849 г., ч. I).

«Переписка», повѣсть (тамъ же, ч. II, кн. 4).

«У портрета» и «Пробужденье сердца», два стихотворенія (тамъ же, ч. III).

«Непринятая жертва», повѣсть (тамъ же, ч. VI, кн. 11).

«Письмо къ Ю(рію) Н(икитичу) В(артеневу)» (тамъ же, ч. III).

«Сила прошедшаго», повѣсть (тамъ же, 1851 г., кн. 6).

«Нѣтъ, полно, брось перо», стихотвореніе (тамъ же, 1852 г., ч. I, кн. 2).

«Отсутствующему другу», стихотвореніе (тамъ же, ч. IV, кн. 13).

---

[1]) О ней: «Новый Русскій Базаръ», 1875 г., № 2; «Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ», Н. Гербеля, Спб., 1880 г., стр. 633—635; въ періодическихъ изданіяхъ 1883 года: «Московск. Листокъ», № 258; «Московск. Вѣдом.», № 260; «Записки учителя», кн. 6, стр. 356—357; «Историч. Вѣстникъ», кн. 11, стр. 463.

«Первая любовь», эпизодъ изъ неоконченнаго романа (Москвитян., 1853 г., ч. III кн. 5 и 6).

«Кто мнѣ родня?» и «Страсти истинной, глубокой...», два стихотворенія (тамъ же, ч. VI).

«Полночная молитва» и «Раннимъ утромъ», два стихотворенія (тамъ же, 1854 г., ч. VI, кн. 24).

«Прошедшій годъ» и «Небо голубое» (тамъ же, 1855 г., ч. III, кн. 6).

«Одиночество», «Небо голубое» и «Ель», три стихотворенія (Раутъ, изданіе Н. В. Сушкова, М., 1854 г.).

«Житье-бытье на Корегѣ, записки Гульпинской, Авдотьи Степановны» (Русскій Вѣстникъ, 1857 г., т. VII, кн. 1).

«Ель», стихотвореніе изъ Фрейлиграта (тамъ же).

«Въ сторонѣ отъ большаго свѣта», романъ (Русскій Вѣстникъ, 1857 г., кн. 5—8). Отдѣльно: М., 1857 г.

«Повѣсти», М., 1858 г.

«Стихотворенія», Спб., 1858 г.

«Женская исторія», романъ въ трехъ частяхъ (Время, 1861 г., кн. 2—4). Отдѣльно: Спб., 1861 г.

«Отсталая», повѣсть (тамъ же, кн. 12).

Уже послѣ кончины писательницы, ея братъ П. В. Жадовскій напечаталъ:

«Полное собраніе сочиненій Ю. В. Жадовской, посмертное изданіе», три тома, Спб., 1885 г.

«Сочиненія Ю. В. Жадовской, посмертное изданіе: стихотворенія и переписка», одинъ томъ, Спб., 1886 г.

Жандръ, Александра Васильевна [1]), долгое время писала въ «Московскія Вѣдомости» корреспонденціи изъ Вѣны, а затѣмъ, послѣ переѣзда въ Москву, составляла для той же газеты обзоръ современныхъ общественныхъ явленій, подъ названіемъ: «Калейдоскопъ»; † 29-го апрѣля въ Москвѣ.

Зарудный, Митрофанъ Ивановичъ [2]), родился въ 1836 году и воспитывался въ императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія; по окончаніи курса въ немъ (1855 г.), служилъ по министерству юстиціи до 1881 года, когда неизлѣчимая душевная болѣзнь прервала его служебную дѣятельность; † 26-го марта въ Петербургѣ. Имъ напечатаны:

«О постановленіи вопросовъ и порядкѣ собиранія голосовъ при рѣшеніи дѣлъ» (Архивъ историческ. и практич. свѣдѣній, 1859 г.).

«Англійскіе суды», изъ путевыхъ замѣтокъ (Русскій Вѣстникъ, 1860 г., кн. 15 и 16).

«Путевыя замѣтки о тюрьмахъ и уголовныхъ наказаніяхъ въ Англіи» (тамъ же, кн. 18).

---

[1]) О ней: «Московск. Вѣдомости», 1883 г., № 118.

[2]) О немъ: «Историческій Вѣстникъ», 1883 г., кн. 5, стр. 485.

«Очеркъ путешествія въ Шотландію и Ирландію» (Современн. Лѣтопись, 1861 г., №№ 12—14, 20, 29 и 32).

«Убійство въ Степнеѣ» (Русскій Вѣстникъ, 1861 г., кн. 11).

«Парижскія тюрьмы», отрывокъ изъ путевыхъ замѣтокъ (Журналъ мин. юстиціи, 1862 г., т. XI, кн. 1).

«Очеркъ шотландскаго судоустройства» (Журналъ мин. юстиціи, 1862 г., т. XI, кн. 1).

«Суды общаго закона (Common law) и справедливости (Equity) въ Англіи» (тамъ же, т. XIV, кн. 12).

«Французскіе суды» (Русскій Вѣстникъ, 1862 г., кн. 11).

«Нѣсколько словъ о предварительномъ слѣдствіи въ Англіи» (Петерб. Вѣдом., 1863 г., № 60).

«Гароттеры и настоящее состояніе тюремъ въ Англіи» (тамъ же, № 71).

«Томасъ Эрскинъ, англійскій адвокатъ» (Русскій Вѣстникъ, 1863 г., кн. 3).

«Общественный бытъ Англіи, очерки земства, города и суда, съ характеристикою соотвѣтственныхъ учрежденій Франціи и современныхъ преобразованій въ Россіи», Спб., 1865 г.

«Нѣкоторыя черты современнаго положенія Франціи» (Русскій Вѣстникъ, 1865 г., кн. 5).

«Законы и жизнь, итоги изслѣдованія крестьянскихъ судовъ», Спб., 1874 г.

Игнатій, въ мірѣ Николай Дмитріевичъ Рождественскій [1]), сынъ священника Московской въ бывшемъ Георгіевскомъ монастырѣ церкви, родился въ 1825 году; воспитывался въ московской духовной семинаріи и Московской духовной академіи; въ послѣдней, постриженный въ монашество (21-го мая 1850 г.). окончилъ курсъ магистромъ богословія (1850 г.); послѣ того—инспекторъ, преподаватель словесности, латинскаго и греческаго языковъ, священнаго писанія и библейской исторіи въ московской семинаріи (съ 13-го декабря 1850 г.); возведенный въ санъ архимандрита (1-го января 1855 г.), опредѣленъ ректоромъ и профессоромъ въ Виѳанскую семинарію (съ 25-го октября 1857 г.), настоятелемъ московскаго Знаменскаго монастыря (съ 7-го августа 1859 г.), ректоромъ московской духовной семинаріи (съ 10-го января 1861 г.) и настоятелемъ тамошняго Богоявленскаго монастыря (съ 25-го октября 1863 г.); потомъ назначенъ епископомъ можайскимъ, викаріемъ Московской митрополіи (съ 18-го іюля 1866 г.), епископомъ дмитровскимъ, викаріемъ той же епархіи (съ 17-го декабря 1877 г.) и, наконецъ, епископомъ костромскимъ и галицкимъ (съ 11-го февраля 1878 г.); † 7-го іюня въ Костромѣ. Кромѣ проповѣдей,

[1]) О немъ: «Списки настоятелей московск. Высокопетровск. монастыря», архим. Григорія, М., 1874 г., стр. 35—37; «Исторія Московской духовной академіи», С. Смирнова, М., 1879 г., стр. 444; «Московск. Церковн. Вѣдом.», 1883 г., № 26 и 27; «Московск. Вѣдом.», 1883 г., №№ 160, 166 и 171; «Вѣнокъ на могилу преосв. Игнатія, епископа костромскаго», состав. архим. Іустиномъ, Кострома, 1883 г.

помѣщенныхъ въ «Костромскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ», напечатана его:

«Рѣчь по нареченіи въ епископа Можайскаго» (Душеполезн. Чтеніе, 1866 г., кн. 8, и Православн. Обозр., 1866 г., кн. 8).

Іаннуарій, въ мірѣ Георгій Ивановичъ Пановъ [1]), родился въ Минской губерніи (1823 г.), воспитывался въ орловской семинаріи и Кіевской духовной академіи; по окончаніи курса въ послѣдней со степенью магистра богословія (1849 г.), постриженный въ монашество, былъ назначенъ профессоромъ кіевской и подольской семинарій; возведенный въ санъ архимандрита (1853 г.), опредѣленъ ректоромъ астраханской семинаріи и настоятелемъ тамошняго Предтечева монастыря (1862 г.), а потомъ ректоромъ минской семинаріи (1869 г.); наконецъ, епископъ брестскій, викарій Литовской епархіи (съ 16-го мая 1877 г.) и епископъ балтскій, викарій Подольской епархіи (съ 17-го февраля 1879 г.); † 5-го сентября въ Каменецъ-Подольскѣ. Онъ издалъ:

«Собраніе проповѣдей», Спб., 1876 г., 195 стр. Изданіе второе: Спб., 1877 г., 283 стр.

«Собраніе рѣчей, словъ и бесѣдъ», первый выпускъ, Спб., 1878 г., 139 стр.; второй выпускъ, Спб., 1879 г., 98 стр.; третій выпускъ, Спб., 1881 г., 206 стр.

Іоаннъ, въ мірѣ Павелъ Іоанновичъ Ждановъ [2]), родился въ селѣ Сосижьѣ, Дорогобужскаго уѣзда, Смоленской губерніи (1817 г.), воспитывался въ мѣстной семинаріи и Петербургской духовной академіи; по окончаніи курса въ послѣдней со степенью магистра богословія (1841 г.) — учитель логики, психологіи и латинскаго языка въ смоленской семинаріи, ректоръ духовнаго и уѣзднаго училищъ въ Вязьмѣ (съ 31-го декабря 1843 г.), священникъ вяземской Свято-Троицкой церкви (1844 г.), протоіерей Смоленскаго собора (1853 г.) и ректоръ смоленскихъ духовныхъ училищъ (1855—1862 г.); постриженный въ монашество (1870 г.) и возведенный въ санъ архимандрита (25-го ноября 1870 г.), былъ назначенъ ректоромъ новгородской семинаріи и настоятелемъ тамошняго Антоніева монастыря (1870—1875 г.); наконецъ, епископъ чебоксарскій, викарій Казанской епархіи (съ 10-го февраля 1875 г.) и епископъ чигиринскій, викарій Кіевской митрополіи (съ 17-го февраля 1878 г.); † 14-го января въ Кіевѣ. Его проповѣди печатались въ «Смоленскихъ» и «Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ».

---

[1]) См. «Московск. Церковн. Вѣдом.», 1883 г., № 39.

[2]) О немъ: «Московск. Церковн. Вѣдом.», 1883 г., № 4; «Московск. Вѣдом.», 1883 г., № 19.

Ковалевскій, Владиміръ Онуфріевичъ [2]), родился въ Динабургскомъ уѣздѣ Витебской губерніи (1842 г.). Воспитывался въ петербургскомъ пансіонѣ англичанина Мегина и въ императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія; по окончаніи курса въ послѣднемъ (1861 г.), опредѣлился на службу въ департаментъ герольдіи правительствующаго сената (17-го мая 1861 г.), но скоро (съ 30-го іюля) уѣхалъ за границу; тамъ онъ посѣтилъ Гейдельбергъ, Парижъ, Ниццу и Лондонъ; по возвращеніи на родину въ 1863 году занялся переводами и издательскою дѣятельностью; затѣмъ, черезъ три года, отправился на театръ австро-прусско-итальянской войны въ качествѣ корреспондента «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» (1866 г.); вернувшись въ Петербургъ (1867—1868 г.), онъ женился на С. В. Корвинъ-Круковской и вскорѣ послѣ брака уѣхалъ снова за границу; при этой поѣздкѣ онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ въ университетскихъ городахъ Германіи, въ Парижѣ и Лондонѣ, занимаясь преимущественно палеонтологіей, и въ заключеніе получилъ степень доктора философіи отъ Іенскаго университета; по диплому на это званіе его опредѣлили хранителемъ зоологическаго кабинета въ Петербургскомъ университетѣ (1873 г.), а послѣ полученія магистерской степени (1875 г.) избрали доцентомъ по каѳедрѣ геологіи въ Московскомъ университетѣ (съ января 1881 г.); † 16-го апрѣля въ Москвѣ. Покойный, кромѣ корреспонденцій въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (1866—1868 г.), издалъ слѣдующіе оригинальные и переводные труды:

«Геологическія доказательства древности человѣка, съ нѣкоторыми замѣчаніями о теоріяхъ происхожденія видовъ», сочин. Ч. Ляйэлля, переводъ съ третьяго англійскаго изданія, Спб., 1864 г. Второе изданіе: Спб., 1878 г.

«Зоологическіе очерки, или старое и новое изъ жизни людей и животныхъ», сочин. К. Фохта, переводъ съ нѣмецкаго, Спб., 1864 г., томъ первый, съ портретомъ автора и 55 рисунками въ текстѣ.

«Гистологія, или ученіе о тканяхъ человѣка», сочинен. А. Келликера, переводъ съ четвертаго пополненнаго изданія, Спб., 1864—1865 г., съ 398 рисунками въ текстѣ.

«Микроскопъ и микроскопическая техника», руководство для врачей и студентовъ, д-ра Г. Фрея, Спб., 1865 г., съ 54 рисунками въ текстѣ.

«Иллюстрированная жизнь животныхъ», сочин. А. Э. Брема, Спб., 1865—1867 г., три тома.

«On the Osteology of the Hyopotamidae» (Philosophical Transactions, 1873 г.).

«Sur l'Anchitherium aurelianense et sur l'histoire paléontologique des chevaux» (Mémoir. de l'acad. imp. des sciences de St.-Pétersbourg, 1873 г.). Этотъ мемуаръ составилъ магистерскую диссертацію автора, когда вышелъ на русскомъ языкѣ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Остеологія Anchite-

---

[2]) См. «Московск. Вѣдом.», 1883 г., № 107; «Отчетъ Московск. университета», М., 1884 г., стр. 266—281.

rium aurelianense Cuv., какъ формы, выясняющей генеалогію типа лошади» (Кіевъ, 1873 г.).

«Остеологія двухъ ископаемыхъ видовъ изъ группы копытныхъ» (Извѣстія импер. Общества любителей естествознанія, 1875 г., т. XIV, вып. 1).

«Osteologie des Genus Entelodon Aym.» (Palaeontographica, 1876 г., XXII).

«Monographie der Gattung Anthracotherium Cuv. und Versuch einer natürlichen Classification der fossilen Hufthiere» (тамъ же).

«Промахи неумѣлаго редакторства» (Знаніе, 1877 г., кн. 3). Эта статья вызвана переводомъ сочиненія Гельвальда: «Земля и ея народы».

Корфъ, баронъ, Николай Александровичъ [1]), извѣстный педагогъ, родился 2-го іюля 1834 года въ Харьковѣ, получилъ домашнее воспитаніе въ семьѣ воронежскаго помѣщика Градовскаго, затѣмъ учился въ учебномъ заведеніи Крюммера (въ Лифляндіи), въ петербургскомъ пансіонѣ А. Я. Филиппова и Александровскомъ лицеѣ, гдѣ и окончилъ курсъ съ серебряною мадалью (1854 г.); по выходѣ изъ лицея, поступилъ на службу по министерству юстиціи, но черезъ полтора года (1856 г.) вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ свое имѣніе Екатеринославской губерніи, Александровскаго уѣзда; тамъ онъ служилъ гласнымъ, почетнымъ мировымъ судьею и предсѣдателемъ мироваго съѣзда; тамъ же былъ главнымъ устроителемъ народныхъ школъ (съ 1867 г.); съ 1872 года большею частію жилъ за границею, преимущественно въ Женевѣ, гдѣ имъ была устроена элементарная русская школа; † 13-го ноября въ Харьковѣ. Ему принадлежатъ слѣдующія статьи и отдѣльно изданныя сочиненія:

«Газета «Вѣсть», какъ органъ русскаго дворянства» (С.-Петерб. Вѣдом., 1866 г., № 62).

«Мой второй и послѣдній отвѣтъ газетѣ «Вѣсть» (тамъ же, 1866 г., № 142).

«Руководство къ обученію грамотѣ по звуковой методѣ», Екатеринославль, 1867 г. Второе изданіе: Спб., 1869 г. Третье изданіе: М., 1870 г. Четвертое изданіе: М., 1871 г. Пятое изданіе: Спб., 1872 г. Шестое изданіе: М., 1874 г. Седьмое изданіе: Спб., 1880 г.

«Земскій вопросъ: о народномъ образованіи», Спб., 1868 г.

«Земское обозрѣніе: земство на югѣ Россіи, борьба его съ сусликами и объ одной изъ причинъ голода» (Вѣстн. Евр., 1868 г., кн. 3).

«Вопросъ о народномъ образованіи въ московскомъ земскомъ собраніи» (кн. 5).

«Письмо въ редакцію «Вѣстника Европы» (кн. 9).

---

[1]) О немъ: «Одесск. Вѣстн.», 1872 г., № 155; «С.-Петерб. Вѣдом.», 1872 г., №№ 161 и 168; «Одесск. Вѣстн.», 1873 г., № 23; «Народн. Школа», 1873 г., кн. 11, стр. 36—39; въ періодическихъ изданіяхъ 1883 года: «Газета Гатцука», № 50; «Русск. Вѣдом., №№ 314, 316 и 318; «Вѣстн. Европы», кн. 12, стр. 828—830, 882—884; «Русск. Богатство», кн. 12, стр. 703—704; въ періодическихъ журналахъ 1884 года: «Историч. Вѣстникъ», кн. 1, стр. 221—223; «Русск. Старина», кн. 3, стр. 545—574, кн. 4, стр. 131—138, кн. 5, стр. 375—388; «Народн. Школа», кн. 1; «Всеобщая Газета», 1885 г., № 5.

«Рецензія на книгу Соковнина: «Популярный курсъ начальныхъ основаній земледѣлія» (С.-Петерб. Вѣдом., 1869 г., № 44).

«Отчетъ о начальныхъ народныхъ училищахъ III-го училищнаго участка Александровскаго уѣзда за 1867/8 учебные годы» (Журналъ мин. нар. просвѣщ., 1869 г., кн. 1, 2 и 4).

«По поводу карикатуры г. Щедрина на земскихъ дѣятелей» (С.-Петерб. Вѣдом., 1869 г., № 111).

«Одинъ въ полѣ не воинъ» (тамъ же, № 311). Статья вызвана замѣтками на книгу: «Руководство къ обученію грамотѣ по звуковой методѣ».

«Мировой судъ въ провинціи» (Вѣстникъ Европы, 1869 г., кн. 10; 1870 г., кн. 1).

«Отчетъ члена александровскаго уѣзднаго училищнаго совѣта за 1867—1870 учебные годы», Екатериносл., 1870 г. То же за 1871—1872 учебные годы, Екатериносл., 1872 г.

«Русская начальная школа, руководство для земскихъ гласныхъ и учителей сельскихъ школъ», изданіе первое и второе, Спб., 1870 г. Третье изданіе: Спб., 1871 г. Четвертое изданіе: Спб., 1872 г. Пятое изданіе: Спб., 1876 г. Шестое изданіе: Спб., 1878 г., съ портретомъ автора и его біографіей, составленной Н. А. Соловьевымъ-Несмѣловымъ.

«Русское народное образованіе и земство», по поводу книги Васильчикова: «О самоуправленіи» (Вѣстникъ Европы, 1871 г., кн. 1).

«Малютка, первая книга послѣ азбуки для народной школы и семьи», Спб., 1872 г.

«Нашъ другъ, книга для чтенія учащихся въ школѣ и дома, руководство къ начальному обученію родному языку», Спб., 1871 г. Второе и третье изданія: Спб., 1872 г. Изданіе четвертое: Спб., 1874 г. Пятое изданіе: Спб., 1876 г. Шестое изданіе: Спб., 1877 г. Седьмое изданіе: Спб., 1880 г. Восьмое изданіе: Спб., 1882 г. Девятое изданіе: Спб., 1883 г.

«Отвѣты на рецензіи книги: «Нашъ другъ» (С.-Петербургск. Вѣдом., 1871 г., №№ 249 и 298; 1872 г., № 108). Послѣдній отвѣтъ перепечатанъ въ журналѣ: «Семья и Школа» (1872 г., кн. 2).

«Объ обязательномъ обученіи въ Россіи» (Вѣстникъ Европы, 1872 г., кн. 1).

«Учительскія семинаріи» (Семья и Школа, 1872 г., кн. 4).

«Наше школьное дѣло, сборникъ статей по училищевѣдѣнію», М., 1873 г.

«Новая Вѣна и ея самоуправленіе» (Вѣстникъ Европы, 1873 г., кн. 1). Отдѣльно: Спб., 1873 г.

«Теорія Дарвина и вопросы педагогіи» (тамъ же, кн. 5). Эта статья вызвана сочиненіемъ Декандоля: «Historie des sciences et des savants, depuis deux siècles».

«Замѣтка», по поводу «Наглядной азбуки», изданной Черкасовымъ (С.-Петербургск. Вѣдом., 1873 г., № 162).

«Педагогическій отдѣлъ вѣнской всемірной выставки въ 1873 г.» (Вѣстникъ Европы, 1873 г., кн. 9 и 10).

«Руководство къ наглядному обученію Ф. Гардера», переводъ съ нѣмецкаго, М., 1875 г., часть первая; М., 1878 г., часть вторая.

«Исторія Востока, Греціи и Рима, для обученія и самообразованія», Спб., 1878 г., 203 стр.

«Итоги народнаго образованія въ европейскихъ государствахъ», Спб., 1879 г., 141 стр.

«Разсудите насъ, господа народные учителя, споръ по поводу «Наглядно-звуковыхъ прописей», Спб., 1879 г., 32 стр.

«Сельско-хозяйственное и ремесленное образованіе народа» (Вѣстникъ Европы, 1881 г., кн. 3).

«Народная школа въ рукахъ крестьянскаго земства» (тамъ же, кн. 10).

«Объ образовательномъ уровнѣ взрослыхъ грамотныхъ крестьянъ» (Русская Мысль, 1881 г., кн. 10 и 11).

«Руководство къ «Нашему другу», книга для учащихъ, Спб., 1881 и 1882 г. (два изданія).

«Значеніе классной книги для чтенія въ элементарной школѣ», Спб., 1882 г., 21 стр.

«Наши педагогическіе вопросы», М., 1882 г., 409 стр.

«Отчетъ о дѣятельности по уничтоженію филоксеры въ Крыму, со времени ея открытія въ октябрѣ 1880 года по 1-е сентября 1881 года, съ приложеніями и тремя картами филоксерныхъ зараженій во Франціи, Швейцаріи и въ Крыму», Спб., 1882 г., 158 стр.

«Руководитель для воскресныхъ повторительныхъ школъ: програма, конспекты, методическія указанія и домашнія работы для всѣхъ уроковъ всего учебнаго года при обученіи Закону Божію, церковно-славянскому и русскому чтенію, правописанію и дѣловому письму, ариѳметикѣ, измѣренію площадей, географіи и русской исторіи, въ предѣлахъ элементарнаго курса для подростковъ и взрослыхъ», Спб., 1882 г., 51 стр.

«300 письменныхъ работъ, задачи для самостоятельныхъ упражненій въ письмѣ учениковъ всѣхъ трехъ отдѣленій начальной школы», Спб., 1882 г., 48 стр. Второе изданіе: Спб., 1886 г., 48 стр.

«Народныя училища въ Москвѣ и Петербургѣ» (Вѣстникъ Европы, 1882 г., кн. 6).

«Первыя воскресныя повторительныя школы» (Русская Мысль, 1882 г., кн. 8),

«Лина Моргенштернъ» (Наблюдатель, 1882 г., кн 9).

«Сельскіе діаконы въ качествѣ школьныхъ учителей» (Русск. Вѣдом., 1882 г., № 338).

«Азбука домоводства и домашней гигіены Клима», переводъ съ нѣмецкаго, Спб. 1883 г.

«Педагогически-ремесленныя мастерскія при элементарной школѣ» (Русская Мысль, 1883 г., кн. 3).

«Наши учительскія семинаріи», историческій очеркъ (Вѣстникъ Европы, 1883 г., кн. 4 и 5).

«Бельгійскіе клерикалы и школа» (Русская Мысль, 1883 г., кн. 6).

Уже послѣ смерти барона Корфа, напечатаны два его труда:

«Учебная программа повторительныхъ школъ» (Народная Школа, 1883 г., кн. 11).

«Разборъ книгъ» (Что читать народу? Критическій указатель книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія, Спб., 1884 г.).

Кромѣ названныхъ журналовъ, покойный Корфъ сотрудничалъ въ «Недѣлѣ».

Коршъ, Валентинъ Ѳедоровичъ [1]), извѣстный публицистъ,

---

[1]) О немъ: «Недѣля», 1875 г., № 4; въ періодическихъ изданіяхъ 1883 года: «Будильникъ», № 26; «Дѣло», кн. 7, стр. 152—153; «Вѣстникъ Европы», кн. 8, стр. 871—880; «Историческій Вѣстникъ», кн. 8, стр. 485—486; «Gazeta Warschawska», 1883 г., № 48.

родился 23-го ноября 1828 года, первоначальное образованіе получилъ въ 1-й московской гимназіи, гдѣ и окончилъ курсъ съ золотою медалью; затѣмъ поступилъ на историко-филологическій факультетъ Московскаго университета (1845 г.), но, по семейнымъ обстоятельствамъ, перешелъ на юридическій факультетъ Петербургскаго университета (1848 г.) и тамъ окончилъ свое высшее образованіе кандидатомъ правъ (1850 г.); послѣ того занялъ мѣсто помощника редактора-издателя «Московскихъ Вѣдомостей» (1850—1855 г.), а черезъ шесть лѣтъ сдѣлался самостоятельнымъ редакторомъ этой газеты (1856 — 1862 г.); вслѣдствіе перехода «Московскихъ Вѣдомостей» въ руки М. Н. Каткова, онъ оставилъ редактированіе этимъ органомъ и переѣхалъ въ Петербургъ; тамъ при посредствѣ графа Блудова, ему удалось получить въ аренду отъ академіи наукъ «С.-Петербургскія Вѣдомости», которыя и издавались имъ втеченіе двѣнадцати лѣтъ (1863—1874 г.); потомъ В. Ѳ. уѣхалъ за границу—въ Италію и Германію, откуда вернулся въ 1876 году и въ качествѣ неоффиціальнаго редактора сталъ издавать «Сѣверный Вѣстникъ» (съ 1-го мая 1877 года); но эта газета сначала была пріостановлена на одинъ мѣсяцъ (именно ноябрь), а затѣмъ навсегда запрещена (въ мартѣ 1878 года); наконецъ, онъ основалъ ежемѣсячный журналъ «Заграничный Вѣстникъ» (съ октября 1881 г.) и издавалъ его до апрѣля 1883 г. (всего 18 книгъ), послѣ чего, полубольной, отправился за границу; тамъ † 25-го іюня въ Гейдельбергѣ. Кромѣ постояннаго участія во всѣхъ своихъ періодическихъ изданіяхъ, сверхъ сотрудничества въ «Молвѣ», гдѣ печатались литературно-критическія статьи подъ псевдонимомъ: «Отшельникъ», «Русской Правдѣ» и «Порядкѣ», покойный Коршъ помѣстилъ въ журналахъ или издалъ отдѣльно слѣдующія произведенія:

«Рецензія» на книгу Милютина и Михайловскаго-Данилевскаго: «Исторія войны 1799 года между Россіей и Франціей» (Московск. Вѣдом., 1853 г., №№ 63, 65, 70 и 72).

«Столѣтіе Московскихъ Вѣдомостей», 1756—1856 гг. (Московск. Вѣдом., 1856 г., №№ 1, 13, 37, 67, 87, 101, 149 и 155). Отдѣльный оттискъ: М., 1857 г., 156 стр.

«О книгѣ Вызинскаго: Папство и Священная Римская имперія» (Московск. Вѣдом., 1857 г., № 71).

«Парламентскіе выборы и парламентскія реформы въ Англіи» (Атеней, 1858 г., ч. I, кн. 7, и ч. II, кн. 9).

«Курсъ всеобщей исторіи доктора Георга Вебера, профессора въ Гейдельбергѣ», переводъ съ нѣмецкаго, четыре тома, М., 1859—1861 гг. (въ переводѣ принималъ участіе и Е. Ѳ. Коршъ). Второе изданіе: М., 1862 г. Третье изданіе: М., 1875—1878 гг.

«Рыцарское поведеніе г. Вс. Крестовскаго» (С.-Петербургск. Вѣдом., 1870 г., № 86).

«Новости западныхъ литературъ» (Вѣстникъ Европы, 1876 г., кн. 1—4). Эти статьи посвящены сочиненіямъ Литре, Ф. Шаля и Э. Гартмана.

«Послѣдній романъ въ жизни Лассаля» (тамъ же).

«Древнее рабство и его судьба въ началѣ нашей эры» (Вѣстникъ Европы, 1876 г., кн. 6).

«Родъ Мирабо, очерки культурной жизни восемнадцатаго вѣка» (тамъ же).

«Восточная война въ пятидесятыхъ годахъ» (тамъ же, 1877 г., кн. 1).

«Нѣмецкая камелія» (тамъ же).

«Ремесленные союзы въ Англіи» (тамъ же, 1878 г., кн. 8).

«Политическое значеніе Константинополя» (кн. 9).

«Дипломатія и война въ восточномъ вопросѣ» (тамъ же, 1879 г., кн. 2—3).

«Судьбы Прусской монархіи отъ Фридриха Великаго до Іенскаго погрома», по книгѣ Филипсона (тамъ же, 1880 г., кн. 6).

«Моисей Мендельсонъ» (Еврейская Библіотека, 1880 г., т. VIII).

«Вольтеръ, его жизнь и сочиненія» (Вѣстникъ Европы, 1880 г., кн. 10—12).

«Введеніе въ исторію общиннаго, подворнаго, сельскаго и городскаго устройства и общественной власти», сочиненіе г. Мауэра, переводъ съ нѣмецкаго, М., 1880 г., 358 стр.

«Всеобщая исторія литературы, составленная по источникамъ и новѣйшимъ изслѣдованіямъ при участіи русскихъ ученыхъ и литераторовъ», Спб., 1880—1888 г., пятнадцать выпусковъ, подъ редакціей и при сотрудничествѣ В. Ѳ. Корша.

Уже послѣ его смерти вышла книга, подъ заглавіемъ:

«Этюды Г. Ѳ. Корша», съ біографіей автора, Спб., 1885 г., томъ первый, 587 стр.

Косинскій, баронъ, Михаилъ Осиповичъ [1]), родился въ 1835 году и окончилъ курсъ въ военной инженерной академіи; по окончаніи курса скоро вышелъ въ отставку изъ инженеровъ и занялъ мѣсто учителя географіи въ Смольномъ институтѣ; въ то же время занимался преподаваніемъ въ школѣ сельскихъ учительницъ комитета грамотности при вольно-экономическомъ Обществѣ, былъ инспекторомъ Андреевскихъ педагогическихъ курсовъ и организовалъ учительскую семинарію въ Новгородѣ; по возвращеніи изъ Новгорода въ Петербургъ, состоялъ воспитателемъ малолѣтнихъ преступниковъ при тюремномъ замкѣ, директоромъ и предсѣдателемъ тюремнаго комитета, затѣмъ служилъ по таможенному вѣдомству въ Александровѣ и Вержболовѣ, а съ 1881 года былъ назначенъ членомъ эстляндской таможни; † въ декабрѣ въ Ревелѣ. Имъ напечатаны:

«О новомъ Кирилло-Меѳодіевскомъ училищѣ въ С.-Петербургѣ» (День, 1863 г., № 18).

«О женскихъ училищахъ, сводъ замѣчаній на VII главу проекта устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія», Спб., 1864 г., 94 стр. (вмѣстѣ съ Н. Весселемъ).

---

[1]) См. «Историч. Вѣстникъ», 1884 г., кн. 2, стр. 457—458.

«Приготовительный курсъ геометріи, выпускъ первый: наглядная геометрія», Спб., 1866 г. Второе изданіе: Спб., 1871 г. Третье изданіе: Спб., 1875 г.

«Библіографическая замѣтка» о журналѣ «Народная Школа» (С.-Петерб. Вѣдом., 1869 г., № 130).

«Заявленіе по поводу книги барона Корфа: «Нашъ другъ» (тамъ же, 1872 г., № 1).

«Письмо по поводу моего исключенія изъ земской школы» (тамъ же, № 218). Оно вызвано статьею: «Извѣстіе о дѣлѣ барона Косинскаго и новгородской губернской земской управы» (Гражданинъ, 1872 г., № 32).

«Нѣсколько мыслей о внѣклассныхъ учебныхъ занятіяхъ дѣтей» (Семья и Школа, 1874 г., кн. 10).

Коссовичъ, Каэтанъ Андреевичъ [1]), извѣстный санскритологъ, бѣлоруссъ по происхожденію, родился въ семьѣ священника (1815 г.), воспитывался въ Витебской гимназіи и на словесномъ отдѣленіи Московскаго университета; по окончаніи курса въ послѣднемъ первымъ кандидатомъ (1836 г.), три года жилъ въ Москвѣ, давая частные уроки; затѣмъ—старшій учитель греческаго языка въ тверской (съ 5-го октября 1839—1843 г.) и московской второй гимназіяхъ (съ 27-го іюня 1843 г. по 15-е октября 1849 года); послѣ того, чрезъ посредство графа Д. Н. Блудова, получилъ должность редактора ученыхъ работъ при Императорской публичной библіотекѣ (1850 г.) и немного позднѣе (съ 1858 г.) началъ безвозмездно преподавать сенскритскій языкъ въ Петербургскомъ университетѣ; лекціи и ученыя работы доставили ему отъ Харьковскаго университета степень почетнаго доктора сравнительнаго языковѣдѣнія (съ 18-го февраля 1864 г.) и каѳедру профессора въ Петербургскомъ университетѣ, которую онъ и занималъ до своей кончины (1865—1883 г.); † 26-го января въ Петербургѣ. Изъ-подъ пера покойнаго ученаго вышли слѣдующія самостоятельныя изслѣдованія и переводы:

«Элементарная грамматика греческаго языка, съ присовокупленіемъ задачъ для первоначальныхъ переводовъ съ греческаго языка на русскій и съ русскаго на греческій, состав. докторомъ Р. Кюнеромъ», переводъ, М., 1843 г. Второе изданіе: М., 1849 г. Третье изданіе: Спб., 1860 г. Четвертое изданіе: Спб., 1869 г.

«Эпизодъ изъ Магабараты: «Сундъ и Упеѳундъ», переводъ съ санскритскаго (Москвитян., 1844 г., ч. I, кн. 2).

«О грамматикѣ Кюнера» (тамъ же, ч. II, кн. 3).

---

[1]) О немъ: «Русскій Вѣстникъ», 1856 г., кн. 9, отд. II, стр. 28—38; «День», 1862 г., № 39—40; «Журналъ мин. нар. просвѣщ.», 1869 г., кн. 11, отд. IV, стр. 10—12; «Импер. С.-Петербургскій университетъ», Григорьева, Спб., 1870 г., стр. 282—286, 416; въ періодическихъ изданіяхъ 1883 года: «Московск. Вѣдом.», № 30; «Нива», № 26; «Историч. Вѣстникъ», кн. 3, стр. 720—721; «Историческая записка о 50-тилѣтіи московской второй гимназіи», Гулевича, М., 1885 г., стр. 36—37 и 228.

«Письмо рабби Хасдая къ царю Хазарскому», переводъ съ еврейскаго (Сборникъ, изданный Д. Валуевымъ, М., 1845 г., ч. I, стр. 185—189).

«Разсужденіе о важности греческаго языка», М., 1846 г.

«Третій актъ санскритской драмы Кришна-Мисры: «Торжество свѣтлой мысли» (Современн., 1846 г., кн. 1).

Черезъ годъ полный переводъ этой драмы былъ напечатанъ въ «Московскомъ Сборникѣ» (М., 1847 г., стр. 1—187)[1]).

«Сказаніе о Видъядгарѣ Джимутаваганѣ, повѣсть Семадовы Вгатты», переводъ съ санскритскаго, М., 1847 г.

«Греческо-русскій словарь», два тома, М., 1848 г. Этотъ «Словарь», изданный Игнатіемъ Андреевичемъ Коссовичемъ, былъ начатъ, но не докончень братомъ издателя, Каэтаномъ Андреевичемъ.

«Сказаніе о Дгрувѣ», переводъ изъ Багаватъ-Пураны, М., 1848 г.

«Васантазена, древне-индійская драма», переводъ съ санскритскаго (Москвитян., 1849 г., ч. V, кн. 9).

«Санскрито-русскій словарь» (Прибавленія къ Извѣстіямъ импер. акад. наукъ, 1854 г., л. LXVI и LXVII). Отдѣльно: Спб., 1854 г., томъ первый. Тетрадь вторая: Спб., 1855 г. Продолженіе въ «Извѣстіяхъ», т. IV и V. Тетрадь третья: Спб., 1856 г.

«Вагавадъ-Гита» (Bulletin de l'académie imperiale des sciences de St.-Pétersbourg, 1854 г.).

«Письмо барону М. А. Корфу» (С.-Петерб. Вѣдом., 1856 г., № 8). Это письмо, изданное и въ видѣ отдѣльнаго оттиска: Спб., 1856 г., 10 стр., касается одной древне-индійской поэмы, принесенной въ даръ публичной библіотекѣ.

«О характеристикѣ древне-индійской цивилизаціи и развитія санскритской литературы» (Журналъ мин. нар. просв., 1859 г., ч. CIII). Это вступительная лекція на каѳедрѣ Петербургскаго университета.

«Легенда объ охотникѣ и парѣ голубей», извлеченіе изъ Махабхараты, съ присовокупленіемъ русской транскрипціи, латинскаго перевода и санскрито-русскаго глоссарія», Спб., 1859 г., 40 стр. Другое дополненное изданіе того же года: Спб., 124 стр.

«Двѣ публичныя лекціи о санскритскомъ эпосѣ» («Русское Слово, 1860 г., кн. 6 и 8).

«Нѣсколько словъ въ память А. С. Хомякова» (Русская Бесѣда, 1860 г., кн. 20).

«Sâvitri», эпизодъ изъ Махабхараты, Спб., 1861 г.

«Четыре статьи изъ Зендавесты, съ присовокупленіемъ транскрипціи, русскаго и латинскаго переводовъ, объясненій, критическихъ примѣчаній, санскритскаго перевода и сравнительнаго глоссарія» (Труды восточн. от-

---

[1]) По поводу этой переводной драмы П. А. Плетневъ сдѣлалъ любопытный отзывъ о К. А. Коссовичѣ: «Коссовича я и люблю, и уважаю. Если онъ не будетъ подавленъ тяжелымъ игомъ службы, мы въ немъ впервые увидимъ изъ русскихъ истинно-ученаго человѣка въ полномъ европейскомъ смыслѣ. Сколько у него проницательности ума, сколько начитанности и свѣдѣній. Онъ также ясно постигаетъ тайны нѣмецкой философіи, какъ и восточной филологіи... Переводъ драмы Коссовича уже доставленъ мнѣ. Это — подвигъ, превышающій разумѣніе русскихъ критиковъ» (Русскій Архивъ, 1877 г., кн. 12, стр. 372; см. тамъ же его письмо къ К. А. Коссовичу, стр. 321).

дѣлен. импер. археолог. Общества, 1864 г., ч. VIII). Отдѣльно: Спб., 1861 г., 159 стр. [1]).

«Decem Sendavestae excerpta: latine vertit, sententiarum explicationem et criticos commentarios adjecit textumque archetypi recensuit Dr. C. Kossowicz», Paris, 1865 г.

«Gata Ahunavaiti», съ латинскимъ переводомъ и комментаріемъ, Спб., 1867 г.

«Привѣтствія барону М. А. Корфу на зендскомъ и санскритскомъ языкахъ» (Барону Модесту Андреевичу Корфу въ день пятидесятилѣтія его службы, 9-го іюня 1867 г., брошюра, Спб., 1867 г.).

«Объ ученыхъ трудахъ профессора В. В. Григорьева» (Журналъ мин. нар. просвѣщ., 1868 г., ч. CXL, кн. 11).

«Gata Ustavaiti», съ латинскимъ переводомъ и комментаріемъ, Спб., 1869 г.

«Объ ученыхъ трудахъ профессора Д. А. Хвольсона» (Журналъ мин. нар. просвѣщ., 1869 г., т. CXLI, кн. 1).

«Свѣдѣнія о Татариновой и о членахъ ея духовнаго союза» (Русскій Архивъ, 1872 г.). Подъ этою статьею находится подпись: «Статскій совѣтникъ Іоанновъ», а эта подпись — псевдонимъ К. А. Коссовича, какъ объясняетъ «Роспись содержанію Русскаго Архива», М., 1877 г., стр. 46.

«Inscriptiones Palaeo-Persicae Achaemenidarum, Petropoli, 1872 г.

«Еврейская грамматика В. Гезеніуса», переводъ, Спб., 1874 г.

«Еврейская хрестоматія съ ссылками на грамматику Гезеніуса и глоссаріемъ еврейско-русскимъ», Спб., 1875 г., 362 стр.

Кошелевская, Марія Николаевна [2]), родилась въ Петербургѣ, воспитывалась подъ руководствомъ отца, довольно извѣстнаго архитектора, Н. С. Кошелевскаго и съ дѣтства пристрастилась къ рисованію; двадцатилѣтней дѣвушкой она переѣхала въ Москву; здѣсь, послѣ потери отца, научилась гравированію и исполняла гравюры для издателей книгъ и архитекторовъ; потомъ изучила литографское искусство и открыла литографію въ Москвѣ; но упадокъ зрѣнія заставилъ ее отказаться отъ любимой дѣятельности и поступить въ надзирательницы малолѣтняго отдѣленія Воспитательнаго Дома, гдѣ ей и пришлось служить до смерти; † 8-го января въ Москвѣ. Покойная издавала дамскій журналъ, сначала подъ названіемъ: «Вѣстникъ парижскихъ модъ» (М., 1837—1850 г.), а послѣ съ заголовкомъ: «Магазинъ модъ и рукодѣлья» (М., 1851—1856 г.), гдѣ помѣщала собственные рисунки и статьи.

Кошелевъ, Александръ Ивановичъ [3]), родился 9-го мая 1806 года въ Москвѣ, воспитывался дома подъ руководствомъ про-

---

[1]) Объ этомъ изданіи Коссовича напечатанъ весьма лестный отзывъ въ «Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft» (1862 г., т. XVI, стр. 317).

[2]) О ней: «Московск. Вѣдом.», 1883 г., № 36.

[3]) О немъ см. періодическія изданія 1883 года: «Русь», № 22; «Газета Гатцука», № 49; «Афиши и Объявленія», № 236; «Русск. Вѣдом.», №№ 312, 314—317; «Современн. Извѣстія», №№ 313, 316 и 322; «Московск. Вѣдом.», № 313; «Московск. Листокъ», № 317; «Вѣстникъ Европы», кн. 12, стр. 827—828; «Русское

фессоровъ Мерзлякова и Гейма, послѣ чего держалъ экзаменъ въ Московскомъ университетѣ и получилъ дипломъ на званіе кандидата словесности (1824 г.); затѣмъ началъ службу въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ (1824—1826 г.) и продолжалъ ее въ Петербургѣ по департаменту иностранныхъ исповѣданій, гдѣ занимался выписками изъ заграничныхъ газетъ для представленія государю императору (1826—1832 г.); потомъ—совѣтникъ московскаго губернскаго правленія (1833—1835 г.), изъ котораго вышелъ въ отставку и занялся какъ сельскимъ хозяйствомъ, такъ и откупами; съ первыхъ лѣтъ царствованія Александра II онъ снова выступаетъ, какъ государственный дѣятель: принимаетъ участіе въ губернскомъ комитетѣ по освобожденію крестьянъ [1]), является членомъ коммиссіи для устройства земскихъ банковъ (съ 25-го августа 1859 г. до января 1860 года), наконецъ назначается членомъ учредительнаго комитета въ царствѣ Польскомъ, гдѣ на него было возложено управленіе финансами (1861—1863 г.); снова выйдя въ отставку, А. И. послѣднія двадцать лѣтъ посвятилъ служенію земству и городскому самоуправленію: онъ былъ неутомимымъ земскимъ дѣятелемъ въ Рязанской губерніи, президентомъ императорскаго Общества сельскаго хозяйства въ Москвѣ и энергичнымъ гласнымъ въ московской городской думѣ; † 12-го ноября въ Москвѣ. Покойный, кромѣ изданія журналовъ, какъ, напримѣръ: «Русская Бесѣда» (1856—1860 г., 20 книгъ), «Сельское Благоустройство» (1858—1859 г.), «Бесѣда», подъ редакторствомъ С. А. Юрьева (1871—1872 г.), и «Земство», подъ редакціей В. Ю. Скалона (1880—1882 г.), сверхъ сотрудничества въ «Голосѣ» и «Новомъ Времени», напечаталъ слѣдующіе труды:

«Поѣздка русскаго земледѣльца въ Англію и на всемірную выставку» (Московскій Сборникъ, М., 1852 г., стр. 145).

«Объ испытаніи жатвенныхъ машинъ въ 1853 году» (Журналъ Сельск. Хозяйства, 1854 г., № 1). Такая же статья, подъ названіемъ: «Объ опытахъ машиннаго жнитва», помѣщена въ названномъ журналѣ за 1855 г., № 1) [2]).

«Соображенія касательно устройства желѣзныхъ дорогъ въ Россіи» (Русская Бесѣда, 1856 г., кн. 1 и 3).

Богатство», кн. 12, стр. 703—704; въ періодическихъ изданіяхъ 1884 года: «Историческій Вѣстникъ», кн. 1, стр. 221; «Русскій Архивъ», кн. 1, стр. 246—249; «Извѣстія с.-петербургск. славянск. благотворит. Общества», кн. 3; «Русскій Архивъ», 1885 г., кн. 1, стр. 113—131.

[1]) Объ этой дѣятельности Кошелева см. «Русскій Вѣстн.», 1868 г., кн. 11, стр. 33.

[2]) По поводу этихъ двухъ статей и вообще сельско-хозяйственной дѣятельности Кошелева любопытенъ отзывъ спеціалиста, А. С. Ершова: «Имя г. Кошелева будетъ связано съ эпохою введенія жатвенныхъ машинъ въ наши хозяйства. Онъ привезъ въ Россію изъ Англіи, со всемірной выставки, жатвенную машину Маккормика и послѣ того неотступно преслѣдовалъ мысль о возможности такой машины» (Русскій Вѣстн., 1856 г., кн. 5, стр. 157).

«О книгѣ Дмитріева: «Опытъ практическихъ замѣчаній кинешемскаго земледѣльца» (тамъ же, кн. 2).
«О способахъ заготовленія провіанта и фуража для арміи и флота» (тамъ же, 1857 г., кн. 2).
«По поводу журнальныхъ статей о замѣнѣ обязанной работы наемною и объ общинной поземельной собственности» (тамъ же, кн. 4).
«Шесть недѣль въ австрійскихъ славянскихъ земляхъ» (тамъ же, кн. 4).
«Нѣчто о грамотности» (тамъ же, 1858 г., кн. 1).
«Вопросы по сельскому устройству» (Сельск. Благоустр., 1858 г., кн. 1, № 1).
«О крестьянскихъ усадьбахъ» (тамъ же).
«По поводу статей Ладыженскаго: «Взглядъ на отношеніе рабочаго къ владѣльцу» (Журналъ Сельск. Хозяйства, 1858 г., № 2).
«О мелкопомѣстныхъ дворянахъ» (Сельск. Благоустр., 1858 г., кн. I, № 2).
«Отвѣтъ на статью епифановскаго помѣщика: «О крестьянскихъ усадьбахъ» (тамъ же, кн. I, № 4).
«О дворовыхъ людяхъ и о мѣрахъ къ ихъ освобожденію» (тамъ же, кн. II, № 5).
«Замѣчанія на статью Шипова: «О надѣленіи крестьянъ землею» (тамъ же, кн. II, № 6).
«Общинное поземельное владѣніе» (тамъ же, кн. III, № 8).
«По поводу статьи Голубцова: «Крестьянскія повинности» (тамъ же, кн. III, № 7).
«О русской сельской общинѣ» (тамъ же, кн. IV, № 11).
«По поводу статьи Смирнова: «Объ усадебномъ устройствѣ крестьянъ» (Сельск. Благоустр., 1859 г., № 1).
«О цензѣ» (День, 1862 г., №№ 18, 20 и 23).
«О процентныхъ денежныхъ знакахъ» (тамъ же, № 29).
«О главныхъ препятствіяхъ къ устройству и успѣхамъ нашихъ сельскихъ хозяйствъ» (День, 1864 г., № 7).
«Неотчуждаемость крестьянскихъ участковъ и круговая порука» (тамъ же, № 10).
«О нашемъ денежномъ кризисѣ» (тамъ же, №№ 13 и 14).
«О кн. В. Ѳ. Одоевскомъ». (Брошюра въ память кн. В. Ѳ. Одоевскаго, М., 1869 г.).
«Голосъ изъ земства», выпускъ первый, изданный въ пользу сельскихъ школъ Сапожковскаго уѣзда, М., 1869 г.
«О подушныхъ податяхъ» (Бесѣда, 1871 г., кн. 1).
«О государственномъ земскомъ сборѣ» (тамъ же, кн. 2).
«О прусскихъ податяхъ, классной и подоходной, и о томъ, желательно ли и можно ли ввести ихъ у насъ?» (тамъ же, кн. 2).
«Отвѣтъ на замѣтки г. Колюпанова о переложеніи подушной подати» (тамъ же, кн. 3).
«О военной повинности съ земской точки зрѣнія» (тамъ же, кн. 4).
«Въ чемъ мы всего болѣе нуждаемся?» (тамъ же, кн. 8).
«О всесословной волости» (тамъ же, 1872 г., кн. 3).
«Наше положеніе», Берлинъ, 1875 г., 189 стр.
«Общая земская дума въ Россіи», дополненіе къ книжкѣ: «Наше положеніе», Берлинъ, 1875 г., 106 стр.
«О мѣрахъ къ возстановленію цѣнности рубля», Спб., 1878 г., 12 стр.
«Что же теперь дѣлать?», Берлинъ, 1879 г.
«Мои воспоминанія объ А. С. Хомяковѣ» (Русскій Архивъ, 1879 г., кн. 11).

«О начальныхъ народныхъ училищахъ и о мѣрахъ къ ихъ улучшенію» (Земство, 1880 г., № 2).

«О кредитѣ земледѣльцамъ при покупкѣ ими земли», М., 1880 г., 24 стр.

«О крестьянскомъ самоуправленіи и о присутствіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ», М., 1881 г., 19 стр.

«О сословіяхъ и состояніяхъ въ Россіи», М., 1881 г., 16 стр.

«О мелкой земской единицѣ», М., 1881 г., 18 стр. Это — отдѣльный оттискъ изъ газеты «Земство».

«О ссудныхъ билетахъ», М., 1881 г., 10 стр.

«О мѣрахъ къ сокращенію пьянства», М., 1881 г.

«Великая наша бѣда» (Голосъ, 1882 г.).

Уже послѣ смерти Кошелева, напечатаны: его отзывъ о книгѣ В. Григорьева—«Переселеніе крестьянъ Рязанской губерніи» (при самой книгѣ, М., 1885 г.), и его «Письма къ А. Н. Попову» (Русск. Архивъ, 1886 г., кн. 3). Ко всему сказанному надо прибавить, что покойный на свои средства издалъ: «Дневникъ камеръ-юнкера Бергхольца», четыре части (М., 1857 г.; второе изданіе: М., 1863 г.), и «Полное собраніе сочиненій И. В. Кирѣевскаго», два тома (М., 1861 г.), а также нѣсколько времени состоялъ предсѣдателемъ Общества любителей россійской словесности (1869—1871 г.).

Краевскій, Евгеній Андреевичъ [1]), родился въ 1841 году и воспитывался въ Петербургскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету; по окончаніи курса со степенью кандидата (1861 г.), покойный явился дѣятельнымъ сотрудникомъ газеты «Голосъ» (1863—1883 г.): въ первые годы онъ печаталъ тамъ свои статьи по всѣмъ текущимъ вопросамъ, особенно составляя обозрѣнія петербургской и иностранной общественной жизни; въ послѣднія же пятнадцать лѣтъ исключительно только завѣдовалъ политическимъ отдѣломъ названной газеты; † 16-го марта въ Каирѣ.

Кулѣша, Степанъ Егоровичъ [2]),, провинціальный писатель, † въ іюлѣ въ городѣ Бѣломъ, Смоленской губерніи. Ему принадлежатъ слѣдующія статьи, напечатанныя въ «Русской Старинѣ»:

«А. С. Хомяковъ и гр. Арсеній Андреевичъ Закревскій» (1879 г., т. XXVI).

«Первая холера въ Бѣльскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи въ 1830 году (тамъ же).

«Александръ Викторовичъ Рачинскій», біографическая замѣтка (1880 г., т. XXIX).

«Горы-горѣцкая катастрофа 22-го и 23-го апрѣля 1863 года», воспоминанія очевидца (1883 г., т. XXXIX, кн. 9).

Куницынъ, Алексѣй Васильевичъ [3]), родомъ изъ духовнаго званія, воспитывался въ Петербургской духовной академіи,

[1]) См. «Историческій Вѣстникъ», 1883 г., кн. 5, стр. 485.

[2]) О немъ: «Русская Старина», 1883 г., кн. 11, стр. 406.

О немъ: «Исторія С.-Петербургск. духовн. академіи», Чистовича, Спб., 1857 г., стр. 388—389, и «Московск. Вѣдом.», 1883 г., № 45.

но еще до окончанія курса былъ избранъ для изученія правовѣдѣнія при II Отдѣленіи собственной е. и. в. канцеляріи (1829 г.); тамъ, подъ руководствомъ гр. М. М. Сперанскаго и избранныхъ профессоровъ, занимался юридическими науками; черезъ два года (1831 г.) его отправили въ Берлинъ для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ у знаменитаго профессора Савиньи; по возвращеніи въ Россію (1834 г.), А. В. былъ причисленъ ко II Отдѣленію императорской канцеляріи, удостоенъ степени доктора законовѣдѣнія и назначенъ профессоромъ въ Харьковскій университетъ (1835 г.), гдѣ и занималъ каѳедру гражданскаго права болѣе двадцати пяти лѣтъ; остальное время жизни прожилъ въ отставкѣ, имѣя званіе почетнаго члена Харьковскаго университета; † 6-го февраля въ Харьковѣ. Онъ напечаталъ:

«О мѣрахъ къ отвращенію неправосудія, по русскому законодательству», актовая рѣчь. (Годичн. актъ въ импер. Харьковск. университетѣ, брошюра, Харьк., 1859 г., 54 стр.).

«О силѣ договора найма имуществъ» (Журналъ мин. юстиціи, 1861 г., т. IX, кн. 9).

«Пріобрѣтеніе права собственности давностію владѣнія» (тамъ же, 1864 г., т. XXII, кн. 10—12).

Лавовскій, С... И..., сначала исправляющій должность московскаго губернскаго лѣсничаго, потомъ владимірскій губернскій лѣсничій, наконецъ назначенный отъ правительства для надѣленія казенныхъ крестьянъ землей по Московской губерніи, вышелъ въ отставку съ чиномъ полковника; † 26-го октября въ Москвѣ. По указанію некролога («Московск. Вѣдом.», 1883 г., № 309), онъ напечаталъ много статей по статистикѣ и лѣсному хозяйству въ «Журналѣ министерства государственныхъ имуществъ».

Ландышевъ, Стефанъ Васильевичъ [1]), уроженецъ Нижегородской губерніи, воспитывался въ тамошней духовной семинаріи; выйдя изъ послѣдней до окончанія полнаго курса, отправился въ Томскъ и поступилъ въ члены алтайской православной миссіи (1836 г.); за свои проповѣдническіе труды былъ удостоенъ степени студента семинаріи, рукоположенъ во священника, а потомъ—протоіерея и назначенъ начальникомъ названной миссіи (1844—1866 г.); послѣ того—помощникъ настоятеля миссіи архимандрита Владиміра (1866—1875 г.); наконецъ, по болѣзни былъ уволенъ за штатъ; † въ декабрѣ въ селеніи Улалѣ на Алтаѣ. Его «письма», «журналы», «дневники» и «отчеты» о состояніи алтайской православной миссіи печатались въ журналахъ и газетахъ, какъ, напримѣръ, см. «Прибавленія къ твореніямъ св. отецъ» (1845 г., ч. 3; 1846 г., ч. 4; 1847 г., ч. 5; 1852 г., ч.

[1]) О немъ: «Душеполезное Чтеніе», 1860 г., ч. I, стр. 348—360; «Московск. Церковн. Вѣдом.», 1884 г., № 9.

10; 1854 г., ч. 13; 1856 г., ч. 15; 1857 г., ч. 16; 1858 г., ч. 17; 1863 г., ч. 22), «Душеполезное Чтеніе» (1860 г., кн. 6; 1861 г., кн. 7; 1862 г., кн. 5; 1864 г., кн. 4), «Христіанское Чтеніе (1862 г., кн. 3; 1864 г., кн. 3), «Православное Обозрѣніе» (1863 г., кн. 7), «День» (1864 г., № 14), «Странникъ» (1864 г., кн. 5), «Подольскія Епархіальныя Вѣдомости» (1864 г., № 11). «Воронежскія Губернскія Вѣдомости» (1864 г., № 21), «Московскія Вѣдомости» (1864 г., № 117 и 119), «Полтавскія Епархіальныя Вѣдомости» (1864 г., № 10), «Духовная Бесѣда» (1864 г., 12), «Сѣверная Пчела» (1864 г., № 78), «Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости» (1864 г., № 8). Кромѣ того, «Извлеченія изъ писемъ миссіонера-протоіерея Стефана Ландышева къ московскому священнику Н. Д. Л. (1846—1853 г.)» изданы въ книгѣ: «Памятникъ трудовъ православныхъ благовѣстниковъ русскихъ» (М., 1857 г., стр. 167—199).

Лебедевъ, Алексѣй Николаевичъ, сынъ дьячка, воспитывался въ московской духовной семинаріи; по окончаніи курса въ ней, посвященъ во діакона при Архангельскомъ соборѣ (1-го октября 1834 г.), затѣмъ—во священника того же собора (5-го декабря 1837 г.); наконецъ, назначенъ сакелларіемъ при немъ (1844 г.) и возведенъ въ санъ протоіерея (1873 г.); † 7-го августа въ Петровскомъ-Разумовскомъ, близь Москвы. Свѣдѣнія о немъ помѣщены (стр. 96, въ книгѣ, изданной имъ подъ заглавіемъ: «Московскій каѳедральный Архангельскій соборъ» (М., 1880 г., 388 стр.).

Лебедевъ, Николай Ивановичъ [1]), родился въ 1848 роду, воспитывался въ Дмитровскомъ училищѣ и Виѳанской семинаріи, изъ которой поступилъ въ Московскую духовную академію (1868 г.); тамъ онъ окончилъ курсъ кандидатомъ (1872 г.) и вслѣдъ затѣмъ получилъ мѣсто баккалавра по каѳедрѣ патристики; послѣ защиты диссертаціи (1878 г.) удостоенъ степени магистра богословія и избранъ доцентомъ, но чрезъ три года вышелъ въ отставку (въ августѣ 1881 г.) и около двухъ лѣтъ состоялъ преподавателемъ одного изъ московскихъ частныхъ училищъ; † 3-го августа въ Москвѣ. Кромѣ сотрудничества въ «Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ», онъ напечаталъ:

«Сочиненія Оригена противъ Цельса» (κατά Κέλσου), опытъ изслѣдованія по исторіи литературной борьбы христіанства съ язычествомъ», М., 1878 г., 250 стр.

«Цельсъ и Оригенъ». (Чтенія въ Общ. люб. дух. просв., 1879 г., ч. I).

«Макарій, митрополитъ всероссійскій» (Чтенія въ Общ. люб. дух. просв., 1877 г., ч. II; 1878 г., ч. I; 1880 г., ч. II; 1881 г., ч. II).

«О Стоглавомъ соборѣ», историческое изслѣдованіе (тамъ же, 1882 г., ч. I).

«Мартинъ Лютеръ и Андрей Рудольфъ Карлштадтъ» (тамъ же, 1882 г., ч. II).

---

[1]) О немъ: «Московск. Церковн. Вѣдом.», 1883 г., № 33 и 39.

Макушевъ, Викентій Васильевичъ [1]), извѣстный славистъ, родился 10-го октября 1837 года въ Брестлитовскѣ, Гродненской губерніи; воспитывался въ Ларинской гимназіи и на историко-филологическомъ факультетѣ Петербургскаго университета; по окончаніи курса въ послѣднемъ съ золотою медалью и со степенью кандидата (1860 г.), отправился путешествовать по Европѣ вмѣстѣ съ княземъ М. В. Кочубеемъ; затѣмъ, опредѣленный на службу въ азіатскій департаментъ, онъ былъ посланъ секретаремъ русской миссіи въ Черногорію, но черезъ три года вышелъ въ отставку и прибылъ въ Петербургъ; здѣсь онъ защитилъ диссертацію на степень магистра славянской филологіи (1868 г.) и тотчасъ же былъ командированъ министерствомъ народнаго просвѣщенія въ ученое путешествіе по Италіи (1868—1871 г.); наконецъ, по возвращеніи на родину, занялъ каѳедру славянскихъ нарѣчій въ Варшавскомъ университетѣ (1871—1883 г.); † 2-го марта въ Варшавѣ. Покойный напечаталъ слѣдующіе труды:

«Филологическій разборъ числительныхъ именъ», изслѣдованіе П. Шафарика, переводъ съ чешскаго (Сборникъ, издав. студентами Петербургск. университета, Спб., 1860 г., вып. II, стр. 173—212).

«Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ славянъ», разсужденіе, удостоенное золотой медали отъ Петербургскаго университета, Спб., 1861 г., 178 стр.

«Славянскій элементъ въ англійскомъ языкѣ» (Сѣверн. Пчела, 1861 г., № 215).

«Австрійско-славянскій вопросъ» (тамъ же, № 250).

«П. І. Шафарикъ» (тамъ же, № 212).

«Матеріалы для исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ Рагузскою республикою», съ приложеніемъ плана Рагузы и карты военныхъ дѣйствій русскихъ въ области Рагузской республики въ 1806 году. (Чтенія въ импер. Обществѣ исторіи и древностей, 1865 г., кн. III). Отдѣльный оттискъ: М., 1865 г., 178 стр.

«Дневникъ путешествія изъ Дубровника въ Черногорію» (Русскій Вѣстн., 1866 г., кн. 3).

«Изслѣдованія объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника» (Приложеніе къ XI тому Записокъ императорск. академіи наукъ, Спб., 1867 г., № 5). Отдѣльно: Спб., 1867 г., 446 стр. Это сочиненіе послужило диссертаціей на степень магистра и получило Уваровскую премію.

«Задунайскіе славяне» (Литературн. Библіот., 1867 г., кн. 3—5).

«Воспоминаніе о Лукѣ Вуколовичѣ и послѣднемъ герцеговинскомъ возстаніи» (тамъ же, кн. 2).

«Древности города Новаго въ Бокѣ Которской» (Журналъ мин. нар. просвѣщ., 1867 г., кн. 4).

«Начала философскаго и сравнительно-историческаго языкознанія въ приложеніи къ изученію русскаго языка» (Литературная Библіотека, 1867 г., кн. 9).

---

[1]) См. о немъ брошюру: «Поминки по профессорѣ В. В. Макушевѣ», Варш., 1883 г., 39 стр.; «Московск. Вѣдом.», 1883 г., №№ 66, 85 и 86; «Историческій Вѣстникъ», 1883 г., кн. 4, стр. 242—243; «Славянскій Ежегодникъ», Кіевъ, 1884 г., вып. VI.

«На прощаньѣ съ славянскими гостями» (тамъ же, кн. 10 и 11). Отдѣльно: Спб., 1867 г.

«Задунайскіе и адріатическіе славяне», очерки статистическіе, этнографическіе и географическіе, Спб., 1867 г., 304 стр.

«Письма о литературномъ и политическомъ состояніи Хорватскаго королевства» (Журналъ мин. нар. просв., 1868 г., кн. 9 и 10).

«Самозванецъ Степанъ Малый, по актамъ венеціанскаго архива» (Русскій Вѣстн., 1869 г., кн. 7—9).

«Россія и Польша въ XVIII вѣкѣ, по реляціямъ венеціанца Д. Дольфина и генуэзца С. Ривароды» (тамъ же, 1870 г., кн. 5).

«Объ изданіи историческихъ памятниковъ Марки Анконской» (Журналъ мин. нар. просв., 1870 г., кн. 10).

«Нѣсколько замѣтокъ о современной Италіи» (Русскій Вѣстн., 1870 г., кн. 11).

«Итальянскіе архивы и хранящіеся въ нихъ матеріалы для славянской исторіи: 1) Флорентинскій государственный архивъ» (Приложеніе къ XVI тому Записокъ импер. академіи наукъ, 1870 г., № 5). Отдѣльно: Спб., 1870 г., 42 стр.

«О славянахъ Молизскаго графства въ южной Италіи» (тамъ же, 1870 г. т. XVIII, кн. 1).

«Итальянскіе архивы и хранящіеся въ нихъ матеріалы для славянской исторіи: 2) Неаполь и Палермо» (Приложеніе къ XIX тому Записокъ императорск. академіи наукъ, 1871 г., № 3). Отдѣльно: Спб., 1871 г., 94 стр.

«Итальянскіе архивы и хранящіеся въ нихъ матеріалы для славянской исторіи: 3) Неаполь, Бари, Анкона» (тамъ же, 1871 г., № 4). Отдѣльно: Спб., 1871 г., 42 стр.

«Албанскія преданія о св. Кириллѣ и изобрѣтенной имъ азбукѣ» (Варшавск Дневникъ, 1871 г., № 100).

«Объ общеславянской азбукѣ» (тамъ же, 1871 г., № 117).

«Рецензія на книгу Павинскаго: «Полабскіе славяне» (тамъ же, 1871 г., №№ 124 и 125).

«Историческія розысканія о славянахъ въ Албаніи, въ средніе вѣка», Варш., 1871 г. (диссертація на степень доктора).

«Словенцы», изъ путевыхъ воспоминаній (Русскій Вѣстн., 1873 г., кн. 7).

«О Палацкомъ» (Голосъ, 1873 г., № 178).

«Monumenta historica Slavorum meridionalium vicinorumque populorum», Варш., 1874 г., томъ первый; Бѣлградъ, 1883 г., томъ второй. Это изданіе имѣетъ и русскій заголовокъ: «Историческіе памятники южныхъ славянъ и сосѣднихъ имъ народовъ, извлеченные изъ итальянскихъ архивовъ и библіотекъ, часть первая: меньшіе архивы и нѣкоторыя библіотеки—Анкона, Болонья, Флоренція», Варш., 1874 г., 569 стр.

«Очеркъ исторіи и современнаго положенія задунайскихъ славянъ-болгаръ и сербовъ» (Русскій Вѣстн., 1876 г., кн. 5).

«Общественные и государственные вопросы въ польской литературѣ XVI вѣка» (Славянскій Сборникъ, Кіевъ, 1878 г., томъ третій).

«Разборъ сочиненія Иречка: «Исторія болгаръ» (Журналъ мин. нар. просвѣщ., 1878 г., кн. 4 и 5).

«Станиславъ Трембецкій, замѣчательный сторонникъ Россіи въ польской поэзіи конца XVIII вѣка» (Древн. и Нов. Россія, 1878 г., кн. 8).

«Рецензія на книгу Колосова: «Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка» (Журналъ мин. нар. просвѣщ., 1878 г., кн. 12).

«О происхожденіи слова: Дажь-богъ» (Филолог. Зап., 1878 г., кн. 3).

«Изъ чтеній о старочешской письменности», Ворон., 1879 г., вып. I, 84 стр. Эти чтенія сначала печатались въ «Филологическихъ Запискахъ» (1877 г., вып. IV—VI; 1878 г., вып. III).

«О сравнительныхъ этимологическихъ таблицахъ, изданныхъ Ржигою» (Русск. Филолог. Вѣстн., 1879 г., кн. 1).

«Андрей Товіанскій, его жизнь, ученіе и послѣдователи» (Русскій Вѣстн., 1879 г., кн. 2, 5 и 6).

«Критическая статья о книгѣ Березина: «Хорватія, Славонія, Далматія и Военная граница» (Журналъ мин. нар. просвѣщ., 1881 г., кн. 1 и 2).

«Новый учено-литературный журналъ на польскомъ языкѣ—Museum» (Русская Мысль, 1881 г., кн. 9).

«Письма о Галиціи» (Русь, 1881 г., №№ 28, 30, 31, 32 и 33).

«Чтенія о старо-польской письменности», Варш., 1881 г., вып. I, 82 стр. Это—отдѣльный оттискъ изъ «Русскаго Филологическаго Вѣстника».

«Ученіе А. Товіанскаго преимущественно соціально-политическое» (Славянскій Ежегодникъ, Кіевъ, 1882 г., томъ пятый). Отдѣльно: Кіевъ, 1882 г., 39 стр.

«О нѣкоторыхъ рукописяхъ народной библіотеки въ Бѣлградѣ», Варш., 1882 г. Это—отдѣльный оттискъ изъ «Русскаго Филологическаго Вѣстника».

Кромѣ того, покойный безъ подписи напечаталъ статьи въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Русскомъ Инвалидѣ», въ загребскомъ «Rad»'ѣ и въ бѣлградскомъ «Гласникѣ».

Марковъ, Василій Васильевичъ[1]), сынъ рязанскаго помѣщика, родился въ Касимовѣ (1834 г.) и окончилъ полное образованіе въ Дворянскомъ полку; затѣмъ отдался только литературной дѣятельности, работая втеченіе двадцати пяти лѣтъ, какъ переводчикъ, критикъ и поэтъ; † 11-го декабря въ Петербургѣ. Онъ, прежде всего, переводилъ Маколея (для журнала: «Современникъ»), Шлоссера (для «Исторической Библіотеки» при томъ же журналѣ) и «Исторію новѣйшаго времени» Лоренца, изданную отдѣльно съ его дополненіями и обширнымъ предисловіемъ (Спб., 1869 г.—Второе изданіе: Спб., 1871 г.). Вмѣстѣ съ тѣмъ покойный состоялъ постояннымъ сотрудникомъ «Русскаго Инвалида» (по иностранному отдѣлу), «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» подъ редакціей В. Ѳ. Корша (по тому же отдѣлу и русской журналистикѣ), «Современника», «Библіотеки для Чтенія», «Отечественныхъ Записокъ», «Новаго Времени», «Заграничнаго Вѣстника», «Недѣли» и «Изящной Литературы». Кромѣ того, имъ изданы отдѣльно слѣдующіе труды:

«Новѣйшій спиритизмъ, его феномены и ученіе», Спб., 1877 г., 79 стр.

«На встрѣчу», очерки и стихотворенія, 1878 г., 554 стр. Это — собраніе произведеній, ранѣе напечатанныхъ въ упомянутыхъ выше періодическихъ изданіяхъ.

«Илья Муромецъ», поэма, пѣснь первая, Спб., 1880 г., 50 стр.

«Трилистникъ», три стихотворенія, Спб., 1881 г., 14 стр.

---

[1]) О немъ: «Родина». 1883 г., № 20; «Русскія Вѣдом.», 1883 г., № 343; «Историческ. Вѣстникъ», 1884 г., кн. 1, стр. 223.

Мельниковъ, Павелъ Ивановичъ[1]), извѣстный писатель, родился 22-го октября 1819 года въ Нижнемъ Новгородѣ и свое дѣтство провелъ большею частію въ городѣ Семеновѣ, гдѣ въ послѣдніе годы служилъ его отецъ; учился въ нижегородской гимназіи (1829—1834 г.) и Казанскомъ университетѣ, изъ котораго вышелъ со степенью кандидата словеснаго факультета (1837 г.); по окончаніи курса его оставили при университетѣ для приготовленія къ каѳедрѣ славянскихъ нарѣчій; но чрезъ три мѣсяца назначили старшимъ учителемъ исторіи, статистики и французскаго языка въ пермской гимназіи (1837—1839 г.), а потомъ перевели преподавателемъ двухъ первыхъ предметовъ въ нижегородскую гимназію (1839—1846 г.); въ то же время онъ былъ избранъ корреспондентомъ археографической коммиссіи (1844 г.) и состоялъ редакторомъ неоффиціальной части «Нижегородскихъ губернскихъ Вѣдомостей» (1845—1850 г.); по окончаніи педагогической дѣятельности, П. И. получилъ мѣсто чиновника особыхъ порученій сначала при нижегородскомъ губернаторѣ М. А. Урусовѣ (1847—1850 г.), а послѣ—при министрѣ внутреннихъ дѣлъ (1850—1866 г.), преимущественно занимаясь раскольническими дѣлами; при послѣдней должности онъ одно время былъ редакторомъ внутренняго отдѣла въ «Сѣверной Пчелѣ» (1863—1864 г.); наконецъ, былъ причисленъ къ тому же министерству, съ откомандированіемъ въ распоряженіе московскаго генералъ-губернатора (1866—1883 г.); † 1-го февраля въ Нижнемъ Новгородѣ. Имъ напечатаны:

«Дорожныя записки на пути изъ Тамбовской губерніи въ Сибирь» (Отеч. Зап., 1839 г., кн. 11—12; 1840 г., кн. 3, 4, 8, 10, 12; 1841 г., кн. 3, 10, и 1842 г., кн. 2—3).

«Первый магистръ монгольской словесности: В. П. Васильевъ» (Отеч. Зап., 1840 г., кн. 3).

«Историческія извѣстія о Нижнемъ Новгородѣ», отрывки изъ «Исторіи Владимірско-Суздальскаго великаго княжества и происшедшихъ изъ него отдѣльныхъ княжествъ» (Отеч. Зап., 1840 г., кн. 7).

«Библіографическая рѣдкость: «Symbola et Emblemata, Amstelodami, anno 1705» (Отеч. Зап., 1840 г., кн. 9).

«Эльпидифоръ Перфильевичъ», повѣсть («Литературная Газета», 1840 г., № 52 и 80).

«Великій художникъ», переводъ съ польскаго, изъ Мицкевича (№ 55).

---

[1]) О немъ: «Русскій Архивъ», 1875 г., кн. 1, стр. 77—85; «Нива», 1881 г., № 1, и 1883 г., № 9; періодическія изданія 1883 года: «Московскія Вѣдом.», №№ 42 и 50; «Журналъ мин. нар. просв.», кн. 3; «Новое Время», №№ 2,528 и 2,537; «Историч. Вѣстникъ», кн. 3, стр. 719; «Вѣстникъ Европы», кн. 4, стр. 893—895; брошюра Н. Невзорова: «П. И. Мельниковъ, его жизнь и литературное значеніе» (Казань, 1883 г., 20 стр.); «Историч. Вѣстникъ», 1884 г., кн. 2, стр. 346—350; кн. 9, стр. 473—511; кн. 10, стр. 25—72; кн. 11, стр. 301—361; кн. 12, стр. 538—593; «Московскія Вѣдом.», 1874 г., № 285; «Всемірная Иллюстрація», 1875 г., № 313; «Кругозоръ», 1875 г., № 22.

«Судьба древности» (№ 61).

«Письма къ А. А. Краевскому» (№ 68).

«О праздникахъ персидскихъ при Сассанидахъ» (№ 103).

«Реляція о дѣйствіи русскихъ войскъ въ Польшѣ въ 1773 году» (Отеч. Зап., 1841 г., кн. 1).

«Поѣздка въ Кунгуръ», изъ дорожныхъ записокъ (Москвит., 1841 г., кн. 3).

Въ томъ же 1841 году, П. И. Мельниковъ напечаталъ слѣдующія статьи въ «Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ»: «Муххамедъ какъ импровизаторъ», «Александръ Великій, царь царей персидскихъ», «О корчемствѣ въ Россіи до конца XVII вѣка», «Персія при Сассанидахъ», «Нижегородскія древности», «Переводъ Rucopis Kraledworsky», «Собраніе нижегородскихъ преданій и повѣрій», «Описаніе нѣкоторыхъ старопечатныхъ и старописьменныхъ книгъ славяно-русскихъ, не находящихся въ извѣстныхъ каталогахъ и библіотекахъ» (см. Отеч. Зап., 1842 г., кн. 6, отд. VI, стр. 39, и Журналъ мин. нар. просв., 1843 г., ч. XXXVII, отд. III, стр. 20—21). Кромѣ того, въ протоколѣ археографической коммиссіи, отъ 8-го апрѣля 1841 года, сказано: «Старшій учитель нижегородской гимназіи Мельниковъ, при донесеніи отъ 17-го марта, представилъ на разсмотрѣніе снятые имъ въ видѣ опыта списки съ восьми старинныхъ грамотъ съ приложеніемъ подлинниковъ; положено: просить г. министра народнаго просвѣщенія объ утвержденіи г. Мельникова въ званіи корреспондента коммиссіи съ порученіемъ ему, на основаніи существующихъ правилъ, доставлять ей свѣдѣнія о старинныхъ библіотекахъ и архивахъ и сообщать описи хранящихся въ нихъ рукописей» (см. Журналъ мин. нар. просв., 1841 г., ч. XXX, отд. III, стр. 53—54). Одно изъ подобныхъ сообщеній Мельникова въ археографическую коммиссію напечатано въ Журналѣ мин. нар. просв. (1842 г., ч. XXXIII, отд. III, стр. 37—38).

«Солнечныя затмѣнія, видѣнныя въ Россіи до XVI столѣтія» (Отеч. Зап., 1842 г., кн. 6).

«Историческія замѣтки: 1) Гдѣ скончался св. Александръ Невскій; 2) Гдѣ жилъ и умеръ Козьма Мининъ; 3) О царицѣ Маріи Петровнѣ; 4) О родственникахъ Козьмы Минина» (Отеч. Зап., 1842 г., кн. 7—8).

«Нижній Новгородъ и нижегородцы въ Смутное время» (Отеч. Зап., 1843 г., кн. 7).

«Лифляндскій колоколъ XV столѣтія въ Нижнемъ Новгородѣ» (Отеч. Зап., 1844 г., кн. 3).

«О строгоновскихъ зданіяхъ въ Россіи» (Литер. Газета, 1845 г., № 9).

«Нижегородская ярмарка въ 1843, 1844 и 1845 годахъ» (Нижн. Новг., 1846 г., 292 стр.). Этотъ трудъ печатался сначала въ «Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» за 1845 годъ.

«Концерты на нижегородскомъ театрѣ» (Нижегор. Губ. Вѣдом., 1850 г., № 17).

«Историческій очеркъ нижегородской ярмарки» (Московскія Вѣдом., 1850 г., № 105).

«Нѣсколько новыхъ свѣдѣній о Смутномъ времени, о Козьмѣ Мининѣ, князѣ Пожарскомъ и патріархѣ Гермогенѣ» (Москвитян., 1850 г., кн. 21).

Эта статья представляетъ выдержку изъ публичныхъ чтеній Мельникова въ Нижнемъ Новгородѣ. О такихъ «чтеніяхъ» сохранилось «объявленіе» (Нижегор. Губ. Вѣдом., 1847 г., № 7) и слѣдующій отчетъ о первой лекціи: «11-го февраля (1847 года) въ Нижнемъ Новгородѣ случилось небывалое до сихъ поръ явленіе — публичныя лекціи о Россіи и въ особенности о Нижнемъ Новгородѣ въ началѣ XVII вѣка. Съ разрѣшенія начальства читаетъ ихъ г. Мельниковъ. Все лучшее общество и въ особенности много дамъ было вечеромъ 11-го февраля въ великолѣпной залѣ Александровскаго института».

«Общественныя моленія эрзянъ» (Симбирск. Губ. Вѣдом., 1851 г.). На эту свою статью указываетъ самъ Мельниковъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (1867 г., кн. 6, стр. 490), добавляя, что онъ производилъ слѣдствіе о мордовскомъ общественномъ моленіи въ 1848 году.

«Придѣлъ въ честь Козьмы Минина», корреспонденція изъ Нижняго Новгорода (Москвит., 1852 г., кн. 6).

«Красильниковы», повѣсть (Москвит., 1852 г., кн. 8). Подъ этою повѣстью впервые поставленъ псевдонимъ Мельникова: «Андрей Печерскій». Такой псевдонимъ появлялся затѣмъ подъ каждымъ «разсказомъ» покойнаго писателя.

«О современномъ состояніи раскола въ Нижегородской губерніи». Этотъ трактатъ, изложенный въ тринадцати большихъ тетрадяхъ, былъ написанъ по высочайшему повелѣнію въ 1854 году и тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Бибиковымъ переданъ казанскому архіепископу Григорію, а отъ послѣдняго поступилъ въ библіотеку Казанской духовной академіи. Изъ этого труда редакція «Православнаго Собесѣдника» напечатала нѣсколько статей о расколѣ.

«Отрывки изъ отчета по министерству внутреннихъ дѣлъ» (Журналъ мин. внутр. дѣлъ, 1856 г.).

«Дѣдушка Поликарпъ», разсказъ (Русскій Вѣстникъ, 1856 г., кн. 5).

«Поярковъ», повѣсть (Русскій Вѣстникъ, 1857 г., кн. 2).

«Старые годы», повѣсть (кн. 4).

«Медвѣжій уголъ», повѣсть (кн. 10).

«Непремѣнный», разсказъ (кн. 12).

«Именинный пирогъ», разсказъ (Русскій Вѣстникъ, 1858 г., кн. 4).

«Бабушкины розсказни», повѣсть (Современн., 1858 г., кн. 8 и 10).

«Указатель достопримѣчательностей Нижняго Новгорода» (М., 1858 г.). По указанію самого Мельникова (Русскій Вѣстн., 1867 г., кн. 6, стр. 498), эта книжка составлена для государыни императрицы Маріи Александровны, напечатана въ крайне ограниченномъ числѣ экземпляровъ, даже безъ цензуры, и считается библіографическою рѣдкостью.

«Братчина», учено-литературный сборникъ, ч. I (Спб., 1859 г., 280 стр.). Редакціей этого «Сборника» занимался Мельниковъ; ему же принадлежитъ и «предисловіе».

«Русскій Дневникъ». Подъ этимъ заглавіемъ Мельниковъ, съ начала 1859 года, издавалъ въ Петербургѣ ежедневную газету при такой программѣ: 1) внутреннія извѣстія; 2) науки и искусства; 3) словесность; 4) библіографическія извѣстія. Эта газета прекратилась въ томъ же году на 141 №, отъ 5-го іюля.

«На станціи», разсказъ (Русскій Дневникъ, 1859 г., № 21).

«Раскольническія преданія, записанныя въ Нижегородской губерніи» (Русскій Дневникъ, 1859 г., № 137).

«Преданіе о судьбѣ Таракановой» (Сѣверная Пчела, 1860 г., № 39).

«Разборъ драмы Островскаго: «Гроза» (№ 42).

«У Макарья», разсказъ (№ 144).

«Аввакумъ Петровичъ протопопъ и Авраамій Нижегородецъ» (Энциклопедич. Словарь, составленный русскими учеными и литераторами, Спб., томъ первый).

«Гриша», повѣсть изъ раскольничьяго быта (Современ., 1861 г., кн. 3). Эта повѣсть издана отдѣльно Д. Кожанчиковымъ (Спб., 1861 г.).

«Лысково», изъ дорожныхъ записокъ (Иллюстрація, 1861 г., № 198—200). Изъ «Иллюстраціи» эти записки перепечатаны въ «Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» (1861 г., №№ 51—52; 1862 г., №№ 1—3).

«Письма о расколѣ» (Сѣверная Пчела, 1862 г., №№ 5, 7, 9—10, 14—15). Отдѣльное изданіе: Спб., 1862 г.

«Въ Чудовѣ», разсказъ (Сѣверная Пчела, 1862 г., № 30).

«Старообрядческіе архіереи» (Русскій Вѣстникъ, 1863 г., кн. 4—6).

«О русской правдѣ и польской кривдѣ» (М., 1863 г.).

«Историческіе очерки поповщины» (Русскій Вѣстникъ, 1864 г., кн. 5). Эти «очерки» были продолженіемъ статьи: «Старообрядческіе архіереи», и изданы отдѣльно: Спб., 1864 г., ч. I, 282 стр. Дальнѣйшіе же «очерки» появились только въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (1866 г., кн. 5 и 9; 1867 г., кн. 2).

«Описаніе празднества, бывшаго въ Петербургѣ 6-го—9-го апрѣля 1865 года по случаю столѣтняго юбилея Ломоносова» (Спб., 1865 г., 46 стр.).

«Воспоминаніе о Н. И. Воровѣ» (Сѣверная Пчела, 1865 г., № 266).

«Записка о русскомъ расколѣ» (Сборникъ правительствен. распоряженій о расколѣ, Лондонъ, 1866 г., томъ первый). Названная «Записка» была написана Мельниковымъ еще въ 1857 году для в. к. Константина Николаевича, но издана въ указанномъ «Сборникѣ» В. И. Кельсіевымъ безъ конца, съ пропусками и искаженіями.

«Княжна Тараканова и принцесса Владимірская» (Русскій Вѣстникъ, 1867 г., кн. 5, 6 и 8). Отдѣльно: М., 1868 г.

«Очерки мордвы» (Русскій Вѣстникъ, 1867 г., кн. 6, 9—10).

«Счисленіе раскольниковъ» (Русскій Вѣстникъ, 1868 г., кн. 2).

«Изъ прошлаго» (кн. 4). Эта статья, подписанная двумя иниціалами: «П. М.», принадлежитъ Мельникову, какъ онъ самъ заявилъ объ этомъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (1869 г., кн. 5, стр. 253).

«Тайныя секты» (кн. 5).

«За Волгой», разсказъ (кн. 6, 7, 10 и 12).

«Нижегородско-казанская и нижегородско-сызранская желѣзныя дороги», записка уполномоченныхъ земствомъ Нижегородской губерніи и городскимъ обществомъ Нижняго Новгорода (Спб., 1869 г.).

«Бѣлые голуби», разсказы о скопцахъ и хлыстахъ (Русскій Вѣстникъ, 1869 г., кн. 3 и 5).

«Къ исторіи русской печати: о газетѣ «Русскій Инвалидъ» (Русская Старина, 1870 г., кн. 10).

«Въ лѣсахъ», разсказъ (Русскій Вѣстникъ, 1871 г., кн. 1, 3, 5 и 8; 1872 г., кн. 1, 3, 5 и 8; 1873 г., кн. 2, 5, 8, 9 и 12; 1874 г., кн. 4, 5, 8 и 12). Отдѣльно это произведеніе издано въ четырехъ частяхъ: первое изданіе, М., 1875 г.; второе изданіе: Спб., 1881 г.

«Авдотья Петровна Нарышкина», историческая замѣтка (Русскій Вѣстникъ, 1872 г., кн. 1).

«Воспоминаніе о В. И. Далѣ» (Русскій Вѣстникъ, 1873 г., кн. 3).

«Изъ записокъ юрьевскаго архимандрита Фотія о скопцахъ, хлыстахъ и другихъ тайныхъ сектахъ въ Петербургѣ» (Русскій Архивъ, 1873 г., кн. 8).

«Изъ нашей учебно-исторической литературы: объ учебникѣ г. Белляминова» (кн. 11).

«На горахъ», разсказъ (Русскій Вѣстникъ, 1875 г., кн. 5 и 10; 1876 г., кн. 8 и 11; 1877 г., кн. 5—7, 9 и 10; 1878 г., кн. 1, 5, 8 и 11; 1879 г., кн. 9 и 12; 1880 г., кн. 3, 5 и 8; 1881 г., кн. 2—3). Отдѣльно: Спб., 1881 г., четыре части.

«Разсказы Андрея Печерскаго» (М., 1876 г., 398 стр. Второе изданіе: Спб., 1882 г., 408 стр.).

«Дѣло по поводу стихотворенія Тредьяковскаго» (Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей, 1879 г., кн. 1).

«Воспоминаніе о графѣ С. С. Ланскомъ» (Русскій Архивъ, 1879 г., кн. 2).

«Спасеніе жизни императора Николая Павловича» (тамъ же).

Уже послѣ кончины Мельникова, были напечатаны: «Семейство Барбашевыхъ», изъ далекаго прошлаго (Афиши, 1884 г., №№ 343—345), и статья: «Раскольничьи секты въ Россіи» (Историч. Вѣстн., 1885 г., кн. 7).

Минцловъ, Робертъ Ивановичъ[1]), родился 18-го ноября 1811 года въ Кенигсбергѣ и окончилъ курсъ философскихъ наукъ въ тамошнемъ университетѣ; затѣмъ переселился въ Россію и занялся преподаваніемъ; такъ, онъ долгое время состоялъ преподавателемъ нѣмецкой литературы въ императорскомъ Александровскомъ лицеѣ, а также былъ воспитателемъ государя императора Александра Александровича и его августѣйшихъ братьевъ; послѣднія же тридцать пять лѣтъ (1847—1883 г.) занималъ должность консерватора императорской публичной библіотеки; † 31-го октября въ Петербургѣ. Покойный, кромѣ того, что написалъ либретто комической оперы: «La meunière de Marly» (переведенной на русскій языкъ подъ названіемъ: «Мельничиха въ Марли»), напечаталъ слѣдующіе труды:

«Die altdeutschen Handschriften der k. öff. Bibliothek zu St-Petersburg», Спб., 1853 г., 126 стр., со снимкомъ.

---

[1]) См. «Историческій Вѣстникъ», 1883 г., кн. 12, стр. 647—648.

«Beiträge zur Kenntniss der poët. und wissensch. Literatur Russlands, Berlin, 1854 г., 204 стр.
«Книжная келья XV вѣка, сонъ на яву» (Библіогр. Записки, 1858 г., № 5). То же перепечатано въ «Подснѣжникѣ» (1858 г., кн. 9).
«Что такое библіографія, и что отъ нея требуется?» (тамъ же, № 12).
«Notice sur les reliures anciennes de la bibliothèque impériale de St.-Pétersbourg», Paris, 1858 г., 40 pag.
«Вилльямъ Руссель и Каспаръ Энсъ, авторы сочиненій, относящихся до Смутнаго періода» (Архивъ историч. и практич. свѣдѣній о Россіи, 1860 г., кн. V).
«Les Elsevir de la bibliothèque impériale de St.-Pétersbourg», Спб., 1862 г., 223 стр.
«Catalogue des publications de la bibliothèque imp. publique de Saint-Pétersbourg, depuis sa fondation jusqu'en 1861, ainsi que des différents écrits qui la concernent spécialement, ou qui ont été publiés à son pofit», Спб., 1862 г., 38 стр.
«Привѣтствія и стихи въ день пятидесятилѣтія барона М. А. Корфа» (брошюра: «Барону М. А. Корфу», Спб., 1867 г.).
«Ein Gang durch die k. öffentliche Bibliothek» (St.-Petersb. Kalender für 1870).
«Прогулка по с.-петербургской императорской публичной библіотекѣ», Спб., 1872 г.
«Исторія литературы древнихъ народовъ», Спб., 1873 г.
«Spécimen du catalogue raisonné des russica de la bibliothèque impériale publique de St.-Pétersbourg», Спб.

Кромѣ того, Минцловъ состоялъ сотрудникомъ изданія: «St.-Petersbourger Zeitung», и членомъ императорскаго археологическаго Общества и археологической коммиссіи.

Мурзакевичъ, Николай Никифоровичъ [1]), родился въ 1807 году и воспитывался въ Московскомъ университетѣ по нравственно-политическому отдѣленію; по окончаніи курса дѣйствительнымъ студентомъ (1828 г.), переселился на югъ Россіи, въ херсонское имѣніе своего университетскаго товарища, М. М. Кирьякова; тамъ, благодаря богатой библіотекѣ, изучилъ исторію и археологію Россіи, такъ что, послѣ полученія кандидатской степени, занялъ каѳедру русской исторіи въ Ришельевскомъ лицеѣ (1831 г.); одновременно съ преподаваніемъ открылъ другую оживленную дѣятельность: онъ явился членомъ-основателемъ одесскаго Общества любителей исторіи и древностей (1839 г.), его секретаремъ и вице-президентомъ; наконецъ, директоръ Ришельевскаго лицея и нѣкоторое время управляющій Одесскимъ учебнымъ округомъ; † въ октябрѣ въ Одессѣ. Кромѣ изданія всѣхъ томовъ «Записокъ одесскаго Общества исторіи и древностей» (1844—1883 г.) и сотрудничества въ газетѣ «Одесскій Вѣстникъ», онъ напечаталъ:

«Descriptio nummorum veterum Graecorum atque Romanorum», Одесса, 1835 г., 68 стр., съ таблицами.

---

[1]) О немъ «Русскія Вѣдом.», 1883 г., № 292; «Историч. Вѣстникъ», 1883 г., кн. 12, стр. 646—647.

«Достопамятности города Смоленска» (Журналъ мин. народн. просв., 1835 г., ч. VIII). То же въ «Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей», 1846 г., кн. 2).

«Поѣздка въ Крымъ въ 1836 году» (тамъ же, ч. XIII).

«Васильевскія двери въ городѣ Александровѣ» (тамъ же, ч. XVI).

«Нынѣшнее состояніе просвѣщенія у болгаръ» (тамъ же, ч. XVIII).

«Объ открытіи древней княжеской гробницы въ окрестности города Смоленска» (Труды и лѣтописи Общества исторіи, 1837 г., ч. VIII).

«Исторія генуэзскихъ поселеній въ Крыму», Одесса, 1837 г., 91 стр., съ картою Чернаго моря.

«О первомъ свободномъ вводѣ табаку въ Россіи» (Труды и лѣтописи Общества исторіи, 1837 г., ч. VIII).

«О пушечномъ литейномъ искусствѣ въ Россіи» (Журналъ мин. нар. просв., 1838 г., ч. XIX).

«Сербскіе историческіе памятники» (тамъ же, 1839 г., ч. XXIII).

«О царскихъ воротахъ въ Троицкомъ соборѣ въ Александровѣ» (Русскій Историческій Сборникъ, 1838 г., кн. 2, т. I).

«Письменные памятники Тохтамышъ-хана» (Журналъ мин. нар. просв., 1840 г., ч. XXVII).

«Записка объ одесскомъ Обществѣ исторіи» (брошюра: «Торжественное собраніе одесскаго Общества исторіи и древностей», Одесса, 1840 г.).

«Descriptio musei publici Odessanei», Одесса, 1841 г., 90 стр., съ двумя таблицами.

«О двухъ эллинскихъ надписяхъ, найденныхъ вблизи села Троицкаго, въ имѣніи помѣщика Кобле», «О латинской надписи съ именемъ воспорскаго царя Савромата II», «Надпись на окладѣ Евангелія въ монастырѣ Кипріана», «О нѣкоторыхъ малоизвѣстныхъ монетахъ, имѣющихся въ Одессѣ», «Поѣздка на островъ Левки или Фидониси въ 1841 году» (Записки одесскаго Общества исторіи и древностей, 1844 г., т. I).

«Начало книгопечатанія въ Новороссійскомъ краѣ», «Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ православныхъ монастыряхъ Херсонской и Кишиневской епархій», «Эллинскіе памятники, найденные въ Новороссійскомъ краѣ», «Аккерманскія греческія надписи», «Бахчисарайскія, арабскія и турецкія надписи», «Эски—крымская арабская надпись» (тамъ же, 1848 г., т. II).

«Псковская судная грамота, составленная на вѣчѣ въ 1467 году», изданная по списку, хранящемуся въ библіотекѣ князя М. С. Воронцова, Одесса, 1847 г., 18 стр. Второе изданіе: Одесса, 1869 г.

«Отказная запись 1609 г.» (Временникъ Общества исторіи и древностей, 1850 г., кн. 5).

«Монеты, отысканныя на островѣ Левки или Фидониси», «Ольвійскія древности» (Записки одесскаго Общества исторіи и древностей, 1853 г., т. III).

«Письма царевича Алексѣя Петровича къ его родителю государю Петру Великому», Одесса, 1849 г.

«Архіепископъ Гавріилъ Розановъ» (Одесскій Вѣстникъ, 1858 г., № 141).

«Экстрактъ объ Азовѣ», «Молдо-Влахійскія грамоты, хранящіяся въ Бессарабіи», «О позднѣйшихъ названіяхъ древней Гилеи», «Отводъ земли грекамъ, переселявшимся изъ Крыма къ Азовскому морю», «Пребываніе іезуитовъ въ Крыму», «Очеркъ заслугъ, сдѣланныхъ наукамъ кн. М. С. Воронцовымъ», «Некрологъ: А. Ѳ. Негри и А. Д. Черткова», «Мѣдныя

монеты города Кафы» (Записки одесскаго Общества исторіи и древностей, 1860 г., т. IV).
«Исторія Черной горы, сочиненіе митрополита черногорскаго Василія Петровича» (Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей, 1860 г., кн. 2).
«Апостолъ Зографскій XIV вѣка» (Извѣстія импер. акад. наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, 1861 г., т. X, вып. II).
«Молдаво-Влахійскія грамоты, хранящіяся въ Бессарабіи», «Херсонисская церковь св. Василія», «Некрологъ А. В. Ашика», «Донесеніе объ осмотрѣ архива банка св. Георгія въ Генуѣ», «О книгѣ Кёне: Описаніе музея кн. В. В. Кочубея», «Монета скиескаго царя Фарсоія» (Записки одесскаго Общества исторіи и древностей, 1863 г., т. V).
«Некрологи: П. И. Рейхель и А. Я. Фабръ» (тамъ же, 1867 г., т. VI).
«Письма Суворова къ Д. И. Хвостову» (Русскій Архивъ, 1868 г., кн. 11).
«Письмо къ хану крымскому войска запорожскаго низоваго кошеваго атамана Ивана Сѣрко», «Расходы императора Павла I въ первыя три недѣли его царствованія», «Москва въ 1812 году» (Русская Старина, 1873 г., т. VIII).
«О памятникѣ Кагульской битвы, сооруженіи кн. М. С. Воронцова» (Русскій Архивъ, 1873 г.).
«Скитанія Магницкаго съ 1826 года» и «Указъ Петра I о присылкѣ приходо-расходныхъ книгъ» (Русская Старина, 1874 г., т. XI).
«Сочувствіе Венгріи къ Россіи» (Русскій Архивъ, 1876 г., кн. III).
«Подметное воззваніе шведскаго военачальника гр. Карла Левангаупта при вторженіи въ Россію въ 1708 году» (Русская Старина, 1876 г., т. XVI).
«Правила для обхожденія съ нижними чинами», изъ приказовъ кн. М. С. Воронцова (Русскій Архивъ, 1877 г., кн. II).
«Письмо И. Н. Инзова къ П. П. Панкратьеву» (Русская Старина, 1877 г., т. XX).
«Замѣтки къ статьѣ: «Послѣдніе дни жизни Александра I» (тамъ же, 1878 г., т. XXI).
«Матеріалы для исторіи Новороссійской іерархіи» (Херсонск. Епарх. Вѣдом., 1878 г., №№ 20 и 24; 1879 г., №№ 2, 12, 13, 17; 1881 г., № 13—14).
«Замѣтка по поводу статьи: «М. Д. Деларю и А. С. Пушкинъ» (Русская Старина, 1880 г., т. XXIX).
«Изъ пролога: память святаго князя Владиміра, крестившаго всю Русскую землю» (Замѣтки одесскаго Общества исторіи и древностей, 1881 г., т. XII).
«Замѣтка къ указателю «Записокъ Порошина» (Русская Старина, 1882 г., т. XXXIV).

Для характеристики покойнаго Мурзакевича интересны письма къ нему митрополита Евгенія (Кіевск. Епарх. Вѣдом., 1868 г., № 10) и кн. М. С. Воронцова (Русск. Арх., 1876 г., кн. III).

Незабитовскій, Василій Андреевичъ[1]), сынъ канцеляриста, родился въ городѣ Радомыслѣ, Кіевской губерніи (1824 г.), воспитывался во 2-й кіевской гимназіи и на юридическомъ факультетѣ университета св. Владиміра; по окончаніи университетскаго курса кандидатомъ (1846 г.), опредѣлился помощникомъ столона-

[1]) О немъ: «Лицей кн. Безбородко», Гербеля, Спб., 1881 г., стр. 292; «Московскія Вѣдом.», 1883 г., № 169; «Біографич. словарь профессоровъ университета св. Владиміра», Кіевъ, 1884 г., стр. 469—476.

чальника въ кіевскую палату гражданскаго суда, но скоро перемѣнилъ эту должность на мѣсто учителя законовѣдѣнія во 2-й кіевской гимназіи (1848 г.); затѣмъ—профессоръ законовъ казеннаго управленія въ Нѣжинскомъ лицеѣ кн. Безбородко (съ 14-го февраля 1852 г.) и профессоръ международнаго права въ университетѣ св. Владиміра (съ 5-го августа 1853 г.); вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, за отсутствіемъ профессора, читалъ лекціи финансоваго права въ названномъ университетѣ (1858—1860 г.), былъ деканомъ и проректоромъ, наконецъ преподавалъ законовѣдѣніе въ кіевскомъ кадетскомъ корпусѣ (съ 1857 г.); † 14-го іюня въ Кіевѣ. Покойный напечаталъ слѣдующіе труды:

«Ученіе публицистовъ о междугосударственномъ владѣніи», Кіевъ, 1863 г. (докторская диссертація).

«Разборъ сочиненія Ренненкампфа: Очерки юридической энциклопедіи» (Университ. Извѣстія, 1868 г., кн. 7).

«О книгѣ Кистяковскаго: О пресѣченіи обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда» (тамъ же, 1869 г., кн. 3).

«По поводу сочиненія Романовича-Славатинскаго: Дворянство въ Россіи» (тамъ же, 1870 г., кн. 11).

«Разборъ сочиненія Сокольскаго: Главнѣйшіе моменты въ исторіи повальнаго обыска» (тамъ же, 1871 г., кн. 12).

«Новѣйшіе проекты международнаго права», публичная лекція (тамъ же, 1875 г., кн. 2).

«Рецензія сочиненія кн. Кантакузена-Сперанскаго: Опытъ опредѣленія понятія военной контрабанды» (тамъ же, 1876 г., кн. 2).

«Разборъ труда Затыркевича: О вліяніи борьбы между народами и сословіями на образованіе строя Русскаго государства» (тамъ же, 1876 г., кн. 3).

«О чиншевомъ владѣніи въ западныхъ губерніяхъ» (Университетск. Извѣстія, 1878 и 1883 гг.).

Уже послѣ смерти Незабитовскаго, подъ редакціей профессора Романовича-Славатинскаго, издано «Собраніе сочиненій» покойнаго (Кіевъ, 1884 г., 368 стр., съ портретомъ), куда, кромѣ перечисленныхъ нами трудовъ, вошла неизданная раньше магистерская диссертація автора: «О податной системѣ въ Московскомъ государствѣ со времени установленія единодержавія до введенія подушнаго оклада» и нѣкоторыя мелкія статьи.

Никольскій, Владиміръ Васильевичъ[1]), родился въ 1834 году, воспитывался въ петербургской семинаріи и тамошней духовной академіи, изъ которой вышелъ со степенью магистра богословія (1859 г.); по окончаніи курса — преподаватель словесности въ петербургской семинаріи, императ. училищѣ правовѣдѣнія, Николаевскомъ институтѣ, коммерческомъ училищѣ, Петербургской духовной академіи, на педагогическихъ курсахъ при Александров-

[1]) «Московскія Вѣдом.», 1883 г., № 81; «Историч. Вѣстникъ», 1883 г., кн. 4, стр. 244—245.

ской женской гимназіи и въ императорскомъ Александровскомъ лицеѣ; въ послѣднія семь лѣтъ (1876—1883 г.) онъ, кромѣ дѣятельности преподавателя, занималъ должность инспектора въ названномъ лицеѣ; † 15-го марта въ Санъ-Ремо. Имъ напечатаны:

«Духовные журналы 1860 года» (Духъ Христіан., 1861 г., кн. 1 и 3).
«Педагогическія наблюденія во время лѣтней поѣздки за границу» (Духовн. Бесѣда, 1863 г., №№ 31, 34 и 35).
«Предки М. Ю. Лермонтова» (Русская Старина, 1873 г., т. VII и VIII).
«По поводу сорокапятилѣтія артистической дѣятельности О. А. Петрова» (тамъ же, 1875 г., т. XIV).
«Жобаръ и Пушкинъ въ 1836 году» (тамъ же, 1880 г., т. XXVIII).
«Дантесъ-Гекернъ», замѣтка, и «Бракосочетаніе его съ Е. Н. Гончаровою» (тамъ же, 1880 г., т. XXIX).
«Puschkiniana, каталогъ Пушкинской библіотеки», Спб., 1880 г.
«Первоначальный планъ оперы «Жизнь за царя» (Русская Старина, 1881 г., т. XXX).
«О книгѣ Арсеньева: Словарь писателей древняго періода русской литературы» (Странникъ, 1881 г., кн. 12).
«Идеалы Пушкина» (Христіанское Чтеніе, 1882 г., кн. 3 и 4).

По мысли Никольскаго въ императорскомъ Александровскомъ лицеѣ основана Пушкинская библіотека. Онъ же принималъ участіе въ составленіи «Краткаго словаря шести славянскихъ языковъ», изданнаго уже послѣ его смерти, подъ редакціей Ф. Миклошича (Москва и Вѣна, 1885 г.).

Нордовъ, Василій Ивановичъ[1]), уроженецъ города Устюга Великаго, родился въ 1797 году, воспитывался въ вологодской семинаріи и Московской духовной академіи; по окончаніи курса въ послѣдней со степенью кандидата богословія (1822 г.), опредѣленъ учителемъ и ректоромъ духовнаго училища въ Никольскѣ, городѣ Вологодской губерніи (1822—1824 г.); произведенный по особому испытанію академической конференціи въ магистры (1824 г.), онъ былъ рукоположенъ во священники къ Спасообыденной церкви въ Вологдѣ (1824—1833 г.) и въ 1830 году возведенъ въ санъ протоіерея; потомъ—настоятель Великоустюгскаго собора и ректоръ тамошняго духовнаго училища (1833—1841 г.); наконецъ — ректоръ вологодскаго духовнаго училища (1841—1857 г.), членъ вологодской духовной консисторіи (1841—1876 г.) и протоіерей тамошняго каѳедральнаго собора (1841—1883 г.); † 20-го октября въ Вологдѣ. Ему принадлежатъ слѣдующія изданія:

«Церковныя поученія», М., 1840 г. Второе изданіе: Вологда, 1854 г. Третье изданіе: Вологда, 1857 г.

---

[1]) О немъ: «Исторія Московск. духовн. академіи», Смирнова, М., 1879 г., стр. 163, 471—472; «Современныя Извѣстія», 1883 г., № 313; «Странникъ», 1872 г., т. IV, стр. 38—40; «Вологодск. Епарх. Вѣдом.», 1874 г., №№ 13, 14, 18 и 21.

«Бесѣды на божественную литургію», М., 1842 г. Второе изданіе: М., 1844 г., Третье изданіе: Спб., 1855 г.
«Бесѣды на блаженства евангельскія», М., 1843 г. Второе изданіе: М., 1844 г. Третье изданіе: Спб., 1855 г.
«Краткая священная исторія церкви», М., 1850 г. Второе изданіе: М., 1851 г.
«Слова и бесѣды приходскаго священника къ своей паствѣ», Вологда, 1855 г. Второе изданіе: Вологда, 1857 г. Третье изданіе: Ярославль, 1860 г.
«Бесѣды въ воспоминаніе празднуемыхъ церковію священныхъ и великихъ событій, произнесенныя на всенощныхъ бдѣніяхъ», Вологда, 1856 г.
«Поученія православнаго священника къ своимъ прихожанамъ, по руководству пространнаго христіанскаго катехизиса», Вологда, 1860 г. Второе изданіе и третье: Спб., 1861 г. Четвертое изданіе: Спб., 1870 г.
«Бесѣды въ воспоминаніе древнихъ священныхъ событій и приснопамятныхъ лицъ», М., 1862 г. Второе изданіе: Спб., 1864 г.
«Слово при освященіи храма» (Странникъ, 1862 г., кн. 2).
«Поученія», годъ первый, М., 1864 г. (съ литографированнымъ портретомъ).
«Краткое изображеніе церковнаго устава», М., 1866 г. Второе изданіе: М., 1867 г.
«Церковно-проповѣдническое трехлѣтіе», Вологда, 1868 г.
«Бесѣда самого съ собою, или мысли на досугѣ», Вологда, 1868 г.
«Сѣятель благочестія», сборникъ поученій, Спб., 1883 г.

Паприцъ, Константинъ Эдуардовичъ, воспитывался въ Петровской земледѣльческой академіи, откуда, по окончаніи курса, поступилъ на одинъ годъ въ статистическій комитетъ самарскаго земства; † 9-го октября въ Москвѣ. По указанію краткаго некролога (Русск. Вѣдом., 1883 г., № 279), онъ напечаталъ нѣсколько стихотвореній въ періодическихъ изданіяхъ и, кромѣ того, помѣстилъ:

«На Волгѣ», повѣсть (Русская Мысль, 1881 г.).
«Келейникъ» и «Бурлакъ», очерки (Русскій Курьеръ, 1883 г.).

Патлаевскій, Иннокентій Іустиновичъ[1]), окончилъ высшее образованіе на юридическомъ факультетѣ университета св. Владиміра со степенью кандидата (1862 г.); съ августа 1863 года былъ избранъ совѣтомъ Нѣжинскаго лицея исправляющимъ должность профессора по каѳедрѣ законовъ казеннаго управленія (1863—1866 г.); затѣмъ перешелъ исправляющимъ должность доцента по финансовому праву въ Новороссійскій университетъ (1866 г.), гдѣ, послѣ полученія ученыхъ степеней, пріобрѣлъ званіе ординарнаго профессора (1868—1883 г.); † въ августѣ въ Одессѣ. Имъ напечатаны:

«Денежный рынокъ въ Россіи съ 1700 по 1762 годъ», магистерская диссертація, Одесса, 1868 г. Сначала этотъ трудъ печатался въ «Запискахъ Новороссійскаго университета».
«Теорія денежнаго обращенія Рикардо и его послѣдователей», докторская диссертація, Одесса, 1871 г.
«О подоходныхъ налогахъ» (Сборникъ госуд. знаній, изд. В. П. Безобразовымъ, Спб., 1877 г., т. IV).

[1]) О немъ: въ книгѣ Гербеля «Лицей князя Безбородко», Спб., 1881 г., стр. 297; «Московскія Вѣдом.», 1883 г., № 291.

Послѣ смерти Патлаевскаго напечатанъ его «Курсъ финансоваго права» (Одесса, 1885 г., 393 стр., съ біографическимъ очеркомъ автора).

Петровъ, Иванъ Ивановичъ[1]), родился въ 1824 году, воспитывался въ корпусѣ флотскихъ штурмановъ, откуда выпущенъ офицеромъ (1843 г.); затѣмъ служилъ преподавателемъ исторіи въ старшихъ классахъ штурманскаго корпуса (1844—1853 г.) и во флотѣ (1853—1872 г.); выйдя въ отставку, посвятилъ послѣднія десять лѣтъ петербургскому отдѣлу славянскаго комитета, гдѣ состоялъ членомъ и казначеемъ (1872—1883 г.); † 23-го іюля въ Петербургѣ. Его труды:

«Нѣсколько словъ объ Астраханскомъ портѣ» (Кронштадтскій Вѣстникъ, 1862 г., № 69).

«Кое-что о Каспіи» (Морской Сборникъ, 1863 г., ч. LXIV, кн. 5).

«По поводу книги: Морской Альманахъ» (Кронштадтскій Вѣстникъ, 1870 г., №№ 65, 67 и 68).

«Указатель статей «Морскаго Сборника» (1842—1872 гг.)», Спб., 1872 г., 767 стр.

«Указатель статей повременныхъ морскихъ изданій, предшествовавшихъ журналу «Морской Сборникъ»», Спб., 1881 г., 151 стр.

Пихно, Марія Константиновна[2]), по первому браку Шульгина, родилась въ 1846 году, семнадцати лѣтъ вышла замужъ за извѣстнаго профессора исторіи въ университетѣ св. Владиміра — В. Я. Шульгина (1863 г.) и вмѣстѣ съ мужемъ принимала дѣятельное участіе въ изданіи газеты «Кіевлянинъ» (1864—1878 г.); послѣ же его кончины сама издавала названную газету (1879—1883 г.); † 7-го октября въ Ниццѣ.

Подвысоцкій, Александръ Іосифовичъ, уроженецъ Малороссіи, въ послѣдніе годы жизни занималъ должность управляющаго конторой государственнаго банка въ Архангельскѣ; † въ Архангельскѣ. Имъ напечатаны:

«Харьковскій календарь на 1869 годъ, мѣсяцесловъ, адресная и справочная книга», Харьковъ, 1869 г.

«Записки очевидца о событіяхъ въ Варшавѣ, въ 1861 и 1862 годахъ, составленныя по документамъ», Спб., 1869 г. Первыя девять главъ этого труда были напечатаны въ «Русскомъ Инвалидѣ» за 1868 годъ.

«Харьковскій календарь на 1870 годъ», Харьковъ, 1869 г.

«Харьковскій календарь на 1871 годъ», Харьковъ, 1870 г.

«Графъ Михаилъ Огинскій и его отношенія къ императору Александру Павловичу, изъ записокъ графа Огинскаго» (Русскій Архивъ, 1874 г., кн. 8).

«Справочная и памятная книга Архангельской губерніи на 1875 годъ», Архангельскъ, 1874 г.

«Поваръ Халябля», указъ императрицы Елисаветы Петровны о его возвращеніи изъ Колы» (Русская Старина, 1875 г., т. XII).

---

[1]) «Русь», 1883 г., №№ 15 и 17.

[2]) О ней: «Московскія Вѣдомости», 1883 г., № 285.

«Отправка купеческихъ сыновей въ Англію въ 1766 году» (тамъ же, 1875 г., т. XIII).

«Поиски морскихъ раковъ въ Бѣломъ морѣ и Ледовитомъ океанѣ», переписка кн. А. А. Вяземскаго съ Головцынымъ (тамъ же, 1876 г., т. XVI).

«Водвореніе и распространеніе картофеля въ Архангельской губерніи» и «Попытка освѣщенія улицъ въ Архангельскѣ въ 1767—1768 годахъ» (тамъ же, 1879 г., т. XXVI).

Кромѣ того, послѣ смерти Подвысоцкаго, изданъ его «Словарь областнаго архангельскаго нарѣчія въ его бытовомъ и этнографическомъ примѣненіи» (Спб., 1885 г., 197 стр.), удостоенный Ломоносовской преміи отъ академіи наукъ въ 1881 году.

Попудогло, Ѳеодоръ Ѳеодосѣевичъ, сотрудникъ-беллетристъ московскихъ и петербургскихъ газетъ; † 14-го октября въ Москвѣ, какъ коротко указано въ «Московскомъ Листкѣ» (1883 г., № 286).

Преженцовъ, Александръ Осиповичъ, почетный членъ императорскаго вольно-экономическаго Общества, по указанію краткаго некролога (Русск. Вѣдом., 1883 г., № 145), писалъ статьи по этнографическимъ и экономическимъ вопросамъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Сѣверномъ Вѣстникѣ», «Молвѣ» и «Голосѣ», а во время пребыванія заграницей—въ нѣмецкихъ и французскихъ журналахъ; въ послѣдніе годы онъ редактировалъ «Московскую Газету»; † 27-го мая въ Москвѣ.

Путятинъ, графъ, Евѳимій Васильевичъ [1]), родился въ 1803 году и воспитывался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда выпущенъ въ дѣйствительную службу (1819 г.); произведенный въ мичманы (1822 г.), онъ былъ назначенъ въ кругосвѣтное путешествіе на фрегатѣ «Крейсеръ», которымъ командовалъ знаменитый морякъ М. П. Лазаревъ; по возвращеніи на родину, принялъ участіе въ войнѣ съ Турціей (1827 г.), а затѣмъ, въ чинѣ капитанъ-лейтенанта, получилъ въ командованіе корветъ «Ифигенія», для плаванія по Черному и Средиземному морямъ; съ начала сороковыхъ годовъ на его долю выпадаютъ важныя порученія: онъ посылается въ Англію для заказа пароходовъ (1842 г.), въ чинѣ контръ-адмирала отправляется къ персидскому шаху (1842 г.); назначенный генералъ-адъютантомъ и произведенный въ вице-адмиралы, былъ командированъ въ Японію для дипломатическихъ переговоровъ, результатомъ которыхъ было заключеніе перваго договора съ Японіей и открытіе ея портовъ для Россіи (1852—1855 г.); возведенный въ графское достоинство (1855 г.), онъ снова отправился въ Японію и Китай для ратификаціи договоровъ, послѣ чего былъ назначенъ военно-морскимъ агентомъ при посольствѣ въ Лондонѣ (1858—1861 г.); затѣмъ—министръ народнаго просвѣщенія (1861 г.) и членъ

[1]) См. періодическія изданія 1883 года: «Московскія Вѣдомости», №№ 294, 300 и 301; «Нива», № 50; «Историческій Вѣстникъ», кн. 12, стр. 647.

государственнаго совѣта; † 16-го октября въ Парижѣ. Имъ напечатаны:

«Всеподданнѣйшій отчетъ о плаваніи отряда военныхъ нашихъ судовъ въ Японію и Китай, за 1852—1855 гг.» (Морской Сборникъ, 1856 г., т. XXIV, кн. 10). Отдѣльно: Спб., 1857 г., 87 стр.

«Соображенія объ устройствѣ морскаго воспитанія въ Россіи на новыхъ началахъ» (тамъ же, 1859 г., т. XLIV, кн. 11 и 12; 1860 г., т. XLV, кн. 2).

«Проектъ преобразованія морскихъ учебныхъ заведеній съ учрежденіемъ новой гимназіи», Спб., 1860 г., 520 стр.

О его путешествіи въ Японію и Китай можно получить свѣдѣнія изъ статей, помѣщенныхъ въ «Морскомъ Сборникѣ» (1856 г., т. XX, кн. 1; т. XXIII, кн. 8; 1859 г., т. XXXIX, кн. 1).

Рикордъ, Людмила Ивановна[1]), родилась въ 1794 году, была супругою знаменитаго адмирала П. И. Рикорда, сопровождала его во многихъ плаваніяхъ, служила предсѣдательницей Прибалтійскаго православнаго братства и членомъ во многихъ благотворительныхъ учрежденіяхъ; † 24-го іюня въ Петергофѣ. Ея «Воспоминанія» напечатаны въ «Русской Старинѣ» (1876 г., т. XVII; 1879 г., т. XXIV; 1883 г., т. XXXIX).

Розановъ, Николай Павловичъ[2]), сынъ причетника села Сѣнина, Серпуховскаго уѣзда, Московской губерніи, родился 27-го апрѣля 1809 года и воспитывался въ московской духовной семинаріи; по окончаніи курса въ ней, поступилъ на службу въ московскую духовную консисторію (съ 6-го октября 1835 года) и долгое время занималъ тамъ мѣсто секретаря; незадолго до кончины уволенъ въ отставку (1883 г.); † 12-го октября въ Москвѣ. Покойный состоялъ членомъ обществъ: московскаго археологическаго, исторіи и древностей россійскихъ, любителей духовнаго просвѣщенія, и напечаталъ слѣдующіе труды:

«Метрическая запись о рожденіи Филарета, митрополита московскаго» (Современ. Лѣтопись, 1867 г., № 45).

«Встрѣча московскому митрополиту Тимоѳеею за сто лѣтъ тому назадъ» (Душеполезное Чтеніе, 1868 г., кн. 3).

«Саввинское подворье и московскіе преосвященные викаріи» (Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей, 1868 г., кн. 4).

«О времени благовѣста при церквахъ въ Москвѣ въ прошломъ столѣтіи и въ настоящемъ» (Душеполезное Чтеніе, 1868 г., кн. 5).

«О московскихъ городскихъ кладбищахъ» (тамъ же, 1868 г., кн. 6).

«Камилавка, пожалованная Наполеономъ I въ бытность его въ Москвѣ въ 1812 году московскому священнику» (тамъ же, 1868 г., кн. 7).

«Василій Григорьевичъ Рагузинъ, причетникъ-герой 1812 года» (тамъ же, 1868 г., кн. 8).

---

[1]) О ней: «Московскія Вѣдомости», 1883 г., № 182; «Русская Старина», 1883 г., кн. 8, стр. 368, и кн. 10, стр. 477—480.

[2]) О немъ: «Русскій Архивъ», 1884 г., кн. I, стр. 244.

«Бывшій архіерейскій домъ на Крутицахъ въ Москвѣ» (Православное Обозрѣніе, 1868 г., кн. 11).

«О Татіанинской церкви имп. Московскаго университета», съ планомъ (Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей, 1869 г., кн. 1).

«Петръ Алексѣевичъ Алексѣевъ, протоіерей Архангельскаго собора» (Душеполезное Чтеніе, 1869 г., кн. 1).

«Грамоты царя Михаила Θеодоровича (1624 г.) серпуховскому протопопу съ братіею у св. Троицы» (Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей, 1869 г., кн. 2).

«О мѣрахъ наказаній по московскому епархіальному вѣдомству въ прежніе годы» (Душеполезное Чтеніе, 1869 г., кн. 5).

«Объ архивѣ московской духовной консисторіи» (Чтенія въ московск. Обществѣ любителей духовн. просвѣщ., 1869 г., кн. 6).

«О церкви Спаса Нерукотвореннаго въ Барыковской богадѣльнѣ» (Душеполезное Чтеніе, 1869 г., кн. 8).

«Устройство церковныхъ домовъ для приходскаго духовенства въ Москвѣ», историческій очеркъ (Православное Обозрѣніе, 1869 г., кн. 8).

«Исторія московскаго епархіальнаго управленія со времени учрежденія св. синода (1721—1821 гг.)», четыре части, М., 1869—1871 гг.

«Михайло-Медвѣдь, разбойничій эсаулъ» (Русскій Архивъ, 1869 г.).

«Исторія церкви Рождества Пресвятыя Богородицы на Старомъ Симоновѣ въ Москвѣ», къ ея пятисотлѣтію (1370—1870 г.)», М., 1870 г. Эта «Исторія», подъ заглавіемъ: «Старое Симоново въ Москвѣ», перепечатана въ «Русскихъ Достопамятностяхъ» (М., 1883 г., томъ второй). Еще изданіе: М., 1884 г.

«Указъ московской духовной консисторіи въ Пехрянское духовное правленіе объ учиненіи вдовѣ лейбъ-гвардіи ротмистра Глѣба Салтыкова, Дарьѣ, Николаевой дочери, обыска въ мучительствахъ и убійствахъ людей въ селѣ ея Троицкомъ и въ самой Москвѣ» (Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей, 1872 г., кн. I).

«Указъ московской духовной консисторіи о собраніи изо всей Россійской имперіи печатныхъ присяжныхъ принцу Іоанну листовъ, генеральной присяги формъ, манифестовъ, указовъ, регламентовъ, паспортовъ крестьянскихъ, и о присылкѣ оныхъ въ сенатъ» (тамъ же, 1872 г., кн. 2).

«Время рожденія и крещенія поэта М. Ю. Лермонтова» (Русская Старина, 1873 г., т. VIII).

«Замѣтка о годѣ рожденія Грибоѣдова» (тамъ же, 1874 г., т. XI).

«Похороны преосвященнаго Платона, архіепископа московскаго, и оставшееся послѣ него имѣніе» (Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей, 1874 г., кн. 3).

«Описаніе московскихъ церквей, учиненное московской духовной консисторіей, съ показаніемъ, когда церкви построены и отчего имѣютъ названіе своей мѣстности» (тамъ же, 1874 г., кн. 4).

«Заточеніе отца Авеля въ Спасо-Евθиміевъ монастырь» (Русская Старина, 1875 г., т. XII).

«Замыселъ Фигнера въ 1812 году» (тамъ же, 1875 г., т. XIII).

«Церковь архангела Гавріила въ Москвѣ», историческое изслѣдованіе, М., 1877 г. Это же изслѣдованіе, подъ названіемъ: «Церковь архангела Гавріила

въ Москвѣ, на Чистомъ пруду, или Меншикова башня», помѣщено въ «Русскихъ Достопамятностяхъ» (М., 1883 г., томъ второй).

«Московскія безобразія прошлаго вѣка: драка въ Чудовомъ монастырѣ и нѣмецъ-драчунъ» (Русскій Архивъ, 1878 г., вып. I).

«Графъ Александръ Борисовичъ Бутурлинъ» (Русская Старина, 1882 г., кн. 10).

«Воскресенскій Высокій монастырь въ Москвѣ» (Русскія Достопамятности, М., 1883 г., томъ второй).

«Матеріалы для исторіи Московской епархіи, подъ управленіемъ митрополита Филарета» (Сборникъ, изданный Обществомъ любителей духовн. просвѣщенія, по случаю празднованія столѣтняго юбилея со дня рожденія Филарета, митрополита московскаго, М., 1883 г., т. I).

Кромѣ названныхъ изданій, покойный Розановъ помѣщалъ свои статьи въ «Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ».

Савичъ, Алексѣй Николаевичъ[1]), извѣстный русскій астрономъ, родился 25-го февраля 1810 года въ Харьковской губерніи и воспитывался въ Московскомъ университетѣ по первому отдѣленію философскаго факультета; по окончаніи курса кандидатомъ (1829 г.) и послѣ защиты магистерской диссертаціи (1834 г.), для усовершенствованія въ астрономіи, отправился въ Дерптскій университетъ; оттуда, по рекомендаціи В. Я. Струве, былъ назначенъ членомъ экспедиціи для измѣренія разности въ уровняхъ Каспійскаго и Азовскаго морей; по возвращеніи изъ этой важной экспедиціи, опредѣленъ астрономомъ-наблюдателемъ при обсерваторіи Дерптскаго университета, а вслѣдъ за полученіемъ докторской степени (1839 г.) переведенъ въ Петербургскій университетъ съ званіемъ профессора, сначала экстраординарнаго (1839 г.), а потомъ и ординарнаго (1846 г.) по каѳедрѣ астрономіи, которую и занималъ втеченіе сорока лѣтъ до 22-го декабря 1879 года, когда былъ уволенъ по прошенію; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ экстраординарнымъ и ординарнымъ академикомъ (1862—1883 г.) въ императорской академіи наукъ. Имъ напечатаны слѣдующіе ученые труды:

«О «Руководствѣ къ астрономіи Перевощикова» (Телескопъ, 1831 г., ч. III).

«О разныхъ способахъ опредѣленія географической широты и долготы мѣстъ», М., 1834 г. (магистерская диссертація).

«Ueber die Hohe d. Caspischen Meeres und d. Hauptspitzen d. Kaukasischen Gebirge», Dorpat, 1839 г. (докторская диссертація).

«Наблюденія надъ противостояніями планетъ» (Astronomische Nachrichten Шумахера за 1841—1842 гг.).

---

[1]) О немъ: «Описаніе торжества, даннаго въ честь академика А. Н. Савича», состав. П. Коргуевъ, Кроншт., 1866 г., 55 стр., съ приложеніемъ одной таблицы; «Кронштадтскій Вѣстникъ», 1866 г., № 11; «Портретная галлерея русскихъ дѣятелей», изд. А. Мюнстеромъ, Спб., 1869 г., т. II; «Импер. С.-Петербургскій университетъ», Григорьева, Спб., 1870 г., стр. 187—191 и 398; «Изъ дальнихъ лѣтъ, воспоминанія Татьяны Пассекъ», Спб., 1878 г., стр. 363—364; періодическія изданія 1883 года: «Московскія Вѣдом.», № 237; «Русскія Вѣдом.», № 233 и 242; «Историческій Вѣстникъ», кн. 10, стр. 230—231.

«Ueber die Bestimmung der geographischen Lände aus Mondsazimuthen» (тамъ же, за 1843 г.).

«Наблюденія надъ положеніями нѣкоторыхъ планетъ и замѣчанія о способѣ Гауса вычислять путь вновь открываемыхъ планетъ» (Astronomical Journal Гольда за 1843 г.).

«О массахъ планетъ и въ особенности о массахъ Меркурія и Юпитера» (Журналъ мин. нар. просв., 1843 г., ч. XXXVIII).

«О новыхъ трудахъ Аргеландера, профессора астрономіи и директора обсерваторіи въ Боннѣ» (Отечеств. Записки, 1844 г., кн. 5).

«Разборъ сочиненія профессора Перевощикова: Основанія астрономіи» (Двѣнадцатое присужденіе Демидовскихъ наградъ, Спб., 1843 г., стр. 87—104).

«Rémarques sur la methode de déterminer le temps au moyen des observations des passages des ètoiles par le vertical de l'étoile polaire» (Бюллетень императорской академіи наукъ, 1845 г.).

«Приложеніе практической астрономіи къ географическому опредѣленію мѣстъ», Спб., 1845 г. Это сочиненіе удостоено академіею наукъ полной Демидовской преміи и издано на нѣмецкомъ языкѣ (Гамбургъ, 1850 г.). Второе изданіе: Спб., 1871 г., два тома.

«Объ успѣхахъ практической астрономіи вообще, преимущественно же въ Россіи, и о дѣятельности Пулковской обсерваторіи», съ рисункомъ (Мѣсяцесловъ на 1846 г., стр. 215—261).

«Извѣстія о любопытныхъ явленіяхъ, замѣченныхъ въ разныхъ мѣстахъ Европы во время полнаго солнечнаго затменія 1842 года» (Журналъ мин. нар. просв., 1846 г., ч. XL).

«Объ изысканіяхъ Гоммеръ-Дегеля относительно разностей между уровнями Азовскаго и Каспійскаго морей» (тамъ же, 1846 г., XLII).

«Извлеченія изъ отчета о путешествіи Фреймана во владѣнія англійской Гунзобайской компаніи» (Записки императорскаго русскаго географическаго Общества, 1846 г., т. I).

«Выводы изъ наблюденій надъ планетами Венерою, Вестою, Сатурномъ и Ураномъ» (Astronomische Nachrichten Шумахера за 1848 годъ).

«Изслѣдованіе орбиты кометы 1585 года по наблюденіямъ Тихо-де-Браге» (тамъ же). Этотъ трудъ, написанный вмѣстѣ съ астрономомъ Петерсомъ, удостоенъ золотой медали отъ датскаго короля.

«Новый каталогъ звѣздъ Весселя» (Журналъ мин. нар. просв., 1848 г., ч. LV).

«Опытъ общепонятнаго историческаго разсказа о томъ, какъ открыта новая планета «Нептунъ» (Современникъ, 1847 г., кн. 3).

«О геодезическихъ вычисленіяхъ по способу Гауса» (Бюллетень императорской академіи наукъ, 1848 г.).

«Изслѣдованія академика Петерса о годовомъ параллаксѣ неподвижныхъ звѣздъ» (Журналъ мин. нар. просв., 1849 г., ч. LIX).

«Началà математической географіи и космографіи», Спб., 1850 г. Второе изданіе: Спб., 1859 г.

«Объ опредѣленіи широты мѣста и состоянія хронометра по двумъ высотамъ солнца, взятымъ въ разные часы сутокъ» (Морской Сборникъ, 1850 г.).

«О градусныхъ измѣреніяхъ дугъ меридіана въ Индіи, произведенныхъ на иждивеніи остъ-индійской компаніи» (Журналъ мин. нар. просвѣщ., 1851 г., ч. LXIX).

«Объ опредѣленіи элементовъ движенія спутника около главной планеты помощію трехъ геоцентрическихъ наблюденій, и способъ исправлять эти элементы помощію бо̀льшаго числа наблюденій» (Бюллетень императорской академіи наукъ, 1852 г.).

«Mémoire sur le mouvement d'un satellite autour de sa planète principale» (Transactions of the Royal Astronomical Society, 1852 г.).

«Sur les valeurs numériques des constantes qui entrent dans les formules de Laplace et de Bessel pour calculer les réfractions astronomiques, et sur la détermination de coefficient de la réfraction terrestre» (Бюллетень императорской академіи наукъ, 1853 г.).

«О распредѣленіи теплоты въ разныхъ слояхъ воздуха, по мѣрѣ ихъ удаленія отъ земной поверхности» (Вѣстникъ императорскаго русскаго географическаго Общества, 1853 г.).

«Фотометрическія изслѣдованія о сіяніи звѣздъ и планетъ» (Журналъ мин. нар. просв., 1854 г., кн. 6).

«Замѣчанія о способѣ Дувеса вычислять широты мѣстъ» (Морской Сборникъ, 1855 г.).

«Описаніе главной въ Россіи Николаевской обсерваторіи, на Пулковской горѣ, близъ С.-Петербурга» (тамъ же, 1855 г., т. XVII, № 8). Къ описанію приложены видъ и три плана.

«Историческій взглядъ на открытіе малыхъ планетъ или астероидовъ» (Годичный торжественный актъ въ импер. С.-Петербургскомъ университетѣ, Спб., 1855 г.). Этотъ же трудъ перепечатанъ въ «Журналѣ мин. нар. просв.» (1885 г., ч. LXXXVI).

«Замѣчанія объ изслѣдованіяхъ профессора Цеха о древнихъ затменіяхъ, для повѣрки хронологіи и таблицъ луны» (Журналъ мин. нар. просв., 1856 г., ч. XCII). Отдѣльно: Спб., 1857 г., 18 стр.

«О неизмѣнности среднихъ температуръ на землѣ съ отдаленнѣйшихъ временъ» (Морской Сборникъ, 1856 г.).

«Приложеніе теоріи вѣроятностей къ вычисленію астрономическихъ наблюденій и геодезическихъ измѣреній», Спб., 1857 г. Удостоено Демидовской преміи.

«О собственныхъ движеніяхъ звѣздъ», рѣчь (Актъ десятаго выпуска студентовъ главнаго педагогическаго института, Спб., 1857 г.).

«Историческое обозрѣніе знаменитѣйшихъ звѣздныхъ росписей» (Морской Сборникъ, 1857 г.).

«Обозрѣніе новѣйшихъ изслѣдованій о физической географіи океановъ» (тамъ же, 1858 г.).

«О погодѣ и ея примѣтахъ» (Мѣсяцесловъ на 1859 годъ, стр. 376—389).

«Замѣчанія на приблизительные способы опредѣлять долготу мѣста по наблюденіямъ лунныхъ разстояній» (Морской Сборникъ, 1860 г.).

«Начальныя основанія дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій», Спб., 1861 г.

«Recherches sur l'orbite de la grande comète II-e» (Бюллетень императорской академіи наукъ, 1863 г.).

«Sur le nivellement barométrique» (тамъ же, 1864 г.). Этотъ же трудъ на русскомъ языкѣ помѣщенъ въ «Запискахъ императорской академіи наукъ» (1864 г., т. VI, кн. 2).

«Разборъ сочиненія Смыслова: Репсольдовъ кругъ, хронометры, хронометрическая экспедиція 1859 года» (Тридцать третье присужденіе Демидовскихъ наградъ, Спб., 1864 г., стр. 76—92).

«Воспоминаніе о В. Я. Струве», рѣчь (Торжественное собраніе импер. академіи наукъ 29-го декабря 1864 года, Спб., 1864 г.).

«Разборъ рукописнаго сочиненія Ленца: Изслѣдованія восточной Персіи и Гератскаго владѣнія, относительно математической и физической географіи» (Тридцать четвертое присужденіе Демидовскихъ наградъ, Спб., 1865 г., стр. 66—71).

«Некрологъ Е. Е. Саблера» (С.-Петербургскія Вѣдом., 1865 г., № 339). Этотъ же некрологъ перепечатанъ въ «Запискахъ императорской академіи наукъ», 1866 г., т. VIII, кн. 2).

«Sur la détermination de la resistance de l'air au mouvement du pendule» (Бюллетень императ. академіи наукъ, 1866 г.).

«Наблюденія надъ качаніями маятника, произведенныя въ сѣверной части дуги меридіана, измѣренной въ Россіи» (Приложеніе къ X тому «Записокъ императорской академіи наукъ», 1866 г., № 3, 165 стр., съ литогр. таблицами чертежей). Въ этой работѣ принималъ участіе и Р. Э. Ленцъ.

«Рецензія на книгу Буняковскаго: Опытъ о законахъ смертности въ Россіи» (Сѣверная Пчела, 1866 г., № 113).

«Замѣчанія о вычисленіи земнаго преломленія» (Записки императорской академіи наукъ, 1867 г., т. XI, кн. 1).

«Наблюденія надъ качаніями маятника, произведенныя въ Пулковѣ, Дерптѣ, Якобштадтѣ и Вильнѣ» (Приложеніе къ XIII тому «Записокъ императорской академіи наукъ», 1868 г., № 3, 159 стр.). Въ этой работѣ сотрудничалъ и П. М. Смысловъ.

«Замѣчанія о геодезическихъ вычисленіяхъ» (Записки императ. академіи наукъ, 1870 г., т. XVII, кн. 2).

«Наблюденія надъ качаніями маятника, произведенныя въ южной части дуги меридіана, измѣренной въ Россіи, и общіе выводы изъ опытовъ надъ колебаніемъ маятниковъ между Торнео и Дунаемъ» (Приложеніе къ XIX тому «Записокъ императорской академіи наукъ», 1871 г., № 1, 223 стр.). Въ этомъ трудѣ принимали участіе Р. Э. Ленцъ и П. М. Смысловъ.

«Интерполированіе величинъ, опредѣляемыхъ помощію наблюденій» (Записки императ. академіи наукъ, 1871 г., т. XX, кн. 1).

«Замѣчанія о способѣ опредѣлять путь планеты или кометы по тремъ наблюденіямъ, близкимъ между собою» (тамъ же, 1872 г., т. XXI, кн. 2).

«Курсъ астрономіи, томъ первый: сферическая астрономія (Спб., 1874 г.); томъ второй: теоретическая астрономія» (Спб., 1884 г., съ портретомъ автора).

«Предварительное вычисленіе солнечныхъ затменій и подобныхъ явленій по способу Гаусса» (Записки императ. академіи наукъ, 1876 г., т. XXVII, кн. 1).

«Замѣчанія объ употребленіи пассажнаго инструмента въ вертикалѣ полярной звѣзды», Спб., 1877 г., 20 стр.

Садовниковъ, Дмитрій Николаевичъ[1]), родился въ Симбирскѣ (1846 г.) и воспитывался въ тамошней гимназіи, но не окончилъ полнаго курса; уже по выходѣ изъ гимназіи пріобрѣлъ званіе домашняго учителя и, кромѣ частныхъ уроковъ, занимался литературными трудами; † 19-го декабря въ Петербургѣ. Онъ, кромѣ

[1]) О немъ: «Русскія Вѣдом.», 1883 г., № 353; «Историческій Вѣстникъ», 1884 г., кн. 2, стр. 456—457; «Московскія Вѣдом.», 1884 г., № 100.

своей фамиліи, подписывалъ два псевдонима: «Д. Волжановъ» и «Жанристъ» въ иллюстрированныхъ изданіяхъ «Искусствѣ» и «Литературномъ Журналѣ». Имъ напечатаны слѣдующіе труды:

«Русская земля, Жегули и Усолье на Волгѣ», наброски путемъ-дорогою (Бесѣда, 1872 г., кн. 11 и 12).

«Подвиги простыхъ русскихъ людей» (Грамотѣй, 1873 г., кн. 1, 2, 3, 8, 11 и 12).

«Наши землепроходцы», разсказы о заселеніи Сибири, М., 1874 г.

«Загадки русскаго народа», сборникъ загадокъ, вопросовъ, притчъ и задачъ», Спб., 1875 г., 382 стр.

«Изъ Свинберна», стихотвореніе (Еженедѣльное Новое Время, 1879 г., №№ 10—11).

«Изъ лѣтней поѣздки по Волгѣ» (Вѣкъ, 1883 г., кн. 1).

«Отзывы современниковъ о Пушкинѣ» (Историческій Вѣстникъ, 1883 г., кн. 12).

Уже послѣ смерти Садовникова изданы собранныя имъ «Письма Пушкина къ Н. М. Языкову» (Историч. Вѣстникъ, 1884 г., кн. 5). и «Сказки и преданія Самарскаго края» (Записки императ. русск. географическ. Общества, по отдѣленію этнографіи, 1884 г., т. XII).

Симоновичъ, Яковъ Мироновичъ [1]), родился въ 1840 году и воспитывался въ Московскомъ университетѣ, но не окончилъ тамъ полнаго курса; затѣмъ, послѣ непродолжительной педагогической практики въ Тифлисѣ, переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и поступилъ въ медико-хирургическую академію; по окончаніи въ послѣдней, служилъ завѣдующимъ тифозной палатой въ петербургской Александровской больницѣ; † въ декабрѣ въ Петербургѣ. Кромѣ изданія вмѣстѣ съ своею женою журнала «Дѣтскій садъ» (1866—1868 г.), онъ напечаталъ:

«Наглядное обученіе для дѣтей, только-что поступившихъ въ народную школу, составленное по Воссгарту», Тифлисъ, 1870 г.

«Теорія естественнаго подбора и примѣненіе ея къ человѣку» (Медицинскій сборникъ кавказскаго медицинскаго Общества, 1872 г., № 15). Отдѣльно: Тифлисъ, 1872 г.

«Практическія замѣтки объ индивидуальномъ и общественномъ воспитаніи малолѣтнихъ дѣтей», Спб., 1874 г. (вмѣстѣ съ женою — А. Симоновичъ). Второе изданіе: Спб., 1884 г.

«Учебникъ практической медицины, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на патологическую анатомію и гистологію», сочиненіе Кунце, Спб., 1874 г. Это—изданіе Я. М. Симоновича.

«Основы гигіены», Спб., 1880 г., 271 стр., съ двумя таблицами рисунковъ и и одною таблицею чертежей. Второе изданіе: Спб., 1883 г.

«Теоретическое и клиническое изложеніе ученія о постукиваніи и выслушиваніи, съ приложеніемъ ученія объ осмотрѣ, ощупываніи и измѣреніи груди», сочиненіе Вуаллеза, переводъ съ французскаго, Спб., 1880 г., съ 101 рисункомъ въ текстѣ. Эта же книга послужила четвертымъ приложеніемъ къ «Военно-Медицинскому Журналу» за 1880 годъ.

---

[1]) См. «Вѣстникъ Европы», 1884 г., кн. 6, стр. 792.

Уже послѣ смерти Симоновича, напечатана его статья: «Деревенская медицина» (Вѣстникъ Европы, 1884 г., кн. 6).

Скачковъ, Константинъ Адріановичъ [1]), окончилъ высшее образованіе въ Ришельевскомъ лицеѣ, послѣ чего поступилъ на службу по вѣдомству государственныхъ имуществъ помощникомъ управляющаго вологодскою учебною фермою (1844 г.); затѣмъ, въ качествѣ члена православной русской миссіи, отправился въ Пекинъ для занятій метеорологическими и магнитными наблюденіями, а также для изученія сельскаго хозяйства китайцевъ (1848 г.); тамъ, втеченіе восьми лѣтъ, онъ устроилъ магнитную и метеорологическую обсерваторію, составилъ обширныя коллекціи произведеній китайской почвы, собралъ образцы сельско-хозяйственныхъ орудій, употребляемыхъ въ Китаѣ, и вполнѣ изучилъ китайскій языкъ; оставивъ Пекинъ по болѣзни (1857 г.), снова вернулся въ Китай, назначенный на мѣсто русскаго консула въ Чугучакѣ (1858 г.), гдѣ и пробылъ до 1863 года; по возвращеніи изъ Китая (1863 г.), продолжалъ службу въ Петербургѣ по министерству иностранныхъ дѣлъ и одинъ годъ (1866 г.) преподавалъ китайскій языкъ въ Петербургскомъ университетѣ; вслѣдствіе вреднаго климата покинулъ Петербургъ (1867 г.), служилъ консуломъ въ Тянь-Цзинѣ и Шанхаѣ, пока разстроенное здоровье не принудило возвратиться въ Россію, чтобы занять болѣе покойную должность— мѣсто старшаго драгомана въ азіатскомъ департаментѣ; † 26-го марта въ Петербургѣ. Его печатные труды:

«О военномъ морскомъ дѣлѣ у китайцевъ», переводъ съ китайскаго (Морской Сборникъ, 1858 г., т. XXXVII, кн. 10).

«Загородное гулянье въ окрестностяхъ Пекина» и «Загородный ча-гуань на Пекинскомъ каналѣ» (Русскій Художественный Листокъ, 1858 г., № 85).

«Потомки албазинцевъ въ Пекинѣ» (тамъ же, 1859 г., № 2).

«О торговлѣ русскихъ въ Чугучакѣ» (Вѣстникъ Промышленности, 1860 г., т. VIII, № 6).

«Положеніе торговли въ Чугучакѣ» (Промышленн., 1861 г., т. III, № 18). Эта статья напечатана и въ «Акціонерѣ» (1861 г., № 33).

«О деревьяхъ, на которыхъ китайцы разводятъ дикихъ шелковичныхъ червей» (Сельское Хозяйство, 1862 г., т. III, № 7).

«О китайской кормовой травѣ мусю» (Труды импер. вольно-экономическ. Общества, 1863 г.).

«Наши торговыя дѣла въ Китаѣ», Спб., 1863 г., 44 стр. Эта статья сначала напечатана въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ».

«Объ истребленіи саранчи въ Китаѣ» (Труды русскаго энтомолог. Общества, 1864 г., т. III).

«О Маркѣ Поло» (Извѣстія импер. русскаго географическаго Общества, 1865 г.).

«О географическихъ познаніяхъ китайцевъ» (тамъ же, 1866 г.).

---

[1]) О немъ: «Императорскій С.-Петербургскій университетъ», Григорьева, Спб., 1870 г., стр. 387—388.

«Бесѣды о сельскомъ хозяйствѣ въ Китаѣ» (Журналъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства, 1867 г.). Отдѣльно: Спб., 1867 г.

«Очерки Китая» (Русскій Вѣстникъ, 1875 г., кн. 1 и 2). Эта статья вызвана книгою Венюкова: «Очерки современнаго Китая».

«О покойномъ Е. Ѳ. Тимковскомъ» (Московскія Вѣдом., 1875 г., № 66).

«Историческій обзоръ военной организаціи въ Китаѣ, съ древнихъ временъ до воцаренія Манджурской династіи», Спб., 1879 г., 34 стр.

«О значеніи для русской торговли новаго договора Россіи съ Китаемъ» (Русскій Вѣстникъ, 1881 г., кн. 11).

Уже послѣ смерти Скачкова, напечатана его статья подъ названіемъ: «Національная китайская кухня» (Вѣстн. Европы, 1883 г., кн. 7 и 8). Точно также послѣ кончины, библіотека и рукописныя сочиненія Скачкова поступили въ Московскій Румянцовскій музей.

Соколовскій, Дмитрій Александровичъ [1]), редакторъ-издатель «Казанскаго Биржеваго Листка, † 16-го ноября въ Ялтѣ. Онъ, кромѣ изданія названной газеты, напечаталъ: «Сельскій сборникъ», настольную книгу для сельскихъ учителей (Казань, 1880 г., выпускъ первый, 424 стр.).

Станиславскій, Антонъ Григорьевичъ [2]), сынъ дворянина, родился 13-го іюня 1817 года въ селѣ Ставищахъ, Таращанскаго уѣзда, Кіевской губерніи; первоначальное образованіе получилъ въ частныхъ пансіонахъ и въ базиліанскомъ училищѣ Канева; затѣмъ поступилъ на юридическій факультетъ университета св. Владиміра, но вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія, по дѣлу эмиссара Конарскаго, переведенъ въ Казанскій университетъ (1839 г.); тамъ онъ окончилъ курсъ со степенью кандидата правъ (1840 г.) и пріобрѣлъ магистерство (1842 г.); послѣ того—профессоръ Казанскаго университета по каѳедрамъ римскаго права, полицейскаго права и общенароднаго правовѣдѣнія (1843—1853 г.), профессоръ Харьковскаго университета по каѳедрѣ энциклопедіи законовѣдѣнія и россійскихъ государственныхъ законовъ (1853—1868 г.) и, наконецъ, снова профессоръ Казанскаго университета по каѳедрѣ энциклопедіи и государственнаго права (1869—1879 г.); выйдя въ отставку, онъ поселился въ Варшавѣ, но на лѣто уѣзжалъ въ Кіевскую губернію; † 9-го августа въ Бѣлой Церкви. Имъ напечатаны:

«О актахъ укрѣпленія правъ на имущества», магистерская диссертація (Каз., 1842 г., 155 стр.).

«Двоякое значеніе слова: право—законъ и способность лица» (Журналъ мин. нар. просв., 1852 г., ч. LXXVI, кн. 12).

---

[1]) См. «Русскія Вѣдомости», 1883 г., № 324.

[2]) О немъ: «Журналъ мин. нар. просв.», 1868 г., кн. 10, отд. II, стр. 89—90; «Годичный актъ въ императорск. Казанскомъ университетѣ», Казань, 1883 г., стр. 91—95.

«О ходѣ законовѣдѣнія въ Россіи и о результатахъ современнаго его направленія» (Журналъ мин. нар. просв., 1853 г., ч. LXXX).

«Систематическій указатель сочиненій юридическаго содержанія, изданныхъ въ Россіи съ 1830 по 1852 годъ включительно» (тамъ же). Обѣ названныя работы вышли отдѣльною брошюрою: Спб., 1853 г.

«Изслѣдованіе началъ огражденія имущественныхъ отношеній въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго законодательства» (Юридическій Сборникъ, изд. Д. Мейеромъ, Каз., 1854 г.). Отдѣльно: Каз., 1854 г., 66 стр.

«О происхожденіи положительнаго права» (Харьк., 1856 г., 60 стр.). Это сочиненіе, переведенное на польскій языкъ, напечатано въ Краковскомъ журналѣ.

«О вліяніи христіанства на развитіе семейнаго права, преимущественно у римлянъ» (Харьк., 1860 г., 58 стр.).

«Данте Алигьери», біографическій очеркъ (Спб., 1864 г., 71 стр.). Этотъ трудъ сначала былъ напечатанъ въ «Семейныхъ Вечерахъ» (1864 г., кн. 5).

«Dante Alighieri, Boska komedja» (Posnań, 1870 г., 840 стр.).

Тимоѳеевъ, Алексѣй Васильевичъ[1]), родился 15-го марта 1812 года въ Курмышѣ, городѣ Симбирской губерніи; послѣ домашняго воспитанія, учился въ казанской гимназіи, изъ которой поступилъ на юридическій факультетъ Казанскаго университета; по окончаніи курса въ послѣднемъ со степенью кандидата (1830 г.), прибылъ въ Петербургъ и поступилъ на службу помощникомъ столоначальника въ департаментѣ удѣловъ (1831 г.), но черезъ три года (1834) вышелъ въ отставку и отправился за границу—въ Германію, Италію, Швейцарію и Голландію; по возвращеніи въ Петербургъ (1835 г.), онъ снова поступилъ на службу въ министерство народнаго просвѣщенія, какъ членъ редакціи его журнала; затѣмъ, въ 1843 году, перешелъ на службу въ канцелярію одесскаго генералъ-губернатора М. С. Воронцова, но, послѣ двухлѣтнихъ занятій, получилъ мѣсто столоначальника въ департаментѣ министерства юстиціи (1846 г.); спустя три года былъ назначенъ въ Уфу губернскимъ прокуроромъ (1849—1853 г.), послѣ чего вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ недалеко отъ Уфы; въ началѣ 1856 года, онъ переѣхалъ въ Москву, гдѣ былъ опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій при тамошнемъ генералъ-губернаторѣ; на этой должности ему пришлось пробыть до октября 1870 года, когда А. В. вышелъ въ полную отставку и переѣхалъ на жительство въ Петербургъ; † въ іюлѣ въ имѣніи Саратовской губерніи. Кромѣ повѣстей и мелкихъ стихотвореній, напечатанныхъ въ «Сынѣ Отечества» (1833—1834 г.) и «Маякѣ» (1843 г.), онъ издалъ слѣдующіе труды:

«Разочарованный», драма въ пяти дѣйствіяхъ, Спб., 1832 г.

«Двѣнадцать пѣсенъ», въ трехъ отдѣленіяхъ, Спб., 1833—1834 г. Второе изданіе, подъ заглавіемъ «Пѣсни», двѣ части, Спб., 1835 г.

---

[1]) О немъ: «Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ», Гербеля, Спб., 1880 г., стр. 425—427; «Историческій Вѣстникъ», 1883 г., кн. 8, стр. 486.

«Поэтъ», фантазія въ трехъ сценахъ, Спб., 1834 г.
«Художникъ», повѣсть въ трехъ частяхъ, Спб., 1834 г.
«Жизнь и смерть», мистерія (Библіотека для Чтенія, 1834 г., т. V, кн. 8).
«Послѣдній день», мистерія (тамъ же, кн. 10).
«Елизавета Кульманъ», фантазія, Спб., 1835 г. Это произведеніе появилось въ переводѣ на нѣмецкомъ языкѣ подъ такимъ заголовкомъ: «Elisabeth Kulmann, Phantasie von A. Timofeew, aus dem Russ. übers. von. K. Z. v. G.» (St.-Petersb., 1837).
«Валерій и Амалія, или несчастное семейство», повѣсть, М., 1835 г.
«Конрадъ фонъ Тейфельсбергъ», повѣсть (Библіотека для Чтенія, 1835 г., т. XI, кн. 8).
«Русскіе художники въ Римѣ» (тамъ же).
«Сравнительное состояніе русскихъ университетовъ за 1834 годъ» (Журналъ мин. нар. просв., 1835 г., ч. IX).
«Воронъ», стихотвореніе (Библіотека для Чтенія, 1835 г., т. XII, кн. 9).
«Утрехтскія происшествія 1834 года» (тамъ же).
«Мысль», стихотвореніе (тамъ же, 1835 г., т. XIII).
«Пѣсня на новый годъ» и «Всадникъ», стихотворенія (тамъ же, 1836 г., т. XIV).
«Обозрѣніе русскихъ газетъ и журналовъ» (Журналъ мин. нар. просв., 1836 г., ч. XIII).
«Кладъ» и «Презрѣніе», стихотворенія (Библіотека для Чтенія, 1836 г., т. XV).
«Вѣтеръ и роза», стихотвореніе (тамъ же, 1836 г., т. XVI).
«Вдали и вблизи», стихотвореніе (тамъ же, 1836 г., т. XVII).
«Пробужденіе во снѣ», стихотвореніе (тамъ же, 1836 г., т. XVIII).
«Джуліо», повѣсть (тамъ же). Эта повѣсть написана въ сотрудничествѣ съ «А. Бѣлкинымъ» (Пушкинымъ?).
«Опыты», три части, Спб., 1837 г.
«Римъ и Карѳагенъ», трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, Спб., 1837 г.
«Луна», стихотвореніе (Библіотека для Чтенія, 1837 г., т. XX).
«Курганъ», стихотвореніе (тамъ же, 1837 г., т. XXI).
«Призваніе и возрожденіе», стихотворенія (тамъ же, 1837 г., т. XXII).
«Время» и «Комета», стихотворенія (тамъ же, 1837 г., т. XXIV).
«Море и волканъ», «Выборъ» и «Терпѣніе», стихотворенія (тамъ же, 1837 г., т. XXV).
«Тоска», стихотвореніе (тамъ же, 1838 г., т. XXVI).
«Посидѣлки», баллада (тамъ же, 1838 г., т. XXVII).
«Послѣднее разрушеніе міра», стихотвореніе (тамъ же, 1838 г., т. XXVIII).
«Бѣдность и богатство», стихотвореніе (тамъ же, 1838 г., т. XXXI).
«Мертвый гость», стихотвореніе (тамъ же, 1839 г., т. XXXII).
«Микула Селяниновичъ, представитель земли, поэма въ XII пѣсняхъ», Спб., 1876 г., два тома.

Томашевскій, Антонъ Францовичъ [1]), родился въ 1803 году, воспитывался въ орловской гимназіи и на словесномъ отдѣленіи Московскаго университета; по окончаніи университетскаго курса со степенью кандидата (1823 г.), много лѣтъ служилъ въ московскомъ почтамтѣ, гдѣ завѣдовалъ почтовымъ училищемъ и нѣко-

[1]) О немъ: «Русскій Архивъ», 1884 г., кн. 1, стр. 245—246; «Афиши и Объявленія», 1884 г., № 402.

торое время состоялъ цензоромъ иностранныхъ газетъ; кромѣ того, былъ президентомъ комитета о просящихъ милостыню и членомъ отъ правительства въ московскомъ губернскомъ комитетѣ о помѣщичьихъ крестьянахъ (1858 г.); † 13-го октября въ Москвѣ. Кромѣ статей безъ подписи или съ одною буквою «Т», помѣщенныхъ въ «Галатеѣ», «Московскомъ Вѣстникѣ», «Телескопѣ», «Молвѣ», «Москвитянинѣ» и «Русскомъ Архивѣ», онъ напечаталъ: «Мысли о краснорѣчіи» (Московск. Вѣстникъ, 1827 г., ч. V, № 19) и «Замѣтку о Карніолинѣ-Пинскомъ» (Русскій Архивъ, 1876 г., кн. 2).

Трескинъ, Василій Ивановичъ[1]), воспитывался въ Московской практической академіи, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1864 году; затѣмъ, вмѣсто коммерческой дѣятельности, занялся литературными трудами, которые и продолжалъ вести до смерти; † 6-го марта въ Москвѣ. Онъ сначала сотрудничалъ въ «Развлеченіи» и «Русскомъ»; затѣмъ, съ конца 1869 года до начала 1882 года, составлялъ «внутреннюю хронику» для «Современныхъ Извѣстій», съ 1870 года велъ тамъ отдѣлъ подъ рубрикою: «періодическая печать», писалъ фельетоны и, между прочимъ, напечаталъ «Литературныя воспоминанія» (Современн. Извѣстія, 1882 г.). Кромѣ того, ему принадлежатъ: «Справочная коммерческая книга, практическое и теоретическое руководство для занимающихся торговыми дѣлами» (М., 1867 г.) и «Экономическій указатель» (Востокъ, 1881—1882 г.).

Тургеневъ, Иванъ Сергѣевичъ[2]), знаменитый русскій писатель, родился 28-го октября 1818 года въ Орлѣ и первые четыре

---

[1]) См. «Современныя Извѣстія», 1883 г., № 67.

[2]) О немъ: «Русскій Художественный Листокъ», 1857 г., № 34; «Сѣверное Сіяніе», 1864 г., т. III, №№ 11 и 12; «Иллюстрированная Газета», 1867 г., № 22; «Иллюстрированный Календарь на 1868 годъ», стр. 206; «Московскія Вѣдом.», 1868 г., № 113; «Современное Обозрѣніе», 1868 г., кн. 2, стр. 96—98; «Портретная галлерея русскихъ дѣятелей», изд. А. Мюнстеромъ, Спб., 1869 г., т. II; «Всемірная Иллюстрація», 1869 г., № 20; «Модный Магазинъ», 1871 г., № 7; «Воскресный Досугъ», 1872 г., №№ 1 и 4; «Нива», 1872 г., № 9; «Новое Время», 1872 г., № 95; «С.-Петербургскія Вѣдом.», 1872 г., № 291; «Тургеневъ, его тридцатилѣтняя литературная дѣятельность и его типы», сочин. Н. Мизко, Воронежъ, 1872 г., 134 стр.; «С.-Петербургскія Вѣдом.», 1873 г., № 9; «Русская Старина», 1873 г., т. VIII, стр. 944—958; «И. С. Тургеневъ и значеніе его литературной дѣятельности», сочин. А. Чудинова, Воронежъ, 1874 г.; «Филологическ. Записки», 1874 г., № 2, стр. 1—24; «Русскій Міръ», 1874 г., № 211; «Пчела», 1875 г., № 1; «Русскіе современные дѣятели, сборникъ портретовъ замѣчательныхъ лицъ настоящаго времени, съ біографическими очерками», состав. Д. И. Лобановъ, Спб., 1876 г., т. I; «Литературныя воспоминанія И. И. Панаева», Спб., 1876 г., стр. 331; «В. Г. Бѣлинскій, его жизнь и переписка», сочин. А. Н. Пыпина, Спб., 1876 г., т. II, стр. 189—190, 196—202, 322; «Кругозоръ», 1876 г., № 5; «Русское Богатство», 1876 г., № 7; «Живописное Обозрѣніе», 1876 г., №№ 7—9; «Новое Время», 1876 г., № 66; «Рижскій Вѣстникъ», 1876 г., №№ 85, 87, 88 и 170; «Новороссійскій Телеграфъ», 1876 г., № 455; «Новое Время», 1877 г.,

года дѣтства провелъ въ имѣніи своей матери—въ селѣ Спасскомъ-Лутовиновѣ (Мценскаго уѣзда, Орловской губерніи); въ 1822 году, онъ вмѣстѣ съ родителями отправился за границу—въ Германію, Швейцарію и Францію, а затѣмъ снова вернулся въ деревню; тутъ, подъ руководствомъ доморощенныхъ дядекъ, заѣзжихъ гувернеровъ и учителей, началось его первоначальное образованіе; черезъ пять

№ 324; «И. С. Тургеневъ», критико-біографическій этюдъ С. Венгерова, Спб., 1877 г., 164 стр.; «Силуэты пятидесяти русскихъ литераторовъ и краткія ихъ біографіи», составл. В. Д. К., изданн. А. Черноквостовой, Спб., 1877 г.; «Русская Старина», 1880 г., т. XXVII, стр. 146—147, 856—861; «Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ», состав. Н. Гербель, Спб., 1880 г., стр. 508—520.—Въ періодическихъ изданіяхъ 1883 года: «Современныя Извѣстія», № 244; «Русскія Вѣдомости», №№ 250, 265, 266, 269, 279, 280 и 286; «Новости», № 177; «Новое Время», № 2,712; «Русь», №№ 19 и 23; «Родина», № 20; «Будильникъ», № 38; «Холмско-Варшавскій Епарх. Вѣстникъ», № 81; «Нива», №№ 34, 36, 37, 42 и 45; «Neue Freie Presse», 18 und 19 September (статья Г. Брандеса); «The Athenaeum», 8 sept.; «The Athenaeum», sept. 15 (статья В. Ральстона); «Revue politique et littéraire», 8 sept. (статья Е. Дюранъ-Гревилля); «Nuova Antologia», 15 sept. (статья А. де-Губернатиса); «Записки учителя», кн. 6, стр. 41—46; «Вѣкъ», кн. 6, отд. II, стр. 286—288; кн. 7—8, отд. I, стр. 5—11; «Дѣло», кн. 9, стр. 309—316; «Изящная Литература», кн. 8, стр. 1—2; «Русское Богатство», кн. 9, стр. 225—232; «Историческій Вѣстникъ», кн. 9, стр. I—VI; кн. 10, стр. 135—153 и 232; кн. 11, стр. 366—377, 378—398, 399—406, 444—451, 469—472; «Вѣстникъ Европы», кн. 9, стр. I—II; кн. 10, стр. 779—783, 825—843 и 847; кн. 11, стр. 436—447; «Русская Старина», кн. 9, стр. 1—16; кн. 10, стр. 201—228, 235—258 и 272; кн. 11, стр. 417—427; «Тургеневъ о русскомъ народѣ», съ портретомъ, изд. Ф. Павленкова, Спб., 1883 г.; «И. С. Тургеневъ и его послѣднія произведенія», сочин. Н. Невзорова, Казань, 1883 г.; «И. С. Тургеневъ, біографическій очеркъ», составл. Н. Плисскимъ, Спб., 1883 г.; «Памяти И. С. Тургенева», сочин. В. Острогорскаго, Спб., 1883 г.; «Жемчужины Тургеневской поэзіи и прозы», съ приложеніемъ статьи: «Нѣсколько словъ объ И. С. Тургеневѣ», сочин. І. Мандельштама, Спб., 1883 г., 75 стр.; «Въ память объ И. С. Тургеневѣ», Одесса, 1883 г.; «Чествованіе памяти И. С. Тургенева въ Новой школѣ», Одесса, 1883 г.; «Вѣнокъ на гробъ И. С. Тургенева», Одесса, 1883 г.; «Наши дѣятели», выпускъ первый: И. С. Тургеневъ, изданіе газеты «Нева», Спб., 1883 г., 15 стр.; «Памяти И. С. Тургенева», сочин. М. Орлова, Одесса, 1883 г.; «Иностранная критика о Тургеневѣ», Спб., 1883 г.; «Типы изъ «Записокъ Охотника» въ силуетахъ», изданіе Е. Бемъ, Спб., 1883 г.; «Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева», состав. В. Зелинскій, М., 1883—1884 г., два выпуска.—Въ періодическихъ изданіяхъ 1884 года: «Вѣстникъ», изданіе Ѳ. Гилярова, № 9; «Дѣло», кн. 1, отд. II, стр. 1—44; «Историческій Вѣстникъ», кн. 1, стр. 97; кн. 2, стр. 324—336; кн. 10, стр. 240—241; «Вѣстникъ Европы», кн. 1, стр. 5—7; кн. 2, стр. 449—473; кн. 5, стр. 410—424; кн. 9, стр. 438—440; кн. 11, стр. 72—124; кн. 12, стр. 569—631; «Русская Старина», кн. 1, стр. 173—174, 175—194; кн. 3, стр. 667—668, 690—691, 718—719; кн. 5, стр. 391—406; «Нива», 1884 г., №№ 1—8, 25 и 40; «Литературная дѣятельность Тургенева», критическій этюдъ В. Буренина, Спб., 1884 г., 261 стр.; второе изданіе этой книги: Спб., 1885 г., 264 стр.; «Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Тургенева», составилъ И. Агафоновъ, Казань, 1884 г., 31 стр.; «Тургеневъ, какъ великій поэтъ», сочиненіе В. Добровскаго, Воронежъ, 1884 г., 39 стр.; «Альбомъ рисунковъ къ «Запискамъ Охотника», изданный художникомъ Лебедевымъ, М., 1884 г.—Въ періодическихъ изданіяхъ 1885 года: «Рус-

лѣтъ (1827 г.) семья Тургеневыхъ переселилась въ Москву, и тамъ И. С. сначала поступилъ въ частный пансіонъ Вейденгаммера, а потомъ жилъ пансіонеромъ у директора Лазаревскаго института Краузе; такая подготовка позволила ему поступить на «словесное отдѣленіе» Московскаго университета (1833 г.); но черезъ годъ онъ перешелъ на тотъ же факультетъ Петербургскаго университета, окончилъ тамъ курсъ съ званіемъ «дѣйствительнаго студента» (1836 г.) и уже по новому экзамену получилъ степень кандидата (1837 г.); по выпускѣ изъ университета Тургеневъ отправился за границу (весною 1838 года), пробылъ въ Берлинѣ и Италіи до 1841 года, когда вернулся въ Петербургъ и поступилъ на службу въ канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ (1842 г.); но черезъ три года вышелъ въ отставку (1845 г.) и вполнѣ отдался замѣчательной литературной дѣятельности, проживая бо̀льшею частію за границей; † 22-го августа (4-го сентября) въ Буживалѣ, близъ Парижа, но похороненъ въ Петербургѣ на Волковомъ кладбищѣ. Всѣ его произведенія, лишь частію помѣщенныя въ «Полномъ собраніи сочиненій», появились въ такомъ хронологическомъ порядкѣ:

1836 г. «О книгѣ Муравьева: Путешествіе по святымъ мѣстамъ русскимъ» (Журналъ мин. нар. просв., ч. XI, кн. 8).

1838 г. Стихотворенія: «Вечеръ», дума (Современникъ, т. IX), и «Къ Венерѣ Медицейской» (тамъ же, т. XI). Подъ этими стихотвореніями поставлена подпись: «.....въ».

1841 г. Стихотворенія: «Старый помѣщикъ» (Отеч. Записки, кн. 9) и «Баллада» (тамъ же, кн. 11). Оба стихотворенія, какъ и послѣдующіе поэтическіе труды, появились за подписью двухъ буквъ: «Т. Л.» (т. е. Тургеневъ-Лутовиновъ).

1842 г. Стихотвореніе: «Похищеніе» (Отеч. Записки, кн. 3).

1843 г. «Параша», разсказъ въ стихахъ, Спб., 1843 г., 46 стр.
Стихотворенія: «Цвѣтокъ» (Отеч. Записки, кн. 8), «Нева» (кн. 9) и «Весенній вечеръ» (кн. 10).

скій Вѣстникъ», кн. 1. стр. 338—378; «Историческій Вѣстникъ», кн. 6, стр. 720—722; кн. 10, стр. 41—65; кн. 11, стр. 362—380; 415—419; кн. 12, стр. 730—731; «Вѣстникъ Европы», кн. 3, стр. 5—41; кн. 4, стр. 465—505; «Русская Старина», кн. 8, стр. 307—336; кн. 9, стр. 495—510; кн. 10, стр. 126—142; кн. 11, стр. 420—427; кн. 12, стр. 613—632; «Московская Лѣтопись», № 8; «Jahrbuch der deutschen Shakespeare-Gesellschaft», 1885, t. XX (статья Людвига Пича); «Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и гр. Л. Н. Толстомъ» (1862—1885 г.), сочиненіе Н. Страхова, Спб., 1885 г.; «Тургеневъ въ его произведеніяхъ», сочиненія А. Незеленова, Спб., 1885 г., 262 стр.; «Признательный мальчикъ», быль изъ воспоминаній о селѣ Спасскомъ, Ѳ. Б—ва, М., 1885 г.; «И. С. Тургеневъ, его жизнь и сочиненія», пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній, сочиненіе Крампа, Спб., 1885 г., 86 стр.; «Новая русская литература въ отдѣльныхъ очеркахъ замѣчательнѣйшихъ писателей, выпускъ первый: Тургеневъ», составилъ П. Евстафіевъ, Спб., 1885 г., 159 стр.; «Русская Старина», 1886 г., кн. 3., стр. 597—608.

«Неосторожность», драматическій очеркъ въ одномъ дѣйствіи (Отеч. Записки, кн. 10).

Стихотворенія: «Когда съ тобой разстался я...» (Отеч. Записки, кн. 11) и «Человѣкъ, какихъ много» (тамъ же).

1844 г. Стихотвореніе: «Толпа», «Когда давно забытое названье...» и «Конецъ жизни» (Отеч. Записки, кн. 1).

Стихотворенія: «В. Н. Б.», «Замѣтила ли ты...», «Осень» и «Гроза промчалась...» (Современникъ, кн. 3).

Стихотворенія: «Ѳедя», «Я васъ знавалъ тому давно» и «Въ ночь лѣтнюю» (Отеч. Записки, кн. 3).

Стихотворенія: «Послѣдняя сцена первой части Фауста Гёте—Тюрьма» (Отеч. Записки, кн. 6) и «Къ ***» (тамъ же, кн. 11).

«Андрей Колосовъ», повѣсть (Отеч. Записки, кн. 11).

«Стихотвореніе: «Признаніе» (Отеч. Записки, кн. 12).

1845 г. «Фаустъ, сочиненіе Гёте, переводъ М. Вронченко», критическая статья (Отеч. Записки, кн. 1).

Стихотвореніе: «Откуда вѣетъ тишиной?» (Отеч. Записки, кн. 2).

«Разговоръ», стихотвореніе, Спб., 1845 г., 39 стр.

Стихотворенія: «Когда такъ радостно...», «Ахъ, давно ли гулялъ я съ тобой», «Утро туманное», «Къ чему твержу я стихъ унылый» и «Брожу надъ озеромъ» (Вчера и сегодня, сборникъ, изданный гр. В. А. Соллогубомъ, Спб., 1845 г.).

1846 г. «Андрей», поэма въ двухъ частяхъ (Отеч. Записки, кн. 1).

Стихотворенія: «Помѣщикъ», «Тьма» изъ Байрона и «Римская элегія» изъ Гёте (Петербургскій Сборникъ, изданный Н. А. Некрасовымъ, Спб., 1846 г.).

«Три портрета», разсказъ (тамъ же).

«Смерть Ляпунова, драма Гедеонова», критическая статья (Отеч. Записки, кн. 8).

«Безденежье», сцены изъ петербургской жизни молодаго дворянина (Отеч. Записки, кн. 10).

1847 г. «Бреттеръ», повѣсть (Отеч. Записки, кн. 1).

«Повѣсти, сказки и разсказы казака Луганскаго», критическая статья (тамъ же).

Стихотворенія подъ заглавіемъ «Деревня»: «Люблю я вечеромъ къ деревнѣ подъѣзжать», «На охотѣ лѣтомъ», «Безлунная ночь», «Дѣдъ», «Гроза», «Другая ночь», «Кроткіе льются лучи», «Передъ охотой» и «Первый снѣгъ» (Современникъ, кн. 1).

«Генералъ-поручикъ Паткуль, трагедія Кукольника», критическая статья (тамъ же).

«Записки охотника: «Хорь и Калинычъ» (тамъ же).

«Петръ Петровичъ Каратаевъ», разсказъ (Современникъ, кн. 2).

«Письмо изъ Берлина» (Современникъ, кн. 3).

«Записки охотника: «Ермолай и мельничиха», «Мой сосѣдъ Радиловъ», «Однодворецъ Овсянниковъ» и «Льговъ» (Современникъ, кн. 5).

«Записки охотника: «Бурмистръ» и «Контора» (Современникъ, кн. 10).

«Жидъ», разсказъ (Современникъ, кн. 11).

1848 г. «Записки охотника: «Малиновая вода», «Уѣздный лѣкарь», «Бирюкъ», «Лебедянь», «Татьяна Борисовна и ея племянникъ» (Современникъ, кн. 2).

«Пѣтушковъ», повѣсть (Современникъ, кн. 9).

«Гдѣ тонко, тамъ и рвется», комедія въ одномъ дѣйствіи (Современникъ. кн. 11).

1849 г. «Записки охотника: «Смерть», «Гамлетъ Щигровскаго уѣзда», «Чертопхановъ и Недопюскинъ», «Лѣсъ и степь» (Современникъ, кн. 2).

«Холостякъ», комедія въ трехъ дѣйствіяхъ (Отеч. Записки, кн. 9). Отдѣльное изданіе: Спб., 1860 г.

1850 г. Стихотвореніе: «Одинъ, опять одинъ я...» (Современникъ, кн. 1).

«Дневникъ лишняго человѣка» (Отеч. Записки, кн. 4). Потомъ это произведеніе перепечатано въ сборникѣ «Для легкаго чтенія», изданномъ Н. А. Некрасовымъ, Спб., 1856 г., ч. I.

«Записки охотника: «Пѣвцы» и «Свиданье» (Современникъ, кн. 11).

1851 г. «Разговоръ на большой дорогѣ» (Комета, учено-литературный альмонахъ, изданный Н. М. Щепкинымъ, М., 1851 г.).

«Провинціалка», комедія въ одномъ дѣйствіи (Отеч. Записки, кн. 1). Отдѣльное изданіе: Спб., 1860 г.

«Записки охотника: «Бѣжинъ лугъ» (Современникъ, кн. 2) и «Касьянъ съ Красивой Мечи» (тамъ же, кн. 4).

1852 г. «Племянница, романъ Евгеніи Туръ», критическая статья (Современникъ, кн. 1).

«Три встрѣчи», разсказъ (Современникъ, кн. 2).

«Письмо изъ Петербурга: по поводу кончины Гоголя» (Московскія Вѣдом., № 32).

«Нѣсколько словъ о новой комедіи г. Островскаго: Бѣдная невѣста» (Современникъ, кн. 3).

Въ этомъ году впервые были изданы отдѣльно «Записки охотника» (М., 1852 г., двѣ части).

1853 г. «Записки ружейнаго охотника Оренбургской губерніи», письмо къ одному изъ издателей «Современника» (Современникъ, кн. 1).

1854 г. «Два пріятеля», повѣсть (Современникъ, кн. 1).

«Муму», разсказъ (Современникъ, кн. 3).

«Нѣсколько словъ о стихотвореніяхъ Ѳ. И. Тютчева» (Современникъ, кн. 4).

«Затишье», повѣсть (Современникъ, кн. 9).

1855 г. «Мѣсяцъ въ деревнѣ», комедія въ пяти дѣйствіяхъ (Современниникъ, кн. 1). Эта комедія напечатана въ журналѣ съ большими измѣненіями по требованію цензуры; но въ своемъ первоначальномъ видѣ она появилась только на страницахъ «Собранія сочиненій И. С. Тургенева» (М., 1869 г.).

«Яковъ Пасынковъ», изъ воспоминаній человѣка въ отставкѣ (Отеч. Записки, кн. 4).

«Постоялый дворъ», повѣсть (Современникъ, кн. 11). Эта повѣсть отдѣльно издана с.-петербургскимъ комитетомъ грамотности, Спб., 1881 г.

«Два слова о Грановскомъ», письмо къ редакторамъ «Современника» (Современникъ, кн. 11).

«О соловьяхъ» (въ приложеніи къ книгѣ С. Т. Аксакова: «Разсказы и воспоминанія охотника о разныхъ охотахъ», М., 1855 г.).

1856 г. «Переписка», повѣсть (Отеч. Записки, кн. 1).

«Рудинъ», повѣсть (Современникъ, кн. 1 и 2).

«Завтракъ у предводителя», комедія въ одномъ дѣйствіи (Современникъ, кн. 8).
«Фаустъ», разсказъ въ девяти письмахъ (Современникъ, кн. 10).
Въ этомъ году П. В. Анненковымъ были изданы «Повѣсти и разсказы И. С. Тургенева» (Спб., 1856 г., три тома).
1857 г. «Чужой хлѣбъ», комедія въ двухъ дѣйствіяхъ (Современникъ, кн. 3). Эта комедія шла на сценѣ и напечатана въ «Собраніи сочиненій И. С. Тургенева» подъ другимъ названіемъ: «Нахлѣбникъ».
«Поѣздка въ Полѣсье» (Библіотека для Чтенія, кн. 10).
1858 г. «Ася», повѣсть (Современникъ, кн. 1).
«Изъ-за границы», письмо (Атеней, кн. 6).
1859 г. «Собственная господская контора», отрывокъ изъ неизданнаго романа (Московскій Вѣстникъ, № 1). Этотъ отрывокъ взятъ изъ слѣдующаго произведенія.
«Дворянское гнѣздо», романъ (Современникъ, кн. 1). Отдѣльное изданіе А. И. Глазунова: М., 1859 г., 320 стр.
«Обѣдъ въ Обществѣ англійскаго литературнаго фонда», письмо къ автору статьи: «О литературномъ фондѣ» (Библіотека для Чтенія, кн. 1).
Въ этомъ году появилось второе изданіе безъ перемѣнъ «Записокъ охотника» (Спб., 1859 г., двѣ части) и «Украинскіе народные разсказы Марка Вовчка», въ переводѣ И. С. Тургенева (Спб., 1859 г.).
1860 г. «Наканунѣ», повѣсть (Русскій Вѣстникъ, кн. 1).
«Гамлетъ и Донъ-Кихотъ», рѣчь, произнесенная 10-го января 1860 года на публичномъ чтеніи въ пользу Общества для вспомоществованія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (Современникъ, кн. 1).
«Встрѣча моя съ Бѣлинскимъ» (Московскій Вѣстникъ, № 3).
«Первая любовь», повѣсть (Библіотека для Чтенія, кн. 3).
Въ этомъ году вышли «Сочиненія И. С. Тургенева, изданныя Н. А. Основскимъ (М., 1860 г., четыре части).
1861 г. «Поѣздка въ Альбано и Фраскати, воспоминаніе объ А. А. Ивановѣ (Вѣкъ, № 15).
1862 г. «Отцы и дѣти», повѣсть (Русскій Вѣстникъ, кн. 2). Отдѣльное изданіе К. Т. Солдатенкова: М., 1862 г.
«Предисловіе» къ сочиненію Буткевичъ: «Дневникъ дѣвочки» (Спб., 1862 г.). То же «предисловіе» напечатано и при второмъ изданіи названной книги (М., 1881 г.).
1864 г. «Призраки», фантазія (Эпоха, кн. 1 и 2).
«А. В. Дружининъ», рѣчь, читанная въ память его въ Обществѣ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (Русскій Инвалидъ, № 40).
«Рѣчь о Шекспирѣ» (С.-Петербургскія Вѣдом., № 89).
«Le Novice» (Мцыри), переводъ французскими стихами и краткая біографія Лермонтова (Revue Moderne, t. 34).
1865 г. «Собака», разсказъ (С.-Петербургскія Вѣдом., № 85).
Въ этомъ же году вышло третье изданіе «Сочиненій И. С. Тургенева», напечатанное Ѳ. И. Салаевымъ (Карлсруэ, пять томовъ); на страницахъ этого изданія въ первый разъ появился «Отрывокъ изъ записокъ умершаго художника» подъ названіемъ: «Довольно».

1866 г. «Переводъ» съ французскаго «Волшебныхъ сказокъ», изданныхъ Перро, (Спб., 1866 г.).

1867 г. «Дымъ», повѣсть (Русскій Вѣстникъ, кн. 3). Эта повѣсть, кромѣ того, выдержала два отдѣльныя изданія (М., 1868 г., и Лейпцигъ, 1876 г.).

1876 г. «Бригадиръ», разсказъ (Вѣстникъ Европы, кн. 1).

«Исторія лейтенанта Ергунова» (Русскій Вѣстникъ, кн. 1).

«Письмо къ редактору, по поводу посмертнаго отзыва объ Артурѣ Бени» (С.-Петербургскія Вѣдом., № 52).

«Письмо» по поводу «Записокъ кн. П. Долгорукаго» (тамъ же, № 186).

«Предисловіе» къ роману Б. Ауэрбаха: «Дача на Рейнѣ» (Вѣстникъ Европы, кн. 9).

«Литературный вечеръ у П. А. Плетнева» (Русскій Архивъ, кн. 10).

1869 г. «Несчастная», разсказъ (Русскій Вѣстникъ, кн. 1).

«Воспоминанія о Бѣлинскомъ» (Вѣстникъ Европы, кн. 1).

Въ этомъ году вышло четвертое изданіе «Сочиненій И. С. Тургенева», напечатанное Ѳ. И. Салаевымъ (М., 1869 г., семь томовъ).

1870 г. «Странная исторія», разсказъ (Вѣстникъ Европы, кн. 1). Въ этой же книжкѣ журнала (стр. 509—510) Тургеневъ помѣстилъ письмо, въ которомъ упрекалъ газету «Голосъ» за неудачный переводъ «Странной исторіи» изъ нѣмецкаго періодическаго изданія «Salon», гдѣ впервые появился названный разсказъ.

«Образчикъ стариннаго крючкотворства» (Русскій Архивъ, кн. 1).

«Письмо» по поводу критики на «Сочиненія Я. П. Полонскаго» (С.-Петербургскія Вѣдом., № 8).

«Казнь Тропмана» (Вѣстникъ Европы, кн. 6).

«Степной король Лиръ», разсказъ (тамъ же, кн. 10).

1871 г. «Стукъ!.. стукъ!.. стукъ!..», студія (Вѣстникъ Вропы, кн. 1).

«Saltykoff's history of a town» — о сочиненіи Щедрина: «Исторія одного города» (The Academy, № 19).

«Рецензія» на изданіе фонъ-Вольца: «Lehrgang der Russischen Sprache für den Schul-Privat und Selbst-Unterichtt» (С.-Петербургскія Вѣдом., № 276).

«Николай Ивановичъ Тургеневъ», некрологъ (Вѣстникъ Европы, кн. 12).

Въ этомъ году вышелъ восьмой (дополнительный) томъ четвертаго изданія «Сочиненій И. С. Тургенева» (М., 1871 г.).

1872 г. «Вешнія воды», повѣсть (Вѣстникъ Европы, кн. 1).

«Записки охотника: «Конецъ Чертопханова» (тамъ же, кн. 11).

1874 г. «Наши послали», эпизодъ изъ исторіи іюньскихъ дней 1848 года въ Парижѣ (Недѣля, № 1).

«Пунинъ и Бабуринъ», разсказъ (Вѣстникъ Европы, кн. 4).

«Живыя мощи», разсказъ (Складчина, учено-литературный сборникъ, Спб., 1874 г.). Этотъ разсказъ отдѣльно изданъ Обществомъ распространенія полезныхъ книгъ (М., 1876 г.).

«Пегасъ», изданный П. Васильевымъ (Казань, 1874 г.).

Въ этомъ году вышло пятое изданіе «Сочиненій И. С. Тургенева» (М., 1874 г., восемь томовъ) и три разсказа, отдѣльно напечатанные московскимъ комитетомъ грамотности: «Бирюкъ» (второе изданіе: М., 1876 г.); «Однодворецъ Овсянниковъ» (второе изданіе: М., 1877 г.; третье изданіе: М., 1884 г.), «Пѣвцы» (второе изданіе: М., 1877 г.; третье изданіе: М., 1880 г.; четвертое изданіе: М., 1884 г.).

1875 г. «Стучитъ!...», изъ «Записокъ охотника», переводъ съ французскаго изъ газеты «Temps», изд. А. Михайлова (М., 1875 г., 31 стр.).

«Письмо» о переводѣ «Демона» на англійскій языкъ (С.-Петербургскія Вѣдом., № 208).

«Графъ А. К. Толстой», письмо къ редактору «Вѣстника Европы» (Вѣстникъ Европы, кн. 11).

1876 г. «Часы», разсказъ старика (Вѣстникъ Европы, кн. 1).

«Письмо» въ редакцію «Вѣстника Европы» по поводу перваго печатнаго произведенія (тамъ же).

«Письмо» о журналѣ «Охота» (Биржевыя Вѣдом., № 207).

Въ этомъ же году М. М. Стасюлевичемъ изданъ шестой томъ «Русской Библіотеки» (Спб., 1876 г.), съ портретомъ и біографіей И. С. Тургенева, причемъ были перепечатаны въ отрывкахъ «Записки охотника», «Рудинъ», «Ася», «Дворянское гнѣздо», «Дымъ», «Отцы и дѣти».

1877 г. «Новь», романъ (Вѣстникъ Европы, кн. 1 и 2). Въ слѣдующемъ году этотъ романъ изданъ отдѣльно Ѳ. И. Салаевымъ (М., 1878 г., двѣ части).

«Сонъ», разсказъ (Новое Время, № 1 и 2).

«Католическая легенда объ Юліанѣ Милостивомъ», сочиненіе Густава Флобера, переводъ съ французскаго (Вѣстникъ Европы, кн. 4).

«Разсказъ отца Алексѣя» (тамъ же, кн. 5). По поводу этого разсказа, сначала помѣщеннаго на французскомъ языкѣ въ періодическомъ изданіи: «La République des Lettres», подъ заглавіемъ: «Le fils du pope», И. С. написалъ письмо (С.-Петербургскія Вѣдом., 1877 г., № 109), въ которомъ упрекалъ газету «Новое Время» за напечатаніе перевода подъ названіемъ: «Сынъ попа».

«Иродіада», вторая легенда, сочиненіе Густава Флобера, переводъ съ французскаго (Вѣстникъ Европы, кн. 5). Отдѣльное изданіе «Народной библіотеки» (М., 1884 г.).

«С. К. Брюллова, урожденная Кавелина», изъ письма въ редакцію (Вѣстникъ Европы, кн. 11).

1878 г. «Предисловіе», при изданіи новыхъ писемъ Пушкина къ женѣ (Вѣстникъ Европы, кн. 1).

«Письмо» въ редакцію газеты «Правда» (Голосъ, № 55).

Въ этомъ году вышло первое стереотипное изданіе «Записокъ охотника» (Лейпцигъ, 1878 г.).

1879 г. «Застольное слово», произнесенное въ Петербургѣ на обѣдѣ профессоровъ и литераторовъ (Вѣстникъ Европы, кн. 4).

«Письмо къ редактору» (Temps, октябрскій нумеръ).

1880 г. «Отвѣтъ Иногородному Обывателю», письмо къ редактору (Вѣстникъ Европы», кн. 2). Подъ псевдонимомъ «Иногородный Обыватель» скрывался В. М. Маркевичъ.

«Пергамскія раскопки», письмо въ редакцію (Вѣстникъ Европы, кн. 4).

«А. С. Пушкинъ», рѣчь, читанная въ публичномъ засѣданіи Общества любителей Россійской словесности, по поводу открытія памятника А. С. Пушкину въ Москвѣ (Вѣстникъ Европы, кн. 7).

Въ этомъ году вышло второе стереотипное изданіе «Записокъ охотника» (Спб., 1880 г.) и шестое изданіе «Сочиненій И. С. Тургенева» (М., 1880 г., десять частей). На страницахъ этого «Собранія» впервые

Выпуски.

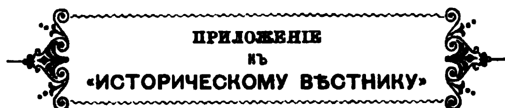
Патлаевскій, Иннокентій Устиновичъ III
Пейкеръ, Марья Григорьевна I
Перовъ, Василій Григорьевичъ II
*Пероговскій, Василій Игнатьевичъ II
Петерсонъ, Карлъ Михайловичъ .. I
Петровъ, Иванъ Ивановичъ III
Петровскій, Андрей Станиславовичъ II
*Пироговъ, Николай Ивановичъ .. I
*Писемскій, Алексѣй Өеофилактовичъ I
Пихно, Марья Константиновна ... III
Подвысоцкій, Александръ Іосифовичъ III
Покровскій, Павелъ Ивановичъ ... II
Поповъ, Александръ Никифоровичъ I
Поповъ, Андрей Николаевичъ I
Понудогло, Өедоръ Өеодосьевичъ .. III
Преженцовъ, А.... О............ III
Прохоровъ, Василій Александровичъ II
Путятинъ, графъ Евөимій Васильевичъ III
*Резенеръ, Өедоръ Өедоровичъ I
*Ризниковъ, Артемій Ивановичъ .. I
Рикордъ, Людмила Ивановна III
Родіоновъ, Иванъ Дмитріевичъ ... I
Рождественскій, Иванъ Васильевичъ II
Рождественскій, Николай Павловичъ II
Розановъ, Николай Павловичъ III
*Романовскій, Дмитрій Ильичъ ... I
Романовъ, Іоакимъ Константиновичъ I
Сабуровъ, Михаилъ Ивановичъ... I
Савельевъ, Викторъ Константиновичъ II
Савичъ, Алексѣй Николаевичъ ... III
Садовниковъ, Дмитрій Николаевичъ III
*Салмановъ, Петръ Алексѣевичъ .. III
*Селивановъ, Илья Васильевичъ .. II
Сендульскій, Аполлоній II
Симоновичъ, Яковъ Мироновичъ .. III
Скачковъ, Константинъ Адріановичъ III
Скворцовъ, Николай Семеновичъ .. II
Смирнова, Александра Іосифовна . II
Соколовскій, Дмитрій Александровичъ III
Соколовъ, Александръ Васильевичъ. I
Соколовъ, Наөанаилъ Петровичъ .. I
*Сологубъ, графъ Владиміръ Александровичъ II
Соловьевъ, Сергѣй Петровичъ I
Спѣшневъ, Николай Александровичъ II
*Ставровскій, Алексѣй Ивановичъ. II
Станиславскій, Антонъ Григорьевичъ III
*Станкевичъ, Иванъ Николаевичъ. III
Строгановъ, графъ Сергѣй Григорьевичъ II
Сухотинъ, Михаилъ Михайловичъ. I
*Сѣряковъ, Лаврентій Авксентьевичъ I
Тимоөеевъ, Алексѣй Васильевичъ .. III
*Толстой, Өеофилъ Матвѣевичъ ... I
Томашевскій, Антонъ Францовичъ. III
*Тонъ, Константинъ Андреевичъ .. I
Трескинъ, Василій Ивановичъ III
Туловъ, Михаилъ Андреевичъ II
Тургеневъ, Иванъ Сергѣевичъ III
Тютчева, Екатерина Өедоровна ... II
Уверскій, Николай Ивановичъ II
Фелькель, Юлій Карловичъ II
Филаретъ (въ мірѣ Михаилъ Прокофьевичъ Филаретовъ) II
Филипсонъ, Григорій Ивановичъ .. III
Филоөей (въ мірѣ Тимоөей Григорьевичъ Успенскій) II
Халколивановъ, Иванъ Егоровичъ. II
Ходневъ, Алексѣй Ивановичъ III
Хрисанөъ (въ мірѣ Владиміръ Николаевичъ Ретивцевъ) III
Церетелевъ, князь Алексѣй Николаевичъ III
*Чупинъ, Наркисъ Константиновичъ II
*Шашковъ, Серафимъ Серафимовичъ II
Шкляревскій, Александръ Александровичъ III
Шульгинъ, Николай Ивановичъ .. II
Шульговскій, Дмитрій Николаевичъ II
Шульцъ, Василій К. III
*Щербининъ, Михаилъ Павловичъ. I
Щученко, Константинъ Александровичъ I
Ювеналій (въ мірѣ Карюковъ).... II
Янушевъ, Василій Александровичъ I
Өадѣевъ, Ростиславъ Андреевичъ . III
Өедоровъ, Иннокентій Васильевичъ III
Өеодосій (въ мірѣ Михаилъ Шаповаленко) III
Өивейскій, Александръ Павловичъ. III

АНДРОНИКЪ КОМНЕНЪ

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ВИЗАНТІЙСКОЙ ИСТОРІИ

I. ПЕРВАНОГЛУ

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2
1886

I.

Протосевастосъ[1]).

АСТАЛА НОЧЬ. Надъ пышнымъ городомъ святаго Константина разстилался неизмѣримый небесный сводъ, усѣянный тысячами лучезарныхъ міровъ. Внизу лежалъ Босфоръ, безмолвный и неподвижный, какъ небо, отраженное въ его волнахъ.

Вездѣ царила тишина; ни звуки пѣсни, ни плескъ весла не нарушали общаго безмолвія. Все было какъ бы сковано чарами роскошной ночи; все свидѣтельствовало о красотѣ и величіи дремлющей природы. Городъ и море, Босфоръ и окружающіе холмы, вкушали безмятежной покой, какимъ была объята вся природа.

Такимъ же мирнымъ сномъ покоились и жители Константинополя. Сонъ служилъ для нихъ успокоеніемъ послѣ дневныхъ заботъ и друда; они нашли въ немъ забвеніе отъ своихъ теперешнихъ бѣдъ и неизбѣжныхъ невзгодъ, связанныхъ съ неопредѣленной будущностью.

Немало имѣли они поводовъ для безпокойства за ближайшее будущее. Хотя правленіе первыхъ трехъ Комненовъ было увѣнчано славой и побѣдами, но повергло страну въ печальное положеніе. Византійская имперія шла на всѣхъ парусахъ по опасному пути, ведущему къ полному государственному упадку и разложенію.

Страна, управляемая Комненами, могла по справедливости гордиться ими. Они возвеличили ее кровопролитными войнами и бли-

---

[1]) Первый совѣтникъ императора.

стательными военными подвигами надъ ордами варваровъ, которые своими частыми набѣгами не только безпокоили отдаленныя провинціи, но угрожали ближайшимъ окрестностямъ столицы. Побѣжденные варвары принуждены были удалиться изъ предѣловъ имперіи; между тѣмъ Комнены, имѣя въ виду одну военную цѣль, не заботились о томъ, чтобы водвореніемъ порядка и мудрой предусмотрительностью исцѣлить раны, нанесенныя странѣ длиннымъ рядомъ опустошительныхъ войнъ. Они преслѣдовали внѣшняго непріятеля и не принимали никакихъ мѣръ, которыя могли бы оградить ихъ отъ внутреннихъ еще болѣе опасныхъ враговъ.

Любовь къ роскоши, съ ея неразлучной спутницей расточительностью, господствовала не только въ императорскомъ дворцѣ, вмѣстилищѣ древняго, освященнаго вѣками, престола, но и въ жилищахъ высшихъ государственныхъ сановниковъ. Между тѣмъ нищета стояла у порога. Лишенный заработка народъ стоналъ подъ тяжестью налоговъ; и хотя никто не рѣшался открыто поднять знамя возстанія или оказать сопротивленіе властямъ, но всѣ были одинаково недовольны существующимъ порядкомъ.

Нравственная порча всѣхъ классовъ населенія достигла послѣднихъ предѣловъ; мѣста и должности продавались съ публичнаго торга безсовѣстными слугами византійскаго императора. Правосудіе сдѣлалось жертвой подкупа; и самъ монархъ, отъ котораго подданные могли ожидать справедливости и милосердія, былъ не въ силахъ бороться противъ алчности и произвола своихъ придворныхъ; законъ обратился въ мертвую букву. Также велико было общее невѣжество, неизбѣжно связанное со всевозможными суевѣріями. Развратъ господствовалъ во всей силѣ, не признавая никакихъ стѣсненій.

Таковы были опасности, грозившія древней Византійской имперіи. Только твердая, сильная рука могла остановить этотъ ежедневно увеличивающійся процессъ разложенія. Но откуда могла явиться эта спасительная рука? Мануилъ Комненъ, умирая, завѣщалъ престолъ своему одиннадцатилѣтнему сыну Алексѣю, безпомощному отроку, который не имѣлъ ни силы, ни средствъ, чтобы совершить подобный подвигъ и спасти величественную корону святаго Константина среди бушующей бури. Кто могъ питать какія либо надежды или ожидать спасенія отъ слабаго, облеченнаго въ пурпуръ ребенка, который былъ послушнымъ орудіемъ лицемѣрныхъ и корыстолюбивыхъ придворныхъ? Императоръ Мануилъ сошелъ въ могилу, оставивъ своему сыну и преемнику опасное наслѣдство; онъ возложилъ на его голову не императорскій, а терновый вѣнецъ.

Таковы были заботы, которыя въ 1181 году наполняли умы постоянной тревогой и сомнѣніями. Тѣмъ благотворнѣе дѣйствовалъ сонъ на жителей обширной столицы; по крайней мѣрѣ, онъ изба-

влялъ ихъ на нѣсколько мгновеній отъ гнетущихъ заботъ и услаждалъ горечь настоящаго обманчивыми сновидѣніями. Мирно спали граждане Константинополя; легкій ночной вѣтерокъ нашептывалъ спящимъ слова утѣшенія и надежды.

Надежда! прекрасный даръ небесъ, утѣшеніе, ниспосланное свыше, роскошный благоуханный цвѣтокъ! Ты украшаешь тѣсный путь, гдѣ отчаяніе пустило свои корни! Блестящій лучъ, озаряющій чорныя облака печали!

Спокойно и тихо было въ городѣ; спокойствіе и тишина царили и въ императорскомъ дворцѣ, этомъ ристалищѣ честолюбія и коварства, гдѣ почивалъ слабый, невинный отрокъ, голова котораго была обременена непосильной тяжестью императорскаго вѣнца. Такая же тишина и покой господствовали на дворахъ величественнаго зданія, въ обширныхъ залахъ и переходахъ. Среди всеобщаго безмолвія мѣрно раздавались шаги вооруженныхъ людей, которымъ была вручена охрана священной особы императора.

Въ этихъ медленныхъ, монотонныхъ шагахъ было что-то холодное и безотрадное, какъ въ звукахъ колокола, сопровождающихъ грѣшника на лобное мѣсто.

Мѣрно раздавалось эхо отъ этихъ медленныхъ, монотонныхъ шаговъ, и какъ будто повторяло слышавшіяся въ нихъ слова: «Горе! горе тебѣ! о городъ святаго Константина»!

Было далеко за полночь, когда черезъ калитку втораго двора вошелъ человѣкъ и направился къ главному отдѣленію дворца, гдѣ находились палаты царственнаго отрока и его матери, правительствующей императрицы.

Этотъ человѣкъ былъ высокаго роста; онъ шелъ твердой увѣренной походкой, свидѣтельствовавшей объ его молодости. Длинный чорный плащъ, доходившій до ногъ, придавалъ всей его фигурѣ видъ привидѣнія, выступавшаго среди ночнаго полумрака.

Человѣкъ прошелъ дворъ быстрыми шагами и скрылся за дверью дворца. Стоявшій на стражѣ воинъ видѣлъ, какъ онъ вошелъ во дворецъ, но не двинулся съ мѣста и молча пропустилъ его. Человѣкъ въ плащѣ прошелъ длинный рядъ корридоровъ и перистилей и остановился передъ закрытой дверью, которую охраняли два коренастыхъ солдата. Они принадлежали къ отряду дикихъ, вооруженныхъ сѣкирами варяговъ, нанимаемыхъ Комненами въ отдаленныхъ мѣстностяхъ Скандинавскаго полуострова. Изъ нихъ Комнены образовали для себя особую стражу тѣлохранителей. Варяги отличались неизмѣнной преданностью къ своему властелину и внушали немалый страхъ народу, какъ своей физической силой, такъ и тяжелой сѣкирой, бывшей ихъ единственнымъ оружіемъ.

— Все ли благополучно? — спросилъ таинственный посѣтитель одного изъ варяговъ на суровомъ языкѣ ихъ сѣверной родины.

— Все благополучно, — возразилъ воинъ.

— А императоръ?

— Почиваетъ,—отвѣтилъ лаконически варягъ.

— Ну, хорошо, впусти меня!

Дверь отворилась безъ шуму, какъ бы по мановенію магическаго жезла, и посѣтитель, сопровождаемый караульнымъ, вошелъ въ просторный покой, слабо освѣщенный голубымъ ночникомъ, привѣшаннымъ къ потолку. Большая комната была роскошно убрана тяжелыми пурпуровыми коврами и занавѣсями, на которыхъ красовалась вышитая золотомъ императорская корона. Въ углу стояла широкая постель, покрытая такой же великолѣпной драгоцѣнной тканью. На постели спалъ отрокъ, съ безмятежной улыбкой на полуоткрытыхъ губахъ, которую суевѣрный народъ приписываетъ тайной бесѣдѣ съ ангелами. На обнаженной рукѣ покоилась красивая голова, увѣнчанная длинными чорными локонами.

Спящій отрокъ былъ императоръ Алексѣй, властелинъ обширной Византійской имперіи, преемникъ стольких могущественныхъ монарховъ, сынъ Мануила, на долю котораго выпало такое опасное наслѣдство.

— Не входилъ ли кто сегодня вечеромъ въ опочивальню императора?—спросилъ вполголоса посѣтитель своего провожатаго.

— Никто, кромѣ императрицы,—возразилъ солдатъ.

— Зачѣмъ она приходила сюда?

— Она стояла нѣсколько минутъ передъ постелью, но, когда увидѣла, что императоръ почиваетъ, то удалилась изъ комнаты и не сказала ни одного слова.

— Не сказала ни одного слова!—повторилъ сквозь зубы посѣтитель, затѣмъ, обращаясь къ варягу, спросилъ его: — Не говорилъ ли чего императоръ передъ тѣмъ, какъ легъ въ постель?

— Императоръ чувствовалъ такую усталость отъ сегодняшней охоты, что, по возвращеніи, тотчасъ же легъ въ постель и даже не прикоснулся до поданныхъ кушаньевъ.

— Не бредилъ ли онъ по своему обыкновенію?

— Онъ сказалъ нѣсколько безсвязныхъ словъ, но я не понялъ ихъ, потому что они были на греческомъ языкѣ. Я разслышалъ только имя «Андроникъ», которое онъ повторилъ два или три раза.

— Андроникъ!.. Я догадываюсь, въ чемъ дѣло... Онъ, вѣроятно, видѣлъ во снѣ маленькаго Андроника, своего любимаго товарища!..

Затѣмъ послѣ довольно продолжительнаго молчанія посѣтитель снова обратился къ воину и сказалъ ему:

— Ты можешь идти, я не нуждаюсь больше въ твоихъ услугахъ.

Варягъ вышелъ изъ комнаты и заперъ за собой дверь на ключъ.

Таинственный посѣтитель подошелъ къ постели и долго смотрѣлъ на спящаго мальчика. Его строгій, холодный взглядъ становился все суровѣе и, подъ конецъ, принялъ свирѣпое выраженіе едва сдерживаемой ярости.

— Андроникъ!... — пробормоталъ онъ. — Знаю, мнѣ ли не знать, кого ты призываешь!—того жалкаго Андроника, который изъ глубины изгнанія, въ далекой Азіи, не перестаетъ мечтать объ императорской коронѣ, но я употреблю всѣ средства, чтобы лишить его возможности приносить вредъ... Неосторожное дитя!—добавилъ онъ, обращаясь къ спящему: — ты призываешь себѣ на помощь Андроника? Тебѣ и въ голову не приходитъ, что этотъ человѣкъ твой злѣйшій врагъ. Все это плоды наушничества людей, которыхъ не слѣдовало бы пускать за порогъ дворца!

Онъ бросилъ еще разъ холодный взглядъ, полный ненависти на спящаго императора, затѣмъ вынулъ изъ-подъ плаща золотой ключъ, отворилъ имъ небольшую дверь въ противоположной стѣнѣ и исчезъ за нею какъ тѣнь.

Ночной посѣтитель, выйдя изъ императорской опочивальни, очутился въ узкомъ темномъ проходѣ, въ концѣ котораго была дверь. Онъ отворилъ ее другимъ ключемъ и вошелъ скорыми шагами въ ярко освѣщенную комнату. Это была великолѣпная зала, украшенная дорогой мебелью. Посреди стоялъ золотой столъ и четыре высокихъ кресла, обитыхъ богатой пурпуровой тканью, со спинками, на которыхъ блестѣла золотая императорская корона. Восемь большихъ оконъ, освѣщавшихъ днемъ эту залу, были завѣшаны длинными пурпуровыми занавѣсями съ золотой вышитой каймой. Четыре большихъ зеркала во всю высоту залы украшали стѣны. На правой сторонѣ у одного изъ оконъ стоялъ изящный столъ; на немъ лежало нѣсколько бумагъ и раскрытый планъ столицы. Богатые персидскіе ковры покрывали полъ; двѣнадцать большихъ золотыхъ свѣтильниковъ освѣщали яркимъ свѣтомъ обширный покой.

Загадочный посѣтитель, передъ которымъ такъ легко и въ такой поздній часъ открывались двери императорскаго дворца, остановился среди комнаты и окинулъ ее взглядомъ. Зала была пуста.

— Никого? — воскликнулъ онъ съ нетерпѣніемъ. — А вѣдь ей было извѣстно, что я пріиду, и она обѣщала, что будетъ ждать меня! Надѣюсь, что не презрѣніе причиной такой небрежности. Развѣ она можетъ презирать меня? Она!.. Ей ли пренебрегать мною?.. Нѣтъ! это не вѣроятно!—добавилъ онъ, и на губахъ его появилась ироническая улыбка. — Быть можетъ, она не знаетъ, что я здѣсь.

Онъ подошелъ къ одной изъ боковыхъ дверей, находящихся по обѣимъ сторонамъ главнаго входа, и два раза постучался въ нее.

Дверь тотчасъ же отворилась, и въ ярко освѣщенную залу вошла высокая, статная женщина.

Она была въ томъ цвѣтущемъ возростѣ, когда женская красота достигаетъ наибольшаго развитія; на ней было великолѣпное платье и богатыя украшенія на шеѣ и рукахъ. Ея величественная осанка, исполненная достоинства походка и болѣе всего увѣ-

«На прощанье», стихотвореніе (тамъ же, 1872 г., кн. 3).
«Попытка не шутка», повѣсть (тамъ же, 1873 г., кн. 1).
«Марко Фоскарини», драма въ пяти дѣйствіяхъ и десяти картинахъ, сочиненіе Казиміра Залѣвскаго, переводъ съ польскаго, Спб., 1877 г., 31 стр. и пять рисунковъ.
«Воскресенье», деревенская поэма Владислава Сырокомли, переводъ съ польскаго (Дѣло, 1881 г., кн. 11).
«Иллюминація», стихотвореніе изъ Сырокомли (Наблюдатель, 1882 г., кн. 2).
«Перлы таланта», стихотвореніе (Художественный Журналъ, 1882 г., кн. 2).
«Молчаніе поэта», стихотвореніе изъ Сырокомли (Дѣло, 1882 г., кн. 4).
«Осторожный художникъ», очеркъ изъ міра забитыхъ талантовъ (Художественный Журналъ, 1882 г., кн. 4 и 5).
«Самородокъ», поэма изъ сельскаго быта (тамъ же, 1882 г., кн. 8).
«Документы», стихотвореніе изъ Сырокомли (Вѣкъ, 1882 г., кн. 11).
«Изъ перловъ чешской поэзіи» (Художественный Журналъ, 1882 г., кн. 12).
«Уличный букинистъ», стихотвореніе изъ Сырокомли (Наблюдатель, 1883 г., кн. 1).
«Пѣсни жизни», собраніе оригинальныхъ и переводныхъ стихотвореній, Спб., 1883 г.

Ѳеодосій, въ мірѣ Михаилъ Шаповаленко[1]), родился въ Херсонской губерніи (1811 г.), воспитывался въ екатеринославской семинаріи и Кіевской духовной академіи; по окончаніи курса въ послѣдней со степенью магистра (1839 г.), былъ постриженъ въ монашество и назначенъ инспекторомъ переяславской (1843 г.) и кіевской (1845 г.) семинарій; затѣмъ, возведенный въ санъ архимандрита, опредѣленъ ректоромъ кременецкой семинаріи и настоятелемъ Загаецкаго Іоанна Милостиваго монастыря (1848 г.), ректоромъ переяславской семинаріи и настоятелемъ полтавскаго Кресто-Воздвиженскаго монастыря (1852 г.), наконецъ, ректоромъ воронежской семинаріи и настоятелемъ тамошняго Алексѣевскаго Акатова монастыря (1861 г.); хиротонисанный въ санъ архіерея (1-го сентября 1863 года), назначенъ епископомъ тамбовскимъ и шацкимъ, потомъ (съ 13-го іюня 1873 года)—епископомъ вологодскимъ и устюжскимъ; на послѣдней каѳедрѣ имъ полученъ санъ архіепископа (съ 15-го мая 1883 г.); † 22-го августа въ Тотьмѣ. Его «Рѣчь св. синоду при нареченіи во епископа тамбовскаго» напечатана въ «Христіанскомъ Чтеніи» (1863 г., ч. III).

Ѳивейскій, Александръ Павловичъ[2]), сынъ священника села Байловскаго, близь Мологи, Ярославской губерніи, родился въ 1839 году, воспитывался въ ярославской семинаріи, изъ которой, какъ лучшій воспитанникъ, былъ посланъ въ Московскую духовную академію; но съ перваго же академическаго курса перешелъ

[1]) См. «Московскія Церковныя Вѣдомости», 1883 г., № 39.
[2]) О немъ: «Московскія Церковныя Вѣдомости», 1884 г., № 7; «Историческая Записка о пятидесятилѣтіи московской 2-й гимназіи», М., 1885 г., стр. 203 и 222.

ни одно императорское повелѣніе не могло быть приведено въ исполненіе, если онъ, протосевастосъ, не скрѣпитъ его своей подписью, которая должна заключаться въ слѣдующихъ словахъ, написанныхъ зелеными чернилами: «Быть по сему». Марія, страстная, увлекающаяся женщина, воспылала любовью къ племяннику своего супруга; и эта любовь въ непродолжительномъ времени всецѣло предала ее въ его руки. Ея чувство было на столько сильно, что послѣ смерти императора она возлелѣяла честолюбивый планъ надѣть императорскій вѣнецъ на своего возлюбленнаго. Единственнымъ препятствіемъ къ этому былъ ея сынъ, императоръ, и она, ослѣпленная страстью, прибѣгла къ помощи яда, чтобы привести въ исполненіе свой преступный замыселъ. Но врачи успѣли во время открыть опасность и спасли жизнь коронованнаго отрока. Хотя этотъ случай остался втайнѣ, но Марія рѣшила удалиться въ монастырь съ твердымъ намѣреніемъ провести здѣсь остатокъ дней своихъ, подъ именемъ сестры Ксеніи. Подобное рѣшеніе разрушило бы всѣ планы протосевастоса. Ему нужно было удержать при себѣ эту женщину, которая была дорога его сердцу и какъ императрица служила послушнымъ орудіемъ его честолюбивыхъ стремленій.

Таковы были условія, при которыхъ эти двѣ личности встрѣтились ночью въ императорскомъ дворцѣ, гдѣ царственный отрокъ покоился сномъ невинности.

— Ты изнемогаешь, Марія?—повторилъ Алексѣй Комненъ:— ты, мужественная, непоколебимая Марія!...

— Что дѣлать!—воскликнула она дрожащимъ голосомъ.—Прошли тѣ дни, когда я наслаждалась спокойствіемъ, и мужество не оставляло меня. Съ нѣкотораго времени меня мучатъ тяжелыя предчувствія. Тяжелъ и удушливъ воздухъ въ этомъ царскомъ жилищѣ. Я задыхаюсь въ этихъ стѣнахъ и сожалѣю, что оставила монастырь, гдѣ меня ожидало мирное, спокойное существованіе.

— Марія,—сказалъ Алексѣй Комненъ, бросивъ на нее пристальный взглядъ,—моя Марія сожалѣетъ о рѣшеніи, отъ котораго зависѣло мое счастье? Можетъ ли она говорить мнѣ такія обидныя слова? Неужели Марія разлюбила меня?....

Какая женщина можетъ выслушать равнодушно подобныя слова отъ любимаго человѣка, въ особенности, когда они произнесены тѣмъ заискивающимъ нѣжнымъ тономъ, какой Алексѣй Комненъ умѣлъ придать своему голосу.

— Можетъ ли Марія,—добавилъ онъ:—считать жертвой, что она оставила монастырь, чтобы вернуться въ мои объятія? Развѣ она считаетъ жертвой, что дѣлитъ со мной заботы и труды правленія?

— Увы, Алексѣй, тяжелы бразды правленія. Не легко дается это искусство. Всюду препятствія, всюду терніи и затрудненія.

Эти затрудненія ростутъ съ каждымъ днемъ, и я не вижу исхода. Императоръ еще ребенокъ. Много пройдетъ времени, пока онъ научится управлять государствомъ!

— И ты не радуешься этому, Марія?—сказалъ Алексѣй Комненъ:—не радуешься, что передъ нами длинный, открытый путь? Неужели ты желаешь, чтобы мы теперь же разстались съ властью и были устранены, какъ лишняя утварь. Я не узнаю тебя, Марія. Откуда эта боязнь? Какъ ты измѣнилась!

— Я уже говорила тебѣ, Алексѣй, что мрачныя предчувствія овладѣли мной!—возразила она, съ трудомъ удерживая слезы.—У меня нѣтъ прежняго довѣрія къ себѣ. Предо мною рисуется печальная будущность, исполненная бѣдствій и опасностей.

— Ты разсуждаешь, какъ женщина,—сказалъ Алексѣй Комненъ, съ легкой усмѣшкой, стараясь придать своему голосу спокойную увѣренность, которой далеко не чувствовалъ на дѣлѣ.— Посмотримъ, на сколько основательны твои предчувствія. Сообщи мнѣ, въ чемъ состоятъ они; мы взвѣсимъ ихъ и убѣдимся: дѣйствительно ли существуютъ всѣ тѣ бѣдствія и опасности, которыя рисуются твоему воображенію.

— Оставь иронію, Алексѣй, къ чему этотъ насмѣшливый тонъ!— возразила Марія печальнымъ голосомъ.—До шутокъ ли въ такое тяжелое время!.... Въ народѣ ропотъ и волненія; народъ стонетъ подъ гнетомъ тяжелыхъ налоговъ. Онъ считаетъ насъ виновниками всѣхъ своихъ бѣдствій и приписываетъ намъ это положеніе дѣлъ.

— Въ народѣ ропотъ?—возразилъ Алексѣй Комненъ.—Когда же не ропщетъ народъ? Предоставь ему всѣ блага земныя, и онъ будетъ попрежнему недоволенъ. Какъ бы ни былъ великъ гнетъ налоговъ, кто же спрашиваетъ объ этомъ народъ? Пока власть въ нашихъ рукахъ, никто не осмѣлится оспаривать у насъ право налагать подати по нашему усмотрѣнію. Народъ желаетъ отмѣны податей? И прекрасно! Мы удвоимъ ихъ.

— Народъ жалуется,—добавила Марія:—что мы не заботимся объ его благосостояніи и проматываемъ на празднества и пиры общественныя деньги, заработанныя имъ въ потѣ лица.

— Неужели ты воображаешь, Марія, что когда нибудь прекратится зависть и ненависть бѣдняковъ къ богатымъ и сильнымъ? Повѣрь, что народъ, который привѣтствуетъ тебя радостными криками, при каждомъ твоемъ появленіи, охотно сгребъ бы своими ногтями съ лица земли этотъ дворецъ, если бы только представилась малѣйшая возможность.

— Народъ въ отчаяніи обратился къ помощи изгнаннаго Андроника, которому Мануилъ имѣлъ неосторожность даровать жизнь въ припадкѣ, ничѣмъ необъяснимой, душевной слабости. Къ Андронику отправлены послы, которые отъ имени народа должны про-

сить его вернуться изъ Азіи, ради общаго спасенія. Слышалъ ли ты объ этомъ, Алексѣй?

— Мнѣ все извѣстно, Марія. Я знаю всѣ ихъ козни, а также ихъ тщетныя надежды. Но это не страшитъ меня. Андроникъ слишкомъ уменъ, чтобы сдвинуться съ мѣста, тѣмъ болѣе, что я имѣю полную возможность принудить его къ этому.

— Наконецъ, я должна сказать тебѣ, — продолжала она, бросивъ на протосевастоса взглядъ, исполненный любви: — что меня собственно всего больше безпокоитъ и приводитъ въ трепетъ то обстоятельство, что весь гнѣвъ и ненависть народа обращены противъ тебя.

— Неужели ты думаешь, что лай собакъ можетъ испугать льва?—воскликнулъ Алексѣй Комненъ, гордо поднявъ свою красивую голову.—Чернь нашей столицы слишкомъ ничтожна, чтобы я могъ бояться ея! Страхъ несовмѣстимъ съ презрѣніемъ! Я слишкомъ хорошо знаю эту чернь, знаю ея затаенные помыслы и настроеніе. Народъ вопитъ и ропщетъ. Почему? Потому, что онъ лишенъ публичныхъ зрѣлищъ, въ видѣ звѣриной травли, которыми мой покойный дядя умѣлъ держать его въ повиновеніи. Доставьте ему снова тѣ же кровавыя увеселенія—и его ропотъ и крики сразу прекратятся. Въ этомъ заключается вся наука управлять народами. Повѣрь, Марія, что если бы всѣ монархи, существующіе на землѣ, обладали искусствомъ занять народъ и умѣли бы потворствовать его похотямъ, то не было бы ни смутъ, ни государственныхъ переворотовъ.

— Ты храбръ и неустрашимъ, Алексѣй, — сказала она, взявъ его за руку.—Тебя нельзя упрекнуть въ недостаткѣ мужества. Я всегда знала тебя такимъ, и поэтому неизмѣнно любила тебя. Но ты не долженъ обманывать себя относительно мнимаго добродушія нашего народа. За этой толпой, которая шныряетъ на улицахъ и площадяхъ изъ празднаго любопытства или по дѣлу, скрываются опасные враги, которые побуждаютъ ее къ неповиновенію. Я не стану называть ихъ; они также хорошо извѣстны тебѣ, какъ и мнѣ. Не пренебрегай моимъ совѣтомъ и слѣди за ними шагъ за шагомъ, потому что эти враги, которые дѣйствуютъ во тьмѣ, за нашей спиной, несравненно опаснѣе открытыхъ противниковъ... Передъ твоимъ приходомъ я разсматривала этотъ планъ,—добавила Марія, указывая на раскрытый планъ столицы: — и мнѣ пришло въ голову, что было бы всего разумнѣе, если бы мы оставили этотъ уединенный дворецъ и переселились въ Августеонъ, который находится по близости храма св. Софіи. Тамъ, въ центрѣ города, намъ было бы легче слѣдить за движеніями нашихъ враговъ и принять мѣры противъ всякихъ попытокъ къ возстанію.

— Пусть будетъ по-твоему! — возразилъ Алексѣй Комненъ. — Я ничего не имѣю противъ этого. Перенесеніе императорскаго

двора въ болѣе людный кварталъ города смутить нашихъ кичливыхъ враговъ. Завтра же будутъ сдѣланы всѣ необходимыя распоряженія для переѣзда двора въ новое помѣщеніе.

— Видѣлъ ли ты императора? — спросила Марія послѣ нѣкотораго молчанія.

— Да, я былъ въ опочивальнѣ императора передъ тѣмъ, какъ войдти сюда, и нашелъ его спящимъ.

— Его сонъ не показался ли тебѣ тревожнымъ?

— Онъ спалъ крѣпкимъ сномъ, какъ всѣ дѣти его возроста.

— Продолжительная охота на столько утомила его, что онъ тотчасъ легъ въ постель. Такое напряженіе силъ должно истощать его молодое тѣло.

— Я вижу, Марія, что относительно его ты исполняешь въ точности мои предписанія. Мы должны постоянно утомлять его непосильными физическими упражненіями, чтобы умъ его оставался празднымъ и не научился думать. Физическая усталость мѣшаетъ свободѣ мысли. Только этимъ путемъ мы можемъ постоянно держать императора въ нашей власти.

— На сколько это зависитъ отъ моей воли, то я, разумѣется, никогда не отступлю отъ начертаннаго тобою плана дѣйствій.

— Я въ особенности посовѣтовалъ бы тебѣ, Марія, — продолжалъ Алексѣй Комненъ:—по возможности устранять патріарха и, на сколько это будетъ въ твоей власти, не допускать его посѣщеній. Я ненавижу стараго длиннополаго Ѳеодосія; онъ можетъ однимъ словомъ уничтожить и обратить въ прахъ зданіе, воздвигнутое нами съ такимъ трудомъ. Слѣдуетъ, во всякомъ случаѣ держать этого сѣдовласаго монаха подальше отъ императора.

— Онъ часто является сюда, но передъ нимъ рѣдко отворяются двери. Варяги давно уже получили соотвѣтствующія инструкціи; они сами не долюбливаютъ его и презираютъ какъ священника не ихъ вѣры, и поэтому неохотно пускаютъ его во дворецъ.

— Всякій разъ,—сказалъ Алексѣй Комненъ:—когда онъ явится сюда, чтобы поговорить съ императоромъ, присутствуй при ихъ бесѣдѣ, Марія. Ты понимаешь, какое пагубное вліяніе можетъ имѣть на мальчика хитрый патріархъ. Нужно найдти какой нибудь благовидный предлогъ, чтобы удалить изъ столицы этого опаснаго монаха, такъ какъ его присутствіе становится съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе вреднымъ. Императоръ Мануилъ возвелъ его въ высшій церковный санъ, и поэтому онъ считаетъ себя вправѣ выступить въ качествѣ защитника его сына. Но старикъ сильно ошибается; онъ скоро убѣдится, что времена Мануила прошли безвозвратно, что онъ самъ не болѣе, какъ церковный владыка, могущество котораго ограничено церковью и не должно простираться на императорскій дворецъ...

Сквозь тяжелыя занавѣси проникъ слабый лучъ дневнаго свѣта, возвѣщавшій наступленіе новаго дня.

Алексѣй Комненъ быстро поднялся съ мѣста и накинулъ на себя широкій плащъ. Марія съ привѣтливой улыбкой протянула ему свою бѣлую руку, которую протосевастосъ почтительно поднесъ къ губамъ; затѣмъ сообщники разстались. Алексѣй Комненъ вышелъ изъ залы черезъ ту дверь, въ которую вошелъ; императрица удалилась въ свои покои.

Протосевастосъ, проходя мимо двухъ караульныхъ варяговъ, сказалъ имъ: «Будьте неотлучно во дворцѣ, друзья мои»!—Съ этими словами онъ плотнѣе прежняго завернулся въ свой плащъ, еще разъ взглянулъ на большія окна пріемной залы императрицы и, проскользнувъ въ ворота перваго двора, скоро исчезъ въ тѣсныхъ и безмолвныхъ улицахъ Константинополя.

II.

Шутъ Цинцифицій.

Обширная площадь Августеона, занимавшая все протяженіе отъ храма св. Софіи до императорскаго дворца, отъ котораго она получила свое названіе, была наполнена густой и пестрой толпой народа. Хотя на этой площади, бывшей центромъ столицы, постоянно толпились люди всѣхъ классовъ, но, тѣмъ не менѣе, сегодняшнее стеченіе народа представляло собой нѣчто необычайное. Изъ всѣхъ улицъ, примыкавшихъ къ площади, двигалась сплошная масса людей, за которой слѣдовала, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, еще болѣе многочисленная толпа. Всѣ бѣжали, стремились куда-то, повидимому, не зная даже причины такой поспѣшности. Люди во всѣхъ странахъ міра и во всѣхъ климатахъ одни и тѣ же: суетливы и любопытны. Эти два характерныхъ свойства были развиты у константинопольцевъ въ болѣе усиленной степени, нежели у какого либо другаго народа. Они жадно ловили всякій случай, чтобы собраться на улицѣ или площади для безконечныхъ толковъ о политикѣ.

Вотъ бѣжитъ купецъ, чтобы узнать отъ сосѣда или кого нибудь изъ знакомыхъ о случившемся: любопытство заставило его не въ урочное время опустить ставню своей лавки. Въ другомъ мѣстѣ, среди улицы, стоитъ съ важной миной учитель и старается уяснить себѣ смыслъ отдѣльныхъ долетавшихъ до него фразъ. Тамъ коренастый матросъ, покинувъ свой корабль, стоящій на якорѣ, стремительно проталкивается черезъ толпу; здѣсь остановился празд-

ный обыватель, вся жизнь котораго проходитъ внѣ дома; онъ смотритъ съ разинутымъ ртомъ на прохожихъ.

Въ толпѣ слышались различные вопросы:—Что случилось?—спрашивали одни другихъ.—Что за причина такого необычайнаго стеченія народа? Куда бѣжитъ народъ?..

Широкоплечій матросъ съ коричневымъ загорѣлымъ лицомъ и засученными рукавами, достигнувъ площади, съ недоумѣніемъ оглядывался по сторонамъ, не зная куда идти. Наконецъ, онъ обратился къ одному изъ стоявшихъ около него и сказалъ:

— Не можешь ли ты объяснить мнѣ, что̀ случилось сегодня и что̀ означаетъ эта огромная толпа людей? Чуть ли не весь городъ столпился сюда. Вотъ уже часъ, какъ я не могу допытаться причины этой толкотни.

— Развѣ ты не здѣшній, что дѣлаешь подобный вопросъ?—возразилъ тотъ, кого спрашивали.

— Хотя я родился и выросъ въ Константинополѣ, — замѣтилъ матросъ,—но я, всетаки: не понимаю, въ чемъ дѣло.

— Изволь, я объясню тебѣ. Дѣло самое простое и естественное. Нашъ императоръ переселился сегодня со всей своей свитой въ этотъ дворецъ, который мы видимъ передъ собой.

— Нечего сказать, важное событіе!—воскликнулъ матросъ, пожимая плечами.—Не стоило изъ-за этого оставлять корабль...

— Ты ошибаешься, мой другъ, событіе это имѣетъ весьма важное значеніе,—продолжалъ словоохотливый собесѣдникъ.—Влахернскій дворецъ, въ которомъ до сихъ поръ жилъ императоръ, наполненъ въ настоящее время привидѣніями; каждый вечеръ на крышу его садится какая-то ночная птица, каркаетъ и стонетъ. Знаешь ли, что означаетъ это карканье? Оно предвѣщаетъ несчастіе и смерть!..

— Неужели?

— Я повторяю то, что слышалъ отъ другихъ. Вотъ причина, почему императрица, которая горячо любитъ своего сына, уговорила его переселиться сюда.

— Понимаю,—возразилъ матросъ, съ недовѣрчивой улыбкой.— Но какое дѣло народу до всего этого?

— Ты видишь, народъ находится въ ожиданіи. Дѣло въ томъ, что мудрецы и ученые, которые читаютъ въ большихъ книгахъ, объявили, что ночная птица прилетитъ и къ этому дворцу и также сядетъ на крышу. Вотъ народъ и собрался сюда, чтобы видѣть зловѣщую птицу.

— Ну, этому не бывать! Развѣ народъ думаетъ остаться на улицѣ до поздняго вечера, чтобы подкараулить птицу?

— Не съ твоимъ умомъ объяснять такія мудреныя вещи! — возразилъ съ гнѣвомъ разсказчикъ.—Вернись лучше на свой корабль и посмотри: въ порядкѣ ли у тебя всѣ паруса и канаты....

Матросъ разсердился, въ свою очередь, и хотѣлъ сказать какую-то дерзость, но тутъ со стороны дворца послышался громкій крикъ: «Смотрите! смотрите!».

Всѣ взоры обратились на крышу императорскаго дворца, но тамъ не видно было ничего особеннаго.

Затѣмъ снова раздались голоса: «Онъ идетъ! Вотъ онъ!». Толпа бросилась въ разныя стороны; тѣ, которые были ниже ростомъ, поднимали головы, но и на этотъ разъ нигдѣ не замѣтно было ничего новаго.

Наконецъ, всѣ устремились къ центру площади, гдѣ давка была всего больше. Отсюда слышались повторяемые крики: «Смотрите! Смотрите! Идетъ! Онъ идетъ!».

Теперь уже никто изъ присутствующихъ не смотрѣлъ на крышу дворца, потому что для всѣхъ было очевидно, что предметъ, возбуждавшій общее любопытство, находился на землѣ.

Вслѣдъ затѣмъ толпа раздвинулась полукругомъ и раздались восклицанія: «Цинцифицій! Цинцифицій!».

На средину образовавшагося пустаго пространства вышелъ человѣкъ, или, вѣрнѣе сказать, уродливое, человѣкоподобное существо, смѣло смотрѣвшее на толпу.

Это былъ безобразный карликъ, съ необыкновенно большой головой, кривыми плечами, густыми растрепанными волосами и съ красноватымъ, безбородымъ лицомъ. Онъ былъ босой; одеждой для него служили пестрыя лохмотья, висѣвшія на его тѣлѣ. Во всей его наружности было нѣчто непріятное и отталкивающее, но въ единственномъ глазѣ (другой былъ косой и полузакрытъ) просвѣчивалъ такой недюжинный умъ, что въ этомъ глазѣ какъ будто сосредоточилась вся духовная сила и жизнь обиженнаго природой карлика.

Это уродливое существо, возбуждавшее въ такой степени общее любопытство, былъ Цинцифицій, извѣстный константинопольскій шутъ, который проводилъ цѣлые дни на улицахъ и площадяхъ города, гдѣ служилъ потѣхой для взрослыхъ и составлялъ предметъ страха для маленькихъ дѣтей. Достаточно было сказать: «Идетъ Цинцифицій!»—чтобы непослушное дитя въ испугѣ бросилось искать защиты на рукахъ матери или кормилицы. Цинцифицій былъ на столько извѣстенъ и популяренъ въ Константинополѣ, что вельможи и высшіе сановники имперіи не разъ предлагали доставить ему спокойное и надежное убѣжище въ одномъ изъ императорскихъ дворцовъ. Но Цинцифицій отказался отъ этихъ лестныхъ предложеній. Онъ предпочиталъ свою независимость всѣмъ почестямъ и видному общественному положенію, и поэтому рѣшилъ остаться среди народа, къ которому принадлежалъ по рожденію.

Ему были извѣстны всѣ вопросы дня; нерѣдко онъ говорилъ рѣчи подъ открытымъ небомъ, передъ многочисленной толпой слу-

шателей, и его рѣчи были не только переполнены остроуміемъ и мѣткими намеками, но отличались той безъискусственной простотой и ясностью, которая неотразимо дѣйствуетъ на массу.

Цинцифицій не получилъ образованія, но обладалъ той врожденной быстротой ума, которая не пріобрѣтается ни воспитаніемъ, ни путемъ изученія, и составляетъ достояніе немногихъ избранныхъ натуръ. Онъ былъ всей душой преданъ императору Мануилу, который однажды спасъ его изъ рукъ разсвирѣпѣвшихъ варяговъ, во время народнаго мятежа. Цинцифицій перенесъ эту преданность и почитаніе на сына и преемника Мануила, и ненавидѣлъ коварнаго и жестокаго протосевастоса. Этотъ не разъ пытался прибѣгнуть къ насилію, чтобы принудить къ молчанію любимаго народнаго оратора, но всѣ подобныя попытки кончились ничѣмъ, такъ какъ шуту удалось избѣгнуть козней опаснаго противника.

— Цинцифицій! Цинцифицій! — кричали со смѣхомъ присутствующіе, тѣснясь около карлика.

Но едва Цинцифицій сдѣлалъ знакъ, что намѣренъ говорить, какъ шумѣвшая толпа сразу умолкла и точно окаменѣла.

Также спокойно и молча сидятъ зрители въ театрѣ въ тотъ моментъ, когда поднимается занавѣсь.

Цинцифицій бросилъ на толпу долгій, пытливый взглядъ; лицо его оживилось; толстыя губы улыбались. Онъ поднялъ свою широкую руку съ длинными ногтями, загнутыми какъ когти хищной птицы, и заговорилъ хриплымъ голосомъ, который глухо раздавался точно изъ пустой бочки.

— Счастливые обитатели Константинополя, вы оказываете мнѣ немалую честь, слѣдуя за мной на эту площадь, чтобы послушать мою рѣчь. Повѣрьте, что такое рвеніе съ вашей стороны придаетъ мнѣ мужество, и я считаю себя великаномъ. Я чувствую, какъ увеличивается мой ростъ по мѣрѣ того, какъ усиливается ваше любопытство. Жалѣю только, что не имѣю десять ртовъ вмѣсто одного, чтобы имѣть возможность говорить въ десяти различныхъ мѣстахъ, чтобы всѣ могли слышать меня.

— Мы слушаемъ! Мы всѣ слушаемъ!—воскликнуло нѣсколько голосовъ.—Не останавливайся, Цинцифицій!

— Вамъ извѣстно, что я люблю васъ, константинопольцы,—продолжалъ шутъ.—Да и могу ли я не любить васъ. Развѣ я не родился въ этомъ городѣ и не выросъ здѣсь? Развѣ вы всѣ мнѣ не братья? Да, я вашъ братъ и у насъ одна мать. Вы знаете, кого я называю нашей матерью. Нашу родину, нашъ прекрасный, святой городъ, дорогой всѣмъ намъ. И, такъ какъ мы всего охотнѣе говоримъ о томъ, что намъ дорого, то сегодня я буду говорить вамъ, мои дорогіе братья, о нашей общей матери, которая съ нѣкотораго времени обречена на безконечныя страданія. Развѣ всѣ мы, преданныя любящія дѣти, не обязаны защитить и поддержать нашу мать?

— Цинцифицій говоритъ правду! Онъ правъ! — воскликнуло нѣсколько человѣкъ изъ толпы.

— Я назвалъ васъ счастливыми,—продолжалъ шутъ.—Вы дѣйствительно счастливы; можетъ ли кто нибудь считать себя несчастнымъ, принадлежа къ городу, который даетъ веселіе и блаженство своимъ жителямъ и составляетъ цѣль томительныхъ стремленій чужеземцевъ? Если желаете, то я могу подтвердить свои слова примѣромъ? Слушайте: вы всѣ знаете варяговъ, коренастыхъ тѣлохранителей императора, которые прибыли сюда изъ своихъ снѣжныхъ странъ и, найдя здѣсь теплое солнце, хорошую обильную пищу, не желаютъ больше покидать этотъ земной рай. Я добавлю, друзья мои, что у этихъ господъ даже явилась твердая рѣшимость остаться здѣсь до конца жизни. Они говорятъ, что мертвымъ лучше лежать въ могилѣ, нежели живымъ людямъ жить на ихъ родинѣ, окутанной снѣгомъ и туманами. Надѣюсь, что вы поняли теперь, почему я назвалъ васъ счастливцами...

Въ толпѣ раздался громкій хохотъ.

— Не смѣйтесь, братья мои,—сказалъ шутъ.—Наступили печальныя времена слезъ и вздоховъ; намъ теперь не до смѣху... Я привелъ вамъ примѣръ варяговъ, чтобы вы убѣдились, на сколько чужеземцы дорожатъ нашей страной. Въ морѣ водятся маленькія устрицы, которыхъ мы называемъ морскими свинками. Гдѣ только у морскаго берега окажется безопасная, освѣщенная солнцемъ скала, то эти маленькія животныя прилѣпляются къ ней, и съ такой силой, что ихъ можно соскоблить только съ помощью желѣзныхъ орудій. Подобныя же устрицы существуютъ и на сушѣ. Вы понимаете, что я подъ этимъ разумѣю варяговъ. Между ними, друзья мои, та разница, что маленькія морскія животныя совсѣмъ безвредны и не имѣютъ другихъ желаній, какъ провести спокойно свое кратковременное существованіе, а гдѣ заведутся человѣкообразныя устрицы, тамъ онѣ стараются все захватить себѣ — почести, деньги, должности... Эти-то живущія на землѣ устрицы и не даютъ мнѣ покою. Онѣ лишаютъ меня сна по ночамъ; отъ нихъ вся кровь приливаетъ у меня къ головѣ. Когда я вижу, какъ они важничаютъ съ своими тяжелыми сѣкирами, то я какъ будто чувствую тяжесть ихъ оружія на моей головѣ. Мысль о нихъ терзаетъ меня и днемъ, и ночью...

Тутъ одинъ изъ стоявшихъ въ первыхъ рядахъ толпы, дослушавъ съ величайшимъ вниманіемъ рѣчь шута, обратился къ нему и сказалъ:

— Знаешь ли что, Цинцифицій?—мнѣ кажется, что не такъ трудно отдѣлаться отъ устрицъ, сидящихъ на нашей шеѣ. Стоитъ тебѣ только явиться къ императору и заявить, что эти люди стали намъ въ тягость; и его доброе сердце укажетъ ему средства избавить насъ отъ нихъ!

— Все это было бы исполнимо, мой другъ,—возразилъ карликъ:— если бы только я имѣлъ возможность получить доступъ къ императору. Но нашего бѣднаго монарха такъ усердно оберегаютъ, что весьма немногіе могутъ видѣть его. По крайней мѣрѣ, что касается меня лично, то я не могу сказать навѣрняка: ходитъ ли онъ на ногахъ, какъ всѣ люди, или какъ нибудь иначе!

— А между тѣмъ, — продолжалъ тотъ же человѣкъ: — наши государи были всегда любимы народомъ. Я помню, что покойный императоръ Мануилъ разговаривалъ на улицѣ съ первымъ встрѣченнымъ.

— Несомнѣнно, Алексѣй послѣдовалъ бы примѣру своего отца,— возразилъ Цинцифицій: — если бы это было въ его власти.—Но его держатъ въ заключеніи!—раздалось изъ толпы.

— Да, онъ находится въ заключеніи, друзья мои!—продолжалъ Цинцифицій.—Нашего императора держатъ взаперти, какъ птицу въ клѣткѣ. Правда, его клѣтка сдѣлана изъ золота, но что же изъ этого? Она, всетаки, клѣтка. Можетъ ли птица вылетѣть изъ нея? Разумѣется, нѣтъ! значитъ, птица лишена свободы... Теперь весь вопросъ въ томъ: кто лишилъ ее свободы и съ какой цѣлью дѣлается это?

Толпа, наполнявшая обширную площадь, все увеличивалась; вновь прибывшіе, не имѣя возможности видѣть или слышать что либо, стали явно высказывать свое нетерпѣніе. Тогда стоящіе въ первыхъ рядахъ, которымъ все было видно и слышно, стали роптать на шумѣвшихъ и требовать, чтобы они замолчали. Между тѣми и другими произошелъ обмѣнъ бранныхъ словъ и можно было ожидать серьёзной стычки, какъ изъ толпы послышался громкій возгласъ:

— Поднимите выше Цинцифиція, чтобы всѣ могли видѣть и слышать его!

Это предложеніе, примирившее интересы враждующихъ сторонъ, было тотчасъ же принято; и изъ ближайшаго виннаго погреба прикатили большую пустую бочку, на которую вскарабкался Цинцифицій.

Но едва взволнованная толпа увидѣла надъ собой большую голову и уродливую фигуру карлика, какъ со всѣхъ сторонъ раздался громкій хохотъ. Теперь всѣ могли видѣть популярнаго оратора и слышать его. Цинцифицій бросилъ быстрый, неуловимый взглядъ на императорскій дворецъ и продолжалъ прерванную рѣчь:

— Я хотѣлъ было, друзья мои, назвать вамъ того, который держитъ птицу въ золотой клѣткѣ. Но я не стану называть его. Нѣтъ! Это было бы слишкомъ смѣло, потому что даже воздухъ, окружающій насъ, имѣетъ уши! Я опишу вамъ его примѣты. Это человѣкъ высокаго роста, съ бородой чорной, какъ вороново крыло, съ глазами такими же свирѣпыми, какъ у тигра; этотъ человѣкъ

всего ближе къ престолу; днемъ и ночью всѣ двери императорскаго дворца открыты для него.

— Это протосевастосъ! — воскликнула толпа.

— Вы тотчасъ узнали его,—сказалъ Цинцифицій.—Да, это онъ! вы не ошиблись!.. Теперь разрѣшите мнѣ еще болѣе легкую задачу: какимъ способомъ могъ этотъ человѣкъ соединить подобную власть въ своихъ рукахъ и представить собой какъ бы государство въ государствѣ? Извѣстно, что люди становятся великими и могущественными или благодаря своему мужеству, или рѣдкому уму. Бывали примѣры, что храбрые, неустрашимые солдаты пріобрѣтали императорскую корону на полѣ битвы, что люди, богато одаренные умственными способностями, достигали господства надъ своими собратьями. Теперь посмотримъ, что̀ способствовало возвышенію этого человѣка. Онъ прибѣгнулъ къ болѣе вѣрному и простому средству, а именно воспользовался для своихъ цѣлей привязанностью женщины, которая сдѣлалась послушнымъ орудіемъ его воли. Эта женщина — вдова Мануила, мать нынѣшняго императора. Они двое: этотъ человѣкъ и эта женщина, непоколебимые въ своемъ союзѣ, задумали сорвать вѣнецъ съ головы нашего императора и надѣть его на собственную голову. Они не успокоятся, пока не достигнутъ своей цѣли. Можемъ ли мы допустить такую вопіющую несправедливость? Неужели мы останемся безмолвными свидѣтелями такого наглаго насилія?

— Нѣтъ! нѣтъ!—крикнула толпа.—Скорѣе смерть, нежели подобный позоръ!

— Скорѣе смерть!—продолжалъ съ воодушевленіемъ Цинцифицій:—я также скажу: скорѣе смерть! Но, братья мои, одного желанія недостаточно, нужна возможность выполнить его. Вамъ, вѣроятно, не разъ приходилось видѣть большую муху, которая кружится надъ паутиной, собираясь порвать ее: она можетъ сдѣлать это, пока пользуется свободой; но если паукъ опутаетъ муху паутиной, то мухѣ конецъ, она навсегда погибла. Мы находимся въ настоящую минуту въ положеніи этой мухи. То, что намъ слѣдуетъ дѣлать, должно быть сдѣлано немедленно, потому что, если насъ захватитъ паукъ, то мы погибли, друзья мои. Дерево должно быть отрублено у самаго корня, пока оно не принесло пагубныхъ плодовъ. Хватитъ ли у васъ на это воли и мужества? Если да, то примемся за дѣло, не теряя ни минуты. Освободимъ пойманную птицу, чтобы она могла летать и наслаждаться чистымъ воздухомъ! Докажемъ всему свѣту, что мы достойные потомки древнихъ византійцевъ, которые приводили въ трепетъ своихъ враговъ и заставляли весь міръ удивляться имъ. Впередъ! Братья! за насъ Господь! Долой разбойниковъ! Долой наемниковъ! Наша злополучная родина взываетъ о помощи! Впередъ!

Едва Цинцифицій произнесъ эти послѣднія слова, какъ на обширной площади раздались тысячи голосовъ: «Да здравствуетъ нашъ милостивый императоръ и повелитель! Да здравствуетъ Алексѣй! Ура!»

Толпа, наполнявшая обширную площадь, заволновалась, подобно морю, дикая и грозная въ своей ярости.

Мрачныя и неподвижныя, какъ безстрастные судьи, смотрѣли большія закрытыя окна императорскаго дворца на внезапное возмущеніе.

Между тѣмъ Цинцифицій исчезъ въ густой толпѣ, которая, потерявъ изъ виду руководителя, служившаго для нея центромъ, бросилась въ разныя стороны, готовая преодолѣть всѣ преграды на своемъ пути, подобно пугливой, невзнузданной лошади.

Но тутъ внезапно отворилось одно изъ оконъ дворца, и на темномъ фонѣ пустаго образовавшагося пространства появилось разгнѣванное угрожающее лицо протосевастоса. Онъ былъ блѣднѣе обыкновеннаго, глаза его, устремленные на стоявшую внизу толпу, имѣли полупрезрительное, вызывающее выраженіе.

— Протосевастосъ! Грабитель! Долой этихъ разбойниковъ! Долой тирановъ! — раздалось со всѣхъ сторонъ; и взоры нѣсколькихъ тысячъ людей обратились на открытое окно.

Протосевастосъ поднялъ руку, съ угрожающимъ жестомъ, и сказалъ громкимъ голосомъ, обращаясь къ народу:

— Кто далъ вамъ право шумѣть передъ этимъ дворцомъ, гдѣ находится священный императорскій тронъ? Кто осмѣливается нарушать спокойствіе нашего милостиваго монарха? Безумцы! Развѣ васъ не страшитъ гнѣвъ вашего повелителя и вы забыли, что онъ можетъ обратить противъ васъ копья и мечи своихъ вѣрныхъ слугъ. Не воображаете ли вы, что добьетесь чего нибудь своими криками! Прочь отсюда и очистите немедленно эту площадь! Прочь! Иначе вамъ будетъ плохо!..

Эти угрожающія слова и, въ особенности, смѣлый рѣшительный тонъ, какимъ они были сказаны, магически подѣйствовали на толпу; и мало-по-малу площадь стала пустѣть.

Народная толпа вездѣ одна и та же. Мужество и присутствіе духа непосредственно дѣйствуютъ на массу. Не трудно побудить народъ къ возстанію, но подчасъ достаточно одного слова, чтобы успокоить его. Равнымъ образомъ, ставьте какія угодно преграды, чтобы остановить потокъ, и, тѣмъ не менѣе, всегда можно ожидать, что потокъ преодолѣетъ эти искусственныя препятствія. Но, если вы предоставите его собственному теченію, то потокъ обратится въ спокойную, глубокую рѣку, которая современемъ изольетъ избытокъ своихъ водъ въ океанъ.

Въ это время двое людей вышли изъ храма св. Софіи и направились къ срединѣ площади.

Одинъ изъ нихъ былъ храбрый полководецъ Андроникъ Лапардасъ, который былъ извѣстенъ всему столичному населенію своими военными подвигами и пользовался общей любовью и уваженіемъ въ арміи. На видъ ему казалось лѣтъ около пятидесяти; на немъ была бѣлая парадная одежда византійскихъ военачальниковъ; онъ держалъ въ рукѣ драгоцѣнный мечъ, пріобрѣтенный имъ цѣною блестящихъ побѣдъ. Его спутникъ былъ Іоаннъ Каматеръ, градоначальникъ столицы, человѣкъ рѣдкаго ума, посѣдѣвшій на службѣ своей родины.

Эти двое людей были свидѣтелями только-что происходившей сцены; они видѣли постыдное удаленіе народа и наглую, вызывающую физіономію протосевастоса.

— Меня удивляютъ наши соотечественники,—сказалъ Лапардасъ съ иронической улыбкой.—Достаточно было этому лживому фигляру сказать нѣсколько словъ, чтобы они разсѣялись на всѣ четыре стороны.

— Твой приговоръ слишкомъ легкомысленъ, Андроникъ, и лишенъ основанія; ты не подозрѣваешь, на чтὸ способенъ нашъ народъ. Въ лагерѣ тебѣ приходилось имѣть дѣло только съ людьми, носящими оружіе; и поэтому ты смотришь съ предубѣжденіемъ на константинопольцовъ, которыхъ я хорошо знаю и уже много лѣтъ. Если хочешь получить понятіе о томъ, что они дѣйствительно думаютъ и чувствуютъ, то скажи имъ нѣсколько словъ, чтобы ободрить ихъ, и ты увидишь неожиданное для тебя превращеніе.

Мужественный Лапардасъ былъ глубоко возмущенъ трусливымъ отступленіемъ народной толпы; поэтому онъ поспѣшилъ воспользоваться совѣтомъ своего товарища и, обращаясь къ бѣгущимъ, крикнулъ имъ громкимъ голосомъ, какимъ привыкъ говорить въ подобныхъ случаяхъ на полѣ битвы.

— Давно ли вы, граждане Константинополя, обратились въ трусливыхъ бабъ! Вы ведете себя, какъ безсмысленныя овцы, которыхъ гонятъ то въ ту, то въ другую сторону! Неужели васъ могли напугать слова этого честолюбиваго злодѣя, который, разсчитывая на вашу снисходительность, не знаетъ мѣры своему высокомѣрію и расточаетъ общественныя деньги? Вы знаете меня, граждане Константинополя: я — Лапардасъ! Вы видите эти шрамы — слѣды ранъ, полученныхъ при защитѣ нашего общаго отечества. Ваше сегодняшнее поведеніе вызвало краску стыда на моемъ лицѣ. Долго ли вы будете выносить подобный позоръ? Неужели вы допустите, чтобы этотъ человѣкъ могъ хвалиться легкой побѣдой въ глубинѣ своего испорченнаго сердца? Устыдитесь такого позора!..

Казалось, что многочисленная удалявшаяся толпа только ожидала этихъ словъ, чтобы снова хлынуть на площадь еще болѣе дикимъ и грознымъ потокомъ. Рѣчь Лапардаса была искрой, воспламенившей тлѣвшій кратеръ.

Эти затрудненія ростутъ съ каждымъ днемъ, и я не вижу исхода. Императоръ еще ребенокъ. Много пройдетъ времени, пока онъ научится управлять государствомъ!

— И ты не радуешься этому, Марія?—сказалъ Алексѣй Комненъ:—не радуешься, что передъ нами длинный, открытый путь? Неужели ты желаешь, чтобы мы теперь же разстались съ властью и были устранены, какъ лишняя утварь. Я не узнаю тебя, Марія. Откуда эта боязнь? Какъ ты измѣнилась!

— Я уже говорила тебѣ, Алексѣй, что мрачныя предчувствія овладѣли мной!—возразила она, съ трудомъ удерживая слезы.—У меня нѣтъ прежняго довѣрія къ себѣ. Предо мною рисуется печальная будущность, исполненная бѣдствій и опасностей.

— Ты разсуждаешь, какъ женщина,—сказалъ Алексѣй Комненъ, съ легкой усмѣшкой, стараясь придать своему голосу спокойную увѣренность, которой далеко не чувствовалъ на дѣлѣ.— Посмотримъ, на сколько основательны твои предчувствія. Сообщи мнѣ, въ чемъ состоятъ они; мы взвѣсимъ ихъ и убѣдимся: дѣйствительно ли существуютъ всѣ тѣ бѣдствія и опасности, которыя рисуются твоему воображенію.

— Оставь иронію, Алексѣй, къ чему этотъ насмѣшливый тонъ!— возразила Марія печальнымъ голосомъ.—До шутокъ ли въ такое тяжелое время!.... Въ народѣ ропотъ и волненія; народъ стонетъ подъ гнетомъ тяжелыхъ налоговъ. Онъ считаетъ насъ виновниками всѣхъ своихъ бѣдствій и приписываетъ намъ это положеніе дѣлъ.

— Въ народѣ ропотъ?—возразилъ Алексѣй Комненъ.—Когда же не ропщетъ народъ? Предоставь ему всѣ блага земныя, и онъ будетъ попрежнему недоволенъ. Какъ бы ни былъ великъ гнетъ налоговъ, кто же спрашиваетъ объ этомъ народъ? Пока власть въ нашихъ рукахъ, никто не осмѣлится оспаривать у насъ право налагать подати по нашему усмотрѣнію. Народъ желаетъ отмѣны податей? И прекрасно! Мы удвоимъ ихъ.

— Народъ жалуется,—добавила Марія:—что мы не заботимся объ его благосостояніи и проматываемъ на празднества и пиры общественныя деньги, заработанныя имъ въ потѣ лица.

— Неужели ты воображаешь, Марія, что когда нибудь прекратится зависть и ненависть бѣдняковъ къ богатымъ и сильнымъ? Повѣрь, что народъ, который привѣтствуетъ тебя радостными криками, при каждомъ твоемъ появленіи, охотно сгребъ бы своими ногтями съ лица земли этотъ дворецъ, если бы только представилась малѣйшая возможность.

— Народъ въ отчаяніи обратился къ помощи изгнаннаго Андроника, которому Мануилъ имѣлъ неосторожность даровать жизнь въ припадкѣ, ничѣмъ необъяснимой, душевной слабости. Къ Андронику отправлены послы, которые отъ имени народа должны про-

вистнаго протосевастоса, не въ силахъ были оказывать дальнѣйшаго противодѣйствія. Между тѣмъ горожане, ободряемые сознаніемъ своихъ правъ, ежеминутно получали новыя подкрѣпленія со стороны вооруженнаго народа, который стремился сюда со всѣхъ, даже самыхъ отдаленныхъ, частей города.

Наконецъ, ряды тѣлохранителей были прорваны и толпа хлынула неудержимымъ потокомъ во дворецъ, требуя съ шумомъ и криками протосевастоса.

Этотъ, предвидя заранѣе исходъ неравнаго боя, спасся бѣгствомъ черезъ небольшую боковую дверь и поспѣшилъ въ свое жилище, гдѣ надѣялся найдти для себя болѣе безопасный пріютъ, чѣмъ въ императорскомъ дворцѣ.

Одинъ изъ варяговъ, видѣвшій его въ моментъ бѣгства, сообщилъ объ этомъ ворвавшейся толпѣ; и тотчасъ же дикій, грозный потокъ устремился въ ту сторону, гдѣ находилось жилище ненавистнаго человѣка.

Толпа осадила домъ, и протосевастосъ Алексѣй Комненъ попалъ въ ея руки.

— Убейте его! Киньте въ море! Выколите ему глаза!—таковы были угрозы, которыя слышались со всѣхъ сторонъ и долетали до ушей трепетавшей жертвы.

Но въ тотъ моментъ, когда толпа собиралась вывести изъ дому протосевастоса и предать мести его разъяренныхъ враговъ, вошелъ Лапардасъ.

— Вы одержали блистательную побѣду, — сказалъ онъ, обращаясь къ людямъ, охранявшимъ протосевастоса: — не омрачайте ее смертоубійствомъ. Мы имѣемъ законы, которымъ обязаны повиноваться. Судите этого человѣка по законамъ и, если вы найдете, что онъ достоинъ смерти, то казните его. Не произносите сами надъ нимъ приговора; отдайте его въ руки правосудія.... Тебя ли я вижу несчастный,—продолжалъ Лапардасъ, обращаясь къ протосевастосу:—ты пренебрегалъ волей народа; ты попиралъ ногами его права, въ увѣренности, что имѣешь дѣло съ рабами. Теперь ты испытываешь на себѣ всю тягость мстительной десницы Божьей! Пойми это, дерзкій, жестокосердый человѣкъ! Да проститъ тебѣ небо всѣ тѣ бѣдствія, какія ты причинилъ нашей странѣ.

Такимъ образомъ, въ нѣсколько мгновеній гордый протосевастосъ былъ свергнутъ съ высшей ступени могущества и счастья въ глубочайшую пропасть злополучія и безсилія. Сопровождаемый грозными криками разсвирѣпѣвшаго народа, онъ оставилъ свое роскошное жилище, въ которое ему больше не суждено было вернуться.

III.

Андроникъ Комненъ.

Въ то время, какъ въ Константинополѣ происходили вышеописанныя кровавыя сцены, на холмахъ, окаймляющихъ азіатскій берегъ Босфора, замѣтно было необычайное оживленіе; все носило характеръ какой-то особенной торопливой дѣятельности.

На этихъ холмахъ были раскинуты сотни разноцвѣтныхъ палатокъ, расположенныхъ двумя длинными рядами. Передъ палатками виднѣлись пестрыя группы воиновъ, изъ которыхъ одни чистили и приводили въ порядокъ оружіе; другіе были заняты приготовленіемъ пищи. Всѣ они время отъ времени посматривали въ ту сторону, гдѣ вдали виднѣлась столица, какъ бы ожидая оттуда какихъ либо условленныхъ знаковъ или призыва.

Это былъ боевой лагерь Андроника Комнена, изгнаннаго Андроника, который не могъ долѣе выносить тягость насильственнаго удаленія отъ родины и двинулся къ столицѣ съ избраннымъ войскомъ, чтобы, по его словамъ, спасти юнаго монарха и вырвать городъ изъ когтей кровожадныхъ волковъ. Едва услыхалъ онъ о смерти Мануила, какъ началъ дѣлать приготовленія къ дальнѣйшему походу, къ которому побуждали его, съ одной стороны, не разъ повторяемыя заявленія многочисленныхъ друзей и приверженцевъ въ Константинополѣ, а съ другой—ненасытное, снѣдавшее его честолюбіе. Онъ таилъ въ глубинѣ души давнюю непримиримую вражду къ своимъ противникамъ, которые, достигнувъ могущества, были главными виновниками его изгнанія.

Андроникъ двинулся къ Константинополю, какъ для удовлетворенія своей мести, такъ и съ тою цѣлью, чтобы взять на себя опекунство надъ царственнымъ отрокомъ, согласно клятвѣ, нѣкогда произнесенной имъ въ присутствіи Мануила. Во главѣ хорошо обученной и преданной ему арміи, онъ поспѣшно прошелъ Никею и Никомидію и приблизился къ берегамъ Босфора, наканунѣ того самаго дня, когда совершилось паденіе протосевастоса. Здѣсь, въ непосредственной близости къ столицѣ, онъ раскинулъ свои палатки и ждалъ благопріятнаго момента для достиженія давно желанной цѣли.

Дальній походъ, предпринятый Андроникомъ, былъ своего рода тріумфальнымъ шествіемъ; вездѣ встрѣчали его съ привѣтствіями, какъ избавителя. Жители провинцій видѣли въ немъ единственный якорь спасенія; его появленіе наполняло радостью всѣ сердца; съ каждымъ днемъ увеличивалось общее воодушевленіе и вѣра въ успѣхъ его дѣла.

Естественно, что и жители Константинополя, испытавшіе на себѣ всѣ бѣдствія дурнаго правленія, увидѣли съ неописанною радостью развѣвавшіяся знамена Андроника и сторожевые огни, которые засвѣтились въ лагерѣ съ наступленіемъ ночи. Эти огни, мерцавшіе вдали, были для нихъ спасительными маяками, предвѣщавшими желанную пристань. Со всѣхъ сторонъ къ нему протягивались руки съ мольбой; вездѣ произносили его имя и радостно привѣтствовали его появленіе.

Но Босфоръ, представлявшій естественную и почти непреодолимую преграду, все еще отдѣлялъ Андроника отъ города его надеждъ и мечтаній, потому что ему не доставало флота, бывшаго въ распоряженіи могущественнаго протосевастоса, который этимъ могъ положить предѣлъ его тріумфальному шествію.

Начальство надъ флотомъ было поручено князю Контостефану, который считался лучшимъ морякомъ того времени и, по слухамъ, былъ всей душой преданъ протосевастосу. Контостефанъ, получивъ соотвѣтствующія приказанія, снялся съ якоря, чтобы слѣдить вблизи за движеніями непріятеля, такъ что протосевастосу, въ виду такой надежной охраны, нечего было безпокоиться за свою безопасность.

Таково было положеніе дѣлъ въ то утро, когда въ городѣ произошли вышеописанныя сцены.

Среди множества разноцвѣтныхъ палатокъ особенно выдѣлялась по высотѣ и великолѣпному убранству богатая палатка Андроника; она состояла изъ обширной залы и четырехъ комнатъ, отдѣленныхъ одна отъ другой дорогими персидскими занавѣсями.

У круглаго стола, стоявшаго посреди залы, сидѣлъ Андроникъ и его два вѣрнѣйшихъ приверженца Стефанъ Агіохристофоритъ и Константинъ Трипсихъ, которые дѣлили съ нимъ всѣ превратности его безпокойной жизни и были преданы ему душой и тѣломъ. У ногъ Андроника лежала неподвижно огромная чорная собака, его неразлучная спутница, постоянно слѣдовавшая за нимъ, какъ тѣнь. Эта собака была на столько сильна, что въ состояніи была выдержать борьбу со львомъ, почему и получила кличку «Лео».

Андронику было около шестидесяти лѣтъ; его мужественная поступь и высокая величественная фигура придавали ему сходство съ древней крѣпостной башней. При этомъ у него была та бодрая, исполненная достоинства осанка, которая съ годами является у военныхъ людей вслѣдствіе трудной боевой жизни. Его верхняя одежда была фіолетоваго цвѣта и доходила до колѣнъ, покрывая руки до локтей. На головѣ Андроника была надѣта пирамидальная шляпа, которая, при своей остроконечной формѣ, еще больше увеличивала его высокій ростъ. Его небольшіе глаза отличались необыкновенной подвижностью; въ нихъ просвѣчивалъ тотъ своеобразный блескъ, который служитъ безошибочнымъ признакомъ

пылкихъ, дикихъ страстей; въ то же время въ этихъ глазахъ было нѣчто блуждающее и пытливое, чтó почти всегда показываетъ крайнюю недовѣрчивость къ людямъ.

На столѣ передъ Андроникомъ лежалъ топографическій планъ столицы, который онъ внимательно разсматривалъ съ своими приверженцами, сообщая имъ время отъ времени свои замѣчанія.

Озабоченныя лица этихъ трехъ людей ясно показывали, что они собрались не для дружеской бесѣды: между ними происходилъ родъ военнаго совѣта.

— Такимъ образомъ оказывается, — сказалъ Андроникъ, обращаясь къ сидѣвшему направо отъ него Стефану Агіохристофориту:— что дѣйствительно Контостефанъ лично командуетъ флотомъ.

— Да, это извѣстіе вполнѣ подтвердилось,—возразилъ Агіохристофоритъ.—Говорятъ, что протосевастосъ, имѣя основательныя причины не довѣрять Контостефану, хотѣлъ сначала поручить начальство надъ флотомъ которому нибудь изъ проживающихъ здѣсь иностранныхъ моряковъ, но завистливый и честолюбивый Контостефанъ возсталъ противъ этого и получилъ мѣсто, принадлежавшее ему по праву. Флотъ уже снялся съ якоря.

— Конечно, онъ получилъ отъ протостевастоса строжайшія приказанія,—сказалъ Андроникъ.

— Приказанія, которыя онъ навѣрно не думаетъ приводить въ исполненіе!—замѣтилъ сидѣвшій налѣво Трипсихъ.

— Кто можетъ поручиться за это?—сказалъ Андроникъ, слегка пожавъ плечами.—Я не придаю особеннаго значенія увѣреніямъ Контостефана; у него самый непостоянный характеръ и, чтò еще хуже, онъ отличается крайнимъ корыстолюбіемъ, а протосевастосъ уже многихъ расположилъ въ свою пользу съ помощью денегъ. Весьма возможно, что ему также удалось купить содѣйствіе Контостефана...

— Несомнѣнно, протосевастосъ могъ бы подкупить его,—прервалъ Трипсихъ:—если бы его собственное могущество не висѣло на волоскѣ. Но Контостефанъ достаточно хитеръ и знаетъ, что ему нѣтъ разсчета поддерживать своими плечами подгнившее зданіе, которое должно неизбѣжно раздавить его въ своемъ паденіи.

— Какъ бы то ни было, — продолжалъ Андроникъ послѣ нѣкотораго молчанія:—этотъ вопросъ скоро разъяснится. Вамъ извѣстно, что я послалъ сказать Контостефану, что ожидаю его прибытія въ лагерь. Если онъ явится сюда, то это будетъ служить доказательствомъ, что онъ предоставляетъ протосевастоса его судьбѣ; въ противномъ случаѣ, ему придется нести послѣдствія своего упорства.

— Ты, князь, долженъ имѣть въ виду,—сказалъ Агіохристофоритъ:—что всѣ классы населенія глубоко ненавидятъ протосевастоса, въ чемъ можно убѣдиться даже изъ того радушнаго пріема, какой всегда былъ оказанъ нашимъ посланнымъ со стороны жителей

столицы. Это облегчаетъ нашу задачу и поможетъ исполненію дальнѣйшихъ плановъ. Нападеніе извнѣ и внутреннія смуты будутъ способствовать нашей окончательной побѣдѣ.

— У меня нѣтъ никакихъ сомнѣній относительно исхода этого дѣла,—возразилъ Андроникъ.—Но я чувствую такое горячее и неудержимое желаніе скорѣе вступить на почву столицы, что каждая минута замедленія кажется мнѣ цѣлой вѣчностью... Говорю безъ преувеличенія, друзья мои, что я испытываю муки Тантала. Можетъ ли быть что либо ужаснѣе, какъ находиться передъ этимъ городомъ, видѣть осуществленіе своей лучшей мечты, почти касаться рукой цѣли многолѣтнихъ стремленій—и оставаться здѣсь въ полномъ бездѣйствіи. Я старше тебя, Стефанъ, но кровь течетъ быстрѣе въ моихъ жилахъ. У тебя своеобразная натура, Стефанъ; въ самые важные моменты жизни ты можешь казаться холоднымъ и безчувственнымъ. Я знаю, что ты не таковъ въ дѣйствительности, и имѣю возможность ежедневно убѣждаться въ этомъ; но ничто не въ состояніи нарушить твоего внѣшняго спокойствія и заставить потерять терпѣніе.

— Все, что нарушаетъ мой покой, страшитъ меня,—сказалъ Агіохристофоритъ:—я боюсь сердечныхъ порывовъ, не провѣренныхъ разсудкомъ. Хорошо, если перевѣсъ на сторонѣ головы, и сердце повинуется ей. Я, государь, принадлежу къ школѣ тѣхъ философовъ, которые считаютъ голову вмѣстилищемъ души. Разсудокъ, по моему мнѣнію, долженъ руководить всѣми нашими дѣйствіями. Влеченіе сердца часто бываетъ обманчиво, и горе тому человѣку, который слѣдуетъ только внушеніямъ своего сердца!

— Да, Стефанъ, я знаю, что ты практическій человѣкъ въ полномъ значеніи слова,—сказалъ, улыбаясь, Андроникъ.—Я давно постигъ тебя и, какъ видишь, слѣдую твоимъ совѣтамъ, потому что знаю, что они составляютъ результатъ глубокаго размышленія. Что касается меня лично, то, къ сожалѣнію, я слишкомъ часто слѣдовалъ порывамъ моего сердца,—добавилъ Андроникъ, съ глубокимъ вздохомъ, бросивъ мимолетный взглядъ на обоихъ собесѣдниковъ. Затѣмъ онъ снова обратилъ все свое вниманіе на открытый планъ города и сказалъ послѣ нѣкотораго молчанія:— Теперь поговоримъ о нашемъ дѣлѣ; по моему убѣжденію, площадь Гипподрома должна быть главнымъ центромъ нашей дѣятельности; я уже высказывалъ это вчера Трипсиху, и онъ находитъ мой взглядъ вполнѣ правильнымъ.

— Я не раздѣляю этого мнѣнія, князь,—возразилъ Агіохристофоритъ:—потому что, взвѣсивъ съ разныхъ сторонъ занимающій насъ вопросъ, я пришелъ къ заключенію, что всего проще и надежнѣе считать такимъ центромъ площадь Августеона передъ храмомъ св. Софіи. Эта площадь, такъ сказать, сердце столицы; отсюда по разнымъ улицамъ, какъ бы по главнымъ артеріямъ, стре-

мится во всѣхъ направленіяхъ жизнь и движеніе: если намъ удастся овладѣть этимъ центральнымъ пунктомъ, этимъ центромъ столицы, то мы овладѣемъ и всѣми остальными сочлененіями. Кромѣ того, храмъ св. Софіи самъ по себѣ представитъ для насъ крѣпкую и вѣрную позицію со своими каменными стѣнами и воротами, которыхъ ничто не можетъ сокрушить; наконецъ, въ случаѣ неудачи, внутренность храма будетъ служить надежнымъ убѣжищемъ.

— Я не предполагаю, чтобы наше дѣло могло окончиться неудачей!—сказалъ Андроникъ, вставъ съ своего мѣста.

— Кто хочетъ обезпечить за собой успѣхъ,—возразилъ спокойно Агіохристофоритъ:—тотъ долженъ постоянно имѣть въ виду неудачу. Весьма важно для него, что изъ всѣхъ частей города въ Софійскомъ кварталѣ сосредоточены наиболѣе смѣлые граждане и непримиримые враги протосевастоса. Теперь выяснилось ли для тебя, князь, важное значеніе этой позиціи?

— Ты правъ, Стефанъ,—сказалъ Андроникъ, послѣ минутнаго раздумья:—я считаю твои доводы вполнѣ основательными. Площадь Августеона должна быть нашимъ сборнымъ пунктомъ. Теперь перейдемъ къ обсужденію нашихъ дальнѣйшихъ дѣйствій.

— Это будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ,—отвѣтилъ Агіохристофоритъ.—Планъ дѣйствій очень простъ и не требуетъ дальнѣйшаго развитія. Сущность нашей программы заключается въ томъ, чтобы занять площадь Августеона, укрѣпить храмъ св. Софіи, призвать гражданъ къ оружію и взять въ плѣнъ протосевастоса и его приверженцевъ, послѣ чего оставалось бы только явиться въ Филопатіумъ къ императору.

— Рѣшено и покончено!—добавилъ Андроникъ съ довольной улыбкой.

Въ эту минуту слегка зашевелилась занавѣсь одного изъ отдѣленій палатки, и появилась широкоплечая фигура воина, который остановился неподвижно у входа. Большая чорная собака открыла глаза и глухо заворчала.

— Что тебѣ нужно, Ѳеодоръ?—спросилъ Андроникъ вошедшаго.

— На морскомъ берегу высадилось нѣсколько вооруженныхъ людей, они направляются къ палаткамъ.

— Много ли ихъ?—спросилъ Андроникъ.

— Всего человѣкъ десять.

— Это, должно быть, Контостефанъ,—воскликнулъ Андроникъ съ сіяющимъ лицомъ:—съ его приходомъ разсѣятся послѣднія сомнѣнія!

Едва выговорилъ онъ эти слова, какъ за палаткой послышался шумъ смѣшанныхъ голосовъ.

Андроникъ вышелъ изъ палатки съ своими двумя вѣрными

— Цинцифицій говоритъ правду! Онъ правъ! — воскликнуло нѣсколько человѣкъ изъ толпы.

— Я назвалъ васъ счастливыми,—продолжалъ шутъ.—Вы дѣйствительно счастливы; можетъ ли кто нибудь считать себя несчастнымъ, принадлежа къ городу, который даетъ веселіе и блаженство своимъ жителямъ и составляетъ цѣль томительныхъ стремленій чужеземцевъ? Если желаете, то я могу подтвердить свои слова примѣромъ? Слушайте: вы всѣ знаете варяговъ, коренастыхъ тѣлохранителей императора, которые прибыли сюда изъ своихъ снѣжныхъ странъ и, найдя здѣсь теплое солнце, хорошую обильную пищу, не желаютъ больше покидать этотъ земной рай. Я добавлю, друзья мои, что у этихъ господъ даже явилась твердая рѣшимость остаться здѣсь до конца жизни. Они говорятъ, что мертвымъ лучше лежать въ могилѣ, нежели живымъ людямъ жить на ихъ родинѣ, окутанной снѣгомъ и туманами. Надѣюсь, что вы поняли теперь, почему я назвалъ васъ счастливцами...

Въ толпѣ раздался громкій хохотъ.

— Не смѣйтесь, братья мои,—сказалъ шутъ.—Наступили печальныя времена слезъ и вздоховъ; намъ теперь не до смѣху... Я привелъ вамъ примѣръ варяговъ, чтобы вы убѣдились, на сколько чужеземцы дорожатъ нашей страной. Въ морѣ водятся маленькія ус трицы, которыхъ мы называемъ морскими свинками. Гдѣ только у морскаго берега окажется безопасная, освѣщенная солнцемъ скала, то эти маленькія животныя прилѣпляются къ ней, и съ такой силой, что ихъ можно соскоблить только съ помощью желѣзныхъ орудій. Подобныя же устрицы существуютъ и на сушѣ. Вы понимаете, что я подъ этимъ разумѣю варяговъ. Между ними, друзья мои, та разница, что маленькія морскія животныя совсѣмъ безвредны и не имѣютъ другихъ желаній, какъ провести спокойно свое кратковременное существованіе, а гдѣ заведутся человѣкообразныя устрицы, тамъ онѣ стараются все захватить себѣ — почести, деньги, должности... Эти-то живущія на землѣ устрицы и не даютъ мнѣ покою. Онѣ лишаютъ меня сна по ночамъ; отъ нихъ вся кровь приливаетъ у меня къ головѣ. Когда я вижу, какъ они важничаютъ съ своими тяжелыми сѣкирами, то я какъ будто чувствую тяжесть ихъ оружія на моей головѣ. Мысль о нихъ терзаетъ меня и днемъ, и ночью...

Тутъ одинъ изъ стоявшихъ въ первыхъ рядахъ толпы, дослушавъ съ величайшимъ вниманіемъ рѣчь шута, обратился къ нему и сказалъ:

— Знаешь ли что, Цинцифицій?—мнѣ кажется, что нетакъ трудно отдѣлаться отъ устрицъ, сидящихъ на нашей шеѣ. Стоитъ тебѣ только явиться къ императору и заявить, что эти люди стали намъ въ тягость; и его доброе сердце укажетъ ему средства избавить насъ отъ нихъ!

Моя палатка къ вашимъ услугамъ, очень радъ, что могу оказать вамъ гостепріимство.

Контостефанъ и сопровождавшіе его люди, отвѣсивъ низкіе поклоны, вошли въ богато убранную палатку. Затѣмъ Андроникъ отдалъ Трипсиху различныя приказанія для пріема и угощенія гостей.

Солнце уже совершило половину своего дневнаго пути, жара становилась все удушливѣе. Въ лагерѣ господствовала тишина; утомленные воины предавались послѣобѣденному отдыху. Агіохристофоритъ, Трипсихъ и остальные военачальники удалились изъ княжеской палатки. Андроникъ остался одинъ; у ногъ его лежалъ вѣрный Лео.

Андроникъ время отъ времени искалъ уединенія, чтобы на свободѣ предаться своимъ мыслямъ. Въ эти часы одиночества его дѣятельному уму живо представлялись различныя обстоятельства его прошлой жизни, исполненной всякихъ волненій; онъ старался вывести изъ нихъ заключенія о неизвѣстной ожидавшей его будущности. Это были для него часы усиленной умственной дѣятельности, потому что послѣ всѣхъ испытанныхъ имъ превратностей судьбы, послѣ того, какъ онъ, могущественный владѣтельный князь и родственникъ императора, внезапно очутился въ жалкомъ положеніи изгнанника, размышленіе обратилось ему въ привычку. У него были свои затаенныя думы, которыя онъ скрывалъ даже отъ своихъ товарищей и приверженцевъ. Это были часы, когда Андроникъ былъ наединѣ съ Андроникомъ.

— Вотъ, наконецъ, — сказалъ онъ самому себѣ: — передо мной великолѣпный городъ съ его семью холмами; сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я удалился изъ него тайкомъ, какъ преступникъ, подъ прикрытіемъ ночи; теперь я у цѣли моихъ желаній. Видъ этого города пробуждаетъ странныя ощущенія въ моемъ сердцѣ. Предо мной проходятъ различныя событія моей жизни... Лучшая мечта моя обращается въ осязательную дѣйствительность... Узкій морской проливъ отдѣляетъ меня отъ цѣли, узкая полоса воды, которую можно переплыть въ легкомъ челнокѣ. Тамъ ожидаютъ меня съ распростертыми объятіями; они видятъ въ моемъ прибытіи свое спасеніе и готовятъ царскій пріемъ. Но эта ли только цѣль моихъ желаній? Сдѣлаться опекуномъ царскаго отрока? Быть невидимой рукой, которая направитъ первые шаги этого ребенка? Вотъ завидная участь, достойная Андроника! Неужели я долженъ сдѣлаться слугой и рабомъ властелина! Я, Андроникъ Комненъ, посѣдѣвшій въ жизненной борьбѣ, когда я имѣю всѣ права на императорскую корону!.. У меня достаточно мужества и силы, чтобы уничтожить моихъ враговъ, и что можетъ принудить меня къ такому ничтожному существованію! Быть опекуномъ императора!.. Взять на себя всѣ заботы и все бремя правленія и ка-

кую выгоду извлечь изъ всего этого? Неужели я вынесъ столько страданій, провелъ столько дней въ трудахъ и опасности, чтобы окончить здѣсь жизнь въ неизвѣстности и умереть безславной смертью? Все это для того, чтобы историкъ могъ со временемъ распространиться о блестящемъ правленіи императора Алексѣя и сказать, что онъ обладалъ всѣми качествами, которыя могутъ достойно украсить властелина! Но обо мнѣ исторія будетъ умалчивать, у ней не хватитъ справедливости сказать, что Алексѣй обязанъ своимъ блестящимъ правленіемъ тому обстоятельству, что Андроникъ былъ его опекуномъ и совѣтникомъ и образовалъ изъ слабаго и неопытнаго мальчика могущественнаго искуснаго властелина. Нѣтъ! Нѣтъ! Я не хочу занимать унизительнаго положенія раба... Я буду одинъ господствовать и господствовать независимо! Я хочу самъ носить золотой императорскій вѣнецъ и управлять нераздѣльно судьбой людей. Вотъ цѣль моихъ стремленій, конечная цѣль моей жизни! Если она останется недостижимой для меня, то я напрасно жилъ, напрасно вынесъ столько тяжелаго... Но развѣ такая будущность не въ моихъ рукахъ? Почему? Развѣ каждый человѣкъ не творецъ собственной судьбы? Трусливые и малодушные люди говорятъ, что судьбой людей управляетъ провидѣніе. Я самъ буду для себя провидѣніемъ! Посмотримъ, на чей сторонѣ будетъ перевѣсъ. Если встрѣтятся препятствія, то я преодолѣю ихъ, я уничтожу людей, которые вздумали бы заградить мнѣ путь, и, хотя бы стихіи возстали противъ меня, совладаю съ самой природой! Пусть убѣдятся люди, что все на землѣ въ нашей волѣ. Стоитъ захотѣть, чтобы всего достигнуть! Много лѣтъ тому назадъ, этотъ великій принципъ сталъ для меня правиломъ жизни, которому я останусь вѣренъ до смерти. Исторія назоветъ Андроника счастливцемъ и скажетъ: его желѣзная воля преодолѣла всѣ препятствія.

Легкое колебаніе занавѣси прервало нить его размышленій. Андроникъ поднялся съ мѣста, рука его опустилась на острый кинжалъ, лежавшій на столѣ. Чорная собака оскалила зубы.

Поднялся край занавѣски, и въ палатку медленнымъ шагомъ вошелъ старикъ въ длинной, чорной одеждѣ. Голова его была почти плѣшивая, большая сѣдая борода опускалась на грудь.

— Ты ли это, Іона?—сказалъ Андроникъ, откидывая въ сторону кинжалъ лежавшій подъ его рукой.

— Это я князь,—возразилъ старикъ, подходя къ столу.—Неужели ты среди бѣлаго дня боишься измѣнническаго ножа убійцы?

— Я углубился въ свои мысли,—сказалъ Андроникъ:—и не ожидалъ твоего прихода.

— Развѣ мой приходъ можетъ удивить тебя? Не безъ цѣли приблизилъ ты меня къ своей особѣ? Я долженъ возвѣстить тебѣ сегодня нѣчто важное.

Іона былъ астрологъ, неотлучно находившійся при Андроникѣ, который обращался къ его совѣту во всѣхъ важныхъ случаяхъ жизни. Іона родился въ Малой Азіи и уже нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ посвятилъ себя изученію природы и таинственныхъ стихійныхъ силъ; онъ зналъ цѣлебныя свойства растеній, объяснялъ движеніе звѣздъ и естественныхъ явленій. Говорили даже, что онъ втеченіе двадцати лѣтъ прожилъ взаперти въ башнѣ, гдѣ велъ строгую жизнь отшельника, всецѣло посвятивъ себя астрономическимъ наблюденіямъ. Андроникъ относился съ безграничнымъ довѣріемъ къ мудрости своего астролога; не менѣе того уважали старца друзья и приверженцы князя и видѣли въ немъ оракула. Во всѣ часы дня и ночи, Іона имѣлъ свободный доступъ къ Андронику, и даже въ палаткѣ, рядомъ съ опочивальней князя, находилась комната астролога, отдѣленная отъ первой одной занавѣсью.

— Я долженъ возвѣстить тебѣ нѣчто важное,—повторилъ Іона.

— Важное, Іона? Хорошее или дурное услышу я отъ тебя?

— Моя наука, князь, не доступна простому смертному, — возразилъ старикъ, произнося отчетливо каждое слово:—простые смертные должны почитать небесныя знаменія и не пытаться объяснить себѣ ихъ значеніе. Они должны подчиняться имъ, а не разыскивать, какая сила дѣйствуетъ въ нихъ. Тебѣ извѣстно, Андроникъ, что голова моя посѣдѣла за изученіемъ небесныхъ знаменій и, все-таки, я долженъ откровенно сознаться передъ тобой, что бываютъ явленія, которыя я самъ не могу уяснить себѣ.

— Это предисловіе, Іона, наводитъ меня на мысль, что ты пришелъ съ дурными вѣстями, — сказалъ Андроникъ: — твой торжественный тонъ и серьёзная рѣчь тревожатъ меня. Говори, объясни, въ чемъ дѣло.

— Ты находишь меня, князь, слишкомъ серьёзнымъ? Когда же видѣлъ ты меня инымъ? Можетъ ли человѣкъ оставаться веселымъ, занимаясь изученіемъ небесныхъ знаменій. Мы, люди, въ сравненіи съ величіемъ вселенной, не болѣе, какъ жалкіе черви, ничтожныя горчичныя зерна!.. Слушай, Андроникъ. Въ прошлую ночь я стоялъ у открытаго окна и смотрѣлъ на небо. Ночь была тихая, тысячи созвѣздій блестѣли на безоблачномъ небѣ. Я наблюдалъ за нѣкоторыми хорошо извѣстными мнѣ звѣздами, и мнѣ казалось, что онѣ движутся и описываютъ на небесной тверди разныя фантастическія фигуры. Было уже за полночь. Между этими звѣздами одна звѣзда превосходила всѣ остальныя величиной и блескомъ и какъ бы властвовала надъ окружающими свѣтилами. Но тутъ, на востокѣ внезапно показался яркій свѣтъ, принявшій въ слѣдующую минуту форму огненнаго шара; этотъ шаръ пересѣкъ небесный сводъ и направился къ блестящей звѣздѣ. Немного погодя, огненный шаръ покрылъ собою звѣзду и остался какъ

будто пригвожденнымъ къ ней. Все небо озарилось свѣтомъ. Затѣмъ, шаръ началъ снова подниматься, но на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде сверкала звѣзда, царила глубокая ночь; спутники звѣзды также исчезли. Огненный шаръ быстро пронесся по другой сторонѣ небеснаго склона и затѣмъ опустился въ море, и море окрасилось въ багровый цвѣтъ, точно налитое кровью. Это продолжалось всего нѣсколько мгновеній, и все покрылось мракомъ. Блестящая звѣзда и ея спутники исчезли навѣки.

— Какое странное видѣніе! — сказалъ Андроникъ, выслушавъ молча разсказъ астролога:—теперь посмотримъ, какъ ты объяснишь мнѣ его!

— Неужели необходимо какое нибудь объясненіе? Чего могъ ты не понять въ этомъ, князь? О, немощь людская! Все объясняется легко и просто. Лучезарная звѣзда, окруженная спутниками, — императоръ Алексѣй; огненный шаръ, пересѣкающій небесный сводъ и затемнившій свѣтъ звѣзды своимъ яркимъ блескомъ, это — ты, Андроникъ, котораго слава затмитъ величіе императора. При твоемъ появленіи меркнетъ блескъ императорской короны, исчезаютъ второстепенныя свѣтила, окружающія тронъ. Понимаешь ли ты теперь, что̀ означаетъ это видѣніе?

— Понимаю, — отвѣтилъ Андроникъ. — Но мнѣ кажется необъяснимымъ погруженіе шара въ море и багровый цвѣтъ воды.

— Преклонись, князь, передъ небеснымъ знаменіемъ, — сказалъ астрологъ серьёзнымъ тономъ: — довольствуйся тѣмъ объясненіемъ, какое доступно тебѣ, не дѣлай напрасныхъ попытокъ изслѣдовать небесныя тайны. Не оскверняй святыни его знамени!.. Багрово-красный цвѣтъ моря, въ которое погрузился огненный шаръ, останется для тебя неразрѣшимой загадкой. Не пытайся поднять покровъ, скрывающій неизвѣстную будущность.

Іона удалился такимъ же медленнымъ шагомъ, какимъ вошелъ въ комнату; занавѣсь снова опустилась за нимъ.

— Огненный шаръ освѣтитъ ночной мракъ, — проговорилъ задумчиво Андроникъ, оставшись наединѣ съ собою:—огненный шаръ, который блеснетъ на одно мгновеніе и затемнитъ свѣтъ другихъ звѣздъ, чтобы вслѣдъ за тѣмъ погрузиться въ багровое море?.. Іона не могъ или не хотѣлъ объяснить мнѣ это небесное явленіе... Въ такомъ случаѣ оно не въ мою пользу... Впрочемъ, не все ли равно! Эти явленія не болѣе, какъ игра природы; имъ придаютъ значеніе только неразумные и робкіе люди. Они не могутъ тревожить меня.

Между тѣмъ, въ лагерѣ снова началась обычная суетливая дѣятельность; вездѣ было движеніе, вездѣ кипѣла работа. Часы отдыха прошли, и всѣ были заняты дѣломъ.

Андроникъ вышелъ изъ своей палатки и слѣдилъ молча за происходившей вокругъ него дѣятельностью; его появленіе заста-

вило воиновъ работать съ удвоенной энергіей, каждый изъ нихъ хотѣлъ выказать передъ своимъ полководцемъ воодушевлявшее его усердіе.

Въ это время вдали показалась группа всадниковъ, медленно поднимавшихся на холмъ. Впереди всѣхъ, на бѣлоснѣжной пышно убранной лошади, ѣхалъ старикъ въ богатой священнической одеждѣ. Это былъ патріархъ Ѳеодосій, который явился въ лагерь Адроника въ сопровожденіи духовенства.

Едва Андроникъ увидѣлъ приближавшееся шествіе священниковъ и самого церковнаго владыку, о которомъ слышалъ столько разсказовъ, хотя не зналъ лично, какъ поспѣшилъ къ нему навстрѣчу. Не доходя до него нѣсколько шаговъ, онъ преклонилъ колѣна, поцѣловалъ подошвы ногъ патріарха и, поднявшись на ноги, сказалъ:

— Счастливы мои очи, что могли узрѣть поборника добра и истины на землѣ, Іоанна нашего времени; счастливъ я, что на мою долю выпала благодать увидѣть церковнаго владыку, славу котораго возвѣщаетъ весь міръ. Да удостоитъ твое святѣйшество съ высоты достигнутаго тобой величія бросить милостивый взглядъ на меня, грѣшнаго. Благослови, святой отецъ, раба твоего, у котораго нѣтъ инаго желанія, какъ доказать на дѣлѣ то глубокое уваженіе, которое онъ чувствуетъ къ тебѣ.

Патріархъ, молча, выслушалъ это привѣтствіе и бросилъ на Андроника взглядъ, выражавшій непреодолимое отвращеніе. Ѳеодосій былъ добродѣтельный и справедливый человѣкъ, врагъ всякаго коварства и лицемѣрія; онъ тотчасъ почувствовалъ ложь въ словахъ Андроника; и у него промелькнула невольная мысль, что только злой демонъ могъ привлечь его къ кормилу государства, которое болѣе чѣмъ когда либо нуждалось въ доблестномъ правителѣ. На лицѣ патріарха появилась горькая улыбка; онъ видѣлъ въ наружности Андроника безошибочные признаки хитрости и коварства: глаза, смѣющіеся безъ причины, и черезчуръ льстивыя уста.

— Твоя слава опередила тебя, Андроникъ,—сказалъ патріархъ:— я знаю тебя, хотя мы впервые встрѣчаемся съ тобою.—Затѣмъ, обращаясь къ одному изъ сопровождавшихъ его священниковъ, онъ добавилъ вполголоса:—Этотъ человѣкъ дѣйствительно такой, какимъ намъ описывали его!

Хотя Андроникъ не разслышалъ послѣднихъ словъ патріарха, но, по выраженію его лица, догадался о томъ впечатлѣніи, какое онъ произвелъ на церковнаго владыку; онъ шепнулъ на ухо стоявшему возлѣ него Агіохристофориту:—Патріархъ имѣетъ такой же угрюмый видъ, какъ всѣ армяне.

Эти двое людей встрѣтились въ первый разъ въ жизни и оба тотчасъ же поняли, что между ними не можетъ быть никакого соглашенія. Каждый изъ нихъ чувствовалъ, что передъ нимъ нахо-

дится могущественный противникъ и что онъ имѣетъ въ другомъ непримиримаго врага. Одинъ изъ нихъ поставилъ цѣлью своей жизни достиженіе престола; другой остался вѣренъ своей родинѣ и юному императору и боялся козней хитраго измѣнника.

Но Андроникъ, болѣе искусный въ притворствѣ, скоро овладѣлъ собою и пригласилъ патріарха къ себѣ въ палатку. Ѳеодосій сошелъ съ лошади и, входя въ палатку, благословилъ правой рукою воиновъ, преклонившихъ передъ нимъ колѣна.

Патріархъ сѣлъ въ широкое кресло и, обращаясь къ стоявшему передъ нимъ Андронику, сказалъ:

— Ты, князь, прибылъ сюда изъ отдаленныхъ азіатскихъ провинцій, чтобы съ Божьей помощью принять участіе въ управленіи государствомъ, которому нужна помощь сильной, но отеческой руки. Наша родина страждетъ. Господь наказываетъ свой грѣшный народъ. Императорскій скипетръ въ рукахъ отрока, котораго злые совѣтники стараются совратить съ пути истины. Но милосердное небо обезоруживаетъ замышляющихъ зло.

— Царство зла непродолжительно на землѣ, святой отецъ,—отвѣтилъ Андроникъ, опустивъ глаза въ землю.

— Да будетъ благословенно имя Господне!—сказалъ Ѳеодосій.— Онъ простираетъ къ намъ свою милостивую руку. Починъ уже сдѣланъ.

— Что хочешь ты сказать этимъ?

— Одинъ изъ злодѣевъ обезоруженъ и не можетъ больше вредить намъ. Небесная кара постигла протесевастоса, который свергнутъ съ высоты своего нечестія и теперь сидитъ заключенный въ мрачной темницѣ.

— Возможно ли это? — воскликнулъ Андроникъ. — Протосевастосъ!?...

— Да, Андроникъ, все это совершилось, — отвѣтилъ сѣдой патріархъ, устремивъ строгій взглядъ на своего собесѣдника. — Господь не оставляетъ нечестивыхъ безъ наказанія ни въ этой жизни, ни въ будущей.

— А императоръ?

— Императоръ долженъ былъ подчиниться волѣ народа. Что могъ сдѣлать слабый отрокъ? Можетъ ли онъ имѣть какое либо вліяніе, когда его намѣренно держали во мракѣ невѣжества ради интересовъ могущественнаго протосевастоса?

— Но развѣ ты, преподобный Ѳеодосій, не могъ принять никакихъ мѣръ, чтобы оградить юнаго императора отъ дурныхъ вліяній? — спросилъ Андроникъ. — На тебя собственно и возложилъ Мануилъ эту великую и священную обязанность.

— Дѣйствительно Мануилъ назначилъ меня руководителемъ и наставникомъ своего сына и наслѣдника, — возразилъ старецъ съ горькой усмѣшкой.—Вначалѣ я усердно взялся за исполненіе этого

тяжелаго долга и сдѣлалъ нѣсколько попытокъ сдержать обѣщаніе, данное мною умирающему отцу и государю. Но вскорѣ я убѣдился, что всѣ усилія будутъ напрасными; мой голосъ былъ голосомъ вопіющаго въ пустынѣ; никто не обращалъ вниманія на слова престарѣлаго пастыря; къ совѣтамъ его относились съ презрѣніемъ. Наконецъ, я увидѣлъ себя вынужденнымъ отказаться отъ мѣста, которое съ каждымъ днемъ становилось для меня невыносимѣе. Перевѣсъ оказался на сторонѣ враговъ.

— А теперь?—спросилъ Андроникъ.

— И теперь я не принесу никакой пользы,—возразилъ патріархъ:—императорскій престолъ вскорѣ пріобрѣтетъ могущественнаго защитника...

— Неужели ты хочешь возложить на меня одного такую тяжелую ношу?

— Императоръ не нуждается больше въ моей помощи. Я считаю себя освобожденнымъ отъ даннаго обѣщанія съ той минуты, какъ Андроникъ переступитъ порогъ императорскаго дворца.

Лучъ дикой радости сверкнулъ въ глазахъ Андроника; слова патріарха устраняли послѣднюю преграду, отдѣлявшую его отъ императорскаго престола.

Бесѣда была прервана. Патріархъ всталъ съ мѣста и вышелъ изъ палатки.

Серьезно и молча сѣлъ Ѳеодосій на лошадь и отправился въ обратный путь съ своей свитой.

Еще долгое время Андроникъ провожалъ глазами удалявшуюся группу всадниковъ. Наконецъ, когда они совсѣмъ исчезли изъ виду за изгибомъ дороги, онъ пробормоталъ сквозь зубы: — Ты заблуждаешься, патріархъ! Меня не испугаетъ церковное проклятіе, хотя ты ясно намекалъ на него; я не привыкъ трепетать передъ кѣмъ бы то ни было...

Съ этими словами онъ снова вернулся въ свою палатку.

Вечерніе сумерки уже набросили свои тѣни на берега Босфора и лагерь Андроника. Передъ каждой палаткой былъ зажженъ факелъ, чтобы жители Константинополя могли видѣть издали мѣсто, гдѣ находился лагерь ихъ будущаго государя и его вѣрныхъ воиновъ.

IV.

Торжественный въѣздъ.

Былъ одинъ изъ тѣхъ прекрасныхъ осеннихъ дней, когда, при южномъ безоблачномъ небѣ, воздухъ кажется особенно прозрачнымъ и въ немъ царитъ своеобразная тишина. Въ голубыхъ вол-

Естественно, что и жители Константинополя, испытавшіе на себѣ всѣ бѣдствія дурнаго правленія, увидѣли съ неописанною радостью развѣвавшіяся знамена Андроника и сторожевые огни, которые засвѣтились въ лагерѣ съ наступленіемъ ночи. Эти огни, мерцавшіе вдали, были для нихъ спасительными маяками, предвѣщавшими желанную пристань. Со всѣхъ сторонъ къ нему протягивались руки съ мольбой; вездѣ произносили его имя и радостно привѣтствовали его появленіе.

Но Босфоръ, представлявшій естественную и почти непреодолимую преграду, все еще отдѣлялъ Андроника отъ города его надеждъ и мечтаній, потому что ему не доставало флота, бывшаго въ распоряженіи могущественнаго протосевастоса, который этимъ могъ положить предѣлъ его тріумфальному шествію.

Начальство надъ флотомъ было поручено князю Контостефану, который считался лучшимъ морякомъ того времени и, по слухамъ, былъ всей душой преданъ протосевастосу. Контостефанъ, получивъ соотвѣтствующія приказанія, снялся съ якоря, чтобы слѣдить вблизи за движеніями непріятеля, такъ что протосевастосу, въ виду такой надежной охраны, нечего было безпокоиться за свою безопасность.

Таково было положеніе дѣлъ въ то утро, когда въ городѣ произошли вышеописанныя сцены.

Среди множества разноцвѣтныхъ палатокъ особенно выдѣлялась по высотѣ и великолѣпному убранству богатая палатка Андроника; она состояла изъ обширной залы и четырехъ комнатъ, отдѣленныхъ одна отъ другой дорогими персидскими занавѣсями.

У круглаго стола, стоявшаго посреди залы, сидѣлъ Андроникъ и его два вѣрнѣйшихъ приверженца Стефанъ Агіохристофоритъ и Константинъ Трипсихъ, которые дѣлили съ нимъ всѣ превратности его безпокойной жизни и были преданы ему душой и тѣломъ. У ногъ Андроника лежала неподвижно огромная чорная собака, его неразлучная спутница, постоянно слѣдовавшая за нимъ, какъ тѣнь. Эта собака была на столько сильна, что въ состояніи была выдержать борьбу со львомъ, почему и получила кличку «Лео».

Андронику было около шестидесяти лѣтъ; его мужественная поступь и высокая величественная фигура придавали ему сходство съ древней крѣпостной башней. При этомъ у него была та бодрая, исполненная достоинства осанка, которая съ годами является у военныхъ людей вслѣдствіе трудной боевой жизни. Его верхняя одежда была фіолетоваго цвѣта и доходила до колѣнъ, покрывая руки до локтей. На головѣ Андроника была надѣта пирамидальная шляпа, которая, при своей остроконечной формѣ, еще больше увеличивала его высокій ростъ. Его небольшіе глаза отличались необыкновенной подвижностью; въ нихъ просвѣчивалъ тотъ своеобразный блескъ, который служитъ безошибочнымъ признакомъ

Разряженныя женщины въ богатыхъ праздничныхъ платьяхъ сидѣли у оконъ и на балконахъ домовъ и смотрѣли на волнообразное движеніе народной массы. Давка становилась все сильнѣе, по мѣрѣ приближенія къ морю; всѣ взоры были устремлены на противоположный берегъ. Босфоръ былъ усѣянъ судами; между ними въ живописномъ безпорядкѣ сновали лодки, которыми завладѣли болѣе нетерпѣливые зрители, хотѣвшіе быть въ первыхъ рядахъ во время встрѣчи.

Вездѣ была жизнь; вездѣ движеніе и на морѣ, и на улицахъ; и оно было еще замѣтнѣе послѣ недавняго томительнаго затишья. Солнце ярко свѣтило на небѣ, какъ бы принимая участіе въ общей радости, и безмятежное, какъ сердце гражданъ, готовилось ликовать вмѣстѣ съ ними на общемъ празднествѣ. Въ честь этого празднества земля и небо являлись въ гармоничномъ сочетаніи и полномъ блескѣ своей красоты.

Но тутъ движеніе лодокъ усилилось; перегоняя одна другую, онѣ всѣ плыли къ одному пункту, гдѣ виднѣлось нѣсколько кораблей. На этотъ пунктъ были теперь устремлены взоры зрителей, стоявшихъ на берегу, и тысячи голосовъ кричали: «Онъ ѣдетъ! Вотъ онъ!»

Можно было ясно различить издали, что корабли двигаются въ направленіи къ городу. Впереди плыла большая галера, на мачтѣ которой развѣвался фіолетовый флагъ Андроника. Онъ самъ стоялъ на палубѣ съ непокрытой головой, превышая всѣхъ своимъ высокимъ ростомъ, и смотрѣлъ на городъ, который разстилался передъ его глазами. Лучи утренняго солнца освѣщали его сѣдые локоны и мужественное лицо. Андроникъ предсталъ во всемъ своемъ величіи; губы его произносили псаломъ Давида: «Возвратись, душа моя, въ покой твой; ибо Господь облагодѣтельствовалъ тебя. Ты избавилъ душу мою отъ смерти, очи мои отъ слезъ и ноги мои отъ преткновенія»...

Молча и въ благочестивомъ созерцаніи стояли около него вѣрные приверженцы: Агіохристофоритъ и суровый Трипсихъ, и за ними предводитель флота, Контостефанъ, который съ увѣреннымъ взглядомъ знатока слѣдилъ за ходомъ судовъ. Со всѣхъ лодокъ, окружавшихъ княжескую галеру, простерты были руки, и раздавались крики, отголоски которыхъ доносились до берега, какъ звуки веселой музыки, сопровождавшей тріумфальное шествіе: «Да здравствуетъ Андроникъ Комненъ! На многія лѣта»!..

Медленно причалилъ флотъ, и Андроникъ вышелъ изъ галеры. Онъ казался погруженнымъ въ молитву, потому что глаза его были обращены къ небу, а губы слегка шевелились.

Едва вступивъ на берегъ, онъ упалъ на колѣна и нѣсколько разъ поцѣловалъ землю, чѣмъ привелъ въ умиленіе окружавшихъ его: у нихъ на глазахъ навернулись слезы радости.

Наконецъ, Андроникъ поднялся на ноги и, обращаясь къ привѣтствовавшимъ его гражданамъ, сказалъ:

— Сограждане!—голосъ его задрожалъ при этихъ словахъ,—дорогіе сограждане! Господь по своей неизрѣченной милости продлилъ мнѣ жизнь, чтобы я могъ увидѣть этотъ счастливый день. Всевышній направилъ стопы недостойнаго раба своего изъ отдаленной Азіи къ этимъ священнымъ берегамъ. Съ того дня, какъ мы разстались съ вами, пришлось вамъ претерпѣть много бѣдствій. Немало вынесъ и я тяжелыхъ испытаній въ мрачной пустынѣ изгнанія. Темное прошлое освѣтилось для меня лучами настоящаго. Смотрите на меня, какъ на своего вѣрнаго друга и защитника, всегда готоваго оказать вамъ помощь. Только эта цѣль и привела меня сегодня къ вамъ.

Въ отвѣтъ на эту короткую рѣчь раздались крики ликованія нѣсколькихъ тысячъ людей. Всѣ тѣснились ближе къ Андронику. На всѣхъ лицахъ была та блаженная улыбка, которая является у человѣка въ моменты полнаго безмятежнаго счастья. Каждый сердечно привѣтствовалъ его, какъ брата или отца.

Андроникъ, стоя въ толпѣ, видѣлъ неподдѣльный восторгъ, вызванный его присутствіемъ; онъ улыбался, глаза его блестѣли. Но въ блескѣ этихъ глазъ было нѣчто холодное и отталкивающее, что могло бы привести въ ужасъ тонкаго наблюдателя, который бы съумѣлъ прочесть происходившее въ его душѣ. Внутренній міръ Андроника не имѣлъ ничего общаго съ его внѣшностью.

Андроникъ и его спутники сѣли на богато-убранныхъ лошадей, которыя были заранѣе приготовлены для нихъ; затѣмъ шествіе медленнымъ шагомъ стало подниматься въ городъ по склону холма. Сопровождавшая его толпа все увеличивалась, громко выражая свою радость, при видѣ человѣка, который величественно сидѣлъ на своемъ бѣломъ конѣ, какъ увѣнчанный лаврами побѣдитель. Этотъ человѣкъ составлялъ центръ, на который были устремлены всѣ желанія и всѣ надежды.

Длинное шествіе прибыло, наконецъ, въ Филопатіумъ и остановилось передъ императорскимъ дворцомъ, гдѣ царствующій отрокъ долженъ былъ привѣтствовать своего прибывшаго родственника. Главныя ворота дворца были открыты настежъ и передъ ними, неподвижные, какъ каменныя статуи, стояли императорскіе тѣлохранители, варяги, вооруженные тяжелыми сѣкирами.

Андроникъ ловко соскочилъ съ коня и, пройдя сплошные ряды воиновъ, поднялся по широкой каменной лѣстницѣ. Вскорѣ онъ очутился въ большой тронной залѣ.

Многочисленная толпа, сопровождавшая его до императорскаго дворца, осталась на площади и тѣснилась около варяговъ, охранявшихъ входъ въ императорское жилище.

Въ тронной залѣ стоялъ императоръ Алексѣй, въ великолѣп-

номъ царскомъ одѣяніи, и, рядомъ съ нимъ, его мать, красивая императрица Марія, въ простомъ черномъ платьѣ. Она была блѣдна и имѣла разсѣянный видъ.

Андроникъ упалъ на колѣни передъ императоромъ и облобызалъ его ноги. Затѣмъ онъ поднялся и, холодно взглянувъ на Марію, обратился съ привѣтственной рѣчью къ царствующему отроку:

— Государь,—сказалъ онъ:—ты видишь передъ собой вѣрнѣйшаго слугу и подданнаго, который явился сюда, чтобы посвятить тебѣ и твоему престолу свои послѣднія силы и самую жизнь. Удостой меня взоромъ очей твоихъ, милостивый государь и повелитель! Ты соизволилъ призвать меня; я тотчасъ же повиновался твоему приказанію. Я старъ и согнулся подъ тяжестью лѣтъ; но, тѣмъ не менѣе, явился на твой зовъ, потому что священный долгъ повелѣвалъ мнѣ исполнить клятву, данную мною твоему покойному отцу, и указалъ путь, по которому я долженъ слѣдовать. Да, государь, тебѣ готовъ я посвятить послѣдніе годы моей земной жизни; мое единственное стремленіе доставить безопасность твоему престолу...

Алексѣй стоялъ въ смущеніи, не зная, что̀ отвѣчать на эту рѣчь; онъ видѣлъ въ первый разъ въ своей жизни этого старца, по щекамъ котораго текли обильныя слезы, и не могъ прійдти въ себя отъ необычнаго зрѣлища. Алексѣй былъ невинный отрокъ и не зналъ ни языка льстецовъ, ни словъ притворства. Наконецъ, онъ овладѣлъ собой и сказалъ тихимъ, едва слышнымъ голосомъ:

— Андроникъ! императоръ Мануилъ, мой незабвенный отецъ, всегда любилъ тебя, и ты былъ нѣкогда избранъ имъ его ближайшимъ совѣтникомъ. Я также нуждаюсь въ твоемъ совѣтѣ и помощи; не въ силахъ я нести тяжесть вѣнца...

— О, государь,—возразилъ Андроникъ, и новый потокъ слезъ полился изъ его глазъ:—милость великаго Мануила была для меня драгоцѣннѣйшимъ сокровищемъ на землѣ, и я былъ неизмѣнно вѣрнымъ и преданнымъ слугою. Но презрѣнные льстецы съумѣли лишить меня его расположенія, и я принужденъ былъ вынести тяжелую кару изгнанія. Но, и при моемъ одинокомъ печальномъ существованіи, я ни минуты не забывалъ моего долга относительно моего государя и повелителя. Ежедневно отъ глубины сердца молился я объ его здравіи и благополучіи. Богу неугодно было, чтобы я засталъ его живымъ, но мнѣ дано, по крайней мѣрѣ, въ видѣ послѣдняго утѣшенія, узрѣть его сына и достойнаго преемника, и для него я готовъ сдѣлать все то, чего я не могъ исполнить для его отца.

— Съ этого часа,—возразилъ юный императоръ:—я отдаюсь въ твои руки, Андроникъ. Будь моимъ защитникомъ и руководителемъ. Престолъ окруженъ врагами и подвергается многочислен-

нымъ опасностямъ. Присутствіе вѣрнаго искренняго друга и храбраго военнаго героя устранитъ всякую опасность. Прими мою благодарность, Андроникъ.

Андроникъ слышалъ эти слова, которыя императоръ произнесъ слабымъ голосомъ, и, не смотря на все свое самообладаніе, онъ не могъ удержать торжествующей улыбки, озарившей все его лицо. Такой же торжествующій взглядъ бросилъ онъ на императрицу Марію, которая была свидѣтельницей этой сцены и стояла неподвижно, повидимому, безучастная ко всему, что происходило вокругъ нея.

«Съ этого часа, — сказалъ Алексѣй:—я отдаюсь въ твои руки, Андроникъ!» Невинный агнецъ очутился въ когтяхъ кровожаднаго волка. Несчастная жертва предана была въ руки жестокосердаго палача. Съ этого момента императорскій вѣнецъ упалъ съ головы Алексѣя, чтобы украсить чело Андроника. Огненный шаръ астролога Іоны уже затмилъ блестящую звѣзду.

Андроникъ снова преклонилъ колѣна передъ императоромъ, снова облобызалъ его ноги и, проливая обильныя слезы, вышелъ изъ залы.

Въ непосредственной близости съ императорскимъ дворцомъ, въ такъ называемой Манганской палатѣ, было приготовлено жилище для Андроника. Туда отправился онъ со своими приверженцами, чтобы отдохнуть отъ волненій истекшаго дня.

Здѣсь въ пышно убранномъ покоѣ расположился въ мягкомъ креслѣ Андроникъ; передъ нимъ, неразлучный какъ тѣнь, стоялъ его вѣрный Агіохристофоритъ.

— Ты видишь, Стефанъ, все случилось такъ, какъ мы этого желали,—сказалъ Андроникъ, на лицѣ котораго выражалось спокойствіе торжества.

— Я никогда не могъ представить себѣ,—возразилъ Агіохристофоритъ:—что путь окажется на столько легкимъ для насъ. Счастье долго было для тебя злой мачихой, но теперь оно снова улыбается тебѣ.

— Эта улыбка служитъ наилучшимъ предзнаменованіемъ для моей будущности. Но счастье, другъ мой, имѣетъ также свои причуды. Нынѣшній день начался благополучно для насъ, и конецъ его долженъ соотвѣтствовать началу. Я считаю недостаточнымъ, что нашъ опаснѣйшій врагъ побѣжденъ и поверженъ въ прахъ; онъ долженъ быть навсегда лишенъ возможности вредить намъ. Оцѣпенѣвшая змѣя можетъ снова возвратиться къ жизни и прійдти въ ярость. Поэтому всего разумнѣе отрубить ей голову. Ты понимаешь меня, Стефанъ?

— Понимаю, ты говоришь о протосевастосѣ.

— Гдѣ онъ?

— Въ оковахъ и въ тюрьмѣ! Онъ ожидаетъ отъ тебя рѣшенія его участи.

— Нужно ли объяснять тебѣ, въ чемъ будетъ заключаться мое рѣшеніе? Ты знаешь это, Стефанъ. Пойди и исполни его безъ дальнѣйшаго замедленія. Мы въ долгу передъ городскимъ населеніемъ, и оно вправѣ потребовать отъ насъ этого удовлетворенія. Мы должны отблагодарить византійцевъ за ихъ дружественный пріемъ. Воспользуемся случаемъ, чтобы выказать нашу признательность и достойнымъ образомъ увѣнчать прекрасный день. Иди, Стефанъ, медлить нечего!...

Агіохристофоритъ молча поклонился и вышелъ изъ комнаты; подобные люди безъ труда понимаютъ другъ друга.

Онъ шелъ быстрыми шагами, чтобы исполнить повелѣніе кровожаднаго господина, наполнявшее чувствомъ дикой радости его жестокое сердце. Все меньше и меньше становилось разстояніе, отдѣлявшее его отъ мѣста, гдѣ томился протосевастосъ. Это была темная, сырая тюрьма, и здѣсь нѣкогда могущественный Алексѣй съ трепетомъ ожидалъ рѣшенія своей участи.

Алексѣй хорошо зналъ, какая участь предстоитъ ему съ того часа, какъ его непримиримый врагъ вступилъ на почву Константинополя. Онъ, не знавшій никогда чувства жалости, былъ вполнѣ увѣренъ, что ему нечего ждать пощады отъ побѣдоноснаго врага, и поэтому, подавивъ глубокое чувство ненависти, наполнявшее его сердце, безропотно покорился своей судьбѣ съ смиреніемъ отчаянія. Поставленная передъ нимъ ѣда оставалась нетронутой, и только, время отъ времени, онъ выпивалъ нѣсколько капель воды, чтобы освѣжить свои запекшіяся губы. Ему и въ голову не приходило молить о пощадѣ; его гордое сердце не допускало даже мысли о подобномъ униженіи.

Агіохристофоритъ взялъ изъ рукъ тюремнаго сторожа большой тяжелый ключъ и, отворивъ дверь, вошелъ подъ темный сводъ. На него повѣяло сыростью и мракомъ могилы.

Алексѣй, лежавшій на землѣ, едва прикрытой соломой, приподнялъ голову.

— Кто ты? и зачѣмъ ты пришелъ сюда?—спросилъ онъ вошедшаго.

— Я исполнитель закона,—холодно возразилъ любимецъ Андроника:—и явился сюда, чтобы выполнить данное мнѣ повелѣніе. Вставай, Алексѣй, и слѣдуй за мной.

— Ты поведешь меня къ моимъ судьямъ?—спросилъ опять Алексѣй, не покидая своего ложа.

— Твои судьи окончили свое дѣло; ты осужденъ на смертную казнь!—отвѣтилъ коротко Агіохристофоритъ.

— Какой же это законъ предоставилъ подобное право моимъ судьямъ?—спросилъ узникъ съ горькой усмѣшкой.

кую выгоду извлечь изъ всего этого? Неужели я вынесъ столько страданій, провелъ столько дней въ трудахъ и опасности, чтобы окончить здѣсь жизнь въ неизвѣстности и умереть безславной смертью? Все это для того, чтобы историкъ могъ со временемъ распространиться о блестящемъ правленіи императора Алексѣя и сказать, что онъ обладалъ всѣми качествами, которыя могутъ достойно украсить властелина! Но обо мнѣ исторія будетъ умалчивать, у ней не хватитъ справедливости сказать, что Алексѣй обязанъ своимъ блестящимъ правленіемъ тому обстоятельству, что Андроникъ былъ его опекуномъ и совѣтникомъ и образовалъ изъ слабаго и неопытнаго мальчика могущественнаго искуснаго властелина. Нѣтъ! Нѣтъ! Я не хочу занимать унизительнаго положенія раба... Я буду одинъ господствовать и господствовать независимо! Я хочу самъ носить золотой императорскій вѣнецъ и управлять нераздѣльно судьбой людей. Вотъ цѣль моихъ стремленій, конечная цѣль моей жизни! Если она останется недостижимой для меня, то я напрасно жилъ, напрасно вынесъ столько тяжелаго... Но развѣ такая будущность не въ моихъ рукахъ? Почему? Развѣ каждый человѣкъ не творецъ собственной судьбы? Трусливые и малодушные люди говорятъ, что судьбой людей управляетъ провидѣніе. Я самъ буду для себя провидѣніемъ! Посмотримъ, на чей сторонѣ будетъ перевѣсъ. Если встрѣтятся препятствія, то я преодолѣю ихъ, я уничтожу людей, которые вздумали бы заградить мнѣ путь, и, хотя бы стихіи возстали противъ меня, совладаю съ самой природой! Пусть убѣдятся люди, что все на землѣ въ нашей волѣ. Стоитъ захотѣть, чтобы всего достигнуть! Много лѣтъ тому назадъ, этотъ великій принципъ сталъ для меня правиломъ жизни, которому я останусь вѣренъ до смерти. Исторія назоветъ Андроника счастливцемъ и скажетъ: его желѣзная воля преодолѣла всѣ препятствія.

Легкое колебаніе занавѣси прервало нить его размышленій. Андроникъ поднялся съ мѣста, рука его опустилась на острый кинжалъ, лежавшій на столѣ. Чорная собака оскалила зубы.

Поднялся край занавѣски, и въ палатку медленнымъ шагомъ вошелъ старикъ въ длинной, чорной одеждѣ. Голова его была почти плѣшивая, большая сѣдая борода опускалась на грудь.

— Ты ли это, Іона?—сказалъ Андроникъ, откидывая въ сторону кинжалъ лежавшій подъ его рукой.

— Это я князь,—возразилъ старикъ, подходя къ столу.—Неужели ты среди бѣлаго дня боишься измѣнническаго ножа убійцы?

— Я углубился въ свои мысли,—сказалъ Андроникъ:—и не ожидалъ твоего прихода.

— Развѣ мой приходъ можетъ удивить тебя? Не безъ цѣли приблизилъ ты меня къ своей особѣ? Я долженъ возвѣстить тебѣ сегодня нѣчто важное.

Іона былъ астрологъ, неотлучно находившійся при Андроникѣ, который обращался къ его совѣту во всѣхъ важныхъ случаяхъ жизни. Іона родился въ Малой Азіи и уже нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ посвятилъ себя изученію природы и таинственныхъ стихійныхъ силъ; онъ зналъ цѣлебныя свойства растеній, объяснялъ движеніе звѣздъ и естественныхъ явленій. Говорили даже, что онъ втеченіе двадцати лѣтъ прожилъ взаперти въ башнѣ, гдѣ велъ строгую жизнь отшельника, всецѣло посвятивъ себя астрономическимъ наблюденіямъ. Андроникъ относился съ безграничнымъ довѣріемъ къ мудрости своего астролога; не менѣе того уважали старца друзья и приверженцы князя и видѣли въ немъ оракула. Во всѣ часы дня и ночи, Іона имѣлъ свободный доступъ къ Андронику, и даже въ палаткѣ, рядомъ съ опочивальней князя, находилась комната астролога, отдѣленная отъ первой одной занавѣсью.

— Я долженъ возвѣстить тебѣ нѣчто важное,—повторилъ Іона.

— Важное, Іона? Хорошее или дурное услышу я отъ тебя?

— Моя наука, князь, не доступна простому смертному, — возразилъ старикъ, произнося отчетливо каждое слово:—простые смертные должны почитать небесныя знаменія и не пытаться объяснить себѣ ихъ значеніе. Они должны подчиняться имъ, а не разыскивать, какая сила дѣйствуетъ въ нихъ. Тебѣ извѣстно, Андроникъ, что голова моя посѣдѣла за изученіемъ небесныхъ знаменій и, всетаки, я долженъ откровенно сознаться передъ тобой, что бываютъ явленія, которыя я самъ не могу уяснить себѣ.

— Это предисловіе, Іона, наводитъ меня на мысль, что ты пришелъ съ дурными вѣстями, — сказалъ Андроникъ: — твой торжественный тонъ и серьёзная рѣчь тревожатъ меня. Говори, объясни, въ чемъ дѣло.

— Ты находишь меня, князь, слишкомъ серьёзнымъ? Когда же видѣлъ ты меня инымъ? Можетъ ли человѣкъ оставаться веселымъ, занимаясь изученіемъ небесныхъ знаменій. Мы, люди, въ сравненіи съ величіемъ вселенной, не болѣе, какъ жалкіе черви, ничтожныя горчичныя зерна!.. Слушай, Андроникъ. Въ прошлую ночь я стоялъ у открытаго окна и смотрѣлъ на небо. Ночь была тихая, тысячи созвѣздій блестѣли на безоблачномъ небѣ. Я наблюдалъ за нѣкоторыми хорошо извѣстными мнѣ звѣздами, и мнѣ казалось, что онѣ движутся и описываютъ на небесной тверди разныя фантастическія фигуры. Было уже за полночь. Между этими звѣздами одна звѣзда превосходила всѣ остальныя величиной и блескомъ и какъ бы властвовала надъ окружающими свѣтилами. Но тутъ, на востокѣ внезапно показался яркій свѣтъ, принявшій въ слѣдующую минуту форму огненнаго шара; этотъ шаръ пересѣкъ небесный сводъ и направился къ блестящей звѣздѣ. Немного погодя, огненный шаръ покрылъ собою звѣзду и остался какъ

будто пригвожденнымъ къ ней. Все небо озарилось свѣтомъ. Затѣмъ, шаръ началъ снова подниматься, но на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде сверкала звѣзда, царила глубокая ночь; спутники звѣзды также исчезли. Огненный шаръ быстро пронесся по другой сторонѣ небеснаго склона и затѣмъ опустился въ море, и море окрасилось въ багровый цвѣтъ, точно налитое кровью. Это продолжалось всего нѣсколько мгновеній, и все покрылось мракомъ. Блестящая звѣзда и ея спутники исчезли навѣки.

— Какое странное видѣніе! — сказалъ Андроникъ, выслушавъ молча разсказъ астролога:—теперь посмотримъ, какъ ты объяснишь мнѣ его!

— Неужели необходимо какое нибудь объясненіе? Чего могъ ты не понять въ этомъ, князь? О, немощь людская! Все объясняется легко и просто. Лучезарная звѣзда, окруженная спутниками, — императоръ Алексѣй; огненный шаръ, пересѣкающій небесный сводъ и затемнившій свѣтъ звѣзды своимъ яркимъ блескомъ, это — ты, Андроникъ, котораго слава затмитъ величіе императора. При твоемъ появленіи меркнетъ блескъ императорской короны, исчезаютъ второстепенныя свѣтила, окружающія тронъ. Понимаешь ли ты теперь, что̀ означаетъ это видѣніе?

— Понимаю, — отвѣтилъ Андроникъ. — Но мнѣ кажется необъяснимымъ погруженіе шара въ море и багровый цвѣтъ воды.

— Преклонись, князь, передъ небеснымъ знаменіемъ, — сказалъ астрологъ серьёзнымъ тономъ: — довольствуйся тѣмъ объясненіемъ, какое доступно тебѣ, не дѣлай напрасныхъ попытокъ изслѣдовать небесныя тайны. Не оскверняй святыни его знамени!.. Багрово-красный цвѣтъ моря, въ которое погрузился огненный шаръ, останется для тебя неразрѣшимой загадкой. Не пытайся поднять покровъ, скрывающій неизвѣстную будущность.

Іона удалился такимъ же медленнымъ шагомъ, какимъ вошелъ въ комнату; занавѣсь снова опустилась за нимъ.

— Огненный шаръ освѣтитъ ночной мракъ, — проговорилъ задумчиво Андроникъ, оставшись наединѣ съ собою:—огненный шаръ, который блеснетъ на одно мгновеніе и затемнитъ свѣтъ другихъ звѣздъ, чтобы вслѣдъ за тѣмъ погрузиться въ багровое море?.. Іона не могъ или не хотѣлъ объяснить мнѣ это небесное явленіе... Въ такомъ случаѣ оно не въ мою пользу... Впрочемъ, не все ли равно! Эти явленія не болѣе, какъ игра природы; имъ придаютъ значеніе только неразумные и робкіе люди. Они не могутъ тревожить меня.

Между тѣмъ, въ лагерѣ снова началась обычная суетливая дѣятельность; вездѣ было движеніе, вездѣ кипѣла работа. Часы отдыха прошли, и всѣ были заняты дѣломъ.

Андроникъ вышелъ изъ своей палатки и слѣдилъ молча за происходившей вокругъ него дѣятельностью; его появленіе заста-

нами, вмѣсто глазъ; вокругъ каменной могилы слышались глухіе стоны и вздохи.

Кто же это осмѣливается нарушить покой смерти? Кто вступаетъ въ уединенный храмъ, гдѣ находится могила умершаго императора? Кто переступилъ этотъ порогъ, за которымъ прекращаются мірскія страсти?

Вотъ все ближе и ближе надвигаются тѣни, наполняющія собой высокіе своды, еще плотнѣе становятся облака. Затѣмъ все смолкло и какъ бы окаменѣло при появленіи незваннаго гостя. Холодный камень могилы вопросительно смотрѣлъ на вошедшаго, точно хотѣлъ сказать ему: «Кто бы ты ни былъ и откуда бы ни пришелъ, не подходи и не прикасайся ко мнѣ! Я неизмѣнный стражъ ввѣреннаго мнѣ залога, охраняю вѣчный сонъ погребеннаго здѣсь человѣка; я не допущу, чтобы дерзновенная рука дотронулась до меня и чтобы святотатственный взоръ проникъ вглубь этой могилы! Можешь ли ты, смертный, разгадать тайну смерти? Здѣсь предѣлъ всѣмъ богатствамъ и почестямъ, всякой славѣ! Здѣсь покоится великій, могущественный государь, владѣтель многихъ странъ. Смотри, какъ не велико мѣсто, которое онъ занимаетъ здѣсь. Онъ, которому цѣлый міръ казался слишкомъ малымъ и тѣснымъ, довольствуется теперь небольшимъ уголкомъ земли. Удались отсюда, смертный, не нарушай его покоя!»

Но человѣкъ, вошедшій въ церковь, не отступилъ назадъ, не внялъ предостерегавшему его голосу. Онъ смѣло шелъ впередъ; это былъ человѣкъ съ желѣзной волей, не знавшій препятствій на своемъ пути; это былъ Андроникъ Комненъ, недавній изгнанникъ, который подъ видомъ посѣщенія могилы покойнаго императора и своего родственника, пришелъ съ цѣлью поруганія надъ прахомъ умершаго властелина. Онъ пришелъ, чтобы усладить свой взоръ лицезрѣніемъ павшаго врага и утолить на хладной могилѣ мучившую его жажду мести; онъ пришелъ въ святой храмъ, чтобы осквернить его притворными слезами и лицемѣрными выраженіями мнимаго горя.

— Гдѣ могила императора Мануила? — спросилъ Андроникъ, едва вступивъ на почву столицы.

— Въ Пантократорскомъ монастырѣ, — отвѣтили ему.

— Я отправлюсь туда, чтобы помолиться на могилѣ моего благодѣтеля, — сказалъ на это Андроникъ.

Онъ сдержалъ слово и отправился въ Пантократорскій монастырь въ сопровожденіи своихъ двухъ вѣрныхъ приверженцевъ, Агіохристофорита и Трипсиха.

Оба спутника остались у церковныхъ дверей; Андроникъ приблизился одинъ къ могилѣ и стоялъ съ непокрытой головой передъ каменнымъ памятникомъ.

Онъ простеръ руки; губы его шепчутъ какія-то слова. Не слова ли

это молитвы за усопшихъ? За кого молится Андроникъ? Обильныя слезы льются изъ его глазъ. но слезы, это могущественное орудіе лицемѣровъ, ничего не стоятъ Андронику.

Его вѣрные приверженцы видятъ, какъ онъ склонился надъ могильнымъ камнемъ. Вотъ онъ прикоснулся губами къ холодному мрамору. Что говоритъ онъ? Слова его сливаются въ неясный, чуть слышный шопотъ. Но тѣни подъ темными сводами ясно слышатъ ихъ; имъ понятенъ смыслъ его рѣчей.

Это—не слова молитвы, а проклятія и злобное глумленіе надъ умершимъ, которымъ онъ старается облегчить свою низкую душу.

— Бѣднякъ,—прошепталъ онъ, обращаясь къ усопшему государю:—ты изгналъ меня и, осудивъ на долголѣтнее странствованіе, сдѣлалъ несчастнѣйшимъ изъ людей. А теперь, Мануилъ, ты обратился въ прахъ и лежишь въ тѣсной могилѣ, и нѣтъ для тебя исхода изъ твоей глубокой темницы. Ты спишь непробуднымъ сномъ и ожидаешь трубнаго призыва къ послѣднему суду. Куда дѣвалось твое могущество, Мануилъ? Гдѣ твоя слава и величіе? Ты излилъ на меня всю злобу твоей порочной души и долженъ былъ умереть, а я, несчастный, преслѣдуемый, изгнанный тобою, пережилъ тебя!...

Онъ снова прикоснулся губами къ памятнику и пролилъ обильныя слезы.

Агіохристофоритъ, слѣдившій съ умиленіемъ за этой сценой сказалъ вполголоса Трипсиху:

— Смотри, онъ молится!

Андроникъ продолжалъ шопотомъ свое надгробное слово умершему:

— Ты заклеймилъ меня своимъ презрѣніемъ, Мануилъ! Часъ воздаянія насталъ. Я возложу на себя твою корону, буду сидѣть на твоемъ престолѣ, жить въ императорскомъ дворцѣ, изъ котораго ты изгналъ меня. Твоя богатая столица, царь городовъ, какъ ты называлъ ее въ гордомъ сознаніи своего величія, теперь всецѣло принадлежитъ мнѣ. Можешь ли ты видѣть меня? Ты трепещешь въ могилѣ за своего сына? Онъ въ моей власти. Если ты можешь, то спаси его изъ моихъ рукъ. Безумный, ты надѣялся утвердить на вѣчныя времена господство твоего дома! Какъ постыдно обманулся ты въ своемъ разсчетѣ!...

Съ этими словами онъ въ послѣдній разъ прикоснулся губами къ мраморному памятнику; слезы текли изъ его глазъ.

Подъ темными сводами церкви какъ будто послышался зловѣщій хохотъ; изъ мрака выступили на мгновеніе безглазые черепа, оскаливъ свои бѣлые зубы.

Андроникъ направился къ выходу; онъ едва держался на ногахъ отъ слабости.

тяжелаго долга и сдѣлалъ нѣсколько попытокъ сдержать обѣщаніе, данное мною умирающему отцу и государю. Но вскорѣ я убѣдился, что всѣ усилія будутъ напрасными; мой голосъ былъ голосомъ вопіющаго въ пустынѣ; никто не обращалъ вниманія на слова престарѣлаго пастыря; къ совѣтамъ его относились съ презрѣніемъ. Наконецъ, я увидѣлъ себя вынужденнымъ отказаться отъ мѣста, которое съ каждымъ днемъ становилось для меня невыносимѣе. Перевѣсъ оказался на сторонѣ враговъ.

— А теперь?—спросилъ Андроникъ.

— И теперь я не принесу никакой пользы,—возразилъ патріархъ:—императорскій престолъ вскорѣ пріобрѣтетъ могущественнаго защитника...

— Неужели ты хочешь возложить на меня одного такую тяжелую ношу?

— Императоръ не нуждается больше въ моей помощи. Я считаю себя освобожденнымъ отъ даннаго обѣщанія съ той минуты, какъ Андроникъ переступитъ порогъ императорскаго дворца.

Лучъ дикой радости сверкнулъ въ глазахъ Андроника; слова патріарха устраняли послѣднюю преграду, отдѣлявшую его отъ императорскаго престола.

Бесѣда была прервана. Патріархъ всталъ съ мѣста и вышелъ изъ палатки.

Серьезно и молча сѣлъ Ѳеодосій на лошадь и отправился въ обратный путь съ своей свитой.

Еще долгое время Андроникъ провожалъ глазами удалявшуюся группу всадниковъ. Наконецъ, когда они совсѣмъ исчезли изъ виду за изгибомъ дороги, онъ пробормоталъ сквозь зубы: — Ты заблуждаешься, патріархъ! Меня не испугаетъ церковное проклятіе, хотя ты ясно намекалъ на него; я не привыкъ трепетать передъ кѣмъ бы то ни было...

Съ этими словами онъ снова вернулся въ свою палатку.

Вечерніе сумерки уже набросили свои тѣни на берега Босфора и лагерь Андроника. Передъ каждой палаткой былъ зажженъ факелъ, чтобы жители Константинополя могли видѣть издали мѣсто, гдѣ находился лагерь ихъ будущаго государя и его вѣрныхъ воиновъ.

IV.

Торжественный въѣздъ.

Былъ одинъ изъ тѣхъ прекрасныхъ осеннихъ дней, когда, при южномъ безоблачномъ небѣ, воздухъ кажется особенно прозрачнымъ и въ немъ царитъ своеобразная тишина. Въ голубыхъ вол-

нахъ Босфора, слегка затронутыхъ легкимъ вѣтеркомъ, отражались покрытые лѣсомъ берега. Солнце взошло въ своемъ полномъ великолѣпіи; лучи его бросали обильный свѣтъ. Вся природа какъ будто разодѣлась попраздничному и за одно съ нею городъ святаго Константина представлялъ въ это утро праздничную картину радости и ликованія.

«Царь городовъ», очнувшись отъ страшнаго, такъ долго тяготѣвшаго надъ нимъ сна, радостно привѣтствовалъ наступленіе дня, когда онъ долженъ былъ принять въ своихъ стѣнахъ общаго народнаго любимца, давно ожидаемаго избавителя, который своимъ прибытіемъ положилъ конецъ господству злодѣевъ и являлся вѣстникомъ мира съ оливковой вѣтвью въ рукахъ.

Опять свободно вздохнуло населеніе Константинополя, въ отрадной увѣренности, что для него наступаетъ золотой вѣкъ; граждане испытывали то сладостное успокоеніе, которое является у насъ въ тѣ моменты, когда минуетъ опасность и мы знаемъ, что находимся внѣ ея.

Народъ избавился отъ виновника своихъ бѣдствій, протосевастоса Алексѣя, ненавистнаго опекуна императора, ознаменовавшаго свое правленіе вымогательствами, насиліемъ и неправильными налогами, который проматывалъ государственную казну на попойки и пиршества, осквернялъ и грабилъ святые храмы, покровительствовалъ порочнымъ людямъ и безчеловѣчно преслѣдовалъ всякую добродѣтель. Свергнутъ и униженъ былъ высокомѣрный тиранъ, и народъ, оставшись побѣдителемъ надъ опаснымъ врагомъ, испытывалъ безконечную радость торжества. Исполненный золотыхъ надеждъ, ожидалъ онъ прибытія храбраго полководца, котораго считалъ своимъ спасителемъ. Будущность представлялась гражданамъ Константинополя въ самыхъ розовыхъ краскахъ; они покинули свои дома, чтобы привѣтствовать человѣка, который осуществитъ для нихъ эту блестящую будущность. Всѣмъ было извѣстно, что въ этотъ день онъ долженъ переплыть узкій Босфоръ, и каждый хотѣлъ его видѣть во время торжественнаго шествія по городу.

Всѣ улицы, ведущія къ морю были переполнены густыми толпами; на всѣхъ лицахъ можно было прочесть то радостное ожиданіе, какое обыкновенно предшествуетъ счастливому событію. Всѣ окна, балконы, даже крыши домовъ, откуда можно было видѣть Босфоръ или улицы, черезъ которыя предстояло пройдти Андронику, были заняты людьми. Казалось, что многочисленное населеніе столицы было воодушевлено однимъ чувствомъ горячей преданности къ человѣку, котораго всѣ ожидали съ одинаковымъ нетерпѣніемъ.

Радостная толпа медленно двигалась по городскимъ улицамъ, и вмѣсто обычнаго утренняго привѣтствія слышались отрывочныя восклицанія: «Онъ явится сегодня! Наконецъ-то! Слава Богу!».

Разряженныя женщины въ богатыхъ праздничныхъ платьяхъ сидѣли у оконъ и на балконахъ домовъ и смотрѣли на волнообразное движенiе народной массы. Давка становилась все сильнѣе, по мѣрѣ приближенiя къ морю; всѣ взоры были устремлены на противоположный берегъ. Босфоръ былъ усѣянъ судами; между ними въ живописномъ безпорядкѣ сновали лодки, которыми завладѣли болѣе нетерпѣливые зрители, хотѣвшiе быть въ первыхъ рядахъ во время встрѣчи.

Вездѣ была жизнь; вездѣ движенiе и на морѣ, и на улицахъ; и оно было еще замѣтнѣе послѣ недавняго томительнаго затишья. Солнце ярко свѣтило на небѣ, какъ бы принимая участiе въ общей радости, и безмятежное, какъ сердце гражданъ, готовилось ликовать вмѣстѣ съ ними на общемъ празднествѣ. Въ честь этого празднества земля и небо являлись въ гармоничномъ сочетанiи и полномъ блескѣ своей красоты.

Но тутъ движенiе лодокъ усилилось; перегоняя одна другую, онѣ всѣ плыли къ одному пункту, гдѣ виднѣлось нѣсколько кораблей. На этотъ пунктъ были теперь устремлены взоры зрителей, стоявшихъ на берегу, и тысячи голосовъ кричали: «Онъ ѣдетъ! Вотъ онъ!»

Можно было ясно различить издали, что корабли двигаются въ направленiи къ городу. Впереди плыла большая галера, на мачтѣ которой развѣвался фiолетовый флагъ Андроника. Онъ самъ стоялъ на палубѣ съ непокрытой головой, превышая всѣхъ своимъ высокимъ ростомъ, и смотрѣлъ на городъ, который разстилался передъ его глазами. Лучи утренняго солнца освѣщали его сѣдые локоны и мужественное лицо. Андроникъ предсталъ во всемъ своемъ величiи; губы его произносили псаломъ Давида: «Возвратись, душа моя, въ покой твой; ибо Господь облагодѣтельствовалъ тебя. Ты избавилъ душу мою отъ смерти, очи мои отъ слезъ и ноги мои отъ преткновенiя»...

Молча и въ благочестивомъ созерцанiи стояли около него вѣрные приверженцы: Агiохристофоритъ и суровый Трипсихъ, и за ними предводитель флота, Контостефанъ, который съ увѣреннымъ взглядомъ знатока слѣдилъ за ходомъ судовъ. Со всѣхъ лодокъ, окружавшихъ княжескую галеру, простерты были руки, и раздавались крики, отголоски которыхъ доносились до берега, какъ звуки веселой музыки, сопровождавшей трiумфальное шествiе: «Да здравствуетъ Андроникъ Комненъ! На многiя лѣта»!..

Медленно причалилъ флотъ, и Андроникъ вышелъ изъ галеры. Онъ казался погруженнымъ въ молитву, потому что глаза его были обращены къ небу, а губы слегка шевелились.

Едва вступивъ на берегъ, онъ упалъ на колѣна и нѣсколько разъ поцѣловалъ землю, чѣмъ привелъ въ умиленiе окружавшихъ его: у нихъ на глазахъ навернулись слезы радости.

Наконецъ, Андроникъ поднялся на ноги и, обращаясь къ привѣтствовавшимъ его гражданамъ, сказалъ:

— Сограждане!—голосъ его задрожалъ при этихъ словахъ,—дорогіе сограждане! Господь по своей неизрѣченной милости продлилъ мнѣ жизнь, чтобы я могъ увидѣть этотъ счастливый день. Всевышній направилъ стопы недостойнаго раба своего изъ отдаленной Азіи къ этимъ священнымъ берегамъ. Съ того дня, какъ мы разстались съ вами, пришлось вамъ претерпѣть много бѣдствій. Немало вынесъ и я тяжелыхъ испытаній въ мрачной пустынѣ изгнанія. Темное прошлое освѣтилось для меня лучами настоящаго. Смотрите на меня, какъ на своего вѣрнаго друга и защитника, всегда готоваго оказать вамъ помощь. Только эта цѣль и привела меня сегодня къ вамъ.

Въ отвѣтъ на эту короткую рѣчь раздались крики ликованія нѣсколькихъ тысячъ людей. Всѣ тѣснились ближе къ Андронику. На всѣхъ лицахъ была та блаженная улыбка, которая является у человѣка въ моменты полнаго безмятежнаго счастья. Каждый сердечно привѣтствовалъ его, какъ брата или отца.

Андроникъ, стоя въ толпѣ, видѣлъ неподдѣльный восторгъ, вызванный его присутствіемъ; онъ улыбался, глаза его блестѣли. Но въ блескѣ этихъ глазъ было нѣчто холодное и отталкивающее, что могло бы привести въ ужасъ тонкаго наблюдателя, который бы съумѣлъ прочесть происходившее въ его душѣ. Внутренній міръ Андроника не имѣлъ ничего общаго съ его внѣшностью.

Андроникъ и его спутники сѣли на богато-убранныхъ лошадей, которыя были заранѣе приготовлены для нихъ; затѣмъ шествіе медленнымъ шагомъ стало подниматься въ городъ по склону холма. Сопровождавшая его толпа все увеличивалась, громко выражая свою радость, при видѣ человѣка, который величественно сидѣлъ на своемъ бѣломъ конѣ, какъ увѣнчанный лаврами побѣдитель. Этотъ человѣкъ составлялъ центръ, на который были устремлены всѣ желанія и всѣ надежды.

Длинное шествіе прибыло, наконецъ, въ Филопатіумъ и остановилось передъ императорскимъ дворцомъ, гдѣ царствующій отрокъ долженъ былъ привѣтствовать своего прибывшаго родственника. Главныя ворота дворца были открыты настежъ и передъ ними, неподвижные, какъ каменныя статуи, стояли императорскіе тѣлохранители, варяги, вооруженные тяжелыми сѣкирами.

Андроникъ ловко соскочилъ съ коня и, пройдя сплошные ряды воиновъ, поднялся по широкой каменной лѣстницѣ. Вскорѣ онъ очутился въ большой тронной залѣ.

Многочисленная толпа, сопровождавшая его до императорскаго дворца, осталась на площади и тѣснилась около варяговъ, охранявшихъ входъ въ императорское жилище.

Въ тронной залѣ стоялъ императоръ Алексѣй, въ великолѣп-

номъ царскомъ одѣяніи, и, рядомъ съ нимъ, его мать, красивая императрица Марія, въ простомъ черномъ платьѣ. Она была блѣдна и имѣла разсѣянный видъ.

Андроникъ упалъ на колѣни передъ императоромъ и облобызалъ его ноги. Затѣмъ онъ поднялся и, холодно взглянувъ на Марію, обратился съ привѣтственной рѣчью къ царствующему отроку:

— Государь,—сказалъ онъ:—ты видишь передъ собой вѣрнѣйшаго слугу и подданнаго, который явился сюда, чтобы посвятить тебѣ и твоему престолу свои послѣднія силы и самую жизнь. Удостой меня взоромъ очей твоихъ, милостивый государь и повелитель! Ты соизволилъ призвать меня; я тотчасъ же повиновался твоему приказанію. Я старъ и согнулся подъ тяжестью лѣтъ; но, тѣмъ не менѣе, явился на твой зовъ, потому что священный долгъ повелѣвалъ мнѣ исполнить клятву, данную мною твоему покойному отцу, и указалъ путь, по которому я долженъ слѣдовать. Да, государь, тебѣ готовъ я посвятить послѣдніе годы моей земной жизни; мое единственное стремленіе доставить безопасность твоему престолу...

Алексѣй стоялъ въ смущеніи, не зная, что̀ отвѣчать на эту рѣчь; онъ видѣлъ въ первый разъ въ своей жизни этого старца, по щекамъ котораго текли обильныя слезы, и не могъ прійдти въ себя отъ необычнаго зрѣлища. Алексѣй былъ невинный отрокъ и не зналъ ни языка льстецовъ, ни словъ притворства. Наконецъ, онъ овладѣлъ собой и сказалъ тихимъ, едва слышнымъ голосомъ:

— Андроникъ! императоръ Мануилъ, мой незабвенный отецъ, всегда любилъ тебя, и ты былъ нѣкогда избранъ имъ его ближайшимъ совѣтникомъ. Я также нуждаюсь въ твоемъ совѣтѣ и помощи; не въ силахъ я нести тяжесть вѣнца...

— О, государь,—возразилъ Андроникъ, и новый потокъ слезъ полился изъ его глазъ:—милость великаго Мануила была для меня драгоцѣннѣйшимъ сокровищемъ на землѣ, и я былъ неизмѣнно вѣрнымъ и преданнымъ слугою. Но презрѣнные льстецы съумѣли лишить меня его расположенія, и я принужденъ былъ вынести тяжелую кару изгнанія. Но, и при моемъ одинокомъ печальномъ существованіи, я ни минуты не забывалъ моего долга относительно моего государя и повелителя. Ежедневно отъ глубины сердца молился я объ его здравіи и благополучіи. Богу неугодно было, чтобы я засталъ его живымъ, но мнѣ дано, по крайней мѣрѣ, въ видѣ послѣдняго утѣшенія, узрѣть его сына и достойнаго преемника, и для него я готовъ сдѣлать все то, чего я не могъ исполнить для его отца.

— Съ этого часа,—возразилъ юный императоръ:—я отдаюсь въ твои руки, Андроникъ. Будь моимъ защитникомъ и руководителемъ. Престолъ окруженъ врагами и подвергается многочислен-

нымъ опасностямъ. Присутствіе вѣрнаго искренняго друга и храбраго военнаго героя устранитъ всякую опасность. Прими мою благодарность, Андроникъ.

Андроникъ слышалъ эти слова, которыя императоръ произнесъ слабымъ голосомъ, и, не смотря на все свое самообладаніе, онъ не могъ удержать торжествующей улыбки, озарившей все его лицо. Такой же торжествующій взглядъ бросилъ онъ на императрицу Марію, которая была свидѣтельницей этой сцены и стояла неподвижно, повидимому, безучастная ко всему. что происходило вокругъ нея.

«Съ этого часа, — сказалъ Алексѣй:—я отдаюсь въ твои руки, Андроникъ!» Невинный агнецъ очутился въ когтяхъ кровожаднаго волка. Несчастная жертва предана была въ руки жестокосердаго палача. Съ этого момента императорскій вѣнецъ упалъ съ головы Алексѣя, чтобы украсить чело Андроника. Огненный шаръ астролога Іоны уже затмилъ блестящую звѣзду.

Андроникъ снова преклонилъ колѣна передъ императоромъ, снова облобызалъ его ноги и, проливая обильныя слезы, вышелъ изъ залы.

Въ непосредственной близости съ императорскимъ дворцомъ, въ такъ называемой Манганской палатѣ, было приготовлено жилище для Андроника. Туда отправился онъ со своими приверженцами, чтобы отдохнуть отъ волненій истекшаго дня.

Здѣсь въ пышно убранномъ покоѣ расположился въ мягкомъ креслѣ Андроникъ; передъ нимъ, неразлучный какъ тѣнь, стоялъ его вѣрный Агіохристофоритъ.

— Ты видишь, Стефанъ, все случилось такъ, какъ мы этого желали,—сказалъ Андроникъ, на лицѣ котораго выражалось спокойствіе торжества.

— Я никогда не могъ представить себѣ,—возразилъ Агіохристофоритъ:—что путь окажется на столько легкимъ для насъ. Счастье долго было для тебя злой мачихой, но теперь оно снова улыбается тебѣ.

— Эта улыбка служитъ наилучшимъ предзнаменованіемъ для моей будущности. Но счастье, другъ мой, имѣетъ также свои причуды. Нынѣшній день начался благополучно для насъ, и конецъ его долженъ соотвѣтствовать началу. Я считаю недостаточнымъ, что нашъ опаснѣйшій врагъ побѣжденъ и поверженъ въ прахъ; онъ долженъ быть навсегда лишенъ возможности вредить намъ. Оцѣпенѣвшая змѣя можетъ снова возвратиться къ жизни и прійдти въ ярость. Поэтому всего разумнѣе отрубить ей голову. Ты понимаешь меня, Стефанъ?

— Понимаю, ты говоришь о протосевастосѣ.

— Гдѣ онъ?

— Въ оковахъ и въ тюрьмѣ! Онъ ожидаетъ отъ тебя рѣшенія его участи.

— Нужно ли объяснять тебѣ, въ чемъ будетъ заключаться мое рѣшеніе? Ты знаешь это, Стефанъ. Пойди и исполни его безъ дальнѣйшаго замедленія. Мы въ долгу передъ городскимъ населеніемъ, и оно вправѣ потребовать отъ насъ этого удовлетворенія. Мы должны отблагодарить византійцевъ за ихъ дружественный пріемъ. Воспользуемся случаемъ, чтобы выказать нашу признательность и достойнымъ образомъ увѣнчать прекрасный день. Иди, Стефанъ, медлить нечего!...

Агіохристофоритъ молча поклонился и вышелъ изъ комнаты; подобные люди безъ труда понимаютъ другъ друга.

Онъ шелъ быстрыми шагами, чтобы исполнить повелѣніе кровожаднаго господина, наполнявшее чувствомъ дикой радости его жестокое сердце. Все меньше и меньше становилось разстояніе, отдѣлявшее его отъ мѣста, гдѣ томился протосевастосъ. Это была темная, сырая тюрьма, и здѣсь нѣкогда могущественный Алексѣй съ трепетомъ ожидалъ рѣшенія своей участи.

Алексѣй хорошо зналъ, какая участь предстоитъ ему съ того часа, какъ его непримиримый врагъ вступилъ на почву Константинополя. Онъ, не знавшій никогда чувства жалости, былъ вполнѣ увѣренъ, что ему нечего ждать пощады отъ побѣдоноснаго врага, и поэтому, подавивъ глубокое чувство ненависти, наполнявшее его сердце, безропотно покорился своей судьбѣ съ смиреніемъ отчаянія. Поставленная передъ нимъ ѣда оставалась нетронутой, и только, время отъ времени, онъ выпивалъ нѣсколько капель воды, чтобы освѣжить свои запекшіяся губы. Ему и въ голову не приходило молить о пощадѣ; его гордое сердце не допускало даже мысли о подобномъ униженіи.

Агіохристофоритъ взялъ изъ рукъ тюремнаго сторожа большой тяжелый ключъ и, отворивъ дверь, вошелъ подъ темный сводъ. На него повѣяло сыростью и мракомъ могилы.

Алексѣй, лежавшій на землѣ, едва прикрытой соломой, приподнялъ голову.

— Кто ты? и зачѣмъ ты пришелъ сюда?—спросилъ онъ вошедшаго.

— Я исполнитель закона,—холодно возразилъ любимецъ Андроника:—и явился сюда, чтобы выполнить данное мнѣ повелѣніе. Вставай, Алексѣй, и слѣдуй за мной.

— Ты поведешь меня къ моимъ судьямъ?—спросилъ опять Алексѣй, не покидая своего ложа.

— Твои судьи окончили свое дѣло; ты осужденъ на смертную казнь!—отвѣтилъ коротко Агіохристофоритъ.

— Какой же это законъ предоставилъ подобное право моимъ судьямъ?—спросилъ узникъ съ горькой усмѣшкой.

— А по какому праву ты осмѣлился идти наперекоръ народу? По какому праву ты, Алексѣй, убивалъ невинныхъ, расточалъ государственную казну? Развѣ ты заботился о соблюденіи закона въ то время, когда въ своей ярости попиралъ ногами святѣйшія права человѣчества?

— Я не обязанъ отдавать тебѣ отчета въ своихъ поступкахъ,— возразилъ Алексѣй съ презрительнымъ взглядомъ.—Палачъ, дѣлай свое дѣло. Твоя обязанность достойна твоего господина.

Агіохристофоритъ молчалъ.

— Слышишь ли, что я говорю? Палачъ, дѣлай свое дѣло!

Агіохристофоритъ отворилъ дверь и сказалъ:

— Встань и иди за мной.

Оба вышли изъ мрачной темницы. Въ прихожей стояли три вооруженныхъ тюремщика.

Агіохристофоритъ сказалъ имъ шопотомъ нѣсколько словъ и сдалъ имъ на руки протосевастоса. Тюремщики вывели его на обширный дворъ, гдѣ собралась многочисленная народная толпа. Она состояла изъ людей низшаго класса: носильщиковъ, матросовъ и празднаго сброда, которые, завидя протосевастоса, привѣтствовали его дикимъ крикомъ и угрозами смерти.

Народъ всегда вѣренъ себѣ, безжалостенъ къ павшему величію, неукротимъ въ чувствѣ мести, кровожаденъ въ своей ярости.

Передъ воротами стояла неосѣдланная, жалкая кляча. На нее усадили протосевастоса и повели къ морскому берегу. Впереди выступалъ одѣтый въ лохмотья носильщикъ съ длиннымъ шестомъ, на которомъ развѣвалась грязная тряпка, изображавшая знамя; затѣмъ слѣдовала толпа, которая, изрыгая самыя ужасныя проклятія, бросала въ голову протосевастосу комки грязи и всякія нечистоты, поднятыя на улицѣ.

Константинопольцы, привѣтствовавшіе въ полдень восходящее свѣтило громкими криками ликованія, вечеромъ того же дня сопровождали съ проклятіями и угрозами закатившуюся звѣзду.

На морскомъ берегу протосевастосъ былъ переданъ двумъ палачамъ, выдѣлявшимся изъ толпы своей красной одеждой; они выкололи ему глаза и, бросивъ его въ лодку, сами сѣли въ нее. Медленно отчалила тяжело нагруженная лодка и направилась на средину залива.

Еще долго среди лодки, между двухъ палачей, виднѣлось окровавленное лицо несчастнаго страдальца. Затѣмъ оно внезапно исчезло, и легкій плескъ воды у борта лодки возвѣстилъ стоявшимъ на берегу, что протосевастосъ Алексѣй нашелъ себѣ въ волнахъ Босфора влажную могилу. Вскорѣ послѣ того лодка вернулась обратно, и въ ней сидѣло только двое палачей.

Такой кровавой ужасной сценой кончилось прекрасное весеннее утро, ознаменованное вышеописаннымъ радостнымъ событіемъ.

Въ то время, какъ протосевастосъ встрѣтилъ смерть въ сырой могилѣ, Андроникъ, возсѣдая въ роскошно-убранной залѣ, уже чувствовалъ заранѣе пріятное давленіе императорской короны на своей головѣ.

V.

Въ Пантократорскомъ монастырѣ.

Въ Пантократорскомъ монастырѣ, убѣжищѣ мира и успокоенія, вдали отъ лихорадочнаго движенія и шума городскаго, вдали отъ страстей, обуревающихъ сердце человѣка, покоился вѣчнымъ сномъ императоръ Мануилъ, въ посвященной Богу обители, гдѣ плачущіе и воздыхающіе ищутъ утѣшенія.

Мирно почивалъ въ Пантократорскомъ монастырѣ храбрый полководецъ Мануилъ, побѣдитель неукротимыхъ венгровъ и сербовъ, прославившій своими подвигами берега Меандера, послѣ жизни, исполненной волненій, послѣ долгихъ кровавыхъ битвъ съ честолюбивыми крестоносцами и дикими азіатскими ордами; здѣсь, согласно своей волѣ и выраженному передъ смертью желанію, нашелъ себѣ Мануилъ послѣднее убѣжище послѣ блистательныхъ военныхъ дѣяній, которыми онъ возвеличилъ свою родину, послѣ того, какъ своими рѣдкими доблестями онъ украсилъ новымъ блескомъ пышный престолъ Комненовъ. Въ темной монастырской церкви, направо отъ алтаря, подъ иконой Всевышняго находилась могила, заключавшая прахъ умершаго государя.

Величественно возвышался надъ могилой памятникъ изъ бѣлаго блестящаго мрамора, съ семью большими ступенями, на вершинѣ котораго красовалась золотая императорская корона.

Императоръ, который въ стольких битвахъ подвергалъ свою жизнь опасности и столько разъ храбро подставлялъ голову подъ смертоносные удары своихъ непримиримыхъ враговъ, скончался мирно и тихо въ столицѣ своего обширнаго государства, въ своемъ императорскомъ дворцѣ. Онъ сошелъ въ могилу съ утѣшительной увѣренностью, что исполнилъ свой долгъ передъ лицомъ Бога и свѣта, и съ единственной заботой, что оставляетъ престолъ слабому отроку, которому будетъ не подъ силу такое опасное наслѣдство. Мануилъ умеръ съ мучительной мыслью, что сынъ его остается на рукахъ сластолюбивой, тщеславной матери, ожидавшей только случая, чтобы предаться своимъ постыднымъ страстямъ. Зналъ онъ также, что хитрый льстецъ и коварный совѣтникъ, протосевастосъ Алексѣй, вмѣсто того, чтобы быть защитникомъ и руководителемъ юнаго неопытнаго монарха, будетъ намѣренно вводить его въ соблазнъ и сдѣлается его опаснѣйшимъ противникомъ.

Еще въ тѣ времена, когда Мануилъ находился въ цвѣтѣ лѣтъ и на высшей ступени своего могущества, онъ хотѣлъ дать сыну надежную опору и вѣрнаго слугу престолу; и съ этой цѣлью выбралъ онъ своего родственника Андроника Комнена, котораго любилъ, какъ роднаго брата. Но Андроникъ заплатилъ неблагодарностью за всѣ благодѣянія, оказанныя ему императоромъ, и, ослѣпленный ненасытнымъ честолюбіемъ, возъимѣлъ преступное намѣреніе присвоить себѣ корону, и поэтому осмѣлился мечтать о низверженіи престола и смерти своего благодѣтеля императора Мануила. Андроникъ, забывая священную клятву, произнесенную имъ императорскому дому, о соблюденіи его чести и благосостоянія, открыто поднялъ знамя возмущенія, и этимъ вынудилъ императора подавить чувство жалости въ своемъ добромъ сердцѣ и отправить въ изгнаніе неблагодарнаго родственника.

Съ этого часа мрачная завѣса сомнѣнія покрыла въ глазахъ императора будущность его сына. Много разъ, когда онъ видѣлъ своего сына, невиннаго младенца, играющимъ въ дѣтскія игры или слышалъ его веселый смѣхъ, у него изъ глазъ лились горячія слезы и болѣзненно сжималось его мужественное сердце, никогда не знавшее ни страха, ни унынія.

Эти снѣдающія сердце заботы отравили послѣдніе дни жизни императора Мануила. Чувствуя приближеніе кончины, онъ призвалъ сына къ смертному одру, долго прижималъ его къ своей груди и, наконецъ, сказалъ ему: «Алексѣй, сынъ мой, я покидаю этотъ міръ и оставляю тебя среди всевозможныхъ опасностей. Будь вѣренъ твоему высокому призванію и никогда не измѣняй ему, будь строгимъ блюстителемъ правосудія и отцомъ народа, которымъ тебѣ суждено управлять. Да направитъ Всевышній стопы твои!»

Умирающій отецъ поизнесъ послѣднія слова дрожащимъ голосомъ; дрожащей рукой передалъ онъ сыну перстень, символъ императорской власти. Затѣмъ ослабѣвшими глазами, омраченными тѣнью смерти, Мануилъ еще разъ взглянулъ на сына, посылая ему послѣдній прощальный привѣтъ.

Мануилъ лежалъ мертвый въ могилѣ; сынъ его Алексѣй занялъ византійскій престолъ, этотъ опасный скользкій постъ, съ котораго было свергнуто столько могущественныхъ людей. Опять на ступеняхъ престола очутился старый совѣтникъ, изгнанный Андроникъ, который въ глубинѣ души таилъ непримиримую ненависть къ дому своего государя.

Между тѣмъ надъ одинокой могилой Мануила стягивались тяжелыя зловѣщія облака и нарушали сонъ смерти; лампада, горѣвшая надъ могилой, тускло свѣтилась и мерцала, какъ бы готовая погаснуть. Мрачные своды церкви наполнились тѣнями отжившихъ отшельниковъ съ оскаленными зубами и черными впади-

нами, вмѣсто глазъ; вокругъ каменной могилы слышались глухіе стоны и вздохи.

Кто же это осмѣливается нарушить покой смерти? Кто вступаетъ въ уединенный храмъ, гдѣ находится могила умершаго императора? Кто переступилъ этотъ порогъ, за которымъ прекращаются мірскія страсти?

Вотъ все ближе и ближе надвигаются тѣни, наполняющія собой высокіе своды, еще плотнѣе становятся облака. Затѣмъ все смолкло и какъ бы окаменѣло при появленіи незваннаго гостя. Холодный камень могилы вопросительно смотрѣлъ на вошедшаго, точно хотѣлъ сказать ему: «Кто бы ты ни былъ и откуда бы ни пришелъ, не подходи и не прикасайся ко мнѣ! Я неизмѣнный стражъ ввѣреннаго мнѣ залога, охраняю вѣчный сонъ погребеннаго здѣсь человѣка; я не допущу, чтобы дерзновенная рука дотронулась до меня и чтобы святотатственный взоръ проникъ вглубь этой могилы! Можешь ли ты, смертный, разгадать тайну смерти? Здѣсь предѣлъ всѣмъ богатствамъ и почестямъ, всякой славѣ! Здѣсь покоится великій, могущественный государь, владѣтель многихъ странъ. Смотри, какъ не велико мѣсто, которое онъ занимаетъ здѣсь. Онъ, которому цѣлый міръ казался слишкомъ малымъ и тѣснымъ, довольствуется теперь небольшимъ уголкомъ земли. Удались отсюда, смертный, не нарушай его покоя!»

Но человѣкъ, вошедшій въ церковь, не отступилъ назадъ, не внялъ предостерегавшему его голосу. Онъ смѣло шелъ впередъ; это былъ человѣкъ съ желѣзной волей, не знавшій препятствій на своемъ пути; это былъ Андроникъ Комненъ, недавній изгнанникъ, который подъ видомъ посѣщенія могилы покойнаго императора и своего родственника, пришелъ съ цѣлью поруганія надъ прахомъ умершаго властелина. Онъ пришелъ, чтобы усладить свой взоръ лицезрѣніемъ павшаго врага и утолить на хладной могилѣ мучившую его жажду мести; онъ пришелъ въ святой храмъ, чтобы осквернить его притворными слезами и лицемѣрными выраженіями мнимаго горя.

— Гдѣ могила императора Мануила? — спросилъ Андроникъ, едва вступивъ на почву столицы.

— Въ Пантократорскомъ монастырѣ, — отвѣтили ему.

— Я отправлюсь туда, чтобы помолиться на могилѣ моего благодѣтеля, — сказалъ на это Андроникъ.

Онъ сдержалъ слово и отправился въ Пантократорскій монастырь въ сопровожденіи своихъ двухъ вѣрныхъ приверженцевъ, Агіохристофорита и Трипсиха.

Оба спутника остались у церковныхъ дверей; Андроникъ приблизился одинъ къ могилѣ и стоялъ съ непокрытой головой передъ каменнымъ памятникомъ.

Онъ простеръ руки; губы его шепчутъ какія-то слова. Не слова ли

это молитвы за усопшихъ? За кого молится Андроникъ? Обильныя слезы льются изъ его глазъ. но слезы, это могущественное орудіе лицемѣровъ, ничего не стоятъ Андронику.

Его вѣрные приверженцы видятъ, какъ онъ склонился надъ могильнымъ камнемъ. Вотъ онъ прикоснулся губами къ холодному мрамору. Что говоритъ онъ? Слова его сливаются въ неясный, чуть слышный шопотъ. Но тѣни подъ темными сводами ясно слышатъ ихъ; имъ понятенъ смыслъ его рѣчей.

Это—не слова молитвы, а проклятія и злобное глумленіе надъ умершимъ, которымъ онъ старается облегчить свою низкую душу.

— Бѣднякъ,—прошепталъ онъ, обращаясь къ усопшему государю:—ты изгналъ меня и, осудивъ на долголѣтнее странствованіе, сдѣлалъ несчастнѣйшимъ изъ людей. А теперь, Мануилъ, ты обратился въ прахъ и лежишь въ тѣсной могилѣ, и нѣтъ для тебя исхода изъ твоей глубокой темницы. Ты спишь непробуднымъ сномъ и ожидаешь трубнаго призыва къ послѣднему суду. Куда дѣвалось твое могущество, Мануилъ? Гдѣ твоя слава и величіе? Ты излилъ на меня всю злобу твоей порочной души и долженъ былъ умереть, а я, несчастный, преслѣдуемый, изгнанный тобою, пережилъ тебя!...

Онъ снова прикоснулся губами къ памятнику и пролилъ обильныя слезы.

Агіохристофоритъ, слѣдившій съ умиленіемъ за этой сценой сказалъ вполголоса Трипсиху:

— Смотри, онъ молится!

Андроникъ продолжалъ шопотомъ свое надгробное слово умершему:

— Ты заклеймилъ меня своимъ презрѣніемъ, Мануилъ! Часъ воздаянія насталъ. Я возложу на себя твою корону, буду сидѣть на твоемъ престолѣ, жить въ императорскомъ дворцѣ, изъ котораго ты изгналъ меня. Твоя богатая столица, царь городовъ, какъ ты называлъ ее въ гордомъ сознаніи своего величія, теперь всецѣло принадлежитъ мнѣ. Можешь ли ты видѣть меня? Ты трепещешь въ могилѣ за своего сына? Онъ въ моей власти. Если ты можешь, то спаси его изъ моихъ рукъ. Безумный, ты надѣялся утвердить на вѣчныя времена господство твоего дома! Какъ постыдно обманулся ты въ своемъ разсчетѣ!...

Съ этими словами онъ въ послѣдній разъ прикоснулся губами къ мраморному памятнику; слезы текли изъ его глазъ.

Подъ темными сводами церкви какъ будто послышался зловѣщій хохотъ; изъ мрака выступили на мгновеніе безглазые черепа, оскаливъ свои бѣлые зубы.

Андроникъ направился къ выходу; онъ едва держался на ногахъ отъ слабости.

Вѣрные слуги поспѣшили къ нему на помощь и вывели подъ руки изъ храма.

Дверь затворилась за ними. Уединеніе и тишина снова водворились въ Пантократорскомъ монастырѣ, гдѣ почилъ послѣднимъ сномъ Мануилъ Комненъ.

— —

VI.

Императрица Марія.

Въ подземельяхъ великолѣпнаго императорскаго дворца Филопатіума тянулся рядъ темницъ со сводами, грубо высѣченными въ скалѣ.

Обширныя, свѣтлыя залы дворца отличались красотой и пышностью убранства; на окрашенныхъ въ пурпуръ тканяхъ блестѣло золото; гладкія полированныя стѣны представляли пріятный контрастъ съ пестрыми украшеніями потолковъ. На столько же темны и мрачны были подземныя темницы; сырость и плѣсень окрашивала толстыя стѣны сѣровато-грязнымъ цвѣтомъ; холодный обнаженный камень и обитыя желѣзомъ двери свидѣтельствовали о печальномъ назначеніи этихъ подземныхъ помѣщеній.

На верху ярко сіяло солнце, царила роскошь, улыбалась жизнь; внизу господствовали мракъ, отчаяніе и смерть. Въ то время, какъ надъ землею въ роскошно убранныхъ залахъ гордо возсѣдали великіе міра сего, любимцы счастья, державшіе въ своихъ рукахъ судьбы многихъ тысячъ людей, внизу въ подземельяхъ томились злополучные люди, лишенные свѣта и воздуха, свергнутые съ высоты славы и почестей въ глубокую пропасть безвыходнаго отчаянія. Широко пользовались всѣми благами земными живущіе на верху баловни судьбы и съ ужасомъ думали о смерти, въ которой видѣли предѣлъ своихъ наслажденій. Но смерть была желанной гостьей въ подземельѣ, гдѣ несчастные узники со слезами призывали ее, какъ единственное избавленіе отъ ихъ земныхъ страданій. Между тѣми и другими была неизмѣримая пропасть, хотя они находились въ непосредственномъ сосѣдствѣ другъ отъ друга, и только нѣсколько пядей земли раздѣляло ихъ.

Въ послѣдніе годы правленія императора Мануила эта подземная тюрьма почти опустѣла, потому ли, что желѣзная рука смерти разбила оковы большинства заключенныхъ, или не явилось сюда новыхъ постояльцевъ. Императоръ Мануилъ только въ крайнихъ случаяхъ допускалъ подобное посягательство на человѣческую свободу и всегда предпочиталъ покончить съ своимъ врагомъ однимъ рѣшительнымъ ударомъ. Въ этомъ сказывалось его

безпримѣрное милосердіе, которое всего менѣе можно было ожидать отъ византійскаго деспота.

Но послѣ смерти Мануила, когда кровожадный протосевастосъ Алексѣй, именемъ невиннаго отрока, насильственно овладѣлъ правленіемъ, снова стала населяться подземная тюрьма Филопатіума и огласилась стонами жертвъ насилія и мести. Протосевастосъ, при своемъ жестокосердіи, любилъ бродить по мрачнымъ переходамъ подземелья и упиваться безсильнымъ отчаяніемъ своихъ несчастныхъ жертвъ.

Въ одной изъ этихъ подземныхъ темницъ, или, выражаясь точнѣе, въ тѣсной зловонной ямѣ, долгое время никѣмъ ни обитаемой и служившей убѣжищемъ для всякихъ насѣкомыхъ и черныхъ пауковъ, помѣщена была женщина, которую еще такъ недавно покрывала пурпуровая мантія. Немного дней прошло съ тѣхъ поръ, какъ она была центромъ, вокругъ котораго все вращалось, рукой, управлявшей цѣлымъ государствомъ.

Эта женщина, заключенная въ тѣсной подземной темницѣ, была Марія, вдова покойнаго императора Мануила и мать царствующаго императора Алексѣя.

Смерть могущественнаго протосевастоса оставила ее беззащитной; но въ своемъ высокомѣріи она не захотѣла смириться передъ Андроникомъ, вслѣдствіе чего была захвачена, по его повелѣнію, и брошена въ мрачное подземелье. Напрасно призывала она на помощь своего царственнаго сына; слабый отрокъ, безсильный передъ желѣзной волей Андроника, не могъ ничего сдѣлать для своей матери, и несчастная Марія пришла въ полное уныніе. Въ началѣ надменная женщина обольщала себя надеждой, что въ состояніи будетъ бороться противъ Андроника, но вскорѣ она увидѣла, что всѣ ея усилія напрасны, и убѣдилась въ окончательномъ торжествѣ своего врага. Андроникъ не замедлилъ воспользоваться одержанной побѣдой и изъ боязни, чтобы змѣя снова не подняла головы, рѣшилъ лишить ее возможности вредить ему. Въ силу власти, предоставленной ему императоромъ, онъ отправилъ въ заключеніе императрицу Марію, но, чтобы оправдать передъ свѣтомъ свой поступокъ и придать видъ законности строгому приговору, на который она была заранѣе обречена, онъ рѣшилъ, по возможности, спѣшить съ ея процессомъ.

Императрица спокойно относилась къ своей будущности; она была убѣждена, что никто изъ судей не посмѣетъ произнести смертный приговоръ надъ матерью ихъ императора и повелителя. Между тѣмъ Андроникъ принялъ всѣ мѣры предосторожности и нетерпѣливо ждалъ момента, чтобы нанести опасной соперницѣ послѣдній ударъ.

Наступилъ часъ, когда тюремные сторожа, вѣчно бодрствующіе церберы и послушныя орудія новаго властелина, дѣлали свой ве-

черній обходъ, чтобы удостовѣриться, что все спокойно, и въ то же время, чтобы раздать голоднымъ страдальцамъ скудную пищу для продленія ихъ печальнаго существованія.

Въ темницу императрицы вошелъ рослый тюремщикъ, отталкивающей наружности, съ зажженнымъ факеломъ и кускомъ хлѣба. Высоко приподнявъ факелъ надъ своей головой, онъ окинулъ взглядомъ лежавшую на соломѣ женщину и сказалъ ей съ громкимъ смѣхомъ, который глухо раздался подъ каменными сводами:

— Сегодня поваръ опоздалъ немного съ своимъ ужиномъ. Но мы, всетаки, не забыли о тебѣ.

Съ этими словами онъ презрительно бросилъ ей на землю кусокъ хлѣба.

— Прекрати свои грубыя шутки,—сказала императрица, указывая на дверь тюремщику.—Убирайся прочь!

— Какъ?—возразилъ онъ съ усмѣшкой.—Развѣ ты недовольна, что я принесъ тебѣ ѣду? Даже тигръ, самый дикій изъ звѣрей, чувствуетъ нѣкоторую благодарность къ тому, кто кормитъ его; неужели у тебя сердце хуже, чѣмъ у тигра?

— Уходи, я не желаю выслушивать замѣчанія отъ такихъ негодяевъ, какъ ты!—воскликнула императрица, поднимаясь на ноги; въ то же время ея блѣдное лицо побагровѣло отъ гнѣва.

— Вотъ такъ!—отвѣтилъ грубо тюремщикъ:—теперь ты называешь меня негодяемъ, потому что получила свою порцію. Увидимъ, что ты скажешь, когда я вовсе не принесу тебѣ хлѣба! Еще съ какимъ нетерпѣніемъ будешь ждать меня! Ты обрадуешься моему приходу, встрѣтишь меня какъ спасителя!..

— Да, дѣйствительно, я должна чувствовать къ тебѣ благодарность за этотъ жалкій кусокъ хлѣба!—сказала Марія съ улыбкой отчаянія на губахъ.

— Ну, а что̀ бы ты сдѣлала, если бы у тебя не было и этого куска хлѣба?

— Если бы я и этого была лишена,—отвѣтила задумчиво Марія:—то чувствовала бы себя счастливѣе.

— Это слишкомъ глубокомысленно и непонятно для меня. Я исполняю то, что мнѣ приказано, а все остальное меня не касается.

— Тебѣ, вѣроятно, обѣщана награда за тѣ оскорбленія, которыя ты позволяешь себѣ относительно меня?

— Не спрашивай, я не смѣю больше ничего сказать тебѣ.

— Ну, довольно! Избавь меня отъ твоего присутствія.

— До свиданія, завтра увидимся!—сказалъ тюремщикъ съ дерзкой улыбкой.—Надѣюсь, что завтра ты будешь благоразумнѣе, и я найду тебя въ болѣе спокойномъ расположеніи духа.

Затѣмъ, внимательно осмотрѣвъ углы мрачной темницы, онъ медленно удалился. Тяжелая дверь закрылась за нимъ съ глухимъ шумомъ.

— Негодяй! — воскликнула Марія, опускаясь на соломенное ложе. — Теперь вы торжествуете! Но скоро и для меня пробьетъ часъ побѣды, и тогда горе вамъ!

Она подняла съ полу кусокъ хлѣба и начала грызть его. Но едва успѣла она опомниться послѣ ухода тюремщика, какъ снова отворилась дверь, и въ темницу вошелъ Андроникъ. Онъ былъ одинъ и держалъ въ рукѣ маленькій фонарь, освѣтившій блѣднымъ свѣтомъ мрачные своды темницы.

— Мой привѣтъ императрицѣ! — сказалъ Андроникъ съ низкимъ поклономъ.

— Тебя ли я вижу здѣсь! — воскликнула императрица, бросаясь въ сторону, точно ужаленная змѣей.

— Что съ тобой? Ты, кажется, забываешь старыхъ друзей? — спросилъ Андроникъ, подходя ближе.

— Не ты ли мой другъ? — возразила Марія съ иронической улыбкой.

— Я пришелъ къ тебѣ сегодня, какъ вѣрный, преданный другъ. Ты не вѣришь мнѣ? Но всѣ твои сомнѣнія исчезнутъ, когда ты узнаешь причину, которая меня привела къ тебѣ.

— Неужели мнѣ нужны еще какія нибудь доказательства? — сказала Марія. — Цѣль твоего прихода мнѣ достаточно извѣстна. Ты явился сюда, чтобы усладить свои взоры видомъ несчастной жертвы.

— Ты ошибаешься, я не для этого пришелъ сюда! — возразилъ Андроникъ такимъ рѣшительнымъ тономъ, что даже Марія, хорошо знавшая его, съ недоумѣніемъ взглянула на него, какъ бы ожидая чего-то. — Прежде всего, — продолжалъ Андроникъ: — выслушай то, что я имѣю сказать тебѣ. Мы вели другъ противъ друга ожесточенную борьбу, и я остался побѣдителемъ. Тѣмъ не менѣе, я первый прихожу сегодня къ тебѣ, моей униженной противницѣ, и протягиваю руку примиренія. Вотъ моя рука! Съ этой минуты считай меня твоимъ другомъ.

— Какого возмездія потребуешь ты отъ меня за твое великодушіе? — спросила Марія, глядя пристально ему въ глаза. — Я желала бы узнать, на какихъ условіяхъ будетъ заключенъ нашъ союзъ?

— Мои условія не тяжелы. Когда ты узнаешь, въ чемъ дѣло, то убѣдишься, что тебѣ нетрудно будетъ исполнить мое требованіе и что за ничтожную услугу ты пріобрѣтешь несравненно большія выгоды.

— Я не понимаю тебя.

— Вопросъ идетъ о престолѣ. Этотъ гордый освященный вѣками престолъ занятъ неопытнымъ отрокомъ, рука котораго не въ силахъ держать бразды правленія такого государства, какъ Византійское...

— Этотъ императоръ, — прервала Марія: — мой сынъ!

— Да, онъ твой сынъ! Но императорская корона слишкомъ тяжела для его головы, а отъ этого страждетъ государство...

— Слѣдовательно, ты хочешь?..

— Не прерывай меня. Мое единственное желаніе устранить зло и спасти отъ бѣдствій страну. Неужели ты думаешь, что я прибылъ сюда изъ отдаленныхъ провинцій Азіи, чтобы быть свидѣтелемъ паденія моей родины? Надежда исцѣлить ея раны привлекла меня сюда, а для достиженія этой цѣли мнѣ необходимо твое содѣйствіе, Марія.

— И ты требуешь отъ меня?...—спросила императрица, бросивъ на него гордый взглядъ.

— Я желаю одного, чтобы ты снова вступила на престолъ, который ты занимала при жизни Мануила, и оказала мнѣ съ своей стороны извѣстную помощь... Я требую, чтобы ты сняла корону съ головы недостойнаго отрока и...

— И увѣнчала ею твою голову? Не такъ ли? Ты вѣдь этого требуешь отъ меня?

Андроникъ молчалъ.

— Ты хочешь, — продолжала Марія: — чтобы я, бывшая императрица, супруга Мануила, нарушила данную клятву и погубила моего сына и императора? Ты хочешь, чтобы я помогла тебѣ въ достиженіи императорской короны?...

— Я хочу,—сказалъ Андроникъ, глаза котораго сверкнули при этихъ словахъ: — чтобы ты привела теперь въ исполненіе планъ, нѣкогда задуманный тобой съ протосевастосомъ Алексѣемъ, и чтобы ты сидѣла рядомъ со мной на престолѣ, въ качествѣ моей супруги и императрицы.

— Твоей супруги?—воскликнула съ испугомъ Марія, отступая назадъ.—Твоей супруги? Мнѣ выйдти замужъ за человѣка, на рукахъ котораго еще не высохла кровь его родственника, протосевастоса?

— Развѣ ты не готовилась выйдти замужъ за Алексѣя, обагреннаго кровью столькихъ жертвъ? Ты не остановилась передъ преступленіемъ, когда мечтала украсить короной его главу? Развѣ ядъ, который долженъ былъ привести къ достиженію этой цѣли, не былъ приготовленъ твоей рукой? А теперь ты колеблешься, Марія? Ты съ ужасомъ отступаешь назадъ, хотя въ настоящій моментъ я дружески обратился къ тебѣ и съ полнымъ довѣріемъ, чтобы предложить договоръ, выгодный для обоихъ насъ во всѣхъ отношеніяхъ?

Марія, вмѣсто отвѣта, бросила на своего противника гнѣвный взглядъ, исполненный ненависти.

— Ты молчишь, Марія? — продолжалъ Андроникъ. — Значитъ, ты отвергаешь руку, которую такъ чистосердечно предлагаютъ тебѣ, и предпочитаешь этотъ сырой сводъ блестящей тронной залѣ?

Черствый кусокъ хлѣба кажется тебѣ вкуснѣе всѣхъ изысканныхъ блюдъ императорскаго стола?... Почему такая несправедливость, Марія? Развѣ ты сама, на вершинѣ своего величія, не хотѣла добровольно совершить то, что я нынѣ предлагаю тебѣ? Почему именно теперь, когда ты находишься въ тюрьмѣ и несчастьѣ, тебя пугаетъ поступокъ, передъ которымъ ты не задумалась въ былыя времена?

— О, Боже, Боже!—пробормотала Марія, поднявъ глаза къ небу.

— Не смотря на выгодное условіе, которое я предлагаю тебѣ, ты не хочешь сдѣлать для меня того, что нѣкогда охотно сдѣлала бы для протосевастоса? Какъ дрожитъ твоя рука!.. Неужели такъ долго нужно убѣждать тебя?

— Уйди, уйди отсюда!—сказала несчастная женщина, закрывъ лицо обѣими руками. — Не искушай меня!

— Марія, совѣтую тебѣ обдумать свое рѣшеніе! — сказалъ Андроникъ, и въ глазахъ его снова сверкнулъ гнѣвъ. — Какъ только нога моя переступитъ этотъ порогъ и эта желѣзная дверь закроется за мной, то будетъ слишкомъ поздно. Ты видишь, Марія, одной рукой предлагаю я тебѣ почести и престолъ, въ другой держу наготовѣ орудіе мести. Не отвергай моей дружбы, Марія, въ противномъ случаѣ, я буду строгъ и неумолимъ къ тебѣ.

— Ты требуешь, чтобы я сдѣлалась убійцей роднаго сына? — проговорила вполголоса Марія, какъ бы разсуждая наединѣ съ собой. — Неужели я буду женой преступника, который безжалостно отнялъ у меня все, что я любила на землѣ? И съ этимъ человѣкомъ раздѣлю я престолъ? О, Боже милостивый!...

— Вспомни, — воскликнулъ Андроникъ: — что у тебя всего осталось нѣсколько минутъ на размышленіе и, какъ только пройдутъ эти минуты, никакая власть на землѣ не въ состояніи будетъ спасти тебя. Не думай, что твое упорство можетъ измѣнить что либо. Я и безъ твоей помощи достигну своей цѣли. Я предлагаю тебѣ жизнь или смерть. Рѣшайся! которую изъ двухъ выбираешь ты?

— Смерть! Тысячу разъ смерть!—отвѣтила Марія, бросивъ на своего врага взглядъ, исполненный презрѣнія.

— Это твой рѣшительный отвѣтъ?

— Удались съ моихъ глазъ, злодѣй! Прочь отсюда!

— Марія, опомнись! Лишь эта дверь закроется за мной, она будетъ твоей могильной плитой!

— Уйдешь ли ты отсюда, негодяй? — воскликнула императрица. — Жизнь, купленная такой цѣной, хуже тысячи смертей! Уходи скорѣе!

— Глупая женщина! Ты сама произнесла свой смертный приговоръ,—сказалъ Андроникъ и, поднявъ съ полу фонарь, вышелъ изъ мрачной темницы.

Тяжелая дверь снова закрылась за нимъ; глубокая ночь сразу

охватила подземелье, гдѣ томилась несчастная Марія, мать императора.

Андроникъ направился быстрыми шагами къ лѣвому отдѣленію императорскаго дворца, гдѣ находились его покои. Хитрый совѣтникъ и опекунъ царствующаго отрока не хотѣлъ ни минуты оставаться вдали отъ своего питомца, чтобы не утратить надъ нимъ власти, пріобрѣтенной съ такимъ искусствомъ.

Здѣсь, въ обширной залѣ, четверо придворныхъ ожидали прихода Андроника. Это были его два вѣрныхъ приверженца: Стефанъ Агіохристофоритъ и Трипсихъ; съ ними были двое другихъ: Птеригіонитъ, человѣкъ высокаго роста, суровой отталкивающей наружности, и Димитрій Торникій, съ отблескомъ кротости въ глазахъ, который встрѣчается только у людей съ добрымъ впечатлительнымъ сердцемъ.

Всѣ четверо встали при видѣ Андроника и привѣтствовали его низкимъ поклономъ.

Трипсихъ первый прервалъ молчаніе.

— Твое посѣщеніе было довольно продолжительно, князь,— сказалъ онъ, обращаясь къ Андронику.

Андроникъ ничего не отвѣтилъ и, занявъ свое обычное мѣсто, легкимъ движеніемъ головы пригласилъ присутствующихъ послѣдовать его примѣру. Затѣмъ онъ погрузился въ глубокую думу; въ залѣ опять водворилась тишина, такъ какъ никто не рѣшался прервать нить его размышленій.

Наконецъ, онъ поднялъ голову и заговорилъ рѣзкимъ прерывистымъ голосомъ, напоминающимъ шипѣніе змѣи:

— Вы собрались сегодня, чтобы рѣшить важный вопросъ. Отъ этого рѣшенія зависитъ благосостояніе нашей родины. Вы должны сегодня произнести приговоръ, о значеніи котораго считаю лишнимъ распространяться. Обратите надлежащее вниманіе на вопросъ, который я вамъ сдѣлаю, и отвѣчайте рѣшительно и ясно: «Какому наказанію долженъ подвергнуться измѣнникъ отечеству»?

— Смертной казни,—возразилъ поспѣшно Трипсихъ.

— Сегодня вы должны произнести приговоръ надъ подобнымъ измѣнникомъ,—добавилъ Андроникъ.—Этотъ опасный измѣнникъ въ нашихъ рукахъ, и мы должны судить его, какъ повелѣваютъ законы нашей страны.

— Назови его намъ,—сказалъ Трипсихъ.

— Да, я назову его, но предупреждаю васъ,—сказалъ Андроникъ, поднявъ руку и бросивъ мимолетный взглядъ на Торникія:— что вы не должны обращать ни малѣйшаго вниманія на имя и общественное положеніе преступника. Законъ неумолимъ въ своемъ правосудіи и долженъ съ одинаковой строгостью примѣняться къ каждому, кто бы онъ ни былъ. Измѣнникъ, котораго мы должны судить сегодня, не кто иной, какъ Марія Комненъ, императрица,

которая въ ожиданіи заслуженной кары заключена въ подземную темницу...

— Законъ, — прервалъ его старый Торникій, поднимаясь съ мѣста:—требуетъ, чтобы подсудимый присутствовалъ на судѣ и могъ представить свои оправданія. Почему не приглашена сюда императрица Марія?

— Давно ли, Торникій, научился ты противиться моимъ рѣшеніямъ!—воскликнулъ Андроникъ, побагровѣвъ отъ гнѣва.

— Законъ достаточно ясенъ, князь,—возразилъ старикъ покойнымъ, серьёзнымъ тономъ.—Развѣ ты хочешь поставить себя выше закона?

— Да будетъ тебѣ извѣстно, Торникій,—крикнулъ Андроникъ:—что моей волѣ долженъ подчиниться всякій законъ. Я рѣшилъ это, я такъ хочу, и такъ должно быть. Мы можемъ сегодня обойдтись безъ твоего совѣта.

Старикъ глубоко вздохнулъ и молча вышелъ изъ комнаты.

— Безумецъ! ты раскаешься въ своихъ словахъ!—сказалъ Андроникъ, устремивъ пристальный взоръ на дверь, за которой исчезъ Торникій.

Затѣмъ, обращаясь къ своимъ тремъ приверженцамъ, онъ добавилъ:

— Измѣнника ожидаетъ смертная казнь; я назвалъ его. Теперь сообщу вамъ, въ чемъ заключается измѣна. Вамъ извѣстно, что непобѣдимый венгерскій король, Бела, зять Маріи, давній закоснѣлый врагъ нашей родины, въ послѣднее время позволилъ присвоить себѣ два богатѣйшихъ города, которые до сихъ поръ оставались вѣрны нашему императорскому дому. Венгерскій король никогда не рѣшился бы на такое наглое посягательство, если бы императрица не подговорила его къ этому; она собственно и облегчила ему всѣми средствами трудную задачу. Въ моихъ рукахъ письма, подтверждающія вину этой женщины, которая, вопреки своему прямому долгу, заключила союзъ съ нашимъ злѣйшимъ врагомъ... Теперь вамъ извѣстенъ измѣнникъ, и вы знаете, въ чемъ заключается измѣна. Вамъ не нужно дальнѣйшихъ доказательствъ. Судите по закону; помните, что я требую отъ васъ немедленнаго рѣшенія.

— Князь, мы рѣшимъ это дѣло съ быстротою молніи!—сказалъ Птеригіонитъ.—Измѣнникъ долженъ умереть.

— Смерть измѣннику!—воскликнули въ одинъ голосъ Агіохристофоритъ и Трипсихъ.

— Составьте приговоръ,—сказалъ Андроникъ:—еще нужно будетъ скрѣпить его подписью императора.

Трипсихъ, секретарь этого противозаконнаго суда, досталъ изъ широкихъ складокъ своей верхней одежды кусокъ пергамента и принялся писать приговоръ, по которому императрица Марія, ули-

ченная въ государственной измѣнѣ, присуждалась къ смертной казни.

Пока составлялся приговоръ, Андроникъ стоялъ у окна и смотрѣлъ на зеркальную голубую поверхность Босфора, который разстилался передъ его глазами. Онъ упорно молчалъ, и только легкое дрожаніе рукъ свидѣтельствовало о томъ лихорадочномъ нетерпѣніи, которое онъ испытывалъ въ эту минуту.

Онъ остался побѣдителемъ въ борьбѣ съ могущественной соперницей, но чтобы, довершить побѣду, онъ хотѣлъ собственными глазами видѣть ея гибель. Только смерть Маріи могла увѣнчать его торжество, и Марія должна была умереть.

Онъ предоставилъ составленіе акта тремъ судьямъ, дѣйствовавшимъ по его повелѣнію, и ждалъ только, чтобы они окончили свое дѣло, такъ какъ хотѣлъ самъ отнести на утвержденіе императора роковой приговоръ, который не могъ быть приведенъ въ исполненіе безъ его подписи.

Эта подпись была двойнымъ униженіемъ для царствующаго отрока: какъ со стороны сыновней привязанности, такъ и достоинства его императорскаго сана; онъ долженъ былъ утвердить смертный приговоръ родной матери и въ то же время увѣнчать побѣду своего могущественнаго врага.

Быть можетъ, Андроникъ и чувствовалъ нѣкоторыя угрызенія совѣсти, рѣшаясь потребовать отъ императора поступка, противнаго человѣческой природѣ? Но онъ твердо рѣшилъ, что высокомѣрная женщина, которая одна осмѣлилась противиться ему, будетъ вычеркнута изъ списка живыхъ. Должна была пасть послѣдняя преграда, отдѣлявшая честолюбиваго человѣка отъ престола, и кровавый приговоръ подкупнаго суда долженъ быть немедленно утвержденъ императоромъ.

Приговоръ былъ дописанъ, Андроникъ съ судорожной поспѣшностью выхватилъ пергаментъ изъ рукъ Трипсиха и удалился изъ залы.

Онъ направился быстрыми шагами къ правому отдѣленію дворца, гдѣ находились покои императора.

Несчастная Марія! Холодная рука смерти стучится въ дверь твоей мрачной темницы. Твой непримиримый врагъ держитъ въ рукахъ своихъ роковой пергаментъ, обрекающій тебя на смерть! Поспѣшные шаги Андроника уже раздаются на широкой каменной лѣстницѣ, ведущей въ покои монарха! Это—послѣдніе звуки колокола, сопровождающіе приговореннаго на кровавые подмостки эшафота!

Бѣдная Марія! Твой коварный врагъ предлагалъ тебѣ свою руку; онъ хотѣлъ посадить тебя рядомъ съ собою на престолѣ. Ты отвергла его и осмѣлилась не принять его даровъ! Теперь смерть ожидаетъ тебя!

Андроникъ вошелъ на лѣстницу, ведущую въ императорскіе покои, чтобы принудить невиннаго отрока дать письменный приказъ къ выполненію роковаго приговора.

Андроникъ засталъ императора Алексѣя въ большой тронной залѣ. Могущественный государственный сановникъ бросилъ угрожающій взглядъ на царствующаго отрока. Кровожадный волкъ уже давалъ чувствовать свои когти слабой, безсильной жертвѣ.

— Въ твоей власти казнить и миловать, великій государь и повелитель,—началъ Андроникъ, становясь на колѣни передъ императоромъ:—сегодня ты долженъ подписать смертный приговоръ измѣннику!

Съ этими словами онъ подалъ пергаментъ Алексѣю.

Едва молодой императоръ прочелъ нѣсколько строкъ, какъ смертельная блѣдность покрыла лицо его.

— Законъ строгъ къ измѣнникамъ,—добавилъ Андроникъ, поднимаясь на ноги.

— Смертный приговоръ императрицѣ!—пробормоталъ Алексѣй:—отъ меня требуютъ смерти моей матери!

— Женщина, которая осмѣлилась предать страну нашему злѣйшему врагу, не можетъ быть императрицей,—сказалъ Андроникъ, медленно и съ удареніемъ произнося каждое слово:—женщина, посягнувшая на престолъ и жизнь своего властелина и императора не достойна называться твоей матерью!

— Возможно ли?... проговорилъ съ усиліемъ Алексѣй, и пергаментъ задрожалъ въ его рукѣ:—ты хочешь, чтобы я подписалъ ея смертный приговоръ?.. предалъ мою мать въ руки палачей?.. О Боже! Боже!

— Государь,—сказалъ Андроникъ суровымъ угрожающимъ голосомъ:—дѣло идетъ о спасеніи престола! Этотъ приговоръ долженъ быть подписанъ!

— Не требуй этого отъ меня, Андроникъ!—возразилъ несчастный отрокъ.—Она моя мать... Оставь меня въ покоѣ, умоляю тебя; не требуй отъ сына, чтобы онъ обагрилъ руки кровью своей матери...

— Не забудь,—сказалъ Андроникъ, подходя къ императору и устремивъ на него пристальный взглядъ:—что этого требуетъ благосостояніе государства и тебѣ предписываетъ это законъ, котораго ты высшій блюститель!

— Уйди, оставь меня! Я не могу исполнить этого! Рука моя дрожитъ; у меня темнѣетъ въ глазахъ; сердце обливается кровью... Андроникъ, я никогда не рѣшусь на подобную жестокость!..—Слезы прервали рѣчь императора.

— Ты обязанъ подписать приговоръ!—воскликнулъ Андроникъ:—законъ долженъ быть удовлетворенъ; нѣтъ другаго исхода!

— Андроникъ, пощади меня! Позволь мнѣ удалиться отсюда и

отказаться отъ престола. Я готовъ уѣхать какъ можно дальше изъ Константинополя, чтобы избавиться отъ такого ужаснаго обязательства.

— Это невозможно!—сказалъ холодно Андроникъ.

— О Господи!—произнесъ со стономъ Алексѣй, заливаясь слезами.

— Теперь не время для слезъ. Смертный приговоръ долженъ быть подписанъ, и немедленно.

— Позволь мнѣ, по крайней мѣрѣ, хотя одинъ, послѣдній разъ взглянуть на мою бѣдную мать. Позволь проститься съ нею. Дай мнѣ умереть вмѣстѣ съ нею. Смерть была бы для меня спасеніемъ. Андроникъ, сжалься надо мной! Пощади меня.

— Это говоритъ сынъ увѣнчаннаго славой Мануила! Что сказалъ бы твой великій отецъ, если бы видѣлъ тебя въ настоящую минуту!

— Ты требуешь отъ меня невозможнаго!.. Нѣтъ! нѣтъ!.. я не могу рѣшиться на это!—воскликнулъ Алексѣй, кинувъ пергаментъ къ ногамъ своего мучителя.

— Пусть будетъ по-твоему!—сказалъ Андроникъ, кусая губы отъ нетерпѣнія:—съ этой минуты я удаляюсь отсюда и оставляю тебя одного во власти твоихъ враговъ!.. Развѣ для этого, при моемъ преклонномъ возростѣ, прибылъ я сюда изъ отдаленной Азіи и перенесъ столько трудовъ и лишеній? Для этого ли принялъ я на себя тяжелую обязанность императорскаго опекуна? Могъ ли я ожидать подобнаго поруганія надъ собой? Государь, я удаляюсь отсюда и завтра же оставлю городъ, въ которомъ господствуетъ измѣна и гдѣ только льстецы и лицемѣры пользуются довѣріемъ. Великія неминуемыя опасности окружаютъ тебя! Ты самъ тому виною, если гроза, которая собирается надъ твоей головой, унесетъ съ собою въ пропасть тебя и престолъ твой. Я умываю руки съ полнымъ сознаніемъ своей правоты!

Съ этими словами онъ поднялъ лежавшій на полу пергаментъ и сдѣлалъ видъ, что намѣренъ покинуть залу.

— Андроникъ,—воскликнулъ Алексѣй, удерживая его за полу одежды:—не оставляй меня въ такое ужасное время! Мнѣ страшно, Андроникъ...

— Отъ тебя зависитъ, чтобы я остался съ тобой,—сказалъ Андроникъ, положивъ передъ нимъ пергаментъ.

— Андроникъ, ради Бога! Во имя нашей будущей жизни! Дай мнѣ время на размышленіе!..

— Подписывай!

— Ты забылъ, что она моя родная мать, Андроникъ! Сжалься надо мной!

— Подписывай!—сказалъ еще разъ Андроникъ.

Алексѣй дрожащей рукой придвинулъ къ себѣ пергаментъ, между тѣмъ какъ лучъ торжества сверкнулъ въ глазахъ Андроника.

Кровавый приговоръ былъ скрѣпленъ императорской подписью.

— О Боже, прости меня!—пробормоталъ Алексѣй слабымъ голосомъ и упалъ безъ чувствъ къ ногамъ своего неумолимаго опекуна.

— Жалкое, малодушное дитя!—сказалъ Андроникъ, едва удостоивъ взглядомъ лежавшаго на полу Алексѣя.

Затѣмъ онъ вышелъ изъ залы поспѣшными шагами.

Ночь уже покрыла землю своимъ чернымъ покровомъ, когда снова открылась тяжелая дверь мрачной темницы Маріи.

Вошли двое людей и, осторожно ощупывая стѣны, направились въ тотъ уголъ, гдѣ находилось жесткое ложе императрицы.

— Здѣсь, Птеригіонитъ,—сказалъ одинъ изъ вошедшихъ, понизивъ голосъ.—Она спитъ.

— Тѣмъ лучше, Трипсихъ,—возразилъ другой:—она незамѣтно переселится въ вѣчность.

И его широкія руки охватили желѣзнымъ кольцомъ нѣжную, красивую шею спящей женщины.

Послышался слабый крикъ, сопровождаемый легкими, едва замѣтными судорогами умирающей, затѣмъ снова водворилась тишина.

Преступленіе было совершено. Уже не было на свѣтѣ императрицы Маріи.

— Готово?—спросилъ одинъ.

— Да, все кончено!—возразилъ другой.—А тѣло?

— Въ Босфоръ!..

Нѣсколько минутъ спустя, изъ мрачной темницы вышли двое людей; они несли на рукахъ человѣческій трупъ, окутанный бѣлымъ покрываломъ. Они направились къ берегу Босфора и бросили свою ношу въ море.

У открытаго окна стоялъ Андроникъ. Когда онъ услышалъ глухой шумъ тѣла, упавшаго въ воду, изъ его облегченной груди вырвался глубокій вздохъ.

— Наконецъ-то!—сказалъ онъ, закрывая окно.

На слѣдующее утро, въ значительномъ разстояніи отъ города бѣдные рыбаки увидѣли плывшее тѣло и погребли его на морскомъ берегу, не подозрѣвая, что они предали землѣ смертные останки несчастной императрицы.

Здѣсь на уединенномъ морскомъ берегу почила долгимъ непробуднымъ сномъ супруга и мать императоровъ, гордая Марія Комненъ, воспѣтая поэтами.

VII.

Вѣнчаніе на царство.

Звѣзда Андроника сіяла полнымъ блескомъ. Пали одна за другою преграды, отдѣлявшія его отъ желанной цѣли. Могущественный протосевастосъ сошелъ со сцены; императрица Марія, наиболѣе опасная противница Андроника, окончила свое существованіе. Даже патріархъ Өеодосій, имѣвшій такое сильное вліяніе на молодаго императора, и который пользовался особенной любовью и уваженіемъ въ Константинополѣ, ссылаясь на свою старость и болѣзнь, добровольно обрекъ себя на изгнаніе, чтобы вдали отъ многолюднаго города найдти необходимый для себя покой. Вначалѣ Андроникъ намѣревался удалить и этого врага путемъ насилія, такъ какъ выборъ оружія никогда не затруднялъ его, но Өеодосій былъ настороже, тѣмъ болѣе, что не могъ забыть свирѣпаго взгляда Андроника, который такъ поразилъ его при ихъ первомъ свиданіи въ лагерѣ на азіатскомъ берегу. Онъ не сомнѣвался, что лишь только честолюбивый Андроникъ вступитъ въ столицу, то престолъ Алексѣя перейдетъ въ его руки; и поэтому, своевременно отказавшись отъ патріаршаго сана, покинулъ съ сердечнымъ сокрушеніемъ пышный городъ, обреченный на неминуемую гибель.

Андроникъ, узнавъ объ удаленіи Өеодосія,—сказалъ съ усмѣшкой: «Хитрый старикъ предупредилъ меня!»—и немедленно назначилъ патріархомъ Василія Каматера, который уже много лѣтъ былъ его послушнымъ орудіемъ.

Счастье продолжало улыбаться Андронику; онъ уже предвкушалъ заранѣе моментъ, когда украситъ императорскимъ вѣнцомъ свою голову, чувствовалъ пріятную теплоту отъ императорской мантіи на своихъ плечахъ, видѣлъ себя сидящимъ на престолѣ. Но и это казалось недостаточнымъ недавнему изгнаннику; въ своемъ ненасытномъ честолюбіи онъ мечталъ о длинномъ рядѣ годовъ славнаго царствованія. Что препятствовало ему теперь достигнуть цѣли?

На его дорогѣ стоялъ слабый отрокъ, которымъ онъ распоряжался по своему усмотрѣнію. Однимъ мановеніемъ руки могъ онъ свергнуть его съ престола и уничтожить мнимое величіе юнаго императора. Андроникъ не отличался терпѣніемъ; онъ не задумывался ни передъ какимъ рѣшеніемъ, смѣло приступалъ къ дѣлу, преслѣдовалъ свою цѣль, не взирая ни на какія препятствія, и былъ неумолимъ къ врагамъ.

Прошло четырнадцать дней послѣ трагической кончины несчастной Маріи; въ эти дни Андроникъ чаще, чѣмъ когда либо, совѣщался со своими приверженцами. Сентябрь приближался къ

концу. Въ городѣ святаго Константина господствовало необычайное волненіе и безпокойство. Въ короткое время произошло такъ много новаго и совершилось столько быстрыхъ перемѣнъ, что этого одного было достаточно для возбужденія умовъ. Одни удивлялись человѣку, который, едва вступивъ въ управленіе государствомъ, успѣлъ искоренить столько злоупотребленій, и привѣтствовали его прибытіе; другіе относились къ нему съ недовѣріемъ и видѣли въ послѣднихъ событіяхъ предвѣстіе еще худшихъ бѣдствій. Эти считали Андроника честолюбивымъ хищникомъ, готовымъ пожертвовать всѣмъ для своихъ цѣлей, и были убѣждены, что его появленіе принесетъ несчастіе народу. Но никто не рѣшался открыто высказывать свое мнѣніе, потому что наемные шпіоны сновали по улицамъ и площадямъ и доносили о всякомъ неосторожномъ выраженіи. Уже значительное число гражданъ томилось въ сырыхъ тюрьмахъ; нѣкоторые даже поплатились жизнью и потерей зрѣнія за свою неосторожность. Друзья и близкіе родственники перестали довѣрять другъ другу; тупой страхъ мѣшалъ свободному обмѣну мысли, заглушалъ всѣ чувства.

Тѣмъ не менѣе городскія площади съ ранняго утра до поздней ночи были переполнены густыми толпами народа, который находился въ какомъ-то боязливомъ ожиданіи. Ежеминутно распространялись тревожные слухи объ императорѣ, о которомъ одни разсказывали, что онъ опасно боленъ, другіе, что онъ запертъ во дворцѣ и что съ нимъ обращаются какъ съ узникомъ.

Дѣйствительно, юный императоръ не выходилъ больше изъ своихъ покоевъ, гдѣ сидѣлъ цѣлые дни одинокій и печальный.

Алексѣй сталъ неузнаваемъ съ того ужаснаго момента, какъ онъ собственноручно подписалъ смертный приговоръ своей матери и, затѣмъ, не помня себя отъ горя, упалъ безъ чувствъ къ ногамъ Андроника. Отрокъ, не перейдя годовъ зрѣлости, превратился въ дряхлаго старика; лицо его приняло тотъ блеклый сѣроватый оттѣнокъ, который свидѣтельствуетъ или о тѣлесномъ недугѣ, подтачивающемъ организмъ, или о неизлѣчимомъ нравственномъ страданіи. Кушанье оставалось нетронутымъ на столѣ; онъ пересталъ обращать вниманіе на свой туалетъ; гребень больше не касался его волосъ, которые висѣли въ безпорядкѣ сбитыми локонами; онъ не хотѣлъ никого видѣть, ни съ кѣмъ говорить.

Андроникъ появлялся нѣсколько разъ въ день въ императорскихъ покояхъ; и каждый разъ, при видѣ его, несчастный отрокъ поднимался съ мѣста, дрожа всѣмъ тѣломъ, какъ будто внезапно пробужденный отъ сна страшнымъ видѣніемъ. Онъ трепеталъ какъ птица передъ открытой пастью гремучей змѣи. Андроникъ говорилъ одинъ; Алексѣй машинально отвѣчалъ ему, повинуясь, на подобіе куклы, движенію руководившей его руки.

Императорскій дворецъ въ Филопатіумѣ былъ покинутъ, и дворъ

переселился въ Влахернскій дворецъ, гдѣ императора окружала новая обстановка.

Подобное душевное состояніе властелина не могло оставаться тайной для подданныхъ, и народъ ежеминутно хотѣлъ имѣть о немъ какія либо извѣстія. Но проходили часы въ томъ же напрасномъ ожиданіи.

На площади Тавриса передъ колонной Θеодосія Великаго, горделивымъ памятникомъ прославленнаго государя, возвышалась статуя императрицы Маріи. Императоръ Мануилъ воздвигъ въ честь своей супруги эту статую, изображавшую несчастную женщину во всемъ блескѣ красоты и молодости.

Передъ этой статуей стояла многочисленная толпа народа и внимательно разсматривала черты лица прекрасной женщины, такъ печально кончившей свое существованіе. Пока Марія была жива, народъ не любилъ ея; но ея ужасная смерть смягчила сердце константинопольцевъ; во взорахъ, обращенныхъ на статую, виднѣлось искреннее состраданіе; каждый невольно жалѣлъ о грустной судьбѣ могущественной, красивой императрицы.

— Какъ она была хороша собой! — замѣтилъ одинъ изъ толпы: — какія правильныя и благородныя черты лица!

— Тѣмъ не менѣе, сколько злобы и коварства было въ этомъ прекрасномъ тѣлѣ! — возразилъ другой, который, пробираясь впередъ, слышалъ предыдущее замѣчаніе.

— Я готовъ почти биться объ закладъ, — сказалъ первый: — что несчастную императрицу обвинили напрасно. Можетъ ли порочная душа быть въ такомъ прекрасномъ тѣлѣ?

— Тутъ не можетъ быть и рѣчи о напрасномъ обвиненіи! — воскликнулъ другой. — Развѣ она не поддерживала тайныхъ сношеній съ венгерскимъ королемъ и не обѣщала открыть ему ворота столицы? Развѣ она не намѣревалась отравить своего собственнаго сына, нашего милостиваго монарха? Не она ли хотѣла помѣшать прибытію Андроника?..

— Что сталось бы съ нами, — сказалъ третій: — если бы Андроникъ не былъ тѣмъ храбрымъ и рѣшительнымъ человѣкомъ, какимъ мы знаемъ его? Несомнѣнно, что уже въ настоящую минуту мы были бы обращены въ рабовъ жестокаго венгерскаго короля, или находились бы въ рукахъ латинянъ, которые давно стремятся къ этому.

— Нельзя отрицать, — добавилъ приверженецъ Андроника: — что прибытіе храбраго полководца было нашимъ спасеніемъ. Только предатели могутъ говорить что либо противъ человѣка, который обѣщаетъ такъ много хорошаго и намѣревается возвратить Византійской имперіи прежнее могущество и блескъ.

— Не совѣтую довѣрять льстивымъ словамъ и обѣщаніямъ, — возразилъ первый. — Мы уже не разъ слышали отъ многихъ все-

возможныя обѣщанія, но кто изъ нихъ думалъ исполнять ихъ? Я не защищаю ни ту, ни другую сторону, но люблю говорить правду и открыто высказываю мое мнѣніе. Желательно было бы знать, на какомъ основаніи держатъ нашего императора подъ такой строгой охраной? Почему не даютъ ему пользоваться свободой, на сколько этого требуетъ его возростъ?

— Возможно ли это?—вмѣшался одинъ изъ стоявшихъ возлѣ горожанъ:—я въ первый разъ слышу что либо подобное!

— Со дня смерти своей матери,—продолжалъ первый:—императоръ совсѣмъ измѣнился; онъ не ѣстъ, не пьетъ и не спитъ, проводитъ цѣлые дни въ своей комнатѣ и при этомъ имѣетъ такой растерянный видъ, что на него жалко смотрѣть. Мнѣ разсказалъ это подъ величайшимъ секретомъ старый придворный лакей, который служилъ еще при императорѣ Мануилѣ и любитъ нашего молодаго государя, какъ свое родное дитя.

— Разумѣется,—замѣтилъ другой:—смерть матери должна была неизбѣжно произвести страшное впечатлѣніе на нѣжную душу мальчика.

— Это само собой, но еще больше мучитъ его то обстоятельство, что онъ долженъ былъ собственноручно скрѣпить смертный приговоръ своей подписью. Ему постоянно мерещится окровавленный трупъ матери, и онъ нигдѣ не находитъ себѣ покою.

— Жаль, сердечно жаль бѣднаго императора!

— Да избавитъ насъ небо отъ бо́льшаго несчастія...

Разговоръ былъ прерванъ внезапнымъ появленіемъ группы рабочихъ, съ молотками и желѣзными лопатами, которые, въ сопровожденіи отряда вооруженныхъ людей, направились къ тому мѣсту, гдѣ столпился народъ.

— Посторонитесь! Прочь съ дороги!—кричалъ, разгоняя палкой толпу, человѣкъ, который, повидимому, распоряжался рабочими.—Посторонитесь! Мы присланы сюда по повелѣнію нашего государя и императора!

Толпа пропустила рабочихъ, которые немедленно принялись разрушать статую императрицы желѣзными ломами.

— Что это значитъ? Къ чему это?—спрашивали другъ друга удивленные зрители.

Распорядитель рабочихъ счелъ нужнымъ разрѣшить недоумѣніе толпы.

— Статуя преступницы,—сказалъ онъ:—не можетъ быть долѣе терпима; она безчеститъ и оскверняетъ нашъ святой городъ! Воля императора, чтобы навсегда исчезло изображеніе женщины, измѣнившей своему государю и родинѣ...

Это объясненіе не встрѣтило никакихъ возраженій. Народъ молча смотрѣлъ на разрушеніе статуи, прислушиваясь къ стуку молотковъ и ломовъ о твердый камень.

Въ короткое время на мѣстѣ, гдѣ на величественномъ цоколѣ стояла прежде роскошная статуя, возвышалась теперь груда безформенныхъ каменныхъ обломковъ и мусора.

Рабочіе, утирая потъ, струившійся по ихъ лицу, не замедлили удалиться со своими орудіями, но толпа все еще окружала мѣсто, гдѣ незадолго передъ тѣмъ красовалась статуя несчастной государыни.

По волѣ могущественнаго Андроника долженъ былъ навсегда исчезнуть послѣдній слѣдъ женщины, которая осмѣлилась противиться ему. Императоръ Алексѣй и на это далъ свое соизволеніе.

Въ то время, какъ народъ, въ нѣмомъ удивленіи, все еще стоялъ передъ изуродованными остатками мраморной статуи, издали послышалось пѣніе и смѣшанные голоса; вскорѣ на площади появилась группа поющихъ и пляшущихъ людей. Они пѣли веселую народную пѣсню того времени, неизвѣстно кѣмъ сочиненную, но которая непосредственно дѣйствовала на массу. Пляска прекращалась послѣ каждой строфы и раздавались возгласы: «Да здравствуютъ наши могущественные императоры Алексѣй и Андроникъ! Да здравствуютъ Комнены!» И снова начиналась дикая пляска, и снова строфы пѣсни слѣдовали однѣ за другими.

Шествіе остановилось посреди площади, и человѣкъ высокаго роста, который, по своимъ дикимъ тѣлодвиженіямъ, имѣлъ видъ пьянаго или помѣшаннаго, обратился съ воодушевленной рѣчью къ народу:

Этотъ ораторъ былъ Птеригіонитъ, неумолимый судья, грубый палачъ несчастной Маріи.

— Радуйтесь и веселитесь, жители Константинополя!—воскликнулъ Птеригіонитъ громкимъ голосомъ. — Кончилось царство нечестивыхъ; никогда еще солнце не сіяло такъ ярко и великолѣпно надъ нашими головами, какъ теперь! Пойте и веселитесь, друзья! Сегодня должно совершиться великое чудо; сегодня блистательная императорская корона должна украсить двѣ чтимыя нами главы; и Комненъ Андроникъ, отецъ нашъ, храбрый, всемогущій Андроникъ возсядетъ на престолѣ, рядомъ съ нашимъ милостивымъ монархомъ. Сегодня начинается для насъ новая жизнь, новая эпоха, исполняются наши лучшія желанія и надежды! Радуйтесь и веселитесь, сограждане! Да здравствуютъ наши государи! На многія лѣта! Ура!

— Тамъ, въ роскошномъ императорскомъ дворцѣ, во Влахернѣ,— продолжалъ ораторъ послѣ короткой паузы:—тамъ блестятъ два солнца—старое и новое, молодой государь и его безкорыстный соправитель. Пойдемте всѣ привѣтствовать его. Идите туда отъ мала до велика, молодые и старые, мужчины и женщины, идите всѣ, слѣдуйте за мной! Воздадимъ дань нашего уваженія у подножія престола. Спѣшите, константинопольцы, единогласно чествовать нашего новаго властителя!..

Толпа послѣдовала за ораторомъ, и площадь Тавриса сразу опустѣла. Передъ грудой безформенныхъ мраморныхъ кусковъ остались одни старики и молча покачивали своими сѣдыми головами.

Въ богато-убранной тронной залѣ императорскаго дворца во Влахернѣ сидѣлъ Алексѣй, блѣдный и погруженный въ свои думы; возлѣ него стоялъ Андроникъ и молча слѣдилъ за нимъ своими маленькими безпокойными глазами. Оба молчали. Алексѣй не тяготился молчаніемъ, и даже едва ли замѣчалъ его; но во всей фигурѣ Андроника выражалось нетерпѣніе; въ душѣ его происходила борьба дикихъ страстей. Казалось, что жизнь приближается къ концу для царствующаго отрока и что она только наступаетъ для его сѣдовласаго опекуна. Въ то время, какъ въ Алексѣѣ видна была усталость и полное истощеніе, лицо Андроника сіяло веселіемъ. Роли перемѣнились: всѣ преимущества были на сторонѣ старика. Онъ былъ полонъ жизни, между тѣмъ какъ юноша замѣтно угасалъ и становился добычей ранней смерти.

Но вотъ и до отдаленной залы дворца долетѣли возгласы и пѣніе толпы, сопровождавшей Птеригіонита. Въ глазахъ Андроника сверкнула радость: онъ слышалъ гулъ голосовъ и зналъ, что̀ ожидаетъ его, потому что все было заранѣе подготовлено имъ самимъ. Онъ бросилъ украдкой взглядъ на молодаго императора, но Алексѣй ничего не видѣлъ и не чувствовалъ; онъ былъ равнодушенъ ко всему, что происходило вокругъ него.

— Я слышу голоса,—сказалъ, наконецъ, Андроникъ.

— Чьи голоса? — спросилъ Алексѣй, не поднимая глазъ. — Развѣ сюда доходятъ голоса людей, удавленныхъ въ темницѣ?

— Нѣтъ,—возразилъ Андроникъ:—голоса слышатся съ улицы. Это—крики толпы.

— Что нужно народу отъ меня? Не требуетъ ли онъ новыхъ смертныхъ приговоровъ? Я не въ состояніи больше подписывать ихъ; руки мои и безъ того покрыты кровью...

— Разсказываютъ въ городѣ, что ты боленъ; народъ безпокоится и хочетъ видѣть тебя.

— Да, я дѣйствительно боленъ,—сказалъ Алексѣй съ глубокимъ вздохомъ.—Эти голоса раздражаютъ меня; я ничего не чувствую къ народу, кромѣ страха. Скажи имъ, чтобы они оставили меня въ покоѣ. Я боленъ!..

— Что причиной такого упадка духа? Соберись съ мужествомъ, государь! Уже давно вижу я тебя въ такомъ тяжеломъ состояніи. Прійди въ себя.

— Ты требуешь отъ меня невозможнаго!—сказалъ несчастный отрокъ, бросивъ печальный взглядъ на Андроника.—Я не въ состояніи владѣть собою. Поддержи меня, только ты можешь помочь мнѣ! Пока была жива моя бѣдная мать, я находилъ въ ней опору...

Но я убилъ ее! Къ чему сдѣлалъ я это? Теперь я безпомощенъ и одинокъ на бѣломъ свѣтѣ...

— Можешь ли ты считать себя одинокимъ, государь? Развѣ я, твой вѣрный слуга, не нахожусь постоянно при тебѣ? Чѣмъ я заслужилъ подобную обиду?

— Не покидай меня, Андроникъ! Могу ли я не цѣнить твоихъ услугъ? Развѣ я ослушался тебя когда либо и не исполнилъ всѣхъ твоихъ приказаній?.. Да, Андроникъ, ты одинъ не покинулъ меня, замѣнилъ отца, мать, ты все для меня! Въ тебѣ мое спасеніе!..

Съ этими словами царственный отрокъ довѣрчиво прильнулъ головой къ груди старика, на губахъ котораго появилась торжествующая улыбка.

Вслѣдъ затѣмъ отворилась дверь залы; Агіохристофоритъ и Трипсихъ вошли взволнованные и запыхавшіеся.

— Государь мой и повелитель,—сказалъ Трипсихъ, обращаясь къ Алексѣю:—вѣрный народъ твой хочетъ привѣтствовать тебя и раздѣлить съ тобой свою радость.

— Народъ радуется?—спросилъ Алексѣй, поднимая свою ослабѣвшую голову.—Говорятъ, счастье народа величайшее благо для монарха... Да, несомнѣнно народъ ликуетъ! Какіе веселые голоса!.. Слышишь ли, Андроникъ, они кричатъ: «Да здравствуетъ императоръ Андроникъ»! Народъ понимаетъ, что ты одинъ можешь спасти всѣхъ насъ... Они произносятъ только твое имя. Почему не хочешь ты послѣдовать ихъ призыву?

Торжествующая улыбка вновь пробѣжала по лицу Андроника; маленькіе глаза его радостно блестѣли.

Молча и съ удивленіемъ стояли передъ нимъ его приверженцы; они съ трудомъ довѣряли тому, что видѣли и слышали.

— Андроникъ,—продолжалъ Алексѣй:—помни, что гласъ народа—гласъ Божій! Иди за мною! Господь избралъ тебя, да совершится его святая воля!

Алексѣй, взявъ руку Андроника, подвелъ его къ престолу, блестѣвшему золотомъ и драгоцѣнными камнями, и посадилъ рядомъ съ собою.

На древнемъ византійскомъ престолѣ сидѣли теперь два соимператора, Алексѣй и Андроникъ Комнены.

Агіохристофоритъ вышелъ на большой каменный балконъ, обращенный на площадь, и возвѣстилъ огромной собравшейся толпѣ, о томъ, что произошло въ тронной залѣ.

Громче прежняго раздались крики толпы; эхо старыхъ дворцовыхъ сводовъ повторило ихъ.

— Принесите императорскій вѣнецъ и мантію,—сказалъ Алексѣй.—Я самъ надѣну ихъ на тебя, Андроникъ.

Повелѣніе царственнаго отрока было немедленно исполненно, и Андроникъ почувствовалъ на своей головѣ давленіе император-

скаго вѣнца и пріятную тяжесть императорской мантіи на своихъ плечахъ.

Агіохристофоритъ вышелъ вторично на величественный балконъ Влахернскаго дворца и объявилъ народу о случившемся. Шумно ликовала толпа, оглашая воздухъ криками восторга, и снова началась дикая пляска, сопровождаемая пѣніемъ.

Вѣсть о неожиданномъ событіи разнеслась по городу съ быстротою молніи.

Облекись въ свое праздничное убранство, древній храмъ св. Софіи! Предстань во всемъ своемъ благолѣпіи для великаго предстоящаго торжества! Зажги всѣ твои драгоцѣнные свѣтильники и открой настежъ свои высокія двери!

Сегодня посѣтятъ тебя два могущественныхъ монарха, чтобы съ вѣнцомъ святаго Константина получить благословеніе на совмѣстное царствованіе.

Поспѣши въ святой храмъ, патріархъ Василій Каматеръ съ сонмомъ священнослужителей, приготовься вѣнчать государя, которому ты обязанъ своимъ патріаршимъ престоломъ! Спѣшите, жители Константинополя со всѣхъ частей города, чтобы быть свидѣтелями великаго торжества! Сегодня царь городовъ празднуетъ двойное вѣнчаніе, рожденнаго въ порфирѣ государя и другаго имъ самимъ выбраннаго властелина; онъ привѣтствуетъ сегодня двухъ императоровъ, неразрывныхъ союзниковъ, которые вступятъ одновременно на гордый византійскій престолъ.

Чинно и торжественно двинулось императорское шествіе къ храму св. Софіи. Рослый Андроникъ велъ подъ руку слабаго, блѣднаго отрока Алексѣя. Обильныя слезы льются изъ глазъ Андроника, слезы состраданія, какъ объясняютъ его приверженцы, между тѣмъ какъ Алексѣй холодно и равнодушно смотритъ на многочисленную толпу.

Высокія двери пышнаго храма открыты настежъ; къ нимъ стремится народъ неудержимымъ потокомъ.

Передъ главнымъ алтаремъ стоялъ патріархъ въ богатомъ облаченіи, окруженный толпой епископовъ и священниковъ. Тысячи зажженныхъ свѣчей бросали яркій отблескъ на высокія стѣны храма; празднуемое событіе носило торжественный и величественный характеръ.

Оба императора, старый и юный, преклонили колѣна у каменныхъ ступеней главнаго алтаря. На бархатной подушкѣ принесли золотой императорскій вѣнецъ святаго Константина, высокочтимую регалію византійскихъ монарховъ. Патріархъ взялъ вѣнецъ и сперва возложилъ его на сѣдую голову Андроника, затѣмъ на черные локоны Алексѣя... Почему такое предпочтеніе отдано бывшему изгнаннику передъ порфиророднымъ государемъ?—спрашивали другъ друга съ глубокимъ негодованіемъ, присутствовавшіе при этомъ

старые граждане. Но мудрый патріархъ разсудилъ иначе. Въ его глазахъ старый, опытный Андроникъ имѣлъ больше значенія, нежели слабый, безпомощный отрокъ.

Что сказала бы тѣнь покойнаго Мануила, если бы она могла видѣть происходившее въ храмѣ? Твой сынъ и законный наслѣдникъ престола долженъ ожидать какъ милостыни, чтобы надѣли на него вѣнецъ, увѣнчавшій голову твоего злѣйшаго врага, изгнаннаго Андроника!

Вѣнчанные монархи вошли одновременно рука объ руку по каменнымъ ступенямъ, ведущимъ къ главному алтарю, чтобы принять церковное благословеніе. Алексѣй имѣлъ разсѣянный видъ и едва ли сознавалъ то, что происходило около него; онъ не обратилъ никакого вниманія на слова патріарха, между тѣмъ какъ Андроникъ своими старыми устами произнесъ торжественную клятву вѣрности юному соимператору.

Какъ могъ ты отважиться на такую клятву, наглый, ожесточенный злодѣй! Неужели страхъ небесной кары не въ состояніи былъ остановить тебя?

Возможно ли, чтобы такое святотатство могло произойдти въ храмѣ св. Софіи и стѣны его остались цѣлы? Отчего не разверзлась земля, чтобы поглотить преступника, который, произнося клятву въ любви и вѣрности, въ то же время злоумышлялъ самую черную измѣну, рѣшался на убійство невиннаго отрока?

Наступилъ конецъ блистательнаго торжества, и пышное шествіе двинулось въ обратный путь. Оба императора ѣхали на бѣлыхъ статныхъ коняхъ; Андроникъ гордо смотрѣлъ на толпу; глаза его блестѣли отъ радости, между тѣмъ какъ Алексѣй, безучастный ко всему, грустно опустилъ голову, какъ жертва, которую ведутъ на закланіе. «Ура! Многія лѣта! Да здравствуютъ Комнены!»—кричала толпа.

Но Андроникъ пришпорилъ своего коня, и быстро пронеслось по улицамъ великолѣпное шествіе. Почему такъ спѣшитъ Андроникъ? Боится ли онъ ножа убійцы или ожидаетъ появленія окровавленной тѣни, которая потребуетъ отъ него отчета въ его дѣяніяхъ? Но Андроникъ и въ самый разгаръ битвы никогда не терялъ мужества. Во время своей долгой жизни, исполненной всякихъ треволненій, онъ видѣлъ немало кровопролитныхъ сценъ. Чего можетъ онъ опасаться теперь, когда онъ достигъ апогея своей славы и голова его увѣнчана императорской короной?

Тѣмъ не менѣе, этотъ неустрашимый человѣкъ чувствуетъ, какъ леденѣютъ его члены отъ страха, того внутренняго страха, который охватываетъ преступника въ присутствіи его жертвы.

Андроникъ спѣшилъ укрыться въ своемъ дворцѣ, потому что видъ шумной ликующей толпы раздражалъ его. Онъ жаждалъ уединенія, ему хотѣлось остаться наединѣ съ мрачными замыслами объ убійствѣ, наполнявшими его голову.

Вскорѣ послѣ того, императорскій дворецъ въ Влахернѣ пріютилъ вѣнчаннаго отрока, безмолвнаго и блѣднаго Алексѣя, и въ то же время его сѣдовласый соправитель, коварный Андроникъ, вступилъ въ другой императорскій дворецъ въ Филопатіумѣ.

Танцы и пѣніе на площадяхъ продолжались до глубокой ночи, и не разъ въ этотъ день воздухъ оглашался повторенными криками тысячной толпы, выражавшей свой восторгъ по поводу двойнаго императорскаго вѣнчанія.

VIII.

Смерть императора Алексѣя.

Зловѣщее багровое облако повисло надъ императорскимъ дворцомъ въ Филопатіумѣ, гдѣ водворился Андроникъ. Тяжелъ и удушливъ воздухъ. Птицы быстро проносятся мимо, размахивая своими крыльями; одна сова сидитъ на крышѣ дворца и выкрикиваетъ свою печальную однообразную пѣсню. Въ конюшняхъ слышится ржаніе коней, они безпокойно бьютъ копытами, точно предчувствуя новое несчастіе, новое пролитіе крови.

Въ залѣ дворца сидитъ вѣнчанный старецъ, на плечахъ его красуется тяжелая императорская мантія, вокругъ него сидятъ его вѣрные неразлучные приверженцы, изъ которыхъ составился теперь государственный совѣтъ. Они собрались сегодня для новаго кроваваго приговора, который долженъ былъ обезпечить честолюбивому Андронику полное и единовластное обладаніе престоломъ. Передъ чѣмъ могутъ остановиться эти презрѣнные судьи, дерзнувшіе осудить на смертную казнь женщину и императрицу? Они, не задумываясь, привели въ исполненіе этотъ жестокій приговоръ, чтобы угодить своему кровожадному властелину! Не они ли заставили народъ провозгласить его императоромъ и вѣнчали его на царство, вопреки всѣмъ существующимъ законамъ? Что значитъ для этихъ людей новое злодѣяніе, которое должно довершить воздвигнутое ими зданіе? Развѣ можетъ ихъ устрашить мысль обречь на смерть слабое дитя, одинокое и безпомощное на землѣ?

Могутъ ли такіе люди, какъ суровый Агіохристофоритъ, грубый и жестокій Трипсихъ, испытанный въ тайныхъ убійствахъ Птеригіонитъ и, наконецъ, Дадибренъ, главный военный судья при Андроникѣ, не откликнуться на призывъ своего властелина или ослушаться его повелѣній?

Дѣло идетъ не о принятіи того или другаго рѣшенія; вопросъ былъ рѣшенъ въ тотъ самый моментъ, когда нога Андроника всту-

пила на почву Константинополя. Нужно только придумать форму, которая бы придала приговору этихъ пристрастныхъ судей значеніе законнаго постановленія. Чтобы найдти такую форму, можно прибѣгнуть къ извѣстному изрѣченію греческаго поэта: «Господство многихъ вредно; долженъ быть только одинъ властелинъ и повелитель».

Благосостояніе государства и спасеніе отечества требуютъ господства одного государя. Священный императорскій вѣнецъ не можетъ одновременно принадлежать двумъ особамъ. Развѣ въ данномъ случаѣ не должны быть приняты въ соображеніе высшіе интересы государства? Рѣшеніе принято единогласно. Можетъ ли возникнуть какое либо сомнѣніе, когда предстоитъ выборъ между неразумнымъ, немощнымъ отрокомъ и опытнымъ мужемъ, одареннымъ способностями, который прошелъ тяжелую школу жизни и состарѣлся на полѣ битвы? Какія могутъ быть еще колебанія, когда вопросъ идетъ о томъ, чтобы предоставить вѣнецъ монарху, обладающему всѣми необходимыми для этого качествами? «Долженъ быть только одинъ властелинъ и повелитель!» Судьи произнесли свое рѣшеніе, и улыбка торжества снова появилась на губахъ Андроника.

Грознѣе прежняго нависло багровое облако надъ императорскимъ дворцомъ въ Филопапіумѣ, еще удушливѣе сталъ воздухъ и еще печальнѣе крики ночной птицы.

Съ глубокимъ трепетомъ слѣдили константинопольцы за этими мрачными предзнаменованіями. Откуда такая внезапная перемѣна? Неужели за блистательнымъ празднествомъ послѣдуетъ печаль и смертоубійство? Но таковъ законъ природы. Развѣ за яркимъ солнцемъ и безоблачнымъ небомъ не наступаетъ часто суровая, разрушительная буря? Развѣ за жизнью не слѣдуетъ смерть?

Злополучный монархъ Алексѣй, пробилъ твой послѣдній часъ! Готовься послѣдовать призыву смерти, которая перенесетъ тебя въ таинственное царство, гдѣ каждый изъ насъ займетъ небольшой уголокъ въ безмолвномъ убѣжищѣ вѣчнаго успокоенія!

Твой приговоръ произнесенъ съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей, установленныхъ закономъ! Ты родился въ пурпурѣ, Алексѣй, явился на свѣтъ Божій сыномъ и преемникомъ императора и занялъ принадлежащій тебѣ по праву престолъ. Въ этомъ все твое преступленіе, и за него долженъ ты подвергнуться соотвѣтствующему наказанію. Если ты до сихъ поръ остался невиннымъ младенцемъ, то какое можетъ это имѣть значеніе? Развѣ слабый тонкій отростокъ не обращается со временемъ въ могучее дерево, которое можетъ быть свергнуто только съ помощью остраго топора? Развѣ волченокъ не становится кровожаднымъ волкомъ? Голова твоя увѣнчана императорской короной, блескъ ея ослѣпляетъ твоихъ враговъ, и поэтому ты долженъ исчезнуть съ лица земли! Ты

самъ посадилъ Андроника на престолъ въ качествѣ своего соправителя и самъ помогъ ему въ достиженіи желанной цѣли. Готовься, Алексѣй! День близокъ къ концу; удлиняются вечернія тѣни; ночь выступаетъ изъ своей черной пещеры. Это—послѣдняя ночь, которую тебѣ суждено провести на землѣ.

Спи, бѣдное дитя! Спи крѣпкимъ сномъ, чтобы не услышать шаговъ твоихъ неумолимыхъ палачей! Спи, чтобы не видѣть ихъ взглядовъ, не чувствовать на своемъ тѣлѣ прикосновенія ихъ грубыхъ, нечестивыхъ рукъ! Наслаждайся заманчивыми сновидѣніями, свойственными твоему возросту!

Спи крѣпкимъ сномъ, бѣдное дитя, чтобы не услышать дикаго хохота человѣка, осудившаго тебя на смерть! Отъ этого демоническаго хохота леденѣетъ кровь въ жилахъ тѣхъ людей, которымъ приходится услышать его. Спи, злополучный наслѣдникъ доблестнаго Мануила; это—твой послѣдній сонъ на землѣ!

Черная туча повисла надъ величественной столицей, раскинутой на семи холмахъ, и распространила всюду мракъ и ужасъ; удушливый воздухъ былъ какъ бы насыщенъ кровью. Жители спали тревожнымъ сномъ; всю ночь не могли они отдѣлаться отъ мучившаго ихъ кошмара, смутно предчувствуя, что на слѣдующее утро имъ объявятъ о новыхъ кровавыхъ злодѣяніяхъ, совершенныхъ подъ прикрытіемъ ночнаго мрака. Жалобно выкрикивала сова свою печальную пѣсню на крышѣ императорскаго дворца во Влахернѣ, гдѣ почивалъ вѣнчанный отрокъ.

Въ полночь, трое людей вошли въ небольшую боковую дверь Влахернскаго дворца и поднялись по каменной лѣстницѣ, ведущей въ покои императора.

Одинъ изъ нихъ держалъ фонарь и освѣщалъ путь, у другаго была въ рукахъ тетива отъ лука, у третьяго—обоюдоострый мечъ.

Что побудило этихъ трехъ людей прійдти въ уединенный императорскій дворецъ въ такой поздній часъ ночи? Они идутъ быстрыми шагами; глаза ихъ свѣтятся лихорадочнымъ блескомъ изъ-подъ широкихъ капишоновъ, покрывающихъ ихъ головы.

Эти трое людей—приверженцы жестокаго Андроника; имъ поручено выполненіе кроваваго приговора.

Всѣ двери открыты имъ; они идутъ безпрепятственно по извилистымъ переходамъ и пустымъ заламъ; ничто не останавливаетъ ихъ на пути.

Безмолвно, какъ три привидѣнія, совершаютъ они свой ночной обходъ.

Но вотъ передъ ними открылась еще дверь, и они вошли въ императорскую опочивальню.

Алексѣй спалъ крѣпкимъ сномъ; лицо его было блѣдно, глаза закрыты, но на губахъ виднѣлась кроткая улыбка. Розовыя сновидѣнія юности услаждали его сонъ.

Таинственные посѣтители остановились передъ постелью спящаго отрока.

— Птеригіонитъ,—сказалъ шопотомъ тотъ изъ нихъ, который несъ фонарь:—захватилъ ли ты съ собой веревку?

— Я готовъ, Трипсихъ. Это на столько крѣпкая тетива, что ею удавишь вола.

— Можетъ быть, нужна будетъ и твоя помощь, Дадибренъ,— продолжалъ Трипсихъ, обращаясь къ другому товарищу:—если Птеригіонитъ недостаточно скоро покончитъ съ мальчуганомъ, то постарайся предупредить его крикъ ударомъ меча.

Этотъ молча кивнулъ головой въ знакъ согласія.

— Тебѣ начинать, Птеригіонитъ,—сказалъ Трипсихъ, поднимая фонарь.

Алексѣй спалъ тѣмъ же крѣпкимъ сномъ, улыбка не сходила съ его блѣдныхъ губъ.

Птеригіонитъ быстро и ловко обмоталъ тетивой бѣлую шею спящаго отрока и съ такой быстротой стянулъ петлю, что кроткая улыбка застыла на губахъ несчастной жертвы.

На постелѣ, гдѣ нѣсколько секундъ тому назадъ почивалъ безмятежнымъ сномъ Алексѣй Комненъ, лежалъ теперь его трупъ.

— Можно поздравить тебя, Птеригіонитъ, ты мастерски расправился съ нимъ!—сказалъ Трипсихъ, опуская фонарь и бросивъ суровый взглядъ на умершаго отрока.

Въ этотъ моментъ внезапно отворилась дверь императорской опочивальни, и вошелъ Андроникъ, чтобы видѣть собственными глазами, въ точности ли выполнены его приказанія палачами.

Онъ подошелъ къ постели и дико захохоталъ, когда увидѣлъ бездыханный трупъ своего соперника и убѣдился, что императорская корона всецѣло принадлежитъ ему.

Дико раздался его хохотъ среди ночной тишины.

Онъ схватилъ трупъ одной рукой и стащилъ его съ постели; безжизненное тѣло съ глухимъ шумомъ упало на полъ къ его ногамъ.

Андроникъ наступилъ на трупъ ногой и произнесъ съ злобной усмѣшкой:

— Давно пора покончить съ тобой! Отецъ твой былъ клятвопреступникъ, мать распутная женщина, а ты — дуракъ!

Затѣмъ, онъ еще разъ наступилъ ногой на трупъ и обратился къ своимъ тремъ приверженцамъ, которые были нѣмыми свидѣтелями этой сцены.

— Трипсихъ,—сказалъ онъ:—я хочу, чтобы эта голова была отрублена отъ туловища и съ моей императорской печатью брошена въ сточную яму; тѣло нужно заколотить въ ящикъ и бросить въ Босфоръ. Такому мудрому правителю подобаетъ и соотвѣтствующее погребеніе!

Трипсихъ прокололъ ухо безжизненному трупу, продѣлъ въ него тонкій шнурокъ и привѣсилъ императорскій перстень, поданный ему Андроникомъ.

Взаключеніе Дадибренъ отсѣкъ своимъ мечомъ голову мертвецу и кинулъ ее въ нѣсколькихъ шагахъ отъ туловища.

Андроникъ взглянулъ еще разъ на окровавленные члены своей жертвы и медленно вышелъ изъ императорской опочивальни.

Въ ту же ночь приведено было въ исполненіе послѣднее приказаніе Андроника.

Голову несчастнаго Алексѣя бросили въ огромную сточную яму, куда сваливали трупы звѣрей, убитыхъ въ гипподромѣ; затѣмъ обезглавленное туловище завернули въ кусокъ ткани и, вложивъ въ свинцовый ящикъ, свезли въ лодкѣ на средину Босфора, гдѣ бросили въ волны.

Когда исполнено было это послѣднее дѣйствіе страшной драмы, на востокѣ зачиналась заря наступающаго дня.

Жители обширной столицы, пробудившись отъ сна, узнали, что на гордомъ престолѣ святаго Константина остался теперь одинъ императоръ, избранный народомъ Андроникъ, который будетъ нераздѣльно править государствомъ. «Долженъ быть только одинъ властелинъ и повелитель!»

IX.

Колдунъ Сиоъ.

Уже двадцать четыре раза ночное свѣтило совершило предначертанный ему путь съ того дня, какъ городъ святаго Константина былъ свидѣтелемъ трагическаго событія, описаннаго въ предыдущей главѣ.

Честолюбивый Андроникъ сдѣлался единовластнымъ государемъ; онъ безпрепятственно занималъ престолъ, достигнутый хитростью и убійствомъ.

Въ былыя времена Андроникъ, какъ храбрый воинъ, привыкъ руководиться внушеніями собственной воли; но теперь онъ былъ окруженъ безсовѣстными льстецами, которые раболѣпно пресмыкались у подножія престола, и онъ невольно поддался ихъ тлетворному вліянію. Она самъ началъ считать себя какимъ-то высшимъ привиллегированнымъ существомъ и пришелъ къ убѣжденію, что за блестящимъ восходомъ его звѣзды никогда не послѣдуетъ заката.

Андроникъ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которыхъ деморализируетъ счастье и которые, оглядываясь на пройденный путь,

готовы приписать своей ловкости блестящіе результаты, достигнутые ими, вслѣдствіе благопріятнаго стеченія обстоятельствъ и особеннаго покровительства судьбы. Холодные эгоисты, они съ гордостью приписываютъ себѣ даже такія событія, которыя совершенно не зависятъ отъ ихъ воли. Андроникъ былъ глубоко убѣжденъ, что, если онъ скажетъ: «я такъ хочу!», то его желаніе исполнится въ точности; въ своемъ высокомѣріи онъ не могъ допустить, что надъ нимъ есть нѣчто высшее, и что судьба самыхъ могущественныхъ властелиновъ въ рукахъ «Того, Кто управляетъ міромъ».

Счастье осыпало неслыханными милостями свое избранное дѣтище. Онъ, изгнанникъ, обязанный жизнью необъяснимому мягкосердечію Мануила, занимаетъ блистательный престолъ и носитъ императорскую корону, составляющую золотую и рѣдко осуществимую мечту стольких честолюбцевъ. Его враги, даже наиболѣе опасные и могущественные, свергнуты одни за другими; ихъ приверженцы разсѣялись безслѣдно.

Андроникъ Лапардасъ, надежный другъ и слуга Мануила, горячій защитникъ законнаго наслѣдника престола, всѣми любимый и уважаемый полководецъ за свои военныя доблести и благородный образъ мыслей, погибъ мучительной смертью. Чтобы не нарушить данной присяги, онъ не захотѣлъ служить новому государю и удалился въ свой родной городъ Адріанополь, вслѣдствіе чего былъ обвиненъ въ государственной измѣнѣ и очутился во власти своего непримиримаго врага. Одинъ изъ императорскихъ шпіоновъ, по имени Кефалъ, предалъ неустрашимаго полководца, который былъ арестованъ въ Адрамитти и погибъ въ темной сырой темницѣ.

Два города Никея и Брусса осмѣлились оказать противодѣйствіе гордому императору и навлекли на себя жесточайшую кару. Напрасно въ Никеѣ храбрый Кантакузенъ пытался спасти городъ изъ когтей осаждавшаго его хищника, напрасно сдѣлалъ онъ отчаянную вылазку, въ надеждѣ порвать желѣзную цѣпь и облегчить участь изнемогающихъ жителей. Во время яростной стычки съ врагами споткнулся конь доблестнаго Кантакузена и увлекъ его въ своемъ паденіи; воины Андроника не замедлили разсѣчь его на куски.

Эта новая неудача привела въ ужасъ Никею. Жители рѣшились молить о пощадѣ побѣдителя и, въ знакъ полнѣйшей покорности, вышли изъ города съ босыми ногами и непокрытой головой. Андроникъ прослезился при видѣ голодныхъ и истощенныхъ женщинъ и дѣтей; сердце его какъ будто было тронуто; но, тѣмъ не менѣе, несчастный городъ былъ преданъ въ жертву огню и мечу.

Не лучше была судьба Бруссы, укрѣпленнаго цвѣтущаго города, защищаемаго тремя доблестными мужами: молодымъ и пыл-

кимъ Өеодоромъ Ангеломъ, смѣлымъ Лео Синезіемъ и храбрымъ Михаиломъ Лаханасомъ. Но горе тому, кто отважился на борьбу съ счастливымъ завоевателемъ! Можетъ ли побѣжденный избѣгнуть мести кровожаднаго врага? Городъ былъ взятъ приступомъ, и три героя попались живыми въ руки побѣдителя. Несчастный Өеодоръ лишенъ зрѣнія и изгнанъ за черту города ударами кнута; Синезій и Лаханасъ были повѣшаны на деревьяхъ передъ городскими стѣнами. Одновременнно съ ними той же участи подверглись знатнѣйшіе горожане Бруссы; и ихъ тѣла висѣли на вѣтвяхъ, «на подобіе чучелъ, выставляемыхъ садовникомъ съ цѣлью напугать хищныхъ птицъ».

Таковы были кровавые трофеи, которыми Андроникъ увѣнчалъ свою славу, послѣ чего онъ торжественно вернулся въ столицу, гдѣ толпа льстецовъ и наемниковъ встрѣтила его съ восторженными криками и напыщенными привѣтствіями. По этому поводу устроены были блистательныя празднества, даны представленія и травли звѣрей, стоившія большихъ издержекъ, такъ какъ народъ долженъ былъ принимать участіе въ радости, наполнявшей сердце его государя. Подобными дѣтскими забавами византійскіе деспоты издавна стремились ослѣпить народъ, чтобы придать большій блескъ своему престолу, въ тщетной надеждѣ такими низкими средствами пріобрѣсти любовь подданныхъ.

Андроникъ становился высокомѣрнѣе съ каждымъ днемъ и не считалъ болѣе нужнымъ обуздывать свои дикія страсти.

Въ сопровожденіи толпы наглыхъ наемниковъ и льстецовъ, онъ являлся на звѣриныя травли, конскіе бѣги и другія зрѣлища, удовлетворявшія его худшіе инстинкты. Но вскорѣ эти увеселенія сдѣлались для него недоступными, потому что разъ, когда театръ былъ переполненъ зрителями, внезапно обрушилась одна изъ колонъ, подпиравшихъ императорскую ложу, и убила шестерыхъ человѣкъ. Андроникъ былъ въ такой степени напуганъ этимъ случаемъ, что съ тѣхъ поръ пересталъ показываться въ публикѣ и ежеминутно боялся ножа убійцы или внезапнаго нападенія заговорщиковъ. Его уже начали мучить угрызенія совѣсти, которыя рано или поздно являются у самыхъ ожесточенныхъ злодѣевъ. Онъ сдѣлался суевѣрнымъ и въ самыхъ обыденныхъ случаяхъ видѣлъ различныя предзнаменованія, касавшіяся его личной жизни.

Въ это время въ Константинополѣ жилъ старикъ, который за свою мудрость и искусство въ чародѣйствѣ уже много лѣтъ пользовался большимъ уваженіемъ у всѣхъ классовъ населенія. Это былъ колдунъ Сиөъ.

Сиөъ съ ранней юности посвятилъ себя изученію небесныхъ явленій; онъ объяснялъ сны, съ помощью сосудовъ съ водою и другихъ таинственныхъ чаръ, и предсказывалъ будущее. Слава его была на столько распространена въ городѣ, что жители отъ мала

до велика, мужчины и женщины, цѣлыми днями осаждали его жилище за храмомъ св. Софіи, чтобы спросить его объ ожидавшей ихъ судьбѣ. Даже императоръ Мануилъ, который къ концу своей жизни заразился господствующимъ суевѣріемъ, пожелалъ узнать отъ колдуна о днѣ своей смерти. Сиѳъ, разсчитывая на свою славу и на ту популярность, какой онъ пользовался между жителями Константинополя, не колеблясь, прибѣгнулъ къ таинственнымъ чарамъ, въ присутствіи властелина, и безъ всякихъ обиняковъ объявилъ ему о близкой кончинѣ. Мануилъ былъ сильно встревоженъ и потребовалъ вторичнаго сеанса, но Сиѳъ, обиженный такимъ недовѣріемъ, повторилъ ему свое прежнее предсказаніе относительно его смерти, добавивъ, что онъ долженъ ожидать ее въ самомъ непродолжительномъ времени. Тогда Мануилъ, въ припадкѣ ярости, приказалъ выколоть глаза колдуну, который осмѣлился заранѣе предсказать смерть своему императору и повелителю.

Мануилъ скончался въ тотъ самый день, который былъ назначенъ колдуномъ. Послѣ этого случая, слава вѣщаго старца достигла своего апогея; никто не осмѣлился больше выразить какія либо сомнѣнія относительно его мудрости, и всѣ стали смотрѣть на него, какъ на сверхъестественное существо.

Невѣжество и суевѣріе всегда идутъ рука объ руку. Какъ только умъ нашъ совращается съ пути полезныхъ знаній, онъ предается суевѣріямъ и старается изъ естественныхъ явленій вывывести различныя заключенія, которыя становятся тѣмъ неправдоподобнѣе, чѣмъ больше они удаляются отъ почвы точныхъ свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ наукой.

Изо всѣхъ частей великой Византійской имперіи стремились люди, чтобы посовѣтоваться съ мудрецомъ, который, не смотря на свою старость и слѣпоту, продолжалъ заниматься чародѣйствомъ. Онъ уже не въ состояніи былъ слѣдить за движеніями небесныхъ свѣтилъ, потому что передъ его глазами былъ вѣчный мракъ, но онъ попрежнему занимался предсказаніями съ помощью сосудовъ, наполненныхъ водою, и вызыванія духовъ. Люди все болѣе и болѣе толпились вокругъ его жилища, такъ какъ въ городѣ смотрѣли на знаменитаго колдуна, какъ на авторитетъ.

Андроникъ давно слышалъ объ этомъ колдунѣ, но въ тѣ моменты, когда онъ находился въ полномъ блескѣ своего могущества и побѣдъ, онъ пренебрегалъ чернокнижіемъ, говорилъ, что подобнымъ пустякамъ могутъ вѣрить только старыя бабы и слабоумные мужчины. Въ болѣе молодые годы Андроникъ, какъ воинъ, закаленный въ бою, привыкъ полагаться только на силу своего меча; затѣмъ, когда онъ преодолѣлъ всѣ опасности и достигъ престола, то пришелъ къ твердому убѣжденію, что можетъ самъ властвовать надъ своей судьбой и направить ее въ ту или другую сторону, по собственному усмотрѣнію. Но теперь, когда онъ уви-

дѣлъ на горизонтѣ темныя грозныя тучи, и днемъ, и ночью его стали преслѣдовать дикія привидѣнія, созданныя его преступной фантазіей, сознаніе человѣческаго безсилія овладѣло имъ. У него явилось желаніе поднять темную завѣсу будущности, и онъ приказалъ, однажды, Агіохристофориту привести въ императорскій дворецъ колдуна Сиѳа, чтобы вопросить его относительно своей будущности.

Агіохристофоритъ безпрекословно повиновался, хотя былъ и очень удивленъ этимъ новымъ распоряженіемъ своего господина, потому что Андроникъ, вступивъ на престолъ, удалилъ отъ двора преданнаго ему астролога Іону.

Сначала Сиѳъ отвѣтилъ императорскому посланному, что онъ никогда не выходитъ изъ своего жилища, и если императоръ желаетъ видѣть его, то пусть самъ пожалуетъ къ нему. Но, когда Агіохристофоритъ рѣшительно объявилъ ему, что употребитъ насиліе, Сиѳъ согласился идти въ императорскій дворецъ.

Андроникъ ожидалъ колдуна въ отдаленномъ покоѣ дворца; при немъ былъ Іоаннъ Тира, одинъ изъ его вѣрнѣйшихъ приверженцевъ.

Агіохристофоритъ ввелъ подъ руку слѣпаго старика и представилъ его императору.

— Сиѳъ, — сказалъ ему Андроникъ: — говорятъ, что въ твоей власти проникнуть въ будущее и предсказать то, что должно случиться. Я хочу сегодня прибѣгнуть къ твоему искусству.

— Но подумалъ ли ты, государь, о томъ, на сколько тебѣ принесетъ пользы знаніе будущаго? Рѣшился ли ты спокойно выслушать и принять за истину все, что я открою тебѣ въ силу данной мнѣ власти?

— Мое дѣло рѣшить, — возразилъ строгимъ голосомъ Андроникъ: — полезно ли мнѣ, или нѣтъ знать будущее; я не обязанъ отдавать тебѣ отчетъ въ своихъ поступкахъ. Твое дѣло отвѣчать мнѣ на вопросы, которые я сдѣлаю тебѣ. Ограничься этимъ, Сиѳъ; твои замѣчанія совершенно лишнія.

Краска гнѣва выступила на лицѣ колдуна; онъ ничего не возразилъ Андронику и только сказалъ:

— Говори, я слушаю!

— Я сдѣлаю тебѣ одинъ вопросъ, Сиѳъ; но на этотъ вопросъ я требую короткаго, опредѣленнаго и яснаго отвѣта.

— Говори, — повторилъ колдунъ.

— Кто будетъ моимъ преемникомъ и когда этотъ преемникъ вступитъ на престолъ? — вотъ въ чемъ заключается мой вопросъ.

Сиѳъ молчалъ.

— Понимаешь ли ты, что я сказалъ тебѣ? — крикнулъ съ нетерпѣніемъ Андроникъ, топнувъ ногой.

— Да, государь, я понялъ, что ты сказалъ. Вопросъ достаточно ясенъ. Но прежде всего я позволю себѣ замѣтить, что ты сдѣлалъ

мнѣ не одинъ, а два вопроса, и я долженъ приготовиться прежде, чѣмъ отвѣтить тебѣ.

— Если ты считаешь мой вопросъ двойнымъ,—возразилъ Андроникъ, презрительно пожавъ плечами:—то я и требую отъ тебя двойнаго отвѣта. Что касается твоихъ приготовленій, то я даю тебѣ на нихъ столько времени, сколько тебѣ нужно, только знай, что они должны происходить здѣсь, въ моемъ присутствіи.

— Дайте мнѣ сосудъ съ водой! — сказалъ вмѣсто отвѣта колдунъ твердымъ, рѣшительнымъ тономъ.

Агіохристофоритъ немедленно исполнилъ его требованіе и поставилъ на столъ сосудъ съ водой.

Слѣпой колдунъ ощупалъ его, чтобы убѣдиться, имѣетъ ли онъ подъ рукой то, что ему нужно, и сказалъ:

— Ну, хорошо! Теперь будь внимателенъ, государь!

Затѣмъ онъ вынулъ изъ широкихъ складокъ своей длинной верхней одежды желѣзную палочку и небольшой бумажный пакетъ съ бѣлымъ порошкомъ, который всыпалъ въ воду и размѣшалъ желѣзной палочкой. При этомъ губы его шептали непонятныя отрывочныя слова на чужеземномъ таинственномъ языкѣ.

Немного погодя, колдунъ громко произнесъ:

— Духъ земли, взываю къ тебѣ! Явись изъ своего темнаго царства и отвѣтствуй на мой вопросъ!

Слѣпой колдунъ началъ снова мѣшать воду въ сосудѣ желѣзной палочкой, и снова губы его бормотали непонятныя отрывочныя слова.

Вода помутилась, поднялся столпъ дыму, который мало-по-малу сгустился надъ сосудомъ и, подобно облаку, распространился по всей комнатѣ. Три свидѣтеля этой сцены, молча, смотрѣли на таинственную чашу.

Постепенно облако сдѣлалось багровымъ, и такой же багровый цвѣтъ приняла вода въ сосудѣ; комната наполнилась удушливымъ запахомъ сѣры.

Когда колдунъ пересталъ мѣшать воду желѣзной палочкой, на днѣ сосуда замѣтно было какъ будто легкое кипѣніе воды.

— Будь внимателенъ, государь,—сказалъ Сиѳъ:—теперь наступила минута... Смотри въ сосудъ, тамъ ты получишь отвѣтъ на твой первый вопросъ. Духъ воздушной стихіи,—продолжалъ колдунъ, наклоняясь надъ водой:—отвѣтствуй мнѣ: кто будетъ преемникомъ могущественнаго императора, который въ эту минуту стоитъ передъ тобой?

Послышался легкій скрипъ желѣзной палочки по дну каменнаго сосуда, и невидимая рука начертила двѣ буквы въ мутной водѣ.

Эти буквы были *И* и сверху *с* въ видѣ полумѣсяца.

— Ис! — пробормоталъ Андроникъ. — Только двѣ буквы?

— Этого совершенно достаточно! — возразилъ колдунъ.

— Ис... — повторилъ императоръ. — Понимаю! Это значитъ— Исаакъ... Не Исаакъ ли Исавріанинъ, владѣтель Кипра, самый жалкій изъ Комненовъ, составляющій позоръ своей фамиліи? Не его ли подразумѣваетъ невидимый духъ?

— Молчи!—сказалъ повелительно колдунъ:—выслушай второй отвѣтъ.—Затѣмъ онъ произнесъ громкимъ голосомъ:—Открой намъ, духъ воздушной стихіи, когда преемникъ могущественнаго Андроника вступитъ на престолъ?

Андроникъ и его приверженцы наклонились надъ таинственнымъ сосудомъ и пристально смотрѣли на воду, но тамъ видны были тѣ же буквы.

Внезапно надъ ихъ головами раздался голосъ:

— Въ день Воздвиженія Креста!

— Что говоритъ духъ? Это ложь и предательство! — воскликнулъ съ яростью Андроникъ.—Сентябрь уже начался... Можетъ ли Исаакъ въ два-три дня прибыть сюда изъ Кипра и вступить на престолъ?

На губахъ Андроника появилась ироническая улыбка.

— А ты, наглый шарлатанъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ колдуну:—можешь убираться прочь! Твое чародѣйство не болѣе, какъ фиглярство и обманъ! Удались немедленно съ моихъ глазъ!

— Государь,—сказалъ Іоаннъ Тира:—удостой милостиво выслушать меня. Духъ, вызванный Сиѳомъ, говорилъ слишкомъ опредѣленно, мы должны уловить смыслъ его словъ...

— Я вижу,—возразилъ съ гнѣвомъ Андроникъ:—что ты, Іоаннъ, принадлежишь къ тѣмъ людямъ, которые готовы вѣрить всякимъ пустякамъ. Не ожидалъ я отъ тебя такого безразсудства!

— Ты самъ, государь, видѣлъ буквы въ водѣ,—продолжалъ Іоаннъ Тира, блѣднѣя и съ безпокойствомъ посматривая на таинственный сосудъ:—мы всѣ слышали голосъ вызваннаго духа... Кто знаетъ, Исаакъ ли это Кипрскій? Развѣ онъ твой единственный врагъ?.. Не забудь, государь, здѣсь въ нашемъ городѣ проживаетъ Исаакъ Ангелъ, нѣкогда обвиненный въ измѣнѣ, которому ты даровалъ жизнь... Не его ли подразумѣвалъ духъ?

— Исаака Ангела?—сказалъ Андроникъ съ выраженіемъ глубокаго презрѣнія на лицѣ: — не того ли малодушнаго Исаака, который спрятался, какъ баба, когда увидѣлъ, что его сообщники арестованы? Не этого ли трусливаго зайца? Можетъ ли подобный человѣкъ помышлять о престолѣ?

— Государь,—сказалъ суровымъ тономъ колдунъ:—не глумись надъ тѣмъ, чего постичь не можешь. Ты спрашивалъ,—духъ отвѣтствовалъ тебѣ; не пренебрегай его словами...

— Мы скоро узнаемъ,—прервалъ Агіохристофоритъ:—на этого ли Исаака указалъ духъ? Я обѣщаю тебѣ, государь, въ самомъ не-

продолжительномъ времени избавить тебя отъ врага, на котораго духъ указалъ намъ.

Милостивая улыбка властелина вознаградила вѣрнаго Агіохристофорита за его преданность.

Агіохристофоритъ вышелъ изъ дворца вмѣстѣ съ Сиѳомъ. Колдунъ вернулся въ свое жилище, гдѣ его ожидала многочисленная толпа; между тѣмъ, какъ Агіохристофоритъ отправился въ другую часть города, чтобы избавить Андроника отъ человѣка, который, согласно предсказанію, долженъ былъ сдѣлаться преемникомъ его престола.

Андроникъ былъ внѣ себя отъ ярости; сильнымъ ударомъ кулака онъ опрокинулъ сосудъ съ водой, въ которомъ все еще виднѣлись въ водѣ таинственныя буквы.

Исаакъ Ангелъ проживалъ спокойно въ Константинополѣ, не принимая никакого участія въ государственныхъ дѣлахъ, такъ какъ не хотѣлъ признать господства хищнаго Андроника. Его оставили въ покоѣ, потому что онъ былъ человѣкъ, лишенный воли и личнаго мужества, и всѣ считали его совершенно неспособнымъ на какое либо смѣлое предпріятіе. Онъ представлялъ собою слабую, ничтожную мышь, на которую гордый, сильный левъ смотрѣлъ съ презрѣніемъ.

Ночь уже давно наступила, когда Агіохристофоритъ сѣлъ на своего любимаго коня и, въ сопровожденіи нѣсколькихъ вооруженныхъ людей, направился къ жилищу Исаака.

Онъ въѣхалъ на обширный дворъ, ворота котораго были открыты настежъ, и именемъ императора, громкимъ голосомъ пригласилъ Исаака сойдти внизъ.

Исаакъ слышалъ грубый голосъ императорскаго любимца и, узнавъ, въ чемъ состоялъ приказъ, сразу понялъ грозившую ему опасность. Онъ подошелъ къ окну и отвѣтилъ посланному, что боленъ, поэтому не въ состояніи исполнить немедленно приказа своего государя и повелителя, но какъ только здоровье позволитъ ему, то онъ, вѣрнѣйшій изъ подданныхъ императора, не замедлитъ явиться во дворецъ.

— Государь велѣлъ тотчасъ звать тебя безъ всякихъ проволочекъ,—отвѣтилъ со двора Агіохристофоритъ, возвышая еще болѣе свой рѣзкій голосъ.—Ты долженъ немедленно повиноваться, иначе я прикажу моимъ людямъ стащить тебя внизъ за волосы и бороду.

Эта угроза, а еще болѣе присутствіе человѣка, извѣстнаго своей жестокостью, были для Исаака достаточнымъ доказательствомъ, что ему нечего ждать пощады, и онъ, мирный гражданинъ, врагъ всякаго насилія, трепетавшій передъ малѣйшей опасностью, моментально превратился въ неустрашимаго воина и героя.

Онъ ясно видѣлъ, что отъ него одного зависитъ спасеніе, и зналъ, что если попадетъ въ руки Агіохристофорита, то гибель его

неминуема. Ему предстояло вести безславное существованіе въ мрачной темницѣ или умереть геройской смертью, съ оружіемъ въ рукахъ.

Исаакъ выбралъ послѣднее и, схвативъ мечъ, висѣвшій въ его спальнѣ, сбѣжалъ съ лѣстницы, съ непокрытой головой, и внезапно предсталъ передъ страшнымъ врагомъ.

Агіохристофоритъ былъ на столько пораженъ этимъ неожиданнымъ явленіемъ, что невольно сдѣлалъ шагъ назадъ. Исаакъ, пользуясь отступленіемъ своего врага, напалъ на него и, съ быстротой молніи, нанесъ ему мечомъ сильный ударъ по головѣ. Агіохристофоритъ, обливаясь кровью, упалъ съ лошади съ раздробленнымъ черепомъ. Въ слѣдующую минуту Исаакъ напалъ на вооруженныхъ спутниковъ, которые стояли, какъ будто окаменѣлые, не двигаясь съ мѣста, и, пробивъ себѣ дорогу мечомъ, бросился на площадь. Здѣсь, высоко размахивая надъ головой окровавленнымъ мечомъ, онъ сталъ стучаться въ двери домовъ, чтобы разбудить спящихъ жителей, повторяя тотъ же возгласъ: «Погибъ дьяволъ! Я убилъ дьявола!» Подъ этой кличкой жестокій Агіохристофоритъ былъ давно извѣстенъ всему населенію столицы.

Встревоженные горожане спѣшили выходить изъ своихъ домовъ и слѣдовали за Исаакомъ, который направился къ церкви св. Софіи. Здѣсь, въ священномъ храмѣ, надѣялся онъ найдти болѣе вѣрное убѣжище отъ всякихъ преслѣдованій. Софійская площадь наполнилась многочисленной толпой, которая съ любопытствомъ ожидала дальнѣйшаго хода событій. Всѣ враги и противники Андроника собрались въ обширномъ храмѣ, куда вскорѣ прибылъ дядя Исаака съ отцовской стороны, Іоаннъ Дука, съ своимъ сыномъ.

Между тѣмъ спутники Агіохристофорита отправились во дворецъ съ его трупомъ, чтобы доложить императору о неожиданномъ происшествіи.

Андроникъ равнодушно взглянулъ на окровавленный трупъ своего вѣрнаго приверженца и слуги; его холодное сердце не было тронуто этимъ зрѣлищемъ. Онъ трепеталъ за самого себя и, презрительно пожавъ плечами, сказалъ: «Дѣлать нечего! Кровь за кровь». Затѣмъ онъ удалился въ свою опочивальню и подъ вліяніемъ охватившаго его страха отдалъ приказъ о полномъ прощеніи убійцы своего друга.

Малодушный человѣкъ надѣялся подобнымъ способомъ обезпечить свое существованіе и укрѣпить за собою престолъ; но духъ, вызванный Сиѳомъ, предсказалъ срокъ его земной жизни. Дни Андроника были сочтены.

X.

Исаакъ Ангелъ.

Вѣсть о смерти ненавистнаго Агіохристофорита и удаленіи Исаака въ храмъ св. Софіи распространилась по городу съ быстротой молніи. Многочисленная толпа людей собралась на Софійской площади и хотѣла проникнуть въ храмъ.

Народъ сознавалъ, что Андроникъ въ лицѣ Агіохристофорита лишился сильнѣйшей опоры своего престола и видѣлъ въ этомъ небесную кару, ниспосланную на человѣка, который подъ вліяніемъ дикихъ страстей осмѣлился посягнуть на жизнь мирнаго гражданина. Всѣмъ было извѣстно, что Андроникъ съ неслыханной жестокостью и хладнокровіемъ заставилъ невиннаго отрока подписать смертный приговоръ родной матери и отдалъ тайный приказъ объ убійствѣ императора, чтобы похитить у него вѣнецъ и властвовать одному на престолѣ. Въ виду такихъ дѣяній, онъ въ короткое время сдѣлался предметомъ общей ненависти и ужаса.

Андроникъ становился все суевѣрнѣе и подозрительнѣе, и больше не являлся въ публикѣ; всякій разъ, когда ему приходилось проходить по улицѣ, онъ приказывалъ предварительно разставить на всемъ пути вооруженныхъ людей и своихъ тѣлохранителей, варяговъ. Не разбирая ни пола, ни возроста, онъ посылалъ въ заключеніе своихъ противниковъ; ничто не могло спасти отъ наказанія: ни высокій санъ, ни происхожденіе, ни услуги, оказанныя отечеству. Даже красота служила предметомъ безпощаднаго преслѣдованія, потому что Андроникъ, при своихъ впалыхъ щекахъ и старческихъ морщинахъ, не могъ безъ раздраженія видѣть юношескія черты лица. Всѣ тюрьмы были переполнены; тотъ еще могъ считать себя счастливымъ, кто прямо попадалъ въ темное подземелье и при этомъ не былъ лишенъ зрѣнія, потому что жестокій Андроникъ чувствовалъ особенное пристрастіе къ этого рода наказанію.

Онъ видѣлъ, что ненависть народа къ нему усиливается съ каждымъ днемъ, и дошелъ до такой наглости въ своемъ безсердечіи, что разъ, когда одинъ изъ окружавшихъ его льстецовъ распространился объ его великодушіи и милостяхъ, оказанныхъ непокорному народу, то онъ далъ такой отвѣтъ: «Меня лишаютъ возможности дѣлать добро, которое я хотѣлъ бы сдѣлать; и поэтому я принужденъ противъ моего желанія дѣлать зло!» Вслѣдъ за тѣмъ, онъ отдалъ письменный приказъ, по которому всѣ, заключенные въ тюрьмахъ и находящіеся въ изгнаніи, присуждались къ смертной казни. Хотя этотъ жестокій приказъ не былъ приведенъ въ исполненіе, но народъ, потерявъ всякое терпѣніе, восторженно привѣт-

ствовалъ первый ударъ, нанесенный тирану, и тотчасъ же перешелъ на сторону людей, руководившихъ возстаніемъ. Уличная чернь съ шумомъ выломала двери темницъ и возвратила свободу несчастнымъ жертвамъ произвола, которыя огласили площади и городскія улицы своими дикими криками и угрозами. Горожане, вооруженные палками, пиками и ножами, стремились на Софійскую площадь съ твердой рѣшимостью положить конецъ ненавистному господству. Не встрѣчая никакого сопротивленія, они становились все смѣлѣе въ своихъ проклятіяхъ и угрозахъ. Въ народѣ сновали какіе-то неизвѣстные люди, которые своими рѣчами еще больше возбуждали ярость толпы. Нигдѣ не видно было вооруженныхъ сѣкирами варваровъ, этой наглой толпы наемниковъ, неизмѣнныхъ тѣлохранителей Андроника. Исчезли всѣ орудія неограниченнаго произвола. Они видѣли, что наступаетъ конецъ могущества ихъ господина и покинули его, подобно крысамъ, которыя, предчувствуя опасность, заранѣе оставляютъ утопающій корабль. Наемные искатели приключеній, послушные исполнители воли одного человѣка, самая надежная опора самовластія, не считали для себя удобнымъ жертвовать жизнью для государя, который не въ состояніи будетъ вознаградить ихъ за оказанныя услуги. Куда дѣлись Трипсихъ, Птеригіонитъ, Далибренъ и всѣ его вѣрнѣйшіе слуги и приверженцы? Вы прячетесь и бѣжите отъ опасности! Вы не слышите больше голоса своего повелителя и оставляете его одного? Васъ приводитъ въ трепетъ месть народа? Гдѣ они, Андроникъ? Гдѣ твои вѣрные приверженцы? Ожидалъ ли ты подобнаго малодушія? Ни одна рука не поднимется теперь за тебя въ минуту опасности! Ни одинъ голосъ не откликнется на твой зовъ о помощи!

Поучительный примѣръ для васъ, византійскіе деспоты, которые видѣли свое спасеніе въ вооруженной наемной силѣ и не хотѣли понять, что ихъ единственная, вполнѣ вѣрная и незыблемая сила въ любви и преданности подданныхъ!

Тысячи зажженныхъ свѣчей освѣщали величественные своды обширнаго храма св. Софіи. Посреди церкви стоялъ Исаакъ; онъ все еще держалъ въ рукѣ окровавленный мечъ; съ нимъ былъ его дядя Іоаннъ Дука и другіе родственники, которые, подобно ему, явились въ святой храмъ, чтобы найдти вѣрное убѣжище. Исаакъ былъ блѣденъ; въ его блуждающемъ взглядѣ было то растерянное выраженіе, какое является въ глазахъ людей, которые внезапно очутились въ совершенно неожиданномъ для нихъ положеніи и испытываютъ всевозможныя колебанія и сомнѣнія. Іоаннъ Дука, въ противоположность ему, не смотря на свои преклонныя лѣта, сохранилъ полное присутствіе духа и имѣлъ спокойный, серьёзный видъ человѣка, который довѣряетъ собственнымъ силамъ и не видитъ причины сомнѣваться въ будущемъ.

— Исаакъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ своему родственнику:—

слышишь ли ты эти голоса на площади? Неужели всѣ эти восхваленія не веселятъ твоего сердца? Развѣ ты не доволенъ собой?

— Эти шумныя заявленія толпы тревожатъ меня,— сказалъ Исаакъ.—Я столько лѣтъ велъ одинокую скромную жизнь, что не могу освоиться съ подобными сценами. Повѣришь ли, что я даже не въ состояніи въ точности опредѣлить, что дѣлается въ моей душѣ, а все то, что произошло ночью, кажется мнѣ какимъ-то сномъ.

— Надѣюсь, довольно пріятнымъ сномъ!

— Увидимъ, каково еще будетъ пробужденіе послѣ этого сна,— сказалъ задумчиво Исаакъ.— Ночь скоро кончится, а новый день можетъ принести съ собой новыя опасности.

— Повѣрь, Исаакъ,—сказалъ Дука, положивъ ему руку на плечо:—что великія событія послѣдуютъ за этой ночью, и нашъ городъ радостно встрѣтитъ наступающій день. Развѣ ты не видишь, что исчезли ненавистные тѣлохранители до послѣдняго человѣка?

— Андроникъ хитеръ и изобрѣтателенъ на всякія уловки; онъ неумолимъ въ своей враждѣ; и кто знаетъ, что еще можетъ прійдти ему въ голову?..

Этотъ разговоръ, происходившій вполголоса, былъ внезапно прерванъ громкимъ единодушнымъ крикомъ тысячной толпы, наполнявшей площадь.

— Да здравствуетъ нашъ императоръ Исаакъ! Ура!..

Въ отвѣтъ на это раздались такіе же воодушевленные возгласы въ стѣнахъ храма. Исаакъ окончательно растерялся и дрожалъ, какъ листъ. Тогда одинъ изъ священниковъ, бывшихъ въ это время въ церкви, принесъ высокую деревянную лѣстницу и, приставивъ ее къ стѣнѣ главнаго алтаря, досталъ сверху блестящій вѣнецъ святаго Константина, которымъ вѣнчались на царство византійскіе императоры.

Толпа, стоявшая въ церкви, смолкла и какъ бы окаменѣла при видѣ этой сцены.

— Итакъ,—сказалъ священникъ, приближаясь къ мѣсту, гдѣ Исаакъ стоялъ, окруженный своими родственниками:—народъ превозглашаетъ тебя императоромъ. Возьми этотъ вѣнецъ и возложи его на свою голову.

Исаакъ молчалъ и въ нерѣшимости смотрѣлъ то на священника, который, преклонивъ колѣна, протягивалъ ему вѣнецъ, то на окружавшій его народъ.

— Мнѣ этотъ вѣнецъ?—сказалъ Исаакъ слабымъ, едва слышнымъ голосомъ.

— Къ чему эти колебанія, Исаакъ?— сказалъ ему на ухо Дука.— Неужели этотъ вѣнецъ не стоитъ того, чтобы протянуть за нимъ руку?

Затѣмъ, обнаживъ свою лысую голову, онъ сказалъ громкимъ голосомъ, обращаясь къ собравшемуся народу:

— Вы ищете себѣ императора, константинопольцы? Я къ вашимъ услугамъ! Клянусь, что моя голова достойна вѣнца!

Но когда толпа увидѣла лысый черепъ, блестѣвшій, какъ полный мѣсяцъ, при яркомъ свѣтѣ множества зажженныхъ свѣчей, то со всѣхъ сторонъ послышались презрительные возгласы, заглушаемые громкими криками.

— Мы не хотимъ стараго императора! Не хотимъ лысаго государя! Достаточно мучилъ насъ старый Андроникъ! Намъ нуженъ молодой императоръ! Мы хотимъ Исаака. Да здравствуетъ Исаакъ! Ура!

Дука поспѣшилъ скрыться въ толпѣ, и императорскій вѣнецъ былъ возложенъ на раскошные волосы, украшавшіе голову Исаака.

Обширный храмъ св. Софіи снова огласился криками: «Да здравствуетъ Исаакъ! Многія лѣта Исааку!»

Народъ на площади, слыша эти крики, отвѣчалъ такими же громкими восторженными возгласами.

На востокѣ уже зажглась заря наступающаго дня, когда высокія двери храма открылись настежъ, и новый вѣнчанный императоръ предсталъ передъ толпой, нетерпѣливо ожидавшей его появленія.

Въ это время на другомъ концѣ площади показалась лошадь безъ сѣдока, которая, судя по богатому сѣдлу, украшенному золотомъ, была изъ императорскихъ конюшенъ. Нѣсколько человѣкъ горожанъ тотчасъ же бросились къ ней, поймали за повода и привели къ церковной паперти, гдѣ еще стоялъ вновь избранный императоръ.

— Смотрите, какъ будто само небо посылаетъ намъ этого коня!— воскликнули они.—Садись на него, государь, и слѣдуй во дворецъ, который отнынѣ будетъ твоимъ жилищемъ!

Исаакъ сѣлъ на коня и, въ сопровожденіи шумной толпы, направился къ императорскому дворцу въ Влахернѣ...

Андроникъ былъ сильно встревоженъ насильственной смертью своего вѣрнаго приверженца, но не хотѣлъ выказать своего безпокойства и съ мнимымъ равнодушіемъ выслушалъ роковую вѣсть. Потеря преданнаго слуги неособенно огорчала его, но въ глубинѣ своего сердца онъ чувствовалъ тотъ мучительный страхъ, который испытываютъ люди, когда видятъ первые признаки близкаго несчастія. Въ ту ночь, когда произошла кровавая сцена убійства на дворѣ Исаака, онъ, противъ своего обыкновенія, не потребовалъ на ужинъ куска хлѣба съ чашей вина, что̀ составляло почти его единственную пищу. Онъ также не рѣшился лечь въ постель; мучимый безсонницей, онъ безпокойно бродилъ по пустымъ заламъ и переходамъ императорскаго дворца, размышляя о средствахъ, которыя помогли бы ему противостоять грозившей бурѣ.

Не смотря на свое высокомѣріе, онъ сознавалъ, что число его враговъ увеличивается съ каждымъ днемъ; онъ видѣлъ, что они становятся все смѣлѣе, и невольно размышлялъ о собственномъ безсиліи. Уже нѣсколько дней Андроникъ не хотѣлъ принимать ни одного изъ придворныхъ; заключенный въ стѣнахъ своего дворца, онъ видѣлъ, какъ все болѣе и болѣе приближалась гроза, и не въ состояніи былъ отклонить ее отъ себя. Къ чему послужили его многочисленныя побѣды, если онъ не въ силахъ удержать вѣнецъ на своей головѣ, и престолъ рушится подъ его ногами?

Онъ бродилъ одинокій по обширнымъ покоямъ дворца, едва освѣщеннымъ слабымъ свѣтомъ наступающаго дня; нетерпѣніе сказывалось въ каждомъ его движеніи и придавало ему сходство съ разъяреннымъ львомъ, расхаживающимъ въ желѣзной клѣткѣ. Глаза его безпокойно блуждали; время отъ времени онъ бормоталъ безсвязныя слова, свидѣтельствовавшія о сильной тревогѣ, наполнявшей его сердце.

— Негодный колдунъ сказалъ это... проговорилъ Андроникъ, какъ бы отвѣчая на собственную мысль.—Въ мутной водѣ ясно были написаны двѣ буквы... Исаакъ!.. На него указывалъ духъ... Іоаннъ былъ правъ, не кипрскій Исаакъ... Во всякомъ случаѣ, смерть Стефана не была предумышленная... Исаакъ убилъ его въ минуту гнѣва. Въ моей власти было лишить его навсегда возможности вредить мнѣ... Избытокъ великодушія побудилъ меня сдѣлать необдуманный шагъ и даровать жизнь опаснѣйшему врагу!.. Теперь никому не будетъ пощады... Всѣ тѣ, которые осмѣлятся идти мнѣ наперекоръ, будутъ уничтожены, отъ мала до велика, храбрые и трусы. Въ этомъ мое единственное спасеніе! Никто не дождется отъ меня ни пощады, ни милости!..

Внезапный шумъ смѣшанныхъ голосовъ нарушилъ тишину ночи. Это были крики толпы, сопровождавшей Исаака.

— Что это значитъ? — воскликнулъ Андроникъ. — Я слышу голоса... Какъ будто идутъ сюда... Что̀ подняло народъ въ такой ранній часъ утра?

Шумъ все увеличивался, голоса становились яснѣе.

— Народъ торжествуетъ, — продолжалъ разсуждать самъ съ собою Андроникъ:—онъ радуется смерти Стефана! Всѣ чувствовали къ нему какую-то особенную ненависть, и вѣсть объ его гибели уже разнеслась по городу. Не трудно привести въ восторгъ константинопольцевъ, я доставлю имъ новый поводъ къ радости, и они будутъ благодарить меня. Стоитъ только предать въ руки черни Трипсиха, Птеригіонита и другихъ ненавистныхъ для нихъ людей.. Я не нуждаюсь больше въ ихъ услугахъ!

Голоса слышались уже на довольно близкомъ разстояніи, толпа, повидимому, направлялась къ площади, къ которой былъ обращенъ фасадъ дворца.

— Какая странная перемѣна во мнѣ!—сказалъ Андроникъ, подходя къ закрытому окну:—было время, когда возгласы толпы услаждали мой слухъ; теперь они только раздражаютъ меня. Я состарѣлся, и силы начинаютъ измѣнять мнѣ... Не открыть ли мнѣ окно и не показаться ли народу?

Онъ стоялъ въ нерѣшимости; ему хотѣлось открыть окно, но въ то же время онъ чувствовалъ, что какая-то невидимая рука удерживала его. Наконецъ, онъ пересилилъ себя и поднялъ оконную ставню.

Въ эту минуту съ площади раздался громкій крикъ: «Да здравствуетъ нашъ императоръ Исаакъ! Ура!»...

— Исаакъ! Императоръ! — повторилъ Андроникъ, быстро закрывая ставню, съ такимъ выраженіемъ ужаса на лицѣ, какъ будто онъ увидѣлъ привидѣніе.—Что это значитъ? Народъ привѣтствуетъ новаго императора. Онъ осмѣливается дѣлать это въ моемъ присутствіи? Гдѣ же слуги мои? Куда дѣлась дворцовая стража?

Андроникъ бросился съ непокрытой головой въ сосѣднюю залу и быстрыми шагами прошелъ рядъ обширныхъ пустыхъ покоевъ, громко призывая своихъ тѣлохранителей.

Никто не откликнулся на его зовъ; только эхо, дикое и глухое, какъ его голосъ, повторяло его слова.

— Никого! Ни единой души! — воскликнулъ Андроникъ. — Неужели я одинъ!.. Жалкіе негодяи, въ минуту опасности вы покинули своего повелителя! Такъ-то вы исполняете данную клятву!..

Онъ шелъ дальше изъ комнаты въ комнату, изъ залы въ зало... Вездѣ та же мертвая тишина и ужасающее безмолвіе!

Дикій порывъ отчаянія и ярости овладѣлъ покинутымъ человѣкомъ; изъ устъ его вырвалось страшное проклятіе. Онъ бросился въ оружейную, которая находилась рядомъ съ его спальней, выбралъ крѣпкій лукъ и пучокъ острыхъ стрѣлъ, и взобрался на самую высокую изъ четырехъ башенъ, возвышавшихся надъ крышей дворца. Съ этого высокаго пункта онъ началъ пускать стрѣлы въ густую толпу людей, наполнявшихъ площадь.

Народъ, видя на башнѣ широкоплечую фигуру обезумѣвшаго повелителя, встрѣтилъ его появленіе неистовыми криками:

— Смерть тирану! Смерть мучителю!

Андроникъ слышалъ угрожающіе крики толпы, и руки его съ лихорадочной поспѣшностью метали стрѣлу за стрѣлой.

Но вскорѣ въ немъ проснулось сознаніе своего безсилія; онъ слышалъ шумъ каменьевъ, бросаемыхъ въ ворота дворца. Еще нѣсколько секундъ, и падетъ эта послѣдняя преграда.

Онъ поспѣшно сошелъ съ башни, чтобы искать спасенія въ немедленномъ бѣгствѣ.

Народъ видѣлъ, какъ онъ изчезъ съ башни, и понялъ, что это не прежній грозный Андроникъ и что нечего бояться павшаго врага...

Быстрымъ шагомъ, съ ловкостью двадцатилѣтняго юноши, Андроникъ поспѣшилъ въ свою опочивальню, замѣнилъ пурпуровыя туфли дорожной обувью и снялъ съ шеи большой золотой крестъ, который онъ постоянно носилъ на груди.

Затѣмъ онъ надѣлъ на голову татарскую войлочную шляпу и накинулъ на себя широкій плащъ и, выйдя боковымъ ходомъ на пустынную улицу, прямо направился на морской берегъ, къ тому мѣсту, гдѣ постоянно находилась наготовѣ его лодка. Это былъ единственный путь къ спасенію, который оставался ему.

Въ тотъ моментъ, когда Андроникъ вышелъ изъ дворца, упали большія ворота, извѣстныя подъ названіемъ Карейскихъ, уступивъ повтореннымъ ударамъ осаждающихъ, и толпа ринулась съ шумомъ въ императорское жилище, подобно бурному потоку, разрушившему послѣднюю преграду.

Буйная, необузданная чернь, не встрѣчая нигдѣ препятствія на своемъ пути, обыскала всѣ углы величественнаго зданія и все предала расхищенію.

Подъ крѣпкими сводами царской сокровищницы хранились большіе запасы золота, серебра и мѣди, назначенные для отчеканиванія монеты. Тяжелыя, обитыя желѣзомъ двери были выбиты, и блестящіе слитки попали въ руки толпы. Затѣмъ наступила очередь оружейной, гдѣ было развѣшено дорогое оружіе, военные доспѣхи и другіе пышные трофеи императорскихъ побѣдъ. Все было расхищено и разграблено! Богатѣйшая утварь, тяжелыя, затканныя золотомъ занавѣсы, мягкіе персидскіе ковры, канделябры и все убранство императорскихъ покоевъ было вынесено изъ дворца алчной, необузданной чернью, которая, подобно пожару, распространилась во всѣ стороны, всюду внося опустошеніе.

Императорскіе покои доставили особенно богатую пищу для насыщенія алчныхъ инстинктовъ толпы. Здѣсь были собраны дорогія вазы, картины, вышитыя знамена и значки, драгоцѣнныя евангелія, религіозныя книги и различные предметы роскоши, возбуждавшіе удивленіе многочисленныхъ посѣтителей огромной столицы. Все сдѣлалось добычей хищной народной толпы до послѣдней серебряной ложки, до послѣдняго значка.

Подобно тому, какъ потухаетъ пламя пожара за неимѣніемъ горючаго матеріала, кончился и этотъ ужасающій грабежъ, когда уже нечего было грабить. Отъ прежняго великолѣпнаго дворца, еще такъ недавно блестѣвшаго золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными камнями, остались голыя, пустыя стѣны, которыя во многихъ мѣстахъ были пробиты копьями и тяжелымъ оружіемъ, чтò было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ осады.

Уже поздно вечеромъ, когдà совсѣмъ окончилось расхищеніе императорскаго жилища, Исаакъ, въ сопровожденіи многочисленныхъ родственниковъ и друзей, вступилъ во дворецъ и отпра-

вился въ опустошенную императорскую молельню, чтобы принести благодарственную молитву Всевышнему.

Въ этотъ самый часъ, свергнутый съ престола императоръ, никѣмъ не узнанный, плылъ вдоль береговъ Босфора и, обогнувъ Малузійскій мысъ, направлялся къ Черному морю, въ надеждѣ спасти свое жалкое существованіе на Таврическомъ полуостровѣ. Онъ зналъ, что съ этихъ поръ ему не найдти безопаснаго убѣжища не только въ столицѣ, но и въ самыхъ отдаленныхъ провинціяхъ имперіи, и обратился въ бѣгство, чтобы не попасть въ руки своихъ непримиримыхъ враговъ.

Бѣги, кровожадный деспотъ, бѣги, пока возможно! Но карающая рука Провидѣнія не замедлитъ настигнуть тебя! Ты не избѣгнешь своей участи, и если бы ты вздумалъ теперь вопросить невидимыхъ духовъ о твоей будущей судьбѣ, то услыхалъ бы отъ нихъ еще болѣе страшныя откровенія, отъ которыхъ кровь застыла бы въ твоихъ жилахъ! Бѣги, Андроникъ! Но знай, что для тебя нѣтъ спасенія! Такіе люди, какъ ты, не могутъ ожидать себѣ пощады. Ты подвергнешься тяжелой отвѣтственности за всѣ злодѣянія, совершенныя тобой на землѣ! Бѣгство не спасетъ тебя, жестокій государь! Часъ возмездія пробилъ для тебя!

XI.

Заключеніе и смерть Андроника.

Лодка, на которой Андроникъ отплылъ отъ береговъ столицы, съ шестью сильными гребцами, благополучно достигла небольшой Хелейской гавани. Здѣсь онъ хотѣлъ пріискать судно чтобы отправиться на Таврическій полуостровъ, гдѣ думалъ укрыться отъ ярости возставшаго противъ него народа. Андроникъ разсчитывалъ на свою счастливую звѣзду и въ глубинѣ души твердо вѣрилъ, что хотя константинопольцы въ данный моментъ неумолимо преслѣдуютъ его и угрожаютъ смертью, но скоро опомнятся и прибѣгнутъ къ своему прежнему защитнику, который будетъ опять торжественно возведенъ ими на престолъ. Подобно многимъ другимъ низверженнымъ монархамъ, онъ льстилъ себя надеждой, что народъ, при болѣе зрѣломъ размышленіи, сознаетъ свою неправоту; но онъ упускалъ изъ виду ту непреложную истину, что если померкнетъ блескъ, окружающій престолъ, то никакая сила на землѣ не въ состояніи больше возстановить его. Народъ отличается непостоянствомъ въ своихъ привязанностяхъ; онъ радуется всякой перемѣнѣ, въ надеждѣ, что она поведетъ къ улучшенію его участи.

Это еще не даетъ право обвинять народъ въ легкомысліи, потому что человѣческой природѣ свойственно недовольствоваться настоящимъ и разсчитывать на болѣе счастливую будущность. У константинопольцевъ были и другіе поводы ненавидѣть Андроника. Они ненавидѣли его за гордость и высокомѣріе, тяготились частыми кровавыми сценами, которыхъ были свидѣтелями, и жаждали болѣе мирныхъ, спокойныхъ дней. Съ вступленіемъ на престолъ Исаака, народъ чувствовалъ себя какъ бы освобожденнымъ отъ гнетущей тяжести; главная причина этого заключалась въ томъ, что, не смотря на блистательныя побѣды, Андроникъ, при своей надменности и ненасытномъ властолюбіи, не могъ пріобрѣсти себѣ искреннихъ и надежныхъ друзей. Такъ называемые друзья и приверженцы были не болѣе, какъ наемные рабы и исполненные коварства льстецы, которыхъ привлекалъ блескъ престола, а не то лицо, которое занимало его въ данный моментъ. Эти трусливые и безсердечные люди, имѣя въ виду только личную выгоду, покинули падшаго властелина въ минуту опасности; ни одинъ изъ нихъ не протянулъ ему руку помощи, не подалъ за него голосъ. Они предоставили ему одному бѣжать изъ столицы и пріискивать средства для собственнаго спасенія. Достаточно было приближенія бури, чтобы попрятались эти мнимые малодушные друзья и предательски оставили на произволъ судьбы своего государя и повелителя.

Населеніе Хеле состояло преимущественно изъ моряковъ, которые промышляли рыбной ловлей и перевозкой товаровъ. Но въ это время года ихъ суда стояли на якорѣ, и они жили на берегу безъ всякаго дѣла. Вообще моряки чувствуютъ особенное пристрастіе къ стихіи, на которой проводятъ большую часть жизни, и если они не находятъ себѣ занятія на судахъ, то ихъ, всетаки, тянетъ къ морю; они любятъ бродить по берегу и смотрѣть на обманчивую, опасную стихію, которая имѣетъ для нихъ неотразимую, притягательную силу.

На берегу были разсѣяны группы людей, которые съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за лодкой, плывшей въ ихъ гавань. Когда лодка причалила къ берегу, они узнали Андроника и, съ удивленіемъ, стояли передъ нимъ, снявъ шапки. До нихъ еще не дошли слухи о томъ, что̀ произошло въ столицѣ въ прошлую ночь. Они видѣли Андроника одного, безъ обычной императорской свиты, и не знали, чему приписать его неожиданное появленіе.

— Приготовьте мнѣ судно, на которомъ я могъ бы тотчасъ отправиться въ Херсонесъ!—сказалъ повелительнымъ голосомъ Андроникъ, едва вступивъ на берегъ и обращаясь къ окружающимъ.

— Государь,—отвѣтилъ съ низкимъ поклономъ сѣдой матросъ:— въ нашей гавани немало судовъ въ это время го̀да; но теперь дуетъ бурный сѣверный вѣтеръ, и никто не осмѣлится выѣхать въ

открытое море въ такую погоду. Буря на столько сильна, что даже самые большіе корабли могутъ подвергнуться опасности...

— Какъ!—воскликнулъ Андроникъ, бросивъ на своего собесѣдника гнѣвный взглядъ:—вы, неустрашимые хелейцы, опытные моряки, испугались вѣтра?

— Не въ томъ дѣло, государь,—возразилъ старикъ:—но теперь поздняя осень, и бури всего опаснѣе. Вѣтеръ утихнетъ черезъ нѣсколько дней, и тогда всѣ мы готовы служить тебѣ!

— Я хочу тотчасъ двинуться въ путь и не намѣренъ ждать ни одной минуты,—сказалъ Андроникъ.—Неужели между вами не найдется ни одного человѣка, который захотѣлъ бы исполнить приказаніе своего государя? Не забывайте, что вы обязаны повиноваться мнѣ и что моя воля законъ для моихъ подданныхъ!

Андроникъ непосредственно дѣйствовалъ на толпу своимъ повелительнымъ голосомъ и пронизывающимъ взглядомъ и внушалъ ей уваженіе свойственной ему величественной осанкой. Въ народныхъ собраніяхъ и въ военномъ совѣтѣ его мнѣніе всегда имѣло перевѣсъ, потому что было высказываемо смѣлымъ, рѣшительнымъ тономъ, не терпящимъ возраженія. У Андроника былъ особенный даръ выдѣлиться среди обыкновенныхъ людей, и въ этомъ заключалась тайна того могущественнаго вліянія, какое онъ преимущественно оказывалъ на низшіе классы, которые смотрѣли на него, какъ на высшее избранное существо.

Слова Андроника произвели глубокое впечатлѣніе на хелейцевъ. Они видѣли передъ собой могущественнаго государя, окруженнаго ореоломъ высокаго сана, и, не подозрѣвая истины, склонили головы передъ его желѣзной волей.

Три молодыхъ матроса выдѣлились изъ толпы своихъ товарищей и объявили, что готовы снарядить судно и вступить въ борьбу съ разъяренной стихіей.

— Только собирайтесь скорѣе,—сказалъ имъ Андроникъ:—черезъ часъ я долженъ выѣхать отсюда.

Примѣръ трехъ смѣльчаковъ подѣйствовалъ на остальныхъ; къ нимъ присоединилось еще нѣсколько человѣкъ; рѣшено было немедленно приступить къ снаряженію судна. Только старый матросъ, убѣждавшій императора отложить путешествіе, еще разъ съ безпокойствомъ взглянулъ на небо и задумчиво покачалъ своей сѣдой головой.

Изъ множества судовъ выбрана была большая галера, служившая для перевозки товаровъ къ Черному морю, которая въ послѣднее время стояла на якорѣ въ гавани по причинѣ бурной погоды.

На галерѣ шла теперь дѣятельная работа: моряки снаряжали въ путь свое дѣтище. Одни взбирались на мачты, другіе осматривали паруса, тамъ тянули тяжелую цѣпь, за которую судно было

привязано къ берегу; здѣсь нѣсколько человѣкъ черпали воду изъ моря, чистили и мыли палубу.

На берегу стоялъ Андроникъ; онъ съ нетерпѣніемъ и безпокойствомъ слѣдилъ за движеніями моряковъ на снаряжаемой галерѣ; но глаза его все чаще и чаще обращались по направленію къ Константинополю, откуда онъ ежеминутно ожидалъ появленія своихъ враговъ.

Теперь, быть можетъ, первый разъ въ жизни, онъ почувствовалъ свое полное одиночество; но передъ нимъ было устье Босфора, за нимъ разстилалось открытое море; надежда на спасеніе не оставляла его.

Еще не прошелъ часъ, какъ судно уже было готово къ отплытію. Андроникъ съ юношеской поспѣшностью вскочилъ на палубу въ тотъ самый моментъ, какъ окончена была работа.

Правой рукой онъ схватился за руль и громкимъ голосомъ отдалъ приказъ отчалить отъ берега. Подняли якорь, распустили паруса, судно двинулось въ путь; вотъ оно обогнуло мысъ Хеле и направляется къ Черному морю. Стоявшіе на берегу хелейцы, слѣдя глазами за отплывшимъ судномъ, спрашивали другъ друга съ недоумѣніемъ, чтò могло побудить императора предпринять въ бурю такое опасное и поспѣшное путешествіе?

Но недолго оставались они въ недоумѣніи; вскорѣ разъяснилось для нихъ загадочное происшествіе, возбудившее ихъ любопытство.

Три императорскія галеры, наполненныя вооруженными людьми, вошли въ гавань. Прибывшіе воины разсказали хелейцамъ о послѣднихъ событіяхъ, происходившихъ въ столицѣ; затѣмъ обратились къ нимъ съ вопросомъ: въ какую сторону отправился бѣглецъ? Едва полученъ былъ отвѣтъ, какъ три галеры снова отчалили отъ берега и поплыли по направленію къ устью Босфора.

Между тѣмъ судно, которымъ собственноручно управлялъ Андроникъ, проплывъ Босфоръ, готовилось войдти въ Черное море. Но тамъ встрѣтилось неожиданное препятствіе; сѣверный вѣтеръ дулъ съ такой силой и море было такъ бурно, что дальнѣйшее плаваніе было почти невозможно. Напрасно Андроникъ, сидя у руля, старался пріободрить матросовъ, напрасно эти удвоивали свои старанія, чтобы выбраться изъ опаснаго устья, гдѣ поверхность воды была покрыта густой пѣной; также неудачна была попытка перемѣнить направленіе судна, чтобы съ помощью вѣтра проплыть опасное мѣсто. Буря все усиливалась: она то поднимала легкое судно на гребни волнъ, то снова бросала въ бездну и грозила поглотить его. Андроникъ стоялъ мрачный и блѣдный у руля, и смотрѣлъ неподвижнымъ взоромъ на бушующія волны; онъ кусалъ себѣ губы, чувствуя свое безсиліе противъ разъяренной стихіи. Казалось, что море, разгнѣванное столькими жертвами, брошен-

ными Андроникомъ въ его волны, отказывалось принять его самого и усиленно гнало управляемое имъ судно къ острымъ утесамъ, которые выглядывали черные и грозные изъ морской пѣны.

Уже трижды судно, послѣ отчаянной борьбы съ волнами, выплывало въ открытое море; трижды грознымъ порывомъ бури оно уносилось къ скалистому берегу, и всякій разъ Андроникъ все болѣе и болѣе убѣждался въ невозможности продолжать путь. Между тѣмъ, день уже сталъ склоняться къ вечеру; и тутъ внезапно показались въ виду три императорскія галеры, посланныя въ погоню за бѣглецомъ.

Андроникъ первый замѣтилъ и узналъ ихъ; онъ ясно видѣлъ теперь, что для него закрытъ и этотъ послѣдній путь къ спасенію. Грозная стихія какъ бы вступила въ заговоръ съ людьми, чтобы погубить его.

Императорскія галеры вскорѣ окружили судно, на которомъ находился Андроникъ, и цѣлая толпа вооруженныхъ людей заняла палубу; матросы были слишкомъ малочисленны, чтобы оказать какое либо сопротивленіе. Андроникъ былъ немедленно пересаженъ на одну изъ императорскихъ галеръ, которыя двинулись одновременно въ обратный путь. Переѣздъ былъ легкій и, благодаря попутному вѣтру, совершился необыкновенно быстро. Все какъ будто соединилось, чтобы предать тирана въ руки раздраженнаго народа.

Андроникъ сидѣлъ одиноко на палубѣ съ цѣпями на рукахъ и ногахъ; онъ ясно видѣлъ, что все кончено для него. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ, обезоруженъ и находился во власти своихъ могущественныхъ враговъ.

Но Андроникъ не терялъ надежды и рѣшился прибѣгнуть къ хитрости для своего спасенія. Уже сколько разъ, въ затруднительныхъ случаяхъ своей жизни, онъ съ успѣхомъ пользовался этимъ оружіемъ!

Подъ предлогомъ утоленія голода, онъ попросилъ кусокъ хлѣба, и когда его требованіе было исполнено, то онъ, заливаясь слезами, сталъ жаловаться на судьбу!

— О Боже!—сказалъ онъ.—Могъ ли я ожидать подобнаго несчастія. Неужели я долженъ, какъ преступникъ, вернуться подъ стражей въ городъ, дорогой моему сердцу, и въ этомъ видѣ предстать передъ народомъ, о благосостояніи котораго я такъ много заботился?.. Можетъ ли такая жестокая участь не возбудить сострадания людей?.. Друзья мои,—добавилъ онъ, обращаясь къ окружающимъ его воинамъ:—неужели вы не чувствуете ни малѣйшей жалости къ человѣку, котораго такъ неумолимо преслѣдуетъ судьба?.. Воины молчали.

— Передъ вами, Андроникъ, потомокъ знаменитаго рода Комненовъ, давшаго византійскому престолу столько увѣнчанныхъ славой государей и столько храбрыхъ полководцевъ! Не забудьте,

что Андроникъ, котораго вы видите сегодня въ оковахъ, жалкимъ и безпомощнымъ, еще такъ недавно былъ могущественнымъ императоромъ и сидѣлъ на престолѣ! О Боже, какъ невѣренъ и скользокъ этотъ путь! Зачѣмъ стремился я къ достиженію высокаго сана, зачѣмъ пожертвовалъ ради него жизнью? Развѣ я не былъ въ тысячу разъ счастливѣе, когда охотился за дикими звѣрями съ мечемъ въ рукѣ, велъ на поле битвы толпы неустрашимыхъ воиновъ? Къ чему промѣнялъ я эту свободную, счастливую жизнь на печальное существованіе, исполненное тяжелыхъ заботъ и труда?.. Вы сами воины, и вамъ болѣе, чѣмъ кому нибудь, доступны благороднѣйшіе порывы человѣческой души, такъ какъ мужественному сердцу чужды низкія страсти. Вы понимаете, что̀ я долженъ испытывать въ настоящую минуту... Сжальтесь надо мной. Помогите мнѣ вернуться въ азіатскіе лѣса, гдѣ я чувствовалъ себя такимъ счастливымъ! Меня не соблазняетъ болѣе ни блескъ императорскаго сана, ни пышность престола! Горькій опытъ убѣдилъ меня, что императорская корона терновый вѣнецъ, а пурпуровая мантія тяжелое одѣяніе; немногіе въ состояніи носить ее!.. Мое единственное желаніе вновь услышать шумъ битвы, испытать прежнія опасности и лишенія, связанныя съ боевой жизнью... Эти опасности и лишенія не могутъ пугать васъ! Вы съ дѣтства привыкли владѣть оружіемъ... Послѣдуйте за мною! Я поведу васъ къ новымъ блистательнымъ побѣдамъ! Въ Азіи живетъ дикій языческій народъ, который враждебно относится къ христіанской религіи и грозитъ новымъ нашествіемъ на нашу прекрасную родину. Тамъ ожидаютъ насъ новые лавры, новыя побѣдные трофеи!..

Андроникъ остановился, но, не встрѣтивъ никакихъ возраженій, продолжалъ свою рѣчь съ прежнимъ воодушевленіемъ: — Послѣдуйте за мной, дорогіе товарищи! Вы видите, мои члены закалены суровой солдатской жизнью; мое лицо никогда не блѣднѣло отъ страха! Неужели васъ не тяготитъ настоящее положеніе, при которомъ вы обречены на бездѣйствіе и полусонное существованіе? Развѣ вы не считаете для себя позоромъ служить орудіемъ для интригъ честолюбцевъ?.. Вы—мужи и воины! На васъ лежитъ обязанность защищать христіанскую религію! Идите за мной! Вамъ не придется краснѣть за своего предводителя! Тамъ узнаете вы прежняго Андроника; мы приведемъ въ трепетъ нашихъ враговъ и навсегда прославимъ свое имя. Я вновь почувствую себя счастливымъ и этимъ счастьемъ я буду обязанъ вамъ, друзья мои. Умоляю васъ, снимите съ меня оковы и слѣдуйте за мной!..

Воины, окружавшіе узника, молчали и не двигались съ мѣста. Слова Андроника не произвели на нихъ ни малѣйшаго впечатлѣнія. Наконецъ, одинъ изъ нихъ, повидимому, начальникъ, сказалъ ему:

— Напрасно стараешься ты убѣдить насъ! Мы дѣлаемъ то, что намъ приказываютъ, и безъ всякихъ разсужденій передадимъ тебя

сторожамъ Анемской башни! Наша обязанность повиноваться начальству...

Андроникъ ничего не возражалъ: для него угасъ послѣдній лучъ надежды; съ этой минуты во все время переѣзда онъ хранилъ упорное молчаніе. Его главное оружіе—хитрость и лесть, было отнято отъ него, потому что онъ не могъ больше пользоваться имъ. Свойственная ему твердость характера опять взяла перевѣсъ. Глаза его, принявшіе во время рѣчи коварное, блуждающее выраженіе лисицы, пріобрѣли ту спокойную неподвижность, какая является у людей, при гордомъ сознаніи своей неустрашимости. Храбрый человѣкъ готовился умереть смертью героя. Его попытка тронуть сердца простодушныхъ, окружавшихъ его воиновъ, окончилась неудачей; онъ зналъ, что ему нечего ждать пощады отъ своихъ непримиримыхъ враговъ. Исаакъ Ангелъ былъ мягкій, слабохарактерный человѣкъ, почти насильственно возведенный на престолъ, но разгнѣванный народъ жаждалъ мести; онъ не допуститъ, чтобы императоръ почувствовалъ малѣйшее состраданіе къ своему несчастному предшественнику.

Андроникъ покорился своей участи и спокойно ожидалъ смерти. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые при всей своей гордости и высокомѣріи подчиняются неизбѣжному и глубоко вѣрятъ, что никто не минуетъ предначертанной ему судьбы. Тщательное изученіе Посланій св. Павла въ значительной мѣрѣ укрѣпило Андроника въ этомъ вѣрованіи, которое поддерживало его и въ настоящія минуты тяжелаго испытанія. Андроникъ, при всей дикости своихъ инстинктовъ, былъ способенъ на проблески чувствъ, свойственныхъ болѣе возвышеннымъ натурамъ.

— Да исполнится воля Твоя, Господи!—воскликнулъ онъ, поднявъ глаза къ небу, въ тотъ моментъ, когда судно бросило якорь передъ воротами Анемской башни.

Развѣнчаннаго императора заключили въ мрачную темницу башни; онъ слышалъ, какъ за тяжелой дверью поставлена была на караулѣ вооруженная стража.

Едва разнеслась по городу вѣсть о заключеніи Андроника, какъ огромная толпа народа двинулась къ башнѣ и съ громкими криками требовала немедленной казни узника. Эта шумная толпа состояла изъ людей, принадлежащихъ къ низшему классу населенія; тутъ были кожевники, широкоплечіе мясники и другіе не менѣе усердные посѣтители грязныхъ винныхъ погребовъ.

— Отдайте намъ преступника!—кричали они.—Пусть выведутъ къ намъ Андроника. Тотъ, который осмѣлился съ такой наглостью обмануть насъ, долженъ быть преданъ въ наши руки! Мы сами казнимъ его!..

Андроникъ слышалъ эти дикіе крики и угрозы, которые глухо раздавались за толстыми стѣнами его темницы. Они звучали въ

его ушахъ, какъ грозные предвѣстники смерти; но ни одинъ мускулъ не шевельнулся на его лицѣ; въ глазахъ было то же выраженіе непреклонной рѣшимости.

— Жалкіе люди!—произносилъ онъ, время отъ времени, поднимая голову.—Теперь вы осмѣлились кричать противъ меня, готовы разорвать на клочки!.. А не далѣе, какъ вчера, вы трепетали передо мной, пресмыкались у моихъ ногъ... Вы требуете моей смерти? Вооружитесь терпѣніемъ, вы будете свидѣтелями кроваваго зрѣлища, но знайте, что и въ подобную минуту Андроникъ сохранитъ присутствіе духа.

Ночь мало-по-малу разсѣяла толпу, собрâвшуюся передъ башней; дикіе крики становились все слабѣе и, наконецъ, совсѣмъ замолкли.

Андроникъ, изнуренный долгой безсонницей и волненіями истекшаго дня, бросился на жесткую соломенную рогожу и заснулъ крѣпкимъ сномъ. Природа пересилила его стальное тѣло.

Андроникъ спитъ крѣпкимъ, но тревожнымъ сномъ, губы его произносятъ безсвязныя слова.

Ему снится страшный сонъ. Онъ стоитъ на краю темной пропасти; изъ ея черной разверстой пасти поднимаются привидѣнія и постепенно принимаютъ человѣческія формы.

Онъ видитъ передъ собою тѣнь человѣка съ окровавленными впадинами вмѣсто глазъ.

— Протосевастосъ Алексѣй! — шепчетъ спящій.

Привидѣніе останавливается на краю пропасти и говоритъ глухимъ голосомъ:

— Андроникъ, узнаешь ли ты меня? Я — Алексѣй. Взгляни на мои глаза, ты лишилъ меня зрѣнія! Будь ты проклятъ!

Изъ черной пропасти выступаетъ вторая тѣнь. Это высокая, блѣдная женщина, съ золотымъ вѣнцомъ на головѣ.

— Императрица Марія! — произносятъ губы спящаго узника.

— Андроникъ, ты узнаешь меня!—говоритъ привидѣніе.—Меня умертвили, по твоему приказанію, и бросили въ море. Я вышла изъ своей сырой могилы, чтобы явиться къ тебѣ и сказать: Будь ты проклятъ!

За тѣнью Маріи поднимается новое привидѣніе. Это обезглавленный отрокъ; онъ держитъ въ рукахъ свою голову, увѣнчанную древнимъ византійскимъ вѣнцомъ.

— Императоръ Алексѣй! — шепчетъ спящій, едва слышнымъ голосомъ.

— Да,—отвѣчаетъ привидѣніе, приближаясь къ нему:—я тотъ, кому ты обязанъ своимъ величіемъ; я посадилъ тебя рядомъ съ собою на престолъ моихъ предковъ, но ты умертвилъ меня и бросилъ мою голову на съѣденіе хищнымъ птицамъ. Будь ты проклятъ!

Наконецъ, изъ мрачной пропасти выступаетъ высокое привидѣніе. Это костлявый скелетъ съ золотымъ скипетромъ въ рукѣ.

— Мануилъ! Мануилъ!—произноситъ со стономъ спящій.

— Клятвопреступникъ!—говоритъ привидѣніе.—Ты умертвилъ императрицу Марію и моего единственнаго сына, императора Алексѣя! Въ минуту дикой ярости ты позволилъ себѣ поруганіе надъ моимъ прахомъ и не пощадилъ холодной могилы! Наступилъ часъ мести!

Привидѣніе протягиваетъ свою костлявую руку; скипетръ превращается въ мечъ, на которомъ выступаютъ зловѣщія буквы: Ис.

— Сиѳъ! Сиѳъ!—шепчетъ спящій.

— Видишь ли ты этотъ мечъ, Андроникъ?—продолжаетъ привидѣніе.—Это орудіе мести! Взгляни на черную пропасть, которая ожидаетъ тебя! Мы явились за тобой. Слѣдуй за нами!..

Четыре привидѣнія окружили Андроника и стали тянуть его въ пропасть. Онъ чувствовалъ прикосновеніе ихъ костлявыхъ рукъ; холодный потъ выступилъ у него на лбу. Наконецъ, изъ его сжатыхъ губъ вырывается громкій крикъ; онъ просыпается и съ ужасомъ смотритъ вокругъ себя.

Онъ видитъ только стѣны темницы, слабо освѣщенныя легкимъ отблескомъ наступающаго дня.

Съ ранняго утра многочисленная народная толпа снова собралась вокругъ башни и съ оглушительными криками и шумомъ требовала выдачи преступника, которая должна была послужить сигналомъ къ началу кроваваго представленія. Такъ шумятъ подчасъ нетерпѣливые зрители передъ поднятіемъ занавѣса.

— Чего они ждутъ?—кричало нѣсколько человѣкъ кожевниковъ, которые въ то же время изо всѣхъ силъ ударяли своими тяжелыми дубинами о желѣзныя ворота башни.—Почему до сихъ поръ не выдаютъ Андроника? Императоръ предоставилъ намъ казнить его; мы воспользуемся своимъ правомъ!.. Эй! кто тамъ?—продолжала шумѣть толпа:—они точно оглохли всѣ. Не выломать ли намъ ворота и не вытащить ли сюда преступника?

Съ этими словами посыпались новые, еще болѣе частые удары въ желѣзную рѣшетку.

— Я почти готовъ биться объ закладъ,—сказалъ одинъ изъ толпы:—что они уже покончили съ нимъ сегодня ночью, а насъ только водятъ за носъ.

— Ну, если они осмѣлятся сдѣлать что либо подобное,—возразилъ коренастый подмастерье, размахивая толстой дубиной:—то имъ придется раскаяться въ этомъ. Народъ не позволитъ шутить съ собой! Они могутъ въ другихъ случаяхъ казнить втайнѣ преступниковъ, но казнь Андроника должна совершиться среди бѣлаго дня, чтобы всѣ могли видѣть ее. Пусть это послужитъ урокомъ для тѣхъ, которые рѣшаются обманывать народъ. Впередъ, друзья

мои! Выломаемъ ворота, посмотримъ, долго ли они устоятъ подъ нашими ударами!..

Народъ, возбужденный этими словами, намѣревался послѣдовать совѣту оратора, какъ внезапно отворились ворота башни, и появилась величественная фигура Андроника, окруженнаго вооруженной стражей.

Шумъ и крики сразу умолкли; толпа какъ будто окаменѣла на минуту. Наступила мертвая тишина, которая всегда предшествуетъ новому, еще болѣе грозному взрыву бури.

Затѣмъ со всѣхъ сторонъ раздался дикій протяжный крикъ, и тысячи рукъ поднялись съ угрозами и проклятіями противъ беззащитной жертвы. Тюремная стража отступила въ испугѣ, и Андроникъ былъ преданъ въ руки своихъ палачей.

Разъяренная народная толпа ринулась на него; одни рвали волосы на его головѣ и бородѣ, выбивали зубы, осыпали бранью, плевали на него и бросали ему въ лицо комки грязи; другіе срывали съ него платье и наряжали въ разодранные лохмотья.

По близости находилась кузница. Сюда поволокли Андроника и отрубили ему на наковальнѣ правую руку тяжелымъ желѣзнымъ топоромъ. Когда брызнула кровь, въ толпѣ раздался громкій хохотъ.

Затѣмъ, изувѣченный, покрытый кровью Андроникъ, былъ посаженъ на тощаго верблюда, и шествіе тронулось въ путь по главнымъ улицамъ столицы. Чѣмъ дальше оно подвигалось, тѣмъ многочисленнѣе и необузданнѣе становилась толпа. Такъ въ жаркій лѣтній день рой прожорливыхъ мухъ накидывается на кучи гніющаго уличнаго мусора.

Между тѣмъ, эта злополучная жертва народной мести былъ тотъ самый могущественный Андроникъ, который еще наканунѣ сидѣлъ на престолѣ, и котораго такъ недавно радостно встрѣтилъ весь городъ и привѣтствовалъ, какъ своего спасителя. Трудно было повѣрить, что человѣкъ, составлявшій теперь предметъ общаго презрѣнія и насмѣшекъ, былъ увѣнчанный славой государь, желѣзная воля котораго господствовала надъ массами.

Несчастный Андроникъ болѣе чѣмъ кто нибудь испыталъ на себѣ непрочность земныхъ благъ!..

Шествіе продолжало свой путь въ томъ же порядкѣ; оно медленно проходило по длиннымъ улицамъ и обширнымъ площадямъ города; вездѣ сопровождали его тѣ же дикіе крики и вопли разъяренной толпы.

Наконецъ, шествіе остановилось на нѣсколько минутъ передъ харчевней. Изъ воротъ вышла женщина съ горшкомъ горячей воды; распущенные волосы и блуждающій взглядъ придавали ей видъ помѣшанной. Она поспѣшно пробралась сквозь толпу и остановилась передъ Андроникомъ.

— Не ты ли Андроникъ?—спросила она.—Я давно ждала этой минуты. Ты казнилъ моего мужа, ослѣпилъ моего брата... Наконецъ-то, мнѣ удалось добраться до тебя!..

Затѣмъ, съ пронзительнымъ крикомъ ненависти и отчаянія она подняла обѣими руками горшокъ съ кипиткомъ и опрокинула его надъ головой Андроника. Обваренное лицо страдальца вздулось и побагровѣло; онъ лишился одного глаза.

Шествіе снова двинулось въ путь; когда оно достигло Ипподрома, Андроника сняли съ верблюда.

«Повѣсьте его!»—крикнуло нѣсколько угрожающихъ голосовъ. До этой минуты Андроникъ выносилъ молча всѣ мученія; на лицѣ его не замѣтно было ни малѣйшихъ признаковъ страха, только время отъ времени губы его молча произносили слова: «О Боже, сжалься надо мной»!

Когда его сняли съ верблюда, онъ обратился къ народу и сказалъ:

— На что вамъ моя смерть? Теперь во мнѣ также мало силъ, какъ въ слабомъ тростникѣ!..

Оглушительный хохотъ прервалъ рѣчь Андроника; громче прежняго раздались голоса:

— На висѣлицу его! На висѣлицу!

У западной стѣны Ипподрома стояли два каменныхъ столба съ желѣзными кольцами, къ которымъ привязывали дикихъ звѣрей, выводимыхъ на арену. Къ этимъ столбамъ привѣсили Андроника.

Народъ встрѣтилъ появленіе этого окровавленнаго человѣческаго трофея громкимъ протяжнымъ крикомъ торжества.

Затѣмъ къ висѣвшему тѣлу подошли два мясника и вонзили въ него свои острые ножи; они со смѣхомъ повторяли эту дикую забаву и бились между собою объ закладъ, чей ножъ глубже войдетъ въ тѣло.

Никто изъ присутствующихъ не думалъ прервать ужасающую сцену, но въ это время изъ толпы выступилъ неизвѣстный человѣкъ, который, быть можетъ, хотѣлъ принять участіе въ кровавой забавѣ или же движимый состраданіемъ рѣшилъ положить конецъ мученіямъ несчастной жертвы. Онъ сразу вонзилъ свой ножъ въ горло Андроника до самой рукоятки.

Ударъ былъ смертельный. Послышалось легкое хрипѣніе; дважды дрогнуло обезображенное тѣло. Въ эти послѣднія минуты предсмертныхъ судорогъ, Андроникъ машинально поднялъ свою изуродованную руку, изъ которой сочилась кровь, и прильнулъ къ ней губами.

— Смотрите, смотрите!—крикнулъ одинъ изъ стоявшихъ возлѣ мясниковъ:—онъ все еще жаждетъ крови и, за неимѣніемъ чужой, пьетъ собственную кровь!

Андроника не стало; этого было достаточно, чтобы утихла ярость толпы. Зрители мало-по-малу начали расходиться по домамъ; многіе, уходя, бросали послѣдній торжествующій взглядъ на жертву народной мести. Въ обширномъ Ипподромѣ водворилась мертвая тишина.

Безжизненный трупъ Андроника висѣлъ у каменныхъ столбовъ. Смолкли навсегда уста человѣка, обладавшаго желѣзной волей, потухъ ясный проницательный взоръ; обнаженное тѣло могущественнаго государя, носившаго пурпуровую мантію византійскихъ императоровъ, осталось одинокимъ на площади. Властелинъ, сдѣлавшій столько зла на землѣ, получилъ достойное возмездіе за свои дѣянія.

Нѣсколько дней спустя, безформенный, полусгнившій трупъ Андроника былъ снятъ съ висѣлицы, по приказанію императора Исаака, и погребенъ въ оградѣ Цевксипскаго монастыря.

Здѣсь нѣтъ ни памятника, ни надгробной надписи, по которой можно было бы отыскать мѣсто, гдѣ покоится долгимъ сномъ вѣчности Андроникъ Комненъ.

КОНЕЦЪ.

ла д
ами;
а ж
жг

хъ
ині
ты
иаг
тел
езд

г
ера

ис
ъ г